Фридрихъ фонъ-Гельвальдъ.

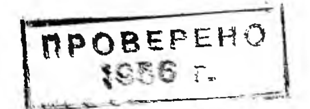
ЗЕМЛЯ И ЕЯ НАРОДЫ

Переводъ съ послѣдняго нѣмецкаго изданія,

въ 4-хъ томахъ,

подъ редакціей **Ф. Груздева**,

Редактора журнала «Природа и Люди».



ТОМЪ III.

ЖИВОПИСНАЯ ЕВРОПА.

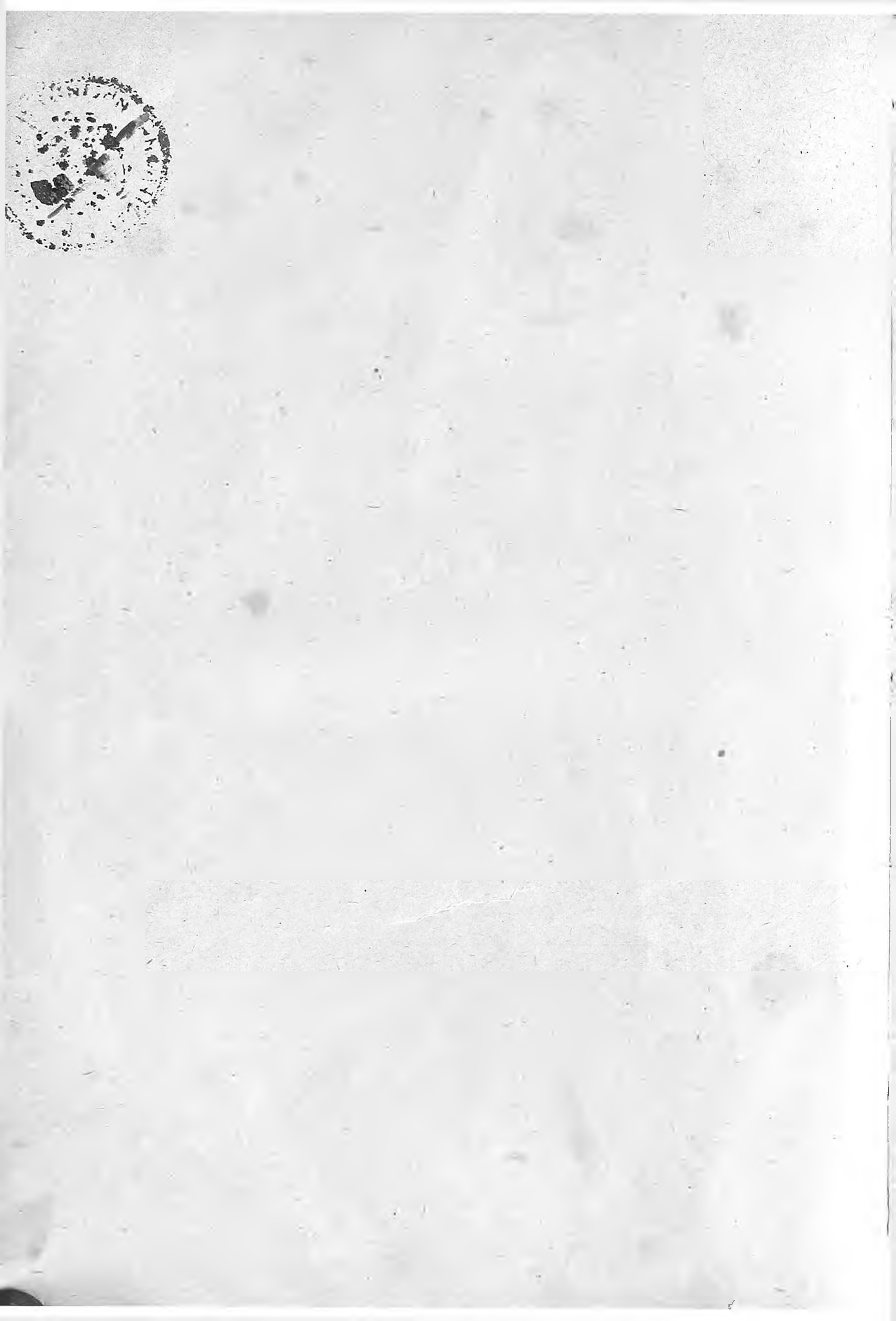
(Съ картою и рисунками).

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
Изданіе П. П. Сойкина
12, СТРЕМЯННАЯ, 12.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 20 ноября 1898 г.

Типографія П. П. Сойкина, Стремянная ул., собств. д., № 12.

ЕВРОПА



Общій обзоръ.

Изъ окрестностей Цеуты, самаго сѣвернаго города Африки, ясно видны очертанія европейскаго берега. Африка, связанная на востокѣ со старымъ континентомъ лишь узкимъ перешейкомъ, здѣсь, на сѣверѣ, отдѣляется отъ него лишь узкимъ Гибралтарскимъ проливомъ,— древними «Столбами Геркулеса». Эта, расположенная на сѣверъ отъ Африки, часть стараго свѣта и есть Европа, *наша* часть свѣта; она заселена высококультурными народами, и отсюда подобно солнечнымъ лучамъ, во всѣ стороны распространилась цивилизація по землѣ, называемой нами, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, міромъ. По отношенію къ Азіи, этому древнему, иначе—восточному континенту, Европа представляетъ лишь сильно выдающійся полуостровъ. Она связана съ нею широкою полосою земли, чѣмъ и затрудняется точное разграниченіе этихъ

двухъ частей свѣта между собою. И хотя географической границей между Европой и Азіей служитъ хребетъ Уральскихъ горъ, которыя тянутся съ сѣвера на югъ въ меридіональномъ направленіи, но, благодаря отлогимъ скатамъ этихъ горъ, переходъ чрезъ нихъ едва замѣтенъ, а въ окружающей природѣ и населеніи глазъ не замѣчаетъ никакой существенной разницы между западнымъ—европейскимъ и восточнымъ — азіатскимъ склонами, такъ что положеніе Урала совершенно не было принято въ разсчетъ при разграниченіи русскихъ губерній, которыя изъ области Европейской Россіи простираются и за Уралъ, въ область Азіи.

По пространству Европа—одна изъ самыхъ маленькихъ частей свѣта; въ этомъ отношеніи ее превосходитъ только материкъ Австраліи. По послѣднему планиметрическому измѣренію, произведенному русскимъ генераломъ Стрѣльбицкимъ, Европа, включая сюда Исландію и острова въ окрестностяхъ Даніи, занимаетъ площадь всего лишь въ 10.016,281 кв. километровъ. Зато ни одна часть свѣта не можетъ спорить съ Европой ни въ отношеніи разнообразія въ строеніи поверхности, ни въ красотѣ очертаній. Первое, въ связи съ превосходнымъ географическимъ положеніемъ нашего материка, который почти весь находится въ сѣверномъ умѣренномъ поясѣ, способствуетъ счастливому разнообразію продуктовъ, а очертаніе береговъ благопріятствовало возникновенію многихъ культурныхъ пунктовъ, развитіе которыхъ обезпечено сильною разчлененностію Европы. Нигдѣ нельзя указать столь законченнаго образованія полуострововъ, какъ именно на Европейскомъ континентѣ, въ которомъ лишь восточная часть материка совсѣмъ не изрѣзана морями. Востокъ равномѣрно заселенъ славянскою расою—русскими, а прочія націи распредѣляются по тѣсной территоріи остальной Европы. Наиболѣе плотно населеніе въ такъ называемой средней Европѣ, гдѣ первое мѣсто занимаютъ племена, говорящія на нѣмецкомъ языкѣ; югъ и западъ отличаются замѣчательною расчлененностью и потому съ давнихъ поръ были наиболѣе удобной почвой для развитія и сохраненія цивилизаціи. Дѣйствительно, южные полуострова Европы: Пиринейскій, или Иберійскій, Итальянскій и Иллирійскій, или Греко-турецкій пользуются гораздо большимъ значеніемъ, чѣмъ сѣверные—датскій и скандинавскій, которые вступили въ культурную жизнь сравнительно очень поздно. Даже южный полуостровъ Крымъ, на Черномъ морѣ, имѣетъ свое имя въ исторіи, какъ нѣкогда самостоятельное государство, тогда какъ большіе полуострова на сѣверѣ Россіи, Кола и Канинъ, извѣстны лишь по учебникамъ географіи. Къ тому же они далеко не обладаютъ такою рельефностью и индивидуальностью, какъ названные три полуострова на югѣ Европы, который, въ этомъ отношеніи, представляетъ замѣчательный контрастъ съ монотонными очертаніями береговъ Сѣверной Африки.

Между Африкой и Европой разстилается голубое Средиземное море. Если бы это море не соединялось, при помощи Гибралтарскаго пролива, съ водами Атлантическаго океана, то оно уже давно бы высохло, превратившись въ рядъ жалкихъ соленыхъ озеръ, и только сѣверо-восточная часть его, питающаяся водами

Чернаго моря или Понта,—спаслась бы отъ неизбѣжнаго превращенія въ пласты соли. Средиземное море похоже на мѣшокъ съ двумя открытыми концами, который повидимому наполняется водою съ обѣихъ сторонъ. Восточный бассейнъ Средиземнаго моря, такъ называемое Эгейское море, находящійся между Европою и Малою Азіею, посредствомъ Дарданельскаго пролива соединяется съ Мраморнымъ моремъ, а это, въ свою очередь, чрезъ волшебно-красивый Босфоръ находится въ связи съ Понтомъ. Излишекъ воды въ Черномъ морѣ, изливаясь въ Средиземное, вызываетъ въ Босфорѣ и Дарданеллахъ сильное теченіе, которое прекращается лишь при сильномъ южномъ вѣтрѣ. Въ Гибралтарскомъ же проливѣ теченіе гонитъ воду изъ Атлантическаго океана въ Средиземное море почти безпрерывно. Но въ глубинѣ этихъ двухъ, питающихъ Средиземное море протоковъ, вода движется въ обратномъ направленіи, потому что иначе Черное море давно бы стало прѣсноводнымъ, а Средиземное—горько-соленымъ. Эти два нижнія теченія уносятъ изъ Средиземнаго моря болѣе тяжелую соленую воду и тѣмъ способствуютъ равномѣрности въ распредѣленіи здѣсь соли. По своей глубинѣ Средиземное море раздѣляется на двѣ неравныя части:—меньшую западную, глубина которой достигаетъ 3,730 метровъ и большую, восточную, гдѣ на Ю.-З. отъ Пелононеса, морское дно опускается до глубины 4,400 метровъ. Общая поверхность Средиземнаго моря равняется 290,000 квадр. килом., а объемъ воды его—390,000 куб. килом. Это—настоящее внутреннее море, которое мы можемъ назвать въ полномъ смыслѣ слова культурнымъ моремъ, мостомъ, соединяющимъ націи сѣвера и юга, востока и запада. До настоящаго времени ни одно море не играло болѣе блестящей и болѣе важной роли въ исторіи человѣчества. Къ тому-же его волны омываютъ цѣлый рядъ чудныхъ островов, большихъ и малыхъ, расположенныхъ то въ одиночку, то группами. Такъ, слѣдуя съ З. на В., мы встрѣчаемъ группу Балеарскихъ островов, два большихъ острова Корсику и Сардинію, раздѣленныхъ лишь узкимъ проливомъ св. Бонифація, около западнаго берега Италіи—Тосканскіе и Неаполитанскіе острова, далѣе на югъ—вулканическаго происхожденія Липарскіе острова и древнюю житницу Италіи, Сицилію; наконецъ, еще далѣе къ югу лежитъ группа Мальтійскихъ островов. Далеко на сѣверъ врѣзавшійся въ материкъ неглубокій заливъ Средиземнаго моря, называемый Адріатикой или Адріатическимъ моремъ, по восточному своему берегу также усѣянъ островами; здѣсь мы находимъ Іоническіе и Далматскіе острова, при чемъ послѣдніе считаются остаткомъ затопленной или опустившейся въ море части материка. То-же самое можно сказать о группѣ островов Эгейскаго моря, изъ которыхъ Цикладскіе, съ большимъ островомъ Кандіей, причисляются къ Европѣ, а Спорадскіе—къ Азіи. Въ Дарданеллахъ и Босфорѣ эти двѣ части свѣта такъ близко подходятъ одна къ другой, что упомянутые узкіе проливы, повидимому, скорѣе соединяютъ, чѣмъ раздѣляютъ ихъ, такъ что расположенный на азіатскомъ берегу, противъ Константинополя, Скутари можно расматривать какъ предмѣстье этой турецкой столицы. Глубокимъ бассейномъ Чернаго моря еще не

заканчивается область Средиземнаго моря: выступъ, образуемый Крымомъ, и полуостровъ Тамань раздѣленные Керченскимъ проливомъ, открываютъ путь въ неглубокое Азовское море. Наконецъ, на крайнемъ востокѣ, противъ Сирійскихъ береговъ, находится совершенно одинокій, большой островъ Кипръ.

Гораздо бѣднѣе островами европейская часть Атлантическаго океана. На всемъ протяженіи западнаго и сѣвернаго береговъ Пиринейскаго квадрата нѣтъ ни одного острова. Сѣверный берегъ этого полуострова отступаетъ назадъ, образуя почти прямой уголъ съ западнымъ берегомъ Франціи; здѣсь расположенъ бурный Бискайскій заливъ. И здѣсь мы встрѣчаемъ лишь немного незначительныхъ острововъ, пока, наконецъ, слѣдуя вдоль западнаго берега Европы, не достигнемъ, у Ламанша, группы Британскихъ острововъ. Несомнѣнно, что эти острова представляютъ собою часть европейскаго материка, потому что въ сравнительно недавній геологическій періодъ они находились съ нимъ въ тѣсной связи; это доказывается, между прочимъ, тѣмъ обстоятельствомъ, что виды животныхъ и растеній Англіи лишь въ немногихъ случаяхъ уклонились отъ родственныхъ имъ видовъ материка. Къ тому же Британскіе острова расположены на очень мелкомъ морѣ, покрывающемъ подводное плато, которое тянется къ востоку и отчасти отдѣлено отъ Скандинавіи глубокою бороздою. На этомъ плато поднимаются Британскіе острова съ другими сосѣдними островами Ламанша и Уайтомъ на югѣ, островами Ирландскаго моря, группой острововъ Гебридскихъ и Оркнейскихъ. Къ упомянутому плато принадлежатъ также Шетландскіе острова, а на востокѣ—Датскій полуостровъ, или Югландія, который нѣкогда составлялъ одно цѣлое съ Великобританіей. Если бы часть Атлантическаго океана, находящаяся между Великобританіей и Скандинавіей, которую мы называемъ Сѣвернымъ моремъ, внезапно высохла, то дно ея было бы похоже на степь, покрытую холмами, размѣра среднихъ дюнъ. Лишь въ послѣ-ледниковый періодъ произошло вторженіе Сѣвернаго моря и образованіе Ламанша, который разорвалъ связь Англіи съ европейскимъ континентомъ, навсегда отдѣливъ ее отъ Европы. Еще въ историческія времена Сѣверное море непрерывно работало надъ преобразованіемъ опускавшихся тамъ береговъ Европы, такъ какъ всего лишь 12 января 1277 г. Доллартъ вторгся въ Фрисландію, и цѣлое столѣтіе было свидѣтелемъ образованія голландскаго Зюдерзее, которое энергичные голландцы думаютъ вновь осушить и присоединить въ качествѣ 12-й провинціи къ своему отечеству. Сѣверное море, на языкѣ датчанъ—западное, въ миніатюрѣ повторяетъ роль Атлантическаго океана, исполняемую имъ на югѣ Европы; подобно этому океану, оно находится въ связи съ восточнымъ, хотя и менѣе значительнымъ, внутреннимъ моремъ. Хотя Скагерракъ и Каттегатъ, отдѣляя расположенный на сѣверъ полуостровъ Ютландію отъ обращенной на югъ Скандинавіи, и заполнены множествомъ датскихъ острововъ, но Бельтъ и Зундъ ведутъ среди нихъ въ обширный бассейнъ мелкаго малосоленаго и поэтому легко замерзающаго зимою Восточнаго, или Балтійскаго моря. Большая часть поименованныхъ остро-

вовъ, въ томъ числѣ—Рюгенъ, около нѣмецкихъ береговъ, датскій Борнгольмъ, шведскіе Эландъ и Готландъ, затѣмъ русскіе Эзель и Даго и также русскій Аландскій архипелагъ дѣлаютъ Восточное море до извѣстной степени богатымъ островами. На востокѣ Балтійское море образуетъ два значительныхъ залива—Рижскій и Финскій; въ глубинѣ послѣдняго находится русская столица, С.-Петербургъ; расположенный на сѣверѣ, за группою Аландскихъ острововъ, заливъ носитъ названіе Ботническаго. Въ этой сѣверной части Европы находятся своеобразныя образованія—фіорды и шхеры, находящіяся какъ на сторонѣ Балтійскаго моря, такъ и на сторонѣ Атлантическаго океана. Въ наиболѣе рѣзкой формѣ мы находимъ эти образованія на западномъ, атлантическомъ побережьи Норвегіи, гдѣ вдоль всего берега тянется безчисленное множество острововъ и между ними—Лафоденскіе. Среди океана, не имѣя никакой географической связи съ Европой, хотя и причисляемые къ ней, одиноко стоятъ Фарерскіе о-ва и вулканическій островъ Исландія,—родина сагъ, языка и обычаевъ древнихъ германцевъ. Одинъ изъ самыхъ сѣверныхъ мысовъ этого острова простирается до сѣвернаго полярнаго круга, который также касается сѣвера Скандинавіи и Россіи. Самый сѣверный пунктъ Европы—Нордкапъ; берега этой арктической области нашей части свѣта омываются Сѣвернымъ Ледовитымъ океаномъ, который образуетъ въ южной своей части огромный заливъ — Бѣлое море и омываетъ много острововъ, между которыми встрѣчаются очень значительные по своимъ размѣрамъ. Такъ какъ наиболѣе замѣчательные изъ нихъ, во главѣ съ Шпицбергеномъ, находятся въ арктической области и почти не имѣютъ ничего общаго съ Европой, съ которой ихъ такъ стараются связать, то здѣсь мы опустимъ ихъ изъ вида и разсмотримъ въ особомъ отдѣлѣ, посвященномъ полярному міру.

От разсмотрѣнія нашей части свѣта въ горизонтальномъ направленіи перейдемъ къ разсмотрѣнію ея въ вертикальномъ. А. Гумбольдтъ въ 1834 году опредѣлилъ среднюю высоту Европы надъ уровнемъ моря въ 205 метровъ и, основываясь на своихъ вычисленіяхъ, нашелъ, что Европа—самый низкій изъ всѣхъ континентовъ. И хотя теперь Густавъ Лейпольдъ (G. Leipoldt), а вслѣдъ за нимъ и многіе другіе, на основаніи большаго числа изслѣдованій и при помощи болѣе точнаго метода, повысили указанную Гумбольдомъ цифру до 300 метр. и даже болѣе, тѣмъ не менѣе мы должны охарактеризовать Европу, какъ материкъ низменный. Конечно, и здѣсь очень часто встрѣчаются чередованія возвышенностей и низменностей, горъ и долинъ, со всѣми переходами отъ одной формы къ другой, но въ общемъ большая часть Европы, почти $^2/_3$ ея, заняты низменностью, и только $^1/_3$ представляетъ собою возвышенность. Большой контрастъ замѣчается между рельефомъ южной и западной Европы—съ одной стороны и скандинавско-русскаго востока—съ другой. Географическія и геогностическія карты согласно свидѣтельствуютъ о томъ, что Ю.-З. обладаетъ гораздо большею расчлененностью и неровностями, чѣмъ В., который представляетъ собою почти сплошную низменность. Ограниченная съ запада и сѣвера моремъ, евро-

пейская низменность тянется до Азіи, гдѣ къ ней примыкаютъ степныя пространства Западной Сибири и сѣверной части центральной Азіи, почти ненарушаемыя Ураломъ. Сѣверная Германія и все пространство на востокъ отъ Карпатовъ до низовьевъ Дуная принадлежатъ къ низменности, а благодатная Венгерская равнина тянется даже на западъ отъ Карпатовъ, вплоть до восточныхъ отроговъ Альпъ. Въ то время, какъ на Ю.-З. трезубецъ Посейдона на разные лады исщепалъ и изогнулъ материкъ, взгромоздивъ другъ на друга котловины и сѣдловины горъ, а плутоническія силы снова сдвинули вмѣстѣ и заполнили трещины, на востокѣ, по ту сторону базальтоваго Аннаберга, около Оппельна, нѣтъ и слѣдовъ новѣйшихъ горныхъ породъ вулканическаго происхожденія, и лишь въ кавказскихъ горахъ мы встрѣчаемъ новѣйшія вулканическія изверженія. Первое, рѣзко выраженное большое измѣненіе въ рельефѣ, мы встрѣчаемъ въ Уральскихъ горахъ, которыя въ видѣ складки тянутся на протяженіи свыше 2,000 килом. занимая почти 20° широты. Между большими скандинавско-финскими глыбами, состоящими изъ массивныхъ и сланцевыхъ образованій на С., Уральскими краевыми горами на В., Кавказомъ на Ю., и Подольскимъ гранитнымъ плато на Ю.-З. тянутся въ Россіи въ видѣ громадной геогностической котловины ряды слоевъ; эти слои сохранились очень хорошо, такъ что горизонтальныя отложенія глины Кэмбрійской формаціи на южномъ берегу Финскаго залива настолько мягки, что ихъ можно было бы принять за дилювіальныя, если бы положеніе этихъ пластовъ не указывало на ихъ глубокую древность.

Что касается изломовъ и складокъ поверхности въ Ю.-З. Европѣ, то они расположены въ нѣсколькихъ, вполнѣ опредѣленныхъ направленіяхъ и, какъ это ни странно, не имѣютъ ничего общаго съ формою континента. На западѣ Европы, на всѣхъ полуостровахъ, исключая Ютландію, и на самыхъ большихъ островахъ поверхность большею частью гориста; въ центрѣ же материка величественнымъ валомъ возвышается вѣнецъ Альпійскихъ горъ, къ которымъ примыкаютъ простирающіеся вдоль всей Италіи Аппенины. Какъ бы ни казался намъ мощнымъ и величественнымъ міръ Альпъ съ его громадными глетчерами, когда упоенный глазъ созерцаетъ его у подошвы швейцарскихъ горныхъ великановъ, географъ, во всякомъ случаѣ, долженъ помнить, что это—миніатюра тѣхъ горныхъ цѣпей, которыя находятся въ другихъ частяхъ свѣта. Занимая ограниченное пространство, Европа представляетъ въ уменьшенномъ масштабѣ всѣ прелести, которыя встрѣчаются на земномъ шарѣ; у насъ нѣтъ не только высочайшихъ горныхъ вершинъ, но также и исполинскихъ рѣкъ, гигантскихъ формъ въ растительномъ и животномъ царствахъ; мы не знаемъ также и крайностей климата и температуры. Зато въ Европѣ почти нигдѣ не встрѣчается той чахлости, какая замѣчается, напр., въ старомодной природѣ Австралійскаго континента, въ ея неподвижномъ и текучемъ элементахъ, въ мірѣ одушевленныхъ и неодушевленныхъ предметовъ. Однимъ словомъ, въ Европѣ все въ мѣру, и во взаимодѣйствіи всѣхъ естественныхъ условій, приводящихъ къ такому результату,

находится разгадка той тайны, — почему именно нашей части свѣта и только ей одной суждено было стать ареною высочайшей духовной дѣятельности человѣка. Поэтому мы не должны быть обезкуражены тѣмъ обстоятельствомъ, что высота Монблана, котораго мы считаемъ царемъ между ледяными князьями Альпійскаго міра, въ Азіи достигается, напр., Тибетскимъ плато и «кровлей міра», т. е. Памирскою возвышенностью, и что въ С.-Америкѣ, на Пунахъ, расположены населенные города почти на той же высотѣ, гдѣ у насъ высятся твердые зеленые льды глетчеровъ и гдѣ нѣтъ и слѣда органической жизни. Однако, и въ томъ видѣ, какъ она есть, цѣпь Альпійскихъ горъ представляетъ собою могучую твердыню, предъ которою на З., С. и В. расположены вѣнцомъ Среднія горы, именно французскія и нѣмецкія Среднія горы. На югѣ въ видѣ самостоятельной горной массы поднимаются возвышенности Иберійскаго полуострова, Пиринеи, въ то время какъ системы Карпатовъ, Балканъ, или Гемуса и Пинда на Иллирійскомъ треугольникѣ генетически примыкаютъ къ мощнымъ Альпамъ и чрезъ Крымъ и острова Эгейскаго моря вступаютъ въ тѣсную связь съ азіатскими горными кряжами. Горы сѣверной Европы, Англіи и Шотландіи, Скандинавіи и Урала стоятъ опять-таки изолированно отъ другихъ горныхъ системъ.

На хребтахъ европейскихъ горъ берутъ свое начало многочисленныя рѣки, которыя обезпечиваютъ нашей части свѣта обильное и чрезвычайно выгодно распредѣляемое орошеніе. По длинѣ и количеству воды рѣки Европы, конечно, не могутъ соперничать съ рѣками Америки, Африки и Азіи; замѣтимъ, что даже отецъ-Рейнъ уступаетъ въ размѣрахъ многимъ американскимъ береговымъ рѣкамъ. Зато европейскія рѣки, благодаря своему извилистому теченію, орошаютъ гораздо большія пространства; каждая европейская рѣка дѣлаетъ много поворотовъ и излучинъ; такъ что у насъ едва ли можно встрѣтить такое прямое русло, каково, напримѣръ, русло Гудсона или Коннектикута. Далѣе, естественно, что рѣки возрастаютъ въ числѣ и величинѣ по направленію съ З. на В., такъ что востокъ Европы обладаетъ болѣе обильнымъ орошеніемъ, чѣмъ западъ. Такъ, самая большая рѣка Европы, Волга—вмѣстѣ съ тѣмъ и самая восточная, слѣдовательно ближайшая къ Азіи. Чѣмъ дальше на востокъ, тѣмъ болѣе азіатскій характеръ принимаетъ Европа, и тѣмъ очевиднѣе, что она есть лишь умственно отдѣляемый отъ Азіи отрѣзокъ ея, но что въ дѣйствительности она неразрывно связана съ послѣдней.

Съ приближеніемъ къ востоку пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе азіатскій характеръ также и люди. Если считать европеизмъ равнозначущимъ съ нравственнымъ развитіемъ, культурою, образованіемъ, цивилизаціею, то западъ заселенъ европейцами въ собственномъ смыслѣ этого слова. Ихъ языкъ, литература, умственная дѣятельность и исторія ставятъ поперемѣнно во главѣ націй то англичанъ, то французовъ, то испанцевъ и на долгое время обезпечиваютъ имъ почетное мѣсто. Сюда присоединяются итальянцы и нѣмцы съ родственными имъ племенами, которыя и замыкаютъ собою рядъ болѣе древнихъ въ культурномъ от-

ношеніи народовъ. Отсюда цивилизація постепенно распространяется на востокъ, гдѣ болѣе юныя, въ смыслѣ развитія и культуры, славянскія племена передаютъ воспринятые ими зародыши этой культуры далѣе на востокъ. На границѣ Европы. гдѣ она сливается съ Азіей, живутъ люди, стоящіе на еще болѣе низкой степени культуры и чуждые намъ по крови.

Всѣ культурные народы Европы, за исключеніемъ немногихъ, примѣшавшихся къ нимъ, этническихъ элементовъ, родственны между собою по происхожденію, языку и обычаямъ, и принадлежатъ къ той семьѣ народовъ, которую называютъ арійскою или индогерманскою. Въ Азіи членами этой же семьи являются персы и индусы, обыкновенно называемые восточными арійцами; ихъ первоначальная родина еще не вполнѣ опредѣлена. Въ Западной Европѣ западный аріецъ появился довольно поздно, и многіе думаютъ, что замѣчательное пиринейское племя Басковъ представляетъ собою остатокъ этихъ первыхъ поселенцевъ Европы. Откуда началось это арійское передвиженіе, — до сихъ поръ вполнѣ не опредѣлено. По довольно распространенному мнѣнію, этотъ исходный пунктъ слѣдуетъ искать на азіатской возвышенности, другіе же утверждаютъ, что онъ находится въ восточно-европейской равнинѣ. Какъ бы то ни было, но отъ первой арійской волны, разлившейся по западной Европѣ, отъ многочисленнаго нѣкогда племени Кельтовъ, имѣются лишь скудные слѣды. Большая часть современныхъ намъ націй принадлежитъ къ тремъ великимъ подраздѣленіямъ западныхъ арійцевъ, извѣстнымъ подъ названіемъ романскихъ, германскихъ и славянскихъ племенъ. Ѳракійско-иллирійская группа арійцевъ сохранилась еще среди грековъ и албанцевъ. Всѣ современные европейцы — смѣшанный народъ, т. е. они восприняли и болѣе или менѣе ассимилировали элементы первобытныхъ обитателей. Гдѣ эта ассимиляція достигла наибольшаго совершенства, какъ, напр., у романской вѣтви, тамъ мы находимъ и наиболѣе раннюю и наиболѣе высокую культуру. Движенію историческаго развитія соотвѣтствуетъ и географическое распредѣленіе романскихъ, германскихъ и славянскихъ племенъ отъ З. къ В. Современный славянскій міръ отчасти еще занятъ процессомъ усвоенія чуждыхъ ему элементовъ, процессомъ, который романскими племенами давно уже оконченъ, и заканчивается германскими. Всѣ неарійскія племена Европы,—а ихъ къ счастію немного,—находятся на самой низшей стадіи развитія культуры, которая у нихъ тѣмъ ниже, чѣмъ чище ихъ кровь, т. е. чѣмъ менѣе они смѣшались со своими сосѣдями арійцами. Кромѣ вышеупомянутыхъ басковъ заслуживаютъ вниманія еще финско-угрскія племена. Одни изъ нихъ, лапландцы, полярный народъ, живутъ въ сѣверной части Скандинавіи и Россіи почти въ первобытномъ еще состояніи, какъ и угрскія орды самоѣдовъ, блуждающія по тундрамъ арктической Россіи. Нѣкогда многочисленныя финскія племена большею частію поглощены арійцами—русскими славянами и вступили въ цивилизованную жизнь окружающей ихъ страны. Ближайшіе родственники ихъ въ Европѣ—мадьяры, или венгры, и турки, изъ которыхъ послѣдніе сохранили свою первобытную грубость, а первые, облагороженные приливомъ

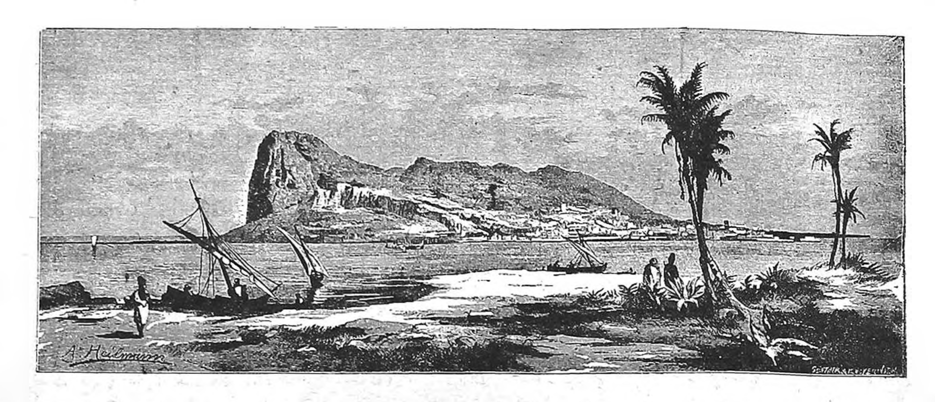
арійской крови, лишь по языку обнаруживаютъ свое родство съ финнами и турко-татарскими племенами. Представителями семитической вѣтви являются евреи, разбросанные повсюду между арійцами.

Европейцы связаны между собою, какъ происхожденіемъ, такъ и единствомъ религіозныхъ вѣрованій. Всѣ они находятся подъ благословеніемъ христіанства, равно какъ и тѣ инородные элементы, которые вступили въ близкія отношенія съ арійцами. Первоначально семитическое христіанство является религіей арійцевъ par excellence, причемъ каждая изъ трехъ главныхъ арійскихъ группъ выработала свою особую форму христіанства: романскія націи—католицизмъ, германскія—протестантство, славяне — православіе, которое исповѣдуютъ также и греки. Но такъ какъ границы между народностями еще не составляютъ границъ для идей, то между этими формами религій замѣчаются разнообразные переходы; такъ, существуютъ романскіе протестанты, а среди германцевъ и славянъ есть католики. Различныя секты Германіи и славянства, не измѣняющія общей культурной физіономіи Европы, могутъ быть обойдены молчаніемъ. Кромѣ христіанства, мы встрѣчаемъ въ Европѣ, у турокъ, исламъ, а среди поселившихся въ юго-восточной Россіи калмыковъ буддизмъ. Іудеи въ большинствѣ держатся своего древняго культа Іеговы. Если сравнить географическое расчлененіе Европы съ распредѣленіемъ ея народовъ, то мы легко убѣдимся въ существованіи самостоятельныхъ географическихъ индивидуумовъ, которыхъ слѣдуетъ разсматривать въ связи съ ихъ обитателями и созданными ими государствами.

Иберійскій, или Пиринейскій полуостровъ.

На крайнемъ западѣ Европы находится Иберійскій полуостровъ; это—почти квадратный, нерасчлененный материкъ, отдѣляющійся отъ Европейскаго материка высокимъ хребтомъ Пиринеевъ. Мысъ Рока около устья рѣки Тахо выдается здѣсь, какъ самый западный выступъ Европы, въ Атлантическій океанъ. Весь этотъ полуостровъ, уступая по величинѣ только Скандинавскому, распредѣленъ между двумя неравными по величинѣ государствами, Испаніей и Португаліей. Южная оконечность полуострова, Punta Marroqui, около Тарифа, находится почти какъ разъ на 36° сѣв. шир. и отсюда, по направленію къ сѣверу, длина Иберійскаго четырехугольника достигаетъ 820 километровъ; почти такое же пространство занимаетъ полуостровъ и по направленію съ запада (мысъ Рока) на востокъ (мысъ де-ля-Нао).

Чтобы составить правильное понятіе объ устройствѣ поверхности Иберійскаго полуострова, мы должны представить его въ видѣ массивной, поднявшейся изъ моря глыбы земли. Этотъ полуостровъ есть не что иное, какъ обширная плоская возвышенность, на которой, сверхъ того, поднимаются различные горные хребты. Низменность занимаетъ лишь около $^1/_{18}$ всей поверхности и огра-



Гибралтаръ.

ничивается узкими береговыми линіями, ложбинами въ низовьяхъ рѣкъ и долинами Эбро и Гвадалквивира. Еслибы море поднялось выше настоящаго уровня на 130—160 метровъ, то вторгнувшійся въ материкъ заливъ покрылъ бы эти долины, а весь полуостровъ обратился бы въ настоящій островъ, въ сѣверной части котораго Пиринеи отвѣсно опускались бы къ морю. Дѣло въ томъ, что названная горная цѣпь, разъединяя Испанію и Францію, отдѣлена отъ сѣверныхъ возвышенностей обширною низменностью и потому въ орографическомъ отношеніи должна быть причислена къ Испаніи, съ возвышенностями которой она, кромѣ того, находится въ связи. Широко раскинувшаяся горная область полуострова прорѣзана четырьмя параллельными горными цѣпями; склоны ихъ отлоги по сѣверной сторонѣ и круты по южной. Эта горная область состоитъ изъ двухъ большихъ плоскихъ возвышенностей—Старокастильской и Новокастильской, причемъ отъ Андалузской равнины и между собою онѣ раздѣлены горами. Указанные горные хребты не составляютъ одного неразрывнаго цѣлаго, но расположены отдѣльными группами или цѣпями съ непрерывной боковой линіей. Сказанное относится не только къ Кастильскимъ и Андалузскимъ разграничительнымъ горамъ, къ Кантабрійской цѣпи на сѣверѣ, которую можно разсматривать, какъ западное продолженіе Пиринеевъ, но также и къ той береговой цѣпи, которая отдѣляетъ на югѣ Андалузскую равнину отъ Средиземнаго моря. На востокѣ плоскія возвышенности Испаніи переходятъ въ горную страну, которая, въ свою очередь, составлена изъ отдѣльныхъ группъ и находится въ связи съ высокими горами южнаго берега Испаніи. Въ этой восточной горной области находится средоточіе рѣчныхъ истоковъ, водораздѣлъ, откуда текутъ на В. и на З. почти всѣ рѣки полуострова. Такъ какъ этотъ водораздѣлъ находится довольно близко къ восточнымъ берегамъ, омываемымъ Средиземнымъ моремъ, то, понятно, на этой сторонѣ нельзя ожидать ни большого развитія плоскогорій, ни значительныхъ рѣкъ. Только на сѣверѣ, между Пиринеями и упомянутою областью истоковъ, разстилается широкая Аррагонская низменность, пересѣкаемая могучимъ Эбро, ко-

Испанія.—Туннель между Мирандой и Бургосомъ.

торый, въ видѣ исключенія, беретъ свое начало на Кантабрійскихъ горахъ. Южнѣе Аррагоніи можно отмѣтить еще двѣ небольшія плоскія возвышенности—Куэнка и Мурція; первая орошается Гвадалквивиромъ и Хукаромъ, а вторая—Сегурою. Горная область, образующая водораздѣлъ, по существу своему, ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться горною цѣпью, а просто лишь возвышенною мѣстностью, которая мѣстами поднимается до значительной высоты; начинаясь у истока Эбро, она продолжается полукругомъ на востокѣ и идетъ на югъ до мыса Марокки, такъ что Сіерра Невада, отрѣзокъ южно-андалузскихъ береговыхъ горъ, составляетъ часть этой области. Большія, отлогія по западной сторонѣ, плоскія возвышенности, въ свою очередь, орошаются рѣками, среди которыхъ, благодаря орографическимъ условіямъ, находятся самыя значительныя рѣки полуострова. Онѣ впадаютъ въ Атлантическій океанъ, начинаясь на испанской территоріи, такъ какъ Португалія занимаетъ сравнительно узкую береговую полосу. Миньо, самая сѣверная и наименьшая изъ этихъ рѣкъ, уклоняясь отъ своихъ южныхъ товарищей, беретъ начало въ Астурійскихъ горахъ, въ Галиціи, тогда какъ первыя, напр., Дуэро (по португ. Дуро), Тахо (порт. Тэхо), Гвадіана и Гвадалквивиръ (отъ арабскаго Вади эль кебиръ—«большая рѣка») начинаются въ Иберійской горной области. Всѣ эти рѣки текутъ параллельно горнымъ хребтамъ, а такъ какъ онѣ находятся влѣво отъ водораздѣла, то—въ юго-западномъ направленіи. Эбро и рѣки, находящіяся вправо отъ водораздѣла, текутъ въ направленіи юго-восточномъ. Очень немногія изъ нихъ судоходны, и то на небольшомъ протяженіи, въ низовьяхъ. Наряду съ перечисленными рѣками, у которыхъ нѣтъ недостатка въ притокахъ, въ Португаліи и въ сѣверной части Кантабрійской цѣпи имѣется значительное количество короткихъ береговыхъ рѣкъ; изъ нихъ заслуживаетъ упоминанія лишь Бидассоа,—рѣчка, пограничная съ Франціею. Исключая нѣсколько береговыхъ соленыхъ озеръ, на полуостровѣ не замѣчается сколько-нибудь значительныхъ стоячихъ водъ.

Изъ сказаннаго слѣдуетъ, что Иберійскій полуостровъ можно раздѣлить мысленно-проведенною съ С. на Ю. линіею на двѣ неравныя части: большую—западную и меньшую—восточную. Въ составъ послѣдней цѣликомъ входятъ пограничныя Пиринейскія горы, образующія не только наиболѣе массивный кряжъ Испаніи на непрерывномъ протяженіи въ 368 килом.,—отъ Средиземнаго моря вплоть до Бискайскаго залива,—но и занимающія одно изъ видныхъ мѣстъ среди Европейскихъ горъ вообще. Послѣ Кавказа и Альпъ въ Европѣ нѣтъ другой болѣе мощной горной цѣпи, чѣмъ Пиринеи. Высочайшія точки Пиринеевъ ниже альпійскихъ, но зато гребень ихъ выше, такъ что чрезъ Пиринеи существуютъ лишь два пути, на концахъ этихъ горъ, около Ируна—на западѣ и къ сѣверу отъ Героны—на востокѣ.

Хотя Кантабрійско-астурійская горная система въ геологическомъ и орографическомъ отношеніи можетъ считаться продолженіемъ Пиринеевъ, но мы будемъ держаться общепринятаго воззрѣнія, считая Пиринеями лишь тѣ горы, которыя лежатъ между мысомъ

Креуцъ и Бискайскимъ заливомъ. Въ этихъ собственныхъ Пиринеяхъ различаютъ только двѣ цѣпи — атлантическую и средиземную; онѣ идутъ отъ обоихъ береговъ навстрѣчу другъ другу, затѣмъ, встрѣтившись, нѣкоторое время идутъ параллельно, потомъ соединяются и образуютъ долину Валь д'Арранъ, откуда беретъ начало Гаронна. На востокѣ средиземная цѣпь прерывается въ Col de la Perche и это замѣчательное углубленіе, или, вѣрнѣе, узкая плоская возвышенность, какъ діоганальная долина, такъ же характерна для Пиринеевъ, какъ продольная долина Роны, или передняго Рейна — для Альпъ. Но чѣмъ отличаются Пиринеи отъ всѣхъ горныхъ возвышенностей, такъ это правильностью строенія, доходящей до однообразія. Сѣверный склонъ горъ характеризуется большими отрогами, которые, числомъ до семи, тянутся на пространствѣ 200—270 километровъ параллельно главной линіи; благодаря этимъ отрогамъ, рельефъ Пиринеевъ здѣсь гораздо сложнѣе, чѣмъ на южномъ, испанскомъ склонѣ, имѣющемъ почти исключительно вулканическое происхожденіе. Въ складкахъ отроговъ попадаются камни — продукты вулканическихъ изверженій; здѣсь же мы доселѣ еще находимъ термы и купанья, пользующіяся заслуженною славою еще со временъ римскаго владычества. Среди монотонныхъ возвышенностей Пиринеевъ безполезно искать живописныхъ альпійскихъ пейзажей. Къ тому же высочайшія вершины ихъ слишкомъ слабо выдѣляются надъ общимъ уровнемъ горъ, который, въ среднемъ, на 100 метровъ выше уровня Альпъ. Такимъ образомъ весь хребетъ представляется зубчатою, но нѣсколько однообразною цѣпью пиковъ, собственно „сіеррою". Это—цѣпь „Pyrenege", т. е. темныхъ вершинъ, большею частію безснѣжныхъ вслѣдствіе ихъ крутизны. Характерно то обстоятельство, что наиболѣе значительныя возвышенности находятся не въ центрѣ цѣпи, а рядомъ съ нею, на перпендикулярныхъ отрогахъ. Кряжъ Маладетта находится на югѣ отъ главной цѣпи, отдѣляясь отъ нея глубокою долиною Эссера (Bal de Benasque) и лишь на востокѣ соединяясь узкимъ хребтомъ. Здѣсь лежитъ высочайшая вершина Пиринеевъ, Пикъ д'Анету (3,402 метра), съ вершины котораго въ ясный зимній день видны оба моря. Также изолированно въ западной части долины Эссера поднимается нѣсколько меньшій по высотѣ пикъ Позетсъ, съ вершины котораго открывается видъ на весь горный хребетъ. Точно также въ сторонѣ отъ главнаго хребта лежитъ 4-ая вершина по счету въ системѣ горъ Монъ-Пердю (3,352 метра); наконецъ, подобнымъ же образомъ расположенъ Канигу (2,786 метр.), связанный со средиземною цѣпью горъ лишь скалистымъ хребтомъ; съ его вершины открывается чудный видъ на море между Монпелье и Барселоной. При недостаткѣ въ Пиринеяхъ продольныхъ обширныхъ долинъ, эти горы лишены и прелести, какую придаютъ обыкновенно горной странѣ большія озера. Лишь въ болѣе высокихъ областяхъ Пиринеевъ, въ дикомъ уединеніи горъ, покоится нѣсколько маленькихъ бассейновъ, которые питаются глетчерами и снѣжными полями, но большая часть ихъ круглый годъ покрыты льдомъ. Но и главная красота горъ, обширные и великолѣпные фирны и глетчеры, смѣняющіеся цвѣтущею растительностью, что въ Альпахъ составляетъ чудный контрастъ весны и зимы, окоченѣлаго сѣвера и пышно распускающагося юга,—все это въ Пиринеяхъ встрѣчается въ ограниченныхъ размѣрахъ. Равнымъ образомъ глетчеры или, какъ ихъ здѣсь называютъ—„Sernelhas", не спускаются такъ глубоко въ культурныя долины, какъ это мы замѣчаемъ въ Альпахъ. Поэтому и запасъ воды въ Пиринеяхъ гораздо меньше, и бассейнъ рѣкъ бѣднѣе. Пиринеи даютъ начало лишь одной большой рѣкѣ, Гароннѣ, которая течетъ во Франціи. Маленькія горныя рѣки, такъ называемыя „гавы", текутъ подъ большимъ уклономъ въ узкихъ долинахъ. Вообще въ Пиринеяхъ нѣтъ долинъ и естественныхъ широкихъ проходовъ; наиболѣе значительные изъ нихъ встрѣчаются лишь у восточныхъ и западныхъ пониженныхъ концовъ Пиринеевъ. Другіе проходы, — по-испански — „pasos" или „puertos", удобны только для пѣшеходовъ и, самое большее, — для вьючныхъ животныхъ. Въ то время какъ Альпы, благодаря своимъ естественнымъ многочисленнымъ проходамъ, содѣйствуютъ сообщенію между націями, Пиринеи до настоящаго времени являются въ этомъ отношеніи мѣстомъ преградъ и задержекъ.

Въ центральныхъ или иначе высокихъ Пиринеяхъ, въ той части ихъ, которая при полнотѣ и разнообразіи явленій, свойственныхъ высокимъ горамъ, по словамъ Риттера, составляетъ „величественный и прекрасный" вѣнецъ всей системы,—тамъ наше вниманіе приковывается образованіемъ, свойственнымъ исключительно Пиринеямъ, скалистыми амфитеатрами—„cirques", или „oueles". Этимъ названіемъ на простонародномъ языкѣ обозначаются котлообразныя пространства, которыми такъ величественно заканчиваются поперечныя долины. Наибольшей грандіозности эти амфитеатры достигаютъ на границѣ Испаніи и Франціи, въ известковомъ и мраморномъ хребтѣ Марборэ, около бѣдной пиринейской деревушки Гаварни (1,444 метра), которая пріобрѣла европейскую извѣстность благодаря своему скалистому амфитеатру, подобно тому, какъ скром-

ная Шамони прославилась благодаря Монблану и его исполинскимъ глетчернымъ потокамъ. Тотъ, кто знакомъ съ другими горами и не видалъ Пиринеевъ, можетъ предположить, что подобныя образованія встрѣчаются и въ другихъ мѣстахъ; однако, во всей, напр., области Альпъ имѣется только одно мѣсто, которое лишь приблизительно можно сравнить съ „цирками" Пиринеевъ,—это окруженная голыми стѣнами Даубенгорна и Платтенгорна долина Леукъ у прохода Гемми. Нельзя выразить словами то величественное, дѣйствительно торжественное впечатлѣніе, которое производитъ на зрителя это колоссальное созданіе природы своею чудовищною котловиною, возвышающимися къ небу неподвижными стѣнами, ослѣпительными глетчерами, увѣнчивающими ихъ зубцы, вѣчнымъ снѣгомъ, подобно пуховику покрывающимъ отвѣсные уступы, величественными водопадами, изъ которыхъ наибольшій свергается съ высоты 436 метровъ и которые издали кажутся бѣлымъ, тихо спущеннымъ съ черныхъ стѣнъ покрываломъ. Скалистыя стѣны лежащаго неподалеку, на востокъ отсюда цирка Трумузъ отличаются бо̀льшими размѣрами, но не такъ красивы, какъ вышеописанные.

Ландшафты восточной и западной части Пиринеевъ рѣзко разносятся между собою. Если Альпы, въ направленіи отъ С. къ Ю. отдѣляютъ германскую природу отъ полуденной, то путешественникъ, который движется вдоль Пиринеевъ съ З. на В., на небольшомъ сравнительно разстояніи и даже на одномъ и томъ же градусѣ широты встрѣчаетъ противоположности, свойственныя двумъ различнымъ частямъ свѣта. На западной сторонѣ, въ землѣ басковъ, начинается горная система съ волнообразною, холмистою почвою песчаниковой формаціи, вершины которой, покрытыя лѣсомъ, напоминаютъ своимъ видомъ нѣмецкія Среднія горы. На другой сторонѣ, у береговъ Средиземнаго моря, ландшафтъ носитъ характеръ африканской природы. Здѣсь голыя бѣлыя известковыя стѣны высятся надъ лѣсами пробковаго дуба и маслины, надъ виноградниками, въ лозахъ которыхъ пылаетъ огонь юга; по краямъ песчаныхъ равнинъ растутъ причудливые, величественные алоэ и тамариски съ ихъ густою зеленью; словомъ—здѣсь подъ однимъ и тѣмъ же градусомъ, на незначительномъ разстояніи встрѣчаются противоположности средней Германіи и Алжира.

„Иной, можетъ быть, говоритъ В. Ирвингъ, представляетъ себѣ Испанію южною страною, со всѣми прелестями блаженной Италіи. Въ дѣйствительности же, наоборотъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ прибрежныхъ провинцій, Испанія — преимущественно суровая, меланхолическая страна: съ своими дикими горами, обширными равнинами, лишенная лѣсовъ, безмолвная и одинокая, она по характеру походитъ на мрачную и замкнутую Африку. Отсутствіе пѣвчихъ птицъ, какъ неизбѣжный результатъ отсутствія листвы и кустарниковъ, усугубляетъ это молчаніе и одиночество. Часто встрѣчаются коршуны или орлы, которые кружатся надъ горами и летаютъ надъ равнинами, въ поляхъ попадаются пугливыя дрохвы, и лишь въ немногихъ уголкахъ, въ фруктовыхъ садахъ и цвѣтникахъ, можно встрѣтить миріады мелкихъ птицъ, которыя такъ оживляютъ природу въ другихъ мѣстахъ. Во внутреннихъ провинціяхъ путешественникъ иногда проѣзжаетъ огромныя пространства, засаженныя различными овощами, то покрытыя волнующимся зеленымъ ковромъ, то выжженныя солнцемъ, но напрасно онъ будетъ искать человѣка, который обработалъ эту почву. И лишь временами гдѣ нибудь на высокой кручѣ или на дикой скалѣ онъ увидитъ полуразвалившуюся деревню съ обрушившеюся сторожевою башнею,—старинное укрѣпленіе, построенное во время междоусобной войны или нападеній мавровъ. Но хотя большая часть Испаніи страдаетъ отсутствіемъ лѣсовъ и лишена изящныхъ художественныхъ построекъ, всетаки въ общемъ она имѣетъ возвышенный, горделивый характеръ, который сглаживаетъ указанные недостатки. И въ очень простыхъ, строгихъ чертахъ испанскаго ландшафта есть что-то такое, что наполняетъ душу чувствомъ величія. Огромныя равнины обѣихъ Кастилій и Ла-Манчи возбуждаютъ интересъ самою своею наготою и необозримостью, напоминая собою торжественное величіе океана".

Къ югу отъ Пиринеевъ разстилается Ара-

Городъ Малага.

гонская низменность, пересѣкаемая рѣкою Эбро, въ которую здѣсь впадаетъ много значительныхъ рѣкъ, берущихъ начало на южномъ склонѣ Пиринеевъ. Въ долинѣ Эбро расположена древняя столица Аррагоніи, Сарагосса. Въ Аррагоніи встрѣчаются солончаковыя степи, иногда довольно обширныя, принадлежащія къ числу самыхъ негостепріимныхъ и мрачныхъ мѣстностей во всей Европѣ; но ближайшія окрестности Сарагоссы не носятъ такого характера, будучи тщательно воздѣлываемы. Къ востоку Аррагонская низменность отдѣлена отъ Средиземнаго моря горнымъ валомъ, который на сѣверѣ прдвращается въ настоящую горную страну, соединенную съ восточнымъ концомъ Пиринеевъ. Эта горная страна есть старая провинція Каталонія, жители которой вслѣдствіе скудости почвы поддерживаютъ своэ существованіе торговлей, промышленностію и мореплаваніемъ. Эбро же, прежде чѣмъ достигнуть своей дельты, прорываетъ Каталонскія горы между Мекинензой и Тортозой, въ нынѣшней провинціи Таррагонѣ. Поднявшись вверхъ по теченію желтаго Эбро, мы достигаемъ стариннаго города Логроньо съ его кривыми, неправильными улицами. Окрестности города извѣстны подъ названіемъ Ріоха, здѣсь прекрасно растетъ виноградъ и плоды и вообще Ріоха считается сѣверною Андалузіею. Значеніе Эбро неоцѣнимо для края, такъ какъ благодаря ему орошаются обширныя пространства Старой Кастиліи и Аррагоніи, которыя безъ него были-бы совершенно безплодны. Къ сѣверу отъ Эбро поднимаются горы басскихъ провинцій, которыя являются западнымъ продолженіемъ Пиринеевъ и ограничиваются сѣвернымъ берегомъ Испаніи. Эта мѣстность служила ареною карлистскихъ войнъ, сопровождавшихся столь страшными опустошеніями и кровопролитіями; здѣсь же находится главный городъ Наварры—Пампелуна и далѣе, къ западу, на сѣверномъ склонѣ горъ—Гвипускоа и Бильбао, и на южномъ—Виторія. Примыкающія здѣсь астурійско-кантабрійскія горы, гребень которыхъ отчасти составляетъ границу между старой провинціей Астуріей на сѣверѣ и Леономъ—на югѣ, поднимаются до 1,950 метр. и тянутся отъ Наварры до Галиціи; здѣсь между Миньо и его притокомъ Силь онѣ поворачиваютъ на юго-западъ и переходятъ въ тѣ горныя мѣстности, которыя заполняютъ пространство между Миньо и Дуро въ Испаніи и занимаютъ въ Португаліи двѣ небольшія провинціи Энтре-Дуро-е-Миньо и Трасъосъ-Монтесъ. Галиція—страна гористая; она богата лиственными лѣсами, прекрасными лугами и обладаетъ умѣреннымъ климатомъ, благодаря которому здѣсь произрастаютъ южные фрукты; многія мѣстности Галиціи замѣчательно живописны. Въ особенности пріятное впечатлѣніе производятъ орѣховые и каштановые лѣса, плоды которыхъ составляютъ значительную статью вывоза. Астурія, напротивъ, представляетъ собою малодоступную альпійскую область съ крутыми, разорванными во многихъ мѣстахъ горными цѣпями, тучными пастбищами и плодородными, обильно орошаемыми долинами.

На югѣ къ Кантабрійскимъ горамъ примыкаетъ плоская возвышенность Леона и Старой Кастиліи, главная рѣка которыхъ, Дуро, впадаетъ въ море около извѣстнаго своими винами Португальскаго города Порто (Опорто). Между верховьями Дуро и Эбро возвышается западное начало иберійскаго водораздѣла, образующее здѣсь значительныя высоты Сіерра-де-ля-Деманда, у западной подошвы которой лежитъ городъ Бургосъ, нѣкогда—городъ заточенія королей,—одно изъ самыхъ холодныхъ мѣстъ Испаніи. Тотъ, кто пожелалъ бы отправиться отсюда по долинѣ Эбро, встрѣчаетъ на пути у Панкорбо ущелья, которыя носятъ названіе этой мѣстности—Gargantas de Pancerbo, — замѣчательно дикое и живописное мѣсто. На протяженіи болѣе чѣмъ получасового пути громадныя скалы поднимаются то совсѣмъ отвѣсно, то свѣшиваются, почти соприкасаясь между собою. На сѣверѣ отъ ущелья Gargantas находятся лабиринты скалъ, и мѣстность носитъ угрюмый характеръ. Совсѣмъ иной видъ разстилается предъ путешественникомъ на Старокастильской плоской возвышенности, гдѣ на сѣверѣ находятся извѣстные древніе римскіе города: Паленція, Леонъ и Асторга,—теперь пустынные и разрушенные, а на югѣ—Вальядолидъ, Самора и извѣстный университетскій городъ Саламанка. Здѣсь царитъ безотрадное однообразіе, и путешественнику кажется, что онъ находится на засохшихъ плоскихъ возвышенностяхъ Манхи въ Новой Кастиліи, или въ песчаномъ морѣ Сахары. По этой Старокастильской пустынѣ проходятъ караваны вьючныхъ животныхъ, видные на далекомъ разстояніи, такъ какъ при движеніи они высоко поднимаютъ пыль. Невольно вспоминается здѣсь испанская пословица, которая говоритъ, что жаворонокъ, задумавшій перелетѣть черезъ Кастилію, долженъ запастись кормомъ. Южную границу этой плоской возвышенности рѣки Дуро образуютъ Кастильскія горы (2,660 метр.), отдѣльныя части которыхъ по своему величію и дикости могутъ поспорить съ Швейцарскими Альпами; онѣ распадаются на четыре, явственно раздѣленныя, цѣпи, расположенныя въ видѣ кулисъ. Эти цѣпи, считая съ запада на востокъ слѣдующія: громадный горный плоскій валъ Сіерра да Эстрельи („Звѣздная гора“) въ Португаліи (провинція Бейра), Сіерра де Гата, покрытый пропастями скалистый валъ Сіерра де Гредосъ, круто спуска-

ющійся къ югу, сверху плоскій, съ альпійскими пастбищами и озерами, и наконецъ состоящая изъ двухъ параллельныхъ цѣпей, гранитная Сіерра де Гвадаррама, откуда беретъ начало впадающая затѣмъ въ Тахо рѣчка Мансанаресъ. На ней выстроена въ столь-же пустынной Новокастильской плоской возвышенности столица Испаніи Мадридъ. Нельзя предоставить себѣ ничего печальнѣе окрестностей этой столицы, и изъ европейскихъ большихъ городовъ ни къ одному не приложимо съ такимъ правомъ названіе „рая пустыни"; ни одинъ изъ нихъ не окруженъ такою каменистою мѣстностью. Благодаря своему открытому положенію, Мадридъ открытъ для дѣйствія вѣтровъ, изъ которыхъ въ особенности ужасны южный—жгучій и знойный „Солано"—Сирокко Испаніи и страшно-холодный сѣверный—„Галего" Галиціи. Климатъ здѣсь не можетъ считаться здоровымъ и особенно вреденъ для страдающихъ грудными и нервными болѣзнями. Тѣнь можно найти только въ „Прадо", гдѣ каштановыя деревья и вѣчнозеленые дубы составляютъ пріятный контрастъ съ окружающею пустынею.

Новокастильское плато вообще носитъ тотъ же безотрадный характеръ, какъ и Старокастильское; но удивительно то, что эти необозримыя пространства, какъ лѣтомъ, такъ и зимою имѣютъ одинаковый видъ,—все здѣсь голо, безплодно, выжжено. Лишенная листвы ольха и ивнякъ окружаютъ берега Тахо, грязновато-желтыя воды котораго медленно и лѣниво катятся на западъ. Толедскими горами это плоскогорье раздѣляется на двѣ равнины: сѣверную, — Толедскую равнину и южную—Ла-Манха. Послѣдняя находится на высотѣ 600 метр. надъ уровнемъ моря и представляетъ собою голую, лишенную растительности поверхность; встрѣчающіяся здѣсь поля ржи и рѣже—овса, съ ихъ низкой соломой и очень рѣдкой и желтой листвой, производятъ какое то безотрадное впечатлѣніе. Сѣверная равнина орошается рѣкою Тахо, южная—Гвадіаной. Между обѣими равнинами возвышаются упомянутыя выше Толедскія горы, которыя идутъ на западъ и здѣсь, въ испанской провинціи Эстрамадура, переходятъ въ Сіерру де-Гвадалупу. Изъ Эстрамадуры Тахо течетъ по направленію къ Португаліи и здѣсь раздѣляетъ собою двѣ провинціи—Бейру и Алемтехо. Португалія между 40° и 41° сѣв. шир. представляетъ собою спускающееся террасами къ сѣверу плоскогорье, до 600—650 метр. высотою, которое можно считать юго-западнымъ угломъ Старокастильской плоской возвышенности. Это—горныя террасы Бейры. Провинція Алемтехо заключаетъ въ себѣ часть горъ испанской Эстрамадуры и Гвадіану, но въ сѣверной ея части имѣются лишь незначительныя возвышенности, равномѣрно спускающіяся къ западному берегу. На этомъ берегу расположена португальская провинція Эстрамадура, гдѣ, у устьевъ Тахо, лежитъ столица государства—Лиссабонъ. Въ противоположность Мадриду, онъ занимаетъ по истинѣ райское мѣстоположеніе. Отправляясь изъ равнины Манхи въ противоположномъ направленіи, т. е. на В., мы замѣтимъ, что мѣстности здѣсь становятся интереснѣе, а формація страны принимаетъ своеобразный характеръ. На равнинахъ поднимается много изолированныхъ, длинныхъ горныхъ хребтовъ, иногда съ очень крутыми склонами и сѣрыми блестящими конусами, то остроконечными, то съ усѣченными вершинами. Тамъ и сямъ здѣсь лѣпятся закоптѣлые домики, мѣстами, на куполахъ горъ, видны развалины одинокихъ замковъ или другихъ древнихъ построекъ. Почва окрашена то въ сѣроватый, то,—на предгорьяхъ,—въ красноватый цвѣтъ, при чемъ первая, повидимому, менѣе плодородная, воздѣлывается подъ зерновой хлѣбъ, а вторая занята виноградниками. Идя въ указанномъ направленіи, попадаемъ сперва въ область Иберійской горной возвышенности, по восточному краю которой расположены провинціи Валенсія и Мурсія, простирающіяся до Средиземнаго моря, а затѣмъ—въ область такъ называемой „литоральной *) степи", которая простирается за предѣлы Мурціи. За исключеніемъ нѣсколькихъ плодородныхъ низменностей, почва этой мѣстности большею частію состоитъ изъ песчаника, извести, мергеля, глины и гипса и насыщена солью; въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ не имѣется прѣсноводныхъ источниковъ, она безплодна. На краю этой скудной береговой полосы, которую по справедливости называютъ „Африкою въ Европѣ", находится гавань Аликанте; по мѣрѣ приближенія къ ней, настроеніе путешественника измѣняется къ лучшему при видѣ лучшей культуры и разнообразной растительности.

Разсматриваемая страна имѣетъ холмистый характеръ: на С. и З. на ней поднимаются одинокія, красиво очерченныя, отливающія великолѣпнѣйшими колерами скалистыя горы, которыя, тѣмъ не менѣе, повидимому совершенно лишены растительности. Кромѣ нѣсколькихъ фиговыхъ плантацій и финиковыхъ пальмъ около разсѣянныхъ повсюду „caserios"—покрытыхъ почти всюду плоскими крышами,—деревьевъ не видно нигдѣ, а такъ какъ эта мѣстность населена довольно густо, то трудно понять, какъ можетъ су-

*) Литоральныя степи—степи, заливаемыя моремъ во время прилива. *Прим. ред.*

ществовать столько народу на этихъ голыхъ, тощихъ поляхъ. Хлѣбныя поля, орошаемыя при помощи канавъ, незамѣтны для глазъ, будучи расположены въ углубленіяхъ; они красуются только по дорогѣ, располагаясь по обѣимъ ея сторонамъ. Кромѣ пшеницы и ячменя здѣсь воздѣлывается въ большомъ количествѣ сераделла (Ornithopus sativus Brot.), сафлоръ (Carthamus tinctorius L.) и анисъ. Но часто встрѣчаются пустынныя степи, усѣянныя сѣрыми солончаковыми растеніями и простирающіяся до самой дороги. По мѣрѣ удаленія отъ Аликанте, мѣстность принимаетъ все болѣе и болѣе африканскій харакеръ. Направо и налѣво отъ дороги тянутся сперва группы пальмъ, затѣмъ цѣлыя пальмовыя рощи подлѣ ослѣпительно-бѣлыхъ, снабженныхъ немногочисленными окнами „caserios", на плоскихъ крышахъ которыхъ часто возвышаются полушарообразныя печи (совершенно такъ же, какъ на мавританскихъ домахъ Марокко). Мало по малу между пальмовыми рощами, которыя съ приближеніемъ къ городу Эльхе все увеличиваются въ размѣрахъ, и гдѣ цвѣтущіе гранатовые кусты покрываютъ почву,—попоявляются поля, засѣянныя хлѣбомъ и люцерной, оливковыя и рожковыя плантаціи, свидѣтельствующія о лучшей, болѣе плодородной почвѣ. Немного далѣе передъ нами показывается громадная густая масса пальмовыхъ стволовъ; это знаменитая роща Эльхе. Она окружаетъ городъ со всѣхъ сторонъ и съ той стороны, съ которой подходитъ къ ней путешественникъ—всего шире. Нельзя вдоволь налюбоваться тысячами стройныхъ стволовъ съ ихъ воздушными верхушками, длинные перистые листья которыхъ, тихо колеблемые вѣтромъ, соприкасаются между собою и издаютъ особый шумъ, похожій на шопотъ еловыхъ или сосновыхъ лѣсовъ, но звучащій нѣсколько иначе; крайне красивы также блестящіе, яркозеленые, усыпанные пурпуровыми цвѣтами гранатовые кусты, которые пышно развиваются подъ прозрачною тѣнью пальмъ.

Между равниной Манхи и Андалузіей тянется много обнаженныхъ, но невысокихъ кряжей суровой Сіерра Морены, которая составляетъ главную цѣпь Андалузскихъ пограничныхъ горъ. По знаменитому скалистому ущелью Деспеньперросъ теперь проведена желѣзная дорога, соединяющая долины Гвадіаны и Гвадалквивира. Гвадалквивиръ—главная рѣка Андалузіи; на его берегахъ стоятъ города Кордова и Севилья, а невдалекѣ отъ его устья расположены Хересъ и Кадиксъ. Въ своемъ нижнемъ теченіи Гвадалквивиръ орошаетъ широко раскинувшуюся по обоимъ его берегамъ низменность. По лѣвому берегу тянутся совершенно безлѣсныя пастбища, а на правомъ берегу, на отложеніяхъ глины и морского песка, лежатъ песчаныя дюны. Андалузія—садъ Испаніи и къ ней главнымъ образомъ относятся восторженныя описанія путешественниковъ, несправедливо переносимыя и на болѣе сѣверную Иберійскую возвышенность. Душою ландшафта всетаки остается Гранада, у подошвы наиболѣе высокой мѣстности Испаніи—Сіерра Невады. Широкія сіеры, на которыхъ нѣтъ ни кустика, ни деревца, окрашенныя въ различныя цвѣта разнообразными мраморами и гранитами, поднимаютъ къ темноголубому небу свои опаленныя солнцемъ вершины, а въ ущельяхъ между ними раскинулись зеленѣющія плодороднѣйшія долины, гдѣ пустыня и садъ оспариваютъ другъ у друга первенство, и кажется, будто побѣжденная скала принуждена дарить винныя ягоды, апельсины, лимоны и украшаться миртами и розами. Здѣсь въ февралѣ—весна уже въ полной красѣ.

Удивительнѣйшее смѣшеніе сѣверной и южной растительности,—говоритъ одна современная путешественница,—развилось вслѣдствіе господствующей здѣсь умѣренной температуры; Гранада, защищенная съ юга мощною Сіерра Невадою, не смотря на свое южное положеніе, даже въ срединѣ лѣта лишь въ рѣдкихъ случаяхъ ощущаетъ недостатокъ прохлады. На вершинахъ горъ, въ особенности на высокомъ пикѣ Мульгасенъ (3,554 метра) виднѣются обширныя снѣжныя поля, которыя вполнѣ не растаиваютъ даже подъ палящими лучами іюльскаго и августовскаго солнца. Почва заросла молодою зеленью, плющемъ и хорошенькими цвѣтками, цѣлыя поля усѣяны фіалками; между полями тянутся длинныя изгороди изъ миртъ; розы поднимаютъ высоко къ верху свои головки, на миндальныхъ деревьяхъ съ одной стороны развертываются красные цвѣтки, тогда какъ другая сторона уже покрыта красивою зеленою листвою; всюду—цвѣтущія груши и яблони; рядомъ съ кипарисами и кедрами, рядомъ съ апельсинами, кактусомъ и алое, лавромъ и пальмой путешественникъ находитъ спѣлую землянику, хотя и не въ большомъ количествѣ. Между прочимъ, здѣсь заслуживаетъ вниманія превосходный способъ утилизаціи воды, перешедшей къ жителямъ по наслѣдству отъ мавровъ. Воды Дарро, отведенныя по безчисленнымъ каналамъ во всѣ стороны, текутъ по обѣимъ сторонамъ широкихъ красивыхъ дорогъ Альгамбры, сбѣгая съ горы двумя потоками. Менѣе извѣстна, но не менѣе щедро награждена природою расположенная вдали отъ главныхъ путей сообщенія область Ля-Альпухарра. Она также находится въ провинціи Гранадѣ, между южными склонами красивой Сіерра Невады и Средиземнымъ моремъ. Мѣстность эта гориста и въ высшей степени живописна. Путешествіе здѣсь, даже на мулѣ,

крайне затруднительно. Немногія мѣста на землѣ надѣлены природою такими преимуществами, какъ этотъ уголокъ. На высотѣ Сіерры, въ области вѣчнаго снѣга, рядомъ съ очень рѣдкими лишайниковыми растеніями цвѣтетъ душистая ромашка, по склонамъ растутъ деревья и кустарники сѣвера, каштаны, дубъ и сосна, а ниже — лимоны и апельсины, даже бананы, хлопчатникъ, сахарный тростникъ и другія тропическія растенія. Цвѣты и плоды Альпухарры считаются лучшими во всей Гранадѣ.

Крупныя прибрежныя горы или южная испанская окраина, подобно Кастильскимъ и Андалузскимъ разграничительнымъ горамъ, состоятъ изъ многочисленныхъ цѣпей, между которыми Сіерра Невада лишь важнѣйшая и наиболѣе высокая. На западѣ къ ней присоединяется Сіерра де Малага и Сіерра де Ронда, простирающаяся до узкой скалистой твердыни Гибралтара. Уже издали видна доступная лишь съ западной стороны и имѣющая 425 метровъ высоты скала, на которой британцы воздвигли свое мощное укрѣпленіе, такъ называемый „обезьяній городъ“: это—единственное мѣсто въ Европѣ, гдѣ живутъ обезьяны. Между горою и гаванью находится городъ, раскинувшійся въ длину; зданія здѣсь отчасти расположены по склону горы, поднимаясь другъ надъ другомъ террасами. Со своими узкими, плохо вымощенными и грязными улицами, маленькими и тѣсными лавками, Гибралтаръ (25,000 жителей) не представляетъ ничего особенно замѣчательнаго. Тѣмъ не менѣе, вмѣстѣ съ Альмеріей и славящейся виноградниками Малагой онъ относится къ числу наиболѣе важныхъ пунктовъ на южномъ берегу Испаніи.

Въ заключеніе слѣдуетъ сказать нѣсколько словъ о Балеарскихъ и Питіузскихъ островахъ, расположенныхъ у входа въ Валенсійскій заливъ, такъ какъ въ географическомъ отношеніи они принадлежатъ къ Иберійскому полуострову. Изъ Балеарскихъ острововъ самые важные Майорка, съ главнымъ городомъ Пальмой, и Минорка, съ прекрасною гаванью Магонъ. Остальные острова этой группы незначительны и не заслуживаютъ вниманія. Питіузскіе острова состоятъ изъ двухъ острововъ: Ивизы и маленькаго острова Форментеры. Всѣ эти острова въ прежнее время составляли королевство Майорку и занимаютъ поверхность въ 4,820 кв. километровъ съ населеніемъ въ 300,000 человѣкъ. Острова по большей части гористы и на самомъ большомъ изъ нихъ, Майоркѣ, вершины поднимаются, на сѣверномъ краю его, до 1,460 метровъ, а Силла де Торелла—достигаетъ даже 1,570 метровъ. Острова отличаются здоровымъ, мягкимъ климатомъ и плодородною почвою, на которой произрастаютъ всѣ продукты европейскаго юга. Равнина (la Huerta) около трудолюбивой, многолюдной Пальмы (53,000 жителей) чрезвычайно привлекательна; она сплошь покрыта миндальными, фиговыми, тутовыми, рожковыми и гранатовыми деревьями, а также и нашими плодовыми деревьями; почва засѣяна пшеницею, ячменемъ, стручковыми растеніями и овощами, успѣшному росту которыхъ много способствуютъ тѣнистыя деревья.

Образцомъ красоты Балеарскихъ острововъ можетъ служить извѣстный по всей Майоркѣ Барранко-де-Сольеръ, въ долинѣ Сольеръ, съ городомъ того же имени. Этотъ Барранко извивается въ глубинѣ скалистыхъ подножій Сіерры и, прорывая далекій сѣверозападный склонъ главной сѣверной цѣпи, впадаетъ въ котловину долины Сольеръ. Спускающаяся съ возвышенностей Сіерры въ богатую растительностью долину, отвратительно вымощенная, огражденная со стороны долины предохранительною стѣною дорога, съ каждымъ поворотомъ открываетъ все новые, живописные и величественные виды. „Я не знаю, чему болѣе удивляться въ этой чудной скалистой долинѣ,—пишетъ Вилькоммъ,—живописности ли горныхъ очертаній, или внушительному величію поднимающихся скалъ, которыя съ приближеніемъ къ поверхности земли становятся все грандіознѣе въ размѣрахъ и мѣстами даже превосходятъ высотою стѣны Барранко де Парейсъ; удивляться ли художественному убранству скалистыхъ террасъ, стѣнъ и разсѣлинъ, покрытыхъ ковромъ красивыхъ цвѣтовъ и пышными гирляндами плюща и другихъ вью-

щихся растеній, или же блестящей культурѣ почвы. До высоты 495 метровъ крутые склоны превращены въ террасы и засажены оливковыми деревьями, а самая нижняя часть склоновъ (около 243 метр.) занята плодовыми и апельсинными деревьями. Въ темныхъ ущельяхъ прячется много источниковъ, воды которыхъ въ дальнѣйшемъ своемъ теченіи соединяются, сливаясь въ крупный потокъ; послѣдній въ верховьи покрытъ красивыми водопадами и пѣнится среди колоссальныхъ каменныхъ глыбъ укруто спускающейся, большею частію недоступной, подошвы горы; но чѣмъ дольше течетъ онъ, тѣмъ незначительнѣе становится, такъ какъ большая часть его воды отведена въ бассейны, устроенные для орошенія полей трудолюбивыми жителями на разныхъ высотахъ крутыхъ склоновъ; мѣстами теченіе его прерывается, благодаря наложеннымъ на пути каменьямъ, и онъ разливается, образуя обширные водоемы.

Климатъ Иберійскаго полуострова весьма разнообразенъ. На сѣверѣ, въ средней и нижней части Кантабрійскихъ горъ и Пиринеевъ, климатъ мягокъ и влаженъ; зима здѣсь характеризуется главнымъ образомъ дождями, причемъ термометръ опускается до—5°—10° Ц.; въ восточныхъ провинціяхъ, Каталоніи, Аррагоніи, Валенсіи и Мурціи, гдѣ находятся главные виноградники Испаніи, климатъ значительно мягче; термометръ здѣсь рѣдко опускается ниже 0° Ц.; здѣсь царитъ вѣчная весна. Въ южной Испаніи, именно въ Андалузіи, климатъ похожъ на сѣверо-африканскій: зимою умѣренный, не ниже—10°—12° Ц., а лѣтомъ—очень жаркій и сухой при средней температурѣ въ 25° Ц. Самый непріятный и въ тоже время нездоровый климатъ мы встрѣчаемъ на возвышенностяхъ западной и центральной части полуострова,—въ Эстрамадурѣ, Старой и Новой Кастиліяхъ; лѣтомъ здѣсь стоятъ страшные жары, термометръ поднимается выше 45°, а зимою бываютъ сильные холода, нерѣдко даже выпадаетъ снѣгъ. Эти провинціи обладаютъ характеристическими особенностями степного климата: воздухъ здѣсь сухой, чистый, то раскаленный отъ жары, то страшно холодный, лѣтомъ—жаркіе дни и холодныя ночи, зимою—продолжительная стужа, весною и особенно осенью—внезапныя колебанія температуры отъ 18° до 25° Ц. и выше; атмосферныхъ осадковъ очень мало, а иногда ихъ и совсѣмъ не бываетъ.

Естественныя богатства Испаніи часто преувеличиваются. Унылая возвышенность, занимающая большую часть полуострова, покрыта скудною растительностью, которая мѣняется смотря по различнымъ климатическимъ условіямъ. На югѣ, при благопріятныхъ условіяхъ, благодаря теплотѣ и достаточному количеству влаги, произрастаютъ злаки и рисъ, южные плоды и хлопчатникъ, даже сахарный тростникъ; здѣсь встрѣчаются вѣчно-зеленые лѣса, виноградники и воздѣлывается табакъ, растетъ даже финиковая пальма. На пространствѣ между Барселоной и Таррагоной широко развита культура орѣшника, что въ связи съ продуктами оливковыхъ и рожковыхъ плантацій и апельсинныхъ садовъ составляетъ значительную статью вывоза для этой мѣстности. Въ противоположность этой культурѣ, обширныя степи внутреннихъ провинцій покрыты лишь лугами и поросли кустарникомъ; здѣсь на протяженіи многихъ квадратныхъ километровъ иной разъ не встрѣтишь ни одного источника, ни одного колодца. Изслѣдованія англійскихъ инженеровъ показали, что по меньшей мѣрѣ двѣ трети безводныхъ мѣстностей Кастиліи, Леона, Эстрамадуры и др. могли бы быть постоянно и правильно орошаемы водой; тогда бы Испанія существенно измѣнилась и могла бы производить хлѣба въ количествѣ, вдвое большемъ сравнительно съ настоящимъ; кромѣ того, почва стала бы удобною для лѣсныхъ насажденій, въ которыхъ ощущается теперь такой недостатокъ. Главное богатство Испаніи — минеральныя сокровища; здѣсь встрѣчаются въ большомъ количествѣ ртуть, желѣзо, свинецъ, серебро, каменный уголь и соль. Въ сѣверныхъ провинціяхъ на горное дѣло затрачены уже большіе англійскіе капиталы. Наряду съ горною промышленностію важнымъ источникомъ дохода для населенія является сель-

ское хозяйство и скотоводство. Югъ занятъ культурою оливковаго и тутоваго дерева и, подобно западу,—культурою винограда; въ бассейнѣ Гвадалквивира и на центральной возвышенности полуострова воздѣлываются хлѣбныя растенія; въ сѣверной прибрежной области съ успѣхомъ занимаются плодоводствомъ. Въ степяхъ пасутся стада тонкорунныхъ овецъ (мериносы) или „Trashumantes“, но эта, нѣкогда славная отрасль скотоводства, находится въ упадкѣ. Кромѣ того, Испанія можетъ похвастать отличными породами лошадей; нѣкоторый доходъ приноситъ населенію также разведеніе шелковичныхъ червей и рыболовство, особенно въ устьяхъ рѣкъ.

Королевство Португалія.

По берегу Атлантическаго океана, между устьями Миньо и Гвадіаны, расположено королевство Португалія. Оно простирается въ длину на 520 километровъ, въ ширину—180 километровъ и орошается рѣкою Дуро; общая площадь его равняется 91,760 кв. километровъ; жителей въ Португаліи 4.500,000 человѣкъ. Такъ какъ португальцы причисляютъ къ европейскому материку расположенные на западъ отъ Лиссабона острова Азорскіе и Мадейру, то площадь Португаліи увеличивается до 93,000 кв. километровъ, а населеніе до 5 милл. человѣкъ. Всѣ португальцы, за немногими исключеніями, исповѣдуютъ католическую религію. Португалія—конституціонное королевство съ наслѣдственною властью, управляемое при участіи «кортесовъ», которые раздѣляются на палату пэровъ, назначаемыхъ королемъ, и палату депутатовъ. Государство исторически дѣлится на пять провинцій (Миньо, Трасъ-осъ-Монтесъ, Бейру, Эстрамадуру, Алемтехо) и одинъ округъ (Фаро, небольшое королевство Альгарвія, т. е. западная земля арабовъ); въ настоящее же время Португалія состоитъ изъ 17 округовъ, при чемъ къ Эстрамадурѣ относятся вышеупомянутые округи Азорскихъ острововъ и Мадейры (округъ Фунчалъ). Колоніи португальцевъ разсѣяны по Азіи и Африкѣ. Къ азіатскимъ владѣніямъ относятся Гоа и Діу, на Малабарскомъ берегу въ Индіи, восточная половина остъ-индскаго острова Тимора и Макао близъ Кантона въ Китаѣ. Въ Африкѣ португальцы владѣютъ на В. Мозамбикскимъ берегомъ отъ мыса Дельгадо до бухты Делагоа и на З.—Кабиндо, около устья Конго, на Ю. отъ него—Анголою, затѣмъ—Гвинейскими островами—св. Ѳомы и Принсипе, наконецъ нѣсколькими областями въ Сенегамбіи. Въ мирное время армія простирается до 40,000 человѣкъ, въ военное—до 160,000. Военныхъ судовъ насчитывается до 50, орудій на нихъ—около 160.

*) Современная Португалія—безспорно одна изъ самыхъ отсталыхъ странъ цивилизованнаго міра. Измельчавшіе не только физически, но и нравственно, потомки Луза и Виріата стоятъ теперь въ сторонѣ отъ великихъ вопросовъ, волнующихъ человѣчество. Мелкіе интересы его крошечной родины—вотъ все, чѣмъ живетъ современный португалецъ, и никакая политическая свобода, никакая самая либеральная конституція не могутъ вызвать его изъ этого близкаго къ полной

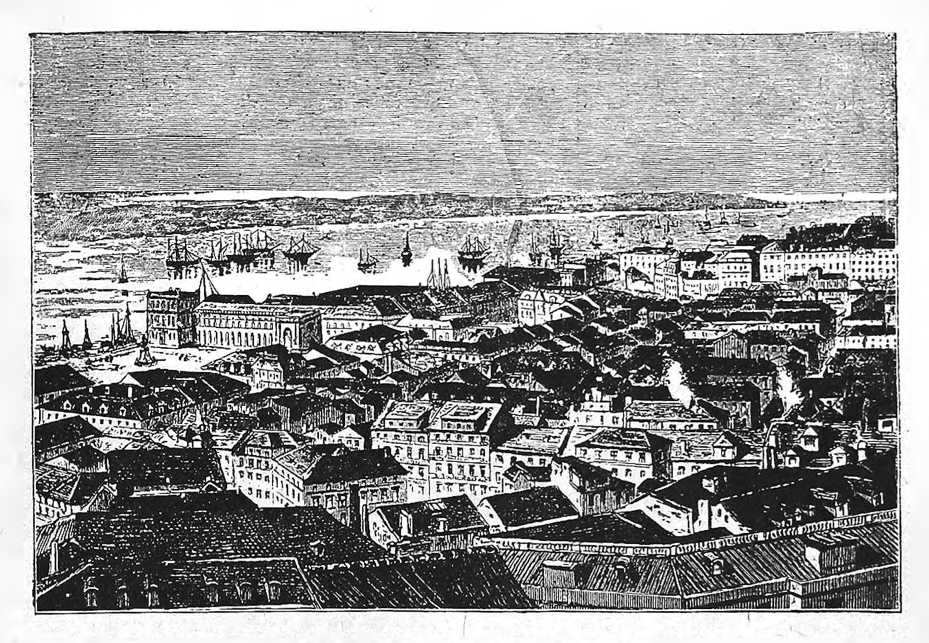
*) Дополненіе редактора.

умственной спячкѣ состоянія. Если мы просмотримъ лѣтописи новѣйшей исторіи, эти славныя лѣтописи великихъ завоеваній культуры, мы не найдемъ въ нихъ ни одного громкаго португальскаго имени. Между тѣмъ, и въ исторіи Португаліи была эпоха, когда эта страна стояла во главѣ европейскаго прогресса, когда сыны ея гремѣли подвигами, достойными титановъ, когда португальскій флагъ былъ истиннымъ символомъ культуры, а португальскій мечъ завоевывалъ для цивилизаціи цѣлыя страны.

Эта блестящая эпоха—XV и XVI вв., когда маленькая Португалія дала міру Діаса, Васко-де-Гама, Магеллана, Кабраля, Альбукерка,—цѣлую плеяду славныхъ путешественниковъ. Но прошли вѣка,—и когда-то бывшая первою морскою державою, Португалія спустилась до положенія третьестепенной державы. Завоеванная Васко-де-Гамой, 400-лѣтній юбилей котораго недавно торжественно отпразднованный всѣмъ цивилизованнымъ міромъ, Индія почти цѣликомъ перешла въ руки англичанъ. Значительно сократились португальскія владѣнія и въ Африкѣ, а въ Америкѣ, гдѣ имъ принадлежала громадная Бразилія, и совсѣмъ исчезли; баснословныя богатства, собираемыя когда-то португальцами со своихъ колоній, растаяли,—и теперь единственнымъ, пожалуй, слѣдомъ былыхъ славныхъ временъ служатъ нѣкоторыя растенія, привезенныя изъ бывшихъ португальскихъ колоній и акклиматизированныя въ Португаліи. Большая часть этихъ растеній—плодовыя и лѣсныя деревья *.

Loquat, привезенный изъ Китая, своею тѣнью превосходитъ даже фиговое дерево и въ ноябрѣ наполняетъ воздухъ сладкимъ ароматомъ своихъ цвѣтовъ, а раннимъ лѣтомъ даетъ вкусные, освѣжающіе плоды. Камедныя деревья Австраліи, въ особенности же эвкалиптъ, за послѣднія двадцать лѣтъ совершенно измѣнили внѣшій видъ воздѣлываемыхъ мѣстностей Португаліи. Изъ новѣйшихъ художниковъ ни одинъ не рѣшится выбросить изъ своей картины этотъ видъ камеднаго дерева съ его стройнымъ, гладкимъ стволомъ, прямыми вѣтвями и длинными висячими листьями, которые зимою принимаютъ блѣдно-желтую и красноватую окраску. Затѣмъ здѣсь встрѣчается Bella Sombra, исполинское дерево Бразиліи, которое отлично акклиматизировалось въ Португаліи, крупноцвѣтныя магноліи изъ Центральной Америки, достигающія высоты деревьевъ, украшенныя большими пучками блестящихъ листьевъ, похожихъ на листья лавра, сквозь которыя весною и лѣтомъ проглядываютъ бѣлые душистые цвѣты. Кромѣ того встрѣчаются хвойныя деревья возвышенностей Бразиліи и Гималаевъ, и все это, вмѣстѣ взятое, дѣлаетъ Португалію въ глазахъ садовода чудомъ богатства и разнообразія. Охотнику Португалія не доставитъ особеннаго удовольствія, хотя въ ней и есть много значительныхъ, необработываемыхъ пространствъ. Въ пустынныхъ горныхъ мѣстностяхъ встрѣчаются волки, дикія козы, рыси и красная дичь, а въ мѣстностяхъ съ рѣдкимъ населеніемъ встрѣчаются красноногія куропатки. Зимою большими стаями вылетаютъ вальдшнепы, но они такъ разлетаются по лѣсамъ, что добыть ихъ въ большомъ количествѣ не представляется возможности. Много здѣсь также бекасовъ, но ихъ трудно достать, потому что болото, въ которомъ они сегодня кишѣли массами, черезъ недѣлю совсѣмъ оставляется ими. Вообще охота здѣсь не важная.

По общераспространенному мнѣнію, путешественнику совсѣмъ не стоитъ посѣщать Португалію, потому что тамъ мало, такъ называемыхъ, «замѣчательныхъ мѣстъ». Но на самомъ дѣлѣ, и помимо столицы, здѣсь имѣются города, заслуживающіе полнаго вниманія, какъ напр., торговый Порто и университетскій городъ Коимбра, или мѣстности, какъ напр. монастырь Мафра, португальскій



Городъ Лиссабонъ.

Эскуріалъ, королевскій увеселительный замокъ Синтра, знаменитый бернардійскій монастырь Алькобаса, Базако, Баталья и Леира, хотя, въ общемъ, ландшафтъ однообразенъ. Тщательно воздѣлываемыя поля на низменностяхъ прерываются зарослями кустарника и мелкаго лѣса. Лишь около рѣкъ мѣстность носитъ иной характеръ,—по сочному лугу, вдоль берега, тянутся могучія деревья. Чудно красивъ закатъ солнца на берегу Атлантическаго океана, и въ народѣ живетъ сказаніе, что Ной послѣ потопа посѣтилъ Португалію для того только, чтобы полюбоваться великолѣпнымъ солнечнымъ закатомъ, и пришелъ отъ него въ восхищеніе. Но самымъ блестящимъ пунктомъ Португаліи является ея столица Лиссабонъ, иначе—Лисбоа, (250,000 жител.), гавань котораго, увѣнчанная по возвышенностямъ дворцами, по красотѣ смѣло можетъ спорить съ Константинополемъ, Палермо, Неаполемъ и Генуею.

Если уже видъ могучаго Тахо, разливающагося наподобіе моря, поразительно красивъ, когда смотришь на него съ суши—съ набережной, въ особенности же, съ лиссабонскихъ возвышенностей, и производитъ на зрителя такое впечатлѣніе, какого, быть можетъ, не оставляетъ ни одинъ пейзажъ южныхъ странъ, то впечатлѣніе еще болѣе усиливается, когда на фонѣ этой картины появляется жизнь и движеніе, когда одинъ изъ черныхъ великановъ съ дымящеюся трубою отправляется въ море, поверхность котораго за отмелью Тахо блеститъ, какъ зеркало; но еще лучше, стоя на палубѣ парохода, любоваться панорамой береговъ, убѣгающихъ справа и слѣва и какъ бы посылающихъ путнику прощальный привѣтъ. Еще разъ глазъ охватываетъ гордую лузитанскую метрополію, которая заняла холмы и долину Тахо своею ослѣпительно-бѣлою массою домовъ, замковъ, монастырей и соборовъ, увѣнчивающихъ собою возвышенности, — картина чудная по роскоши и величію; правда, на ней порою довольно ясно выступаютъ слѣды запустѣнія; но это—принадлежность всѣхъ южныхъ странъ и городовъ; къ тому же, среди такой

пышной, столь расточительной въ своихъ дарахъ природы съ этими недостатками миришься скорѣе, чѣмъ на скудномъ и убогомъ сѣверѣ. Передъ глазами зрителя разстилается безконечно широкая, съ синимъ отливомъ бухта Тахо, оживляемая безчисленными большими и малыми судами, барками, морскими кораблями и пароходами. Шумятъ маленькіе колесные пароходы между Пунта-Касильясъ и Белемомъ, а отъ набережной—къ Праса-до-Коммерсіо, колоннада и тріумфальная арка которой ярко блестятъ подъ лучами полуденнаго солнца, отправляются корабли въ Баррейро—конечную станцію юго-восточныхъ желѣзныхъ дорогъ Португаліи; вдали на югѣ, чрезъ зеркальную бухту Тахо ясно виднѣются очертанія возвышенностей Сіерра-д'Аррабаны, С.-Луиза близъ Сетувала и замокъ Пальмелла. Мы несемся далѣе. Налѣво, мимо насъ тянутся крутыя известковыя горы Альмады, прорѣзанныя небольшими долинами; направо—Белемъ съ его древнимъ соборомъ и четырехугольною сторожевою башнею, оберегающею входъ въ Лиссабонскую гавань. Надъ волнистыми возвышенностями сѣвернаго берега Тахо, покрытыми множествомъ вѣтряныхъ мельницъ, поднимаются величественныя зубчатыя Синтры,—длинный рядъ рѣзко очерченныхъ вершинъ, начиная отъ Пеньньи, которая далеко на западѣ высится надъ Кабо-да-Рока, до высокой пирамидальной вершины Круцъ-Альта и Пены, красиваго замка въ мавританскомъ стилѣ, стоящаго на вершинѣ высочайшей изъ горныхъ главъ Серры. Корабли, мимо которыхъ первоначально провезъ насъ отходившій пароходъ, быстро исчезаютъ изъ вида, — теперь они кажутся лишь лѣсомъ мачтъ: вотъ, наконецъ, скрывается изъ глазъ и Лиссабонъ, и на горизонтѣ остаются только наиболѣе высокія постройки: замокъ Санъ-Яго, куполы собора Корасао-де-Іезусъ, новая обсерваторія въ рощѣ Топады и за Белемомъ—величественное зданіе королевскаго дворца въ Ахудѣ. Лиссабонъ съ рѣки очень красивъ. Живописный и въ то же время опрятный,—качества, рѣдко совмѣстимыя въ городахъ,—мѣстами онъ производитъ на пріѣзжаго сильное впечатлѣніе, хотя и не выдерживаетъ критики при болѣе близкомъ знакомствѣ съ нимъ. Дѣло въ томъ, что массивныя издали, его сооруженія вблизи оказываются выбѣленными планками; затѣмъ во многихъ дворцахъ и церквахъ встрѣчается такая удивительная и запутанная смѣсь стилей, что въ нихъ невозможно разобраться. Тамъ имѣются мелкіе карнизы со множествомъ узоровъ и башенки, похожія на часовые колокола временъ Буше. Но съ городомъ произошло то же самое, что часто случается съ физіономіей: масса неправильностей въ своей совокупности придаютъ ему своеобразную прелесть. Однако надо имѣть въ виду, что Лиссабонъ всегда обворожителенъ при яркомъ свѣтѣ южнаго солнца, если смотрѣть на него съ рѣки. Одна надъ другою громоздятся лѣстницы и террасы, капеллы и изящные портики монастырей отражаются въ водахъ Тахо, покрытыхъ сводомъ крутыхъ утесовъ, по которымъ лѣпятся бѣдныя хижины. То здѣсь, то тамъ возвышаются развалины, къ которымъ не прикасалась рука человѣка съ тѣхъ поръ, какъ болѣе ста лѣтъ тому назадъ они стали жертвою землетрясенія. Большая Plaza do Comercio, блестяще освѣщенная вечеромъ, служитъ мѣстомъ гуляній для аристократіи, являющейся сюда въ экипажахъ, верхомъ и пѣшкомъ. Но въ общемъ площади малы, а улицы узки и довольно извилисты.

Не рѣдко приходится слышать, будто Португалія отстала отъ остальнаго міра на 1½ вѣка, но такое строгое сужденіе можно признать справедливымъ лишь въ томъ случаѣ, если подъ словомъ «міръ» подразумѣвать лишь наиболѣе прогрессивныя изъ западно-европейскихъ націй; но и эти послѣднія могутъ еще позавидовать нѣкоторымъ преимуществамъ Португаліи. И въ самомъ дѣлѣ, не удивительно ли, что государство, столь недавно (въ 1833 г.) получившее хорошее управленіе, успѣло уже такъ далеко пойти во всѣхъ отрасляхъ государственной и соціальной жизни? Объясненіе этого заключается въ томъ, что португальцы представляютъ собою смѣсь различныхъ національностей; время почти совершенно изгладило разницу между ними, и португальцы образовали собою народъ, въ которомъ могучая сила сѣвера соединилась съ тонкими душевными способностями юга. Благодаря этому, здѣсь не замѣчается ни расовой или религіозной нетерпимости, ни столкновеній противоположныхъ кастовыхъ интересовъ, потому что весь народъ состоитъ преимущественно изъ земледѣльцевъ.

Какъ нація, португальцы всегда обнаруживали рѣдкостное соединеніе скромности и энергіи, и только малочисленность мѣшаетъ имъ занять выдающееся положеніе и пріобрѣсти вліяніе среди другихъ націй. Искусства, науки и литература въ Португаліи находятся въ рукахъ незначительнаго меньшинства. Высшее образованіе, охватывающее всѣ классы, носитъ чисто соціальный характеръ; оно состоитъ въ преподаваніи не особенно легкаго и не особенно распространеннаго искусства—поддерживать хорошія отношенія съ людьми высокопоставленными, подчиненными и равными по положенію.

Сѣверною границею между Португаліей и испанской провинціей Галиціей является рѣка Миньо. Испанскій городъ Туй стоитъ почти рядомъ съ португальскою Валенсіей, и тѣмъ не менѣе разница между жителями этихъ городовъ въ костюмѣ, нравахъ и обычаяхъ столь же велика, какъ, напр., разница между жителями Дувра и Кале. Между ними нѣтъ почти никакихъ сношеній. Строгій таможенный надзоръ и паспортная система часто являются болѣе непреодолимымъ препятствіемъ, чѣмъ неприступныя горы. Браки между испанцами и португальцами здѣсь очень рѣдки. Не малое вліяніе въ данномъ случаѣ оказываетъ высокомѣріе испанцевъ, которые смотрятъ на своихъ сосѣдей португальцевъ, какъ на низшую расу. Однако, современные путешественники безусловно отдаютъ пальму первенства португальцамъ. Въ лицѣ ихъ путешественникъ встрѣчаетъ красивое племя, съ пріятными манерами и изящнымъ костюмомъ. Многіе наблюдатели увѣряютъ, что во все время путешествія по Португаліи можно вообразить, что находишься въ Аркадіи. Такое идиллическое впечатлѣніе создается отчасти живописными видами степей по берегамъ рѣкъ, отчасти употребленіемъ большихъ кувшиновъ съ виномъ, спрятанныхъ въ тѣнистой зелени, которые земледѣльцы охотно подносятъ къ губамъ, но въ особенности здѣшнею манерою пѣнія, которая состоитъ въ томъ, что пѣвецъ поетъ самымъ высокимъ голосомъ одинъ куплетъ а другой отвѣчаетъ ему другимъ куплетомъ. Культура почвы въ существѣ дѣла остается тою же, какою она досталась нынѣшнимъ обитателямъ по наслѣдству отъ римскихъ колонистовъ и какъ она описана въ правилахъ и предписаніяхъ Колумеллы. Португальскій землепашецъ работаетъ плугомъ, похожимъ по формѣ своей на то орудіе, которое такъ точно описалъ въ своихъ „Эклогахъ“ Виргилій. Крестьянинъ перевозитъ свой хлѣбъ въ такой же повозкѣ, какія изображены на римскихъ вазахъ и барельефахъ. Овцеводъ въ горахъ также изъ дня въ день живетъ со своимъ стадомъ и на ночь ложится спать среди овецъ. Пастушеская свирѣль древности вытѣснена гитарою, но пастухи еще и теперь состязаются другъ съ другомъ въ составленіи импровизированныхъ пѣсенъ.

Если бы жители Португаліи захотѣли слѣдовать примѣру другихъ народовъ, то могли бы имѣть скота вдвое болѣе, а хлѣба—на треть сравнительно съ настоящимъ. Они были бы тогда богаче, но едва ли—счастливѣе. Мелкій землевладѣлецъ имѣетъ въ достаточномъ количествѣ все, необходимое для существованія, его поденщикъ также доволенъ своею судьбою. Заработная плата, получаемая имъ, правда, невысока, но вѣдь и потребности у него невелики, а пища, получаемая имъ отъ хозяина, не только изобильна, но и разнообразна. Земля находится въ рукахъ собственниковъ-крестьянъ или мелкихъ арендаторовъ; въ послѣднемъ случаѣ практикуется такая система: владѣлецъ даетъ землю и орудіе для ея обработки и получаетъ за это половину урожая. Въ сѣверной Португаліи разводится главнымъ образомъ маисъ, бобы, тыквы, а иногда и капуста. Такой порядокъ дѣла, на который нужно смотрѣть, какъ на несовершенство полевой культуры, объясняется особенностями характера португальскаго крестьянина, который не рѣшается весь свой капиталъ помѣстить въ одинъ посѣвъ. Въ южныхъ провинціяхъ сѣютъ пшеницу, но раздробленіе земли на мелкіе участки сказывается неблагопріятными послѣдствіями на земледѣліи, и хорошіе урожаи здѣсь рѣдки. Виноградъ разводится повсюду, и знатоки мѣстности увѣряютъ, что, за исключеніемъ немногихъ нездоровыхъ и бѣдныхъ округовъ, положеніе сельскихъ жителей въ Португаліи, въ среднемъ, гораздо лучше, чѣмъ въ Европѣ. Какъ ни странно, но сушеная треска служитъ главнымъ продуктомъ питанія во всѣхъ классахъ населенія, хотя она привозится изъ Норвегіи и Нью-Фаундленда и потому не можетъ быть дешева. Какъ бы то ни было, а достоинства ея, въ смыслѣ питательности, неоспоримы. „Приготовленная въ оливковомъ маслѣ, въ которомъ здѣсь нѣтъ недостатка, треска гораздо питательнѣе, чѣмъ какое-либо другое кушанье“. Полевые рабочіе рѣдко употребляютъ въ пищу карто-

фель; мѣстный хлѣбъ — довольно вкусная смѣсь изъ маиса и ржи; ее называютъ вгоа. При всей указанной примитивности веденія сельскаго хозяйства, которое въ Португаліи находится почти на той же ступени, какъ и 1,400 лѣтъ тому назадъ, здѣсь, съ другой стороны, замѣчаются слѣды тонкаго искусства и художественнаго вкуса, оставленные маврами въ орнаментаціи и глиняныхъ издѣліяхъ. Ярма быковъ покрыты рисунками несомнѣннаго мавританскаго происхожденія, туфли, золотыя издѣлія, служащія для украшеній, точно также носятъ ясный восточный отпечатокъ. Простой народъ въ Португаліи скроменъ, прилеженъ и неприхотливъ въ пищѣ и удовольствіяхъ. Тяжелый рабочій день заканчивается музыкою и танцами. Трудно составить себѣ представленіе о томъ удовольствіи, какое доставляютъ португальцу эти собранія, о ихъ веселости и той легкости, съ которою они налету ловятъ каждую шутку, намекъ или красивый оборотъ рѣчи. Звукъ гитары ночью, pizzicato скрипки оказываютъ замѣчательно притягательное вліяніе на португальца, и эти небольшія радости кажутся имъ вполнѣ достаточнымъ разнообразіемъ въ ихъ трудовой жизни. Народныя мелодіи могутъ смѣло конкуррировать съ мелодіями любой страны. Въ танцахъ замѣчается восточный элементъ, медленный и плавный, съ строго размѣреннымъ тактомъ; португальскій танецъ состоитъ почти исключительно въ движеніяхъ однихъ только рукъ и корпуса; танецъ сопровождается пѣніемъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Португаліи напѣвы, которые часто слышны на поляхъ, имѣютъ несомнѣнно римское происхожденіе; они меланхоличны, протяжны, порою даже лишены рифмы; но пѣсни, которыя поются на веселыхъ и праздничныхъ собраніяхъ, совсѣмъ иного рода. Каждая мѣстность имѣетъ свои пѣсни, свои костюмы, свои сказанія,—такъ медленно идетъ до настоящаго времени процессъ объединенія націй. Замѣчательно, между прочимъ, что у крестьянъ женщины пользуются вполнѣ независимымъ положеніемъ. Онѣ очень усердно работаютъ, веселы и дѣятельны, находчивы въ нуждѣ, остроумны и бойки въ отвѣтахъ. Ихъ поклонники скромны и терпѣливы, и женщины хорошо понимаютъ, что отвѣчаетъ ихъ достоинству.

Отъ класса грубыхъ арендаторовъ и трудолюбивыхъ крестьянъ отличается, и съ невыгодной стороны, среднее городское сословіе. Въ большихъ городахъ цѣлыя улицы застроены домами, хозяева которыхъ, имѣя ровно столько средствъ, чтобы жить не работая, всю жизнь прозябаютъ въ бездѣйствіи. И такая жизнь имъ стоитъ недорого: большой домъ съ капустникомъ позади, съ выбѣленными стѣнами, полы безъ ковровъ, дюжина деревянныхъ стульевъ, одинъ-два стола—вотъ и все убранство дома. Ни въ пріемныхъ комнатахъ, ни въ спальнѣ нѣтъ ни камина, ни печей. Нигдѣ нѣтъ также ни занавѣсей на окнахъ, ни скатертей, ни картинъ, ни зеркалъ, ни стола, на которомъ лежали бы въ безпорядкѣ книги, газеты, журналы, рукодѣлье, нѣтъ ни вазъ съ цвѣтами, ни фарфора, ни часовъ, ни бронзы,—словомъ, ничего изъ всей массы тѣхъ мелкихъ вещей, которыми опредѣляется вкусъ или отсутствіе его у хозяина дома и которыя придаютъ нашимъ жилищамъ ихъ индивидуальный характеръ и своеобразную прелесть. Благодаря отсутствію всего этого, домашняя обстановка жилищъ средняго класса въ Португаліи имѣетъ крайне непригладный и печальный видъ. Женщины занимаются шитьемъ, болтовней, слушаютъ мессу и цѣлыми часами глазѣютъ въ окна. Португальскую женщину можно видѣть на улицѣ тогда, когда она идетъ въ церковь. Мужчины шатаются между лавокъ, безостановочно курятъ сигаретки, а въ полдень отдыхаютъ. Если печетъ солнце, то они стоятъ на углахъ улицъ съ распущенными зонтиками; зимою они носятъ на плечахъ шаль, которую складываютъ треугольникомъ, какъ ихъ носятъ наши женщины. Такова мода и они слѣдуютъ ей, не смотря на насмѣшки сосѣдей-испанцевъ. Въ этихъ городахъ никогда нѣтъ новостей, и если два человѣка оживленно разговариваютъ между собою, обсуждая, повидимому, предметы первой важности, то можно быть увѣреннымъ, что они толкуютъ о томъ, вздорожалъ или подешевѣлъ фунтъ табаку на грошъ, или о чемъ-нибудь въ этомъ родѣ. Они не занимаются модами, которыя могли бы доставить имъ матеріалъ для размышленія и разговора: старые и молодые одѣваются одинаково, съ тою только разницею, что молодежь носитъ ужасно тѣсныя ботинки, которыя, навѣрное, очень безпокоятъ ихъ во время прогулокъ и путешествій. Между прочимъ, кромѣ тѣсныхъ ботинокъ, молодые люди имѣютъ болѣе серьезное занятіе, это—любовь,—самая безобидная изъ всѣхъ существующихъ въ мірѣ видовъ любви. Это занятіе совершается такъ благопристойно и въ такой платонической формѣ, что даже самая строгая гувернантка не могла бы возразить противъ нея ничего. Молодые люди обнаруживаютъ свою симпатію тѣмъ, что стоятъ, какъ вкопанные, напротивъ дома, въ которомъ живетъ предметъ поклоненія, а дѣвушка одобрительно смотритъ изъ окна; тѣмъ дѣло и кончается. Равнодушному хозяину лавки, повидимому, безразлично—покупаютъ у него, или нѣтъ и онъ считаетъ за комплиментъ, когда его называютъ „muy fino“, потому что въ этомъ онъ видитъ свое умѣнье очаровать покупателя. Сельское насе-

леніе Португаліи всюду отличается вѣжливостью и добродушіемъ, но въ то же время португальцы очень лукавы. Однако, нельзя отрицать того, что рыцарство составляетъ выдающуюся черту португальцевъ. Они набожны, даже суевѣрны, но духовенство не имѣетъ у нихъ уже прежняго вліянія. Нищенство, какъ и прежде, возростаетъ все болѣе и болѣе и, повидимому, обратилось въ національный порокъ. Вѣжливость португальцевъ проявляется въ безчисленномъ множествѣ условныхъ формъ, которыхъ необходимо строго придерживаться; несоблюденіе ихъ наноситъ самолюбію португальца самый чувствительный ударъ. Въ этомъ отношеніи они очень похожи на своихъ сосѣдей-испанцевъ.

Впрочемъ, современное положеніе дѣлъ въ Португаліи заслуживаетъ полнаго одобренія. Строятся желѣзныя дороги, хотя и ощущается недостатокъ въ шоссейныхъ, которыя увеличили-бы движеніе. Развивается промышленность, и въ городахъ улучшеніе уже коснулось муниципальнаго устройства и санитарнаго дѣла. Съ другой стороны, обособленное положеніе Португаліи на Ю.-З. конечности Европы дало ей возможность держаться въ сторонѣ отъ военной лихорадки, которая въ полѣднее время охватила весь цивилизованный міръ. Едва-ли можно указать какое-нибудь другое государство, которое пользовалось бы столь продолжительной эпохой мира, какъ Португалія, и нужно сознаться, что ни одно государство не воспользовалось этою эпохою съ такою выгодою для себя.

Королевство Испанія.

Большую часть Иберійскаго полуострова занимаетъ королевство Испанія, которая почти въ $5^1/_2$ разъ больше и вчетверо многолюднѣе сосѣдней Португаліи. Поверхность Испаніи обнимаетъ 497,250 кв. килом.; число жителей ея простирается до 17.300,000 челов. Здѣсь, какъ и въ Португаліи, католичество является почти исключительною, господствующею религіею; въ отдѣльныхъ мѣстахъ, впрочемъ, существуютъ протестанскія общины, но онѣ слишкомъ незначительны, чтобы наложить отпечатокъ на испанскій народъ. Форма правленія въ Испаніи конституціонно-монархическая; царская власть возстановлена здѣсь лишь недавно: въ 1868 г. она была свергнута и королевство представляло собою жалкую картину политическихъ раздоровъ и недозрѣлости. Очень важную роль среди этихъ безпорядковъ играла вооруженная сила, которая простирается до 100,000 человѣкъ, съ резервами же и ополченіемъ это число увеличивается до 680,000, не считая войскъ, находящихся въ колоніяхъ. Флотъ располагаетъ 118 судами и 500 орудій. Испанцы имѣютъ одну общую со своими сѣверными сосѣдями-французами характерную черту,—они непонятны для иностранца, такъ какъ ихъ способъ мышленія и сужденія совсѣмъ не такой, какъ у насъ. Другая черта сходства между Испаніею и Франціею заключается въ разнообразіи племенъ, населяющихъ ея территорію, и—нарѣчій, на которыхъ они говорятъ. Какъ сѣверные французы, провансальцы, бретонцы, такъ и каталонцы, кастильцы и баски не понимаютъ другъ друга. Но въ то время, какъ во Франціи идея единства государства во всѣхъ отдѣльныхъ племенахъ развилась до степени общаго національнаго культа,

въ Испаніи, среди нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ племенъ, ни въ какомъ случаѣ нельзя отрицать сепаративныхъ стремленій. Такимъ образомъ Пиринейскій полуостровъ, кромѣ Португаліи, представляетъ собою образецъ разнороднѣйшихъ народныхъ характеровъ.

„Изъ всѣхъ испанскихъ народностей, говоритъ д-ръ Н. фонъ Гердель, самыми счастливыми качествами обладаютъ андалузцы. Они всего лучше могутъ опровергнуть тѣ представленія, которыя распространены въ Европѣ относительно коварства, фанатизма, и мстительности испанцевъ. Андалузецъ слишкомъ веселъ, чтобы быть коварнымъ, слишкомъ добродушенъ, чтобы быть мстительнымъ, слишкомъ счастливъ и доволенъ собою, чтобы быть фанатичнымъ. Андалузецъ болѣе, чѣмъ кто-либо другой доволенъ собою своимъ Богомъ и своею родиною, и это сказывается во всемъ его существѣ. Очевидно, онъ глубоко убѣжденъ въ своихъ личныхъ достоинствахъ. Онъ охотно хвастается своею фигурою въ великолѣпномъ костюмѣ, онъ кокетничаетъ съ дамами, но его самолюбіе такъ наивно, что не возбуждаетъ ни въ комъ непріязни. Сознаніе своихъ преимуществъ не дѣлаетъ его надменнымъ и не приводитъ къ невѣжливости. Напротивъ, оно скорѣе заставляетъ его показывать себя только съ лучшей стороны, потому что онъ убѣжденъ, что онъ самое лучшее существо на свѣтѣ. Поэтому онъ любезенъ, предупредителенъ, услужливъ, разговорчивъ, а въ тонкости обращенія съ женщинами превосходитъ даже француза. Это сангвиническая натура; веселость въ ея наиболѣе привлекательныхъ формахъ и оживленіе составляютъ характеристическую черту андалузскихъ городовъ. Не лишенъ интереса въ культурно-историческомъ отношеніи тотъ фактъ, что еще во времена римской имперіи обитатели Бэтики, т. е. современные андалузцы, считались лучшими танцорами. Въ то время славою лучшихъ танцоровъ пользовались жители Кадикса, теперь же сильными соперниками ему въ этомъ отношеніи являются Севилья и Малага. Красота Андалузіи, чувство жизнерадостности, пульсирующее въ жилахъ ея обитателей, объясняетъ намъ, почему андалузцу такъ не нравится военная служба. Жизнь для него слишкомъ прекрасна, чтобы рисковать ею изъ-за какой-нибудь идеи, предложенной правительствомъ, а земля для него слишкомъ хороша, чтобы такъ легко отрѣшиться отъ столь сладостныхъ житейскихъ привычекъ. Изящная, красивая фигура андалузца, которою наградила его природа, въ придачу къ многимъ другимъ его достоинствамъ, становится еще болѣе привлекательною, когда андалузецъ сидитъ на своемъ горячемъ съ шелковистою шерстью конѣ. Но изъ этой пары лишь одинъ конь годится для военной службы, и только онъ охотно несется въ битву. Андалузецъ, какъ и неаполитанецъ, будучи пропорціонально сложенъ и отличаясь изяществомъ движеній, обладаетъ ограниченною физическою силою. Но разъ тотъ или другой изъ нихъ полюбилъ войну, онъ съумѣетъ въ самыхъ исключительныхъ обстоятельствахъ перенести всѣ связанныя съ нею неудобства.

Андалузская пара.

Дать характеристику остальнымъ испанцамъ очень легко, потому что во всѣхъ отдѣльныхъ случаяхъ они являются прямою противоположностію андалузцамъ. Наиболѣе извѣстное племя—кастильцы, но они во многомъ уступаютъ андалузцамъ. Чопорный, проникнутый этикетомъ гидальго, церемонный и лѣнивый кабаллеро, гордый предками и даже въ страшной бѣдности беззаботный ранудо-де-калибрадосъ,—вотъ извѣстные испан-

скіе типы, встрѣчающіеся среди однихъ только кастильцевъ. Кастилецъ, какъ и андалузецъ высокаго мнѣнія о самомъ себѣ, но въ то время, какъ послѣдній въ силу этого любезенъ, первый ищетъ лишь главенства. Онъ заботится не о томъ, чтобы произвести возможно лучшее впечатлѣніе, а лишь о томъ, чтобы пріобрѣсти большое значеніе. Поэтому кастилецъ изобрѣлъ „grandezza“, чтобы сложными церемоніями пополнить дѣйствительные недостатки въ достоинствѣ личности. Конечная цѣль его стремленій—абсолютный, безмятежный покой и бездѣятельность. Кастилецъ избѣгаетъ работы не изъ эпикурейскихъ принциповъ, какъ то дѣлаетъ, напр., пылкій андалузецъ, а изъ стоической потребности въ безмятежномъ расположеніи духа, въ ненарушимомъ спокойствіи. Кастилецъ, какъ большинство представителей романскаго племени, если и бываетъ вынужденъ работать для поддержанія своего существованія, то стремится какъ можно скорѣе составить капиталъ, проценты къ которого обезпечивали бы ему впослѣдствіи покойную жизнь. Прежде чѣмъ серьезно предаться ничегонедѣланію, онъ охотно откладываетъ себѣ сумму, которая ему кажется необходимою, но она рѣдко достигаетъ предположенныхъ размѣровъ, потому что въ борьбѣ за существованіе кастилецъ все понижаетъ свои и безъ того скромныя претензіи. Благородная добродѣтель умѣренности легко

Типъ кастильской дамы.

преувеличивается имъ, и въ концѣ концовъ кастилецъ не шевельнетъ пальцемъ, если представляется возможность кое-какъ перебиться, не затрачивая на это особенныхъ усилій.

Гораздо больше настойчивости въ работѣ обнаруживаютъ обитатели сѣвернаго испанскаго берега,—галиційцы и баски. Всѣ они пользуются одинаковою репутаціею дѣльныхъ людей, но только въ разныхъ сферахъ. Галиційцы пригодны для всевозможнѣйшихъ услугъ; они могутъ быть поденщиками, работниками, погонщиками муловъ, слугами и ремесленниками; астурійцамъ всего болѣе нравится должность слугъ, тогда какъ баски равно какъ и кастильцы, слишкомъ горды, чтобы прислуживать кому бы то ни было, и стремятся быть арендаторами или земледѣльцами. Баски вполнѣ надежный народъ, но упрямы и потому плохо уживаются, а астурійцы — самые уступчивыя и вѣрныя дѣти Испаніи тамъ, гдѣ они обживутся. Наибольшею страстью къ наживѣ отличаются галиційцы (gallegos), частію напоминающіе собою итальянцевъ, частію же швейцарцевъ. Съ итальянцами они сходны въ томъ, что gallego, отправившись на заработокъ, обыкновенно работаетъ и послѣ того, какъ накопитъ желаемую сумму денегъ,—до тѣхъ поръ, пока позволяетъ ему привязанность къ своей суровой родинѣ, къ своей Галиціи. На швейцарца онъ походитъ тѣмъ, что подобно послѣднему, онъ также дитя горъ и, будучи вынужденъ искать заработка на чужой сторонѣ, съ трогательною привязанностію возвращается въ свои горы, какъ только найдетъ, по своему разсчету, что на чужбинѣ онъ заработалъ достаточно денегъ.

Жители прежняго королевства Аррагоніи отличаются духомъ предпріимчивости, будучи въ то же время и самыми свободолюбивыми дѣтьми Пиринейскаго полуострова. Собственно аррагонцы, каталонцы (каталаны) и валенсійцы заслужили названіе мятежниковъ и предпріимчивыхъ людей въ одинаковой степени, хотя и не въ одинаковомъ направленіи. Самою дурною репутаціею пользуются валенсійцы, потому что среди нихъ случаи мести и насилія—заурядное явленіе. Аррагонцы же въ былое время очень заботились объ огражденіи своихъ правъ отъ покушеній со стороны королевской власти. Каталонцы также неохотно подчинялись власти аррагонскихъ, а впослѣдствіи испанскихъ королей. При спорахъ за престолонаслѣдіе, при каждомъ государственномъ переворотѣ каталонцы оказывали упорное сопротивленіе мадридскому правительству. Замѣчательно при этомъ, что въ провинціи Каталоніи и въ городѣ Барселонѣ бываетъ сравнительно менѣе преступленій, чѣмъ въ другихъ частяхъ Испаніи; эта пріятная особенность Каталоніи рѣзко выдается при сравненіи Каталоніи съ сосѣдней провинціей Валенсіей.

Кастильцы, галиційцы и собственно-аррагонцы отличаются храбростью и способностью къ военной дисциплинѣ. Каталонцы и баски конечно, не уступаютъ имъ въ храбрости; послѣдніе, какъ мы уже замѣтили выше, предпріимчивѣе всѣхъ другихъ испанскихъ племенъ. Но ни каталонцы, ни баски, ни даже наваррцы не способны долго подчиняться дисциплинѣ, и потому при современной стратегической системѣ ихъ храбрость не приноситъ замѣтной пользы, исключая войну гверильясовъ.

Жители Балеарскихъ и Питіузскихъ острововъ, происшедшіе отъ различныхъ націй, сильно отличаются отъ кастильцевъ и сходны съ жителями Валенсіи и Каталоніи. Ихъ языкъ, какъ и каталонскій, валенсійскій и провансальскій, представляетъ собою вѣтвь пользовавшагося въ средніе вѣка большою распространенностью лимозинскаго нарѣчія. Онъ имѣетъ довольно богатую, преимущественно поэтическую литературу и въ настоящее время тщательно обработывается, развивается и даже служитъ обычнымъ разговорнымъ языкомъ въ высшихъ классахъ. На немъ ведется преподаваніе въ низшихъ школахъ и произносятся церковныя проповѣди. Оффиціальный языкъ—кастильскій. Жители Балеарскихъ острововъ учтивы, предупредительны, дружелюбны и честны; они никогда не запираютъ своихъ домовъ, и случаи воровства тамъ крайне рѣдки. Непріятное дѣйствіе производитъ только ихъ крайній партикуляризмъ.

Всѣ описанныя нами различныя испанскія племена, за исключеніемъ одного, принадлежатъ къ арійской или индогерманской расѣ. Исключеніе составляютъ баски, живущіе по обѣ стороны Пиринеевъ—въ Испаніи и во Франціи. Они принадлежатъ къ интереснѣйшимъ въ этнологическомъ смыслѣ народамъ Европы, такъ какъ, по общепринятому мнѣнію, являются остаткомъ древнихъ иберійцевъ, именно того иберійскаго племени, которое въ древнія историческія времена населяло Западную Европу и было вытѣснено авангардомъ арійскаго переселенія—кельтами.

По изслѣдованіямъ знатоковъ, баски живутъ въ четырехъ испанскихъ и трехъ французскихъ провинціяхъ, но даже и въ этихъ провинціяхъ не вездѣ говорятъ на баскскомъ языкѣ. За предѣлами названной территоріи баскскій языкъ встрѣчается только въ двухъ французскихъ пограничныхъ деревняхъ и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Мексики, Монтевидео и Лаплаты, гдѣ имъ пользуются американскіе потомки переселившихся сюда басковъ. Среднимъ числомъ насчитываются 660,000 испанскихъ и 140,000 французскихъ басковъ. Большая часть басковъ, кромѣ род-

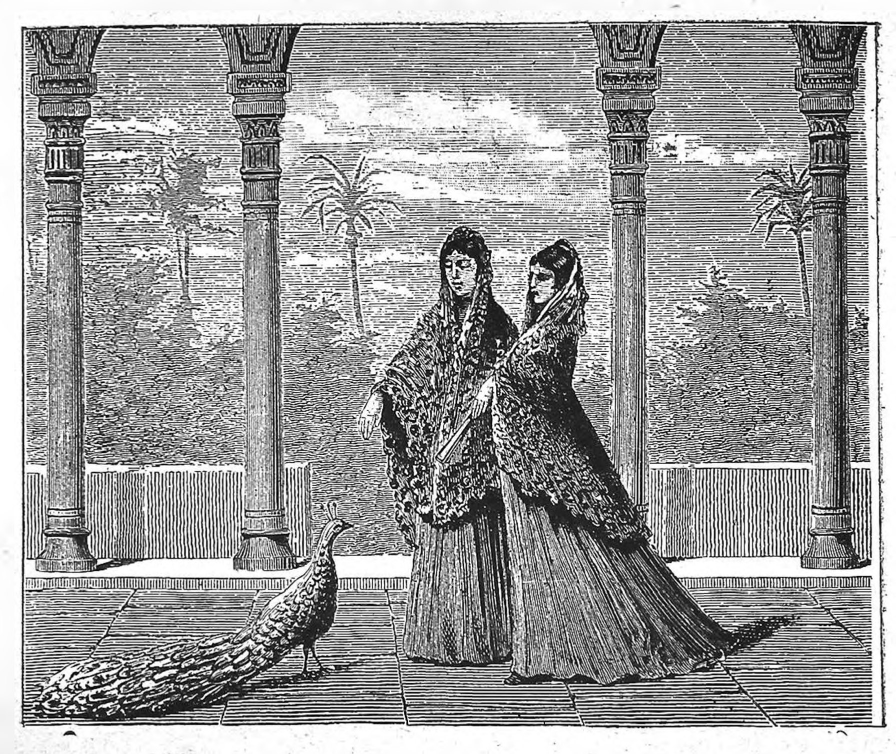
ного языка, понимаютъ и нарѣчіе той мѣстности, гдѣ они живутъ. Главныхъ діалектовъ четыре—гвипускойскій, бискайскій, лабурдинскій и сульскій. Разница между ними заключается не только въ произношеніи и грамматической конструкціи рѣчи, но простирается до различія въ словахъ, при чемъ нѣкоторые говоры непонятны даже для лицъ, принадлежащихъ къ этому племени. Испанскіе баски называютъ свой языкъ эйскара, а себя—эйскальдунаками, т. е. людьми, говорящими на языкѣ эйскара. Родину свою они называютъ Эйскалеаріею. Французскіе баски называютъ себя васками,—отъ слова васокъ—человѣкъ,—свой языкъ—баскунзскимъ и родину—Гескуальгерріакъ, т. е. государствомъ басковъ. Всѣ націи, не принадлежащія къ племени басковъ, называются у нихъ эрдальдунаками. Это названіе происходитъ отъ слова эрду—новоприбывшій человѣкъ, и въ данномъ случаѣ обозначаетъ переселенцевъ въ Испанію и Францію, гдѣ раньше ихъ уже поселились эйскальдунаки.

Баски рано приняли христіанство, и потому многія важныя преданія и различные религіозные обычаи безвозвратно потеряны для науки. Повидимому, предки басковъ не знали плуга и даже теперь въ Гвипускоа пользуются мотыгой и особеннымъ орудіемъ, которое формою своею похоже на сѣнныя вилы. Впрочемъ, баски усердно занимаются обработкою земли и заслуги ихъ въ этомъ отношеніи тѣмъ цѣннѣе, что безплодная почва требуетъ здѣсь большой затраты труда и можетъ быть лишь отчасти улучшена при помощи известковаго удобренія. Поэтому у каждаго домика имѣется печь для обжиганія извести. Наиболѣе распространеннымъ предметомъ полевой культуры является кукуруза. Кромѣ земледѣлія баски занимаются также рыболовствомъ и охотой за дикими голубями.

Въ мадридской тавернѣ.

Въ странѣ басковъ также процвѣтаетъ торговля и промышленность. Въ Бискайѣ много желѣзодѣлательныхъ заводовъ. Помимо желѣза, наиболѣе важными статьями вывоза являются—строевой лѣсъ, плоды, шоколадъ и вино. Съ незапамятныхъ временъ баски извѣстны, какъ предпріимчивые и отважные моряки.

Баски обыкновенно стройны и худощавы, но сильны и обладаютъ крѣпкимъ тѣлосложеніемъ; глаза у нихъ сѣрые и цвѣтъ лица смугловатый. Сила мускуловъ у нихъ соединяется съ ловкостью и гибкостью членовъ, походка легкая, взглядъ увѣренный. Не боясь головокруженія, они прыгаютъ со скалы на скалу и влѣзаютъ на самые высокіе зубцы горъ. Кромѣ того всѣ они хорошіе стрѣлки,

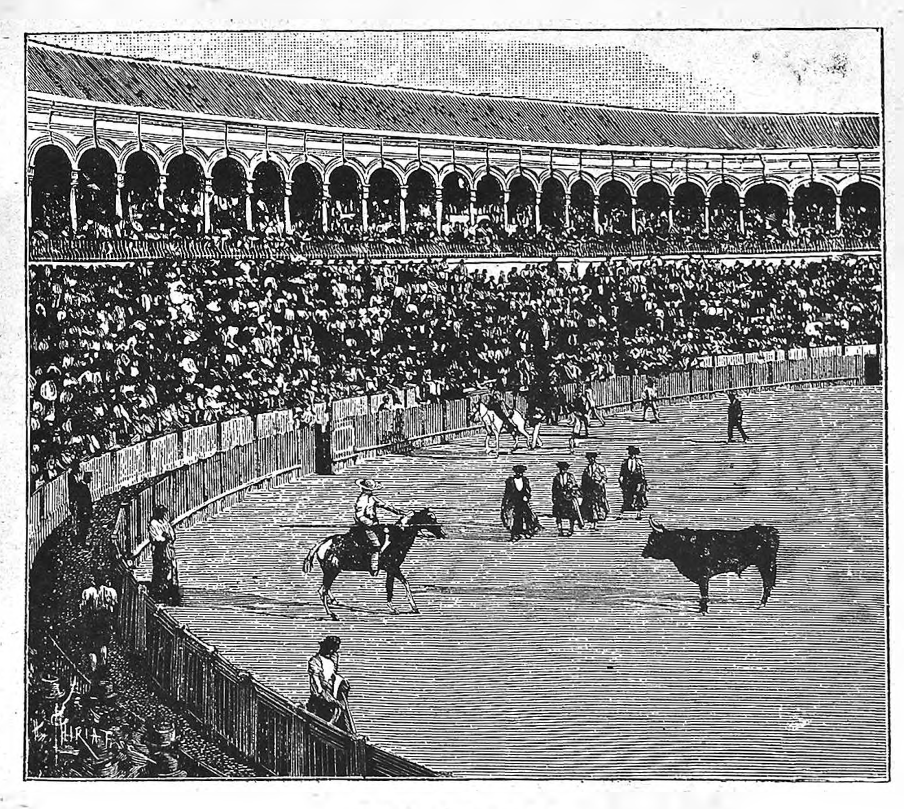


Испанскія дамы изъ Гранады.

ловкіе наѣздники, неутомимые танцоры и отличные пловцы. Женщины у басковъ вообще красивы, стройны и граціозны въ движеніяхъ, цвѣтъ лица у нихъ великолѣпный, руки и ноги изящны, походка легкая, глаза жгучіе и профиль напоминаетъ собою греческій. Онѣ живы, веселы и плутоваты. Къ этимъ качествамъ присоединяется удивительная физическая сила, настолько значительная, что онѣ не только могутъ выполнять мужскія работы, но часто устаютъ гораздо менѣе мужчинъ. Что касается нравственныхъ качествъ басковъ, то они одарены мужествомъ, любовью къ свободѣ, честностью, гостепріимствомъ и твердостью въ исполненіи обѣщаній. Но вмѣстѣ съ тѣмъ они горды, очень раздражительны, крайне суевѣрны и страстно любятъ азартныя игры. Ихъ высокомѣріе доходитъ до того, что каждый баскъ, рожденный отъ законнаго брака, считаетъ себя дворяниномъ. Отъ сосѣднихъ народовъ баски замѣтно отличаются чистоплотностью; ихъ жилища по чистотѣ и опрятности не уступаютъ голландскимъ. Въ испанскихъ поселеніяхъ басковъ мы почти не встрѣчаемъ деревень, а лишь множество отдѣльныхъ домовъ, которые стоятъ среди полей то по близости одинъ отъ другого, то удаленные другъ отъ друга на значительныя разстоянія. Извѣстное число такихъ крестьянскихъ домовъ съ приходскою церковью составляютъ такъ называемую республику. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ встрѣчаются старые полуразрушенные замки, съ незапамятныхъ временъ принадлежащіе однимъ и тѣмъ же семействамъ; владѣльцы такихъ замковъ, — по испански parientes mayores,—пользуются большимъ уваженіемъ среди простого населенія.

Для полноты изображенія испанскихъ народныхъ типовъ слѣдуетъ сказать хотя нѣсколько словъ о цынанахъ, «gitanos», которые еще во времена сѣдой древности поселились въ южныхъ испанскихъ городахъ, главнымъ образомъ въ Севильѣ

Кто хочетъ изучить образъ жизни и занятія цыганъ, тому слѣдуетъ отправиться вечеромъ на противоположный берегъ Гвадалквивира въ предмѣстье Тріана. Этотъ небольшой народъ до сихъ поръ еще не успѣлъ привыкнуть къ тѣснымъ помѣщеніямъ городскихъ домовъ и большую часть своей жизни проводитъ подъ открытымъ небомъ. Здѣсь одни работаютъ на наковальнѣ, другіе торгуютъ какую-нибудь скотину, женщины раскладываютъ платки и старое платье, которое онѣ пойдутъ завтра продавать по домамъ или на ближайшей ярмаркѣ; тамъ дѣвушка подъ аккомпаниментъ гитары поетъ одну изъ тѣхъ пѣсенъ, которыя хватаютъ за сердце своею странною прелестью; другія хвастаютъ своимъ новымъ пестрымъ платьемъ или блестящими украшеніями изъ поддѣльныхъ камней; а здѣсь живая парочка въ кругу друзей, подъ звуки пѣсней и хлопанье въ ладоши исполняетъ какой-то фантастическій танецъ. Всѣ составляютъ какъ бы одну семью, членовъ которой легко распознать по темному цвѣту кожи, чернымъ волосамъ и глазамъ, по твердому проницательному взгляду и стройному тѣлосложенію. О цыганахъ говорятъ, что они любятъ другъ друга, какъ члены одного семейства. Противъ чужихъ они дѣйствуютъ заодно и охотно злоупотребляютъ своимъ тонкимъ пониманіемъ и знаніемъ человѣческаго сердца. Ихъ считаютъ злыми, лживыми и низкими существами, особенно женщинъ, которыя своимъ гаданьемъ на картахъ и предсказаніями будущаго вселяютъ въ простомъ народѣ суевѣрный страхъ. Цыганъ, вынужденный селиться вмѣстѣ съ прочими людьми, отдаетъ предпочтеніе наиболѣе удаленнымъ отъ центра мѣстностямъ города. Такъ называемые viandantes (бродяги), которые, подобно своимъ предкамъ, все еще живутъ въ поляхъ и лѣсахъ, составляютъ среди цыганъ нѣчто въ родѣ дворянскаго сословія. Они съ презрѣніемъ смотрятъ на своихъ городскихъ соплеменниковъ, а тѣ питаютъ къ нимъ какой-то суевѣрный страхъ. Теперь цыгане пользуются правами гражданства и отбываютъ воинскую повинность.



Бой быковъ.

Пуэрта-дель-Соль въ Мадридѣ.

На болѣе низкой ступени развитія находятся малоизвѣстные дикіе люди, живущіе въ очень романтической, но уединенной пустынной долинѣ Гурдесъ; эта долина лежитъ въ горахъ Сіерра де Франкосъ, которыя примыкаютъ на Ю.-З. древняго королевства Леонъ къ португальскимъ „Звѣзднымъ горамъ" (Серра-да-Эстрелья).

Испанцы, если съ ними обращаться учтиво, очень любезный народъ, а по отношенію къ дѣтямъ они даже чрезвычайно ласковы; но надменность иностранцевъ, свысока смотрящихъ на испанцевъ, легко возбуждаетъ ихъ гнѣвъ и заставляетъ хвататься за ножъ. Улицы въ испанскихъ городахъ узки и царящая здѣсь атмосфера такъ тяжела и насыщена всевозможными запахами, что иностранецъ не скоро привыкаетъ къ ней. Красота испанокъ въ общемъ преувеличивается, но глаза ихъ кротки и темны, ихъ пунцовыя губы пикантно подернуты легкимъ пушкомъ, движенія дышутъ красотою. Однако, испанки красивы лишь въ молодости; съ наступленіемъ старости онѣ становятся отвратительны и аэндорскія вѣдьмы въ сравненіи съ ними — чистыя граціи. Домашняя жизнь въ нашемъ смыслѣ совсѣмъ неизвѣстна испанцамъ. Ихъ жены живутъ или въ спальнѣ, или на улицѣ. Общество у нихъ составляется лишь на улицѣ или въ театрѣ, который они страстно любятъ, и на концертахъ, устраиваемыхъ подъ открытымъ небомъ.

Послѣ всего сказаннаго объ испанскомъ народѣ, излишне говорить, что каждый изъ болѣе важныхъ городовъ государства имѣетъ свой опредѣленный

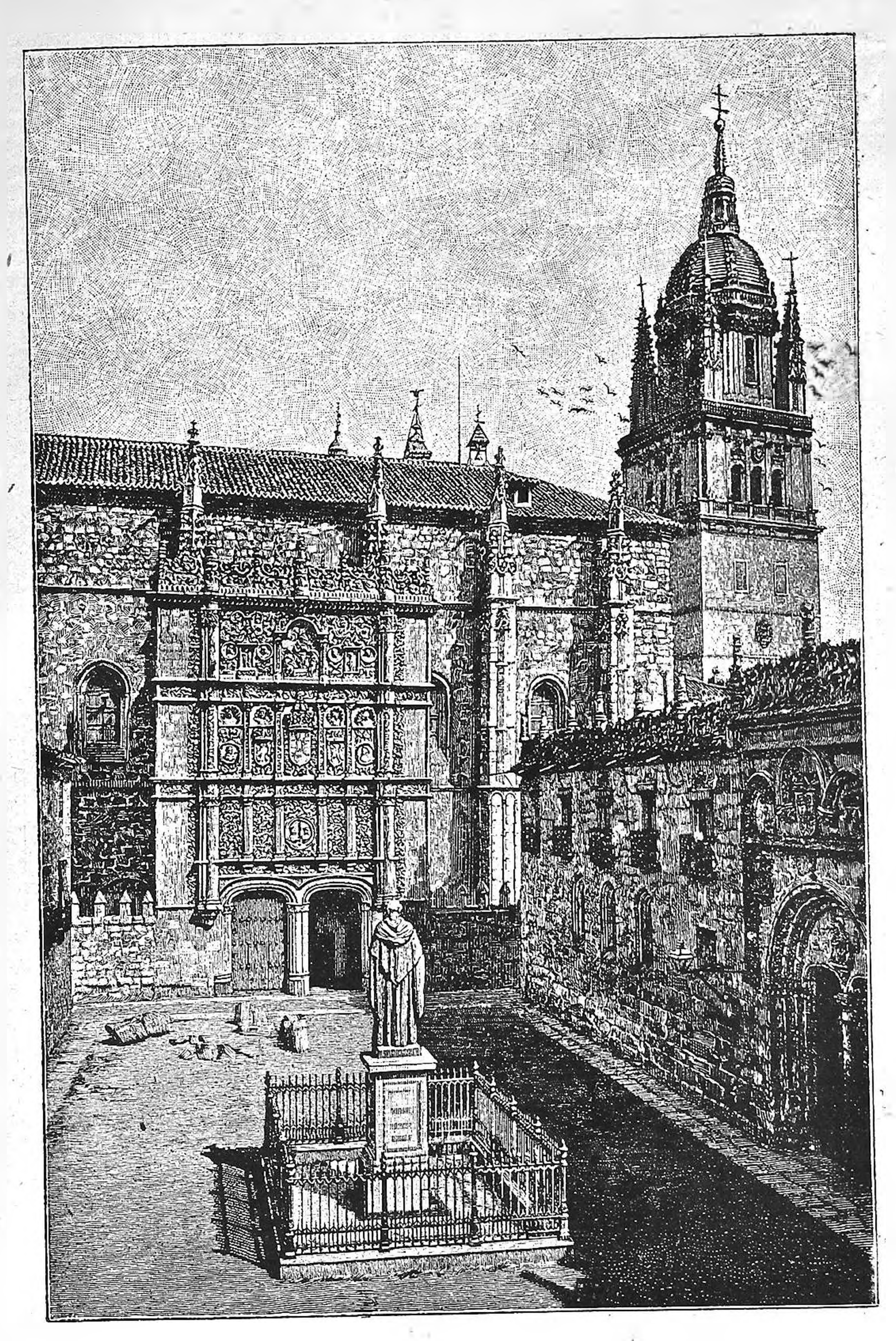
Испанка съ гитарой.

характеръ, сложившійся подъ вліяніемъ историческихъ событій. Самыми важными являются главные города прежнихъ 16 княжествъ и королевствъ, изъ которыхъ впослѣдствіи составилось королевство Испанія, и которыя до настоящаго времени извѣстны подъ именемъ провинцій. Въ настоящее время Испанія дѣлится на 49 провинцій (включая сюда Балеарскіе и причисляемые къ Европѣ Канарскіе острова), изъ которыхъ каждая носитъ названіе своего главнаго города. Но старинное, историческое дѣленіе государства пустило слишкомъ глубокіе корни и имѣло естественное основаніе, такъ что древнія столицы отдѣльныхъ провинцій все еще сіяютъ блескомъ своего прежняго величія. Такъ какъ размѣры книги не позволяютъ намъ описывать каждый городъ въ отдѣльности, то мы ограничимся нѣсколькими, наиболѣе характерными примѣрами. Начнемъ съ Мадрида, который видимо расцвѣлъ за послѣднее время.

Мѣстоположеніе Мадрида гораздо хуже мѣстоположенія любой изъ европейскихъ столицъ; кромѣ того, онъ мало интересенъ и въ архитектурномъ отношеніи, хотя, какъ и всѣ большіе города, украшенъ статуями и фонтанами. Извѣстная площадь въ центрѣ Мадрида, Puerta del Sol, имѣющая круглую форму, безспорно, одна изъ красивѣйшихъ въ Европѣ. Посреди нея бьетъ прекрасный фонтанъ; сюда выходятъ всѣ главныя улицы города: противъ королевскаго замка— Calle mayor и Calle del Arenal, въ противоположномъ направленіи — Calle del Alcala и Carrera S. Geronimo, на сѣверѣ—Calle de la Montera и еще двѣ улицы. Всѣхъ красивѣе Calle del Alcala, которая ведетъ къ Salon del Prado,—большому мѣсту гуляній, гдѣ находится также и музей. Puerta del Sol съ ея большими блестящими кафе и всѣ эти современныя улицы кишатъ вполнѣ современнымъ народомъ. Уличная жизнь пріобрѣтаетъ необыкновенное оживленіе въ особенности вечеромъ, когда роскошные магазины загораются множествомъ газовыхъ рожковъ. Однако, ни эти улицы, ни большія площади, ни украшенная 44 статуями королей Plaza de Oriente, которая находится между зданіемъ оперы и королевскимъ замкомъ и среди которой стоитъ конная статуя Филиппа IV, ни Plaza mayor, гдѣ прежде происходилъ бой быковъ и совершалось ауто-да-фэ, въ виду чего владѣльцы домовъ были обязаны передѣлать свои балконы и окна на ложи,—не имѣетъ въ себѣ ничего специфически испанскаго. Статуя Филиппа IV—одна изъ красивѣйшихъ и наиболѣе замѣчательныхъ. Трудно понять, какимъ образомъ эта бронзовая статуя въ 6 метр. вышиною сохраняетъ равновѣсіе, когда поднявшаяся на дыбы лошадь стоитъ только на двухъ заднихъ ногахъ. Изящная осанка сидящаго верхомъ на конѣ короля, съ развѣвающеюся перевязью, производитъ впечатлѣніе рыцаря, какимъ и былъ на самомъ дѣлѣ Филиппъ.

Необходимо посмотрѣть собственными глазами, чтобы повѣрить, какой печальный видъ на окрестности открывается изъ городскихъ воротъ Мадрида: на сколько хватаетъ взоръ, здѣсь тянутся одни только лишенные растительности печальные холмы. Изъ оконъ своего дворца, въ западной части города, король можетъ любоваться ландшафтомъ, въ сравненіи съ которымъ венгерская „пуста“ кажется англійскимъ паркомъ. Близкое сосѣдство Мансанареса, почти пересыхающаго лѣтомъ, ничуть не скрашиваетъ обстановки, потому что вдоль его береговъ развѣвается вывѣшенное для просушки бѣлье жителей всего Мадрида; тѣмъ не менѣе авторъ хорошенькой пѣсенки, такъ изящно переложенной на музыку Іенсеномъ, съумѣлъ опоэтизировать именно это мѣсто, „гдѣ дѣвушка моетъ полотно и сушитъ его на солнцѣ“.

Впрочемъ, за послѣднее время Мадридъ не только замѣтно расширился, но и улучшился. На Puerta del Sol выросло много элегантныхъ отелей, которыхъ прежде не было совсѣмъ; на всѣхъ главныхъ улицахъ появились великолѣпныя зданія и роскошно обставленные кафэ, но особеннымъ изяществомъ отличаются магазины, которые по вечерамъ блестятъ множествомъ огней и украшаютъ собою наиболѣе модныя мѣста въ городѣ. Еще болѣе измѣнились окрестности Мадрида. Городскія ворота въ Мадридѣ еще сохранились, но самыя стѣны уже почти совсѣмъ уничтожены. Еще въ 1844 году Мадридъ почти не имѣлъ предмѣстій, теперь ихъ цѣлыхъ восемь; три изъ нихъ, примыкающія къ городу съ сѣверо-востока, востока и сѣверо-запада, Barrios de Salamanca, de los Pozos, и de Arguelles стали новыми лучшими частями Мадрида; здѣсь тянутся широкія аллеи бульваровъ, высятся дома, выстроенные въ современномъ вкусѣ—о трехъ и четырехъ эта-



Университетъ въ Саламанкѣ.

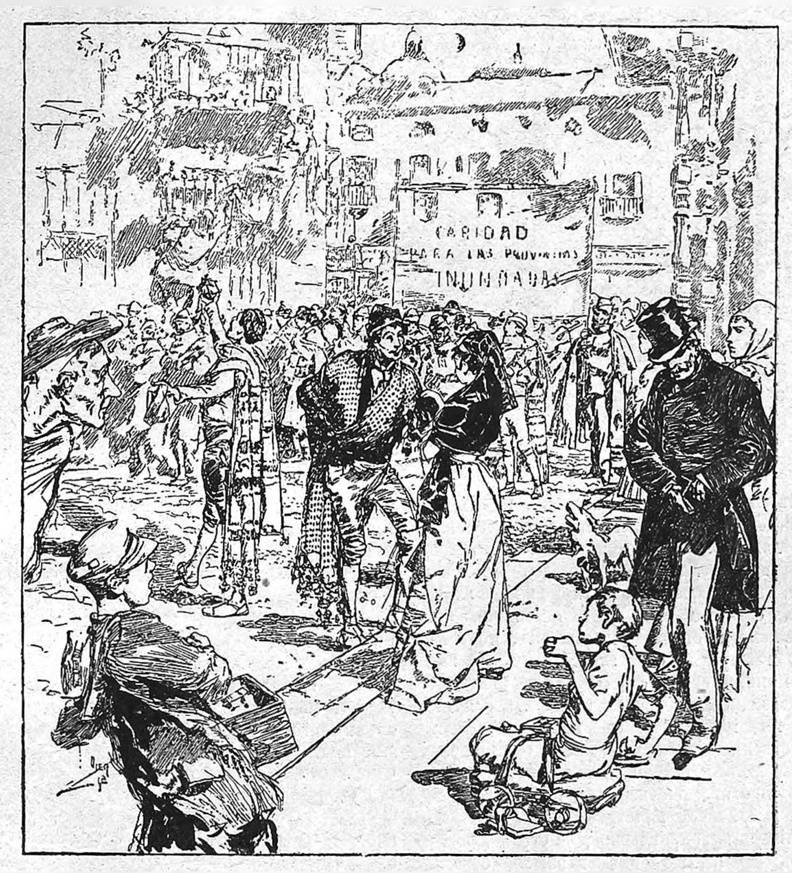
жахъ, съ изящными балконами и плоскими крышами, имѣются скверы, украшенные цвѣтами и фонтанами. Кромѣ того, здѣсь, какъ и на противоположной сторонѣ Мадрида, разбито много садовъ, выстроены виллы, увеселительныя мѣста и т. п.; нѣтъ только ни одной новой церкви!.. Такою перемѣною Мадридъ обязанъ не однимъ только желѣзнымъ дорогамъ; конечно, онѣ способствовали возникновенію новыхъ зданій (особенно вблизи станцій желѣзныхъ дорогъ, которыхъ здѣсь три) и развивающе вліяли на жителей ществованіе фонтановъ въ садахъ „Ensanche de Madrid" (расширеніе Мадрида) и появленіе выросшихъ какъ бы по волшебству садовъ, аллей и мѣстъ для гуляній въ прежде безплодныхъ и выжженныхъ солнцемъ окрестностяхъ Мадрида. Даже самыя высокія помѣщенія внутри города пользуются водопроводомъ, и во всѣхъ частяхъ города возникаютъ новые общественные колодцы. Громадное количество воды, приносимое каналомъ (длина его 93,6 килом.) съ возвышенностей Гвадаррамы, произвело замѣтное

Въ мадридской тавернѣ.

и на сообщеніе внутри страны; но перемѣна Мадрида зависѣла отъ окончательнаго устройства канала Изабеллы. Прежде Мадридъ извѣстенъ былъ недостаткомъ воды и ея недоброкачественностью; теперь же, благодаря этому каналу, онъ принадлежитъ къ числу городовъ Европы, пользующихся наилучшимъ водоснабженіемъ, а по качеству воды онъ уступаетъ изъ всѣхъ большихъ городовъ полуострова развѣ только Гренадѣ. Каналъ, носящій имя изгнанной королевы,—самое величественное изъ новѣйшихъ водопроводныхъ сооруженій въ Испаніи. Онъ оконченъ въ 1859 г., стоилъ почти 100.000,000 марокъ и приспособленъ не только къ доставленію въ Мадридъ воды для питья, но и къ орошенію окрестностей. Этимъ объясняется существованіе фонтановъ... улучшеніе и въ климатѣ мѣстности,—воздухъ въ городѣ и его окрестностяхъ сталъ гораздо влажнѣе, чему способствовали, кромѣ того сады и древесныя насажденія. Нѣтъ надобности добавлять, что это отозвалось благодѣтельно и на состояніи здоровья мѣстнаго населенія. Благодаря увеличенію Мадрида и сѣти желѣзныхъ дорогъ, центромъ которыхъ онъ служитъ, увеличилось и число его жителей. Въ 1844 г. въ Мадридѣ насчитывалось всего 206,000 жителей; теперь число ихъ простирается до 500,000. Не далѣе, какъ въ 1850 г. внутренніе пути сообщенія находились въ самомъ первобытномъ состояніи; теперь же какъ самый городъ, такъ и Энзанхе прорѣзаны во многихъ направленіяхъ трамваями, а омнибусы совер-

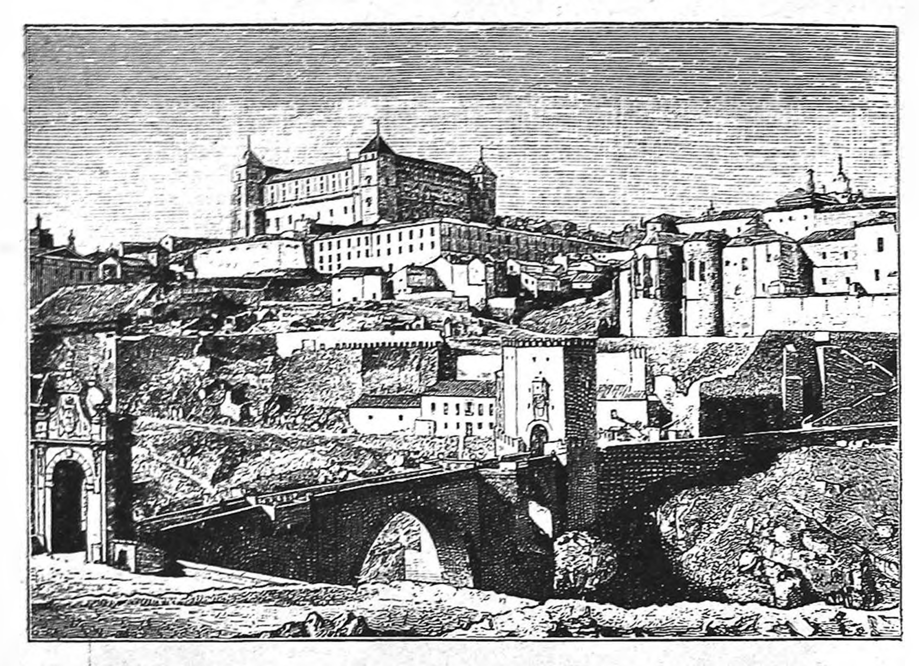
шаютъ правильныя поѣздки почти по всѣмъ направленіямъ, такъ что въ этомъ отношеніи столица Испаніи не уступитъ другимъ большимъ городамъ Европы.

Говоря о Мадридѣ, было бы непростительно умолчать объ Эскуріалѣ и замкѣ Аранхуэцѣ. Надо быть природнымъ испанцевъ, чтобы считать Эскуріалъ восьмымъ чудовищемъ строительнаго искусства. Придворные Филиппа II сравнивали построенный имъ Эскуріалъ съ іерусалимскимъ храмомъ, а самого Филиппа—съ царемъ Соломономъ. Но въ дѣйствительности испанскій король былъ такъ же мало похожъ на еврейскаго царя, какъ Эскуріалъ—на іерусалимскій храмъ. Несомнѣнно, однако, что ни одно изъ



На улицѣ Мадрида.

чудомъ въ свѣтѣ. Путешественникъ, добравшись по суровымъ горамъ Гвадаррамы до станціи Эскуріалъ и видя на возвышенности выстроенный изъ массивнаго сѣраго гранита четыреугольникъ съ башнями по угламъ, увѣнчанный посерединѣ куполомъ, затруднится опредѣлить, что это за постройки: ихъ можно принять и за крѣпость, и за замокъ или монастырь; можно подумать, что это тюрьма, или какой-нибудь мавзолей. На самомъ дѣлѣ Эскуріалъ совмѣщаетъ въ себѣ все это и именно потому-то онъ и является творенiй Филиппа II не носитъ такого яснаго отпечатка своего творца, какъ именно Эскуріалъ. Географическая карта убѣдила Филиппа, что Мадридъ занимаетъ центральное мѣсто во всемъ его государствѣ и хотя даже въ настоящее время существованіе этого города поддерживается искусственно,—Филиппъ возвысилъ его до значенія постоянной столицы, а затѣмъ пожелалъ, въ надлежащемъ разстояніи отъ столицы, имѣть свою королевскую лѣтнюю резиденцію. Онъ не безпокоился, что выбранное мѣсто неуютно и не защищено



Городъ Толедо.

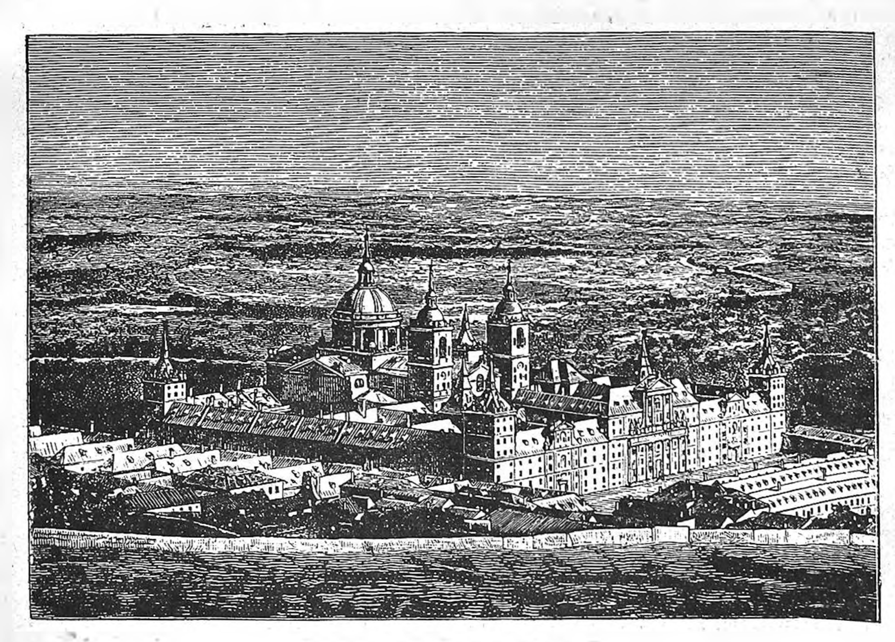
отъ сѣверныхъ суровыхъ вѣтровъ, и что на каменистой почвѣ возможна лишь скудная растительность. Его отецъ послѣ бурной жизни правителя нашелъ покой въ лонѣ церкви, въ монастырѣ св. Юста, но Филиппъ II желалъ одновременно быть и монахомъ и правителемъ и съ этою цѣлью онъ, по обѣщанію, выстроилъ себѣ этотъ пышный замокъ, напоминавшій своею формою рѣшетку, на которой былъ сожженъ св. Лаврентій. Какъ въ цѣломъ, такъ и въ деталяхъ художественной и скульптурной орнаментаціи, Эскуріалъ является величественнымъ символомъ противоестественнаго сочетанія духовной и свѣтской власти.

Аранхуэцъ, оправдывающій столь многочисленныя цитаты изъ первыхъ строкъ „Донъ-Карлоса" Шиллера, собственно не можетъ быть причисленъ къ окрестностямъ Мадрида, такъ какъ для того, чтобы попасть въ него изъ Мадрида, приходится ѣхать 1½ часа по желѣзной дорогѣ. Дорога въ Аранхуэцъ идетъ по безотрадной кастильской мѣстности, гдѣ все, на что ни взглянешь, и равнина, и голые холмы, окрашены въ темно-коричневый цвѣтъ. Въ этомъ аду Аранхуэцъ, этотъ прекрасный, покрытый свѣжею зеленью, богатый деревьями и водою оазисъ является настоящею отрадою для взора. Сады разбиты частію во французскомъ, частію въ англійскомъ вкусѣ, изобилуютъ высокими вязами и липами, на вѣтвяхъ которыхъ несмолкаемо заливаются соловьи. Тахо во всѣхъ направленіяхъ прорѣзываетъ паркъ и доставляетъ воду для множества красивыхъ фонтановъ.

Самымъ гордымъ, выдающимся, самымъ интереснымъ и привлекательнымъ, является старый городъ солнечной Испаніи — Толедо. Правда, его слава теперь уже поблекла, но тѣмъ не менѣе, онъ хранитъ въ себѣ много воспоминаній. Это, настоящій средневѣковый, живописный и романтическій городъ, замѣчательный, между прочимъ, тѣмъ, что онъ построенъ на семи холмахъ. Тахо, заключенный въ глубокихъ гранитныхъ стѣнахъ, опоясываетъ его, а по ту сторону моста Алькантара поднимаются на скалахъ могучія башни, извѣстныя подъ именемъ „Castillo de San-Servantes". По крутой, извилистой дорогѣ путникъ достигаетъ Пуэрта дель-Соль, величественнаго произведенія мавританской архитектуры, являющагося достойнымъ преддверіемъ города. Чрезъ Плаца-дель-Зокодоро дорога ведетъ къ одному изъ странныхъ, полированныхъ, выложенныхъ дубовыми дощечками, домовъ, Фонда-дель-Лино. На самомъ высокомъ изъ всѣхъ семи холмовъ поднимаются гордыя, закоптѣлыя отъ дыма, стѣны четвертаго и послѣдняго альказара. Узкіе переулки то поднимаются въ гору, то спускаются внизъ по склонамъ горъ

перекрещиваясь между собою и образуя настоящій лабиринтъ. Дома стоятъ тѣсными группами, то рядами, то террасами—одни надъ другими. На этой-то почвѣ жили готы, мавры, евреи и испанцы; соотвѣтственно ея выступамъ и углубленіямъ они выстроили эту груду великолѣпныхъ дворцовъ и мрачныхъ монастырей, строительный матеріалъ которыхъ—кирпичъ и дерево, представляютъ собою замѣчательные виды декоративнаго искусства, прекраснѣйшіе образцы древняго и новаго зодчества. Противъ Кастильской равнины возвышаются валы и монументальныя ворота, выстроенныя вестготскимъ королемъ. Величавыя Толедскія горы и Сіерра-де-Гваделупа обрамляютъ эту живописную картину. Въ самомъ городѣ на каждомъ шагу встрѣчаются все новыя красоты и прекрасные памятники искусства. Повсюду видны „патіо" (крытые дворы съ арками), арабскія галлереи, украшенныя гербами ворота, желѣзныя рѣшетки превосходной работы, старинные молотки у дверей, рѣзныя звѣриныя головы, готическіе и арабскіе балконы, фрески, статуи и барельефы.

Изъ южныхъ городовъ первое мѣсто принадлежитъ Гранадѣ съ ея знаменитою Альгамброю, ея Хенералифомъ (прежній лѣтній дворецъ мавританскихъ королей), соборомъ и королевскою капеллою (Capella real), въ которой императоръ Карлъ V приказалъ похоронить своихъ родителей и дѣдовъ съ материнской стороны и поставилъ надъ ними памятники. Своими башнями, соборомъ, Альгамброй, которая возвышается на скалистомъ плато надъ городомъ и окрестностями, своимъ положеніемъ среди цвѣтущей равнины, окруженной широкимъ кольцомъ величественныхъ горъ, Гранада напоминаетъ собою Зальцбургъ, не смотря на южный характеръ мѣстности. На морскомъ берегу мы встрѣчаемъ Кадиксъ, прелестный, богатый, уютный, опрятный городъ. Въ Кадиксѣ красивыя, не слишкомъ узкія и хорошо вымощенныя улицы; его площади засажены деревьями и кустарникомъ, а на морскомъ берегу расположена поэтическая „аламеда" (мѣсто гуляній). Свѣтлые дома съ зелеными ставнями, а особенно ихъ внутреннее убранство носятъ уже андалузско-восточный характеръ и рѣзко отличаются отъ валенсійскихъ. Внѣшность зданій, богато украшенныхъ мраморомъ и круглыми балконами съ окнами, обнаруживаетъ болѣе архитектурныхъ расчлененій и имѣетъ больше различныхъ украшеній сравнительно съ севильскими домами, довольно однообразными по наружному виду, съ правильными, невысокими балконами, но зато внутри развертывающими всю прелесть своей чисто восточной обстановки. Впрочемъ и въ Кадиксѣ уже преобладаютъ плоскія крыши.



Дворецъ Эскуріалъ.

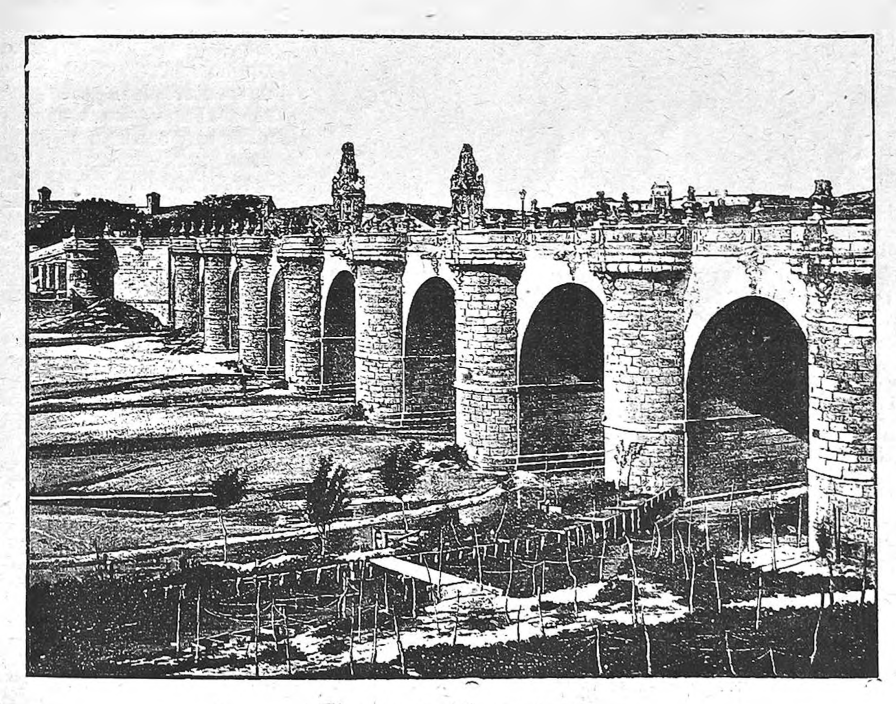
Общій видъ Альгамбры.

Если мы посѣтимъ Севилью, лучшій изъ главныхъ городовъ Андалузіи, то прежде всего замѣтимъ необычайную жизнерадостность ея населенія. Севилья очень скромный городъ; въ немъ не встрѣтишь кричащихъ „роскошныхъ зданій", о которыхъ говорится въ пѣснѣ Брентано: „въ Севилью, въ Севилью"... Тѣмъ не менѣе, здѣсь каждый доволенъ своимъ жребіемъ, среди населенія царитъ радостное, праздничное настроеніе, которое передается и пріѣзжающему сюда иностранцу. Характеръ зданій отличается своеобразностью, и это придаетъ физіономіи города оригинальность въ гораздо большей степени, чѣмъ если бы на мѣстѣ существующихъ зданій находились вышеупомянутыя „роскошныя" постройки. Какъ извѣстно, восточные народы всю силу своего генія обращаютъ на украшеніе своихъ жилищъ: съ помощью цвѣтовъ и фонтановъ, они превращаютъ свои дворы въ маленькій рай, обнося ихъ кругомъ тѣнистыми колоннадами. Когда христіане завладѣли Сивильей, великолѣпіе украшенныхъ цвѣтами дворовъ, „patio", пришлось имъ по вкусу, и они сохранили эту обстановку, хотя вниманіе испанцевъ-христіанъ и было обращено болѣе на внѣшность, чѣмъ на внутреннее убранство зданій. У нихъ вошло въ обычай устраивать у каждаго окна балконы, такъ что количество балконовъ въ домахъ равнялось числу оконъ; при этомъ испанцами наблюдается мавританскій порядокъ: въ большинствѣ случаевъ проходы и окна въ садъ находятся въ соотвѣтствіи съ окнами, выходящими на улицу. Поэтому у каждаго заправскаго севильца прохожій можетъ разсмотрѣть, какъ въ фонарѣ, всю внутренность дома. Конечно, прохожіе не стѣсняются такою прозрачностію помѣщеній, но и пылкіе обитатели стекляннаго дома ничего не имѣютъ противъ того, чтобы посторонніе зрители приняли участіе въ ихъ невозмутимо-розовомъ настроеніи. Если въ одномъ домѣ живетъ нѣсколько семействъ, то всѣ они пользуются правомъ наслаждаться въ „potio" его фонтанами, свѣжимъ воздухомъ и его волшебною прелестью. Исключая Мадридъ и Барселону, ни одинъ изъ крупныхъ городовъ Испаніи не измѣнился такъ замѣтно, какъ Севилья. Соборъ съ хиральдою (башня, возведенная въ 1000 г. маврами до значительной высоты и оконченная въ 1560 г.), цѣнная Колумбовская библіотека съ 20,000 томовъ, альказаръ, великолѣпная резиденція герцога Монпансье-Санъ-Тельмо, музей (Museo de la Mersed) съ знаменитыми картинами Мурильо и другихъ художниковъ, университетъ, нѣсколько извѣстныхъ общественныхъ учрежденій, мѣсто гуляній—Ласъ-Делисіасъ на берегу Гвадалквивира,—до сихъ поръ представляютъ главныя достопримѣчательности города. Въ недавнее время вблизи желѣзнодорожной станціи возникли большія фабрики и проведены новыя улицы;

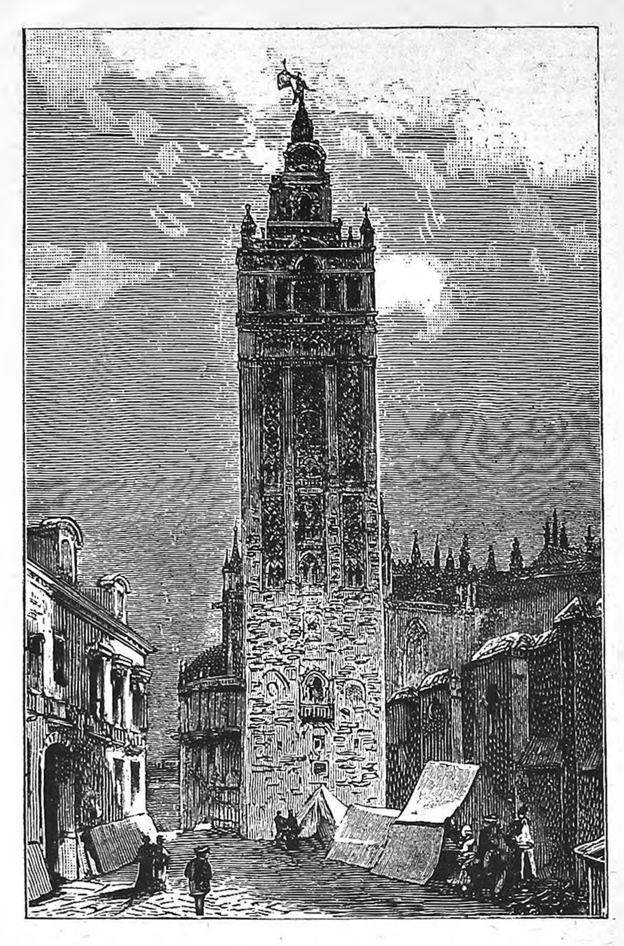
внутренній, старый городъ также сильно измѣнился. Хотя, благодаря этимъ перемѣнамъ, Севилья много выиграла въ размѣрахъ и красотѣ, хотя значеніе этого города (съ 150,000 населеніемъ) сильно возросло въ торговомъ и промышленномъ отношеніяхъ, за то онъ почти совершенно утратилъ одну изъ своихъ наиболѣе привлекательныхъ особенностей — поэтическую жизнь народа. Напрасно мы стали-бы искать теперь здѣсь пестрыхъ живописныхъ народныхъ костюмовъ, которые въ прежнее время употреблялись во всей Андалузіи, а въ городахъ—по крайней мѣрѣ молодежью всѣхъ классовъ; теперь всѣ гонятся за всесвѣтными французскими модами, или, по меньшей мѣрѣ, за общеупотребительнымъ во всей Испаніи костюмомъ, который состоитъ изъ короткой куртки, безъ всякихъ украшеній, и длинныхъ панталонъ. Даже въ Тріанѣ, прежнемъ сборномъ пунктѣ махосовъ и махасовъ*), не встрѣчаются пестрые костюмы, или, по крайней мѣрѣ, ихъ очень мало; отъ прежнихъ махосовъ, которые съ вызывающимъ видомъ разъѣзжали по длиннымъ улицамъ города на гордыхъ, богато убранныхъ коняхъ, теперь не осталось и слѣда. Не слышно ни гитары, ни пѣнія и нигдѣ не встрѣтишь группы танцующихъ, тогда какъ въ былыя времена въ Тріанѣ, послѣ солнечнаго заката, танцы происходили на улицахъ почти передъ каждою таверною. Вмѣстѣ съ тѣмъ низшіе классы стали плутоваты и алчны къ деньгамъ. Всѣ стараются добыть денегъ какъ можно больше и возможно легкимъ способомъ.

Мавры были тѣмъ народомъ, который наложилъ неизгладимый отпечатокъ на мѣстности, сосѣднія съ Валенсіей и далѣе. Они создали культуру въ этомъ благодатномъ уголкѣ, и вся культура, которую мы находимъ здѣсь въ настоящее время, цѣликомъ покоится на трудахъ мавровъ. Несомнѣнно, что испанцы только продолжаютъ начатое и сдѣланное маврами, да и то не всегда. То, что было сдѣлано маврами для орошенія почвы, для устройства мельницъ, фонтановъ и улицъ, существуетъ до сихъ поръ почти въ томъ же самомъ видѣ, безъ всякихъ измѣненій. Въ Валенсіи и Мурціи мавры каналами отвели воду изъ ручьевъ и рѣкъ, и этой прекрасной системѣ орошенія край въ значительной мѣрѣ обязанъ своимъ настоящимъ плодородіемъ и богатствомъ. Повсюду вдоль

*) Жители и жительницы горныхъ долинъ въ Андалузіи. *Прим. ред.*



Толедскій мостъ



Соборъ въ Севильѣ.

страны тянутся каналы, полные воды, выложенные камнемъ, которые, орошая поля, создаютъ пышную растительность. Видя кругомъ на громадныхъ разстояніяхъ прекрасныя насажденія, цвѣтущія поля, вдыхая чудный ароматъ розъ и апельсиновъ, поневолѣ думаешь, что находишься въ саду. Это—Уэрта въ Валенсіи,—величественное наслѣдіе послѣ образованныхъ и даровитыхъ мавровъ. Костюмъ жителей этой мѣстности заставляетъ думать, что здѣсь осталось много магометанъ-мавровъ, принявшихъ для виду христіанскую вѣру: пестрые платки на головахъ крестьянъ, изящно перекинутый черезъ плечо плащъ, бѣлые панталоны и голыя голени ногъ дѣлаютъ ихъ похожими на арабовъ. Чулки валенсійцевъ едва достигаютъ щиколотки, нижняя же часть ноги остается открытою; эти чулки имѣютъ какъ бы двѣ прорѣхи и въ другихъ провинціяхъ ихъ въ шутку сравниваютъ съ кошелькомъ испанца. Коричневыя лица дополняютъ иллюзію, и путешественнику кажется, что встрѣчающіеся ему люди принадлежатъ къ восточнымъ націямъ. На станціяхъ здѣсь, какъ и въ Египтѣ, всегда стоятъ женщины, предлагающія путешественникамъ воду, „холодную, какъ ледъ", — по ихъ словамъ; „quien quiere agua?—слышится постоянная фраза; нужно замѣтить, что испанецъ пьетъ воду охотно и въ большомъ количествѣ. Это кажется удивительнымъ для классической страны вина,—малаги, хереса и мадеры,—но климатъ не благопріятствуетъ употребленію вина, тѣмъ болѣе крѣпкаго, и въ жару, кромѣ воды, ничего не хочется пить. Въ отеляхъ южной Испаніи за полуденнымъ завтракомъ никогда не увидишь, чтобы туземецъ употреблялъ чистое вино, хотя оно всегда подается къ столу; вино безъ воды пьютъ только иностранцы, что возбуждаетъ изумленіе испанцевъ.

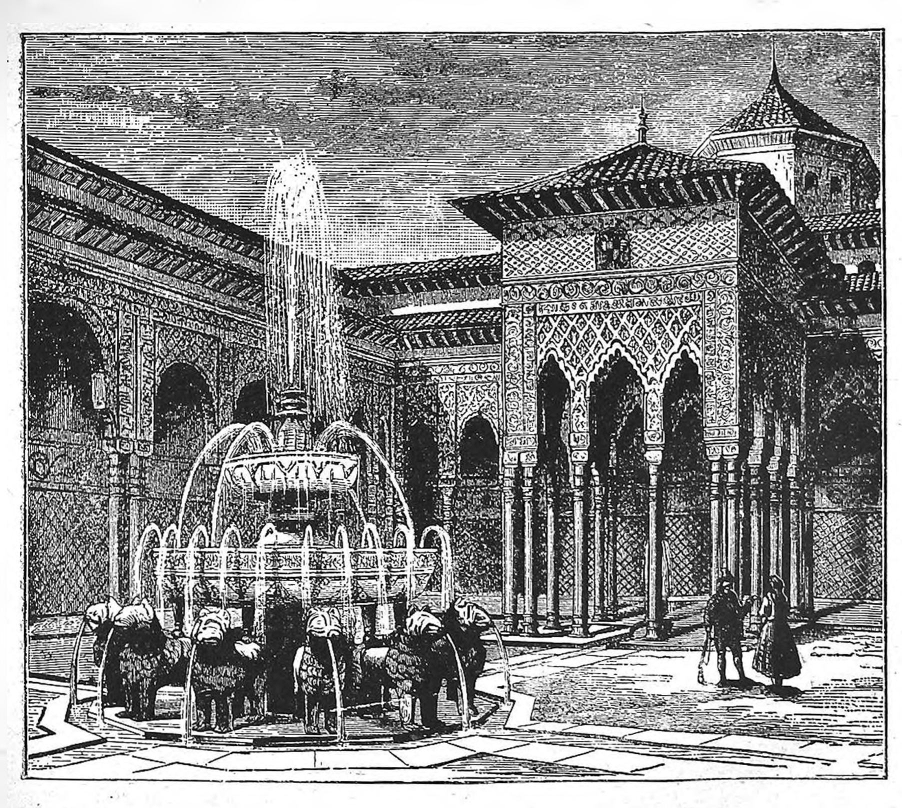
Испаніи принадлежатъ такъ называемые «президіо» (Espana presideal)—четыре укрѣпленныхъ порта на сѣверномъ берегу Марокко. Самый важный изъ нихъ Цеута, остальные три называются: Пеньонъ-де-Велецъ де-ла-Гомера, Пеньонъ-де-Альгусемасъ и Мелилья; три небольшіе острова, Кафарина (Chafarina) лежащіе къ востоку отъ Мелильи, также принадлежатъ Испаніи.

Кромѣ перечисленныхъ уже нами колоній или поселеній, Испанія владѣетъ: въ Африкѣ—Канарскими островами, и изъ Гвинейскихъ—Фернандо-По и Аннобономъ, въ Америкѣ—Большими Антильскими островами—Кубою и Порторико,

въ Азіи—Филиппинскими и въ Океаніи—Маріанскими, или Ландронскими, Каролинскими и островами Пелау (Pelew).

Было время, когда Испанія справедливо считалась могущественнѣйшею державою въ мірѣ, когда ея монархи повелѣвали чуть-ли не цѣлою Европою, когда въ столицу ея стекалось золото даже изъ отдаленной Америки. Но эта эпоха миновала для Испаніи безвозвратно, и теперь передъ нами—не могучій, грозный колоссъ, а дряхлый, недужный, нищій старецъ, нуждою и лишеніями принужденный искупать увлеченія своей золотой юности. Между тѣмъ Испанія имѣла всѣ шансы къ тому, чтобы стать передовою націею въ мірѣ: географическое положеніе страны какъ нельзя болѣе способствовало развитію внѣшнихъ сношеній и торговой предпріимчивости, разноплеменный составъ государства, куда входили энергичные, дѣятельные элементы, обезпечивалъ полное и всестороннее развитіе внутреннихъ силъ и способностей населенія, громадныя территоріальныя пріобрѣтенія давали полный просторъ духу инициативы. Но всѣ эти благопріятныя условія, въ своей совокупности сдѣлавшія было Испанію одною изъ образованнѣйшихъ и цвѣтущихъ странъ, впослѣдствіи губительнымъ образомъ сказались на благосостояніи государства, подготовивъ почву для ослабленія націи.

Иберы, баски, кельтскія племена, римляне и, наконецъ, арабы, — вотъ тѣ элементы, изъ которыхъ сложился государственный организмъ Испаніи; каждый изъ этихъ народовъ внесъ въ культурную жизнь страны свой вкладъ; и свободное развитіе тѣхъ началъ, которыя привнесены были ими сюда, должно было породить и породило цвѣтущую культуру. Но, не достигнувъ желаемаго развитія, эта культура была насильственно сломлена и остановлена, и причиною этого было стремленіе къ единству, — обычный



Львиный дворецъ въ Альгамбрѣ.

предметъ стремленій всѣхъ лучшихъ правителей и политиковъ, дѣйствительно цѣнный въ томъ случаѣ, если онъ совершается нормальнымъ путемъ, являясь результатомъ сознательной солидарности членовъ государства на почвѣ одинаковыхъ научныхъ и культурныхъ стремленій, и гибельный въ томъ случаѣ, когда онъ прививается совнѣ и насильственнымъ образомъ. Въ данномъ случаѣ имѣло мѣсто какъ разъ послѣднее. Почвою, на которой должно было состояться объединеніе государства была религія, средствомъ,—какъ это ни странно для учителей религіи мира, свободы и братства,—желѣзо и огонь. Результаты такого положенія дѣла не замедлили сказаться; инквизиція смела съ лица земли тысячи „еретиковъ" и тѣмъ лишила страну лучшихъ ея представителей, заставивъ остальныхъ или смириться, или удалиться за предѣлы Испаніи. Религія восторжествовала, но пострадало государство, лишившееся, изъ-за преслѣдованія инквизиціи, наиболѣе дѣятельныхъ элементовъ промышленной части своего населенія.

Думалъ-ли гордый Филиппъ II (1551—98), при которомъ „солнце не заходило во владѣніяхъ Испаніи" и который, дѣйствительно, владѣлъ половиною земного шара, что его политика—покорить всѣ народы католичеству и своему деспотизму—окажется столь роковой для Испаніи?! Могъ-ли предвидѣть этотъ страстный фанатикъ, не признававшій внѣ католицизма спасенія, что вырвавшаяся у него случайно фраза — „лучше все превратить въ пустыню, чѣмъ властвовать надъ еретиками"—будетъ впослѣдствіи играть роль зловѣщаго предсказанія?!

Внутренность Кордовской мечети.

Да, его старанія увѣнчались полнымъ успѣхомъ: Испанія стала самою католическою страною въ мірѣ. Но какъ отразилось это на процвѣтаніи народа? Все населеніе Испаніи разбилось на нѣсколько неравныхъ частей. Съ одной стороны, представители высшаго, образованнаго класса или встали въ ряды войскъ, или облеклись въ рясы. Это были для нихъ два единственныхъ исхода, сулившіе заманчивую будущность: или славу и богатство, или спокойную жизнь въ довольствѣ и безопасности. Классъ художниковъ, ученыхъ, литераторовъ, какъ самостоятельный классъ, исчезъ почти безслѣдно: всѣ поступали на службу или королю или духовенству. Въ противоположность имъ низшій классъ, основа благосостоянія государства, находился въ ужасномъ состояніи: съ него брали все, что только можно было взять, и военные, и монахи. А взамѣнъ онъ не получалъ ничего. Вслѣдствіе этого простой народъ погрязъ во мракѣ невѣжества и косности, тѣмъ худшемъ, что по прежнему продолжалъ считать себя первымъ народомъ въ мірѣ.

Не лучше было положеніе и промышленниковъ, а также торговыхъ людей: ихъ занятія пользовались у правя-

щихъ классовъ однимъ презрѣніемъ и потому, понятно, не могли развиваться, какъ слѣдуетъ.

Открытіе Новаго Свѣта не только не помогло развитію испанской торговли и промышленности, но, какъ это ни странно, даже способствовало ихъ паденію. Будь на мѣстѣ испанцевъ другой болѣе дѣятельный народъ, напримѣръ, хотя бы тѣ же англичане, пріобрѣтеніе такихъ громадныхъ рынковъ сбыта, какіе представляла Америка, несомнѣнно, только бы упрочило развитіе промышленности. Въ Испаніи же, наоборотъ, это обстоятельство лишь ускорило печальную развязку дѣла. Съ этою страною случилось то же, что зачастую бываетъ и въ наше время при открытіи золотыхъ розсыпей: Испанцами овладѣла золотая лихорадка. Страсть къ легкой наживѣ охватила всѣ слои общества; всѣ жаждали золота, чтобы добывъ его, наслаждаться, ничего не дѣлая, ни о чемъ не заботясь. Забыта была столь очевидная истина, что золото не можетъ быть цѣлью, что само по себѣ, безъ соотвѣтственнаго промышленнаго развитія страны, оно можетъ только разрушающимъ образомъ подѣйствовать на государство. Такъ и случилось на самомъ дѣлѣ. Промышленность, мирное развитіе внутреннихъ силъ страны были заброшены; набивъ полные карманы золота, испанецъ наслаждался жизнью, не задаваясь вопросомъ о томъ, что будетъ дальше. А между тѣмъ привычка къ нѣгѣ и наслажденіямъ создавали все новыя и новыя потребности, удовлетвореніе которыхъ выпало на долю колоній. Установилась хищническая колоніальная политика, самая грубая эксплоатація колоній, вытягивавшая изъ нихъ послѣдніе соки. Въ настоящее время она достигала своего апогея, и надъ головами безпечныхъ гидальго раздался громовой ударъ: къ возстаніямъ въ колоніяхъ, доселѣ подавлявшихся „домашними средствами“, присоединился внушительный протестъ Америки, возмущенной безсовѣстною колоніальною политикою испанцевъ. Гордый, самолюбивый, одержимый маніею величія испанецъ надѣлъ старыя, покрытыя пылью латы и, не разсчитавъ, съ кѣмъ имѣетъ дѣло, вступилъ въ неравный бой. А бой, дѣйствительно, былъ неравный: съ одной стороны — новая, сильная нація, богатая не только золотомъ, но и внутренними силами, народъ труда, науки, промышленности и личной иниціативы; съ другой—старый, задолжавшій кругомъ рыцарь, живущій лишь славными традиціями своихъ предковъ и питающійся трудами чужихъ рукъ. Печальная развязка драмы не заставила себя ждать: купецъ и промышленникъ побѣдилъ аристократа-рыцаря, и Куба, эта

Улица въ испанскомъ горномъ городкѣ.

Испанскій крестьянинъ.

„жемчужина Антилловъ“, это золотое дно Испаніи, навсегда оказалась потерянною для испанцевъ. Но этого мало: другой источникъ доходовъ для Испаніи—Филиппинскіе острова готовъ также ускользнуть изъ рукъ неумѣлыхъ ихъ властителей. Что будетъ дальше съ Испаніей—покажетъ близкое будущее. А между тѣмъ въ характерѣ испанца есть много симпатичныхъ чертъ, которыя, при другихъ обстоятельствахъ, сдѣлали бы изъ него одинъ изъ развитыхъ народовъ. Его глубокая, искренняя религіозность, его беззавѣтная преданность престолу во всякомъ случаѣ заслуживаютъ полнаго вниманія. А выдержанность, нетребовательность и способность переносить труды и лишенія, чѣмъ давно уже зарекомендовалъ себя испанецъ, заставляютъ насъ предполагать, сколько духовной мощи заключается въ этомъ приниженномъ силою обстоятельствъ гордомъ народѣ! Во всякомъ случаѣ, свѣтлое будущее еще не закрыто для Испаніи,—и отъ самихъ испанцевъ зависитъ повернуть на прямую дорогу къ прогрессу. Неудачи въ Испано-Американской войнѣ делжны вызвать именно этотъ рефлексъ въ умственной жизни Испаніи, давъ толчокъ къ развитію страны въ надлежащемъ направленіи.

Королевство Италія.

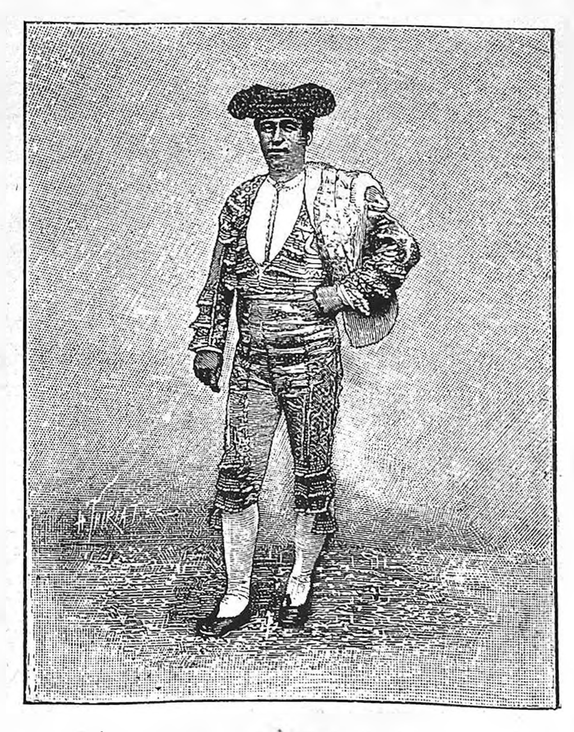
Средній изъ трехъ южныхъ полуостровов Европы, раздѣляющій Средиземное море на двѣ почти равныя части, занятъ Италіею. Это—садъ Европы, страна классическихъ воспоминаній, гдѣ даже камни говорятъ, страна поэзіи, искусства, исполненная дивной красоты.

Въ эстетико-географическомъ отношеніи полуостровъ Италія—самый знаменитый изъ всѣхъ странъ Европы. Отдѣленная отъ остальной Европы могучимъ скалистымъ валомъ, почти со всѣхъ сторонъ окруженная богатымъ рыбою моремъ, Италія въ глазахъ цизальпійскихъ націй является садомъ Европы, въ который съ давнихъ поръ стремятся жители сѣвера, чтобы насладиться южною природою и произведеніями античнаго и современнаго искусства. И дѣйствительно, эта страна имѣетъ громадныя преимущества предъ другими странами. Ея берега съ лежащими около нихъ богатѣйшими островами образуютъ помѣстительныя и безопасныя гавани, внутри же страна орошается многоводными рѣками. Вдоль всего полуострова съ С. на Ю. тянутся горы, въ нѣдрахъ которыхъ сокрыты драгоцѣнные камни и металлы; снѣгъ, находящійся на вершинахъ этихъ горъ, въ знойные лѣтніе дни освѣжаетъ воздухъ, а расположенные на крайнихъ ихъ отвѣтвленіяхъ частью дѣйствующіе, частью уже потухшіе вулканы способствуютъ плодородію почвы, представляя въ то же время удивительные по красотѣ пейзажи. Природа въ одинъ веселый, праздничный часъ подняла Италію изъ морской глубины, осыпала ее въ изобиліи своими дарами, расточила въ этомъ прелестномъ мѣстѣ всевозможные художественные виды и въ приливѣ материнской заботливости обняла ее океаномъ и высочайшими горами. Переступивъ Альпы и очутившись въ этомъ царствѣ фей, путникъ съ первымъ вздохомъ груди испытываетъ совершенно новое чувство наслажденія. Даже въ болѣе пасмурные зимніе вечера нѣжный воздухъ обвѣваетъ его. Отъ другихъ странъ на Средиземномъ морѣ Италія отличается не столько внѣшнею, сколько внутреннею теплотою, исходящею изъ вѣчно пылающихъ кузнечныхъ печей циклоповъ. Эти очаги образуютъ цѣлыя равнины сѣры, пемзы,

лавы и проникаютъ въ расщелины известковыхъ пластовъ, которые являются главною составною частью почвы страны и на границахъ Верхней и Средней Италіи затвердѣли въ видѣ фаррарскаго мрамора. Зеленый коверъ растительности обязанъ своимъ существованіемъ тѣмъ-же подземнымъ очагамъ тепла. Чудесное вино, lacrimae Christi, быть можетъ, древнее фалернское, есть продуктъ плодородныхъ шлаковъ Везувія. На кратерѣ Этны растутъ каштановыя деревья, достигающія колоссальныхъ размѣровъ; здѣсь, на теплой почвѣ огнедышащей горы, развиваются даже тропическія растенія--коричныя и перечныя деревья. На цвѣтущихъ лугахъ Сициліи трудолюбивыя пчелы находятъ себѣ сладкую пищу; луга Этны еще въ древности славились цвѣтами, а Гибла—медомъ. Въ тутовыхъ лѣсахъ шелковичные черви прядутъ свою нѣжную пряжу, на южныхъ равнинахъ пасутся крѣпкія рослыя лошади, а на высокихъ Альпахъ ютятся серны, каменные бараны, сурки и мулы.

Расточительная въ своей добротѣ природа не забыла здѣсь и про свое наиболѣе славное твореніе—человѣка. Его она также наградила прекраснѣвшими дарованіями: она дала его взору выразительность и страстность, его чувствамъ—тонкій тактъ, его органамъ—чрезвычайную гибкость и его духу—рѣдкіе таланты. Въ гаваняхъ Италіи развѣваются флаги всѣхъ націй, и паруса ея встрѣчаются на всѣхъ моряхъ. Ея богатыми урожаями наполняются житницы туземцевъ и иностранцевъ. Виноградарь и поселянинъ въ неограниченной степени наслаждаются радостями жизни, пользуясь легко достающимися благами, а неисчислимые продукты природы во всевозможныхъ, полезныхъ и пріятныхъ видахъ восхищаютъ и приводятъ въ изумленіе иностранцевъ, которые массами стекаются сюда.

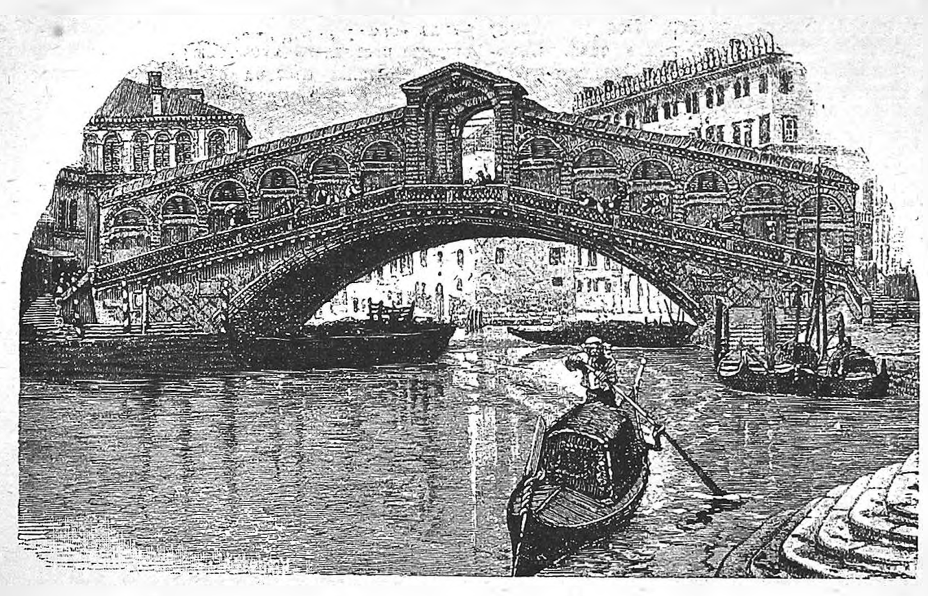
Вдающійся въ южную часть Италіи языкообразный Тарентнскій заливъ дѣлитъ ее на два небольшіе полуострова: Калабрійскій и Апулійскій, такъ что полуостровъ получаетъ ту, вошедшую въ поговорку, форму сапога, которая въ южномъ полушаріи повторяется, въ обратномъ видѣ, на двойномъ островѣ Новой Зеландіи. Омываемая почти со всѣхъ сторонъ моремъ, Италія на востокѣ отдѣлена отъ Балканскаго полуострова лишь Отрантскимъ проливомъ, достигающимъ въ ширину 75 килом.; между этими двумя полуостровами находится Адріатическое море, заканчивающееся на сѣверѣ Венеціанскимъ и Тріестскимъ заливами. На югѣ, между Греціей и Сициліей, разстилается Іонійское море, а сѣвернѣе Сициліи, между итальянскимъ материкомъ на В. и островами Сардиніей и Корсикой на З.—Тирренское море; послѣднее образуетъ три красивыхъ залива: Салернскій, Неаполитанскій и Гаэтскій; немного сѣвернѣе группы Тосканскихъ острововъ Тиррен-



Андалузецъ въ національномъ костюмѣ.

ское море примыкаетъ къ Лигурійскому морю и Генуэзскому заливу. Если взять въ руки карту Италіи, то легко замѣтить, что страна эта распадается на двѣ совершенно отдѣльныя части, — континентальную и полуостровную. Первая изъ нихъ, сѣверная, окаймлена величественными Альпами, на южномъ склонѣ которыхъ разстилается плодородная равнина; ее, какъ самую обширную изъ всѣхъ немногихъ равнинъ гористой Италіи, мы называемъ для краткости просто Итальянскою. Здѣсь находятся Пьемонтъ, Ломбардія, Венеція съ нѣсколькими значительными городами, имѣвшими важное историческое значеніе; здѣсь, рядомъ съ рѣкою Эчъ, течетъ рѣка По, берущая свое начало на альпійской вершинѣ Монте-Визо,—одна изъ самыхъ замѣчательныхъ продольныхъ рѣкъ Европы и самая большая въ Италіи. По течетъ по направленію съ З. на В. и впадаетъ въ Адріатическое море, принимая по пути массу притоковъ. Восточную границу долины рѣки По образуетъ рядъ береговыхъ озеръ, лагунъ, среди которыхъ возвышается гордая королева Адріатики, la bella Wenezia.—На югѣ долины громоздится цѣпь Аппенинъ, которые, примыкая на З. къ отрогамъ Альпъ, тянутся до восточнаго берега Адріатики, гдѣ опять поворачиваютъ на Ю. и прорѣзываютъ весь Итальянскій полуостровъ до крайней его оконечности. Благодаря такому распредѣленію горъ на поверхности полуострова, можно говорить объ Италіи по эту и по ту сторону Аппенинъ, о Верхней Италіи,—въ противоположность остатку ея, который, по привычкѣ, называютъ Средней и Нижней Италіей, хотя послѣднее дѣленіе и не имѣетъ географическаго основанія. Этотъ только остатокъ и образуетъ собственно полуостровъ, тогда какъ Верхняя Италія носитъ континентальный характеръ. И хотя путешественника, вступающаго въ Италію съ сѣвера, сразу же по выходѣ изъ Альпійскихъ горныхъ проходовъ, поражаетъ чудная картина южной растительности и гармонія романскаго нарѣчія, тѣмъ не менѣе почувствовать себя дѣйствительно въ Италіи можно лишь послѣ перехода чрезъ Аппенины. Разница между южно-аппенинскою и сѣверно-аппенинскою Италіею становится понятною, если обратить вниманіе на то, что верхне-итальянская долина р. По въ сравнительно недавній геологическій періодъ была покрыта моремъ, составлявшимъ часть Адріатики; сюда сползали съ Альпъ мощные глетчеры, образовавшіе на своемъ пути глубокіе фіорды; теперь фіорды наполняютъ озера Верхней Италіи, и, благодаря своей очаровательной красотѣ, охотно посѣщаются туристами.

Ломбардское море, прежній заливъ между Альпами и Аппенинами, благодаря р. По и Эчу (итал. Adige), берущему свое начало въ Тирольскихъ горахъ, превратилось въ зеленую равнину, такъ какъ обѣ эти рѣки занесли морское дно отложеніями, принесенными съ Альпъ. Такое вліяніе рѣкъ продолжается и теперь, хотя въ области лагунъ Венеціи и замѣчается опусканіе почвы. Лидо предъ Венеціей представляетъ собою лишь старую цѣпь дюнъ, вдающуюся въ общую дельту По и Эча и прорванную моремъ. Острова, на которыхъ выстроена Венеція, за періодъ времени отъ XVI столѣтія, опустились почти на метръ; но въ то время, какъ подъ Венеціей почва опускается, Равенна, бывшая во времена Готовъ гаванью, стала сухопутнымъ городомъ и отодвинулась отъ моря на 7 километровъ. Эчъ еще въ 589 году впадалъ въ море около Порто Брондоло; за время 1200—1600 гг. По удлиннялся на 24 метра, а въ послѣднія 200 лѣтъ на 65 метровъ въ годъ.



Мостъ Ріальто въ Венеціи.

Рѣка По и родственные ей альпійскіе горные потоки преобразовали старое морское дно въ невинную равнину, а прежніе фіорды Ломбардско-венеціанскаго моря—въ озера. На это указываютъ не только рѣзкія очертанія итальянскихъ альпійскихъ озеръ, но также ихъ большая глубина; такъ напр., дно Лаго-ди-Комо лежитъ ниже уровня моря на 50 метровъ, Лаго-Маджоре—на 100 метровъ, а Гардское озеро—приблизительно на 300 метровъ.

Современная Ломбардско-Венеціанская или Верхне-итальянская равнина занимаетъ площадь въ 38,500 кв. килом. и постепенно переходитъ въ передовыя цѣпи горъ, которыя круто поднимаются на сѣверъ и особенно на западъ, и отлого спускаются на югъ. Состоящія изъ порфира группы холмовъ Монти-Беричи (419 метр.) около Виченцы и Монти-Ежнеи (409 метр.), около Падуи, дѣлятъ равнину на двѣ части: меньшую, восточную—Венеціанскую, и большую, западную—Ломбардскую. Лежащая въ Ломбардской равнинѣ холмистая Суперга (700 метр.) около Турина суживается въ долину, такъ что остатокъ равнины заворачиваетъ къ югу, образуя выпуклость, достигающую 500 метр. Гардское озеро отдѣлено отъ равнины холмистою страною; передъ Лаго-Маджоре и озеромъ Комо лежитъ также прелестная, богатая озерами, холмистая страна Бріанца (400 метр.). Между двумя послѣдними озерами мы находимъ крайне извилистое Луганское озеро, а южнѣе—небольшія озера Анноне, Пузіано и Альсеріо; далѣе расположено болѣе обширное извѣстное Лаго-ди-Варезе, рядомъ съ озерами Коммабіо и Монате—на востокѣ, и Орта—на западѣ. Въ Венеціанской равнинѣ находится лишь небольшое озеро Санта-Кроче, близъ Беллуно.

Вся Верхне-итальянская равнина обильно орошается рѣками и каналами, причемъ между послѣдними есть судоходные и служащіе для осушки болотъ. Главною рѣкою является По, съ ея дельтой на Адріатикѣ; около устья эта рѣка посредствомъ канала соединяется съ Эчемъ, лежащимъ на С. отъ нея. Наиболѣе важныя изъ устьевъ По: По-делла-Маэстра, на С. и По-ди-Примаро—на Ю. Сѣверные притоки р. По берутъ начало на Альпахъ, южные—на Аппенинахъ; ихъ очень много, и потому уже въ Туринѣ По достигаетъ большихъ размѣровъ. Сѣверные притоки большею частію имѣютъ Ю.-В. направленіе, напр. Дора-Бальтеа, Чезіа, Тичино, Адда, Ольо, Минчіо. Южные притоки, хотя ихъ и больше, менѣе значительны и текутъ въ С.-В. направленіи. Изъ нихъ назовемъ болѣе важный притокъ Танаро въ Пьемонтѣ, Скривіа съ его прелестнымъ верховьемъ, Треббіа, Таро, Секкіа и Рено. Почти вся равнина отличается пышнымъ плодородіемъ, которымъ она обязана хорошему качеству почвы и пересѣкающимъ ее во всѣхъ направленіяхъ рѣкамъ и каналамъ. Вліяніе южнаго климата болѣе замѣтно около лѣвыхъ сѣверныхъ притоковъ и менѣе—въ равнинахъ, непосредственно окру-

жающихъ По, и это потому, что онѣ защищены Альпами и подвергаются усиленному дѣйствію на нихъ солнечнаго зноя. Виноградъ, пшеница, маисъ, рисъ и шелкъ составляютъ главное богатство страны, а интенсивная система сельскаго хозяйства превратила долину р. По въ цвѣтущій садъ. Прекрасно поставлено здѣсь также и скотоводство, и ему Италія обязана своимъ извѣстнымъ продуктомъ его—сыромъ пармезанъ.

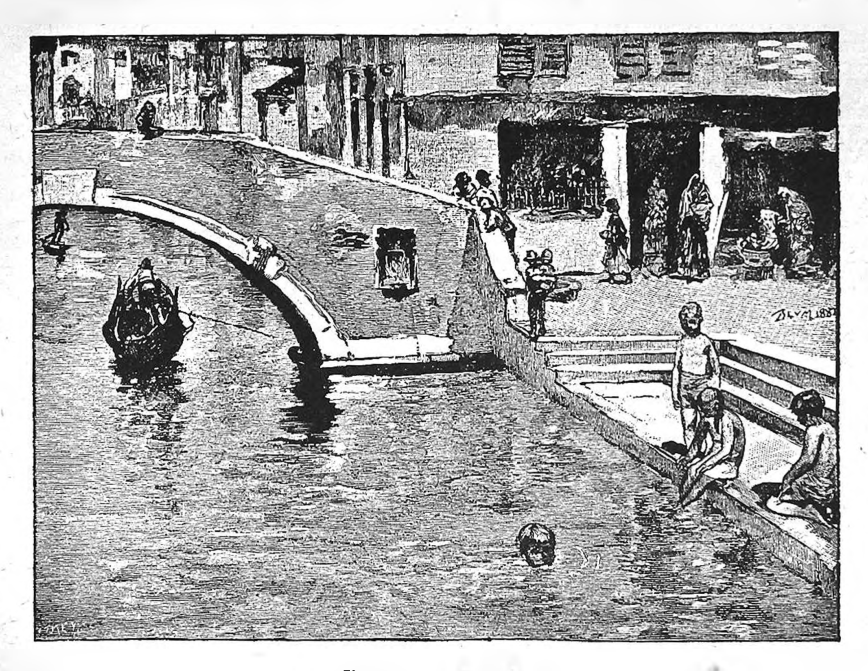
Это обширное пространство занято многочисленными густонаселенными провинціями и усѣяно цвѣтущими городами. У восточной подошвы Альпъ, отдѣляемая ими отъ Франціи и Швейцаріи, находится самая большая провинція Италіи, прежнее королевство Пьемонтъ (Pedemontium, Pie de Monti—„подножіе горъ"). Она окружена почти со всѣхъ сторонъ горами; такъ горы Манферрато, начинаясь отъ Генуи, доходятъ на сѣверѣ до поворота р. По; ея дикія альпійскія долины переходятъ въ плодоносную равнину р. По. Эта провинція сплошь покрыта густою сѣтью желѣзныхъ дорогъ, какъ ни одна изъ областей Италіи. Мѣстные жители говорятъ на смѣшанномъ французско-итальянскомъ нарѣчіи. Въ окрестностяхъ Аосты, въ долинѣ Дора-Бальтеа, часто встрѣчаются и животныя, и люди съ большими головами, и очень распространенъ кретинизмъ. Отъ праваго берега р. По до Лигурійскихъ Аппенинъ тянется гористая область,—прежнее графство Монферрато (Montferrat), а на лѣвомъ берегу р. По, между Чезіей и Тичино, составляющимъ границу Ломбардіи, расположена мѣстность, извѣстная подъ названіемъ Ломеллины. Главными предметами торговли служатъ шелкъ, конопля и скотъ. Шелковыя мануфактуры—почти единственныя въ государствѣ.

Главный городъ Пьемонта, который съ Лигуріей и островомъ Сардиніей въ прежнее время составлялъ королевство Сардинію,—Туринъ, на р. По, расположенъ на высотѣ 240 метровъ надъ уровнемъ моря. Прежде Туринъ былъ главнымъ городомъ Сардинскаго королевства, а въ 1861—1865 гг.,—главнымъ городомъ новообразовавшагося королевства Италіи. Туринъ, по-итальянски Турино (Augusta Taurinorum),—одинъ изъ наиболѣе красивыхъ городовъ Италіи и имѣетъ 348,100 жителей; онъ очень опрятенъ и построенъ очень правильно; большая часть его улицъ пересѣкаютъ другъ друга подъ прямымъ угломъ. Главное движеніе сосредоточивается на Віа-Рома-Пьяцца, которая ведетъ къ роскошному вокзалу желѣзной дороги, на Кастелло и въ верхней части улицы Віа-ди-По. Дома въ большинствѣ случаевъ украшены тѣнистыми деревьями. Туринъ замѣчателенъ многими учеными учрежденіями, музеями и университетомъ, а также шелковыми фабриками. Съ ближайшаго холма Монте-де-Капучини открывается чудный видъ на городъ и на отдаленный вѣнецъ Альпъ; еще величественнѣе панорама съ кладбища Суперга (мѣсто погребенія королей), которое находится на одномъ изъ восточныхъ холмовъ.

Изъ другихъ мѣстъ и городовъ этой области наиболѣе замѣчательны слѣдующіе: Аоста (Augusta Pretoria), при началѣ обѣихъ долинъ Большого и Малаго С.-Бернарда; крѣпости—Пинероло при выходѣ изъ Вальдезійскихъ долинъ и на равнинѣ — Алессандрія; Салуццо, при подошвѣ Альпъ, гдѣ занимаются разведеніемъ каштановыхъ деревьевъ, и Суза (Сегозія)—при Дора-Рипаріа и полотнѣ желѣзной дороги, проходящей чрезъ Монсени (подъ Коль-де-Фрежю) и соединяющей Францію и Италію; Асти, славящійся своими винами; Верчелли, при Чезіи, окруженный полями (Raudii Campi); Новара, съ красивымъ соборомъ, романскимъ зданіемъ, въ древне-христіанскомъ стилѣ.

Продолженіемъ долины р. По на востокѣ является Ломбардія и далѣе—Венеціанская область. Страна на сѣверѣ очень гориста; въ западной ея части тянутся Вельтлинскіе Альпы; въ восточной — Тріентскіе и Карнійскіе. Южные склоны горъ очень круты и переходятъ въ Ломбардскую низменность. Эта мѣстность замѣчательно плодородна и прорѣзана многочисленными каналами и рѣ-

ками. Изъ фабрикъ самыя важныя—шелковыя; впрочемъ онѣ работаютъ преимущественно для удовлетворенія мѣстныхъ потребностей; на нихъ болѣе всего фабрикуются чулки, перчатки и платки. Главными продуктами являются хлѣбныя растенія, рисъ, кукуруза, ленъ, конопля, вино; здѣсь растутъ прекрасныя фруктовыя деревья; въ большомъ количествѣ разводятся тутовыя деревья и сильно развито шелководство, приготовленіе оливковаго масла и особенно терпентина изъ венеціанской лиственницы. Скотоводство ведется въ довольно широкихъ размѣрахъ и пастбища, особенно въ округѣ Лоди, превосходны, какъ это доказываетъ приготовляемый тамъ знаменитый сыръ, неправильно называемый „пармезанъ“.



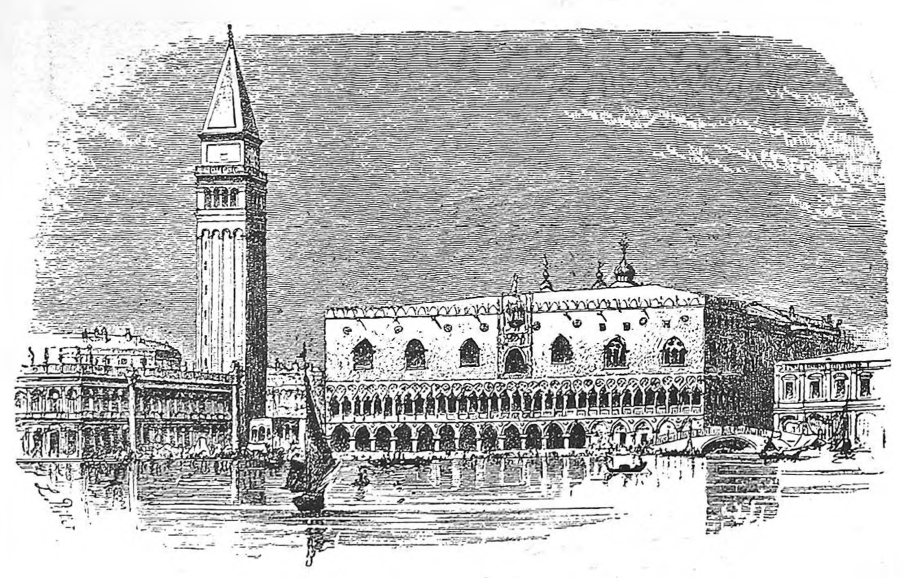
Каналъ въ Венеціи.

Главный городъ Ломбардіи—Миланъ „Великій (Milano la grande), на рѣчкѣ Олона; теперь онъ насчитываетъ до 456,698 жителей (включая предмѣстья) и во всѣхъ отношеніяхъ можетъ считаться „итальянскимъ Парижемъ“. Это дѣйствительно современный, большой городъ. Онъ всѣмъ обязанъ самому себѣ и существуетъ самъ по себѣ. Улицы Милана и его роскошная Корсо-Витторе-Эммануэле свидѣтельствуютъ о его матеріальномъ благосостояніи и громадномъ богатствѣ. Но это скорѣе сѣверный городъ,—итальянскій характеръ здѣсь еще менѣе замѣтенъ, чѣмъ въ Веронѣ; жители напоминаютъ собою тяжеловѣсныхъ нѣмцевъ и, глядя на нихъ, невольно вспоминаешь лонгобардовъ. Впрочемъ, скрещиваніе расъ облагораживающимъ образомъ дѣйствовало и въ другомъ отношеніи: Миланъ, подобно Флоренціи, гдѣ также сталкивались латинскіе и германскіе элементы, былъ однимъ изъ центровъ духовной жизни Италіи, и въ области музыки его голосъ до настоящаго времени имѣетъ рѣшающее значеніе. Его оперный театръ, Ла-Скала, пользуется европейскою извѣстностію. Кромѣ того, городъ славится своимъ чуднымъ бѣлымъ мраморнымъ соборомъ (109 метр. вышиною),—образцомъ итальянской готики,—галлереей Брера, обсерваторіей, академіей наукъ и Амвросіевскою библіотекою. На сѣверо-востокѣ лежитъ Монца съ королевскимъ дворцомъ и великолѣпнымъ паркомъ, на

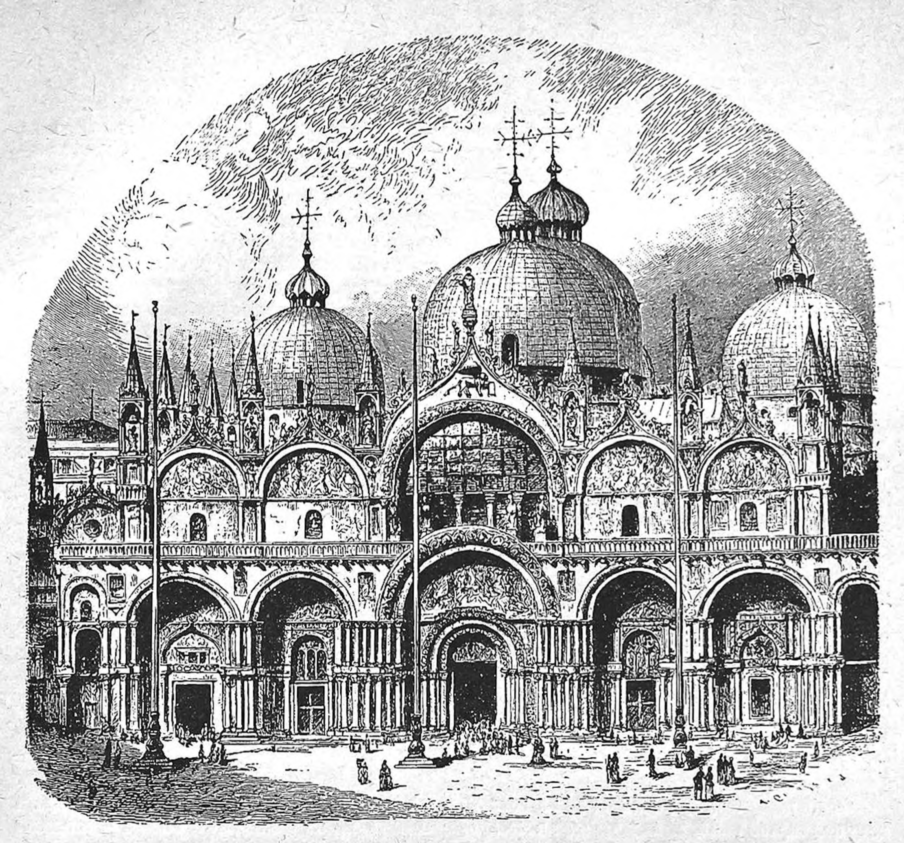
югѣ—роскошное сооруженіе Чертоза, близъ университетскаго города Павіи, на Тичино, на Ю.-В.—Лоди. Неподалеку отъ р. По, на устьѣ р. Адды, находится крѣпость Кремона, славившаяся прежде своими скрипками. Въ сѣверной части страны лежатъ большие города: промышленная Брешіа съ знаменитыми оружейными и бумажными фабриками, Бергамо и Комо, расположенный въ очаровательной мѣстности, на берегу озера того же имени (въ древности Lacus Larius), съ замѣчательнымъ соборомъ. Въ Вельтлинѣ, или Валь-Теллинѣ, находятся Сондріо и теплые ключи Борміо.

Въ Венеціанской области прежде всего наше вниманіе приковываетъ къ себѣ мощное свайное сооруженіе настоящаго времени, лагунный городъ Венеція, Venezia la bella („красавица“) итальянцевъ, бывшая властительница Адріатики. Въ Венеціи насчитывается до 153,764 жителей. Городъ расположенъ на разстояніи почти 4 километровъ отъ твердой земли въ формѣ треугольника на 118 островахъ, на которыхъ построено свыше 15,000 домовъ; фасады зданій отражаются въ водѣ 157 каналовъ, составляющихъ единственный способъ сообщенія для жителей. Широкій большой каналъ (Canal grande) служитъ какъ бы главною улицею (Корсо); красиво описывая двѣ дуги, онъ проходитъ черезъ весь городъ и, обрамленный чудными дворцами, построенными въ стилѣ готическомъ и возрожденія въ наиболѣе блестящій періодъ жизни города, съ своими постоянно снующими взадъ и впередъ гондолами и барками, придаетъ Венеціи оригинальный видъ. Большой мраморный мостъ (Ponte Rialto), чудная площадь съ соборомъ св. Марка, дворецъ дожей,—нынѣ королевскій,—съ государственными тюрьмами и богатою библіотекою Марка, большой арсеналъ съ пушечнолитейнымъ заводомъ,—вотъ наиболѣе выдающіяся достопримѣчательности этого островнаго города. Лагуны (береговыя озера) Венеціи защищены отъ вторженія морскихъ волнъ песчаными дюнами (лиди), на самой обширной изъ которыхъ расположенъ Маламокко,—и каменными плотинами (Murazzi), которыя тянутся вдоль дюнъ на протяженіи 15 километровъ; отъ заносовъ же рѣчнымъ пескомъ лагуны защищены отводными каналами (Tagli).

Изъ другихъ городовъ Венеціанской области мы назовемъ: рыбачій городъ Кіоджіа, противъ устьевъ р. По, который, подобно Венеціи, также выстроенъ на сваяхъ среди лагунъ; Ровиго и Адріа, бывшій нѣкогда римскою гаванью. На сѣверѣ лежитъ богатый фабриками Тревизо (Tarvisium), къ западу — университетскій городъ Падуя (по итальянски Padova, съ прозвищемъ la dotta—„ученая“) на р. Брентѣ, съ красивою церковью св. Антонія; затѣмъ В165ченца, украшенная искусствомъ Палладія; на рѣкахъ Эчъ и Минчіо находится извѣстный четырехугольникъ крѣпостей: Верона, съ хорошо сохранившимся римскимъ амфитеатромъ, Леньяно и Пескіера, при выходѣ Минчіо изъ



Дворецъ дожей въ Венеціи.



Соборъ св. Марка въ Венеціи.

Гардскаго озера, наконецъ Мантуа (Mantova), на островѣ Минчіо. На С.-В. заслуживаютъ упоминанія Беллуно и Удине, въ области Фріауль.

Между Аппенинами и р. По, слѣдовательно, на югъ отъ Ломбардской и Венеціанской областей, расположена область Эмилія, названная такъ по имени древне-римской дороги—Віа Эмилія, которая шла изъ Ариминіума (нынѣ Римини), на Адріатическомъ морѣ, чрезъ Бононію (нынѣшнюю Болонью), Мутину, (нынѣ Модену) и Парму, къ Плаценціи (Піаченцѣ),—по берегу р. По. Названная область обнимаетъ прежнія герцогства Пармское и Моденское и Романью, также прежнія папскія владѣнія: Болонью, Феррару, Форли и Равенну. Почва въ южной части этой области гориста, въ сѣверной—низменна, при чемъ на З. преобладаютъ горы, а на В. равнина. Послѣдняя очень плодородна и производитъ въ большомъ количествѣ оливы, крупный картофель и каштаны. Около Пьяченцы раскинуты богатыя пастбища; Модена богата хлѣбными растеніями, садовыми плодами и отличнымъ виномъ. Почва восточной части Эмиліи замѣчательна изобиліемъ нефти, которая собирается въ колодцахъ.

Въ этой области отъ З. къ В. мы находимъ слѣдующіе города: крѣпость Пьяченцу на р. По, Парму, прежній главный городъ герцогства того же имени, со множествомъ

изящныхъ построекъ, красивыми церквами и знаменитымъ театромъ; Парма ведетъ обширную торговлю шелкомъ и сыромъ; неподалеку отъ нея лежитъ Реджіо; затѣмъ встрѣчаемъ Модену, также нѣкогда главный городъ герцогства того же имени; здѣсь имѣется картинная галлерея; — Болонью, гдѣ находится самый старинный университетъ въ Европѣ; Болонья вообще очень древній городъ, вѣроятно, древнѣе даже Рима; здѣсь находится знаменитое кладбище, подъ которымъ сокрытъ этрусскій некрополь. Далѣе слѣдуютъ: Феррара, крѣпость на одномъ изъ рукавовъ р. По. Равенна, расположенная среди болотъ, съ замѣчательнѣйшими древне-христіанскими постройками, нѣкогда—римская гавань, и Римини на Адріатикѣ; но цвѣтущій періодъ въ исторіи всѣхъ этихъ мѣстностей давно уже миновалъ. Теперь большинство ихъ представляютъ изъ себя только жалкіе остатки прежняго величія.

Южную границу Верхне-итальянской равнины р. По составляютъ собственно-итальянскія горы—Аппенины, главнымъ ядромъ которыхъ является юрская формація, древнѣйшая въ этой мѣстности; на склонахъ Аппенинъ имѣются мѣловыя и эоценовыя отложенія; отдѣльныя отложенія двухъ послѣднихъ формацій встрѣчаются въ меньшемъ размѣрѣ около вершинъ и по сторонамъ ихъ; міоценъ и пліоценъ, наоборотъ, образуютъ горизонтальные пласты, расположенные въ низменности долины, у подошвы горъ, и доходятъ до моря. Центральная масса юрскихъ пластовъ тянется, въ видѣ станового хребта, вдоль средней линіи полуострова, отъ мѣста на востокъ отъ Неаполя до пункта, лежащаго къ югу отъ Флоренціи. На сѣверъ и на югъ отъ этихъ обоихъ пунктовъ юрская формація нѣсколько прикрыта сперва не особенно мощными мѣловыми, а потомъ эоценовыми пластами, при чемъ послѣдніе составляютъ продолженіе цѣпи Аппенинъ далѣе, до мѣстности, лежащей на востокъ отъ Генуи.

Общій характеръ Аппенинъ, какъ и всякой длинной горкой цѣпи, не отличаетсяо постоянствомъ. Лигурійскіе Альпы большею частію покрыты лѣсомъ, Этрусскіе — точно также, хотя и въ меньшей мѣрѣ; Римскіе же Аппенины и ихъ южные отроги, напротивъ, совсѣмъ обнажены и покрыты лишь скуднымъ кустарникомъ. Слой растительнаго перегноя исчезаетъ, и всюду выставляется наружу голая, ничѣмъ не прикрытая известковая скала. Уничтоженіе лѣсовъ на Аппенинахъ, а равно и на большинствѣ другихъ горъ Италіи, начавшееся еще во времена римскаго владычества, повлекло за собою печальныя для страны послѣдствія, такъ какъ при недостаткѣ въ лѣсахъ на истокахъ рѣкъ влага ничѣмъ не задерживается; отсюда—сильныя, періодически повторяющіяся наводненія, опустошающія болѣе ровныя мѣстности, въ особенности же римскую Кампанью. Это явленіе, между прочимъ, есть необходимое слѣдствіе культурно-историческаго закона, наблюдаемаго на всѣхъ пунктахъ нашей планеты, по которому лѣса исчезаютъ съ развитіемъ цивилизаціи. Увеличеніе населенія способствуетъ уничтоженію лѣсовъ и такимъ-то образомъ еще во времена римлянъ богатые нѣкогда лѣсами Аппенины постепенно превратились въ рядъ голыхъ скалистыхъ горъ, какими мы ихъ видимъ нынѣ.

Аппенины начинаются на крайнемъ З. Италіи, у самаго берега моря, тамъ, гдѣ, на границѣ Франціи и Италіи, Альпы, о которыхъ будетъ сказано болѣе подробно въ другомъ мѣстѣ, поворачиваютъ на востокъ. Лигуріей называютъ ту гористую береговую полосу, которая своими живописными скалистыми обрывами между Ниццей и Специей образуетъ столь извѣстныя Ривьера-ди-Поненте и ди-Ливанте. Эта страна скалиста и малоплодородна, но трудолюбивые жители прилагаютъ массу труда на то, чтобы усилить ея производительность. Главными произведеніями фабричной промышленности являются шелковыя матеріи, бархатъ, плюшъ, камка, перчатки, мыло и бумага. Мѣстный разговорный языкъ еще некрасивѣе и болѣе непонятенъ иностранцу, чѣмъ пьемонтскій.

Главный лигурійскій городъ Генуя, по-итальянски—Дженова (Genova), если смотрѣть на него съ моря, „одинъ изъ величественнѣйшихъ городовъ Италіи". Расположенный на возвышенностяхъ амфитеатромъ и стѣсненный горами, этотъ хорошо укрѣпленный портовый городъ представляетъ собою рядъ улицъ съ 7—9 этажными домами и великолѣпными палаццо, настолько узкихъ, что солнечные лучи здѣсь почти никогда не достигаютъ земли. Генуя по справедливости носитъ названіе la superba—„гордая". Смѣло перекинутый мостъ, Понте-Кариньяно, связываетъ двѣ горы, на которыхъ возвышается городъ. Генуя, въ которой насчитываютъ 225,135 жителей, — самый замѣчательный торговый и портовый городъ Италіи; здѣсь имѣются академія художествъ, библіотеки, арсеналъ, корабельныя верфи и крупныя шелковыя фабрики. Вслѣдствіе естественныхъ условій всѣ остальныя болѣе или менѣе значительныя поселенія Лигуріи расположены также на морскомъ берегу. Такъ, на Ривьера ди-Поненте находятся гавани Савона и Порто Мауричіо и климатическій курортъ Санъ-Ремо съ чудесными пальмовыми рощами; на Ривьера-ди-Леванте расположены часто посѣщаемый Кіавари и Ла-Специа, важнѣйшій военный портъ Италіи, съ большимъ арсеналомъ, построенный на красивомъ заливѣ, замкнутомъ между двумя скалистыми утесами, изъ которыхъ каждый увѣнчанъ фортомъ. Заливъ Специи вмѣстѣ съ тѣмъ является одною изъ самыхъ большихъ и самыхъ красивыхъ гаваней во всемъ мірѣ.

Лигурійскіе Аппенины, какъ называютъ эту часть горъ, выступаютъ здѣсь въ малыхъ размѣрахъ въ видѣ береговой цѣпи, вродѣ Сіерра-Невады въ Испаніи, береговыхъ Кордильеровъ въ Южной Америкѣ, или Приморской цѣпи въ Калифорніи, т. е. они очень близко подходятъ къ берегу и круто обрываются здѣсь, тогда какъ континентальная сторона ихъ, обращенная къ долинѣ р. По, спускается въ эту долину очень отлого. Тѣмъ не менѣе, въ своихъ западныхъ началахъ Аппенины остаются узкою горною цѣпью умѣренной высоты, съ одѣтыми до верха лѣсомъ куполообразными вершинами, гребень которыхъ, однако, служитъ очень замѣтнымъ погодораздѣломъ.

Часто въ Генуѣ и на берегу идетъ дождь, тогда какъ надъ Нови, Тортаной, Алессандріей, Асти, Туриномъ и прочими мѣстностями р. По сіяетъ ясное голубое небо. Въ то время, какъ эти города пользуются умѣреннымъ климатомъ, а растительность во многихъ отношеніяхъ сродна сѣверной флорѣ,—въ Генуэскомъ заливѣ климатъ положительно южный, и растительное царство пышетъ роскошью и великолѣпіемъ юга. Туринъ, напр., лежащій у подошвы Альпъ,—самая холодная мѣстность въ Италіи, а расположенная неподалеку отъ него Генуя, въ живописномъ величіи созерцающая съ своихъ высотъ голубое море, принадлежитъ къ самымъ жаркимъ мѣстностямъ полуострова. Климатъ всего Лигурійскаго побережья своею мягкостью можетъ спорить съ очаровательными мѣстностями Неаполитанскаго залива, и больной сѣверянинъ вполнѣ справедливо останавливается на зиму въ такихъ мѣстахъ, какъ, напр., Ницца, Ментона (нынѣ французскіе города), Монако, Вентимилья, Санъ-Ремо, Порто-Мауричіо — на Ривьера-ди-Поненте, или Нерви, Кьявари, Специа — на Ривьера-ди-Леванте. Растенія, украшающія эти берега, тѣ же самыя, что и на югѣ Италіи. Въ Генуѣ и окрестностяхъ мы фактически находимся въ южной Европѣ, такъ какъ она начинается тамъ, гдѣ наши ботаническія карты указываютъ сѣверную границу вѣчно-зеленыхъ лиственныхъ деревьевъ. Южная Европа—родина миртовъ, лавровъ, оливковаго дерева, зимующихъ на волѣ камелій, апельсинныхъ и лимонныхъ деревьевъ. Сѣверо-европейскія деревья, мѣняющія листву, пропадаютъ въ этой мѣстности за недостаткомъ влаги, необходимой во время ихъ роста. „Въ южной Европѣ и сѣверной Африкѣ годъ распадается на двѣ половины: сухую и влажную; въ теченіи шести зимнихъ мѣсяцевъ идутъ дожди, въ теченіи же шести другихъ, лѣтнихъ мѣсяцевъ стоитъ сухая погода. Быть можетъ, средняго количества мѣсячныхъ осадковъ было бы достаточно, еслибы періоды полнаго отсутствія дождей не были такъ продолжительны. И въ нашей мѣстности случается, что въ теченіи трехъ недѣль не выпадетъ ни капли дождя, но тогда зелень, даже среди лѣта, начинаетъ блекнуть; подъ итальянскимъ же небомъ три и даже шесть недѣль бездождія приносятъ вѣрную смерть растеніямъ и этимъ объясняется то, почему наши лиственныя деревья исчезаютъ въ южной Европѣ. Ихъ мѣсто занимаютъ вѣчнозеленые кустарники съ кожистыми блестящими листьями, которые своею болѣе темною зеленью свидѣтельствуютъ о большемъ количествѣ свѣта". Рядомъ съ ними на обѣихъ Ривьерахъ появляются уже отдѣльные экземпляры тропическихъ растеній, какъ, напр., гигантскіе алоэ и различные виды кактуса, а на недалекомъ разстояніи, на берегу Ниццы—карликовая пальма (Chamaerops humilis).

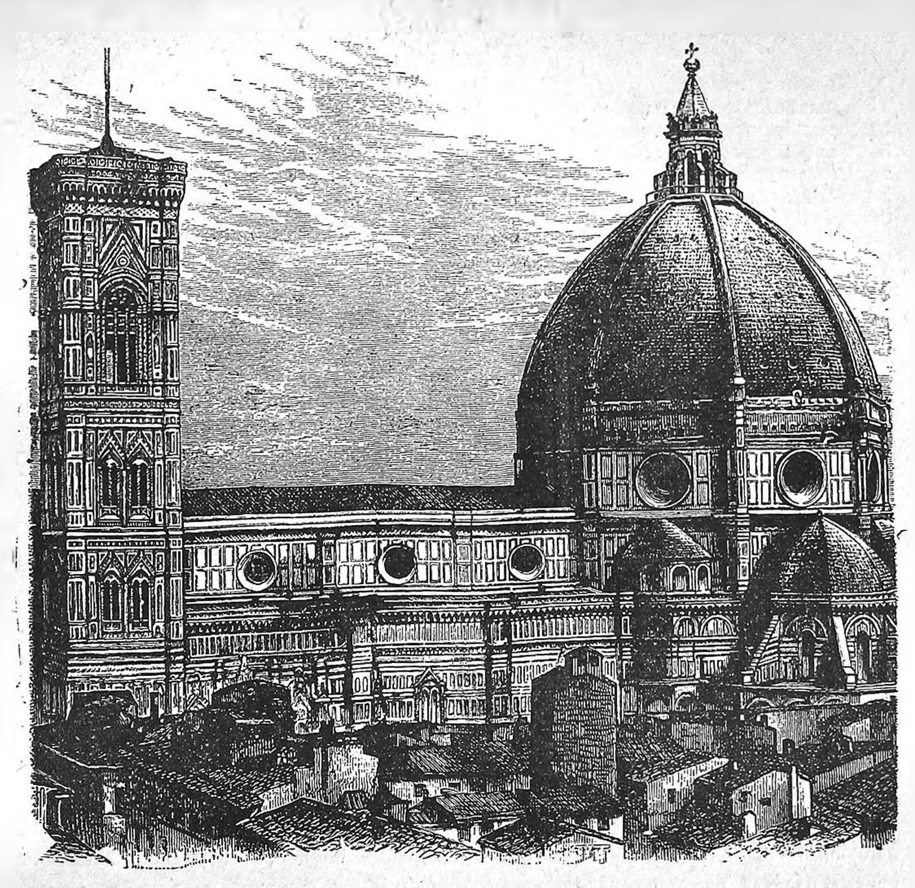
Лигурійскіе Аппенины, пересѣкаемые въ настоящее время въ двухъ пунктахъ,—у Савоны и у Генуи,—желѣзною дорогою, приноравливаются своимъ гребнемъ къ очертаніямъ глубоко-врѣзавшагося въ сушу Генуэскаго залива, по живописнымъ крутымъ берегамъ котораго точно также проведенъ рельсовый путь, отвоеванный у скалъ, отвѣсно спускаю-

щихся къ морю. Дорога идетъ по безчисленнымъ галлереямъ и взорваннымъ скаламъ. Чѣмъ дальше идутъ Аппенины на востокъ, тѣмъ болѣе удаляется главный ихъ кряжъ отъ морского берега, слѣдуя болѣе восточному направленію. Такъ идутъ Лигурійскіе Аппенины до прохода Фіумальбо, достигая въ Монте-Пенна 1,740 метр., въ Альпе-ди-Сукклзо 1,983 и въ Монте-Рондиная 1,962 метровъ. Проходъ Фіумальбо, находящійся между послѣднею вершиною и Монте-Чимоне, отдѣляетъ Лигурійскіе Аппенины отъ Этрусскихъ. Важнѣйшіе проходы въ этой мѣстности—Фіумальбо и Ла-Чиза; первый возвышается на 1,200, а второй на 1,040 метровъ надъ уровнемъ моря, тогда какъ болѣе западный проходъ Боккета, по которому проведена желѣзная дорога изъ Нови въ Генную, достигаетъ лишь 780 метр. У южнаго склона этихъ Лигурійскихъ Аппенинъ расположена къ морю прелестная мѣстность Луниріана, орошаемая рѣчкою Магра; далѣе на югъ поднимаются дикія и мрачныя известковыя горы Апуанскихъ Альпъ съ вершиною Пиццо д'Учелло (1,880 метр.); будучи отдѣлены отъ Аппенинъ долиною Графаньяна, онѣ лежатъ между этою долиною и морскимъ берегомъ и на югѣ переходятъ въ Тосканскую равнину.

Началомъ Этрусскихъ Аппенинъ мы считаемъ ихъ угловой столбъ и вмѣстѣ съ тѣмъ высочайшую вершину Монте-Чимоне (2,168 метр.), разумѣя подъ этимъ названіемъ ту часть горной цѣпи, которая идетъ въ юго-восточномъ направлении и, ясно стремясь къ адріатическому берегу, доходитъ до истоковъ Тибра у Монте-Комеро. Эта часть Аппенинъ принадлежитъ къ числу самыхъ интересныхъ; чрезъ нее проложена одна изъ наиболѣе замѣчательныхъ искусственныхъ дорогъ Европы—желѣзная дорога изъ Болоньи въ Пистою, которая у Праккіи достигаетъ своего высшаго пункта. Сначала эта дорога идетъ по долинѣ рѣки Рено, одной изъ многочисленныхъ, по большей части параллельныхъ между собою рѣкъ, которыя текутъ по отлогимъ сѣвернымъ склонамъ горъ въ долину р. По. Послѣ этого высокого прохода дорога спускается по болѣе крутымъ склонамъ на югъ, въ Тосканскую равнину, образуя живописные виды.

Тоскана, бывшая до объединенія Италіи самостоятельнымъ великимъ герцогствомъ, является однимъ изъ самыхъ счастливыхъ уголковъ Европы. Промышленная дѣятельность и народное образованіе стоятъ здѣсь выше, чѣмъ въ другихъ округахъ Италіи. Продуктами фабричной промышленности служатъ: шелкъ, соломенныя издѣлія, кожа, бумага, шляпы и мозаика. Почва очень плодородна и богата хлѣбомъ, рисомъ, виномъ, масломъ и прекрасными фруктами; во многихъ мѣстахъ находятся теплые источники. Тоскана прорѣзана Этрусскими Аппенинами, отроги которыхъ занимаютъ третью ея часть; остальная же область состоитъ частью изъ плодородныхъ, красивыхъ, разнообразныхъ по формѣ, холмистыхъ мѣстностей между Арно и Тибромъ, орошаемыхъ береговою рѣкою Омброне; а частію — изъ болотистыхъ прибрежныхъ полосъ, извѣстныхъ своимъ нездоровымъ положеніемъ,—мареммъ, въ которыя переходитъ Тосканская равнина, и которыя тянутся отъ устьевъ Арно до Лаціума и внутрь страны, до подошвы Аппенинъ. Собственно Тосканская равнина ограничивается долиною Арно, который, вмѣстѣ съ рѣками По и Тибромъ, представляетъ три главнѣйшихъ рѣки Италіи. Онъ течетъ съ В. на З., но около истока, у горы Фальтерона (1,648 метр.), въ Этрусскихъ Аппенинахъ, сильно отклоняется къ югу и затѣмъ лишь при Понтассіевѣ принимаетъ свое настоящее направленіе и чрезъ мареммы впадаетъ въ Лигурійское море. На его берегахъ, въ восточномъ углу Тосканской равнины, расположенъ «городъ цвѣтовъ», Флоренція.

Главный городъ Тосканы Флоренція (по-итальянски Firenze) съ 1865 г. до начала 1871 г. была столицею королевства Италіи. Этотъ городъ съ 200,000 жителей, расположенъ на Арно, въ плодородной, живописной долинѣ и, подобно Венеціи, носитъ эпитетъ „la bella“,—на что имѣетъ право по своему красивому мѣстоположенію, здоровому климату



Соборъ Богоматери во Флоренціи.

и великолѣпнымъ зданіямъ. По богатству картинъ Флоренція занимаетъ первое мѣсто въ мірѣ, по количеству скульптурныхъ произведеній, въ особенности античныхъ, съ ней могутъ соперничать только Римъ и Неаполь, а что касается скульптуры XVI и XVII вв., то въ этомъ отношеніи она опять-таки стоитъ внѣ конкурренціи. Въ строительномъ искусствѣ съ нею могутъ сравняться развѣ только Аѳины; все, что создано здѣсь, создано собственнымъ ея творческимъ геніемъ, и поэтому она стала образцомъ для всей европейской культуры. Въ этой области зодчества развѣ только одна Венеція можетъ предъявить одинаковыя притязанія на соперничество, но все-таки она должна быть поставлена гораздо ниже Флоренціи. Всего великолѣпнѣе центральная часть города, вокругъ площади Санта-Кроче, гдѣ находятся галлерея Уффичи, Древній Дворецъ (Palazzo-vecchio) съ Лоджіа-де-Ланчи, гигантскій соборъ, классической архитектуры, съ чудною, стройною колокольнею, блистающій въ своемъ праздничномъ нарядѣ всевозможными цвѣтами, наконецъ, церковь св. Креста—тосканскій Пантеонъ. По ту сторону р. Арно, чрезъ которую перекинутъ мостъ (Ponte-vecchio), застроенный ювелирными магазинами, встрѣчаемъ великолѣпный и въ то же время простой Палаццо-Питти; позади Палаццо тянется садъ Боболи, гдѣ высшій свѣтъ Флоренціи распускаетъ, такъ сказать, павлиный хвостъ своего тщеславія. Женскія лица въ большинствѣ случаевъ, далеко не блещутъ поразительной красотой, но зато отличаются тонкостію чертъ, въ которыхъ сквозитъ проницательный умъ. На возвышенностяхъ праваго берега Арно, охватывающихъ Флоренцію подобно золотой оправѣ драгоцѣннаго камня, тянется величественная Віа-де-Колли—мѣсто гуляній; съ этой новой улицей, пролегающей по холмамъ, не можетъ сравняться даже римскій Пинчіо.

Въ области устьевъ Арно лежитъ нѣкогда могущественный, большой и благоустроенный, а теперь запустѣвшій, не смотря на университетъ, городъ Пиза съ 61,000 жителей. Свидѣтели его прежняго величія стоятъ на безмолвной, быть можетъ единственной во всемъ

мірѣ, площади; это—четыре великолѣпныхъ произведенія искусства: соборъ, наклонная башня въ 54 метра вышиною, верхушка которой уклоняется отъ вертикальной линіи на 3 метра, баптистеріумъ (крестильня) и Кампо-Санто (кладбище). Яркій контрастъ съ запустѣніемъ Пизы представляетъ оживленная дѣятельность сосѣдняго портоваго города Ливорно. Этотъ важный приморскій и торговый городъ (104,269 жит.) располагаетъ двумя гаванями и служитъ центромъ левантской торговли, но не имѣетъ какихъ-либо особенныхъ достопримѣчательностей. Безусловно обворожительна, хотя и столь же тиха, какъ и Пиза, Лукка (76,000 жит.), церкви которой относятся къ числу наиболѣе красивыхъ и замѣчательныхъ во всей Италіи. Лукка лежитъ среди веселыхъ луговъ долины рѣки Серкіо, которая беретъ начало въ долинѣ Гарфаньяна, соединившись съ Лимой, стекающей съ высоты Фіумальбо. Въ этомъ райскомъ уголкѣ долины находятся знаменитыя въ Италіи Луккскія купанья съ теплыми источниками. Ближайшія Апуанскія горы служатъ мѣсторожденіемъ извѣстнаго бѣлаго каррарскаго мрамора; на западномъ склонѣ этихъ горъ, какъ въ котлѣ, расположенъ городъ Каррара, окруженный холмами, покрытыми цвѣтущими масличными деревьями, виноградниками и пиніями (Pinus piniae L); съ востока его полукругомъ обрамляютъ мраморные колоссы, составляющіе красивый контрастъ съ южною зеленью взморья.

Внутри Тосканы расположены слѣдующіе города: Ареццо съ 43,000 жителей (въ древности Aretium), Сіена (32,000 жит.) съ чуднымъ мраморнымъ соборомъ и другими памятниками зодчества,—городъ, нынѣ также находящійся въ упадкѣ, и Кіузи, древній Clusium, вблизи Тразименскаго озера.

Монте-Камеро и истоки Тибра составляютъ границу, къ которой примыкаютъ Римскіе Аппенины, простирающіеся до вырѣза Тронто, небольшой рѣки, впадающей въ Адріатическое море; самыя высокія и самыя дикія части этихъ Аппенинъ — Сивиллины горы (Monti Sibillini). Римскіе Аппенины, какъ и ихъ продолженіе,—Высокіе Аппенины Абруццъ,—ясно обнаруживаютъ стремленіе рабски слѣдовать очертаніямъ адріатическаго берега, что можно наблюдать почти до 42° сѣв. шир., именно до Монте-Амара (2,743 метр.), въ горномъ узлѣ Мадджелла. Хребетъ Римскихъ Аппенинъ между прочимъ образуетъ границу между Умбріей на западѣ и такъ называемыми Марками на востокѣ; въ послѣдней изъ этихъ областей расположена крѣпость Анкона—лучшій портъ и одинъ изъ важнѣйшихъ городовъ на восточномъ берегу Италіи. Кромѣ того въ этой области находятся приморскіе города,—торговая Синигалья (Sinigaglia) и Пезаро; внутри страны лежатъ: Асколи и недалеко отъ берега извѣстный, священный для паломниковъ городъ Лорето. Одна желѣзная дорога идетъ чрезъ всѣ Марки по морскому берегу, а другая—отъ Фальконары внутрь страны; послѣ подъема на Римскіе Аппенины она соединяется въ Фолиньо съ Умбрійской желѣзной дорогой, такъ что Анкона связана съ Римомъ довольно прямою желѣзнодорожною линіею.

Далѣе мы вступаемъ въ Умбрію, орошаемую Тибромъ (по-итальянски il Tevere); истокъ Тибра находится лишь немного восточнѣе истока Арно, но направленіе этихъ рѣкъ далеко не одинаково. Тибръ, въ общемъ, течетъ съ С. на Ю., такъ что истокъ и устье его находятся подъ однимъ и тѣмъ же меридіаномъ. Наиболѣе важные притоки его находятся на лѣвомъ, восточномъ берегу; таковы, напр., Нера, которая беретъ начало въ Сивиллиныхъ горахъ, и Аніо или Тевеpонъ, устье котораго находится неподалеку отъ Рима и который около Тиволи живописными водопадами сбѣгаетъ съ Сабинскихъ горъ по имъ же самимъ образованнымъ массамъ травертинскаго туфа. Съ правой стороны въ Тибръ впадаетъ Кіана, соединенная съ Арно каналомъ. Между Амброною и Тибромъ вы-

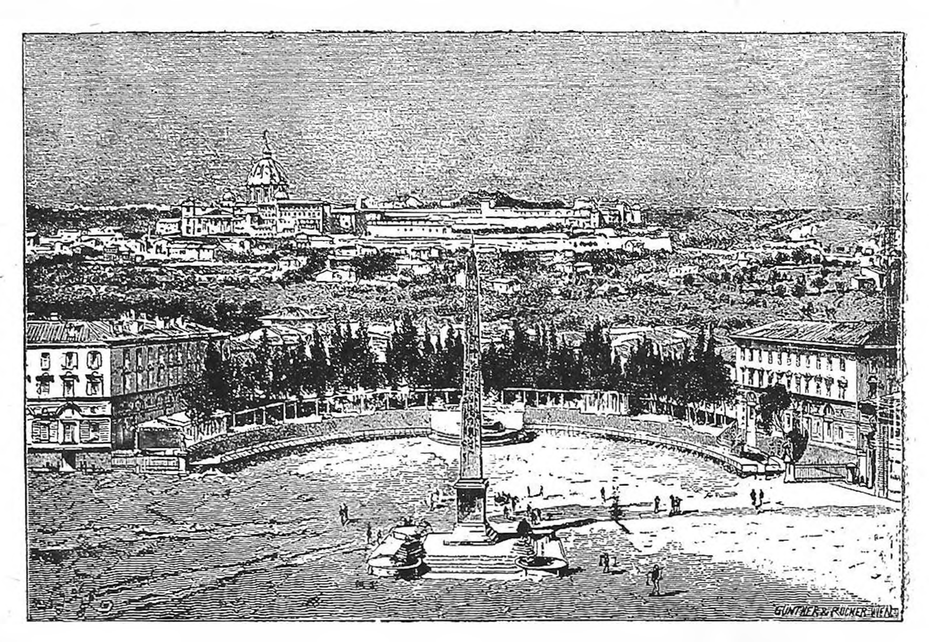
сится группа трахитовой горы Монте-Аміата (до 1,733 метр.) и находятся значительные бассейны Тразименскаго озера (болѣе 100 кв. килом.), небольшихъ сосѣднихъ съ нимъ озеръ Кіузи и Монтепульчіано, окрестности котораго славятся виномъ,—и Лаго-ди-Больсена—вулканическаго кратера, вблизи котораго, около Монтефіасконе, приготовляется вино Est-Est-Est, пользующееся большою извѣстностью. Далѣе на югъ встрѣчаются два меньшихъ кратерныхъ образованія: Лаго-ди-Вико и Брачіано. На сѣверъ отъ озера Вико поднимается Монте-Чимино, а на С.-В. отъ Брачіано и прямо на С. отъ Рима—известковая скала Соратте—характерная вершина въ Римской Кампаньи (Campagna), въ сторону которой она круто опускается, представляющая собою широкую мѣстность, прорѣзываемую въ разныхъ направленіяхъ Тибромъ. Желѣзная дорога изъ Флоренціи въ Римъ пересѣкаетъ всю эту область и касается наиболѣе важныхъ мѣстностей ея; сюда относятся: Перуджіа, владѣющая замѣчательными произведеніями искусства, между Тибромъ и Тразименскимъ озеромъ, которое цѣликомъ находится въ области Умбріи; затѣмъ Ассизи, съ гробницею основателя францисканскаго ордена; южнѣе расположенъ древній Сполето, въ Аппенинскихъ горахъ, славящійся многими римскими древностями; Терни, недалеко отъ него—Каската-делле-Марморе (Мраморные водопады), гдѣ р. Велино падаетъ съ высоты 65 метровъ. Далѣе къ западу лежитъ Нарни и—уже на почвѣ Лаціума-Орте, гдѣ желѣзная дорога отъ Кіузи чрезъ Орвіето соединяется съ вышеупомянутою.

Эта часть Италіи характеризуется тѣмъ, что почти всѣ города выстроены здѣсь на возвышенностяхъ предгорій, какъ напр., Перуджіа, Ассизи, Орвіето и даже тосканская Сіена, при чемъ, проведенная по долинѣ желѣзная дорога соединяется съ городами довольно длиннымъ и часто затруднительнымъ путемъ. Такое распредѣленіе городовъ по возвышенностямъ отчасти обусловливалось, быть можетъ, гигіеническими соображеніями. Въ долинахъ свила себѣ прочное гнѣздо малярія, а на возвышенностяхъ вѣетъ свѣжій воздухъ. Деревенскія постройки въ Италіи также имѣютъ своеобразный стиль. Трудно удержаться отъ чувства почтительнаго удивленія при видѣ массивныхъ каменныхъ зданій, разсѣянныхъ по разнымъ селеніямъ. Ихъ крыши, большею частію плоскія, веранды, лѣстницы, похожія на башни пристройки и мезонины представляютъ своеобразную архитектурную картину и напоминаютъ собою замки. Въ сравненіи съ этими постройками неуклюжіе, грубой работы и безобразные, по большей части деревянные, съ остроконечными кровлями, дома нѣмецкихъ крестьянъ, кажутся бѣдными и унылыми.

Современная и древняя столица государства находится въ Лаціумѣ, который въ прежнее время носилъ названіе «патримоніума св. Петра». Кромѣ Рима въ Лаціумѣ нѣтъ ни одного значительнаго города; заслуживаютъ упоминанія развѣ только слѣдующіе пункты: Витербо, на С. страны; крѣпость и гавань Чивита-Веккіа на Тирренскомъ морѣ, Веллетри, при началѣ Вольскихъ горъ и Террачина, портъ на концѣ нѣкогда знаменитыхъ, теперь же почти совсѣмъ осушенныхъ, Понтинскихъ болотъ. Все вниманіе, конечно, сосредоточивается на Римѣ.

Римъ, вѣчный городъ, la città eterna, urbs aeterna, для краткости называвшійся древними римлянами просто „urbs", съ 1871 г. вновь сталъ столицею Италіи. Въ настоящее время въ немъ насчитывается до 474,018 жителей. Городъ расположенъ на нѣсколькихъ холмахъ: Палатинъ, Капитолій, Авентинъ, Цэліумъ, Эсквилинъ, Виминалъ и Квириналъ,—вотъ тѣ семь историческихъ холмовъ, по числу которыхъ Римъ часто называется семихолм-

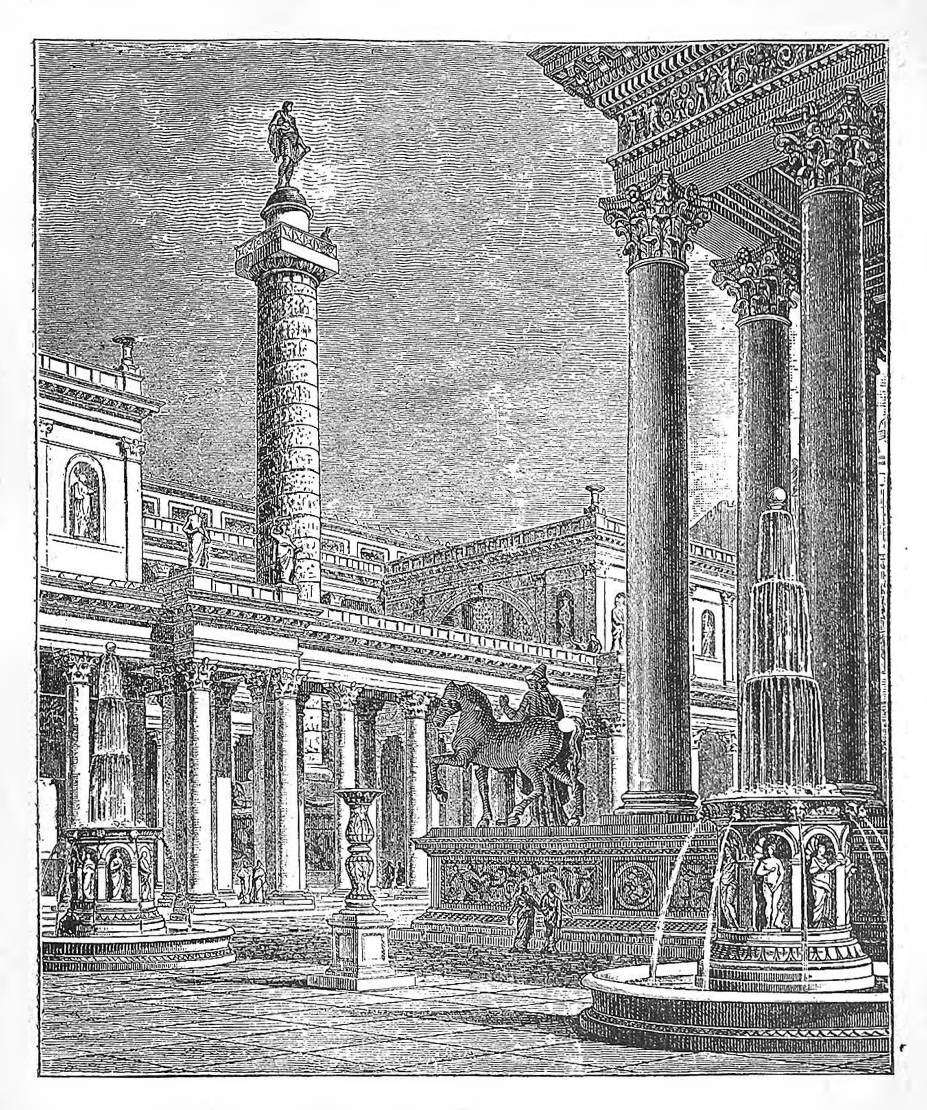
нымъ городомъ. Но въ наше время Римъ перекинулся и на Монте-Пинчіо, гдѣ устроено чудесное мѣсто для гуляній и имѣется терраса, съ которой открывается безподобный видъ на городъ; затѣмъ границы нынѣшняго Рима отодвинулись за Тибръ, который пересѣкаетъ Римъ въ видѣ буквы S,—на Монте-Джаниколо (Mons Janiculus) и на Монте-Ватикано. Море домовъ въ современномъ Римѣ, съ лабиринтомъ узкихъ и кривыхъ улицъ, пересѣкаемыхъ знаменитымъ Корсо, который идетъ отъ Піацца-дель-Пополо на сѣверной окраинѣ города до Піацца-Венеція—въ центрѣ изводимыя здѣсь раскопки болѣе и болѣе расширяютъ границы этого древняго міра. Рядомъ находятся грандіозныя арки базилики Константина и тройныя тріумфальныя ворота этого императора. Величественные остатки древности разсѣяны и въ другихъ частяхъ города; изъ нихъ всего красивѣе реставрированный Пантеонъ, но нигдѣ эти остатки не производятъ такого впечатлѣнія, какъ здѣсь, въ старомъ Римѣ, гдѣ только одинокія виллы, церкви, или старый монастырь напоминаютъ о позднѣйшихъ эпохахъ. Этотъ старый, заброшенный и даже посѣщаемый маляріей



Piazza del popolo, Соборъ св. Петра и Ватиканъ.

его, — расположено въ равнинѣ древняго Campus Martii, на сѣверномъ и восточномъ склонахъ Капитолія, Эсквилина, Виминала, Квиринала и Пинчіо. Палатинъ, Авентинъ и Целіусъ въ настоящее время принадлежатъ къ той части города, которую называютъ „старымъ Римомъ", такъ какъ здѣсь сосредоточены самые важные остатки древности. Непосредственно позади Капитолія, прислонившись къ мощному Табуларію, гдѣ теперь помѣщается бюро городскаго управленія, предъ нами разстилается внизу широкое поле античнаго форума съ тріумфальною аркою Септимія Севера, далѣе виднѣются тріумфальныя ворота Тита, тогда какъ надъ нами шумятъ вѣчно зеленые дубы Палатина съ его императорскими дворцами, и высится грозная масса амфитеатра Флавія (Колизей). Ежедневно про- Римъ расположенъ на Ю. отъ новаго города, который занимаетъ лишь незначительную часть обнесеннаго стѣнами пространства. Эти стѣны, длиною въ 23 километра, охватываютъ площадь почти въ 15 кв. километровъ; изъ этого пространства дома съ пристройками къ нимъ занимаютъ лишь 4 кв. килом., улицы и площади — 2 кв. килом., остальная же площадь занята садами и виноградниками. Теперь этотъ городъ сильно разростается и многіе сады и виноградники расчищаются и превращаются въ застроенныя площади. На самомъ большомъ холмѣ, Эсквилинѣ, затѣмъ на Виминалѣ и по ту сторону термъ Діоклетіана въ послѣдніе годы выросли совершенно новыя части города, какъ грибы послѣ дождя; дома этихъ новыхъ кварталовъ, въ стилѣ современныхъ казармъ большихъ

городовъ. какъ будто оскверняютъ почву, въ нѣдрахъ которой, и именно въ этомъ мѣстѣ, сокрыты драгоцѣннѣйшія сокровища. Предметами, добытыми при раскопкахъ на Эсквилинѣ, уже наполненъ новый музей. Пять мостовъ, перекинутыхъ чрезъ Тибръ, изъ которыхъ самый красивый—Элійскій,—нынѣ мостъ С. Ангела (Ponte d'Angelo) и Кваттро-Капи — принадлежатъ древности, — соединяютъ восточную часть города съ меньшею западною. Часть города, расположенная на правомъ берегу, собственно—южная окраина его, носитъ названіе Трастевера; здѣсь живетъ низшій классъ населенія, который очень гордится тѣмъ, что въ его жилахъ течетъ еще вполнѣ чистая римская кровь. Живописцы и художники въ особенности превозносятъ классическую красоту трастевернянокъ. Длинная, прямая улица у подножія Яникула, тянущаяся по берегу Тибра, соединяетъ



Форумъ и колонна Траяна въ Римѣ.

Трастеверъ съ Леонинскимъ городомъ, гдѣ, на самомъ концѣ Рима, возвышается соборъ св. Петра и громадный дворецъ Ватиканъ. Отъ площади св. Петра, которая обнесена простою, но величественною колоннадою Бернини, имѣющею форму эллипсиса, прямая улица ведетъ къ замку Св. Ангела (Kastello San Angelo), къ Moles Hadriani, гробницѣ императора Адріана, съ очень толстою круглою башнею. На Тибрѣ находится небольшой островъ С.-Бартоломео, чаще называемый Isola tiberina; напротивъ него, на лѣвомъ берегу, въ недавнее еще время, существовалъ еврейскій кварталъ, съ 6,000 жителей, знаменитый „temmo“,—теперь уже снесенный. Римъ—городъ искусства и художниковъ и въ этомъ отношеніи равнаго ему города нѣтъ во всемъ мірѣ. Музеи и другія достопримѣчательности въ области искусства всѣхъ эпохъ нужно считать здѣсь тысячами. Кромѣ античныхъ развалинъ, въ многочисленныхъ галлереяхъ Рима можно любоваться образцовыми произведеніями итальянской живописи и скульптуры. Крайне замѣчательны во всѣхъ отношеніяхъ церкви и капеллы всевозможныхъ размѣровъ, во множествѣ встрѣчающіяся здѣсь; онѣ принадлежатъ къ самымъ различнымъ эпохамъ, начиная съ самаго основанія христіанства, причемъ однѣ изъ нихъ отличаются самою скромною внѣшностью, другія же блещутъ пышностью. Въ настоящее время, вслѣдствіе измѣнившихся обстоятельствъ, Римъ въ значительной степени утратилъ свое прежнее церковное великолѣпіе, которымъ блисталъ нѣкогда, какъ столица католическаго христіанства. Римъ сталъ главнымъ городомъ большого государства и, какъ таковой, — средоточіемъ всѣхъ министерствъ, присутственныхъ мѣстъ, должностей, университета, многочисленныхъ учрежденій; но, вмѣстѣ съ тѣмъ, Римъ одѣлся въ рабочій костюмъ и съ каждымъ днемъ принимаетъ все болѣе и болѣе гражданскій видъ, становится все болѣе похожимъ на другіе большіе современные города со всѣми ихъ свѣтлыми и темными сторонами. Путешественникъ, прибывшій сюда, съ тихою грустью думаетъ о томъ, что, быть можетъ, настанетъ время, когда ничто, или очень немногое будетъ напоминать въ Римѣ о томъ, что изъ всѣхъ мѣстъ на земномъ шарѣ ни одно не представляетъ такого историческаго интереса, какъ этотъ городъ, который мы, съ почтительнымъ благоговѣніемъ, называемъ „вѣчнымъ“.

Одно только останется у Рима,—это его окрестности, его Кампанья. Campagna di Roma,—прелестная, безподобная мѣстность, не имѣющая себѣ соперниковъ и одинаково величественная какъ по своей серьезной красотѣ, такъ и по своему историческому прошлому. Римская Кампанья—своего рода возвышенный театръ исторіи, великая сцена міра. Кто самъ не видѣлъ и не осязалъ прославленную красоту Лаціума, тому ни описаніе поэта, ни картины художника, сколько бы ни было ихъ нарисовано, не въ состояніи даже приблизительно изобразить ее. Какой нибудь романтичности, фантастической прелести здѣсь нѣтъ и слѣда; все тихо, величественно, все дышетъ мужественною красотою и серьезностью, и природа стоитъ предъ понимающимъ зрителемъ, какъ мраморная статуя греческой Юноны. Царящее надъ этою богатою красками почвою Лаціума величавое молчаніе лишь по временамъ прерывается рѣзкимъ свисткомъ локомотива; однако, не слѣдуетъ представлять себѣ эту мѣстность совершенною равниною, хотя обширныя пространства Ager romanus и носятъ такой именно характеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Кампанья все-таки богата складками, образуемыми почвою, которыя простымъ, но изящнымъ размахомъ своихъ линій составляютъ пріятный контрастъ съ однообразіемъ широкихъ равнинъ. Видъ на югъ ограниченъ чудными контурами вулканическихъ Албанскихъ горъ, съ ихъ высшею вершиною Монте-Каво; на востокѣ взоръ встрѣчаетъ известковыя стѣны Сабинскихъ горъ, между тѣмъ какъ на переднемъ планѣ, необозримо длинный рядъ арокъ Aqua Claudia налагаютъ на Кампанью отпечатокъ однообразія и величія. Надъ всею этою восхитительною мѣстностью разстилается итальянское небо; синева его темнѣе и красивѣе, и оно кажется значительно выше и шире сравнительно съ небомъ Германіи. Горизонтъ въ Италіи ясенъ и, просвѣчивая бѣлымъ свѣтомъ, образуетъ прекрасный фонъ для предметовъ, возвышающихся надъ поверхностью земли, вслѣдствіе чего очертанія ихъ выступаютъ очень рельефно. Всюду, насколько хватаетъ глазъ, въ Кампаньи видны только пастбища, и однообразіе ландшафта нарушается лишь стадами пасущихся овецъ, среди которыхъ порою выдѣляется одинокая человѣческая фигура—пастухъ. Мѣстами пасутся на волѣ невзрачныя на видъ лошади, пользующіяся неограниченной свободой, и въ счастливомъ случаѣ можно встрѣтить верхомъ на лошади жителя Кампаньи, съ палкою, имѣющею желѣзный наконечникъ, и въ панталонахъ, сдѣланныхъ изъ козьей кожи. Порою небольшая, но тѣнистая роща итальянскихъ, вѣчно зеленыхъ дубовъ (Quercus ilex) увѣнчиваетъ вершину холма, но это—большая рѣдкость въ безлѣсной, голой, выжженной солнцемъ Кампаньѣ. Напротивъ, вдали повсюду высятся развалины и кучи обломковъ, неясныя очертанія которыхъ, похожія на призраки, краснорѣчиво свидѣтельствуютъ о прошломъ. То здѣсь, то тамъ одинокая пинія развертываетъ свою благородную крону, похожую на опахало,

Развалины Колизея въ Римѣ (видъ съ Палатинскаго холма).

или же блеснетъ листъ лавра, пріютившагося у искрошившихся стѣнъ.

Къ сожалѣнію, лихорадка, отравляющая воздухъ (малярія), потрясаетъ своимъ, часто смертоноснымъ, скипетромъ надъ этою волшебною мѣстностью, среди которой возвышается Римъ, вѣчный городъ съ далеко виднымъ куполомъ св. Петра. Нездоровый климатъ этой мѣстности обусловливается геологическимъ строеніемъ почвы. Вулканическій туфъ Кампаньи вбираетъ въ себя всѣ водяные осадки; испаренія этой подземной влаги, вѣроятно, и производятъ малярію. Мнѣніе, будто малярія существовала здѣсь и въ древности, когда Кампанья была густо заселена, врядъ ли справедливо; говорятъ также, что прекращеніе земледѣлія, за которымъ послѣдовало запустѣніе края, разорило Кампанью, и что поэтому нужно снова вернуться къ земледѣлію; но „о раззореніи страны въ экономическомъ смыслѣ не можетъ быть и рѣчи, такъ какъ доходы отъ скотоводства гораздо значительнѣе тѣхъ, которые можно получить здѣсь, занимаясь земледѣліемъ". Среди многочисленныхъ мѣръ, направленныхъ къ оздоровленію Кампаньи, одна только имѣетъ шансы на успѣхъ, это—производимыя въ широкихъ размѣрахъ насажденія австралійскаго эвкалипта (Eucaliptus globulus).

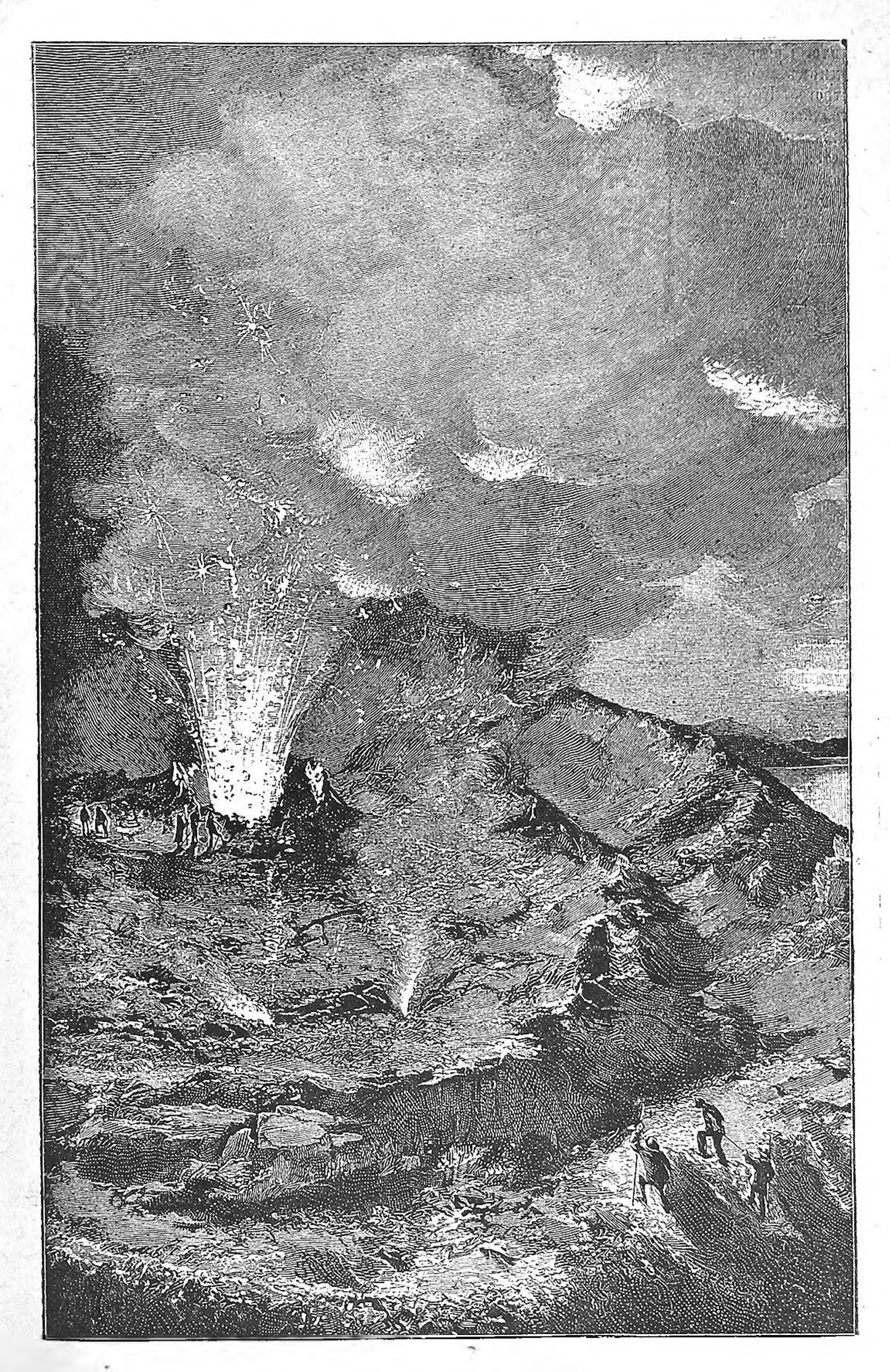
На западѣ римская Кампанья переходитъ въ прибрежныя столь же нездоровыя «Maritima», южное продолженіе которыхъ до Террачины образуютъ Понтинскія болота (Pomptinae paludes, по имени древняго города Пометіи). Они тянутся вдоль Вольскихъ горъ, иначе—Монти-Лепини, которыя, вмѣстѣ съ Сабинскими и Албанскими горами, замыкаютъ Кампанью.

Подъ именемъ Сабинскихъ горъ подразумѣваютъ горный кряжъ, который расположенъ на западъ предъ Аппенинами и отдѣленъ отъ нихъ долинами р. Велино и его притока—Турано. Эти горы начинаются на лѣвомъ берегу р. Неры и долгое время идутъ вдоль итальянскаго полуострова параллельно съ Тибромъ, въ Ю.-В. направленіи. Въ Сабинскихъ горахъ беретъ начало р Аніо, въ долинѣ котораго находится знаменитый Тиволи; въ самомъ сердцѣ этихъ горъ лежитъ Субіако. Албанскія горы (Monti Laziali) поднялись на окружающей равнинѣ дѣйствіемъ вулканическихъ силъ и потому стоятъ совершенно изолированно. Онѣ ясно сохранили слѣды кратеровъ въ такъ называемомъ Кампо д'Аннибале и въ обоихъ, пользующихся извѣстностію, озерахъ,—Альбано и Неми. Близь Аритчіи также имѣется ясно различимый, нѣкогда дѣйствовавшій, одинокій кратеръ. Воль-

скія горы поднимаются на югъ отъ Албанскихъ и до настоящаго времени мало посѣщаются вслѣдствіе разбойничьихъ наклонностей мѣстныхъ жителей. Онѣ простираются на югъ до Терра-ди-Лаворо, орошаемой р. Гариліано (въ древности—Лирисъ), гдѣ начинается плодородная, благодатная почва Неаполя.

На востокъ отъ южнаго Лаціума поднимаются Высокія Аппенины; Пиццо-ди-Сево (2,546 метр.) дѣлитъ ихъ на двѣ параллельныя цѣпи, изъ которыхъ на восточной находятся наиболѣе значительныя вершины во всей Италіи. Здѣсь мы находимъ: Гранъ-Сассо д'Италія (2,920 м.), Рокка-ди-Липарето и Ла-Скалата, тогда какъ на западной цѣпи Монте-Беллино достигаетъ 2,400 метр. Эта область Высокихъ Аппенинъ, ограничиваемая на З. теченіемъ рѣчки Сальто, составляетъ мѣстность Абруццо, жители которой извѣстны своими разбоями. Римскіе и Высокіе Аппенины пересѣкаются многочисленными, понятно короткими береговыми рѣками, идущими параллельно другъ другу и впадающими въ Адріатическое море. Здѣсь находится графство Молизе, самая гористая и дикая мѣстность Италіи; такъ какъ горы мало удобны для земледѣлія, то жители занимаются здѣсь главнымъ образомъ скотоводствомъ. Довольно значительная часть населенія ежегодно, въ періодъ жатвы, отправляется въ болѣе южныя мѣстности или же въ Среднюю Италію. Изъ немногихъ городовъ вниманіе читателя можно обратить на укрѣпленный г. Аквилу (16,000 жит.) и Кіэти (20,000 жит.),—въ древности—Теате и Терамо. Теперь мы вступаемъ въ собственную Нижнюю или Южную Италію, въ составъ которой входятъ провинціи Терра-ди-Лаворо, или Кампанья, Апулія и Калабрія. Эта мѣстность отличается очень теплымъ воздухомъ, но морскіе вѣтры и горы, на которыхъ иногда лежитъ снѣгъ, смягчаютъ климатъ. Въ Неаполѣ снѣгъ составляетъ важную статью торговли. Во время короткой дождливой зимы деревья и луга сохраняютъ свою зелень, а деревья начинаютъ цвѣсти уже въ январѣ. Бичемъ мѣстности является знойный широкко (Scirocco), который приноситъ съ собою удушливую жару. Почва очень плодородна, но чисто-вулканическаго происхожденія; съ начала христіанской эры насчитываютъ до 70 большихъ изверженій Везувія; кромѣ того почва подвержена здѣсь очень частымъ и страшно опустошительнымъ землетрясеніямъ. Счастливая Кампанья (Campagna felice), поразительно плодородная равнина—настоящій садъ Южной Италіи; эта равнина начинается отъ р. Вольтурно, самой крупной рѣки въ Нижней Италіи. Здѣсь, въ райской мѣстности, на крутомъ берегу, красуется Неаполь (по-итальянски Napoli), самый большой городъ въ государствѣ; надъ городомъ висятъ облака дыма кратера Везувія, (1,280 метр.), одинокій, величественный конусъ котораго высится надъ окружающей его равниной, позади столь прославленнаго Неаполитанскаго залива.

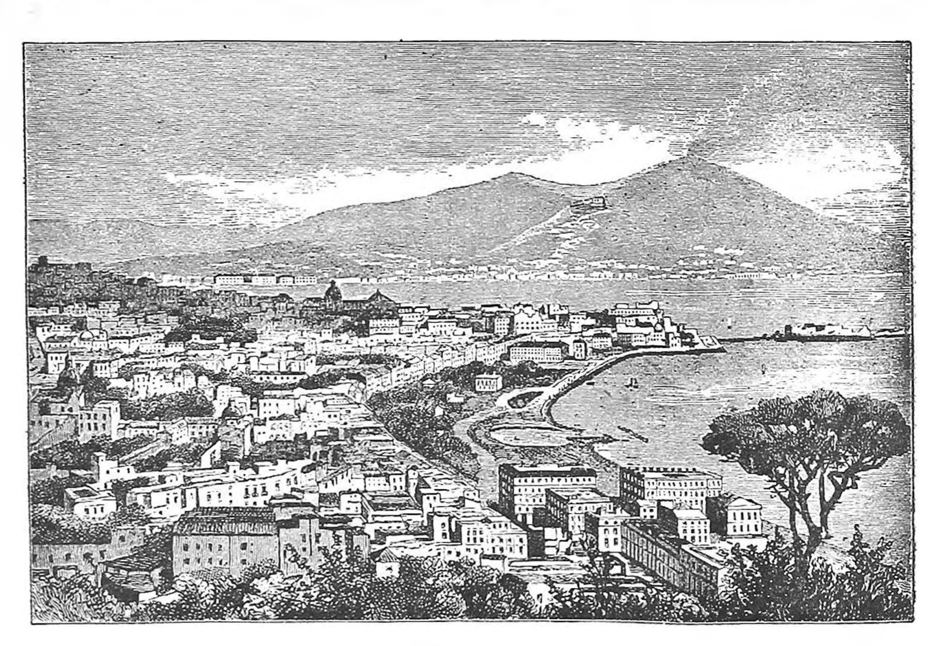
У подошвы Везувія до Кастелламары тянется непрерывный почти рядъ мѣстечекъ; прелестными ландшафтами полна также и коса, отдѣляющая Неаполитанскій заливъ отъ Салернскаго, конечнымъ пунктомъ которой служитъ Пунта-делла-Кампанелла. Здѣсь, у подножія горы Св. Ангела (Monte S. Angelo 1,520 метр.), отроги которой расходятся по всему полуострову, на крутомъ скалистомъ берегу, среди ароматныхъ лимонныхъ и апельсинныхъ лѣсовъ находятся: Вико Эквензе, Мета и столь прославленный поэтами Сор-



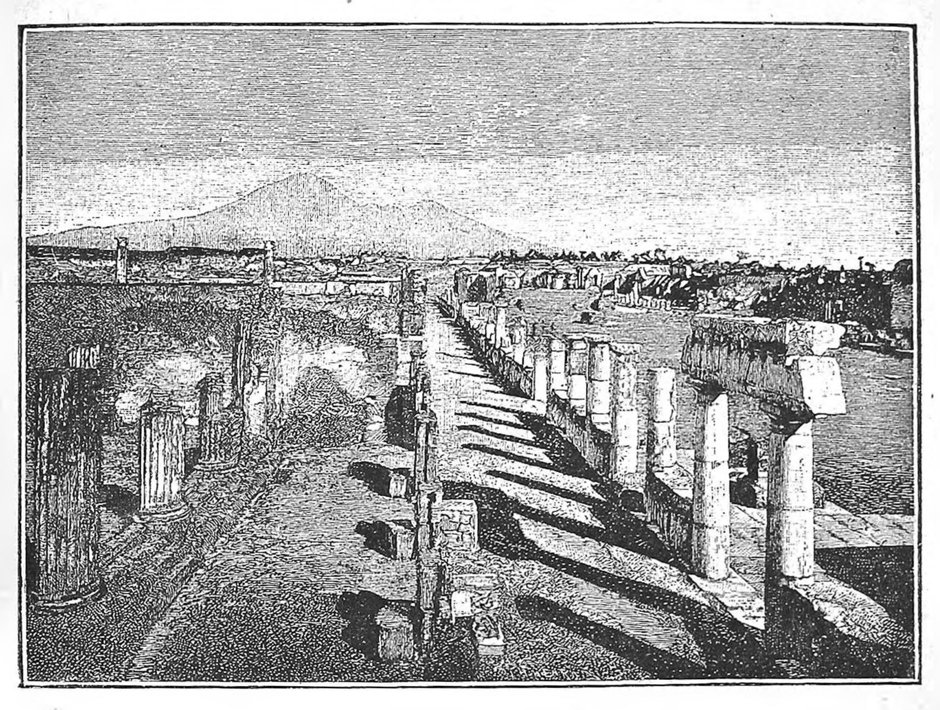
Кратеръ Везувія.

ренто. Противъ Пунта-делла-Кампанелла, на темномъ морскомъ днѣ, покоится скалистый островъ Капри съ своимъ удивительнымъ „голубымъ гротомъ"; своими очертаніями онъ напоминаетъ античный саркофагъ и представляется какимъ-то сфинксомъ, оберегающимъ входъ въ заливъ. Къ западу отъ Неаполя поднимается масса покрытаго лѣсомъ туфа-Позилиппа, который составляетъ границу Флегрейскихъ полей — мѣстности, пропитанной запахомъ сѣры, гдѣ вулканическія силы образовали массу кратеровъ и сольфатаръ. Нѣкоторые изъ нихъ въ настоящее время превратились въ озера; народная фантазія древнихъ указывала въ этой изрытой мѣстности входъ въ подземный міръ. Вулканическія образованія окружаютъ небольшой, но живописный заливъ Поццуоли и заканчиваются мысомъ Капъ-Мизенъ. Противъ послѣдняго расположены небольшіе острова: Прочида, Вивара и болѣе значительный—Искія, вершина котораго, Эпомео (840 метр.), судя по трахитовымъ потокамъ лавы, также принадлежитъ къ потухшимъ вулканамъ.

Неаполь простирается отъ сѣвернаго Капоримонте до южнаго Кастелло-делль-Уово на разстояніи 4 килом., отъ западнаго конца Меджеллины до восточнаго конца Граници, на морскомъ берегу—на 7 километровъ; онъ имѣетъ въ окружности до 18 километровъ и насчитываетъ въ своемъ округѣ около 529,446 жителей. Онъ возвышается на берегу Тирренскаго моря и расположенъ амфитеатромъ вокругъ кратеровиднаго залива, который образуетъ волшебно красивое, замкнутое озеро между мысами Мизенъ и делла-Кампанелла. Отсюда разстилаются очаровательные виды на Везувій, Монте-Санъ-Анджело, на береговыя горы и на острова Капри, Искія и Прочида, между которыми открывается выходъ въ Сицилійское море. Вдали на С.-В. поднимаются Аппенины; около самаго города на западѣ высится холмъ Позилипо съ могилою Виргилія, на сѣверѣ отъ него поднимается возвышенность Камальдоли, одна изъ очаровательнѣйшихъ по красотѣ пейзажа мѣстностей; городъ занимаетъ холмы Вомеро, Каподимонте и Санта-Марія-делль-Піанто, простираясь съ юга на востокъ. Будучи разсматриваемъ съ моря или съ Везувія, этотъ полукруглый заливъ, начиная отъ древне-классической Байи и кончая колыбелью Тасса — Сорренто, — кажется однимъ сплошнымъ вѣнцомъ городовъ, среди котораго блеститъ, подобно драгоцѣнному камню, Неаполь, а надъ нимъ, въ видѣ предостерегающаго креста, громоздится Везувій съ потоками лавы. Обладая, какъ нагорный городъ, красивымъ мѣстоположеніемъ, Неаполь окруженъ поясомъ роскошнѣйшей южной растительности,—кактусами, агавами, пиніями, пальмами, апельсинными и лимонными деревьями, а на морѣ, въ которомъ отражается свѣтлое, ясное небо, блестятъ его восточные сосѣди: Пор-



Неаполь.



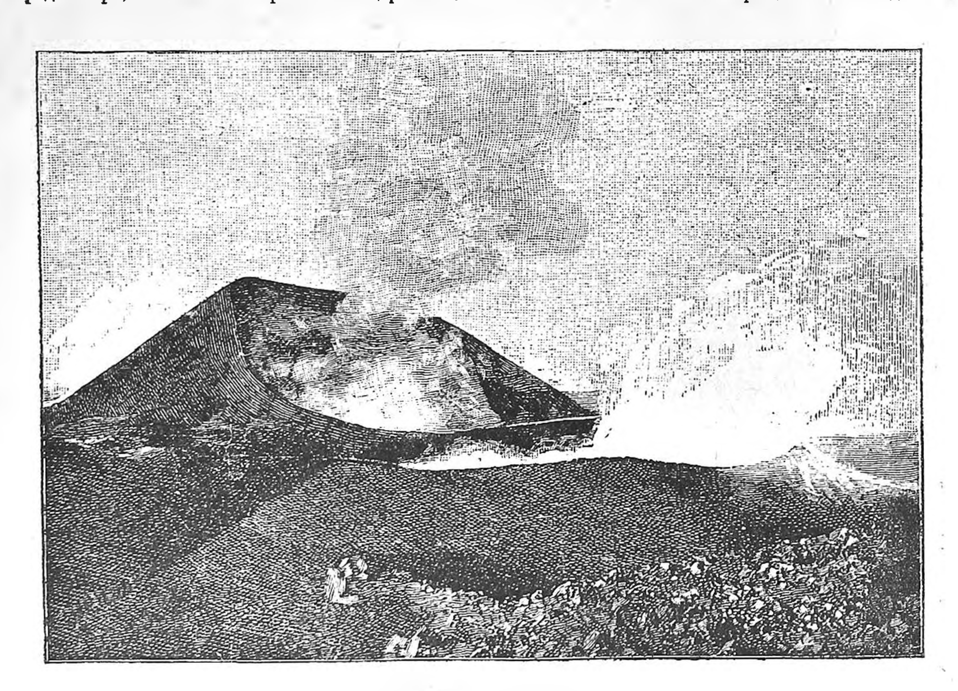
Развалины Помпеи.

тичи, Торре-делль-Греко, Торре-делль-Аннунціата; здѣсь же лежитъ Помпея, интереснѣйшій городъ древности, съ грудами земли вмѣсто античныхъ стѣнъ, насыпанными въ послѣднее время; затѣмъ, обращаясь къ юго-восточной береговой границѣ залива, мы видимъ выступы известковаго колосса, Монте С. Анджело, круто ниспадающіе къ морю среди весело улыбающихся прибрежныхъ полей. Неаполь—самый большой городъ Италіи и оживленный, большой портъ, имѣющій, вслѣдствіе мола, видъ буквы L. По богатству произведеніями искусства Неаполь, конечно, не можетъ спорить съ Римомъ, Флоренціей, или другими городами Италіи; въ архитектурномъ отношеніи этотъ красиво выстроенный городъ имѣетъ также мало достопримѣчательностей; главное сокровище Неаполя—прежніе монастыри, рабочіе дома, госпитали и церкви, отличающіяся не столько великолѣпіемъ, сколько богатствомъ. Украшеніемъ внутренняго города являются совершенно прямая Віа-Рома съ превосходными дворцами, прежде называвшаяся Толедскою улицею, и находящійся на этой улицѣ національный музей съ большою библіотекою и находками, добытыми въ Геркуланумѣ и Помпеѣ. Кромѣ того, Неаполь можетъ похвалиться многими учеными учрежденіями, какъ, напр., университетомъ, ботаническимъ садомъ и обсерваторіей; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ принимаетъ участіе и въ промышленной дѣятельности страны, являясь центромъ южно-итальянской мануфактурной промышленности и торговли. Столь характерный въ прежнее время для Неаполя типъ лаццарони, составлявшихъ особый классъ, численностью до 80,000 человѣкъ, теперь окончательно исчезъ. Между прочимъ, здѣсь находится знаменитая въ своемъ родѣ зоологическая станція.

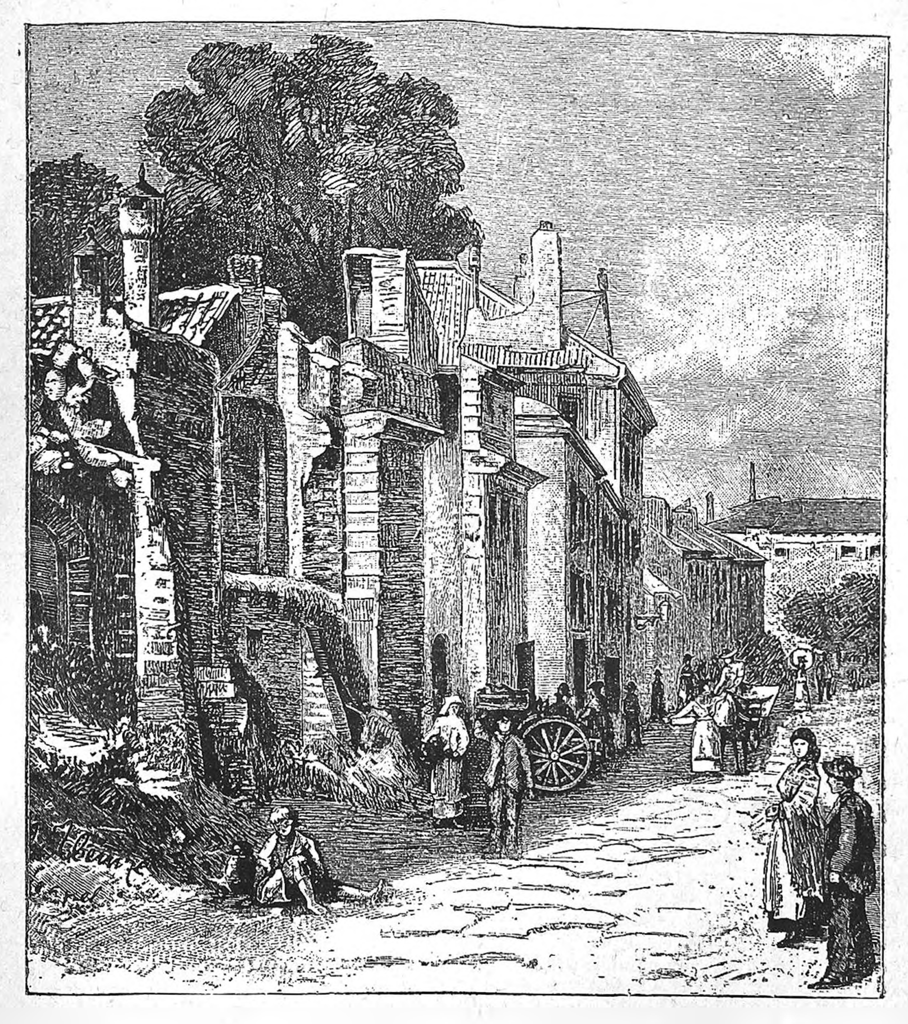
Другія наиболѣе важныя мѣстности Кампаньи слѣдующія: морская крѣпость Гаэта, старинный бенедиктинскій монастырь Монте-Кассино, восхитительно расположенный на вершинѣ горы близъ С.-Джермано; Капуа, при Вольтурно, съ хорошо сохранившимся римскимъ амфитеатромъ; Казерта, съ большимъ увеселительнымъ королевскимъ замкомъ; Поццуоли, при заливѣ того же имени, съ многочисленными остатками древности, Сорренто, Амальфи и Салерно, приморскіе города, расположенные въ прелестной мѣстности; наконецъ, въ пустынной, прибрежной равнинѣ, изобилующей лихорадками, находятся удивительные развалины храма Пэстумъ (Paestum).

Направленіе расположенныхъ въ южной Италіи Неаполитанскихъ Аппенинъ неправильно, и главный хребетъ ихъ постепенно снова приближается къ западному тирренскому берегу въ такой степени, что Апулійскій полуостровъ кажется плоскостью въ сравненіи съ полуостровомъ Калабріей, по которому до мыса Капъ-Спартивенто тянутся Калабрійскіе Аппенины. И въ самомъ дѣлѣ, Апулія (по-итальянски La Puglia, прав. произн. Пулья)—бѣдная водою, но богатая известью береговая мѣстность, имѣетъ незначительную высоту, тогда какъ по направленію къ западу почва поднимается. Собственную цѣпь Аппенинъ прослѣдить здѣсь уже невозможно; она распадается на нѣсколько группъ, которыя то слѣдуютъ главному направленію, то идутъ съ С. на Ю., то—поперекъ—съ З. на В., то образуютъ кругъ; въ заключеніе Тарентинскій заливъ снова соединяетъ ихъ въ цѣпь, втиснувъ горы въ Калабрійскій полуостровъ. Не смотря на сухость почвы и недостатокъ воды, которыя вынуждаютъ жителей собирать въ цистерны дождевую воду, Апулія, за исключеніемъ мѣстности около Тарентскаго залива, все-таки плодородна и очень хорошо обработана.

Апулія замѣчательна многими населенными городами, изъ которыхъ многіе расположены на возвышенностяхъ; изъ нихъ наиболѣе извѣстны: быстро расцвѣтающая Фоджіа, съ низкими домами и широкими улицами, центръ торговли овцами; портовый городъ Бари, съ многими красивыми церквами, Барлетта, Мольфетта и Бриндизи—древній Brundusium,—воскресающій послѣ тысячелѣтняго упадка; въ настоящее время онъ является временно послѣднею станціею итальянской желѣзной дороги, проложенной по берегу Адріатическаго моря до Отранто и имѣетъ вновь возобновленный портъ; отъ него идетъ



Верхній кратеръ Этны.



Улица въ Капуѣ.

кратчайшій морской путь на востокъ, главнымъ образомъ къ Египту, а чрезъ посредство Суэцкаго канала онъ находится въ связи съ дальнимъ азіатскимъ востокомъ, Австраліей и Африкой; особенно важное значеніе имѣетъ онъ для остъ-индской англійской почты. Всѣ портовые города, расположенные на юго-восточныхъ берегахъ Италіи, имѣютъ не столько чисто-итальянскій, сколько греческій отпечатокъ. Низкіе, постоянно окрашенные въ бѣлый цвѣтъ дома съ немногими окнами придаютъ этимъ городамъ почти восточный характеръ. Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть о Таранто, гавань котораго занесена пескомъ, о крѣпости Отранто, при входѣ въ Адріатику и о Летчѣ, одномъ изъ наиболѣе красивыхъ городовъ страны, съ значительными плантаціями хлопка.

На заднемъ планѣ Тарентскаго залива находится сравнительно бѣднѣе одаренная природою провинція Базиликата съ главнымъ городомъ Потенцой, который лежитъ въ самой глубинѣ ея. По размѣрамъ Базиликата равняется королевству Виртем-

бергскому, и отдѣляетъ собою Апулію отъ Калабріи. «Тѣсно опоясанная волнами Тирренскаго и Іонійскаго морей, подобно, замку огражденная семью скалистыми мысами, отважно выступающими въ голубыя волны, возвышается Калабрійская горная область, дикая, упорная, смѣлая и грубая, разорванная на тысячи суровыхъ горныхъ долинъ, ущелій и пропастей». Природа щедро надѣлила этотъ край произведеніями юга. Главныя мѣста въ Калабріи суть: Козенца, внутри страны, Катанцаро и Реджіо, на Мессинскомъ проливѣ.

По ту сторону узкаго, всего въ $5^{1}/_{2}$ килом. шириною, Мессинскаго пролива (Faro di Messina), знаменитаго въ былое время проливами Сциллы и Харибды, поднимаются крутые берега Сициліи. Этотъ самый большой островъ на Средиземномъ морѣ занимаетъ пространство въ 25,460 кв. километровъ и въ древности по своей трехугольной формѣ назывался Тринакріей. За исключеніемъ немногихъ плоскостей и Катанійской равнины, Сицилія почти сплошь покрыта горами, которыя между Ганжи (Gangi) и Никозіей образуютъ горный узелъ, откуда ко всѣмъ тремъ угламъ острова лучеобразно тянутся главныя горныя цѣпи. Сѣверная цѣпь достигаетъ значительной высоты, западная ниже сѣверной, а южная цѣпь ниже всѣхъ. Въ противоположность большинству крутыхъ возвышенностей, вулканъ Этна (3,310 метр.), находящійся на сѣверѣ отъ Катаніи, на восточномъ берегу острова и достигающій области вѣчнаго снѣга, поднимается отлого. Крутымъ онъ становится лишь въ самой верхней части и въ многочисленныхъ вулканическихъ конусахъ, образовавшихся при боковыхъ изверженіяхъ. Этна занимаетъ пространство болѣе чѣмъ въ 1,500 кв. километровъ и опоясана самою большою рѣкою Сициліи, Симето, которая впадаетъ въ море южнѣе Катаніи. Кромѣ Симето можно назвать еще рѣки Сальсо и Платани, устья которыхъ находятся въ южной части острова.

Сицилія, бывшая въ древности житницею Италіи, въ настоящее время уже утратила свое значеніе. Прежде всего ей недостаетъ современныхъ путей сообщенія, желѣзныхъ дорогъ. Сѣрныя копи приносятъ милліоны, но самое добываніе сѣры ведется еще самымъ первобытнымъ способомъ. Несчастныя дѣти, съ прикрѣпленною на лбу лампочкою, вытаскиваютъ минералъ изъ копей по лѣстницамъ, или вѣрнѣе,—обрывамъ изъ глубины въ 200—300 метр., а затѣмъ добытая сѣра отвозится далѣе на ослахъ. Какую массу труда можно бы здѣсь сберечь и какъ бы можно облегчить работу! Восточная сторона острова, именно—Катанія и ея окрестности, Ачи-Реале и Мессина своими огромными богатствами главнымъ образомъ обязаны хорошимъ путямъ сообщенія. Три названные города Сициліи принадлежатъ къ числу наиболѣе важныхъ; Мессина, порто-франко, выстроенная при проливѣ того же имени, имѣетъ болѣе 150,000 жителей; часто испытывающая землетрясенія и въ опасномъ сосѣдствѣ съ Этной, Катанія насчитываетъ до 120,000 жителей. Красивый и правильный главный городъ острова Палермо (Panormus), съ знаменитымъ готическимъ соборомъ, лежитъ при подошвѣ Монте Пелегрино, на сѣверной сторонѣ острова; населеніе его простирается до 283,742 человѣкъ. На югѣ расположенъ г. Сиракузы,—жалкій остатокъ знаменитаго въ древности города того же имени; Джирдженти, по сосѣдству съ вулканомъ Макалуба, извергающимъ илъ и грязь, и Терранова, главный пунктъ вывоза сѣры. На западномъ мысѣ Сициліи мы встрѣчаемъ славящуюся винами Марсалу и Трапани, съ большими соляными варницами.

Населеніе Сициліи отличается своеобразнымъ, ярко выраженнымъ характеромъ; въ племенномъ отношеніи сицилійцы представляютъ крайне оригинальную смѣсь. Островъ послѣдовательно занимали и владычествовали на немъ сицилійцы, греки, финикіяне, карфагеняне, римляне, византійцы, арабы, норманны, французы, нѣмцы, испанцы, неапо-

литанцы, и нигдѣ сліяніе племенъ не было такъ полно, какъ здѣсь. Аристократія имѣетъ норманнское, швабское и испанское происхожденіе, но теперь она стала вполнѣ сицилійскою и является представителемъ высшаго класса общества и крупнаго землевладѣнія. Преобладающій элементъ въ этомъ смѣшеніи расъ—арабскій, или, вѣрнѣе, берберскій и греко-византійскій,—первый—на з., послѣдній на ю. острова. Путешествуя по западной части острова, около Алькамо, можно подумать, что находишься въ Берберіи. Женщины ведутъ здѣсь замкнутую жизнь, а чувство независимости у мужчинъ легко превращается въ бандитство. Въ Сиракузахъ вновь ощущается Греція; жизнь здѣсь гораздо веселѣе и радостнѣе. Вообще, если желательно познакомиться съ современною греческою жизнію, то слѣдуетъ отправиться въ Сицилію, или на Неапольскій заливъ: собственная Греція для этого слишкомъ опустѣла и, кромѣ того, тамъ было слишкомъ много замѣнъ однихъ племенъ другими. Вообще сициліецъ легко раздражается, очень страстенъ, великодушенъ, воспріимчивъ ко всему благородному и прекрасному; благодаря темпераменту, сердечныя влеченія берутъ у него верхъ надъ рефлексіею. Онъ очень самолюбивъ и не можетъ мириться съ тѣмъ, что другой можетъ стоять выше его; этимъ объясняется также и его самоувѣренность. Но при всемъ томъ громадная масса населенія живетъ въ ужасающей бѣдности.

На западѣ отъ Сициліи лежатъ незначительные Эгадскіе острова, на сѣверѣ,—въ разстояніи 50—60 килом. отъ Сицилійскаго берега—Липарскіе острова, называвшіеся у древнихъ Эолійскими. Всѣ Липарскіе острова—вулканическаго происхожденія и на двухъ изъ нихъ—Вулкано и Стромболи (942 метр.)—до настоящаго времени имѣются дѣйствующіе вулканы. Близъ западнаго берега Италіи, въ Тирренскомъ морѣ, кромѣ упомянутыхъ острововъ, находятся въ Неаполитанскомъ заливѣ еще небольшіе Понтинскіе (глав. островъ Поца) и сѣвернѣе—Тосканскіе острова: Джильо, Джіанутри, Монтекристо, Піаноза, Капрайя и самый большой изъ всѣхъ, богатый желѣзомъ, островъ Эльба, съ горою Монте-Капанне (1,009 метр.). На самомъ югѣ находится группа Мальтійскихъ острововъ, въ географическомъ отношеніи принадлежащая Италіи, а въ политическомъ—Британіи. Она расположена въ центрѣ Средиземнаго моря и состоитъ изъ острововъ Мальты, Гоццо и Комино; это—вывѣтрившіяся, искусственно покрытыя землею мѣловыя скалы, съ отвѣсными берегами на южной сторонѣ, безъ рѣкъ и горъ.

Точно также въ географическомъ отношеніи принадлежатъ Италіи два большіе острова на Средиземномъ морѣ, Корсика и Сардинія; первый изъ нихъ находится въ рукахъ французовъ. Оба острова очень гористы; но въ то время какъ на Корсикѣ идетъ высокая горная цѣпь съ С. на Ю., изрѣдка пересѣкаемая глубокими промежутками, — горы Сардиніи расположены группами, достигая высшей точки въ Монте-Дженнардженту (1,783 метр.); крутой восточный берегъ острова совсѣмъ не имѣетъ гаваней, но зато море Сардиніи богато кораллами, а внутренность острова—минералами; добыча цинка—самая блестящая сторона горнаго дѣла въ Италіи. Почва на островѣ обрабатывается въ очень ограниченныхъ размѣрахъ. Въ Сардиніи, жители которой малообразованны, говорятъ на своемъ нарѣчіи, не имѣютъ мануфактурной промышленности и ведутъ лишь незначительную торговлю, заслуживаютъ упоминанія только два пункта: Кальяри,—главный городъ на Ю.-В. берегу съ 42,000 жителей,—обладающій надежнымъ военнымъ портомъ, университетомъ и широкою торговлею, и Сассари, на сѣверномъ берегу острова (40,000 жит.).

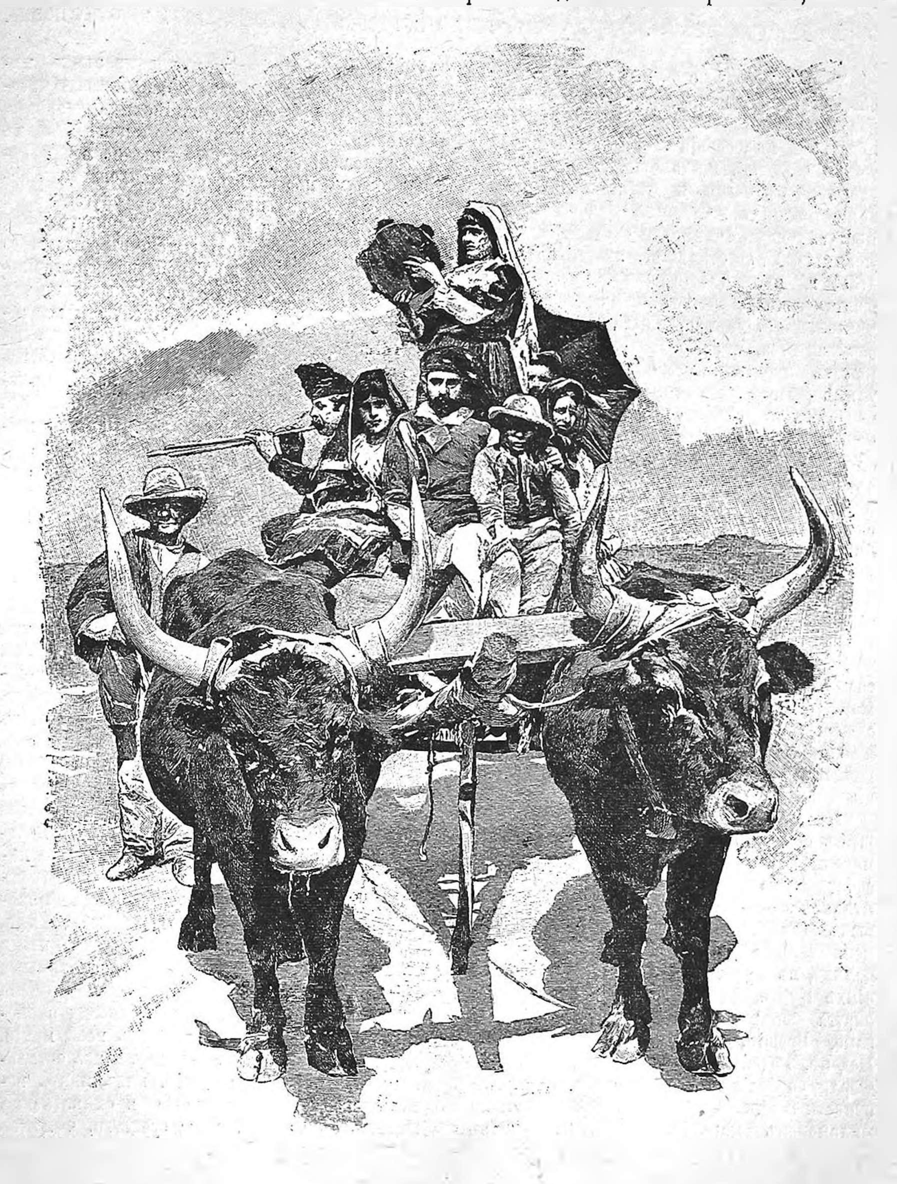
Вслѣдствіе географическаго положенія Италіи, представляющей собою длин-

Женщина въ праздничномъ костюмѣ съ о-ва Сардиніи.

ный, вытянувшійся къ юго-востоку полуостровъ, здѣсь, по мѣрѣ приближенія къ югу, увеличивается теплота и уменьшаются крайности температуры, уменьшается также и количество выпадающаго дождя. Такимъ образомъ съ приближеніемъ къ югу и съ удаленіемъ на востокъ увеличиваются жара и сухость. Южный палящій вѣтеръ «широкко» (Scirocco) часто проносится надъ полуостровомъ и дѣйствуетъ необычайно разслабляющимъ образомъ. Сѣверные вѣтры бываютъ рѣже, но въ Римѣ и Неаполѣ часто дуетъ очень холодный «трамонтана». Соотвѣтственно климату, и продукты страны очень разнообразны; въ общемъ она очень плодородна; безплодны лишь отдѣльныя полосы, какъ Римская Кампанья и обнаженныя вершины горъ. Уже на сѣверѣ великолѣпно произростаютъ каштаны, каменные дубы, пиніи и масличныя деревья; лимоны и апельсины встрѣчаются даже въ Средней Италіи, а на югѣ мы находимъ уже тропическихъ гостей,— пальмы и папирусъ. Минеральное царство доставляетъ тонкій каррарскій мраморъ въ Ануанскихъ горахъ, желѣзо на Эльбѣ, сѣру въ Сициліи и окрестностяхъ Неаполя. Горячіе источники разсѣяны по всему полуострову. Фауна Италіи не представляетъ чего-либо особенно замѣчательнаго; крупныхъ хищныхъ животныхъ здѣсь почти совсѣмъ нѣтъ, зато изъ мелкихъ встрѣчаются подозрительные представители юга, въ видѣ скорпіоновъ и кровососныхъ насѣкомыхъ, которыя въ иныхъ мѣстахъ, особенно на прибрежьяхъ, являются настоящимъ бичемъ. Среди полезныхъ животныхъ можно указать важныхъ для Италіи шелковичныхъ червей и почти всѣхъ европейскихъ домашнихъ животныхъ, къ которымъ итальянецъ въ мареммахъ присоединилъ еще буйвола.

Весь итальянскій полуостровъ въ настоящее время составляетъ одно королевство, которое, при пространствѣ въ 286,589 кв. килом., насчитываетъ $30^3/_4$ милліоновъ жителей и въ политическомъ отношеніи причисляется къ великимъ европейскимъ державамъ. Форма правленія конституціонная, монархическая. Правитель раздѣляетъ законодательную власть съ сенатомъ, членовъ котораго онъ назначаетъ самъ, и съ палатою депутатовъ, избираемыхъ націей. Военныя силы въ мирное время опредѣляются въ 282,400 челов., а въ военное время могутъ быть увеличены до 1.494,648; флотъ состоитъ изъ 288 судовъ съ

24,000 экипажа. Государственная религія—римско-католическая, но вмѣстѣ съ тѣмъ населенію предоставлена свобода вѣроисповѣданія. Не смотря на это, Италія



Возвращеніе съ праздника (о-въ Сардинія).

и въ религіозномъ отношеніи счастлива своимъ единствомъ, такъ какъ не-католики составляютъ здѣсь только 0,3% (38,000 евреевъ, 62,000 протестантовъ

изъ нихъ 22,000 вальденсовъ, въ Коттскихъ Альпахъ, въ Пиньероло, и нѣсколько послѣдователей греческой и армянской церкви). Не смотря на многочисленность нарѣчій, одинаковый литературный языкъ объединяетъ итальянцевъ въ одну націю.

*) Къ числу особенностей религіозно-общественной жизни Италіи нужно отнести довольно распространенный здѣсь орденъ „братьевъ милосердія". Это—особенная конгрегація людей, поставившихъ своею цѣлью уходъ за бѣдными и больными и исправленіе падшихъ женщинъ. Будучи основанъ португальцемъ Іоанномъ Сіудадъ около половины XVI столѣтія, этотъ орденъ въ 1624 г. получилъ привиллегіи всѣхъ нищенствующихъ орденовъ и продолжаетъ свою дѣятельность до настоящаго времени. Путешественника, впервые посѣтившаго Италію, можетъ поразить непріятное зрѣлище. На улицѣ (особ. въ Тосканѣ) къ нему подходитъ человѣкъ въ странномъ длинномъ одѣяніи чернаго или голубаго цвѣта съ наплечниками (Scapulier), подпоясанный толстою веревкою, съ закрытымъ лицомъ, причемъ въ синемъ покрывалѣ прорѣзаны два отверстія для глазъ. — „Per poveri incarcerati" („На бѣдныхъ заключенныхъ")—раздается монотонная просьба. Вы скорѣе вынимаете мѣдную монету и спѣшите прочь отъ этого страннаго видѣнія, одна фигура котораго приводитъ васъ въ какой-то необъяснимый трепетъ. Орденъ итальянскихъ „братьевъ" состоитъ подъ начальствомъ генералъ-мажордома въ Римѣ. Подобный же институтъ существуетъ и въ Испаніи, гдѣ принадлежащія къ ордену лица, въ отличіе отъ своихъ итальянскихъ товарищей, носятъ одѣяніе коричневаго цвѣта. *).

Итальянскія нарѣчія раздѣляются на шесть семействъ, помимо говоровъ иностраннаго происхожденія и нарѣчій венеціанскаго, фріаульскаго и корсиканскаго. 1) Семейство итальянско-кельтскихъ нарѣчій, на которыхъ говорятъ въ провинціи Туринъ (за исключеніемъ округа Аосты и нѣкоторыхъ долинъ въ Грайскихъ Альпахъ), въ провинціяхъ Кунео, Алессандріи, (за исключеніемъ округа Нови), Новарѣ, Миланѣ, Павіи, Бергамо, Брешіи, Кремонѣ, Піаченцѣ, Пармѣ, Моденѣ, Реджіо, Болоньи, Феррарѣ, Равеннѣ, Форли, до Фоліа и Пезаро; сюда же слѣдуетъ отнести и кантонъ Тессино, гдѣ говорятъ на миланскомъ нарѣчіи, восточныя долины Тридента, гдѣ говорятъ на брешіанскомъ нарѣчіи и провинцію Мантова; на этихъ нарѣчіяхъ говоритъ болѣе 8 милліоновъ населенія. 2) Семейство лигурійскихъ нарѣчій, которыя, съ различными уклоненіями въ произношеніи, распространены по всему Генуэзскому побережью, отъ Ментоны до Сарцаны, т. е. въ провинціяхъ Генуезской и Порто-Мауриціо и кромѣ того въ округѣ Нови. Этими нарѣчіями пользуются, въ общемъ до 800,000 жителей. 3) Семейство туско-римскихъ нарѣчій, которыя раздѣляются на три группы,—тосканскую, умбрійскую и марчиіанскую; на этихъ нарѣчіяхъ говорятъ въ провинціяхъ Флоренціи, Пизѣ, Ареццо, Сіенѣ, Гроссето, Умбріи и въ большей части прежней Анконской Марки. Въ общей сложности здѣсь насчитываютъ до 4 милліоновъ жителей. 4) Семейство неаполитанскихъ нарѣчій, среди которыхъ особенно выдѣляются нарѣчія абруццское, пулійское и собственно неаполитанское или кампанійское. Эти нарѣчія распространены въ трехъ Абруццахъ, въ Терра-ди-Лаворо, въ обоихъ Принчипати, въ провинціяхъ Неаполитанской, Беневентской, Молизе, Капитаната, Терра-ди-Бари, Терра д'Отранто и въ Базиликатѣ; жителей, говорящихъ на упомянутыхъ нарѣчіяхъ, насчитывается до 6 милліоновъ. 5) Семейство сицилійскихъ нарѣчій; оно имѣетъ много разновидностей, но главныхъ типовъ два—калабрійскій и сицилійскій, въ собственной Сициліи; на немъ говорятъ болѣе 3 милліоновъ жителей. 6) Семейство сардинскихъ нарѣчій, распадающееся на двѣ вѣтви: кампиданейскую и лугудунейскую; ими пользуется болѣе полумилліона жителей. Что касается числа говорящихъ на указанныхъ различныхъ нарѣчіяхъ, то кельтскія нарѣчія, имѣющія чужеземное происхожденіе или, по крайней мѣрѣ, родство съ чужеземными языками, имѣютъ перевѣсъ надъ остальными группами. Тѣмъ не менѣе туско-римскія нарѣчія превосходятъ ихъ по своему значенію; въ нихъ коренится жизнь всей націи, получающая отсюда свою пищу, и всѣ остальныя итальянскія нарѣчія, какъ напр., венеціанское, неаполитанское и сицилійское, имѣютъ съ нимъ больше сродства, чѣмъ съ кельтскими нарѣчіями.

Въ политическомъ отношеніи Италія распадается на 69 провинцій, носящихъ названіе по имени своихъ главныхъ городовъ. Во главѣ каждой провинціи

*) Дополненіе редакціи.

находится префектъ; каждая провинція состоитъ изъ многихъ подраздѣленій. Въ среднемъ каждая провинція занимаетъ 4,400 кв. килом., и имѣетъ до 400,000 жителей. Наиболѣе плотно населены тѣ провинціи, гдѣ находятся крупные главные или торговые города. Такъ, въ провинціи Неаполитанской на 1 кв. килом. приходится 817 человѣкъ жителей, въ горныхъ же мѣстностяхъ и менѣе культурныхъ округахъ эта цифра сильно понижается. Эти 69 провинцій образуютъ 16 историческихъ областей (Compartimenti), которыя въ настоящее время не имѣютъ никакого административнаго значенія, но какъ географическія понятія, никогда не будутъ позабыты.

Братъ милосердія во Флоренціи.

Почти полмилліона итальянцевъ занимается торговлею, но большинство отправляется на поденныя работы въ другія государства Европы, по преимуществу во Францію и Австрію, и даже въ другія части свѣта, главнымъ образомъ въ Америку. Часть населенія лѣтомъ отправляется въ поиски за работой, подобно «голландскимъ ходокамъ» въ Вестфали, или монтафунскимъ косцамъ, въ другія страны и съ наступленіемъ зимы возвращается домой съ накопленными сбереженіями.

То-же самое наблюдается и по отношенію къ трансатлантической эмиграціи итальянцевъ, которая ни въ какомъ случаѣ не можетъ сравниваться съ эмиграціею изъ другихъ государствъ. Здѣсь важную роль играетъ итальянскій народный характеръ, который наложилъ на самую эмиграцію свой отпечатокъ. Ни одинъ итальянецъ не отправляется за тѣмъ, чтобы найти новое отечество,— каждый, рано или поздно, возвращается на родину съ пріобрѣтенными на чужбинѣ средствами, и такимъ образомъ Италія, въ противоположность Германіи, не только не проигрываетъ отъ эмиграціи, но даже получаетъ выгоду. Однимъ словомъ—итальянецъ удаляется, но не покидаетъ родину. Обычными пунктами, откуда начинается эмиграція, являются: Савойа, Генуя, Ливорно, Неаполь и Палермо, но $^{19}/_{20}$ общаго числа эмигрантовъ падаетъ на Геную. Замѣчательно, что богатая Верхняя Италія, дающая главный контингентъ переселенцевъ, высылаетъ эмигрантовъ по преимуществу въ Америку и именно—спеціально въ южно-американскія государства: Бразилію, Уругвай и Аргентинскую республику.

Итальянская литература свидѣтельствуетъ о высокой степени духовной культуры Италіи; о томъ же говорятъ и многочисленныя произведенія искусства, которыми украшены ея города, музеи и галлереи. Италія славится сокровищами искусства во всѣхъ отношеніяхъ: въ архитектурѣ, живописи, скульптурѣ; осо-

*

бенно же она богата величественными памятниками древности средних вѣков и новѣйшаго времени. Двадцать университетовъ и около 70 лицеевъ являются разсадниками высшаго образованія, но низшее образованіе, по статистическимъ свѣдѣніямъ, находится въ жалкомъ положеніи. Начальное образованіе оставляетъ желать много лучшаго. Положеніе этого дѣла, съ приближеніемъ къ югу, все хуже и хуже. Неблагопріятное положеніе школьнаго дѣла на югѣ, исключая Неаполь, находится въ прямой зависимости отъ плохаго состоянія путей сообщенія. Въ Пьемонтѣ половина населенія безграмотна, а въ бывшей Папской области число неграмотныхъ возрастаетъ до $^9/_{10}$ общаго числа жителей.

Съ невѣжествомъ населенія находится въ тѣсной связи и нравственный уровень его. Отношеніе между числомъ законнорожденныхъ и незаконнорожденныхъ дѣтей въ Италіи въ общемъ довольно благопріятно, но среднее количество преступленій, совершаемыхъ здѣсь въ теченіе года, даетъ мало утѣшительнаго. По оффиціальному сравнительному обзору преступленій, совершенныхъ въ первыя полугодія 1875 и 1895 гг., оказывается, что состояніе общественной безопасности скорѣе ухудшилось, чѣмъ улучшилось. Конечно, пылкій темпераментъ итальянца до нѣкоторой степени извиняетъ многочисленныя убійства и въ особенности частые случаи тяжелыхъ пораненій, но преступники нерѣдко остаются безнаказанными, такъ какъ дѣятельность правосудія всячески затрудняется тайными обществами. Можно думать, что свыше 200,000 человѣкъ итальянцевъ принадлежатъ обществамъ «мафіа» и «камора», члены которыхъ, замѣтимъ кстати, объясняются между собою на особомъ жаргонѣ.

Вообще можно сказать, что не только общественная безопасность, но и народное образованіе, обработка почвы, промышленность, торговля, дороги, каналы — однимъ словомъ все, что даетъ цивилизація, находится на значительно низшемъ уровнѣ въ Южной Италіи и на островахъ, чѣмъ въ центрѣ и на сѣверѣ, которые во многихъ отношеніяхъ стоятъ на одной ступени съ наиболѣе прогрессивными государствами Европы.

Въ настоящее время въ цвѣтущемъ состояніи находятся наиболѣе примитивныя и необходимыя для жизни отрасли промышленности, такія, гдѣ большая часть работы падаетъ не на человѣка, а на природу. Таково напр., шелководство, занятіе очень выгодное, но ограничивающееся однѣми сѣверными провинціями; такова культура растительнаго масла (наиболѣе цѣнится масло Лукки), вина, льна, конопли, такова фабрикація масла и сыра. Что же касается собственно мануфактурной промышленности, то она стоитъ на надлежащей высотѣ развѣ въ одной только Сѣверной Италіи, и хотя нѣтъ ни одной почти отрасли промышленности, которою не занимались бы съ большимъ или меньшимъ успѣхомъ въ какой-нибудь мѣстности Италіи, тѣмъ не менѣе лишь въ немногихъ отрасляхъ Италія можетъ выдержать конкурренцію съ другими странами. Кромѣ нѣкоторыхъ малоприбыльныхъ отраслей промышленности, въ которыхъ Италіи принадлежитъ первое мѣсто, каковы напр., производство соломенныхъ и коралловыхъ издѣлій, керамика, мозаика она владѣетъ также и нѣсколькими большими фабриками, на которыхъ съ большимъ совершенствомъ изготовляются очень трудные фабрикаты. Сюда относятся суконныя фабрики въ Пьемонтѣ и Ломбардіи, бумагопрядильни, желѣзодѣлательные и сталелитейные заводы въ Генуѣ и Неаполѣ и фабрики глиняныхъ издѣлій въ Миланѣ. Но всѣ эти производства еще мало распространены въ государствѣ и сконцентрированы въ немногихъ мѣстностяхъ, преимущественно на сѣверѣ. Съ промышленностію тѣсно связана торговля. Сравнительно съ эпохою среднихъ вѣковъ она значительно упала, глав-

нымъ образомъ вслѣдствіе открытія новыхъ морскихъ путей, давшихъ торговлѣ новое направленіе. Съ открытіемъ Суэцкаго канала, который отчасти возвратилъ Средиземному морю его значеніе, торговля Италіи нѣсколько поднялась, но все-таки ввозъ значительно превышаетъ вывозъ. Изъ предметовъ ввоза болѣе значительны: кофе, лѣкарственныя растенія, табакъ, сахаръ и др.,—изъ жаркихъ странъ; изъ холодныхъ морей—навага и другая рыба; наконецъ—рогатый скотъ, кожи, хлопчатая бумага и шерсть въ сыромъ и обдѣланномъ видѣ; шелковыя матеріи, зерно, мука, строевой лѣсъ, предметы роскоши, машины, металлы, въ особенности желѣзо, стекло, хрусталь и сбруя. Предметы вывоза: оливковое масло, вино, шелкъ-сырецъ, сушеные плоды и овощи, рисъ, сыръ, конопля и ленъ, сѣра, мраморъ и различныя деревянныя издѣлія.

Едва-ли какая-нибудь другая страна въ Европѣ болѣе посѣщается путешественниками и описана съ большею подробностью, чѣмъ Италія, а между тѣмъ, нѣтъ такого народа, относительно характера котораго мы имѣли бы болѣе ошибочныя, часто совершенно нелѣпыя воззрѣнія. Еще не такъ давно нѣмецкій бюргеръ представлялъ себѣ итальянца не иначе, какъ негодяемъ, который, плотно закутавшись съ ногъ до головы въ темный плащъ, въ остроконечной шляпѣ, съ сверкающими глазами и спрятаннымъ подъ плащемъ кинжаломъ, подстерегаетъ изъ-за угла свою жертву. Но если такое представленіе объ итальянцѣ и разсѣялось, все-таки очень многіе со словомъ «итальянецъ» невольно связываютъ понятія лживости, вѣроломства, мести, лѣности, грязи и, Богъ знаетъ, еще чего. Но для непредубѣжденнаго человѣка, обладающаго здравымъ умомъ и пониманіемъ людей, достаточно нѣсколько дней для того, чтобы убѣдиться, что это—самый безобидный и пріятный народъ.

Французъ надѣленъ свѣтлыми и темными сторонами сангвиническаго темперамента, а итальянецъ—холерическаго, но ни та, ни другая нація не проявляетъ каррикатурности, и каждая изъ нихъ считаетъ себя въ правѣ стоять рядомъ съ другими просвѣщенными націями во главѣ западной культуры. Вмѣстѣ съ тѣмъ нельзя отрицать, что многое въ Италіи, являющееся продуктомъ народнаго характера, непріятно дѣйствуетъ на иностранца, да и вообще на югѣ прелести часто чередуются съ неожиданностями, неудобствами и лишеніями. Удушливая пыль, ослѣпительное лѣтнее солнце, неуютность жилыхъ помѣщеній зимою, поразительная бѣдность, нечистоплотность и нравственная распущенность жителей портятъ путешествіе по Италіи не одному туристу. Дю-Прель, напр., въ такихъ словахъ жалуется на навязчивость итальянскихъ нищихъ: „итальянскому нищему незнакомо уныніе и отчаяніе; видъ иностранца дѣйствуетъ рефлективно на его руку, которую онъ тотчасъ же протягиваетъ, и—на его языкъ, который выпрашиваетъ мѣдную монету“. — Дю-Прель говоритъ сущую правду, въ чемъ навѣрное убѣдился личнымъ опытомъ каждый, кто путешествовалъ по Италіи. Справедливо также и то, что говоритъ упомянутый авторъ о нечистоплотности въ Италіи „Въ иллюстрированныхъ описаніяхъ путешествій и въ витринахъ магазиновъ мы видимъ прекрасныя гравюры, судя по которымъ мы составляемъ себѣ представленіе объ Италіи, какъ о своего рода Эдемѣ. Но какъ только ознакомишься съ дѣйствительностью, то оказывается, что она сильно скрашена художникомъ: въ своей картинѣ онъ опустилъ всѣ отрицательныя стороны, всю грязь. Во всѣхъ мѣстностяхъ Италіи, за исключеніемъ лучшихъ кварталовъ большихъ городовъ, всюду царитъ непроходимая грязь. Улицы совсѣмъ не знаютъ метлы, кухонные отбросы валяются подъ окнами, а выброшенный изъ комнатъ за двери соръ такъ и остается лежать на улицѣ. Если же кто-нибудь возьметъ на себя трудъ прибрать и вымести улицу, то сваливаетъ мусоръ въ углу, и первый же дождь опять разноситъ его по улицѣ. Зимою съ этимъ еще кое-какъ можно примириться, но въ жаркіе лѣтніе дни воздухъ въ такихъ мѣстахъ положительно кишитъ заразою. Сюда нужно присоединить еще нѣкоторыя другія мѣстныя особенности, но по своему существу онѣ не могутъ подлежать описанію. Извѣстныя привычки итальянцевъ тѣмъ болѣе возмущаютъ наше чувство опрятности, что онѣ распространены повсемѣстно, и не всякій способенъ отнестись къ нимъ съ тѣмъ юморомъ, съ какимъ Гете повѣствуетъ

въ „Путешествіи по Италіи“ о своемъ пребываніи въ Торболѣ. Однако, справедливость требуетъ замѣтить, что за послѣднее время въ большихъ городахъ Италіи введена на улицахъ такая чистота, которая можетъ служить хорошихъ примѣромъ и для не-итальянскихъ мѣстностей.

Распространенное мнѣніе, будто итальянцы всѣ поголовно лѣнтяи и неспособны къ работѣ, совершенно несправедливо. Чтобы видѣть, до какой степени трудолюбивъ этотъ народъ, стоитъ только побывать въ окрестностяхъ Неаполя, особенно же въ области счастливой Кампаньи и Капуи: поля въ этихъ мѣстностяхъ обработаны съ такою тщательностью, что возбуждаютъ удивленіе. Это уже не земледѣліе, это самая тонкая садовая культура, гдѣ муравьиное прилежаніе жителя не переноситъ малѣйшей сорной травы на искусственно-орошаемыхъ, прямыхъ какъ стрѣла грядахъ. И когда невыносимый полуденный зной заставляетъ пріостановить работу, прилежное населеніе возмѣщаетъ невольный перерывъ, работая съ ранняго утра до поздней ночи. То-же самое происходитъ и въ Тосканѣ, Умбріи, Маркахъ и Ломбардіи. Пьемонтскіе каменщики и каменотесы положительно поражаютъ своимъ терпѣніемъ и искусствомъ. Необыкновенная умѣренность и довольство малымъ очень цѣнятся въ итальянцѣ даже за границей; доказательствомъ этому служитъ тотъ фактъ, что большая часть желѣзнодорожныхъ путей и другихъ подобныхъ сооруженій въ Средней Европѣ возведены итальянцами; вообще, какъ работникъ, итальянецъ—незамѣнимъ.

Въ сравненіи съ количествомъ населенія Италія изъ всѣхъ другихъ государствъ обладаетъ наибольшимъ числомъ крупныхъ городовъ; здѣсь насчитывается 12 городовъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ свыше 100,000 жителей, что въ общемъ итогѣ составляетъ болѣе 10% всего населенія государства.

Въ заключеніе слѣдуетъ упомянуть о независимой отъ Италіи, но окруженной ею со всѣхъ сторонъ республикѣ Санъ-Марино; это, по всей вѣроятности, самое счастливое изъ всѣхъ государствъ на землѣ.

Она находится между итальянскими провинціями Форли и Цезаро, на одномъ изъ отроговъ Апеннинъ—Монте Титано; на ея небольшой территоріи, размѣрами въ 59 кв. килом., живетъ 8,200 человѣкъ, изъ которыхъ 1,600 родились внѣ республики. Жители раздѣляются на землевладѣльцевъ, крестьянъ и арендаторовъ. Во главѣ управленія стоитъ законодательный совѣтъ изъ 60 членовъ, которые избираются въ равномъ числѣ изъ дворянства, граждан главнаго города и прочихъ жителей республики.

ФРАНЦІЯ.

Подобно сосѣднему Иберійскому полуострову, Франція, именно—область ея большихъ рѣкъ: Сены, Луары, Гаронны и Роны, представляется на картѣ малорасчлененною массою земли, по формѣ подходящей къ квадрату. Своими политическими границами Франція касается Пиринеевъ, Альпъ, Юры, рейнскихъ среднихъ горъ и только на западѣ довольно далеко вдается въ Атлантическій океанъ своимъ полуостровнымъ образованіемъ. Этотъ западный берегъ рѣзко распадается на двѣ отдѣльныя части. Отъ подошвы Пиринеевъ, дающихъ начало множеству французскихъ рѣкъ и среди нихъ могущественной Гароннѣ, и до устьевъ той рѣки береговая полоса отличается прямолинейностью, однообразіемъ, и прерывается только глубокою выемкою Аркашонскаго залива. Впадающій здѣсь въ океанъ, ниже Байонны, Адуръ отъ своего истока въ Пиринеяхъ описываетъ почти правильный полукругъ и принимаетъ въ себя со стороны лѣваго, Пиринейскаго берега нѣсколько небольшихъ рѣчекъ, которыя берутъ свое начало тоже въ Пиринеяхъ. Между Адуромъ и Гаронной, отъ Байонны до Бордо, вдоль океана, берега котораго окаймлены высокими дюнами, тянутся скудныя степи ландовъ.

Видъ Ландовъ едва-ли способенъ возбудить веселое настроеніе: равнина, покрытая ковромъ кустарниковъ, среди которыхъ выдѣляются сосновые перелѣски, представляетъ картину безконечной степи. То здѣсь, то тамъ, и всегда на большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга, возвышаются грубыя постройки, служащія убѣжищемъ для скота, который, благодаря скудности пастбищъ, заходитъ очень далеко отъ селеній. Часто глазъ тщетно ищетъ такого пункта, на которомъ онъ могъ бы отдохнуть, и открываетъ лишь необозримыя равнины, похожія на безбрежный океанъ, на горизонтѣ котораго вырисовываются лишь фигуры пастуховъ на высокихъ ходуляхъ. Только въ рѣдкихъ случаяхъ этотъ странный ландшафтъ оживляется другими людьми; впрочемъ, порою по однообразной равнинѣ тянутся вереницы повозокъ, крытыхъ бѣлымъ полотномъ и запряженныхъ волами; безпорядочная толпа погонщиковъ, черныя мерлушки, которыми они прикрыты, ихъ дикій видъ и грубые нравы,—все это рождаетъ мысль, что находишься среди народа, чуждаго культуры. Временами зеленыя группы деревьевъ производятъ пріятное впечатлѣніе; но эти некультурныя степи, эти пустыни, тишина которыхъ нарушается только трещаніемъ кузнечиковъ или звуками пастушьяго рожка, созывающаго стадо,—даже пѣніе птицъ не ласкаетъ здѣсь слуха,—производятъ впечатлѣніе чего-то величественнаго и вначалѣ вызываютъ изумленіе, а потомъ утомленіе и скуку, которыя притупляются лишь привычками дѣтства. Но каково бываетъ изумленіе путника, когда онъ неожиданно замѣтитъ между стволами сосенъ одно изъ

Видъ въ Ландахъ.—Сборъ раковинъ.

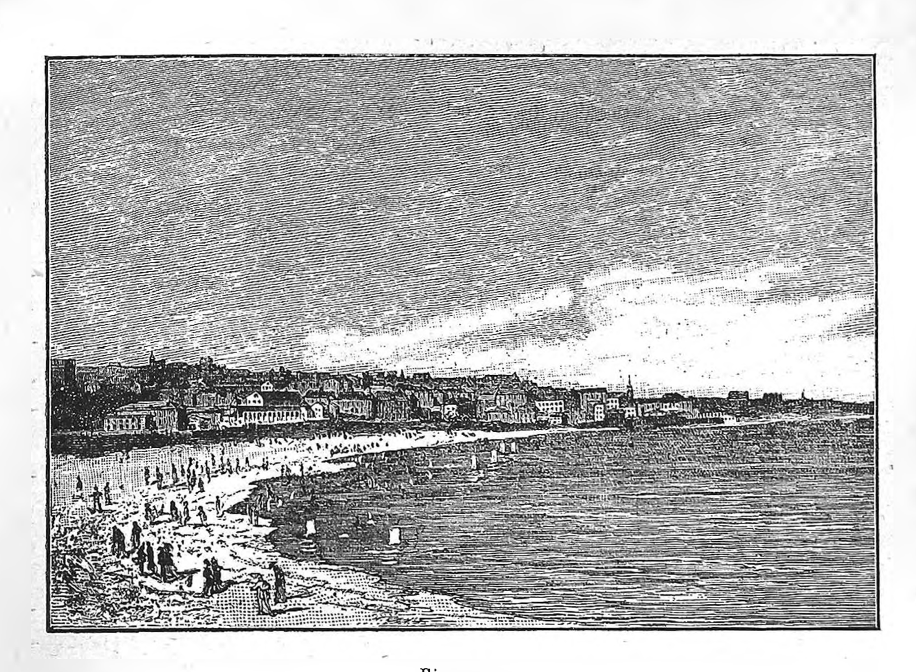
тѣхъ чудныхъ озеръ, которыя отдѣляютъ Ланды отъ области дюнъ. Приближаясь къ нимъ, взоръ встрѣчаетъ бѣлую зеркальную поверхность воды, окруженную „пиньядами“ (сосновыми рощами), и деревушки, которыя придаютъ картинѣ необыкновенную прелесть. Обширные луга, покрытые пасущимся рогатымъ скотомъ, болота, въ тростникѣ которыхъ прячутся буйволы, и сухія равнины, на которыхъ гуляютъ цѣлыя стада дикихъ лошадей, обрамляютъ этотъ смѣющійся ландшафтъ, на переднемъ планѣ котораго виднѣются покачивающіяся утлыя рыбачьи лодки. Здѣсь соединено вмѣстѣ все, чѣмъ украшается счастливый уголокъ, все, что только способно создать воображеніе, и можно-бы, пожалуй, забыть, что находишься въ ландахъ, еслибы одна сторона картины не была занята дюнами, которыя тянутся по берегу моря съ С. на Ю. на протяженіи 110 килом. занимая въ ширину до 8½ килом., при высотѣ въ 30—50 метровъ. Онѣ отлого спускаются къ морю и круто обрываются въ сторону ландовъ. На морскомъ берегу характеръ мѣстности иной, но пустынность и однообразіе кажутся путнику еще ужаснѣе, чѣмъ въ ландахъ. Дюны расположены правильными цѣпями то въ видѣ ровныхъ плоскостей, то отдѣльными группами, которыя пересѣкаются небольшими долинами, „леттами“ (lettes). Форма дюнъ постоянно мѣняется: онѣ поднимаются и опускаются, приближаются и удаляются отъ берега, подчиняясь капризамъ вѣтровъ, которые гонятъ эти песчаные холмы съ В. на З. и часто за одинъ годъ отодвигаютъ ихъ на 20 метровъ.

На южной границѣ этого замѣчательнаго ландшафта, невдалекѣ отъ морскаго берега, расположенъ на р. Адуръ городъ Байонна, первоклассная крѣпость. Она носитъ чисто-испанскій, или вѣрнѣе—баскскій отпечатокъ, и расположена въ французской Наваррѣ. На разстояніи всего 8 килом. отсюда находится извѣстный курортъ, — Біаррицъ. Сосѣдній округъ Беарнъ, лежащій на востокъ отсюда—при подошвѣ Пиринеевъ, также имѣетъ преобладающій баскскій характеръ, но существенно отличается отъ характера ландовъ. Главный городъ Беарна—По (Pau), извѣстенъ, какъ климатическій курортъ для страдающихъ легочными и грудными болѣзнями и расположенъ въ здоровой и красивой мѣстности. На лѣвомъ берегу Гавъ де По, которая беретъ начало въ горной возвышенности, и,—съ многочисленными поворотами, какъ-бы противъ воли, покидаетъ свою прекрасную родину, чтобы уплатить около Байонны подать р. Адуру,—отвѣсно поднимается длинный плоскій горный хребетъ, перерѣзываемый подъ острымъ угломъ глубокою рѣкою, на южномъ берегу которой выстроенъ старый городъ, а на сѣверномъ—новый. Это—только отрогъ той горной, покрытой травою возвышенности, которая на С.-З. простирается до сходной съ нею возвышенности Бордо. Отъ края этого круто обрывающагося горнаго хребта, который теперь на значительномъ протяженіи обсаженъ рядами деревьевъ и превращенъ въ отлогія къ западу террасы, предъ зрителемъ открывается восхитительный видъ. На первомъ планѣ и немного далѣе, гдѣ взоръ безпрепятственно наблюдаетъ рѣчную долину съ постепенно возвышающимися къ югу холмами, покрытыми богатою и разнообразною растительностію и оживляемыми сотнями виллъ и де-

ревенскихъ построекъ. Холмы эти отдѣляются одинъ отъ другого глубокими выемками. Здѣсь идетъ дорога къ знаменитому курорту, Eaux bonnes, куда теперь проведена желѣзная дорога, долженствующая соединить Францію съ Испаніей. На заднемъ планѣ могущественная, далеко раскинувшаяся цѣпь Пиринеевъ замыкаетъ эту богатую красками картину. Трудно найти гдѣ-либо болѣе рѣзкіе контрасты. На первомъ планѣ рѣка съ кипучею, бурною жизнью, съ мостами, желѣзными дорогами, постройками; въ срединѣ картины—зелень растительности съ самыми разнообразными оттѣнками и переходами, и все это окаймлено линіею зубчатыхъ горъ, съ снѣговими вершинами, среди которыхъ поднимается высочайшая вершина Пикъ дю Миди.

Окрестности По такъ красивы и такъ плодородны, что ихъ можно назвать садомъ. Такая мѣстность тянется до департамента Верхнихъ Пиринеевъ, гдѣ на скалистой горѣ стоитъ роскошная церковь Notre Dame de Lourdes, куда стекается на поклоненіе масса богомольцевъ. Чрезъ небольшой городъ Тарбъ (Tarbes) на р. Адурѣ, въ романтической долинѣ котораго, немного выше, находится второй изъ наиболѣе посѣщаемыхъ Пиринейскихъ курортовъ, Баньеръ (Bagnères de Bigorre),—минуя равнину, мы достигаемъ замѣчательнаго города Тулузы (150,000 ж.). Въ прежнее время Тулуза была главнымъ городомъ Лангедока и, по своему церковно-историческому прошлому, называется «Римомъ на Гароннѣ».

Гаронна, имѣющая въ длину 605 килом. и въ нижнемъ своемъ теченіи граничащая съ унылыми равнинами ландовъ, образуетъ одинъ изъ четырехъ большихъ рѣчныхъ бассейновъ Франціи и протекаетъ по той обширной равнинѣ третичнаго происхожденія, которая простирается отъ Средиземнаго моря до Атлан-



Біаррицъ.

тическаго океана и нѣкогда сама была залита моремъ. Начинаясь въ испанской долинѣ Пиринеевъ, Аранѣ, она отъ Тулузы течетъ довольно правильно на С.-З., затѣмъ, отдѣляя Гасконь на Ю. отъ Гіенны на С., принимаетъ въ себя рядъ притоковъ, изъ которыхъ наиболѣе значительны притоки, впадающіе съ правой стороны. Кромѣ Арріежа, который беретъ начало также въ Пиринеяхъ, прочіе притоки праваго берега Гаронны,—Тарнъ, Ло и значительная по размѣрамъ Дордонь съ своими притоками Илемъ и Везеромъ, берутъ свое начало въ громадномъ скопленіи гнейса и слюдяного сланца, которое съ полнымъ правомъ можно назвать Гористою Франціею. Эта область на Ю.-В. ограничена Гаронною, на С.—бассейномъ Луары, на В.—бассейномъ Роны; равнина-же Гаронны представляетъ собою не что иное, какъ позднѣйшее соединеніе двухъ первоначальныхъ острововъ—Пиринейской области и Гористой Франціи. На 22 килом. ниже сліянія Гаронны съ Дордонью, около вершины Бекъ д'Амбè (Bec d'Ambès), находится третій приморскій городъ Франціи, Бордо, съ 252,500 жителей; своимъ значеніемъ городъ обязанъ торговлѣ винами, въ которой онъ занимаетъ первое мѣсто. Красивый городъ лежитъ какъ разъ въ воротахъ французскаго винограднаго рая. Послѣ соединенія съ Дордонью Гаронна получаетъ названіе Жиронды; здѣсь по обѣимъ ея берегамъ растутъ славящіеся своими прекрасными качествами сорта винограда «bordelais». Мѣстность отъ этого пункта до впаденія Жиронды въ море, занимающая 60—70 килом., составляетъ собственный Медокъ (Medoc); вина, приготовляемыя въ другихъ мѣстностяхъ, расположенныхъ выше Бордо по Гароннѣ, Дордони и внутри департамента, носятъ названіе этой мѣстности. Устье Жиронды имѣетъ форму широкой и глубокой воронки, въ которой замѣтно чувствуется приливная волна Атлантическаго океана, и благодаря этому устью Бордо сталъ портовымъ городомъ.

Къ сѣверу отъ устья Жиронды берегъ Франціи сразу-же рѣзко измѣняетъ направленіе и получаетъ другой видъ. До сихъ поръ онъ тянулся съ С. на Ю., теперь-же онъ замѣтно уклоняется на С.-З., и вмѣстѣ съ тѣмъ однообразіе прямыхъ очертаній береговой линіи смѣняется частымъ чередованіемъ выступовъ и выемокъ, которые постепенно возрастаютъ по мѣрѣ движенія къ С.-З. Берега Бретани—самые извилистые во всей Франціи. Къ тому-же эта береговая полоса владѣетъ и наибольшимъ количествомъ острововъ; таковы: Иль д'Олеронъ, Иль де-Рэ, Дьо (d'Ueu), Нуармутье, Белиль (Belle-Isle), Иль де-Груа и Уэссанъ; все это—невысокія скалистые острова съ крутыми берегами. Они почти всѣ принадлежатъ къ той-же геологической формаціи, что и береговыя пространства, предъ которыми они расположены. На сѣверъ отъ Жиронды мы встрѣчаемъ мѣловую, далѣе—бѣлую и бурую юрскую формаціи и, наконецъ, снова тѣ-же кристаллическія первобытныя породы, которыя занимаютъ весь С.-З. Франціи. По юрской и мѣловой формаціямъ течетъ извилистая Шаранта, истокъ которой находится въ высокой, холодной и дождливой мѣстности Лимузэнъ; она орошаетъ плодородную мѣстность Ангумуа (Angoumois) съ ея главнымъ городомъ Ангулемомъ (37,000 жит.) и затѣмъ, нѣсколько

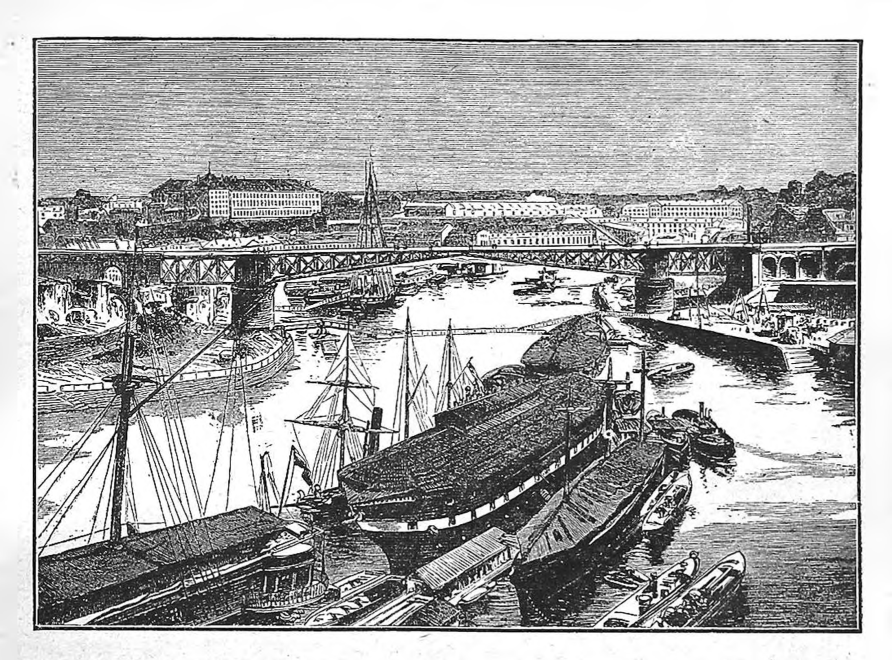
сѣвернѣе Жиронды, впадаетъ въ океанъ противъ острова Олерона неподалеку отъ славящагося винами и спиртомъ древняго городка Коньяка (Cognac), въ области Сентонжъ (Saintonge), въ 15 килом. отъ Рошфора (33,300 жит.), первоклассной крѣпости и большой военной французской гавани. Островъ Рэ, какъ и противолежащій берегъ, принадлежитъ къ юрской формаціи; прибрежный, сильно укрѣпленный городъ Ля-Рошель, не смотря на новѣйшія постройки, сохраняетъ свой древній видъ; въ области гнейса, гранита и сіенита лежитъ Вандея, покрытая низкими, громоздящимися одинъ на другомъ, заросшими лѣсомъ холмами, между которыми находятся узкія и широкія, но въ общемъ малоплодородныя долины. Долиною большой французской р. Луары Вандея отдѣляется отъ Бретани. Вдоль всего берега, отъ Жиронды до департамента Финистерре, тянутся соляныя болота (marais salants), занимающія площадь въ 24,000 гектаровъ. Долгое время они были источникомъ богатства, или, по крайней мѣрѣ, благосостоянія жителей этой области, но теперь по многимъ причинамъ они находятся въ крайне критическомъ и вредномъ состояніи.

Луара, самая большая рѣка Франціи (1,020 килом.) беретъ начало на возвышенностяхъ (1.373 метр.) Севеннскихъ горъ; Велейскія горы (Monts du Velay), на Западѣ, отдѣляютъ ея русло отъ самаго крупнаго изъ ея лѣвыхъ притоковъ, р. Алье (Allier). Алье также начинается въ Севеннскихъ горахъ и идетъ отъ Лозерскихъ горъ къ Марецарвальдѣ. Въ самомъ началѣ извилистаго теченія Луары въ Севеннахъ въ нее впадаетъ небольшой притокъ Борнь (Borgne). Видъ, представляемый сіяніемъ этихъ двухъ рѣкъ, находится въ замѣтномъ контрастѣ съ остальнымъ теченіемъ рѣки. Здѣсь, на разстояніи цѣлаго часа пути, Луара стремится по тѣсному ущелью, окруженная дикимъ гранитомъ, на которомъ кое-гдѣ растетъ только карликовая сосна и кустарникъ; на склонахъ горъ по узкимъ долинамъ лишь изрѣдка встрѣчаются болѣе крупныя растенія, деревни, или какія нибудь постройки. Мѣстность кажется потемнѣвшею отъ непогоды и какъ-бы обнаженною въ борьбѣ со стихіями; тѣмъ не менѣе ея аскетическая дикость, если можно такъ выразиться, имѣетъ свою оригинальную прелесть. Но если мы обратимся къ долинѣ р. Борнь, то предъ нами откроется совершенно иная картина: цѣпи холмовъ отодвинулись назадъ, а крутыя скалы превратились въ отлогіе склоны. Рѣка извивается по зеленому лугу, окаймленная тополями и пастбищами, на одномъ берегу ея спускаются съ высокаго плато хлѣбныя поля, на другомъ блестятъ бѣлыя стѣны виноградниковъ, каждый со своимъ отдѣльнымъ домикомъ. Среди этой долины возвышается холмъ, увѣнчанный двумя странными скалами, и на этомъ естественномъ укрѣпленіи стоитъ городъ Ле Пюи (Le Puy); видъ этого города является пріятнымъ сюрпризомъ для путника послѣ его продолжительнаго пути по голой холмистой мѣстности. Луара отдѣлена отъ Пюи очень узкимъ пространствомъ; отъ деревни Ретурнакъ (Retournac) она становится пригодною для сплава лѣса и идетъ параллельно долинѣ р. Роны,— но въ обратномъ направленіи,—между горами Форэ на З. и Ліоне на В. по красивой, широкой долинѣ плодороднаго, не безлѣснаго Форэ, гдѣ благодаря могучимъ залежамъ каменнаго угля возникли желѣзодѣлательные и стеклянные заводы, шелковыя и хлопчатобумажныя фабрики. Область залежей каменнаго угля, центромъ которой является промышленный фабричный городъ Сенъ-Этвенъ (133,500 жит.),—имѣетъ 32 килом. въ длину и 8 килом. въ ширину; по количеству угля это самая богатая мѣстность во всей Франціи, доставляющая лучшіе сорта угля. Немного выше славящагося своею промышленностію г. Роана (Roanne), миновавъ длинное ущелье Перронъ, Луара становится судоходною. Своимъ дальнѣйшимъ теченіемъ она образуетъ границу между Бургундіей, съ ея плодородными равнинами и отлогими горами, извѣстными своими виноградниками—съ одной стороны и Бурбоннэ,—сѣверной, холмистой, расположенной террасами Оверни,—съ другой и затѣмъ изъ области гористой Франціи вступаетъ въ міоценовыя образованія изрѣзанной долинами возвышенности Ниверне (Nivernais), которая такъ богата углемъ и желѣзомъ; у г. Невера, выстроеннаго амфитеатромъ около одного холма, Луара

пересѣкаетъ область юрской формаціи, которая окружаетъ гористую Францію почти со всѣхъ сторонъ. Въ Ниверпэ, на западъ отъ Луары, возвышается порфировое плато Морванъ. Въ области истоковъ р. Йонны (Yonna), которая впадаетъ въ Сену, Морванскія горы образуютъ возвышенную страну, перерѣзанную многими долинами; отсюда отдѣляется много лѣсистыхъ боковыхъ цѣпей, которыя идутъ на З., къ Луарѣ, и на Востокъ, къ Йоннѣ. Въ области Кламеси (Clamecy) главный хребетъ раздробляется на болѣе низкія горныя цѣпи, и только незначительный рядъ холмовъ, постоянно сопровождающій теченіе Лоары по правому ея берегу, соединяетъ Морванъ и Орлеанское третичное плато (170 — 180 метр.); здѣсь между Жьеномъ (Gien) и Блуа (Blois) она дѣлаетъ большую сѣверную излучину. Этотъ рядъ низкихъ холмовъ перерѣзывается каналами Бріарскимъ и Орлеанскимъ, которые посредствомъ рѣчки Луанга (Loing) соединяютъ бассейны Луара и Сены. По ту сторону Орлеанскаго канала расположенъ Орлеанскій лѣсъ, отдѣляющійся отъ лѣса Фонтенбло (Fontainbleau) дикою, невоздѣланною мѣстностью. Орлеанское плато, противъ котораго, на югъ отъ Луары, находится печальная степь песчаной, нездоровой Солоньи (Sologne), зимою обращающаяся въ громадное болото, тянется къ С.-З. до Этампа и Шартра и круто обрывается въ сторону Луары; въ сторону же Сены она незамѣтно понижается и въ области истоковъ Луары и Эры (Eure) примыкаетъ къ Аморійской цѣпи, которая, оставляя теперь берега Луары, идетъ въ западномъ направленіи, при средней высотѣ въ 160 метр., чрезъ Нормандію и Бретань до Капъ Матье (Kap Mathieu), самой западной оконечности Франціи. Около извѣстнаго г. Орлеана, главнаго города (63,700 жит.) области Орлеаннэ, славящейся разностороннею промышленностію и богатой хлѣбомъ и виномъ, Луара, достигнувъ самаго сѣвернаго своего пункта, поворачиваетъ къ западу и орошаетъ область Турень (Touraine), называемую садомъ Франціи. На ея берегахъ лежитъ древній Блуа (Blois) и красивый Туръ съ 60,300 жит.; послѣдній городъ производитъ въ большомъ количествѣ шерстяныя, хлопчатобумажныя и шелковыя матеріи и ковры, и ведетъ обширную торговлю. Нижнее теченіе Луары вновь идетъ по первичнымъ образованіямъ. Минуя Анжу (Anjou), Луара приближается къ замѣчательному по своей торговлѣ Нанту (123,000 жит.); это—одинъ изъ наиболѣе красивыхъ городовъ Франціи и вмѣстѣ съ Марселемъ, Гавромъ и Бордо принадлежитъ къ числу самыхъ важныхъ портовъ, хотя, вслѣдствіе незначительной глубины гавани, онъ можетъ принимать лишь небольшіе корабли. Около С.-Назера (St.-Nasaire), который также является важнымъ портомъ и ведетъ правильное сообщеніе съ Испаніей, Португаліей, Антильскими островами и Мексикой,—Луара впадаетъ въ Атлантическій океанъ. Наиболѣе замѣчательные притоки Луары, въ противоположность Гароннѣ, находятся съ лѣвой ея стороны; изъ нихъ назовемъ: Алье, Шеръ (Cher), Эндръ (Indre), Вьенъ (Vienne), Севръ Нантезъ (Sèvre Nantaise); изъ притоковъ съ правой стороны заслуживаетъ вниманія одинъ лишь Майенъ (Mayenne), который беретъ начало въ силурійскомъ слоѣ Бретани и течетъ съ С. на Ю.; около Аноне онъ принимаетъ Сарту, въ которую впадаетъ Лоара. Обѣ эти рѣки текутъ съ сѣверо-востока, а послѣдняя направляется съ Орлеанскаго плато.

Изолированная горная область Бретань, берега которой дѣятельно и успѣшно размываются моремъ, состоитъ большею частію изъ гранита и гнейса; въ горахъ д'Арре Мене (Menez) и параллельной имъ цѣпи Черныхъ Горъ (Montagne Noire, 326 метр.), которая у вершины Менебръ (Menebre, 339 метр.) отдѣляется отъ вышепоименованныхъ въ видѣ значительной боковой цѣпи и оканчивается на косѣ Крозонъ (Crozon),—высшія точки Бретани едва достигаютъ 400 метровъ. Главный хребетъ Бретани, горы д'Арре, все время идутъ вблизи сѣвернаго берега, отъ котораго онѣ находятся въ разстояніи не болѣе 20 километровъ. Поэтому сѣверные склоны горъ коротки и круты, а южныя вѣтви ихъ переходятъ въ неровную холмистую поверхность. Дикіе скалистые гребни внутреннихъ горъ Бретани обладаютъ глубокими лощинами, скудною растительностію, жалкими пастбищами. Въ зимнее время долины бываютъ покрыты слоемъ снѣга, достигающимъ толщины 1 метра; южные берега представляютъ собою низменныя болота и марши; за-

падные берега круты, суровы, непривѣтливы и изрѣзаны фіордами, сѣверные берега также круты, съ узкими песчаными краями, которые съ приближеніемъ къ В. становятся шире. Промышленность этой бѣдной страны ограничивается предметами необходимости, но, благодаря своему благопріятному положенію, Бретань играетъ важную роль въ мореплаваніи и торговлѣ. Нантъ и Ваннъ (Vannes) ведутъ очень бойкую морскую торговлю, Лоріанъ (Lorient) и Брестъ являются важными военными портами. Послѣдній, будучи расположенъ при глубокой бухтѣ



Военная гавань въ Брестѣ.

Атлантическаго океана, представляетъ собою глубокій и удобный рейдъ и принадлежитъ къ числу самыхъ крупныхъ береговыхъ укрѣпленій Франціи.

На сѣверѣ Бретани, гдѣ берегъ Франціи дѣлаетъ крутой поворотъ къ востоку, въ морскомъ заливѣ, при входѣ въ проливъ Ла-Маншъ, находятся плодородные Норманнскіе острова или острова Канала: Джерсей, фантастически живописный Серкъ, Гернсей—ближайшій къ берегу и самый большой изъ острововъ этой группы, и Альдерней или Ориньи,—уступающій по красотѣ остальнымъ островамъ, но самый важный между ними; на всѣхъ этихъ островахъ, въ виду французскихъ береговъ, развѣвается британскій флагъ, но зависимость ихъ отъ Англіи лишь номинальная, такъ какъ эти острова представляютъ собою почти самостоятельныя республики.

Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что первоначально всѣ эти острова, съ опоясывающими ихъ и родственными имъ скалами и островками, были соединены между собою

и составляли часть материка, но неутомимая работа моря, — прибой морскихъ волнъ къ твердому граниту и размываніе болѣе мягкихъ жилъ, которыя расходятся въ немъ по всѣмъ направленіямъ, порвали связь съ материкомъ; это разрушительное дѣйствіе морскихъ волнъ не прекращается и въ настоящее время; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти силы дѣйствуютъ особенно замѣтно и быстро, и не подлежитъ никакому сомнѣнію, что въ свое время въ проливѣ не останется ни одного острова.

На востокѣ, по сосѣдству съ Бретанью, лежитъ богатая рыбными и торговыми портами, средняя береговая страна Ла-Манша, область устьевъ Сены,— Нормандія. Подобно Бретани, она образуетъ на сѣверѣ полуостровъ, хотя и въ болѣе ограниченныхъ сравнительно съ первою размѣрахъ. На востокѣ Норманнскаго полуострова, оканчивающагося мысомъ де-ля-Хагъ съ расположеннымъ здѣсь сильнымъ военнымъ портомъ Шербургомъ, бухта Сены (Baie de la Seine) образуетъ широкій заливъ, вдоль котораго, въ разстояніи 8 килом. отъ берега, тянутся опасные Кальвадосскіе утесы (40 килом. длиною), а въ восточномъ углу находится собственный портъ Парижа, Гавръ (Le Havre de Grâce) съ 116,500 жит. который служитъ охраною воронкообразнаго устья Сены. На этомъ берегу Нормандіи, осыпанномъ всѣми прелестями природы, находятся посѣщаемыя публикою купанья: Трувиль (Trouville sur mer), Довиль (Deauville) и Этрета (Etretat).

Рыбакъ изъ Нормандіи.

Поэзія и исторія окружаютъ Нормандію ореоломъ красоты и интереса. «Нормандія» и «романтизмъ»—эти два слова звучатъ не только вполнѣ одинаково, но даже и понятія, выражаемыя ими, не могутъ быть раздѣлены. И все-таки въ настоящее время Нормандія—все, что угодно, но только не романтичная страна, вплоть до тѣхъ пунктовъ, гдѣ за крутыми береговыми скалами сверкаетъ море. Зато современная Нормандія можетъ порадовать всякаго, кому дорого народное благополучіе. Вопреки ожиданію, здѣсь гораздо меньше обвитыхъ плющемъ руинъ, но зато цѣлыя тысячи высокихъ фабричныхъ зданій, занятыхъ непрерывною работою. Въ промышленномъ и трудолюбивомъ Руанѣ (Rouen, 112,500 жит.) подъ флеромъ промышленности быстро ускользаютъ изъ памяти и соборъ, и Орлеанская дѣва, а въ Эльбефѣ (Elboeuf), занятомъ производствомъ тонкихъ суконъ, ничто не напоминаетъ о воинственныхъ предкахъ современныхъ нормандцевъ, которыхъ

занимаетъ лишь одна мысль — отвоевать новое поле для промышленности. Мѣстность эта, орошаемая тихою Сеною, покрыта холмами и долинами; здѣсь нѣтъ ни высокихъ горъ, ни большихъ, темныхъ лѣсовъ; все ясно, свѣтло, на всемъ лежитъ отпечатокъ заботливости, все зелено и покрыто травою; селенія встрѣчаются рѣдко, зато много зеленыхъ четырехугольныхъ рощицъ, которыя такъ и манятъ заглянуть вглубь ихъ. Подойдя ближе, встрѣчаешь земляную насыпь, засаженную двойнымъ рядомъ бука, клена или ольхи, и этотъ высокій тѣнистый земляной валъ, служа защитою отъ вѣтровъ, окружаетъ большой плодовый садъ, въ которомъ пасется прекрасный скотъ и расположены красивыя и просторныя хозяйственныя постройки. Эти безчисленныя зеленыя укрѣпленія крестьянина, за которыми разводятся красивѣйшія коровы и лучшія лошади Франціи, и гдѣ на высокихъ прибрежныхъ плато овцы щиплютъ траву,—эти укрѣпленія, какъ зеленые букеты, разсѣяны по всей странѣ, чередуясь съ воздѣланными полями и лугами. Такая культура сообщаетъ мѣстности нѣкоторое однообразіе, но въ ней залогъ богатства Франціи.

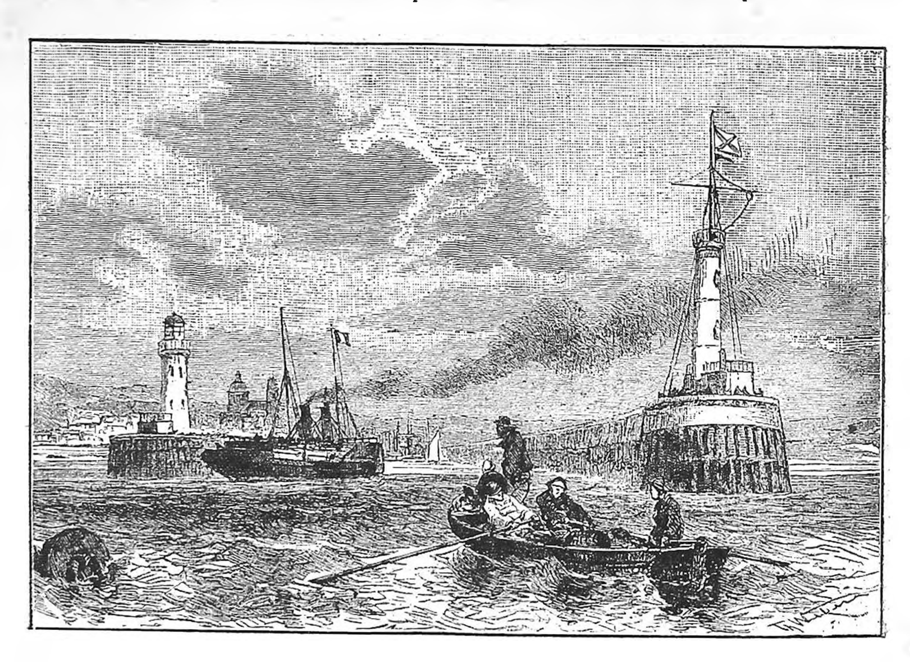
Типы Нормандіи.

Кромѣ того, Нормандія предлагаетъ путешественнику, даже очень избалованному комфортомъ, всевозможныя удобства. Въ городахъ имѣется довольно значительное количество различныхъ достопримѣчательностей, разстояніе между ними незначительны и способы передвиженія удобны. При всемъ томъ, Нормандія располагаетъ всѣмъ, что только могутъ потребовать по части питанія и удобствъ избалованныя дѣти цивилизаціи. Объ этомъ свидѣтельствуетъ внѣшній видъ обывателей, въ особенности—женщинъ и дѣвушекъ: онѣ плотно сложены, и черты ихъ лица имѣютъ рѣзко выраженныя очертанія. Костюмы ихъ большею частью темнаго цвѣта, но иногда можно встрѣтить полосатыя голубыя, черныя или красныя юбки; только на головахъ онѣ носятъ пестрые бумажные платки. Любимые цвѣта костюмовъ въ провинціи—черный, темно-голубой и темно-синій; передники бываютъ черные, темные, лиловые, или голубые. Въ Верхней Нормандіи поверхъ платья носятъ коротенькую просторную жакетку, которая дѣлается ихъ черной или сѣрой матеріи. Передникъ чаще всего бываетъ пестрый, какъ и платокъ, надѣваемый поверхъ чепца. Въ Нижней Нормандіи, въ частности въ Кальвадосѣ и на Ла-Маншѣ, гдѣ наброшенный на плечи платокъ замѣняетъ жакетки, преобладаетъ цвѣта ярко-оранжевый и красный съ чернымъ. Употребляемые для этого „indiennes“ часто очень дороги и по нѣскольку лѣтъ кряду служатъ праздничными костюмами, одѣваемыми только въ особенно торжественныхъ случаяхъ. Красныя юбки—большая рѣдкость Норманнки слишкомъ бережливы, чтобы носить платье иного цвѣта (обычный цвѣтъ—темный) и только въ крайнемъ случаѣ рѣшаются сшить себѣ блѣдно-лиловую юбку. Весь костюмъ даже самой бѣдной норманнки, начиная съ черныхъ деревянныхъ башмаковъ „sabots“, и кончая бѣлоснѣжнымъ чепцомъ, съ небольшою, свѣшивающеюся на сторону кисточкою—замѣчательно милъ и красивъ; фигура норманской крестьянки вполнѣ гармонируетъ съ окружающею ее обстановкою, живописными деревьями, домами и вывѣтрившимися каменными постройками; то же нужно сказать и объ ихъ ко-

стюмахъ. Въ полномъ соотвѣтствіи съ обстановкой находятся и мужчины со своими синими блузами и того же цвѣта панталонами, которыя часто вынашиваются до зеленаго цвѣта и бываютъ покрыты новыми и старыми заплатками всевозможнѣйшихъ оттѣнковъ. Темный цвѣтъ ихъ кожи, живые глаза и постоянная улыбка на губахъ являются достаточнымъ контрастомъ съ старыми мрачными городами, составляющими фонъ картины и напоминающими о бурной военной жизни, которая когда-то кипѣла въ нихъ.

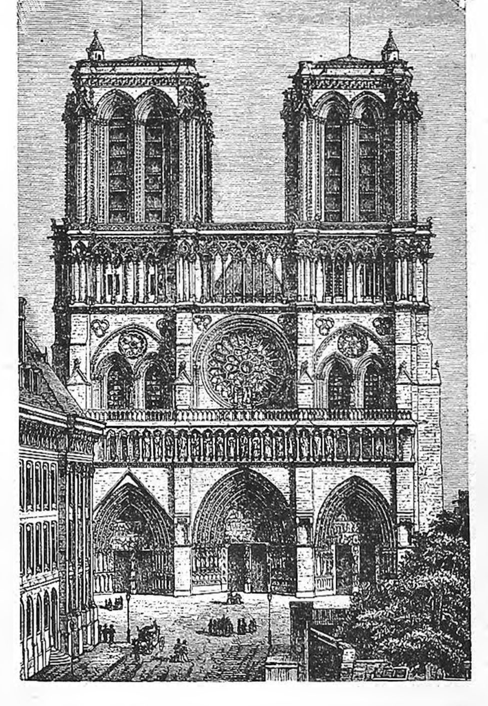
Слѣдуя вверхъ по теченію Сены мы вступаемъ въ сердце Франціи, въ старый Иль-де-Франсъ, какъ въ прежнее время удачно названа была эта область, составляющая наиболѣе древнюю часть французскаго государства. Она представляетъ собою волнистую, повсюду плодородную, тщательно воздѣлываемую равнину, гдѣ въ широкихъ размѣрахъ занимаются скотоводствомъ; здѣсь расположена также большая часть каменоломенъ Франціи. Здѣсь-же, на Сенѣ, возвышается гордая французская столица, Парижъ, первый послѣ Лондона по величинѣ городъ въ Европѣ и во всемъ мірѣ. Понятно, различныя провинціи богаты городами, и каждый изъ нихъ имѣетъ свои особенности, а нѣкоторые изъ нихъ, какъ напр. Ліонъ, Марсель, Бордо, Нантъ, въ извѣстномъ отношеніи--по положенію, величинѣ, торговому значенію и уровню цивилизаціи,—являются соперниками метрополіи на Сенѣ; но имъ, несомнѣнно, никогда не удастся достигнуть той очаровательности и заманчивости, которая дѣлаетъ Парижъ единственнымъ городомъ въ мірѣ, «urbs'омъ» въ томъ смыслѣ, какъ понимали это слово римляне.

Этотъ большой, великолѣпный городъ, съ 2½ милліонами жителей, лежитъ въ широкой ложбинѣ, орошаемой Сеною, и окруженъ возвышенностями, съ которыхъ можно вы-

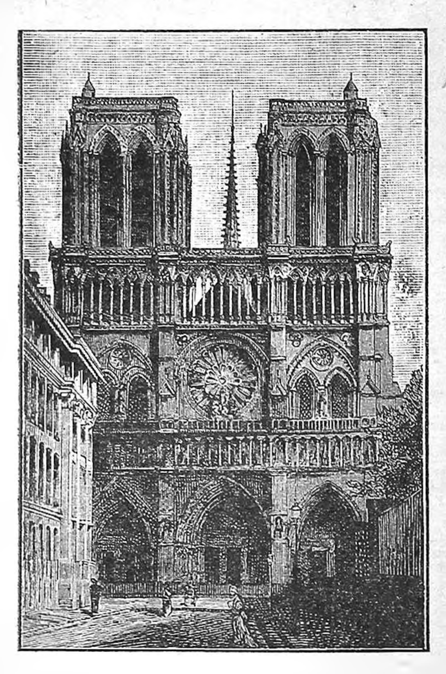


Гавань въ Булони.

дѣть цѣлое моро зданій; среди нихъ на западной сторонѣ возвышается куполъ, увѣнчивающій большое прекрасное зданіе Дома Инвалидовъ, въ центрѣ—двѣ высокія, но тупыя башни собора Парижской Богоматери (Notre Dame de Paris). Всюду высятся башни, шпицы, фронтоны роскошныхъ зданій. Войдемъ мысленно въ Парижъ съ западной стороны, гдѣ Сена, выходя изъ города, образуетъ большую дугу по направленію къ сѣверу. Здѣсь, между городомъ и рѣкою, лежитъ прекрасный Булонскій лѣсъ, въ хорошую погоду — мѣсто гулянья знатнаго и богатаго парижскаго люда. Подвигаясь немного впередъ среди этого блеска и шума, мы поворачиваемъ къ В. Предъ нами открывается чрезвычайно длинная, прямая и широкая великолѣпная улица, которая чрезъ Тріумфальныя ворота (arc d'Etoile), выстроенныя Наполеономъ I, выводитъ насъ въ „Елисейскія поля“, красивый, кишащій народомъ паркъ; по правую сторону его течетъ Сена. Далѣе, слѣдуя все той-же улицей, мы приходимъ въ Тюильрійскій садъ; здѣсь стоитъ дворецъ Тюильри, — мѣсто жительства послѣднихъ французскихъ королей и императоровъ. По сторонамъ его на большомъ протяженіи идутъ дворцовыя пристройки, посредствомъ которыхъ дворецъ соединяется съ Лувромъ, древнимъ королевскимъ замкомъ, въ залахъ котораго имѣются замѣчательныя коллекціи картинъ, статуй и другихъ рѣдкостей. Неподалеку отсюда, ближе къ центру города, расположенъ Палэ Рояль (Palais Royal), уже давно покинутый королями; въ его безчисленныхъ залахъ, магазинахъ и ресторанахъ тысячи мѣстныхъ жителей и иностранцевъ покупаютъ самые дорогіе предметы роскоши, наслаждаются самыми утонченными удовольствіями и сорятъ деньги на удовлетвореніе всевозможнѣйшихъ прихотей. Когда тщеславные французы говорятъ, что Парижъ—первый городъ въ мірѣ, то это, конечно въ томъ смыслѣ, что ни одинъ городъ въ мірѣ не даетъ человѣку возможности пользоваться въ такой широкой мѣрѣ самыми разнообразными удовольствіями, которыми Парижъ въ теченіи почти двухъ вѣковъ отравляетъ весь міръ. Далѣе, все придерживаясь восточнаго направленія, мы идемъ берегомъ Сены; налѣво отъ насъ—великолѣпныя зданія; поворачивая же на право, чрезъ одинъ изъ красивыхъ мостовъ, переходимъ на островъ, гдѣ почти 2,000 лѣтъ тому назадъ, во времена римлянъ, было положено основаніе городу, называвшемуся тогда Лютеціею. Здѣсь находится соборъ Парижской Богоматери (Notre Dame), съ ея красивыми, но недостроенными еще башнями. Переходимъ на другой, южный берегъ Сены, гдѣ расположена меньшая часть города, и встрѣчаемъ роскошныя постройки, служившія мѣстомъ собраній депутатовъ государства, гдѣ такъ хорошо и привольно живутъ теперь инвалиды; здѣсь, по нижнему теченію Сены, тянется громадный плацъ — Марсово поле. Если же мы отъ собора Notre Dame снова повернемъ къ сѣверному берегу Сены, то можемъ посѣтить городскую ратушу (Hôtel de ville), откуда вышло столько революцій, въ томъ числѣ и послѣдняя, далѣе—Бастильскую площадь, на которой въ старину стояла Бастилія, затѣмъ—Вандомская площадь, гдѣ на высокой мѣдной колоннѣ стоитъ мѣдная статуя Наполеона; внутри колонны устроена лѣстница, и сверху колонны открывается видъ на великолѣпный городъ; колонна вокругъ украшена мѣдными барельефами, ко-



Фасадъ храма Парижской Богоматери.



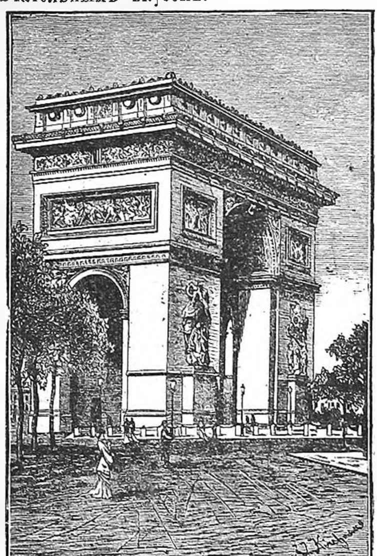
Парижъ.—Нотръ-Дамъ. (Храмъ Богоматери).

торые изображаютъ сцены изъ военныхъ подвиговъ великаго завоевателя. Въ странствованіяхъ по городу мы проходимъ и по бульварамъ, т. е. широкимъ красивымъ аллеямъ, по обѣ стороны которыхъ расположены изящные дома; аллеи проложены частію по старымъ землянымъ укрѣпленіямъ города, частію разбиты вновь по распоряженію послѣдняго Наполеона, прорѣзывая и окружая Парижъ во всѣхъ направленіяхъ. Наполеонъ III много сдѣлалъ для украшенія Парижа. При немъ уничтожены были многочисленные узкіе, грязные переулки и взамѣнъ ихъ были проведены широкія и чистыя улицы. Кромѣ того, здѣсь нѣтъ недостатка и въ укрѣпленіяхъ. Занимая сравнительно съ прежнимъ вдвое большее пространство, Парижъ обнесенъ стѣнами, земляными валами и рвами, такъ что весь громадный городъ представляетъ собою одну крѣпость; кромѣ того, во всѣхъ направленіяхъ и внѣ этихъ укрѣпленій, въ разстояніи до 30 килом. отъ города, расположены 46 небольшихъ отдѣльныхъ укрѣпленій (фортовъ), которые въ будущемъ явятся значительнымъ препятствіемъ для непріятеля, при нападеніи его на Парижъ. Если мы желаемъ, то можемъ предпринять еще подземное путешествіе по улицамъ Парижа, по катакомбамъ. Катакомбы—это древнія каменоломни, въ которыхъ болѣе тысячи лѣтъ тому назадъ добывался матеріалъ для построекъ; здѣсь въ большомъ порядкѣ сложены милліоны человѣческихъ костей, принадлежащимъ прошлымъ поколѣніямъ:—послѣ упраздненія городскихъ кладбищъ эти кости были увезены оттуда и уложены здѣсь въ порядкѣ, на подобіе стѣнъ. Мы можемъ посѣтить еще кладбище отца Лашеза, гдѣ покоится прахъ многихъ великихъ людей, а также—большой красивый садъ—jardin des plantes—въ которомъ кромѣ растеній собраны самыя разнообразныя животныя изъ всѣхъ частей свѣта. Мы можемъ посѣтить также расположенныя на сѣверъ отъ Парижа усыпальницы прежнихъ французскихъ королей; Санъ-Дени (S.-Denis); на западѣ—замокъ и садъ Сенъ-Клу, любимое мѣстопребываніе Наполеона; на югѣ—великолѣпный замокъ Версаль, съ неменѣе великолѣпнымъ садомъ и извѣстными фонтанами и, наконецъ, еще южнѣе — замокъ Фонтенбло, построенный среди прекраснаго лѣса. Таковъ Парижъ, главный городъ Франціи, главный и въ томъ отношеніи, что въ теченіи двухъ послѣднихъ вѣковъ все государство привыкло считать его центромъ управленія и слѣдовать всякому исходящему оттуда толчку, все равно, къ чему бы онъ ни приводилъ,—къ революціи-ли, королевской или императорской власти, или же къ республикѣ.

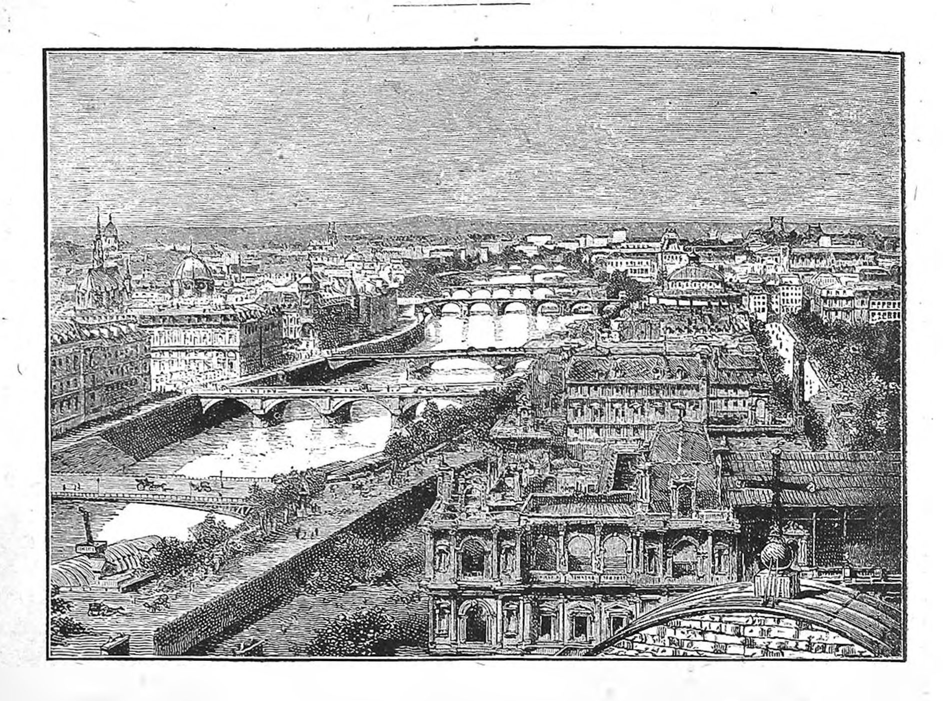
Главная рѣка Парижа, Сена, дѣлая много излучинъ, образуетъ третій, сѣверный и главный рѣчной бассейнъ Западной Европы, находящійся между бассейнами Луары и Мааса. Общее направленіе ея теченія—съ Ю.-В. на С.-З. Минуя плато Лангръ, состоящее изъ бурой юры, она течетъ по пластамъ бѣлой юры и верхнимъ мѣловымъ уступамъ въ эоценовый и олигоценовый Парижскій бассейнъ. По пути къ столицѣ Франціи она принимаетъ много важныхъ притоковъ, съ лѣвой стороны Йонну и Объ (Aube) и Марну съ правой; двѣ послѣднія рѣки берутъ начало на упомянутомъ плато Лангръ. Затѣмъ, принимая ниже Парижа Уазу и Эръ, она течетъ по верхне-мѣловой формаціи, изъ которой состоитъ не только большая часть Нормандіи, но и вся почти (за исключеніемъ мѣстности

третичнаго происхожденія) сѣверо-восточная Франція до четверичныхъ отложеній бельгійскихъ Нидерландовъ, Арденновъ, принадлежащихъ къ нервичной эпохѣ, и Аргоннскаго лѣса на В., состоящаго изъ формацій юры.

Плато Лангръ въ Сѣверной Бургундіи и Южной Шампани представляетъ собою возвышенность, которая тянется отъ Ю.-З, къ С.-В. между истоками Сены на З. и истоками Мааса на В. По поверхности этого плато, средняя высота котораго достигаетъ 500 метр., поднимаются лишь невысокіе холмы; сѣверные склоны плато, между Сеной и Марной, по большой части обнажены, почва холодна и неплодородна, жители бѣдны; гористая часть плато богато орошается массою рѣкъ. На востокѣ, въ области источниковъ Мааса, къ нему примыкаютъ Фосильскія (Серповидныя) горы (Monts de la Faucille). Это плоскій, прерываемый незначительными холмами, горный хребетъ, короткія вѣтви котораго спускаются острыми краями въ области нижней Саоны, тогда какъ длинные, направленные къ сѣверу отроги его идутъ по обѣимъ сторонамъ Мааса. Этотъ хребетъ усѣянъ камнями, но не совсѣмъ безплоденъ, а около Мирекура и Эпиналя онъ даже довольно лѣсистъ. Серповидныя горы, обойдя истоки Саоны, которая течетъ къ Ю., въ бассейнъ Роны, оканчиваются у бассейна Мозеля въ Ballon d'Alsace, достигая наибольшей высоты въ 1,250 метровъ и соединяя такимъ образомъ плато Лангръ съ Вогезами. У юго-восточной подошвы Серповидныхъ горъ расположены извѣстныя Пломбьерскія купанья (Plombières). У одной изъ самыхъ сѣверныхъ оконечностей плато Лангръ, между источниками Марны и Мааса, отдѣляется другая значительная горная цѣпь, которая сопровождаетъ лѣвый берегъ Мааса, большею частію въ сѣверномъ направленіи, до 50° сѣв. шир. Вначалѣ она не имѣетъ собственнаго названія, но между Маасомъ и Энъ (Aisne притокъ Уазы), она называется Аргонскимъ лѣсомъ и отдѣляетъ Шампань отъ Лотарингіи. Въ области Clermont-an-Argonne Аргонскій лѣсъ имѣетъ наиболѣе дикій видъ, восточные его склоны къ Маасу гораздо круче западныхъ, которые въ Шампани переходятъ въ холмистую мѣстность незначительной высоты. На югѣ плато Лангръ посредствомъ горъ Котъ д'Оръ (Cote d'Or) соединяется съ Севеннскими горами. Здѣсь горы, начиная отъ горы Морессель, постепенно возвышаются и, поднявшись въ вершинѣ Сомбернонъ до 560 метровъ, у источниковъ Сены и Иньона (Ignon, небольшой притокъ р. Тилль, впадающей въ Саону) другою своею вершиною—Тассело достигаютъ высоты 980 метр. Этотъ горный кряжъ со своими глубокими долинами поднимается среди ровныхъ мѣстностей по обѣимъ сторонамъ верхней Сены; его восточные отроги, покрытые лѣсомъ, обрываются довольно круто къ Ушѣ (Ouche, притокъ Саовы) и боковымъ долинамъ Тилля; сѣверо-западные же отроги тянутся далѣе по обоимъ берегамъ Сены и вмѣстѣ съ отрогами плато Лангръ образуютъ возвышенность южной Шампани. Горы Котъ д'Оръ, сѣверною вершиною которыхъ можно считать Тассело, тянутся неуклонно съ С. на Ю.; въ горахъ Блиньи онѣ достигаютъ своей высшей точки—660 метровъ; ихъ короткіе восточные склоны къ расширяющейся здѣсь долинѣ Саоны богато засажены виноградными лозами; затѣмъ онѣ отлого спускаются на З. къ Арру (Arroux, притокъ Луары), которая отдѣляетъ ихъ отъ Морванской цѣпи, и наконецъ соединяются съ горами Шаролэ (Charolais). Мѣстность къ югу отъ истоковъ Сены до Шаролэ, т. е. вся долина Саоны и вышеупомянутые горные хребты, образуетъ область плодородной Бургундіи (Bourgogne, Бургонь). Когда-то гремѣвшая славой своихъ рыцарей, Бургундія давно уже превратилась въ заурядную французскую провинцію и если чѣмъ славится, то развѣ своими винами, которыя, дѣйствительно, отличаются здѣсь замѣчательнымъ вкусомъ.



Тріумфальная арка въ Парижѣ.

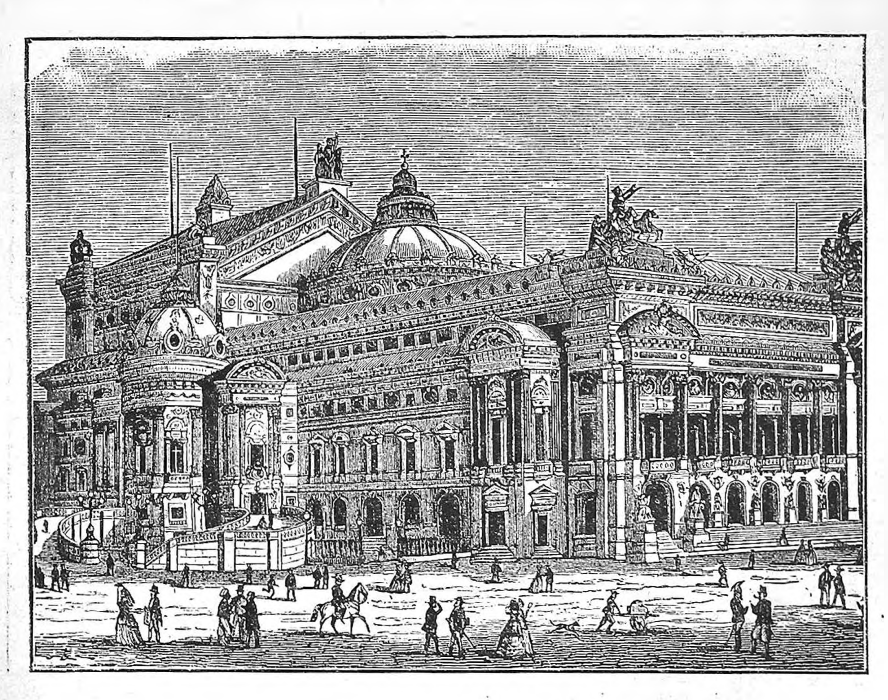


Парижъ. — Видъ на семь мостовъ.

Вмѣстѣ съ Саоною мы вступаемъ въ обширный бассейнъ Роны, между Гористою Франціею съ одной стороны и Юрой и Альпами—съ другой. Рона беретъ начало на З. въ Швейцарскихъ Альпахъ, и на пути протекаетъ чрезъ Женевское озеро; она течетъ быстрѣе всѣхъ европейскихъ рѣкъ и по величинѣ занимаетъ послѣ Нила первое мѣсто въ ряду рѣкъ, впадающихъ въ Средиземное море; общая длина ея достигаетъ 810 килом. Около Ліона (467,000 жит.), перворазряднаго промышленнаго города во Франціи, гдѣ она соединяется съ Саоной и становится судоходною, Рона дѣлаетъ неожиданный поворотъ на югъ и до Средиземнаго моря, въ которое впадаетъ правильною дельтою, течетъ настолько неуклонно въ этомъ направленіи, что на картѣ она представляется продолженіемъ Саоны, или, вѣрнѣе,—Саону можно принять за верховье Роны, а верховье Роны—за притокъ Саоны. По лѣвому, восточному, берегу Роны вплоть до Валенса (Valence) тянутся четверичныя образованія области Саоны, которыя въ области устьевъ вновь получаютъ преобладающее значеніе. Между двумя ея лѣвыми притоками—Изерою и Дюрансою, возвышается альпійская горная область Дофинэ, къ которой на Ю. примыкаетъ Провансъ, восхитительная приморская мѣстность между Роною и Альпами. На Изерѣ, въ поразительной по своей красотѣ обстановкѣ, лежитъ важная и хорошо вооруженная крѣпость Гренобль; на правомъ берегу Роны, покрытомъ плодоносными виноградниками и склонами горъ, находятся города: Вьеннъ, Валенсъ и Монтелимаръ, позади котораго открывается входъ въ желтыя скалистыя горы Про-

ванса. Страна совмѣщаетъ въ себѣ поразительныя противоположности. Съ одной стороны—пышныя, орошаемыя рѣками долины и низменности, богатыя тутовыми деревьями, благодаря которымъ здѣсь широко развито шелководство, хлѣбныя поля, виноградники, доставляющіе отличное вино, оливковыя деревья, изъ которыхъ добывается хорошее масло, апельсины, каштаны и другіе южные фрукты, а съ другой—выжженныя солнцемъ степи, на которыхъ высятся голыя красныя скалы, однообразные ландшафты, надоѣдливая пыль, угнетающее, безъ капли дождя, лѣто съ его палящими вѣтрами, которые производятъ внезапную перемѣну температуры и вредно сказываются на здоровьи. Мрачное впечатлѣніе, производимое всѣмъ южнымъ ландшафтомъ, еще болѣе усиливается при видѣ незначительныхъ деревень и городовъ, которые строятся изъ сѣраго или краснаго камня и тѣснятся въ узкомъ пространствѣ, обнаруживая свои узкія и грязныя улицы и множество развалинъ.

Изъ городовъ этой мѣстности упомянемъ о городкѣ Оранжъ; это очень мрачное мѣсто носитъ всѣ характеристическія черты маленькихъ провинціальныхъ городовъ Франціи. Оставляя въ сторонѣ немощенную площадь, мы попадаемъ въ лабиринтъ длинныхъ, узкихъ переулковъ, перерѣзывающихъ городъ по прямой линіи съ С. на Ю. Семейная жизнь и промыслы кустарей, по примѣру итальянцевъ, выбрались изъ жилищъ на улицу: здѣсь въ пыли играютъ грязныя дѣти; женщины и дѣвушки, занимаясь своими работами, разговариваютъ съ торговцемъ или ремесленникомъ, который для удобствъ устроилъ свою мастерскую на улицѣ. Каналъ, по которому струится мутная, дурнаго

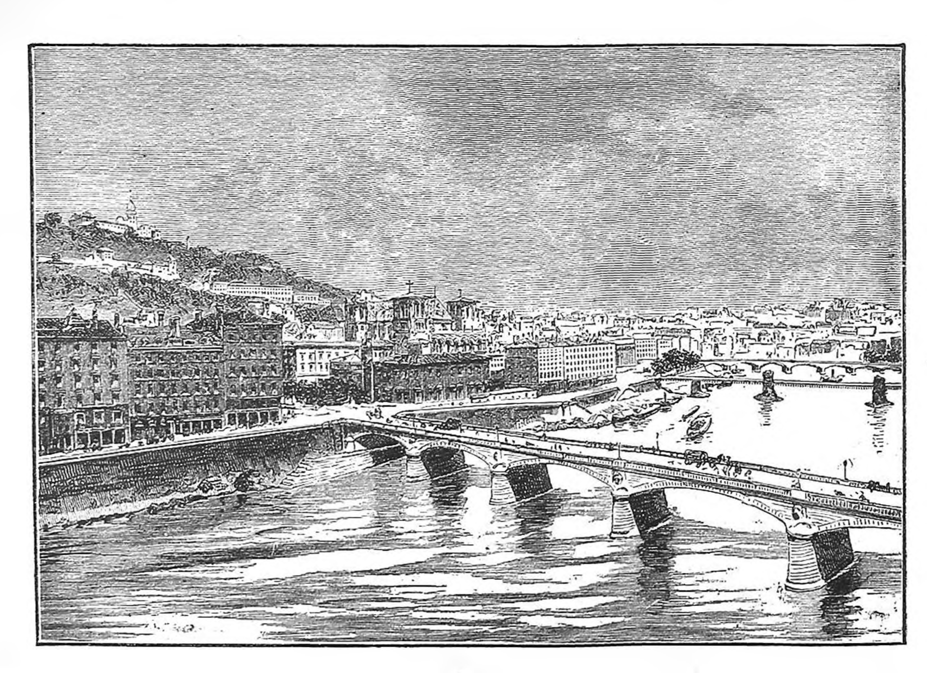


Парижъ.—Большая опера.

качества вода, дѣлитъ улицу на двѣ части, но это ни мало не содѣйствуетъ очищенію воздуха, пропитаннаго запахомъ чеснока и прогорклаго масла. Оранжъ замѣчателенъ лишь своими чудными, древними римскими постройками, величественною тріумфальною аркою и большимъ театромъ. Своею внѣшностью городъ не оправдываетъ своего благозвучнаго названія: здѣсь нѣтъ апельсинныхъ деревьевъ и трудно услышать ароматъ апельсиновъ. Почти въ такомъ-же состояніи находится и Авиньонъ, древній городъ папъ. Впрочемъ, здѣсь мы видимъ отраженіе среднихъ вѣковъ; городъ богатъ историческими воспоминаніями, произведеніями архитектуры и скульптуры, которыя служатъ какъ-бы иллюстраціями для первыхъ. Городъ выглядитъ очень мрачнымъ, и старинная его часть, съ безчисленными узкими улицами, пришла въ упадокъ. Порою встрѣчается высокій, потемнѣвшій отъ времени домъ, съ каменнымъ гербомъ, означающимъ, что здѣсь нѣкогда жилъ какой-нибудь важный прелатъ или иное высокопоставленное лицо изъ папской свиты. На невысокомъ холмѣ поднимаются надъ сѣтью узкихъ улицъ гордыя стѣны стариннаго папскаго дворца, съ немногими стрѣльчатыми окнами, большими арками, массивными четырехугольными башнями и глубокимъ рвомъ. На сѣверѣ холмъ, называемый Rocher des Doms, спускается къ Ронѣ.

Окрестности Авиньона, какъ и большая часть Прованса, похожи на садъ. Здѣсь уже произрастаетъ оливковое дерево и благородный каштанъ, и съ большимъ успѣхомъ культивируется виноградная лоза. Находящійся неподалеку Chateau neuf du Pape,—древняя лѣтняя резиденція папъ,—славится темнымъ искрометнымъ виноградомъ, который вызрѣваетъ на солнечныхъ склонахъ горъ между фиговыми деревьями. Цѣпной мостъ черезъ Рону соединяетъ городъ съ Villeneuve les Avignons съ его живописными развалинами монастыря. На югѣ находится замѣчательная въ акустическомъ отношеніи скалистая долина Vaucluse, съ своимъ гротомъ, о которомъ упоминалъ еще Плиній; это мѣсто Петрарка избралъ себѣ временнымъ мѣстопребываніемъ и увѣковѣчилъ его въ своихъ безсмертныхъ стихахъ.

Отъ французскаго-Рима,—окруженнаго стѣнами Авиньона,—мы поворачиваемъ на югъ, къ древнему городу Тараскону, противъ котораго, на правомъ берегу Роны, расположенъ Бокеръ, и—къ знаменитому римскими постройками—



Ліонъ.

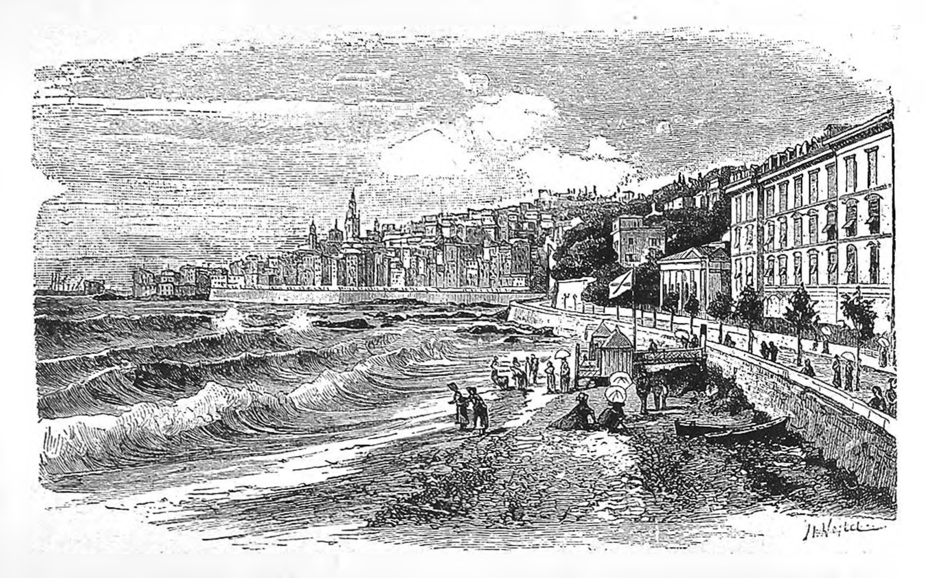
Арлю. Поименованные города кромѣ того славятся красотою своихъ женщинъ и дѣвушекъ; правильныя, красивыя черты и изящество фигуры дѣлаютъ ихъ опасными соперницами гречанокъ изъ Арля.

Около Арля песокъ и мелкія гальки, сопровождающія все теченіе Роны отъ Ліона до Бокера, съ приближеніемъ къ морю, становятся все мельче и мельче, превращаясь въ илъ, и въ крайнемъ случаѣ—въ мелкій песокъ. Эта часть теченія почти такъ же плоска, какъ озеро, и около Арля уровень рѣки, въ разстояніи 50 килом. отъ моря, возвышается надъ его уровнемъ не болѣе какъ на 1 метръ. За то ширина рѣки очень значительна: мѣстами она достигаетъ 1 килом. Здѣсь отлагается приносимая рѣкою земля, образуя острова, съ постоянно мѣняющимися очертаніями. Большой островъ Камаргъ, занимая площадь въ 731 кв. кил., дѣлитъ Рону на двѣ части и тѣмъ самымъ образуетъ правильную дельту; здѣсь находится etang de Valcarès, благодаря которому низменная мѣстность удобна для разведенія овецъ и особой породы полудикихъ лошадей и очень напоминаетъ собою Голландію.

Ментонскій рыбакъ.

Берега Прованса, которые на востокѣ постепенно и совершенно незамѣтно сливаются съ Ривьера-ди-Потенте, замѣчательно красивы. Здѣсь, вблизи итальянской границы, лежатъ наиболѣе посѣщаемые туристами города: Ментона, Монако, Ницца, къ которымъ нужно присоединить еще Каннъ. Затѣмъ славятся своимъ мягкимъ климатомъ близлежащіе Гіерскіе острова (Iles d'Hyères). Далѣе, на западѣ, мы встрѣчаемъ большой военный портъ Тулонъ и самый большой торговый портъ Франціи на Средиземномъ морѣ—Марсель. Кромѣ того, Марсель замѣчателенъ и своею промышленностію; оливковое масло Прованса, доставившее всемірную извѣстность древнему городу государства—Э (Aix), въ громадномъ количествѣ перерабатывается здѣсь въ мыло.

Морской берегъ около Марселя имѣетъ нѣкоторое сходство съ ландшафтами Греціи. По дорогѣ, проложенной чрезъ прибрежныя скалы, которыя для удобства пути выровнены при помощи взрывовъ,—открываются величественнѣйшіе виды на пѣнящійся прибой и на сверкающее море, изъ блестящихъ волнъ котораго, какъ плавучія глыбы скалъ, поднимаются острова; Помегъ (Pomèque), Ратонно (Ratonneau) и Ифъ (If). Съ каждымъ пово-



Видъ въ Ментонѣ.

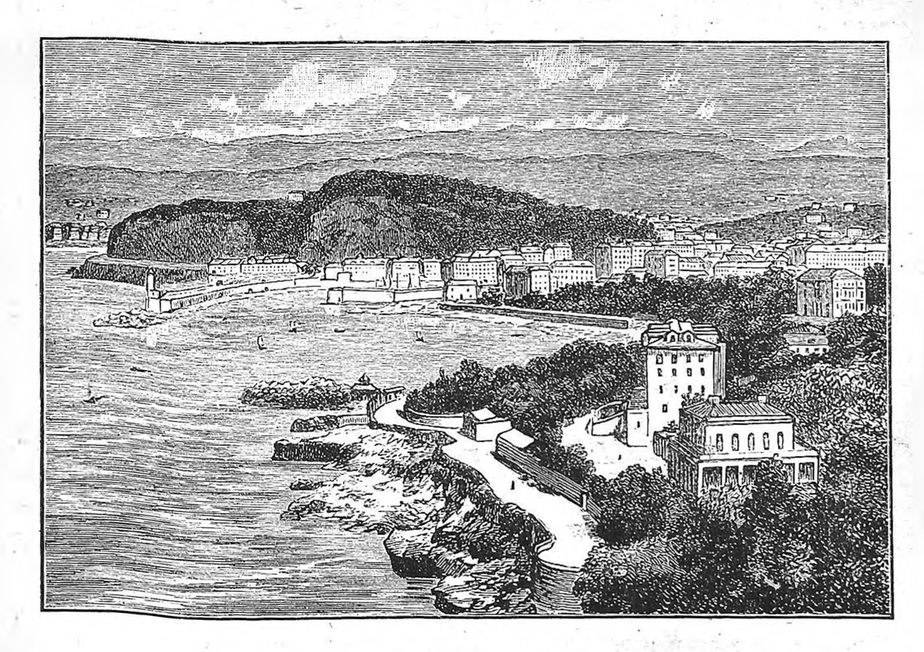
ротомъ дороги картина мѣняется; вниманіе путешественника привлекается то „бастидами“ (деревенскіе домики), то разстилающимися у его ногъ Каталанскими морскими купаньями; даже скудная растительность, дикіе алоэ и поднимающіяся то здѣсь, то тамъ стройныя пиніи приводятъ въ восторгъ сѣверянина. Наконецъ мы возвращаемся къ городу; высоко надъ нимъ поднимается священное мѣсто для богомольцевъ, Notre Dame de la Garde, увѣнчивающее собою известковый хребетъ; солнце, погружающееся за морскимъ горизонтомъ, посылаетъ ему послѣдній привѣтъ; и кому хоть разъ пришлось наблюдать съ берега эту замѣчательную картину, тотъ никогда не забудетъ красиваго вида Марселя и Средиземнаго моря.

Характеръ жителей этого приморскаго города, этого богатаго складочнаго мѣста при сношеніяхъ съ африканскою Франціею, также ясенъ и радостенъ, какъ и ихъ родина. Темные, живые глаза, черные какъ вороново крыло волосы, загаръ на щекахъ, придавая необычайную нѣжность лицамъ женщинъ, служатъ отличительнымъ признакомъ жителей Марселя. Черты лица у женщинъ часто напоминаютъ намъ греческій типъ жительницъ Арля, хотя и не въ такой степени, какъ это наблюдается среди красавицъ Арля Бокера и Соргю (Sorgues). Дитя Марселя занимая средину между страстными итальянками и пылкими испанками, соединяетъ въ себѣ ихъ преимущества съ граціей француженки, съ избыткомъ восполняя недостатки въ красотѣ своимъ блестящимъ умомъ. Правда, въ туалетѣ она обнаруживаетъ меньше вкуса сравнительно съ парижанкой, но за то маленькій чепецъ, который такъ идетъ къ ней, заставляетъ позабывать объ этомъ недостаткѣ; что же касается ея изящныхъ маленькихъ рукъ и ногъ, то въ этомъ отношеніи она превосходитъ всѣхъ своихъ землячекъ. Характеръ провансальцевъ, какъ и всѣхъ вообще южанъ, бойкій, живой, — въ разговорѣ они увлекаются, жесты и движенія ихъ полны страстности; при этомъ провансальцы очень любятъ удовольствія, богато одарены духовными способностями, независимы, бодры и трудолюбивы, тверды и энергичны. Среди деморализующей обстановки промышленнаго края, торговли и фабричнаго быта, которыя приносятъ съ собою матеріалистическія воззрѣнія на жизнь, замѣчаются чудные, далеко не единичные, примѣры христіанскаго благочестія и настоящей, не показной благотворительности.

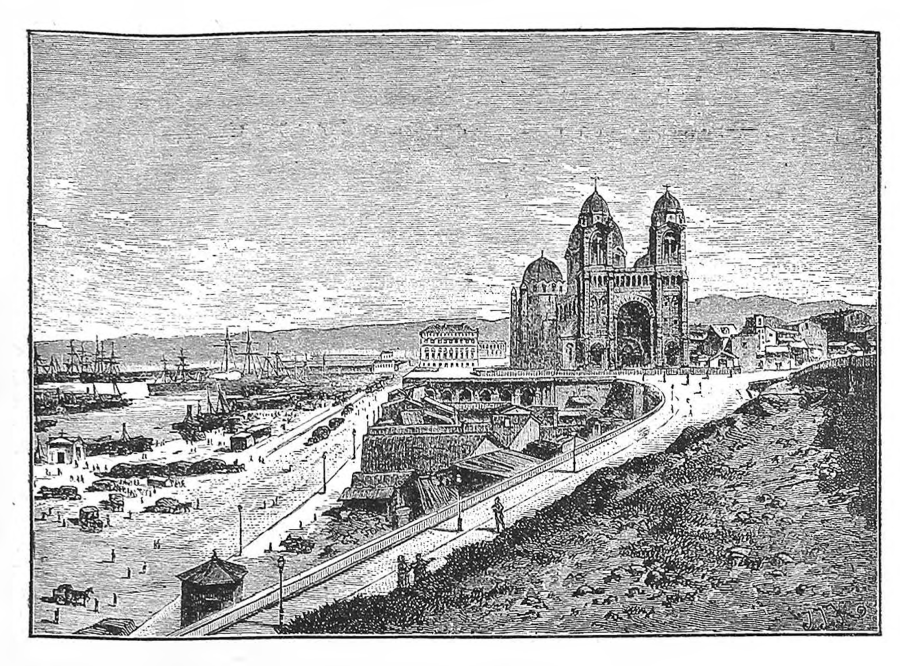
Уже на западѣ отъ Марселя появляются замѣчательныя береговыя озера «etangs», которыми характеризуется весь средиземный берегъ Франціи вплоть до Пиринеевъ; они расположены между устьями рѣкъ, впадающихъ здѣсь въ Средиземное море,—Геро (Hérault), Орба, Оды, Агли, Тета и Теша. Эти «etangs»—

ничто иное, какъ значительныя скопленія воды среди континента, образовавшіяся главнымъ образомъ благодаря береговымъ рѣкамъ; etanges отдѣляются отъ моря лишь незначительными узкими плотинами; вода этихъ озеръ соленая, вслѣдствіе чего здѣсь возникли соляные промыслы. Песчаные берега Ліонскаго залива почти всюду отлого спускаются въ море, а приливъ образовалъ вдоль всего берега песчаныя отмели, которыя здѣсь называются Cordon littoral. Существуетъ мнѣніе, что эти отмели, отдѣляя море отъ суши, должны считаться причиною образованія береговыхъ лагунъ: предполагаютъ, что ранѣе онѣ были мелкими заливами, а затѣмъ благодаря этимъ песчанымъ наносамъ, возникшимъ отъ дѣйствія параллельныхъ берегу теченій, окончательно отдѣлились отъ моря. Такихъ прибрежныхъ озеръ насчитывается очень много, но на Камаргѣ они незначительны; они занимаютъ берега Лангедока, этой плодородной мѣстности, которая тянется по правому, западному, берегу Роны на западъ до области Гаронны и подошвы Пиринеевъ.

Типичнымъ для этой мѣстности является положеніе маленькаго „мертваго“ города (Aigues mortes); окрестности его необыкновенно печальны; кругомъ его тянутся безконечныя болота, сливаясь съ горизонтомъ, гдѣ вслѣдствіе этого получаются странные свѣтовые эффекты. Почва, насыщенная морскою солью, производитъ лишь блѣдные цвѣты, тростникъ и камышъ; мѣстами, на болотахъ поднимаются водяныя лиліи. „Aigues mortes“, обладая небольшою гаванью, лежитъ на концѣ желѣзнодорожнаго пути, составляющаго вѣтвь большой линіи, которая, начинаясь отъ Арля, болѣе или менѣе придерживается береговъ Ліонскаго залива и идетъ къ Испаніи. Вдоль этой линіи расположено много замѣчательныхъ мѣстъ. За городкомъ Люнелемъ, который славится своимъ виномъ, именно—„мускатъ-люнелемъ“,—слѣдуетъ Монпелье, древнее отечество медицины и естествознанія,



Городъ Ницца.



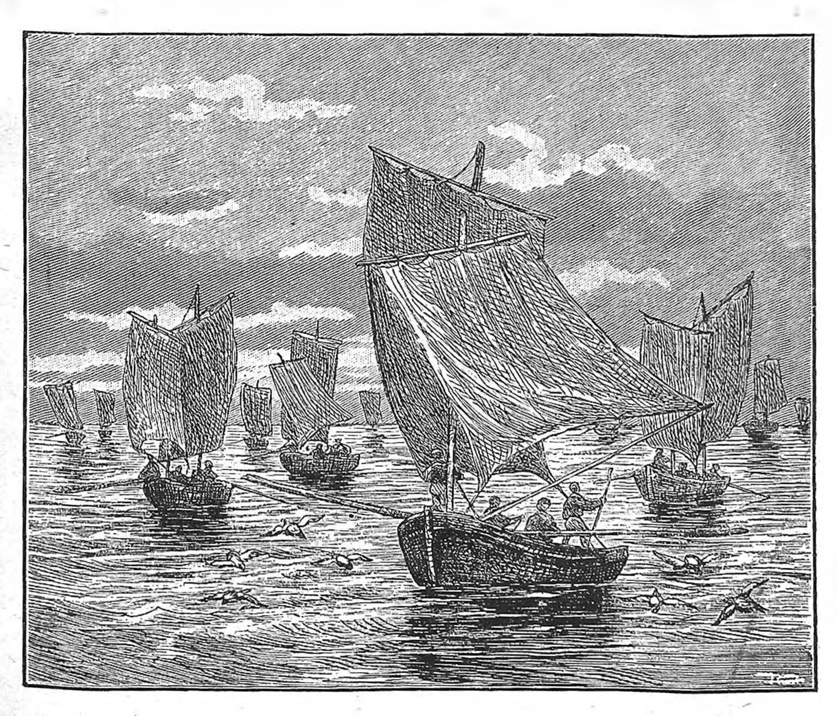
Городъ Марсель.

гдѣ получили образованіе извѣстные врачи и естествоиспытатели. Мѣстность между Вилльневомъ и Фронтиньяномъ извѣстна своими злокачественными лихорадками, порождаемыми сосѣдними болотами. По высокимъ насыпямъ теперь идетъ вдоль моря желѣзная дорога, такъ что волны подступаютъ почти къ самому полотну ея. Относительно красиваго, плодороднаго Безье существуетъ пословица: „если бы Богъ пожелалъ жить на землѣ, то онъ избралъ бы себѣ для жительства Безье“. Далѣе мы достигаемъ Нарбонны; она расположена въ нездоровой, болотистой мѣстности; главною статьею торговли для Нарбонны теперь, какъ и въ древности, является медъ, собираемый въ ея окрестностяхъ. Затѣмъ, направляясь къ югу, желѣзная дорога прежде всего пересѣкаетъ богатую лагунами область, причемъ рельсовый путь часто идетъ лишь по узкой насыпи, среди цѣлаго моря воды. Послѣ „Etang Leucate“ мы вступаемъ въ департаментъ Восточныхъ Пиринеевъ—прежній Руссильонъ. Эта обширная, гористая долина отдѣляется Малыми Пиринеями отъ Нижняго Лангедока и Большими Пиринеями отъ Каталоніи. Городъ Перпиньянъ носитъ на половину испанскій характеръ, потому что большая часть общественныхъ зданій выстроена еще во времена испанскаго владычества и возведена изъ кирпича. Въ юго-восточномъ направленіи находится городокъ Эльнъ. Затѣмъ мы поднимаемся еще выше на горы; растительность здѣсь постепенно исчезаетъ, и виднѣются лишь альпійскіе луга. Съ высоты Пиринеевъ видна голубая поверхность моря.

Лангедокъ, южную часть котораго мы только что обозрѣли, на сѣверѣ пересѣкается одною изъ самыхъ интересныхъ горныхъ цѣпей Франціи,—Севеннами. Они составляютъ восточную границу Гористой Франціи и соединяются съ ея горными цѣпями и, если угодно,—съ Пиринеями при помощи Черныхъ горъ (Montagnes noires). Но названныя горы не могутъ считаться сѣвернымъ продолженіемъ Пиринеевъ, потому что для этого нѣтъ никакихъ геологическихъ основаній. Черныя горы хотя и принадлежатъ къ силурійской формаціи, но отъ Пиринеевъ отдѣлены низменностями третичнаго и четверичнаго происхожденія.

На востокѣ Черныя горы переходятъ въ горы Эспинузъ (1020 метр.), а эти—въ горы Гарригъ, откуда и начинаются собственные Севенны. Сѣвернымъ продолженіемъ Черныхъ горъ является гора Эсперонъ, въ области истоковъ Геро, отъ которой къ югу, вдоль этой рѣки, тянутся Сераннскія горы, а западные отроги ихъ, между Тарномъ и Соргомъ, — притокомъ Дурдона, впадающаго въ Тарнъ, — образуютъ большое плато Ларзакъ. На С.-В. къ горѣ Эсперонъ присоединяются горныя массы Сюке, которыя доходятъ у истоковъ Тарна до горнаго узла или горной страны Жеводанъ, откуда главный хребетъ продолжается до горы Мезенкъ (1754 метр.) и отдѣляетъ къ востоку Тинаргъ и гору Куаронъ. Горою Мезенкъ оканчиваются собственные Севенны; отсюда горный хребетъ идетъ по узкой области, между Луарою и Роною; нѣсколько незначительныхъ боковыхъ вѣтвей спускаются въ долину послѣдней рѣки. Отъ Мезенка до Пилата (Mont Pilat, 1434 метр.) горы носятъ названіе Виварэ; далѣе до горы Тараръ (719 метр.) тянутся горы Ліоннэ, которыя отдѣляютъ отъ Пилата и горы д'Оръ небольшія боковыя вѣтви по направленію къ Ронѣ. Далѣе въ сѣверномъ направленіи идутъ горы Божолэ съ спускающимися на востокъ горами Масоннэ и, наконецъ, съ горами Шаролэ, которыя, какъ мы уже знаемъ, посредствомъ Котъ д' Ора связаны съ плато Лангръ и заключаютъ собою главную цѣпь Севенновъ.

Мѣстность въ собственныхъ Севеннахъ носитъ величественный альпійскій характеръ, такъ что порою кажется, будто находишься на возвышенностяхъ Швейцаріи. Такъ какъ Севенны на всемъ протяженіи далеко не богаты лѣсомъ, то здѣсь не встрѣчается такихъ крестьянскихъ домовъ, какъ въ Германіи или Швеціи,—ихъ замѣняютъ массивныя каменныя постройки сѣраго цвѣта, которыя своими неоштукатуренными стѣнами и почти совсѣмъ плоскими крышами напоминаютъ крѣпости. Расположенные около нихъ амбары большею частію имѣютъ малые размѣры, потому что житель Севеннъ — не хлѣбопашецъ, а шелководъ. Каждый поселянинъ на одной изъ своихъ террасъ, между тутовыми деревьями, неизмѣнно сѣетъ пшеницу, но въ количествѣ, необходимомъ лишь для собственнаго пропитанія; большая же часть террасъ засажена разными продуктами питанія, овощами, т. е. бадиджаномъ (Solanum melongena), цикоріемъ, латукомъ, горохомъ, бобами и неизбѣжнымъ poivron или виноградомъ. Въ общемъ жители Севеннъ строй-



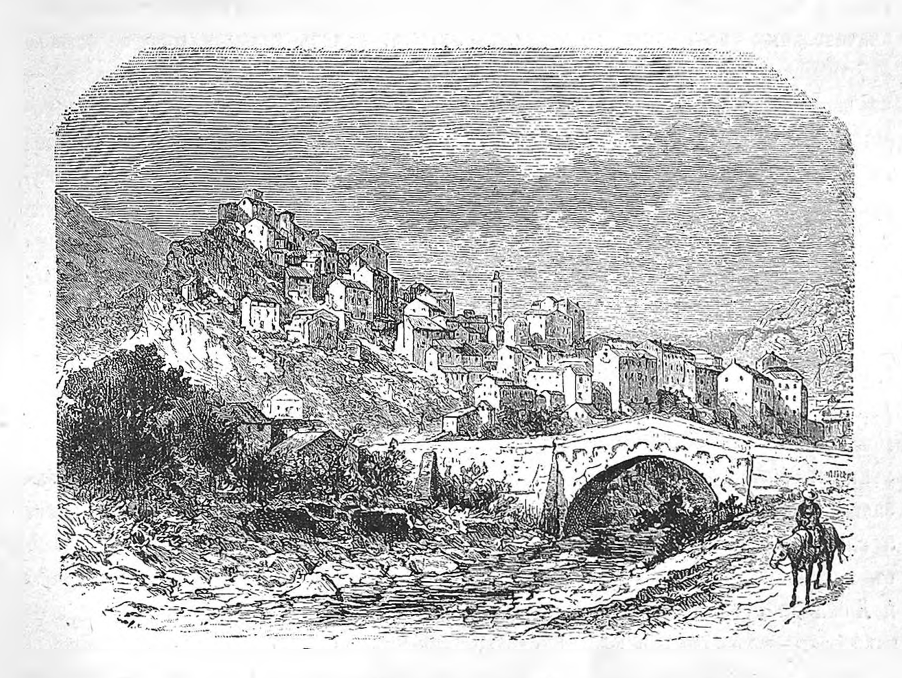
Ловля сардинокъ.

ны, высоки ростомъ, мускулисты; лица ихъ носятъ отпечатокъ интеллигентности и умственнаго развитія, черты лица пріятны, цвѣтъ кожи не такъ теменъ, какъ можно было бы ожидать въ этой жаркой мѣстности. Работа идетъ съ ранняго утра до ночи. Наиболѣе легкимъ занятіемъ является шелководство. Гораздо труднѣе работы по насажденію и орошенію террасъ, перевозкѣ продуктовъ, добыванію дровъ и культурѣ винограда; въ послѣднихъ случаяхъ приходится безпрестанно взлѣзать и карабкаться по ужасно крутымъ и каменистымъ дорогамъ подъ палящими лучами солнца. Для орошенія устроены резервуары, въ которыхъ скопляется вода источниковъ, находящихся на ближнихъ вершинахъ горъ. Подобный резервуаръ наполняется водою въ 6—8 часовъ; затѣмъ вынимаютъ затычку изъ отверстія резервуара, и вода падаетъ каскадами съ террасы на террасу и по желобамъ растекается по всѣмъ участкамъ земли; но этого недостаточно,— земледѣлецъ емкимъ деревяннымъ ковшомъ расплескиваетъ воду изъ желобовъ по всей плантаціи; эта работа требуетъ не только навыка и ловкости, но и большихъ усилій. Языкъ на Севеннахъ до настоящаго времени—lo lengo d'oc,—языкъ древнихъ трубадуровъ,—старинное, такъ называемое провансальское нарѣчіе.

Какъ мы уже говорили, Севенны составляютъ юговосточную и восточную границу Гористой Франціи, которая южнѣе 46°30′ сѣв. шир. постепенно и медленно возвышается, и въ департаментахъ Верхней Луары и Пюи-де-Домъ достигаетъ своей наибольшей высоты. Эта наиболѣе возвышенная часть Центральной Франціи представляетъ собою мощное гранитное плато, имѣющее форму треугольника и ограниченное со всѣхъ сторонъ морскими образованіями и немногими болѣе древними формаціями. Несомнѣнно, что во времена образованія морей, когда совершалось отложеніе этихъ болѣе молодыхъ образованій, это плато было большимъ гранитнымъ островомъ, и границы его могутъ быть опредѣлены довольно точно еще и въ настоящее время.

На востокѣ это плато оканчивается глубокими и крутыми обрывами долины Роны; на Ю.-З. оно также круто спускается въ бассейнъ Жиронды, а на сѣверѣ постепенно переходитъ въ равнину. Отъ этого мощнаго плато, образующаго горы Оверни, Канталя, Верхней Луары, Форэ и Лимузэна, идетъ нѣсколько отроговъ къ сѣверу въ Бургундію; идущія на югъ горы проходятъ чрезъ департаментъ Лозеръ, а Севенны тянутся до Авейрона и до Черныхъ горъ. Внутри плато раздѣляется двумя глубокими долинами,—долиною Верхней Луары, которая начинается отъ южнаго склона горы Мезенкъ, у „Gerbier des Ioncs", и сначала течетъ на западъ, а потомъ, обогатившись многочисленными притоками, измѣняетъ свое направленіе почти на сѣверное, и болѣе длинною и широкою долиною рѣки Алье. Алье начинается на южномъ концѣ горной цѣпи Маржеридъ (Margeride), неподалеку отъ Ла Бастидъ, въ департаментѣ Лозеръ; здѣсь Алье идетъ въ С.-З. направленіи, затѣмъ, быстро увеличиваясь въ объемѣ благодаря многочисленнымъ и многоводнымъ горнымъ рѣкамъ, течетъ по обширному бассейну Лимани (Limagne) и врѣзывается въ плато. Алье, впадающая въ Луару близь Невера, самая значительная рѣка Центральной Франціи, несправедливо конечно, утрачивающая свое названіе послѣ впаденія въ Луару. Центральное плато (масса его состоитъ главнымъ образомъ изъ древнихъ кристаллическихъ породъ: гранита, гнейса, слюдянаго сланца) двумя указанными рѣчными долинами раздѣляется на три гористыя области. Между Роною и Луарою, на сѣверѣ, находится бассейнъ каменнаго угля, С.-Этьенъ; далѣе къ югу, въ окрестностяхъ Прива (Privas) горы образуютъ фундаментъ, на которомъ покоится вулканическая группа, и трахитовыя массы, которыя въ горѣ Мезенкъ, южнѣе Ле Пюи, достигаютъ высоты 1774 метр. Между Луарою и Алье, которыя въ верхнемъ своемъ теченіи удалены одна отъ другой не болѣе, какъ на 20 километровъ, а къ сѣверу расходятся, чтобы наконецъ вновь соединиться на плато, расположенъ красивый рядъ потухшихъ вулкановъ, отъ Праделя (Pradelles) до Польяка (Paulhaguet), и далѣе на сѣверъ въ горной-цѣпи Форэ, между Роаномъ и Тьеромъ въ плато вдвигается могучая порфировая масса Пюи де Монтосель (1292 метр.) Наконецъ, къ западу отъ Алье тянется, по направленію отъ Ю.-З. на С.-В., длинный гранитный хребетъ Маржеридъ; на югѣ онъ граничитъ съ рѣкою Ло (Lot), которая течетъ съ В. на З.; на западъ отъ Маржерида

лежатъ вулканическія массы Ла Гіоль, на сѣверъ отъ нихъ — громадный Пломбъ дю Канталь (1858 метровъ), состоящій изъ базальтовыхъ и трахитовыхъ пластовъ, и еще сѣвернѣе отдѣленный лишь узкою полосою ничѣмъ не покрытаго гранита.—Монъ Доръ (Mont Dore а не Mont d'Or какъ иногда пишутъ по аналогіи съ Côte d'Or), въ 1886 метр. высотою, и—цѣпь Пюи,—съ Пюи-де-Домъ (1465 метр.) около Клермонъ Ферранъ; всѣ эти горы покоятся на гранитномъ плато. Вулканическія области около Ле Пюи, Канталь, Монъ-Доръ и цѣпь Пюи представляютъ собою наилучшую и богатѣйшую мѣстность для сравнительнаго изученія древнихъ и новыхъ вулканическихъ образованій, формацій и породъ. Если отъ высоты Монъ Дора отнять абсолютную высоту гранитнаго плато, которая достигаетъ здѣсь почти 1.000 метровъ, то на долю вулканическихъ массъ всетаки остается 886 метровъ. Это могучее образованіе расположено въ видѣ навѣса надъ общимъ центромъ и состоитъ изъ пластовъ, потокообразныхъ отложеній трахита и базальта, громадныхъ залежей вулканическихъ обломковъ, шлака, песку, пепла и пемзы. Всѣ эти вещества вновь склеились частію въ конгломераты или въ твердыя брекчіи, чрезъ которыя выступаютъ на верхъ многочисленныя, частью очень мощныя прослойки трахита, базальта, фонолита. Наконецъ, на самомъ низкомъ краю этого сооруженія поднимаются различные, болѣе молодые эмбріональные шлаковые конусы, продукты которыхъ, сравнительно съ чудовищными массами первоначальнаго центральнаго вулкана, кажутся крайне незначительными и мелкими.



Кортэ на островѣ Корсикѣ.

Путешествуя по разнымъ мѣстностямъ Франціи, легко можно упустить изъ вниманія наиболѣе интересную изъ нихъ, потому что въ географическомъ отношеніи она стоитъ совершенно изолированно. Мы разумѣемъ островъ Корсику, лежащій на Средиземномъ морѣ; онъ занимаетъ площадь въ 8,860 кв. килом. и имѣетъ почти 270,000 жителей. По острову тянутся гранитныя и шиферныя

горы, имѣющія общее направленіе отъ С. къ Ю.; онѣ развѣтвляются на множество боковыхъ хребтовъ, то голыхъ, то поросшихъ густымъ лѣсомъ, но почти всегда покрытыхъ снѣгомъ въ наиболѣе высокихъ областяхъ; эти горы прорѣзаны глубокими, малодоступными долинами, расположенными одна надъ другой, и отдѣляютъ отъ себя множество отроговъ. Самая высокая гора — Монте Чинто (2,710 метровъ); недалеко отъ нея — Монте Ротондо (2,624 м.), которая находится почти въ центрѣ Корсики; отсюда открывается замѣчательный по величію и красотѣ видъ, равный которому трудно указать во всей Европѣ. Затѣмъ заслуживаютъ вниманія слѣдующія вершины: Монте Палья Орба (2,525 м.), Кардо (2,454 м.), Падро (2,392 м.) и Монте д'Оро (2,390 м.). Рѣки, въ общемъ незначительныя по длинѣ, пересыхаютъ лѣтомъ. Аяччіо, главный городъ острова (17,000 жит.) и Кальви—оба на западномъ берегу, затѣмъ Бастіа (17,000 жит.)—на восточномъ берегу,—самые крупные портовые города; изъ внутреннихъ городовъ острова замѣчателенъ романтическій Корте. Земледѣліе на островѣ находится въ жалкомъ состояніи, хотя оно и удовлетворяетъ мѣстный спросъ (культивируются пшеница, рожь, ячмень). Внутри острова разводятся каштановыя деревья и виноградъ; изъ промысловъ развито кожевенное производство. Островъ богатъ желѣзною рудою, лѣсомъ и мраморомъ. Климатъ, жаркій въ низменностяхъ, смягчается горами и морскими вѣтрами; въ общемъ климатъ здоровый.

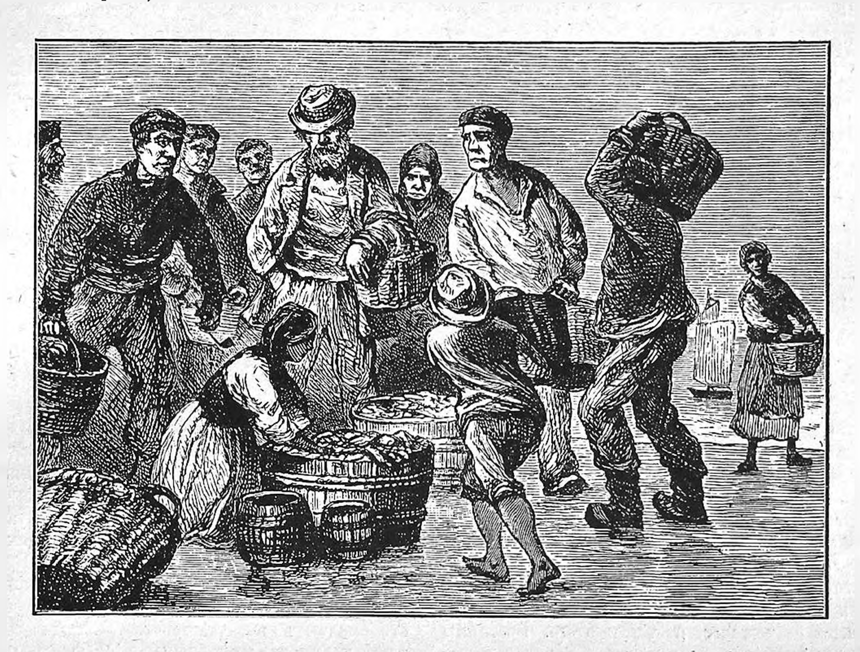
Такъ какъ море окружаетъ Францію съ трехъ сторонъ, то она во всякомъ случаѣ можетъ считаться полуостровнымъ материкомъ, и пользуется, хотя отчасти, всѣми преимуществами полуострова. Прежде всего—въ климатическомъ отношеніи. Вся западная и сѣверо-западная половина Франціи пользуется влажнымъ, умѣреннымъ океаническимъ климатомъ, которымъ вся вообще Западная Европа обязана Гольфштрему; лишь на С.-В. въ горахъ климатъ холодный, почти сѣверный, а альпійскія области, на востокѣ, имѣютъ континентальный климатъ, одинаковый съ климатомъ прочихъ европейскихъ государствъ. Мѣстность къ югу отъ Луары и Ліона до Средиземнаго моря и Пиринеевъ нѣсколько напоминаетъ югъ, и все-таки это — не вполнѣ южная страна, какова, напр., большая часть Италіи и Испаніи. Франція составляетъ собственно средину между С. и Ю. Европы; она образуетъ собою какъ бы переходъ отъ одного къ другому. Несомнѣнно, что геологическія измѣненія и преобразованія земной поверхности, благодаря человѣческой культурѣ, существенно измѣнили климатъ Франціи. Но передвиженіе къ сѣверу южныхъ плодовыхъ деревьевъ уже въ историческія времена объясняется не перемѣною климата, а улучшеніемъ путей сообщенія и связаннымъ съ нимъ распредѣленіемъ труда между различными мѣстностями. Въ отношеніи атмосферныхъ осадковъ Франція дѣлится на сѣверо-восточную область съ господствующими въ ней лѣтними дождями,—западную—съ осенними, и южную — съ осенними и весенними дождями. Совершенно справедливо замѣчено, что карта дождей Франціи до извѣстной степени является и орографическою картою страны; здѣсь очень ярко отражается вліяніе Севеннъ, Альпъ, Пиринеевъ и французскаго центральнаго

плато; то же самое можно сказать и о меньшихъ горныхъ массахъ. Вообще Францію можно раздѣлить на семь климатическихъ зонъ: зона гранитнаго плато, съ ея вполнѣ самостоятельнымъ характеромъ; зона Бретани, которая отличается незначительными уклоненіями; бассейнъ Сены, съ его сравнительно незначительными осадками; область Мааса и Вогезовъ, съ ея чередующимися крайностями температуры; влажная и умѣренная зона Жиронды и Роны, и наконецъ, средиземная зона, съ ея рѣзкими переходами, въ смыслѣ осадковъ и воздушныхъ теченій. Эта, въ общемъ, плодородная и красивая страна съ двумя морями, Атлантическимъ и Средиземнымъ, съ безпокойнымъ и бурнымъ Ла-Маншемъ и чудными гаванями по берегамъ, конечно не можетъ равняться по богатству и разнообразію съ Испаніею и Италіею, но она вполнѣ справедливо носитъ имя «la belle France», которымъ любятъ называть свою родину французы, справедливо гордясь ею. Она богата превосходнымъ виномъ, хлѣбомъ, плодами, домашними животными, а на югѣ ея уже встрѣчается оливковое дерево и нѣкоторые южные фрукты, растетъ здѣсь также и тутовое дерево и разводится шелковичный червь. Такъ какъ здѣсь соединяется растительный міръ средней Европы и Средиземнаго моря, то флора Франціи очень разнообразна: всю страну можно раздѣлить на поясъ зерноваго хлѣба (Сѣверная Франція), маиса (Средняя Франція) и — каштановъ, фиговыхъ деревьевъ, оливковаго дерева (Южная Франція); горная флора Альпъ и Пиринеевъ встрѣчается здѣсь, какъ и въ прочихъ альпійскихъ странахъ. Фауна точно также въ общемъ соотвѣтствуетъ фаунѣ средней и южной Европы; разница заключается лишь въ томъ, что въ сѣверной Франціи больше рогатаго скота и овецъ, чѣмъ въ южной Франціи, что коннозаводство, въ общемъ, не удовлетворяетъ существующаго спроса на лошадей, что волки и кабаны еще не истреблены, и что на югѣ Франціи пчелы (нарбоннскій медъ), и въ особенности шелковичные черви служатъ предметомъ самаго тщательнаго ухода. Море въ изобиліи доставляетъ рыбу (тунцы, сельди, сардинки) и морскую соль. Почва также содержитъ въ себѣ богатые запасы желѣза, свинца, бураго и каменнаго угля, горной смолы, шифера и т. п.; кромѣ того, на всѣхъ высокихъ горахъ встрѣчаются очень цѣнные цѣлебные минеральные источники. По естественнымъ богатствамъ почвы, по высокому благосостоянію всѣхъ слоевъ общества, равно какъ и по умственной эластичности жителей, Франція неоспоримо занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ среди европейскихъ государствъ. Могущество Франціи обусловливается не столько обширностью территоріи, занимающей 536,408 кв. килом., и значительностью населенія (въ 1896 году— 38.517,975 чел.), 98% котораго исповѣдываютъ католическую религію, сколько умственною дѣятельностью и удивительнымъ творческимъ талантомъ, которыми заявило себя это государство въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ, и благодаря которымъ оно занимало въ исторіи блестящее мѣсто, служа примѣромъ для своихъ сосѣдей. Поэтому національный характеръ нигдѣ не требуетъ такого внимательнаго изученія, какъ во Франціи, если только мы желаемъ избѣжать ложныхъ и неосновательныхъ сужденій.

Карусъ повидимому смотрѣлъ на французовъ чрезъ очень темные очки предубѣжденія, и потому сужденія его справедливы лишь отчасти, представляя смѣсь одной пятой части правды съ четырьмя пятыми заблужденія. „Основная черта характера этой націи, говоритъ онъ,—это ребячество, которое вырождается у нихъ въ совершенное дѣтство. Чувства французовъ отличаются такою же живостью и воспріимчивостью, какую мы видимъ у дѣтей и сангвиниковъ. Французъ легко воспламеняется, но впечатлѣнія его не отличаются глубиною; онъ легко воодушевляется, отличается веселостью и благодаря этому легко переноситъ даже несчастіе. Отсюда—его страсть къ пѣнію, которая искони господствовала между Пиринеями и Рейномъ; отсюда же его любовь къ танцамъ и ранняя ловкость въ нихъ. Міръ кажется ему качелью: онъ попеременно то забавляется, то шутитъ. Чувства его неустойчивы, какъ у ребенка: онъ легко возбуждается и кипятится. Въ немъ живетъ чувство прекраснаго, которое выражается въ пристрасти ко всему красивому и изящному, но всего болѣе—къ нарядамъ. Вкусъ у француза — результатъ совершенства его чувствъ; къ этому нужно прибавить любовь къ приличію, благодаря которому онъ быстро примѣняется и приспособливается. Чувство граціи присуще какъ самому бѣдному, такъ и воспитанному въ роскоши ребенку. Неотъемлемыя качества француза — хорошій тонъ и находчивость; онъ вѣжливъ не изъ личныхъ только побужденій, но и изъ потребности вкуса, благодаря чему онъ является образцомъ вкуса также и въ разговорахъ. Даже въ желаніяхъ французы обнаруживаютъ легко воспламеняющую натуру ребенка; отсюда—непостоянство въ стремленіяхъ, которыми они по большей части живутъ лишь одно мгновеніе. Въ связи съ ихъ ребячествомъ находится любовь къ домашнимъ и комнатнымъ животнымъ. Въ французахъ мы встрѣчаемъ легкомысліе, забывчивость, непостоянство, съ которымъ они перескакиваютъ изъ одной крайности въ другую и считаютъ пустяками серьезныя вещи. Мужество проявляется у нихъ въ формѣ смѣлости, какъ оно проявляется у неопытныхъ дѣтей, способность къ нападенію—въ формѣ отваги, доходящей до дерзости. Въ нихъ сильно развита любовь къ перемѣнамъ и новинкамъ, а поэтому—и къ модамъ, новостямъ и анекдотамъ. Въ области открытій и предпріятій, они большею частью ограничиваются лишь начинаніями, предоставляя окончательное выполненіе и завершеніе дѣла другимъ. Французъ болѣе поддается матеріальному, чѣмъ духовному вліянію, и потому страсти легко воспламеняютъ, а произведенія фантазіи электризируютъ его. Гнѣвъ и месть обнаруживаются въ немъ лишь въ видѣ мгновенныхъ вспышекъ, гордость—въ мимолетномъ point d'honneur который можно назвать романтичнымъ. Легковѣріе и наивность дѣлаютъ француза похожимъ на ребенка; послѣдняя сказывается въ его убѣжденіи, что культура Франціи выше всѣхъ существующихъ. Результатомъ этой наивности и поверхности является остроуміе, благодаря которому легко зарождаются изобрѣтенія. Легкость француза обнаруживается во всѣхъ душевныхъ проявленіяхъ, мстительность же его находитъ себѣ выраженіе въ сатирѣ или bon mot. Умъ его всегда обнаруживается во внѣшности; въ отношеніи знанія и учености француза также можно сравнить съ ребенкомъ, тѣмъ болѣе, что и самъ онъ нерѣдко выражаетъ желаніе быть ребенкомъ. Французы не располагаютъ собственнымъ умственнымъ образованіемъ; они довольствуются belles lettres и savoire faire; когда же они желаютъ быть основательными, то это имъ не удается,—они впадаютъ въ отрицаніе или въ педантизмъ. Впрочемъ они обладаютъ живою фантазіею, которая соединяется у нихъ, какъ и у дѣтей, съ веселостью и пристрастіемъ къ внѣшности".

Вообще французъ,—мы разумѣемъ подъ этимъ именемъ жителей Франціи, принадлежащихъ къ латинской расѣ,—на самомъ дѣлѣ обладаетъ сангвиническимъ или по крайней мѣрѣ, близкимъ ему темпераментомъ. Но писатели, говоря о темпераментѣ, впадаютъ въ грубую ошибку, когда взваливаютъ на сангвиника, изображаемаго или вполнѣ каррикатурно, массу дурныхъ качествъ: они поступаютъ неприлично, неловко и ненаучно, предполагая, что вся масса французовъ именно такова, какою имъ рисуетъ, (правильнѣе сказать—малюетъ) ихъ грубая фантазія. Обладать сангвиническимъ темпераментомъ еще не значитъ— быть поверхностнымъ, легкомысленнымъ, безнравственнымъ, похожимъ на ребенка и вѣтреннымъ. Кто возьметъ на себя трудъ прослѣдить нить высшихъ духовныхъ интересовъ французской націи, начиная съ низшихъ трудящихся классовъ и кончая высшимъ слоемъ общества, и внимательно разсмотритъ серьезную литературу Франціи, тотъ при разговорахъ о поверхности, легкомысліи и т. п. качествахъ, приписываемыхъ французамъ, лишь снисходительно улыбнется. Несмотря на то, что французъ ставится въ параллель съ ребенкомъ, старики позаимствовали у этого ребенка такъ много, что его можно назвать, по меньшей мѣрѣ, очень практическимъ ребенкомъ. Сверхъ того, эта параллель неудачна еще тѣмъ, что со времени среднихъ вѣковъ, и именно—съ эпохи возрожденія, французы въ умственномъ раз-

витіи опередили прочія европейскія націи, сдѣлавшись даже учителями своихъ сосѣдей; но и въ этнографическомъ отношеніи они принадлежатъ къ древнѣйшимъ племенамъ Европы, такъ что въ дѣйствительности имъ досталась на долю роль стариковъ, столь хорошо объясняющая нѣкоторыя черты ихъ народной жизни; роль же дѣтей, наоборотъ, выпадаетъ на долю ихъ ближайшихъ сосѣдей.



Пикардійскіе рыбаки въ Монтре.

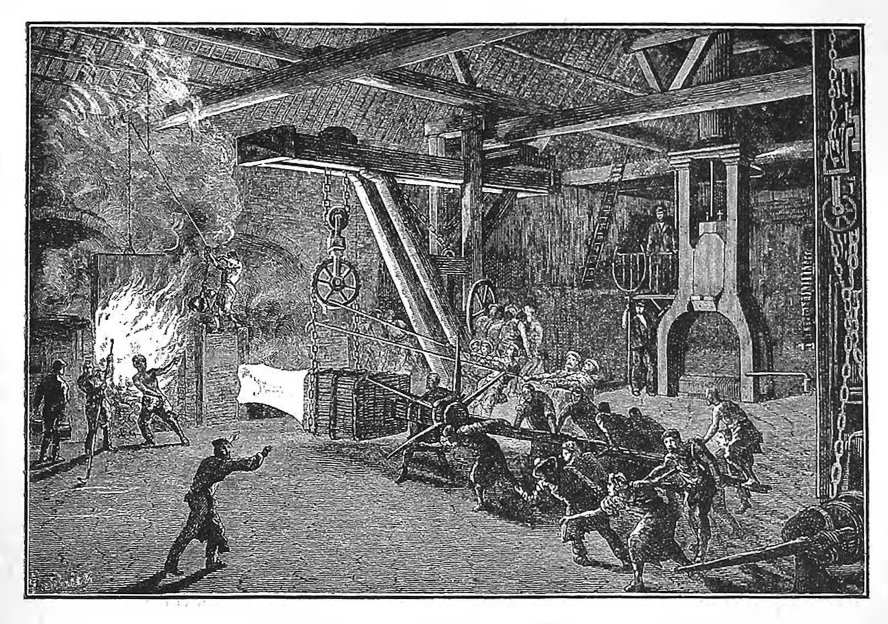
Чтобы опредѣлить народный характеръ, который во Франціи, какъ и вездѣ, является важнымъ факторомъ для пониманія исторіи страны, — необходимо познакомиться съ составными частями французской націи. Напомнимъ прежде всего, что страна была заселена галльскими, т. е. кельтскими племенами еще въ то время, когда легіоны Цезаря начали свои первые опыты распространенія римскаго вліянія. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Франціи, особенно въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ, это первоначальное населеніе еще замѣтно сохранилось; въ прочихъ же провинціяхъ оно въ большей или меньшей степени уступило римскому вліянію; не обошлось и безъ германской примѣси, которая наиболѣе замѣтна въ восточныхъ округахъ; и Прудонъ прямо говоритъ: «современная Франція состоитъ по меньшей мѣрѣ изъ 20 различныхъ націй, характеръ которыхъ еще очень ясно выражается въ народной средѣ, именно среди крестьянъ. Фламандцы, нѣмцы, аллоброги, лигурійцы, корсиканцы, баски, норманны или скандинавы въ общей сложности составляютъ 9—10 милліоновъ жителей, т. е. почти $^1/_4$ всего населенія. Прочія, болѣе центральныя провинціи не менѣе различаются между собою, и прежде всего по языку, который раздѣляется на Langue d'oc и Langue d'oïl. Представители нарѣчія Langue d'oc въ свою очередь дѣлятся на лангдок-

цевъ и провансальцевъ, затѣмъ идутъ: лотарингцы, бургундцы, пикардійцы, верхне-бургундцы, дофинезцы, овернцы, лимузенцы и т. д.». Но глубокомысленный философъ заходитъ слишкомъ далеко, потому что различіе въ названіяхъ отдѣльныхъ провинцій не составляетъ еще доказательства племеннаго различія населяющихъ ихъ жителей; по крайней мѣрѣ это различіе не настолько глубоко, чтобы имѣть существенное вліяніе на общее развитіе народа. Многія изъ перечисленныхъ племенъ относятся одно къ другому такъ же, какъ напр., кобургцы къ мейнингенцамъ, или жителямъ Готы, или какъ нижне-австрійцы къ верхне-австрійцамъ или зальцбургцамъ. Во всякомъ случаѣ, по мнѣнію М. Блока, существуетъ большее различіе (чѣмъ бы оно ни обусловливалось,—климатомъ-ли, или происхожденіемъ, или же иными обстоятельствами),—между фламандцемъ изъ окрестностей Дюнкирхена и провансальцемъ съ береговъ Средиземнаго моря или беарнцемъ, живущимъ у подошвы Пиринеевъ,—чѣмъ между жителемъ Помераніи и баварцемъ, или австрійцемъ.

Особенности, которыми характеризуются жители каждой провинціи, такъ постоянны, что вошли даже въ поговорку. Фламандцы, напр., медлительны и флегматичны, или по крайней мѣрѣ слывутъ такими, хотя они прилежны и богаты. Пикардіецъ честенъ и прямодушенъ—franc Picard,—но нѣсколько грубъ. Нормандцы прилежны, но отличаются наклонностью къ сутяжничеству; нормандецъ не скажетъ положительно ни „да“, ни „нѣтъ“, если только представится возможность избѣжать этого. Бретанцы честны, вѣрны, но упрямы. Напротивъ, лотарингцевъ упрекаютъ въ лукавствѣ, вѣроятно, на основаніи только созвучія словъ (Lorrain—Larron); они ловки и способны къ наукамъ. Овернцы бережливы, быть можетъ даже черезчуръ, и крѣпко держатся другъ за друга: „тамъ не было *ни одного человѣка*,—одни только овернцы“,—говоритъ извѣстная шутка. Жителямъ Пуату приписываютъ изнѣженность, а беррійцамъ, конечно несправедливо,—трусливость. Провансальцы живы, обидчивы, но не злопамятны. Гасконцы глубокомысленны, но часто впадаютъ въ хвастовство; отсюда возникъ терминъ „une gosconade“, которымъ выражается этой свойство.

Этнологія Франціи еще окружена мракомъ; тѣмъ не менѣе, на основаніи новѣйшихъ изслѣдованій, можно считать доказаннымъ, что населеніе ея состоитъ изъ двухъ расъ. Одна занимаетъ мѣстность на сѣверъ отъ Сены, а другая—на югъ отъ Луары; промежутокъ между ними заселенъ смѣшаннымъ населеніемъ. Южная раса низкоросла, имѣетъ круглую голову, темные глаза и волосы; она занимаетъ $^1/_5$ всей территоріи Франціи и насчитываетъ почти 19 милліоновъ жителей. Сѣверная раса—высокаго роста со свѣтлыми волосами и глазами и продолговатою головою; ихъ насчитывается лишь 9 милліоновъ; площадь, занимаемая ими, составляетъ $^1/_4$ всей Франціи.

Среди европейскихъ народовъ французы всѣхъ медленнѣе увеличиваются въ численности; въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ обнаруживается даже пониженіе цифры населенія, что нѣкоторыми считается, но конечно ошибочно, признакомъ начинающагося вырожденія націи. Рядомъ съ пониженіемъ численности населенія во Франціи наблюдается постоянное увеличеніе средней продолжительности жизни отдѣльныхъ лицъ. Этимъ объясняется тотъ повидимому странный фактъ, что во Франціи каждая народная перепись показываетъ почти остановку въ приростѣ



На чугунно-литейномъ заводѣ Крезо.

населенія и въ то же время увеличеніе матеріальныхъ, моральныхъ и духовныхъ пріобрѣтеній. Это увеличеніе отчасти зависитъ также и отъ прекращенія прежней необузданной роскоши и отъ привычки къ бережливости, благодаря которой Франція стала одною изъ самыхъ богатыхъ странъ на землѣ.

Въ отношеніи промышленности Франція съ давнихъ поръ стоитъ на высокой ступени развитія. Средоточіемъ промышленности являются сѣверныя области, особенно французская Фландрія, а также окрестности Ліона. Главныя преимущества французскихъ товаровъ—это ихъ дешевизна, изящество формы и окраски, большая прочность и вкусъ.

Къ числу наиболѣе важныхъ отраслей французской промышленности относятся: хлопчатобумажное производство, — уступающее только англійскому,—наибольшаго развитія оно достигаетъ въ Нормандіи (Руанъ), Пикардіи и Вогезахъ; льняное производство—во Фландріи, Нормандіи, Пикардіи и Бретани; обработка шерсти производится тоже въ широкихъ размѣрахъ и преимущественно на сѣверѣ; шелковое производство, считающееся лучшимъ въ мірѣ, сосредоточено въ Ліонѣ, Парижѣ, Нимѣ, Валансѣ и С.-Этьенѣ; кружевами славятся Валансенъ, Байё (Bayeux) и Каэнъ; очень значительно также кожевенное производство, особенно выдѣлка лакированнаго товара и перчатокъ; извѣстны затѣмъ парижскіе сѣдельные и шорные товары; далѣе, въ широкихъ размѣрахъ ведется писчебумажное производство; сюда же относится и выдѣлка пользующихся всемірною извѣстностью игральныхъ картъ. Фабрики Парижа, Севра, Лиможа и Руана изготовляютъ превосходные товары изъ терракотты, фаянса и фарфора; стекольное производство также находится на высокой ступени развитія, въ особенности по выдѣлкѣ цвѣтныхъ стеколъ, зеркалъ и искусственныхъ драгоцѣнныхъ камней. Затѣмъ Франція производитъ мебель, мыло, парфюмерные товары, часы, золотые, серебряные и бронзовые товары, такъ называемые articles de Paris (всевозможные предметы роскоши), безчисленные желѣзные, стальные, мѣдные, латунные, оловянные, деревянные, хими-

*

ческіе и другіе товары. Значительно также сахарное производство, и за послѣднее время,—пивовареніе и рядомъ съ нимъ—производство отличныхъ ликеровъ и водокъ. Въ производствѣ эссенцій Франція превосходитъ всѣ другія государства, а въ изготовленіи искусственныхъ глазъ Парижъ находится внѣ конкурренціи.

Торговля Франціи, какъ и промышленность, имѣетъ очень важное значеніе; въ этомъ отношеніи Франція уступаетъ только Великобританіи и Германіи. Внутри страны торговлѣ очень благопріятствуютъ рѣки, каналы и желѣзныя дороги; что же касается внѣшней торговли, то на ея долю приходится около 16% общей европейской торговли.

Число путей сообщенія во Франціи очень велико; страна покрыта такою сѣтью каналовъ, какой не имѣетъ ни одно изъ европейскихъ государствъ; общее протяженіе каналовъ достигаетъ 4,804 килом., нѣкоторые изъ нихъ представляютъ собою замѣчательныя сооруженія. Въ настоящее время дѣятельно занимаются обсужденіемъ вопроса о расширеніи нѣкоторыхъ изъ рѣчныхъ системъ для облегченія перевозки болѣе тяжелыхъ грузовъ. На первомъ планѣ стоитъ вопросъ объ устройствѣ удобнаго воднаго пути между Ла-Маншемъ и Средиземнымъ моремъ. Очень быстро увеличивается и сѣть желѣзныхъ дорогъ, центромъ которыхъ является Парижъ. Общее протяженіе телеграфной линіи теперь опредѣляется въ 91,400 кил

Отъ экономическаго состоянія Франціи перейдемъ къ ея соціальному положенію. «Хладнокровному изслѣдователю французской исторіи и наблюдателю явленій соціальной жизни французовъ,—говоритъ Карлъ Гиллебрандъ,—прежде всего бросается въ глаза масса противорѣчій, которыя тамъ встрѣчаются. Соотвѣтственно настроенію націи, то восторженно-ликующей, то—убійственно мрачной,—судьба ея то ослѣпительно блестяща, то жалка и возбуждаетъ сожалѣніе. Страстное участіе въ дѣлахъ государства и безутѣшное равнодушіе, одушевленіе и скептицизмъ, рутина и страсть къ новшеству, безграничное самопожертвованіе и узкое себялюбіе, стремленіе къ свободѣ и довольство абсолютизмомъ быстро слѣдуютъ въ общественной жизни одно за другимъ и смѣняются почти непосредственно. Суевѣріе и невѣріе, безнравственность и любовь къ семейной жизни, риторика и самый трезвый вкусъ тѣсно граничатъ другъ съ другомъ, встрѣчаясь и уживаясь въ религіозной, нравственной и умственной жизни. Еще болѣе поразительно противорѣчіе между частнымъ и общественнымъ характеромъ француза. Легкомысленный, расточительный, слѣдующій только минутнымъ влеченіямъ, когда дѣло идетъ о государствѣ, — французъ предусмотрителенъ, бережливъ и всегда разсудителенъ въ своихъ личныхъ дѣлахъ. Существуетъ одинъ только путь для объясненія этого противорѣчія, — обѣ эти крайности привести къ одному источнику и разъяснить, какъ происходитъ, что нашъ сосѣдъ, которому природа повидимому отказала въ дарованіяхъ «политическаго существа», порождаетъ въ соціальномъ отношеніи высшее, и въ нравственномъ, умственномъ и художественномъ отношеніяхъ если не превосходитъ другія націи Европы, то стоитъ на одинаковой ступени съ ними. Если мы не ошибаемся, то разгадка этой тайны заключается въ непосредственной

противоположности его характера съ направленіемъ ума. Раціонализмъ—разсудительность—вотъ основная черта французскаго ума. Она достигла своего полнаго развитія и наиболѣе яснаго обнаруженія въ XVIII в., пріобрѣла абсолютное господство во время революціи и имперіи, и только въ наше время отчетливо обнаруживаетъ свое то благотворное, то губительное вліяніе на общественную и частную жизнь».

Семейная жизнь французовъ основана на разсудительномъ бракѣ; но въ другихъ государствахъ имѣютъ часто слишкомъ грубыя понятія объ этомъ союзѣ. Большая часть французскихъ браковъ счастливы — часто счасливѣе, чѣмъ наши браки по любви; случаи невѣрности и развода въ среднемъ сословіи очень рѣдки. Число дѣтей по большей части не превышаетъ трехъ, такъ какъ раціоналистическая мораль требуетъ, чтобы число дѣтей соотвѣтствовало средствамъ родителей, необходимымъ для того, чтобы дать дѣтямъ хорошее воспитаніе. Напротивъ, методъ воспитанія, практикующійся въ большинствѣ коллегій, въ общемъ неудовлетворителенъ. Какъ семейная жизнь, такъ и нравы французовъ вполнѣ проникнуты раціоналистическимъ міросозерцаніемъ и вполнѣ согласованы съ нимъ. Нигдѣ честность (probité) не составляетъ болѣе обыденнаго явленія, какъ во Франціи; она встрѣчается всюду: въ городѣ и въ деревнѣ, во всѣхъ слояхъ общества, начиная съ милліонера и кончая пролетаріемъ. Любовь къ порядку—отличичительная черта француза; и домъ, и одежда француза всегда содержатся въ опрятности. О бережливости его мы уже говорили; остается прибавить, что если онъ не расточителенъ, то за то и не щедръ. Многіе полагаютъ, что французъ не способенъ для какой бы то ни было усиленной, регулярной работы. Это— большое заблужденіе. Нигдѣ такъ не работаютъ, какъ во Франціи, особенно же въ извѣстномъ возрастѣ. Вопросъ—о распущенности нравовъ, будто бы господствующей среди французовъ, — вопросъ щекотливый; Гиллебрандъ напоминаетъ по этому поводу, что понятія о нравахъ и нравственности страшно мѣняются въ различныхъ государствахъ и въ различное время,—истина, легко и охотно забываемая, но тѣмъ не менѣе краснорѣчиво подверждаемая народовѣдѣніемъ и исторіею культуры. Французъ въ высшей степени чувственен, но при этомъ онъ также и остроуменъ въ своей любви. По большей части въ этомъ отношеніи онъ не переступаетъ извѣстныхъ границъ, за предѣлами которыхъ можетъ быть нарушенъ общественный порядокъ. Въ вопросахъ религіи также сказывается основная черта французскаго характера. Жители этой страны, ставшей съ незапамятныхъ временъ главнымъ убѣжищемъ католичества, въ нѣмецкомъ смыслѣ—не религіозны. Религія французовъ, какъ и ихъ нравственность, — дѣло разсудка, внѣшнее приличіе служитъ критеріемъ для первой,— какъ правильный образъ жизни—для второй. Природа и образованіе сдѣлали изъ французовъ самыхъ общественныхъ существъ, во всемъ мірѣ. Природа одарила его веселостью и остроуміемъ, уживчивостью и деликатностью, желаніемъ нравиться и тою дозою эгоизма, безъ которой общественная жизнь по необходимости стала бы грубою, обременительною и скучною. Французъ съ необычайнымъ остроуміемъ такъ устроилъ свою общественную жизнь, что всѣ эти особенности имѣютъ каждая свое мѣсто и не мѣшаютъ одна другой. Среди всего, что благопріятствуетъ общественной жизни французовъ, наиболѣе выдѣляется прекрасное качество—готовность къ взаимопомощи; но всѣ добродѣтели французовъ имѣютъ своею конечною цѣлью пользу, а не добро.

При разсмотрѣніи духовной культуры французскаго общества прежде всего обратимъ вниманіе на народное образованіе.

*) До 70-хъ годовъ настоящаго столѣтія народное образованіе во Франціи находилось въ сравнительно жалкомъ состояніи, будучи почти всецѣло сосредоточено въ рукахъ духовенства (за исключеніемъ эпохи первой революціи, когда духовенство было совершенно устранено отъ участія въ дѣлахъ народнаго образованія). Съ указаннаго періода начинается новая эра въ исторіи народнаго образованія Франціи. Поднятый было въ 1871 г. и отвергнутый первоначально проектъ введенія обязательнаго обученія въ 1877 г. утверждается, а начиная съ 1881 года вырабатывается цѣлый рядъ законовъ по народному образованію: о свидѣтельствахъ на право преподаванія, о безплатности обу-

*) Добавленіе редакціи.

ченія, о распредѣленіи расходовъ по содержанію школъ между общинами, департаментами и государствомъ, о нейтральности школы въ дѣлѣ религіи, о программахъ начальныхъ школъ и т. п. Сводъ этихъ законовъ извѣстенъ подъ названіемъ законовъ Ферри (изд. 18 января 1887 г.). По закону отъ 30 октября 1886 г. весь учительскій персоналъ начальныхъ народныхъ училищъ долженъ былъ въ теченіе 5 лѣтъ быть сдѣланъ исключительно свѣтскимъ. Общеобразовательныя начальныя училища во Франціи подраздѣляются въ настоящее время на слѣдующіе разряды: 1) материнскія школы, составляющія какъ бы переходъ отъ семьи къ школѣ; здѣсь, подъ руководствомъ воспитательницъ, обучаются дѣти отъ 2 до 6 лѣтъ; 2) дѣтскіе классы, - переходная ступень между школами перваго и третьяго типа; 3) началь ыя элементарныя школы; 4) дополнительные курсы; 5) высшія народныя училища, и 6) классы для взрослыхъ. Предметами преподаванія служатъ: нравственность и гражданскія права, чтеніе, письмо, родной языкъ, ариѳметика и метрическая система, исторія и географія (преимущественно Франціи), естествознаніе, геометрія, рисованіе, ручной трудъ и гимнастика. Въ сельскихъ школахъ преподается кромѣ того земледѣліе и садоводство. Преподаваніе Закона Божія необязательно. Школы содержатся частію на счетъ общинъ, частію на счетъ государства. Каждая община съ населеніемъ свыше 500 душъ обязана имѣть двѣ начальныхъ элементарныхъ школы,—одну для мальчиковъ, другую для дѣвочекъ. По закону 1889 г. на государство падаютъ расходы по содержанію школьной администраціи и учащихъ, а на общины—помѣщеніе учащихъ и школъ и снабженіе школъ мебелью и учебными пособіями. На нужды образованія вообще во Франціи расходуется около 1/20 части всего государственнаго бюджета; изъ нихъ около 3/4 идетъ на начальное народное образованіе. Насколько подвинулось за послѣднее время впередъ дѣло народнаго образованія во Франціи, можно судить по слѣдующимъ цифрамъ. Въ 1871 г. государственный расходъ Франціи на народное образованіе былъ менѣе 12 милліоновъ франковъ; въ 1891 г. на этотъ предметъ правительствомъ было израсходовано 126 милл. франковъ; количество же суммъ, затраченныхъ въ томъ же году на народное образованіе во Франціи общинами, опредѣляется въ 603 милл. фр. Число общественныхъ школъ во Франціи простирается до 70 тыс.

Наряду съ школами указаннаго типа существуютъ и школы, находящіяся въ вѣдѣніи духовенства. Онѣ пользуются большимъ вліяніемъ, и представители высшей буржуазіи отдаютъ своихъ дѣтей въ коллегіи и лицеи, состоящіе подъ наблюденіемъ духовенства, предпочтительно предъ школами другихъ типовъ *.

Для каждой отрасли человѣческаго знанія во Франціи имѣются институты и ученыя общества; особенно выдается въ этомъ отношеніи Парижъ; здѣсь можно безплатно заниматься по любой спеціальности подъ руководствомъ извѣстныхъ корифеевъ науки, такъ что едва-ли какой-нибудь городъ въ Европѣ можетъ конкуррировать съ Парижемъ въ отношеніи удобствъ для самообразованія.

Парижъ служитъ мѣстопребываніемъ правительства и центромъ управленія страны; со времени великой революціи 1789 г. система управленія отличается подавляющею централизаціею. Въ настоящее время (съ 4 сентября 1870 года) Франція представляетъ республику, съ президентомъ во главѣ; онъ раздѣляетъ власть съ Національнымъ Собраніемъ, члены котораго избираются общимъ голосованіемъ и засѣдаютъ въ Версали, и съ сенатомъ, избираемымъ генеральными совѣтами. Дѣлами государства занимается отвѣтственное министерство. Въ политическомъ отношеніи Франція дѣлится на 87 департаментовъ (включая сюда и о. Корсику). Во главѣ департаментовъ стоятъ «префекты». Въ военномъ отношеніи государство дѣлится на 18 округовъ.

Въ мирное время армія состоитъ изъ 520,630 человѣкъ, въ томъ числѣ: пѣхоты 362,250 чел., кавалеріи 76,480 чел. и артиллеріи 81,900 чел. Въ военное время армія можетъ быть увеличена до 4.053,000 человѣкъ. Военный флотъ состоитъ изъ 504 судовъ съ 4,105 орудіями, броненосцевъ 61. Экипажъ простирается въ военное время до 61,929 чел. Въ торговомъ флотѣ насчитываютъ 15,536 кораблей, въ томъ числѣ 1,235 паровыхъ судовъ.

Въ другихъ частяхъ свѣта Франціи принадлежатъ слѣдующія колоніи: въ

Африкѣ—Алжиръ, Сенегамбія, нѣкоторыя области въ Верхней Гвинеѣ, Конго, острова св. Маріи и Носси-Бэ— близъ Мадагаскара, острова Майотъ (Mayotte) и Соединенія; государства — Тунисъ и Мадагаскаръ находятся подъ ея протекторатомъ; въ Азіи: остиндскія колоніи—Пондишери, Шарнденагоръ, Карикаль, Маге, Яннонъ и Кохинхина съ находящейся подъ покровительствомъ Франціи Камбоджей, затѣмъ Тонкинъ и то-же протектируемое государство Аннамъ. Въ Океаніи Франція владѣетъ Новою Каледоніею; кромѣ того, ея протекторатъ признается и по отношенію къ Таити и Маркизскимъ островамъ. Наконецъ, въ Америкѣ она владѣетъ островами Мартиникой и Гваделупой — въ Вестъ-Индіи, рыбачьими островами Св. Петра и Микелономъ — около Нью-Фаундленда, и Французской Гвіаной— въ Южной Америкѣ.

Въ Пиринеяхъ, въ Андоррской долинѣ, расположена самостоятельная республика Андорра, заключающая въ себѣ 6 каталонскихъ общинъ; площадь ея равняется 385 кв. километровъ; она состоитъ подъ покровительствомъ Франціи и Ургельскаго (въ Испаніи) епископа.—Княжество Монако, въ департаментѣ Приморскихъ Альпъ, находится подъ протекторатомъ Италіи.

Британскіе острова.

Напротивъ французскаго берега, очень близко отъ европейскаго континента, поднимаются изъ морской глубины два большіе острова, — Великобританія и Ирландія. Кромѣ береговыхъ острововъ здѣсь, на сѣверѣ расположены еще три группы меньшихъ острововъ: Гебридскіе, Оркнейскіе, иначе—Оркадскіе, и Шотландскіе, представляющіеся какъ бы осколками болѣе значительнаго континента.

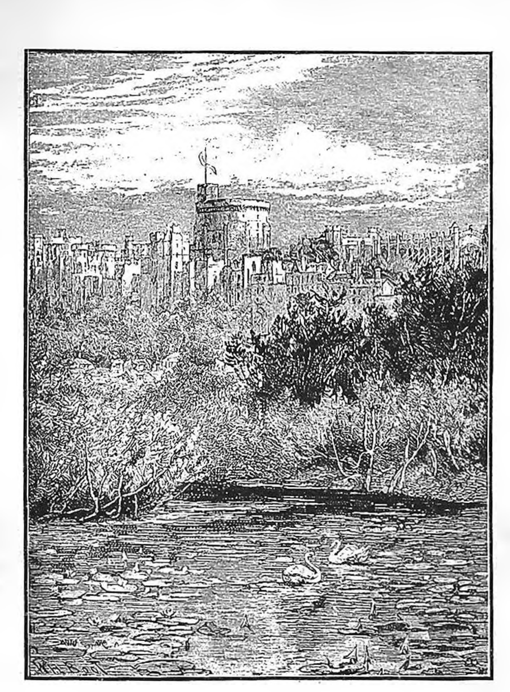
Въ географическомъ отношеніи британскіе острова должны считаться за одно цѣлое, единство котораго было нарушено дѣятельностью моря, раздѣлившаго ихъ на двѣ большія главныя части: большой восточный островъ, заключающій въ себѣ Англію, Уэльсъ и Шотландію, и—меньшій, западный, островъ Ирландію, съ различными небольшими островами. Кромѣ того, самая масса Британскихъ острововъ отдѣлилась сравнительно въ недавнее время отъ европейскаго материка, съ которымъ въ предшествующія эпохи она составляла одно неразрывное цѣлое. Только размывающая дѣятельность моря образовала между нею и континентомъ проливъ, который, имѣя въ наиболѣе узкомъ пунктѣ, Па-де-Кале (между Дувромъ и Кале), всего 37 — 44 килом., навсегда отдѣлилъ острова отъ материка. Связь этихъ частей подтверждается однородностью геологическихъ образованій, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ канала. Какъ въ сѣверо-западной Франціи, такъ и въ южной Англіи мы встрѣчаемъ мѣловыя и третичныя формаціи, которыя съ приближеніемъ къ западу уступаютъ мѣсто болѣе древнимъ пластамъ; такъ, наслоенія юры смѣняются тріасомъ, далѣе, къ сѣверу, мы встрѣчаемъ каменный уголь, а на западѣ, главнымъ образомъ въ горахъ Уэльса и на юго-восточной оконечности Велико-

британіи, въ Корнваллисѣ, — девонскую и силурійскую формаціи. Эти первичныя образованія переходятъ къ западу и по ту сторону Ирландскаго моря, отдѣляющаго Англію отъ Ирландіи, — на Ирландію; изъ тѣхъ же формацій состоятъ и расположенные на этомъ морѣ острова Энглези (Anglesey) и Мэнъ (Man). На сѣверо-востокѣ Ирландіи, у озера Нигъ (Neagh), встрѣчаются на большомъ протяженіи вулканическія образованія.

Этому геологическому строенію почвы соотвѣтствуетъ и распредѣленіе возвышенностей и низменностей. Въ восточной, болѣе юной своей части Великобританія низменна и пересѣкается лишь рядомъ холмовъ, а на западѣ покрыта болѣе высокими горами, которыя достигаютъ наибольшей высоты въ Шотландіи. Въ Англіи низменность (до 160 метр. надъ уровнемъ моря) занимаетъ $^2/_3$ всей поверхности, въ Шотландіи—лишь половину, а въ Ирландіи—$^7/_8$.

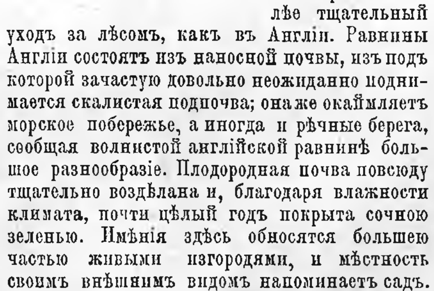
Почва въ Англіи въ общемъ поднимается по направленію съ Ю.-В. на С.-З. На Ю.-В. разстилаются холмистыя, часто покрытыя торфяными болотами равнины, тогда какъ на Ю.-З. тянется безлѣсная гористая область Корнваллисъ, или Корнійская горная страна, богатая мѣдью, желѣзомъ, свинцомъ, а прежде изобиловавшая и оловомъ. Это—дикая, лишенная растительности, безлѣсная гранитная цѣпь, высочайшая, вершина которой Броунъ Уилли (Brown Willy) поднимается до 427 метровъ надъ уровнемъ моря; эта цѣпь идетъ отъ Бристольскаго канала до мысовъ Лэндсэндъ (Landsend) и Лизардъ (Lizard),—самой западной и самой южной оконечностей Англіи. Отсюда всего въ разстояніи 74 килом. лежатъ острова Сцилли (Scilly), на которыхъ, вопреки общераспространенному мнѣнію, совершенно нѣтъ олова. Восточнымъ продолженіемъ Корнійской горной страны можно считать три цѣпи холмовъ, которые начинаются южнѣе Бристольскаго канала и пересѣкаютъ восточную низменность Англіи. Самая сѣверная изъ нихъ тянется на С.-В. и оканчивается Линкольнскими возвышенностями около залива Гумберъ, т. е. у изогнутаго, глубокаго воронкообразнаго устья Гумберъ, которое образуется изъ слiянiя Уза (Ouse), идущаго съ сѣвера, и Трента, впадающаго сюда съ Ю. Средняя цѣпь идетъ на В.С.В. до мелкаго залива Уошъ (Wash), который врѣзывается въ материкъ прямоугольникомъ и считается опаснымъ по причинѣ своихъ многочисленныхъ песчаныхъ банокъ. На пути эту цѣпь пересѣкаетъ Темза, самая крупная рѣка Англіи; она беретъ начало на Котсвольдскихъ холмахъ (Cotswoldhills). Послѣдніе богаты лѣсомъ, возвышаются надъ равниной всего на 200 метр. и отлого спускаются на западную ея сторону, къ долинѣ р. Северна и къ Бристольскому каналу. Мѣстность Thames' Head,—какъ называются источники Темзы,—не представляетъ ничего интереснаго или живописнаго. Почва здѣсь волниста; пологіе холмы красивые луга, небольшія рощи чередуются другъ съ другомъ. Разсыпанныя по одиночкѣ крестьянскія постройки и небольшія селенія—незначительны. Въ то время, какъ въ устье Темзы стекаются богатства изъ всѣхъ частей свѣта, источники ея поражаютъ бѣдностью и убожествомъ. Въ разстояніи 15 килом. отъ истока по Темзѣ, воды которой увеличиваются впадающей здѣсь рѣкою Чорнъ, по рѣкѣ уже плаваютъ небольшіе суда, вмѣстимостью въ 6—7 тоннъ, хотя движеніе ихъ и затрудняется частыми порогами. Вся длина Темзы отсюда до Лондона достигаетъ 235 кил., причемъ высота ея паденія равняется всего 79 метрамъ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ къ Темзѣ присоединяются три рѣчки,—Кола, Лехъ и Кёльнъ, окрестности ея постепенно становятся болѣе красивыми; вмѣсто старыхъ мельницъ появляются красивыя зданія; тщательно содержимые парки около Итона Eaton и Bascott ласкаютъ глазъ путника своею роскошною зеленью. Съ красиваго холма около Годстоу уже видны башни Оксфорда. По правому берегу Темзы поднимаются возвышенности Cumnor, покрытыя прекраснымъ лѣсомъ; по лѣвому берегу, въ сторону Оксфорда разстилаются плоскія пастбища. Здѣсь Темза раздѣляется, затѣмъ, $3^1/_4$ килом. ниже, опять соединяется, принимаетъ себя рѣку Червель и, все болѣе и болѣе увеличиваясь въ ширину, течетъ сперва къ югу, образуя границу между графствами Оксфордширъ и Берكширъ. На дальнѣйшемъ теченіи небольшія поселенія смѣняются отдѣльными дачами, дѣтищами новѣйшей культуры. Оба берега густо покрыты лѣсомъ, и красивые пологіе холмы,—напр., холмы Чильтернъ (Chiltern Hills) въ Букингамширѣ приближаются къ рѣкѣ, которая отсюда до Меденгеда становится нѣсколько уже и течетъ дальше болѣе сильнымъ пото-

комъ. Отъ устья Кенетъ, который беретъ начало на холмахъ Мальборо, Темза поворачиваетъ къ морю, на востокъ, и дѣлаетъ цѣлый рядъ излучинъ. Эта часть Темзы — самая красивая на всемъ ея теченіи. Здѣсь мы встрѣчаемъ множество замковъ, дачъ, выстроенныхъ во вкусѣ своихъ богатыхъ хозяевъ, но мало интересныхъ въ архитектурномъ отношеніи зданій; съ каждымъ поворотомъ рѣки глазъ открываетъ все новыя и новыя помѣстья, которыя то тѣснятся на самомъ берегу, то высятся на одинокихъ холмахъ, покрытыхъ тѣнистыми парками и рощами. Но особенною привлекательностью отличается городокъ Генлей. До Меденгеда, на протяженіи 16 килом., Темза течетъ какъ бы въ рамкѣ подобныхъ роскошныхъ дачъ, которыя обязаны своимъ существованіемъ этой рѣкѣ съ ея колоссальною торговлею. Но около Меденгеда картина разомъ мѣняется. Стоя здѣсь на мосту, и вглядываясь въ очертанія береговъ рѣки вверхъ по ея теченію, мы видимъ пестрый рядъ холмовъ, домовъ и лѣсовъ; внизъ по теченію—насколько хватаетъ глазъ, разстилается равнина, луга, пастбища и лѣса, поднимающіеся изъ глубокихъ котловинъ; лишь одна затерявшаяся колокольня церкви города Брея робко поднимаетъ къ небу свой шпиль; рѣка здѣсь широка и течетъ очень медленно, и лишь на $11\frac{1}{4}$ килом. ниже, именно—около замка и города Виндзора, берега ея оживляются. Отъ истоковъ Темзы до Виндзора длина ея достигаетъ 185 кил. Здѣсь рѣка заканчиваетъ свой дѣтскій и юношескій возрастъ и вступаетъ въ періодъ мужества. Отъ источниковъ до устья (при Ширнесѣ) считается 400 килом.,—разстояніе небольшое, но ни одна рѣка не даетъ міру столько, сколько даетъ Темза.



Замокъ Виндзоръ.

Самая южная горная цѣпь Англіи идетъ отъ Корнійской горной страны до восточнаго конца восточнаго полуострова Кента и здѣсь образуетъ мѣловыя скалы Дувра. Эта цѣпь называется Нортъ-Доунсъ (North Downs). Вдоль южнаго берега тянется цѣпь Соутъ-Доунсъ, а невдалекѣ отъ берега, отдѣляясь отъ полуострова лишь узкимъ проливомъ напротивъ Соутгамптонскаго залива, находится маленькій островъ Уайтъ (Wight). Мѣстность здѣсь невеличественна, но крайне живописна. Невысокіе холмы покрыты дачами, великолѣпными парками, тучными нивами и рѣдкостными по красотѣ лѣсами. Во всей Европѣ нѣтъ такой мѣстности, гдѣ бы можно было встрѣтить болѣе тщательный



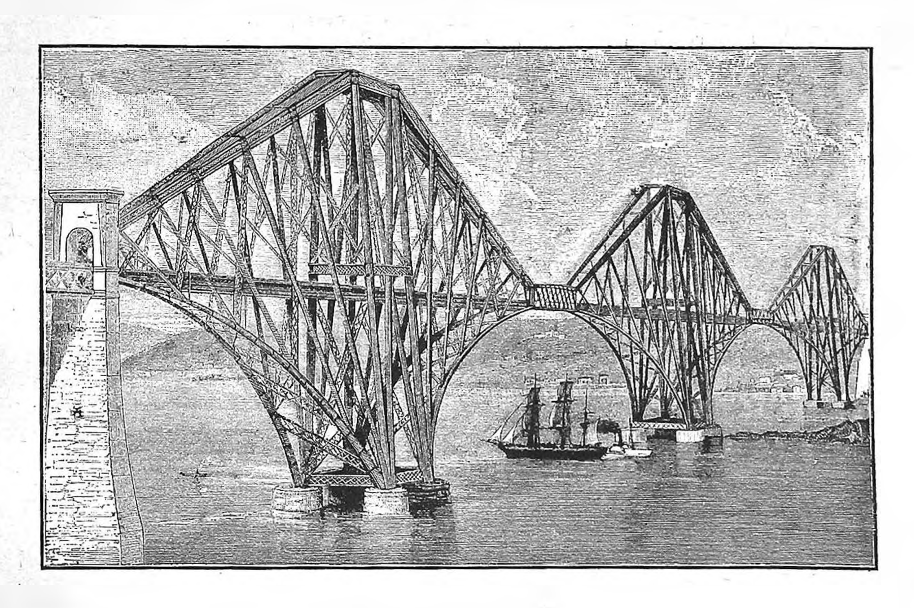
уходъ за лѣсомъ, какъ въ Англіи. Равнины Англіи состоятъ изъ наносной почвы, изъ подъ которой зачастую довольно неожиданно поднимается скалистая подпочва; она же окаймляетъ морское побережье, а иногда и рѣчные берега, сообщая волнистой англійской равнинѣ большое разнообразіе. Плодородная почва повсюду тщательно воздѣлана и, благодаря влажности климата, почти цѣлый годъ покрыта сочною зеленью. Имѣнія здѣсь обносятся большею частью живыми изгородями, и мѣстность своимъ внѣшнимъ видомъ напоминаетъ садъ.

Большая часть рѣкъ Великобританіи впадаетъ въ море, образуя глубоко вдающуюся въ материкъ воронку. На восточномъ берегу это мы замѣчаемъ на р. Фортъ, въ Шотландіи, для которой подобною воронкой служитъ Фортскій за-

ливъ (Firth of Forth), и въ менѣе совершенной формѣ на р. Гумберъ. Устье Темзы имѣетъ классически-правильную воронку, которая у ней бываетъ всегда открыта. Въ этой рѣкѣ поразительно мало взмученныхъ твердыхъ частицъ, а гдѣ ихъ мало, тамъ заполненіе устья становится невозможнымъ. Къ этому, по Пешелю, присоединяется другая причина,—возрастъ, или усталость рѣки, другими словами—прекращеніе размыванія,—состояніе, отъ котораго Темза, повидимому, недалека. Наибольшую воронку мы встрѣчаемъ у западной рѣки—Северна, которая беретъ начало въ Уэльсѣ и, описывая дугу въ направленіи по преимуществу отъ С. къ Ю., впадаетъ въ Бристольскій каналъ. На сѣверъ отъ этого канала, который справедливѣе было бы называть заливомъ, поднимается богатая металлами и минералами горная область Уэльса; она окружена съ трехъ сторонъ моремъ и, будучи ограничена на востокѣ долиною Северна, состоитъ изъ главной цѣпи, тянущейся съ С. на Ю., отъ которой идетъ нѣсколько боковыхъ отроговъ. Главными продуктами этой живописной горной области являются: каменный уголь, преимущественно антрацитъ, желѣзо, золото и шиферъ.

Отличительными чертами Уэльса являются безлѣсныя скалистыя высоты, суровые виды, разорванность и пустынность, тогда какъ на востокѣ почва переходитъ въ низменность и привѣтливыя холмистыя мѣстности. Уэльсъ наполненъ Камбрійскими горами (Cambrian Mountains), которыя образуютъ три параллельныя цѣпи со множествомъ боковыхъ вѣтвей. Самая сѣверная и въ то же время самая высокая изъ нихъ тянется съ Ю.-З. на С.-В. и достигаетъ своей высшей точки въ Сноудонѣ, который является высшимъ пунктомъ Уэльса (1,098 метровъ). Сноудонъ образованъ изъ нѣсколькихъ горныхъ хребтовъ, состоящихъ изъ шифера и гранита и раздѣленныхъ между собою глубокими долинами, называемыми Кумъ (Cwm); хребты эти соединяются въ Moel-y-Wyddfa („выдающаяся вершина"), которая достигаетъ 785 метр. Мѣстное населеніе называетъ эту горную систему Eryri (Орлиное гнѣздо); снѣгъ здѣсь лежитъ лишь съ ноября до апрѣля. Одна вѣтвь этой цѣпи,— на которой возвышается Кайрнъ-Давидъ (Cairn David), въ 1,044 метра высотою,—горы Феруайнъ (Ferwin), тянется по восточному графству Мэріонетъ до рѣки Ди (Dee), которая, минуя долину Ланголленъ,—считающуюся по справедливости одною изъ самыхъ живописныхъ и привлекательныхъ въ Уэльсѣ,— громадною воронкою впадаетъ въ Ирландское море. Вторая вѣтвь, проходя чрезъ Монгомери, понижается и развѣтвляется на горы Бига, которыя тянутся по среднему теченію Северна. Самая сѣверная цѣпь Уэльса спускается къ Ирландскому морю, около юго-западной конечности Карнарвона, мысомъ Braich-y-pwill. Напротивъ графства Карнарворъ, въ разстояніи только 180 метр., за Менейскимъ проливомъ расположенъ плоскій песчаный островъ Энглези (782 кв. килом.), извѣстный по добыванію мѣди и каменнаго угля. Узкій проливъ между Карнарвономъ и Бангоромъ, для переѣзда чрезъ который требуется не болѣе трехъ часовъ, очень похожъ на Цюрюхское озеро: берегъ усѣянъ привлекательными деревушками и множествомъ виллъ, населенныхъ лѣтомъ массою пріѣзжихъ, укрывающихся здѣсь отъ пыли и жары Лондона или Бирмингама, а на заднемъ планѣ виднѣется красивая цѣпь горныхъ вершинъ Сѣвернаго Уэльса съ гордымъ, мощнымъ Сноудономъ посрединѣ, вершина котораго большею частью бываетъ закутана туманомъ. Берега острова Энглези не обладаютъ такимъ величественнымъ видомъ,—зеленый красивый берегъ поднимается здѣсь лишь въ видѣ незначительныхъ холмовъ. Неподалеку, около красиваго городка Бангора, отъ котораго проливъ начинаетъ расширяться по направленію къ С.-В., переходя затѣмъ въ открытое море, въ самомъ узкомъ мѣстѣ чрезъ проливъ перекинуты два моста; одинъ—прекрасный цѣпной мостъ, въ 300 метр. длиною; въ четверти часа пути отъ него—другой, желѣзнодорожный; послѣдній покоится на трехъ быкахъ, въ разстояніи 140 метр. одинъ отъ другого. На противоположномъ концѣ Менейскаго пролива, гдѣ къ Ю.-З. проливъ снова переходитъ въ море, лежитъ Карнарвонъ, старинный городъ; онъ служитъ удобнымъ пунктомъ для остановки путешественниковъ, желающихъ познакомиться съ внутреннею частью этой горной страны, до центра которой отсюда можно добраться въ нѣсколько часовъ. Минуя рядъ скалистыхъ

горъ, одна другой угрюмѣе, мы чрезъ полчаса пути достигаемъ длиннаго красиваго озера и вступаемъ въ поразительно-живописный, окруженный горами, Беддгелертъ. Дорога идетъ красивыми деревушками. Населеніе, въ общемъ, довольно бѣдно и кормится заработкомъ въ большихъ шиферныхъ каменоломняхъ этой мѣстности; но какъ все мило, чисто и опрятно даже въ самомъ маленькомъ, самомъ бѣдномъ на видъ домикѣ! Входъ въ каждый домикъ, выстроенный изъ шифера, украшенъ небольшимъ цвѣтничкомъ, хотя бы въ 2—3 кв. метра размѣромъ. Въ самой бѣдной хижинѣ висятъ чистыя занавѣси на окнахъ, въ большинствѣ домовъ имѣется чистая, часто съ ковромъ на полу, комнатка, гдѣ на каминѣ или напротивъ его, на комодѣ, имѣется красивый фарфоровый сервизъ. Жители говорятъ на кельтскомъ нарѣчіи и кажутся нѣсколько робкими и недовѣрчивыми, но за то отличаются честностью и правдивостью. Отъ Беддгелерта, лучшаго пункта въ этой мѣстности, мы поворачиваемъ къ востоку и, проѣзжаемъ чудными лѣсами, оставляя въ сторонѣ отъ четырехъ до пяти озеръ, поражающихъ своею прозрачностью,—кругомъ юго-восточнаго склона величественнаго Сноудона. Отъ высокаго, пустыннаго и холоднаго, благодаря постоянно дующимъ здѣсь вѣтрамъ, прохода Ленберисъ (Llanberis) удобная искусственная дорога ведетъ кверху, въ область гигантскихъ скалъ. Кругомъ лежатъ скалы, то опрокинутыя, то такъ грозно нависшія надъ дорогой, что боишься, какъ бы онѣ не обрушились. Сотни небольшихъ водопадовъ, свергающихся съ массивныхъ скалъ, какъ серебряныя нити, блестятъ подъ лучами заходящаго солнца. Здѣсь же, подъ одной изъ скатившихся каменныхъ скалъ, выстроена часовня; смѣло и спокойно стоитъ она тутъ, а мелодическій звонъ колокольчиковъ, навѣшанныхъ на шеяхъ коровъ, которыя пасутся на сосѣднемъ лугу, какъ будто зоветъ въ часовню на вечернюю молитву. Но мы спѣшимъ дальше и спускаемся еще ниже; долина становится здѣсь шире; наконецъ, минуя два красивыя озера, каждое длиною болѣе получаса пути, мы достигаемъ миловиднаго городка Ленбериса.



Мостъ въ Шотландіи.

Вторая или средняя цѣпь Уэльса менѣе посѣщается туристами. Она начинается въ области источниковъ Северна и Уай (Wye), при чемъ послѣдняя рѣка соединяется съ первою лишь въ области своего устья,—и, распадаясь на множество вѣтвей, спускается къ обоимъ берегамъ Тэя (Twy) къ юго-западному и южному берегамъ моря; западная вѣтвь спускается въ море—у Кардиганскаго залива, а восточная—у мысовъ Сентъ-Давидъ и Сентъ-Говенъ. Высшею точкою этого хребта является Плянлиммонъ (Plynlimmon, 756 м.). Третья цѣпь, извѣстная подъ общимъ названіемъ Черныхъ горъ (Black Mountains),

начинается холмами Флотокъ (Flothock Hills) на З. и раздѣляется на массу вѣтвей, которыя тянутся къ Бристольскому каналу и нижнему теченію Северна, гдѣ онѣ встрѣчаются съ материковымъ хребтомъ Англіи. Южная вѣтвь вышеупомянутой горной цѣпи оканчивается мысомъ Вормсъ въ Бристольскомъ каналѣ.

Съ горами Уэльса соединена при посредствѣ Уиверскихъ холмовъ (Weaver Hills) Пеннинская цѣпь или горы Пикъ (Peak); онѣ тянутся отъ рѣкъ Мерсей, на З., и Трента—на В., къ сѣверу до Пиктенваля. Горы Пикъ на югѣ съ обѣихъ сторонъ окружены низменностью, а сѣверная часть ихъ простирается до западнаго берега. Сердце Англіи—желѣзное. Это вполнѣ можно сказать относительно столь богатаго скалистыми, изрытыми ущельями, высокими горами и глубокими долинами округа, который находится въ центрѣ Англіи и носитъ названіе Дербиширъ. Изъ множества вершинъ горной цѣпи въ Дербиширѣ самая высокая въ графствѣ гора Гай-Пикъ, достигаетъ 603 метр., затѣмъ далѣе на сѣверъ—Уэрнсейдъ (Whernside)—726 метр. и Ингльборугиль—723 метровъ.

Горы Пикъ начинаются въ области Ноттингема и Дерби и въ центральной своей части состоятъ изъ громадныхъ, иногда голыхъ и крутыхъ скалистыхъ массъ, которыя тянутся чрезъ Вестминстеръ къ Кумберленду; здѣсь онѣ распадаются на двѣ вѣтви, изъ которыхъ одна наполняетъ своими дикими, обнаженными горами сѣверо-восточную, а вторая—юго-западную часть этой области. Отлогіе склоны Уэрнсейда соединяютъ горы Пикъ съ такъ называемыми York Wolds, на восточной части острова. На западной сторонѣ горы Пикъ состоятъ изъ дикихъ, отчасти голыхъ, перерѣзанныхъ узкими долинами и ущельями, порфировыхъ и гранитныхъ массъ. На южной сторонѣ очертанія горъ мягче, и нѣкоторые горные склоны до значительной высоты покрыты лѣсомъ. Юго-западная вѣтвь горъ Пикъ въ Кумберлендѣ представляетъ собою почти изолированную, покрытую многими вершинами группу; онѣ называются Кумбрійскими горами и образуютъ такъ называемый „озерной округъ". Англія вообще очень бѣдна озерами; только здѣсь, въ Кумберлендѣ, и пограничномъ съ нимъ на югѣ Уэстморлендѣ встрѣчаются значительныя группы стоячихъ водъ. Самое замѣчательное изъ нихъ—Виндермеръ или Винадермеръ. Въ Кумбрійскихъ горахъ имѣются залежи каменнаго угля и желѣза, прекрасный плавиковый шпатъ и много цинковой обманки. На склонахъ горъ Пикъ, дикихъ и богатыхъ пещерами, находятся значительныя залежи желѣзной руды и каменнаго угля; послѣдній встрѣчается въ особенности въ Лидсѣ и Ноттингамѣ (2,750 кв. килом.)—на югѣ, а также въ Дургамѣ и Нортумберлендѣ—на востокѣ и въ Ланкаширѣ—на западѣ Пеннинской цѣпи. Часто повторяемое опасеніе, что, по произведеннымъ вычисленіямъ, въ англійскихъ залежахъ угля хватитъ не болѣе, какъ на 400 лѣтъ,—неосновательно. Новѣйшими тщательными геогностическими изслѣдованіями Великобританіи установлено, что залежи каменнаго угля простираются тамъ подъ покрывающими ихъ сравнительно молодыми формаціями гораздо блоьше, чѣмъ предполагалось ранѣе, и что дальнѣйшая прибыльная добыча угля изъ этихъ болѣе глубокихъ мѣстъ еще возможна. Еще важнѣе для Англіи желѣзо, такъ какъ она производитъ половину всего количества желѣза, добываемаго на всемъ земномъ шарѣ; наиболѣе важные ея желѣзные рудники находятся тоже въ горахъ Пикъ, въ Ланкаширѣ, Уэстморлендѣ и Штаффордширѣ. Кромѣ того въ этихъ горахъ добываются еще свинецъ, цинкъ графитъ и шиферъ.

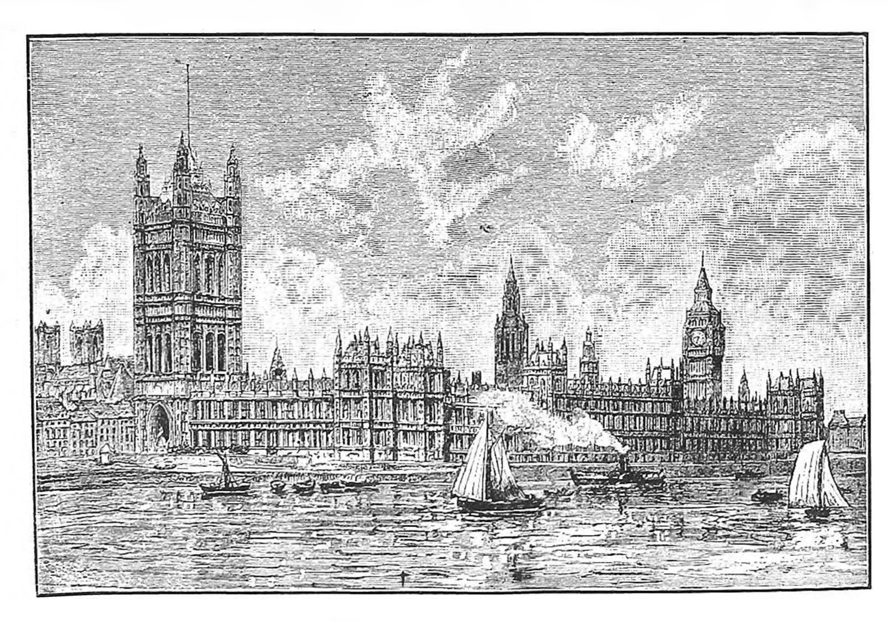
«Морское положеніе Англіи, ея мягкій климатъ, влажная атмосфера, богатство источниковъ, плодородіе почвы, направленіе ея рѣчныхъ бассейновъ, счастливое строеніе береговъ, богатыхъ гаванями,—вотъ физическія условія самостоятельнаго и всесторонняго развитія ея жителей и ея политическаго, даже космополитическаго положенія. Благодаря развитію флота, которое возможно только при подобныхъ условіяхъ, благодаря распространенію колонизаціи во всѣхъ частяхъ свѣта, во всѣхъ моряхъ и во всѣхъ поясахъ нашей планеты, маленькая

Англія широко раздвинула первоначально узкія границы своего владычества и вліянія. Центръ всѣхъ частей или колоній составляетъ метрополія, Англія; она собираетъ въ одно цѣлое всѣ продукты своихъ колоній, но не для того, чтобы накоплять ихъ въ одномъ мѣстѣ, а чтобы переработать при помощи своей промышленности и, удесятиривши ихъ стоимость, разослать во всѣ стороны. Въ ней сливаются въ одинъ общій источникъ и увеличиваются въ тысячи разъ могущество обиліе, богатство». Такъ говоритъ Карлъ Риттеръ. Краснорѣчивымъ доказательствомъ могучихъ качествъ англійскаго народа служитъ британская метрополія. Лондонъ, — самый большой городъ на земномъ шарѣ. Число жителей въ этомъ городѣ-колоссѣ достигаетъ 4.433,018, а площадь, занимаемая городомъ, равняется 300 кв. килом. Лондонъ, такъ сказать, олицетворяетъ все британское государство, разумѣя подъ послѣднимъ какъ самую Англію, такъ и многія ея колоніи и владѣнія, разсѣянныя по всѣмъ пяти частямъ свѣта, которыя далеко превосходятъ метрополію и своими размѣрами, и числомъ жителей. Отсюда идутъ нити, при помощи которыхъ дается направленіе политикѣ Англіи и, что быть можетъ гораздо важнѣе,—ея промышленности и торговлѣ. Здѣсь сконцентрированы торговля и сношенія со всѣми націями. Каждая страна, каждый клочекъ земли посылаетъ свои продукты въ Лондонъ, откуда они распространяются затѣмъ по всей Европѣ. Понятно, что при такихъ обстоятельствахъ въ Лондонѣ, какъ нигдѣ, мы встрѣчаемъ богатство и усиленную промышленность — съ одной стороны, и бѣдность и испорченность нравовъ—съ другой.

Лондонъ расположенъ вдоль Темзы, которая имѣетъ здѣсь въ ширину отъ 180 до 275 метровъ; онъ тянется отъ Фульгема до Вульвича, на сѣверѣ взбирается на холмъ Гампстедъ Гетъ, а на югѣ продолжается до Норвуда. По срединѣ города течетъ Темза, съ 17 мостами, которые соединяютъ сѣверную часть города съ южною. Дома, въ среднемъ, возвышаются надъ уровнемъ прилива близъ Trinity на 12 метр., но эта цифра опускается до 3,66 метра въ низменностяхъ Плумстеда и поднимается до 131 метра въ Гампстедѣ. Такимъ образомъ поверхность, на которой стоитъ Лондонъ, не можетъ быть названа плоскою; напротивъ, своими неровностями она превосходитъ самыя холмистыя столицы континента. Возвышенности Лондона гораздо значительнѣе семи холмовъ „вѣчнаго города"— Рима, да и видъ на Тибръ не такъ грандіозенъ и величественъ, какъ панорама, представляемая каждый вечеръ Темзою, съ окаймляющими ее тысячами огней, которые теряются въ необъятной дали.

Съ ранняго утра и до поздней ночи на улицахъ Лондона происходитъ такая суголока, такое движеніе людей и экипажей, какое иностранцу, въ особенности — жителю небольшого города, трудно себѣ и представить. Мы раздѣляемъ Лондонъ главнымъ образомъ на двѣ отдѣльныя части несходныя между собою, какъ по внѣшнему ихъ виду, такъ и по населенію: центръ роскоши и центръ дѣятельности,—западную часть города и восточную съ Сити. По широкимъ улицамъ западной части города, украшеннымъ роскошными зданіями, великолѣпными парками и садами, движется по преимуществу высшій классъ населенія Лондона. По гладкой мостовой мчатся непрерывною цѣпью шикарныя кареты и коляски, сѣдоки которыхъ щеголяютъ одинъ предъ другимъ богатствомъ и изяществомъ, скачутъ ловкіе наѣздники и амазонки. Въ нижнихъ этажахъ зданій помѣщаются великолѣпные, но дорогіе магазины, въ витринахъ которыхъ выставлены всевозможные заманчивые и изящные товары. Движеніе на улицахъ не прекращается до глубокой ночи, и картина становится еще привлекательнѣе при электрическомъ освѣщеніи. Совсѣмъ иныя картины, но, быть можетъ, болѣе интересныя представляются наблюдателю въ центрѣ города, въ старомъ, закоптѣвшемъ „Сити". Тяжелыя фуры, множество омнибусовъ, переполненныхъ пассажирами, цѣлый рядъ двухколесныхъ телѣжекъ, запряженныхъ въ одну лошадь, которыя съ поразительною ловкостію пробираются въ этой толчеѣ,—все это такъ заполняетъ улицы, что

иной разъ бываетъ положительно невозможно перейти на другую сторону улицы безъ помощи полисмэна. Тротуары и вообще каждый клочекъ улицы, незанятый экипажами, покрыты густою толпою народа. Общій потокъ невольно захватываетъ каждаго, и почти невозможно остановиться безъ того, чтобы не получить толчекъ въ бокъ отъ какого-нибудь рыцаря промышленности. Громадное большинство пѣшеходовъ во всякое время составляютъ слуги Меркурія; съ цилиндрами на головахъ, они спѣшатъ съ возможною скоростью одинъ за другимъ; никто не тратитъ по-пусту времени, каждый вычисляетъ въ умѣ доходы отъ какой-нибудь спекуляціи или занятъ вопросомъ о поднятіи или паденіи курса на свои бумаги. Вблизи выстроенныхъ по Темзѣ доковъ и складовъ мы видимъ массу оборваннаго люда: нищихъ, носильщиковъ, чистильщиковъ улицъ, продавцевъ спичекъ, карманныхъ воровъ и мошенниковъ; а чистильщики сапогъ въ своихъ ярко-красныхъ блузахъ, по большей части очень молодые, еще издали своимъ крикомъ привлекаютъ вниманіе прохожихъ. Очень оригинальные также такъ называемые „сандвичи", которыхъ можно встрѣтить въ любой части Лондона. Эти лица получили такое названіе за ихъ сходство съ кускомъ хлѣба, проложеннаго масломъ и мясомъ (англ. „sandwich"),—англичане очень любятъ приготовленный такимъ образомъ хлѣбъ. Двѣ половинки хлѣба у упомянутыхъ сандвичей представляются двумя большими деревянными досками, связанными въ верхней части ремнями; на доскахъ пишутся различныя объявленія; а въ качествѣ начинки фигурируетъ большею частію блѣдный, съ впалыми глазами ребенокъ, голова котораго продѣта между ремнями. Нѣкоторыя фирмы отправляютъ цѣлыя сотни такихъ движущихся объявленій, на обязанности которыхъ лежитъ лишь одно— бродить съ утра до вечера по улицамъ города, за что они получаютъ по шиллингу въ день. Зданія въ Сити по большей части тѣсны, высоки и некрасивы; въ нихъ почти сплошь помѣщаются конторы, и, судя ихъ по закоптѣвшей наружности, они стоятъ уже много десятилѣтій. Вообще, вся эта часть Лондона, занятая дѣлами и торговлей, не можетъ предъявить никакихъ претензій на красоту и изящество. Совсѣмъ особый характеръ имѣютъ квартиры, расположенныя по близости Темзы; онѣ прямо-таки убоги. Это, впрочемъ, и неудивительно, если принять во вниманіе, что здѣсь, на лѣвомъ берегу Темзы и вверхъ по ней до Гринвича, находятся различные „доки", — какъ здѣсь называютъ пристани и мѣста нагрузки и выгрузки товаровъ, — къ которымъ пристаютъ торговые корабли всѣхъ странъ; такимъ образомъ эта мѣстность является сборнымъ пунктомъ для матросовъ, портовыхъ и другихъ рабочихъ и различнаго люда изъ всѣхъ частей свѣта. Ближайшія къ докамъ мѣстности заняты высокими, квадратными постройками, кото-



Парламентъ въ Лондонѣ.

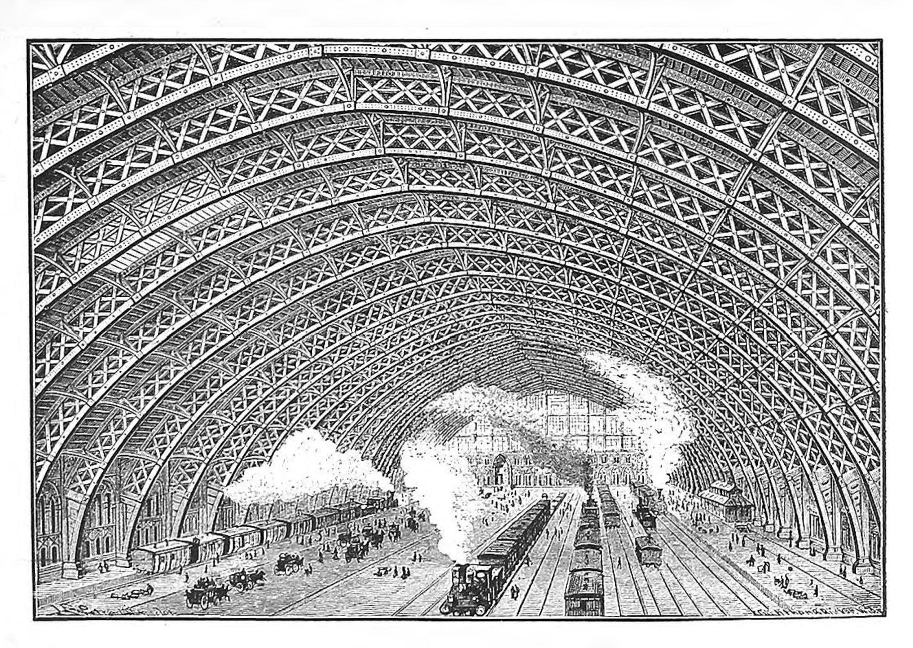
Королевскій институтъ въ Лондонѣ.

рыя, вопреки своей неказистой, похожей на казармы, наружности, въ своихъ стѣнахъ заключаютъ много интереснаго и любопытнаго. Это и есть тѣ склады, которыхъ въ Лондонѣ насчитывается такое множество, что почти каждый отдѣльный сортъ товара имѣетъ собственное складочное мѣсто. Здѣсь принимаются на храненіе грузы съ прибывшихъ кораблей; въ опредѣленное время на большихъ аукціонахъ они распродаются тутъ же на мѣстѣ. Въ этихъ колоссальныхъ магазинахъ навалены громадныя количества продуктовъ изо всѣхъ частей свѣта, и каждый изъ нихъ въ отдѣльности представляетъ стоимость въ нѣсколько милліоновъ фунтовъ стерлинговъ. Здѣсь мы видимъ, напр., каменнаго колосса, который отъ полу и до потолка набитъ необдѣланною слоновою костью, зубами гиппопотама, клыками кабана и т. п., а рядомъ, въ другомъ зданіи, — богатѣйшій выборъ продуктовъ китайской и японской промышленности. Понятно, что и чай, кофе табакъ, шелкъ, хлопчатая бумага, индиго, корица и т. д. имѣютъ каждый свои отдѣльные склады. Кто пожелаетъ сдѣлать общій обзоръ этого города-колосса, тому лучше всего начать путешествіе со „Взморья“ (Strand), чрезъ лабиринтъ улицъ и площадей, потому что оно составляетъ границу между міромъ знати и жизнью Сити, который распространяетъ свой промышленный и спокойный характеръ до этого мѣста. На взморьи выстроена большая часть театровъ, но мы пойдемъ прямо къ Чарингъ-Кроссъ (Charing-Cross), бросимъ взглядъ на Трафальгаръ-Скверъ и Національную галлерею, поглядимъ, какъ мчатся по оживленной Поль-Моль изящные экипажи, и потомъ повернемъ направо чрезъ площадь Ватерлоо въ Реджентъ-Стритъ; эта улица — настоящая королева среди 10,000 улицъ Лондона. Здѣсь сосредоточивается фешенебельная жизнь Лондона и шествуетъ какъ подчиненный порядку хаосъ, какъ торжественный шумъ, — съ спокойствіемъ, достоинствомъ, приличіемъ и порядкомъ. Движеніе экипажей, парадныхъ каретъ, кабріолетовъ, омнибусовъ, всадниковъ здѣсь каждый день гораздо больше, чѣмъ бываетъ, напримѣръ, въ Парижѣ во время карнавала; можно подумать, что идутъ приготовленія къ какому-нибудь необычайному празднику, а между тѣмъ это обычное явленіе повседневной жизни, обычай, который требуетъ громадныхъ затратъ для того, чтобы обезпечить себѣ существованіе. Выйдя изъ Реджентъ-Стрита, мы спускаемся по великолѣпной Пикадилли, вдоль Гринъ-Парка, гдѣ, пользуясь чисто британскою свободою, рядомъ съ изысканною, разо-

дѣтою публикою пасутся коровы и овцы; затѣмъ мы останавливаемся у угла Гайдъ-Парка, чтобы сперва подумать, стоитъ-ли переходить громадную площадь этого Парка. Онъ выводитъ насъ на очень шумную, оживленную Оксфордскую улицу, которая множествомъ своихъ магазиновъ и лавокъ напоминаетъ, хотя и въ меньшемъ масштабѣ, парижскіе бульвары. Отсюда, надѣвъ сапоги-скороходы, мы скоро достигаемъ самой сѣверной части города, колоссальнаго Реджентъ-Парка, съ его причудливыми и величественными террасами, многочисленными аллеями, виллами, домами, статуями, громаднымъ колизеемъ, богатыми насажденіями и красивыми растеніями. Невозможно перечислить остальныя достопримѣчательности Лондона; упомянемъ только о тѣхъ изъ нихъ, которыя пользуются всемірною извѣстностію,—о чудномъ соборѣ св. Петра, Вестминстерскомъ аббатствѣ, замкѣ Тоуэрѣ и Британскомъ музеѣ.

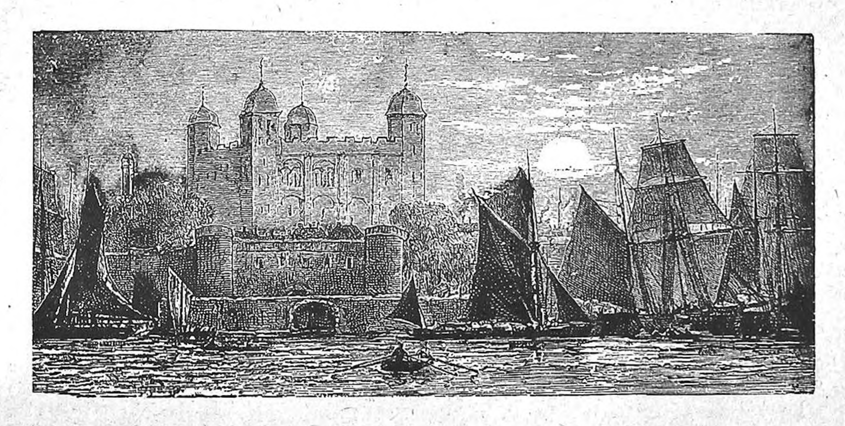
Окрестности Лондона интересны и пейзажами, и—въ другихъ отношеніяхъ. Ближайшія окрестности столицы усѣяны городами и деревнями; между ними замѣчательны: Гринвичъ — своею обсерваторіею, Виндзоръ, на правомъ берегу Темзы — лѣтняя резиденція королевской фамиліи, Этонъ—одною изъ замѣчательнѣйшихъ школъ Англіи, Вульвичъ—главное депо англійской артиллеріи. Въ Кью (Kew) находится великолѣпный ботаническій садъ; далѣе лежитъ Брайтонъ—съ наиболѣе посѣщаемыми купаньями вблизи Лондона, на южномъ англійскомъ берегу; еще дальше, къ западу,—островъ Уайтъ (Wight), который также привлекаетъ публику своими многочисленными купальнями и королевскимъ увеселительнымъ замкомъ Осборномъ.

Самую сѣверную часть острова занимаетъ рѣзко отграниченная, замкнутая въ самой себѣ, Шотландія,—Каледонія древнихъ. Она простирается отъ 55° до 59° сѣв. шир. и занимаетъ, включая сюда разсѣянные на западѣ и сѣверѣ Гебридскіе, Оркадскіе и Шотландскіе острова, площадь въ 78,895 кв. килом., съ населеніемъ почти въ 4 милліона человѣкъ. Границу между Англіей и Шотландіей на небольшомъ протяженіи составляетъ р. Твидъ, впадающая въ Сѣверное море, а затѣмъ—не очень высокія, славящіяся овцеводствомъ, Чевіотскія горы;



Центральная станція въ Лондонѣ.

онѣ составляютъ часть богатой залежами каменнаго угля Нижнешотландской горной области, отроги которой тянутся въ южную Шотландію и достигаютъ наибольшей высоты въ Бродъ Ло (835 метр.). Пограничнымъ пунктомъ на западѣ служитъ гора Меррикъ (843 метр.), на сѣверѣ—Кайрнъ (560 метр.), близъ Эдинбурга. На Ю.-З. границею Шотландіи является Сѣверный каналъ, соединяющій Ирландское море съ Атлантическимъ океаномъ, на З. и С. — Атлантическій океанъ и на В.—Сѣверное море. Врядъ-ли можно указать другую страну, исключая Норвегіи, берега которой были бы болѣе изрѣзаны, чѣмъ здѣсь; правильные заливы глубоко вдаются въ материкъ; ихъ такъ много и они такъ далеко углубляются внутрь страны, что во всей Шотландіи самый дальній пунктъ отъ моря отстоитъ всего на 120 килом. При этомъ замѣчается та особенность, что въ то время, какъ



Замокъ Тоуеръ въ Лондонѣ.

весь островъ расположенъ къ С.-З., шотландскія бухты, или «Firths», какъ здѣсь ихъ называютъ, всѣ имѣютъ сѣверо-восточное направленіе; то же самое направленіе удерживаютъ на шотландскомъ полуостровѣ горные хребты и внутреннія озера. Почти подъ 56° сѣв. шир. слѣва и справа въ материкъ врѣзываются два наиболѣе крупные залива: на западѣ—Клайдскій, омывающій своими продолженіями Глазго, и на востокѣ—Фортскій, проходящій неподалеку отъ Эдинбурга. Въ этомъ промежуткѣ лежитъ такъ называемая Lowland, — Шотландская низменность; она не можетъ считаться низменностью въ нѣмецкомъ значеніи этого слова, будучи расположена значительно выше уровня моря, и все-таки, не смотря на отдѣльные горные кряжи, представляется плоскою, плодородною, богатою лугами и полями мѣстностью. Не смотря на незначительность занимаемой ею площади (всего 300 кв. килом.), она придаетъ южной Шотландіи видъ высококультурной, промышленной, густо населенной области,—качества, которыми въ равной степени не можетъ похвалиться никакая другая часть страны. Въ этихъ волнистыхъ равнинахъ теперь живутъ англійскіе колонисты, вытѣснившіе далѣе къ сѣ-

вѣру кельтовъ, прежнихъ обитателей страны. Весь югъ и востокъ Шотландіи заселенъ чистокровными германцами, и только на С.-З. встрѣчается гэльская или кельтская раса. Въ германской области Шотландіи расположены наиболѣе замѣчательные города страны, средоточіе умственной жизни; здѣсь лежатъ самые значительные порты: Абердинъ, Пертъ, Дёнди, Литъ, Гринокъ, а въ Шотландской низменности—главный городъ Эдинбургъ и самый важный торговый и фабричный городъ Шотландіи—Глазго.

Когда, проѣзжая по Англіи, мы приблизимся къ городу Карляйлю (Carlisle), то вскорѣ же достигнемъ пункта, гдѣ намъ скажутъ: здѣсь начинается Шотландія. Шотландецъ доселѣ считаетъ свою родину отдѣльною, самостоятельною страною, вслѣдствіе чего получается такое впечатлѣніе, какъ будто Шотландія совсѣмъ не принадлежитъ Англіи, а представляетъ отдѣльное государство, и различіе мѣстности по ту и по эту сторону Твида, въ устахъ шотландца, звучитъ почти такъ же, какъ въ томъ случаѣ, когда рѣчь идетъ о Германіи и Франціи „по ту и по эту сторону Рейна". Вблизи границы поѣздъ подходитъ къ мѣстечку, которое, при всей своей незначительности, завоевало себѣ всемірную извѣстность: это — Гретна-Гринъ; здѣсь еще въ половинѣ текущаго столѣтія заключались браки, утверждавшіеся кузнецомъ *).

Островъ Уайтъ.

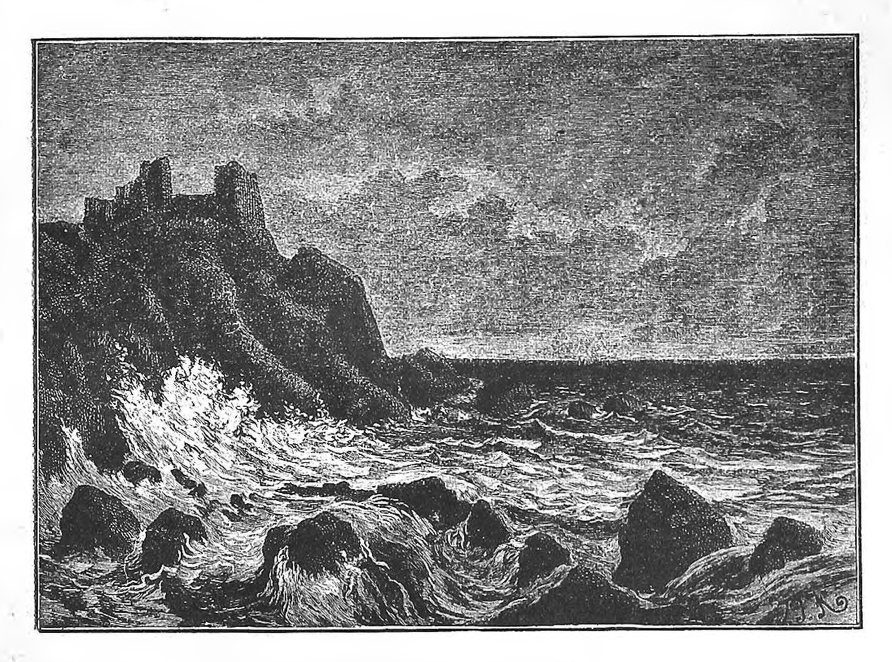
Глазго — самый большой городъ Шотландіи. Въ началѣ прошлаго столѣтія въ немъ было не болѣе 12,000 жителей, теперь же ихъ насчитывается свыше 658,000. Исторія Глазго сходна съ исторіею развитія свѣдѣній о Шотландіи вообще. Сто лѣтъ тому назадъ Шотландія считалась очень отдаленною, почти недоступною страною, такъ что, когда въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія нѣкій доктор Джонсонъ предпринялъ путешествіе по Шотландіи, то это въ глазахъ его современниковъ было цѣлымъ событіемъ. До того времени господствовавшія представленія о странѣ и ея населеніи были крайне невѣрны, но, по мѣрѣ расширенія круга свѣдѣній о Шотландіи, сношенія ея съ внѣшнимъ міромъ стали оживленнѣе; и теперь Глазго не только является однимъ изъ самыхъ главныхъ торговыхъ пунктовъ Англіи, но служитъ передовымъ городомъ по отношенію ко всей Западной Европѣ въ желѣзодѣлательномъ и хлопчатобумажномъ производствахъ. Въ Глазго находится также одинъ изъ четырехъ шотландскихъ университетовъ; три другіе университета находятся въ С.-Эндрю, Абердинѣ и Эдинбургѣ.

Эдинбургъ (263,700 жит.) представляетъ разнообразное богатство ландшафтовъ и художественныхъ красотъ и считается однимъ изъ красивѣйшихъ городовъ Европы. Его на-

---

*) Мнѣніе, что туземецъ изъ Гретна-Гринъ имѣетъ право утверждать браки, заключаемые безъ согласія родителей и опекуновъ, имѣетъ старинное происхожденіе. Оно является отголоскомъ стараго каноническаго правила, сохранившагося въ Шотландіи, по которому бракъ, заключенный безъ согласія родителей, считается законнымъ, разъ только онъ объявленъ предварительно священнику, мировому судьѣ, нотаріусу и т. д. Со времени отмѣны этого правила королемъ Великобританіи Георгомъ II, Гретна-Гринъ сдѣлался центромъ, гдѣ заключались такіе браки. Мировымъ судьею въ то время былъ здѣсь кузнецъ. Отсюда и ведетъ свое начало указанное распространенное въ Англіи мнѣніе. *Прим. ред.*

зывають сѣверными Аѳинами; сходство между тѣмъ и другимъ заключается, между прочимъ, и въ томъ, что оба города расположены не на самомъ морскомъ берегу, а въ нѣкоторомъ разстояніи отъ него. Однако, Эдинбургъ не можетъ похвалиться богатствомъ воды, и ручеекъ, текущій здѣсь въ С.-З. направленіи, носитъ скромное названіе „Water of Leith", по имени города того же имени, который служитъ гаванью для Эдинбурга и, какъ таковой, играетъ очень важную роль въ коммерческомъ отношеніи. Не смотря на всю свою бѣдность водою, Эдинбургъ богатъ мостами, нерѣдко имѣющими очень значительные размѣры; это объясняется тѣмъ, что мѣстность, на которой расположенъ городъ, очень холмиста. Замѣчательны здѣсь и узкія улицы, зачастую не болѣе двухъ метровъ ширины, съ высокими, въ 6—8 этажей, домами; эти улицы, называемыя здѣсь „closes", придаютъ Эдинбургу своеобразный характеръ и рѣзко отличаются отъ новѣйшихъ, красивыхъ кварталовъ города. Центромъ города является замокъ на крутой скалѣ Кестль-Гиль; у его подошвы находится дворецъ Голирудъ. Прежде скала была окружена съ трехъ сторонъ глубокимъ болотомъ; теперь оно превращено въ цвѣтущій садъ, украшенный фонтанами и памятниками. Въ немъ стоитъ величественный памятникъ Вальтеръ Скотту,— статуя въ сидячей позѣ подъ высокимъ, готическимъ балдахиномъ. Если мы взберемся на вершину Кестль-Гиля и обратимся лицомъ къ востоку, ко дворцу Голирудъ, то предъ нами раскинется весь городъ: вправо отъ насъ мы увидимъ старый городъ, а сзади и налѣво— новый городъ. Среди массы домовъ въ разныхъ мѣстахъ возвышаются башни церквей, которыхъ въ Эдинбургѣ числится 145, и памятники. На С.-В. картина заслоняется холмомъ Кальтонъ. На вершинѣ этого холма высится недостроенный памятникъ въ честь шотландцевъ, погибшихъ подъ Ватерлоо,— памятникъ шотландской гордости и бѣдности. Кругомъ холма тянется терраса домовъ, представляющая восхитительное зрѣлище,—такъ называемая королевская терраса; у ея подножія лежитъ „High School",—высшая школа,—одна изъ городскихъ гимназій, одноэтажное, продолговатое зданіе, выстроенное въ классическомъ стилѣ. На Ю.-В. вниманіе зрителя приковываетъ къ себѣ самый высокій холмъ окрестностей Эдинбурга, Артуръ Сетъ (250 метровъ). Если мы повернемся къ югу, то вдали замѣтимъ невысо-



Береговой прибой въ Шотландіи.

*

кую цѣпь холмовъ. На западѣ лежитъ открытая мѣстность, а на сѣверѣ разстилается величественное, вѣчно спокойное море. Старый городъ до послѣдняго столѣтія состоялъ, собственно, всего лишь изъ двухъ улицъ: Высокой (High Street) которая идетъ по склону Кестль-Гиля до дворца Голирудъ, и—Cowgate (Коровьи Ворота),—которая идетъ параллельно первой, къ югу отъ нея, по подошвѣ Кестль-Гиля. Спустившись по Высокой улицѣ, мы достигаемъ двухъ галлерей, гдѣ происходятъ собранія General Assembly of the Church of Scotland (общее собраніе шотландской церкви) и Free Church (свободная церковь), а также церкви Св. Джильса (St. Giles Church); это самая древняя церковь въ городѣ; въ ней проповѣдывалъ Джонъ Ноксъ. Высокая улица, бывшая прежде главною въ городѣ, теперь заполнена второразрядными магазинами и пивными лавками. Здѣсь еще сохраняется и показывается посѣтителямъ домъ шотландскаго реформатора. Мы приближаемся къ дворцу Голирудъ; онъ выстроенъ въ началѣ XVI в. и служилъ резиденціей шотландскихъ королей; и теперь еще, при посѣщеніи Эдинбурга, королева всегда останавливается въ этомъ дворцѣ. Вокругъ подошвы холма Артуръ Сетъ идетъ очаровательная дорога, называемая Queens Drive, въ память красавицы-королевы Маріи Стюартъ, которая часто ѣздила по ней верхомъ. По подножію Кестль-Гиля, Коровьими Воротами, мы идемъ обратно. На этой улицѣ и въ сосѣднихъ переулкахъ живутъ низшіе классы населенія: рабочіе, праздношатающійся людъ, а главнымъ образомъ ирландцы. Слова „ирландецъ" и „негодяй", въ устахъ шотландца—синонимы. Жители этой части города находятся въ бѣдственномъ положеніи. Жилища высоки и мрачны, и вечеромъ улица производитъ впечатлѣніе пустоты, безпорядочности и даже наводитъ страхъ; тѣмъ не менѣе любитель древности найдетъ здѣсь, среди причудливыхъ зданій, не мало любопытнаго; наблюдатель народной жизни также можетъ почерпнуть много интереснаго среди мѣстнаго страннаго населенія. Табакъ, пиво и водка играютъ видную роль въ этихъ кварталахъ. Усиленная борьба съ пьянствомъ ведется на митингахъ, которые такъ охотно посѣщаются шотландцами. Кромѣ того, они помогаютъ обѣднѣвшимъ семействамъ устройствомъ школъ и ремесленныхъ заведеній для бѣдныхъ дѣтей. За послѣднее время производятся успѣшные опыты болѣе широкаго оздоровленія низшихъ классовъ,—устраиваются здоровыя, привѣтливыя, свѣтлыя, богатыя воздухомъ жилища для рабочихъ; впрочемъ для подобной дѣятельности остается еще очень широкое поле. Въ прошломъ столѣтіи шотландская знать переселилась къ югу, и лишь въ недавнее время тамъ снова стали строиться въ громадномъ количествѣ новыя виллы; впрочемъ, фешенебельную часть населенія теперь надо искать на сѣверѣ, въ Новомъ городѣ, куда мы теперь и направимся. Мы находимся на западномъ концѣ Коровьихъ Воротъ и вступаемъ на Травяной рынокъ (Grassmarket), большую площадь Стараго Эдинбурга. Мы поднимаемся по южному склону Кестль-Гиля и, достигнувъ вершины, видимъ на сѣверѣ у своихъ ногъ Принсесъ Стритгарденъ. По лежащему внизу саду пролегаетъ широкая плотина, называемая Маундъ (Mound); на ней находятся два самыхъ красивыхъ зданія въ городѣ, — Королевскій Институтъ съ антикварнымъ музеемъ и Національная Галлерея. Оба зданія выстроены въ дорійскомъ стилѣ и отчасти являются подражаніемъ аѳинскому Партенону. По Маунду мы спускаемся на Принсесъ Стритъ. Это несомнѣнно самая красивая улица въ Эдинбургѣ; она идетъ параллельно Кестль-Гилю отъ востока къ западу. Слѣдуя въ этомъ направленіи, мы налѣво оставляемъ вверху гордый Кестль и внизу цвѣтущій садъ. Направо расположены большіе магазины и отели. Новый городъ находится на сѣверѣ отъ этой улицы. Широкія, великолѣпныя, удобныя улицы и площади придаютъ ему нѣсколько скучный, однообразный характеръ. Эдинбургъ—городъ рѣзкихъ противоположностей. Рядомъ съ высшимъ дворянствомъ Новаго города въ Старомъ городѣ живетъ самое бѣдное населеніе; впрочемъ, со стороны высшихъ классовъ приняты всѣ мѣры къ улучшенію быта бѣдняковъ. Университетъ является источникомъ просвѣщенія, пробуждаетъ жизнь и сообщаетъ городу и соціальной жизни болѣе благородный тонъ и болѣе высокій полетъ. Церкви здѣсь, послѣ Нокса, оказываютъ огромное вліяніе на народную жизнь. Наиболѣе вліятельными церковными общинами являются пресвитеріанскія. Много силы растрачивается здѣсь безполезно въ церковныхъ спорахъ и раздорахъ. Популярныя чтенія духовенства и другихъ образованныхъ лицъ несутъ въ среду желающихъ свѣтъ и образованіе.—Но наступаетъ вечеръ; пора окончить наши странствованія. Закончимъ поэтому наше путешествіе и пройдемъ еще разъ по Принсесъ Стритъ. Выходящія на улицу окна ярко освѣщены; мимо магазиновъ шумитъ и тѣснится непрерывною волною масса народа. Здѣсь можно встрѣтить и англичанъ съ ихъ типичными, напыщенными физіономіями, шотландцевъ въ старинныхъ—національныхъ юбкахъ, сыновъ „Зеленаго острова" (ирландцевъ),—словомъ, всѣхъ представителей Соединеннаго Королевства. За темнымъ садомъ поднимаются очертанія Кестль-Гиля, увѣнчаннаго огнями многочисленныхъ зданій, построенныхъ на его вершинѣ.

Сѣвернѣе Глазго, который мы должны считать сердцемъ Шотландіи, низменность носитъ названіе Strathmore («большая долина»); она тянется до подошвы Грампіенскихъ горъ. Эта Грампіенская горная цѣпь, которая почти доходитъ отъ одного моря до другаго, на Ю.-З. и З. круто спускается къ морскому берегу и только на востокѣ оставляетъ узкую полосу земли. Мѣстность принадлежитъ къ числу наиболѣе посѣщаемыхъ туристами. Это и есть Highlands—Шотландская горная страна; благодаря ей Шотландія пользуется славою одной изъ наиболѣе красивыхъ мѣстностей на всемъ земномъ шарѣ. Затѣмъ, слѣдуя еще дальше на сѣверъ, мы встрѣчаемъ величественный, но унылый Каледонскій каналъ. Онъ соединяетъ цѣлый рядъ озеръ и идетъ поперекъ полуострова отъ Ю.-З. къ С.-В.; общая длина канала 105,5 килом. Каледонскій каналъ дѣлитъ Шотландію на двѣ части, при чемъ значительная ея половина, сѣверная, извѣстна также подъ названіемъ Шотландской возвышенности, крайнею точкою которой на сѣверѣ является мысъ Ратъ. Въ Грампіенскихъ горахъ можно различать двѣ цѣпи: южную и сѣверную; первая достигаетъ высшей точки въ Бенъ Лаэрсъ (1,214 метр.); вторая характеризуется горами Кайрнъ Гормъ Ренджъ, которыя лучеобразно идутъ отъ горнаго узла Кайрнъ Селаръ (1,021 метр.); на послѣдней цѣпи находятся вершины: Бенъ Невисъ (1,343 м.) и Бенъ Мекдуй (1,309 метр.). На сѣверѣ, въ дикой Сѣверо-Каледонской возвышенности, наиболѣе значительной высоты достигаютъ: Бенъ Аттоу (1,219 метр.), Бенъ Эйвисъ (1,043 метр.), Бенъ Дерэгъ (1,114 метр.) и Бенъ Моръ (1,002 м.).

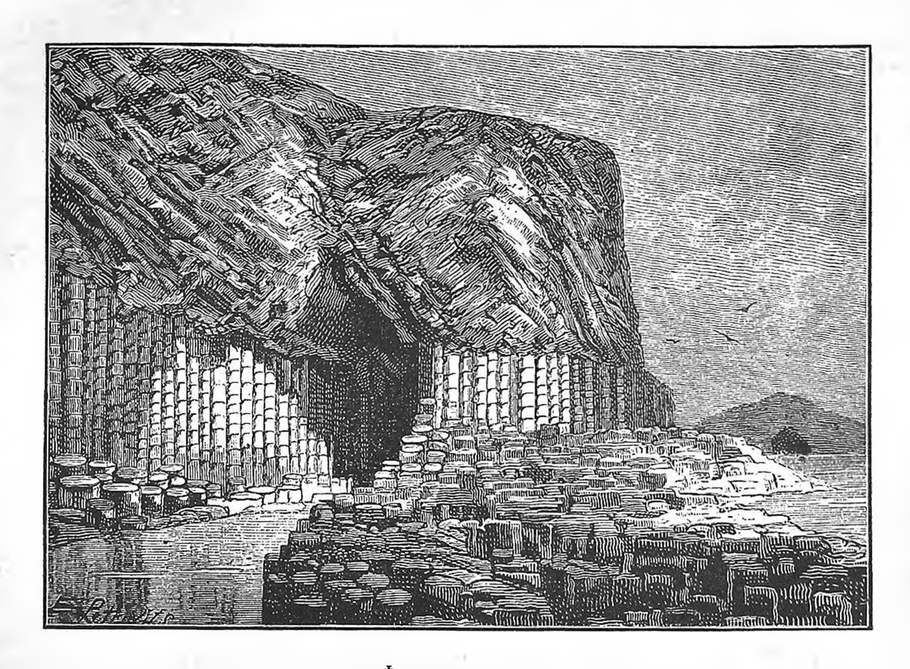
Эти горы суровы, изрыты ущельями и богаты возвышенными и дикоромантичными красотами природы. Между прочимъ, обратимъ вниманіе читателей на то распространенное заблужденіе, будто Шотландскія возвышенности—non plus ultra дикости и что онѣ образуютъ якобы единственную въ своемъ родѣ цѣпь ужасныхъ мѣстностей. Это далеко не такъ; при сравненіи этихъ горъ съ Швейцарскими послѣднія оказываются гораздо болѣе дикими, такъ какъ немногія мѣстности, какъ, напр., Pass of Brander, Glencoe, Фингалова пещера на островѣ Стаффа (послѣдній, какъ и Шотландскіе острова, мы причисляемъ къ горнымъ возвышенностямъ) шотландской горной страны далеко не такъ дики и не могутъ быть сравниваемы ни съ mauvais pas въ Шамуни, ни съ ущельемъ Тамина около Пфеффера. Шотландія лишь въ миніатюрѣ повторяетъ Швейцарію; самая высокая вершина ея—Бенъ Невисъ немного выше 1,340 метр., а Боденское озеро моглобы вмѣстить въ себѣ всѣ шотландскія озера; затѣмъ, здѣсь совсѣмъ нѣтъ глетчеровъ и, не смотря на болѣе сѣверный, сравнительно со Швейцаріею, климатъ, не можетъ быть даже и рѣчи о вѣчныхъ снѣгахъ. Тѣмъ не менѣе, при созерцаніи природы этихъ мѣстностей, невольно напрашивается сравненіе съ Швейцаріей. Когда сидишь на берегу озера Локъ Ломондъ, усѣяннаго 30 зелеными, частію заселенными островами, которое мѣстные жители называютъ сѣвернымъ Лаго Маджоре, когда видишь здѣсь буковые, дубовые и березовые лѣса, темно-синюю поверхность озера, когда свѣтитъ теплое августовское солнце, а пароходы снуютъ туда и сюда, — то можно подумать, что находишься на Фирвальдштедтскомъ озерѣ, которое также богато украшено зеленью и также художественно-красиво. Конечно, Шотландская возвышенность не всегда производила такое идиллическое впечатлѣніе, какое она производитъ теперь,—лѣсныя заросли—главная прелесть ландшафта,—появились лишь въ недавнее время. Но теперь около озеръ развивается пышная растительность, какую только можно ожидать въ столь сѣверномъ климатѣ. Этому, конечно, много способствуетъ влажность воздуха, очень значительная въ этой изрѣзанной моремъ странѣ. Шотландскія „Lochs“—озера — всѣ вообще узки, продолговаты, очень глубоки и богаты рыбой. Такъ какъ гладкая поверхность озеръ зимою представляетъ прекрасный ледяной путь, то здѣсь существуетъ особая игра,—„curling“, въ которой прежде принималъ участіе даже король. Среди шотландскихъ озеръ нѣкоторыя, какъ, напр., Локъ-Линнъ,

Локъ-Этайвъ и Локъ-Файнъ имѣютъ прямое сообщенiе съ моремъ; самое красивое изъ нихъ—Локъ-Кетринъ. При входѣ въ горную страну, въ долинѣ р. Гарри, притока Тэя, впадающаго близь значительнаго города Перта въ собственный заливъ—„Firth" (или Frith), —находится извѣстный проходъ Killiekrankie. Перейдя южныя Грампiенскiя горы, мы вступаемъ въ долину р. Ди, въ которой выстроенъ королевскiй увеселительный замокъ Бальмораль. Вмѣсто голыхъ горныхъ хребтовъ, скудно покрытыхъ тощею травою, мы находимъ здѣсь красивые сосновые лѣса, къ которымъ примыкаютъ березовыя рощи, а у подошвы голубыхъ высокихъ горъ привѣтливо выглядываетъ горное мѣстечко Бремаръ. Но на сѣверѣ и сѣверо-западѣ Шотландiи долины по большей части пустынны и безлюдны. Онѣ придаютъ возвышенностямъ особый характеръ и необходимо ихъ видѣть самому, чтобы составить понятiе о странѣ. Дикiй, романтическiй видъ имѣютъ такъ называемые „глены" —(glens). Это узкiя, глубокiя продолговатыя долины, поросшiя лишь низкимъ кустарникомъ; на нихъ повсюду проглядываетъ голый камень, а сосѣдство съ горами придаетъ имъ видъ безплодныхъ ущелiй. Здѣсь была родина „клановъ",—большихъ родовыхъ союзовъ. Въ военное и мирное время каждый кланъ являлся большею, или меньшею государственною общиною, и каждый членъ носилъ названiе своего клана. Наиболѣе извѣстны кланы: Макдональдъ, Кембель, Макъ Грегоръ, Макперсонъ, Друммондъ и др. Каждый кланъ пользовался независимостью, и члены ихъ отличались между собою цвѣтомъ своей „тартаны". „Тартана"—шерстяная матерiя, которая носилась на плечахъ; изъ нея дѣлалось главное платье шотландцевъ: „Kitt"—короткая верхняя одежда, спускавшаяся множествомъ складокъ почти до колѣнъ и застегивавшаяся на шеѣ, и „Plaid"—его носили въ накидку и скрѣпляли на лѣвомъ плечѣ застежкой. Костюмъ обыкновенно былъ двухъ цвѣтовъ; преобладающими цвѣтами были красный, голубой и зеленый, но встрѣчались бѣлый и черный; у каждаго клана имѣлось собственное сочетанiе цвѣтовъ и своя накидка. Съ уничтоженiемъ клановъ сталъ исчезать и этотъ оригинальный костюмъ, ставшiй теперь уже рѣдкостью, а вмѣстѣ съ нимъ и гэльскiй языкъ. Послѣднiй, равно какъ и прежнiе обитатели страны, по происхожденiю кельты, доселѣ господствовали въ этой мѣстности, въ настоящее же время названный языкъ употребляется лишь въ самыхъ захолустныхъ гленахъ. Однако, онъ безъ измѣненiй сохраняется въ собственныхъ именахъ, и иностранецъ затрудняется въ произношенiи такихъ словъ, какъ напр., Stronachlacher, Ardkenkrokran. Приставка „Макъ" въ началѣ фамилiй, столь характерная для нихъ, означаетъ слово „сынъ", такъ что Макъ Дональдъ значитъ „сынъ Дональда"; впрочемъ и шотландскiй современный языкъ—не чисто-англiйскiй, а смѣшанный; въ немъ имѣется много созвучiй съ нѣмецкимъ, такъ напр. „to ken" соотвѣтствуетъ нѣмецкому глаголу „kennen", „the kirk"—„die Kirche" и т. д. Шотландецъ вообще обладаетъ хорошими умственными способностями, но главною способностью его является способность быстраго усвоенiя иностранныхъ языковъ. Этотъ талантъ нерѣдко оказываетъ шотландцу услугу, такъ какъ послѣднiй часто бываетъ вынужденъ покидать родину на цѣлые года, чтобы заработать кусокъ хлѣба на чужбинѣ; шотландскiй рабочiй всюду пользуется репутацiей дѣльнаго и ловкаго, хотя, къ сожалѣнiю, не всегда умѣреннаго человѣка. Послѣднее обстоятельство объясняется тѣмъ, что въ прежнее время Шотландiя раздѣлялась на два округа, изъ которыхъ въ одномъ производилось винокуренiе, а въ другомъ было запрещено. Характеръ шотландца представляетъ оригинальную смѣсь. Шотландецъ упрямъ до крайности, предусмотрителенъ и замкнутъ, но надеженъ, холоденъ и въ то же время страшенъ, скряга и сверхъ мѣры гордъ. Онъ исполненъ безконечнаго самоуваженiя и смотритъ свысока на чужеземцевъ, къ числу которыхъ онъ относитъ и англичанъ. Шотландiя для него—обѣтованная земля, озаряющая своимъ свѣтомъ весь мiръ. Горные жители Шотландiи занимаются главнымъ образомъ охотою, скотоводствомъ и рыбною ловлею; они принадлежатъ къ пресвитерiанской церкви и лишь незначительная часть ихъ придерживается католическаго вѣроисповѣданiя; они смѣтливы и довольно образованны, но съ другой стороны полны дикихъ суевѣрiй. Такъ, вѣра во „второе зрѣнiе" здѣсь почти всеобща. Впрочемъ, и вся вообще Шотландiя извѣстна своимъ суевѣрiемъ. Гэльская часть Шотландiи принадлежитъ къ числу наибѣднѣйшихъ и наиболѣе отсталыхъ въ культурномъ отношенiи мѣстностей Европы.

Рѣки Шотландiи не имѣютъ большаго значенiя. Онѣ почти всѣ текутъ въ восточномъ направленiи. Изъ нихъ заслуживаетъ упоминанiя развѣ только Тэй, которая считается самою красивою рѣкою Шотландiи; онъ течетъ мимо королевской резиденцiи прежнихъ шотландскихъ государей—Перта.

Насколько разнообразенъ внѣшнiй видъ Шотландiи, настолько-же разнообразно и строенiе ея почвы. Здѣсь мы встрѣчаемъ первобытный глинистый

сланецъ, слюду, гнейсъ, кварцитъ, песчаникъ, порфиръ (самая высокая гора Шотландіи, Бенъ Невисъ, состоитъ изъ порфира) и множество другихъ горныхъ породъ. Базальтовыя образованія принадлежатъ къ числу наиболѣе крупныхъ во всемъ мірѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ Шотландія богата желѣзною рудою и каменнымъ углемъ, которые встрѣчаются по преимуществу въ средней ея части. Продуктами рыболовства, которымъ здѣсь занимаются съ большимъ усердіемъ, являются лососи и форель. Но гораздо большее значеніе имѣетъ морская рыбная ловля, которая ведется здѣсь въ широкихъ размѣрахъ на восточномъ берегу,—ловля



Фингаловъ гротъ.

сельдей и трески. Сельди—очень капризныя созданія; онѣ не всегда появляются въ одно и то-же время и около однихъ и тѣхъ-же береговъ; между уловомъ ихъ и періодомъ метанія икры существуетъ неоспоримая, хотя на первый взглядъ и непонятная связь. Большій или меньшій уловъ сельдей играетъ тамъ такую-же роль, какъ въ прочихъ государствахъ урожаи хлѣбовъ.

Расчлененность береговъ Шотландіи, въ особенности западнаго и сѣвернаго, имѣетъ своимъ слѣдствіемъ то, что во многихъ мѣстахъ въ море выдаются длинные полуострова; самый замѣчательный изъ нихъ—Кентиръ, на Ю.-З. Для того, чтобы вызвать такія образованія, требовались сильныя геологическія пертурбаціи; но еще могущественнѣе должны были быть тѣ силы, которыя во времена сѣдой древности оторвали отъ материка острова: Скай, Мулль и вообще архипелагъ

Гебридскихъ и Оркадскихъ острововъ, при чемъ послѣднiе, въ свою очередь, раздробились на сотни мелкихъ и мельчайшихъ островковъ; такова, напр., группа Гебридскихъ острововъ, которыхъ насчитываютъ до 521.

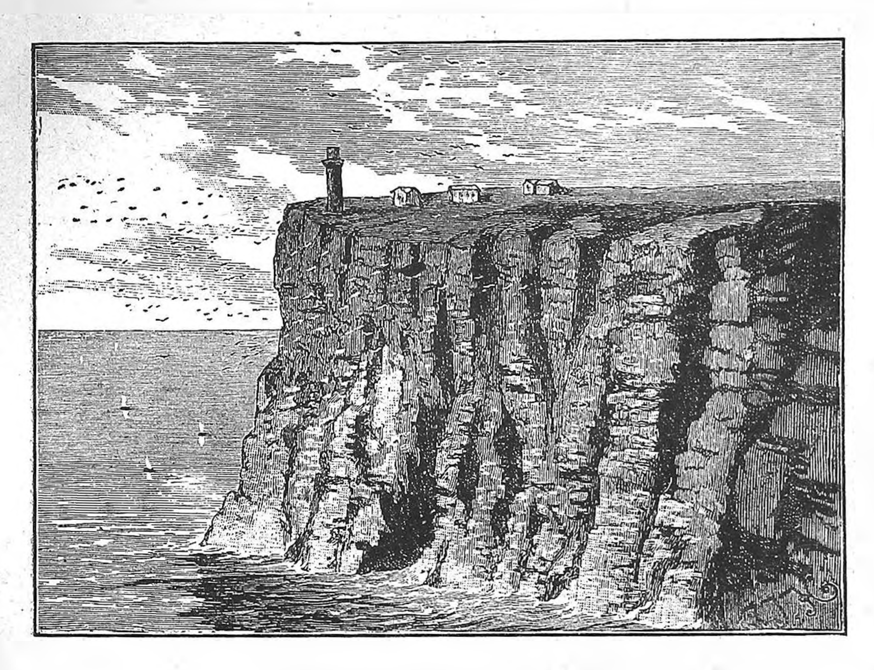
Гебридскiе, или Западные острова, отдѣляясь отъ материка Шотландiи лишь узкимъ проливомъ, такъ близко расположены къ ней, и преобладающее сѣверо-восточное направленiе ихъ, выражающееся также въ фiордахъ, озерахъ и рѣкахъ, такъ ясно, что съ перваго-же взгляда ихъ можно назвать оторванною конечностью упомянутаго материка. Геологическiй составъ ихъ не только не противорѣчитъ, но прямо подтверждаетъ такое предположенiе. Самые большiе изъ нихъ и самые приближенные къ материку острова, считая отъ сѣвера къ югу, слѣдующiе: Скай, Ремъ, Эйга, Мулль съ островами Джона и Стаффа, затѣмъ Айлей (Islay) Джюра съ островами Колонсей и Оронсей и наконецъ Арранъ. Затѣмъ, далѣе отъ материка тянется изогнутою линiею, большой рядъ острововъ, лежащихъ одинъ на другомъ, которые въ совокупности часто называются „Длиннымъ островомъ (The long island); самый сѣверный и самый дальнiй и въ то же время самый большой изъ нихъ—Люисъ, а самый южный—Бернера—одинъ изъ наименьшихъ. Въ геологическомъ отношенiи къ этой-же группѣ острововъ должны быть причислены Тири и Коль. Всѣ Гебридскiе острова пустынны и безлѣсны, берега ихъ круты и часто спускаются къ морю совсѣмъ отвѣсно; на островахъ имѣются довольно значительныя вершины. Наибольшаго совершенства, стройности и значительной высоты достигаютъ базальтовые столбы извѣстнаго острова-скалы—Стаффа, славящагося Фингаловою пещерею. Трудно описать чудный видъ, представляемый безчисленнымъ множествомъ черныхъ базальтовыхъ столбовъ, которые рядами, какъ боковыя стѣны, поднимаются къ небу, между тѣмъ какъ приливъ отливаетъ всѣми красками, а чрезъ отверстiе пещеры открывается свободный видъ на открытое море. Западные острова состоятъ главнымъ образомъ изъ базальтовыхъ формацiй, полукристаллическихъ кварцевыхъ сланцевъ, кварцитовъ, соединенныхъ съ известковыми породами, а также изъ роговой обманки. Бурный, почти никогда не затихающiй вѣтеръ препятствуетъ росту деревьевъ на западныхъ берегахъ, которые вполнѣ отданы на волю бурь Атлантическаго океана.

Сѣвернѣе Шотландiи лежатъ двѣ группы острововъ: прежде всего Оркадскiе или Оркнейскiе, иначе — Сѣверные острова, отдѣленные отъ материка узкимъ Пентлэндскимъ проливомъ; всѣхъ острововъ въ этой группѣ насчитывается 77, изъ нихъ 29 обитаемы; общая поверхность острововъ равняется 1,150 кв. килом. Со стороны материка голубыя горы Оркнейскихъ острововъ кажутся холмами, поднимающимися на почвѣ Кэтнесса. Далѣе поднимается надъ водою группа Шотландскихъ острововъ (150 кв. килом.), которые занимаютъ болѣе изолированное положенiе; всѣхъ острововъ насчитывается 100, изъ нихъ обитаемыхъ 30. Обѣ эти группы острововъ по большей части покрыты мхомъ; жители существуютъ главнымъ образомъ рыбною ловлею.

Наглядную картину Ирландiи,—втораго главнаго острова Великобританской группы, занимающаго въ ней западное положенiе, можно набросать въ немногихъ словахъ. Ирландiя занимаетъ площадь въ 84,250 кв. килом.; по своимъ очертанiямъ она напоминаетъ форму квадрата, каждая сторона котораго равняется 130 килом.; жителей на островѣ 4.704,750 человѣкъ. Самымъ ближайшимъ пунктомъ къ Англiи является мысъ Бенморъ, (Большая Скала или Fair Head—Красивая Голова) который лежитъ противъ южной оконечности далеко вытянувшагося полуострова Кентира, принадлежащаго къ шотландскому графству Аргайль. Наибольшее протяженiе въ ширину, по прямой линiи, мы встрѣчаемъ въ Ирландiи между восточнымъ берегомъ графства Доунъ и мысомъ Ачилль въ графствѣ Майо на западномъ берегу. Очертанiя береговъ хотя и не имѣютъ очень глубокихъ вырѣзовъ, но все-таки столь-же разнообразны, расщеплены и покрыты крутыми полуразрушенными скалистыми стѣнами, какъ и въ Шотландiи. Береговая линiя Ирландiи очень развита; особенно это нужно сказать объ ея

западномъ берегѣ, гдѣ Атлантическій океанъ врѣзывается въ сушу въ видѣ многочисленныхъ языкообразныхъ заливовъ; мѣстами морской прибой образовалъ на берегахъ фіорды, которые тянутся наподобіе бахромы, такъ что ни въ одномъ изъ европейскихъ государствъ, исключая Греціи и Скандинавіи, не встрѣчается болѣе благопріятнаго соединенія моря съ сушею.

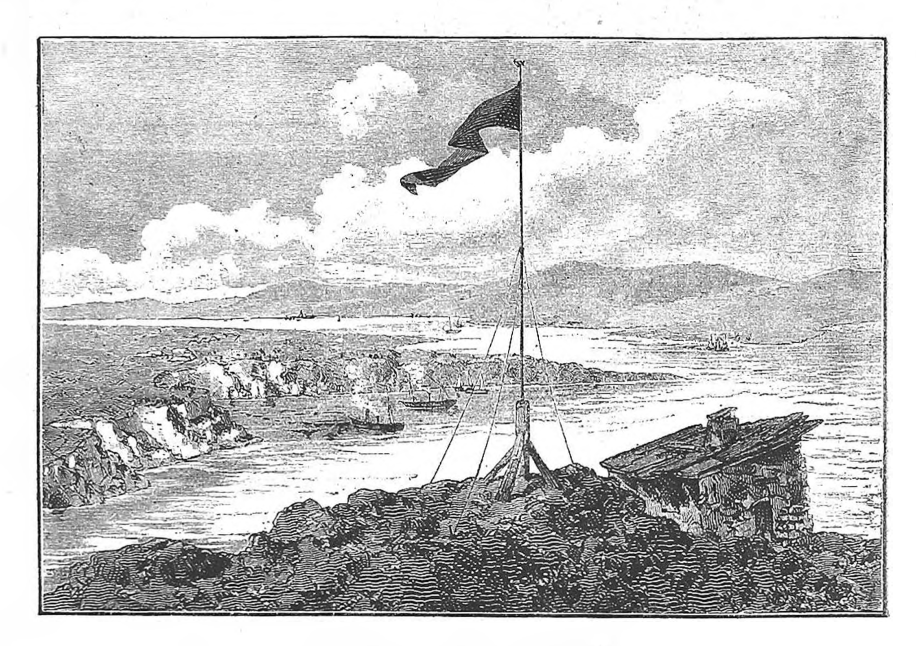
Внутри Ирландіи имѣются обширные бассейны прѣсной воды. Самое большое изъ озеръ—Нигъ, имѣющее почти четыреугольную форму; поверхность его достигаетъ 409 кв. килом. Слѣдующее за нимъ по величинѣ озеро—Коррибъ, непо-



Обрывистые берега въ Ирландіи.

далеку отъ Гальвейской бухты, затѣмъ Дергъ, Мескъ, Эрнъ Нижнее, Эрнъ Верхнее, Килларней и масса другихъ мелкихъ бассейновъ, число которыхъ достигаетъ нѣсколькихъ сотенъ. Напротивъ, большими рѣками Ирландіи бѣдна. Большая часть ихъ судоходна лишь вблизи устьевъ, гдѣ онѣ образуютъ прекрасныя гавани. Рѣки Ирландіи лѣниво текутъ по лугамъ, зачастую соединяя собою озера, и, подобно рѣкамъ Англіи, нерѣдко образуютъ своимъ устьемъ воронку, по которой передаются приливы и отливы, вліяніе которыхъ чувствуется далеко вверхъ по теченію. Одна только центральная рѣка пересѣкаетъ большую часть Ирландіи, это—Шеннонъ, которую ирландцы съ гордостью называютъ королевскою рѣкою. Въ длину она имѣетъ почти 360 килом., и въ нижней своей части, отъ устья до озера Дергъ, на протяженіи 240 килом. удобна для судоходства. Русло этой

рѣки пересѣкаетъ цѣлый рядъ озеръ, такъ что Шеннонъ представляетъ наглядную картину связи подобныхъ, расположенныхъ рядами одно за другимъ, озеръ при помощи рѣчныхъ потоковъ. Указанная особенность ирландскихъ рѣкъ свидѣтельствуетъ о томъ, что онѣ находятся еще въ юношеской стадіи развитія,—періодъ уже пережитый, напр., Рейномъ,—когда плодородныя долины Гоннефа, Нейвида, Майнца представляли собою большіе водные бассейны, связанные сравнительно короткими потоками. Такимъ образомъ, вообще бѣдность Ирландіи проточными водами и множество озеръ ея служатъ доказательствомъ того, что въ



Юго-западный берегъ Ирландіи.

своемъ настоящемъ видѣ Ирландія еще молодой материкъ. Орографія Ирландіи вообще довольно не сложна. Широкая центральная равнина на востокѣ между Дублиномъ и Дундалькомъ, тянущаяся до Канала, будучи въ среднемъ выше уровня моря на 30—100 метр., почти со всѣхъ сторонъ окружена холмистыми мѣстностями и отчасти—мощными горными цѣпями. Взглянувъ на карту, мы увидимъ, что только на Ю.-В. и С.-З. эти горныя области поднимаются выше 800 метр. надъ уровнемъ моря, и что только въ четырехъ изъ этихъ горныхъ цѣпей нѣкоторыя вершины достигаютъ 900 метр.; это—Брендонъ Гилль, на западномъ берегу, (953 метра), Макъ-Джилли-Кеди-Риксъ, въ графствѣ Керри, съ вершиною Каррантуогиллемъ (1,040 метровъ), Гальтиморъ, въ графствѣ Типперари (920 метровъ) и Люньяквиля въ графствѣ Викло. Сѣверную часть острова занимаютъ базальтовыя плато, а отъ графства Антримъ чрезъ внутренніе

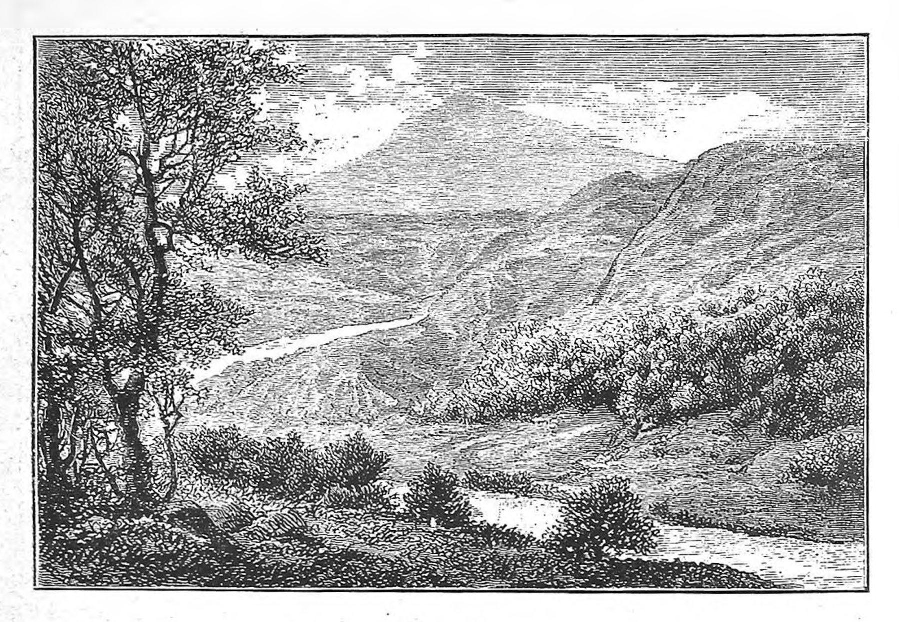
Гебридскіе и Ферерскіе острова тянется съ перерывами цѣпь вулканическихъ образованій, которыя всѣ или почти всѣ возникли въ міоценовый періодъ. Въ сущности, эта страна какъ-бы самою природою предназначена для пастбищнаго хозяйства и скотоводства, но мѣстные жители по какому-то странному недоразумѣнію занимаются хлѣбопашествомъ, воздѣлывая по преимуществу пшеницу и картофель. Ландшафтныя красоты страны съ ея влажнымъ климатомъ и пасмурнымъ лѣтомъ нужно назвать скромными; тѣмъ не менѣе, три небольшія Килларнейскія озера, богатыя островами и расположенныя въ юго-западномъ углу Ирландіи,

Гавань въ Дублинѣ.

очень охотно посѣщаются туристами; красивыя очертанія горъ, окружающихъ эти озера, и пышная растительность вполнѣ заслуживаютъ воздаваемой имъ похвалы, конечно въ томъ только случаѣ, если ожиданія туриста не слишкомъ преувеличены. Такова внутренность Ирландіи, гдѣ благодаря мягкости климата зелень лиственныхъ деревьевъ сохраняется даже зимою, почему Ирландію и называютъ «зеленымъ Эрикомъ», «вѣчно зеленымъ», или «изумруднымъ островомъ». Почти всѣ важнѣйшіе города Ирландіи расположены на морскомъ берегу, это: Коркъ на югѣ, Лимерикъ и Гальвей на западѣ, а на востокѣ, на Ирландскомъ морѣ,— самый замѣчательный торговый городъ на островѣ—Бельфастъ (256,000 жит.) и красивый—главный городъ острова Дублинъ (245,000 жит.).

Ирландія стоитъ, сравнительно съ Шотландіей, на значительно низшей ступени развитія; повидимому англичане на этомъ островѣ хотѣли показать образецъ своей неумѣлой политики. Коренное населеніе острова имѣетъ кельтское происхожденіе; но на

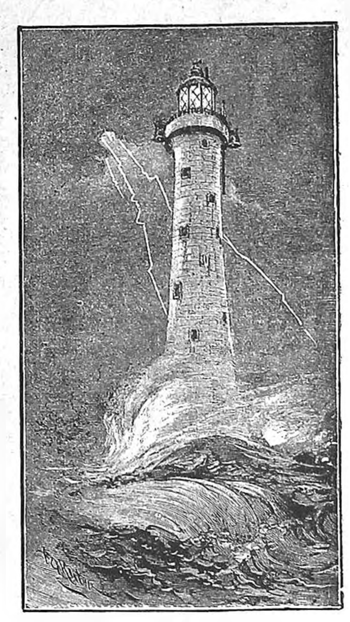
востокѣ и сѣверѣ, въ Ульстерѣ и восточномъ Лейнстерѣ, живутъ англичане, т.-е. населеніе германскаго происхожденія. Появлявшіеся изъ Англіи завоеватели конечно прежде всего достигали ближайшаго къ нимъ, восточнаго берега Ирландіи; утвердившись здѣсь, они оттѣснили на западъ туземное кельтское населеніе, которое мало по малу было лишено ими всѣхъ правъ. Этотъ процессъ продолжается съ 1171 года, съ того времени какъ англичане впервые вступили въ Ирландію. Такимъ образомъ на востокѣ преобладаетъ англійская кровь и вмѣстѣ съ тѣмъ—протестантство, тогда какъ кельтская часть населенія остается вѣрна католичеству. Ирландецъ силенъ и хорошо сложенъ; жилищемъ ему служитъ жалкая хижина, едва похожая на человѣческое жилье; живетъ онъ въ крайней бѣдности, невѣжествѣ и грубости. Тяжелыя условія жизни заставляютъ ирландцевъ уже издавна выселяться, въ колоссальномъ множествѣ, со своего родного острова; вслѣдствіе этого за послѣднія семьдесятъ лѣтъ въ населеніи Ирландіи не замѣчается прироста; не смотря на это страна страдаетъ отъ избытка населенія. Было-бы большою ошибкою предполагать, что за этотъ періодъ ирландцы не размножились; извѣстно, какая громадная масса переселенцевъ прибыла отсюда въ Соединенные Штаты; тамъ съ 1851 г. по 1875 г. число эмигрантовъ изъ Ирландіи достигало 2,377,391 челов., въ 1820—1851 г.г.— 1,031,436 челов., въ общей сложности это составляетъ почти $3^1/_2$ милліона, а за всѣ 70 лѣтъ число переселившихся въ Америку ирландцевъ навѣрное достигло 4 милліоновъ. Настолько же Ирландія была-бы многолюднѣе—еслибы англичане, господа этой страны, не отбили у ирландцевъ всякую охоту оставаться на родинѣ. Справедливость требуетъ, однако, сказать, что въ бѣдственномъ положеніи Ирландіи отчасти виноваты и сами ирландцы, представляющіе изъ себя довольно лѣнивый народъ.



Шаутонъ.

Британскіе острова, окруженные океаномъ и расположенные у теплаго Гольфштрема, обладаютъ очень влажнымъ, необыкновенно умѣреннымъ, прохладнымъ климатомъ, съ незначительными разностями между крайними температурами. Зима здѣсь теплѣе, чѣмъ въ большей части Франціи, и не суровѣе, чѣмъ въ Ломбардіи, лѣто-же прохладнѣе, чѣмъ въ Швеціи. Весна и осень влажны и

этимъ обусловливается прекрасный ростъ травы. Близостью моря уравновѣшиваются не только времена года, но и климатическіе поясы; такъ, климатъ въ Эдинбургѣ немногимъ суровѣе, чѣмъ на южной части острова. Островъ Уайтъ лежитъ немного южнѣе Іены, въ Германіи, а климатъ этого острова сходенъ съ климатомъ Ниццы. Здѣсь во всѣхъ садахъ встрѣчаются лавровишневыя (Prunus laurocerasus) и фиговыя (Ficus carica) деревья съ вызрѣвающими плодами, цвѣтущіе лавры, вѣчно зеленые дубы (Quercus ilex) и оливковыя деревья. Почва, за исключеніемъ гористыхъ мѣстностей, необыкновенно плодородна и при превосходной культурѣ, особенно въ Англіи, приноситъ громадные урожаи. Но виноградъ здѣсь не вызрѣваетъ, хотя еще въ средніе вѣка здѣсь разводились, конечно низшіе, сорта его. Мы уже упоминали о важнѣйшихъ продуктахъ растительнаго и минеральнаго царства Англіи и видѣли, что наибольшія богатства ея скрыты въ нѣдрахъ земли, и что климатъ благопріятствуетъ воздѣлыванію самыхъ важныхъ средне-европейскихъ культурныхъ растеній, въ особенности же —хлѣбныхъ злаковъ. И все-таки нельзя отрицать, что съ введеніемъ интенсивной обработки почвы послѣдняя начала истощаться. Ирландія неудобна для хлѣбопашества, зато она, какъ и Шотландія, производитъ коноплю и ленъ. Лѣса, несмотря на самый тщательный уходъ, все-таки не удовлетворяютъ существующаго спроса. Царство животныхъ не представляетъ ничего замѣчательнаго, будучи совершенно сходно съ континентальною европейскою фауною. Крупныя хищныя животныя истреблены всѣ, оставлены однѣ лишь лисицы и то въ цѣляхъ охотничьяго спорта. Изъ домашнихъ животныхъ слѣдуетъ упомянуть объ ирландскихъ свиньяхъ, англійскихъ овцахъ и рогатомъ скотѣ. Но на первомъ мѣстѣ нужно поставить разводимыхъ здѣсь прекрасныхъ лошадей, пользующихся всемірною извѣстностью.


Эдистонскій маякъ.

Познакомившись съ отдѣльными частями Британскихъ острововъ, бросимъ взглядъ на государственное устройство «соединеннаго королевства Великобританіи и Ирландіи», которое въ настоящее время по торговлѣ, морскимъ силамъ и колоніальнымъ владѣніямъ считается первою державою на землѣ. Къ этому прибавимъ, что съ Англіей мы вступаемъ въ область германскихъ языковъ, тогда какъ въ предшествующихъ отдѣлахъ мы занимались разсмотрѣніемъ исключительно романскаго міра. Мы намѣренно говоримъ: въ «область германскихъ *языковъ*», вмѣсто того, чтобы сказать—«въ область германскихъ *націй*», и дѣлаемъ это потому, что новѣйшія этнографическія изслѣдо-

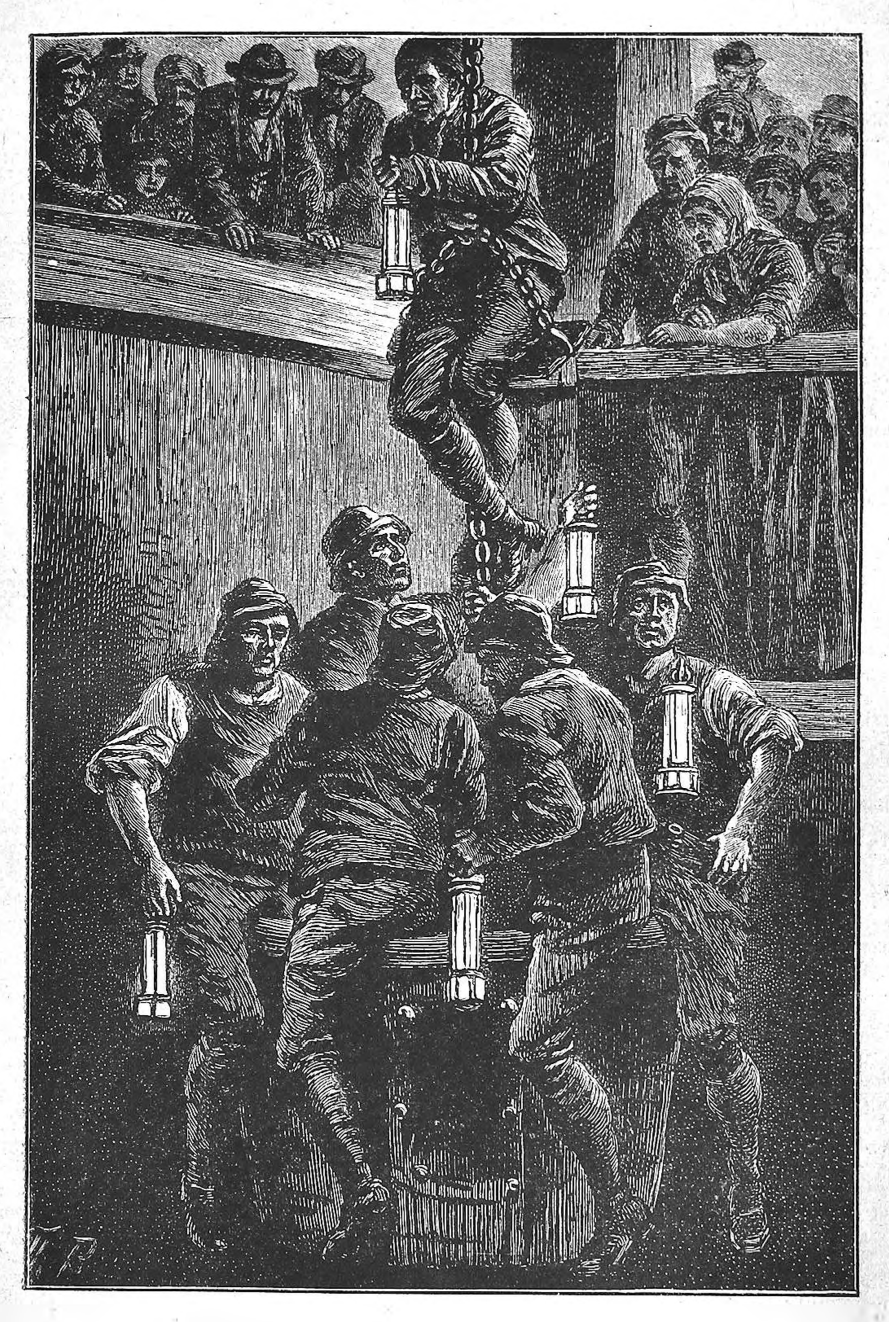
ванія сильно пошатнули то общепринятое доселѣ предположеніе, по которому современные англичане считались прямыми потомками англо-саксонскихъ завоевателей Британіи, такъ что имъ приписывалось чисто германское происхожденіе.

Самый языкъ англичанъ свидѣтельствуетъ, что въ ихъ жилахъ еще течетъ кельтская кровь, и нельзя сказать, чтобы этотъ кельтскій элементъ уменьшался и исчезалъ въ настоящее время; наоборотъ —вслѣдствіе сильнаго ассимилированія Англіею ирландцевъ, шотландцевъ и уэльсцевъ англичане вновь стоятъ на пути все къ большему кельтизированію. Если англійская нація утрачиваетъ значительную часть германскаго элемента уже въ силу преобладанія кельтской крови, то этому процессу въ еще болѣе сильной степени содѣйствуетъ доказанный фактъ существованія на Британскихъ островахъ двухъ рѣзко различающихся между собою этническихъ типовъ, которые встрѣчаются точно также и во Франціи,—бѣлокураго и темноволосаго. Гёксли считаетъ первый типъ арійскимъ, а второй—„иберійскимъ“; послѣдній терминъ, впрочемъ, удобнѣе было бы замѣнить словомъ „доарійскій“ или „доиберійскій“, такъ какъ до сихъ поръ не собраны еще всѣ документы о первобытномъ темноволосомъ элементѣ европейскаго населенія. Дѣйствительно, каждый, кто впервые пріѣзжаетъ, напр. въ Лондонъ и ожидаетъ встрѣтить здѣсь бѣлокурыхъили рыжихъ англичанъ, разочаровывается, встрѣчая на каждомъ шагу темные глаза и черные волосы въ низшемъ классѣ народа, особенно среди женщинъ, которыя, какъ извѣстно, сохраняютъ расовыя особенности съ большею устойчивостью. Насколько Франція не можетъ считаться представительницею чисто-романскаго элемента, настолько-же Англія не можетъ считаться представительницею чисто-германской народности. Кромѣ того, мы не должны забывать, что англичане, этнографическое положеніе которыхъ мы здѣсь разсматриваемъ, образуютъ лишь часть всего населенія Великобританіи и что остальное населеніе Уэльса, Шотландіи и Ирландіи имѣетъ несомнѣнно чисто-кельтское происхожденіе.

Общее количество населенія Великобританіи простирается почти до 38 милліоновъ человѣкъ. За послѣднія десять лѣтъ, съ 1881 по 1891 гг., приростъ населенія составляетъ около 2%. Изъ общаго числа жителей 28 милліоновъ приходится на долю Англіи и Уэльса, 4 милліона на Шотландію, 5 милліоновъ на Ирландію и около 150,000 на островъ Менъ и острова Канала. За послѣднія десятилѣтія Ирландія потеряла значительную часть своихъ жителей главнымъ образомъ благодаря эмиграціи. Но и Англія, равно какъ и Шотландія, ежегодно теряютъ значительное количество эмигрантовъ.

Интересное явленіе представляетъ собою постоянное уменьшеніе смертности за послѣдніе года и увеличеніе населенія въ Англіи. Замѣчательно, что Лондонъ, этотъ міровой городъ, отличается наименьшею смертностью сравнительно со всѣми большими городами Европы. Всего значительнѣе она въ промышленныхъ городахъ— Шеффильдѣ, Манчестерѣ, Лидсѣ и Ливерпулѣ, велика также она и въ двухъ соперничающихъ между собою университетскихъ городахъ, Кэмбриджѣ и Оксфордѣ. Вообще ростъ населенія Великобританіи поражаетъ своею быстротою, и отдѣльные примѣры доказываютъ, что не только въ Соединенныхъ Штатахъ, но и въ Англіи нѣкоторые города обнаруживаютъ необычайно быстрое увеличеніе населенія.

Въ Британской имперіи существуютъ двѣ признанныя государствомъ церкви (established churches), обѣ—продуктъ отреченія націи отъ религіозно-политическаго господства римско-католической церкви: въ Англіи и Уэльсѣ—епископально-англиканская, въ Шотландіи—пресвитеріанская. Въ Ирландіи кельтское населеніе остается вѣрнымъ католической религіи и не имѣетъ государственной



Спускъ въ угольную шахту.

церкви. Церкви англійскаго протестантства различаются между собою какъ по принципамъ, такъ и по учрежденіямъ, причемъ не всегда слѣдуютъ правиламъ терпимости и уступчивости, о которыхъ каждая изъ нихъ проповѣдуетъ своимъ пасомымъ.

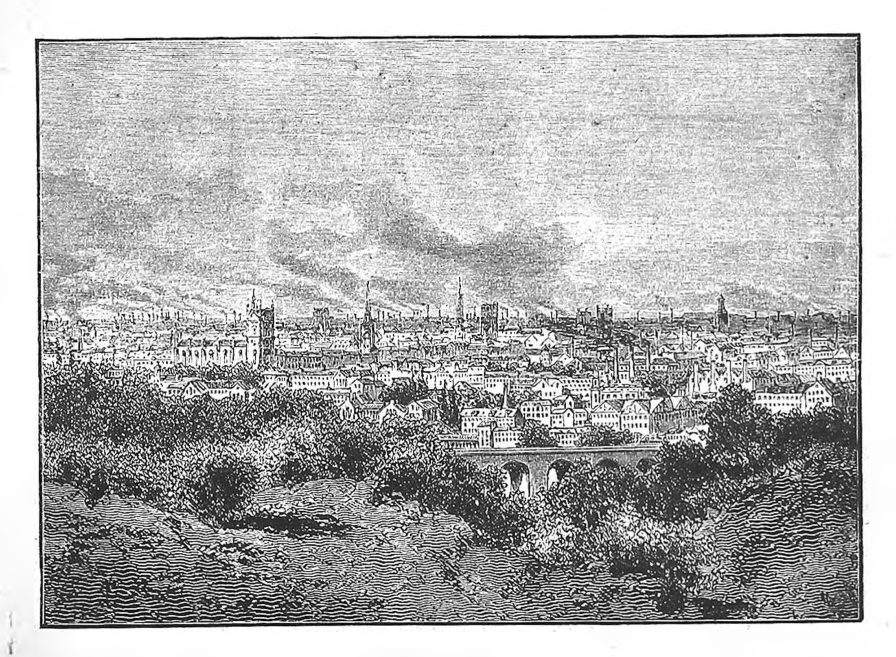
Англиканская церковь или Church of England, занимаетъ первое мѣсто; это—національная или, вѣрнѣе,—государственная церковь. Доктрины этой церкви заключаются въ 36 членахъ книги Prayer Book и представляютъ собою въ сущности ученіе Кальвина. Впрочемъ, относительно толкованія каждаго изъ этихъ членовъ среди англійскихъ богослововъ встрѣчается много противорѣчій, которыя и привели къ образованію двухъ главныхъ вѣроисповѣданій. Одно изъ нихъ, повидимому близкое къ католичеству, именуетъ себя Высокою Церковью (High Church) или Обрядовою (Ritualist); другое, называемое Нижнею Церковью (Low Church), движется въ предѣлахъ, намѣченныхъ Женевскимъ реформаторомъ. Почти половина населенія Англіи и Уэльса исповѣдуютъ вѣроученіе англиканской церкви. Другая половина распадается на нѣсколько сектъ, главнѣйшія изъ которыхъ слѣдующія: конгрегаціоналисты, или независимые; весleянскіе методисты, или послѣдователи Веслея; баптисты, допускающіе лишь крещеніе взрослыхъ; унитаріане, сведенборгіане, моравскіе братья, ирвингіане, свободный христіанскій союзъ (free Christian Union); сандерманіане, кембеліане, секулеры; наконецъ пользующееся общею извѣстностію общество квакеровъ, которые говорятъ между собою на „ты" и носятъ простое однообразное платье. Нѣкоторыя секты признаютъ главную церковь, но большинство сектъ не признаетъ ея. Всѣ секты совершенно независимы отъ государства и существуютъ на собственныя средства. Нѣтъ такой глупости, которая не нашла-бы себѣ послѣдователей. Всѣ эти протестантскія секты погрязли въ самыхъ дикихъ суевѣріяхъ и относятся съ непримиримою враждою къ современной наукѣ и добытымъ ею результатамъ. Спиритизмъ нашелъ здѣсь для себя самую благопріятную почву; безумный „ревивализмъ" (обновленіе религіи) празднуетъ здѣсь свои пышныя оргіи. Къ числу наиболѣе интересныхъ явленій современной религіозной жизни должна быть отнесена систематическая пропаганда католицизма въ Англіи; то-же самое мы наблюдали и въ Соединенныхъ Штатахъ С. Америки, гдѣ религіозныя дѣла находятся въ положеніи, сходномъ съ положеніемъ ихъ въ Англіи.

Духовная культура англійской націи очень различна, смотря по различію классовъ общества. Тѣмъ не менѣе, необходимо сказать, что за послѣднія десятилѣтія дѣло народнаго образованія въ этой странѣ сильно подвинулось впередъ какъ въ количественномъ, такъ и въ качественномъ отношеніи.

* Подобно Франціи, дѣло народнаго образованія въ Англіи до 70 годовъ настоящаго столѣтія не имѣло ни надлежащей организаціи, ни правильнаго контроля. Еще въ началѣ указаннаго періода въ Англіи насчитывалось до $1^1/_2$ милліона дѣтей, не посѣщавшихъ школу. По показаніямъ статистики, на каждую тысячу новобранцевъ въ это время приходилось свыше 200 человѣкъ совершенно неграмотныхъ и свыше 100 человѣкъ, умѣвшихъ только читать, такъ что грамотныхъ было изъ нихъ только $^2/_3$. Народное образованіе за этотъ періодъ времени находилось почти исключительно въ рукахъ духовенства и различныхъ религіозныхъ обществъ. Таковы, напр., общество для распространенія христіанскихъ знаній (Society for promoting Christian Knowledge) основанное въ 1699 г. и существующее до настоящаго времени, „Британское Общество" (основано въ началѣ 19 в.), въ школахъ котораго обученіе велось въ духѣ христіанства вообще, безъ какихъ либо конфессіональныхъ оттѣнковъ или тенденцій, и возникшее въ противовѣсъ ему „Національное Общество" (основано въ 1811 г.) народнаго образованія, въ духѣ господствующей церкви. Съ 70-хъ годовъ, именно—съ періода перваго министерства Гладстона, дѣло народнаго образованія въ Англіи вступаетъ въ новую эру. 9 августа 1870 г. издается актъ „объ обезпеченіи народнаго образованія въ Англіи и Уэльсѣ", которымъ вводится обязательность обученія, а въ 1891 г., въ министерство Салисбюри, въ начальныхъ школахъ Англіи почти повсемѣстно вводится безплатное обученіе, бла-

*) *Дополненіе редакціи.*

годаря правительственной субсидіи школамъ (по 10 шиллинговъ за каждаго ученика); организована также и инспекція за школами. О размѣрахъ ежегодныхъ затратъ на народное образованіе въ Англіи можно судить по слѣдующимъ цифрамъ: въ 1893 г. на содержаніе инспектируемыхъ правительствомъ школъ въ Англіи, Уэльсѣ, Шотландіи и Ирландіи было израсходовано свыше 11 милліоновъ фунтовъ стерлинговъ; изъ этой колоссальной суммы на долю правительства падаетъ свыше $8^1/_2$ милліоновъ фн. стерлинговъ.



Бирмингемъ.

Отличительною чертою народнаго образованія въ Британіи является самая широкая свобода въ программахъ и методахъ преподаванія, выборѣ учебныхъ руководствъ и пособій и т. п. Всякій желающій имѣетъ право открывать какую угодно школу, приглашать какихъ угодно учителей, дать школьному дѣлу какую угодно постановку, не спрашивая на это никакого разрѣшенія у правительства. Инспекція слѣдитъ лишь за результатами обученія. Взглядъ правительства на свою роль въ дѣлѣ народнаго образованія прекрасно выражается въ слѣдующихъ словахъ англійскаго педагога Фрича: „департаментъ народнаго образованія существуетъ для того, чтобы помогать деньгами и всѣми другими способами всякому добросовѣстному труду на пользу народнаго образованія, а не для того, чтобы навязывать всей націи свои педагогическія теоріи и указывать, кого и какъ слѣдуетъ учить“. Благодаря такой постановкѣ школьнаго дѣла, между низшимъ и среднимъ образованіемъ въ Англіи нельзя провести рѣзкой, опредѣленной границы: нерѣдко начальныя школы даютъ учащимся въ нихъ почти среднее образованіе. Что касается высшаго образованія, главными разсадниками котораго служатъ университеты Оксфордскій и Кембриджскій, то постановка дѣла въ нихъ оставляетъ желать еще много лучшаго; главное вниманіе сосредоточено здѣсь на изученіи классиковъ и богословія; свобода научныхъ изслѣдованій сильно стѣсняется господствующимъ здѣсь вліяніемъ протестантскаго духовенства и сектантства. Впрочемъ, начиная съ 50 годовъ настоящаго столѣтія, эти университеты потерпѣли существенное измѣненіе: старинныя традиціи и предразсудки начинаютъ ослабѣвать, а вмѣстѣ съ этимъ замѣчается и бо́льшая свобода мнѣній и изслѣдованій. Значительное число студентовъ этихъ университетовъ (около $^1/_4$ части) по окончаніи въ нихъ курса поступаютъ въ духовное званіе. Университетскіе дипломы можно получить въ Англіи и не обучаясь въ университетахъ; желающіе получить такой дипломъ могутъ

держать экзамены въ особенныхъ совѣтахъ экзаменаторовъ, учрежденныхъ сенатомъ Лондонскаго университета.

Говоря о народномъ образованіи въ Англіи вообще, необходимо упомянуть еще объ одной особенности англійской системы воспитанія и обученія; мы разумѣемъ то вниманіе, съ которымъ и педагоги, и общество относятся къ физическому развитію подрастающихъ поколѣній, устраивая всевозможныя игры, увеселенія и отводя серьезное мѣсто въ дѣлѣ образованія юношества разнаго рода спорту. Благотворное вліяніе этой системы очевидно и не нуждается въ доказательствахъ: одинъ видъ англичанина, высокорослаго, плотно сложеннаго, съ здоровымъ цвѣтомъ лица свидѣтельствуетъ въ пользу этого. Въ то время, какъ интеллигентная часть населенія въ другихъ европейскихъ городахъ зачастую поражаетъ наблюдателя своимъ истомленнымъ, болѣзненнымъ видомъ, а переутомленіе учащихся составляетъ самую больную сторону нашей педагогіи, англичанамъ незнакомо ни то, ни другое, и этимъ они всецѣло обязаны своей теоріи и практикѣ воспитанія, при которой умъ и тѣло развиваются одновременно, безъ преобладанія перваго. Теперь примѣру Англіи слѣдуютъ многія государства Европы, но едва ли которое-нибудь изъ нихъ сравнялось съ нею въ указанномъ отношеніи *).

Въ Англіи болѣе, чѣмъ гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ, путешественникъ можетъ наблюдать плоды медленнаго, но непрерывнаго и прочнаго развитія. Это развитіе, свободное отъ всякой стремительной поспѣшности, находитъ свое естественное объясненіе въ консервативномъ направленіи націи, которое одинаково присуще даже самымъ прогрессивнымъ, наиболѣе крайнимъ въ мнѣніяхъ людямъ. Консерватизмъ англичанина сказывается въ томъ постоянствѣ, съ которымъ онъ придерживается древнихъ нравовъ и обычаевъ, такъ что это самое прогрессивное въ Европѣ государство еще во многихъ случаяхъ сохраняетъ остатки средневѣковой старины. Такъ, въ этой странѣ политической свободы существуетъ синекуръ больше, чѣмъ гдѣ бы то ни было; нигдѣ аристократія не пользуется такимъ могуществомъ и уваженіемъ, какъ здѣсь, и нигдѣ религіозному элементу не представлено большаго простора, чѣмъ здѣсь. Свободное крестьянство въ Англіи — большая рѣдкость; число собственниковъ-землевладѣльцевъ въ Англіи, Уэльсѣ, Шотландіи въ 1871 г. уменьшилось до 26,000, а масса народа вынуждена обрабатывать чужую землю въ качествѣ арендаторовъ, и при существующихъ аграрныхъ законахъ Великобританія перейдетъ къ фермерскому хозяйству. Рядомъ съ этимъ фермерскимъ хозяйствомъ существуетъ величественно развившаяся не имѣющая себѣ соперниковъ промышленность. Мы не будемъ перечислять всѣхъ ея отраслей; скажемъ только, что она охватываетъ почти всѣ области человѣческихъ потребностей; рядомъ съ этою промышленностію мы видимъ настоящее полчище рабочаго пролетаріата на фабрикахъ, въ рудникахъ и т. п., который добываетъ свой хлѣбъ при самыхъ тяжелыхъ условіяхъ и не безосновательно называется «бѣлымъ рабомъ». Женщины и дѣти вынуждены работать въ душныхъ и вредныхъ для здоровья фабричныхъ помѣщеніяхъ, и неизбѣжныя вліянія такого положенія дѣлъ даютъ себя знать въ видѣ всевозможныхъ пороковъ, въ особенности-же въ видѣ пьянства, и сказываются также въ видѣ физическаго вырожденія. Эти безправныя массы рабочаго люда пытались бороться со зломъ, хотя и съ незначительнымъ успѣхомъ, путемъ устройства стачекъ и рабочихъ союзовъ (Trade-Unions); но зло явилось не отъ работодателей,—оно вызвано движеніемъ развивающейся цивилизаціи. Однимъ словомъ, британскій народъ политически

самый свободный по своимъ законамъ, является самымъ рабскимъ—по своимъ нравамъ и учрежденіямъ, т. е. благодаря тому бремени, которое онъ наложилъ на себя добровольно.

Такъ какъ Англія всегда была обособленнымъ государствомъ, то каждый сынъ Великобританіи какъ въ чертахъ лица, такъ и въ характерѣ имѣетъ нѣчто своеобразное, указывающее на расу, и англичанина всегда можно узнать среди представителей различныхъ націй. Ни въ одномъ изъ европейскихъ государствъ гражданинъ не проникнутъ въ такой степени сознаніемъ своего значенія для государства, какъ англичанинъ; поэтому слово „J", состоящее всего изъ одной буквы и означающее „я", онъ всегда пишетъ большой буквой. Каждому англичанину присуще проникновеніе общественными интересами въ строгомъ смыслѣ этого слова; оно обнаруживается въ точномъ исполненіи обязанностей по отношенію къ государству. Этотъ духъ общественности, проявляющійся иногда въ грубыхъ, отталкивающихъ формахъ, образуетъ тотъ свѣтлый политическій разумъ, которымъ обусловливается всемогущее въ Англіи общественное мнѣніе. Мужество, подчиненіе закону, любовь къ семейной жизни, проницательность, предпріимчивость, прилежаніе, выносливость, любовь къ свободѣ и преданность отечеству,—кто станетъ отрицать у англичанъ эти великія гражданскія добродѣтели въ виду свидѣтельства исторіи?.. Очень характерно для англичанъ слѣдующее изреченіе на лондонской биржѣ (Пс. XXIII, 1): „Господня земля и исполненія ея, вселенная и вси живущіи на ней". Здѣсь сказывается величественный англійскій духъ предпріимчивости, духъ мирнаго завоеванія отдаленнѣйшихъ странъ оружіемъ гуманности, религіи и свободныхъ учрежденій, вслѣдствіе чего англичанинъ съ одной стороны, благодаря этой единственной вѣрной колоніальной политикѣ, могъ распространить свое господство и торговые интересы по всей землѣ, а съ другой стороны — стать орудіемъ Промысла для распространенія христіанства и цивилизаціи. Англичанъ считаютъ холодными и несообщительными; да, англичанинъ холоденъ и несообщителенъ, пока онъ работаетъ въ конторѣ; тамъ онъ вполнѣ дѣловой человѣкъ. Но какъ только онъ окончилъ свои дѣла, тогда слѣдуйте за нимъ на домъ, въ кругъ его семьи, гдѣ у камина онъ какъ-бы оттаиваетъ, становится общительнымъ и любезнымъ и развертываетъ свой юморъ, и вы его не узнаете. Говорятъ также, что англичанинъ недовѣрчивъ; но недовѣріе при столь обширныхъ сношеніяхъ со всѣмъ міромъ—необходимая добродѣтель, потому что довѣріе встрѣтило-бы здѣсь тысячи обмановъ. Разъ вы вошли въ жилище англичанина, для васъ открыто его сердце, его домъ, его семейство, его дружба и его довѣріе, и вы можете разсчитывать на него во всѣхъ отношеніяхъ. Вы называете англичанина слишкомъ благочестивымъ по внѣшности, даже ортодоксальнымъ, но посмотрите, можно ли встрѣтить въ какомъ нибудь другомъ государствѣ столько нравственной силы, такую порядочность въ семьѣ, столько чистой религіозности безъ пустыхъ бредней? Въ большихъ морскихъ сраженіяхъ, выигранныхъ Нельсономъ и другими адмиралами, рядомъ со строгой тактикой и дисциплиной ничто не способствовало въ такой степени побѣдамъ, какъ именно непосредственное религіозное чувство. И когда нѣсколько лѣтъ тому назадъ было сдѣлано предложеніе нарушить строгое соблюденіе воскресныхъ праздниковъ съ тѣмъ, чтобы въ эти дни производилась разноска писемъ,—тогда поднялась цѣлая буря со стороны Сити и торговцевъ, и нововведеніе провалилось. Нѣмцы превосходятъ англичанъ въ искусствахъ, наукахъ и даже въ механикѣ. Но въ практическомъ выполненіи и усовершенствованіи, въ примѣненіи изобрѣтенія къ жизни и въ пріобрѣтеніи отсюда денежныхъ средствъ нѣмецъ стоитъ ниже англичанина; послѣдній даже пользуется за его счетъ и потихоньку посмѣивается въ кулакъ, что Джонъ Буль умнѣе своего старшаго двоюроднаго брата Михеля.

Великобританія представляетъ собою метрополію могущественнаго, раскинувшагося по всѣмъ поясамъ, государства, которое англичанинъ съ гордостью можетъ называть «Британскою имперіею» (British Empire). И дѣйствительно, ни одно изъ государствъ на свѣтѣ не обладаетъ такимъ колоссальнымъ числомъ подданныхъ, какъ Великобританія. Во главѣ государства находится монархъ съ титуломъ короля, въ настоящее время—королева, которая, какъ властительница Индіи, именуетъ себя «императрицею Индіи». Британское государство—строго

конституціонная монархія, въ которой власть короля ограничивается почти одними только внѣшними прерогативами. Лондонъ — резиденція правительства и парламента; послѣдній состоитъ изъ двухъ палатъ — Верхней и Нижней. Нижняя палата имѣетъ 670 членовъ, изъ которыхъ 495 избираются Англіей и Уэльсомъ, 72—Шотландіей и 103—Ирландіей; членами Верхней палаты являются только принцы и высшее майоратное дворянство. Къ высшему дворянству принадлежатъ лица, носящія титулъ лорда (господина), т. е. nobility, которая начинается съ барона. Титулъ лорда носятъ: баронъ, виконтъ, графъ (earl), маркизъ и герцогъ. Владѣнія и титулъ передаются по наслѣдству только къ первому сыну. Низшее дворянство называется gentry и вмѣстѣ съ народомъ (Commonalty) образуетъ второе сословіе. При правителѣ состоятъ члены кабинета и государственный секретарь; въ Шотландіи государственными дѣлами завѣдуютъ особые высшіе государственные сановники, а Ирландія, какъ и Индія, управляются «вице-королями». Съ незапамятныхъ временъ Великобританія раздѣляется на графства (shires), изъ которыхъ на долю Англіи приходится 42, на Уэльсъ—12, на Шотландію—33 и на Ирландію—32.

Войско, набираемое вербовкою, въ общемъ невелико, если имѣть въ виду регулярную армію. Его насчитывается всего 228,500 человѣкъ. Кромѣ того, для внутренней защиты государства имѣется милиція, которая можетъ быть усилена до 135,000 человѣкъ; на случай нападенія организованъ корпусъ волонтеровъ 260,000 человѣкъ, а также кавалерія, состоящая изъ мелкихъ землевладѣльцевъ собственниковъ (Yeomanry); она назначается на помощь правительству при возстаніяхъ.

Въ прежнее время британская армія отличалась внутренними своими достоинствоми, и этимъ сглаживалась, до нѣкоторой степени, разница въ численности ея, сравнительно съ другими арміями. Но теперь этого нѣтъ. Въ то время, какъ другія европейскія государства сильно подвинулись впередъ въ дѣлѣ организаціи, техники и тактики военнаго дѣла, консервативная Англія, за исключеніемъ внѣшности, сохранила учрежденія, благодаря которымъ „желѣзный герцогъ" одержалъ нѣкогда побѣду въ войнѣ на Пиринейскомъ полуостровѣ, и потому давно уже не занимаетъ перваго мѣста среди культурныхъ государствъ ни по качеству, ни по количеству своихъ войскъ, ни въ тактикѣ, вооруженіи, или управленіи войсками, что теперь признается и самими англичанами.

Напротивъ англійскій флотъ стоитъ выше всѣхъ, и это нужно сказать какъ о торговомъ, такъ и о военномъ флотѣ. Послѣдній расположенъ въ разныхъ моряхъ, и большая часть его находится внѣ метрополіи. Въ настоящее время военный флотъ Англіи состоитъ 584 кораблей съ 6,341 орудіемъ; экипажъ опредѣляется въ 121,734 человѣка.

Скандинавскій полуостровъ.

Подъ однимъ и тѣмъ же градусомъ долготы съ полуостровомъ Италіи расположенъ на сѣверѣ Европы мощный Скандинавскій полуостровъ, занимающій пятнадцать градусовъ сѣверной широты. На западѣ онъ омывается Атлантиче-

скимъ океаномъ, на востокѣ — Балтійскимъ или Восточнымъ моремъ, верхняя часть котораго носитъ названіе Ботническаго залива. Заливъ этотъ замыкается русскими Аландскими островами, которые по густотѣ своей не имѣютъ соперниковъ; они связываютъ восточный выступъ Швеціи и юго-западный выступъ Финляндіи. Южнѣе, въ собственномъ Балтійскомъ морѣ находятся шведскіе продолговатые острова: Готландъ (3140 кв. килом.) съ своимъ известковымъ плато (78 метр.) и Эландъ (1,375 кв. килом.); послѣдній отдѣляется отъ материка узкимъ Кальмарскимъ проливомъ. Между Скандинавіей и Кимврскимъ полуостровомъ, предъ которымъ на восточной сторонѣ расположены Датскіе острова, волнуется Каттегатъ, соединяющійся посредствомъ узкаго Зунда съ обоими Бельтами и съ Балтійскимъ моремъ; въ томъ мѣстѣ, гдѣ полуостровъ раздѣляется на двѣ части—шведскую и норвежскую, расположена бухта Скагерракъ, отдѣляющая отъ себя глубоко вдающійся въ сушу Христіанійскій фіордъ.

Скандинавскій полуостровъ въ сущности представляетъ собою гигантское скалистое плато, которое на сѣверѣ Ботническаго залива простирается до Финляндіи, а на западъ, въ королевствѣ Норвегіи, переходитъ въ гористую страну, круто ниспадающую къ сѣверной части Атлантическаго океана. Восточная часть полуострова, Швеція, занятая большею частію равниной, которая часто переходитъ въ волнообразныя холмистыя возвышенія и мѣстами прорѣзается длинными, однообразными горными хребтами, производитъ впечатлѣніе вынырнувшей изъ моря и потому сравнительно очень молодой страны; на самомъ же дѣлѣ Скандинавія составляетъ одну изъ самыхъ несомнѣнныхъ и значительныхъ первоначальныхъ горныхъ образованій на земной поверхности. Всюду, куда ни глянешь, виднѣется неизмѣримый хаосъ скалъ, растеній и деревьевъ, та странная смѣсь, которую шведы называютъ «Skog». Скогъ—это шведскій первобытный лѣсъ, какъ бы одежда страны, которую онъ покрываетъ отъ холмистой равнины Шоненъ (Skanes) до тѣхъ пустынныхъ равнинъ Лапландіи, въ которыхъ въ полночь свѣтитъ солнце. Все остальное въ Скандинавіи—исключеніе, случайный элементъ. Такими исключеніями являются болотистыя и торфяныя мѣстности, безчисленныя озера и участки земли, воздѣлываемые человѣкомъ. Густые лѣса Скандинавіи за послѣднее время сильно порѣдѣли благодаря производимымъ въ нихъ опустошеніямъ. На очищенныхъ отъ лѣса мѣстахъ, по рѣчнымъ долинамъ, какъ и въ Альпахъ, расположены поселенія человѣка. На востокѣ и югѣ шведская страна принимаетъ характеръ равнины, которая, благодаря обилію корма, представляетъ благопріятныи условія для скотоводства. Большая часть фруктовыхъ деревьевъ средней полосы, затѣмъ рожь, ячмень, овесъ и картофель произрастаютъ здѣсь съ успѣхомъ почти до 64° с. ш. Эта граница служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и границею южной Швеціи, которая распадается на двѣ половины,—Свеаландъ, или собственно Швецію, и Готландъ, самую южную и вмѣстѣ съ тѣмъ самую красивую и населенную часть государства. Собственная Швеція, къ югу отъ Даль-Эльфа, представляетъ богатую озерами мѣстность, въ которой расположены бас-

сейны могучихъ озеръ Венеръ, Веттеръ и Мэларъ съ его 1,300 острововъ, отличающійся замѣчательно красивымъ мѣстоположеніемъ. Какъ въ Норвегіи наиболѣе важные города расположены на берегу моря, такъ и въ Швеціи самые значительные города, каковы Стокгольмъ, университетскій городъ Упсала, Нуркепингъ (Norrkoping), Кальмаръ, Луннъ, Калрскрона—главное мѣсто стоянки шведскаго флота,—Мальме, Гетеборгъ (правильнѣе—Іетеборъ), Іенкепингъ, Вексіе, Эребро—лежатъ преимущественно по берегамъ южной части полуострова. Лишь немногіе значительные города расположены на сѣверъ отъ Даль-Эльфа; таковы Гафле и Фалунъ, замѣчательный своими мѣдными рудами.

Всего лучше можно познакомиться съ характеромъ этой южной части Швеціи, проѣхавъ во внутрь ея. Кто изъ Копенгагена приближается къ шведскимъ берегамъ около Мальме, тотъ не можетъ не замѣтить поразительнаго контраста между датскою стороною и шведскими берегами: въ то время, какъ первая веселитъ взоръ путешественника своею очаровательною прелестью, своею роскошною полнотою юныхъ силъ, суровые, невзрачные, почти совершенно обнаженные берега Швеціи не въ состояніи возбудить въ путешественникѣ какихъ-нибудь особенныхъ надеждъ. Необходимо заранѣе отказаться отъ того мнѣнія, будто природа Швеціи, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ обыкновенно совершаемыхъ путешествій, отличается особенною красотою и величественностью; въ противномъ случаѣ путешественника ожидаетъ жестокое разочарованіе. Правда, здѣсь есть немало отдѣльныхъ, очень красивыхъ мѣстностей, каковы, напр., Стокгольмъ съ его окрестностями, Іенкепингъ на Веттерѣ; едва ли также удалится путешественникъ и изъ Трольгетты безъ глубокаго впечатлѣнія отъ тамошнихъ величественныхъ водопадовъ; но въ общемъ страна хотя и интересна, однако ее нельзя назвать въ собственномъ смыслѣ красивою или величественною: слишкомъ ощутителенъ недостатокъ горъ и отсутствіе разнообразія въ растительномъ царствѣ. Проѣдемъ по желѣзной дорогѣ хотя бы, напримѣръ, отъ Мальме къ лежащему на юго-востокъ отъ нея на Балтійскомъ морѣ Карлскронѣ. Въ продолженіи нѣсколькихъ часовъ вы ѣдете по Шоненской равнинѣ, которая по плодородію мало уступаетъ благословеннымъ мѣстностямъ Виртемберга; недостаетъ только виноградной лозы и фруктовыхъ деревьевъ. Послѣ трехъ часовъ ѣзды сцена все болѣе и болѣе измѣняется. Все глубже проникаемъ мы въ шведскій первобытный лѣсъ, „скогъ", среди котораго двигаемся сплошь отъ 10 часовъ утра до 8—9 часовъ вечера. Скогъ прерывается на своемъ протяженіи немногими оазисами, подъ которыми мы разумѣемъ отчасти болѣе или менѣе значительные участки обработанной земли, расположенные среди лѣса, отчасти же станціи желѣзной дороги, частію же—озера, словомъ — все, что придаетъ разнообразіе утомительно-монотонному пейзажу. Скогъ суровъ и мраченъ. Онъ состоитъ большею частію изъ хвойныхъ деревьевъ, затѣмъ березы, ольхи и небольшого количества дубовъ. Почва покрыта мхами, папоротниками, кустарниками черники и брусники. Подъ этимъ ковромъ лежитъ твердый гранитъ, мѣстами выступающій наружу. Если видъ нѣмецкихъ еловыхъ лѣсовъ производитъ на туриста очень пріятное впечатлѣніе господствующимъ въ нихъ порядкомъ и чистотою, то этого никакъ нельзя сказать относительно шведскаго скога; часто на большихъ пространствахъ онъ представляетъ картину полнѣйшаго безпорядка. Здѣсь въ безпорядкѣ лежатъ нагроможденные другъ на друга стволы деревьевъ, сучья и вѣтви; тамъ глазъ встрѣчаетъ обширныя черныя пространства, гдѣ, какъ видно, былъ пущенъ огонь, чтобы освободить почву отъ покрывающаго ее кустарника. Среди этихъ непривѣтливыхъ площадей торчатъ обугленные остатки древесныхъ стволовъ, поднимающіеся на 1,5 — 2 метра надъ поверхностью земли. Не слышно ни звука, одно лишь эхо шумящаго поѣзда раздается въ лѣсу; тщетно старается глазъ уловить гдѣ-нибудь кругомъ признаки какой-нибудь жизни; природа кругомъ какъ будто замерла. Однако, и въ этомъ пустынномъ, мертвомъ лѣсу человѣкъ уже успѣлъ стать твердою ногою: то здѣсь, то тамъ виднѣется окрашенный въ красную краску домикъ; кругомъ него лежитъ болѣе или менѣе значительный участокъ обработанной земли, на которомъ растетъ картофель, ячмень и рожь. Трудно представить себѣ, какого труда стоитъ обработка такой земли: приходится не только разчищать землю отъ кустарника и деревьевъ, но и разрыхлить каменистый грунтъ, а на это требуется громадная затрата силъ и труда. Куски камней, получаемые при разрыхленіи и очисткѣ почвы путемъ взрывовъ, копанья и подниманія, складываются съ большимъ искусствомъ по

краямъ разчищенныхъ площадей и образуютъ собою сплошную каменную ограду, высотою около метра, защищающую разработанную ниву отъ вторженія звѣрей. Изъ Карлскроны отправимся въ Іенкепингъ и возвратимся тѣмъ же путемъ въ Альвештадтъ. Дорога отъ Альвештадта и почти до самаго Іенкепинга представляетъ мало интереснаго: на всемъ протяжении пути идетъ почти сплошной скогъ. По мѣрѣ приближенія къ Іенкепингу страна становится разнообразнѣе. Въ разстояніи четырехъ часовъ пути отъ Іенкепинга дорога пересѣкаетъ водораздѣлъ между озеромъ Веттеръ и южною равниною и затѣмъ спускается къ Іенкепингу на 220 метровъ, проходя въ нѣкоторыхъ мѣстахъ частію чрезъ прорытыя скалы, частію по высокимъ насыпямъ, чрезъ ущелья. Мимо красиваго Таберга, лежащаго съ лѣвой стороны, и прелестной Гускварны, привѣтливо выглядывающей изъ глубокой долины, по правую сторону, — поѣздъ несется прямо къ Іенкепингу и озеру Веттеръ. Съ поворотомъ на западъ предъ нашими глазами внезапно открывается восхитительное озеро, на южномъ берегу котораго виднѣется Іенкепингъ съ прекрасно воздѣланными окрестными полями, а на востокѣ и западѣ возвышаются горныя цѣпи, вершины которыхъ теряются въ облакахъ тумана. По прибытіи въ городъ взоръ туриста снова съ удовольствіемъ созерцаетъ прекрасную картину, при чемъ невольно бросается въ глаза сходство этой мѣстности съ окрестностями Боденскаго озера. Конечно, окружающія озеро Веттеръ горы значительно уступаютъ Альпамъ; ихъ вершины — не болѣе, какъ слабое, миніатюрное подражаніе Альпійскимъ вершинамъ; но, съ другой стороны, Боденское озеро далеко не можетъ спорить съ величавымъ Веттеромъ, раскинувшимся съ сѣвера на югъ на протяженіи 126 километровъ и имѣющимъ въ ширину отъ 22 до 27 километровъ.

Іенкепингъ съ своими длинными, широкими и прямыми улицами, представляетъ собою красивый городъ съ населеніемъ въ 12—13,000 человѣкъ; особенно скрашиваетъ городъ отель, который сдѣлалъ бы честь любой столицѣ, и „высшая элементарная школа“, т. е. гимназія, въ которой 500 учениковъ приготовляются къ университетскому образованію; это — великолѣпное зданіе; предъ нимъ бьетъ большой фонтанъ и тянется прелестное мѣсто для гуляній. Изъ фабрикъ замѣчательна колоссальная спичечная фабрика, ограду которой можно обойти не менѣе какъ въ 12 минутъ. На дворѣ лежатъ цѣлыя горы осиновыхъ стволовъ, по 1,000 штукъ и болѣе въ каждой грудѣ, представляя оригинальный контрастъ съ красивыми спичками. Іенкепингъ расположенъ между озерами Мункъ и Роккъ съ юга и Веттерскимъ озеромъ—съ сѣвера. Лежащія неподалеку другъ отъ друга озера Мункъ и Веттеръ соединены посредствомъ канала, который проходитъ по серединѣ города. Прибывающіе въ Іенкепингъ корабли останавливаются не въ предательскомъ Веттерскомъ озерѣ, которое очень часто изъ совершенно спокойнаго состоянія переходитъ въ бурное волненіе, а проходятъ по каналу, причемъ три моста, перекинутые черезъ послѣдній, разводятся, и бросаютъ якорь въ великолѣпной гавани озера Мункъ. Посѣтители Іенкепинга не замедлятъ, конечно, посѣтить также и Гускварну, отстоящую отъ города въ разстояніи $^1/_2$ часа пути. Дорога туда идетъ по роскошной воздѣланной мѣстности, среди садовъ и домовъ поселянъ, а также мимо простыхъ домиковъ, выкрашенныхъ въ красный цвѣтъ, съ ослѣпительно бѣлыми оконными рамами, предъ которыми разложены для просушки сотни хорошо намъ знакомыхъ спичечныхъ коробокъ Іенкепинской фабрики; сама Гускварна, незначительное мѣстечко съ небольшимъ оружейнымъ заводомъ, лежитъ такъ уютно, наполовину прикрытая, у подошвы лѣсистой возвышенности, что одинъ видъ ея вознаграждаетъ путника за предпринятую поѣздку. Но особенно интересны здѣсь восемь водопадовъ, которые образуетъ рѣка Гускварна. Мимо романтическаго лѣсистаго ущелья путешественникъ по узкимъ пѣшеходнымъ тропинкамъ поднимается на возвышенность, и предъ его глазами открывается живописная въ своемъ разнообразіи картина водопадовъ: вода падаетъ то отвѣсно, образуя почти прямой уголъ съ горизонтальною поверхностью, то съ шумомъ течетъ по огромнымъ скаламъ подъ очень тупымъ угломъ, то съуживаясь, то снова расширяясь.

Изъ Іенкепинга путешественникъ отправляется въ Стокгольмъ на пароходѣ, который снимается ночью съ якоря и идетъ почти вдоль всего Веттерскаго озера. Утромъ пароходъ проходитъ мимо наиболѣе интересныхъ мѣстностей озера: островъ Визинго, — единственный, заслуживающій упоминанія островъ на Веттерскомъ озерѣ, и Омбергъ, скалистыя стѣны котораго отвѣсно поднимаются на восточномъ берегу,—остались уже назади; но зато предъ нами открывается древняя, достопамятная Вастена со своимъ могучимъ, построеннымъ Густавомъ Вазою замкомъ. Наружный видъ его, съ круглыми башнями, рвами и валами, сохранился довольно хорошо до настоящаго времени. Послѣ замка, наше вниманіе останавливается на бывшей монастырской церкви готическаго стиля, выстроенной около 1400 года. У Моталы, гдѣ находятся величайшія механическія мастерскія Швеціи съ 2,000 рабочихъ, пароходъ оставляетъ Веттерское озеро и, пройдя по каналу (4 километра въ длину) Моталаэльфъ

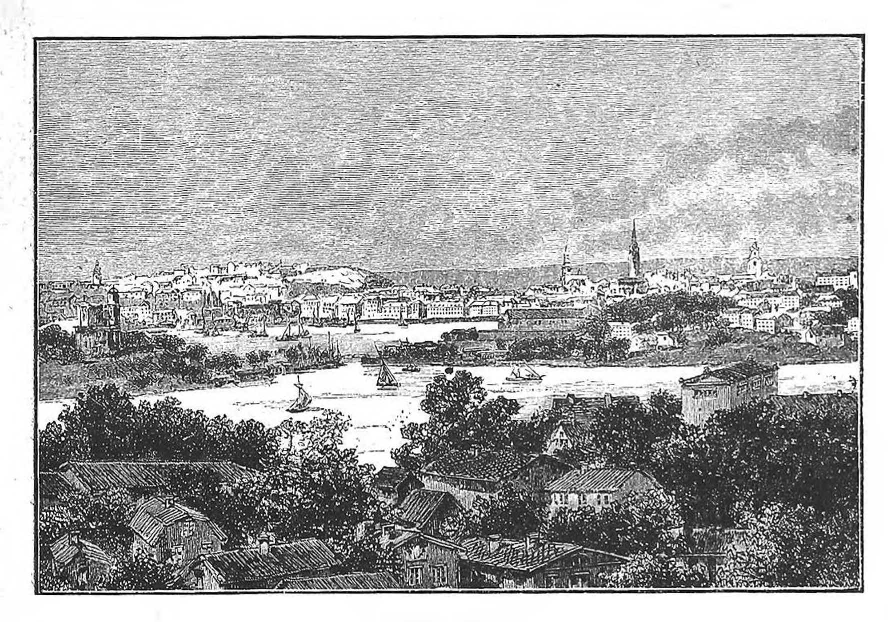
образующую нѣсколько пороговъ, вступаетъ въ озеро Боренъ. Здѣсь мы скоро достигаемъ одного изъ шлюзовъ; ихъ устроено на Готскомъ каналѣ между Стокгольмомъ и Готенбургомъ 58. Такъ какъ Боренское озеро, соединяющее Готскій каналъ съ Веттерскимъ озеромъ, лежитъ на 20 метровъ ниже послѣдняго, то на пути между этими двумя озерами устроено пять шлюзовъ, благодаря которымъ возможно сообщеніе между ними на пароходѣ. Каждый шлюзъ имѣетъ 36,50 метра въ длину, 7,30 метра въ ширину и 3 метра въ глубину, выложенъ гранитомъ и на поперечныхъ своихъ стѣнахъ снабженъ двумя большими воротами; двое рабочихъ на берегу при помощи очень простаго механизма открываютъ или закрываютъ эти ворота смотря по тому, нужно ли поднять судно на водѣ, или спустить его. Мѣстность, идущая вдоль каналовъ и озеръ, отличается плодородіемъ и живописностью. Вечеромъ, у Седеркепинга пароходъ выходитъ въ Балтійское море, и, несмотря на 14-ти часовое плаваніе по нему, путешественникъ вовсе не замѣчаетъ этого, такъ какъ пароходъ все время идетъ между многочисленными, украшенными зеленью шхерами (небольшіе островки), окаймляющими весь берегъ Швеціи. Однако, между шхерами восточнаго и западнаго берега существуетъ сильная разница: въ то время, какъ первые почти сплошь покрыты растительностью, вторыя представляютъ обнаженныя скалы, и при одной мысли о бурѣ въ этихъ мѣстностяхъ путешественника невольно охватываетъ ужасъ. У Седертельге мы чрезъ каналъ того же имени вступаемъ въ Меларское озеро, которое съ избыткомъ вознаграждаетъ насъ за всѣ лишенія, перенесенныя при проходѣ через шлюзъ; повсюду виднѣются острова, отличающіеся замѣчательнымъ разнообразіемъ, съ расположенными на нихъ замками, деревенскими домами и хижинами рыбаковъ, повсюду—оживленное судоходство. Замѣчаешь все болѣе и болѣе, что приближаешься къ царю Мелара—Стокгольму.

Стокгольмъ, имѣющій около 257,000 жителей, лежитъ на семи островахъ при соединеніи Маларскаго озера съ Балтійскимъ моремъ; это—самый красивый изъ всѣхъ сѣверныхъ городовъ; по красотѣ и оригинальности положенія его можно поставить наряду съ Константинополемъ и Неаполемъ. Стокгольмъ часто называютъ сѣверною Венеціею; но это не копія, а оригиналъ.

Если сѣверная столица и уступаетъ „городу лагунъ“ въ роскоши и обиліи дворцовъ, зато она объединяетъ въ себѣ все то, чего лишила природа Венецію: горы, скалы и лѣсъ. Каналы, проведенные въ Венеціи искусственно, въ Стокгольмѣ образуются естественными морскими заливами. Самый красивый видъ на городъ открывается съ терассы Мозебаккъ (Mosebakke), лежащей на возвышенности Седермальма, южнаго предмѣстья Стокгольма. Самъ Седермальмъ, нѣкогда представлявшій собою дикія горы, поднимается крутыми обрывами надъ озеромъ и городомъ; отъ Меларскаго озера ведетъ сюда лишь одна дорога; остальныя улицы—не что иное, какъ лѣстницы. Предъ зрителемъ, стоящимъ на террасѣ Мозебаккъ, разстилается чудная панорама раскинувшагося на нѣсколькихъ островахъ города, который какъ будто плаваетъ на поверхности моря, и цѣлый лѣсъ мачтъ. Въ восточной части города лежитъ зоологическій садъ (Djurgarden), представляющій отдѣльный островъ и нѣкогда дѣйствительно королевскій зоологическій садъ, а теперь увеселительное мѣсто съ многочисленными ресторанами, кафе и т. п.,—мѣсто собранія публики и средоточіе всевозможныхъ увеселеній какъ для горожанъ, такъ и для деревенскихъ жителей. Каждую весну на берегу озера выростаетъ деревянный городъ, снова исчезающій съ наступленіемъ листопада. Это своего рода кочующая ярмарка: игры въ кольцо, театры на открытомъ воздухѣ, балаганы и т. п. Далѣе, по направленію внутрь страны, возвышаются павильоны всевозможныхъ стилей, построенные на террасахъ, съ которыхъ открывается видъ на море; это рестораны. Они остаются открытыми и зимою, и когда толстая ледяная кора скуетъ воды Меларскаго озера и Балтійскаго моря, когда снѣгъ покроетъ гранитныя набережныя и Стокгольмъ кажется издали закутаннымъ въ горностаевую шубу,—въ зоологическомъ саду снуетъ множество саней, и публика веселится и закусываетъ подъ покрытыми инеемъ деревьями и кустарниками. Лѣтомъ здѣсь собирается вся знать и горожане; тутъ пьютъ пуншъ со льдомъ, наслаждаются красотою сѣверныхъ сумерокъ при звукахъ полдюжины оркестровъ. Зоологическій садъ слѣдуетъ посѣтить еще и потому, что здѣсь можно увидѣть стокгольмскихъ красавицъ, точно также, какъ въ Севильѣ стоитъ побродить вечеромъ по набережной Гвадалквивира, чтобы полюбоваться красотою закутанныхъ въ мантильи андалузскихъ „manolas“.

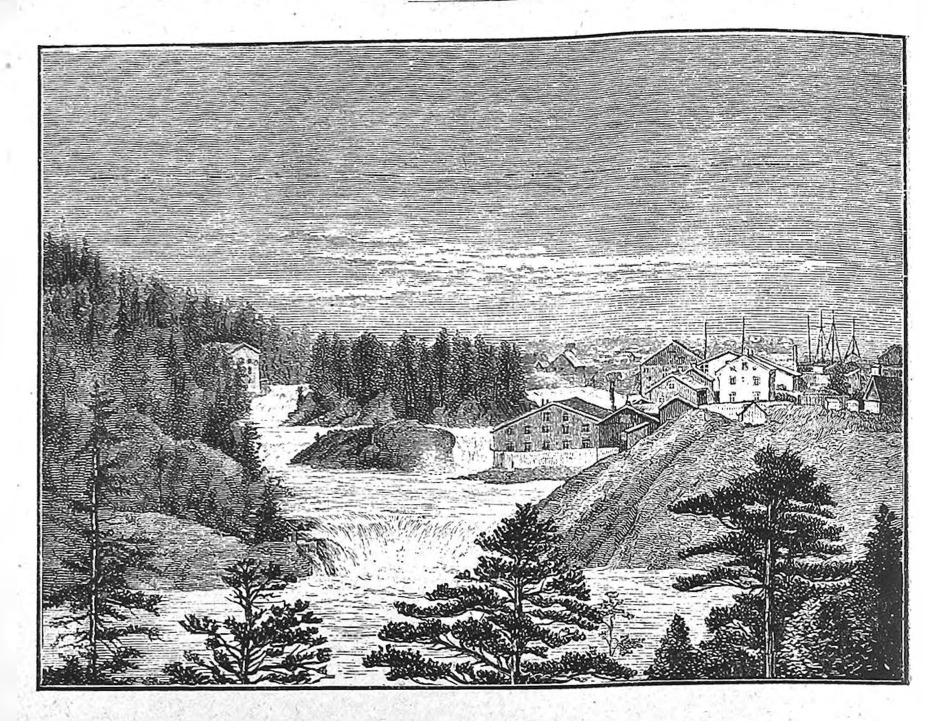
Въ Меларскомъ озерѣ около 1,300 острововъ, а число его проливовъ, косъ, мысовъ

и бухтъ трудно даже перечесть. Озеро похоже то на соединеніе рѣкъ, развѣтвляющихся въ разныя стороны, то на величественный водный бассейнъ, служащій перспективою лѣтнимъ замкамъ королевской семьи; въ его волнахъ отражаются башни Грипсгольма, большія лѣстницы Дроттнигсгольма и террасы Ульриксдаля. Грипсгольмъ — рыцарскій замокъ; его величественныя залы, гдѣ теперь стоитъ длинными рядами оружіе, пережили не одну революцію, а его башни не разъ служили темницами свергнутымъ съ престола монархамъ. Дроттнигсгольмъ, отличающійся благородствомъ своихъ архитектурныхъ формъ, — любимое мѣстопребываніе королевской семьи; Ульриксдаль, расположенный при одной изъ красивѣйшихъ бухтъ озера, служитъ резиденціею королей,—знатоковъ и цѣнителей искусства.



Г. Стокгольмъ.

На сѣверъ отъ Стокгольма лежитъ университетскій городъ Упсала съ 20,000 жителей, въ очень однообразной, но плодородной мѣстности,— тамъ, гдѣ Меларское озеро съуживается наконецъ въ рѣчное русло. Упсала имѣетъ узкія и прямыя улицы, но архитектурныхъ памятниковъ, исключая церкви, коллегіи и библіотеки, здѣсь нѣтъ; замокъ, университетскія зданія и соборъ стоятъ на небольшомъ возвышеніи. Упсала хотя и носитъ старинное названіе, но древнимъ городомъ въ собственнемъ смыслѣ ее назвать нельзя: деревянныя зданія шведскихъ городовъ слишкомъ часто истребляются пожарами, чтобы выстоять долгое время. Подобный пожаръ опустошилъ въ 1869 году красивый городъ Гефле, теперь большею частію отстроенный заново; онъ имѣетъ около 25,000 жителей и въ торговомъ отношеніи занимаетъ въ Швеціи третье мѣсто. Здѣсь имѣются двѣ корабельныя верфи, мореходное училище и ведется довольно бойкая торговля деревомъ и желѣзомъ. Отправляясь по желѣзной дорогѣ на западъ отъ Гефле, мы достигаемъ, миновавъ богатое бухтами озеро Руннъ, города Фалуна, главнаго города прежней провинціи Даларне (Далекарлія), отличающейся отъ другихъ, болѣе южныхъ мѣстностей Швеціи какъ по природѣ страны, которая становится все болѣе и болѣе гористою и величественною, такъ и по населенію. Жители Даларне—крѣпкій народъ съ природною остротою ума и ловкостью; о послѣднемъ свидѣтельствуютъ фабрикація часовъ, плетеніе волосяныхъ издѣлій и т. п. Зиму они проводятъ большею частію дома, а лѣтомъ продаютъ заготовленные фабрикаты въ Швеціи, Даніи и Англіи, или нанимаются на работы, преимущественно въ Стокгольмѣ. Но возвращающіеся обратно въ свои родныя долины далекарлійцы все болѣе и болѣе заносятъ сюда чужіе обычаи, отчего начинаетъ страдать та простота нравовъ, которою въ теченіе нѣсколькихъ сто-



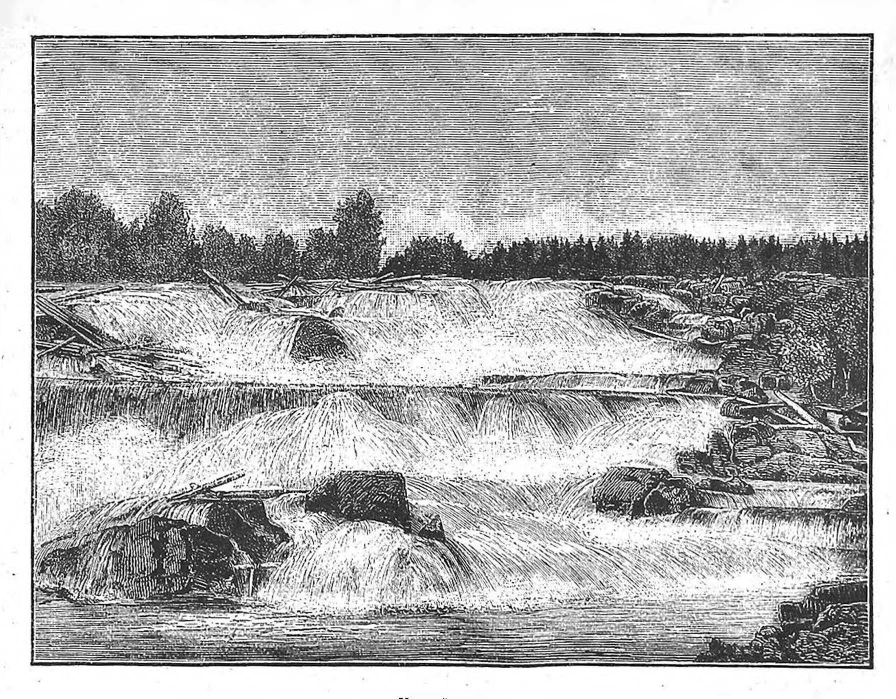
Водопадъ въ Тронтгеймѣ.

лѣтій отличалась Даларне. Между собою даларнійцы говорятъ на особенномъ нарѣчіи. Здѣсь сохранился еще до сихъ поръ нарядный національный костюмъ, уже исчезнувшій въ средней и южной Швеціи. Своимъ значеніемъ Фалунъ обязанъ добыванію мѣди, находящейся въ его горахъ, но это значеніе его уже упало и далеко не можетъ равняться съ тѣмъ, чѣмъ было два-три столѣтія тому назадъ.

Скандинавскій полуостровъ состоитъ изъ громадной скалистой площади, которая на западной своей сторонѣ, въ королевствѣ Норвегіи, переходитъ въ горную страну, круто ниспадающую къ океану. Мѣстами въ Швеціи попадаются своеобразныя горныя образованія; это—горные хребты, всегда вытянувшіеся въ длину и поднимающіеся на подобіе столовой возвышенности на 100 и болѣе метровъ выше средняго уровня холмистой страны; состоятъ такіе хребты изъ твердаго гранита и называются «азами» (as—«покрышечные хребты»). Собственно горныхъ цѣпей въ томъ смыслѣ, какъ обыкновенно мы ихъ понимаемъ, здѣсь нѣтъ, и высокій сплошной горный хребетъ, извѣстный подъ названіемъ Шоленьскаго хребта (Kjolen), якобы отдѣляющій Швецію отъ Норвегіи, существуетъ только въ воображеніи: въ дѣйствительности Шоленскія горы не существуютъ, и на лучшихъ картахъ послѣдняго времени мы даже не встрѣчаемъ этого названія. «Kjölen» означаетъ киль, и этимъ именемъ страна обязана своему видимому сходству съ килемъ судна,—сравненіе, справедливость котораго сильно подорвана позднѣйшими топографическими изслѣдованіями. Расположенные на постепенно,

едва замѣтно поднимающейся поверхности широкіе котлообразные промежутки раздѣляютъ продольные горные хребты и отдѣльныя закругленныя вершины; послѣднія частію покрыты внизу лѣсомъ, частію же пустынны и голы. Промежутки между горами заполнены обширными болотами и многочисленными озерами. Куда ни глянешь, всюду взоръ встрѣчаетъ водныя поверхности всевозможной величины, расположенныя въ видѣ ступеней другъ надъ другомъ, на различной высотѣ. Такимъ образомъ, горныя массы Скандинавіи перерѣзываются широкими поперечными балками, нарушающими ихъ непрерывность, такъ что возвышенности являются здѣсь преобладающими, а низменности и долины, большею частію узкія, играютъ второстепенную роль.

Скандинавская горная возвышенность имѣетъ совершенно иной характеръ сравнительно съ горами южной Европы. Если путешественникъ изъ рѣчной долины или изъ фіорда взберется на высоту и посмотритъ кругомъ, то передъ нимъ откроется огромная „гейда“. Норвежское „heidi“, первоначально обозначало, какъ и нѣмецкое „Heide“ не что иное, какъ широкую пустынную равнину, лишенную древесной растительности; но мало по-малу смыслъ этого названія измѣнился, и теперь подъ словомъ „heidi“ разумѣется не только возвышенная пустыня, но и всякое гористое образованіе, гора вообще. Выраженіе „ѣхать по гейдѣ“ норвежцы обыкновенно понимаютъ въ смыслѣ прямаго слѣдованія изъ долинъ по горамъ, но съ ограниченіемъ,—если горы, о которыхъ идетъ рѣчь, выступаютъ за границу древесной растительности; если же онѣ остаются ниже этой границы, тогда употребляется другое выраженіе,—ѣхать over skogen (по лѣсу); если обнаженныя, лишенныя древесной растительности нагорныя возвышенности имѣютъ



Хенефоссъ.

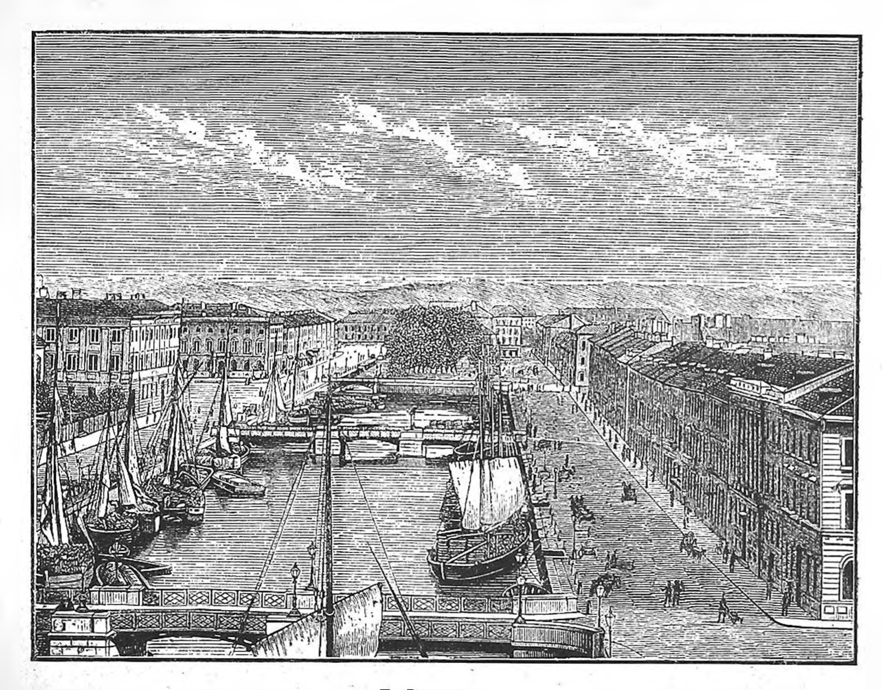
значительное протяженіе, тогда ихъ называютъ („widdene“ (раздолье). Въ восточныхъ мѣстностяхъ Норвегіи для обозначенія путешествія по горамъ употребляютъ выраженіе „over kjölen (ѣхать по килю). Слово „киль“ предполагаетъ горный хребетъ съ отлогими склонами, ограничиваемый съ обѣихъ сторонъ двумя долинами, но ничего подобнаго въ странѣ не наблюдается: здѣсь нѣтъ ни одного образованія, которое напоминало бы собою горную цѣпь. Въ Норвегіи имѣются только обширныя плоскогорія, безъ гребней и склоновъ; они не отдѣляютъ въ сторону Швеціи никакихъ боковыхъ вѣтвей, а просто заканчиваются долинами. Восточную границу наибольшей средней высоты страны нужно искать въ той полосѣ, которая находится въ разстояніи 80—100 километровъ отъ западнаго берега моря и идетъ приблизительно параллельно ему; скалистыя массы отклоняются отъ этого направленія лишь у Йедерена (58°50′ с. ш.). Обширныя, лишенныя древесной растительности, пустынныя гейды, настоящія „возвышенныя пустыни“, имѣютъ очень различную высоту надъ уровнемъ моря. Средняя ихъ высота вообще менѣе на сѣверѣ, чѣмъ въ срединѣ и на югѣ; на сѣверѣ она колеблется между 490—650 метр., на югѣ и въ средней части — между 800 — 1,130 метр., такъ что полуостровъ къ сѣверу имѣетъ болѣе плоскій характеръ, по направленію же къ югу или, вѣрнѣе, къ юго-западу, онъ повышается. Въ южной Норвегіи, между 64—63° с. ш., поднимается самая мощная возвышенность Скандинавіи, могучія Іетунфьельды („Гигантскія горы“), на которыхъ лежитъ величественный Store Galdhöppig въ Йемсфьельдѣ, самая высокая въ Сѣв. Европѣ, гора (2,604 метра). Нѣсколько сѣвернѣе, въ Доврефьельдѣ, громоздится массивный Снехеттенъ (2,306), долгое время считавшійся высочайшею вершиною Скандинавіи. Кромѣ указанныхъ вершинъ, заслуживаетъ упоминанія еще Сулительма, на крайнемъ сѣверѣ высотою въ 1,869 метровъ.

По страшной, величавой дикости своихъ горъ Скандинавія не уступаетъ ни одной странѣ Европы. Изборожденныя ущельями и разсѣлинами, подобно Альпамъ, горы Скандинавіи наполнены страшными пропастями и глубокими оврагами, множествомъ горныхъ озеръ, заключенныхъ между отвѣсными скалистыми стѣнами, массою бурныхъ ручьевъ и рѣкъ съ громадными водопадами; онѣ повсюду покрыты разбросанными осколками скалъ и могучими глетчерами („Iökull“, мн. ч. „Iökler“), на которыхъ, въ противоположность Альпамъ, часто встрѣчаются образованія, имѣющія форму столовой возвышенности. Іостедольсбрае – самый большой глетчеръ въ нашей части свѣта, а внутри Іокультскаго фіорда ледникъ своимъ краемъ доходитъ почти до самой поверхности моря. Нѣтъ недостатка здѣсь также и въ лавинахъ. Но вслѣдствіе того, что узкія и глубокія долины Скандинавіи, такъ сказать, исчезаютъ среди мощныхъ, сплошныхъ горныхъ громадъ, картины ея имѣютъ совершенно иной характеръ и производятъ совершенно иное впечатлѣніе сравнительно съ картинами тѣхъ горныхъ странъ, гдѣ, какъ, напр. въ Альпахъ, долины преобладаютъ и по занимаемому пространству превосходятъ возвышенности.

Гидрографическія условія Скандинавіи соотвѣтствуютъ платообразному строенію ея горныхъ массъ. Въ самомъ дѣлѣ, весь полуостровъ представляетъ собою озерное плато. Всѣ тѣ водныя массы, которыя въ видѣ пара поднимаются съ поверхности сѣвернаго моря и Атлантическаго океана и приносятся западными вѣтрами въ Норвегію, наталкиваются на западный склонъ столовой возвышенности и не могутъ переступить чрезъ могучую горную равнину. Благодаря этому получается обильный осадокъ, обусловливающій собою существованіе массы текучихъ и стоячихъ водъ. Рѣки (Эльфы) свѣтлаго, искристаго, зеленоватаго цвѣта бѣгутъ по долинамъ въ разныя стороны. Болѣе или менѣе значительнаго развитія эти рѣки, понятно, достигаютъ лишь на восточной, шведской сторонѣ, и представляютъ собою собственно не что иное, какъ рядъ внутреннихъ озеръ (по норвежски—„vande“), связанныхъ между собою короткими стремительными потоками, которые мѣстами превращаются въ значительные водопады. Само собою понятно, что этотъ процессъ совершается гораздо быстрѣе на западной сторонѣ, гдѣ горные склоны сравнительно очень круты, чѣмъ на восточныхъ скатахъ, спускающихся медленно и постепенно. Долины здѣсь глубоки и удалены другъ отъ друга. Падающій на поверхность плато дождь собирается на поверхности плато и затѣмъ стекаетъ внизъ по узкимъ канавамъ и бороздамъ долинъ, которыя отдѣляются отъ фіордовъ крутыми и отвѣсными скалистыми стѣнами, такъ что рѣка достигаетъ фіордовъ въ видѣ водопадовъ. На западѣ огромныя массы воды низвергаются часто въ видѣ одного сплошнаго водопада исполинскихъ размѣровъ, безъ всякихъ уступовъ, съ высоты въ нѣсколько сотъ метровъ. Здѣсь находятся также величайшіе каскады Норвегіи, которыя по массѣ воды и величественности картины далеко оставляютъ за собою альпійскіе водопады. Во всей Европѣ не встрѣтишь водопадовъ съ такою колоссальною высотою непосредственнаго паденія и такихъ размѣровъ, каковы, напр., находящіеся здѣсь Рингедальсъ-Фоссъ и Верингъ-Фоссъ (292 м.) въ Гардангерѣ или еще болѣе великолѣпный Рьюканъ-Фоссъ (162 м.) въ Телемаркѣ, носящій выразительное названіе „дымящійся водопадъ“

такъ какъ онъ раздробляется въ огромныя облака водяной пыли.

Но что возбуждаетъ особенное вниманіе путешественника въ Скандинавіи, — это колоссальность ея горизонтальныхъ протяженій. Среднеевропейскія Альпы, напр., описываютъ дугу въ 1,190 километровъ длиною отъ Ривьера-ди-Поненте у Средиземнаго моря до Дунайской низменности около Вѣны. Западный же край Скандинавскихъ горъ, отъ Линдеснеса до Нордкапа, имѣетъ въ длину болѣе 1,830 километровъ. Общая площадь, занимаемая этими горами, равняется 523,100 кв. километрамъ, — на 55,000 кв. километровъ болѣе пространства, занимаемаго Альпійскими, Аппенинскими и Пиренейскими горами, взятыми вмѣстѣ. Однако, съ отношеніями этихъ величинъ мы еще не вполнѣ свыклись. Въ нашихъ учебныхъ атласахъ Скандинавія въ большинствѣ случаевъ изображается на листахъ такого же формата, какъ Пиренейскій полуостровъ, Англія, Франція или Турція. Благодаря этому, Норвежскія озера, какъ, напр., Міэзенъ или Фаэмундъ, превосходящія по протяженію Женевское и Боденское озера, на такихъ картахъ почти совершенно незамѣтны. Согнефіордъ простирается вглубь материка болѣе чѣмъ на 220 километровъ,—разстояніе, приблизительно равное пространству между Мюнхеномъ и Гейдельбергомъ или между Иннсбрукомъ и Вероною. Гудбрандсдаль, отъ начала до конца совершенная горная долина, въ своемъ главномъ протяженіи занимаетъ около $3^1/_2$ градусовъ географической широты. Сравните теперь съ этими пространствами протяженія долинъ Инна или Роны, поскольку послѣднія принадлежатъ Альпійской области.



Г. Гетенбургъ.

Относительно геологическаго прошлаго Скандинавіи мы знаемъ очень мало, такъ какъ здѣсь почти совсѣмъ отсутствуютъ осадочные пласты и остатки ископаемыхъ организмовъ. Несомнѣнно одно, — что полуостровъ нѣкогда поднимался надъ поверхностью моря выше, чѣмъ теперь; неопровержимыми доказательствами тому служитъ существованіе фіордовъ и шкеръ. Послѣднія на Норвежскомъ бе-

регу сохранились во всемъ своемъ величіи, на шведской же сторонѣ, обращенной къ Балтійскому морю, гдѣ замѣчается непрерывное поднятіе берега, они замаскированы сушею.

Христіанія, съ фортомъ Агерсгуусъ, средоточіе правительственныхъ учрежденій, университетскій и торговый городъ, ни въ какомъ отношеніи не можетъ равняться съ Стокгольмомъ: она уступаетъ ему и по красотѣ мѣстоположенія, и по величественности и роскоши общественныхъ учрежденій, и по богатству своихъ музеевъ. Это объясняется отчасти тѣмъ, что быстрое развитіе Христіаніи началось въ сравнительно недавнее время; еще въ 1814 году въ ней насчитывалось всего лишь 10,000 человѣкъ населенія, въ настоящее же время эта цифра возросла до 150,000. Въ другихъ отношеніяхъ Христіанія также представляетъ мало замѣчательнаго; правда, въ городѣ есть королевскій замокъ, исправительный домъ, театръ, биржа, университетъ, таможня, зданіе правительственныхъ учрежденій, а также различныя казенныя заведенія, зданія и общества; но все это не представляетъ собою ничего особеннаго для города, раздѣленнаго на четыре квартала и 12 предмѣстій, причемъ послѣднія разсѣяны на большомъ разстояніи и отдѣлены другъ отъ друга горами и долинами. Самый городъ расположенъ на скалистой почвѣ; всюду встрѣчаются груды горныхъ породъ, и даже подлѣ новаго и самаго красиваго зданія стортинга, въ которомъ собираются представители страны и находятся государственные архивы, поднимается настоящій каменный бугоръ.

Западный берегъ Норвегіи подверженъ непосредственному дѣйствію приносящихъ дождь вѣтровъ, именно—югозападнаго и сѣверозападнаго. Поэтому количество выпадающаго здѣсь дождя довольно значительно; особенно это нужно сказать относительно южной части страны. Въ Бергенѣ количество дождя, выпадающаго въ теченіи года, достигаетъ даже 1,90 метра, и въ году здѣсь бываетъ больше дождливыхъ, чѣмъ хорошихъ дней. Немногимъ путешественникамъ удавалось видѣть Бергенъ въ сухую погоду. Бергенъ (53,000 жителей) нѣкогда, въ періодъ господства датчанъ, былъ столицею Норвегіи. Онъ гнѣздится между широкою бухтою и семью горами, въ складкахъ горъ, и состоитъ, собственно говоря, изъ четырехъ или пяти городковъ, раздѣленныхъ между собою крутыми склонами. Бергенъ—главный торговый пунктъ Норвегіи и главное складочное мѣсто для рыбной ловли. Городъ лежитъ у внутренняго края глубоко врѣзавшейся въ сушу бухты Ваагъ и имѣетъ узкія, извилистыя и неровныя улицы; дома въ немъ большею частію деревянные, построенные въ своеобразномъ норвежскомъ стилѣ; городскихъ воротъ имѣется всего двое, зато здѣсь есть шесть площадей и королевскій замокъ. Бергенъ имѣетъ также свою собственную биржу и театръ, похожій, впрочемъ, скорѣе на плохо выстроенный сарай. Области къ сѣверу отъ Бергена, именно — мѣстности Согнефіорда, Ромсдаля, Дронтгейма и арктическая область, повидимому, не особенно часто посѣщаются дождями. Особенно хорошъ бываетъ здѣсь іюль мѣсяцъ, наиболѣе удобный для путешествій. Въ настоящее время можно достигнуть самыхъ сѣверныхъ береговъ Норвегіи, пользуясь полнымъ комфортомъ: каждую недѣлю изъ Дронтгейма отходятъ пароходы, которые, держась вблизи берега, плаваютъ до Вадоэ, неподалеку отъ русской границы. Зимою пароходы отходятъ рѣже и плаваютъ медленнѣе, такъ какъ плаваніе по узкимъ, окаймленнымъ утесами каналамъ бываетъ очень опасно въ темныя зимнія ночи. Пароходы отличаются большими размѣрами и удобствами, и переѣзды отъ одной станціи до другой совершаются обыкновенно въ 2 — 3 часа. Западные берега Норвегіи такъ хорошо защищены съ запада островами или, по крайней мѣрѣ, низкими рифами, что на пути отъ Христіаніи до Гаммерфеста почти никогда не бываетъ бурь, такъ что даже самымъ чувствительнымъ къ морской болѣзни людямъ нечего бояться ея. Нерѣдко пароходъ впродолженіе нѣсколькихъ часовъ плыветъ по узкому проходу, вродѣ тѣснины. Въ одной изъ такихъ тѣснинъ, называемой „Садомъ Норвегіи", лежитъ Дронтгеймъ (29,000 жителей), старинный, укрѣпленный городъ, мѣсто коронованія королей. Онъ расположенъ при впаденіи рѣки Нида въ Дронтгеймскій фіордъ, глубоко врѣзывающійся въ материкъ. Это — одинъ изъ самыхъ старинныхъ и интересныхъ городовъ Норвегіи; онъ тянется по волнистой мѣстности въ направленіи къ сѣверу. Разсматриваемый со стороны моря, городъ представляетъ собою красивый полукругъ; чистенькіе деревянные домики поднимаются другъ надъ другомъ въ видѣ террасъ, а на зеленомъ фонѣ цѣпи холмовъ красиво выдѣляется почтенный соборъ св. Олафа. Замѣчательно, что здѣсь, на одинаковой широтѣ съ Гудзоновымъ и Беринговымъ проливами, встрѣчаются удивительнѣйшіе плоды цивилизаціи: прекрасныя школы, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ курсъ высшихъ учебныхъ заведеній, великолѣпно обставленные пріюты, старин-

ный соборъ и театръ, въ которомъ даются большею частію драматическія представленія, а иногда и оперы. Сѣвернѣе Дронтгейма встрѣчается также нѣсколько значительныхъ пунктовъ, но въ общемъ это—самый сѣверный центръ культуры въ Норвегіи, и еслибы не Архангельскъ, то онъ былъ бы самымъ сѣвернымъ средоточіемъ культуры на всемъ земномъ шарѣ. Наиболѣе значительные пункты, лежащіе на сѣверъ отъ Дронтгейма, слѣдующіе: Намзе, Боде и Тромзе. Намзе расположенъ у внутренняго края Намзефіорда, при истокѣ Намзена, широкой судоходной рѣки, протекающей по населенной мѣстности, на которой встрѣчаются хлѣбныя поля, луга и лѣса. Боде лежитъ при устьѣ Сальтенфіорда, въ области полярнаго круга, подъ 67° 20' с. ш., противъ самаго южнаго изъ Лофоденскихъ островов, занимающихъ почти четверть горизонта. Боде считается городомъ и можетъ похвалиться тѣмъ, что имѣетъ цѣлую тысячу душъ населенія; мѣстоположеніе его отличается живописностью, въ его долинѣ воздѣлывается хлѣбъ и имѣются луга, а позади его, равно какъ и вдоль берега, тянется красивая, хотя и не высокая цѣпь холмовъ. На этихъ холмахъ во множествѣ встрѣчаются альпійскія и субъальпійскія растенія, камнеломки (Saxifraga), Diras, анемоны, азалеи, верескъ и ягодные кустарники. Флора арктической области повидимому богаче различными видами растеній сравнительно съ среднею полосою Норвегіи; но зато флора послѣдней такъ роскошна, такъ богата особями, что производитъ впечатлѣніе гораздо большаго растительнаго богатства. Послѣ Боде слѣдующее по значенію мѣсто занимаетъ Тромзе. Онъ расположенъ на небольшомъ островѣ, отдѣленномъ лишь узкимъ проливомъ отъ большаго, лежащаго на востокъ отъ него острова, который защищаетъ его отъ вѣтра. Въ гавани Тромзе всегда стоитъ масса кораблей—норвежскихъ, русскихъ, нѣмецкихъ и другихъ. Повсюду разложена треска для просушки на солнцѣ. Корабли строятся и починяются въ гавани. Въ городѣ много лавокъ; двѣ изъ нихъ имѣютъ даже зеркальныя стекла и придаютъ этому сѣверному уголку земли колоритъ большаго города. За городомъ возвышаются березы и сосны, лѣсистые холмы съ нѣсколькими красивыми дачами, открывается живописный видъ на болѣе величественную цѣпь холмовъ расположенныхъ на лежащемъ напротивъ островѣ. Однако, за предѣлами города, снѣгъ зачастую лежитъ даже въ іюнѣ мѣсяцѣ. Гордостью Тромзе является городской каѳедральный соборъ; онъ выстроенъ изъ дерева, очень красивъ и блеститъ свѣжестью первыхъ красокъ, отличается большими размѣрами и имѣетъ крестообразную форму. Внутри собора господствуетъ поразительная чистота; рѣшетки — очень красивой работы. Въ соборѣ имѣется также и органъ.

Совершенно иной характеръ носитъ Лапландія, которая расположена на сѣверѣ Норвегіи и Швеціи и тянется далеко на востокъ, въ предѣлахъ русскихъ владѣній. Здѣсь родина быстроногаго оленя и драгоцѣнной гаги. Въ Норвегіи она занимаетъ область Тромзе и сѣверную часть Дронтгейма, въ Швеціи—большую часть такъ называемой Норрландіи. Это—наименѣе обработанная и населенная область Скандинавіи. Она раздѣляется на округи или «лапландскія мкрьи» Азеле, Умео, Питео, Лулео и Торнео.

Уже два столѣтія прошло съ тѣхъ поръ, какъ было обращено вниманіе на тѣ неизмѣримыя богатства, которыя скрываетъ въ себѣ сѣверная Скандинавія, особенно же — провинція Норботтенъ. Богатства эти заключаются въ обширныхъ лѣсахъ, занимающихъ площадь въ 13,800 кв. километровъ, главнымъ же образомъ—въ металлическихъ рудахъ, которыя мѣстами содержтъ до 90% чистаго желѣза. Желѣзная руда образуетъ здѣсь громадныя, неистощимыя залежи въ гнейсѣ, и такъ какъ она поддается разрушенію въ гораздо меньшей степени сравнительно съ окружающими ее наслоеніями гнейса, то она выступаетъ на поверхности земли въ видѣ цѣлыхъ огромныхъ горъ. По составу своему она представляетъ магнитный желѣзнякъ, состоящій изъ мелкихъ кристалловъ, и потому принимаетъ округлую форму и имѣетъ мелкозернистый видъ. По устройству поверхности шведскія „лапландскія марки" можно причислить къ возвышеннымъ равнинамъ; въ самыхъ высокихъ своихъ частяхъ, такъ называемыхъ „фіеллахъ", она начинаетъ постепенно спускаться къ Ботническому заливу сначала уступами, иногда очень крутыми, — слѣдствіе чередованія обнаженныхъ круглыхъ возвышенностей и нагорныхъ долинъ,—затѣмъ—въ видѣ поросшей лѣсомъ горной страны съ водораздѣлами незначительной высоты и, наконецъ, въ видѣ слегка холмистаго побережья. Въ области фіелловъ, гдѣ температура очень низка (даже лѣтомъ она стоитъ немного выше нуля), не

можетъ быть и рѣчи объ обработкѣ почвы; за исключеніемъ ущелій и горныхъ склоновъ, покрытыхъ ивнякомъ и ползучею березою, а также болѣе теплыхъ окрестностей нѣкоторыхъ значительныхъ озеръ, гдѣ, на высотѣ 648 метровъ надъ уровнемъ моря, береза образуетъ нѣчто вродѣ лѣсовъ,—мѣстность совершенно обнажена. Кромѣ мимолетной цвѣточной флоры, характеризующейся рѣдкими видами, малыми размѣрами или красотою этихъ видовъ, а затѣмъ своеобразною мрачною окраскою, которая, впрочемъ, долготы и 65—68° широты—проходитъ черезъ Аріептугъ до Паркіаура, на сѣверномъ концѣ Раніатреска, затѣмъ черезъ погостъ Гелливару по р. Каликсу до Витанги и рѣкою Муоніо въ самомъ сѣверномъ углу Паялы; впрочемъ, долины, покрытыя хвойными деревьями и березами, тянутся еще далѣе на сѣверъ. Мѣстность, одну изъ границъ которой мы только что указали, занимаетъ, какъ было уже сказано, площадь въ 13,800 кв. километровъ. Къ лѣсной области примыкаетъ обрабатываемое побережье; здѣсь извѣстное

Семья Лапландцевъ.

мѣстами принимаетъ яркіе цвѣта и отличается почти тропическою силою, — въ этой мѣстности встрѣчаются лишь низкорослыя растенія, скудная, тонкая трава, болотный тростникъ и безчисленные виды мха. Изъ числа послѣднихъ замѣчателенъ одинъ видъ,—такъ называемый олѣній мохъ (Lichen rangiferinus); онъ растетъ чаще всего на голыхъ скалахъ и именно на границѣ ѣчныхъ снѣговъ и составляетъ основу животной и человѣческой жизни, прозябающей и въ этихъ негостепріимныхъ мѣстахъ. Къ фіелламъ примыкаетъ область лѣсовъ; границею между ними можно считать линію, которая для Норботтена—между 35 — 41° поднятіе южной стороны полуострова, въ противоположность опусканію сѣверныхъ береговъ, гораздо замѣтнѣе, чѣмъ въ южныхъ частяхъ его; обширныя луговыя пространства, бывшія нѣкогда морскимъ дномъ, ежегодно покрываются слоями земли, которая приносится сюда водами фіелловъ. Несмотря на обширныя болотистыя пространства, покрытыя лѣсомъ, побережье можетъ быть названо воздѣланною равниною, и по долинамъ его рѣкъ расположены такія, пригодныя для земледѣлія мѣста, которыя по обширности превосходятъ всѣ подобныя же мѣстности въ другихъ частяхъ Швеціи.

Обитателями описанной обширной страны являются лапландцы; отдѣльные представители этого племени встрѣчаются уже въ Стокгольмѣ, а еще чаще—въ

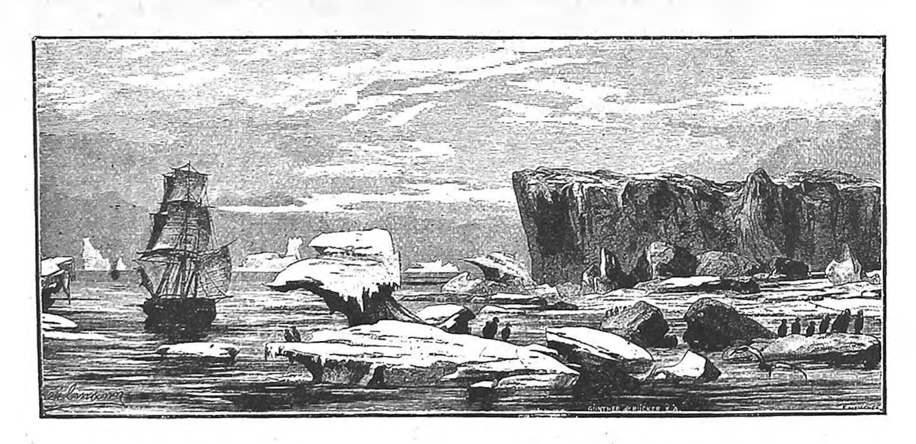
Тромзе; несмотря на то, что миссіонеры проявили надъ ними настоящія чудеса педагогіи, они все-таки оказываются низшею расою. Способности ихъ, повидимому, весьма ограничены; въ Норвегіи они образуютъ отдѣльную расу, подобно нашимъ цыганамъ.

Лапландцы принадлежатъ къ финскому племени; они раздѣляются на оленьихъ, или горныхъ лапландцевъ, такъ называемыхъ фьельдфинновъ, которые кочуютъ вмѣстѣ съ своими стадами оленей и представляютъ истинный типъ этого племени, и рыбачьихъ, или береговыхъ лапландцевъ. Главнымъ занятіемъ послѣднихъ служитъ рыболовство въ прѣсныхъ (Elvefinen—рѣчные финны) и соленыхъ (Söfifinen—приморскіе финны) водахъ. Эти различныя подраздѣленія называются въ Россіи общимъ именемъ скольтефинновъ, если они исповѣдуютъ православную вѣру. Лапландцы малорослы, но отличаются крѣпкимъ сложеніемъ; лицо у нихъ широкое, съ заостреннымъ подбородкомъ; характеръ лапландца мирный: при встрѣчахъ онъ всегда говоритъ „миръ"; съ другой стороны, однако, лапландцы отличаются алчностью, скупостью, нечистоплотностью и страстью къ спиртнымъ напиткамъ. Они очень суевѣрны; такъ, у нихъ до сихъ поръ существуютъ еще колдуны и колдуньи, предсказывающіе рожденіе и смерть. Норвежскіе лапландцы лучше сравнительно съ другими своими соплеменниками; шведскіе же, финляндскіе и русскіе лапландцы стоятъ значительно ниже ихъ. Число лапландцевъ замѣтно увеличивается, такъ какъ рождаемость среди нихъ превышаетъ смертность. Лапландецъ, выучившись говорить по-норвежски, отрицаетъ свое происхожденіе и скоро измѣняетъ обычный свой костюмъ на норвежское платье. Измѣненіе это идетъ очень быстро, особенно если принять во вниманіе условія мѣстности, въ которой лапландцы живутъ. Литература лапландцевъ, если только можно употребить въ данномъ случаѣ это слово, не велика и состоитъ изъ небольшихъ пѣсенъ и эпическихъ стихотвореній; сочиненія религіознаго содержанія доселѣ преобладаютъ. Лапландцамъ знакомы начала ассоціаціи: многіе изъ нихъ складываютъ вмѣстѣ капиталы и ведутъ хозяйство сообща, по устному договору; капиталъ же ихъ, какъ и все богатство вообще, заключается въ стадахъ оленей; 400 этихъ полезныхъ животныхъ (по-норвежски „renoxe", по-лапландски—„sarvis") должны прокармливать своими продуктами лапландца, его жену и дѣтей. Раздѣленіе труда—далеко не идеальное: мужчины готовятъ пищу, женщины шьютъ; тѣ и другія ухаживаютъ за оленями. Лапландцы подвержены также вліянію моды; объ этомъ свидѣтельствуетъ чрезмѣрное употребленіе ими кофе, а также современный переворотъ въ женскомъ головномъ уборѣ, замѣна лапландской формы привѣтствія норвежскою, введеніе норвежскихъ лыжъ взамѣнъ лапландскихъ и т. п. Это служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и доказательствомъ того, что лапландцы готовы отказаться отъ старинныхъ традицій, разъ только убѣдятся, что ихъ можно замѣнить другимъ, болѣе совершеннымъ и цѣлесообразнымъ. Принявъ наружно протестантскую вѣру, они не даютъ себѣ труда глубже вникнуть въ сущность христіанскаго ученія. Въ своихъ взглядахъ на бракъ лапландцы слѣдуютъ современнымъ идеямъ: красота и знатность лапландской дѣвушки возрастаютъ пропорціонально числу оленей, выдаваемыхъ за нее въ приданое. Они питаютъ уваженіе къ уму и золоту, но почтеніе это не имѣетъ характера рабской трусливости: лапландецъ знаетъ, что онъ—свободный человѣкъ, подобно всякому другому гражданину Норвегіи. Эти ледяные люди обнаруживаютъ живой интересъ къ дѣламъ школы, церкви, общины, провинціи; министрами они интересуются столь же мало, какъ и наши крестьяне, но о существованіи короля знаютъ. Подати уплачиваются съ аккуратностью, которая свидѣтельствуетъ о любви къ порядку и сознаніи долга; но, уплачивая ихъ, лапландецъ, подобно нашему крестьянину, никогда не упуститъ случая замѣтить сборщику податей, что онѣ очень высоки. Лапландцамъ нельзя отказать въ извѣстной долѣ опрятности, хотя въ супѣ ихъ попадается не мало оленьихъ волосъ, а отъ чистки посуды они отрекаются въ виду особенныхъ климатическихъ условій. Кочевники очень добродушны, если съ ними обращаться справедливо, но они преклоняются предъ повелителемъ, если онъ обладаетъ энергіею и силою воли, достаточною для преодолѣнія дикости климата. Исключая воровства оленей, которое, впрочемъ, сами лапландцы не считаютъ грѣхомъ, они честны, и имъ можно довѣрить какой угодно транспортъ. Они — единственные надежные проводники по снѣжнымъ равнинамъ своей неизмѣримой возвышенной плоскости.

Не смотря на то, что Скандинавскій полуостровъ простирается на $4^1/_2{}^0$ за предѣлы полярнаго круга, климатъ его теплѣе, чѣмъ это можно было бы

предполагать, судя по его положенію. Правда, здѣсь не существуетъ тѣхъ мягкихъ переходовъ между отдѣльными временами года, которые составляютъ столь важное преимущество средней Европы; со вступленіемъ въ арктическій поясъ разница въ климатѣ оказывается значительнѣе, чѣмъ можно было бы ожидать; но не смотря на все это, гранитная глыба, которую мы называемъ Норвегіею, постоянно согрѣвается Гольфштремомъ, теплыя волны котораго омываютъ берега Норвегіи до самаго Нордкапа. Христіанія, лежащая на одной параллели съ южною оконечностью Гренландіи, имѣетъ однако гораздо болѣе мягкую температуру, которая въ среднемъ опредѣляется въ 4° Ц.

Благодаря этому счастливому обстоятельству, въ Норвегіи подъ 64° с. ш., слѣдовательно — на одной широтѣ съ Гудзоновымъ проливомъ, растетъ пшеница, а овесъ и ячмень вызрѣваютъ даже въ предѣлалъ полярнаго круга. Растительность на этихъ высокихъ широтахъ отличается нѣкоторыми своеобразными особенностями, зависящими, повидимому, отъ особенныхъ климатическихъ условій; эти особенности изслѣдованы были лишь въ недавнее время профессоромъ Шублеромъ въ Христіаніи и г. Тиссерандомъ въ въ Парижѣ. Замѣчательно въ этомъ отношеніи, напр., поразительная быстрота, съ которою созрѣваютъ здѣсь злаки, и краткость срока, необходимаго для ихъ роста. Пшеница, посѣянная въ послѣднихъ числахъ мая, въ концѣ августа уже бываетъ готова для жатвы. Туземные злаки для вызрѣванія требуютъ всего лишь около 74 дней, тогда какъ сѣмена тѣхъ же самыхъ растеній, вывезенныя изъ болѣе южныхъ областей, требуютъ для этого 105 дней. Г. Тиссерандъ вычислилъ, что средняя продолжительность періода, необходимаго для вызрѣванія пшеницы, въ Эльзасѣ равняется 131 дню, въ окрестностяхъ Парижа—139 и въ Алжиріи—142 днямъ. Ячмень, посѣянный въ Христіаніи, подъ 60° с. ш., вызрѣваетъ въ теченіи 90 дней; сѣмена же того же самаго растенія, взятыя изъ болѣе сѣверныхъ округовъ, напр. изъ Альтепа, будучи посѣяны въ Христіаніи, поспѣваютъ въ восемь недѣль. Другіе злаки обнаруживаютъ подобную же особенность, и многочисленные опыты, произведенные надъ ними, установили тотъ фактъ, что сорта хлѣбныхъ растеній, взятые съ сѣвера, обладаютъ замѣчательною скороспѣлостью, и что это качество они теряютъ лишь черезъ нѣсколько поколѣній, будучи перенесены въ болѣе южныя области и акклиматизировавшись тамъ. Такъ какъ выигрышъ нѣсколькихъ дней при жатвѣ въ странахъ, гдѣ холода начинаются уже съ сентября, имѣетъ очень важное значеніе, то на упомянутые сѣмена злаковъ существуетъ большой спросъ не только въ Скандинавіи, но и въ Исландіи и даже въ Южной Гренландіи, куда эти сѣмена и вывозятся. Но этимъ далеко не исчерпываются особенности сѣверо-норвеж-



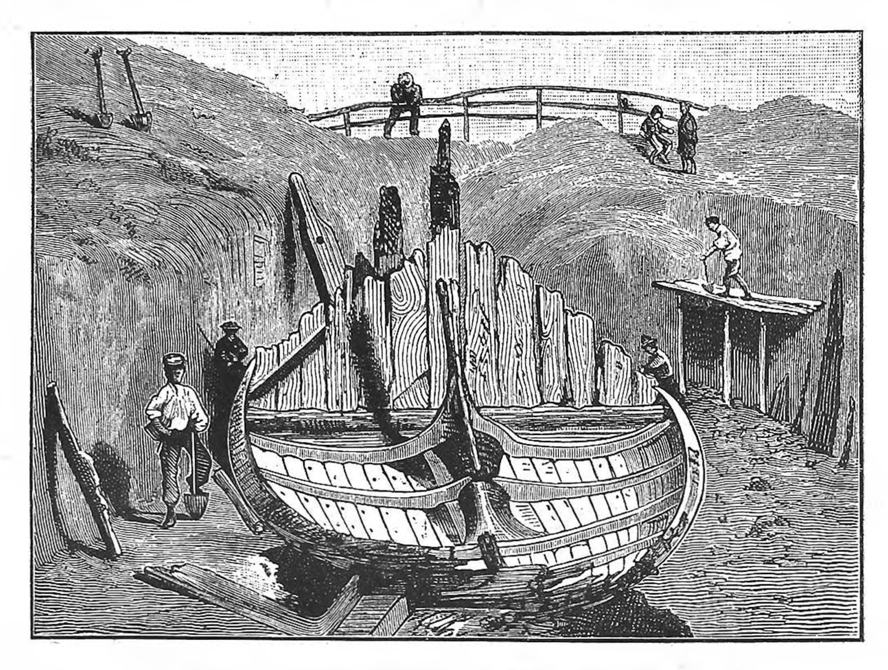
Нордкапъ.

ской флоры. Повидимому, всѣ цереаліи, вывезенныя въ Норвегію изъ южныхъ странъ Европы, значительно увеличиваются въ размѣрахъ и вѣсѣ, тогда какъ, наоборотъ, будучи вывезены изъ Норвегіи во Францію или въ Германію, онѣ уменьшаются въ обоихъ направленіяхъ. Тиссерандъ открылъ, что въ ткани сѣверныхъ растеній содержится очень значительное количество углеводорода; очевидно, испусканіе растеніями углекислоты при помощи листьевъ въ высокихъ широтахъ должно совершаться съ особенною быстротою; а такъ какъ этотъ процессъ находится въ зависимости отъ дѣйствія свѣта, то эту дѣятельность растеній въ Норвегіи нужно приписать продолжительному въ теченіи долгихъ лѣтнихъ дней процессу инсоляціи. Въ самомъ дѣлѣ, вычислено, что количество теплоты, получаемое, напр., Альтеномъ въ теченіи извѣстнаго дня, когда солнце стоитъ надъ горизонтомъ 20 часовъ. значительнѣе того количества теплоты, которое испускаетъ солнце въ то же самое время на поверхность странъ болѣе теплаго умѣреннаго пояса. Это наблюденіе подтверждается и различными другими явленіями, какова, напр., болѣе живая окраска растеній. По мѣрѣ движенія къ сѣверу, хлѣбныя растенія становятся темнѣе, зеленая окраска деревьевъ и кустарниковъ гуще, цвѣты становятся ярче и пестрѣе; цвѣтки, окрашенные у насъ въ бѣлую или блѣдно-желтую краску, въ Норвегіи имѣютъ ярко-красный или золотистый цвѣтъ. Кромѣ окраски, растенія Норвегіи отличаются еще и большею интенсивностью запаха. Овощи, — сельдерей, хрѣнъ, чеснокъ, петрушка, лукъ и т. п., по мѣрѣ приближенія къ сѣверу пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе рѣзкій вкусъ, такъ что путешественникъ съ трудомъ привыкаетъ къ нимъ. Лаванда и перечная мята Дронтгейма гораздо ароматичнѣе тѣхъ же пряностей, разводимыхъ въ Англіи, а норвежскій табакъ,—счастливъ тотъ, кому не приходилось его курить! — отличается своею крѣпостью. Въ общемъ флора Норвегіи сходна съ альпійскою. Въ Альпахъ растенія также окрашены въ болѣе яркіе цвѣта и обладаютъ большею ароматичностью. Въ обоихъ случаяхъ причина одна и та же,—это солнце. Въ Альпахъ оно дѣйствуетъ съ большею энергіей, такъ какъ его лучамъ приходится проходить чрезъ воздухъ меньшей плотности; въ арктическихъ странахъ оно дѣйствуетъ слабѣе, но зато продолжительнѣе, благодаря болѣе длиннымъ днямъ.

Уже въ южной Скандинавіи, въ Стокгольмѣ и Христіаніи, путешественника поражаютъ короткія и свѣтлыя лѣтнія ночи, обладающія рѣдкою, въ высшей степени своеобразною прелестью. Глубокія долины на сѣверѣ отличаются большою мрачностью; но чѣмъ выше поднимаешься, чѣмъ болѣе расширяется горизонтъ, тѣмъ свѣтлѣе становится вокругъ. Въ полночь, когда въ горныхъ мѣстностяхъ на западѣ еще видна вечерняя заря, на востокѣ занимается уже утренняя заря, распространяя кругомъ ясный свѣтъ; надъ всею мѣстностью спускаются сумерки, въ высшей степени своеобразныя, подернутыя желтовато-сѣрою дымкою. Получающееся зрѣлище не имѣетъ никакого сходства съ сѣвернымъ сіяніемъ. Все кругомъ окутывается ровною пеленою, освѣщаемою ровнымъ, блѣднымъ свѣтомъ; нигдѣ не видно тѣни. Среди этихъ мерцающихъ сумерекъ воцаряется торжественная тишина. Дома отчетливо выдѣляются среди окружающаго полумрака, будучи видимы во всѣхъ подробностяхъ, но нигдѣ не замѣтно никакого движенія. Не слышно ни лая собакъ, ни пѣнія птицъ; и люди, и животныя спятъ; тишина нарушается только журчаньемъ воды, бѣгущей со скалъ, да шелестомъ деревьевъ. Но по Дронтгейму (63° 27′ с. ш.) еще нельзя составить себѣ правильнаго представленія объ арктическихъ ночахъ. На полярномъ кругѣ, въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, солнце спускается за горизонтъ всего за десять минутъ до полуночи, посылая назадъ такіе лучи, какъ будто оно прикрыто облакомъ. Спустя десять минутъ послѣ полуночи оно уже снова поднимается надъ горизонтомъ,—понятно, въ сѣверной его точкѣ,—въ большемъ его блескѣ. Въ короткій періодъ исчезновенія солнца ощущается довольно сильная прохлада, но съ восходомъ солнца она быстро разсѣевается. Еще на одинъ день пути сѣвернѣе, еще однимъ градусомъ выше полярнаго круга,—и мы наблюдаемъ уже иную картину, если погода хороша и горизонтъ не закрытъ облаками. Солнечный дискъ, менѣе красный, чѣмъ у насъ, опускается до тѣхъ поръ, пока не приблизится къ горизонту на разстояніе приблизительно тройнаго своего діаметра; тутъ онъ какъ будто останавливается на нѣсколько минутъ и затѣмъ снова начинаетъ подниматься, подвигаясь къ востоку. Солнечный свѣтъ и жаръ въ такія ночи отличаются такою интенсивностью, что приходится прибѣгать къ помощи зонтика; если воздухъ спокоенъ, то можно при помощи зажигательнаго стекла выжечь на шерстяномъ платьѣ дыру или закурить трубку; однако, смотрѣть прямо на солнце можно, хотя и съ нѣкоторою болью въ глазахъ. Чѣмъ дальше къ сѣверу, тѣмъ выше становится точка наибольшаго пониженія солнечнаго диска. Въ Тромзе, напримѣръ, она находится отъ горизонта въ разстояніи, равномъ пяти-шести діаметрамъ солнечнаго диска. Соотвѣтственно этому увеличивается также и продолжительность періодовъ стоянія солнца надъ горизонтомъ; такъ,

*

въ Гаммерфестѣ солнце не заходитъ за горизонтъ въ теченіи мѣсяца, на Нордъ-Капѣ оно стоитъ съ 14 мая до 30 іюля, т. е. въ продолженіи 67 дней. По вечерамъ интенсивность свѣта конечно уменьшается, оставаясь, однако, до половины одиннадцатаго часа, почти одинаковою; къ полуночи же она, повидимому, слегка возростаетъ. Ночной свѣтъ мягче дневнаго; какимъ-то особеннымъ, теплымъ сіяніемъ разливается онъ по озерамъ и скаламъ, о которомъ нельзя составить себѣ понятія тому, кто самъ не



Судно викинговъ, найденное въ 1880 г. въ Норвегіи.

видѣлъ этого явленія. Очень интересно наблюдать измѣненіе свѣта послѣ полуночи; уже около $12^{1}/_{2}$ часовъ онъ начинаетъ пріобрѣтать ту бѣловатую окраску, какая наблюдается въ нашихъ мѣстахъ спустя часъ послѣ восхода солнца. Птицы летаютъ вокругъ, рыбы начинаютъ свою водяную пляску, и кажется, что одушевленная природа, равно какъ и неодушевленная, одинаково мало знаютъ ночь. Въ Тромзе въ такія ночи люди стоятъ у своихъ домовъ и болтаютъ другъ съ другомъ точно днемъ; около двухъ часовъ они отправляются спать, но съ тѣмъ, чтобы скоро подняться опять, какъ будто сонъ не составляетъ для нихъ потребности. Едвали нужно прибавлять, что ни въ арктической области, ни въ мѣстностяхъ, лежащихъ значительно южнѣе полярнаго круга, лѣтомъ до самаго конца іюля на небѣ не видно ни одной звѣзды, а луна появляется очень рѣдко, причемъ имѣетъ очень блѣдный видъ. Все сказанное имѣетъ мѣсто, понятно, только въ хорошія ночи. Облачныя ночи здѣсь врядъ ли рѣже, чѣмъ у насъ, такъ что путешественникъ не гарантированъ отъ печальной участи—воротиться домой, не увидѣвъ полуночнаго солнца. Само собою понятно, что за длинными полярными днями слѣдуютъ столь же длинныя ночи; во время такихъ ночей и цѣлые мѣсяцы длящихся сумерекъ господствуетъ продолжительная зима, мракъ которой смягчается луннымъ свѣтомъ и чудною картиною сѣвернаго сіянія.

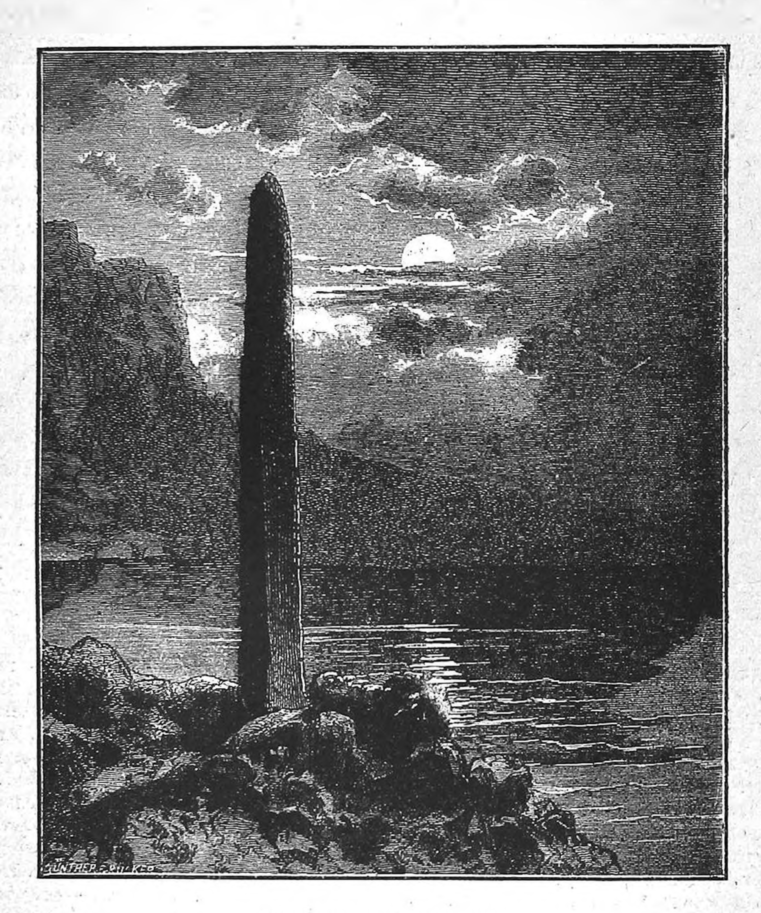
Королевства Швеція и Норвегія соединены между собою лишь такъ называемымъ личнымъ союзомъ, т. е. короны обѣихъ державъ принадлежатъ одному и тому же государю; оба королевства имѣютъ также и общихъ дипломатиче-

скихъ представителей. Во всемъ остальномъ это — два совершенно отдѣльныхъ государства: каждое изъ нихъ имѣетъ свою армію, свой флотъ и т. д.; каждое управляется своими законами и имѣетъ собственныя учрежденія; до послѣдняго времени каждое изъ нихъ чеканило свою собственную монету. Въ настоящее время, къ общей выгодѣ, Швеція, Норвегія и Данія заключили между собою монетную конвенцію, въ силу которой всѣ три государства обладаютъ общею платежною единицею. Въ Швеціи верховную власть съ королемъ раздѣляютъ: государственный совѣтъ, затѣмъ рейхсратъ, состоящій изъ двухъ палатъ; въ Норвегіи существуетъ также государственный совѣтъ и «стортингъ» (большой совѣтъ) народныхъ представителей, раздѣляющійся на «лагтингъ» (законодательное собраніе) и «одельстингъ» (собраніе землевладѣльцевъ). Лагтингъ состоитъ изъ четвертой части членовъ одельстинга, избираемыхъ стортингомъ. Титулованное дворянство существуетъ только въ Швеціи; въ Норвегіи его нѣтъ; впрочемъ, въ послѣдней крупные землевладѣльцы de facto составляютъ нѣчто вродѣ аристократіи. Швеція, имѣющая площадь въ 450,574 кв. килом. и насчитывающая 4.962,568 жителей, оффиціально раздѣляется на 24 лена, заступившихъ мѣсто старинныхъ историческихъ провинцій, названія которыхъ употребляются и до настоящаго времени. Въ Норвегіи, площадь которой обнимаетъ 322,305 кв. километровъ, съ населеніемъ въ 1.988,670 душъ, до сихъ поръ сохранилось старинное церковное дѣленіе—на 6 епархій, которыя въ свою очередь распадаются на 20 округовъ. Нравы и учрежденія этой страны, еще мало затронутой потокомъ международныхъ сношеній, доселѣ сохранили еще ту простоту, которая напоминаетъ о давно минувшихъ столѣтіяхъ. Этому не мало содѣйствуетъ также и рѣзко выраженный характеръ скандинавовъ.

Скандинавы отличаются выносливостью, обиліемъ силы, мужествомъ, предпріимчивостью, любовью къ своему отечеству, которымъ они гордятся. Этими качествами они обязаны окружающей ихъ природѣ и тѣмъ занятіямъ, которыя указала имъ послѣдняя. Скандинава воспитало море, которое онъ называетъ своею второю родиною: первою отчизною онъ считаетъ „величественный сѣверъ“. Онъ благоговѣйно чтитъ память старинныхъ морскихъ королей, на могильныхъ холмахъ которыхъ до сихъ поръ можно видѣть надгробные камни („Bautasteine“). Почва доставляетъ ему скудную пищу; съ большимъ трудомъ извлекаетъ онъ также и сокровища изъ нѣдръ земли, лишь въ рѣдкихъ случаяхъ пользуясь успѣхами новѣйшей технологіи. Поэтому удовольствія его крайне просты. Мясо живущихъ на сушѣ животныхъ рѣдко появляется на его столѣ; хлѣбъ напоминаетъ сухарь; въ неурожайные годы къ мукѣ примѣшивается березовая кора; изъ спиртныхъ напитковъ въ Скандинавіи встрѣчается почти одна только водка. Понятно, высшій классъ общества, — горожане,—живетъ иначе. Во всякомъ случаѣ то обстоятельство, что скандинавъ живетъ довольно одиноко, не остается безъ вліянія. Онъ ведетъ замкнутую жизнь въ своемъ хуторѣ („gaard“), съ прислугою и рабочими. Съ знакомыми онъ встрѣчается только по воскреснымъ днямъ, когда отправляется въ церковь, да и знакомыхъ у него очень немного. „Бигды“, въ которыхъ онъ живетъ, и которые имѣютъ отдаленное сходство съ деревнями, расположены на большомъ разстояніи другъ отъ друга. Существо скандинава проникнуто здоровымъ консервативнымъ началомъ. Онъ не утратилъ ни одного изъ воспоминаній своего великаго прошлаго. Этого мало: древне-германскія божества продолжаютъ жить и нынѣ въ пѣсняхъ и сагахъ, великаны и эльфы живы до сихъ поръ и поддерживаютъ сношенія съ людьми.

Скандинавъ глубоко религіозенъ. Протестантизмъ его своею строгостью напоминаетъ эпоху тридцатилѣтней войны. Но это качество имѣетъ и свою оборотную сторону,

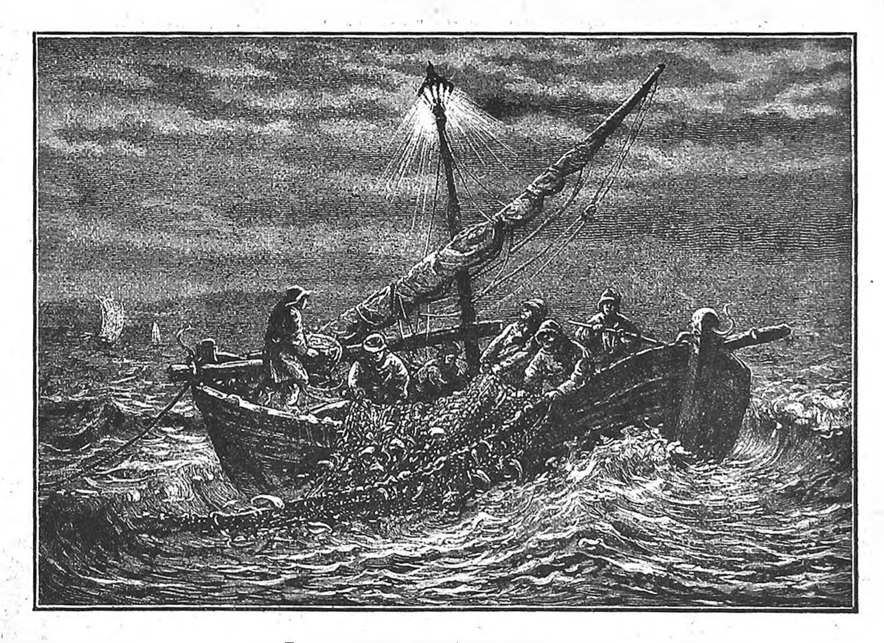
именно — крайнюю нетерпимость по всѣмъ другимъ вѣрованіямъ: въ Норвегіи доселѣ не было ни одного еврея, католиковъ же здѣсь терпятъ весьма неохотно. Всѣмъ скандинавамъ присуща любовь къ своей родинѣ. Они съ гордостью вспоминаютъ о томъ, что свершило ихъ отечество въ прежніе вѣка, въ особенности же о томъ, что она нѣкогда была великою державою. Точно также они высоко цѣнятъ свою настоящую литературу, которая стала значительною только тогда, когда обратилась къ стариннымъ племеннымъ традиціямъ (готская школа). Если три члена этой одной семьи прежде враждовали между собою, то теперь они тѣмъ охотнѣе протягиваютъ другъ другу руки, ясно понимая, что они стоятъ всего ближе другъ къ другу и должны оказывать взаимную поддержку. Въ отношеніи характера эти три народности (шведы, норвежцы и датчане) мало отличаются между собою. Шведъ—это французъ сѣвера, любитель утонченной жизни, комфорта и наслажденій. Самая земля, на которой онъ живетъ, располагаетъ къ этому. На югѣ почва плодородна; поэтому, шведскія „Säter“ (молочни) могутъ приносить больше дохода, чѣмъ въ Норвегіи. Языкъ шведовъ— самый благозвучный изъ всѣхъ нарѣчій Скандинавскаго полуострова; всѣ формы шведскаго языка чрезвычайно удобны для поэтическаго выраженія. Съ недавняго времени въ Норвегіи стали писать на датскомъ языкѣ; образованный классъ въ Норвегіи говоритъ по-датски. А между тѣмъ на норвежскомъ нарѣчіи геніальный Бьернстернъ-Бьернсонъ написалъ свои образцовыя но-



Обелискъ въ Скандинавіи.

веллы. Норвежецъ—существо исключительное. Эта исключительность его отразилась и въ его конституціи. По конституціонной хартіи, политическими правами кромѣ чиновниковъ пользуются только землевладѣльцы. Норвежскіе крестьяне, въ довольно большомъ количествѣ живущіе на каждомъ изъ разсѣянныхъ по странѣ хуторовъ, заслуживали бы большаго сожалѣнія, еслибы не хорошее, безплатное образованіе, которое даетъ имъ возможность повысить свое благосостояніе. Скандинавъ честенъ, правдивъ, религіозенъ, замкнутъ въ себя, смѣлъ и выносливъ, — такова въ краткихъ чертахъ его характеристика. За ту второстепенную и служебную роль, которую онъ играетъ въ политикѣ, скандинавъ старается вознаградить себя воспоминаніями о быломъ величіи своихъ предковъ и быстрыми шагами въ дѣлѣ общаго, народнаго образованія.

Въ отношеніи промышленности Швеція превосходитъ свою сосѣдку—Норвегію. Наиболѣе развиты въ Швеціи плотничная и столярная промышленность, которыя ведутся машиннымъ способомъ. Лѣсная промышленность нѣсколько десятилѣтій тому назадъ распространилась по всей южной и средней Швеціи; главнымъ центромъ ея, если только о немъ можно говорить, служитъ Гетеборгъ. Къ этому роду промышленности относится также и фабрикація спичекъ; впрочемъ, на долю Швеціи въ данномъ случаѣ падаетъ лишь изготовленіе деревянныхъ палочекъ, горючая же масса получается изъ Англіи. Дерево служитъ также главнымъ источникомъ и матеріаломъ для обширной кустарной промышленности Швеціи, и токарное ремесло, а также рѣзьба по дереву значительно украшаютъ домашнюю утварь и обстановку во всей странѣ. Будучи обращено въ уголь, дерево играетъ очень значительную роль при добываніи и обработкѣ желѣза, которое составляетъ важную статью промышленности въ Швеціи. Но въ настоящее



Ловля сельдей въ Сѣверномъ морѣ.

время лѣса, расположенные вблизи чугуннолитейныхъ заводовъ, истреблены почти совершенно; съ другой стороны, эти заводы въ большинствѣ случаевъ лежатъ вдали отъ желѣзныхъ дорогъ, такъ что эта отрасль промышленности находится въ бѣдственномъ состояніи. Каменнаго угля въ Швеціи очень мало. Напротивъ, по качеству своего желѣза и стали Швеція можетъ конкурировать со всѣми другими странами, не исключая и Англіи. Благодаря этимъ высокимъ качествамъ металла Швеція выдѣляется изъ ряда другихъ странъ превосходною фабрикаціею машинъ, орудій и ружей, которая достигла здѣсь обширнаго развитія и представляетъ важное значеніе не съ одной лишь сравнительной точки зрѣнія. Средства сообщенія Швеціи находятся въ хорошемъ состояніи. Пароходство существуетъ здѣсь уже давно, желѣзнодорожное же дѣло, напротивъ имѣетъ сравнительно недавнее происхожденіе; несмотря на это, желѣзныя дороги Швеціи имѣютъ уже значительное протяженіе. Главныя линіи въ средней и южной Швеціи, будучи совершенно закончены, отличаются всевозможными удобствами и даютъ большіе доходы отъ товарнаго движенія. Водные пути сообщенія точно также находятся въ прекрасномъ состояніи. Протяженіе желѣзнодорожной линіи въ Норвегіи опредѣляется въ 1,650 километровъ, а въ Швеціи—въ 8,800 км.

Духовная культура Скандинавіи находится въ удовлетворительномъ состояніи; большое вниманіе обращается здѣсь, особенно же въ Швеціи, — на школьное дѣло, которое даетъ прекрасные результаты. Устройство элементарныхъ школъ во многихъ отношеніяхъ можно назвать положительно образцовымъ. Въ Норвегіи господствуетъ принудительная система обученія; дѣти отъ восьмилѣтняго возраста до конфирмаціи, которая совершается обыкновенно на пятнадцатомъ году, обучаются безплатно. Большимъ вліяніемъ въ дѣлѣ народнаго образованія пользуется церковь. Цѣль образованія ставится въ томъ, чтобы дать юношеству истинно-христіанское воспитаніе; поэтому, наряду съ различными полезными отраслями знанія, видное мѣсто въ школѣ удѣляется религіи: въ школахъ занимаются изученіемъ библейской исторіи, чтеніемъ библіи, заучиваніемъ псалмовъ. Относительно общаго уровня нравственности въ Скандинавіи нужно замѣтить, что онъ въ Норвегіи нѣсколько ниже, чѣмъ въ Швеціи.

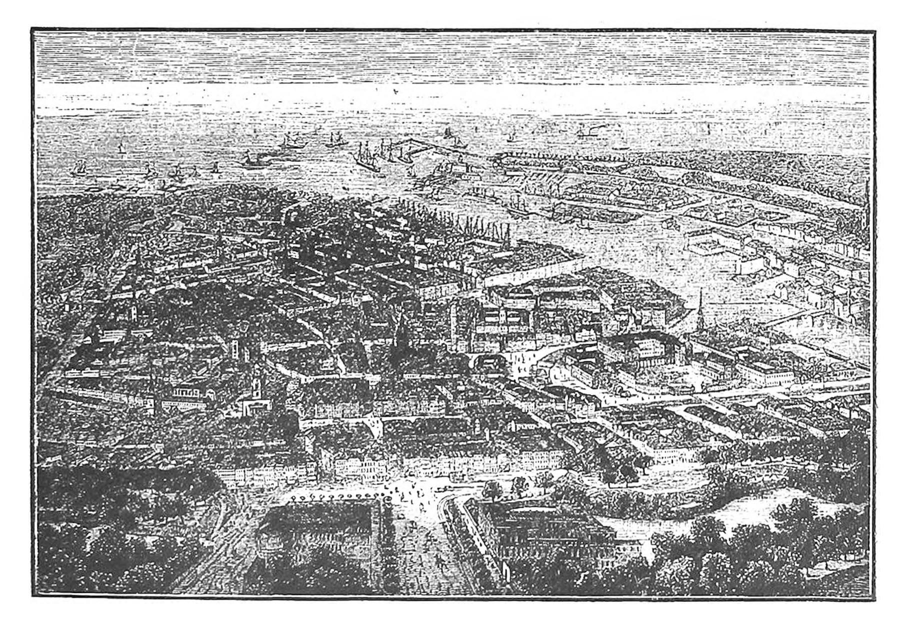
Королевство Данія.

Это небольшое государство занимаетъ сѣверную часть Кимврскаго полуострова, именно—плоскую, ровную Ютландію (Jütland или Jylland), имѣющую площадь въ 25,220 километровъ и составляющую собственно продолженіе сѣверонѣмецкой низменности, о которой мы скажемъ ниже; сюда же принадлежатъ и многочисленные острова, разбросанные по Балтійскому морю и Атлантическому океану. На Атлантическомъ океанѣ лежитъ Исландія и группа Фарерскихъ острововъ; острова же, лежащіе на Балтійскомъ морѣ и образующіе собственно глав-

ную часть королевства, слѣдующіе: Фейенъ или Фіонія (Fyen, Fünen), занимающій площадь въ 3,080 кв. километровъ, — большею частію ровная, бѣдная лѣсомъ страна съ плоскими, песчаными, но богатыми бухтами берегами, лишь на Ю. и Ю.-З. прорѣзываемая отдѣльными рядами холмовъ; Арре (Arrö) и прорѣзываемый рядомъ лѣсистыхъ холмовъ, плодородный Лангеландъ; далѣе — Лааландъ, или Лолландъ, т. е. «низменная земля» (1,120 кв. километровъ), совершенно плоскій островъ, съ плодородною почвою, на которой отлично растутъ хлѣбныя растенія, съ богатыми буковыми и дубовыми лѣсами и изобилующимъ рыбою озеромъ Марибо; Фальстеръ, фруктовый садъ Даніи съ жирною, глинистою почвою, который доставляетъ кромѣ того, большое количество зерна и дерева; опоясанный высокими мѣловыми берегами Моэнъ, и, наконецъ, бѣдный лѣсомъ, но превосходно обработанный Зеландъ (Sjalland, Seeland); небольшія озера, расположенныя среди буковыхъ рощъ, многочисленныя поселенія на воздѣланныхъ равнинахъ и высокіе берега въ юго-восточной части характеризуютъ этотъ послѣдній островъ, который обнимаетъ собою площадь въ 6,830 кв. километровъ и является, такимъ образомъ, самымъ большимъ изъ датскихъ острововъ; къ нему примыкаютъ маленькіе островки Амагеръ и Сальтгольмъ. Въ сторонѣ и на значительномъ разстояніи отъ этой группы лежитъ на Балтійскомъ морѣ островъ Борнгольмъ (583 кв. кил.), вслѣдствіе своихъ скалистыхъ береговъ въ большей части неприступный, но внутри плодородный. Въ Каттегатѣ находятся острова Ангольтъ и Лаэзе. Ютландскій полуостровъ (Кимврскій Херсонесъ), наиболѣе значительная часть Даніи хотя бы въ пространственномъ отношеніи, прорѣзывается на востокѣ незначительною цѣпью холмовъ, съ красивыми долинами, въ которыхъ растутъ буковые лѣса. Эта восточная часть полуострова является плодородною нивою, на которой съ успѣхомъ воздѣлываются хлѣбныя растенія, и представляетъ яркій контрастъ съ среднею степною частью полуострова, покрытою отчасти пескомъ, частію же поросшей луговою травою. Однако, въ тѣхъ мѣстахъ этой полосы, гдѣ въ подпочвѣ — магніевы соли, удалось превратить почву въ тучныя пастбища. Западная часть полуострова покрыта болотистыми лугами, а на сѣверѣ—сыпучимъ пескомъ. Воздухъ въ Даніи сыръ, погода, вслѣдствіе положенія страны между двухъ морей, перемѣнчива. Въ Даніи нѣтъ большихъ озеръ и рѣкъ, а равно и болѣе или менѣе значительныхъ городовъ; поэтому, ограничимся только перечисленіемъ нѣкоторыхъ мѣстъ: Гельсингеръ (9,000 жителей), заграждающій посредствомъ крѣпости Кроненборгъ входъ въ Зундъ, и старинный Рошильдъ (Roeskilde)—на Зеландѣ, Неборгъ и Одензе (30,300 жителей)—на Фіоніи, Нейкіебингъ—на Фальстерѣ и Ренне (5,400 жит.)—на Борнгольмѣ. На полуостровѣ Ютландіи лежатъ болѣе значительные пункты: Ольборгъ (Aalborg, 14,000 жит.), Оргусъ (Aarhuus, 33,300 жит.) и Фридериція (8,200 жит.), гдѣ Малый Бельтъ съуживается до $1^{7}/_{8}$ километра. Среди этихъ небольшихъ городовъ выдается особенно великолѣпная столица Даніи Копенгагенъ.

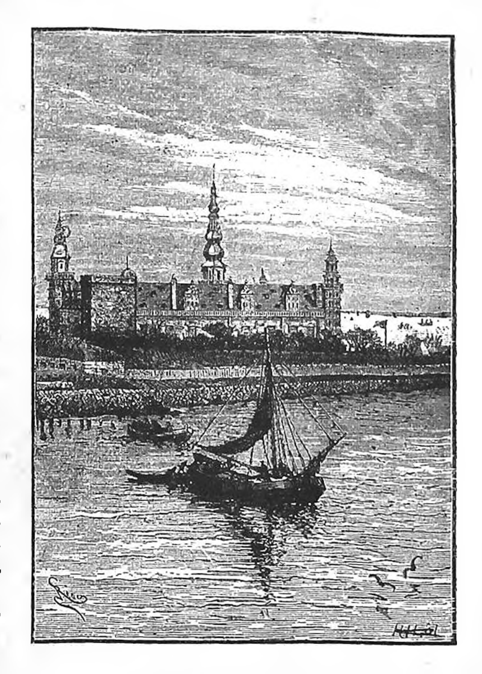
Желѣзная дорога, пересѣкающая островъ Зеландъ въ поперечномъ направленіи, и идущая отъ Корсера (на юго-западномъ берегу острова) къ Копенгагену, очень скучна и не представляетъ никакихъ особенныхъ достопримѣчательностей; весь путь этотъ — такъ сказать—пауза послѣ впечатлѣнія отъ морской поѣздки, въ ожиданіи достопримѣчательностей столицы. Плоскія, но хорошо воздѣланныя поля, луга съ пасущимися на нихъ стадами, какъ въ Голштиніи, да встрѣчающіеся время отъ времени красивые буковые лѣса смѣняютъ другъ друга. Однообразіе прерывается только въ Рошильдѣ, довольно значительномъ городѣ, знаменитомъ въ военной исторіи и миѳологіи; здѣсь путешественникъ снова видитъ море, вдающееся въ островъ въ видѣ фіорда. Наконецъ, черезъ три часа ѣзды, путешественникъ достигаетъ цѣли. Какой замѣчательный, въ высшей степени своеобразный контрастъ: послѣ пустыни и безмолвія страны, которую вы только что проѣхали, вы вступаете въ великолѣпную столицу съ характеромъ всемірнаго города, чего никакъ нельзя было ожидать судя по проѣханной мѣстности.

Копенгагенъ (Kjöbnhavn), столица Даніи и резиденція короля, представляетъ собою центръ и перлъ чрезвычайно интереснаго архипелага Балтійскаго моря т. е. лабиринта острововъ, расположенныхъ между Ютландіею и Швеціею. Территорія, занимаемая столицею, простирается свыше 2,200 гектаровъ, изъ коихъ одна пятая лежитъ внутри, а четыре пятыхъ — внѣ стараго городскаго вала. Этотъ сильно укрѣпленный портовый городъ служитъ средоточіемъ всѣхъ правительственныхъ учрежденій, имѣетъ университетъ, академію искусствъ и наукъ, великолѣпные музеи, много ученыхъ и общеполезныхъ обществъ, прекрасно поставленныхъ учебныхъ заведеній, обширныхъ фабрикъ и вмѣстѣ съ тѣмъ представляетъ главный торговый пунктъ Даніи. Какъ и въ Гамбургѣ, здѣсь много высокихъ, часто шестиэтажныхъ домовъ, масса общественныхъ зданій, выстроенныхъ въ строгомъ, полномъ вкуса стилѣ, и украшенныхъ гербами и орнаментированными фронтонами: между ними дворцы богатаго, стариннаго дворянства и роскошные замки королевской фамиліи, обязанные своимъ возникновеніемъ большею частію столь живому архитектурному генію прошлаго столѣтія, но безъ тогдашней безвкусицы. На широкихъ, окаймленныхъ удобными тротуарами улицахъ, иногда имѣющихъ видъ бульваровъ, а также на многихъ тѣнистыхъ, украшенныхъ памятниками площадяхъ, движется, особенно по воскреснымъ днямъ, огромная масса людей. Городъ прорѣзывается конными дорогами, которыя ведутъ въ различныя, расположенныя по близости увеселительныя мѣста; по улицамъ безпрестанно снуютъ омнибусы и цѣлые легіоны извощи-



Г. Копенгагенъ.

ковъ; ѣзда послѣднихъ, равно какъ и все вообще въ этомъ городѣ, свидѣтельствуетъ о неусыпной дѣятельности полиціи и строгомъ порядкѣ. Послѣ этихъ первыхъ впечатлѣній всякому иностранцу рекомендуется возможно скорѣе посѣтить главную достопримѣчательность столицы, музей великаго Торвальдсена. Городъ богатъ также и другими коллекціями: укажемъ „коллекцію сѣверныхъ древностей", собираніе которой Копенгагенъ поставилъ себѣ задачею, такъ какъ по праву считаетъ себя средоточіемъ духовной жизни скандинавскаго сѣвера и призваннымъ хранителемъ его великаго, богатаго содержаніемъ прошлаго. Чтобы отдохнуть и освѣжиться отъ утомленія послѣ всего видѣннаго, отправимся въ одно изъ многочисленныхъ очаровательныхъ мѣстъ для гулянья; выборъ предъ нами большой; посѣтимъ прежде всего прославленный Тиволи. Это—большой, несомнѣнно искусственно устроенный садъ или паркъ, которому придаютъ особенную прелесть глубокіе, проведенные всюду каналы. Многочисленные рестораны, кафе и кондитерскія всюду приглашаютъ посѣтителя освѣжиться; для вкуса менѣе взыскательнаго имѣются балаганы, пивныя и т. п., выстроенные отчасти на парижскій манеръ, отчасти же въ родѣ того, какъ и на нашихъ народныхъ гуляньяхъ; такъ и кажется, что здѣсь навсегда остались открытыми увеселительныя заведенія ярмарокъ; всюду—пестрая масса народа, которому за ничтожную входную плату предлагаются самыя разнообразныя развлеченія. Прелестное мѣсто для гулянья, такъ называемая „длинная линія", по высокой плотинѣ, тянущейся вдоль Зунда по направленію къ сѣверу, отличается спокойствіемъ и красотою. Отсюда, въ нѣкоторомъ разстояніи можно наблюдать въ высшей степени интересную корабельную жизнь въ узкомъ морскомъ рукавѣ между главною частью Копенгагена и равнымъ образомъ принадлежащимъ городу островомъ Амагеръ; послѣдній представляетъ собою хотя и не закрытую, но все же удобную естественную гавань. Масса снующихъ здѣсь въ различныхъ направленіяхъ пароходовъ самой разнообразной величины лучше всего свидѣтельствуетъ о значительной промышленной и торговой дѣятельности города. Большою привлекательностью отличается также расположенное въ болѣе отдаленныхъ окрестностяхъ Копенгагена морское купанье Клампенборгъ съ лежащимъ неподалеку отъ него зоологическимъ садомъ, отличающимся богатствомъ своихъ коллекцій.



Замокъ Кронбургъ

Датскій народъ сдѣлалъ не мало для культуры. Языкъ датчанъ, нѣсколько грубоватый и не отличающійся плавностью, очень хорошъ для выраженія дѣтскихъ мыслей; онъ пригоденъ, впрочемъ, и для трагедіи, для которой красота языка не служитъ необходимымъ условіемъ. Датчанинъ — хорошій сосѣдъ, если не затрагивать его очень щекотливаго національнаго чувства. Въ этомъ отношеніи онъ, подобно шведамъ и норвежцамъ, отличается большою чувствительностью и потому относится весьма недовѣрчиво къ Германіи. Около 44% населенія Даніи занимаются сельскимъ хозяйствомъ. Датчане — вообще народъ консервативный, и культурная жизнь развилась здѣсь подъ вліяніемъ этого консервативнаго духа. Во всей странѣ среди взрослыхъ нельзя найти ни одного человѣка, который не умѣлъ бы читать и писать; всѣ дѣти школьнаго возраста или

посѣщаютъ школу, или учатся на дому. Рука объ руку съ всеобщимъ образованіемъ идетъ въ Даніи и высоко развитое у гражданъ уваженіе къ закону и любовь къ порядку. Датчанинъ подчиняется каждому требованію, разъ оно основано на законѣ, и является ярымъ врагомъ всякаго произвола. Въ связи съ уваженіемъ къ закону датчанину въ высокой степени присуща честность. Соотвѣтственно этимъ основнымъ качествамъ въ Даніи замѣчается духъ терпимости, какой трудно встрѣтить въ другихъ протестантскихъ странахъ. Въ сельско-хозяйственномъ отношеніи послѣ земледѣлія, составляющаго главное занятіе датчанъ, въ Даніи наиболѣе значительную роль играетъ скотоводство; рыболовство, несмотря на то, что страна окружена богатымъ рыбою моремъ, стоитъ на низкой ступени развитія. Горная промышленность и лѣсное хозяйство ведутся въ самыхъ незначительныхъ размѣрахъ; впрочемъ, на культуру лѣсовъ обращается большое вниманіе. Въ отношеніи промышленности Данія занимаетъ очень скромное мѣсто, а въ торговлѣ замѣчается существенный упадокъ.

Изъ второстепенныхъ странъ Даніи, заслуживающихъ упоминанія въ данномъ мѣстѣ, укажемъ прежде всего на Ферерскіе острова (1,325 кв. километровъ); это не что иное, какъ группа обнаженныхъ, крутыхъ, лишенныхъ древесной растительности скалъ, подверженныхъ постояннымъ бурямъ, суровыхъ, сырыхъ и покрытыхъ туманами; они большею частію вулканическаго происхожденія; на это указываетъ встрѣчающійся здѣсь повсюду большими массами доломитовый порфиръ. На южныхъ изъ этихъ острововъ — Зюдерее и небольшихъ островкахъ Миггенесъ и Тиндгольмъ находятся залежи каменнаго угля. Ферерскихъ острововъ числомъ 24; изъ нихъ восемь необитаемы. Фауна ихъ такъ же скромна, какъ и растительность. Самыми выдающимися представителями животнаго царства являются полудикія овцы, отъ которыхъ получили свое названіе и самые острова, и лошади. Изъ крупныхъ водяныхъ млекопитающихъ большое значеніе имѣетъ здѣсь дельфинъ (Delphinus globiceps); ежегодно его ловятъ на этихъ островахъ тысячами. Жители Ферерскихъ острововъ, числомъ до 13,000 человѣкъ, занимаются собираніемъ гагачьяго пуха, рыбною ловлею и охотою на моржей; находящійся на островѣ Строме городокъ Торсгевнъ (Thorshavn), насчитывающій около 900 жителей, имѣетъ рынокъ, не лишенный значенія для мѣстнаго населенія.

Гораздо большій интересъ, сравнительно съ Ферерскими островами, представляетъ большой сѣверный островъ Исландія (104,785 кв. километровъ) по господствующимъ тамъ своеобразнымъ условіямъ; своею крайнею сѣверною оконечностью островъ Исландія касается полярнаго круга, а отъ совершенно арктической Гренландіи онъ лежитъ въ разстояніи всего лишь 200 километровъ.

Островъ Исландію можно характеризовать, какъ вулканическую горную страну по преимуществу, лишенную древесной растительности, но богатую страшными пустынями, крутыми скалами, высокими снѣговыми и ледяными горами, глетчерами (такъ называемыми іокулями), быстрыми потоками и небольшими, но глубокими кратерными озерами. На островѣ расположено пустынное плато, идущее наискось съ юго-запада на

сѣверо-востокъ и возвышающееся надъ уровнемъ моря на 300—650 метровъ. Берега его, особенно на сѣверѣ и сѣверо-западѣ, круты и изрѣзаны глубокими фіордами; сѣверо-западная часть острова образуетъ полуостровъ въ видѣ трезубца, который соединяется съ остальною частью острова лишь узкимъ перешейкомъ. Климатъ и здѣсь гораздо мягче, чѣмъ можно было бы предполагать, судя по географическому положенію полуострова. Мнѣніе, будто климатъ Исландіи со времени среднихъ вѣковъ ухудшился, сталъ болѣе суровымъ по причинѣ уничтоженія лѣсовъ, въ настоящее время рѣшительно опровергнуто. Иногда лѣто въ Исландіи бываетъ очень жарко, а зима чрезвычайно мягка. Заселенъ островъ только по берегамъ, преимущественно же—южнымъ. Между горами, покрытыми глетчерами, внутри острова насчитываютъ до двадцати дѣйствующихъ вулкановъ, изъ которыхъ наиболѣе замѣчательны Гекла (1,560 метровъ) на югѣ острова и Ватна-Іокуль—на юго-востокѣ. Въ 1875 году изъ послѣдняго вулкана было такое сильное изверженіе, что пемза и зола изъ кратера доносились до Скандинавіи.

Во второй половинѣ февраля 1875 года на Исландіи образовался новый вулканъ Аскіа въ Дейгіуръ-Іельденъ (горы), къ сѣверу отъ Ватны. Въ жерло и бездны главнаго кратера можно заглянуть лишь тогда, когда вѣтеръ удалитъ клубящіеся здѣсь сѣрные пары. Изъ многочисленныхъ отверстій кратера, глубиною около 30 метровъ, валитъ паръ. Три небольшіе ручья воды, образовавшейся отъ спустившагося пара, текутъ по южной сторонѣ къ внутреннему вулканическому озеру, которое почти со всѣхъ сторонъ окружено крупными скалами, высотою до 250 метровъ. Зеленоватая вода озера имѣетъ температуру около 22°. Вокругъ самаго большаго кратера, лежащаго на восточной сторонѣ, находится слой пемзы, толщиною въ нѣсколько футовъ, а подъ нимъ — пластъ снѣга отъ 6 до 10 метровъ толщиною. Выброшенныя изъ южныхъ кратеровъ массы скользкой сѣрой глины дѣлаютъ ихъ совершенно недоступными. О силѣ изверженій этихъ кратеровъ краснорѣчиво свидѣтельствуютъ большія, лежащія кругомъ глыбы чернаго песчаника. Здѣсь, какъ и въ Миватской пустынѣ, извергалась только грязь, а не лава.

Рейкіавикъ.

Признакомъ вулканической почвы Исландіи служатъ также распространенные по всему острову фонтаны горячей воды, такъ называемые гейзеры, дѣйствующіе періодически; ихъ теплая, часто кипящая вода выбрасывается изъ трещинъ базальтовыхъ и трахитовыхъ горныхъ массъ, вслѣдствіе давленія паровъ, со страшною силою, на высоту до 30 метровъ. Замѣчательны здѣсь также

„огнедышащія горы“ съ ихъ котловинами кипящей грязи, или такъ называемые грязевые вулканы (макkалубы или сальзы), вода которыхъ, вырываясь съ шипѣніемъ и свистомъ изъ разсѣлинъ скалъ, превращаетъ богатую глинистую почву въ безпрерывно клокочущее болото, изъ котораго выбрасываются значительныя жидкія массы на высоту около 5 метровъ.

Населеніе Исландіи состоитъ изъ 70,000 человѣкъ лютеранскаго вѣроисповѣданія, которыхъ можно справедливо считать самымъ молодымъ и въ то же время сохранившимся въ наибольшей чистотѣ изъ всѣхъ европейскихъ народовъ. Житель Исландіи—до сихъ поръ чистѣйшій германецъ, а его языкъ — тотъ самый, на которомъ говорили первые поселенцы въ 874 г. по Р. Х. и очень мало отличается отъ древне-сѣвернаго нарѣчія. Исландцы высокаго роста, сильны, спокойны, серьезны, предусмотрительны; нравы у нихъ простые, съ каждымъ они говорятъ на „ты“, отличаются гостепріимствомъ, любовью къ свободѣ, сварливостью и упорно держатся разъ составленнаго мнѣнія. Земледѣліе на островѣ хотя и возможно, но созрѣваніе зерна находится въ зависимости отъ стольких случайностей, что воздѣлываніе хлѣба обходится дороже, нежели покупка его. Зато островъ представляетъ благопріятныя условія для произрастанія здѣсь травяной растительности. При каждомъ домѣ имѣется обнесенный камнями участокъ земли,—тунъ, на которомъ растетъ высокая трава. Сѣнокосъ продолжается отъ средины іюля до сентября; затѣмъ всякій, кто только можетъ, отправляется внутрь острова для косьбы травы на возвышенныхъ равнинахъ. Западные и южные берега богаты рыбою, и рыболовство составляетъ въ этихъ краяхъ значительную статью доходовъ для мѣстныхъ жителей; меньшее значеніе имѣетъ ловля птицъ вдоль береговъ; заслуживаетъ вниманія только ловля гагъ. Промышленность Исландіи ничтожна; домашнее производство даетъ мало, и едва-ли можно встрѣтить народъ болѣе нечистоплотный, чѣмъ исландцы. Мыться, купаться и чесаться здѣсь не любятъ, и грязь является неотъемлемою принадлежностью островитянъ. Ремеслъ точно также не существуетъ; каждый изготовляетъ все необходимое самъ; на каждомъ дворѣ имѣется кузница, по крайней мѣрѣ для ковки лошадей. Жилища расположены большею частію въ одиночку, часто на большихъ разстояніяхъ другъ отъ друга и не образуютъ деревень. Стѣны возводятся изъ камней и торфа; изъ послѣдняго матеріала устраивается также и крыша; дерево употребляется только на стропила, двери и кровельные коньки. Дворъ состоитъ обыкновенно изъ нѣсколькихъ домовъ, въ каждомъ по одной комнатѣ. Обычное мѣстопребываніе семьи-полъ („Badstofa“); входомъ служитъ маленькая опускная дверь. Печи не имѣютъ трубъ; поэтому каждый домъ наполненъ вонью, порождаемою дымомъ отъ сжигаемаго днемъ и ночью торфа, сушенаго коровьяго и овечьяго помета и сушеныхъ рыбьихъ костей. Очень неудачно названная „Badstofa“ (буквально — „баня“) устроена чрезвычайно просто: свѣтъ падаетъ чрезъ нѣсколько маленькихъ оконъ въ крышѣ. Только въ равнинахъ и въ торговыхъ мѣстахъ, гдѣ представляется возможность пользоваться лѣсомъ, приносимымъ водою къ берегамъ, дома устроены нѣсколько лучше.

Въ Исландіи раздѣленіе населенія по сословіямъ замѣтно въ слабой степени, какъ это всегда бываетъ въ обществахъ съ примитивною культурою. Упадокъ богатства со времени открытія страны произвелъ нивеллирующее дѣйствіе. Бѣдность въ настоящее время, такъ сказать, совершенно уничтожила высшій классъ, и въ соціальномъ отношеніи каждый стоитъ почти на одинаковомъ общественномъ уровнѣ со своимъ сосѣдомъ. Тѣмъ не менѣе, въ населеніи можно еще отличить нѣсколько главныхъ сословныхъ элементовъ. Первый образуетъ духовенство и чиновники, второй — купечество, третій — „Thomthussmenn“, т. е. люди, не имѣющіе, кромѣ коровы. Многочисленные бѣдняки, содержаніе которыхъ тяжелымъ бременемъ ложится на остальное населеніе, составляютъ четвертый классъ. Купцы, не отличаясь большою образованностью, играютъ, однако, важную роль въ общественной жизни благодаря своему богатству. Большинство этихъ купцовъ — датчане; но число ихъ уменьшается вслѣдствіе возникновенія потребительныхъ обществъ, представляющихъ опасную конкурренцію для купцовъ, такъ что послѣдніе вскорѣ, быть можетъ, будутъ совершенно изгнаны съ острова; исчезновеніе купцовъ обѣщаетъ благотворно сказаться на благосостояніи мѣстнаго населенія, такъ какъ тогда деньги будутъ оставаться въ странѣ вмѣсто того, чтобы уплывать въ Копенгагенъ, какъ теперь. При дальнѣйшемъ, болѣе дробномъ раздѣленіи народа на классы, мѣриломъ служитъ корова. Кто имѣетъ корову и пасетъ ее на воздѣланномъ собственными трудами травяномъ полѣ,—причисляется къ классу „бонди“, безразлично,—является-ли онъ владѣльцемъ, арендаторомъ или же просто наемщикомъ этого земельнаго участка. „Thomthussmenn“, напротивъ, большею частью рыболовы. Наибольшимъ внѣшнимъ почетомъ пользуется классъ чиновниковъ; между ними важнѣйшій — „Syslumann“, хотя онъ и не занимаетъ самаго высшаго положенія. „Syslumann“—король въ своемъ округѣ; въ его лицѣ объединяются самыя

разнообразныя функціи верховной власти; тѣмъ не менѣе, не смотря на отсутствіе строгаго контроля свыше, случаи злоупотребленія властью очень рѣдки. Главнымъ носителемъ цивилизаціи въ Исландіи, учителемъ юношества и стражемъ народной нравственности является евангелическое духовенство. Исландскіе пасторы не только занимаются проповѣдью евангелія и священнодѣйствіями, но и получаютъ десятину, исправляютъ должность церковныхъ старостъ и духовныхъ коммиссіонеровъ, предсѣдательствуютъ въ мировыхъ судахъ своего прихода, ведутъ церковныя книги, инспектируютъ школы и, ко всему этому, хозяйничаютъ на принадлежащей имъ землѣ. Не мало заботятся пасторы также и о распространеніи въ народѣ элементарныхъ научныхъ свѣдѣній, и благодаря ихъ бдительности въ этомъ отношеніи почти всѣ взрослые мужчины и очень многія изъ женщинъ умѣютъ читать и писать и знаютъ ариѳметику. Съ другой стороны, такіе порядки привели народъ къ отупѣнію и полнѣйшему подчиненію его духовенству. Нигдѣ духовенство не играетъ большаго вліянія на частную жизнь отдѣльныхъ лицъ, нигдѣ религія не играетъ столь важной роли въ повседневной жизни, какъ въ строго-протестантской Исландіи.

Небольшая столица Исландіи, Рейкіавикъ (2,000 жителей), расположенная въ юго-западной части острова, служитъ не только средоточіемъ свѣтской и церковной администраціи,—здѣсь имѣютъ свое мѣстопребываніе правитель острова и епископъ, но и центромъ наукъ и литературы, торговли и промышленности всей Исландіи. Жизнь исландской столицы вовсе не такъ скучна, какъ то можетъ показаться. Зимою довольно часто устраиваются балы и вечера, а частные театры, при невысокой входной платѣ, очень охотно посѣщаются публикою.

Не считая описанныхъ побочныхъ владѣній, королевство Данія обнимаетъ площадь въ 38,340 кв. километровъ, на которой живетъ 217,238 человѣкъ населенія; почти всѣ они лютеранскаго вѣроисповѣданія и имѣютъ конституціонную форму правленія. Страна раздѣляется на 13 округовъ, изъ которыхъ 4 приходится на долю острововъ и 9—на долю Ютландскаго полуострова. Исландія, имѣющая собственное управленіе и законодательное собраніе («Althing»), раздѣляется на 4 округа, Фаррерскіе острова образуютъ одинъ округъ. Кромѣ того, Данія обладаетъ колоніями въ Гренландіи, которыя распадаются на сѣверный и южный инспектораты, и въ Вестъ-Индіи, гдѣ ей принадлежатъ о-ва св. Ѳомы, С.-Джонъ и Санта-Круцъ. Армія разсматриваемаго государства въ военное время простирается до 60,000 человѣкъ; военный флотъ состоитъ изъ 66 судовъ съ 407 орудіями.

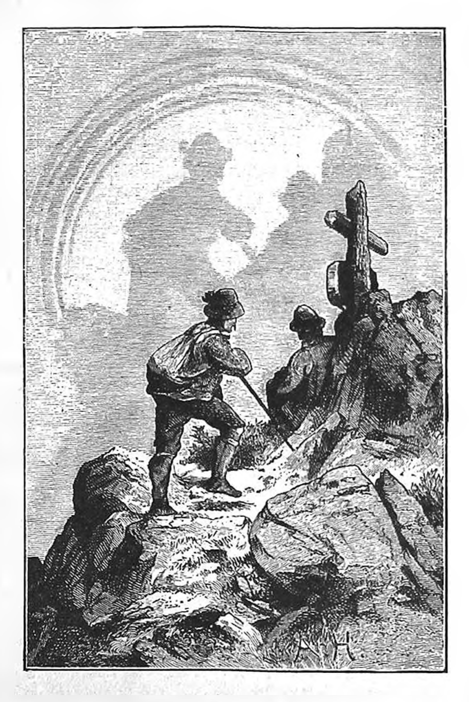
Альпійская область и Швейцарія.

На востокѣ долины рѣки Роны, у самаго края Средиземнаго моря, круто поднимаются могучія, богатыя ледниками Альпійскія горы. Будучи расположены между 43° и 48° с. ш., Альпы образуютъ собою дугу, длиною свыше 1,000 километровъ и шириною отъ 120 до 220 километровъ; къ востоку онѣ вѣерообразно расширяются и занимаютъ центральное положеніе въ Европѣ. Альпы образуютъ границу сперва между Франціею и Италіею, затѣмъ—между Италіею и Швейцаріею, которая лежитъ почти цѣликомъ въ области Альпъ. Далѣе Альпы переходятъ въ Тироль, въ Австрійскую область и здѣсь наполняютъ собою, кромѣ Тироля, провинціи Зальцбургъ, Верхнюю и Нижнюю Австрію къ югу отъ Дуная, Штирію, Каринтію и Крайну. Германіи принадлежитъ лишь небольшая часть

предгорій между Боденскимъ озеромъ и Зальцбургомъ и склоны Тирольской цѣпи. Альпы составляютъ первую и важнѣйшую границу между сѣверомъ и югомъ нашей части свѣта, хотя южная Европа, въ собственномъ смыслѣ слова, начинается, какъ мы уже видѣли, лишь съ появленіемъ вѣчно зеленыхъ лиственныхъ деревьевъ, въ Италіи, стало быть—по ту сторону Апеннинъ. Все пространство къ сѣверу отъ Альпъ до сѣвернаго и Балтійскаго морей составляетъ собственную Среднюю Европу, но въ отношеніи климата и растительности эта полоса скорѣе должна быть причислена къ сѣверу, чѣмъ къ югу. Самыя Альпы занимаютъ пространство болѣе чѣмъ въ 200,000 кв. километровъ и раздѣляются, по продольнымъ долинамъ между ихъ цѣпями и массами, на Сѣверныя, Среднія и Южныя Альпы, а по поперечному разрѣзу—на Западныя и Восточныя Альпы. Такъ какъ задача нашей книги состоитъ не столько въ сообщеніи частностей, сколько въ правдивомъ, вѣрномъ дѣйствительности изображеніи общаго характера той или другой мѣстности, то мы, не вдаваясь въ подробное описаніе этихъ отдѣльныхъ горныхъ группъ, которое привело бы насъ лишь къ простому перечисленію въ высшей степени однообразныхъ названій, ограничимся только общею характеристикою особенностей Альпійской области. Вообще нужно имѣть въ виду, что Альпійскія горы, поднимающіяся на западѣ скученною массою, къ востоку расширяются, все болѣе и болѣе раздробляясь и расчленяясь на болѣе или менѣе параллельныя цѣпи, причемъ на ряду съ этимъ возрастающимъ распаденіемъ и умноженіемъ группъ уменьшается величина горныхъ вершинъ. Прибавимъ къ этому, что передъ Альпами на западѣ лежатъ горы Юры, на С.-В. Карпаты; напротивъ, на Ю.-В. къ нимъ какъ бы прицѣпляется Карстъ, почему эти горы разсматриваются, какъ продолженіе Альпъ.

По своему геологическому строенію альпійская система распадается на два пояса,—средній, или Центральныя Альпы, которыя состоятъ изъ гнейса и слюдяного сланца и представляютъ собою первозданныя горы, и боковые пояса, или Известковыя Альпы, называемыя такъ вслѣдствіе преобладанія въ ихъ составѣ известняка; послѣднія присоединяются къ Центральнымъ Альпамъ на сѣверѣ, западѣ и югѣ (на югѣ,—считая отъ озера Лаго-Маджіоре къ востоку) и спускаются къ Альпійскимъ предгоріямъ и прилегающимъ равнинамъ. Въ геологическомъ отношеніи Альпы—одна изъ самыхъ интересныхъ мѣстностей въ Европѣ, но возрастъ ихъ сравнительно ничтоженъ; объ этомъ свидѣтельствуютъ ихъ высочайшія вершины, а также присутствіе молодыхъ формацій въ предгоріяхъ. Чѣмъ старѣе горы, тѣмъ онѣ бываютъ ниже, вслѣдствіе вывѣтриванія, и наоборотъ,—чѣмъ горы моложе, тѣмъ онѣ бываютъ выше. Происхожденіе высокихъ Альпъ, какъ и Гималаевъ, относится къ періоду, который непосредственно предшествовалъ переселенію человѣка въ Европу. Центральныя массы, состоящія большею частью изъ гнейса, гранита и проточина, внутри обнаруживаютъ вѣерообразную конструкцію, т. е. пласты аспида своею подошвою, какъ будто уходятъ подъ центральное, окруженное слоями ядро, раздвигаясь кверху на подобіе раскрытаго вѣера. На ю. и с. къ этимъ центральнымъ массамъ примыкаютъ новѣйшія нептуническія образованія самыхъ разнообразныхъ формъ и строенія, отъ каменнаго угля и до тріасовыхъ породъ включительно, причемъ особенною мощностью развитія отличаются известковые пласты. Тріасовая формація, такъ называемыя соляныя горы, встрѣчается въ Альпахъ на большомъ протяженіи на сѣверъ и на югъ Центральныхъ Альпъ; она повсюду сильно развита и отличается разнообразіемъ напластованія слоевъ. Далѣе отъ Литурійскаго залива тянутся юрскіе пласты, которые въ видѣ ленты обвиваются кругомъ Альпъ и могутъ быть прослѣжены до окрестностей Вѣны. Въ Швейцаріи изъ этихъ пластовъ состоятъ вершины Западныхъ Альпъ; у южнаго края эта лента начинается отъ Лаго-

Маджіоре и тянется до Венгріи. Наибольшее пространство занимаетъ третичная формація, развитіе и распространеніе которой для Альпійской области имѣетъ особенно важное значеніе. Слѣдующій за эоценовыми отложеніями третичной формаціи молассъ заполняетъ собою все пространство между Юрою и Альпами и сѣверную, такъ называемую Швейцарскую равнину; затѣмъ далѣе къ востоку всѣ долины Тироля, Зальцбурга и Крайны. Къ сторонѣ Альпъ слои моласса поднимаются, образуя собою складку, такъ что на югѣ они спускаются къ Альпамъ, а на сѣверѣ—къ равнинѣ. Въ системѣ дилювія мы встрѣчаемъ слои валуновъ и громадныя глыбы горныхъ породъ (Findlingsbänke), покрывающія значительную часть передней Швейцаріи. Эти валуны и эрратическіе камни обязаны своимъ происхожденіемъ глетчерамъ, которые въ прежнее время занимали гораздо болѣе обширное пространство, простираясь далеко въ сторону Юры и южной Германіи, и здѣсь оставили послѣ себя слѣды въ видѣ моренъ и каменныхъ обломковъ.



Миражъ въ швейцарскихъ горахъ.

Особеннымъ преимуществомъ строенія Альпъ является обиліе долинъ. Наиболѣе значительныя и длинныя изъ нихъ идутъ въ одномъ направленіи съ главными горными гребнями. Такія продольныя долины образуются альпійскими рѣками Роною и Рейномъ въ верхнемъ ихъ теченіи въ Швейцаріи, затѣмъ—рѣками Инномъ и Зальцей, Эннсомъ и Муромъ, Дравою и Савою. Тамъ, гдѣ онѣ мѣняютъ свое направленіе, измѣняется также и умѣренная доселѣ покатость ихъ ложа; образуются съуженія, такъ называемыя «Klausen», или же рѣки выходятъ на равнину, образуя тѣснины и стремнины. На южной сторонѣ, гдѣ продольныхъ долинъ сравнительно мало, и гдѣ наибольшею изъ нихъ является Вельтлинъ или Валь-Телина, орошаемая Аддою,—долины большею частью заняты озерами. Поперечныя долины, понятно, короче и круче, такъ какъ онѣ пересѣкаютъ линію горныхъ гребней; характеристическою чертою ихъ служитъ правильное чередованіе съуженій или тѣснинъ и плоскихъ котловинъ. Наибольшія поперечныя долины образуются рѣками Рейсомъ въ Швейцаріи и Эчемъ въ Тиролѣ, затѣмъ—Рейномъ (выше Боденскаго озера) и Роною (между Мартиньи и Женевскимъ озеромъ).

Въ зависимости отъ образованія долинъ стоятъ и альпійскіе проходы, представляющіе собою продольныя или поперечныя дороги, проложеніе которыхъ большею частью потребовало затраты большого количества силы и искусства. До сихъ поръ рельсовый путь осилилъ Альпы лишь въ четырехъ мѣстахъ: у Кольде-Фрежю (Col de Frejus), гдѣ проложенъ такъ называемый Монсенисскій туннель, длиною въ 12 километровъ; онъ находится въ Западныхъ Альпахъ и ве-

детъ изъ долины Арки (притокъ Изера) во Франціи въ долину Доры-Рипаріи (притокъ По) въ Италію; затѣмъ, у Сенъ-Готардскаго прохода въ Швейцаріи, также къ туннелю, который имѣетъ 15 километровъ въ длину и ведетъ изъ долины Рейса въ долину Тичино; далѣе, у Бреннерскаго прохода въ Тиролѣ, выводящаго изъ долины Виппъ, по которой протекаетъ Силль (притокъ Инна) въ долину рѣки Эйзака, впадающей близъ Бауцена въ Эчъ и, наконецъ, у Зиммеринга, къ югу отъ Вѣны, гдѣ путь лежитъ по пограничнымъ горамъ, отдѣляющимъ Нижнюю Австрію отъ Штиріи, и ведетъ изъ долины Шварца въ долину Мюрца. Кромѣ того, чрезъ Альпы существуетъ еще до 40 обыкновенныхъ дорогъ. Самыя короткія изъ нихъ, понятно, тѣ, которыя ведутъ изъ одной поперечной долины въ другую. Еще значительнѣе число проходовъ или переваловъ, не имѣющихъ дорогъ.

Кристаллическія центральныя массы въ Альпахъ не образуютъ сплошной стѣны, которая непрерывно тянулась бы чрезъ всю горную систему въ направленіи отъ запада къ востоку; наоборотъ, эти массы распадаются на отдѣльные массивы; между послѣдними расположены мощныя сѣдловины, которыя представляютъ удобопроходимые перевалы. Главнѣйшіе изъ такихъ переваловъ слѣдующіе: Коль-ди-Тенда, Монъ-Сени, соотвѣтствующій впадинѣ между Коттскими и Грайскими Альпами, Коль-дю-Бономъ (Col-du-Bonhomme) между Монбланомъ и Западными Альпами, большой Сенъ-Бернардскій проходъ, Люкманьерскій, Бернардинскій, Шплюгенскій, Бернинскій, до извѣстной степени—проходъ Стельвіо, Рейсскій раздѣлъ (Reischen-Scheideck), въ особенности же Бреннерскій, самый старый изъ альпійскихъ путей. Подобный же характеръ имѣютъ и тѣ проходы, которые лежатъ въ Восточныхъ Альпахъ, въ особенности ведущіе черезъ Тауэры, какъ, напр., проходъ Раурисъ. Далѣе къ востоку цѣпь настолько понижается, что почти всюду открывается возможность перейти горы. Въ Швейцаріи существуютъ всего лишь два прохода, которые не слѣдуютъ за поясами или пониженіями каменныхъ породъ,—это С.-Готардскій и Симплонскій проходы. Объясненіе того, почему пользуются первымъ изъ названныхъ проходовъ, заключается въ двухъ боковыхъ долинахъ Рейса и Тичино, которыя лежатъ одна отъ другой на близкомъ разстояніи, чѣмъ значительно облегчается переходъ чрезъ умѣренно-высокую массу С.-Готарда. Что касается Симплонскаго прохода, то онъ пересѣкаетъ кристаллическую центральную массу того же имени близь ея конца тамъ, гдѣ она очень узка и уже значительно понизилась. Затѣмъ этотъ проходъ очень скоро приводитъ въ долину Диверіа, а потомъ къ большому ущелью Валъ-Формацца, которому недостаетъ весьма немногаго для того, чтобы быть вполнѣ трещинною долиною.

Большинство этихъ проходовъ отличается красотою своихъ ландшафтовъ, но одно изъ первыхъ мѣстъ среди нихъ по красотѣ занимаетъ безспорно С.-Готардъ въ Швейцаріи, усердно посѣщаемый туристами со времени окончанія альпійской желѣзной дороги. Послѣдняя начинается отъ Флюэлена, на самомъ южномъ концѣ Фирвальдштетскаго озера. Въ красивомъ мѣстечкѣ Амштегъ доселѣ начинался болѣе крутой подъемъ почтовой дороги; теперь желѣзнодорожная станція лежитъ вверху, на горѣ, а поѣздъ, пройдя чрезъ короткій Виндгелленскій туннель, поднимается на 54 метра надъ подошвою горы окружнымъ путемъ въ 138 метровъ длины, который идетъ чрезъ Керстеленскій ручей (Kerstelenbach), вытекающій изъ Мадеранской долины. Опасная, по правую сторону Рейса, дорога, съ переходомъ на правый берегъ рѣки получаетъ крѣпкія перила. Затѣмъ, по одному изъ самыхъ величественныхъ мостовъ, около Инча, она переходитъ, на высотѣ 78 метровъ, бушующій Рейсъ и, пройдя чрезъ нѣсколько туннелей, достигаетъ одинокой, отрѣзанной отъ міра станціи въ прилѣпившейся къ горѣ деревушкѣ Гуртнелленъ, высоко надъ почтовою дорогою. Интересно прослѣдить, какъ затѣмъ дорога взбирается на высоту. Эрстфельдъ лежитъ на высотѣ 475 метровъ надъ уровнемъ моря, Гёшененъ—на 1,109 м.; слѣдовательно, разница въ высотѣ равняется 634 метрамъ. Этотъ подъемъ идетъ неравномѣрно и раздѣляется на нѣсколько отдѣловъ: уступы долины съ отлогимъ сравнительно склономъ прерываются ущельями, въ которыхъ рѣка на короткомъ протяженіи падаетъ съ высоты ста и болѣе метровъ, и дорога поэтому идетъ большими извилинами. С.-Готардская дорога по мѣрѣ возможности приноравливается къ населеннымъ уступамъ долины съ лежащими

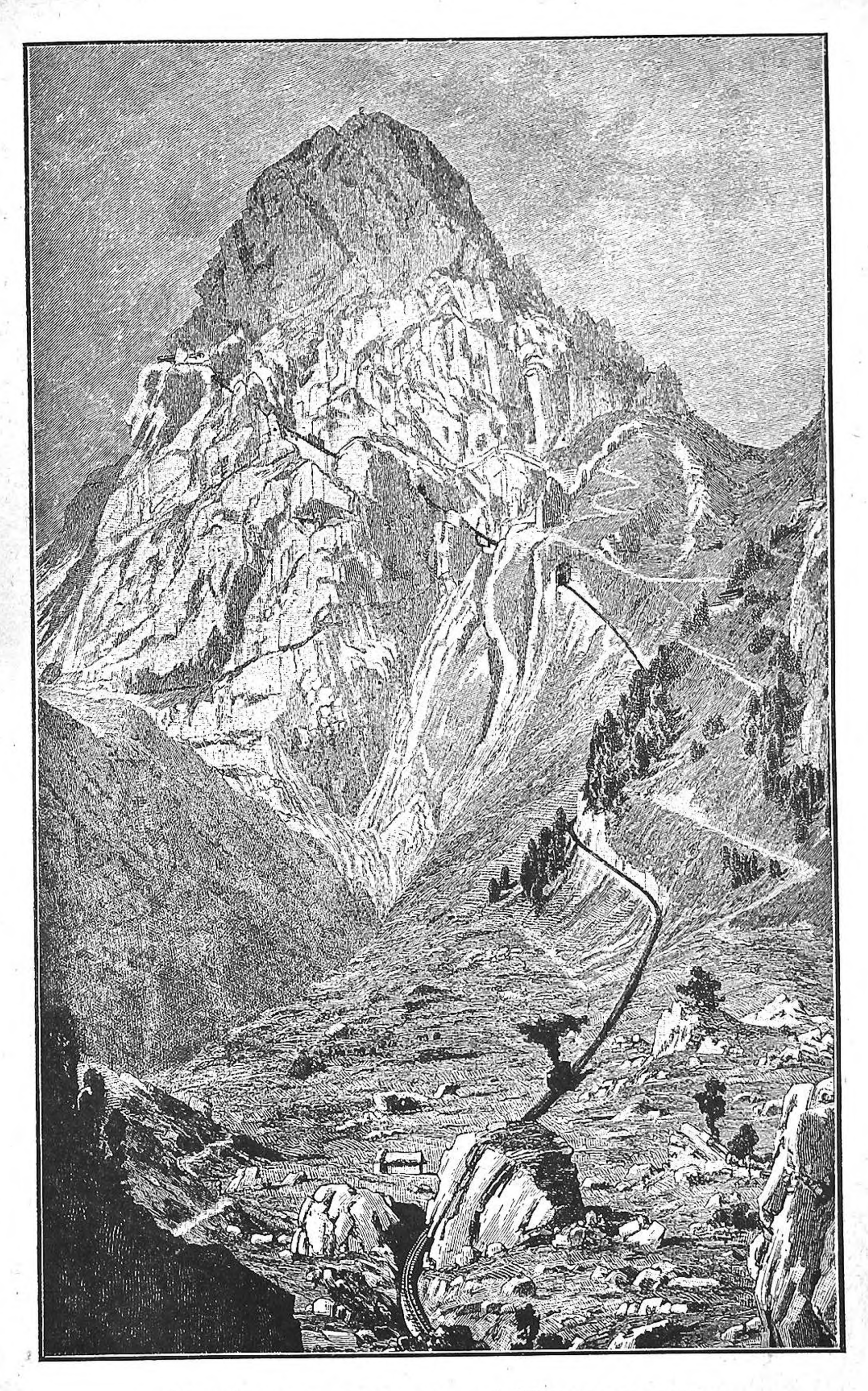
на нихъ городами и деревнями, и потому искусственно удлиннена. Первый уступъ долины Рейса доходитъ до Амштега. Крутизна подъема отсюда до Эстерфельда равняется 26°. У Вазена начинается новый уступъ долины, ведущій въ Гёшененъ. Здѣсь для желѣзной дороги устроена цѣлая система искусственныхъ удлинненій пути. Она начинается туннелемъ Пфаффенширунгъ. Туннель прободаетъ каменную стѣну, идетъ спирально, поднимаясь кверху, и выходитъ на 35 метровъ выше своего начала. Идущій туннелемъ поѣздъ дѣлаетъ полный кругъ; путешественникъ, сидя въ вагонѣ, не чувствуетъ этого, но компасъ, стрѣлка котораго дѣлаетъ полный оборотъ около своей оси, убѣждаетъ его, что поѣздъ идетъ не по прямой линіи. Затѣмъ поѣздъ переѣзжаетъ по мосту Майенрейсъ, неподалеку отъ впаденія его въ Рейсъ въ первый разъ, и по короткому туннелю проходитъ подъ Вазенскимъ церковнымъ холмомъ и, перейдя черезъ Рейсъ, идетъ по длинному Ваттингерскому туннелю въ обратномъ направленіи, затѣмъ снова переходитъ черезъ Рейсъ. Теперь путь идетъ на сѣверъ, какъ будто опять къ Флюелену, но постепенно поднимаясь вверхъ. Такимъ способомъ мы достигаемъ той высоты, на которой расположенъ Вазенъ, но это еще не все: поѣздъ еще разъ переходитъ черезъ Майенрейсъ, на гораздо болѣе значительной высотѣ, чѣмъ ранѣе, по среднему Майенрейскому мосту (на высотѣ 79 метровъ) и, пройдя снова по обратному Леггиштейнерскому туннелю, подходитъ къ третьему, самому верхнему Майенрейскому мосту, болѣе чѣмъ на 100 метровъ выше перваго моста, и здѣсь получаетъ свое прежнее южное направленіе; отсюда поѣздъ слѣдуетъ уже просто по краю обрыва ущелья до высоты Гёшенена. Столь значительный подъемъ совершается главнымъ образомъ благодаря именно описаннымъ искусственнымъ удлинненіямъ дороги. Открывающіеся предъ глазами путешественника виды своею величественностью могутъ поспорить съ грандіозными сооруженіями техники: особенно великолѣпенъ видъ Майенскаго ущелья, чрезъ которое поѣздъ переѣзжаетъ три раза. Гёшененъ со времени устройства туннеля сталъ очень оживленнымъ пунктомъ и, несомнѣнно, останется таковымъ, благодаря массѣ туристовъ, которые охотно ѣдутъ сюда, чтобы полюбоваться на одно изъ самыхъ величественныхъ ущелій прежняго горнаго прохода, Шолленское, на „Чортовъ мостъ“, на долину Андерматтъ, ту счастливую страну, гдѣ осень и зима соединяются другъ съ другомъ, подобно мужу и женѣ. Далѣе мы снова въѣзжаемъ въ туннель, по которому поѣздъ идетъ 25 минутъ, и когда поѣздъ выходитъ изъ туннеля, надъ головами путешественниковъ разстилается уже синее небо долины Бедретто и Айроло. Теперь дорога спускается къ истокамъ Тичино, и глазамъ туриста представляется во всемъ своемъ великолѣпіи ущелье Стальфедро. Здѣсь, на южной сторонѣ, дорога проложена такъ же, какъ и около Вазена, только въ сооруженіяхъ обнаруживается еще болѣе смѣлости и изобрѣтательности. Дорога идетъ по красивымъ возвышеннымъ долинамъ Квинто и Фандо, а глубокіе обрывы Даціо Гранде и Біасхины она преодолѣваетъ съ помощью спиральныхъ туннелей. Въ каждомъ изъ двухъ упомянутыхъ ущелій, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ приходится преодолѣвать высоту по меньшей мѣрѣ въ 100 футовъ и притомъ на короткомъ протяженіи, проложено по два такихъ туннеля; въ ущельи Даціо устроены туннели—Фреджіо (Freggiotunnel) въ лѣвой горной стѣнѣ Платифера, громоздящагося противъ теченія рѣки, и туннель Прато—въ правой стѣнѣ, по переходѣ на другую сторону Тичино. Еще болѣе грандіозное впечатлѣніе производитъ ущелье Джіорнико, называемое Біасхиною. Здѣсь, на лѣвой сторонѣ, туннель Піанотондо прободаетъ гору; поѣздъ выходитъ изъ туннеля 40 метрами ниже и сразу же по выходѣ во второй разъ направляется внутрь той же горы, исчезая въ туннелѣ Трави, откуда выходитъ на 38 метровъ ниже къ мосту черезъ Тичино. Видъ этихъ ходовъ, туннелей, мостовъ, дорогъ, напоминающихъ собою спираль пробочника, очень оригиналенъ. Обозрѣвая всѣ эти чудеса на короткомъ протяженіи и присоединяя къ нимъ еще большой туннель, самый грандіозный во всемъ мірѣ, соединяющій Италію съ сѣверными странами, поневолѣ проникаешься чувствомъ удивленія предъ столь колоссальными сооруженіями техники. И въ самомъ дѣлѣ,—по величественности, во всѣхъ направленіяхъ, Готардъ въ настоящее время превосходитъ всѣ другія подобныя чудеса: Семмерингъ и Бреннеръ, Монъ-Сени и Понтебба, Гезеузе и Трибергерскую дорогу. Къ грандіознымъ сооруженіямъ присоединяются здѣсь красота и дикая романтичность ландшафта, что сообщаетъ большую прелесть и высокій интересъ путешествію по желѣзной дорогѣ, а отдѣльныя мѣстности, каковы, напр., ущелье Даціо, будучи обозрѣваемы прежнимъ способомъ путешествія, пріобрѣтаютъ въ глазахъ путешественника еще большую привлекательность. При быстромъ переѣздѣ особенно рѣзко бросается здѣсь въ глаза измѣненіе характера ландшафта на отдѣльныхъ уступахъ долинъ: около Айроло мѣстность носитъ еще чисто альпійскій характеръ; въ долинѣ Квинто путникъ видитъ свѣжіе луга, въ долинѣ Піано фонъ Фандо уже культивируется виноградъ и растутъ лавровыя деревья и каштаны. Въ долинѣ Джіорнико

путешественникъ достигаетъ самой нижней ступени долины Тичино, Ривьеры; грандіозность ландшафта все болѣе и болѣе уступаетъ мѣсто нѣжнымъ, мягкимъ красотамъ, и на мѣстности, равно какъ и на жилищахъ все рѣзче и рѣзче сказывается итальянскій отпечатокъ.

Не менѣе Готарда романтиченъ и Шлюгенскій проходъ, представляющій самый короткій путь въ Италію; онъ идетъ по величественному и страшному ущелью Via Mala, по которому протекаетъ Рейнъ. Виды, представляющіеся здѣсь путешественнику, невольно поражаютъ его своею красотою.

Болѣе всего привлекаютъ къ себѣ путешественника въ Альпахъ озера, эта главная краса горъ. Обиліе озеръ и ихъ разнообразіе составляютъ важный моментъ въ природѣ Швейцаріи, отличающей ее отъ всѣхъ другихъ альпійскихъ странъ. Въ самомъ дѣлѣ, простого взгляда на карту достаточно для того, чтобы убѣдиться, съ какою расточительною щедростью надѣлила природа Швейцарскія Альпы озерами; послѣднія отличаются своимъ числомъ, величиною и красотою преимущественно предъ всѣми остальными мѣстностями великой Альпійской горной цѣпи. Отъ небольшихъ горныхъ озеръ Альпійской области отличаются своимъ большимъ значеніемъ многочисленные и обширные озерные бассейны въ странахъ, лежащихъ впереди Альпъ, особенно на сѣверѣ и югѣ. На сѣверѣ, отъ озера Бурже въ Савойѣ до Траунскаго озера въ Верхней Австріи, они тянутся на пространствѣ свыше 520 километровъ, а у южной подошвы, между Ортскимъ и Гардскимъ озерами,—на протяженіи болѣе 150 километровъ. Пріятное впечатлѣніе, производимое на путешественника этими озерами, усиливается свѣжестью, прозрачностью и прекраснымъ цвѣтомъ воды, переходящимъ отъ густого синевато-зеленаго цвѣта до самой прозрачной и нѣжной синевы. Эти озера служатъ вмѣстѣ съ тѣмъ и очистительными бассейнами для альпійскихъ рѣкъ, которыя оставляютъ здѣсь весь щебень и мусоръ изъ камней и валуновъ, увлеченныхъ ихъ бурнымъ теченіемъ изъ ущелій.

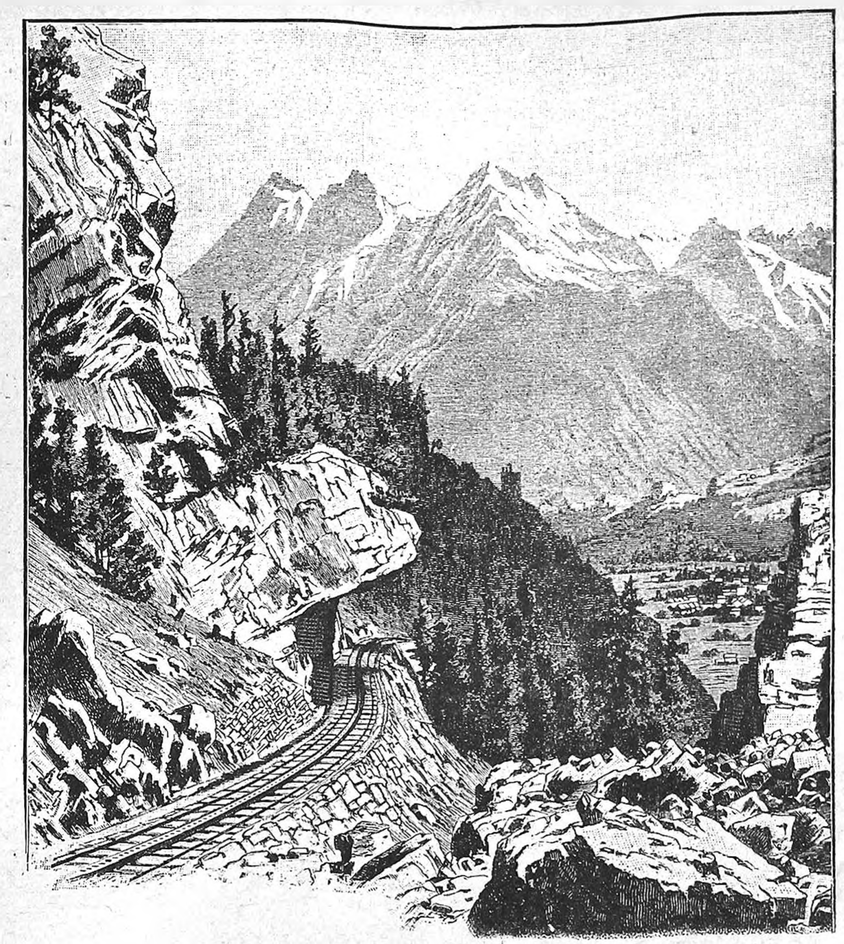
Число альпійскихъ озеръ очень велико; наиболѣе значительныя и вмѣстѣ пользующіяся наибольшею извѣстностью изъ нихъ лежатъ въ Швейцаріи. Первое мѣсто среди нихъ занимаютъ озера: Женевское, Леманское и Фирвальдштетское. Предъ взоромъ путешественника, высадившагося на расположенной у туннеля станціи Чексбре (Chexbres), развертывается чудная картина: онъ видитъ предъ собою обширную, въ 577 кв. километровъ, зеркальную поверхность Женевскаго озера; раскинувшись въ формѣ полумѣсяца, оно отливаетъ разнообразнѣйшими цвѣтами; мѣстами виднѣются пароходы; легкія облачка дыма даютъ возможность замѣтить ихъ на далекомъ разстояніи; многочисленныя лодки и другія суда съ бѣлыми парусами, подобно лебедямъ, покачиваются на волнахъ озера. Внизу, на берегу, привѣтливо выглядываетъ спрятавшаяся въ виноградникахъ Лозанна, а далѣе высятся обнаженныя скалистыя стѣны Савойскихъ Альпъ, круто спускающихся къ озеру. Надъ ними высится своею снѣжною вершиною Дантъ-ди-Миди (Dent du Midi). Чарующая красота и суровая дикость ландшафта соединяются здѣсь вмѣстѣ, образуя странный, рѣдкій союзъ. А когда вечернее солнце изливаетъ на эту мѣстность свои волшебные лучи, пейзажъ Швейцарскаго озера получаетъ замѣчательную, чарующую прелесть: взоръ туриста не можетъ въ достаточной степени насытиться созерцаніемъ той полноты линій и формъ, въ которую одѣваются тогда какъ самое озеро, такъ и окружающій его поясъ горъ. Южный берегъ Лемана усѣянъ многочисленными мѣстечками, которыя очень охотно посѣщаются туристами вслѣдствіе мягкости климата этихъ мѣстностей. Таковы Ухи (Ouchy), Вевей (Vevey), Кларенсъ и Монтре (Montreux). Совершенно инымъ характеромъ отличается въ высокой степени романтичное Фирвальдштетское озеро (113 кв. километровъ), — одно изъ самыхъ опасныхъ горныхъ озеръ во время бури. На его живописныхъ берегахъ поднимаются вершины— Риги (1,800 метровъ), съ котораго открывается прекрасный видъ на окрестности, съ



Желѣзная дорога на Пилатъ-гору.

ведущею на него зубчатою желѣзною дорогою, Пилатъ (2,123 метра), играющій для Сѣверной Швейцаріи роль погодопредсказателя, и Бюргенштокъ (1,134 метра).

Хотя Альпы, самыя значительныя по высотѣ горы въ Европѣ, кажутся посредственностью, будучи поставлены на ряду съ высочайшими горами другихъ частей свѣта, тѣмъ не менѣе Бонштеттенъ былъ правъ, говоря, что «всякая громада, созданная фантазіею, кажется незначительною въ сравненіи съ Альпами». Если мы будемъ приближаться къ Альпамъ съ сѣверной стороны, то прежде всего встрѣтимъ Альпійскія предгорья, въ 1,300—1,625 метровъ высоты. Будучи разсматриваемы на нѣкоторомъ разстояніи, они представляются въ видѣ внѣшнихъ окоповъ или правильнаго передняго вала гористой европейской твердыни, надъ которымъ, подобно верхушкамъ внутреннихъ крѣпостныхъ башенъ, поднимаются, нерѣдко на значительную высоту, блестящія своимъ снѣжнымъ покровомъ вершины Центральныхъ Альпъ. Вершины эти не представляютъ собою одинокихъ конусовъ, а возвышаются рѣзкими контурами среди самыхъ высокихъ частей гребня, то въ видѣ скалистыхъ иглъ, зубцовъ или роговъ (Horn, Pik, Grat, First, dent, aiguille), то въ видѣ округленныхъ башенъ или куполовъ; громадныя массы льда и снѣжныя поляны лежатъ между мрачными, высокими стѣнами, на концахъ которыхъ—въ Альпахъ на высотѣ не свыше 3,250 метровъ—начинаются глетчеры, встрѣчающіеся гораздо рѣже въ боковомъ поясѣ Известковыхъ Альпъ. Образецъ такихъ глетчеровъ, хотя и не особенно большихъ размѣровъ, путешественникъ можетъ видѣть въ красивой, романтической долинѣ Розентауи, въ области Верхняго Берна. Служа стоками вѣчныхъ ледяныхъ и снѣжныхъ полей, находящихся въ болѣе возвышенныхъ областяхъ, глетчеры, подобно замерзшимъ рѣкамъ, спускаются въ видѣ снѣжныхъ и ледяныхъ массъ ниже обыкновенной снѣговой линіи и часто сползаютъ, въ теченіе 6—10 часовъ до уровня 975 метровъ высоты, по углубленіямъ громадныхъ пропастей, которыми изборождены бока горной цѣпи. По краямъ глетчеровъ лежатъ обыкновенно обломки скалъ, оторванные отъ сосѣднихъ скалистыхъ высотъ вслѣдствіе замерзанія воды въ ихъ щеляхъ. Скопленія такихъ обломковъ, называемыя моренами, образуютъ собою какъ бы рамку глетчеровъ или же раздѣляютъ ихъ въ продольномъ направленіи, двигаясь вмѣстѣ съ глетчерами параллельными полосами. Такимъ характеромъ отличается возвышенная Бернская область, т. е. южная возвышенная альпійская часть Швейцарскаго кантона Берна, расположенная около центральной массы Финстерааргорна. Нѣтъ другой такой мѣстности въ Возвышенной Швейцаріи, которая обладала бы болѣе обширными сплошными глетчерами и фирнами, гдѣ бы горныя вершины достигали такого разнообразія и живописности, какъ Возвышенная Бернская область; трудно найти также большее обиліе красивыхъ, быстро смѣняющихся панорамъ. Поэтому названная мѣстность очень охотно посѣщается туристами; послѣдніе обыкновенно начинаютъ свои экскурсіи съ Интерлакена, лежащаго между двумя великолѣпными озерами—Тунерскимъ и Бріенцерскимъ, по сосѣдству съ горными гигантами страны. Изъ высо-



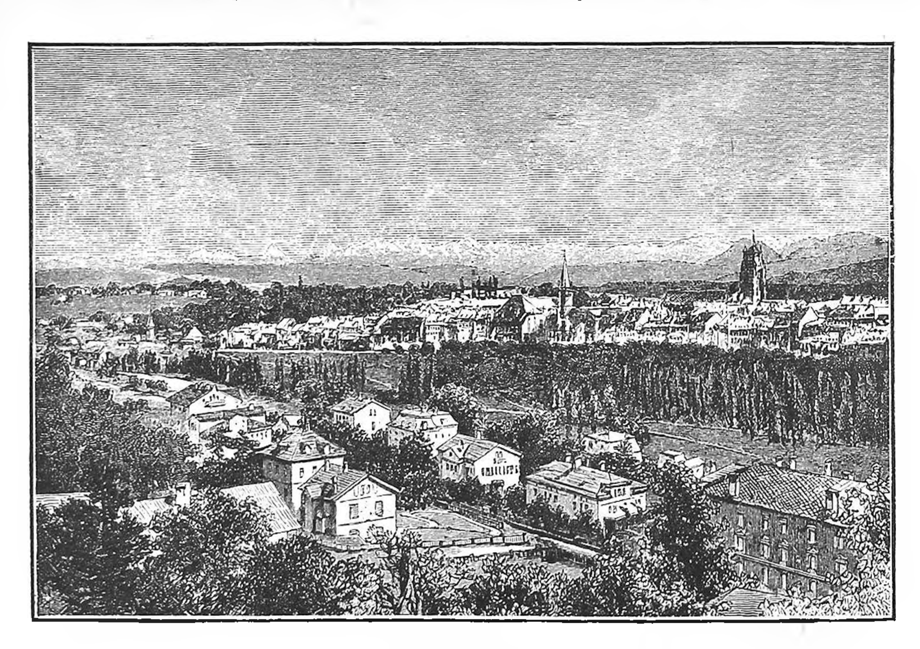
Дорога изъ Базеля въ Люцернъ.

чайшихъ вершинъ выдаются въ особенности Фишергорнеръ (4,047 метровъ), Шрекгорнеръ (4,080 м.), Монхъ (4,104 м.), Юнгфрау (4,167 м.), Алечгорнъ (4,198 м.) и Финстерааргорнъ (4,257 м.). Деревушки и альпійскія хижины не возвышаются въ Бернскихъ Альпахъ до такой высоты, какъ въ другихъ мѣстностяхъ, къ югу отсюда. Всего выше расположена деревня Мюрренъ, лежащая на высотѣ 1,630 метровъ надъ уровнемъ моря.

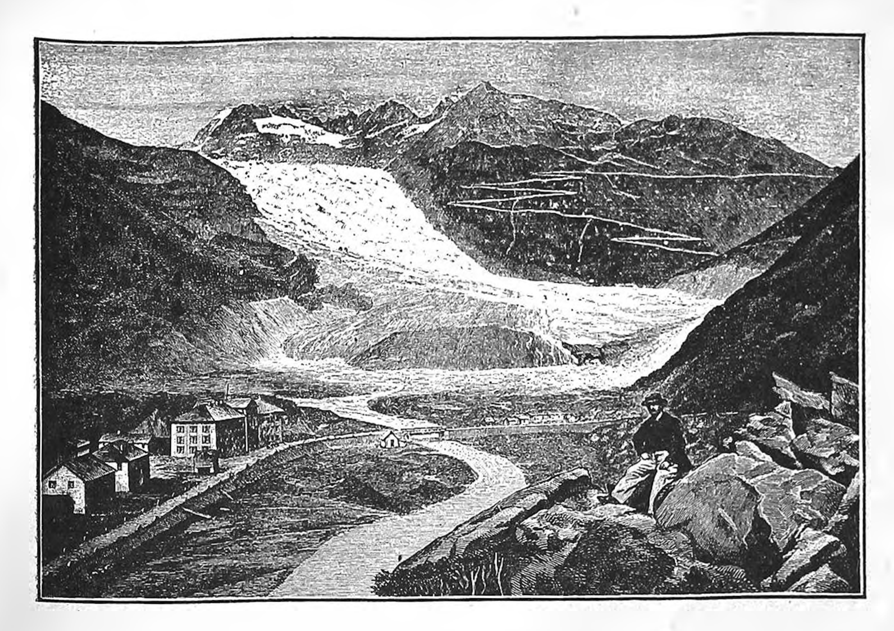
По абсолютной высотѣ Бернскія Альпы занимаютъ лишь третье мѣсто: цѣпь расположеннаго южнѣе Монблана, высочайшей вершины Альпъ, достигаетъ высоты въ 4,810 метровъ, а Валлизерскія Альпы въ Монте-Роза поднимаются до 4,638 метровъ. Куполообразная вершина Монблана поднимается надъ долиною Шамуни и, благодаря отсутствію предгорій, хорошо видна изъ долины; къ сѣверу и къ западу Монбланъ посылаетъ отъ себя глетчеры, очень значительные

по своему протяженію; такъ, Glacier des Bossons простирается до Шамуни. Къ югу Монбланъ оканчивается страшно крутою скалистою стѣною, вслѣдствіе чего многочисленные глетчеры обрываются здѣсь на гораздо болѣе значительной высотѣ. Монте-Роза имѣетъ гораздо болѣе величественный видъ сравнительно съ Монбланомъ, представляя собою вѣнокъ изъ девяти вершинъ; открывающійся отсюда видъ превосходитъ всякое описаніе. Немного западнѣе громоздится Маттергорнъ или Монъ-Сервинъ, гигантскій обелискъ въ 4,482 метра высотою, возвышающійся надъ окружающею его горною массою по меньшей мѣрѣ на 1,500 метровъ.

Само собою разумѣется, что сторона Альпъ, обращенная къ Италіи, отличается наибольшею красотою и величественностью. Растительность здѣсь гораздо богаче, чѣмъ въ центральныхъ долинахъ и на сѣверныхъ склонахъ горъ, откосы значительно круче; благодаря этому снѣжныя и ледяныя массы получаютъ очень разнообразныя и прихотливыя очертанія и образуютъ поразительный контрастъ съ глубокими, пышно цвѣтущими на теплыхъ солнечныхъ лучахъ долинами. Понятно, нельзя сказать, чтобы итальянскія Альпы превосходили швейцарскія всюду безъ исключенія; но въ общемъ мы должны съ этимъ согласиться. Стоитъ только вспомнить Курмайеръ (Courmayer) и Allee Blanche съ одной стороны, и долину Шамуни—съ другой, чтобы довольно отчетливо уяснить себѣ характеръ сѣверныхъ и южныхъ склоновъ Альпъ. Къ южнымъ Альпамъ принадлежатъ также и доломитовыя горы, которыя начинаются въ верхней долинѣ Фассы, идутъ частью по тирольско-итальянской границѣ, но въ большинствѣ случаевъ отклоняются отъ нея и имѣютъ свой корень въ Мармолатѣ (3,494 м.). Отсюда развертывается въ высшей степени интересная картина своеобразнаго горнаго міра съ его крутыми, дикими зубцами и пирамидами, рогами, пропастями, столбами, разсѣлинами, угрюмыми ущельями и долинами; эта мѣстность, расположенная между Бухенштейномъ и Ампеццо, превосходитъ по своей оригинальной красотѣ ожиданія даже самой смѣ-



Б е р н ъ.



Ронскій глетчеръ.

лой и живой фантазіи. Скудная растительность пробивается въ самыхъ глубокихъ ущельяхъ между сѣрыми гальками, направляясь къ мѣстамъ, болѣе освѣщеннымъ солнечными лучами; вода, струящаяся подъ каменными глыбами, ниже, въ долинахъ, выходитъ на поверхность земли; всюду кругомъ въ невыразимыхъ тонахъ заявляетъ о себѣ дѣятельная кипучая жизнь. Мѣсто не позволяетъ намъ описать болѣе подробно альпійскія мѣстности; укажемъ лишь главнѣйшія изъ нихъ: окрестности Монблана въ Савойѣ, берегъ Женевскаго озера, верхняя долина Роны, Монте-Роза, Маттергорнъ, Бернская возвышенная страна, съ своими безчисленными ледяными зубцами и зеркальными озерами, восхитительные ландшафты восточной Швейцаріи, именно Энгадинъ, въ Тиролѣ южныя боковыя долины Инна, наконецъ—въ Верхней Австріи—чудный Зальцкаммергутъ и въ Баваріи—Королевское озеро. Этимъ краткимъ перечнемъ, понятно, далеко не исчерпываются всѣ достопримѣчательности Альпійскихъ горъ.

На Альпахъ прежде всего бросается въ глаза оскудѣніе растительности съ возрастаніемъ высоты. Сильное различіе замѣчается также между флорою известковыхъ Альпъ и растительностью первозданныхъ горъ. Первая отличается богатствомъ формъ, замѣчательнымъ великолѣпіемъ красокъ и ароматомъ цвѣтовъ, чего нѣтъ на первозданныхъ горахъ.

Перломъ всѣхъ Альпійскихъ странъ считается Швейцарія. Любители природы всѣхъ націй, которые ежегодно поднимаются на ея горы и совершаютъ экскурсіи по ея долинамъ, съ восторгомъ отзываются объ этой странѣ. И къ чести обитателей Швейцаріи нужно сказать, что они умѣютъ цѣнить эту классическую страну и заботиться о ней. Постоянная жизнь среди этихъ чудныхъ твореній природы не дѣлаетъ альпійскихъ жителей равнодушными къ ея красотамъ; наоборотъ—природа скорѣе приковываетъ къ себѣ ихъ умъ и сердце, а исторія страны съ своими многочисленными памятниками еще тѣснѣе связываетъ

природу и народъ другъ съ другомъ. Швейцарецъ носитъ и въ головѣ, и въ сердцѣ полный образъ своей страны, со всѣми ея горами, проходами, высотами, долинами, водами въ ихъ разнообразныхъ сочетаніяхъ; мало того, онъ украшаетъ различными видами своей любимой родины внутренность своего жилища.

Въ Швейцаріи соединены три національности: нѣмецкая, французская и итальянская, изъ которыхъ первая составляетъ семь-десятыхъ общаго числа населенія, представляющаго 2.918,000 человѣкъ при 41,346 кв. километрахъ поверхности. Около $^3/_5$ населенія Швейцаріи принадлежатъ реформатской и $^2/_5$—католической церкви.

Швейцарскіе нѣмцы принадлежатъ къ аллеманскому племени и говорятъ на мало понятномъ для нѣмца аллеманскомъ нарѣчіи, именно — „швейцарско-нѣмецкомъ" („Schwyzer-Dytsch"); они населяютъ всю Рейнскую область до западнаго угла (около Нейенбургскаго озера), слѣдовательно всю плоскую возвышенность, расположенную къ сѣверу отъ Центральныхъ Альпъ, а также верхнюю долину Роны, внизъ до Сіона (Sitten). Остальная часть Ронской долины, а равно и западные склоны Юры заняты французскимъ населеніемъ. Въ этой области лежатъ кантоны: Валлисъ (le Valais), Ваадтъ (Pays de Vaud), Женева и Нейенбургъ или Невшатель. Наконецъ, юго-востокъ, прекрасная горная область кантона Тессино или Тичино и затѣмъ самыя южныя долины кантона Граубюндена (les Grisons, i Grigioni) принадлежатъ населенію, говорящему на итальянскомъ языкѣ. Въ солнечныхъ долинахъ Граубюндена, у истоковъ Рейна и въ области, лежащей между этими истоками и верховьями Инна, а также и нѣсколько восточнѣе, переходя швейцарскую границу, въ нѣкоторыхъ долинахъ Тироля встрѣчаемъ рето-романовъ (Rhäto-romanen),—народность, говорящую на романскомъ нарѣчіи. Современное нарѣчіе рето-романскаго населенія Граубюндена, такъ называемый „курвельшъ" (il Romannsch) есть вполнѣ равноправный членъ группы романскихъ языковъ,—португальскаго, испанскаго, провансальскаго, старо-французскаго, итальянскаго и дако-романскаго. Но хотя онъ такъ же старъ, какъ и перечисленные романскіе языки, однако, въ силу неблагопріятныхъ національныхъ и мѣстныхъ условій, не могъ сдѣлать такихъ успѣховъ въ своемъ развитіи, какъ они и особенно—какъ испанскій, итальянскій и ново-французскій, развившіеся съ чрезвычайною быстротою за послѣднее время. Тѣмъ не менѣе, не подлежитъ сомнѣнію тотъ фактъ, что онъ, подобно упомянутымъ языкамъ, произошелъ изъ остатковъ древняго латинскаго языка. Не менѣе интересны рето-романы и въ этнологическомъ отношеніи. Рѣшать вопросъ о томъ, существуетъ-ли связь между нынѣшними рето-романами и древними ретами и какъ далеко она простирается, не входитъ въ нашу задачу, а потому мы оставимъ его въ сторонѣ; укажемъ лишь тотъ достаточно твердо установленный фактъ, что рето-романы произошли отъ смѣшенія римлянъ, которые въ промежутокъ между 16 и 12 г. до Р. Х. подчинили себѣ альпійскія страны, гдѣ удержали господство до великаго переселенія народовъ,—съ тогдашнимъ населеніемъ этихъ странъ, извѣстныхъ у древнихъ писателей подъ названіемъ ретовъ (Rhäter). Процессъ романизаціи этихъ ретовъ совершился, повидимому, довольно быстро, потому что когда въ пятомъ столѣтіи нашей эры остготы наводнили Альпы, особенно же нынѣшній Тироль, они нашли туземное населеніе уже совершенно романскимъ. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что реты нѣкогда имѣли гораздо большее распространеніе, чѣмъ въ настоящее время, занимая все пространство отъ истоковъ задняго Рейна до Пустерталя и отъ верхнеитальянскихъ озеръ до нѣмецкаго (Боденскаго) озера и по Леху. И до сихъ поръ многочисленныя названія мѣстечекъ, разсѣянныхъ по всему Тиролю, напоминаютъ объ этомъ прежнемъ распространеніи рето-романовъ, потомки которыхъ по крови и языку сохранились и по настоящее время въ ладинахъ юго-восточныхъ долинъ Тироля. Однако, смѣшанная рето-романская народность въ „борьбѣ за существованіе" была побѣждена болѣе сильными германскими племенами, которыя, составляя чистую расу, вторглись клинообразно въ рето-романскую территорію,—съ сѣвера въ лицѣ баваровъ, съ юга, по долинѣ Инна — въ лицѣ лангобардовъ, растворили туземное населеніе и въ заключеніе оттѣснили ихъ въ уединенныя возвышенныя долины, гдѣ рето-романы живутъ и по настоящее время. Однако, ихъ языкъ и племенныя черты все болѣе и болѣе сглаживаются подъ вліяніемъ германскаго, а на югѣ—подъ вліяніемъ итальянскаго элемента.

Для поддержанія своего существованія швейцарскій народъ занимается различными отраслями промышленности. На равнинахъ преобладаетъ земледѣліе, культура фруктовыхъ деревьевъ и винограда. Винодѣліемъ въ большей или меньшей степени занимаются въ 20 кантонахъ, но наибольшее количество винограда падаетъ на мѣстности, расположенныя вблизи большихъ озеръ — Женевскаго, Невшательскаго, Цюрихскаго и Констанцскаго. Большинство городовъ съ ихъ разнообразною промышленностью также расположено въ равнинѣ. Швейцарія вообще не богата большими городами, а изъ существующихъ немногіе пользуются дѣйствительнымъ значеніемъ. Первое мѣсто среди нихъ занимаетъ пышная, великолѣпная Женева, «Кальвинистскій Римъ», съ населеніемъ почти въ 80,000 человѣкъ; за нею слѣдуетъ торговый городъ Базель (78,400 жителей), который считается богатѣйшимъ городомъ Швейцаріи; союзная столица Бернъ насчитываетъ лишь 48,000 жителей и занимаетъ такимъ образомъ всего лишь третье мѣсто въ ряду швейцарскихъ городовъ. Всѣ эти пункты лежатъ на западѣ страны, который вмѣстѣ съ сѣверо-восточною ея частью представляетъ главное средоточіе швейцарской промышленности. Въ сѣверныхъ кантонахъ— Цюрихѣ, Цугѣ, Гларусѣ и Тургау процвѣтаетъ преимущественно хлопчатобумажное производство, въ Аппенцелѣ и С. Галленѣ — фабрикація кисеи. Торговымъ центромъ для сѣверо-востока Швейцаріи служитъ городъ Цюрихъ, при озерѣ того же имени, населеніе котораго, включая сюда и окружающія городъ предмѣстья, простирается до 120,000 человѣкъ. Производство часовъ, столь широко развитое въ Швейцаріи, сосредоточивается на французскомъ западѣ, главнымъ образомъ въ Женевѣ и въ большихъ юрскихъ деревняхъ—Ля-Шо-де-Фонѣ (30,000 жителей) и Ле-Локлѣ (10,000 жителей). Въ высокихъ горахъ, конечно, нѣтъ ни фабрикъ, ни промышленности; образъ жизни здѣсь почти исключительно пастушескій; земледѣліе развито слабо, главными занятіями жителей служатъ скотоводство на нагорныхъ лугахъ и выдѣлка масла и сыра. Въ этомъ состоитъ такъ называемое «альпійское хозяйство», которое ведется весьма раціонально. Наконецъ, особаго вниманія заслуживаетъ и «отельный промыселъ» (Hotelindustrie), развитіе котораго обусловливается громаднымъ притокомъ въ Швейцарію иностранцевъ, ежегодно привлекаемыхъ сюда въ лѣтніе мѣсяцы красотами альпійской природы. Большой доходъ, получаемый за всѣ удобства, доставляемыя иностранцамъ, является большимъ подспорьемъ для такой вообще бѣдной страны, какъ Швейцарія; ему обязаны своимъ существованіемъ и благоустройствомъ многія учрежденія страны, какъ, напримѣръ, пути сообщенія. Швейцарія располагаетъ очень богатою желѣзнодорожною сѣтью, но недостатокъ матеріальныхъ средствъ препятствуетъ надлежащему ихъ преуспѣянію. Желѣзнодорожная сѣть повсюду оканчивается у подножія мощнаго альпійскаго вала, который прорытъ только въ С. Готардѣ. Сообщеніе чрезъ многочисленные горные проходы производится по прекраснымъ, образцовымъ почтовымъ дорогамъ.

Духовная культура въ Швейцаріи составляетъ предметъ самой тщательной

заботливости. Въ Базелѣ, Бернѣ и Цюрихѣ существуютъ университеты, а въ послѣднемъ изъ перечисленныхъ городовъ—кромѣ того—еще знаменитый политехническій институтъ; въ Женевѣ также имѣются значительныя учебныя заведенія. Нѣсколько слабѣе поставлено дѣло народнаго образованія въ древнѣйшихъ горныхъ кантонахъ; всѣ же остальные кантоны удѣляютъ ему очень много вниманія.

Изъ всѣхъ европейскихъ государствъ провозглашенная нейтральною Швейцарія представляетъ единственное государство, отвѣчающее понятіе федеративной республики; она состоитъ изъ союза 25 маленькихъ самостоятельныхъ государствъ, называемыхъ «кантонами»; каждый изъ нихъ большею частію носитъ названіе своего главнаго города и управляется по законамъ своей собственной конституціи. Эти конституціи представляютъ всевозможные переходы, начиная отъ вполнѣ демократической и кончая представительною въ самомъ чистомъ ея видѣ, и надо замѣтить, что вполнѣ демократическій образъ правленія принятъ лишь въ нѣкоторыхъ, самыхъ мелкихъ кантонахъ, и это совершенно естественно, такъ какъ практическое осуществленіе демократическаго принципа возможно лишь при малочисленности населенія. Общія дѣла «Союза» (Eidgenossenschaft), какъ оффиціально называется швейцарская федеративная республика, вѣдаются двумя учрежденіями,—«союзнымъ собраніемъ» (Bundesversammlung), состоящимъ изъ національнаго и сословнаго совѣтовъ, и исполнительнымъ—«союзнымъ совѣтомъ» (Bundesrath), при которыхъ состоятъ еще союзная канцелярія и союзный судъ. Центромъ союзнаго управленія служитъ городъ Бернъ. Войско организовано по милиціонной системѣ и состоитъ изъ 215,230 человѣкъ солдатъ и кромѣ того—изъ 273,296 человѣкъ земскаго ополченія (Landsturm).

СРЕДНЯЯ ЕВРОПА.

Подъ этимъ, нѣсколько неопредѣленнымъ, названіемъ мы разумѣемъ всѣ страны, расположенныя къ сѣверу отъ альпійскаго пояса и ограниченныя на западѣ приблизительно линіею Мааса, на сѣверѣ—моремъ, а на востокѣ—р. Вислою и Карпатскими горами. Такимъ образомъ сюда входятъ части восточной Франціи, королевство Бельгія и Нидерланды, нѣмецкія государства, присоединенныя къ Германской имперіи, Кимврскій полуостровъ, на югѣ-сѣверныя части Швейцаріи и большая часть коронныхъ земель Австрійско-Венгерской монархіи. Къ Средней Европѣ также должны быть причислены Мадьярская низменность и карпатскія страны — Румынія и Буковина; южною границею Средней Европы служитъ на этомъ далекомъ востокѣ нижнее теченіе Дуная; галиційскія части Австріи и восточныя области Прусской провинціи Восточной Пруссіи должны быть причислены къ Сарматской равнинѣ, прилегающей къ Средней Европѣ съ восточной стороны.

Предъ Альпами, какъ мы знаемъ, расположена Юра, которая начинается въ юго-восточной части Франціи и пересѣкается въ южной своей части Роною; послѣдняя близъ Бельгарда исчезаетъ на небольшомъ протяженіи подъ землею въ живописной тѣснинѣ (Perte du Rhône). Сопровождая дугу Альпъ, Юра переходитъ въ Германію сначала подъ названіемъ Шведской Юры или Rauhe Alp, которая, начинаясь у истоковъ Дуная и слѣдуя на сѣверъ по теченію этой рѣки, вступаетъ въ Баварію подъ названіемъ Франконской Юры и простирается дугообразно на востокъ до истоковъ Майна.

Между Альпами и Юрою расположена Швейцарская плоская возвышенность; на югѣ она замкнута крутыми склонами у Женевскаго озера. Вытянутая въ длину въ сѣверо-восточномъ направленіи, подобно большой продольной долинѣ, заключенной между вышеупомянутыми горами, она, при абсолютной высотѣ въ 420 метр., орошается широкоразвѣтвляющеюся системою Аара и простирается до Боденскаго озера и Рейна. Рейнъ начинается двумя вѣтвями въ Альпахъ восточной Швейцаріи и въ началѣ течетъ почти прямо на сѣверъ, пересѣкаетъ Боденское озеро и, по выходѣ изъ него, принимаетъ западное направленіе до Базеля, прерываемое около Нейгаузена знаменитымъ, издалека слышнымъ, водопадомъ; отъ Базеля Рейнъ дѣлаетъ большой поворотъ къ сѣверу. На правомъ берегу Рейна и Боденскаго озера швейцарская плоская возвышенность продолжается

въ видѣ Швабо-баварской возвышенности, которая представляетъ кровлеобразное пониженіе Альпъ къ Дунаю; долина послѣдняго служитъ ея сѣверною границею. Отъ Дуная начинается Верхняя Швабія. Здѣсь находятся наносныя глыбы, торфяники, древнія морены, а среди населенія въ области озеръ, т. е. вблизи Боденскаго озера, преобладаетъ лигурійскій типъ; это начало швабскихъ владѣній, въ которыя мы вступаемъ при движеніи сюда съ юга. Деревень здѣсь нѣтъ; вмѣсто замкнутыхъ селеній мы встрѣчаемъ дворы. Подобный дворъ, съ его покрытымъ лѣсомъ, мореновымъ холмомъ, съ его плодородною подошвою и озеромъ составляетъ независимое государство дворовыхъ крестьянъ. Дворъ является средоточіемъ жизни. Изъ любви къ нему поколѣнія странствуютъ по всей землѣ; сохранить дворъ — первая обязанность отца, сына и внука. Всѣ дома и амбары уже носятъ горный типъ, какъ будто, покидая Альпы, жители перенесли сюда и модель швейцарскаго дома. Житель Верхней Швабіи устроился безусловно лучше всѣхъ остальныхъ швабовъ, и питается лучше ихъ; пищу онъ принимаетъ до пяти разъ въ день; картофель употребляетъ въ незначительномъ количествѣ, предпочитая чаще всего скармливать его свиньямъ, зато потребляетъ много муки, жирныхъ блюдъ и мяса. Любимые его напитки—пиво и водка; въ соотвѣтствіи со всѣмъ этимъ находится и его одежда: черная высокая войлочная шляпа, украшенная серебряною пряжкою или золотымъ галуномъ, нагрудникъ разукрашенъ вмѣсто пуговицъ серебряными монетами, трубка выложена серебромъ, цѣпочка отъ часовъ и блестящій ножъ въ ножнахъ дополняютъ принадлежности костюма. Описываемая швабо-баварская возвышенность, будучи нѣсколько выше (490 — 650 метр.) швейцарской, изборождена такъ же, какъ и послѣдняя, орошаемая системою Аара,—притоками Дуная, впадающими въ него съ правой стороны; они въ общемъ текутъ параллельно и берутъ начало на Альпахъ; таковы: Иллеръ, Лехъ съ Вертахомъ, Изаръ съ Аммеромъ и Иннъ съ Зальцей. Долины этихъ рѣкъ, или, вѣрнѣе, промытыя ими борозды идутъ отъ запада къ востоку и такъ близко одна другой, что разстояніе между ними составляетъ одну десятую часть, а иногда и менѣе, всей ихъ длины. Рядъ озеръ, каковы: Аммерское. Вюрмское, Старнбергское, Симмское и Хіемское, характеризуетъ эту суровую, въ общемъ мало плодородную мѣстность, по большей части покрытую громадными торфяными болотами, трясинами и лѣсами. Позади поименованныхъ озеръ, лежитъ второй рядъ озеръ, которыя принадлежатъ уже альпійскимъ предгорьямъ. Сюда относятся озера Тегернское и Шлирское, затѣмъ озера Штаффель, Кохель, Вальхенъ.

На югъ отъ Дуная, между Иллеромъ и Трауномъ, въ древности — морское теченіе а позднѣе — быстрыя горныя альпійскія рѣки выровняли возвышенность, почва которой состоитъ изъ округленныхъ агломератовъ, альпійской извести и первобытныхъ скалъ. На сѣверѣ, гдѣ къ руслу Дуная сбирается группа горныхъ потоковъ, послѣдніе во многихъ мѣстахъ протекаютъ по столь же древнему лугу. Мѣстность между Альпами и Дунаемъ составляетъ сердце Баваріи; здѣсь расположены обѣ провинціи—Верхняя и Нижняя Баварія, называемыя общимъ именемъ Старой Баваріи; здѣсь на зеленѣющихъ берегахъ Изара возвышается главный городъ баварскаго королевства, Мюнхенъ (350,000 жит.) съ его изящными зданіями,—справедливо называемый Изарскими Аѳинами (Isar-Athen). Здѣсь, далѣе на сѣверъ, лежатъ Ландсгутъ и древній Регенсбургъ, а на западъ—богатый Аугсбургъ (76,000 жит.), который причисляетъ себя уже къ Швабіи. Здѣсь, между Альпами и Дунаемъ, произошла, наконецъ, та смѣсь нѣмецкихъ племенъ, изъ которой возникла старо-баварская нація, эти рослые, сильные, открытые и надежные люди, но любители спорить, медлительные въ сужденіяхъ, склонные къ серьезному мышленію, которое у нихъ соединяется съ привѣтливою веселостью.

Дунай, достигая около Регенсбурга подъ 49° сѣв. шир. самаго сѣвернаго своего пункта, принимаетъ какъ съ южной стороны, т. е. отъ Альповъ, такъ и съ сѣверной много притоковъ; изъ нихъ Лаутеръ, Блау и Бренцъ берутъ начало въ Швабской Юрѣ (Суровыя Альпы), Верницъ и Альтмюль въ Баваріи пересѣкаютъ даже Франконскую Юру, а Набъ и Регенъ протекаютъ по Оберпфальцскому плато, которое на сѣверѣ примыкаетъ къ плоской возвышенности. Характеръ Нѣмецкой Юры столь же мало привлекателенъ, какъ и характеръ Юры Швейцарской и Французской. Суровыя Альпы (Alb) въ Виртембергѣ вполнѣ заслуживаютъ своего названія; онѣ представляютъ собою скалистое, богатое пещерами, бѣдное источниками известковое плато, шириною отъ 5 до 40 часовъ пути; оно покрыто лиственными лѣсами и пастбищами, а впереди него находится много конусообразныхъ возвышеній съ притупленными конусами. Тѣмъ не менѣе, нельзя не согласиться, что эти горы съ своими крутизнами заключаютъ въ себѣ не мало очень красивыхъ ландшафтовъ. Упомянемъ, между прочимъ, о такъ называемой Гейслингенской тропинкѣ (Geislinger Steige) въ долинѣ Фильсъ, гдѣ желѣзнодорожный путь поворачиваетъ отъ мѣстечка Гейзлингенъ (463 метр.), извѣстнаго своими издѣліями изъ слоновой кости, къ большой крѣпости на Дунаѣ, Ульму (36,000 жит.). Еще красивѣе долины рѣкъ, впадаю-

щихъ на югѣ отсюда въ Неккаръ: Лаутера, Эрмса и Эхаца; всѣ эти три рѣки берутъ начало на Альпахъ. Прекрасный видъ на сѣверные склоны Швабскихъ Альповъ открывается съ Флоріансберга (464 метр.), около Метцингена. Предъ взоромъ путешественника открывается видъ на всю цѣпь Альпъ отъ Гогенцоллерна (763 метр.), въ мѣстечкѣ того же имени, до Гогенштауфена (682 м.), Гогенрехберга (630 м.) и Штуифена (679 м.). Предъ зрителемъ разстилается Урахская долина, на которой возвышается старинная крѣпость Гогенурахъ. Направо эта долина ограничена Деттингенскимъ Россбергомъ, у подошвы котораго лежитъ красивая деревня Деттингенъ, и зелеными скалами, подъ которыми пріютился Глемсъ; налѣво она граничитъ съ Заттельбогеномъ, Гернле и Юзибергомъ. Далѣе, на сѣверъ, виденъ Метцингенскій Вейнбергъ, съ его бѣлоснѣжною башнею, и при подошвѣ горы—городъ Метцингенъ. Позади Вейнберга поднимаются Рейтлингенскія горы и прежде всего бросается въ глаза Ахальмъ (700 метр.), а за ними выступаютъ Геннигенскій Россбергъ и Зальмендингенская часовня. Между Нейфеномъ и Гогенштауфеномъ и ихъ вышеупомянутыми сосѣдями вздымается Бейренская скала, княжеескій Теккъ и менѣе высокій Айхельбергъ. На сѣверѣ картина замыкается Шварцвальдомъ и Эллывангенскими горами, и взоръ проникаетъ чрезъ ближнюю долину Неккара и множество мѣстечекъ далеко вглубь страны. Начиная съ того мѣста, гдѣ поднимаются крутые края, тянется на разстояніи 20—30 килом. суровая волнистая плоская возвышенность. На ней расположены деревни съ одноэтажными домиками, низкіе крыши которыхъ покрыты соломою. Суровая страна съ своею каменистою почвою не представляла ничего заманчиваго для завоевателей; поэтому и до настоящаго времени здѣсь сохранилась въ полной неприкосновенности свевская раса. Здѣсь мы еще видимъ дѣтскія древняя съ волосами, похожими на ленъ и съ ясными голубыми глазами. Альпіецъ безспорно принадлежитъ къ самой крѣпкой швабской породѣ; онъ суровъ, подобно камнямъ своихъ горъ, но не фальшивъ. Къ чужеземцу онъ относится довѣрчиво и открыто, тогда какъ житель долинъ въ сношеніяхъ съ чужими, если и не отличается недовѣрчивостью, то во всякомъ случаѣ осмотрителенъ и остороженъ. Одежда альпійца приготовляется преимущественно изъ конопли и льна собственнаго издѣлія, куртка и панталоны — изъ тика, голова покрыта низкою, широкополою войлочною шляпою. Древне-германскіе нравы и обычаи, имѣющіе языческое происхожденіе и лишь приноровленные къ правиламъ христіанства, сохранились здѣсь въ замѣчательной чистотѣ. Народные нравы и обычаи имѣютъ здѣсь больше значенія и силы, чѣмъ всякія юридическія нормы и постановленія; они являются единственною уздою, которую возложилъ на себя самъ швабъ и противъ которой онъ не ропщетъ даже въ томъ случаѣ, если чрезъ это ему приходится переносить самыя очевидныя несправедливости. Таковы жители обнаженной, подверженной вліянію суровыхъ вѣтровъ, Швабской Юры, гдѣ мѣстность Мюзингенъ за свой суровый климатъ получила названіе Виртембергской Сибири. Отсюда беретъ начало, среди многихъ другихъ потоковъ, притокъ Майна Регницъ, на берегахъ котораго расположенъ гордый Нюрнбергъ (142,000 ж.), главный торговый городъ Баваріи, сохранившій доселѣ отпечатокъ сѣдой старины и извѣстный своимъ музеемъ древностей.

Рейнъ играетъ важную роль въ географіи Средней Европы какъ на югѣ, гдѣ онъ разграничиваетъ Швейцарскую плоскую возвышенность отъ Швабо-Баварской, такъ и на западѣ, послѣ своего значительнаго поворота близъ Базеля. Немногія нѣмецкія рѣчныя долины имѣютъ столь интересную исторію развитія, какъ долина Рейна, особенно верхняя ея часть. Она тянется отъ Базеля до Раштадта въ трещинѣ, которая образовалась непосредственно предъ отложеніемъ верхняго пестраго песчаника и раздѣлила юго-западную первозданную массу нѣмецкихъ горъ на двѣ самостоятельныя горныя области: Шварцвальдъ и Вогезы. Съ тѣхъ поръ, въ теченіе тріасовой и юрской эпохъ, она оставалась узкимъ морскимъ заливомъ, соединяясь съ Швейцарско-Французскимъ моремъ на югѣ, и при посредствѣ пролива между Лангенбрюкеномъ и Левенштейнскими горами—съ Швабскимъ юрскимъ моремъ — на востокѣ. Затѣмъ морское дно медленно поднималось и во время мѣловой эпохи и въ началѣ третичной образовало континентъ, о жителяхъ котораго мы не имѣемъ никакихъ свѣдѣній. Мы прослѣдимъ оба берега Рейна и

прежде всего—лѣвый, западный берегъ, до вступленія рѣки въ великую Сѣверо-Германскую низменность.

Между лѣвымъ берегомъ Рейна и Вогезами расположенъ Эльзасъ, благодатная ровная почва котораго возвышается надъ Рейномъ лишь на нѣсколько метровъ. Высота Эльзаса надъ уровнемъ моря въ Кольмарѣ достигаетъ 200, а въ Страсбургѣ—144 метровъ. Почва состоитъ изъ глины, песку и небольшихъ валуновъ, отложенныхъ частію Рейномъ, частію же впадающимъ въ него Иллемъ и Вогезскими притоками. Незначительная складка почвы означаетъ границу между дилювіальными образованіями Вогезовъ и Рейна, которыя различаются между собою природою валуновъ.

Въ общей совокупности Вогезы (по-франц. Les Vosges, по-нѣмецк. Wasgau, почему ихъ правильнѣе было бы называть Возеги, а не Вогезы) представляютъ горную цѣпь, которая тянется на разстояніи 280 килом. отъ Ю.-З. къ С.-В., отъ Бельфорга до сліянія Наге съ Рейномъ близъ Майнца. Въ составъ этихъ горъ входятъ уже извѣстныя намъ Серповидныя (Mts. Faucilles) близъ Лангра, внутри Франціи, и группа Доннерскихъ горъ въ Пфальцѣ. Вся масса этихъ горъ рѣзко отличается отъ окружающей мѣстности, хотя высота и геогностическія особенности мѣняются и на столько, что даже внутри Эльзаса образуются двѣ различныя группы. Масса Верхнихъ Вогезовъ, преимущественно состоящая изъ кристаллическихъ породъ, имѣетъ закругленныя, довольно высокія вершины, тогда какъ далѣе къ сѣверу, Нижняя Вогезская цѣпь состоитъ исключительно изъ песчаниковыхъ продолговатыхъ плато. Верхніе Вогезы, начинаясь двумя Эльзасскими Бельхенами (Ballon d' Alsace) и Сервансомъ, простираются до широты Страсбурга и перерѣзываются на своемъ пути глубокими, съуженными къ выходу, эллиптическими долинами, которыя поднимаются въ видѣ террасъ. Нижніе Вогезы, начинаясь у Донона (1,013 метр.) между Саалою и Брейшемъ, постоянно притупляются въ своемъ движеніи на сѣверъ; въ общемъ они представляютъ собою какъ бы плато, на однообразной поверхности котораго, какъ на доскѣ, разбѣгаются во всѣ стороны воды, безъ опредѣленнаго направленія, безъ шума и безъ водопадовъ по тихому песчаному ложу. Внутренность Вогезовъ замѣчательна дикою красотою. Здѣсь мы встрѣчаемъ узкія мрачныя пропасти, крутыя скалистыя вершины, рѣдкостные по великолѣпію лѣса, особенно еловые, которые напоминаютъ собою первобытные лѣса. Это—родина дровосѣковъ и сплавщиковъ лѣса, „Schlitteurs“,—какъ ихъ называютъ на эльзасско-французскомъ нарѣчіи, которое къ нѣмецкимъ словамъ прибавляетъ французскія окончанія. Характеръ горныхъ склоновъ и предгорій, спускающихся къ Эльзасу, гораздо мягче и представляетъ много прелестныхъ пейзажей какъ въ долинахъ, такъ и на поросшихъ лѣсомъ вершинахъ. Вогезы образуютъ границу между Эльзасомъ и Лотарингіей. Вся страна по сю сторону Вогезовъ чисто нѣмецкая,—господство французскаго элемента по ту сторону начинается не непосредственно, но постепенно, по мѣрѣ приближенія къ современной границѣ между Франціей и Германской имперіей. Собственно Вогезы на сѣверъ до Гагенау, гдѣ ихъ подошву покрываетъ прекрасный Гагенауерскій лѣсъ, и на С.-З. послѣдніе отроги ихъ окружаютъ большую Лотарингскую крѣпость Мецъ. На солнечныхъ холмахъ Вогезовъ вызрѣваетъ виноградъ; въ долинѣ между лѣсами и садами расположены красивые города и живописныя деревни; поля очень плодородны, хотя при болѣе раціональномъ веденіи дѣла они могли бы давать еще лучшіе урожаи. Получаемые продукты, различные, смотря по округу, идутъ въ руки обработывающей промышленности, дѣятельность которой на фабрикахъ, въ каменоломняхъ и лѣсопильныхъ заводахъ,—всюду производитъ пріятное впечатлѣніе на путешественника. Куда бы онъ ни оглянулся, предъ нимъ развертывается картина оживленной, довольной жизни, которая въ связи съ прелестью ландшафта и нѣкоторой романтической привлекательностью, парящей надъ многочисленными городами и руинами, производитъ на путешественника такое впечатлѣніе, съ которымъ врядъ ли могутъ равняться по разнообразію и силѣ какія-либо другія.

Особенно величественны три Раппольштейнскіе замка, съ ихъ зубчатыми стѣнами, высящіеся одинъ надъ другимъ. Отложивши на время посѣщеніе Альпъ, мы предпримемъ небезполезное путешествіе, началомъ котораго будетъ Кольмаръ. Уже съ древнихъ валовъ этого города открывается восхитительный видъ на горы; спускаемся въ полуитальянскую долину Poutroye, съ ея полями по обѣимъ сторонамъ поднимающимися до

половины горъ, и фруктовыми деревьями, смѣло взбирающимися на высоты; затѣмъ, минуя гору, попадаемъ въ широкую, пышную долину Мюнстеръ (Münsterthal), орошаемую Фехтомъ; въ верхнихъ изгибахъ ея мы снова находимъ свѣжесть, прохладу и журчащіе ключи долинъ Шварцвальда; далѣе предъ глазами путешественника открывается сверкающая равнина Рейна, виднѣется темный Шварцвальдъ, а внизу—чудные луга, зеленыя долины и бурги, тогда какъ вверху, на гребнѣ горъ высятся руины и сѣрые скалистые зубцы; затѣмъ отъ Гебвейлера быстро поднимаемся къ овальной вершинѣ Зульцскаго Бельхена, обремененной каменными глыбами; отсюда, съ высочайшей вершины Вогезовъ (1,425 метр.) видна Лотарингія, область Рейна и Бургундія; на далекомъ горизонтѣ внизу проглядываютъ рѣки, а выше громоздятся Альпы. По другую сторону горы спускаемся въ прелестную Амаринскую долину (St. Amarinenthal) и отсюда поднимаемся на послѣдній гребень Вогезовъ и достигаемъ послѣдней широкой овальной вершины — Эльзасскаго Бельхена (1,250 метр.), этого гордаго, мощнаго столба великихъ народныхъ воротъ, которыя по ту сторону широкой низменности замыкаютъ Юру. Въ то время, какъ Южные Вогезы съ ихъ красивыми вершинами какъ съ южной, такъ и съ западной стороны, имѣютъ видъ мощной горной цѣпи, — Сѣверные Вогезы съ прорѣзывающими ихъ въ различныхъ направленіяхъ продольными и поперечными долинами представляютъ собою запутанную массу болѣе мелкихъ горныхъ хребтовъ. Съ большимъ трудомъ выбираются изъ этого лабиринта горъ рѣки, образуя всюду въ небольшихъ долинахъ болота и озера. На нѣкоторыхъ хребтахъ поднимаются отдѣльныя вершины, связанныя между собою узкими перешейками и увѣнчанныя скалами краснаго песчаника. Скалистыя массы въ нижней своей части обыкновенно размыты и, спускаясь сверху въ видѣ широкихъ навѣсовъ, образуютъ естественныя пещеры; таковы, напр., пещеры въ долинѣ Крауфъ (Kraufthal), гдѣ образованные природою навѣсы обнесены стѣнами и служатъ жилищемъ для людей; лѣтомъ здѣсь бываетъ прохладно, а зимой тепло. Описываемый Нижній Эльзасъ обнаруживаетъ замѣтную противоположность сравнительно съ Верхнимъ. Въ Нижнемъ Эльзасѣ все дышетъ изобиліемъ, жизнерадостностью, всюду чувствуется тѣсная сплоченность. Въ каждой деревнѣ и въ каждомъ городѣ имѣются свои красоты природы и прекрасно устроенныя хозяйства. Тамъ постоянно тянетъ гулять, посидѣть на дворѣ, подъ зелеными липами съ кружкою ароматнаго вина въ рукахъ, наслаждаться созерцаніемъ великолѣпныхъ пейзажей. Словомъ, здѣсь жизнь улыбается нѣмцамъ, какъ нигдѣ во всей прирейнской области. За Шлетштадтомъ, слѣдовательно,— въ Верхнемъ Эльзасѣ, населеніе напоминаетъ болѣе южную расу, становится, такъ сказать, болѣе бургундскимъ. Нѣмецкое нарѣчіе здѣсь чаще напоминаетъ сѣверо-германскій говоръ. Несомнѣнно, что въ древнія времена, въ Верхнемъ Эльзасѣ смѣсь съ галльскою кровью была болѣе значительна; одна часть страны, Poutroye, дѣйствительно, съ незапамятныхъ временъ была заселена чужимъ народомъ.

Эльзасскіе города богаты средневѣковыми достопримѣчательностями и памятниками. Въ ряду ихъ на первомъ мѣстѣ стоитъ сильная крѣпость и главный городъ страны Страсбургъ (123,500 жит.) на судоходномъ Иллѣ, со своимъ знаменитымъ стариннымъ соборомъ. Заслуживаютъ вниманія также и древнія готическія башни въ Вейссенбургѣ и Шлеттштадтѣ, а въ Таннѣ (Thann) Фрейбургскій соборъ имѣетъ младшаго брата столь же почтеннаго возраста, какъ и онъ самъ. Древній императорскій городъ Гагенау находится въ большомъ упадкѣ, хотя и здѣсь слѣды нѣмецкой старины еще не изгладились. Но какъ ни богатъ еще остатками старины Кольмаръ, этотъ старинный городъ искусствъ, пѣсенъ и уличныхъ состязаній, онъ уже сильно застроенъ красивыми современными зданіями. Далѣе, въ Мюльгаузенѣ, первенствующее положеніе получаютъ фабрики; отсюда начинается область оживленной дѣятельности, а вмѣстѣ съ тѣмъ—и преобладаніе французскаго элемента.

Склоны Вогезовъ къ Рейнской равнинѣ гораздо круче, чѣмъ къ западу, гдѣ горы спускаются къ долинѣ Мозеля и его правымъ притокамъ, въ особенности Мерты, берущей свое начало подобно всѣмъ другимъ притокамъ на Вогезахъ же. Въ сравненіи съ Франціею, т. е. съ Западною Европою, климатъ Вогезовъ, покрытыхъ по вершинамъ необозримыми лѣсами, отличается крайностями и континенталенъ, какъ и климатъ Германіи. Въ удобныхъ мѣстахъ виноградъ поспѣваетъ на высотѣ 500 метр., пшеница— на высотѣ до 600 метр., картофель — до 1,200 метр выше уровня моря.

Одна изъ рѣкъ Эльзаса, текущихъ въ сторону Рейна, — Лаутеръ,—образуетъ границу въ горахъ, отъ которой Вогезы, понижаясь, переходятъ въ болѣе низкія Гардскія горы. Послѣднія заполняютъ всю переднюю часть баварской провинціи Пфальца, которая на значительномъ разстояніи отдѣляется отъ Эльзаса тѣмъ же Лаутеромъ. На восточныхъ склонахъ Гардскихъ горъ, которыя такъ богаты благодаря тщательной обработкѣ почвы и въ двухъ мѣстахъ перерѣзаны желѣзнодорожною линіею, въ долинѣ Квейхъ и Шнейербахъ, мы встрѣчаемъ Пфальцскіе виноградники. Здѣсь находятся извѣстные

Дейдесгеймъ, Вахенгеймъ и Дюркгеймъ; за послѣднимъ, среди двухъ глубокихъ скалистыхъ долинъ, на узкомъ холмѣ возвышаются развалины древняго аббатства Лимбургъ,—самыя величественныя и поэтическія развалины во всей Германіи. Позади Гардскихъ горъ расположенъ гористый Вестрихъ, наиболѣе важнымъ пунктомъ котораго является Цвейбрюккенъ; на востокъ, т. е. по направленію къ Рейну, который отдѣляетъ Пфальцъ отъ великаго герцогства Баденскаго, тянется равнина; здѣсь расположены Ландау и Нейштадтъ, при подошвѣ горъ, а на лѣвомъ берегу Рейна, Гермерсгеймъ, укрѣпленный городъ, и Шпейеръ, съ его чудеснымъ соборомъ. Гардскія горы тянутся на сѣверъ до Доннерскихъ горъ (691 метр.), богатыхъ залежами каменнаго угля и извѣстныхъ своимъ Королевскимъ Стуломъ (Königsstul), состоящимъ изъ порфировыхъ массъ. Въ этой сѣверной части Пфальца берутъ начало многія рѣки, орошающія провинцію великаго герцогства Гессенскаго Рейнгессенъ, которая расположена по лѣвому берегу Рейна. Мѣстные жители, какъ и въ Пфальцѣ, отличаются веселостью и живостью нрава, прилежаніемъ и трудолюбіемъ. Теперь мы находимся уже въ мѣстности, гдѣ Рейнъ около Майнца дѣлаетъ новый, хотя и небольшой поворотъ къ западу, принимая затѣмъ около Бингена опять сѣверо-западное направленіе.

Въ Бингенѣ съ Рейномъ соединяется Наге, направляющійся съ сѣверо-запада; отсюда до Кобленца Рейнъ представляетъ наиболѣе романтическій видъ. Здѣсь расположены живописныя мѣстности: Лорхъ, Бахарахъ, Каубъ, Обервексель, скала Лорлей, С.-Гоаръ и С.-Гоарсгаузенъ, Боппардъ и наконецъ, напротивъ Кобленца, — Эренбрейтштейнъ; между ними лежитъ множество древнихъ развалинъ бурговъ и капеллъ, которыя красиво выдѣляются на склонахъ горъ, большею частію покрытыхъ виноградниками. Кобленцъ (37,000 жит.) лежитъ при сліяніи Мозеля съ Рейномъ. Вначалѣ Мозель идетъ на нѣкоторомъ разстояніи параллельно съ Наге у сѣверо-западнаго склона Вогезова, но потомъ пересѣкаетъ поперекъ болѣе ровную мѣстность, — Нѣмецкую Лотарингію, съ ея глубокими долинами и наконецъ вступаетъ въ область Рейнскихъ сланцевыхъ горъ. Послѣднія представляютъ волнообразное вулканическое плато, которое, при средней высотѣ въ 500 метр., тянется по обоимъ берегамъ Рейна, пересѣкающаго его въ мѣстности между Бингеномъ и Бонномъ, гдѣ оно обладаетъ наименьшею мощностью. Часть этихъ сланцевыхъ горъ, расположенная между Наге и Мозелемъ, носитъ названіе Гунсрюкъ; она начинается выше Саарбурга подъ именемъ Гохвальда и достигаетъ высшей точки въ своей вершинѣ Эрбескопфъ (820 метр.); отсюда горы носятъ названіе Идарвальда, а далѣе, до Рейна,—Зоонвальда. По ту сторону, т. е. на сѣверъ отъ Мозеля, между нимъ и Маасомъ, по лѣвому берегу Рейна, поднимаются вулканическія горы Эйфель; ихъ базальтовыя овальныя вершины поднимаются среди сланцеваго плато, самая сѣверная часть котораго, представляющая необозримую голую торфяную равнину (700 метр.), извѣстна подъ названіемъ Hohe Veen (или Venn). До настоящаго времени на берегахъ Рейна видны потухшіе кратеры, какъ напр., Родербергъ близъ Роландсека—кратеръ безъ потоковъ лавы и Форнихеръ Копфъ, между Андернахомъ и Вролемъ—потокъ лавы безъ кратера. Всѣхъ красивѣе кратеръ Баузенбергъ близъ Нидерциссена (долина р. Броль), изъ котораго вытекла лава въ сѣверо-западномъ направленіи на протяженіи часа пути. Отсюда мы перейдемъ къ „Maaren", кратернымъ озерамъ Эйфеля; ихъ очень много, размѣры ихъ также крайне различны. Меньшее изъ нихъ имѣетъ въ діаметрѣ только 38 метр. Самое большое озеро—Лаахеръ; происхожденіе его относится къ періоду послѣднихъ вулканическихъ изверженій. Какъ давно эта мѣстность служила сценою подобныхъ явленій природы, можно опредѣлить по недавно открытымъ слѣдамъ, ясно свидѣтельствующимъ, что въ періодъ образованія туфа здѣсь еще не могло быть долинъ. Горы Эйфель возвышаются на самомъ краю большой Сѣверо-германской равнины, которая въ недавнее время была покрыта моремъ; такимъ образомъ и здѣсь подтверждается законъ, въ силу котораго вулканическія образованія всегда появляются по сосѣдству съ существующими или нѣкогда существовавшими морями. На западѣ къ Эйфелю примыкаютъ Арденны, состоящіе изъ первичныхъ формацій; рѣкою Маасомъ они раздѣляются на двѣ группы: восточную и западную. Арденны покрываютъ южную часть королевства Бельгіи и отчасти суровую мѣстность Люксембургъ, съ главнымъ городомъ того же имени, замѣчательно красиво раскинувшимся надъ глубокою долиною р. Альцетты. Плато, гдѣ возвышается Рокруа, образуетъ послѣдній величественный восточный пунктъ Западныхъ Арденнъ. Здѣсь съ ними соединяется Аргоннскій Лѣсъ и отсюда они посылаютъ боковую вѣтвь между Маасомъ и Самброй до Намюра, гдѣ послѣдняя рѣка впадаетъ въ первую. Отрогами Арденновъ можно считать тѣ цѣпи холмовъ, которыя идутъ въ С.-З. направленіи къ Па-де-Калэ и оканчиваются тамъ между Булонью и Калэ предгоріями Гринэ (Grisnez) и Бланнэ (Blancnez).

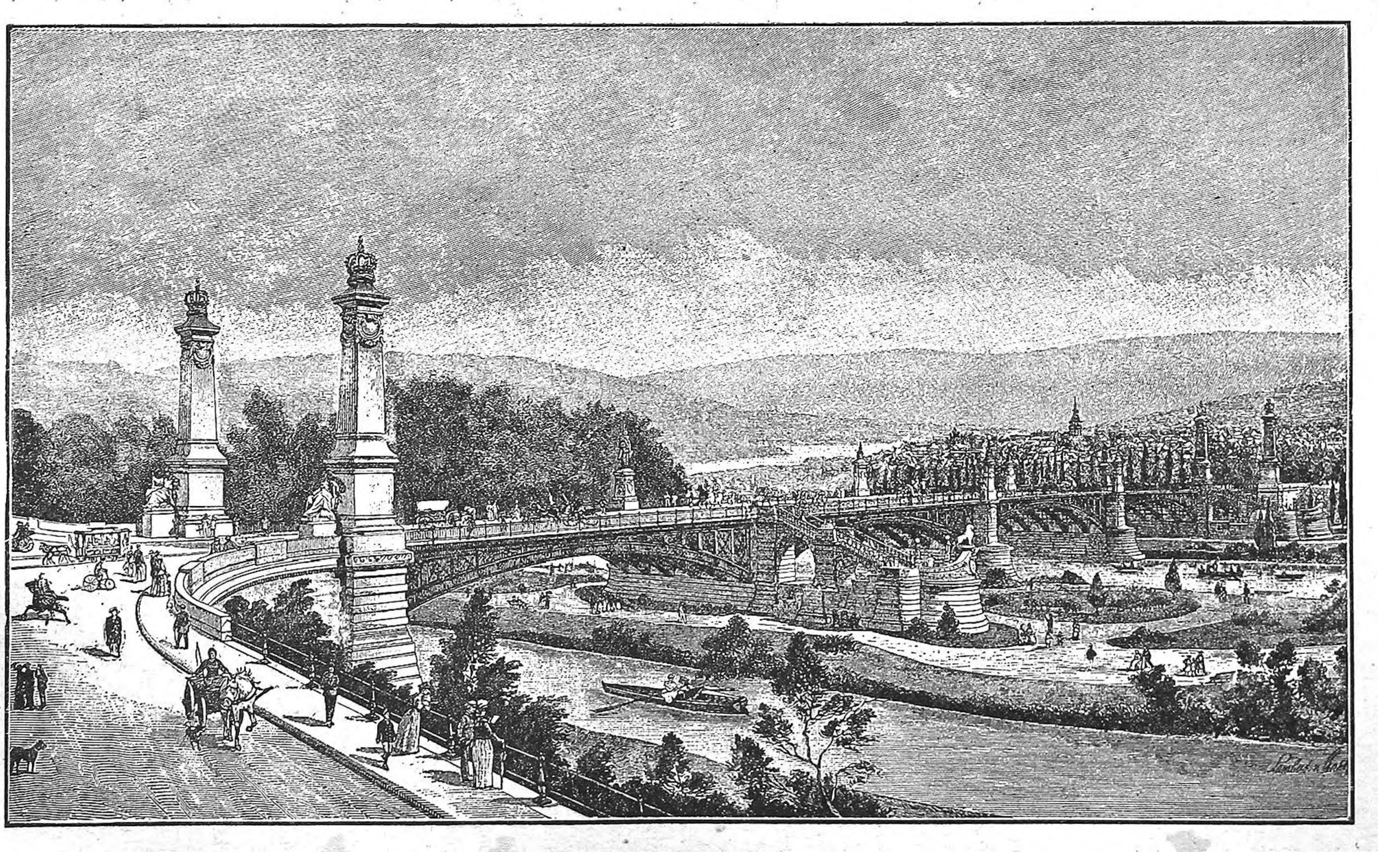
Перейдемъ теперь съ лѣваго берега Рейна на правый. Здѣсь рядомъ съ рѣкою разстилается плодородная равнина, на которой на-

ходится много значительныхъ мѣстностей, каковы, напр., опрятный Фрейбургъ (50,000 жит.), крѣпость Раштадтъ и Карлсруе (73,000 жит.) — „вѣерообразный городъ“ (Fächerstadt), столица великаго герцогства Баденскаго. Затѣмъ прямо противъ Вогезовъ, отдѣляясь отъ нихъ только долиною Рейна и посылая къ нему свои крутые склоны, поднимаются самыя большія и самыя красивыя изъ всѣхъ нѣмецкихъ горъ—Шварцвальдъ. Большое сходство во внутреннемъ строеніи Шварцвальда и Вогезовъ не оставляетъ почти никакого сомнѣнія въ томъ, что въ древнія времена они составляли одно цѣлое, и что лишь гораздо позднѣе, вслѣдствіе образованія глубокой трещины, шедшей съ Ю. на С., или гораздо вѣрнѣе—системы параллельныхъ трещинъ, они распались на двѣ современныя намъ горныя системы. Шварцвальдъ, эта горная масса въ собственномъ смыслѣ слова, на югѣ и западѣ, отъ Зекингена до Пфорцгейма, ограниченъ Рейномъ и, простираясь съ Ю. на С. на протяженіи въ 140 килом. въ длину и 40—70 килом. въ ширину, незамѣтно переходитъ въ Швабское тріасовое плато, такъ что здѣсь трудно опредѣлить его границу. Всего удобнѣе провести ее въ томъ мѣстѣ, гдѣ красный пестрый песчаникъ вытѣсняется раковистымъ известнякомъ, такъ какъ здѣсь оканчивается темный высокій еловый и сосновый лѣсъ, которому горы обязаны своимъ названіемъ, и вновь развивается въ широкихъ размѣрахъ полеводство. При ближайшемъ знакомствѣ съ Шварцвальдомъ, въ немъ можно отличить три естественныя части, отграничиваемыя значительнѣйшими притоками Рейна, которые всѣ текутъ съ В. на З. Мы различаемъ здѣсь: Южный Шварцвальдъ—между Рейномъ и Дрейзамомъ, Средній—между Дрейзамомъ и Кинцигомъ и Сѣверный, нижній—между Кинцигомъ и Мургомъ, или—если его продолжить къ сѣверу, — между Кинцигомъ и Альбомъ. Въ Южномъ Шварцвальдѣ находятся высочайшія горы: Блауенъ (1,167 метр.), Бельхенъ (1,415 метр.), Герцогенгорнъ (1,416 метр.), Фельдбергъ (1,495 метр.) и другія; кромѣ того, онъ славится красивыми пейзажами и многочисленными видами альпійскихъ растеній, встрѣчающихся въ самыхъ высокихъ его областяхъ, а также нѣсколькими формами альпійскихъ пурпуровыхъ морскихъ раковинъ. Это область Шварцвальда, которая съ первобытныхъ временъ всегда оставалась материкомъ и совсѣмъ не имѣетъ песчаниковыхъ покрововъ. Средній Шварцвальдъ въ общемъ гораздо ниже и обладаетъ лишь немногими высокими горами, причемъ только Кандель достигаетъ 1,242 метр., но за то эта часть отличается, особенно въ области Шуттера, около Лара, множествомъ живописныхъ конусообразныхъ или колоколообразныхъ вершинъ, которыя придаютъ ей необычайно красивый видъ. И въ этой области песчаниковые покровы на болѣе значительныхъ вершинахъ могутъ считаться лишь исключеніемъ, тогда какъ на Сѣверномъ Шварцвальдѣ они расположены по обрывистымъ горамъ почти въ горизонтальномъ направленіи и поднимаются до значительной высоты на видныхъ издалека Горнисгринденѣ (1,170 метровъ) и Книбисѣ (973 метра). На этой высотѣ встрѣчается горная сосна и другія растенія альпійской флоры, не встрѣчающіяся далѣе, къ сѣверу въ Средней Германіи. Пирамидальныя формы гранитныхъ горъ, преобладающія на западной сторонѣ отъ Ортенберга до Штейнбаха, исчезаютъ около красиваго, окруженнаго лѣсами Баденъ-Бадена; здѣсь ихъ мѣсто занимаетъ небольшая порфировая масса, высшая точка которой, Иверстъ, достигаетъ высоты 590 метровъ. Предъ этою массою лежитъ небольшая холмистая область, простирающаяся до Мурга, темнокрасный цвѣтъ которой уже издали показываетъ, что она состоитъ изъ краснаго песчаника, слѣдовательно, изъ старыхъ гальковыхъ отложеній. Лишь въ глубокихъ врѣзахъ долинъ Ооса, Мурга и Энцы изъ этихъ обломочныхъ горныхъ породъ выступаетъ гранитъ; обнаруживая повсюду не особенно значительную мощность, онъ тѣмъ не менѣе замѣчателенъ въ томъ отношеніи, что здѣсь сосредоточены знаменитые цѣлебные источники—Баденскіе, Вильдбаденскіе и Либенцельскіе. Характеръ почвы здѣсь исключаетъ почти всякую возможность земледѣлія; шварцвальдскіе швабы занимаются лѣснымъ хозяйствомъ, луговодствомъ и скотоводствомъ; населеніе живетъ по одиночкѣ въ долинахъ, почти сплошь покрытыхъ хвойнымъ лѣсомъ. Первоначальные колонисты Шварцвальда навѣрное жили въ такихъ же блокгаузахъ, какіе мы видимъ здѣсь теперь; они выстроены изъ бревенъ, съ низкою гонтовою крышею и стѣнами, обшитыми тесомъ. Мужской костюмъ жителей въ настоящее время состоитъ изъ короткихъ кожаныхъ панталонъ чернаго цвѣта, темнаго нагрудника, темносиней куртки съ блестящими металлическими пуговицами и высокою тальею. Голова покрывается черною войлочною шляпою. Женщины тоже предпочитаютъ темные цвѣта, носятъ сборчатую короткую кофту съ свѣтлоголубыми завязками у корсажа или съ опушкой по всему костюму. Любимыя кушанья мѣстныхъ жителей состоятъ изъ копченаго сала, Sauerkraut и водки. Рѣчь протяжна, пѣвуча и переполнена трудными для произношенія трифтонгами, какъ напр., „Jokele, 's geit en Ailebóga!“ Присматриваясь къ наружности шварцвальдца, мы замѣчаемъ, что здѣсь преобладаетъ темный цвѣтъ лица и черные во-

лосы; круглыя головы встрѣчаются чаще, чѣмъ продолговатыя. Шварцвальдскій швабъ заселяетъ лишь мѣстности, покрытыя песчаникомъ, и уступаетъ мѣсто швабскому „Gäubauer“, гдѣ надъ песчаникомъ поднимается тріасъ, раковистый известнякъ и начинаются волнообразныя горы. Лѣсъ становится рѣже, и его мѣсто заступаютъ хлѣбныя и стручковыя растенія, маисъ и свекловица. Сюда относятся сѣверо - восточный склонъ Шварцвальда, область средняго теченія Неккара, Кохера, Ягста. Мощный слой раковистаго известняка, толщиною въ 100 метр., занятъ на обширномъ пространствѣ хлѣбными полями, а солнечныя стороны долинъ покрыты виноградниками. Уединенные дворы Шварцвальда исчезаютъ: однообразіе плодородной, разстилающейся на огромномъ протяженіи почвы собираетъ жителей въ большія, зажиточныя деревни. Здѣсь выстроены красивые крестьянскіе дома съ острыми кровлями, съ переборками внутри и красными ставнями снаружи. „Gäubauer“ вообще гораздо красивѣе шварцвальдца; кожаные панталоны имѣютъ не черный, а желтый цвѣтъ; длинныя куртки замѣняются фуфайкою; жилетъ дѣлается изъ краснаго сукна или темнаго бархата и украшены множествомъ пуговицъ; вмѣсто круглой шляпы мы видимъ треуголку или же мѣховую шапку. Главнѣйшими продуктами являются молоко, картофель, мучныя кушанья и Sauerkraut.

По ту сторону Мурга, составляющаго границу Нижняго (сѣвернаго) Шварцвальда, на высотѣ 400 метровъ надъ уровнемъ моря, лежитъ низменная, тщательно выдѣланная холмистая страна, простирающаяся до ближайшаго значительнаго притока Рейна съ правой стороны, Неккара, берущаго начало въ Шварцвальдѣ; на востокѣ эта мѣстность переходитъ въ Швабскую плоскую равнину, въ благодатную виртембергскую область Неккара, которая въ видѣ клина вдвигается между верховьями Дуная и Рейна. Это—ядро Швабіи; горы отличаются мягкостью контуровъ и имѣютъ отлогіе скаты, которые покрыты виноградниками и фруктовыми деревьями. Здѣсь, въ глубокой лощинѣ расположенъ привлекательный главный городъ королевства Виртембергскаго, Штуттгартъ (140,000 ж.); мѣстные жители любятъ сравнивать прекрасное мѣстоположеніе своего города съ положеніемъ Флоренціи на р. Арно. Здѣсь родина древней фамиліи герцоговъ Швабскихъ, Штауфеновъ и современныхъ королей Виртембергскихъ, здѣсь же—колыбель Кеплера и Шиллера; индивидуальныя особенности находятъ здѣсь благодарную почву для своего развитія, и это нужно сказать не только о виноградѣ, плодовыхъ растеніяхъ и рогатомъ скотѣ, но и о человѣкѣ. Шнайтерское вино изъ Ремской долины имѣетъ совсѣмъ иной вкусъ, чѣмъ Бейтельсбахское, Штрюмпфельбахское рѣзко отличается отъ Штеттенскаго, хотя эти четыре мѣстности отстоятъ одна отъ другой всего въ разстояніи полчаса пути. Оттого-то эта страна всегда служила предметомъ вниманія со стороны завоевателей; древніе римляне около этой страны провели границы государства и проложили шоссейныя дороги по ея холмамъ и долинамъ, и въ настоящее время здѣсь еще встрѣчаются развалины римскихъ построекъ, которыя въ средніе вѣка перешли по наслѣдству въ руки монастырей. Эта же мѣстность испытала въ XVII в. ужасные набѣги воинственныхъ народовъ: кроатовъ, испанцевъ, французовъ, и мы врядъ-ли ошибемся, если скажемъ, что здѣсь произошло самое сильное скрещиванье расъ. Понятно, при такихъ условіяхъ не можетъ быть и рѣчи о чистотѣ свевской крови; тѣмъ не менѣе, несмотря на чуждыя вліянія, здѣсь образовался особый швабскій національный типъ. Мѣстные швабы живутъ въ деревняхъ и въ городахъ — смотря по вкусамъ, и всѣ связаны между собою классическимъ нарѣчіемъ „Gaustaubleibelau“. Трудолюбивый въ своемъ виноградникѣ и на полѣ, швабъ лѣнивъ и скупъ на слова; его рѣчь напоминаетъ собою стиль телеграммъ. И самый языкъ звучитъ такъ странно и своеобразно для иностранца, что всякій разъ, какъ только швабъ откроетъ ротъ, ему кажется, что послѣдній начинаетъ говорить дерзости. На этомъ языкѣ говоритъ не только низшій классъ населенія, но и образованные люди. Швабъ вообще боится какихъ бы то ни было стѣсненій и ограниченій; любимымъ убѣжищемъ ему служитъ трактиръ, гдѣ онъ, съ кружкой пива или вина въ рукѣ, попыхиваетъ изъ своей трубочки, будучи не въ состояніи представить себѣ, какъ это иные нѣмцы могутъ, облеченные во фраки и перчатки, мучиться цѣлые вечера съ дамами.

На сѣверъ отъ Неккара поднимается къ Рейнской равнинѣ привлекательный Оденвальдъ, ограниченный на востокѣ Майномъ, который течетъ здѣсь съ юга на сѣверъ. Это—густо заселенная горная мѣстность съ закругленными вершинами и открытыми долинами. Оденвальдъ начинается въ сѣверной части великаго герцогства Баденскаго и простирается по всему юго-востоку великаго герцогства Гессенскаго. Восточная часть этой горной страны состоитъ главнымъ образомъ изъ пестраго песчаника и походитъ на волнистую возвышенность съ широкими ровными горными хребтами. Лишь въ юго-западной части, гдѣ страна пересѣкается Неккаромъ впадающимъ въ Рейнъ близъ важнаго торговаго города Мангейма,—отъ Неккарэльца до университетскаго города Гейдельберга съ



Неккарскій мостъ Штутгардта

его знаменитымъ замкомъ, ясно обрисовывается горный характеръ страны. Здѣсь находится вершина Катценбуккель (648 метровъ), съ которой открываются замѣчательные виды. Горы Оденвальда покрыты буковыми, дубовыми и хвойными деревьями, особенно же густыя заросли находятся на сторонѣ, обращенной къ такъ называемой Бергштрассе, гдѣ мы видимъ кромѣ того много луговъ, пахотной земли, плодовыя деревья, а на западныхъ предгорьяхъ, вдоль Бергштрассе, имѣются хорошіе виноградники. Бергштрассе имѣетъ въ длину 52 килом. и тянется вдоль Оденвальда отъ Гейдельберга до Бессунгена. близъ Дармштада; послѣдній, являясь главнымъ городомъ великаго герцогства Гессенскаго, представляетъ тѣмъ не менѣе мало привлекательнаго. Сосѣдняя съ Бергштрассе мѣстность, плодородная и пользующаяся умѣреннымъ климатомъ, считается раемъ Германіи. Видъ на красивыя горы, среди которыхъ первое мѣсто занимаютъ Мелибокъ (520 метр.) и Фельсбергъ (671 метр.) не менѣе очарователенъ, чѣмъ роскошная картина, открывающаяся во всѣ стороны съ ихъ вершинъ.

Майнъ беретъ начало въ горахъ Фихтель и сообщаетъ часть своей красоты великолѣпному торговому городу Франкфурту (230,000 ж.), который благодаря своему положенію является метрополіей Германіи; близъ «золотого» Майнца (78,000 жит.), этого древняго города съ чуднымъ соборомъ и могучими укрѣпленіями, Майнъ вливается въ Рейнъ. Въ географическомъ отношеніи Майнъ важнѣе всѣхъ нѣмецкихъ рѣкъ, такъ какъ его извилистое теченіе поперекъ Германіи служитъ замѣтною границею между южною и среднею Германіею. Однообразная холмистая плоскость между Альпами и Майномъ вмѣстѣ съ упомянутыми уже горными массами образуетъ Верхнюю Германскую плоскую возвышенность (490—650 метр.), которая обнимаетъ государства Баденское, Виртембергское, Баварское и отчасти Гессенское. На востокѣ эта возвышенность ограничена горами, окаймляющими Богемскую котловину, а на югѣ въ Австріи отдѣлена отъ отроговъ Альпъ долиною Дуная. Съ географической и геологической точекъ зрѣнія древняя богемская котловина съ окружающими ее горами не можетъ быть причислена къ болѣе молодымъ образованіямъ нѣмецкаго плато, и потому, прежде чѣмъ перейти къ юго-восточной части Средней Европы, мы закончимъ описаніе нѣмецкой почвы. Къ сѣверу отъ Майна поднимается Средне-Германская плоская возвышенность, состоящая изъ нѣсколькихъ горныхъ системъ. Она образуетъ въ собственномъ смыслѣ Среднюю Германію и охватываетъ прирейнскія страны между Бингеномъ и Кельномъ, Нассау, Гессенъ, Тюрингенъ и части Саксоніи. Она постепенно понижается къ обширной Германской низменности, которая идетъ непрерывною полосою отъ Па-де-Калэ, на западѣ, до Вислы на востокѣ. Въ эту низменность входятъ части Бельгіи, королевство Нидерланды и та область, которую вполнѣ справедливо называютъ Сѣверною Германіею.

На правомъ берегу Майна, въ прямоугольной излучинѣ, образуемой этою рѣкою между Лоромъ и Ашаффенбургомъ, поднимается плоская, покрытая множествомъ горныхъ конусовъ, мрачная горная масса— Шпессартъ (Spechtswald) съ горою Гейерсбергъ (617 м.). Спессартъ покрытъ непрерывными лѣсами, такъ что, выбравъ высокое и удобное мѣсто, откуда открывается во всѣ стороны далекій видъ за предѣлы кряжей и вершинъ этой области и на глубокія долины, - кромѣ лѣса и неба мы, буквально ничего не увидимъ. Но этотъ лѣсъ, помимо его громадныхъ размѣровъ, замѣчателенъ своимъ качествомъ, благодаря которому Шпессартъ является вѣнцомъ всѣхъ нѣмецкихъ лѣсовъ. Несмотря на то, что изъ лѣсныхъ породъ, произрастающихъ здѣсь, первое мѣсто принадлежитъ буку, своею славою Шпессартъ всецѣло обязанъ дубу. Нигдѣ этотъ царь лѣсовъ не достигаетъ такого великолѣпія, какъ здѣсь. Стволы, прямые, какъ

свѣчи, въ 20—30 метр. высотою, не разбросаны по разнымъ мѣстамъ, а вздымаются плотною массою колоннъ, на которую нельзя вдоволь налюбоваться. Впечатлѣнія, получаемыя при путешествіи по Шпессарту, тѣмъ сильнѣе, что здѣсь можно пробыть въ пути полдня и не встрѣтить ни одной деревушки, ни одного домика. Лишь въ долинахъ попадаются кое-гдѣ поселки. Шпессартъ населенъ немногочисленнымъ, но очень живымъ народомъ, среди котораго сохранилось очень много патріархальныхъ обычаевъ. Жители высоки ростомъ и сильны; кретины встрѣчаются рѣдко, хотя браки рѣдко заключаются за предѣлами своей деревни; красавицы среди крестьянскихъ дѣвушекъ—не рѣдкость; тоже нужно сказать и о мужчинахъ; дѣти, рождающіяся здѣсь, всѣ безъ исключенія красивы. Въ отношеніи чистоплотности жителямъ нужно пожелать многаго. У одного посѣтителя въ шинкѣ сорвалась съ языка очень выразительная фраза: „въ вашемъ Шпессартѣ все грязно, кромѣ... свиней!“ Впрочемъ, это и понятно: свиньи круглый годъ пасутся въ лѣсу подъ открытымъ небомъ, подъ дождемъ и снѣгомъ, тогда какъ люди принуждены вести борьбу за существованіе, а это далеко не чистоплотная работа. Въ странѣ, гдѣ даже въ лучшіе года горсть кофейныхъ бобовъ считается роскошью, мало остается времени на уборку комнатъ. Нужда гонитъ шпессартца съ родины на далекую чужбину, и повсюду, гдѣ только звучитъ нѣмецкая рѣчь, можно встрѣтить фроммерсбахерскихъ торговцевъ бумагою.

Шпессартъ находится въ связи съ остальными горами Средней Германіи. Отъ Птичьихъ горъ или Фогельгебирге, находящихся на сѣверѣ, въ Гессенѣ, онъ отдѣленъ только долиною Кинцига, который впадаетъ въ Майнъ. По лѣвую сторону Фогельгебирге лежитъ, между Майномъ и Ланомъ, Таунусъ, а по правую—Ренъ (Rhön), который отдѣленъ отъ Тюрингенскаго лѣса лишь прелестною долиною Верры. Если мы послѣдуемъ по теченію Рейна, то наше вниманіе прежде всего остановится на массахъ глинистаго сланца Таунуса, характеризующихся отсутствіемъ окаменѣлостей; Таунусъ круто поднимается съ долинъ Рейна и Майна. Наибольшею высотою отличается его сѣверо-восточная часть, а на сѣверѣ онъ переходитъ въ волнистое плоскогорье, изрѣзанное множествомъ рѣкъ и ручьевъ. Высшимъ пунктомъ Таунуса является Гроссе Фельдбергъ (881 метр.), на восточномъ его концѣ, называемомъ тамъ „Höhe“; у подошвы его расположены купанья Гомбургъ. Таунусъ покрытъ великолѣпными буковыми и еловыми лѣсами; всѣ мѣста, пригодныя для обработки, тщательно воздѣлываются. Южный склонъ Таунуса богатъ минеральными источниками; нѣкоторые изъ нихъ пользуются большою извѣстностью въ Германіи; таковы напр., Висбаденъ, Швальбахъ, Соденъ, Шлангенбадъ. У подошвы Таунуса, на югѣ, лежитъ великолѣпный Рейнгау, который расположенъ на протяженіи почти 20 килом. въ длину и 8 килом. въ ширину отъ Нидервал-луфа до Лорха и принадлежитъ къ числу красивѣйшихъ мѣстностей Германіи. Здѣсь родина чудеснѣйшаго рейнвейна. Западный конецъ Таунуса носитъ названіе Нидервальда; онъ представляетъ покрытый лѣсомъ горный хребетъ, на южныхъ склонахъ котораго произрастаетъ прекрасный виноградъ (Рюдесгеймъ), здѣсь же стоитъ великолѣпный памятникъ въ ознаменованіе побѣды 1870—71 гг.

Сѣверную границу Таунуса составляетъ романтическая долина извилистаго Лана, въ которой расположенъ курортъ Эмсъ; далѣе на сѣверъ, параллельно Лану, течетъ къ Рейну р. Зигъ. Въ этой обширной мѣстности поднимается, въ Вестфаліи, по большей части заросшее лѣсомъ плато Вестервальдъ; его вершины достигаютъ лишь незначительной высоты въ 500—600 метр. Вестервальдъ суровъ и неплодороденъ; рядомъ съ обширными лѣсными зарослями здѣсь имѣются большіе луга и пастбища, вслѣдствіе чего здѣсь въ широкихъ размѣрахъ ведется скотоводство; имѣются здѣсь также значительныя залежи желѣза, мѣди и серебра, а также неистощимые запасы пластичной глины, издѣлія изъ которой составляютъ значительную отрасль мѣстной промышленности. Кромѣ того, важными источниками заработка для населенія является работа въ рудникахъ и горныхъ заводахъ. Сѣверо-западный склонъ Вестервальда, такъ называемое Зибенгебирге (Семигорье), представляетъ собою тѣсную группу вулканическихъ конусовъ, которые около Кенигсвинтера близко подступаютъ къ Рейну и круто спускаются въ его сторону, составляя съ противолежащимъ Роландсеккомъ ворота, чрезъ которыя Рейнъ вступаетъ въ Нижне-германскую равнину. Эти ворота принадлежатъ къ числу наиболѣе красивыхъ и интересныхъ мѣстностей Семигорья. Изъ семи наиболѣе выдающихся вулкановъ нужно указать на крутой и живописный Драхенфельсъ (Драконовая Скала, 270 метр.) и Эльбергъ (Масляная гора, 465 метр.).

Здѣсь, близъ университетскаго города Бонна, который расположенъ еще на высотѣ 45 метр. надъ уровнемъ моря, оканчивается область средняго Рейна, и на геологической картѣ можно видѣть тотъ внутренній уголъ Сѣверо-германской низменности, гдѣ лежитъ большая крѣпость Кельнъ (282,000 ж.). Въ Боннѣ и теперь еще сланецъ мѣстами выступаетъ на поверхность, между тѣмъ какъ въ Кельнѣ эта подпочва давно уже закрыта

толстымъ слоемъ галекъ, который все-таки достаточно пористъ для того, чтобы быстро вбирать въ себя воду Рейна и легко пропускать атмосферные осадки. На востокѣ же продолжаются еще довольно далеко на сѣверъ вторичныя и на небольшомъ протяженіи—первичныя образованія. Здѣсь, въ Рурской долинѣ, находятся богатые флецы каменнаго угля. Горные хребты кажутся здѣсь островами, вдвинутыми въ Германскую низменность, и имѣютъ множество названій, перечисленіе которыхъ едва-ли можетъ что-либо прибавить къ характеристикѣ этой мѣстности. Наиболѣе извѣстенъ Оснингъ или Тевтобургскій лѣсъ,—узкій, прямолинейный кряжъ изъ песчаника, между Везеромъ и Эмсомъ. Самый южный отдѣлъ является наиболѣе дикою и романтическою частью горной области; вершины ея покрыты прелестными буковыми лѣсами, а въ горахъ встрѣчаются глубокія долины и узкія пропасти. Она состоитъ изъ западной цѣпи высотою 330—420 метровъ и восточной, достигающей 450 метр., къ которой примыкаетъ другая, менѣе значительная по высотѣ горная цѣпь. Ядромъ этой горной области являются мѣловыя формаціи, въ сѣверной и восточной своихъ частяхъ покрытыя отложеніями раковистаго известняка, кейпера и глинистаго сланца. Горная область Везера своими вѣтвями на югѣ переходитъ въ Гессенскую горную и холмистую область, т. е. въ волнистое плато; наиболѣе замѣчательнымъ городомъ въ этой мѣстности является расположенный на Фульдѣ Кассель—(72,000 жит.). Въ южной части плато, въ герцогствѣ Гессенскомъ, поднимается мощная вулканическая группа Фогельсберга. Фогельсбергъ занимаетъ площадь въ 1,652 кв. килом. и по размѣрамъ представляетъ собою единственную въ мірѣ базальтовую массу; по своему строенію это — не что иное, какъ одинъ сплошной, очень отлогій конусъ, высшая точка котораго — Обервальдъ, или Высокій Фогельсбергъ, состоитъ изъ одного обширнаго плато. Буковые, кленовые и сосновые лѣса, чередуясь со степями и болотистыми лугами, покрываютъ эти горы, которыя, благодаря суровости климата и продолжительной зимѣ, получили названіе „Гессенской Сибири". Посредствомъ такъ называемаго Ландрюккена, на границѣ между Гессеномъ и Баваріею, Фогельсбергъ соединяется съ Рёнскими горами. Послѣднія тоже представляютъ суровую, бѣдную, по большей части окруженную туманомъ горную область, которая распадается на три группы: южную, высокую и переднюю. Южная часть Ренскихъ горъ, цѣликомъ лежащая въ Баваріи, состоитъ изъ отдѣльныхъ, плоскихъ, конусообразныхъ массъ и въ нѣкоторыхъ мѣстахъ покрыта густымъ лѣсомъ; высочайшая вершина ея—Крейцбергъ (930 метр.). Вторая группа чрезвычайно разорвана, въ наиболѣе высокихъ своихъ частяхъ сурова и пустынна и состоитъ преимущественно изъ базальта, какъ и вся вообще средняя часть Ренскихъ горъ, покрытая громадными торфяниками. Высшимъ пунктомъ передней группы Ренскихъ горъ, находящейся въ Саксенъ-Веймарѣ и богатой обширными лѣсами, является Росбергъ (690 метр.). Главное занятіе мѣстныхъ жителей состоитъ въ воздѣлываніи хлѣбныхъ растеній,—картофеля, льна, затѣмъ въ скотоводствѣ, ткачествѣ и въ изготовленіи различныхъ вещей изъ дерева.

Ренскія горы служатъ какъ бы соединительнымъ звеномъ между Фогельсбергомъ на западѣ и Тюрингенскимъ Лѣсомъ на востокѣ, при чемъ послѣдній отдѣляетъ по направленію съ Ю.-В. на С.-З. Тюрингію отъ Франконіи и имѣетъ въ длину 112 килом. при ширинѣ въ 12—40 килом. Вдоль всего гребня горъ, отдѣляющаго область Эльбы отъ области Верры на западѣ и Майна—на югѣ, идетъ почти безъ перерывовъ по водораздѣлу древняя пограничная дорога, Ренштегъ. Вдоль этой дороги лежатъ самыя значительныя вершины горной массы, какъ напр. видный издалека Инзельсбергъ (915 метр.), Беербергъ (983 метр.) и Шнеекопфъ (917 метр.). Сѣверо-восточные склоны Тюрингенскаго Лѣса очень круты; отдѣльныя боковыя вѣтви его, окружая долины, выходятъ на равнину, гдѣ поднимаются въ видѣ довольно еще значительныхъ горъ. Главная масса Тюрингенскаго Лѣса на С.-З. состоитъ преимущественно изъ порфира, разнообразныхъ кристаллическихъ формацій и краснаго песчаника. Болѣе широкая юго-восточная часть Тюрингенскаго Лѣса, называемая Франконскимъ Лѣсомъ, тянется большею частью по Баварской провинціи Верхней Франконіи и состоитъ преимущественно изъ сланцевъ. Франконскій Лѣсъ образуетъ волнистое плато съ незначительными горными хребтами и закругленными вершинами, рядомъ съ которыми встрѣчаются глубокія, часто поразительно извилистыя рѣчныя долины съ острыми гребнями долинъ и напоминающими полуострова выступами. Въ общемъ Тюрингенскій Лѣсъ красивъ, но его нельзя назвать величественнымъ. Лишь вблизи города Эйзенаха имѣются два очень глубокія, узкія ущелья, вѣрнѣе,—трещины, или разсѣлины, которыя дѣйствительно не лишены извѣстной доли величія. Начиная отъ сѣверной подошвы Франконскаго Лѣса, Тюрингенская холмистая область уступообразно, низкими, параллельными горному хребту рядами спускается къ южной подошвѣ Гарца. Гарцъ богатъ рудою, имѣетъ рѣзкія очертанія; его поверхность, похожая на плато, и имѣющая почти эллиптическую форму, пересѣкается отдѣльными глубокими

долинами и покрыта горами, по большей части—съ сферическими вершинами; среди нихъ, въ вѣнкѣ меньшихъ, покрытыхъ лѣсомъ вершинъ, поднимается царь сѣверныхъ германскихъ горъ—величавый Брокенъ, или Блоксбергъ (1,145 метр.); онъ дѣлитъ Гарцъ на двѣ части—на болѣе высокій, Верхній Гарцъ и болѣе низкій—Нижній Гарцъ. Романтическая долина извилистаго Боде, при выходѣ котораго расположены колоссальный гранитный столбъ скалы Росстраппе (Rosstrappefelsen) и величественный Гексентанцплатцъ, дѣлаютъ Нижній Гарцъ очень привлекательнымъ.

Германская низменность, въ самомъ широкомъ смыслѣ этого слова, обнимаетъ собою равнины и низины въ рѣчныхъ областяхъ, начиная отъ Шельды до устья Мемеля; она занимаетъ площадь въ 450,000 кв. килом. и представляетъ лишь часть великой восточно-европейской равнины, соединяющейся на югѣ отъ Урала съ обширными каспійскими и сибирскими равнинами. Въ общемъ, судя по направленію рѣкъ, равнина имѣетъ покатость отъ Ю.-В. къ С.-З. Эту область орошаютъ слѣдующія большія рѣки, считая отъ запада къ востоку: Шельда, Маасъ, Рейнъ, Эмсъ, Везеръ, Эльба, Одеръ и Висла. Послѣднія четыре рѣки обнаруживаютъ очевидный параллелизмъ какъ въ своемъ главномъ направленіи, такъ и въ болѣе значительныхъ поворотахъ; такое же значительное сходство обнаруживаютъ и ихъ притоки. Наиболѣе важные притоки этихъ рѣкъ,—съ лѣвой стороны по преимуществу,—являются горными потоками. Каждый изъ нихъ принимаетъ съ правой стороны по одному большому притоку; послѣдніе текутъ по низменности, отъ востока къ западу, и имѣютъ, въ свою очередь, каждый свой притокъ, направленный параллельно главной рѣкѣ. Для болѣе удобнаго обозрѣнія, эту Германскую равнину можно раздѣлить на двѣ, существенно различныя по характеру части. Прежде всего мы разсмотримъ западную половину, которую можно назвать равниною Сѣвернаго моря; на югѣ она ограничена Средне-Германскими горами, на юго-западѣ—высотами плато графства Артуа, а на востокѣ близъ 8° вост. долг. отъ Гринв. она соединяется съ восточною половиною—Балтійскою низменностію. Такимъ образомъ равнина Сѣвернаго моря охватываетъ большую часть королевства Бельгіи, все королевство Нидерланды, нѣмецкія государства: Ганноверъ, Ольденбургъ, Гольштейнъ и Шлезвигъ, а равно и сѣверныя области Прусской Рейнской провинціи и Вестфаліи. Эта сѣверо-западная Германская равнина, орошаемая Рейномъ, Эмсомъ и Везеромъ и простирающаяся до мыса Гризнецъ, является самою низменною мѣстностію Европы и тѣмъ самымъ, равно какъ своимъ большимъ однообразіемъ характеризуется, какъ особый географическій индивидуумъ.

Поверхность этой области состоитъ по преимуществу изъ слоевъ четверичной формаціи; здѣсь мы встрѣчаемъ сѣверный дилювій, при полномъ отсутствіи горныхъ породъ, и большое количество наноснаго камня; характеристическою чертою ея являются прослоенія глины или мергеля, На сѣверныхъ нѣмецкихъ берегахъ слово „материкъ“ звучитъ ироніей, потому что въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ человѣкъ не огородился искусными укрѣпленіями отъ нападеній бурнаго моря, или гдѣ онъ не укрѣпилъ лѣсными насажденіями песчаные валы, переносимые вѣтромъ,—тамъ все подвержено перемѣнамъ. Неукрѣпленныя дюны находятся въ постоянномъ движеніи: песчаныя частицы движутся подобно волнамъ, и засыпаютъ цѣлыя мѣстности. Эти дюны тянутся длиннымъ рядомъ отъ Калэ до Скагеррака; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ они прерываются, и въ такихъ слу-

чаяхъ дѣятельный человѣкъ заполняетъ эти промежутки дамбами или плотинами, отнимая у моря и превращая илистыя песчаныя мели и образованные моремъ „марши" въ плодородные луга. Тамъ, напр., есть страна, гдѣ рѣки текутъ, такъ сказать, надъ головами жителей, гдѣ значительные города выстроены ниже уровня моря, которое гнететъ и властвуетъ надъ ними, гдѣ большія пространства воздѣланной земли попеременно находятся то въ рукахъ людей, то вновь затопляются водою, гдѣ естественное теченіе рѣкъ связало древніе острова съ материкомъ при помощи песчаныхъ отмелей, гдѣ древнія части континента оторваны и расщеплены, образуя новые острова. Таковы Нидерланды, эта въ высшей степени оригинальная часть Европы. Въ географическомъ отношеніи подъ названіемъ „Нидерланды" разумѣется вся равнина отъ Валлонской горной страны, Арденнъ, до Зюдерзее. Эта область обнимаетъ большую дельту Рейна, Мааса и Шельды и представляетъ собою наносный материкъ, образованный этими рѣками, который обязанъ своимъ существованіемъ антагонизму между соленою и прѣсною водами. Главная роль въ образованіи этой страны принадлежитъ Рейну и его рукавамъ. При своемъ могучемъ движеніи съ востока на западъ онъ замѣтнымъ образомъ дѣлитъ область дельтъ на двѣ половины: сѣверную и южную. Дѣленіе Нидерландовъ на двѣ такія части имѣетъ еще и другое основаніе: вдоль южнаго берега Рейна идетъ менѣе плодородная мѣстность, которая находится между Ю. и С. Нидерландами и идетъ параллельно съ низовьями Мааса и Рейна. Эта область, называемая Сѣвернымъ Брабантомъ, составляетъ продолженіе большой песчаной степи, которая начинается у Восточнаго моря и чрезъ Бранденбургъ, Люнебургъ и Вестфалію тянется до Шельды. Въ ней мы встрѣчаемъ большія болота и торфяники, вслѣдствіе чего Сѣверный Брабантъ населенъ гораздо слабѣе прочихъ Голландскихъ провинцій; этимъ же обстоятельствомъ объясняется отсутствіе здѣсь большихъ городовъ. Роттердамъ—единственный перворазрядный городъ, выстроенный непосредственно на Рейнѣ, въ этой мѣстности. Но на сѣверъ и на югъ отъ Рейна и безплоднаго Сѣвернаго Брабанта расположены плодородныя равнины; здѣсь мы находимъ два чудные вѣнка очень богатыхъ и очень большихъ городовъ, на сѣверѣ—голландскую группу: Амстердамъ, Гаарлемъ, Лейденъ, Утрехтъ, Гаагъ и т. д., а на югѣ—фландрскіе (бельгійскіе) города: Брюгге, Гентъ, Антверпенъ, Мельхенъ, Брюссель, Лёвенъ. Обѣ группы отдѣлены одна отъ другой Сѣвернымъ Брабантомъ, который гораздо бѣднѣе ихъ и городами, и населеніемъ. Третьимъ элементомъ является Шельда, которая, несмотря на свое короткое теченіе, представляетъ самостоятельную рѣчную систему; этимъ она обязана замѣчательному положенію своего устья, которое расширяется до размѣровъ морской бухты и дѣлаетъ ее центромъ самостоятельной жизни и торговли.

Весь низкій берегъ равнины Сѣвернаго моря образованъ дѣятельностью прилива и отлива, выражавшейся въ продолжительномъ образованіи и разрушеніи. Острова, тянущіеся цѣлымъ рядомъ отъ сѣверной вершины полуострова Голландіи вплоть до Ютландіи, представляютъ лишь обломки большого материка, который въ прежнее время находился въ связи съ нашимъ континентомъ и уже въ историческую эпоху былъ размытъ моремъ. Такъ, напр., очень интересный и наиболѣе важный заливъ Зюдерзее—совсѣмъ еще молодое образованіе. Вторженіемъ Зюдерзее была отдѣлена отъ провинціи С. Голландіи Фрисландія, при чемъ первая стала вслѣдствіе этого самостоятельнымъ полуостровомъ. Въ настоящее время узкій рукавъ Зюдерзее, имѣющій направленіе съ В. на З, и служащій гаванью Амстердама — Эй (Ij), посредствомъ канала соединенъ съ Сѣвернымъ моремъ, такъ что изъ Сѣвернаго моря корабли имѣютъ свободный доступъ къ Амстердаму. При этомъ у моря былъ отвоеванъ участокъ земли, превращенный теперь въ плодородный „кольдеръ". Подобный же кольдеръ образовался послѣ осушенія Гаарлемскаго моря, а теперь существуетъ колоссальный проектъ—осушить южную половину Зюдерзее и такимъ образомъ завоевать мирнымъ путемъ для Нидерландскаго королевства еще одну новую провинцію.

Характеристическою особенностію Западно-германской равнины, помимо размывающей дѣятельности Сѣвернаго моря, благодаря которой возникли Зюдерзее, затѣмъ Доллартъ въ Фрисландіи и Яде (Jade) въ Ольденбургѣ и острова въ устьяхъ Шельды, Мааса и Рейна, является увеличивающееся отъ З. къ В. стремленіе ея рѣкъ—Эмса, Везера, Эльбы къ образованію открытыхъ воронокъ; эти воронки у двухъ послѣднихъ рѣкъ превратили лежащіе далеко внутри страны торговые города Бременъ и Гамбургъ въ настоящіе портовые города. Позади узкой песчаной полосы дюнъ во многихъ мѣстахъ разстилаются плодородные марши, которые, сопровождая теченіе рѣкъ, часто проникаютъ далеко внутрь страны; наносная илистая почва маршей, очень цѣнная въ луговодствѣ и полеводствѣ, ограждена отъ наводненій могучими плотинами. Здѣсь постоянно господствуетъ свѣжій, даже холодный морской климатъ, который увеличиваетъ трудность обработки земли; не мало заботъ причиняетъ жителямъ и борьба съ водою, требующая постоянныхъ усилій; при такихъ условіяхъ у обитателей маршей вы-

работался суровый, упрямый, сильный характеръ, и голландскій, фрисландскій, или нидерландскій крестьянинъ является наиболѣе консервативнымъ элементомъ среди германскихъ племенъ.

Внутренняя часть разсматриваемой низкой береговой полосы представляетъ нерѣдко безлѣсную площадь, болѣе возвышенная полоса которой, Гестландъ, частію еще способна къ культурѣ, чаще же всего представляетъ лишь песчаную пустыню, поросшую верескомъ; такова, напримѣръ, пустынная Люнебургская степь, между Аллеромъ и Эльбой; низменная же полоса, обильная влагою, состоитъ изъ обширныхъ торфяниковъ. Особенно богата такими торфяниками область Эмса. Поверхность торфяниковъ представляетъ мало привлекательнаго; пейзажъ навѣваетъ здѣсь скорѣе печаль и уныніе: человѣческой дѣятельности здѣсь нѣтъ и слѣда; не слышно ржанія лошадей, мычанія рогатаго скота, пѣнія рѣзвыхъ птицъ, не слышно крика и шума веселыхъ дѣтей, и только шумъ темнозеленаго ситника да жалобы одинокаго глухаря на болотѣ нарушаютъ тишину безотрадной пустыни. На разстояніи цѣлаго часа пути кругомъ нѣтъ ни дерева, ни кустарника, не говоря уже о человѣческой фигурѣ; одинъ только тощій верескъ и сѣдой мохъ поднимаются на встрѣчу одинокому путнику, которому приходится проѣзжать по этой мѣстности. Подобныя площади то большихъ, то меньшихъ размѣровъ мы встрѣчаемъ довольно часто въ сѣверо-западной части Германіи— отъ Эльбы до Эмса; онѣ тянутся даже по ту сторону Эмса, по голландскимъ провинціямъ Гренингену, Дренту и Оберисселю. Спускаясь къ Сѣверному морю, Зюдерзее и Эмсу, высокіе торфяники нигдѣ не поднимаются выше 13 метр. надъ уровнемъ моря. На разработку и культуру этихъ торфяниковъ положена масса труда и Германіей, но главная доля работы въ этомъ отношеніи принадлежитъ Голландіи. Колоніи сѣверо-восточной Голландіи, такъ называемые „Вены“ (Veene), представляютъ собою цвѣтущія, многолюдныя поселенія на голомъ торфяникѣ; безпрерывный трудъ и энергія человѣка взяли здѣсь верхъ надъ природою. Обширныя невоздѣланныя площади, на которыя ранѣе не вступала нога человѣка, и которыя сулили неизбѣжную смерть неосторожному путнику, въ настоящее время превращены въ пышные зеленые луга, покрытые красивыми домами съ бодрымъ, зажиточнымъ населеніемъ; послѣднее и теперь занято оживленною разработкою торфяниковъ и культивировкою использованныхъ уже мѣстностей. Кромѣ этихъ торфяниковъ почва равнины Сѣвернаго моря не представляетъ никакихъ особенностей. Холмистыя возвышенности встрѣчаются очень рѣдко, а среди озеръ имѣются лишь два, и то небольшихъ размѣровъ,—Дюммерзее—въ Ганноверѣ, по которому протекаетъ лѣвый притокъ Везера, Гунте, онъ-же—главная рѣка въ Ольденбургѣ, и—Штейнгудерское озеро — между Ганноверомъ и Шаумбургъ-Липпе.

Самую плоскую часть равнины Сѣвернаго моря образуютъ Фрисландскія провинціи въ Нидерландской, Прусской и Ольденбургской областяхъ до восточныхъ Нижне-саксонскихъ мѣстностей: Затерланда, Дипгольца, Гойа, Бремена и Гадельна. То же нужно сказать и о западной прибрежной полосѣ Голштиніи и Шлезвига. Отъ Зюдерзее до Ютландіи тянется вдоль берега рядъ острововъ, которые всѣ въ большей или меньшей степени открыты вліянію моря, постоянно разрушающаго ихъ. Среди острововъ этой категоріи, принадлежащихъ къ Нидерландамъ, всѣхъ больше Тексель, славящійся производствомъ сыра. Средняя группа, расположенная у нѣмецкихъ береговъ Восточной Фрисландіи и Ольденбурга, состоитъ изъ острововъ Сѣвернаго моря, которые часто посѣщаются, благодаря своимъ морскимъ купаньямъ; наиболѣе значительными островами этой группы являются Нордерней, Боркумъ и Вангероогъ. Острова, находившіеся предъ устьями Яде, Везера и Эльбы, окончательно размыты и только наполовину разрушенный скалистый Гельголандъ, извѣстный своими купаньями съ мѣстечкомъ на крутой скалѣ, остается среди моря единственнымъ форпостомъ. Наконецъ, у Шлезвигъ-гольшинскихъ береговъ лежитъ группа невысокихъ разрушающихся сѣверофризійскихъ острововъ, среди которыхъ наиболѣе выдѣляется и посѣщается публикой о. Сильтъ. Самая восточная часть моря покойна и неширока. Во время отлива морское дно на половину обнажается; „ватты“, плоскія песчаныя мели выступаютъ изъ воды и сверкаютъ на солнцѣ, подобно серебру, а голубое море, подобно красивой голубой лентѣ, опоясываетъ ихъ прихотливыми изгибами. Взадъ и впередъ снуютъ небольшія рыбачьи лодки; то здѣсь, то тамъ поднимается столбъ дыма отъ парохода, идущаго изъ Гузума или Гоера. Кусты ивняка съ выдающимися на нихъ вѣхами указываютъ его направленіе; они расположены на ваттахъ въ двѣ линіи; суда, имѣющія небольшую осадку, движутся по этимъ каналамъ. Земля никогда не теряется изъ виду: если она исчезаетъ справа, то слѣва показываются обширныя песчаныя площади, „галлиги“, съ холмообразными возвышеніями по серединѣ, на которыхъ видны три-четыре хижины, два амбара и скотные дворы. Склоны холмовъ представляютъ тучныя пастбища, и жители „галлигъ“ имѣютъ прекрасный скотъ. Зимою, въ вѣтряную погоду, когда море бушуетъ, мѣстные жители часто по цѣлымъ мѣсяцамъ сидятъ безвыходно на своихъ галлигахъ, въ виду мате-

рика, не имѣя возможности попасть туда. Впрочемъ, иной разъ, когда во время отлива вода значительно сбѣгаетъ, и молодые смѣльчаки, знакомые съ опасными дорогами, отправляются пѣшкомъ по ваттамъ на континентъ, а съ наступленіемъ слѣдующаго отлива пускаются въ обратный путь. Ихъ называютъ „Schlickläufer“,—(ходоки по илу), и приключенія этихъ любопытныхъ „ходоковъ“ вносятъ небольшое разнообразіе въ довольно монотонную, нужно сказать, жизнь „ваттъ“ и „галлигъ“.

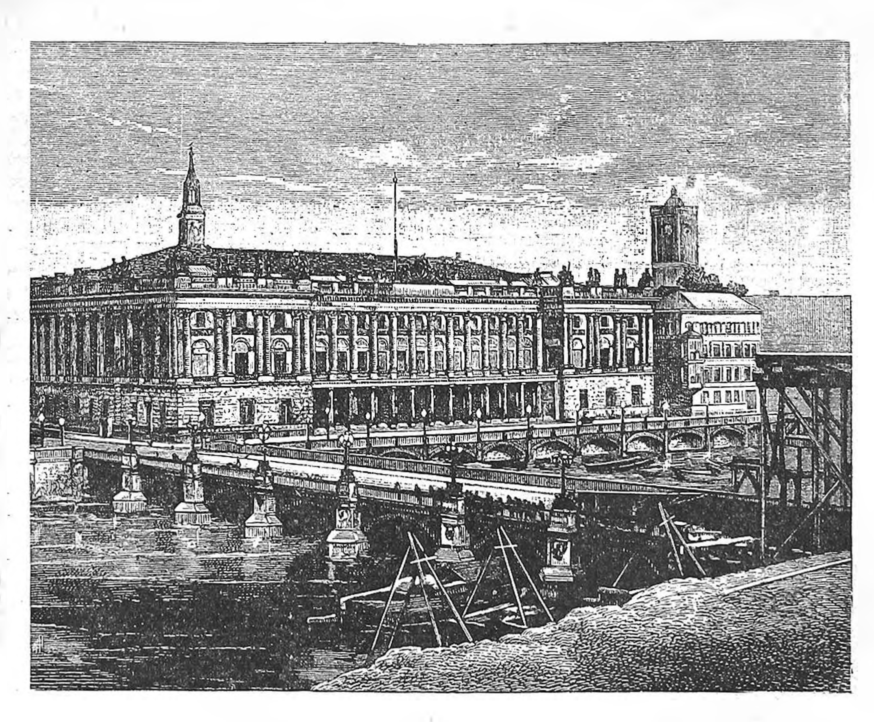
Западно-Германская равнина вообще не особенно богата большими городами, и только въ нижней области Рейна, между Кельномъ и Везелемъ, мы встрѣчаемъ очень значительные промышленные города, расположенные въ недалекомъ разстояніи другъ отъ друга. Мы разумѣемъ главнымъ образомъ каменноугольный округъ въ Вестфаліи, который разстилается не въ предѣлахъ этой низменности, но лишь соприкасается съ нею. Здѣсь расположены: городъ художниковъ, Дюссельдорфъ, на Рейнѣ, затѣмъ—Эльберфельдъ и Барменъ, два сосѣдніе города долины Вуттеръ, славящіеся промышленностію, далѣе на сѣверъ — Дуисбургъ, Эссенъ, Бохумъ, Дортмундъ, Детмольдъ, столица княжества Липпе, Минденъ, Гамельнъ, Гильдесгеймъ. На самой равнинѣ расположены: Ганноверъ, одинъ изъ самыхъ пышныхъ городовъ Германіи, Брауншвейгъ, главный городъ герцогства того же имени, затѣмъ менѣе значительные: Целле и Люнебургъ, и далѣе—старый ганзейскій городъ Бременъ, на Везерѣ, и главный торговый портъ Германіи, Гамбургъ, на Эльбѣ; въ двухъ послѣднихъ городахъ рядомъ съ пышными современными постройками и учрежденіями сохранилось еще много остатковъ добраго стараго времени.

Совершенно иной характеръ носитъ древняя земля славянъ, Восточно-Германская или Балтійская низменность, расположенная на востокѣ отъ Эльбы до Вислы и къ югу—до подошвы Богемскихъ горъ и Карпатовъ. На востокѣ она выступаетъ за предѣлы Германіи и, все болѣе и болѣе расширяясь, захватываетъ Польшу, Литву, русскія Остзейскія губерніи и простирается въ глубь Россіи. Поверхность этой низменности гораздо менѣе походитъ на равнину, сравнительно съ Сѣверо-Германскою равниною; она гораздо разнообразнѣе, чѣмъ это можно предположить на основаніи ея названія и изображенія ея на картахъ, и по нашему мнѣнію ее правильнѣе называть низменностью, а не равниною.

Всѣ нѣмецкіе Прибалтійскіе берега гораздо выше береговъ Сѣвернаго моря и защищены со стороны моря или дюнами, или же крутыми берегами, высота которыхъ достигаетъ 160 метровъ. Помимо того, Балтійское море, какъ море внутреннее вслѣдствіе незначительныхъ размѣровъ прилива и отлива менѣе опасно, такъ что здѣсь вмѣсто размыванія береговой полосы мы встрѣчаемъ возростаніе ея. Такъ какъ вода Балтійскаго моря менѣе солена, то зимою она очень легко замерзаетъ. Песчаныхъ острововъ, какіе мы видѣли на Сѣверномъ морѣ, здѣсь совсѣмъ нѣтъ. Перлъ Восточнаго моря, обильный бухтами о. Рюгенъ, какъ и Датскіе острова, состоитъ отчасти изъ мѣловыхъ скалъ и пестрою комбинаціею своихъ полей и лѣсовъ, горъ и долинъ, скалъ и болотъ, дюнъ и луговъ, образуетъ пріятный контрастъ съ сосѣднимъ невзрачнымъ материкомъ. За то устья рѣкъ обнаруживаютъ своеобразныя образованія такъ называемыя „гаффы“. Гаффами называютъ береговыя прѣсныя озера, отдѣленныя отъ моря предлежащими островами или узкими отмелями, „нерунгами“ (Nehrungen), но сохраняющія съ нимъ, однако, непосредственную связь. Наиболѣе значительные изъ гаффовъ — Фришгаффъ, на устьѣ Вислы, и Куришгаффъ, при которомъ стоитъ Мемель. Марши и польдеры на востокѣ Германской низменности, совершенно неизвѣстны, такъ какъ берега съ моря почти всегда

отличаются довольно значительною высотою и подходятъ къ морю непосредственно; такъ Киль, въ Голштиніи, большая военная гавань Германіи, старинный Любекъ (70,000 жит.) и Штеттинъ (140,000 жит.), наиболѣе важный торговый рынокъ Балтійскаго моря,— расположены довольно далеко отъ берега, на холмистой мѣстности. То же самое можно сказать и относительно Данцига, западнопрусскаго порта, главнаго по экспорту хлѣба,—расположеннаго на Вислѣ (126,000 жит.), который по своей архитектурной физіономіи считается самымъ важнымъ, оригинальнымъ и интереснымъ городомъ на Балтійскомъ побережьи, и о Кенигсбергѣ (172,000 жит.), въ Восточной Пруссіи. Къ этой береговой области примыкаетъ область балтійскихъ озерныхъ равнинъ. Безчисленное множество относящихся сюда озеръ, крупныхъ и мелкихъ, распредѣляется по голштинской, мекленбургской, померанской и восточно-прусской равнинамъ; самыя обширныя изъ нихъ расположены въ Гольштейнѣ и Мекленбургѣ. Наибольшимъ количествомъ озеръ обладаетъ западная и восточная Пруссія. Третья область обнимаетъ собою мѣстность, на которой расположены Бранденбургъ и провинція Позенъ; наконецъ, южная область заключаетъ въ себѣ королевство Саксонію и провинцію Силезію. Двѣ среднія области пересѣкаются на всемъ своемъ протяженіи двумя цѣпями холмовъ: балтійскою и южною. Первая образуетъ водораздѣлъ для многочисленныхъ внутреннихъ и береговыхъ рѣкъ, а на ея широкомъ хребтѣ, покрытомъ сосновымъ лѣсомъ, находятся песчаныя и мергельныя горы. Восточною границею этой низменности всего лучше считать Вислу, потому что къ западу отъ этой рѣки преобладаетъ тощая, слабѣе орошаемая, песчаная почва съ свойственною ей сосною, а къ востоку отъ Вислы тянется почва тучная, богато орошенная, покрытая лиственными деревьями и простирающаяся далеко въ глубь Россіи подъ названіемъ чернозема.

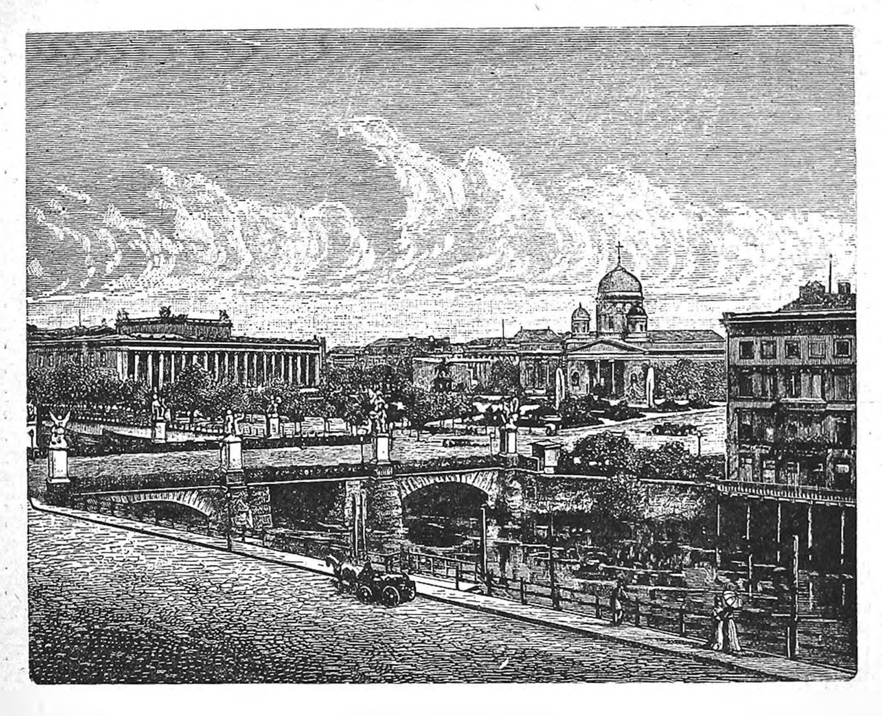
Кромѣ вышеупомянутыхъ прибрежныхъ мѣстностей, въ описываемой странѣ имѣется много значительныхъ городовъ, расположенныхъ, конечно, по большей части въ четвертой, южной, холмистой области. Такъ, мы встрѣчаемъ здѣсь мно-



Берлинъ. — Мостъ Фридриха.

голюдный Бреславъ (375,000 ж.), пятый по значенію городъ Германіи; онъ выстроенъ по обоимъ берегамъ судоходнаго Одера, по сосѣдству съ силезскими городами Лигницемъ и Герлицемъ, далѣе къ западу,—промышленный городъ Баутценъ и на великолѣпной Эльбѣ — столицу Саксоніи, Дрезденъ (335,000 жит.), который по красотѣ мѣстоположенія вполнѣ заслуживаетъ названіе «Флоренціи на Эльбѣ». Въ области, служащей переходомъ къ Тюрингенскому лѣсу, мы находимъ крупные центры фабричной промышленности: Рейхенбахъ, Цвиккау, Глаухау, Хемницъ. Далѣе къ сѣверу на равнинѣ лежитъ городъ Лейпцигъ (400,000 жит.), съ его обширною книжною торговлею, самый важный торговый городъ Саксоніи; въ сосѣдней Пруссіи находимъ университетскій городъ Галле (120,000 жит.); наконецъ, еще сѣвернѣе—важный городъ Магдебургъ (215,000 жит.) и блестящую метрополію Германской имперіи, Прусскую столицу Берлинъ.

Берлинъ расположенъ въ непривлекательной мѣстности; онъ занимаетъ площадь въ 60,3 кв. килом. и насчитываетъ (въ 1894 г.) 1.700,000 жит. Названіе города происходитъ отъ славянскаго корня. И до настоящаго времени малопривлекательная р. Шпре образуетъ въ срединѣ города островъ, на которомъ расположенъ древній замокъ. Примыкающія къ нему болѣе древнія части города окружены старинными крѣпостными рвами. Отъ острова, на которомъ находятся королевскій замокъ и другія замѣчательныя зданія, какъ, напр., соборъ, старый и новый музеи, національная галлерея и т. д., на западъ отъ „Шлоссбрюкке"(Schlossbrücke—замковый мостъ) идетъ къ Бранденбургскимъ воротамъ самая красивая и многолюдная улица,—„Unter Linden" („Подъ Липами"); позади Бранденбургскихъ воротъ мы вступаемъ въ „Тиргартенъ" (Зоологическій садъ). Еще не такъ давно Берлинъ далеко нельзя было назвать красивымъ городомъ, и лишь въ послѣднія десять лѣтъ онъ очень замѣтно улучшился. Что касается достопримѣчательностей столицы, то прежде всего мы должны обратить вниманіе на памятники, которыми такъ богатъ Берлинъ. Хотя большимъ городомъ Берлинъ сдѣлался еще сравнительно недавно, тѣмъ не менѣе его физіономія безспорно имѣетъ историческія черты, и нѣтъ надобности ходить далеко, чтобы осмотрѣть прусскую историческую галлерею послѣднихъ полутора или двухъ вѣковъ: вся она собрана на улицахъ и площадяхъ Берлина. Правда, въ настоящее время къ городу уже непримѣнимо извѣстное выраженіе Вольтера, что „въ Берлинѣ чаще видишь штыки, чѣмъ людей";—за то всѣ эти монументы наглядно показываютъ путешественнику, что онъ имѣетъ дѣло съ солдатскимъ городомъ и государствомъ военнымъ. Это и понятно: всѣмъ, чего въ настоящее время достигла Пруссія, она обязана исключительно только своимъ войскамъ и ихъ вождямъ. Вотъ предъ вами предсталъ на упрямомъ, могучемъ боевомъ конѣ великій курфирстъ, и невольно вспоминается то время, когда въ нѣмецкой землѣ еще властвовали шведы. Нѣсколько далѣе, — и мы уже окружены воспоминаніями семилѣтней войны. Высоко поднимается знаменитый памятникъ Фридриха съ его пластически-живыми рельефами, а вокругъ площади Вильгельма стоятъ статуи главныхъ генераловъ этой эпохи. На Крестовой горѣ (Kreuzberg) стоитъ памятникъ 1813 года, а на площади Bellealliance, близъ цейхгауза, — шесть фигуръ знаменитыхъ героевъ. Къ этимъ уже древнимъ монументамъ позднѣе былъ вполнѣ справедливо присоединенъ памятникъ короля, изъ послѣдней эпохи бѣдствій и возвышенія Германіи, Фридриха-Вильгельма III. Благодаря этой красивой статуѣ и окружающему его скверу съ двумя фонтанами, широкая площадь между замкомъ и музеями очень выигрываетъ въ своей наружности. Въ прежнее время эта площадь называлась Люстгартенъ (Увеселительный садъ) и это звучало какою-то ироніею, такъ какъ глазамъ представлялась лишь пыльная и жаркая песчаная площадь. Теперь на нее дѣйствительно смотришь съ удовольствіемъ. Окруженная съ трехъ сторонъ величественнымъ массивнымъ замкомъ и музеями, съ ихъ далеко видными фресками, покрытая зеленымъ газономъ, среди котораго стоитъ конная статуя Вильгельма III, площадь Люстгартенъ открыта только съ четвертой стороны, къ улицѣ Липъ и даетъ возможность обозрѣть рядъ монументовъ, начинающійся тутъ же, у площади. Если мы отправимся по этой улицѣ, то, не доходя Бранденбургскихъ воротъ, нѣсколько справа, увидимъ блестящую колонну въ память побѣдъ 1870—71 гг., эстетическія достоинства которой такъ часто были подвергаемы критикѣ. Изъ-за колонны, черезъ плацъ, васъ манятъ Бранденбургскія ворота, увѣнчанныя



Берлинъ. — Люстгартенъ.

тріумфальною колесницею, запряженною четвернею, а рядомъ съ воротами — великолѣпное новое зданіе рейхстага. Позади колонны выстроено, и вполнѣ умѣстно, зданіе генеральнаго штаба. Четвертая свободная сторона занята Тиргартеномъ. Кромѣ описанныхъ монументовъ, въ Берлинѣ мы встрѣчаемъ памятники и болѣе мирнаго характера; таковы памятники: Шиллеру, Гете, Лессингу, Гегелю и др. Переходя къ болѣе новымъ сооруженіямъ, мы прежде всего должны обратить вниманіе на великолѣпную императорскую галлерею, которая соединяетъ, въ видѣ высокаго сводчатаго стекляннаго базара, улицу „Unter Linden" съ параллельною ей Беренштрассе. Но особенно бросается въ глаза количественный и качественный ростъ города въ юго-западной его части, позади Тиргартена. Совсѣмъ недавно послѣдній оказался центромъ новыхъ улицъ, и образовалъ лишь переднюю часть парка для Шарлотенбурга, до котораго онъ уже скоро достигнетъ. И эти улицы, какъ, напр., Леннѣ, Викторія, Лютцоверъ, Магдебургская, Шенебергскій Берегъ и т. д. являются не только новыми, но и необыкновенно красивыми и расположены на манеръ улицъ большаго города. Мѣстные жители часто допускаютъ столь благодѣтельную для большаго города роскошь,—именно разбиваютъ цвѣтники и сады или по крайней мѣрѣ — открытыя веранды, украшенныя изящными вьющимися растеніями. Дома, похожіе на виллы, выстроены въ стилѣ немного фантастическомъ, — украшены колоннами и лѣпными фигурами и вполнѣ удовлетворяютъ требованіямъ эстетики. Близость разстояній, которая такъ важна въ столь вытянутомъ въ длину городѣ, вполнѣ оправдываетъ нѣсколько смѣлый прыжокъ отъ „Geheimrathviertel", улицъ рантье и крупныхъ чиновниковъ — къ Зоологическому саду; садъ этотъ, по своему характеру, дѣйствительно оправдываетъ свое названіе, въ противоположность смежному и гораздо большему по размѣрамъ Тиргартену, называющемуся такъ лишь по имени. За послѣдніе годы Зоологическій садъ значительно улучшенъ и теперь вполнѣ соотвѣтствуетъ достоинству столицы, которая ранѣе въ этомъ отношеніи рѣшительно уступала Франкфурту, Кельну, Гамбургу, Дрездену и др. городамъ. Въ томъ же родѣ, только по своей рѣдкости еще болѣе интересную и, пожалуй, самую поразительную изъ послѣднихъ по времени достопримѣчательностей Берлина представляетъ великолѣпный акваріумъ; онъ открытъ

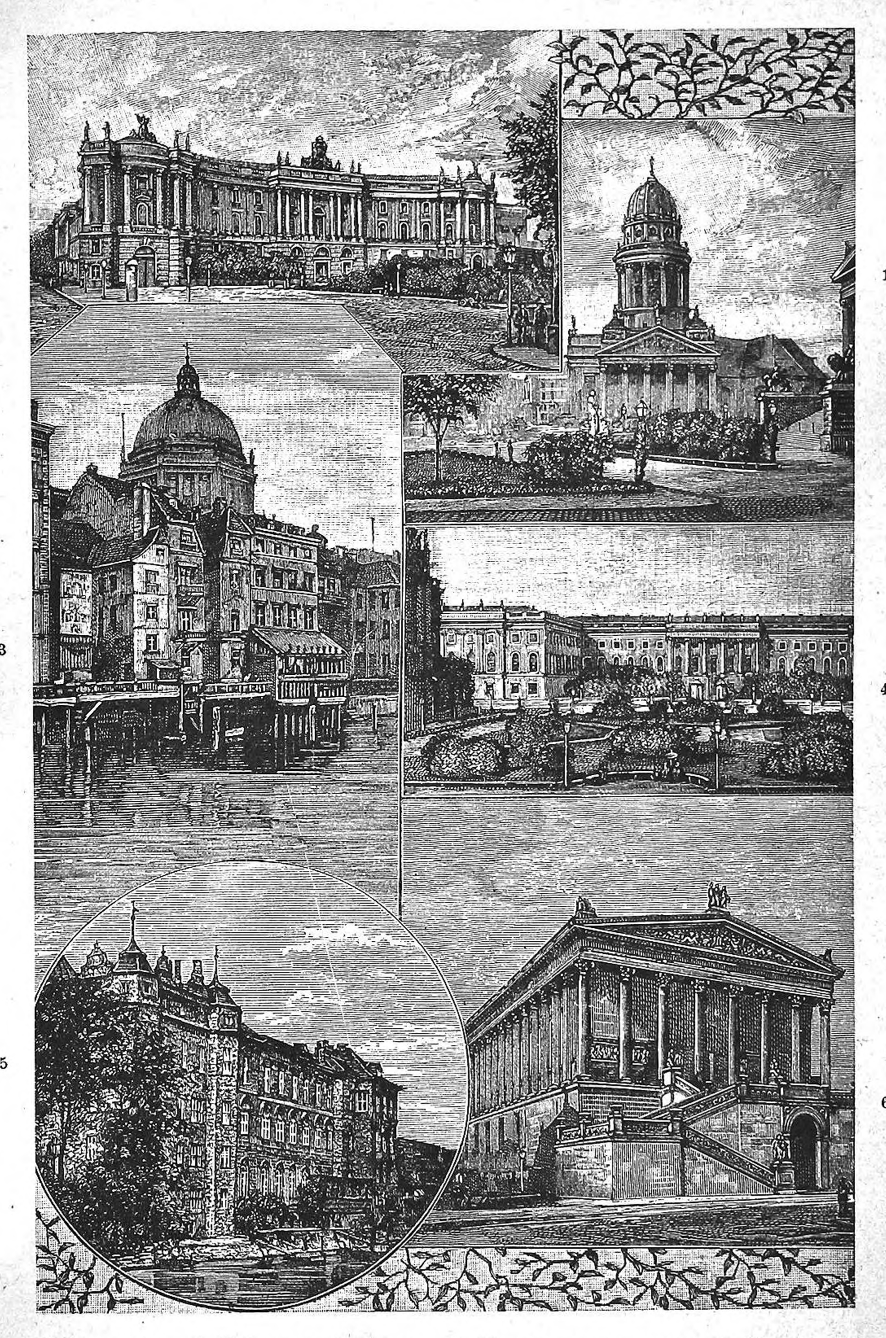
въ 1869 г. и не имѣетъ себѣ соперниковъ, хотя, сравнительно, напр., съ гамбургскимъ, ему приходится бороться съ гораздо большими затрудненіями, такъ какъ онъ лежитъ гораздо далѣе внутри страны.

Берлинъ, въ общемъ, однообразный городъ. Иностранецъ знаетъ, что Берлинъ имѣетъ широкія и свѣтлыя улицы, обширные плацъ-парады и длинныя казарменныя зданія. Что касается положенія Берлина, то невыгодность его вошла въ пословицу, такъ какъ, по историческому выраженію,—Бранденбургъ-Сахара Германіи. Дурная слава Берлина увѣковѣчена Гете въ его „Musen und Grazien in der Mark"; еще болѣе безпощадной критикѣ подвергся Берлинъ со стороны Гейне. Народная жизнь точно также не может предложить иностранцу ничего оригинальнаго. Въ Константинополѣ сталкиваются жители двухъ частей свѣта, въ Вѣнѣ соединяются подданные одного государства, охватывающаго разнообразнѣйшія по языку и происхожденію племена; Берлинъ имѣетъ дѣло только съ германствомъ. Временами, въ разговорѣ какого-нибудь солдата изъ окрестностей Вислы можно услышать польскіе звуки, да красивый сынъ Лотарингіи обмолвится французскимъ словечкомъ; но прусскій унтеръ-офицеръ скоро отучаетъ какъ того, такъ и другого отъ этого двуязычія.

Несмотря на это единообразіе происхожденія и языка, народная жизнь представляетъ довольно живую и рѣзко выраженную картину. Разнообразіе красокъ выступаетъ здѣсь не такъ ясно, какъ, напр., въ жизни южанъ, но опытный глазъ изслѣдователя можетъ быстро подмѣтить ее. Кто желаетъ познакомиться съ нею, тотъ долженъ выбрать особое, удобное для этого мѣсто. Такимъ пунктомъ нельзя считать ни уличную или ярмарочную толкотню, ни пивныя, ни предмѣстья города, ни ту его часть, которая залита моремъ огней, гдѣ высятся дворцы. Эта жизнь развертывается предъ наблюдателемъ позднимъ вечеромъ на границѣ между большимъ свѣтомъ и среднимъ сословіемъ на главныхъ улицахъ Берлина. Съ наступленіемъ ночи шумная жизнь Берлина выбирается на улицы,—какъ разъ наоборотъ сравнительно съ обычаями Вѣны, гдѣ почти всѣ уже спятъ, когда въ другихъ большихъ городахъ только что начинается жизнь. Въ то время какъ въ полуночное время спящая Вѣна не можетъ предложить путешественнику ничего, кромѣ просвѣчивающихъ щитовъ то на томъ, то на другомъ домѣ, гласящихъ „за все деньги",—всегда бодрствующій Берлинъ темною ночью предлагаетъ путнику — „все за деньги". Но необходимо имѣть въ виду, что рядомъ съ этими отрицательными сторонами, присущими въ большей, или меньшей степени каждому крупному городу, въ Берлинѣ можно указать много и свѣтлыхъ сторонъ. Мы разумѣемъ главнымъ образомъ то стремленіе къ образованію, которое охватываетъ всѣ классы населенія и обнаруживается въ широкомъ развитіи среди столичнаго населенія интереса къ наукѣ и литературѣ, въ серьезности общественнаго мнѣнія, а также въ давнишней конкурренціи его съ покровительницей музыки и пѣнія, Дунайскою метрополіею, на почвѣ искусства.

Рѣки, орошающія восточно-германскую равнину, Эльба, Одеръ и Висла, берутъ свое начало въ тѣхъ возвышенныхъ частяхъ Средней Европы, которыя составляютъ южную границу этой наносной равнины сравнительно позднѣйшаго происхожденія. Горы болѣе древняго происхожденія, частію же весьма древняго, расположены въ юго-восточной части Средней Европы, составляющей главнымъ образомъ коронныя земли Австро-Венгерской монархіи. Здѣсь, на крайнемъ сѣверозападѣ, мы находимъ первобытный силурійскій бассейнъ Богеміи, окруженный вѣнкомъ большею частію первичныхъ горныхъ валовъ; къ ихъ сѣвернымъ склонамъ примыкаютъ, какъ мы уже говорили, холмы Саксоніи и Силезіи, образуя переходъ къ Германской низменности. Далѣе къ востоку мы встрѣчаемся съ могучею цѣпью болѣе высокихъ и болѣе юныхъ Карпатовъ, которые въ видѣ гигантской дуги съ одной стороны охватываютъ Венгерскую равнину, орошаемую нынѣ Дунаемъ, а съ другой,—на востокъ отъ Вислы, своими сѣверными, восточными и южными склонами ограничиваютъ ту область, которую въ географическомъ смыслѣ можно назвать Среднею Европою.

Описаніе горъ, окружающихъ Богемію, всего лучше начать съ западной стороны этого ромбоидальнаго плоскогорья, къ сѣверу отъ Дуная. Здѣсь тянется въ сѣверо-запад-



Берлинъ. — 1. Публичная библіотека.—2. Шиллеровская площадь. —3. Набережная р. Шпрее. 4. Университетъ.—5. Дворецъ съ запада.—6. Національная галлерея.

номъ направленіи, на протяженіи 220 килом., мѣстами широкій, мѣстами узкій Богемскій Лѣсъ, который заходитъ далеко въ глубь Баваріи и Богеміи, при чемъ отдѣльныя вершины его достигаютъ высоты 1,500 метровъ. Южная часть его, собственный Богемскій Лѣсъ, по чешски Šumava, гораздо выше сѣверной, отдѣляемой сѣдловиною Неймарктъ. На югѣ, утрачивая при дальнѣйшемъ движеніи свое названіе, Богемскій Лѣсъ переходитъ въ возвышенность, которая, съ одной стороны, поднимается до Богемско-Моравскихъ высотъ, а съ другой стороны, подъ различными названіями, продолжается до Мангардской горы, въ южной Австріи, гдѣ съ окончаніемъ гнейсовой формаціи совпадаетъ окраина плоскогорья. Южный Богемскій Лѣсъ состоитъ изъ двухъ параллельныхъ хребтовъ, связанныхъ между собою поперечными отрогами. Благодаря очень влажной атмосферѣ онъ представляетъ собою настоящій первобытный лѣсъ, въ которомъ растутъ исполинскія деревья—до $1^1/2$ метра въ діаметрѣ и до 40—50 метровъ высоты. Продольная южная долина, образуемая этими двумя цѣпями Богемскаго Лѣса, орошается главною рѣкою Богеміи Молдавою; послѣдняя, образуя большую излучину, пересѣкаетъ страну въ строгомъ направленіи съ юга на сѣверъ и близь Мельника впадаетъ въ Эльбу. Сѣверная продольная долина орошается притокомъ Молдавы, Виттавою. Богемскій Лѣсъ не представляетъ одного сплошного хребта; онъ состоитъ скорѣе изъ цѣлаго ряда нѣсколькихъ, одинаково развитыхъ хребтовъ, отдѣляемыхъ другъ отъ друга болѣе или менѣе узкими и широкими продольными долинами и плоскогорьями, образуя собою неровную, непроходимую горную страну.

Глубокая впадина отдѣляетъ Богемскій Лѣсъ отъ мрачныхъ лѣсовъ и колоннообразныхъ гранитныхъ массъ богатаго желѣзомъ, оловомъ и сурьмою, Фихтельгебирге (Сосновыя Горы), который заслуживаетъ вниманіе не столько по высотѣ, сколько по своему центральному положенію въ Средней Европѣ. Фихтельгебирге посылаетъ свои воды къ тремъ большимъ рѣкамъ,—Рейну, Эльбѣ и Дунаю, уносящимъ ихъ къ двумъ противоположнымъ морямъ. Не соединяясь горными цѣпями съ своими сосѣдями: съ Тюрингенскимъ Лѣсомъ, Эльстергебирге и Эрцгебирге (Сорочьи и Рудныя горы), Богемскимъ Лѣсомъ и Франконскою Юрою, Фихтельгебирге составляютъ, тѣмъ не менѣе главный узелъ Среднегерманскихъ горъ и по преимуществу тѣхъ изъ нихъ, которыя принадлежатъ къ кристаллической формаціи. Это—наполовину замкнутое кольцо горъ, средину котораго занимаетъ баварскій городокъ Вунзидель. Удачно также сравниваютъ Фихтельгебирге съ подковою, а заключенное въ нихъ пространство—съ нижнею поверхностью копыта. Въ центральной группѣ горъ находятся самыя высокія вершины, нэ превосходящія однако, 1,070 метровъ высоты (Шнеебергъ 1,062 метр.). На плоской возвышенности, на которой громоздится группа горъ, родится хлѣбъ, но довольно плохо; гораздо лучше бываютъ здѣсь урожаи овса, льна и картофеля.

Позади впадины между Заалой и Эгеромъ, вытекающими изъ Фихтельгебирге и направленными хотя въ совершенно различныя стороны, (одна течетъ на сѣверъ, другая—на востокъ), но впадающими въ одну и ту-же Эльбу, — поднимается Фойтландская горная страна и Эльстергебирге. Первая представляетъ постепенно понижающееся къ сѣверу плато съ глубокими долинами, а въ послѣднемъ находится истокъ р. Эльстеръ, праваго притока Заалы, который отдѣляетъ западное Заальское плато отъ восточнаго плато Эльстеръ. За этою возвышенностію слѣдуетъ длинный хребетъ Эрцгебирге (Рудныя горы), южные склоны котораго круты, а сѣверные отлоги; уже самое названіе горъ указываетъ на то, что онѣ богаты металлами. Здѣсь добывается въ большомъ количествѣ серебро, затѣмъ мѣдь, желѣзо, кобальтъ и въ особенности каменный уголь. Отъ источниковъ Эльстера Эрцгебирге тянется непрерывною, замкнутою стѣною, съ широкимъ, часто лѣсистымъ и иногда болотистымъ хребтомъ, до выхода Эльбы изъ Богемской котловины. Склоны Эрцгебирге уходятъ на 50—70 килом. въ глубь Саксоніи и пересѣкаются глубокими, прелестными долинами, которыя часто отличаются дикою красотою; таковы, напр., обѣ Мульды и Цшопау. Подвигаясь далѣе, въ сѣверо-западномъ направленіи, горы Эрцгебирге прерываются во внутренней части Богеміи, гдѣ конецъ ихъ устланъ вулканическими образованіями. Самые первые изъ этихъ образованій мы встрѣчаемъ на Баварской границѣ, близъ Альбенрейта; затѣмъ слѣдуетъ потухшій вулканъ Каммербюль, между Эгеромъ и Франценсбадомъ; далѣе—широко раскинувшіяся массы этихъ вулканическихъ образованій находятся близъ Дуппау; наконецъ, изъ тѣхъ же образованій состоятъ и Средне-германскія горы. Здѣсь на незначительномъ разстояніи имѣется множество разнообразнѣйшихъ цѣлебныхъ источниковъ, изъ которыхъ прежде всего заслуживаютъ упоминанія источники Теплицъ, извѣстные своею высокою температурою, доходящею до 40°; вслѣдствіе незначительнаго количества минеральныхъ частицъ, содержащихся въ водѣ этихъ источниковъ, ихъ относятъ къ числу такъ называемыхъ индифферентныхъ водъ. Затѣмъ слѣдуетъ упомянуть о Карлсбадѣ, съ его величественнымъ ключемъ, температура котораго достигаетъ 60°; этотъ источникъ очень богатъ минеральными со-

лями и потому оказываетъ особенное вліяніе на человѣческій организмъ; далѣе мы встрѣчаемъ Маріенбадъ, который повторяетъ, въ меньшемъ только масштабѣ, вышеупомянутые Карлсбадскіе источники; потомъ идетъ могучій источникъ сѣрнокислыхъ солей, въ южную сторону круты, но за то пологи въ сторону Саксоніи, и здѣсь они имѣютъ совершенно иной характеръ, чѣмъ на Богемской сторонѣ. Напротивъ Эрцгебирге расположена вторая, почти квадратная большая масса горъ, плоская возвышенность, которая

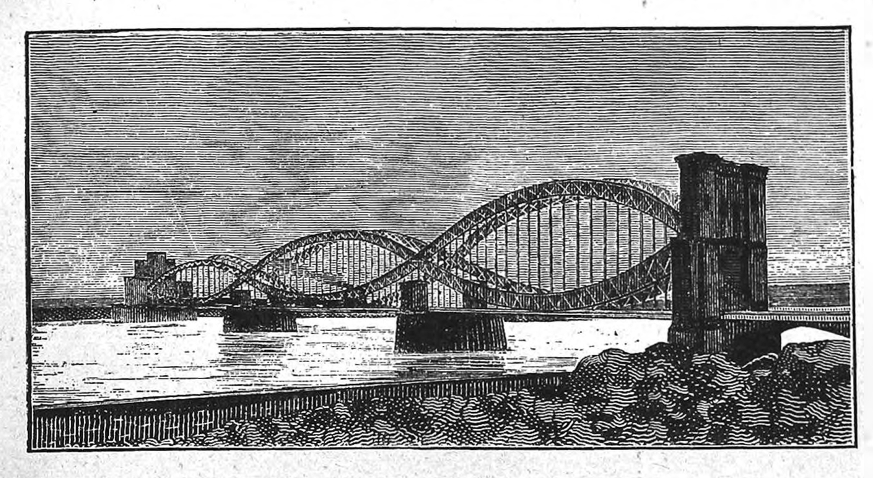
Берлинъ. — Памятникъ Фридриху Великому.

Франценсбадъ, имѣющій существенныя особенности, сравнительно съ вышепоименованными источниками, а рядомъ съ нимъ цѣлый рядъ другихъ сѣрныхъ источниковъ; наконецъ встрѣчаются источники совсѣмъ иного рода, источники горькихъ водъ: Зейдшицъ, Зедлпцъ и Пюльна. Склоны Эрцгебирге на югѣ соединяется съ Богемскимъ Лѣсомъ и носитъ названіе Карлсбадскихъ горъ. Эти двѣ главныя горныя системы какъ-бы царятъ надъ всею страною. Кромѣ нихъ, мы встрѣчаемъ еще болѣе мягкія и болѣе разнообразныя по очертаніямъ Средне-германскія горы. Въ собственныхъ Эрцгебирге, благодаря

значительной высотѣ ихъ (свыше 1,200 метр.) господствуетъ суровый климатъ, который неблагопріятствуетъ не только земледѣлію, но даже и разведенію картофеля. При Ноллендорфскомъ проходѣ Эрцгебирге переходитъ въ горную песчаниковую страну, раскинувшуюся по обѣимъ сторонамъ Эльбы; эта мѣстность носитъ не совсѣмъ удачное названіе—Саксонской Швейцаріи и характеризуется живописными, крутыми скалами и плоскими вершинами, столовыми горами, глубокими долинами и ущельями. За нею слѣдуетъ Лаузицкая горная страна—плоская возвышенность, съ отдѣльными выдающимися вершинами; далѣе на востокъ сюда примыкаютъ Изерскія горы (Jserebirge), гребни которыхъ большею частію покрыты болотами и большими лѣсами; затѣмъ идетъ короткая, но высокая, поднимающаяся на подобіе вала уже въ область низкорослыхъ и кривыхъ деревьевъ, двойная цѣпь Ризенгебирге (Исполинскія горы); эти могучія массы гранита, гнейса, слюды и глинистаго сланца на сѣверномъ и восточномъ склонахъ окружены дилювіальными образованіями Сѣверной Германіи. Къ югу, т. е. въ сторону Богеміи, эти горы образуютъ пологіе склоны, а къ сѣверу, т. е. въ сторону Силезіи, они спускаются очень круто. Приближаясь къ Ризенгебирге съ этой стороны, путешественникъ изумляется величественнымъ видомъ исполинской голубой стѣны, своею „Корре" (вершиною) возвышающейся до 1,625 метровъ. Ни одна изъ германскихъ горныхъ системъ по своему характеру не приближается къ такой степени къ Альпамъ, какъ Ризенгебирге; ни одна не имѣетъ болѣе обнаженныхъ возвышенностей, болѣе крутыхъ склоновъ и рѣзко очерченныхъ гребней, болѣе крутыхъ разсѣлинъ и мрачныхъ пропастей; кромѣ того, частые снѣжные обвалы, низвергающіеся съ крутыхъ скалистыхъ склоновъ и сопровождаемые глухимъ грохотомъ, напоминаютъ альпійскія лавины, хотя и въ меньшихъ размѣрахъ. Сходство замѣчается также и въ климатѣ. Самая высокая вершина, Шнеекоппе имѣетъ 1,625 метр. Она поднимается не изъ гранитнаго центра Ризенгебирге, а лежитъ на ея сторонѣ и состоитъ изъ приподнятыхъ пластовъ шиферной области. Спускаясь отъ Шнеекоппе, которая находится на границѣ Австріи и Пруссіи, въ прусскія владѣнія, мы находимъ интересную Гиршбергскую котловину, какъ-бы врѣзающуюся въ Ризенгебирге.

На востокѣ отъ Ризенгебирге мѣняются и горныя породы, а также и направленіе, и расположеніе горныхъ группъ. Идущія въ меридіональномъ направленіи Юбершаарскія горы составляютъ переходъ между двойною цѣпью Глацской горной страны, которая имѣетъ форму прямоугольника, наполненнаго холмами, плоскими возвышенностями, глубокими долинами и окруженнаго почти со всѣхъ сторонъ высокими горами,—на западѣ Гейшейерскими и Богемскими хребтами, на востокѣ—Эйленскими и Рейхенштейнскими горами. Сросшись съ послѣдними, тянутся въ направленіи съ юга на востокъ Судетскія горы, которыя въ Альтфатерѣ (1,487 метр.) достигаютъ своего высшаго пункта и очень низко опускаются въ Гезенке и Одергебирге. Нѣкоторые нѣмецкіе географы названіемъ Судеты означаютъ всю горную систему, длиною въ 300 килом., начиная отъ выхода Эльба изъ Богемскихъ горъ до извилистаго верхняго теченія Одера, до такъ называемыхъ Моравскихъ Воротъ, посредствомъ которыхъ сообщаются между собою области Дуная, Одера и Вислы; въ Австріи же подъ этимъ названіемъ разумѣютъ лишь послѣднюю, самую восточную часть Судетовъ. Такимъ образомъ, Богемія окружена съ трехъ сторонъ горами; внутреннее пространство занимаетъ возвышенность, основаніемъ которой служатъ гранитъ и гнейса; она лишь въ пониженныхъ частяхъ своей сѣверной половины принадлежитъ къ мѣловой формаціи, на которой поднимается множество отдѣльныхъ базальтовыхъ конусовъ. Въ общемъ она представляется поднимающеюся ступенями отъ С.-В. къ Ю.-З. террасообразною страною, съ различными, не очень обширными котловинами, и, будучи защищена отъ суровыхъ вѣтровъ высокими горами, отличается умѣреннымъ климатомъ, чистымъ воздухомъ и изобилуетъ дичью, минералами и цѣлебными источниками. Четвертую сторону этой богато орошаемой страны занимаетъ широкій хребетъ Моравскихъ горъ, которыя правильнѣе нужно было бы назвать Богемско-моравскою возвышенностью или Моравскимъ кряжемъ. Моравскій кряжъ идетъ въ сѣверо-восточномъ направленіи, достигаетъ въ высшемъ пунктѣ 1,127 метровъ, во многихъ мѣстахъ спускается до низменности и понижается террасами въ бассейнъ Марха (Моравы). Форма поверхности пограничной съ Богеміей Моравіи сходна съ богемскою; поэтому Моравія не можетъ быть названа горною страною въ собственномъ смыслѣ слова, и только глубокія долины ея напоминаютъ настоящія горныя страны.

Восточную границу Моравіи составляютъ Карпатскія горы, вторая главная горная система Средней Европы. Эти горы тянутся въ видѣ широкаго полукруга на разстояніи почти 1,440 километровъ; начинаясь у Дуная, при г. Пресбургѣ,



Желѣзный мостъ на Эльбѣ.

и оканчиваясь у Дуная же, около Орсовы и Базіаша, эти горы окружаютъ собою низменности Венгріи, а на сѣверѣ и востокѣ переходятъ въ Галиційскую и Бессарабскую равнины. Сѣверо-западная часть Карпатовъ, отъ Дуная близъ Прессбурга и до истоковъ Тейсса (Тиссы), состоитъ изъ разнообразныхъ частей, по строеніи большею частію напоминающихъ горныя цѣпи; наоборотъ, юго-восточная ихъ часть представляетъ собою заполненное цѣпями горъ Семиградское плоскогоріе. За исключеніемъ самыхъ крайнихъ юго-восточныхъ и южныхъ склоновъ, которые принадлежатъ Румыніи, всѣ Карпаты находятся во владѣніяхъ Австрійско-Венгерской монархіи, занимая въ ней первое мѣсто. Въ общемъ они обладаютъ площадью около 90,000 кв. килом. Карпаты со всѣхъ сторонъ окружены низменностями. Они образуютъ главный водораздѣлъ между Балтійскимъ и Чернымъ морями и послѣ Альпъ являются самою мощною горною системою Европы. Понятно, они далеко уступаютъ Альпамъ по грандіозности и величественности. На Карпатахъ нѣтъ значительныхъ вершинъ: ни одна изъ нихъ не достигаетъ 3,000 метровъ; нѣтъ здѣсь и тѣхъ обширныхъ снѣговыхъ полей и глетчеровъ, какіе мы видимъ въ Альпахъ, а равно и бурныхъ водопадовъ, свергающихся въ пропасти, одинъ видъ которыхъ захватываетъ дыханіе; нѣтъ здѣсь и обширныхъ горныхъ озеръ, столь многочисленныхъ въ Альпахъ. На вершинахъ Карпатъ не лежитъ вѣчный снѣгъ, а тѣ массы снѣга и льда, которыя лежатъ въ ущельяхъ и не растаиваютъ въ теченіе лѣта, заслуживаютъ лишь названіе снѣжныхъ и ледяныхъ ямъ. Такимъ образомъ Карпаты въ самыхъ высокихъ своихъ частяхъ могутъ быть сравниваемы лишь съ средними областями Альповъ, съ которыми они дѣйствительно обнаруживаютъ большое сходство. Въ Карпатахъ, какъ и въ Средне-Альпійскихъ горахъ, имѣются и прелестные горные пейзажи, и величественныя въ своей дикой красотѣ голыя высокія скалистыя вершины; здѣсь такъ же, какъ и тамъ, по валунамъ и крутымъ склонамъ сбѣгаютъ горные ручьи, а въ глубинѣ узкихъ долинъ

видны, хотя и небольшія, изумрудныя горныя озера. Кучи галекъ и агломератовъ, высокія скалистыя стѣны являются повтореніемъ формъ Альпійскаго міра; какъ тамъ, такъ и здѣсь горы состоятъ въ перемежку изъ гранита, гнейса, извести и песчаника. Равнымъ образомъ и флора Карпатовъ чрезвычайно напоминаетъ флору Альпъ; такъ, рядомъ съ ярко зелеными лугами мы встрѣчаемъ здѣсь обширные лиственные и хвойные лѣса, а выше — карликовыя деревья и, наконецъ, на высочайшихъ вершинахъ и хребтахъ,—тощіе лишаи. Стада скота, пасущагося на возвышенностяхъ, серны и сурки высокой Татры и кружащіеся надъ вершинами горъ орлы—дополняютъ сходство между Карпатами и Альпами. Хищныхъ звѣрей въ Карпатахъ гораздо больше чѣмъ въ Альпахъ; здѣсь, между прочимъ, водятся злѣйшіе враги человѣка—медвѣди и волки. Систему Карпатовъ, какъ мы уже говорили, можно раздѣлить на двѣ главныя группы,—собственные Карпаты и Семиградскую возвышенность, границею между которыми являются истоки Тейсса (Тиссы). Первые, въ свою очередь, распадаются на внѣшнія и внутреннія горы, раздѣляемыя между собою долинами Ваага, Арвы, Дунаеца, Попрада и Топлы.

Внѣшнія горы представляютъ собою непрерывный, густо поросшій лѣсомъ, песчаниковый хребетъ, образующій, при средней высотѣ 650—1,300 метр., правильную дугу отъ Прессбурга до источниковъ Тейса. Онѣ начинаются на западѣ, на Дунаѣ, мягкими контурами Малыхъ Карпатъ, которыя на востокѣ и сѣверо-востокѣ отдѣлены отъ сѣверозападныхъ Карпатовъ широкою низменностью долины Ваага и затѣмъ продолжаются на сѣверъ по ту сторону Міавы, въ видѣ крутыхъ хребтовъ Бѣлыхъ Карпатовъ. Проходъ Яблунка (600 метр.) отдѣляетъ эти горы отъ болѣе высокихъ Бескидовъ, которые идутъ къ востоку до истоковъ Сана, откуда начинается мало плодородная и густо населенная, богатая залежами угля, торфа и соли, горная система Лѣсистыхъ Карпатовъ. Здѣсь горный хребетъ по большей части крутъ, покрытъ агломератами и отличается недоступностью, которая возрастаетъ по мѣрѣ приближенія къ югу, до того пункта, гдѣ Лѣсистые Карпаты, у истоковъ Тейса, соединяются съ Семиградскою возвышенностью. Внѣшнія горы посылаютъ въ сторону Моравіи и Силезіи нѣсколько болѣе или менѣе значительныхъ отроговъ, а со стороны Галиційской равнины предъ ними расположена холмистая страна.

Внутреннія горы, или Сѣверо-Венгерская горная страна, состоятъ изъ нѣсколькихъ группъ, которыя на сѣверѣ и югѣ спускаются къ Дунаю и Венгерской равнинѣ. Это—довольно высокія горы, состоящія изъ первозданныхъ горныхъ породъ (гранитъ, гнейсъ) и отчасти изъ вулканическихъ образованій (трахитъ, базальтъ). На Ципской возвышенности, орошаемой Ваагомъ, Арвой, Дунаецомъ и Попрадой, круто и безъ всякихъ предгорій поднимается масса Центральныхъ Карпатъ, высокая Татра. Окруженная у подошвы темною лентою лѣсовъ, высоко, близъ линіи облаковъ, покрытая какъ перлами, бѣлыми площадями, она блеститъ сотнями искрящихся маленькихъ горныхъ озеръ, такъ называемыхъ—„морскихъ глазъ“, которые, подобно алмазамъ, рубинамъ, изумрудамъ и сапфирамъ, сіяютъ среди узкихъ горныхъ котловинъ. Поднявшись на какую-нибудь сотню метровъ, вы внезапно встрѣчаете водный бассейнъ темно-зеленаго цвѣта, окруженный крутыми скалами; взбираясь еще выше на гору, не далѣе, какъ на разстояніи 150 метр. отъ этого озера, вы находите второе, еще выше—третье, такое-же озеро. Подобныя озера встрѣчаются почти въ каждой возвышенной долинѣ Карпатъ. Голый зубчатый гребень Татры увѣнчивается самою высокою въ Карпатахъ (2,647 метр.) Гельсдорфскою вершиною; и если кто въ безоблачный день, при благопріятномъ освѣщеніи и прозрачной атмосферѣ хотя разъ окинетъ взоромъ весь горный кряжъ, начиная отъ широко раскинувшагося Кривана (2,492 метр.), чрезъ стройную Ломницкую вершину (2,632 метр.) до того мѣста, гдѣ Татра переходитъ въ низкую лѣсистую горную возвышенность,—если кто вглядится въ многочисленныя зазубренныя вершины горъ, въ рѣзкіе скалистые хребты, наполненныя снѣгомъ котловины, обширныя долины, раскинувшіяся кругомъ,—тотъ долго не забудетъ этой картины. Виды въ области, лежащей внутри горъ, не менѣе очаровательны.

Если какая-либо горная область имѣетъ право называться „Швейцаріей“, то это—

именно Татра; но она не нуждается въ такомъ эпитетѣ; она слишкомъ оригинальна для того, чтобы украшаться чужимъ названіемъ; ея своеобразные ландшафты приводятъ въ восторгъ даже самыхъ ярыхъ поклонниковъ Швейцаріи. Всѣ ребра горъ отличаются рѣзкими контурами и зазубрены, склоны представляютъ обширныя пространства, покрытыя агломератами, котловины безводны и поэтому пустынны, а самыя глубокія изъ нихъ покрыты прозрачными горными озерами; бока крутыхъ котловинъ совершенно обнажены, почва покрыта скалистыми обломками и голыми валунами. Всюду поднимаются совершенно отвѣсныя гранитныя вершины, то иглообразныя, то похожія на башни, то напоминающія своею формою усѣченныя пирамиды; въ глубокихъ впадинахъ лежитъ вѣчный снѣгъ; глазъ повсюду встрѣчаетъ вычурныя скалистыя стѣны, покрытыя валунами, и колоссальныя массы горныхъ породъ, перемѣшанныя между собою въ дикомъ безпорядкѣ; долины, по которымъ пробѣгаютъ кристальные горные ручьи съ множествомъ водопадовъ, ограничиваются фантастическими вершинами, то закругленными подобно куполамъ, то заостренными въ видѣ роговъ. На высотѣ 1,520 метровъ исчезаютъ деревья, а на высотѣ 1,790 метровъ и карликовые кустарники; но уже гораздо ниже долины и склоны представляютъ картины поразительнаго разрушенія. Дѣйствительно, Татра отличается мрачнымъ и негостепріимнымъ видомъ, такъ какъ населеніе встрѣчается здѣсь лишь въ окружающихъ ее покатостяхъ и равнинахъ. Но тамъ горы обрамлены роскошными еловыми лѣсами и тучными пастбищами, которыя образуютъ какъ бы зеленый вѣнокъ кругомъ этой горной страны, откуда съ ревомъ стремятся поразительные по своей дикости бурные ручьи. Описываемая горная область отличается суровымъ, почти мрачнымъ характеромъ и представляетъ единственную въ своемъ родѣ картину природы, на ряду съ которою можно поставить лишь скалистыя горы самаго крайняго сѣвера Скандинавіи.

Плоскогорье, на которомъ возвышается Татра, окружено со всѣхъ сторонъ горами, которыя значительно уступаютъ ей по высотѣ. На сѣверѣ и востокѣ отъ нея тянется широкая, но невысокая горная страна—Бескиды, характеризующаяся незначительными вершинами и немногими горными проходами, но богатая вулканическими образованіями, изъ которыхъ южная отрасль Гедьяльянскихъ горъ—самая извѣстная мѣстность, благодаря выдѣлываемому здѣсь токайскому вину.

Примыкающіе къ Восточнымъ Бескидамъ Лѣсистые Карпаты представляютъ широкую полосу съ боковыми вѣтвями и немногими короткими, параллельными цѣпями, которыя въ своихъ частяхъ, принадлежащихъ Буковинѣ, несутъ на себѣ богатые буковые лѣса, отчего, между прочимъ, произошло и самое названіе Буковины. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ, у истоковъ Тейса и Прута, оканчиваются Лѣсистые Карпаты, горный хребетъ, доселѣ однообразный, раздѣляется на нѣсколько вѣтвей, которыя охватываютъ со всѣхъ сторонъ Семиградскую возвышенную страну (Трансильванія). Послѣдняя съ юга, со стороны Валахской равнины, поднимается круто и быстро, со стороны же Венгріи—довольно постепенно, а къ востоку широкими ступенями спускается къ Бессарабской низменности. Горы, ограничивающія эту Семиградскую возвышенность, имѣя на востокѣ и на югѣ валообразную форму, покрыты до высоты 1,740 метровъ надъ уровнемъ моря густыми лѣсами; надъ областью же лѣсовъ поднимаются лишь голыя скалистыя вершины; вершинъ съ вѣчнымъ снѣгомъ здѣсь нѣтъ, но наиболѣе значительныя изъ нихъ свободны отъ снѣга только въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, а въ тѣнистыхъ ущельяхъ массы снѣга и льда не разстаиваютъ и лѣтомъ. Съ восточной и южной стороны Семиградская возвышенность окружена Трансильванскими Альпами, которые тянутся до Дуная, и лишь на югѣ эти горы пересѣкаются двумя долинами, долиною Алюты и Шиля, по которымъ идутъ два горныхъ прохода Ротентурмъ и Вулканъ, соединяющіе Семиградскую возвышенность съ Валахскою равниною. По западному краю Семиградской возвышенности идутъ невысокія Эрцгебирге, или—Бигарскія горы, извѣстныя обиліемъ драгоцѣнныхъ металловъ, особенно золота; онѣ состоятъ изъ разнообразныхъ горныхъ породъ; самою высшею точкою ихъ является гора Кукурбета (1,845 метр.). Названныя горы круто спускаются въ сторону Семиградской возвышенности, которая далеко не можетъ называться плоскою возвышенностью: здѣсь нигдѣ, собственно говоря, не встрѣчается ровныхъ плоскостей, и вся область состоитъ изъ множества горныхъ хребтовъ и холмистыхъ возвышенностей, идущихъ большею частью въ направленіи съ запада къ востоку; между ними расположены продольныя долины, соединяющія Семиградскую возвышенность съ Венгріею и орошаемыя Марошемъ, Керецемъ и Темешемъ. Болѣе высокія горы вдаются внутрь страны только на сѣверо-западѣ.

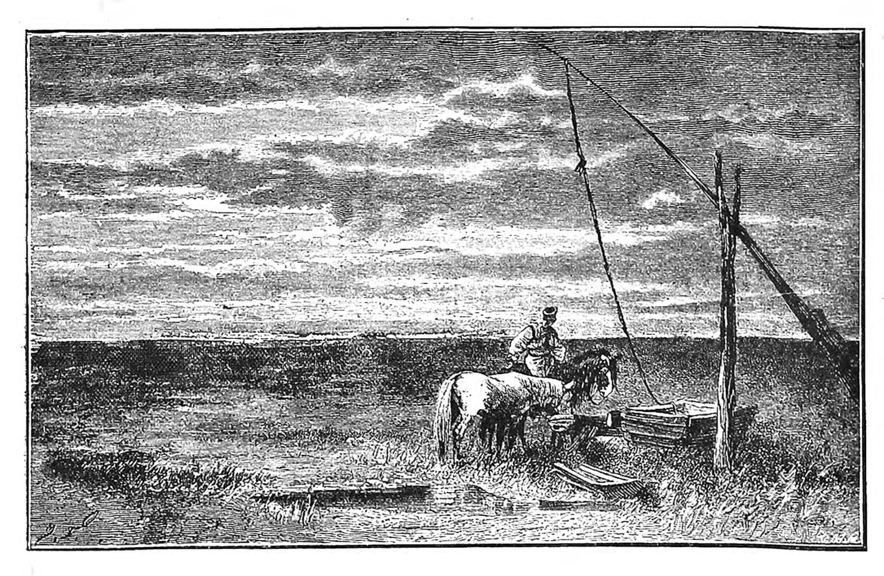
Съ восточнаго склона Карпатскихъ горъ текутъ значительныя рѣки частію непосредственно въ Черное море, частію по направленію къ Дунаю. Изъ первыхъ

мы назовемъ Днѣстръ, а изъ послѣднихъ — Прутъ и Серетъ, съ его притоками Молдавой и Быстрицей. На южныхъ склонахъ Трансильванскихъ Альпъ, обращенныхъ въ сторону Валахской равнины, берутъ свое начало многія рѣки, которыя текутъ къ Дунаю параллельно Алютѣ, съ правой и лѣвой стороны ея. Богатые лѣсомъ цѣпи Карпатскихъ Альпъ, охватывающія на югѣ широкимъ полукругомъ Ципскую плоскую возвышенность, служатъ областью истоковъ для множества рѣкъ, которыя, распадаясь группами на востокѣ и западѣ, текутъ по направленію къ Дунаю или къ Тейсу. Послѣднія двѣ рѣки орошаютъ Венгерскую равнину, широкую центральную равнину страны. Обиліе лѣса здѣсь громадное. Эти сокровища горъ спускаются съ вершинъ въ долины, изъ долинъ къ рѣкамъ, по рѣкамъ сплавляются къ главному водному пути, становясь предметомъ всемірной торговли. Тамъ, гдѣ Альпы и Средніе Карпаты пересѣкаются горами вулканическаго происхожденія, которыя такъ фантастически и такъ живописно поднимаютъ въ области лѣсовъ свои обнаженныя овальныя, конусообразныя и острыя вершины, покоится въ лонѣ горъ блестящая руда, сіяетъ златоцвѣтъ, мерцаетъ серебряный блескъ, сверкаютъ красноватымъ и темнокраснымъ отблескомъ желѣзо мѣдь. Все—горы, долины и даже внутренность земли отмѣчены здѣсь особымъ благоволеніемъ природы. На зеленыхъ лѣсистыхъ Альпійскихъ лугахъ пасутся громадныя стада, поднимающіяся вверхъ, на горы, все выше и выше, соотвѣтственно временамъ года,—до голыхъ овальныхъ вершинъ, откуда открывается видъ на безконечное море высокихъ горныхъ хребтовъ. Тишина здѣсь нарушается лишь криками соколовъ, звуками свирѣли и меланхолическими пѣснями пастуха-славянина, да звуками топора, подъ ударами котораго падаютъ темныя ели и зеленыя развѣсистыя сосны. На нѣкоторыхъ скалахъ, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ текутъ рѣки и проложены дороги, поднимаются развалины древнихъ укрѣпленій, деревни и города; послѣдніе украшены древними готическими соборами и крѣпостями и служатъ центрами округовъ и провинцій, куда стекаются продукты труда, промышленности и культуры. Горы оканчиваются, при соединеніи съ Венгерскою равниною, зеленымъ вѣнкомъ холмовъ, на которомъ ростетъ, цвѣтетъ и вызрѣваетъ виноградъ Венгріи. Начинаясь отсюда, между Дунаемъ и Тейсомъ, идетъ прежнее морское дно, великая Венгерская равнина, область степей, на которой лишь изрѣдка, какъ бы при легкомъ дыханіи груди, поднимаются незначительныя волнистыя возвышенности. Здѣсь всюду, гдѣ только борона порасцарапаетъ черную почву, ростетъ маисъ, который поднимается выше человѣческаго роста, и темные и желтые плоды котораго блестятъ между колеблющимися, похожими на тростникъ, листьями. Селенія, деревни и города утопаютъ въ акаціяхъ, которыя въ тихія весеннія ночи разливаютъ опьяняющій ароматъ; на темныхъ степяхъ здѣсь пасутся безчисленныя стада рогатаго скота, а среди степей, поднимаются высокіе «журавли» колодцевъ, служащіе въ этой безлѣсной мѣстности вѣхами для путника. Отъ гранитнаго вѣнца Венгріи, Среднихъ Карпатовъ, идутъ горныя вѣтви, какъ бы оберегая, благословляя и крѣпко обнимая всю страну;

сверху ихъ идетъ благословенiе горъ, лѣсовъ, луговъ въ желтыя волны покойнаго, поросшаго камышомъ Тейса и въ зеленоватыя струи быстраго Дуная—до того мѣста, гдѣ послѣднiй, окаймляя и орошая подножiе страны, замыкаетъ картину этой, одной изъ прекраснѣйшихъ странъ земли.

Такимъ образомъ Карпаты, въ связи съ продолженiями Альповъ, охватываютъ Венгерскую равнину, которая пересѣкается Дунаемъ и его параллельнымъ притокомъ Тейсомъ, при чемъ послѣднiй является главною рѣкою Венгрiи и настоящею рѣкою низменности. Венгерская низменность распадается на меньшую, Верхне-Венгерскую, выше дунайскаго колѣна у Вайцена, и большую—Нижне-Венгерскую, расположенную ниже упомянутаго колѣна. Въ первой находятся два большiе бассейна—Платтенское озеро и періодически появляющееся и исчезающее—Нейзидлерское озеро; вторая служитъ родиною такъ называемыхъ „Пустъ", представляющихъ вѣрное изображенiе тѣхъ степей, которыми характеризуется западная часть азiатскаго материка. Природа Венгерской равнины непривлекательна; однообразiе необозримой равнины, лишь изрѣдка нарушаемое группою деревьевъ или колокольнями дальнихъ селенiй, которыя сквозь палящiй знойный воздухъ кажутся дрожащими, скоро утомляетъ любопытный глазъ одинокаго путника, а пустынность, безмолвная тишина окрестностей дѣйствуетъ подавляющимъ образомъ на его душу. Впрочемъ, величественная въ своемъ спокойствiи природа „Пусты" не лишена нѣкоторой доли поэзiи: нерѣдко наблюдаемыя здѣсь явленiя миража, или фата-морганы, даже могутъ взволновать новичка.

Великая рѣка Дунай налагаетъ извѣстный отпечатокъ не только на Венгерскую равнину, но и на всю Австрiйскую монархiю, такъ что употребляемое иногда для обозначенiя послѣдней названiе «Дунайская имперiя» имѣетъ достаточное право на существованiе, хотя и истокъ и устье Дуная лежатъ внѣ границъ Австрiйской имперiи. Ни одна изъ большихъ рѣчныхъ системъ Европы не опоясана такими мощными стѣнами горъ, какъ система Дуная. На югѣ ея под-



Венгерская степь.

нимаются Альпы, продолжающіяся въ Илиріи и на Турецкомъ полуостровѣ, на сѣверѣ возвышаются Карпаты, Богемскія горы и Германская Юра. Вообще Дунай нужно признать изолированною и совершенно одинокою рѣчною системою; тѣмъ большее значеніе пріобрѣтаютъ здѣсь разные проходы или ворота, созданныя въ этихъ стѣнахъ природою, которыми пользуется человѣкъ, какъ путями сообщенія. Чрезъ эти ворота съ незапамятныхъ временъ входили и выходили многочисленные народы, вооруженныя арміи, торговые обозы и караваны. Наиболѣе открытъ Дунай у истоковъ и около устья.

Истоки Дуная находятся въ Шварцвальдѣ; здѣсь, близъ Донауэшингена, онъ образуется изъ сліянія рр. Брега и Бригаха. Такъ какъ Германская Юра не представляетъ здѣсь никакихъ препятствій, то въ этой мѣстности область Дуная сливается съ Германіею, особенно же—съ областью рѣки Рейна. Здѣсь всегда существовали удобные пути сообщенія съ Рейномъ, а въ послѣднее время выкопаны даже каналы. Этому соединенію двухъ рѣкъ помогаетъ, однако, не столько человѣкъ, сколько сама природа. Дѣло въ томъ, что уже въ верховьяхъ своихъ Дунай обнаруживаетъ рѣдкостное явленіе бифуркаціи или раздвоенія. Именно, близъ Иммедингена начинается очень плоская ложбина, замкнутая между лежащими на сѣверовостокѣ Суровыми Альпами и красивыми горами — на юго-западѣ; отсюда ложбина идетъ черезъ городокъ Аахъ въ юго-восточномъ направленіи, и продолжается затѣмъ въ бассейнѣ Боденскаго озера. Мѣстность, въ которой начинается описываемая ложбина, состоитъ изъ бѣлаго известняка, принадлежащаго къ Юрской формаціи, который въ этой мѣстности сплошь покрытъ трещинами. Ложе Дуная между Иммедингеномъ и выше его расположеннымъ Мерингеномъ, на разстояніи 2—3 килом. покрыто множествомъ различной величины трещинъ, въ которыхъ Дунай неизбѣжно долженъ оставлять болѣе или менѣе значительную часть своихъ водъ. На разстояніи 12 килом. отъ этого мѣста, въ продольномъ направленіи ложбины появляется при своеобразныхъ условіяхъ истокъ Ааха. У южной подошвы горы, расположенной къ сѣверу отъ городка Ааха, источникъ р. Ааха бьетъ вверхъ изъ глубокихъ разсѣлинъ известняка; давленіе воды здѣсь очевидно очень сильно, такъ какъ поверхность ея образуетъ выпуклость, а при высокомъ уровнѣ воды этотъ источникъ кажется фонтаномъ. Такимъ образомъ при своемъ началѣ Аахъ образуетъ небольшое озеро, которое, представляя интересъ само по себѣ, по своему происхожденію, становится еще привлекательнѣе благодаря живописнымъ окрестностямъ. Отъ этого озера, которое лежитъ гораздо ниже упомянутаго верховья Дуная, начинается русло Ааха, впадающаго въ Боденское озеро, гдѣ его воды смѣшиваются съ водами Рейна. Теперь уже считается доказаннымъ, что воды источниковъ Ааха представляютъ собою на половину вновь появившіяся изъ-подъ земли воды Дуная. И въ самомъ дѣлѣ, въ періоды низкаго уровня воды верховья Дуная вообще не отпускаютъ воду въ Черное море, а передаютъ подземнымъ путемъ весь свой запасъ воды Ааху, а чрезъ него—Рейну, такъ что въ это время верховье Дуная принадлежитъ исключительно рѣчной области Рейна.

Пройдя какую-нибудь изъ своихъ тѣснинъ или обогнувъ отдѣльную горную массу, лежащую на правомъ его берегу, Дунай тотчасъ же поворачиваетъ вправо и оставляетъ по лѣвую сторону обширныя аллювіальныя низменности. Проф. Suess удачно сравниваетъ теченіе Дуная съ повѣшенною цѣпью, прикрѣпленною въ нѣсколькихъ пунктахъ по своей длинѣ, и называетъ тѣ горныя массы, которыя опредѣляютъ его кривизны, „точками привѣшенія“ (Aufhängepunkt) цѣпи. Однимъ изъ такихъ пунктовъ является небольшая тѣснина въ юрскомъ известнякѣ Кельгейма, препятствующая отклоненію Дуная къ югу отъ Регенсбурга. Такимъ образомъ, положеніе этого почтеннаго города, столь богатаго памятниками всѣхъ временъ, обусловливается исторіею развитія почвы, на которой онъ расположенъ. Нигдѣ Дунай, протекающій чрезъ Вюртембергъ и Баварію прежде достиженія Австро-Венгерской монархіи, не врѣзывается такъ глубоко въ сердце Германіи, какъ именно въ своей излучинѣ около Регенсбурга, который, благодаря этому, служитъ исходнымъ пунктомъ всѣхъ сношеній между Средней Германіей и Дунаемъ (чрезъ Нюренбергъ).

Отъ Пассау, гдѣ правый берегъ Дуная принадлежитъ уже Австріи, отъ Линца и отъ Вѣны имѣются близкіе и короткіе переходы въ верхнюю область Эльбы (Молдава), которое связываютъ Дунай съ бассейномъ Эльбы, съ Сѣверной Германіей и Гамбургомъ. Начиная отъ Вѣны, составляющей границу между восточнымъ и западнымъ міромъ Европы, законъ, которому повинуется Дунай въ своемъ теченіи, становится все болѣе и болѣе оче-

виднымъ. Съ этого пункта онъ обнаруживаетъ ясное тяготѣніе къ скалистымъ краямъ своего праваго берега, оставляя по лѣвую сторону обширную аллювіальную низменность, которая сливается въ одно цѣлое съ отложеніями Марха или Моравы, такъ что при ея посредствѣ на сѣверѣ не замкнутый горами бассейнъ Моравы соединяется съ бассейномъ Одера. Здѣсь мы встрѣчаемъ однѣ изъ самыхъ замѣчательныхъ во всей области Дуная воротъ, открывающихъ доступъ для всевозможныхъ сношеній. Оставивъ близъ Пресбурга послѣднія, сопровождающія его теченіе горныя массы, Дунай свободно течетъ по равнинамъ третичной эпохи. Ниже Пресбурга по теченію Дуная на большомъ протяженіи идутъ острова. Плывя по рѣкѣ, и удивляясь величію Дуная, путешественникъ долженъ помнить, что онъ видитъ, далеко не всю массу воды, что болѣе, чѣмъ $1/3$ ея скрыта отъ его взора подъ поверхностью земли, образуя подпочвенную влагу. Главныя рѣки средняго бассейна Дуная, Драва и Сава, открывая широкіе проходы, подступаютъ къ Адріатическому заливу. Сава въ главной части своего теченія идетъ параллельно съ С.-В. берегомъ Адріатики и въ различныхъ пунктахъ еще болѣе приближается къ ней благодаря долинамъ своихъ притоковъ, Кульпы, Уны, Босны и Дрины. Обширный бассейнъ между Семиградскими Карпатами и Балканами, орошаемый въ настоящее время нижнимъ Дунаемъ и его притоками, прежде представлялъ большую морскую бухту, которая чрезъ Желѣзныя ворота и современную намъ долину Дуная соединялась съ большимъ внутреннимъ моремъ Средней Венгріи.

Южными берегами прежняго внутренняго моря Средней Венгріи служили горы западной части Балканскаго полуострова, которыя принадлежатъ къ такъ называемому Карсту. Сюда же относятся и тѣ известковыя горы, которыя идутъ черезъ иллирійскія коронныя земли Австрійской монархіи отъ устьевъ Изонцо до залива Кварнеро на Адріатическомъ морѣ. Вмѣстѣ съ тѣмъ онѣ составляютъ переходъ отъ Альповъ къ горной системѣ Ѳракійско-иллирійскаго полуострова и нерѣдко разсматриваются подъ названіемъ Юлійскихъ и далѣе Динарскихъ Альпъ, какъ составная часть послѣднихъ. Подъ Юлійскими собственно Альпами разумѣются всѣ горы, расположенныя между Тальяаменто и Савою, которыя на сѣверѣ, — отъ Тальяаменто до мѣстечка Тарвисъ въ Каринтіи,—отдѣляются поперечною долиною Фелла и Гайлица отъ Карнійскихъ Альпъ, и затѣмъ далѣе на востокъ—долиною Вурценской Савы — отъ Караванкскихъ горъ, которыя служатъ границею между Каринтіей и Крайной. Около Зайфница, на разстояніи получасоваго пути къ западу отъ Тарвиса, онѣ орографически связаны съ Карнійскими Альпами, а около Ратшаха, находящагося тоже на получасовомъ разстояніи отъ Вурцена,—съ Караванкскими горами; но обѣ сѣдловины такъ глубоки (817 и 1,045 метр.), что Юлійскіе Альпы даже съ этой стороны кажутся совершенно отдѣленными отъ сосѣднихъ горныхъ группъ.

Собственные Юлійскіе Альпы бороздою долины Изонцо, которую мы однако должны продолжить вверхъ отъ Флича до прохода Предиль и до Тарвиса, ясно раздѣляются на двѣ не совсѣмъ равныя части. Путешествіе по этой долинѣ Изонцо отъ Гёрца къ Тарвису дастъ намъ возможность ознакомиться съ строеніемъ Юлійскихъ Альпъ. Уже около Толмейна, а еще болѣе близъ Карфрейта бросается въ глаза ящикообразное строеніе Крнберга. Подобно гиганту-рыцарю возвышается среди болѣе низкихъ горныхъ валовъ его обширная, со всѣхъ сторонъ крутая масса, кажущаяся вполнѣ изолированною (2,243 метр.), тогда какъ напротивъ его, т. е. на другомъ берегу Изонцо, также изолированно, расположенъ длинный лѣсистый хребетъ Монте Маджіоре, ограничиваемый съ сѣвера и юга двумя поперечными, глубоко врѣзывающимися долинами. Еще замѣтнѣе изолированность Канинкофеля, близъ Флича, который, представляя собою окруженное со всѣхъ сторонъ крайне дикими скалистыми уступами известковое плато при длинѣ въ $5/4$ и ширинѣ почти 3,5 килом.; средняя высота его можетъ быть опредѣлена

въ 2,050—2,200 метр. Самая высокая вершина Канинкофеля, собственно Канинкофель, достигаетъ высоты даже 2,679 метр.; расположенный къ сѣверо-востоку отъ него Престрельникъ лишь немного уступаетъ ему по высотѣ. Эта колоссальная известковая глыба безъ сомнѣнія представляетъ наибольшую массу среди общей возвышенности Юлійскихъ Альпъ, и понятно, поэтому, что его вершина большую часть года покрыта снѣгомъ, хотя на ней и не встрѣчается глетчеровъ. Подобное же впечатлѣніе почти полной оторванности отъ всѣхъ окружающихъ горъ производитъ на путешественника и Вишбергъ (2,658 метр.), на возвышенности прохода Предиль. Но и другія, менѣе значительныя части этой горной системы, имѣющія форму то гребней, то ящиковъ, на первый взглядъ представляются изолированными массами, т. е. кажется, что онѣ или совершенно отдѣлены одна отъ другой глубокими вырѣзами долинъ, или же, благодаря оченъ низкимъ сѣдловинамъ, имѣютъ лишь очень незначительную связь между собою. Вообще, по своей разорванности и расчлененности область Юлійскихъ Альпъ почти не имѣетъ себѣ соперниковъ; изъ горъ внутренняго Альпійскаго пояса ее превосходятъ въ этомъ отношеніи развѣ только Доломитовыя Альпы между Эчемъ, Ейзакомъ и Піавою, да западная часть австрійскихъ Известковыхъ Альпъ (между Зальцею- и Энномъ).

Поѣздка по красивой долинѣ Вурценской Савы подтвердитъ эти впечатлѣнія. Непосредственно за Вейссенфельсомъ и Ратшахомъ поднимается грандіозный скалистый обелискъ, Мангартъ (2,675 метр.) и немного позади него—стройная скалистая игла, Ялукъ,—дикіе скалистые исполины, представляющіе рѣзкій контрастъ съ зеленью расположенныхъ у ихъ подножія долинъ. За Ялукомъ начинается столь значительное пониженіе горнаго гребня, что сѣдловина Форшекъ (Vorsec) имѣетъ лишь 1,061 метр. абсолютной высоты. Но вскорѣ затѣмъ гребень горы вновь поднимается до высоты 2,560 метр., въ видѣ гордаго скалистаго Присинига; къ послѣднему съ востока, на другой сторонѣ глубокой зазубрины, примыкаетъ дикій лабиринтъ скалъ, обращенный къ Кронау; здѣсь поднимаются Рацоръ (2,599 м.), Rogica-Urh (2,575 м.) и еще нѣсколько другихъ, почти столь же высокихъ скалистыхъ зубцовъ. Сомнительно, чтобы гдѣ нибудь въ Альпахъ можно было найти болѣе мрачную, пустынную и уединенную мѣстность. Разрушеніе горныхъ массъ здѣсь достигло высшей степени, и глазъ съ изумленіемъ встрѣчаетъ повсюду мрачную картину смерти и запустѣнія. Чудовищныя массы валуновъ, наполняющія широкое ложе впадающаго въ Саву близь Кронау ручья Пишенка (Pisenca), свидѣтельствуютъ о совершавшейся здѣсь нѣкогда бѣшеной борьбѣ стихій.

Эти известковыя образованія, столь разнообразныя по своимъ формамъ и часто очень вычурныя, сообщаютъ много прелести верхней долинѣ Савы, между Вурценомъ и Асслингомъ. Сюда присоединяются и горы сѣверной стороны долины, т. е. Караванкскія горы, которыя, при умѣренной высотѣ, отлого спускаясь къ Савѣ, къ востоку постепенно возвышаются. До Асслинга болѣе живописные виды находятся въ области Юлійскихъ Альпъ; далѣе наиболѣе красивые пейзажи сосредоточиваются на сторонѣ Караванкскихъ горъ, которыя невольно обращаютъ на себя вниманіе своими рѣзко очерченными вершинами; таковы Голика, Кочна (Kocna), Stou-Urh и др. Къ упомянутымъ грандіознымъ и великолѣпнымъ возвышенностямъ нужно еще присоединить очаровательныя пестрыя лощины, быстрое чередованіе луговъ, лѣсовъ, полей, красивые крестьянскіе дворы, архитектура которыхъ въ немногомъ лишь уклоняется отъ архитектуры Тироля, и которые въ общемъ свидѣтельствуютъ о зажиточности жителей, красивыхъ и сильныхъ. Все это, взятое въ совокупности, даетъ право считать эту мѣстность одною изъ наиболѣе привлекательныхъ во всей области Альпъ и, пожалуй, во всей Европѣ.

Характеристическою особенностію Юлійскихъ Альпъ является полное отсутствіе покрововъ на всѣхъ болѣе возвышенныхъ частяхъ горъ и чудовищныя пространства валуновъ, покрывающихъ склоны горъ, долины и котловины. Кажется, что жгучіе лучи солнца, согрѣвающіе эту мѣстность, содѣйствовали лишь разрушающимъ силамъ природы, не возбуждая ея болѣе высокой, творческой и оплодотворяющей дѣятельности. И это разрушеніе горъ тѣмъ замѣчательнѣе, что составляющія ихъ горныя породы тѣ же самыя, что и въ противоположныхъ имъ на сѣверной сторонѣ Среднихъ Альпахъ. Еще грандіознѣе этотъ процессъ разрушенія въ собственномъ Карстѣ. Впрочемъ явленія, наблюдаемыя на Карстѣ, повторяются въ одинаковой или аналогичной формѣ и на многихъ другихъ известко-

выхъ горахъ. Обыкновенно названіе «Карстъ» распространяется на всѣ подобные случаи, такъ что въ настоящее время съ этимъ именемъ соединяется опредѣленное морфологически-географическое понятіе. Въ область собственнаго Карста входятъ отчасти коронныя земли Крайны и побережье Адріатики съ полуостровомъ Истріею. Здѣсь, у подножія Карста, въ сѣверной части Истріи, находится важный торговый городъ Тріестъ, расположенный на довольно открытомъ заливѣ, а на востокѣ Истріи, на болѣе глубокомъ, украшенномъ четырьмя значительными островами заливѣ Кварнеро,—важная торговая гавань Фіуме.

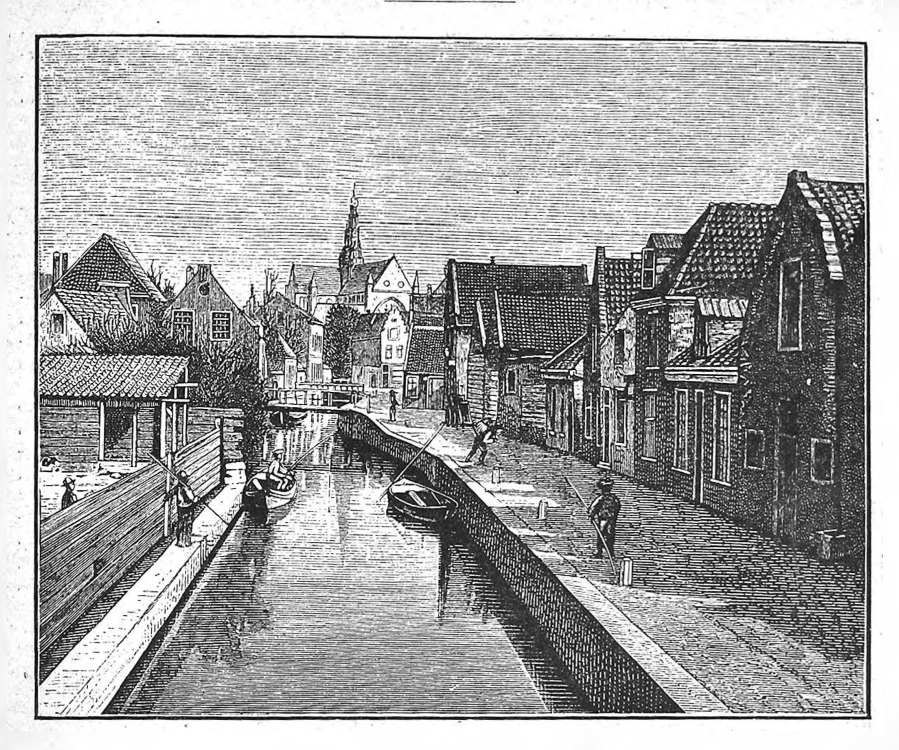
Въ то время, какъ на плодородныхъ прибрежныхъ равнинахъ Адріатическаго моря поднимаются пышные вѣчно-зеленые лѣса, выше, на бѣлыхъ известковыхъ скалахъ (975—1,300 метр.) Карста царитъ печальнѣйшая пустыня. Формы Карста—по большей части возвышенныя плато, круто спускающіяся къ морю, часто совершенно голыя или покрытыя лишь тонкимъ слоемъ земли. Здѣсь не встрѣчается ни дерева, ни кустарника, ни источника; однѣ только голыя кучи камней покрываютъ пустынные хребты возвышенности. Карстъ представляетъ исполинское скважистое образованіе, подземныя естественныя сообщенія котораго составляютъ одну гидрографическую сѣть. Такъ какъ въ Карстѣ, строго говоря, нѣтъ долинъ, или по крайней мѣрѣ продольныхъ долинъ, то текучія воды встрѣчаются лишь, такъ сказать, отрывками, на протяженіи лишь нѣсколькихъ километровъ отъ истоковъ до впаденія ихъ въ какую-нибудь неизмѣримую пропасть. Съ трудомъ извиваются онѣ по желобообразнымъ углубленіямъ, и при самомъ своемъ началѣ приводятъ въ движеніе мельницы и затѣмъ соединяются съ другими ручьями. Съ крайнихъ, поросшихъ скуднымъ лѣсомъ холмовъ, замыкающихъ на югѣ панораму Лайбахскаго болота, путешественникъ сперва поднимается по умѣренно восходящей дорогѣ на крутые склоны; здѣсь его окружаютъ могучіе стволы деревьевъ и разросшійся кустарникъ, который заполняетъ глубокіе, сбѣгающіе съ гребней овраги. То здѣсь, то тамъ лежатъ большіе камни, гладко отполированные силою падающаго дождя. Черничникъ образуетъ вокругъ нихъ свѣтло-зеленые вѣнки, и маленькія ящерицы шмыгаютъ по ихъ блестящей поверхности. Къ югу картина становится болѣе однообразною. Острые гребни горъ начинаютъ подкашиваться, уступая мѣсто формамъ многореберного скелета; на западной сторонѣ покрытый мрачными лѣсами Бирнбауемервальдъ сплачивается съ могучимъ кубомъ скалъ. Наносъ, отъ безплодныхъ стремнинъ котораго къ югу и юго-востоку сбѣгаютъ волнистыя террасы. Въ воронкообразной впадинѣ извивается коротенькій потокъ Унцъ; онъ вытекаетъ у Планины и на сѣверѣ, недалеко отъ Якобовица, низвергается въ пропасть. А вотъ—горные склоны, со своими рѣзко выдающимися на югъ ребрами, образующими далѣе по обѣимъ сторонамъ Пойкской долины волнистое каменное море,—грозятся на насъ первыми черными отверстіями извѣстнѣйшихъ въ мірѣ гротовъ. Близь древняго замка Луэлъ находится до пяти такихъ гротовъ: Большой гротъ, Гротъ Замка, около него Бельведерскій, Верхній и Нижній гроты Локва. Замѣчательнѣе другихъ Адельсбергскій и гротъ Магдалины. Другую достопримѣчательность составляетъ лежащее на востоку отъ Адельсберга озеро Циркницкое, которое, смотря по времени года, то съ избыткомъ наполнено водою, то оказывается пригоднымъ для земледѣлія. Къ югу картина все болѣе и болѣе оживляется. Предъ глазами наблюдателя открывается цѣлый міръ каменныхъ образовъ: они какъ будто хотятъ помочь фантазіи бѣднаго, ничтожнаго человѣческаго существа въ изображеніи одного изъ моментовъ той мощной доисторической борьбы стихій, которая навѣрное останется выше нашихъ представленій. Здѣсь все застыло, какъ-бы по мановенію волшебства. Зубчатые гребни волнъ стоятъ неподвижно, какъ будто удержанные эонами; оцѣпенѣлые валы, каменные памятники прежнихъ бурь, окружаютъ плоскую стѣну возвышающейся предъ зрителемъ въ видѣ острова горы, и волнистыя долины гармонически смѣняются волнистыми горами, тянутся на необозримомъ разстояніи, до далекаго горизонта, гдѣ тоны горъ уже перестаютъ дрожать, утопая въ сѣдомъ туманѣ. Но эта картина въ концѣ концевъ пробуждаетъ въ наблюдателѣ идею оцѣпенѣнія, смерти. Безконечно нѣмое, какъ ни одна изъ мѣстностей Альпійскаго міра, не исключая даже его области фирновъ, широко раскинулось мѣловое каменное море. Въ безплодныхъ стѣнахъ его зіяютъ страшныя расщелины, а искрошившіеся обломки скалъ, свергающихся съ крутизны, вонзаютъ свои острые, пилообразные зубья въ тощій слой почвы. Въ глубинѣ видны отдѣльныя кроны деревьевъ, простирающія изъ зеленыхъ углубленій свои бѣдныя листьями вѣтви. Ни одинъ

звукъ птичьей пѣсни не раздается съ ихъ, колеблющихся вѣтвей; лишь съ гладкаго склона ближайшаго холма слышится однообразное трещанье насѣкомыхъ, или зашелеститъ въ сухомъ дубовомъ кустарникѣ убѣгающая змѣя. Солнце жжетъ невыносимо. Вотъ вытянулся зазубренный гребень горъ, похожій на хребетъ щитоносной ящерицы, поросшій отдѣльно стоящими елями. Меланхолически кричитъ залетѣвшая сорока, усѣвшись на оголенномъ суку одной изъ елей, и долго кричитъ, пока легкій вѣтерокъ, напитанный запахомъ деревни, не укажетъ ей желанной дороги. Высоко въ безоблачной дали звучитъ крикъ коршуна, а въ тѣсныхъ проходахъ между камнями слышится равномѣрное порханье улетающей куропатки. Это уединенность пустыни. Голова тяжелѣетъ отъ удушливаго зноя, кожа трескается подъ палящими лучами солнца, а острые, накалившіеся осколки камней рѣжутъ подошвы. Ни деревушки, ни дома на нѣсколько миль вокругъ. Тамъ, на ближайшемъ выступѣ скалы, блеститъ красная черепичная крыша домика, принадлежащаго желѣзнодорожному сторожу. Это—оазисъ въ каменистой Сахарѣ. Подобные оазисы, обработываемые и обитаемые, разсѣяны по одиночкѣ въ видѣ воронкообразныхъ углубленій, называемыхъ „долинами", и только здѣсь можно встрѣтить пріютившуюся жизнь. Почва и края этихъ воронокъ покрыты лугами, полями, садами, но внутреннее пространство ихъ бываетъ такъ незначительно, что на немъ едва помѣщается нѣсколько деревьевъ. Впрочемъ, тишина здѣсь далеко не обычное явленіе: бываютъ моменты, когда въ ущельяхъ раздаются удары грома, въ оврагахъ—глухія завыванья, а отъ скалистыхъ стѣнъ разносятся надъ „долинами" дрожащіе мелодическіе звуки. Это—„бора", страшная сѣверо-восточная буря, врагъ всякой растительности. Подъ ея ударами ломаются послѣднія тонкоствольныя ели, раздробленная скала скатывается на обсѣмененную долину, кое-гдѣ покрытую растеніями на перегнойномъ покровѣ и, если буря застигнетъ растительность въ періодъ цвѣтенія, — цвѣтневая пыль разносится по окружающимъ камнямъ, и оплодотвореніе становится невозможнымъ.

Королевство Нидерланды.

На крайнемъ сѣверо-западѣ того обширнаго пространства, которое мы называемъ Среднею Европою, расположены два сосѣднія государства—королевство Нидерланды и Бельгія. Какъ извѣстно, названіе «Нидерланды» служитъ лишь политическимъ наименованіемъ королевства, которое обыкновенно для краткости называютъ Голландіею. Мы уже имѣли случай говорить объ этой области дельты Рейна, которая замѣтнымъ образомъ распадается на двѣ части. И хотя Голландія сплошь населена чисто германскимъ племенемъ, тѣмъ не менѣе въ каждой изъ этихъ двухъ частей постепенно развилась оригинальная государственная и народная жизнь, и едва-ли возможно гдѣ-либо въ другомъ мѣстѣ съ большимъ удобствомъ наблюдать и изучать вліяніе строенія почвы и другихъ внѣшнихъ географическихъ условій на развитіе народа. Для сѣверныхъ жителей Рейнъ служилъ защитою отъ нападенія южныхъ сосѣдей; для южанъ онъ въ свою очередь являлся надежною оборонительною линіею со стороны сѣвера.

Нижне-нѣмецкое племя, фламандцы, сдѣлали Шельду своею главною рѣкою, густо заселили и превосходно обработали всѣ мѣстности по ея теченію. Кромѣ фламандцевъ, которые составляютъ 13% всего населенія Голландіи и живутъ въ Сѣверномъ Брабантѣ и Лимбургѣ,—въ нидерландскомъ Лимбургѣ живетъ еще незначительное количество (2%) нижнихъ нѣмцевъ. Главный же контингентъ населенія составляютъ голландцы, потомки древняго германскаго племени батавовъ; составляя въ общемъ 71% населенія, они заселяютъ провинціи: Голландію, Зеландію, Утрехтъ и Гельдернъ. Остальные 14% приходятся на долю фризовъ,—народъ также германскаго племени, живущій въ Фрисландіи, Гренингенѣ, Дрентѣ, Оберъ-Исселѣ, но прежде до прорыва Зюдерзе они занимали несомнѣнно и всю нынѣшнюю Сѣверную Голландію. И въ настоящее время наблюдатель



Старый каналъ въ Гарлемѣ.

поражается рѣзкимъ сходствомъ въ обычаяхъ и даже въ костюмахъ между Сѣверною Голландіею и Фрисландіею. Вышеизложенное достаточно обнаруживаетъ существованіе естественнаго раздѣленія нидерландовъ на двѣ части, сѣверную и южную. Какъ природа страны, такъ и населеніе дѣлятся на двѣ различныя части. Жители южной части нидерландовъ подпадали вліяніямъ и господству чуждыхъ южныхъ государствъ, тогда какъ сѣверные нидерландцы искони были свободолюбивыми островитянами; они занимались по преимуществу рыбною ловлею и мореплаваніемъ, а фламандцы сидѣли по большей части внутри страны. Поэтому вполнѣ естественно, что сѣверяне распространили свое вліяніе и на острова Зеландіи, или на архипелагъ рѣки Шельды. Зеландцы, „зевы" (Zeews), какъ ихъ называютъ въ Голландіи,— народъ родственный собственно голландцамъ; подобно послѣднимъ, они тоже островитяне. Въ политическихъ движеніяхъ они примыкаютъ къ голландцамъ, хотя фламандцы могутъ заявлять и дѣйствительно заявляютъ притязанія на архипелагъ Шельды, какъ на свою собственность. Сѣверъ — повсюду болѣе суровый, младшій братъ юга; нравы и языкъ, характеръ и обычаи того и другого мало по малу пріобрѣтаютъ все болѣе и болѣе самостоятельный, отличный одинъ отъ другого отпечатокъ. Такимъ образомъ произошло значительное расщепленіе бельгійско-батавскаго племени на двѣ семьи: голландскую, или сѣверную, и фламандскую, или южную. Разница между сѣверомъ и югомъ Нидерландовъ точно отражается въ климатическихъ различіяхъ, во всѣхъ чертахъ, свойственныхъ странѣ и населенію, въ растительномъ мірѣ, въ земледѣліи, въ костюмѣ, въ нравахъ и др. особенностяхъ обывателей. И врядъ-ли это раздѣленіе между обѣими частями страны, имѣющее подъ собою естественное основаніе, когда-нибудь сгладится на болѣе или менѣе продолжительное время.

Въ этнографическомъ отношеніи голландцы и фламандцы составляютъ единый народъ, рѣзко отличающійся отъ сосѣдей, нѣмцевъ, и своими нравами, и общественнымъ устройствомъ. Между голландцами и нѣмцами не существуетъ какой-либо естественной границы, но едва вступивъ на почву Голландіи, сразу же чувствуешь себя въ странѣ, отстоящей отъ родины (Германіи) на нѣсколько сотъ миль, гдѣ жителю континента все кажется чуждымъ

Гавань на Зюдерзее.

и страннымъ. Еще не такъ давно оспаривалась вообще національность нидерландцевъ, и различіе ея отъ нѣмецкой видѣли лишь въ области языка. Но это мнѣніе совершенно ошибочно и въ научномъ отношеніи несостоятельно. Голландскій и вполнѣ тождественный съ нимъ фламандскій языки не представляютъ собою нарѣчій или говоровъ нѣмецкаго языка и поэтому ни въ какомъ случаѣ не могутъ считаться дѣтищемъ послѣдняго; они отстоятъ отъ него такъ же далеко, какъ, напр., англійскій языкъ, потому что каждый изъ нихъ имѣетъ отдѣльное происхожденіе. Мало того, — сѣверо-германскій языкъ также далеко стоитъ отъ голландскаго и англійскаго, какъ и отъ нижне-германскаго. Такимъ образомъ не можетъ быть даже и рѣчи о прямомъ, непосредственномъ родствѣ между упомянутыми языками. То же самое можно сказать и относительно населенія Голландіи. Для знатока не можетъ быть ни малѣйшаго сомнѣнія въ томъ, что если какой народъ имѣетъ право считать себя особою національностію, такъ это именно голландцы. Ни одинъ изъ народовъ германской семьи, исключая англичанъ, представляющихъ въ этническомъ отношеніи сильную смѣсь,—не имѣетъ столь ясно выраженнаго характера, какъ голландцы. Ихъ языкъ, физическое и психическое развитіе, нравы и обычаи столь же самостоятельны, оригинальны, какъ и ихъ великая исторія и прошлое ихъ государственной жизни. Голландцы — народъ, такъ сказать, вылитый за одинъ пріемъ. Нравы и обычаи ихъ гораздо болѣе сходны съ англійскими, чѣмъ съ нѣмецкими, и голландцы хорошо сознаютъ эту разницу. Поэтому голландецъ вовсе не интересуется нѣмцемъ; послѣдній встрѣтилъ бы энергичное сопротивленіе, еслибы вздумалъ захватить влажные луга Голландіи.

Въ характерѣ голландскаго народа есть одна черта, рѣзко отличающая его отъ его сосѣдей-нѣмцевъ,—это замкнутость по отношенію къ иноземцамъ. Тѣмъ не менѣе, доступъ въ голландское семейство гораздо легче, чѣмъ думаютъ; въ голландской семьѣ вы не замѣтите ни малѣйшей холодности, и пріемъ, даже со стороны женщинъ, всегда бываетъ сердечный, радушный. Этому много способствуетъ комфортъ голландскихъ жилищъ, устройство которыхъ составляетъ предметъ гордости хозяйки дома.

Каждая семья, по образцу Англіи, живетъ въ отдѣльномъ, по большей части собственномъ домѣ. Житье подъ одной кровлей съ чужими немыслимо, невыносимо для голландца. Само собою разумѣется, въ собственномъ домѣ господствуютъ всевозможныя удобства и роскошь, пріятно поражающія входящаго въ домъ иностранца; это нужно сказать не только о большихъ городахъ Голландіи, какъ напр. Амстердамѣ, Гагѣ, Роттердамѣ, но и относительно самыхъ маленькихъ городовъ востока, мало посѣщаемаго даже голландцами, каковы Цвэлле, Леевардена, Гренингена и т. д. Автору этой книги разсказывали въ Цволле, что частныя общества строятъ, большею частью внѣ городовъ, на какомъ-нибудь каналѣ (Gracht), маленькіе домики для бѣдняковъ. нанимаемые у нихъ послѣдними за дешевую плату вмѣстѣ съ принадлежащимъ къ жилищу клочкомъ огородной земли, такъ что всякая семья, какъ бы ни была она несостоятельна, имѣетъ возможность жить въ своемъ домѣ. При еженедѣльномъ, нѣсколько увеличенномъ взносѣ, эти домики постепенно переходятъ въ руки нанимателя. Этою рѣзко выраженною любовью голландца къ прелестямъ sweet

home, объясняются нѣкоторыя черты его исторіи и прежде всего—любовь къ независимости, которая остается недостижимою для его сосѣдей. Точно также отъ внимательнаго наблюдателя не можетъ укрыться то обстоятельство, что въ Голландіи все имѣетъ величественный характеръ. Голландецъ, еслибы онъ и не былъ такъ закаленъ въ борьбѣ съ „мокрымъ элементомъ", у котораго онъ отнимаетъ по клочкамъ свою страну, все-таки долженъ былъ бы быть названъ англичаниномъ континента. На улицахъ вы можете прочесть вывѣски надъ лавками, содержащими предметы для снаряженія въ Остъ и Вестъ-Индію (uitrusting voor Oost-en West-Indië); здѣсь пароходное общество извѣщаетъ объ отплытіи въ Америку; тамъ комиссіонерство (Kantoor) принимаетъ порученія въ Бразилію; наконецъ, книжный магазинъ предлагаетъ сочиненія, относящіяся спеціально къ вопросамъ мореплаванія и колоній. Во время парада въ Гагѣ полковникъ украшаетъ орденомъ грудь офицера, сражавшагося на далекомъ Борнео, и повсюду слышны чуждыя нашему уху названія Малайскаго архипелага; даже въ элегантныхъ салонахъ можно слышать, какъ молодыя дамы и кавалеры объясняются между собою на мягкомъ яванскомъ языкѣ; почти каждый человѣкъ, принадлежащій къ высшему сословію, былъ, по крайней мѣрѣ, одинъ разъ, въ Индіи; сыновья среднихъ по состоянію купеческихъ семействъ отправляются учиться дѣлу на Яву или въ Бразилію, и ни одна мать не страшится опасностей труднаго морского путешествія, большихъ разстояній и продолжительной разлуки. Проживши нѣсколько лѣтъ подъ тропиками, познакомившись съ чужими краями, 24-хълѣтній молодой человѣкъ возвращается домой съ зрѣлыми, установившимися взглядами. Если же молодой человѣкъ не принадлежитъ къ торговому сословію, то ему приходится служить на восточно-азіатскомъ архипелагѣ въ качествѣ чиновника или солдата.

Голландія — первое послѣ Англіи колоніальное государство. Королевство Нидерланды,—въ Голландіи всегда говорятъ «Нидерланды», такъ какъ подъ именемъ «Голландіи» разумѣются только двѣ провинціи,—Сѣверная и Южная Голландія,—представляетъ собою наслѣдственное конституціонное государство, занимающее площадь въ 33,000 кв. килом., съ 4.733,000 жителей. Совершенно отдѣленное отъ Голландіи, великое герцогство Люксембургъ (2,587 кв. килом. и 211,000 жит.) до 1890 года было связано съ короною только личнымъ союзомъ; послѣ смерти короля Вильгельма III надъ нейтрализованнымъ въ 1867 г. великимъ герцогствомъ принялъ бразды правленія Адольфъ Нассаусскій. Король Нидерландовъ раздѣляетъ свою власть съ генеральными штатами — законодательными собраніями, состоящими изъ двухъ палатъ; въ Люксембургѣ великій герцогъ раздѣляетъ власть съ собраніемъ сословныхъ представителей. $^3/_5$ всего населенія Голландіи исповѣдуютъ протестантскую религію, и почти $^2/_5$— католическую. Евреевъ здѣсь насчитывается почти 100,000 (изъ нихъ 30,000 живетъ въ Амстердамѣ), такъ что Нидерланды принадлежатъ къ числу наиболѣе богатыхъ евреями странъ германской Европы.

Вооруженныя силы страны, занимающейся преимущественно торговлею, распадаются на двѣ арміи: европейскую (66,000 чел.) и азіатскую (34,500 чел.), рядомъ съ которыми имѣются такъ называемые „Schuttereij", т. е. общинные стрѣлковые корпуса, но организація ихъ внушаетъ мало довѣрія. Гораздо внушительнѣе морскія силы этого небольшого государства: въ военномъ флотѣ насчитывается до 100 судовъ, съ 562 орудіями и 7,000 человѣкъ экипажа.

Рядомъ съ обширною торговлею населеніе Голландіи, — главнымъ образомъ жители дюнъ,— съ рѣдкостною смѣлостью и ловкостью занимается рыбною ловлею на морѣ, а въ восточныхъ провинціяхъ, въ широкихъ размѣрахъ,—скотоводствомъ. Духовная культура въ Голландіи стоитъ на высокой ступени. Хотя обязательность обученія существуетъ лишь номинально, тѣмъ не менѣе на школьное дѣло обращено большое вниманіе; въ каждой, самой маленькой деревушкѣ имѣется красивая школа. Равнымъ образомъ прекрасно организовано дѣло общественной благотворительности: нищенство въ этомъ счастливомъ и богатомъ государствѣ совершенно неизвѣстно.

Каждый работаетъ, гдѣ только возможно; процвѣтаетъ широко-развитая промышленность, и вся Голландія служитъ доказательствомъ того, что въ теченіе четырехъ послѣднихъ вѣковъ здѣсь прилежно работали. Но и теперь здѣсь не сидятъ сложа руки, а работаютъ дальше, пользуясь услугами трудоваго, но богатаго капитала. Всегда, покидая Голландію, вспоминаешь изрѣченіе: „beati possidentes“.

Нидерланды состоятъ изъ 11 провинцій, къ которымъ присоединится и двѣнадцатая, если только осуществится предполагаемое осушеніе Зюдерзе. Резиденціею правительства и королевы служитъ Гаага ('s Gravenhage), въ которой насчитываютъ до 175,000 жителей, — одинъ изъ наиболѣе привлекательныхъ и красивыхъ городовъ Европы. Но дѣйствительною столицею страны слѣдуетъ считать Амстердамъ (447,000 жит.), который принадлежитъ къ числу замѣчательнѣйшихъ и оригинальнѣйшихъ городовъ во всемъ мірѣ. Своеобразная народная жизнь Амстердама,—остатки древнихъ нравовъ и обычаевъ, его оживленность могутъ заинтересовать даже того, кто знакомъ съ половиною свѣта. Перерѣзанный каналами (Gracht), онъ до извѣстной степени напоминаетъ Венецію. Обыкновенно о немъ говорятъ исключительно какъ только о торговомъ городѣ, и не надѣются встрѣтить здѣсь ничего особенно интереснаго, кромѣ нѣсколькихъ домовъ съ фронтонами и дома Рембранта, такъ какъ голландскіе каналы, купцы и поразительная чистоплотность Нидерландовъ едва-ли могутъ быть причислены къ этой категоріи. Правда, Амстердамъ далеко не можетъ хвастать роскошными постройками; здѣсь совсѣмъ нѣтъ дворцовъ, хотя величественные, такъ называемые «Dam» съ церковными постройками все же заслуживаютъ упоминанія; эта, если можно такъ выразиться, мелкая архитектура, эти зданія, при всей своей заурядности, заключаютъ въ себѣ много художественнаго элемента, много красокъ, причемъ красота ихъ оттѣняется общею атмосферою города и усиливается свѣтовыми эффектами отраженій на поверхности воды. Амстердамъ безъ сомнѣнія принадлежитъ къ числу наиболѣе важныхъ торговыхъ центровъ Сѣвернаго моря; второе мѣсто послѣ него занимаетъ цвѣтущій Роттердамъ (230,000 жит.), на Маасѣ.

Далѣе мы встрѣчаемъ нѣсколько скученныхъ на тѣсномъ пространствѣ, различныхъ по значенію городовъ: Дельфтъ, Гаарлемъ, Шидамъ, два университетскіе города — Лейденъ и Утрехтъ, Дордрехтъ и т. д. Въ восточныхъ провинціяхъ находятся Цволле, Лееварденъ и Гронингенъ, не лишенные нѣкотораго значенія. На сѣверной оконечности полуострова С.-Голландіи лежитъ красивый военный портъ Гельдеръ, а вокругъ Зюдерзе раскинулось множество нѣкогда очень блестящихъ, пышныхъ и богатыхъ, а теперь очень скромныхъ мѣстъ, которыя по справедливости можно назвать „мертвыми городами Зюдерзе“. Какъ ни жалко положеніе такихъ „мертвыхъ городовъ“, какъ напр., Гинделопенъ, Мольквerумъ, Эдамъ, Горнъ, Энкуизенъ, Медембликъ, Ставоренъ, тѣмъ не менѣе есть нѣкоторыя основанія предполагать, что въ недалекомъ будущемъ ихъ ожидаетъ лучшая судьба. Какъ Ніеве-Діеппъ и Гарлингенъ уже воскресли для новой жизни, такъ и Горнъ, Энкуизенъ, Ставэренъ и всѣ другіе города пробудятся отъ своей летаргіи, напоминающей смерть, какъ только будетъ разрѣшена та великая проблема, надъ которою уже нѣсколько десятилѣтій безостановочно работаетъ голландская мысль. „Осушеніе Зюдерзе“ — вотъ та магическая формула, которая должна уничтожить острова, измѣнить нравы, смѣшать нарѣчіе, вызвать изъ-подъ соленой воды плодородную культурную площадь, новую провинцію, новый народъ, новый міръ. Нынѣшніе приморскіе города превратятся во внутренніе, ихъ гавани будутъ засыпаны, но могучіе пути сообщенія—желѣзныя дороги и всевозможные водные пути проведутъ ихъ въ непосредственное соприкосновеніе съ замкнутымъ теперь для нихъ внѣшнимъ міромъ; для нихъ от-

кроются сами собою новые источники заработковъ, и тамъ, гдѣ смерть уже распространила свое тлетворное дыханіе, надъ городами и селами повѣетъ новый духъ и вызоветъ такую, давно несуществовавшую, жизнь, при которой никогда не возникли бы мертвые города на Зюдерзе. Осуществленія этихъ проектовъ ожидаютъ въ близкомъ будущемъ.

Королевство Бельгія.

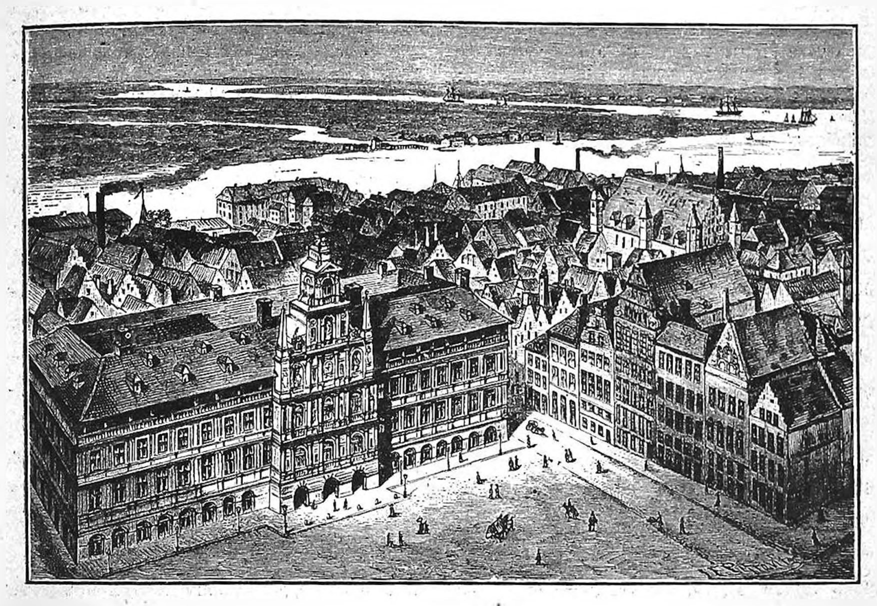
Современное намъ королевство Бельгія занимаетъ площадь въ 29,460 кв. килом. и имѣетъ 6.263,000 жителей, большая часть которыхъ исповѣдуетъ католическую религію. Съ 1890 года Бельгія объявлена нейтральною, конституціонною наслѣдственною монархіею, съ двумя палатами, члены которой избираются непосредственно народомъ. Войско въ мирное время состоитъ болѣе, чѣмъ изъ 50,000 солдатъ и, въ случаѣ надобности, можетъ быть усилено такимъ же количествомъ національной гвардіи; флотъ, вслѣдствіе незначительнаго протяженія бельгійской береговой линіи, располагаетъ очень ограниченнымъ количествомъ судовъ. Въ административномъ отношеніи государство раздѣляется на девять провинцій: Брабантъ, Восточную Фландрію, Западную Фландрію, Антверпенъ (Anvers), Геннегау (Hainaut), Немюръ, Люттихъ (Льежъ), Лимбургъ и Люксембургъ. Сравнительно съ незначительнымъ пространствомъ, занимаемымъ Бельгіею, она владѣетъ слишкомъ большимъ количествомъ городовъ, которые оказываются неоспоримо важными и по положенію, занимаемому ими въ современной промышленности, и — по достопримѣчательностямъ, которыя обнимаютъ собою всѣ эпохи европейской исторіи.

Промышленный Вервье (Verviers, 50,000 жителей) — первый изъ большихъ бельгійскихъ городовъ, лежащій на пути изъ Германіи, представляетъ зрителю необычайно блестящую картину города. Это—городъ съ широкими улицами, застроенный почти сплошь домами изъ свѣтло-сѣраго камня въ современномъ и изящномъ вкусѣ, съ почти плоскими крышами и множествомъ виллъ, имѣющій поэтому очень привлекательный видъ. Отсюда до Люттиха тянется Весдра, притокъ Урты. Долина этой горной рѣчки, равно какъ и многочисленныя, соединяющіяся съ нею поперечныя долины отличаются необыкновенною живописностью. Въ одной изъ нихъ находится знаменитый своими желѣзистыми источниками курортъ Спа (6,000 ж.), бельгійскій Баденъ-Баденъ. Внизу по теченію Весдры на разные лады шумятъ, стучатъ и свистятъ различныя промышленныя заведенія. Долина Зеккера или Яара, на сѣверъ отъ этой рѣчки, является центромъ соломенныхъ издѣлій, составляющихъ совершенно мѣстный доходный промыселъ. Мѣстные жители отличаются особеннымъ благосостояніемъ, а также любезностью и тонкимъ обращеніемъ. На западѣ отсюда восхитительная, то-же холмистая мѣстность одѣта густымъ покровомъ нѣжной зелени, богато орошена и почти исключительно предназначена для скотоводства. Совершенно иныя картины представляетъ въ ландшафтномъ, сельскохозяйственномъ и этнографическомъ отношеніи суровый Кондрозъ, къ востоку отъ расположенныхъ на Маасѣ городовъ: Люттиха, Хюи, Немюра и Динанта, ограничиваемый на востокѣ Уртою, а на югѣ — Лессою, самою красивою рѣкою Бельгіи. Нынѣшнее населеніе Кондроза, какъ и всей пограничной съ Пруссіею полосы и южной гористой части Бельгіи, состоитъ преимущественно изъ валлоновъ. Эта однообразная печальная мѣстность представляетъ широкую, безлѣсную волнистую поверхность, которая тянется на подобіе оцѣпенѣвшихъ колоссальныхъ валовъ вдоль теченія Мааса. По всякой низинѣ текутъ въ зеленыхъ берегахъ луговъ маленькіе ручьи. Западный берегъ Лессы принадлежитъ уже собственнымъ Арденнамъ. Въ сосѣднихъ съ Бельгіею странахъ трудно найти мѣстность, которая приносила бы такъ мало пользы человѣку, а своими первобытными лѣсами и дикими формаціями представляла бы столь примитивный видъ необузданной природы, какъ Бельгійскіе Арденны, гдѣ и въ настоящее время во мно-

жествѣ водятся волки и дикіе кабаны. Продолжая путь, мы достигаемъ мрачнаго, закоптѣлаго Люттиха (Льежь, 160,000 жит.), центральнаго пункта каменноугольнаго и желѣзнаго производствъ. Въ неистощимыхъ каменно-угольныхъ залежахъ, тянущихся въ нѣдрахъ земли многочисленными (до 61 числомъ) пластами, рудокопъ спускается на глубину въ 600 метровъ. Горное дѣло и желѣзное производство привлекаютъ къ себѣ значительную часть населенія, мужчинъ и женщинъ (вблизи Люттиха находится Серенъ (Serainy), самый крупный чугунно-литейный заводъ въ Бельгіи), и поэтому Люттихъ не безъ основаній называютъ огненною геенною женщинъ. Но въ Люттихѣ лишь первое впечатлѣніе дѣйствуетъ отталкивающе; вблизи желѣзнодорожнаго вокзала, надъ однообразными закоптѣлыми фабричными корпусами поднимается цѣлый лѣсъ дымовыхъ трубъ. Но тѣмъ интереснѣе и внушительнѣе зато становится внутренняя часть города, съ ея древними фронтонными домами, чудесными готическими церквами и соборами. Ближайшая станція за Люттихомъ, Вареммъ, нынѣ незначительное мѣстечко, — прежде было главнымъ городомъ богатаго и могущественнаго, донынѣ плодороднаго округа—Гесбена; здѣсь живетъ очень красивое валлонское племя,—черноволосые, курчавые, высокорослые мужчины вполнѣ сохранили настоящій первобытный типъ валлонца. Синяя блуза здѣсь, какъ и во всей почти Бельгіи,—обычный костюмъ для средняго и низшаго сословій. Чрезъ Тирлемонъ мы достигаемъ Лёвена, съ его высокою, красивою ратушею, истиннымъ перломъ готической архитектуры. Лёвенъ (Louvain)—нѣкогда могущественный и богатый главный городъ Брабанта, нынѣ—падшее величіе, провинціальный городъ съ 41,000 жителей и строго-католическимъ университетомъ. Единственная, однако довольно значительная отрасль промышленности—пивовареніе, но продукты этого производства столь же мало могутъ удовлетворить нашему вкусу, какъ и доктрины упомянутаго высшаго учебнаго заведенія. Левенъ расположенъ неподалеку отъ блестящой столицы страны, Брюсселя.

Брюссель (Brüxelles), насчитывающій вмѣстѣ съ восемью сосѣдними общинами свыше 500,000 жителей, состоитъ собственно изъ двухъ городовъ, изъ которыхъ одинъ, южный, расположенъ значительно выше другого, сѣвернаго. Плато сѣвернаго города спускается къ югу постепенно, такъ что оказалось возможнымъ соединить обѣ части города линіями конножелѣзныхъ дорогъ. Но въ одномъ мѣстѣ, среди города, плато спускается очень круто, и съ каменнаго бруствера, возведеннаго по краю небольшой площади, открывается великолѣпный видъ на нижній городъ, который, какъ болѣе древняя германская часть Бругзеля (въ переводѣ—мостъ), заключаетъ въ себѣ наиболѣе древнія и значительныя зданія: ратушу, церковь св. Гудулы и т. д. На упомянутой площадкѣ воздвигнута колоссальная колонна, похожая на Вандомскую колонну въ Парижѣ; съ капители этой колонны открывается видъ на весь городъ. Брюссель не безъ основанія называютъ маленькимъ Парижемъ. Здѣсь, какъ въ любой изъ блестящихъ европейскихъ столицъ, имѣются бульвары и красивыя роскошныя зданія; болѣе прекрасный и болѣе величественный, чѣмъ Булонскій лѣсъ, раскинулся на югѣ, вблизи города, Суаньскій лѣсъ, который, напоминая собою величественный паркъ, теряется въ могучемъ, можно сказать, первобытномъ громадномъ лѣсу. А паркъ въ центрѣ верхняго города вполнѣ выдерживаетъ сравненіе съ меньшими парижскими парками, напр., съ паркомъ Монсо. Всевозможныхъ памятниковъ въ Брюсселѣ навѣрное не менѣе, чѣмъ въ равной ему по пространству части Парижа. Но бельгійской столицѣ не хватаетъ одного существеннаго момента, чтобы вполнѣ выдержать хотя относительное сравненіе съ Парижемъ: въ Брюсселѣ нѣтъ хорошей чистой рѣки, нѣтъ Сены, въ которой могло-бы отражаться великолѣпіе города. Небольшая рѣчка Сенна, которою приходится довольствоваться столицѣ столь богатой водою страны, совершенно теряется въ этомъ морѣ зданій и подъ арками мостовъ и оживленныхъ улицъ. Впрочемъ, въ Брюсселѣ имѣется каналъ, идущій къ р. Рупелю, многоводному притоку Шельды, который имѣетъ гораздо болѣе значенія, чѣмъ Сенна. Особенную привлекательность сообщаетъ Брюсселю господствующая здѣсь чистота, опрятность и порядокъ, при всей оживленности городскаго движенія. Жизнь въ Брюсселѣ не имѣетъ той лихорадочной возбужденности и той сутолоки вавилонскаго столпотворенія, которая кружитъ головы жителямъ небольшихъ городовъ, попавшимъ въ Парижъ. Но едва-ли какой-либо иной изъ большихъ городовъ предлагаетъ такъ мало постоянныхъ увеселеній жителямъ, какъ Брюссель.

Неподалеку отъ Брюсселя расположенъ городъ Мехельнъ (Malines, 53,000 жит.); здѣсь находится каѳедра архіепископа и примаса Бельгіи. Этотъ городъ находится въ центрѣ густой сѣти бельгійскихъ желѣзныхъ дорогъ, будучи расположенъ на ярко-зеленой, довольно плоской, но вездѣ плодородной Фландрской низменности; послѣдняя, вмѣстѣ со своими историческими городами,—Гентомъ, Брюгге, Мехельномъ и морскими купаньями,—Остенде и Бланкенберге, отличается не меньшею прелестью и разнообразіемъ, чѣмъ южная гористая часть Бельгіи. Вся страна отъ Брюсселя до того мѣста, гдѣ Сѣверное море



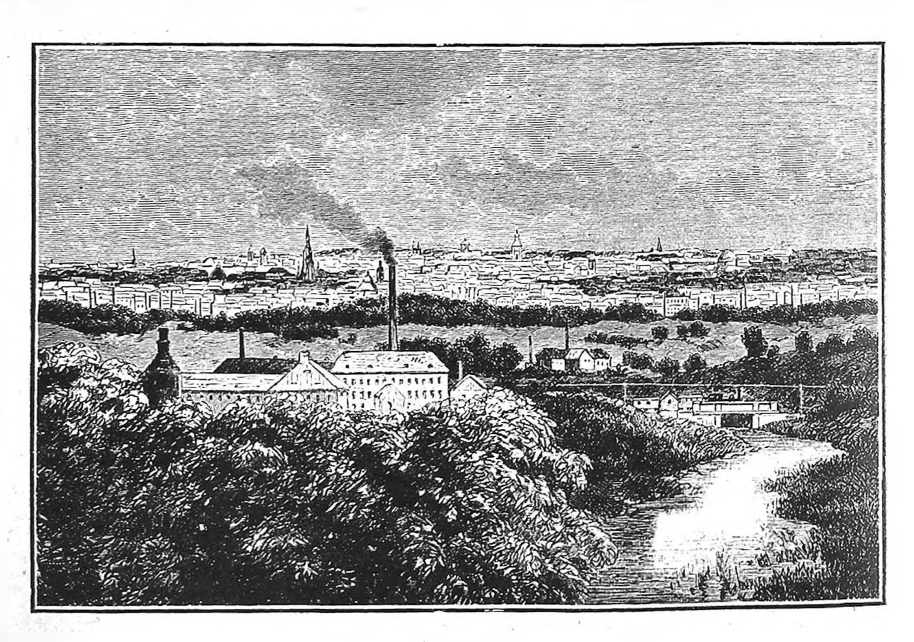
Антверпенъ.

величественно катитъ свои волны къ высокимъ дюнамъ и могучимъ плотинамъ, которыми природа и человѣческая рука оградили эти улыбающіяся равнины,—вся эта страна кажется сплошнымъ большимъ садомъ. Давнишняя, тщательная, безусловно-раціональная культура почвы идетъ здѣсь рука-объруку съ естественнымъ плодородіемъ тучной аллювіальной почвы. Хотя здѣсь и не встрѣчается такихъ обширныхъ запаханныхъ площадей, какъ въ крупныхъ владѣльческихъ округахъ Сѣверной и Средней Германіи, гдѣ, благодаря чрезвычайной густотѣ населенія, земельная собственность раздроблена на безчисленное множество мелкихъ земельныхъ владѣній,—все-таки почва Фландріи вполнѣ обезпечиваетъ полное благосостояніе крестьянскаго населенія. Ландшафтъ не мало оживляется разбросанными то здѣсь, то тамъ хуторами, которые красиво выдѣляются среди прекрасной нѣжной зелени. Каждый земледѣлецъ живетъ здѣсь въ срединѣ своего участка, обработываемаго съ поразительною тщательностію: фламандская деревня состоитъ не изъ земледѣльческихъ хуторовъ, какъ въ Германіи, а скорѣе является промышленнымъ поселкомъ, который удовлетворяетъ потребностямъ многочисленнаго населенія страны. Въ этихъ красивыхъ деревушкахъ Фландріи, число жителей которыхъ простирается до 8,000 человѣкъ, можно встрѣтить почти любое ремесло. Въ прежнее время большая часть изъ 2,000 населенныхъ мѣстностей была заселена гораздо плотнѣе, чѣмъ теперь, и это уменьшеніе числа жителей наложило печать упадка на такіе города, какъ, напр., Брюгге (Bruges, 50,000 жит.) и Гентъ (Gand, 154,000 жит.). Но хотя эти два города въ значительной степени утратили свое торговое значеніе, все-таки путешественникъ и любитель древностей встрѣтятъ здѣсь на каждомъ шагу много достопримѣчательностей. По фабрикаціи полотенъ, камчатнаго холста и кружевъ Брюгге занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ и можетъ быть названъ Нидерландскимъ Нюрнбергомъ. Здѣсь, какъ и въ болѣе обширномъ Гентѣ, важнѣйшемъ мануфактурномъ городѣ, извѣстномъ фабрикаціею бумажныхъ тканей, набивкою матерій и ткацкими фабриками, въ этомъ городѣ каналовъ, въ бельгійской Венеціи, — какъ его называютъ за его 300 мостовъ, — предъ лицомъ чудныхъ готическихъ церквей, ратушъ и дворцовъ чувствуешь себя перенесеннымъ въ эпоху среднихъ вѣковъ. Живописный и богатый костюмъ мѣстныхъ жителей, длинные темные плащи съ капюшонами, которые придаютъ женщинамъ низшихъ классовъ монашескій видъ, еще болѣе усиливаютъ эту иллюзію. Здѣсь рѣдко встрѣтить женщину, которая не носила-бы сережекъ и брошки изъ настоящихъ брилліантовъ—старыхъ наслѣдственныхъ вещей, очень странной формы. Въ каждомъ изъ этихъ городовъ имѣется садъ (jardin botanique), академія художествъ, консерваторія: изящныя искусства

пользуются въ Бельгіи такимъ-же вниманіемъ и авторитетомъ, какъ и въ эпоху возрожденія когда церкви и дворцы украшались картинами въ такомъ изобиліи, что превращались въ настоящіе музеи. Послѣ Брюсселя наибольшимъ значеніемъ пользуется Антверпенъ, главная крѣпость Бельгіи и въ то-же время—самый важный портъ и складочное мѣсто. Этотъ городъ славится своимъ соборомъ, имѣетъ свыше 267,000 жителей и расположенъ на Шельдѣ, въ разстояніи 67 кил. отъ моря.

Въ сравненіи съ другими государствами Европы Бельгія имѣетъ наиболѣе плотное населеніе (213 чел. на 1 кв. килом.) и по степени развитія промышленности занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ на земномъ шарѣ. Наименьшею плотностію населенія отличается та небольшая область, гдѣ господствуетъ нѣмецкій языкъ, самая большая наблюдается въ тѣхъ частяхъ государства, гдѣ преобладаетъ фламандскій элементъ; средней величины она достигаетъ въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ валлонскимъ населеніемъ. Бельгійское государство состоитъ изъ двухъ совершенно различныхъ, искусственно связанныхъ этническихъ элементовъ. Бельгійскаго народа не существуетъ; существуетъ лишь бельгійская нація, образующаяся изъ двухъ племенъ: романскаго—валлоновъ, которые отчасти говорятъ на французскомъ языкѣ, и германскаго, представителями котораго являются фламандцы, говорящіе на голландскомъ языкѣ. Первые составляютъ почти 44°/о, послѣдніе—54°/о всего населенія; французскій языкъ принятъ, какъ оффиціальный языкъ страны и правительства.

Современное населеніе Бельгіи имѣетъ частію кельтское, частію германское происхожденіе, но между этими подъ конецъ прибывшими въ страну арійскими слоями какъ и во Франціи имѣется много иноязычныхъ элементовъ, черты которыхъ еще сохрани-



Брюссель.

лись въ типѣ современныхъ бельгійцевъ. Но политическое значеніе имѣютъ лишь фламандцы и валлоны. Исторія показываетъ, что къ сѣверу отъ Арденнъ всегда господствовали два языка и двѣ народности,—германская— батавы и фризы, и галльская или кельтская—белги; эти народности сталкивались между собою и жили смѣшанно. Потомками белговъ являются валлоны, удержавшіе ихъ первобытный языкъ, на который романскій языкъ имѣлъ навѣрное менѣе вліянія, чѣмъ германскій. Поэтому валлонскій языкъ никоимъ образомъ нельзя считать испорченнымъ французскимъ, хотя онъ и былъ замѣненъ послѣднимъ со времени бургундскаго владычества; тѣмъ болѣе нельзя считать его испорченнымъ нѣмецкимъ; онъ скорѣе сходенъ съ вельшскимъ нарѣчіемъ нѣкоторыхъ швейцарскихъ кантоновъ и съ румынскимъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Бельгіи земледѣльческое населеніе, состоящее изъ валлоновъ и фламандцевъ, такъ перемѣшано между собою, что часто валлонская деревня примыкаетъ къ фламандской, или-же отдѣляется отъ нея однимъ только шоссе. Цѣлыя столѣтія прожили такимъ образомъ фламандцы рядомъ съ валлонами, цѣлыя столѣтія они несутъ одинъ и тотъ-же жребій; но ни разу не происходило между ними внутренняго сближенія, ни разу дружескія отношенія между отдѣльными лицами не распространились на обѣ народности, въ общей ихъ сложности. Глубокое различіе въ языкѣ и нравахъ двухъ указанныхъ національностей сохранилось до настоящаго времени, не смотря на завоеванную въ 1830 году свободу отечества, не смотря на общность ихъ учрежденій и интересовъ; существуетъ распространенное мнѣніе, что это единство и общая свобода только и поддерживаютъ между ними связь. Если провести линію отъ Дюнкирхена къ югу отъ Турне (Doornick) на Атъ (Ath) и отсюда къ сѣверу на Тонгернъ, то мы раздѣлимъ страну на двѣ части, соотвѣтствующія языку ихъ жителей: къ сѣверу отъ этой линіи господствуетъ валлонскій языкъ, который, впрочемъ, какъ это явствуетъ изъ сказаннаго выше, встрѣчается лишь мѣстами, а къ юго-востоку преобладаетъ фламандскій. Въ Брюсселѣ оба языка распредѣлены такъ, что верхній городъ говоритъ на французскомъ языкѣ, а нижній—исключительно на фламандскомъ. Хотя фламандскій языкъ и болѣе распространенъ, но въ Брюсселѣ онъ считается языкомъ простонародья, и образованные классы говорятъ исключительно на французскомъ языкѣ. Конечно, сказанное не относится къ собственнымъ фламандскимъ провинціямъ страны,—Восточной и Западной Фландріи и Брабанту. Между прочимъ до настоящаго времени фламандцы не имѣли возможности, не смотря на значительное развитіе своей литературы, ни вытѣснить изъ Бельгіи французскій языкъ образованныхъ классовъ, ни достигнуть того положенія въ политикѣ, которымъ они могли-бы пользоваться вслѣдствіе своего численнаго превосходства. Безъ сомнѣнія причину этого надо искать въ духовномъ превосходствѣ валловновъ. Новѣйшія изслѣдованія относительно состоянія народнаго образованія въ Бельгіи, представляющаго по истинѣ отрадную картину, — обнаружили, что если въ настоящее время фламандскія провинціи проявляютъ усиленную дѣятельность на поприщѣ народнаго образованія, то это объясняется тѣмъ, что валлонскія провинціи гораздо ранѣе фламандскихъ достигли болѣе высокой ступени образованія. И все-таки въ Бельгіи, за періодъ 1830—1870 г.г. число монастырей увеличилось съ 251 до 1,500, а число монашествующихъ съ 3,645 чел. до 25,000. Наряду съ этимъ замѣчается, впрочемъ, развитіе невѣрія.

Земледѣліе въ Бельгіи, несмотря на не совсѣмъ благопріятныя условія, достигло высокой ступени развитія; изъ общей поверхности страны не болѣе 15% остаются невоздѣланными. Сюда относятся покрытые торфяниками Kempen Campine,—возвышенность въ сѣверныхъ частяхъ провинцій Антверпена и Лимбурга. Юго-востокъ королевства покрытъ прекрасными лѣсами. Рыбная ловля на морѣ производится въ такихъ-же размѣрахъ, какъ и въ прежнія времена; кромѣ того, сравнительно съ занимаемою площадью, Бельгія принадлежитъ къ числу наиболѣе богатыхъ минералами странъ. Желѣзо, свинецъ, сѣрный колчеданъ и въ особенности каменный уголь являются главными продуктами ея почвы и основою ея грандіозной промышленности. По производству всякаго рода желѣзныхъ товаровъ Бельгія занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Механическая фабрикація гвоздей производится въ широкихъ размѣрахъ близъ Люттиха и Шарльруа, а въ

Люттихѣ и Брюсселѣ сосредоточено производство проволоки. Оружейныя фабрики Люттиха пользуются всемірною извѣстностію. Значеніе бумагопрядильнаго и ткацкаго производства, бумажныхъ и стеклянныхъ издѣлій простирается далеко за границы государства. Спеціальность Бельгіи составляютъ чудныя кружева, отличающіяся легкостью, бѣлизною и тонкостію. Наконецъ счастливое положеніе Бельгіи между сѣверомъ и югомъ Европы, между Западною Европою и остальнымъ континентомъ сильно содѣйствовало и развитію ея торговли.

Германская имперія.

Германская имперія занимаетъ среднюю часть Европы и потому находится въ непосредственномъ соприкосновеніи съ важнѣйшими странами нашей части свѣта. Это обстоятельство влечетъ за собою наряду съ большими удобствами и серьезныя неудобства для народа, заселяющаго Среднюю Европу. Съ одной стороны онъ можетъ получать отовсюду самые сильные импульсы и, благодаря расширительной силѣ, свойственной всякому ядру, можетъ повернуть свой наступательный фронтъ въ любую сторону, всюду нанося мощные удары. Но, съ другой стороны, ему угрожаетъ печальная роль—служить какъ-бы наковальнею у горнила европейскихъ народовъ. Врѣзавшійся клиномъ между тремя европейскими расами, окруженный недовѣрчивыми сосѣдями, которые, не исключая и соплеменниковъ—германцевъ, оказываютъ срединному нѣмецкому государству одно только уваженіе, но не симпатію,—онъ постоянно долженъ ожидать коалиціи своихъ противниковъ, выносить тяжелое, никогда не слабѣющее давленіе,—политическое, духовное и нравственное. «Подобное положеніе, говоритъ Францъ фонъ Леэръ (Löher), грозитъ постоянной опасностью—или быть вовлеченнымъ въ военныя столкновенія съ чужеземцами, которые все болѣе и болѣе кругомъ обрѣзываютъ страну, или, вслѣдствіе незамѣтнаго, постояннаго проникновенія чуждой культуры, потерять собственныя стремленія, свое національное право, свою литературу и языкъ. Границы государства, открытыя на большомъ протяженіи, а также то обстоятельство, что главныя рѣки страны носятъ не только нѣмецкій, но и европейскій характеръ, и что граница раздвоенія нашей части свѣта проходитъ какъ разъ по Германіи, все это въ высшей степени усиливаетъ неудобства ея положенія. Лишь высокія стѣны Альпъ защищаютъ Германію, но онѣ обезпечиваютъ страну только съ одной стороны».

Европа дѣлится на двѣ большія части,—гористую страну и низменность. Этотъ европейскій дуализмъ сказывается въ Германской имперіи раздѣленіемъ ея на Сѣверную и Южную Германію и нѣсколько ослабляется центральною областью Майна, рѣками и горными хребтами, которые посылаютъ изъ Верхне-германской возвышенности въ Нижне-германскія равнины много значительныхъ отроговъ. Рука объ руку съ этою пластическою двойственностію нѣмецкой почвы

идетъ и двойственность ея населенія, говорящаго на нѣмецкомъ языкѣ, которое составляетъ $^{11}/_{12}$ всего населенія Германской имперіи. По нравамъ, воззрѣніямъ, языку и, весьма вѣроятно, въ этнографическомъ отношеніи, нѣмцы распадаются на два племени: верхне-германское и нижне-германское, и если сравнить теперь карту рельефа почвы съ картою языка и народовъ Германіи, то сразу-же обнаружится, что граница между Нижнею и Верхнею Германіею довольно точно совпадаетъ съ границею между гористою и низменною частями имперіи. Нижне-германскій элементъ встрѣчается по преимуществу въ сѣверно-германскихъ низменностяхъ, до высоты 200 метровъ надъ уровнемъ моря, и только Гарцъ и высоты Зауэрланда вдаются въ эту мѣстность.

Уже древніе германцы раздѣлялись на двѣ большія вѣтви: верхне-нѣмецкую и нижне-нѣмецкую, причемъ каждая изъ нихъ имѣла различныя подраздѣленія. Хотя нижне-нѣмецкія племена были родственны между собою, но отъ верхне-нѣмецкой вѣтви они отличались этнографически: нравами, способностями, характеромъ и даже внѣшнимъ видомъ, образомъ мыслей, обычаями; эта разница удержалась повсюду и впослѣдствіи. И между нѣмцами различаютъ два типа: бѣлокурый и смуглый; изъ нихъ только первый, бѣлокурый съ голубыми глазами, соотвѣтствуетъ общему представленію о германскомъ типѣ. Если бѣлокурость принять критеріемъ чистаго германскаго типа, то новѣйшими изслѣдованіями доказано, что онъ преобладаетъ на сѣверѣ, т. е. среди нижне-германскихъ племенъ, издавна населявшихъ область, которую они занимаютъ и въ настоящее время. Но въ среднемъ во всей Германіи представители чистаго типа составляютъ только 32,20%; изъ этого количества на долю Пруссіи приходится 35,47% и на долю Баваріи 20,36%, такъ что разница между обѣими странами составляетъ 15,11%. Другими словами: на каждую тысячу свѣтлоглазыхъ, бѣлокурыхъ пруссаковъ приходится только 574 баварца, имѣющихъ тѣ-же признаки. Наиболѣе часто смуглый типъ встрѣчается въ южныхъ пограничныхъ странахъ, въ Эльзасъ-Лотарингіи и Нижней Баваріи. На сѣверѣ, по обоимъ берегамъ Эльбы, живетъ самое бѣлокурое населеніе, которое является преобладающимъ и въ Нижней Помераніи; но и здѣсь въ пограничныхъ областяхъ, въ Рейнской провинціи и Силезіи обнаруживается присутствіе смугловатаго типа. Вообще границею между бѣлокурымъ и смуглымъ типами является гребень Средне-германскихъ горъ. Эти факты доказываютъ, что германскій типъ лучше сохранился на сѣверѣ, чѣмъ на югѣ Германіи. Сѣверъ же представляетъ и оплотъ всей Германіи.

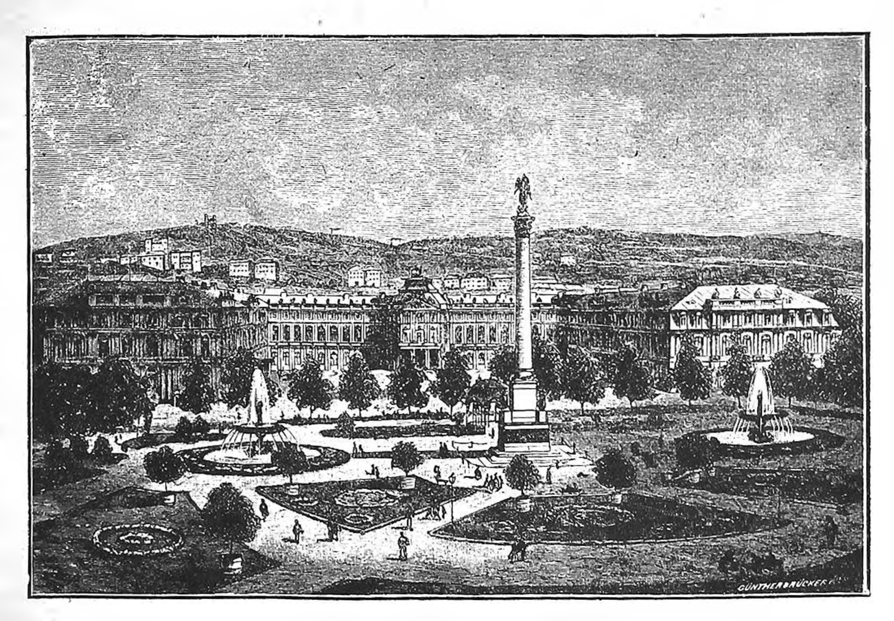
По народной переписи, произведенной 1 декабря 1895 года, общее количество населенія Германской имперіи равно 52.244,500 душъ. Въ большей части германскихъ провинцій обнаруженъ значительный приростъ населенія, хотя ежегодная усиленная эмиграція и отнимаетъ навсегда у имперіи цѣлыя тысячи жителей (иногда до 200,000 человѣкъ). Громадное большинство населенія Германской имперіи составляютъ нѣмецкія племена. Изъ указаннаго общаго числа жителей слѣдуетъ исключить самое большое $3^1/_2$ милліона человѣкъ, какъ непринадлежащихъ къ нѣмецкому племени. Національный характеръ нѣмцевъ не имѣетъ единства; этническія, историческія и культурныя условія препятствовали образованію единаго національнаго характера. Такъ, напр., пьющій вино житель рейнскихъ провинцій является прямою противоположностію пьющему пиво и курящему табакъ баварцу, который обладаетъ настоящимъ сангвиническимъ темпераментомъ. Но въ общемъ и согласно съ дѣйствительностью, мы вправѣ назвать нѣмецкую націю флегматичною и отчасти флегматично-меланхолическою. Нѣмецъ отличается цѣлымъ рядомъ блестящихъ качествъ; впрочемъ, нельзя не сознаться, что суж-

Дѣвушки изъ Тюрингена.

денія нѣмцевъ о своемъ народѣ полны самовосхваленія; въ послѣднее время это направленіе настолько вошло въ моду, что борьба съ нимъ врядъ-ли когда-либо можетъ привести къ желательнымъ результатамъ. Прилежаніе нѣмца, его настойчивость, его мужество и храбрость, его вѣрность и благочестіе, его свободомысліе, добродушіе и любовь къ семейной жизни всѣмъ извѣстны и всѣми признаны, но, по нашему мнѣнію, присвоивать всѣ эти качества исключительно себѣ, прибавляя къ нимъ слово «нѣмецкій»: «нѣмецкое» мужество, «нѣмецкое» прилежаніе и т. д. со стороны нѣмца не особенно скромно. Дѣйствительно, нѣмецъ работаетъ прилежно, но англичанинъ и итальянецъ обладаютъ не меньшимъ усердіемъ, а французъ даже превосходитъ его; нѣмецъ сдѣлалъ нѣсколько изобрѣтеній, но и любая изъ другихъ націй изобрѣла не менѣе; нѣмецъ добръ и честенъ, но и другія націи также добры и честны, мошенники-же встрѣчаются у всѣхъ народовъ; мужество и храбрость — общее свойство всѣхъ арійскихъ и многихъ даже неарійскихъ племенъ; любовь къ семьѣ и семейной жизни у славянъ болѣе развита, чѣмъ у нѣмцевъ, но выше всѣхъ, въ этомъ отношеніи, стоитъ семитическое племя евреевъ всѣхъ странъ. Нѣмецъ благочестивъ, но въ то время, какъ всѣ нѣмецкія націи, подобно англичанамъ, запутались въ богословскихъ тонкостяхъ, романскія племена уже давно освободились отъ узъ теологіи. Въ наукѣ нѣмецкій умъ достигъ кульминаціоннаго пункта развитія, но въ общемъ нѣмецъ предлагаетъ большею частію отвлеченныя доктрины и вмѣсто добродѣтелей усваиваетъ пороки другихъ народовъ. Карусъ, большой панегиристъ нѣмецкаго національнаго характера, находитъ въ немъ слабости: «педантичность, мелочность,

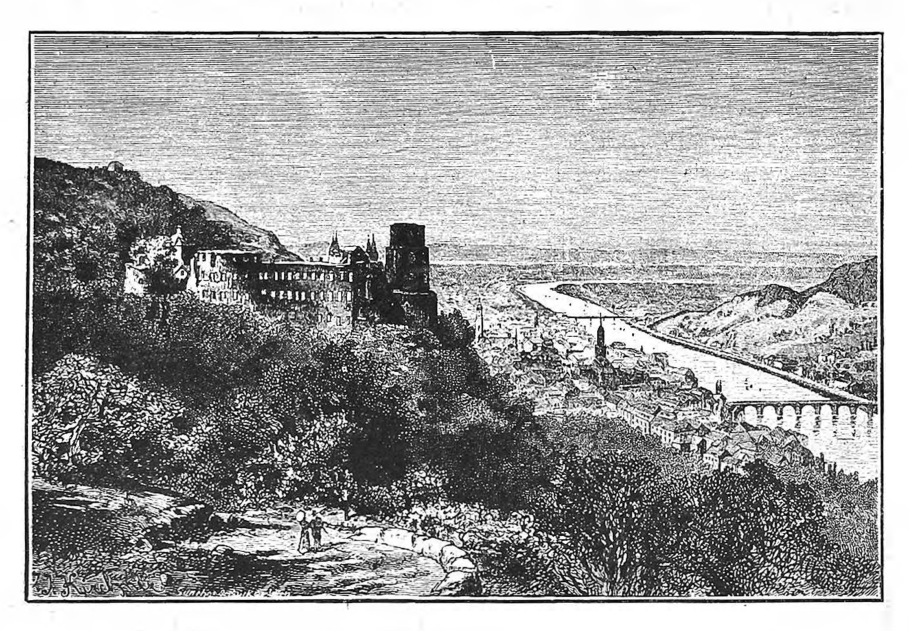
стремленіе къ подражанію, низкое мнѣніе о себѣ, неувѣренность въ способности къ самобытному творчеству; къ этому присоединяется еще зависть, особенно изъ-за куска хлѣба, злословіе и стремленіе къ умаленію всего не-нѣмецкаго. Методичность нѣмецкой натуры переходитъ въ стремленіе къ утомительнѣйшей классификаціи всего по безконечнымъ, строго опредѣленнымъ разрядамъ, порядкамъ и титуламъ. Нѣмцы не такъ тѣсно связаны между собою и не въ такой степени поддерживаютъ другъ друга, какъ это замѣчается у французовъ и англичанъ». Какъ бы то ни было, нѣмцы не лучше и не хуже другихъ культурныхъ народовъ, и съ одинаковымъ правомъ, какъ и тѣ, могутъ гордиться богатымъ запасомъ прекрасныхъ качествъ своей натуры. Если нѣмца можно упрекнуть въ нѣкоторой тяжеловатости и сварливости, то, съ другой стороны, необходимо засвидѣтельствовать, что его самосознаніе, въ виду славныхъ дѣяній нѣмецкаго народа, за послѣдніе годы значительно поднялось среди населенія и по своей интенсивности не оставляетъ желать лучшаго.

Не германскіе элементы Германской имперіи принадлежатъ частію къ романскимъ, частію къ славянскимъ племенамъ; только въ Шлезвигѣ живетъ 150,000 датчанъ. Представителями романскаго элемента являются французы и валлоны; первые живутъ по преимуществу въ Эльзасъ-Лотарингіи, а также колоніями въ Пруссіи. Подобныя французскія колоніи мы встрѣчаемъ въ Везелѣ, Фридрихсдорфѣ (Гессенъ), Галле, Гальберштадтѣ, Магдебургѣ, Бургѣ, Штендалѣ, Бранденбургѣ, Берлинѣ, Франкфуртѣ-на-Одерѣ, Ангермюнде, Пренцлау, Страсбургѣ,



Дворцовая площадь въ Штутгартѣ.

Въ виртембергскомъ Шварцвальдѣ было нѣсколько французскихъ деревень гугенотовъ, но онѣ уже давно онѣмечились. Въ Лотарингіи французы составляютъ цѣлую половину населенія, зато въ Эльзасѣ ихъ гораздо меньше. Къ славянскому племени принадлежатъ чехи, венды и поляки. Первые въ незначительномъ количествѣ (50,000 чел.) живутъ въ Силезіи, вторые еще и въ настоящее время образуютъ довольно значительную, но уже обреченную на вѣрное исчезновеніе, составную часть населенія (130,000 челов.); они заселяютъ, орошаемую р. Шпре, Лужицу, верхняя часть которой принадлежитъ королевству Саксоніи, тогда какъ Нижняя Лужица заходитъ въ прусскую провинцію Бранденбургъ. «Извѣстно, что



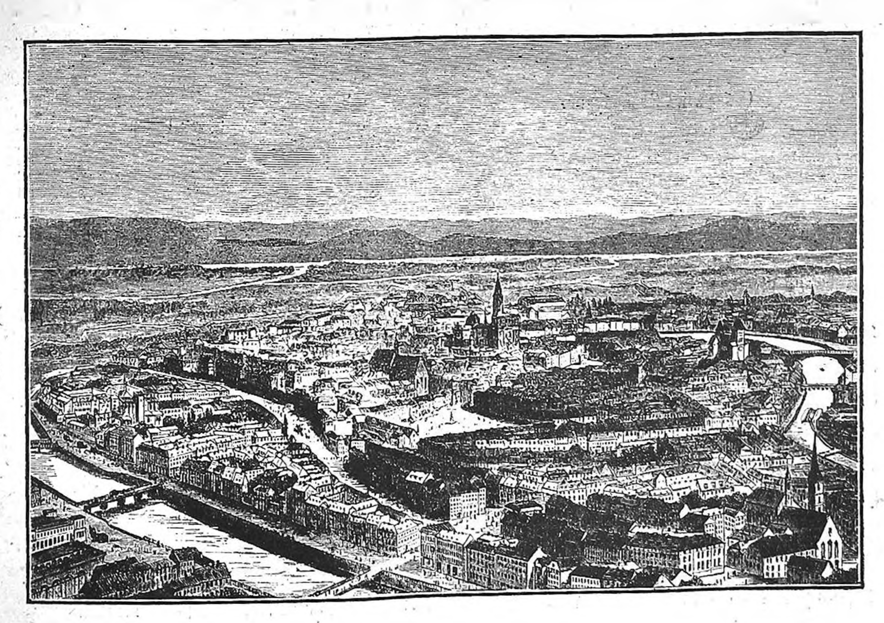
Гейдельбергъ.

лужицкіе венды значительно онѣмечились и что въ послѣднее время онѣмеченіе идетъ крупными шагами впередъ безъ всякихъ насильственныхъ къ тому мѣръ. Теперь почти всѣ венды, за исключеніемъ немногихъ стариковъ, говорятъ на двухъ языкахъ, причемъ очень удовлетворительно говорятъ по нѣмецки; молодежь говоритъ на нѣмецкомъ языкѣ уже съ большею легкостью, такъ что теперь уже довольно смѣло можно предсказать полное вымираніе въ Лужицѣ вендскаго языка,— точно такъ-же, какъ это случилось и въ другихъ, нѣкогда славянскихъ, округахъ сѣверо-восточной Германіи». Въ западной части прусскаго округа Данцига живетъ родственный вендамъ, но говорящій на польскомъ языкѣ народъ—кассубы или кашубы (около 90,000 челов.); они представляютъ небольшой чистокровный остатокъ славянъ Помераніи, которые нѣкогда занимали всю эту мѣстность, но и они уже онѣмечились. Главную составную часть славянскаго населенія Гер-

манской имперіи образуютъ поляки (около $2^1/_3$ милліоновъ); они населяютъ преимущественно прусскую провинцію Познань и оба берега Одера въ юго-восточной Силезіи. Какъ въ Познани, такъ и здѣсь онѣмеченіе поляковъ имѣетъ большой успѣхъ. Къ полякамъ нужно причислить еще мазуровъ, которые живутъ въ юго-восточной части Восточной Пруссіи.

Мазуры суть потомки тѣхъ родственныхъ полякамъ жителей Мазовіи, которыхъ герцогъ Конрадъ пригласилъ въ 1228 году въ нѣмецкій рыцарскій орденъ, чтобы обезопасить себя отъ нападеній со стороны язычниковъ, жителей этой страны. Языкъ мазуровъ представляетъ испорченное нарѣчіе верхне-польскаго языка, и образованные поляки презираютъ его. Нѣмецкій элементъ уже повсюду проникъ въ среду мазуровъ; всего болѣе нѣмцевъ встрѣчается въ сѣверной части страны, и это вполнѣ объяснимо; 18 небольшихъ городовъ заселены нѣмцами, которые, кромѣ того, разсѣяны и по деревнямъ. Съ приближеніемъ къ югу, а особенно на юго-востокѣ перевѣсъ оказывается на сторонѣ мазуровъ, такъ что тамъ, въ небольшихъ деревняхъ, нѣмецкій языкъ знаютъ лишь учитель да староста. Къ родственнымъ по происхожденію полякамъ мазуры питаютъ большое презрѣніе, къ нѣмцамъ же относятся съ уваженіемъ. Образованныхъ людей среди мазуровъ нѣтъ. Въ этой области каждый образованный человѣкъ говоритъ и мыслитъ по нѣмецки и считаетъ себя нѣмцемъ, хотя и носитъ польское имя, происходитъ изъ семьи мазуровъ и воспитанъ въ нравахъ мазуровъ. Такое предпочтеніе всему нѣмецкому объясняется тѣмъ, что мазуры всѣ принадлежатъ къ евангелической церкви, тогда какъ поляки во всей Германіи исповѣдуютъ римско-католическую религію.

Рядъ негерманскихъ элементовъ въ Германской имперіи замыкаютъ литовцы (150,000 чел.), занимающіе самую сѣверо-восточную часть имперіи. Нѣмецкая Литва—это земелька съ пышными полями, лугами и густыми лѣсами; но въ Литвѣ нѣтъ зато ни горъ, ни долинъ, нѣтъ шумящихъ ручьевъ, богатыхъ рыбою



Страсбургъ.

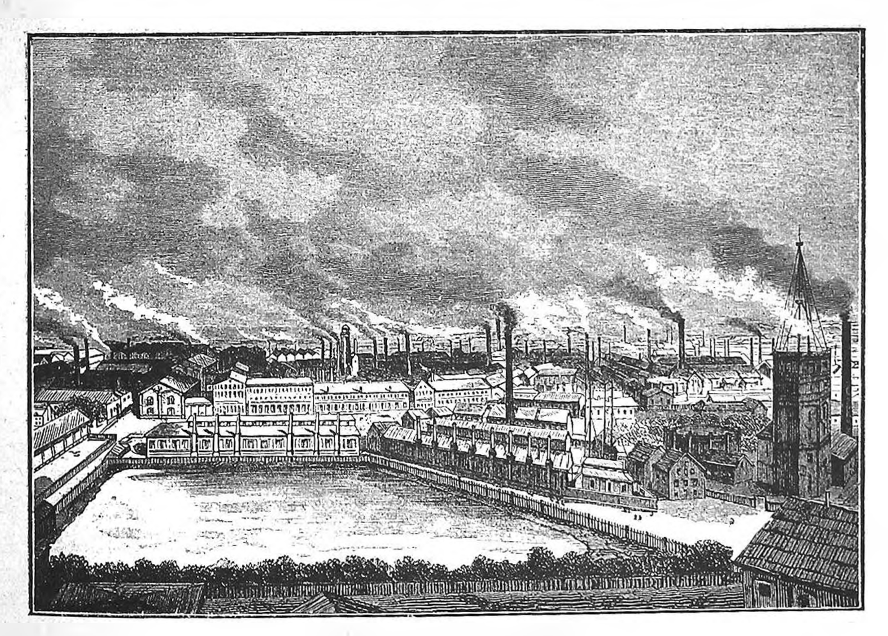
озеръ, еловыхъ и темныхъ сосновыхъ лѣсовъ, вообще всего, чѣмъ въ такомъ изобиліи владѣютъ мазуры. Главное мѣстопребываніе литовцевъ въ настоящее время составляютъ: сѣверо-восточная часть округа Лабіау, округи Нидерунгъ, Гейдекругъ, окрестности Мемеля, Тильзитъ, Рагнитъ и Пилькалленъ.

Соборъ въ Страсбургѣ.

Литовцы по большей части отличаются крѣпкимъ тѣлосложеніемъ и поразительною выносливостью. Уже съ ранней юности они закаляются противъ неблагопріятныхъ вліяній погоды; лица у нихъ свѣжія, цвѣтущія. Тѣлесныя силы мѣстныхъ жителей сохраняются долгое время: сильные, бодрые старики лѣтъ 70—80 здѣсь вовсе не рѣдкость. Литовцы обладаютъ хорошими умственными способностями; благодаря живости ума, они все легко схватываютъ, но очень медленно сживаются даже съ хорошимъ нововведеніемъ. Имъ свойственна нѣкоторая односторонность, но она основана на замкнутости, обусловливаемой ихъ языкомъ и образомъ жизни: сношенія литовцевъ съ другими жителями государства очень ограниченны. Привязанность и уваженіе къ старинѣ препятствуютъ ихъ развитію. Литовцы исповѣдуютъ протестантство и очень религіозны. Ни дурная погода, ни дальность разстоянія не могутъ удержать ихъ отъ посѣщенія храма. Духовенство среди нихъ пользуется большимъ почетомъ; въ несчастіяхъ и страданіяхъ литовцы утѣшаются вѣрою въ предопредѣленіе. Не будемъ, однако, скрывать и оборотную сторону медали. Въ обыденной жизни, въ торговлѣ они не всегда строго придерживаются правды. Къ сожалѣнію, между ними очень развито пьянство съ его дурными послѣдствіями. Въ Литвѣ, какъ и вездѣ по границамъ славянства, идетъ дѣятельный процессъ онѣмеченія народа, чему замѣтно способствовало проведеніе желѣзной дороги до русской границы. На югъ отъ желѣзной дороги теперь все стало нѣмецкимъ: старики кое-гдѣ еще понимаютъ красивый, звучный литовскій языкъ, но дѣти знаютъ лишь нѣсколько литовскихъ словъ или фразъ. Пройдетъ еще нѣсколько времени,—и литовцы совсѣмъ онѣмечатся.

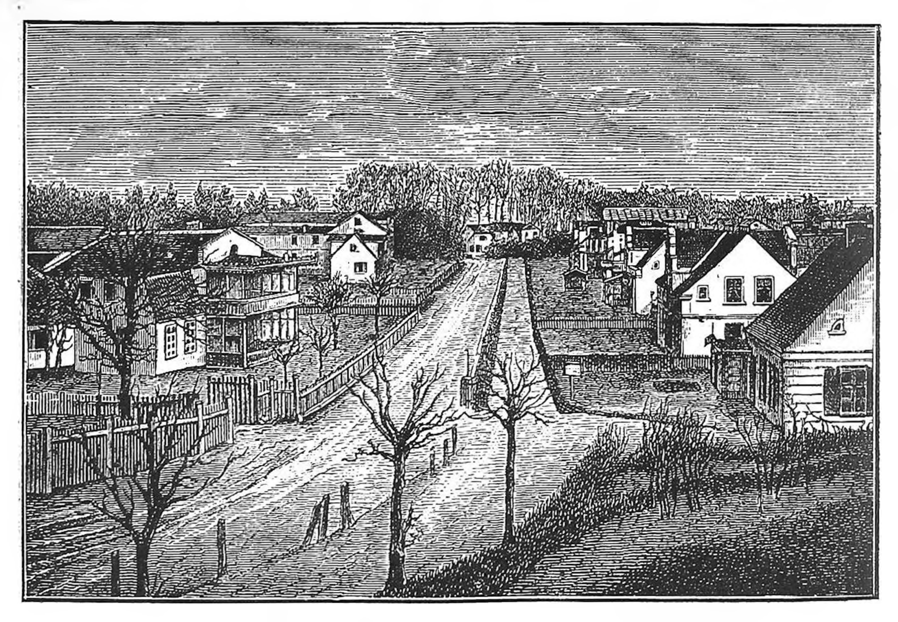
Описанныя здѣсь въ общихъ чертахъ народности занимаютъ площадь въ 540,500 кв. килом., которая распредѣлена очень неравномѣрно по отдѣльнымъ государствамъ Германской имперіи. Послѣдняя въ ея настоящемъ объемѣ основана на договорахъ между государствами прежняго сѣверо-нѣмецкаго союза и—южногерманскими государствами (15, 23 и 25 ноября 1870 года, ратификованныхъ 19 января 1871 года) и—на основаніи закона о присоединеніи къ Германской имперіи Эльзаса и Лотарингіи (9 іюня 1871 г.), послѣ того какъ обѣ эти провинціи были уступлены Германской имперіи Франціею по франкфуртскому миру (10 мая 1871 года). Германская имперія состоитъ изъ 22 монархическихъ, 3 республиканскихъ государствъ и одной непосредственно-имперской земли, гдѣ власть принадлежитъ императору. Непосредственно-имперскую землю, для краткости

называемую просто «имперскою землею», составляетъ область Эльзасъ-Лотарингіи, три республиканскія государства представляются городами: Гамбургомъ, Любекомъ и Бременомъ, а 22 монархіи распадаются на 4 королевства, 6 великихъ герцогствъ, 5 герцогствъ и 7 княжествъ. Самыми важными и самыми большими государствами являются, понятно, четыре королевства: Пруссія, Баварія, Виртембергъ, Саксонія, а среди нихъ, въ свою очередь, по величинѣ территоріи, количеству населенія и по важности участія въ процессѣ развитія Германской имперіи, первое мѣсто занимаетъ Пруссія. Король Пруссіи въ то же время, какъ императоръ Германіи, является главою имперіи, которая по своему устройству представляетъ союзное государство съ конституціонными формами. Поэтому, въ силу государственныхъ законовъ, Германская имперія есть монархія; во главѣ ея правленія находится монархъ, который, впрочемъ, пользуется принадлежащею союзу или имперіи верховною властью не неограниченно; конституція предлагаетъ ему быть носителемъ государственной власти, предлагаетъ «президентство въ союзѣ, которое принадлежитъ королю Пруссіи, носящему титулъ германскаго императора»; кромѣ того, по конституціи существуетъ союзный совѣтъ (Bundesrat) изъ уполномоченныхъ отъ всѣхъ отдѣльныхъ государствъ, и наконецъ рейхстагъ, состоящій изъ представителей, избираемыхъ непосредственно всѣмъ народомъ. Законы имперіи, для изданія которыхъ требуется и считается достаточнымъ согласіе большинства обоихъ названныхъ собраній, получаютъ обязательную силу путемъ обнародованія ихъ правительствомъ. Управленіе дѣлами имперіи возложено на канцлера имперіи, который

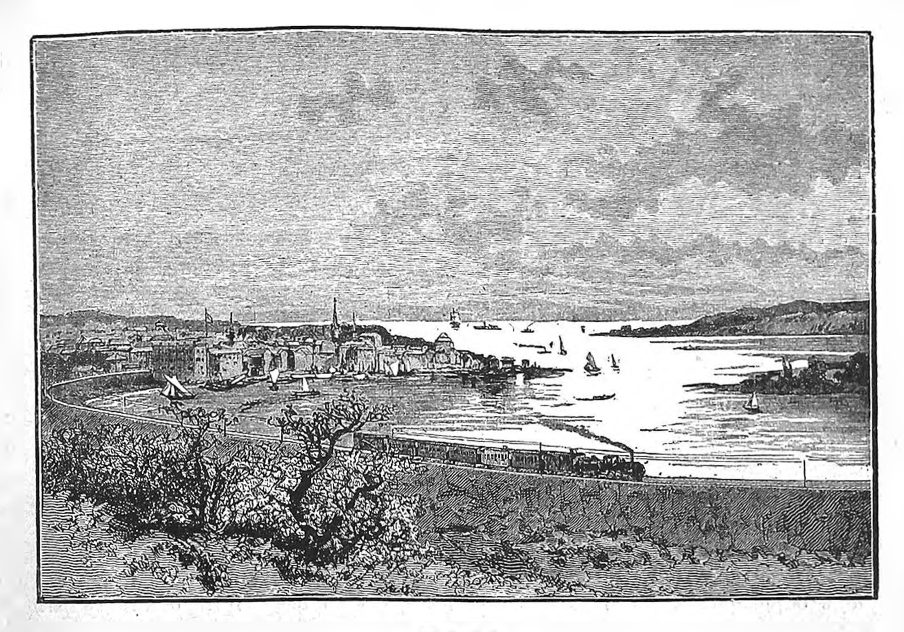


Фабрика Круппа въ Ессенѣ.

назначается императоромъ; канцлеръ—лицо отвѣтственное; онъ предсѣдательствуетъ въ союзномъ совѣтѣ и руководитъ его дѣлами. Хотя конституція не затрогиваетъ верховныхъ правъ отдѣльныхъ членовъ союза, но, въ интересахъ однообразія нѣкоторыхъ учрежденій, государственная власть распространяется на рядъ дѣлъ, которыя обыкновенно составляютъ предметъ заботы правителей отдѣльныхъ государствъ; сюда относятся: дипломатическое представительство за границею, военное вѣдомство, т. е. сухопутныя и морскія силы, финансовое, желѣзнодорожное, почтовое и телеграфное вѣдомства. Вполнѣ естественно, что Пруссія, какъ государство очень большое, будучи по пространству и количеству населенія въ пять разъ болѣе слѣдующаго за нимъ другого союзнаго государства, Баваріи,—стѣсняетъ самостоятельность отдѣльныхъ небольшихъ и слабыхъ членовъ союза, предоставляя имъ внѣшніе знаки независимости и ограничивая ихъ независимость лишь дѣлами внутренняго управленія. Такимъ образомъ каждое нѣмецкое государство имѣетъ свою собственную конституцію, управляется своими, отчасти даже особыми законами, лишь до той границы, гдѣ кончаются ихъ частные интересы; въ остальныхъ же дѣлахъ, касающихся всѣхъ гражданъ имперіи, мѣсто ихъ занимаютъ общіе государственные законы. Но стремленіе къ централизаціи, несомнѣнно все сильнѣе и сильнѣе проявляющееся въ развитіи нѣмецкаго государства и обезпечивающее королевству Пруссіи постоянно возростающее могущество, не составляетъ принадлежности одной только Германіи, а обнаруживается съ историческою необходимостью во всѣхъ союзныхъ государствахъ, что доказывается исторіею Соединенныхъ Шта-



Морское купанье у Данцига.

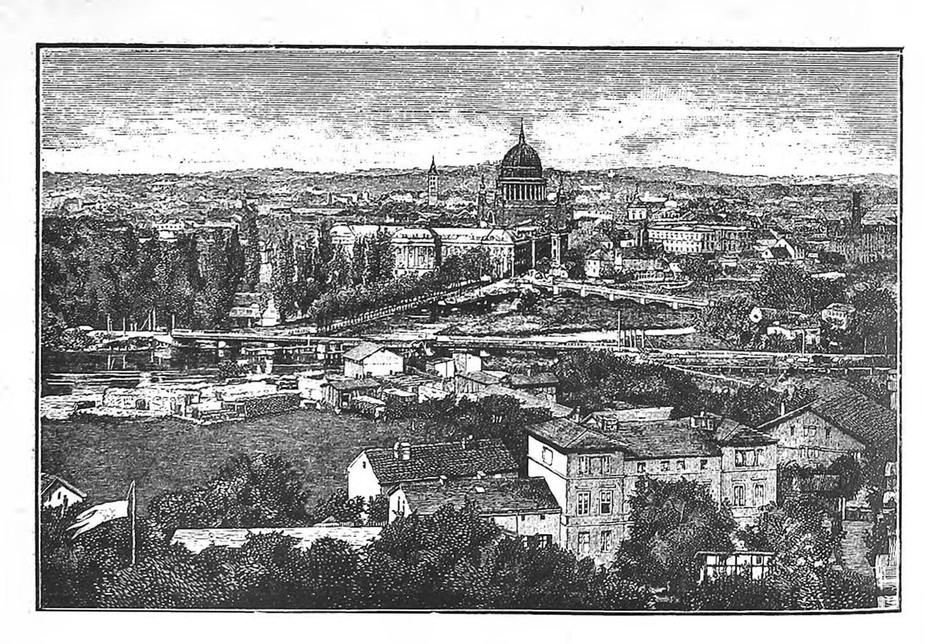


Киль.

товъ С. Америки и даже Швейцаріи. Само собою понятно, что и мѣстопребываніемъ нѣмецкаго правительства является столица Пруссіи, Берлинъ.

Главнымъ источникомъ пропитанія нѣмецкаго народа служитъ культура почвы, хотя эта послѣдняя вообще малоплодородна, если не считать рѣчныхъ долинъ и мѣстностей, расположенныхъ уступообразно предъ Средне-германскими горами. Тѣмъ не менѣе, сельское хозяйство, для поднятія котораго во всѣхъ германскихъ государствахъ устроены институты и фермы, достигло такого цвѣтущаго состоянія, что въ этомъ отношеніи Германія занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ мірѣ. Здѣсь культивируются разнаго рода хлѣбныя растенія, въ особенности пшеница, затѣмъ картофель, который въ различныхъ видахъ служитъ главнымъ средствомъ питанія, далѣе, стручковыя растенія, кормовыя травы, яблоки, груши, виноградъ и т. п. Не будучи въ состояніи конкурировать съ продуктами французскаго винодѣлія, многія нѣмецкія вина, особенно вина благодатной долины Рейна, пользуются однако заслуженною извѣстностью. Сравненіе лѣсныхъ богатствъ Германіи съ лѣсами прочихъ государствъ Европы обнаруживаетъ довольно благопріятное отношеніе; 25,5% германской имперіи—покрыто лѣсомъ, причемъ 8,4% принадлежитъ казнѣ, такъ что по количеству лѣсовъ выше Германіи стоятъ только Швеція, Россія, Норвегія и Австро-Венгрія. Наиболѣе важную отрасль сельскаго хозяйства составляетъ скотоводство, которое здѣсь ведется съ большимъ успѣхомъ; сѣверо-германскія государства, а также Виртембергъ занимаются коннозаводствомъ и овцеводствомъ. Во всѣхъ мѣстностяхъ Германіи, за исключеніемъ очень немногихъ, ревностно

занимаются горнымъ промысломъ: добываніемъ цѣнныхъ металловъ, серебра, мѣди, цинка, свинца, отчасти ртути, но главною отраслью этой промышленности является добываніе желѣза, каменнаго угля и соли. Желѣзо добывается главнымъ образомъ въ Силезіи, Прирейнской Пруссіи, Тюрингіи, Саксоніи и Нассау, въ Шварцвальдѣ и Юрѣ, въ баварскомъ Оберпфальцѣ и въ Верхней Франконіи. По количеству добываемаго угля Германская имперія пока занимаетъ второе мѣсто во всемъ мірѣ; выше ея въ этомъ отношеніи стоитъ Англія, а непосредственно за нею слѣдуютъ Соединенные Штаты С. Америки, которые, впрочемъ, вѣроятно скоро опередятъ ее въ этомъ отношеніи. Но на европейскомъ континентѣ до настоящаго времени наибольшее количество добываемаго каменнаго угля падаетъ на долю Германіи. Вестфальскій каменноугольный бассейнъ, для краткости называемый «рурскимъ бассейномъ» (Ruhrbecken), содержитъ самыя значительныя залежи угля въ имперіи; второе мѣсто принадлежитъ Верхней Силезіи. Кромѣ того, здѣсь имѣются обширныя залежи бураго угля, а въ сѣверо-западной части Германіи и Баваріи—громадные торфяники; эти послѣдніе въ мѣстахъ наибольшаго своего распространенія служатъ причиною поразительной рѣдкости населенія и значительнаго пониженія народнаго благосостоянія; измѣнить эти неблагопріятныя для населенія условія можно лишь путемъ осушенія этихъ болотъ и превращенія ихъ въ пашню. По богатству соли съ Германіею не можетъ соперничать ни одно изъ европейскихъ государствъ, — съ тѣхъ поръ, какъ болѣе точно были изслѣдованы колоссальныя залежи соли въ Штассфуртѣ (провинція Саксоніи) и Шперенбергѣ (въ Бранденбургѣ). Кромѣ

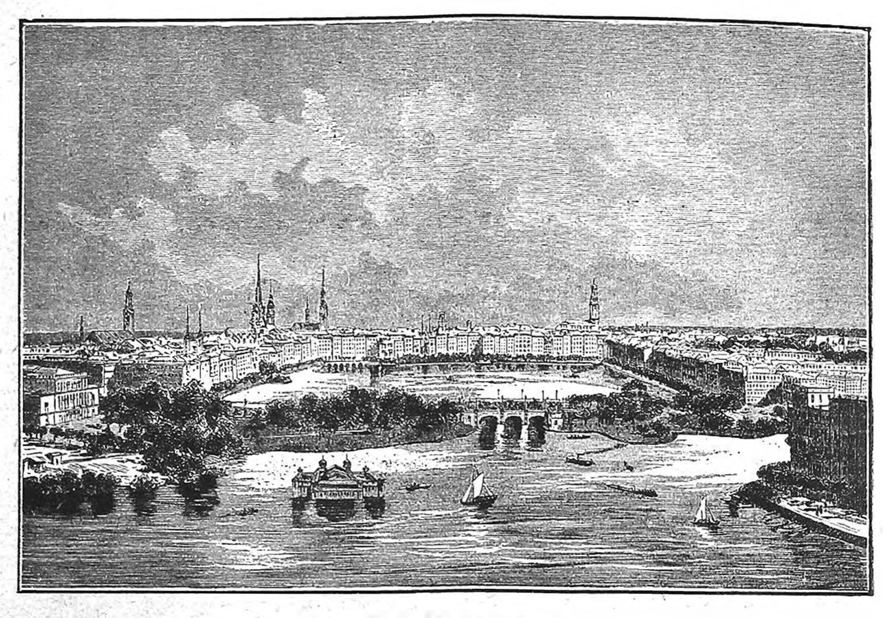


Потсдамъ.

того, далеко не маловажную роль въ ряду народо-хозяйственныхъ факторовъ Германіи играютъ многочисленные минеральные источники.

Зало въ германскомъ музоѣ въ Нюрнбергѣ.

Не смотря на то, что промышленность Германіи очень развита, такъ какъ продукты нѣкоторыхъ отраслей ея въ большомъ количествѣ вывозится за границу, она можетъ удовлетворить только $^2/_3$ потребностей народа, недостающую же треть онъ прину-



Гамбургъ.

жденъ получать изъ-за границы. Между различными отраслями промышленности первое мѣсто принадлежитъ несомнѣнно промышленности ткацкой и не только по числу работающихъ надъ этимъ дѣломъ рукъ, но и по количеству и качеству производимаго товара. Центрами хлопчатобумажной промышленности являются Саксонія, Эльзасъ-Лотарингія, Виртембергъ и Баденъ, затѣмъ Баварія, Силезія и Прусская Саксонія. Равнымъ образомъ въ широкихъ размѣрахъ производится обработка шерсти, особенно въ Рейнской провинціи, въ южномъ Бранденбургѣ и пограничныхъ съ нимъ частяхъ Силезіи, въ западной Саксоніи и Тюрингіи. Производство гребенной шерсти сосредоточено въ Эльзасѣ, а чулочное производство—въ Саксоніи. Ковры выдѣлываются въ Берлинѣ, Ганау и Шмидебергѣ въ Силезіи, а шали въ Берлинѣ. Обработка шелка имѣетъ своимъ центромъ Рейнскую провинцію, преимущественно-же въ городахъ: Крефельдѣ, Эльберфельдѣ, Барменѣ и Фирзенѣ. Льнянымъ производствомъ занимаются главнымъ образомъ жители горъ Силезіи, Вестфаліи и Рейнской провинціи. Центромъ полотнянаго производства является Билефельдъ; къ нему примыкаютъ Оснабрюкъ и Гильдесгеймъ; главными центрами производства въ Саксоніи считается Циттау, въ Силезіи-Лаубанъ, Гиршбергъ и т. д., въ Бранденбургѣ-Зорау. Въ Пруссіи, Помераніи и Силезіи льняная промышленность переходитъ въ кустарный промыселъ. Пеньковыми издѣліями извѣстенъ Баденъ, джутовыми—Брауншвейгъ, Мейссенъ, Боннъ. Фабрикаціей нитокъ занимаются въ королевствѣ Саксоніи, Силезіи и Прирейнскихъ областяхъ. Къ этимъ отраслямъ промышленности примыкаетъ, преимущественно въ Саксоніи, изготовленіе тканей, кружевъ, тамбурныхъ издѣлій, вязаній и вышивокъ. По производству позументовъ самымъ важнымъ пунктомъ слѣдуетъ признать Барменъ. Набивкою матерій занимаются въ Берлинѣ, Верхнемъ Эльзасѣ и Баденѣ. Переходя къ металлическому производству, мы замѣтимъ, что желѣзное производство, несмотря на нѣкоторыя неудобства, съ которыми ему приходится сталкиваться, возросло до необычайныхъ размѣровъ; Пруссія и Вестфалія, главные центры этого производства, въ особенности опередили остальныя нѣмецкія государства. Въ Эссенѣ находится сталелитейный заводъ Круппа, грандіознѣйшій во всемъ свѣтѣ. Изготовленіе химическихъ продуктовъ находится также на довольно высокой степени развитія. Южныя государства Германіи и Рейнская провинція извѣстны тонкими кожевенными издѣліями. Кромѣ того, очень хороши древесныя издѣлія, которыми славится югъ Германіи; фаянсовые и глиняные товары изготовляются во многихъ мѣстностяхъ имперіи; фарфоровое производство процвѣтаетъ въ Саксоніи (Мейссенъ). Но стек-

лянное производство, центрами котораго являются Силезія, баварскій Оберпфальцъ, Средняя Франконія, Нижняя Баварія, Тюрингія и Эльзасъ-Лотарингія, далеко уступаетъ французскому и богемскому, хотя въ послѣднее время и оно поднимается.

Отрадную картину представляетъ развитіе нѣмецкой торговли. Она встрѣчаетъ поддержку внутри имперіи не только со стороны превосходной, густой и постоянно увеличивающейся новыми путями сѣти желѣзныхъ дорогъ, но имѣетъ кромѣ того въ своемъ распоряженіи торговый флотъ, хотя ни положеніе Германіи, ни природа ея береговъ не особенно благопріятствуютъ морской торговлѣ; этотъ торговый флотъ Германіи уже въ настоящее время по количеству могущаго помѣститься на немъ груза превосходитъ флоты всѣхъ странъ, исключая только Англію и Соединенные Штаты. Къ тому-же болѣзненная наклонность нѣмцевъ къ переселенію въ чужія страны, гдѣ они находятъ новое отечество для себя и для своихъ потомковъ и обыкновенно скорѣе, чѣмъ какой-либо другой европейскій народъ, теряютъ свою національность и поглощаются чуждыми этническими элементами,—эта наклонность къ переселенію имѣетъ все-таки ту выгоду, что нѣмец-

Кёльнъ.

кіе торговые домà разсѣяны по всему земному шару, такъ что нерѣдко въ самыхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ торговля находится почти исключительно въ рукахъ нѣмцевъ.

Для защиты этой грандіозной внѣшней торговли существуетъ прекрасный военный флотъ, въ которомъ насчитывается 300 судовъ, въ томъ числѣ 33 броненосца и 153 торпедныхъ лодки, съ 1,460 орудіями. Несравненно могущественнѣе морскихъ силъ сухопутныя силы Германіи, и можно сказать, не унижая достоинства армій другихъ государствъ, что въ настоящее время Германія обладаетъ лучшею въ мірѣ арміею.

Сила германской арміи основывается не на численности ея,—Германія можетъ выставить въ военное время 5.000,000 солдатъ,—а главнымъ образомъ на ея прекрасной, выработанной до мельчайшихъ подробностей организаціи, на ея совершенствѣ, на военномъ духѣ, которымъ проникнутъ нѣмецкій народъ, и всего болѣе—на той строгой дисциплинѣ, которая одна только дѣлаетъ могучее войско послушнымъ орудіемъ въ рукахъ полководца. Соединеніе всѣхъ этихъ рѣдкостныхъ качествъ сдѣлало нѣмецкую армію образцомъ для большинства европейскихъ государствъ. Благодаря ей Германская имперія, подъ руководствомъ Пруссіи, стала однимъ изъ величайшихъ и самыхъ грозныхъ государствъ въ мірѣ, зорко слѣдящимъ за всѣми усовершенствованіями въ военномъ дѣлѣ.

За послѣдніе года достиженію такихъ успѣховъ не мало содѣйствовала духовная культура, которою располагаетъ нѣмецкій народъ. Какъ армія, такъ и школьное дѣло въ Германіи пользуются всеобщимъ уваженіемъ; университеты Германіи (числомъ 21) представляютъ единственныя въ своемъ родѣ учрежденія, съ которыми могутъ соперничать развѣ только университеты Австріи и Швейцаріи. Общее количество высшихъ учебныхъ заведеній для юношества мужескаго пола въ началѣ 1876 года достигало почти тысячи (971), съ 1,800 преподавателей и почти 17,000 учащихся. Наконецъ, народное образованіе въ Германіи занимаетъ первое мѣсто среди прочихъ государствъ, хотя въ отношеніи успѣховъ за послѣднее время оно осталось позади нѣкоторыхъ государствъ. Народныхъ училищъ насчитывается до 60,000 съ 6.000,000 учащихся, а учителей и учительницъ—около 80,000. На одно учащее лицо приходится около 75 человѣкъ учениковъ; на 1,000 жителей приходится 150 учениковъ; посѣщеніе школы обязательно для всѣхъ. Достойно упоминанія, что съ давняго времени прусское государство проявило много заботъ по дѣлу образованія; здѣсь нѣтъ почти ни одной деревушки, гдѣ-бы не было своей народной школы. Между прочимъ, за послѣднее время стали слышны солидные голоса критики, быть можетъ въ общемъ не совсѣмъ несправедливые, что нѣмецкая школьная система слишкомъ напрягаетъ духовныя силы дѣтей, что она преслѣдуетъ больше ученость, чѣмъ образованіе (а это далеко не все равно) и что она развиваетъ духъ рѣшительно въ ущербъ тѣлу.

Въ религіозномъ отношеніи Германская имперія не представляетъ такой утѣшительной картины. Основная черта нѣмецкаго характера—глубокая религіозность, наклонность къ мистицизму, и она привела къ расколу, который лишаетъ современную имперію благодѣяній религіознаго единства. Къ сожалѣнію здѣсь

существуетъ раздѣленіе на протестантовъ, которые составляютъ большинство, и на католиковъ, число которыхъ, впрочемъ, не достаточно велико, чтобы препятствовать религіозному единству. Протестантизмъ всего болѣе распространенъ на сѣверѣ, тогда какъ на югѣ Германіи большинство составляютъ католики, хотя далеко не въ такой пропорціи. На сѣверѣ протестантовъ насчитывается 70%, на югѣ—37%, при чемъ сюда входятъ лютеране, реформаты и уніаты. Такъ называемый «старо-католицизмъ», явленіе свойственное лишь нѣмецкому народному духу и поэтому только заслуживающее вниманія,—имѣетъ слишкомъ мало значенія, чтобы измѣнить религіозную физіономію имперіи. Гораздо болѣе въ этомъ отношеніи вліяетъ замѣтно возрастающій сравнительно съ прошлымъ, еврейскій элементъ, среди котораго преобладающимъ стремленіемъ является желаніе покинуть провинцію и селиться въ большихъ городахъ. Среди европейскихъ государствъ, по количеству евреевъ, Германская имперія занимаетъ шестое мѣсто, а изъ ея провинцій, въ свою очередь, одною изъ наиболѣе богатыхъ евреями является Эльзасъ-Лотарингія; впрочемъ, между появленіемъ евреевъ и распространеніемъ по имперіи славянъ наблюдается нѣкоторая связь, и именно максимумъ еврейскаго провинціальнаго населенія находится на востокѣ, т. е. какъ разъ тамъ, гдѣ живетъ польское населеніе. Это вполнѣ согласуется съ тѣмъ общимъ фактомъ, что въ Европѣ евреи болѣе всего распространены между славянами.

Австро-венгерская монархія.

Австро-венгерская монархія, занимающая площадь въ 625,560 кв. километровъ юго-восточной области Средней Европы, считается если не самымъ замѣчательнымъ, то, во всякомъ случаѣ, однимъ изъ самыхъ замѣчательныхъ государствъ нашей части свѣта. Превосходя сосѣднюю Германскую имперію, по занимаемому ею пространству почти на 85,000 кв. килом., она имѣетъ только 44.901,000 человѣкъ населенія, т. е. на 8 милліоновъ меньше сравнительно съ Германіею. Кромѣ того населеніе Австро-Венгріи представляетъ болѣе пестроты, чѣмъ какое-либо изъ разсмотрѣнныхъ нами ранѣе государствъ. Замѣчательно, что самыя западныя государства Европы владѣютъ и самымъ однороднымъ населеніемъ, тогда какъ съ приближеніемъ къ востоку эта однородность замѣтно уменьшается. Въ Германской имперіи мы имѣли случай наблюдать нѣкоторую примѣсь чуждыхъ этническихъ элементовъ, а въ Австро-Венгріи, Россіи и Турціи эта сложность этнографическихъ отношеній возрастаетъ до невѣроятныхъ размѣровъ.

Хотя въ географическомъ отношеніи Австро-Венгрія должна быть причислена къ Средней Европѣ, зато въ этнографическомъ,—а оно то именно и опредѣляетъ положеніе государства,—какъ въ силу упомянутой особенности ея, такъ и по другимъ причинамъ, она принадлежитъ къ Восточной Европѣ, именно къ той наибольшей области нашей части свѣта, на которую наложила свой отпечатокъ славянство,—въ противоположность Западной и Южной Европѣ, отличающейся романскимъ характеромъ, а также Средней и Сѣверной Европѣ, характеризующейся преобладаніемъ германскаго элемента. Пестрота

населенія Восточной Европы, конечно, влечетъ за собою то обстоятельство, что славянство нигдѣ не достигло такой исключительности и чистоты, которая характеризуетъ германскій и романскій элементы въ Средней и Западной Европѣ; въ противоположность послѣднимъ, оно повсюду перемѣшано съ другими народами, даже съ другими расами, часто разорвано на подобіе острововъ, заключаетъ въ себѣ чуждые по языку и происхожденію элементы; высшую степень неоднородности въ своемъ составѣ великое ядро славянства проявляетъ на своихъ окраинахъ. Однако, и это очень характерно,—славянская народность всюду обнаруживаетъ въ восточно-европейскихъ государствахъ значительный численный перевѣсъ сравнительно съ каждою изъ остальныхъ составныхъ частей населенія. Это мы можемъ наблюдать въ Австро-Венгріи, въ Россіи и на Балканскомъ полуостровѣ, и поэтому имѣемъ полное право, не обращая вниманія на незначительныя по численности націи, какъ напр. румыны, албанцы, греки, евреи, цыганы, мадьяры, финны и турки, татары, башкиры и т. д.,—говорить о славянскомъ востокѣ, хотя славянскій элементъ и не обладаетъ повсюду политическимъ господствомъ. Политическою независимостью пользуется только Россія, въ Австро-Венгріи же господство находится въ рукахъ меньшинства,—нѣмцевъ и мадьяръ. Нѣмцы, которые захватили управленіе дѣлами государства, и языкъ которыхъ сдѣлался оффиціальнымъ языкомъ арміи, флота и правительства западной половины государства, эти нѣмцы въ Австро-Венгріи составляютъ лишь $^1/_4$ населенія, мадьяры—немногимъ меньше, $^1/_6$; нѣмцевъ насчитывается самое большее—10.500,000 человѣкъ, мадьяръ—7.000,000 чел.; 3,000,000 румынъ, 1.800,000 евреевъ, 700,000 итальянцевъ съ родственными имъ фріулами и ладинами, 160,000 цыганъ; остальная цифра приходится на долю албанцевъ, грековъ и цинцаровъ, армянъ и т. д. Такимъ образомъ Австро-Венгрія по своему населенію ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть названа германскою державою; это скорѣе славянская держава, обнимающая собою, въ противоположность Россіи, католическое славянство, такъ какъ вообще католицизмъ является господствующею религіею Австро-Венгріи. Славяне не достигли господствующаго положенія въ дѣлахъ политики, и это объясняется тѣмъ, что они расщеплены на отдѣльныя, далеко отстоящія одно отъ другого племена, чѣмъ въ значительной степени увеличивается пестрота населенія монархіи. Такъ напр., здѣсь мы встрѣчаемъ чешскихъ славянъ (7.500,000), поляковъ (3.700,000), русиновъ и великоруссовъ (3.500,000), словенъ (1.300,000), кроатовъ (1.500,000), сербовъ (1.600,000) и наконецъ болгаръ (30,000). Всѣ эти племена распадаются на двѣ большія группы,—сѣверныхъ и южныхъ славянъ; къ первой группѣ относятся чехи въ Богеміи и Моравіи съ родственными имъ словаками Сѣверной Венгріи, поляки въ Силезіи, Галиціи и Буковинѣ; всѣ остальныя племена образуютъ группу южныхъ славянъ. Между этими двумя большими группами помѣстились въ Венгерской низменности мадьяры, румыны въ Южной Венгріи и нѣмцы на западѣ. Послѣдніе компактною массою занимаютъ обѣ придунайскія провинціи Австріи, граничащій съ Баваріею Зальцбургъ, затѣмъ сѣверную часть Тироля, Каринтію и Штирію, кромѣ того они расположились широкимъ вѣнкомъ около богемской котловины; кромѣ того, нѣмецкое населеніе разсѣяно по всей монархіи, вплоть до дальняго востока, въ видѣ островковъ. Замѣчательнѣйшіе между этими островками: Готче (Gottschee) въ Крайнѣ, горные города и Ципсъ въ Сѣверной Венгріи, нѣмецкія колоніи въ Банатѣ, и саксы въ Семиградской области. Если взять въ руки хорошую этнографическую карту монархіи, то тотчасъ же можно замѣтить, что здѣсь нѣтъ почти ни одной провинціи,—какъ говорятъ здѣсь „коронной земли“ („Kronland“),—которая имѣла бы вполнѣ однородное населеніе. Австро-Венгрія—самое многоязычное государство въ Европѣ и понятно, что въ различныхъ провинціяхъ существуютъ и различныя отношенія. Поэтому мы въ дальнѣйшемъ изложеніи сдѣлаемъ краткій обзоръ того, что имѣетъ отношеніе къ монархіи въ ея цѣломъ, а затѣмъ—въ краткихъ чертахъ опишемъ каждую отдѣльную провинцію этого разноплеменнаго государства.

Австро-венгерская имперія есть наслѣдственная конституціонная монархія, состоящая изъ двухъ совершенно искусственно и неодинаково распредѣленныхъ частей; одна обнимаетъ собою «королевства и земли, имѣющія представителей въ рейхсратѣ», другая—«земли венгерской короны». Вмѣсто перваго, очень неудачнаго названія, въ обыденной жизни употребляется одинаково неудачное названіе «Цислейтанія», а земли короны Стефана, въ противоположность ей, называютъ «Транслейтаніей». Собственно говоря, обѣ половины образуютъ два отдѣльныя

государства съ вполнѣ самостоятельными правительствами, отдѣльными государственными учрежденіями и, къ сожалѣнію, съ совершенно различными интересами, направленіемъ мыслей и симпатіями. Раздѣленіе ихъ простирается даже на почтовыя марки и чеканку монетъ. Въ Цислейтаніи существуетъ палата господъ (Herrenhaus) и депутатовъ, въ Венгріи — палата магнатовъ и палата депутатовъ (Magnatentafel & Tafel der Abgeordneten). Общія дѣла рѣшаются «делегаціями», которыя избираются изъ числа четырехъ названныхъ собраній, одной цислейтанской, и другой венгерской. Делегаціи собираются поочередно въ столицахъ обѣихъ половинъ имперіи — Вѣнѣ и Будапештѣ. Въ Цислейтаніи въ каждой провинціи для рѣшенія дѣлъ, имѣющихъ мѣстный интересъ, собирается сеймъ (Landtag); въ восточной половинѣ имперіи сеймы собираются только въ Кроаціи и Славоніи. Въ совершенно особомъ положеніи находится Далмація; въ 1868 году она была причислена къ области Кроація—Славонія—Далмація, которую поэтому называютъ «тріединымъ» королевствомъ, и въ то же самое время — къ «королевствамъ и землямъ, имѣющимъ представителей въ рейхсратѣ»; и дѣйствительно она посылаетъ въ Вѣну своихъ представителей въ палату депутатовъ и управляется цислейтанскимъ правительствомъ. Раздвоенность имперіи — «дуализмъ» — и связанное съ этимъ управленіе ею обусловливаютъ, конечно, и существованіе отдѣльныхъ министерствъ для каждой половины; но рядомъ съ ними имѣются три, общія обѣимъ половинамъ имперіи, министерства; они завѣдуютъ тѣми дѣлами, которыхъ еще не коснулся дуализмъ, и въ рѣшеніи которыхъ монархія такимъ образомъ является пока еще единымъ государствомъ; таковы министерство императорскаго двора и иностранныхъ дѣлъ, министерство финансовъ, вѣдающее общіе расходы государства, 70% которыхъ падаютъ на Цислейтанію и 30% на Транслейтанію, и — военное министерство; въ его вѣдѣніи находится армія, главнымъ полководцомъ которой состоитъ императоръ.

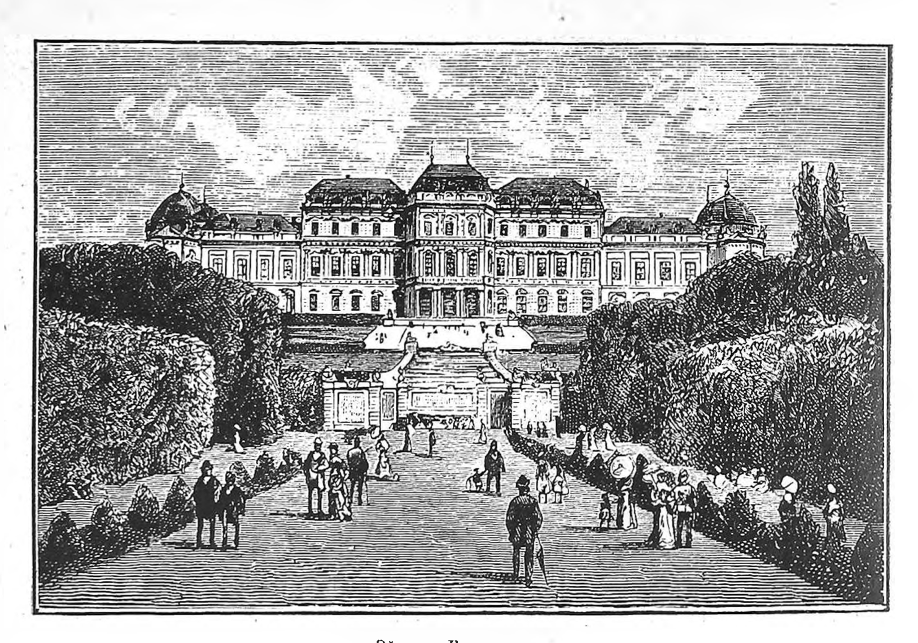
Войско имперіи, гдѣ, какъ и въ Германіи, введена всеобщая воинская повинность, въ мирное время состоитъ изъ 354,300 человѣкъ, а въ военное время можетъ быть увеличено до 1.872,000 челов. Кромѣ этой арміи каждая половина имперіи располагаетъ еще „ландверомъ“, который въ Венгріи называется гонведомъ (Honved). Въ составъ австро-венгерской арміи входятъ еще нѣкоторыя національныя войска; организація ихъ совершенна, какъ ни въ одной другой арміи; таковъ отрядъ фельдъегерей, рекрутируемыхъ въ альпійскихъ областяхъ, затѣмъ мадьярская кавалерія—гусары на проворныхъ венгерскихъ лошадяхъ. Точно также и австрійскіе уланы могутъ считать своими соперниками только развѣ русскихъ и отчасти прусскихъ уланъ. Военный флотъ, славный геройскими побѣдами, сравнительно съ протяженіемъ береговъ монархіи, малъ; въ немъ насчитывается 123 судна, въ томъ числѣ 14 броненосцевъ и 75 торпедныхъ лодокъ; орудій въ общемъ имѣется 684, экипажа—12,000 человѣкъ. Торговый флотъ располагаетъ 10,000 судовъ, въ числѣ ихъ—200 паровыхъ. Выдающуюся роль играетъ австрійское общество „Ллойдъ“ въ Тріестѣ; 70 паровыхъ судовъ этого общества совершаютъ рейсы по важнѣйшимъ путямъ къ малоазійскимъ берегамъ.

Обращаясь къ ближайшему обзору западной половины имперіи, мы прежде всего замѣчаемъ, что она состоитъ изъ 18 коронныхъ земель, которыя всѣ имѣютъ различныя историческія названія (герцогство, графство и т. д.) и широкимъ вѣнкомъ охватываютъ всѣ земли Венгерской короны. Такъ, герцогство Буковина, при-

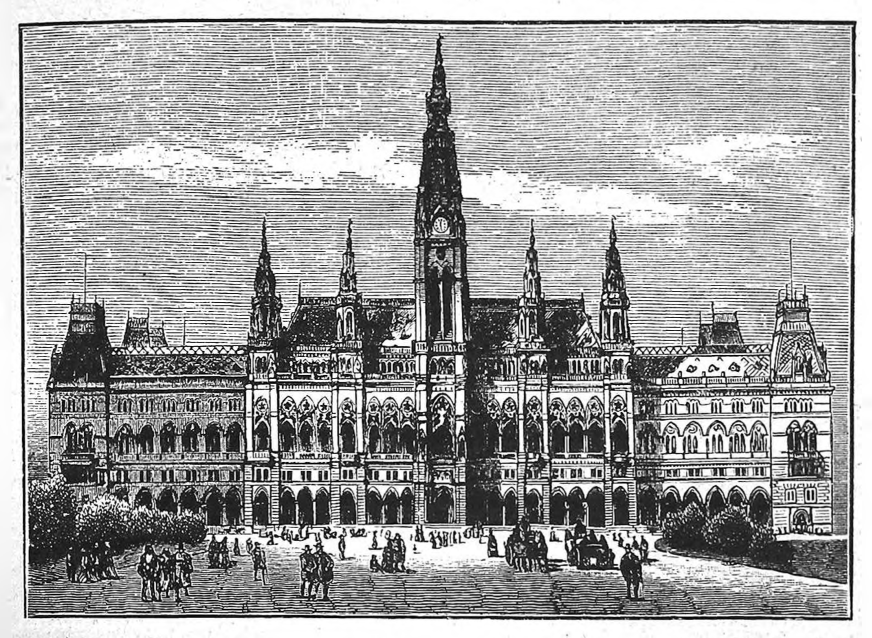
надлежащее къ «западной» половинѣ имперіи, расположено на крайнемъ востокѣ монархіи, а королевство Далмація совершенно отдѣлено отъ нея Венгерскою областью.

Эти 18 коронныхъ земель, отъ перечисленія которыхъ въ настоящее время мы не можемъ освободить читателя, суть слѣдующія: 1) Эрцгерцогство Австрія ниже Энса, 2) Эрцгерцогство Австрія выше Энса, 3) Герцогство Зальцбургъ, 4) герцогство Штирія, 5) герцогство Каринтія, 6) герцогство Крайна, 7) графство Герцъ и Градиска, 8) область города Тріеста, 9) маркграфство Истрія; три послѣднія извѣстны подъ названіемъ „береговой страны" и въ связи съ Каринтіей и Крайной образуютъ иллирійскія провинціи или Иллирію, 10) графство Тироль съ 11) землею Форарльбергъ, 12) королевство Богемія, 13) маркграфство Моравія, 14) герцогство Силезія, 15) королевство Галиція и Лодомерія, 16) великое герцогство Краковское, 17) герцогство Буковина, 18) королевство Далмація. Только ядро этихъ земель заселено нѣмцами, число которыхъ достигаетъ самое большее $7^{1}/_{2}$ милліоновъ; такимъ образомъ нѣмцы составляютъ лишь $^{1}/_{3}$ общаго населенія Цислейтаніи, гдѣ насчитывается до 22 милліоновъ жителей; остальныя двѣ трети почти исключительно составляютъ славяне, потому что итальянцы, живущіе въ Тиролѣ и затѣмъ—въ Тріестѣ и Далмаціи въ количествѣ 560,000 человѣкъ и составляющіе съ ладинами и фріулами 670,000 челов., едва-ли могутъ имѣть значеніе въ сравненіи съ внушительною цифрою славянъ (чеховъ, поляковъ, харватовъ, сербовъ и пр.),—свыше чѣмъ 14 милліоновъ.

Эрцгерцогство Австрія, раздѣляющееся на двѣ части, одну—выше Энса и другую—ниже Энса, или короче говоря, — Верхняя и Нижняя Австрія, охватываетъ долину Дуная отъ Инна до Марха (Моравы); это одинъ изъ самыхъ плодородныхъ округовъ монархіи; онъ имѣетъ 3.448,000 жителей; поля и виноградники находятся здѣсь въ цвѣтущемъ состояніи, а Верхняя Австрія, кромѣ того, славится обширными фруктовыми садами. Въ южныхъ частяхъ Альпъ, отличаю-



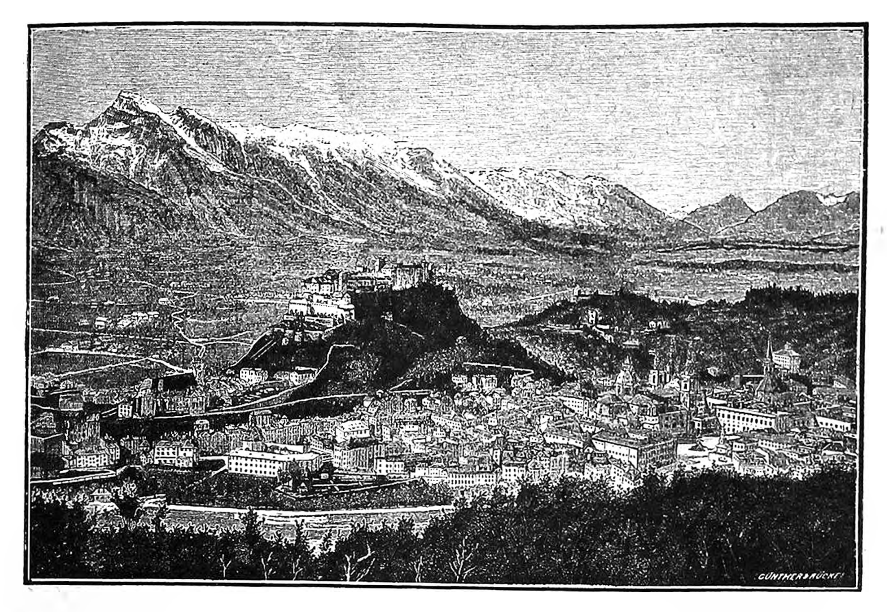
Вѣна.—Бельведеръ.



Вѣна.—Новая Ратуша.

щихся поразительною красотою, каковъ, напримѣръ, богатый озерами и охотно посѣщаемый иностранцами Зальцкаммергутъ въ Верхней Австріи, преобладаетъ скотоводство и альпійское хозяйство. Въ долинѣ Дуная расположенъ рядъ промышленныхъ городовъ, а множество фабрикъ обезпечиваютъ благосостояніе эрцгерцогства, которое обладаетъ самымъ густымъ населеніемъ сравнительно со всѣми коронными землями западной половины имперіи. Хотя католическое населеніе Австріи принадлежитъ къ нѣмецкому племени, по крайней мѣрѣ по языку, и приходится сродни сосѣднимъ баварцамъ, тѣмъ не менѣе страна къ югу отъ Дуная долгое время была заселена славянами, такъ что здѣсь произошла значительная смѣсь между племенами, почему и нѣмецкій языкъ Австріи заключаетъ теперь въ себѣ множество славизмовъ. Кромѣ того въ Нижней Австріи и въ настоящее время имѣются на лицо, хотя и въ незначительномъ количествѣ, чехославянскіе и кроатскіе элементы. Поэтому австріецъ, собственно говоря, представляетъ собою помѣсь, нѣмецкая оболочка которой имѣетъ очень недавнее происхожденіе; онъ отличается отъ своего сосѣда-германца и образомъ мыслей, и характеромъ, въ которомъ большая веселость и добродушіе рядомъ съ неоспоримою наклонностію къ матеріальнымъ удовольствіямъ и наслажденіемъ жизнью составляютъ преобладающія черты. Всѣ характеристическія черты австрійца, дурныя и хорошія, наиболѣе выпукло обнаруживаются въ жителѣ Вѣны, которая, будучи главнымъ городомъ эрцгерцогства ниже Энса, является въ то-же время главнымъ городомъ и столицею монархіи.

Вѣна расположена неподалеку отъ Дуная, и теперь все приближается къ рѣкѣ; каналъ, регулирующій теченіе Дуная, пересѣкаетъ этотъ городъ, занимающій площадь въ 55,25 кв. килом.; къ этой цифрѣ нужно прибавить еще 90,58 кв. килом., которые застроены 35 предмѣстьями, и большая часть изъ нихъ плотно прилегаетъ къ городу, отдѣляясь отъ него только такъ называемымъ „линейнымъ валомъ". Общее число жителей въ городѣ и предмѣстьяхъ достигаетъ 1.365,000. Вѣна принадлежитъ къ числу самыхъ блестящихъ городовъ Европы, особенно же со времени разрушенія древнихъ крѣпостныхъ стѣнъ, когда появились широкіе, изящные бульвары съ монументальными зданіями, по образцу Парижскихъ. Эти бульвары, называемые „рингами" (Ring-кольцо), окружаютъ древнее ядро города, гдѣ сохранились еще узкія, кривыя и мѣстами угловатыя улицы, но, соотвѣтственно непрерывному улучшенію города, по возможности уничтожаются. Жители Вѣны называютъ свою столицу для краткости просто „городомъ", когда говорятъ о пространствѣ, замкнутомъ бульварами; все то, что лежитъ за предѣлами этого кольца, уже считается предмѣстьями; здѣсь изящество уступаетъ мѣсто промышленной жизни. Блестящіе магазины, торговля, міръ дѣловыхъ людей, а также и аристократія, иностранныя посольства, высшія правительственныя учрежденія и министерства помѣщаются по преимуществу въ городѣ; здѣсь, кромѣ того, находится и императорскій дворецъ „Hofburg", обширное, но мало представительное зданіе. Среди „города" возвышается готическій соборъ св. Стефана; иглообразная колокольня его имѣетъ въ вышину 145 метровъ и, подобно куполу св. Петра въ Римѣ, видна отовсюду. Но и въ предмѣстьяхъ нѣтъ недостатка въ великолѣпныхъ зданіяхъ, палатахъ сановниковъ; большая часть этихъ зданій окружена садами, которые, благодаря щедрости владѣльцевъ, предоставлены въ безплатное пользованіе публики. Кромѣ того, Вѣна обладаетъ чудесными коллекціями произведеній искусства, прекрасною картинною галлереею въ Бельведерѣ, одною изъ величайшихъ въ мірѣ библіотекъ, образцовыми учрежденіями для бѣдныхъ, университетомъ и академіею наукъ, кромѣ того многими другими научными учрежденіями и, наконецъ, прекраснымъ театромъ. Въ предмѣстьяхъ сосредоточены различные виды промышленности; здѣсь имѣется множество шелковыхъ фабрикъ, шерстяныхъ, хлопчатобумажныхъ и кожевенныхъ заводовъ, заводовъ для выдѣлки металлическихъ вещей, музыкальныхъ инструментовъ, фарфоровыхъ издѣлій и экипажей. Торговля, поддерживаемая желѣзными дорогами, которыя идутъ по всѣмъ направленіямъ, очень значительна и ведется чрезъ Венгрію съ Турціей и Россіей, чрезъ Тріестъ — съ Левантомъ, Италіей и т. д. Извѣстнѣйшее увеселительное мѣсто въ Вѣнѣ — „Пратеръ", гдѣ рядомъ съ роскошью высшихъ классовъ развертывается незатѣйливая жизнь низшихъ классовъ населенія. Вѣнская жизнь, въ которой строгіе моралисты указываютъ предосудительныя стороны, во многомъ напоминаетъ жизнь Парижа, и этотъ веселый городъ на красивомъ голубомъ Дунаѣ не безъ основанія называется „нѣмецкимъ Парижемъ"; какъ французская метрополія, такъ и Вѣна производитъ чарующее впечатлѣніе на иностранца; послѣдній, впрочемъ, чувствовалъ бы себя здѣсь еще лучше, если бы не страшная дороговизна, господствующая въ городѣ. Вѣна—городъ вполнѣ космополитическій; она не имѣетъ національнаго характера: здѣсь рядомъ съ нѣмецкимъ языкомъ слышны всѣ языки монархіи, и встрѣчаются типы востока и запада, сѣвера и юга. Самъ житель Вѣны, представляя бо́льшій продуктъ смѣшенія, чѣмъ провинціальный австріецъ, унаслѣдовалъ отъ своихъ, часто очень разнородныхъ предковъ опредѣленный вкусъ къ прекрасному и наклонность къ тому, что въ Парижѣ называется „chic", а въ Вѣнѣ „fesch", и который проявляется въ костюмѣ, манерѣ и образѣ жизни. Наконецъ, житель Вѣны гордится своимъ городомъ, — „'s gibt nur a Kaiserstadt, 's gibt nur a Wien",— поется въ одной народной пѣснѣ,—и своею принадлежностью къ этому городу, и, хотя любитъ подражать чужому, однако весьма разборчивъ въ своихъ симпатіяхъ. Громадное большинство населенія Вѣны (какъ и вообще въ Австріи) болѣе симпатизируетъ французскимъ, чѣмъ сосѣднимъ нѣмецкимъ порядкамъ. Нѣмецкое національное чувство, пробудившееся здѣсь за послѣднее время, обусловливается политическимъ антагонизмомъ между національностями. Вѣна первая думаетъ и чувствуетъ совершенно по-австрійски и, какъ всякій австріецъ, съ любовью и вѣрностію предана своему царствующему дому. Эта краткая характеристика жителя Вѣны была бы неполною, если бы мы не упомянули о его изумительной благотворительности и любви къ красотамъ природы. Послѣдняя въ значительной степени поддерживается прелестью ландшафтовъ, окружающихъ Вѣну, которая въ этомъ отношеніи не имѣетъ себѣ соперниковъ между континентальными столицами Европы. Императорскіе увеселительные замки Шенбруннъ и Лаксенбургъ являются любимыми мѣстами для загородныхъ прогулокъ вѣнцевъ. Несмотря на свой титулъ „столица имперіи", Вѣна живетъ тихою, спокойною жизнью: здѣсь встаютъ рано и рано ложатся спать. Сплошь и рядомъ видишь, что уже въ 6 — 7 ч. утра на улицахъ масса народа, а въ 10 час. веч. на нихъ — никого.



Зальцбургъ.

Среди прочихъ городовъ эрцгерцогства ни одинъ, даже приблизительно, не можетъ сравниться по своему значенію съ Вѣною; зато къ числу характеристическихъ особенностей Нижней Австріи должны быть отнесены большіе монастыри съ ихъ великолѣпными постройками и многочисленныя развалины бурговъ, большинство которыхъ украшаетъ собою романтическіе берега Дуная (между Мелькомъ и Кремсомъ). Въ Верхней Австріи, гдѣ многолюдные города встрѣчаются еще рѣже, чѣмъ въ Нижней, и гдѣ населеніе разбросано по отдѣльнымъ, иной разъ очень богатымъ хуторамъ, главнымъ городомъ служитъ Линцъ (48,000 жителей), живописно раскинувшійся на берегу Дуная. Кромѣ того заслуживаетъ упоминанія привлекательный Ишль въ Зальцкаммергутѣ, со знаменитыми купальнями и горячими соляными ключами. Мягкій климатъ, равномѣрный, тепло-влажный, сухая почва и прекрасно-устроенный курортъ со всевозможными ваннами (изъ грязи, овечьей сыворотки, сосновыхъ иглъ),—есть даже русская баня,— все это привлекаеть сюда множество публики.

Герцогство Зальцбургъ (7,162 кв. килом. съ 173,500 жит.) представляетъ почти сплошную высокую горную страну; оно наполнено высокими цѣпями Зальцбургскихъ Альпъ и Тауэровъ, которые замыкаютъ долину Зальцаха и верхняго Энса. Понятно, что эта область заселена слабо и поддерживаетъ свое существованіе лишь скотоводствомъ и солянымъ промысломъ. Въ зальцбургскомъ Лунгау названія мѣстъ имѣютъ славянское происхожденіе, хотя въ настоящее время Зальцбургъ и принадлежитъ къ числу наиболѣе нѣмецкихъ провинцій монархіи. Единственный, заслуживающій упоминанія городъ—Зальцбургъ (27,000 жит.), главный городъ провинціи; это одинъ изъ наиболѣе живописныхъ городовъ Европы

Тирольскій типъ.

благодаря итальянскому стилю своихъ зданій, онъ получилъ названіе «нѣмецкаго Рима». Зальцбургскій архіепископъ носитъ титулъ «примаса Германіи». Изъ цѣлебныхъ источниковъ герцогства пользуется европейскою извѣстностью Вильдбадъ Гаштейнъ, находящійся въ дико-романтическомъ ущельѣ.

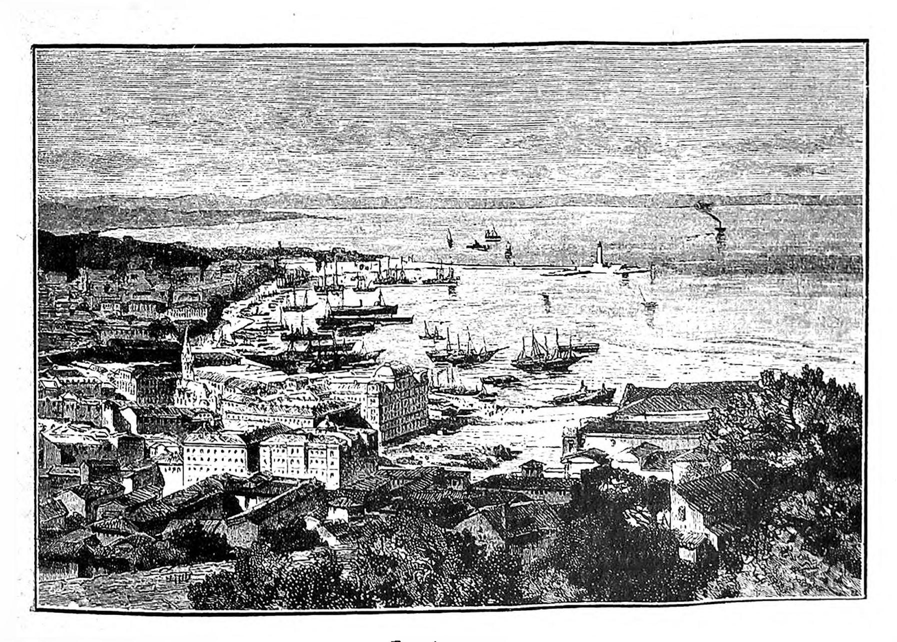
Графство Тироль съ Форарльбергомъ (29,300 кв. килом. съ 928,800 жит.), какъ и сосѣдній Зальцбургъ,—исключительно альпійская страна; здѣсь находятся самыя высокія возвышенности имперіи. По великолѣпію ландшафтовъ съ Тиролемъ не можетъ спорить ни одна изъ коронныхъ земель; это нужно сказать въ особенности о Бреннерскомъ проходѣ, который составляетъ границу между природою сѣвера и юга. Въ ландшафтномъ и этнографическомъ отношеніи мѣстность къ сѣверу отъ Бреннера принадлежитъ къ нѣмецкой Средней Европѣ, а другая ея половина относится къ итальянской Южной Европѣ; поэтому справедливо различаютъ Сѣверный или Нѣмецкій и Южный, или Вельшскій Тироль.

Тироль вообще заселенъ слабо, но сѣверная его часть малолюднѣе южной. На сѣверѣ находится извѣстный университетскій городъ Инсбрукъ, на Иннѣ, съ 36,800 жителей, и Фельдкирхъ (3,000 жит.), главный городъ Форарльберга, т.-е. сѣверо-западной части Альпійской страны, которая тянется до Боденскаго озера. Тирольскій нѣмецъ честенъ и вѣренъ, отличается простымъ, ровнымъ характеромъ и преданъ своему правителю; съ сосѣдомъ-баварцемъ онъ находится въ натянутыхъ отношеніяхъ. Онъ—строгій, набожный католикъ, находится подъ неограниченнымъ вліяніемъ патера, и съ неудовольствіемъ переноситъ присутствіе въ своей романтической родинѣ иновѣрца. Умственное развитіе его незначительно, промышленность мало развита; главный предметъ его дѣятельности составляетъ альпійское хозяйство. Жители нѣкоторыхъ долинъ, какъ, напр., Циллерской и Гефферегтенской, ежегодно отправляются въ чужія мѣста на лѣтніе заработки, а на зиму возвращаются домой. То же самое нужно сказать и относительно мэнтафунскихъ косарей Форарльберга. Славянскія черты, хотя и сильно германизованныя, и въ настоящее время еще довольно ясно замѣтны въ типѣ жителей Линца, Кальзерской, Тефферегтенской, Верхнепустерской долинъ и даже—Вельшскаго Тироля. Представителями славянскаго племени являются ладины (20,000 челов.); они приходятся сродни швейцарскимъ ретороманамъ и заселяютъ долины юго-восточнаго Тироля.

Въ болѣе благопріятныхъ условіяхъ находится Вельшскій Тироль съ его прекрасною долиною Эча, на которой находится рядъ довольно значительныхъ пунктовъ, какъ, напр., торговый городъ Боценъ (по-итальянски Bolzano), а по сосѣдству съ нимъ знаменитый климатическій курортъ Меранъ, затѣмъ резиденція епископа—Тріентъ и Ровередо, центръ торговли шелкомъ. Хотя Боценъ и расположенъ еще въ нѣмецкой области, однако нѣмецкій характеръ его успѣлъ уже изгладиться подъ наплывомъ вельшскаго

элемента. Еще не такъ давно Вельшскимъ Тиролемъ назывались только долины по правую сторону Эча, лѣвый же берегъ этой рѣки былъ областью нѣмецкаго языка, самыми южными выступами которой были Tredici, Communi около Вероны и Sette Communi, близъ Виченцы. Но въ XIX столѣтіи нѣмецкій языкъ постепенно утратилъ свое господство сперва въ церкви и школѣ, а затѣмъ и въ домашнемъ обиходѣ и уступилъ мѣсто итальянскому, который, въ качествѣ культурнаго языка, распространился по всей области, принадлежащей къ югу. Хотя вельшскій характеръ южнаго Тироля ни въ какомъ случаѣ не можетъ считаться первобытнымъ и самостоятельнымъ, при чемъ голубые глаза и бѣлокурые волосы часто обнаруживаютъ германское происхожденіе его жителей, тѣмъ не менѣе нельзя отрицать, что вельшскій тиролецъ значительно превосходитъ нѣмецкаго талантливостью, остроуміемъ, подвижностью, прилежаніемъ и трудолюбіемъ. Во всякомъ случаѣ онъ имѣетъ болѣе общаго съ южанами, чѣмъ съ нѣмецкими тирольцами.

Какъ Тироль и Зальцбургъ, такъ и герцогство Штирія (Steiermark 22,450 кв. килом., 1.283,000 жит.)—преимущественно альпійская страна; только на востокѣ горы постепенно понижаются, переходя въ Венгерскую равнину. Населеніе здѣсь почти вдвое плотнѣе, чѣмъ въ двухъ вышеупомянутыхъ коронныхъ земляхъ и, за исключеніемъ 7,200 протестантовъ, почти поголовно исповѣдуетъ католическую религію; на сѣверѣ Штиріи живутъ нѣмцы, а на югѣ венды или словены, среди которыхъ, въ видѣ небольшихъ островковъ, встрѣчаются нѣмцы. Въ нѣмецкой части лежитъ красивый главный городъ герцогства Грацъ (112,000 жителей); онъ построенъ при подошвѣ холма, засаженнаго виноградными лозами, орошается рѣкою Муромъ, и извѣстенъ своимъ университетомъ; затѣмъ идутъ города Бруккъ, Леобенъ и Юденбургъ. На югѣ или въ Южной Штиріи, называемой также Вендскою Маркою, на самомъ рубежѣ нарѣчій, лежитъ Марбургъ,



Тріестъ.

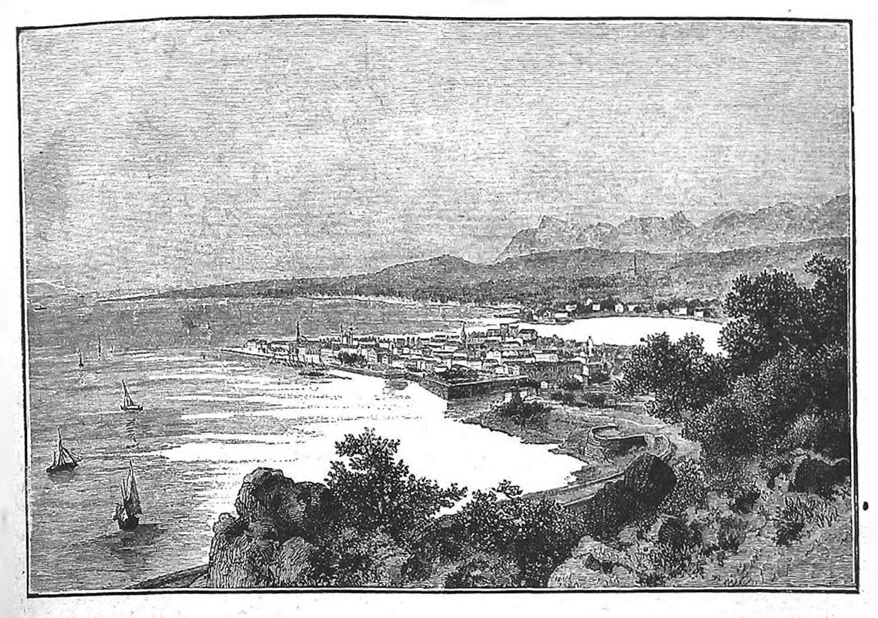
резиденція епископа, Цилли, въ окрестностяхъ котораго находится много курортовъ, богатыхъ по преимуществу теплыми сѣрными источниками, и на кроатской границѣ Рогичъ (Rohitsch), извѣстный кислыми минеральными источниками.

Королевство Иллирія (28,272 кв. килом. и 1.555,000 жит.) состоитъ изъ герцогствъ Каринтіи и Крайны, графства Герцъ и Градиска, города Тріеста съ его областью, и маркграфства Истріи и представляетъ по преимуществу славянскую провинцію, исключая только альпійскую горную страну Каринтію, заключающую въ себѣ долину Дравы, гдѣ преобладаетъ нѣмецкое населеніе. Славянское, именно вендское населеніе, смѣшанное съ нѣмецкимъ, находится здѣсь только къ юго-востоку отъ живописнаго главнаго города Иллиріи, Клагенфурта,—до границы Крайны. Зато Крайна, вся покрытая Карстскими горами, заселена почти исключительно вендами, или словенами. Островки нѣмецкаго языка встрѣчаются здѣсь рѣдко; но среди этихъ спорадическихъ разсѣянныхъ мѣстъ есть одно довольно значительное по размѣрамъ; это Готче, у кроатской границы. Въ главномъ городѣ Крайны, Лайбахѣ (30,500 жит.), равно какъ въ нѣкоторыхъ другихъ мѣстностяхъ оба языка пользуются одинаковымъ господствомъ. На побережьи находится нѣсколько незначительныхъ нѣмецкихъ колоній въ Гёрцѣ при Изонцо (20,000 жит.) и въ Тріестѣ, прекрасномъ, отчасти очень правильно выстроенномъ портѣ на берегу Адріатики; Тріестъ не только самый важный городъ Иллиріи, но и значительнѣйшій торговый городъ монархіи, побѣдоносно соперничающій съ итальянскою Венеціею.

Въ Тріестѣ, область котораго имѣетъ чисто словенское населеніе, мѣсто славянъ заступаютъ итальянцы, которыхъ мы встрѣчаемъ и на побережьи. Они живутъ преимущественно по адріатическому берегу Истріи, но встрѣчаются и почти во всѣхъ внутреннихъ мѣстахъ страны; наконецъ, по низменности, по правому берегу р. Изонцо, живутъ фріулы. Итальянскій языкъ въ Истріи и Тріестѣ сталъ обиходнымъ языкомъ образованнаго класса. Остальное населеніе, какъ уже сказано, принадлежитъ къ славянскому племени: отчасти словены, отчасти кроатосербы (въ Истріи). Къ послѣднимъ относятся живущіе позади итальянцевъ, на западномъ берегу полуострова, морлаки и бѣдные, нетребовательные чичи, на сѣверо-востокѣ.

Общее число словенъ можно опредѣлить въ 1.271,000 человѣкъ; изъ нихъ на Австрію приходится около 1.177,000 и на долю Венгріи 94,000 человѣкъ. Словены большею частію высоки ростомъ и сильны; словенскія женщины, которыя вообще считаются красивыми, также обладаютъ высокимъ ростомъ, стройностью и имѣютъ добрыя, миловидныя лица. Рослая фигура словенца значительно выигрываетъ отъ національнаго костюма. Впрочемъ, національные костюмы, равно какъ и нѣкоторыя другія народныя особенности, уступаютъ нивеллирующему вліянію культуры. Жители Верхней Крайны, особенно въ мѣстахъ, отдаленныхъ отъ Лайбаха, отличаются разсудительностью. Здѣсь съ крайнимъ ожесточеніемъ ведется „борьба за существованіе“, теряющая свою напряженность только на сѣверо-западѣ, на границѣ Каринтіи. Кромѣ обработки почвы жители Крайны занимаются разнаго рода обработывающею промышленностью; особенно развито здѣсь производство желѣзныхъ издѣлій, которое обезпечиваетъ населенію этой мѣстности вполнѣ достаточный заработокъ. Житель Верхней Крайны гордъ, трудолюбивъ и смышленъ. Жить среди этого народа, здороваго и духомъ и тѣломъ, отрадно. Нижнекраинецъ, занимающійся винодѣліемъ, живетъ въ довольствѣ, но нѣсколько легкомысленъ; онъ беззаботно пользуется вѣрнымъ „сегодня“, не безпокоясь о неизвѣстномъ „завтра“. Если виноградъ уродился, здѣсь повсюду царитъ веселье; въ противномъ случаѣ въ дверь доселѣ столь безпечнаго нижнекраинца нерѣдко стучитъ своею костлявою рукою голодная злодѣйка—нужда.

Чтобы не выходить изъ границъ австрійской области южныхъ славянъ, ска-



З а р а.

жемъ нѣсколько словъ о королевствѣ Далмаціи, отдѣленномъ отъ остальныхъ коронныхъ земель Цислейтаніи. Это королевство занимаетъ узкую, голую, безплодную прибрежную полосу, которая идетъ по берегу Адріатическаго моря. Здѣсь совсѣмъ нѣтъ нѣмцевъ, и представителями высшей культуры являются итальянцы, которые живутъ исключительно въ городахъ и держатъ въ своихъ рукахъ всю торговлю. Преимущественно живутъ итальянцы въ Зарѣ (28,000 жит.), главномъ городѣ королевства, и прибрежныхъ мѣстностяхъ: Себенико, Трау, Спалато и Рагузѣ, а также въ портахъ Лезина и Курцола, на одноименныхъ съ ними островахъ. Внутри страны нѣтъ ни одного сколько-нибудь замѣчательнаго города; здѣсь живетъ по большей части страшно нерадивое населеніе, состоящее главнымъ образомъ изъ морлаковъ, а на югѣ, вокругъ знаменитаго Bocche di Cattaro— изъ дикихъ боккесовъ, родственныхъ сосѣднимъ черногорцамъ. Эта слабо населенная страна находится на сравнительно низкой ступени культурнаго развитія.

Уже въ сѣверныхъ округахъ Далмаціи жизнь народа принимаетъ характерный отпечатокъ, имѣющій мало общаго съ обычаями Западной Европы. Жители одѣваются по восточному, красивая голова покрыта феской или красною толстою чалмою, а изъ-подъ нея на рѣзкомъ, обвѣтрившемся лицѣ свѣтятся черные блестящіе глаза; на плечахъ развѣвается ярко-красный бурнусъ, на широкомъ поясѣ виситъ любимецъ, острый кинжалъ, и неизбѣжные пистолеты. Въ такомъ костюмѣ и вооруженіи, подобно номаду Востока, бродитъ безпокойный сынъ Далматскихъ известковыхъ горъ день и ночь, ликующею весною и въ непогоду по дикимъ ущельямъ своей родины, иногда подолгу не зная другого ложа во время ночи

кромѣ камня подъ головою и голубого звѣзднаго неба надъ собою. Самое одичалое племя въ Далмаціи—это, безъ сомнѣнія,—боккесы, которые превосходятъ всѣхъ другихъ мужествомъ и смѣлостью, особенно въ мореплаваніи, но по талантливости и честности стоятъ ниже ихъ всѣхъ. Они отличаются жестокостью и въ этомъ отношеніи могутъ спорить съ турками. Главною причиною ихъ отсталости является бѣдность, которая объясняется плохо-вознаграждаемою обработкою малоплодородной почвы.

Отрадную картину представляютъ нѣкоторыя изъ тѣхъ коронныхъ земель Австрійской монархіи, которыя, по главной массѣ ихъ населенія, мы можемъ назвать сѣверно-славянскими. Но особенно пріятныя картины встрѣчаемъ мы въ «земляхъ короны Венцеслава», подъ которыми разумѣются королевство Богемія, маркграфство Моравія и герцогство Силезія. Богемія—самый блестящій брилліантъ австрійской императорской короны. Не только благопріятныя качества ея плодородной почвы, не только минеральныя и прочія богатства, скрытыя въ ней, но и прилежаніе ея жителей сдѣлали Богемію самою богатою и промышленною страною монархіи. Процвѣтанію этой провинціи въ одинаковой степени содѣйствуютъ оба племени, населяющія Богемію,—и нѣмцы, и чехи, хотя какъ тѣ, такъ и другіе, подстрекаемые взаимною враждою, оспариваютъ другъ у друга право на исключительное пользованіе этою честью. Наиболѣе промышленные города имперіи находятся въ Богеміи и Моравіи. Послѣ Праги, главнаго города Богеміи (310,500 жит.), лежащаго на величественной Молдавѣ одного изъ роскошнѣйшихъ городовъ континентальной Европы, первое мѣсто по фабричной промышленности занимаетъ блестящій Рейхенбергъ; за нимъ слѣдуютъ Румбургъ, Габлонцъ, Шлуккенау, Браунау и т. п. Сѣверная, нѣмецкая часть Богеміи извѣстна разнообразными отраслями ткацкой промышленности; фабрикація стеклянныхъ издѣлій наиболѣе развита въ Богемскомъ Лѣсу, а въ чешской котловинѣ процвѣтаютъ свекловичное и пивоваренное производства. Пильзенъ, Будвейсъ, Ичинъ, Кладно, Пизель — вотъ нѣкоторыя изъ многихъ, достойныхъ вниманія городовъ Богеміи. Въ нѣмецкой и чешской областяхъ широко развитъ горнозаводскій промыселъ. Курорты: Карлсбадъ, Маріенбадъ и Франценсбадъ пользуются всемірною извѣстностію. Главный городъ благодатнаго маркграфства Моравіи, Брюннъ (95,000 жит.) стоитъ во главѣ шерстяной промышленности, которая стоитъ на значительной высотѣ также и въ другихъ городахъ, какъ напр. въ Никольсбургѣ, Иглау, Прерау, Просницѣ, Штернбергѣ, Кремзирѣ и др. Сосѣдняя Силезія, тоже славящаяся своею промышленностію, извѣстна преимущественно производствомъ и выдѣлкою льна, которое сосредоточено въ двухъ ея главныхъ городахъ—Троппау (20,000 жит.) и Тешенѣ.

Въ то время какъ нѣмцы, составляющіе около $^{2}/_{5}$ общаго $5^{3}/_{4}$ милліоннаго населенія Богеміи, заселяютъ пограничную полосу страны, особенно же сѣверную часть ея, чехи поселились внутри страны и заняли окраину на границѣ Моравіи, — провинціи, гораздо болѣе славянской, чѣмъ сама Богемія. Правда, и послѣдняя имѣетъ ясно выраженный славянскій характеръ; но чехи, какъ народность, занимающая передовой постъ славянства въ направленіи къ С.-З., подверглись нѣмецкому вліянію, которое обнаруживается въ ихъ нравахъ, образѣ жизни, порядкахъ, костюмѣ и т. д. Тѣмъ не менѣе, утверждать,

что у чеховъ не осталось ничего славянскаго, кромѣ языка; можетъ лишь человѣкъ, поверхностно наблюдавшій этотъ народъ. Р. Андре указываетъ глубокую разницу, которая существуетъ между жилищами славянъ и нѣмцевъ, и кто путешествовалъ по Богеміи, тотъ знакомъ съ громадною разницею въ расположеніи чешской и нѣмецкой деревни. Дѣйствительно, было время, когда въ Богеміи сильно чувствовалось нѣмецкое вліяніе, когда Прага могла показаться чисто нѣмецкимъ городомъ, а нѣмецкій языкъ былъ понятенъ вездѣ. Но все это измѣнилось въ поразительно короткое время. Объяснить это можно тѣмъ, что Австрія вовсе не такое нѣмецкое государство, какимъ ее представляли нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Нѣмецкій характеръ привитъ былъ ей искусственно, и современное распаденіе ея на отдѣльныя національности есть естественный процессъ, который только долгое время былъ подавляемъ. Въ дѣйствительности, все, что стало за послѣднее время въ Богеміи чешскимъ, было таковымъ и прежде, и быстрое распространеніе чешскаго движенія является лучшимъ опроверженіемъ того мнѣнія, будто въ Чехіи не осталось ничего славянскаго, кромѣ языка. Славянство составляетъ здѣсь внутреннее содержаніе, а германизмъ былъ лишь оболочкою, которую наложила на него сила обстоятельствъ. Кажущаяся принадлежность къ нѣмецкому племени теперь исчезла, и истинный элементъ народности выступаетъ наружу. Германизмъ въ Австріи, не имѣя самобытности, не былъ въ состояніи удержаться ни въ Штиріи, ни въ Богеміи, ни въ Крайнѣ, ни въ Италіи, ни въ Тиролѣ, ни въ Венгріи, не говоря уже о тѣхъ мѣстностяхъ, которыя Австрія, или, собственно говоря, ея нѣмецкое правительство, хотѣли насильственно сдѣлать нѣмецкими.

Моравія заселена также чехами и родственными имъ племенами. Между ними различаютъ: ганаковъ—въ долинѣ Моравы, по обоимъ берегамъ ея притока, р. Гана; кроатовъ, кораковъ, которые живутъ къ югу отъ ганаковъ до венгерской границы и далѣе, валаховъ, на гористомъ Ю.-В., ляховъ или поляковъ, которые занимаютъ главнымъ образомъ восточную часть австрійской Силезіи; наконецъ гораковъ и подгораковъ—во всей западной части Моравіи. Эти чехо-славяне, бывшіе прежде единственными владѣтелями Моравіи, въ настоящее время составляютъ почти $^3/_4$ всего населенія; изъ 2.277,000 жит. здѣсь насчитывается только 550,000 нѣмцевъ и 50,000 евреевъ; послѣдніе, хотя всѣ понимаютъ нѣмецкій языкъ, но, какъ семиты, не могутъ быть причислены къ нѣмцамъ. Они живутъ главнымъ образомъ въ большихъ городахъ и очень быстро умножаются въ Моравіи и Богеміи, равно какъ и во всѣхъ славянскихъ областяхъ. Что касается чеха вообще, то его національный характеръ имѣетъ много прекрасныхъ сторонъ; онъ трудолюбивъ и очень прилеженъ; чешскіе рабочіе наряду съ итальянскими во всей монархіи пользуются лучшею репутаціею; среди всѣхъ славянъ чехи—самый прогрессивный народъ и вмѣстѣ съ русскими — самый даровитый. Чешскіе полки считаются самыми лучшими и самыми храбрыми въ австрійской арміи; многіе сановники Австріи по происхожденію чехи. Чехи размножаются быстрѣе другихъ племенъ и вынуждены искать мѣста за границами своей тѣсной родины. Они извѣстны также своими музыкальными способностями.

Послѣднія изъ цислейтанскихъ государствъ, которыя намъ остается разсмотрѣть, слѣдующія: королевство Галиція съ Ломбардіей, великое герцогство Краковское, и герцогства Заторъ и Аушвицъ; всѣ они въ общей сложности занимаютъ площадь въ 78,532 кв. километровъ и имѣютъ 6.608,000 жителей; наконецъ герцогство Буковина (10,456 кв. килом., 646,600 жит.). За исключеніемъ сѣверныхъ склоновъ Карпатскихъ горъ, вся эта мѣстность представляетъ низменную плодородную, земледѣльческую страну, и поэтому хлѣбопашество составляетъ главный промыселъ населенія. Промышленность здѣсь развита сравнительно слабо. Заслуживаетъ вниманія лишь одна отрасль ея, — горнозаводство, въ частности — соляной промыселъ (Величка и Бохнія); добываются и обрабатываются здѣсь также и нѣкоторые другіе минералы и нефть (близъ Борислава). Только два главныхъ города,—Лембергъ (Львовъ) на В. съ 128,000 жителей и Краковъ (95,000 жит.), городъ, въ которомъ прежде короновались польскіе короли,—по своимъ постройкамъ заслуживаютъ упоминанія и по внѣшности при-

ближаются къ типу западно-европейскихъ городовъ. Всѣ же прочіе, какъ бы ни были они важны въ коммерческомъ отношеніи, похожи на большія деревни. Изъ такихъ пунктовъ наиболѣе замѣчательны: Пржемысль, Броды, вольный торговый городъ, Бржезань, Тарнополь, Замборъ, Дрогобичъ, Станиславовъ, Коломея, Тарновъ и Ржешовъ. Въ герцогствѣ Буковина нѣкоторое значеніе имѣетъ только главный городъ Черновицъ (54,000 жителей), съ университетомъ, основаннымъ въ 1875 году.

Населеніе разсматриваемыхъ провинцій, преимущественно славянское, распадается на два племени: поляковъ, на западѣ, въ области Вислы, и русиновъ на востокѣ. Первые говорятъ на польскомъ языкѣ и принадлежатъ къ римско-католической церкви; послѣдніе говорятъ по-малороссійски и исповѣдуютъ православную религію. Настоящимъ бичемъ страны являются евреи, которые въ иныхъ городахъ составляютъ цѣлую четверть населенія, а иногда даже и больше, напр., въ Бродахъ, гдѣ число ихъ доходитъ до 60% общаго населенія. Большинство евреевъ говоритъ или понимаетъ нѣмецкій языкъ и стоитъ на высшей степени развитія сравнительно со своими сосѣдями. Торговля находится исключительно въ рукахъ евреевъ, и эти „культуртрегеры востока“ одинаково выжимаютъ сокъ какъ изъ крестьянъ, такъ и изъ помѣщиковъ. Число поляковъ въ Галиціи простирается до $2^1/_2$ милліоновъ. Поляки, какъ и шведы, не безъ основанія называются французами востока; дѣйствительно въ ряду славянскихъ народовъ они играютъ роль, аналогичную съ тою, которая приходится на долю французовъ среди романскихъ народовъ. Пылкіе и остроумные, проникнутые любовью къ родинѣ, высоко цѣнящіе храбрость, независимость и свободу, они соединяютъ съ этими прекрасными качествами и ту національную раздражительность, которая характеризуетъ французовъ и которая была такъ пагубна для обоихъ народовъ. Впрочемъ, поляки Галиціи находятся на очень низкой ступени культуры; мѣстами они коснѣютъ въ невѣжествѣ и грязи и находятся въ полной зависимости отъ евреевъ; послѣдніе, въ качествѣ шинкарей и мелкихъ торговцевъ, всюду усердно работаютъ надъ раззореніемъ страны, а въ качествѣ посредниковъ въ разнаго рода дѣлишкахъ и кабатчиковъ систематически содѣйствуютъ нравственной распущенности и умственному отупѣнію народа. Галицкіе русины, числомъ около 3 милліоновъ, принадлежатъ къ многочисленной малорусской народности и составляютъ главную массу населенія Восточной Галиціи, распространяясь и въ Западной Галиціи, черезъ р. Санъ, ихъ первоначальную границу, и вытѣсняя отсюда польскій элементъ, затѣмъ — въ Буковину и Венгрію, и вытѣсняя изъ первой румынъ, а изъ второй — мадъяръ. Названіе „русины“ — безусловно неудачно; ихъ нужно отнести скорѣе къ тому племени, къ которому принадлежатъ по своему языку великороссы. Въ Карпатахъ, гдѣ живутъ стойки и гузулы, типъ русинъ сохранился въ наибольшей чистотѣ, и въ ихъ костюмѣ и нравахъ видны слѣды древняго славянства, тогда какъ среди подоловъ замѣтенъ переходъ къ типу великорусскому. Русины — крѣпкое, закаленное племя; они сильны, красиво сложены, обладаютъ цвѣтущимъ здоровьемъ, любятъ свободу и исполнены чувствомъ собственнаго достоинства. По основнымъ чертамъ характера русины принадлежатъ къ соціалъ-демократамъ; поэтому дворянства у нихъ не существуетъ. Буковина замѣчательна въ этнографическомъ отношеніи пестротою своего населенія. Здѣсь насчитывается восемь національностей (русины, румыны, нѣмцы, поляки, мадъяры, евреи, армяне, чехи) и восемь вѣроисповѣданій (православное и уніатское, католическое, еврейское, лютеранское, кальвинистское, армяно-грегоріанское и армяно-католическое). Главную массу населенія образуютъ румыны и русины.

Обратимся теперь къ Венгріи, т. е. къ восточной половинѣ имперіи, которая занимаетъ площадь въ 325,324 кв. километровъ, представляя, такимъ образомъ, большую часть имперіи, такъ какъ на Цислейтанію приходится только 300,232 кв. километровъ. Венгрія, или какъ она называется оффиціально, «земли венгерской короны», — состоитъ изъ собственнаго королевства Венгріи (Magyar Ország), великаго княжества Трансильваніи (Erdély Ország), приморскаго города Фіуме, въ округѣ котораго насчитывается 30,300 жителей, королевства

Кроаціи (Horvát Ország) и наконецъ Славоніи (Tot Orszáq). Прежняя «Военная Граница» съ 1873 года «провинціализована», т. е. раздѣлена между сосѣдними гражданскими округами, называемыми въ венгерской области «комитатами», и получила гражданское управленіе. Въ административномъ отношеніи Венгрія и Трансильванія (Семиградія) составляютъ теперь «нераздѣльную землю». Изъ 17.464,000 жителей, составляющихъ населеніе Венгріи, по даннымъ 1890 года, 7.431,000 человѣкъ принадлежитъ къ мадъярскому, т. е. урало-алтайскому племени, которое находится въ близкомъ родствѣ съ финнами. Слѣдующее мѣсто по численности (2.592,000 чел.) занимаетъ молдаво-валашское или румынское племя, затѣмъ кроато-сербское (2.604,000 чел.). Чешскихъ славянъ тамъ живетъ почти 2 милліона, нѣмцевъ—2.106,000, евреевъ—725,000, русиновъ—383,000, словенъ—94,000; наконецъ, здѣсь живутъ болгары, цыгане и т. д.

Изъ приведенныхъ цифръ усматривается, что главное племя, мадъяры, составляютъ лишь относительное, а не абсолютное большинство населенія страны. Они составляютъ не болѣе, какъ ¹/₃ всего населенія, и въ этомъ отношеніи ихъ численное количество напоминаетъ пропорцію нѣмцевъ въ Цислейтаніи. Кромѣ того, приростъ венгерскаго населенія совершается очень медленно; вообще мадъярское племя отличается особенною медленностью увеличенія. Приростъ населенія всего болѣе замѣтенъ среди словаковъ и менѣе—среди нѣмцевъ, русиновъ и кроатовъ.

Значительная часть венгерскихъ нѣмцевъ не только мадъяризовалась, но на сѣверѣ страны даже подверглась вліянію славянства. Внутри собственной Венгріи нѣмцы живутъ не отдѣльными незначительными островками, а широко раскинулись по всей провинціи. Въ Славоніи, Кроаціи и прежней Военной Границѣ нѣмцы значительно превосходятъ своею численностію мадъяръ; при этомъ ихъ всего больше встрѣчается въ городахъ, такъ что нѣкоторые наиболѣе важные торговые города (напр. Темешваръ) стали нѣмецкими по преимуществу. Промышленность и торговля, наука, печать и театръ всецѣло находятся въ рукахъ нѣмцевъ. Мы не сдѣлаемъ ошибки, если ²/₃ населенія главнаго города этой провинціи, Пешта, и все населеніе Офена, а также Прессбурга, причислимъ къ нѣмецкой національности. Но этотъ численный перевѣсъ нѣмецкой націи не имѣетъ особеннаго значенія, такъ какъ по всей Венгріи замѣчается ослабленіе германизма и въ моральномъ, и въ количественномъ отношеніяхъ. Въ прежнее время почти всѣ города Верхней Венгріи были центрами нѣмецкой жизни, нѣмецкихъ промысловъ, нѣмецкаго образованія; теперь же многіе изъ нихъ спустились до степени жалкихъ деревень, жители ихъ разсѣялись, иные обнищали и сдѣлались мадъярами или словаками. Заслуживаетъ вниманіе равнымъ образомъ и тотъ фактъ, что здѣсь существуютъ также и обрусинившіеся нѣмцы; а тѣ пункты, которые остались еще городами, находятся почти совершенно внѣ мірового движенія, не отличаясь ни промышленностью, ни благосостояніемъ, и нѣмецкая національность удержалась лишь въ немногихъ изъ нихъ. Такое положеніе вещей тѣмъ безотраднѣе, что нѣмцы принесли въ жертву свою національность не только мадъярамъ, но даже словакамъ, стоящимъ гораздо ниже ихъ въ моральномъ и интеллектуальномъ отношеніяхъ. Это славянизированіе продолжается и въ настоящее время. Къ сожалѣнію, нѣмцы вмѣстѣ съ языкомъ утрачиваютъ и свои общественныя добродѣтели; нѣмцы, ставшіе словаками, а въ особенности обрусинившіеся предаются пьянству, становятся лѣнивы и нечистоплотны. Совершенно противоположное наблюдается среди южно-венгерскихъ нѣмцевъ; здѣсь не-нѣмецкіе элементы приходятъ все въ большій упадокъ. Но къ этимъ южно-венгерскимъ нѣмцамъ не слѣдуетъ причислять 225,000 нѣмцевъ Семиградіи, такъ называемыхъ саксовъ; послѣдніе не только не увеличиваются въ своемъ количествѣ, но даже уменьшаются, въ чемъ повинна не столько систематическая мадъяризація ихъ, сколько ихъ собственныя учрежденія. Саксы, пользуясь древними, проникнутыми духомъ средневѣковья привиллегіями, такъ сказать, задыхаются отъ собственнаго богатства и подвергаются неизбѣжному процессу разложенія. Крупныя земельныя владѣнія были ихъ несчастіемъ. У нихъ не хватало ни силъ, ни ума, ослабѣвшаго подъ покровомъ привиллегій, для того, чтобы вести какъ слѣдуетъ хозяйство или ремесла. Ихъ не спасло и увеличеніе въ семействахъ, которое могло-бы помочь имъ, заставивъ обратиться къ работѣ; вмѣсто того они, подобно патриціямъ, пригласили къ себѣ безземельныхъ румынъ,

предоставивъ имъ за извѣстную плату пользоваться своими полями, лугами и пастбищами; сами же земледѣльцы стремились лишь къ тому, чтобы занять господствующее положеніе, искали коронной службы, арендовали общественные мельницы, общественные шинки и пастбища, передавъ въ руки румынъ всѣ отрасли лѣсного и сельскаго хозяйства. Такимъ путемъ, оставаясь на высотѣ своего привиллегированнаго положенія, саксы порвали связь [съ трудовой жизнью. Слѣдовательно, только въ Южной Венгріи имѣются еще нѣкоторые шансы на процвѣтаніе нѣмецкаго элемента.

Не такова судьба славянъ. Венгерскіе славяне представляютъ множество подраздѣленій и оттѣнковъ. Славяне Южной Венгріи, среди которыхъ кроаты исповѣдуютъ по большей части католическую религію, а сербы—православную, существенно отличаются отъ сѣверныхъ славянъ, живущихъ въ Западныхъ Карпатахъ и на востокѣ. На западѣ почти каждая группа горъ имѣетъ особую расу; такъ, въ Татрѣ живутъ горулы, родственное чехамъ племя на границѣ Моравіи; на востокѣ встрѣчаемъ чисто русинскую кровь, которая все-таки нѣсколько отличается отъ крови галиційскихъ русинъ. Эти венгерскіе русины могутъ считаться ближайшими родственниками великоруссовъ; отъ сосѣднихъ поляковъ они отличаются и по языку, и по жизни, тѣлосложенію и образу мыслей. Раздѣленіе русиновъ на лишаковъ и лемаковъ не имѣетъ никакого значенія; гораздо основательнѣе дѣлить венгерскихъ русинъ на верховинцевъ и долишнинцевъ. И здѣсь обнаруживается тотъ фактъ, что первые сохранили свой первобытный типъ во всей его чистотѣ, тогда какъ послѣдніе даже въ своемъ языкѣ допустили заимствованія у чуждыхъ народностей, вмѣсто національныхъ выраженій, употребляющихся у верховинцевъ. Еще и теперь обрусинившіеся нѣмцы, живущіе въ Ципсѣ и Саросѣ, не мало отличаются отъ долишнинцевъ. За то къ сѣверу отъ Магуры живутъ вполнѣ потерявшіе свою національность, ословачившіеся русины, а также русины—съ сильною примѣсью словакской крови: сотаки, аваки и цепераки. Въ религіозномъ отношеніи венгерскіе русины распадаются на католиковъ и православныхъ.

Словацкіе округи въ Сѣверной Венгріи, гдѣ большинство населенія принадлежитъ къ католической церкви и лишь незначительная его часть къ протестанской, считаются самыми бѣдными во всей странѣ. Напротивъ, расположенные подъ тѣмъ-же градусомъ широты, русинскіе округа владѣютъ прекрасными виноградниками и всевозможными фруктовыми деревьями. По этимъ пологимъ южнымъ склонамъ Карпатовъ осенью спускаются толпы крестьянъ, неся продавать въ Галицію корзины винограда, который тамъ родится очень плохо. Къ западу, на Моравской границѣ, въ горахъ живутъ славяне, которые по своему языку всего ближе стоятъ къ чехамъ и моравамъ. Славянизированіе Верхней Венгріи, какъ мы уже сказали, продолжается и дѣлаетъ дальнѣйшіе успѣхи, превосходя въ этомъ не только нѣмцевъ, но и мадьяръ.

Послѣ славянъ наиболѣе опасными въ этнографическомъ отношеніи врагами мадьяръ являются румыны. Въ 20 округахъ страны это племя представляетъ абсолютное большинство, а въ Семиградіи оно превосходитъ всѣ прочія народности на 7%. Кромѣ земель Венгерской короны, румыны встрѣчаются въ Буковинѣ, королевствѣ Румыніи, и наконецъ даже по ту сторону Дуная, въ Сербіи, Болгаріи, Румеліи, т. е. въ старой Ѳракіи и Македоніи. Это—плодовитый народъ; съ уменьшеніемъ численности мадьяръ Трансильваніи и ближайшихъ мѣстностяхъ Венгріи онъ заступилъ ихъ мѣсто. За періодъ времени отъ 1770 по 1850 гг. трансильванскіе мадьяры увеличились на 112,15%, а румыны—123,12%, тогда какъ нѣмцы обнаружили приростъ всего лишь въ 45%. Румыны исповѣдуютъ отчасти католическую, отчасти православную религію. Благодаря пропагандѣ красивыхъ румынокъ, многіе славяне теряютъ свою національность, тогда какъ въ Южной Венгріи, но только здѣсь, по сосѣдству съ нѣмцами, румыны исчезаютъ.

Кромѣ только что упомянутыхъ національностей Венгріи, въ учебникахъ географіи часто встрѣчается упоминаніе и о другихъ расахъ или національныхъ группахъ, названія которыхъ даютъ основаніе предполагать объ особомъ ихъ происхожденіи; таковы: гайдуки, язиги и куманы, пандуры, райцы, чайкисты, шеклеры и т. д. Дѣйствительно, куманы, повидимому, нѣкогда представляли особую народность; они живутъ къ юго-востоку отъ Будапешта и населяютъ часть обширной Кешкеметской равнины. Въ XIII в. язиги и куманы переселились сюда изъ Молдавіи, удержавъ свое національное названіе. Въ настоящее время они такъ мадьяризовались, что въ нихъ не осталось почти ничего славянскаго. Гайдуки, въ Гайдукскомъ округѣ, съ главнымъ городомъ Шобозло—настоящіе мадьяры; прежде они представляли родъ пограничнаго войска, какъ на востокѣ и на западѣ—шеклеры и граничары. „Пандуръ“ не означаетъ какой-либо особой расы; это названіе ведетъ свое начало изъ эпохи феодализма и почти равнозначно слову „ландскнетъ“ (ратникъ); въ настоящее время въ различныхъ комитатахъ пандурами называются чины полиціи. Чайкисты—пограничный славянскій народъ, живущій на низовьяхъ Дуная.

Венгерскій типъ.

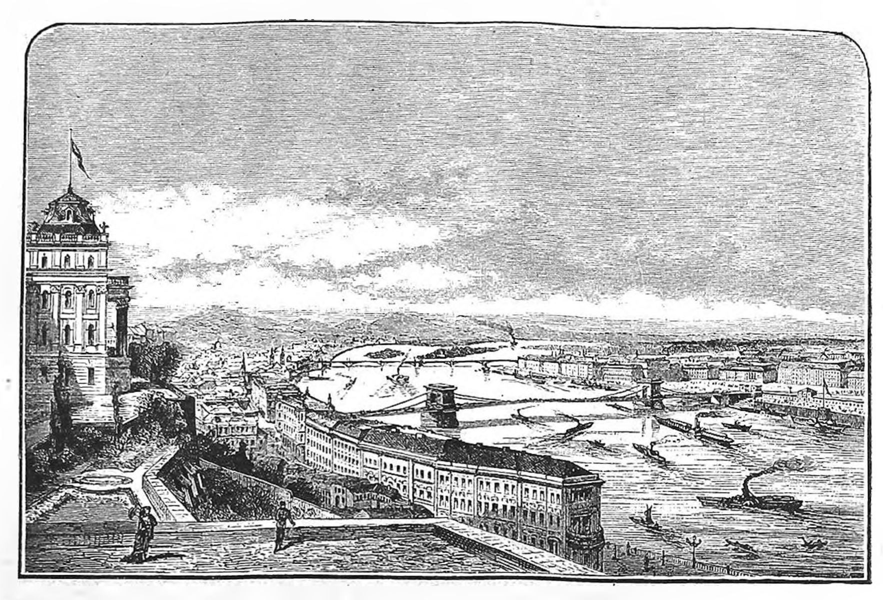
Среди этой пестрой смѣси характеровъ и темпераментовъ самыхъ разнообразныхъ національностей Венгріи выдающееся мѣсто принадлежитъ собственно венгру, чистокровному мадъяру, одаренному своеобразными качествами. Въ немъ, повидимому, соединились въ одно гармоническое цѣлое главные пороки и добродѣтели всѣхъ племенъ его родины. Самый честный крестьянинъ Венгріи — мадъяръ; всѣ купцы, дѣловые люди, ремесленники, торговцы всякаго рода, всего охотнѣе вступаютъ въ сношенія съ мадъяромъ; крестьянинъ-нѣмецъ десять разъ обманетъ и проведетъ; на словахъ наобѣщаетъ цѣлыя горы и ничего не исполнитъ; румынъ перехитритъ льстивыми словами; сербъ прикинется честнымъ и все-таки обманетъ; мадъяръ не лжетъ и не обманываетъ. Мадъяры, какъ и венгерскіе нѣмцы, частью принадлежатъ къ римско-католической церкви, частію—къ протестантской и именно—къ кальвинистской. Это—по-истинѣ рыцарскій народъ, въ которомъ еще не совсѣмъ утрачена первобытная природа кочевника. Подобно своимъ предкамъ они носятъ такіе-же усы и такіе-же сапоги со шпорами; мирный поселянинъ все еще сохраняетъ воинственный, мужественный видъ и воинственную твердую походку. Мадъяръ отъ природы смѣлъ и мужественъ, охотно идетъ въ военную службу и все еще служитъ со своимъ конемъ въ кавалеріи. Мадъяръ считаетъ человѣкомъ только наѣздника. «Lora termet a magyar»,— «венгерецъ родился на лошади», говоритъ пословица. При первомъ взглядѣ на ихъ деревню уже можно опредѣлить происхожденіе ея жителей: длинная широкая улица, образуемая рядами домовъ, которые всѣ имѣютъ одинаковую высоту и отдѣлены одинъ отъ другого одинаковыми переулками, дѣлаетъ ее похожею на становище, которое ежеминутно готово сняться и уйти далѣе. Осматривая нѣкоторые города, приходишь къ убѣжденію, что эти кучи домовъ, имѣющія 10,000—20,000 жителей, несмотря на всю свою величину, не что иное какъ простыя деревни, съ широкими песчаными улицами, на которыхъ могутъ галопировать сотни лошадей; отличіе ихъ отъ обыкновенныхъ деревень состоитъ лишь въ томъ, что здѣсь больше улицъ, только главный городъ королевства, Буда-Пештъ имѣетъ вполнѣ европейскій видъ и даже можетъ быть поставленъ наряду съ лучшими «столицами міра».

Мадъяръ отчасти земледѣлецъ, отчасти пастухъ. Среди мадъяръ различаютъ: чикошей, конскихъ пастуховъ и лихихъ наѣздниковъ; чердашей, или, по-просту, деревенскихъ пастуховъ рогатаго скота; гульяшей, которые пасутъ быковъ, назначенныхъ на откормъ; юхассовъ или овечьихъ пастуховъ и пользующихся дурною славою канасовъ или свиныхъ пастуховъ. Послѣдніе образуютъ до нѣкоторой степени переходъ къ „бетіарамъ". Бетіаръ, это—удалый сынъ „пусты", часто ведущій разбойничій образъ жизни, хотя романтическая эпоха пусты теперь уже и миновала. Въ переносномъ смыслѣ бетіаромъ называютъ того, кто свихнулся съ пути благочестія. Мадъярскій крестьянинъ пользуется въ своемъ домѣ неограниченною властью, но по отношенію къ тѣмъ, кого онъ называетъ „свои люди", онъ безконечно добръ; какъ и всѣ сильные люди, онъ отличается добродушнымъ характеромъ. Онъ никогда не допускаетъ жестокостей по отношенію къ своей женѣ,—мадъярки въ молодости поразительно красивы,—никогда не принуждаетъ ее къ непосильнымъ работамъ и для нея всегда имѣется ласковое словечко. Мадъярскій языкъ, по происхожденію урало-алтайскій, выразителенъ, богатъ образами и чувствительными словами; послѣднее находится въ связи съ необыкновенною пылкостью населенія. Очень многія изъ этихъ „словъ нѣжности" непереводимы или же могутъ быть переданы лишь приблизительно. Венгерскій языкъ богатъ также словами, выражающими гнѣвъ, ярость, ненависть. Если мадъяръ возбужденъ, то можно надѣяться, что чрезъ двадцать словъ услышишь проклятіе, и между такими выраженіями встрѣчаются очень грубыя, непозволительныя, порою свидѣтельствующія о грязномъ воображеніи. Зато въ бесѣдѣ съ друзьями и знакомыми венгерецъ необычайно сердеченъ, крайне вѣжливъ и услужливъ. Гостепріимство между мадъяръ — далеко не пустой звукъ; оно одинако вообще какъ высшимъ, такъ и низшимъ классамъ населенія. За исключеніемъ столицы и нѣкоторыхъ крупныхъ пунктовъ, врядъ ли можетъ быть рѣчь объ общественной жизни мадъяръ. Мадъяръ ограничивается гостинницею, гдѣ политиканствуетъ, сидя за кружкою пива. Въ разговорахъ о политикѣ онъ можетъ поразить кого угодно; онъ очень много говоритъ во время торжественныхъ обѣдовъ, причемъ обнаруживаетъ удивительное краснорѣчіе. Это — природный ораторъ. На публичныхъ обѣдахъ въ Венгріи почти непрерывно играетъ музыка; мадъяръ любитъ ее и охотно держитъ около себя музыкантовъ-цыганъ. Въ своеобразной, дикой музыкѣ послѣднихъ обращаютъ на себя вниманіе звуки цимбалъ,—струннаго инструмента, занимающаго средину между цитрою и роялемъ;—они снабжены двумя обтянутыми кожею молотками, которые удлиняютъ тоны и дѣлаютъ ихъ болѣе связными, смягчая рѣзкіе звуки скрипокъ. Венгрія очень богата произведеніями народной поэзіи; лирическихъ произведеній насчитываютъ здѣсь цѣлыя тысячи; большинство изъ нихъ проникнуто меланхолическимъ настроеніемъ: „радость венгерца— въ плачѣ". Пѣсни любви занимаютъ первое мѣсто въ этой поэзіи. Вся градація чувствованій, начиная съ блаженства и кончая безъисходными муками, находитъ здѣсь блестящее выраженіе; грубый реализмъ и нѣжная мечтательность часто идутъ здѣсь рука объ руку. Вообще венгерская поэзія отличается крайностями.

Общее культурное развитіе въ земляхъ Венгерской короны, безспорно, гораздо ниже, чѣмъ въ Цислейтаніи. Протестантскія народныя школы Венгріи (здѣсь школы по большей части конфессіональныя) стоятъ почти на одинаковомъ уровнѣ со школами прочихъ протестантскихъ городовъ Европы; то же нужно сказать и относительно нѣмецкихъ школъ, за которыми слѣдуютъ школы словаковъ. Всего хуже поставлено дѣло народнаго образованія у русинъ, румынъ и сербовъ, которые исповѣдуютъ католическую или православную религію. Здѣсь лишь за послѣдніе года стали обращать вниманіе на народное образованіе. Обработка почвы точно также оставляетъ желать много лучшаго. Даже земледѣліе, главный промыселъ мадьяръ, здѣсь ведется очень вяло. Такъ напр., и теперь еще мадъяръ-крестьянинъ вмѣсто молотьбы гоняетъ по сжатому хлѣбу лошадей, при чемъ, конечно, значительная часть зерна и соломы остается на мѣстѣ или же заминается въ землю. Хищническая эксплоатація почвы и экстенсивное хозяйство легли тяжелымъ бременемъ на страну. Несомнѣнно, что страна быстро расцвѣла бы въ фи-

нансовомъ и народно-хозяйственномъ отношеніяхъ, если бы существующій порядокъ въ веденіи сельскаго хозяйства уступилъ мѣсто болѣе раціональному. Ленъ и конопля произрастаютъ великолѣпно, но обрабатываются они совсѣмъ неудовлетворительно. Разведеніе винограда, культура кормовыхъ растеній, состояніе искусственныхъ луговъ, — все свидѣтельствуетъ о недостаточно-умѣломъ веденіи дѣла. Скотоводство ведется въ широкихъ размѣрахъ, но благодаря нераціональнымъ пріемамъ и ограниченности молочнаго хозяйства оно въ большинствѣ случаевъ не можетъ считаться достаточно выгоднымъ. Тѣмъ не менѣе вывозъ значителенъ; понятно, что при болѣе разсудительномъ веденіи дѣла онъ былъ бы гораздо больше. Плохо поставлена и лѣсная культура. Настоящему мадьяру лѣсъ пришелся не по душѣ, его рай — безлѣсная равнина, степь. Уничтоженіе лѣсовъ въ Венгріи достигло ужасающихъ размѣровъ, лѣсоохранительные же законы обнародованы лишь въ недавнее время. Крупное землевладѣніе находится въ критическомъ положеніи. Повсюду рядомъ съ огромными помѣстьями лѣпятся крошечные лоскутки земли мелкихъ земледѣльцевъ. Колоссальныя владѣнія лежатъ мертвымъ капиталомъ; недостаетъ дѣятельнаго средняго сословія, которое, благодаря своей дѣятельности и примѣру, оказывается столь благодѣтельнымъ въ другихъ государствахъ. А здѣсь противовѣсомъ тупости мелкихъ землевладѣльцевъ является праздность крупныхъ помѣщиковъ. Тѣмъ утѣшительчѣе зато замѣчаемыя здѣсь за послѣднее время попытки вступить въ новый, лучшій періодъ сельскаго хозяйства, характеризующіяся введеніемъ машинъ, плодоперемѣнной системы, обработкою почвы, скотоводствомъ и организаціей земельнаго кредита. Въ настоящее же время Венгрія, несмотря на всѣ свои богатства, бѣдная страна. Почти утопая въ салѣ своихъ свиней, она тѣмъ не менѣе закусываетъ заграничною колбасою: снабжая чуть ли не половину всего свѣта шерстью своихъ овецъ, она сама носитъ сукно, приготовленное на богемскихъ и моравскихъ фабрикахъ. Промышленность ея въ упадкѣ или же, въ лучшихъ случаяхъ, находится на первоначальной ступени развитія; торговля ея развивается крайне медленно. Въ желѣзныхъ дорогахъ недостатка нѣтъ, но въ то же время не имѣется хорошихъ дорогъ, поддерживающихъ мѣстныя сношенія, нѣтъ судоходныхъ рѣкъ и каналовъ, а поэтому — и надежды на всемірную торговлю.

Подъемъ промышленности связанъ съ послѣдовавшею эманспипаціею евреевъ, которые, конечно, при этомъ стали альфою и омегою. Благодаря своей численности, тѣсной сплоченности, энергіи и расторопности а, главное— деньгамъ, они завоевали себѣ въ этой бѣдной капиталомъ странѣ прочное положеніе, что ясно выражается и въ ихъ наружности, проникнутой увѣренностью и сознаніемъ собственнаго достоинства. Они размножаются здѣсь съ такою поразительною быстротою, что карпатскіе комитаты теперь заполнены почти одними евреями. За періодъ времени отъ 1785 до 1870 г. число ихъ возросло болѣе, чѣмъ въ семь разъ. Въ настоящее время на Венгрію приходится $^1/_{10}$ часть всѣхъ живущихъ въ Европѣ евреевъ. Буда-пештъ пользуется славою наиболѣе богатаго евреями города въ Европѣ. Раззоряя при помощи своихъ ростовщическихъ операцій мадьярскихъ дворянъ и преданныхъ пьянству крестьянъ, евреи въ то же время являются почти исключительными носителями и насадителями торговли; въ глухихъ, бѣдныхъ, лишенныхъ удобныхъ путей сообщенія частяхъ страны они заводятъ торговыя сношенія и представляютъ собою носителей развитія и средоточіе соціальной жизни.



Будапештъ.

Изъ замѣчательныхъ мѣстъ въ Венгріи заслуживаетъ вниманія лишь одинъ городъ Будапештъ, расположенный на Дунаѣ и состоящій изъ двухъ отдѣльныхъ городовъ, — Пешта и Офена (по-венгерски — Буда). Въ памяти каждаго путешественника остается неизгладимый образъ этого величаваго двойного города, раскинувшагося на Дунаѣ, который въ этомъ мѣстѣ очень оживленъ и достигаетъ 400 метровъ ширины; прелесть картины еще болѣе увеличивается ночью, когда луна изливаетъ на городъ свой мягкій, нѣжный свѣтъ. Эта венгерская столица, съ 492,000 жителей, представляетъ дѣйствительно блестящій городъ, въ которомъ имѣются всѣ утонченности цивилизаціи. Когда прохаживаешься по ея великолѣпнымъ улицамъ, красивымъ мостамъ или величественнымъ набережнымъ, и въ голову не приходитъ, что находишься въ настоящемъ оазисѣ среди культурной пустыни; а между тѣмъ это такъ, потому что, помимо Будапешта, въ Венгріи нѣтъ другихъ городовъ, которые заслуживали бы упоминанія. Будапештъ — по истинѣ urbs римлянъ, единственный «городъ» страны въ собственномъ смыслѣ этого слова. Изъ другихъ пунктовъ назовемъ главный городъ Кроаціи и Славоніи Загребъ или Аграмъ (37,500 жит.) и портофранко Фіуме (29,500 жит.), главный торговый и промышленный пунктъ на кроатскомъ побережьи. Главнѣйшіе города Трансильваніи—Клаузенбургъ, Марошъ-Вазаргели, Германштадтъ и Кронштадтъ.

Балканскій полуостровъ.

Извилистость береговой линіи полуострова Южной Европы возрастаетъ по мѣрѣ приближенія къ Востоку. Пиринейскій полуостровъ представляетъ довольно

безформенную глыбу земли; очертанія Италіи уже гораздо разнообразнѣе, а самый восточный, Балканскій полуостровъ является наиболѣе расчлененнымъ. Съ остальнымъ материкомъ онъ связанъ полосою земли, болѣе широкою сравнительно со всѣми другими восточными полуостровами. Сѣверною границею полуострова можно считать нижнее теченіе Дуная и его притока Савы. Теченіе обѣихъ этихъ рѣкъ, въ общемъ, образуетъ довольно прямую линію по направленію отъ запада къ востоку, приблизительно отъ сѣвернаго угла Адріатики до Чернаго моря, въ которое впадаетъ широкою дельтою самая могучая продольная рѣка Европы, Дунай. По лѣвому, сѣверному берегу этой рѣки до подошвы Карпатскихъ горъ раскинулась плодородная равнина, занятая королевствомъ Румыніей, которое, какъ страна карпатская, цѣликомъ принадлежитъ къ Средней Европѣ.

Дунай, низовья котораго, занимающія насъ здѣсь, начинаются отъ впаденія въ него около Бѣлграда и Землина р. Саввы, прежде всего составляетъ границу между Австро-Венгріей и королевствомъ Сербіей, затѣмъ между Румыніей и княжествомъ Болгаріей. Прежде чѣмъ вступить въ Румынію, Дунай пробивается чрезъ Желѣзныя Ворота, цѣлый рядъ горныхъ тѣснинъ, составляющихъ какъ бы связь между системою Карпатовъ и сербскими горными хребтами. Желѣзными Воротами, въ широкомъ смыслѣ этого слова, называется длинная полоса отъ Алибега (немного пониже Базіи) до Сипа (ниже Орсовы), гдѣ могучая рѣка, заключенная между высокими гористыми берегами, стремится между мощными массами скалъ, которыми усѣяно ея ложе, мчится чрезъ пороги, бьется среди скалистыхъ стѣнъ, образуя при истокѣ цѣлый рядъ стремнинъ и водоворотовъ. Различаютъ Малыя и Большія Желѣзныя Ворота. Въ этой мѣстности рѣка течетъ сперва къ востоку, затѣмъ подъ тупымъ угломъ поворачиваетъ на юго-востокъ, отсюда острымъ угломъ—на сѣверо-востокъ, и послѣ небольшого пути въ восточномъ направленіи снова течетъ на юго-востокъ. Образуемый при этомъ мысъ, по формѣ похожій на V, носитъ названіе Клиссуры. Здѣсь Дунай пересѣкаетъ широкую цѣпь Семиградско-банатскихъ пограничныхъ горъ, которыя въ своемъ основаніи и главной массѣ состоятъ изъ сланцевыхъ породъ, гнейса, слюдяного и глинистаго сланцевъ. Мѣстами эти породы перемѣшаны съ гранитомъ, порфиромъ и др. породами и прорѣзаны пластами песчаника, глинистаго сланца, мергеля и известняка. Ниже Алибега идетъ юрскій известнякъ съ белемнитами, затѣмъ ниже его—юрскій песчаникъ съ множествомъ окаменѣлостей, далѣе слѣдуетъ твердый темный кварцевый порфиръ, который и образуетъ главную массу пороговъ около Излаша. Этотъ порфиръ по большей части окруженъ твердыми брекчіями и крѣпкими и плотными слоями окаменѣлаго роговика. Рѣчные пороги идутъ почти на всемъ протяженіи этихъ твердыхъ горныхъ породъ; особенно усѣяно ими рѣчное русло близъ лѣваго берега, тогда какъ правый, сербскій берегъ состоитъ, повидимому, исключительно изъ юрскаго известняка. Въ теченіе цѣлыхъ тысячелѣтій эти твердыя массы горныхъ породъ не поддавались разрушительному вліянію рѣки и просуществуютъ здѣсь и еще многія тысячелѣтія. Въ настоящее время рука человѣка сокрушаетъ эти твердыни, чтобы сдѣлать фарватеръ Дуная судоходнымъ.

Первая изъ дунайскихъ тѣснинъ простирается отъ Голубаца до самой Добры; верхняя часть ея состоитъ изъ известковыхъ стѣнъ съ многочисленными пещерами, а нижняя—образована крутыми берегами и скалистыми мелями, состоящими изъ кристаллическихъ сланцевъ и гранита. Около Дренковы начинается вторая тѣснина, Гребень, Верхняя Клиссура; далѣе слѣдуютъ пороги Излаша, Верхнія или Малыя Желѣзныя Ворота (Gornje Demir Rapi), образуемыя рифовыми валами Тахталіи и Излаша; до настоящаго времени эти пороги смѣшивались съ собственными Желѣзными Воротами, которыя находятся ниже Орсовы. Еще нѣсколько далѣе предъ путешественникомъ развертывается величественная картина третьей и наиболѣе величественной тѣснины—Казанской (Kasanklause), которая также носитъ названіе Нижней Клиссуры. Наконецъ около Старой Орсовы мы встрѣчаемъ опасную рифовую мель Желѣзныхъ Воротъ. Скалистое плато, около четверти часа пути шириною, съ выступающими надъ поверхностью воды зубчатыми верхушками, перерѣзываетъ Дунай въ косомъ направленіи и при низкомъ уровнѣ воды образуетъ грандіознѣйшую стремнину, гдѣ бушуютъ и вздымаются волны, разбиваясь съ шумомъ, слышнымъ на дале-

комъ разстояніи. Почти до самаго Турнъ-Северина, этого быстро расцвѣтшаго румынскаго города при Дунаѣ, по обоимъ берегамъ тянутся лѣсистыя горы, но затѣмъ хребетъ ихъ округляется, онѣ становятся ниже и все далѣе и далѣе отступаютъ отъ рѣки. Теперь мы вступаемъ въ обширный бассейнъ Нижняго Дуная, иначе—Истерскій бассейнъ. Хотя восточныя границы его и отмѣчены геологически, но въ орографическомъ отношеніи онѣ выражены недостаточно ясно, и весь бассейнъ можно разсматривать, какъ далеко вдавшуюся въ материкъ бухту нѣкогда существовавшаго Сарматскаго моря. Широкою, обращенною на югъ дугою орошаетъ Дунай обширную мѣстность, которая лишь немного поднимается надъ уровня моря. Лѣвый берегъ рѣки граничитъ здѣсь съ большою аллювіальною равниною, тогда какъ на правомъ берегу возвышается болѣе или менѣе круто терраса, ведущая къ широко раскинувшемуся плато, въ которомъ прорыли свои глубокія долины всѣ рѣки, впадающія въ Дунай. Въ прежнее время Дунай имѣлъ направленіе отъ запада къ востоку, но затѣмъ, постепенно мѣняя его, онъ повернулъ къ югу, при чемъ этому измѣненію направленія могли содѣйствовать своими отложеніями его притоки съ лѣвой стороны. Эти притоки гораздо многочисленнѣе и богаче водою, чѣмъ притоки, берущіе свое начало въ Балканскихъ горахъ, возвышающихся къ югу отъ Дуная. Аллювіальная глина покрываетъ обширную Валахскую низменность и мѣстами образуетъ и здѣсь, на лѣвомъ берегу, террасы и береговые уступы, высотою болѣе чѣмъ въ 12 метровъ, тогда какъ на болгарскомъ плато сарматскія образованія покрыты слоемъ лесса. Дельта Дуная имѣетъ незначительный геологическій возрастъ и умѣренный ростъ, который подвинулся немного далѣе, чѣмъ сколько требуется для выполненія остроугольнаго треугольника, два длинныхъ ребра котораго съ крутыми краями образованы отложеніями прежнихъ временъ. Между Тульчей и Измаиломъ рѣка раздѣляется на два рукава, изъ которыхъ сѣверный, или Килійскій и въ настоящее время многоводнѣе и содержитъ $^{17}/_{27}$ всего количества воды. Южный рукавъ св. Георгія отдѣляетъ отъ себя еще третій, Сулинскій рукавъ, уступая ему изъ своихъ $^{10}/_{27}$ общаго количества воды $^{2}/_{27}$. Дельта Дуная болотиста; нижняя часть его теченія характеризуется скопленіемъ стоячей воды, среди которыхъ можно наблюдать всѣ стадіи образованія озеръ: бассейны, уже далеко отодвинувшіеся въ глубь материка и ставшіе данниками рѣки посредствомъ ихъ стоковъ; затѣмъ, ближе къ устью, озера, которыя утратили свою давнишнюю связь съ Понтомъ, благодаря отмелямъ, образовавшимся изъ дунайскаго ила, и, наконецъ, озера, превратившіеся въ лиманы и не вполнѣ еще отрѣзанныя отъ моря вслѣдствіе вмѣшательства другой рѣки, Днѣстра, которая должна держать свое устье открытымъ. На Дунайской дельтѣ имѣются высокіе лѣса: Летти—къ сѣверу отъ Сулинскаго гирла и Кара-Орманъ—на юго-западъ отъ него. Темныя массы лѣсовъ пріятно дѣйствуютъ на путешественника, смѣняя собою блеклую зелень дельты и представляя своеобразный контрастъ съ моремъ, то грозно бушующимъ, то весело плещущимъ своими волнами. Одинъ знатокъ описываемой мѣстности изображаетъ общій характеръ этого рѣчного ландшафта слѣдующими словами: „На болотистомъ берегу глубоко погрузившееся въ воду стадо буйволовъ, тамъ стая утокъ, небольшая группа цапель, иногда пеликанъ и повсюду величавые аисты; у лессовой стѣны, продырявленной ласточкиными гнѣздами, стаями вьющихся надъ нею, на колеблющемся кустѣ сидитъ великолѣпная пара сивоворонокъ; тутъ же внизу, комически-торопливо спѣшитъ тяжеловѣсная черепаха... да, здѣсь нѣтъ недостатка въ разнообразіи обстановки. Но необходимо видѣть самому эту картину низовьевъ Дуная, чтобы составить себѣ понятіе о всей жизни этой великой, великолѣпной рѣки".

Иллирійскій полуостровъ южнѣе описанный нами линіи Дуная обнаруживаетъ въ своихъ очертаніяхъ замѣчательное разнообразіе.

Широкая масса земли, занимаемая Турціею, омывается на востокѣ и западѣ двумя морями: голубымъ Адріатическимъ и не имѣющимъ приливовъ и вообще бѣднымъ явленіями крупнаго характера, Чернымъ моремъ, или Понтомъ, происхожденіе котораго относится сравнительно къ весьма недавнему времени. На востокѣ Иллирійскій полуостровъ сильно утончается, уступая мѣсто глубоко врѣзавшемуся въ материкъ заливу—Эгейскому морю. Здѣсь находятся Цикладскіе и Спорадскіе острова, представляющіе собою хребты или остатки погрузившейся въ воду части материка, которые отдѣлились отъ него лишь въ недавнее время. Эти острова греческаго архипелага, подобно Антильскимъ, расположеннымъ между Сѣверною и Южною Америкою, находятся тамъ, гдѣ Южная Европа сближается съ Малою Азіею. Западный иллирійскій берегъ усѣянъ

многочисленными островами, Далматскими и Іоническими. На юго-востокѣ мы встрѣчаемъ массивный полуостровъ, на которомъ расположена столица Турціи, Стамбулъ. Это собственно не полуостровъ, а перешеекъ, соединяющій Европу съ Азіей, разорванный лишь узкимъ (29 килом. въ ширину) и длиннымъ Босфоромъ и Дарданеллами съ находящимися между ними Мраморнымъ моремъ. Очертанія восточнаго европейскаго полуострова вполнѣ соотвѣтствуютъ строенію противолежащаго берега Малой Азіи. Двѣ гористыя области, которыя могли быть соединенными, или были соединены, погружаются тамъ въ воду. Въ ряду полуостровныхъ образованій здѣсь выступаютъ: обращенный на Ю.-В. продолговатый полуостровъ Галлиполи, образующій вмѣстѣ съ материкомъ заливъ Саросъ и трезубецъ Халкида. Послѣдній заключенъ между заливами Рендинскимъ и Салоникскимъ и отдѣляетъ отъ себя въ море, на подобіе трехъ пальцевъ, три гористые полуострова: Кассандру, Лонгосъ и Агіонъ-Оросъ, которые въ свою очередь образуютъ два меньшихъ залива, носящихъ названія перваго и послѣдняго изъ этихъ трехъ полуостровов. На самой оконечности Агіонъ-Оросъ (Святая гора) находится извѣстная съ древнихъ временъ гора Аѳонъ съ ея монастырями. Съ утончающейся массою Балканскаго материка связана посредствомъ турецкихъ провинцій Эпира и Ѳессаліи часть нынѣшняго королевства Греціи или Эллады, которая, въ свою очередь оканчивается полуостровомъ Пелопонесомъ или Мореей, съ ея многочисленными островами и вытянутыми въ видѣ пальцевъ отростками, которые остроумный Страбонъ сравнивалъ съ листомъ платана. Пелопонесъ и материкъ связаны между собою лишь узкимъ плоскимъ Коринѳскимъ перешейкомъ; между ними расположенъ глубокій, открытый съ западной стороны, Коринѳскій заливъ. На сѣверо-восточномъ берегу материка мы находимъ заливъ Воло и длинный, почти соединившійся съ берегомъ, островъ Эврипо (древняя Эвбея), который отдѣляется отъ континента каналами: Ореи, Таланти и Эврипо. Каналъ Эврипо, постепенно расширяясь, переходитъ въ Петалійскій заливъ, омывающій восточные берега полуостровной Аттики. На востокѣ и на югѣ открывается богатый островами Эгинскій заливъ, а Пелопонесъ образуетъ три глубокихъ залива и одинъ менѣе значительный: Навплійскій на востокѣ, Мараѳонскій и Коронскій на югѣ, раздѣляемые гористымъ полуостровомъ Майна, съ мысомъ Матапанъ, который представляетъ самую южную точку въ Европѣ, и наконецъ, заливъ Аркадскій, на западѣ. Западный берегъ къ сѣверу отъ Коринѳскаго залива довольно разнообразенъ по очертаніямъ; особеннаго же вниманія заслуживаетъ здѣсь, исключая Іоническіе острова, только заливъ Арта; далѣе къ сѣверу замѣчательны такъ называемые Боккеди-Каттаро и полуостровъ Сабіончелло, за которымъ слѣдуетъ множество острововъ, расположенныхъ вблизи сильно расчлененнаго далматскаго берега. На этомъ берегу находятся важные пункты: Рагуза—нѣкогда могущественная торговая республика; Спалато, съ замѣчательными развалинами дворца Діоклетіана и многими другими остатками римскаго города Салоны, на мѣстѣ которой онъ выстроенъ; Себенико и Зара — нынѣшняя столица Далмаціи.

Весь Балканскій полуостровъ или, какъ его принято называть, Иллирійскій треугольникъ, сплошь покрытъ горами, но, къ сожалѣнію, онъ далеко не настолько изслѣдованъ, чтобы можно было дать точныя свѣдѣнія относительно строенія его почвы. Только за послѣдніе годы выяснены нѣкоторыя подробности въ этомъ отношеніи. Въ общемъ здѣсь можно различать двѣ главныхъ горныхъ системы, рядомъ съ которыми существуетъ, впрочемъ, много другихъ, менѣе важныхъ. Первая изъ этихъ двухъ системъ, западная, тянется въ одномъ направленіи съ Апеннинами, отъ С.-З. на Ю.-В.; она образуетъ водораздѣлъ между Адріатическимъ и Іоническимъ морями—съ одной стороны, и—между Эгейскимъ моремъ съ другой, и представляетъ собою самую высокую и самую длинную цѣпь на всемъ полуостровѣ.

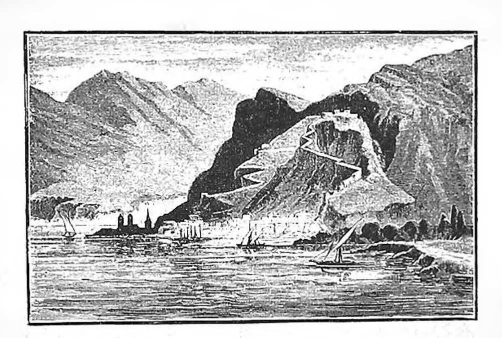
Начало этой горной системы находится въ австрійской коронной землѣ Крайнѣ, въ такъ называемомъ Карстѣ, гдѣ оканчиваются Альпы. Этотъ Карстъ далѣе пересѣкаетъ широкою полосою Кроацію и съ Динарскими горами (тоже, что Динарскіе Альпы) и параллельными имъ цѣпями вступаетъ въ Балканскія страны и заполняетъ пространство между продольными долинами и поперечными прорывами, образуемыми рѣками На-

рентой, Лимой, Тарой и Морачей до Дрины, которыя текутъ въ Адріатическое море большею частью въ сѣверо-западномъ направленіи. Близь Дрины Карстъ приходитъ въ соприкосновеніе съ горами Албаніи и Македоніи. Гребень этихъ горъ отдѣляетъ австрійскую коронную землю Далмацію—узкую береговую полосу вдоль Адріатики, отъ прежнихъ турецкихъ провинцій, Босніи и Герцеговины, которыя въ настоящее время заняты австрійцами и находятся на крайнемъ сѣверо-западѣ древней Турецкой или Османской имперіи. Карстъ состоитъ изъ извести и мѣлу и характеризуется множествомъ котловинъ съ проточною водою, или же безъ нея, теряющимися рѣками и плоскогоріями. Этотъ характеръ Карста сохраняется на всемъ его протяженіи и обнаруживается въ его предгоріи, Далмаціи, равно какъ и на группѣ острововъ, которые, какъ мы сказали, представляютъ лишь высокіе хребты опустившихся уже въ море, параллельныхъ ему цѣпей. Высочайшая вершина этихъ горъ Динара (1,811 метр.) состоитъ изъ совершенно голаго, однообразнаго рудистоваго известняка бѣлаго цвѣта, ослѣпляющаго глаза даже въ томъ случаѣ, если смотрѣть на него чрезъ закопченное стекло; спускающіяся къ морю предгорья принадлежатъ къ эоценовымъ образованіямъ. Къ югу отъ Динары, у западныхъ склоновъ, начинающихся здѣсь и идущихъ на юго-востокъ горъ Марино, беретъ начало береговая рѣка Далмаціи, Цетина, которая по выходѣ изъ глубокаго, похожаго на озеро бассейна, течетъ далѣе мощною рѣкою. Выше этого начала рѣки находится въ мѣловомъ известнякѣ пользующаяся широкою извѣстностью сталактитовая пещера. Неподалеку отъ истока Цетины и Динары беретъ начало другая береговая рѣка, Керка, теченіе которой характеризуется рядомъ живописныхъ водопадовъ. Многочисленныя отдѣльныя горныя цѣпи, составляющія горную страну Боснію и Герцеговину, не имѣютъ особыхъ названій. Въ сѣверной Босніи отличаются своею высотою Стогъ (1,620 метровъ) и Конья Планина (1,950 метр.). Къ югу отъ Герцеговины и на востокъ отъ Жупы и Кривошіе находится небольшое независимое княжество Черногорія, болѣе извѣстное подъ названіемъ Монтенегро; Черногорія представляетъ собою дикую, покрытую множествомъ пропастей, бѣдную горную страну, заселенную однако горстью отважныхъ людей. Къ югу отсюда, неподалеку отъ морского берега, лежитъ озеро Скутари, самый большой изъ замкнутыхъ бассейновъ полуострова, принимающее въ себя главную рѣку Черногоріи, Морачу. Область между восточною Черногоріею и западною Сербіею, имѣющая въ поперечникѣ около 60 километровъ, называется Расціею; по ней проходятъ вышеупомянутыя горы Карстъ которыя идутъ также по Босніи, Герцеговинѣ, Черногоріи и Сербіи. Въ продольныхъ долинахъ, по большей части параллельныхъ берегу Адріатики, берутъ начало многія рѣки, которыя текутъ на сѣверъ, къ Савѣ; изъ нихъ мы отмѣтимъ: Унну, Вербасъ и Босну—въ Босніи, затѣмъ Дрину, которая составляетъ границу между Босніей и Сербіей. Вдоль всей Сербіи съ юга на сѣверъ течетъ Морава, впадающая въ Дунай близъ Семендріи. Морава въ началѣ своего теченія, на югѣ, носитъ названіе Болгарской Моравы и принимаетъ съ правой стороны Нишаву, затѣмъ съ лѣвой—Сербскую Мораву съ ея притокомъ Ибаромъ. Ибаръ прорываетъ тянущуюся по южной части Сербіи горную цѣпь, Яворскую Голую Планину; позади этого прорыва, между Ибаромъ и Моравой, поднимаются на востокѣ Копавникъ (1,840 метр.) и Ястребацкая Планина (596 метр.), по гребню которой идетъ граница между Сербіею и Турціею. На востокъ отъ Моравы Сербія также заполнена горами, которыя имѣютъ различныя названія; высочайшая точка ихъ Столъ, достигаетъ 1,300 метровъ. Эти цѣпи частью являются переходомъ ко второй большой горной системѣ Иллирійскаго полуострова, Балканамъ, частью же составляютъ связующее звено между южными Карпатами и дунайскими тѣснинами.

Къ югу отъ прорыва, образуемаго Дриной, Карстъ, вступая въ предѣлы Албаніи, поворачиваетъ къ югу и, перерѣзанный рр. Деволемъ и Эргентомъ, переходитъ въ параллельныя горныя цѣпи Эпира. Послѣднія изъ горъ Эпира, Чика, круто спускаются къ морю. Дрина образуется изъ сліянія Бѣлой и Черной Дрины, при чемъ послѣдняя идетъ параллельно съ берегомъ, начинаясь въ значительномъ по размѣрамъ Охридскомъ озерѣ, которое лежитъ на высотѣ 692 метр. надъ уровнемъ моря. Долина Черной Дрины составляетъ на востокѣ границу множества параллельныхъ цѣпей, раздѣленныхъ между собою пониженіями почвы и состоящихъ изъ кристаллическихъ горныхъ породъ; самая сѣверная изъ нихъ Шаръ-Дагъ (Дагъ—по турецки—гора), или Шара Планина между городами Юскюбъ и Призрень достигаетъ въ Бабасаницѣ 3,300 метровъ; юго-восточное продолженіе ея на границѣ Албаніи до Охридскаго озера называется Бора-Дагъ. Къ сѣверу отъ Шаръ-Дага разстилаются двѣ небольшія равнины, одна, ниже лежащая, у Ипека, другая, болѣе высокая, историческое Коссово Поле (Дроздовое Поле), у Приштины. Къ Бора-Дагу примыкаютъ горы Граммосъ съ вершиною Василица (1,690 метр.) и могучій Пиндъ, который подобно стѣнѣ отдѣляетъ Эпиръ отъ Ѳессаліи и тянется до южной оконечности Греціи. Между Пиндомъ

и Іонійскимъ моремъ, къ югу отъ небольшой равнины при Янинѣ съ одноименнымъ ей озеромъ, тянется много меридіональныхъ цѣпей, раздѣляющихъ продольныя долины Арты и Астропотама. Съ другой стороны, Пиндъ посылаетъ къ востоку двѣ боковыхъ вѣтви: Өерисъ на югѣ и горы Шабка на сѣверѣ. Обѣ вѣтви идутъ къ морю до Салоникскаго залива и охватываютъ бассейнъ Саламвріи (Peneios древнихъ), который со стороны моря замыкается тремя извѣстными въ древности вершинами: Олимпомъ (2,973 метр.), Оссой, называемой нынѣ Киссово (1,953 метр.) и Пеліономъ, нынѣ Плессиди (1,629 метр.). Въ этомъ бассейнѣ расположена провинція Өессалія, къ которой на сѣверѣ, слѣдовательно,—по ту сторону горъ Шабки, примыкаетъ Македонія. Параллельно съ этими горами течетъ р. Вистрица, впадающая неподалеку отъ западной главной рѣки Македоніи, Вардара, въ Салоникскій заливъ. Вардаръ беретъ начало на Шаръ-Дагѣ и принимаетъ р. Карасу (въ перев. на турец.—черная вода), которая строго придерживается направленія отъ юга къ сѣверу. Между Вистрицей и Карасу расположенъ нѣсколько меньшій внутренній рядъ параллельныхъ возвышенностей, тогда какъ четвертая группа придвинута къ Вардару и достигаетъ наибольшей высоты въ горѣ Нидше (2,500 метровъ). Слѣдуя направленію Пинда къ югу, за Өерисомъ мы встрѣчаемъ новую вѣтвь, направляющуюся къ востоку,—Сароматскія горы, или Эту древнихъ, съ знаменитымъ Өермопиль скимъ ущельемъ, которое отдѣляетъ Среднюю Грецію отъ Новой. Главный хребетъ Румеліи, какъ теперь называютъ сѣверную часть современнаго королевства Греціи, тянется на юго-востокъ въ видѣ нѣсколькихъ изолированныхъ вершинъ до мыса Колонна (Суніумъ). Таковы: Ліакура (Парнасъ, 2,460 метровъ), имѣющая много вершинъ, Загора (Геликонъ, 1,748 метровъ), Элатэя (Киөеронъ 1,410 метр.), Озеа (Парнесъ, 1,413 метр.), отдѣляющая Беотію отъ Аттики и, наконецъ, около Аөинъ Гиметтъ. Въ общемъ западная часть Румеліи гористѣе восточной, и заключаетъ въ себѣ самыя высокія вершины, первое мѣсто среди которыхъ занимаетъ Кіона (2,512 метр.).

Въ Пелопонесѣ мы встрѣчаемъ продолженіе горъ Румеліи. Коринөскій перешеекъ, имѣющій въ самомъ узкомъ мѣстѣ всего лишь 5 килом. и перерѣзанный нынѣ каналомъ, представляется совершенно плоскимъ. За то Пелопонесъ представляетъ собою не что иное, какъ большой гористый островъ, гдѣ только въ видѣ исключенія, можно указать нѣсколько длинныхъ, непрерывающихся горныхъ цѣпей и рѣчныхъ долинъ и равнинъ. Средоточіемъ полуострова является горная страна Триполица или Аркадія,—котловина съ исчезающими рѣками и небольшими ручьями, опоясанная по краямъ горами. На сѣверо-западѣ этой горной страны возвышается Олонъ (Эримантъ, 2,224 метр.), на сѣверѣ, противъ Парнаса,—Хельмъ (Аранія, 2,355 метр.) и Зирія (Киллене, 2,115 метр.), на западѣ—Малево (Артемизіосъ, 1,772 метра). Къ югу горы выходятъ въ видѣ цѣпей на четыре полуострова, изъ нихъ двѣ—южный Малево (Парнонъ, 1,937 метр.) на востокѣ и горы Пентедактило (древній Тайгетъ) съ высокою горою Иліи (2,409 метр.) на западѣ, замыкаютъ округъ Лаконію, древній Лакедемонъ или долину Эвроты (нынѣ Ири). Горы Пентедактило, подобно Пинду, идутъ съ сѣвера на югъ; это — самыя высокія и самыя длинныя горы; онѣ оканчиваются на самой южной оконечности Европы, мысѣ Матапанъ. На западъ отсюда, напротивъ Іонійскаго моря, выступаютъ изолированныя группы горъ Мессеніи, какъ напр. Секки и Ликодимо.



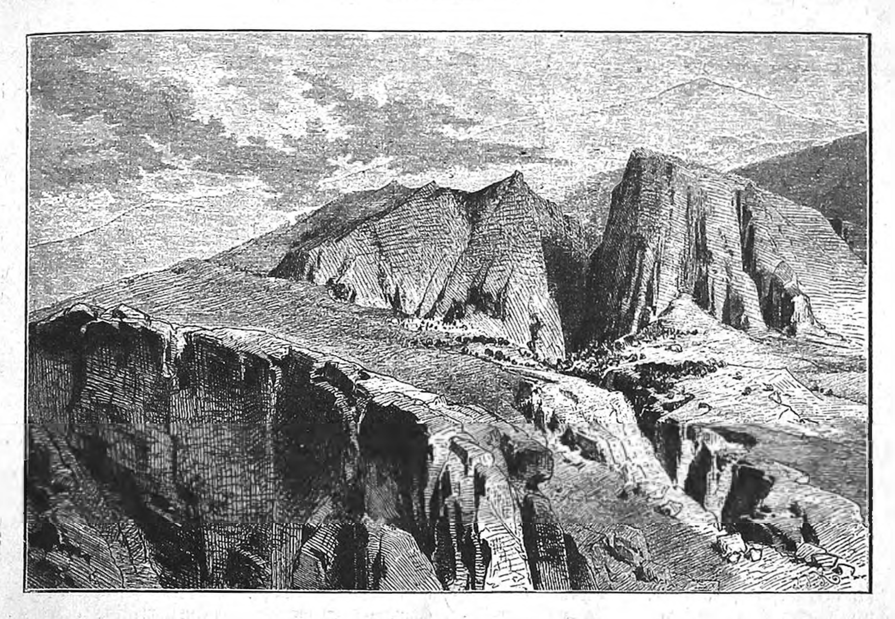
Каттаро.

Подобно Румеліи и Пелопонесу всѣ греческіе острова очень гористы. Самыя высокія и наиболѣе величественныя группы горъ находятся на самомъ большомъ изъ нихъ, Критѣ. Прерываемыя пониженіями почвы, эти горы образуютъ три главныхъ массы: Асправуна (Леука, 2,469 метр.), Псилорити (Ида, 2,456 метр.) и Лазики (2,164 метра). На южномъ краѣ возвышаются Мессорскія горы. Въ группѣ Цикладскихъ острововъ высочайшею вершиною является Оксіа (Дріусъ, 1,002 м.) на Наксосѣ. На островѣ Санторинѣ, въ серединѣ залитаго моремъ кратера, возвышается небольшой центральный вулканъ Каимени. Высшимъ пунктомъ острова Эврипа является гора Дельфи (1,137 метр.); Спорадскіе острова какъ греческіе, такъ и турецкіе, точно также сплошь покрыты горами,

хотя и не столь высокими. Горы же Іонійскихъ острововъ стоятъ въ этомъ отношеніи позади всѣхъ поименованныхъ, и лишь Элато на островѣ Кефалоніи достигаетъ значительной высоты — 1,600 метровъ рѣзко выдѣляясь отъ другихъ горъ.

Вторая, наиболѣе важная горная система Иллирійскаго полуострова—Балканы; подъ этимъ турецкимъ названіемъ разумѣется вся вообще система возвышенностей Гемуса древнихъ. Но это понятіе должно быть ограничено лишь главными горами, Ходжійскими Балканами, которые состоятъ изъ кристаллическихъ и палеолитическихъ породъ; отъ этихъ горъ необходимо строго отличать всякую другую цѣпь, которая слыветъ подъ именемъ Балканъ, благодаря своей сравнительно значительной высотѣ. Голый скалистый гребень Ходжійскихъ Балканъ достигаетъ въ самой высокой своей точкѣ (на сѣверо-востокъ отъ болгарскаго города Карлово) 2,376 метровъ. Вся горная система связана на западѣ съ Сербскими горами и идетъ почти параллельно Дунаю, въ разстояніи 100—120 километровъ отъ него, вплоть до Чернаго моря, гдѣ и оканчивается крутымъ мысомъ Эминэ (780 метр.). Непосредственно на правомъ берегу Дуная, какъ мы знаемъ, поднимается безлѣсная, однообразная лёссовая терраса, которая постепенно поднимается до подошвы Балканъ и перерѣзывается многочисленными притоками Дуная. Изъ нихъ самые важные: Тимонъ, пограничная рѣка между Сербіею и Болгаріею на востокѣ, Арчеръ, Ломъ, Искеръ, Видъ, Осма, Янтра и Восточный Ломъ. Главная формація Балканъ—мѣловая; на сѣверныхъ склонахъ этихъ горъ она занимаетъ наибольшее пространство и образуетъ широкій уступъ до лёссовой окраины и даже подъ нею до Дуная. Съ приближеніемъ къ однообразному гребню горъ, который становится все болѣе и болѣе плоскимъ, встрѣчаются известнякъ и сланецъ, въ особенности тальковый сланецъ и слюдяной сланецъ. Горные проходы, ведущіе чрезъ Балканы изъ Болгаріи (находящейся у сѣверныхъ склоновъ) въ Румилію или Румелію (древняя Ѳракія) по большей части затруднительны и находятся на значительной высотѣ.

Предгорія Балканъ начинаются уже на западѣ у Видина (крѣпость на Дунаѣ) и идутъ дугою, подъ названіемъ Балканъ св. Николая и Старой Планины, до прорыва р. Искера. Балканы св. Николая на юго-востокѣ соединяются съ Берковацкими Балканами посредствомъ сѣдловины и горнаго прохода Чипоровица и своими сѣверо-западными склонами составляютъ границу между Сербіею и Болгаріею. Высочайшая точка этихъ сербско-болгарскихъ разграничительныхъ горъ, Иванова-Ливада достигаетъ 1,106 метровъ (по другимъ измѣреніямъ только 950 метр.). Изъ области осадочныхъ образованій и третичныхъ формацій долины Тимока мы постепенно поднимаемся въ область кристаллической зоны. Въ то время, какъ южные голые склоны Балканъ св. Николая вывѣтрены и производятъ безотрадное впечатлѣніе, усиливаемое ихъ сѣровато-зеленымъ цвѣтомъ,—сѣверные склоны этихъ горъ покрыты роскошными буками и дубами. На болѣе высокихъ мѣстахъ горъ перевѣсъ остается на сторонѣ хвойныхъ деревьевъ, но самыя высокія вершины голы и уже въ началѣ октября покрываются снѣгомъ. Высота прохода равняется 1,384 метра, а высота вершины на 300 метровъ больше. Южную границу этого хребта составляетъ долина р. Нишавы, на которой расположенъ сербскій городъ Пиротъ (по турецки Шаркой) и которая на юго-востокѣ соединяется съ извѣстнымъ бассейномъ Софіи. Эта равнина, наполненная массою глины, изборожденная рытвинами, къ С.-З. съуживается; здѣсь, неподалеку отъ Искера, расположенъ городъ Софія, который всегда былъ центромъ греко-славянской интеллигенціи и со времени соединенія его желѣзною дорогою съ Нишемъ и Филиппополемъ, пріобрѣлъ особенно важное значеніе.



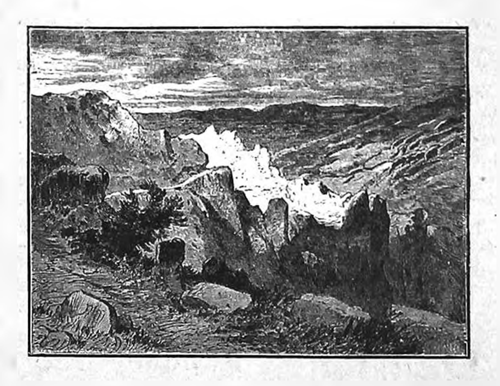
Гора Парнасъ и г. Дельфи.

На сѣверной сторонѣ Балканъ св. Николая начинается красивая долина Арчера, около которой поднимаются высокія Столовыя горы, при подошвѣ густо поросшія лѣсомъ, а выше переходящія въ длинныя голыя стѣны въ видѣ террасъ и состоящія изъ плотнаго известняка; съ высоты прохода или сѣдловины открывается чудная панорама крѣпости Бѣлоградчика. Замѣчательная формація и группировка, рѣдкостная по своему великолѣпію окраска и окисленіе матеріала, изъ котораго природа создала гармонически—цѣльный ландшафтъ, при всей вычурной фантастичности деталей,—все это вмѣстѣ съ прелестью мѣняющагося освѣщенія, производитъ удивительный эффектъ. Въ географическомъ отношеніи высокую важность представляетъ Искерская тѣснина, потому что теперь доказано, что Балканская цѣпь, занимающая шесть градусовъ долготы, прорывается только въ одномъ мѣстѣ, и именно—рѣкою Искеромъ съ сѣвера на югъ. Эти живописныя горныя ворота находятся среди мощныхъ кристаллическихъ эруптивныхъ образованій. Среди красныхъ конгломератовъ и вмѣстѣ съ ними попеременно возвышаются сланецъ, діоритъ, порфиръ и свѣтло-желтый гранитъ. Эти породы начинаются около монастыря Черепиша и идутъ на продолженіи многихъ часовъ пути, образуя нерѣдко замѣчательные по своей романтичности ландшафты, какъ напр. около Слидоля, гдѣ съ гранитнаго ложа свергается красивый водопадъ. Мѣстами на красныхъ конгломератахъ встрѣчаются впрочемъ известковыя породы, но мезозойскія формаціи достигаютъ преобладающаго господства лишь въ самой южной части тѣснины. По ту сторону Искерской тѣснины, т. е. на востокъ отъ нея, горы идутъ далѣе на востокъ подъ названіемъ Этропольскихъ и затѣмъ Ходжійскихъ Балканъ. Чрезъ Этропольскіе Балканы, которые достигаютъ почти 1,460 метр. высоты, на сѣверо-востокѣ отъ Софіи существуетъ Орханійскій проходъ, а на Ходжійскихъ Балканахъ имѣется нѣсколько переваловъ, изъ которыхъ важнѣйшіе Калоферъ и Тетевенъ. Къ востоку главная цѣпь получаетъ названіе Шибкинскихъ Балканъ; идущій чрезъ нихъ весьма не затруднительный перевалъ находится въ живописной тѣснинѣ р. Янтры, берущей здѣсь начало, и ведетъ изъ болгарскаго промышленнаго города Габрово къ ѳракійскому Ширасу, къ прославленной и дѣйствительно единственной по своей красотѣ долинѣ розъ Казанлыка, которая пріобрѣла всемірную извѣстность производствомъ розоваго масла. Послѣдняя представляетъ собою защищенную отъ юго-западныхъ вѣтровъ пологими горами равнину, которая заполнена розовыми садами и желтѣющими нивами; расположенныя среди послѣднихъ османскія селенія, съ красными черепичными кровлями и бѣлыми минаретами, пере-

сѣкаемыя сверкающими рѣчками и оттѣняемыя большими группами орѣшника, манятъ къ себѣ путешественника. Въ нѣсколькихъ часахъ пути отъ Казанлыка, который лежитъ почти на 340 метр. надъ уровнемъ моря, на самой высокой части Балканъ начинается р. Тунджа, сразу же за городомъ достигающая довольно значительной широты. Тунджа—главный притокъ Марицы, съ которою она соединяется близъ Адріанополя, а Марица—самая важная рѣка на югѣ отъ Балканъ. Изъ Казанлыка можно попасть на проходъ Травну, который лежитъ нѣсколько къ востоку отъ него, а затѣмъ—въ одноименный съ проходомъ промышленный городъ Травну и, подвигаясь къ сѣверу, въ древне-болгарскій городъ царей, Тырново, на Янтрѣ, положеніе котораго дѣйствительно отличается замѣчательною красотою. На дальнѣйшемъ протяженіи Балканъ до мыса Эминэ открывается нѣсколько проходовъ, какъ напр. Желѣзныя Ворота (по турецки—Демиръ-Капу), высотою около 1,000 метр., Сливно и Доброль (650 метр.). Самый высокій перевалъ чрезъ Балканы — Розалита (1,930 метр.), печальное, пустынное плоскогорье изъ филлитоваго гнейса у Маза-Гедюка,—вершины, достигающей 2,330 метровъ надъ уровнемъ моря и считающейся самою высокою точкою между Адріатикой и Понтомъ. Вторымъ по высотѣ проходомъ считается Рабаница (1,916 метр.), между бассейномъ Гіопса на югѣ и долиною Бели-Видъ—на сѣверѣ. Вся цѣпь Балканъ на югѣ и на сѣверѣ сопровождается параллельными хребтами горъ: на югѣ Средними горами (1,600 метр.), на западѣ—Караджа-Дагомъ и Баиръ-Дагомъ. На С., близъ Желѣзныхъ Воротъ, отдѣляются Кучукъ-Балканы (малые Балканы), которые достигаютъ всего лишь 715 метровъ и тянутся между двумя вѣтвями рѣки Камчика.

Восточная часть Болгаріи, простирающаяся къ сѣверу отъ Балканъ до моря, существенно отличается отъ западной, а р. Восточный Ломъ, впадающая въ Дунай четырьмя устьями близъ крѣпости Рущука, является замѣтною границею между этими двумя частями Болгаріи. Восточный Ломъ до своего развѣтвленія на устья протекаетъ чрезъ очень интересную въ геологическомъ отношеніи излучистую трещину, единственную въ своемъ родѣ во всей Болгаріи. Къ западу отъ желѣзнодорожной линіи Рущукъ-Разградъ, гдѣ на нашихъ картахъ отмѣчено множество маленькихъ и крупныхъ рѣчекъ, притоковъ Дуная, въ настоящее время находится только одинъ, еще многоводный притокъ его, всѣ же остальные бассейны совершенно высохли. Такимъ образомъ, въ физико-географическомъ отношеніи, безводная Добруджа начинается уже на востокѣ отъ Рущука; доселѣ же подъ именемъ Добруджи разумѣлась изолированная холмистая страна на Черномъ морѣ между Дунаемъ и Кюстендже. Эта область имѣетъ густое населеніе, преобладающее большинство котораго составляютъ турки.

Кромѣ описанныхъ двухъ главныхъ горныхъ системъ по юго-восточной части Иллирійскаго полуострова проходитъ нѣсколько другихъ цѣпей, которые хотя имѣютъ и меньшее протяженіе, но мѣстами поднимаются не ниже Балканъ. Вдоль Понта отъ Бургасской бухты до Константинополя тянутся горы Истранджа, которыя въ Геокъ-Тепе (въ перев. съ турец.—голубая гора) достигаютъ своей высшей точки (1,200 метр.) и соприкасаются съ конечною цѣпью Балканъ. На склонахъ этихъ горъ беретъ начало нѣсколько незначительныхъ береговыхъ рѣкъ, которыя впадаютъ въ Черное море, но на восточныхъ склонахъ начинаются многіе параллельные притоки Эркенэ, которая соединяется съ Марицею вблизи ея впаденія въ море. Другая береговая цѣпь Серіанъ-Тепе, съ вершинами Челеби (890 метр.) и св. Иліи, идетъ вдоль Мраморнаго моря къ полуострову Галлиполи. Широкое пространство между правымъ берегомъ Марицы, которая течетъ вначалѣ съ запада на востокъ, а затѣмъ отъ Адріанополя—съ сѣвера на югъ, и Вардаромъ въ Македоніи занято множествомъ горныхъ цѣпей; среди нихъ самая значительная Родопская или Деспото-Дагъ, представляющая замѣчательное скопленіе горъ, съ вершиною Крушова (2,274 метра). Здѣсь беретъ начало р. Карасу или Места, впадающая въ Эгейское море почти напротивъ острова Тазо. Сѣвернымъ столбомъ Родопскихъ горъ служитъ Рило-Дагъ (2,920 метр.), который послѣ



Дефиле Искеръ.

Олимпа считается высочайшею горою на полуостровѣ. Въ чудной лѣсной лощинѣ этой горы, у южнаго ея склона, расположенъ монастырь Рило, величественнѣйшій изъ монастырей Турціи и единственный въ своемъ родѣ. Онъ находится на такой же почти высотѣ надъ уровнемъ моря, какъ и гигантская вершина горы, и удаленъ на добрый день пути отъ ближайшихъ городовъ: Самакова, Дубницы и Джумаи. Между Карасу и Стримономъ Рило-Дагъ отдѣляетъ отъ себя къ югу Перимъ-Дагъ, къ которому примыкаетъ Босъ-Дагъ. Изолированныя горы Халкиды, Холомонда и Кортачемъ (1,185 метр.) съ его знаменитымъ отрогомъ, обнаженнымъ, бѣлымъ, какъ мраморъ Аѳономъ, который круто поднимается изъ морской глубины на высоту 1,972 метра,—не имѣетъ ни какой связи съ Родопскими горами. Между Рило-Дагомъ и Шаръ-Дагомъ, въ Албаніи, на лѣвомъ берегу Вардара поднимается невысокій Кара-Дагъ, а между Рило и Балканами, какъ промежуточный членъ,—гнейсовыя горы Ихтиманъ и безподобная сіенитовая группа Витошъ (2,330 метр.), которая замѣчательна своими горными породами; въ этихъ горахъ находятся богатыя залежи магнитнаго желѣзняка, изъ котораго добывается отличное желѣзо.

Поперечное положеніе Балканъ, понятно, сильно вліяетъ на климатическія условія Иллирійскаго треугольника. Въ то время, какъ на сѣверѣ еще господствуетъ довольно континентальный климатъ съ суровыми вѣтрами, при которыхъ низовья Дуная по большей части покрываются льдомъ,—югъ пользуется болѣе ровною температурою, при которой вызрѣваютъ всѣ южные фрукты. Здѣсь замѣчается то же явленіе, что и въ Средней Европѣ по сю и по ту сторону Альповъ. Какъ въ Италіи трамонтана, такъ въ южной Турціи и Элладѣ холодъ приносятъ лишь сѣверные вѣтры зимою. Константинополь имѣетъ одинаковую среднюю годовую температуру съ Венеціей. Въ Греціи особенно благопріятно распредѣлены времена года, чѣмъ она обязана, кромѣ своего южнаго положенія, вліянію моря и сѣверо-западнаго вѣтра, который обладаетъ укрѣпляющею и оплодотворяющею силою. Аттика въ особенности обладаетъ самымъ здоровымъ и самымъ мягкимъ климатомъ. Въ менѣе благопріятныхъ условіяхъ находятся западныя части полуострова,—какъ въ климатическомъ отношеніи, такъ и въ отношеніи плодородія почвы. Въ собственно Карстскихъ странахъ, въ Далмаціи, Черногоріи, Герцеговинѣ и Босніи малоплодородная почва едва лишь удовлетворяетъ насущнымъ потребностямъ населенія. Иначе обстоитъ дѣло въ Болгаріи, гдѣ по уступамъ горъ широко развито земледѣліе и процвѣтаетъ скотоводство. Въ красивыхъ лѣсахъ

Балканъ водятся медвѣди и волки; другихъ достопримѣчательностей въ фаунѣ полуострова нѣтъ; впрочемъ, въ Константинополѣ въ видѣ исключенія появляется верблюдъ, напоминающій о близости Азіи, подобно тому, какъ на Гибралтарѣ обезьяны напоминаютъ о противолежащей Африкѣ. Богатство полуострова заключается въ хорошихъ тонкорунныхъ овцахъ, козахъ и лошадяхъ, винѣ, изюмѣ, коринкѣ, прекрасномъ табакѣ, хлопчатой бумагѣ, деревянномъ маслѣ, шафранѣ, шелкѣ, фруктахъ, камедныхъ деревьяхъ и зерновомъ хлѣбѣ. Громадныя минеральныя сокровища лежатъ еще нетронутыми въ нѣдрахъ земли.

Королевство Румынія.

та карпатская страна въ географическомъ отношеніи принадлежитъ къ Восточной Европѣ и, занимая пространство въ 131,000 кв. килом., насчитываетъ до 5.000,000 жителей. Румынія состоитъ изъ двухъ княжествъ: Валахіи и Молдавіи и съ 1881 года представляетъ конституціонное королевство съ сенатомъ и палатою депутатовъ, назначаемыхъ избирательными коллегіями. Войско въ мирное время состоитъ изъ 50,000 человѣкъ, а на пограничномъ съ Болгаріею Дунаѣ имѣется небольшой флотъ. Военная гавань Румыніи находится въ Добруджѣ, гдѣ на долю этого государства приходится небольшая прибрежная полоса по Понту. Это Кюстендже, соединяемое пересѣкающею Добруджею желѣзною дорогою съ Черноводою на Дунаѣ. Валахія занимаетъ южные склоны Семиградской возвышенности до Дуная и рѣкою Алютою или Ольтою дѣлится на Малую (западную) и Большую (восточную). Рѣчка Милькова отдѣляетъ ее отъ Молдавіи, т. е. отъ восточнаго склона Семиградіи, которая орошается тремя рукавами Дуная и р. Серетъ.

Характеръ страны находится въ зависимости отъ высоты, протяженія, ширины, склоновъ и водораздѣловъ Карпатскихъ горъ, которыя могучею дугою окружаютъ Румынію отъ запада къ сѣверу и на востокъ. Она ясно дѣлится на три области: гористую, холмистую и низменную. Гористая область съ ея скалами и громадными первобытными лѣсами изобилуетъ всевозможными металлами, цѣнными минеральными источниками и дичью; но эти сокровища внутри и поверхъ земли малодоступны, неизслѣдованы и почти не тронуты рукою человѣка. На тучныхъ пастбищахъ холмистой области кормятся громадныя стада скота, но населеніе мало пользуется мясомъ, а кожа лучше выдѣлывается заграницей, чѣмъ дома; въ изобиліи родится здѣсь высокаго качества виноградъ, но винодѣліе ведется небрежно. Наконецъ, подвигаясь на югъ, мы достигаемъ низменной области, которую справедливо можно назвать житницею Европы. Здѣсь въ изобиліи произрастаютъ: маисъ, пшеница, всевозможные виды хлѣбныхъ и полевыхъ растеній, почти не требуя обработки, благодаря почвѣ, которая еще долгое время не будетъ нуждаться въ удобреніи. Здѣсь родятся прекрасные плоды, но въ небольшомъ количествѣ, потому что разведеніе ихъ требуетъ терпѣнія, знаній и труда. Таковы сокровища и богатства, которыми провидѣніе съ незапамятныхъ временъ щедро одарило Румынію. Но эта слишкомъ пышная производительность природы, обезпечивая легкій, беззаботный способъ существованія народа, сдѣлала націю лѣнивою и косною; этою-же особенностью характера румынъ объясняется столь продолжительное пребываніе ихъ въ цѣпяхъ деспотизма. Румынія—поистинѣ благословенный край: изобилуя всевозможными естественными богатствами, она соединяетъ въ себѣ съ величавостью горъ и меланхолію безконечныхъ равнинъ. Отсюда понятна горячая любовь румынъ къ родинѣ, богатства и красота которой съ из-

быткомъ вознаграждаютъ всѣ бѣды и несчастія, и не безъ основанія румынъ можетъ сказать иностранцу: „кто хоть разъ пилъ воду изъ Думбовицы, того всегда будетъ тянуть къ ней“. Впрочемъ, въ послѣднее время и изъ Румыніи началась эмиграція.

Типъ румынскаго крестьянина.

Румыны, по всей вѣроятности потомки древнихъ жителей Дакіи, говорятъ на нарѣчіи, родственномъ романскому языку, исповѣдуютъ православную вѣру; въ общемъ румыны обладаютъ среднимъ, иногда даже маленькимъ ростомъ; они худощавы и носятъ южный отпечатокъ; мужчины красивѣе женщинъ, имѣютъ ослѣпительно бѣлые зубы, изящныя руки и ноги, красивую походку; подобно вьюнамъ, они быстры въ движеніяхъ, отличаются гостепріимствомъ, замѣчательною выносливостью и отвагою, но въ то-же время они лѣнивы, недовѣрчивы, невѣжественны и суевѣрны. Уступая въ красотѣ мужчинамъ, румынки отличаются большими достоин-

ствами сравнительно съ первыми. Къ школьному образованiю онѣ, правда, относятся еще индефферентнѣе, чѣмъ мужчины, но зато обладаютъ отъ природы прекрасными способностями. Въ недавнее время, подъ крутымъ правленiемъ короля Карла, изъ династiи Гогенцоллерновъ, всѣ отрасли сельско-хозяйственной и умственной жизни сильно подвинулись впередъ въ своемъ развитiи. Это свидѣтель-

Румынская дама.

ствуетъ, что духовныя силы и способности румынскаго народа очень велики и не испорчены. Почти три съ половиною милліона населенія Румыніи, слѣдовательно около $^3/_4$ его, падастъ на долю крестьянъ.

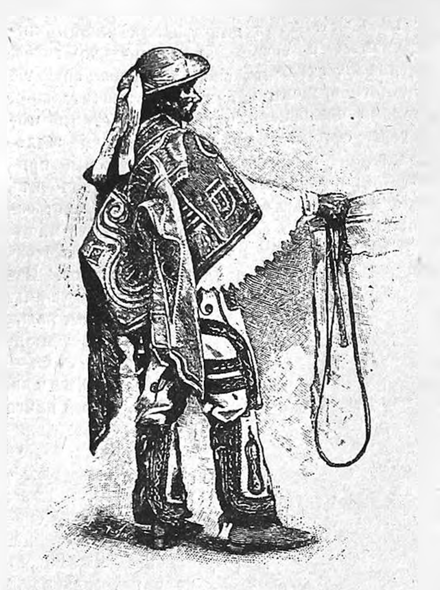
Если дымъ или собачій лай не извѣщаютъ путешественника о близости деревни, то можетъ случиться, что онъ замѣтитъ ее только тогда, когда подойдетъ къ ней на разстояніе нѣскольких шаговъ: большинство домовъ, или вѣрнѣе, землянокъ, прячутся глубоко въ землѣ, ихъ маленькія окна сдѣланы почти въ уровень съ землей, и коническая кровля покрыта ржаною или маисовою соломою, наполовину вывѣтрившеюся и мѣстами поросшею мохомъ, такъ что даже человѣкъ, обладающій хорошимъ зрѣніемъ, можетъ быть введенъ въ заблужденіе. Если въ деревнѣ имѣется улица, то входъ и выходъ изъ нея

часто запирается подвижною перекладиною, которую поднимают совершенно или наполовину голыя дѣти цыганъ, выпрашивая у васъ милостыню. Громадное большинство мѣстнаго населенія живетъ въ такихъ убогихъ землянкахъ; онѣ заключаютъ въ себѣ обыкновенно два отдѣленія: одно представляетъ жилую комнату, спальню и кухню; здѣсь-же находитъ себѣ пріютъ и разный мелкій скотъ, а другое служитъ кладовою и складомъ корма для скота. Въ румынскихъ деревняхъ разводятся преимущественно три породы животныхъ: свиньи, злыя собаки и... блохи. Рѣдко можно встрѣтить садикъ съ грядкою овощей, а еще рѣже — съ цвѣтами, фруктовыми деревьями и тѣнистою зеленью. Здѣсь всего чаще садятъ сливы, такъ какъ онѣ не требуютъ большого ухода и изъ нихъ приготовляется любимая румынами „чука".

Румынъ рано созрѣваетъ и рано старѣется; браки заключаются въ очень молодыхъ годахъ и обыкновенно бываютъ очень плодовиты; впрочемъ, большая часть дѣтей не достигаетъ даже десятилѣтняго возраста. Въ общей суммѣ рожденій преобладаетъ мужской полъ, но зато и смертность среди мальчиковъ болѣе, чѣмъ среди дѣвочекъ. Съ наступленіемъ 25—30-лѣтняго возраста румынская женщина, въ молодости почти безъ исключеній обладающая красотою Юноны, обращается уже въ пожилую морщинистую старуху, потому что здѣсь она обречена на участь вьючнаго животнаго, тогда какъ ея господинъ и повелитель спокойно лежитъ на боку. Ребенокъ на спинѣ, ребенокъ подъ сердцемъ, ребенокъ на рукахъ, да вдобавокъ еще какая-нибудь ноша на головѣ и маленькая прялка въ рукѣ — вотъ довольно обычная картина румынской женщины, имѣющей зачастую не болѣе 18 лѣтъ. Костюмъ румынки состоитъ изъ длинной рубашки, двухъ передниковъ, спереди и сзади, и живописно наброшеннаго на голову платка; платьевъ обыкновенно не носятъ. Пріемы и способы обработки крестьянами винограда и пашни, инструменты и орудія, экипажи — все грубо, неуклюже, тяжеловѣсно, требуетъ затраты лишняго времени и силъ и въ значительной степени понижаетъ прибыль. Мѣстами нѣкоторые состоятельные, здравомыслящіе землевладѣльцы вводятъ улучшенія, но ихъ примѣръ прививается съ трудомъ и находитъ себѣ мало подражателей. Румыны употребляютъ главнымъ образомъ растительную пищу, по преимуществу маисъ, который изготовляется въ разнообразнѣйшихъ видахъ. Національное кушанье — кукурузовая каша, „мамалыга", а любимый напитокъ — водка-сливнянка, „чука". Кромѣ маиса румыны употребляютъ въ пищу и другія полевыя растенія, молоко, яйца; мясо, и именно свиное, занимаетъ послѣднее мѣсто въ ряду потребляемыхъ ими пищевыхъ веществъ. Любимыми развлеченіями румынъ служатъ музыка и танцы; немудрый скрипачъ поднимаетъ на ноги всю деревню и развязываетъ всѣ глотки; всѣ танцы и напѣвы носятъ національный характеръ; они то рѣзвы и шаловливы, то нѣжны, трогательны и въ общемъ очень граціозны. Очень красивы пестрые ряды пылкихъ юношей и кокетливыхъ дѣвушекъ въ живописныхъ костюмахъ, когда они кружатся, танцуя „гору". Почти всѣ матеріи, употребляемыя для костюмовъ, изготовляются на мѣстѣ; работа ихъ весьма недурна и даже изящна; покрой и костюмы въ высшей степени нарядны; румыны очень любятъ мишурныя украшенія и яркіе цвѣта. Къ сожалѣнію мужчины отличаются наклонностью къ пьянству, которое нерѣдко приводитъ къ кровавымъ столкновеніямъ. Убійства и кража скота составляютъ главные виды преступленій среди деревенскаго населенія, образованіе котораго стоитъ на довольно низкой ступени.

Румынскіе солдаты.

Скотоводство ведется здѣсь вообще безъ всякой системы, а разведеніе лошадей, находившееся въ такомъ блестящемъ состояніи



Румынскій почталіонъ.

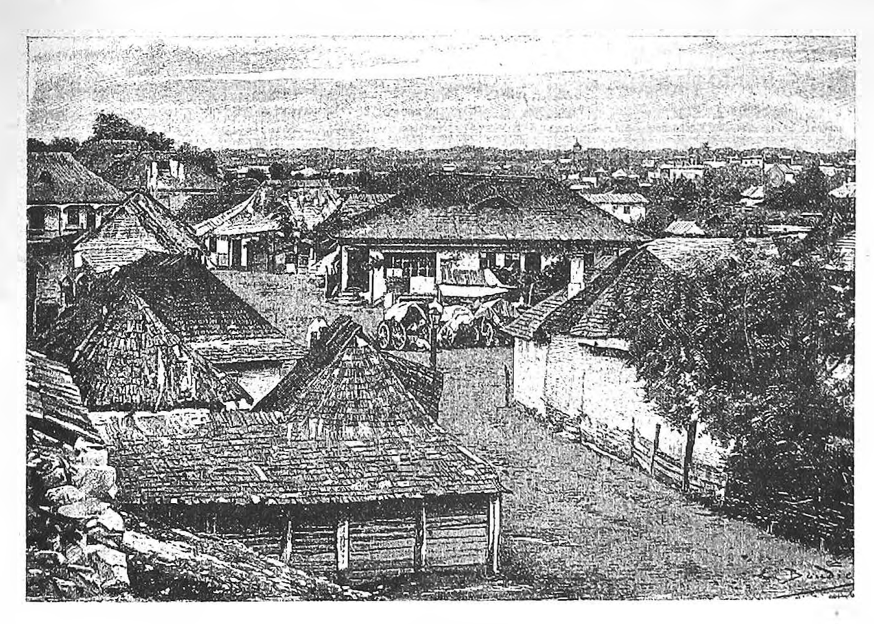
въ прежнее время, даже пришло въ упадокъ; точно также не можетъ быть и рѣчи о раціональномъ земледѣліи. Во время нѣсколькихъ, слѣдующихъ одинъ за другимъ урожайныхъ, годовъ плоды урожаевъ растрачиваются съ поразительною безпечностью, а во время неурожаевъ и опустошительнаго падежа скота населеніе сваливаетъ вину на недоброжелательство стихій или объясняетъ эти несчастія гнѣвомъ какого-нибудь оскорбленнаго святого. Въ остальной Европѣ совсѣмъ не имѣютъ представленія о массѣ денегъ, получаемыхъ Румыніею въ счастливый годъ, когда уродятся маисъ, пшеница и прочія полевыя растенія, когда ни падежъ, ни засуха, ни степной пожаръ, ни жестокіе морозы не уничтожатъ громадныя стада скота. Каждый житель, даже бѣднякъ, превращается тогда въ состоятельнаго человѣка и начинается беззаботный кутежъ, въ которомъ забываются всѣ пережитыя невзгоды; пробуждается неудержимое стремленіе путешествовать, увлекающее за границу цѣлыя группы населенія, принадлежащаго къ среднему сословію, и плоды урожая оказываются не менѣе выгодными для курортовъ и модныхъ магазиновъ Вѣны и Парижа, чѣмъ для обитателей ихъ счастливой родины.

Но если мы обратимъ вниманіе на то, что въ Румыніи на тысячу жителей приходится семь человѣкъ, принадлежащихъ къ промышленному классу, что большая часть существующихъ крупныхъ промышленныхъ предпріятій и производствъ находится въ рукахъ иностранцевъ, когда мы изъ торговой статистики узнаемъ, что вывозъ произведеній обработывающій промышленности настолько незначителенъ, что о немъ пожалуй не стоитъ и говорить, а важнѣйшіе виды сырья вывозятся заграницу для надлежащей обработки и возвращаются въ Румынію въ обработанномъ видѣ, какъ напр. мука, кожа, шерсть, поташъ и т. п.,—то будемъ совершенно правы, если скажемъ, что въ промышленномъ отношеніи Румынія принадлежитъ къ числу очень бѣдныхъ странъ. Климатъ и естественныя условія страны указываютъ румынамъ прежде всего на земледѣліе, скотоводство и горный промыселъ, который находится здѣсь въ очень жалкомъ состояніи. И пройдетъ еще не мало лѣтъ, прежде чѣмъ наиболѣе важные продукты промышленнаго производства страны будутъ въ состояніи отвѣчать существующему спросу и потребностямъ. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи уже замѣчается здѣсь прогрессъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ фактъ постояннаго возрастанія новыхъ предпріятій и производствъ; но ихъ все-таки еще недостаточно, чтобы доставить Румыніи положеніе, независимое отъ иностранцевъ. Оптовая торговля находится въ рукахъ иностранцевъ, которые являются въ ней законодателями и пользуются доходами отъ страны и отъ производителей, и лишь немногія румынскія фирмы выдерживаютъ такую конкурренцію, большинство-же довольствуется очень скромною прибылью. Не подлежитъ никакому сомнѣнію, что торговая дѣятельность румынъ могла-бы быть гораздо крупнѣе, еслибы внутри страны существовали болѣе многочисленные и лучшія пути сообщенія; во всей странѣ нѣтъ ни одного шоссе, которое было-бы вполнѣ исправно на разстояніи хотя-бы нѣсколькихъ часовъ пути. Въ продолжительную сухую погоду можно легко проѣхать страну проселочными и большими дорогами, хотя густые клубы пыли дѣлаютъ подобное путешествіе не особенно пріятнымъ; но съ наступленіемъ большихъ дождей толстый слой почвенной глины размокаетъ, множество канавъ, ручьевъ и рѣкъ переполняются водою и выступаютъ изъ невысокихъ береговъ, и тогда нельзя и думать о какой-бы то ни было поѣздкѣ, даже самой недалекой. Впрочемъ, за послѣднее время въ Румыніи съ большою энергіею принялись за постройку желѣзныхъ дорогъ; въ настоящее время въ Румыніи уже насчитывается 2,600 километровъ желѣзнодорожныхъ путей.

Дунай течетъ вдоль всей страны отъ Турнъ-Северина до Сулинскаго устья и образуетъ одинъ изъ наиболѣе удобныхъ путей сообщенія. На его берегахъ распо-

ложено много городовъ, имѣющихъ важное значеніе въ торговомъ отношеніи; таковы: Галацъ (60,000 жит.), между устьями Серета и Прута, откуда вывозится, кромѣ хлѣба, лѣсъ, соль, шерсть и керосинъ; Браиловъ (47,500 жит.), важнѣйшій дунайскій портъ Валахіи и главное складочное мѣсто для хлѣба; Журжево, средоточіе различныхъ торговыхъ кампаній и дѣлъ со всѣми значительными заграничными рынками. Нѣкоторыя менѣе значительныя гавани, какъ Турнъ-Северинъ, Калофатъ, Магарели точно также ведутъ оживленную торговлю, хотя и не столь обширную, какъ въ вышеупомянутыхъ крупныхъ портовыхъ городахъ. Множество парусныхъ и паровыхъ судовъ, буксировъ и небольшихъ лодокъ всѣхъ національностей бороздятъ широкую рѣку, преимущественно внизъ отъ Браилова, спѣша по безопасному нынѣ Сулинскому каналу въ Черное море, которое, впрочемъ, со времени открытія Суэцкаго канала уже утратило свое значеніе. Изъ другихъ городовъ Румыніи наиболѣе важны: Крайова въ Малой Валахіи, Фокшаны на р. Мильковѣ, Плоэшти, Яссы (73,000 жит.), недалеко отъ Прута, главный городъ Молдавіи, и Букурештъ, или Бухарестъ на Думбовицѣ (196,500 жит.), главный городъ Валахіи и всей Румыніи.

Бухарестъ, столица Румыніи, университетскій городъ, замѣчателенъ ужаснѣйшею грязью и ослѣпительною роскошью: здѣсь рядомъ съ жалкими лачугами возвышаются великолѣпные дворцы; это городъ непроходимыхъ улицъ, 10,000 экипажей и 30,000 великолѣпныхъ лошадей. Здѣсь можно наблюдать, какъ цивилизованный Западъ, находясь бокъ-о-бокъ съ Востокомъ, входитъ съ нимъ во всевозможнѣйшія столкновенія. Нужно потратить не менѣе пяти часовъ для того, чтобы обойти вокругъ всего города, потому что многіе дома, особенно въ предмѣстьи, лежатъ разсѣянно и окружены садами. Въ



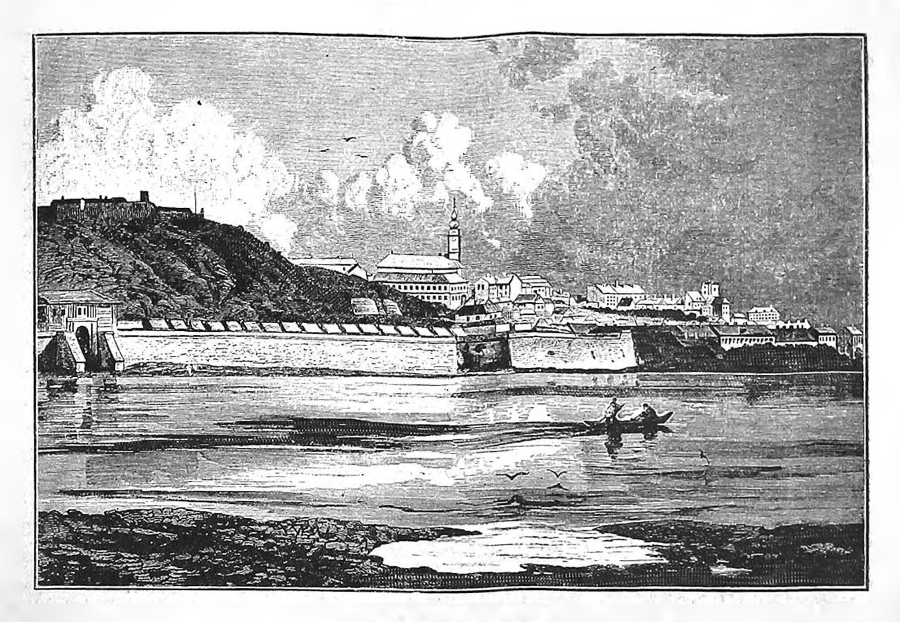
Бухарестъ.

составъ населенія входятъ 8—10 тысячъ иностранцевъ, представляющихъ по преимуществу культурный элементъ, около 5,000 евреевъ, представителей торговли и 9,000 цыганъ. Описать Бухарестъ такъ-же трудно, какъ и исходить его. Почти въ срединѣ города находится торговый кварталъ, съ его четырьмя улицами, театромъ, королевскимъ дворцомъ, магазинами, въ которыхъ выставлены различныя произведенія промышленности и предметы роскоши, привезенные съ востока и запада, и множество кофеенъ. Обстановка этой части города имѣетъ еще европейскій характеръ; кругомъ возвышаются дома, изъ которыхъ многіе имѣютъ довольно красивую наружность, но за границами этого квартала уже чувствуется Валахія: въ безпорядкѣ выстроенные хижины и дома напоминаютъ скорѣе хутора и деревни, соединенные между собою нѣсколькими дорогами.

Королевство Сербія.

Сербія занимаетъ площадь въ 48,590 кв. килом. и, какъ уже мы знаемъ, въ сѣверныхъ частяхъ своихъ холмиста, въ южныхъ и восточныхъ гориста и покрыта продольными долинами; но сербскія горы не достигаютъ высоты Альпъ. Страна эта повсюду плодородна и богата лѣсами, но заселена сравнительно рѣдко, хотя численность населенія значительно возрастаетъ. Въ 1879 году здѣсь насчитывалось 1.682,500 жителей, а теперь число ихъ доходитъ уже почти до 2.250,000. Количественное отношеніе между полами какъ во всей Сербіи, такъ и въ отдѣльныхъ ея частяхъ, нормально; господствующее вѣроисповѣданіе—греческое, православное; православную религію исповѣдуютъ около 90% населенія. Городское населеніе составляетъ отъ 10% до 11% всего числа жителей; населеніе въ этнографическомъ отношеніи распадается на три національности: сербскую, болгарскую и румынскую; кромѣ нихъ заслуживаютъ еще вниманія цыгане и евреи. Преобладающее большинство приходится, конечно, на долю сербскаго элемента, который встрѣчается въ Далмаціи, Герцоговинѣ, Черногоріи, Босніи и наконецъ въ Сербіи. Но здѣсь онъ сохранился въ чистотѣ только въ западныхъ округахъ, почти до береговъ Моравы, съ приближеніемъ же къ востоку все болѣе и болѣе поглощается болгарскимъ и румынскимъ элементами.

Сербы — народъ патріархальнаго склада; въ душѣ серба много поэзіи, и онъ любитъ воспѣвать подъ аккомпаниментъ монотоннаго національнаго инструмента, гуслей, славную исторію былыхъ временъ. Подъ суровою наружностью серба часто скрывается твердое сознаніе собственнаго достоинства и вообще много симпатичныхъ качествъ. Сербы по большей части высоки ростомъ и стройны, обладаютъ большою физическою силою и благородными, правильными чертами лица. Всѣ мужчины имѣютъ гордый, воинственный видъ и даже самая походка ихъ свидѣтельствуетъ о мужествѣ и проникнута чувствомъ собственнаго достоинства. Вооруженные они представляются настоящими сынами Марса. Костюмъ сербовъ въ провинціи имѣетъ восточный характеръ и состоитъ изъ широкихъ шароваръ, перехваченныхъ внизу, немного выше колѣна, изъ куртки, сплошь выложенной шнурками, и головнымъ уборомъ служитъ феска съ кистью. Въ большихъ городахъ, какъ напр. въ Бѣлградѣ, мужчины носятъ по большей части обще-европейскій модный костюмъ. Женщины, подобно мужчинамъ, также обладаютъ красивымъ сложеніемъ, стройны, имѣютъ благородныя черты лица; походка ихъ, какъ и мужчинъ, проникнута горделивостью и чувствомъ собственнаго достоинства. Въ провинціи и онѣ одѣваются по-восточному, но въ городахъ, почти безъ исключеній, носятъ европейскій костюмъ. Замужнія женщины, особенно пожилыя, обыкновенно носятъ здѣсь феску, вокругъ которой онѣ искусно обвиваютъ свои волосы; такая прическа очень идетъ къ нимъ. Сербы строго придерживаются своей православной религіи. Но духовенство въ Сербіи



Бѣлградъ.

далеко не пользуется тѣмъ авторитетомъ среди населенія и не имѣетъ на него такого вліянія, какъ у многихъ другихъ народовъ. Что касается образа жизни сербовъ, то онъ отличается умѣренностью и разсудительностью. Въ Сербіи, какъ и вообще на востокѣ, чрезвычайно развито гостепріимство. Кромѣ того, сербъ очень услужливъ и предупредителенъ по отношенію къ иностранцамъ.

Среди южно-славянскихъ племенъ сербы всѣхъ даровитѣе. Храбрые, горячо преданные своей родинѣ и націи, они нерѣдко кажутся слишкомъ грубыми и несправедливыми по отношенію къ другимъ племенамъ. Для національности они готовы на какія угодно жертвы; объ этомъ свидѣтельствуютъ, между прочимъ, богатые фонды и благотворительныя учрежденія, преслѣдующія задачи церковнаго и школьнаго дѣла. Литература появилась ранѣе и развилась у сербовъ гораздо пышнѣе, чѣмъ у другихъ южныхъ славянъ. Сербы одарены богатою фантазіею; въ произведеніяхъ ихъ народной поэзіи встрѣчаются положительные перлы; особенною симпатіею пользуется національный героическій эпосъ. Сербія имѣетъ свою исторію, хотя и съ печальною развязкою; поэтому въ сербскихъ пѣсняхъ и напѣвахъ сквозитъ меланхолія, слышатся трогательныя жалобы на гибель своего государства и народной свободы. Эта странствующая народная поэзія, восхваляющая героевъ родины, имѣетъ своихъ представителей въ лицѣ народныхъ пѣвцовъ и разсказчиковъ, которые передаютъ своимъ соотечественникамъ древнія сказанія и преданія и такимъ образомъ поддерживаютъ въ нихъ патріотизмъ, чувство національной гордости и ненависть къ исконнымъ врагамъ, туркамъ. Сербы, подобно другимъ южнымъ славянамъ, соединяются въ кружки, такъ называемыя „задруги“, въ составъ которыхъ входитъ очень много членовъ, преслѣдующихъ одинаковые цѣли и интересы. „Старѣйшина“, глава семьи, старшій въ домѣ, или выбранный членами семьи представитель завѣдуетъ порядками въ домѣ; онъ пользуется неограниченнымъ почетомъ со стороны домашнихъ и отдаетъ приказанія и распоряженія, по которымъ производятся всѣ домашнія дѣла или работы. Такая семейная община охватываетъ нѣсколько домовъ; среди южныхъ славянъ члены семьи такъ привязаны къ своимъ родителямъ и родственникамъ, что отдѣлиться отъ родительскаго очага считается почти позоромъ.

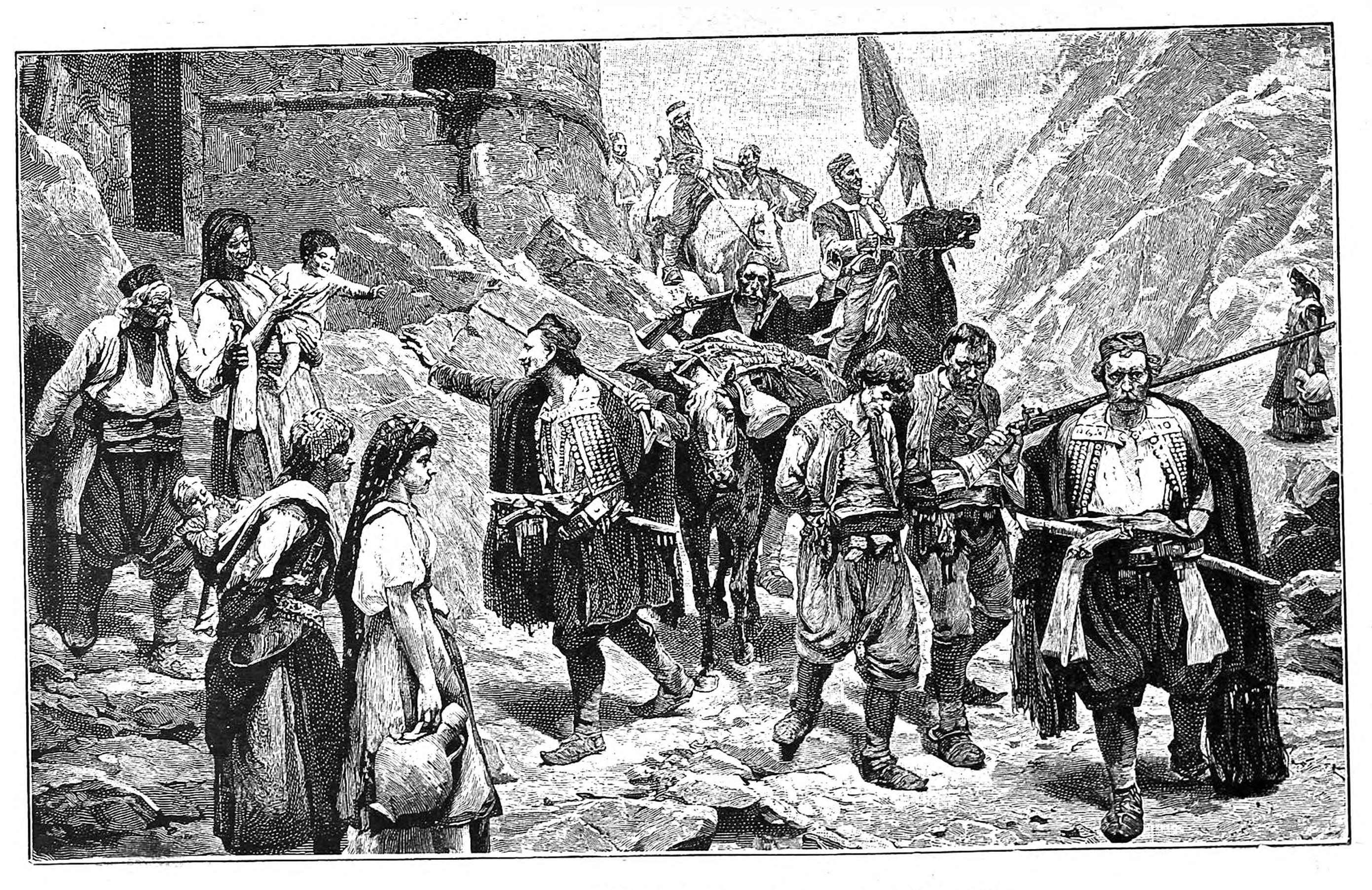
Вмѣстѣ съ болгарами, которыхъ насчитывается около 100,000 человѣкъ, наиболѣе важнымъ элементомъ населенія являются румыны (150,000 челов.), которые живутъ тоже въ восточныхъ округахъ. Какъ и вездѣ, такъ и здѣсь они отличаются отъ окружающихъ ихъ племенъ болѣе правильными и красивыми чертами лица. Кромѣ того сербскіе румыны прилежны, бережливы и упорно

придерживаются своего національнаго костюма и языка. Въ Сербіи румыны располагаютъ двойнымъ, сравнительно съ сербами, количествомъ школъ и церквей; но обученіе производится исключительно на сербскомъ языкѣ, такъ какъ законъ не признаетъ въ Сербіи иной національности, кромѣ сербской. Несмотря на это румыны не становятся сербами; напротивъ здѣсь наблюдается даже румынизація сербовъ. Къ румынамъ же можемъ причислить еще цинцаровъ, или куцовлаховъ, которые въ Сербіи играютъ ту же роль, какую играютъ евреи во многихъ венгерскихъ, особенно же въ польскихъ деревняхъ, съ тою лишь разницею, что послѣдніе гораздо лучше цинцаровъ понимаютъ и преслѣдуютъ свои интересы. Цинцаровъ насчитываютъ до 20—25 тысячъ. Количество цыганъ колеблется между 30 и 35 тысячами; цыгане ведутъ осѣдлый образъ жизни; встрѣчаются даже деревни, заселенныя одними только цыганами; такія деревни имѣютъ очень жалкій видъ. Главное занятіе мѣстныхъ цыганъ состоитъ въ выдѣлкѣ кирпича. Евреевъ въ Сербіи очень мало — не болѣе 1,500; они происходятъ отъ испанскихъ евреевъ, бѣжавшихъ отъ инквизиціи, и до настоящаго времени говорятъ по-испански.

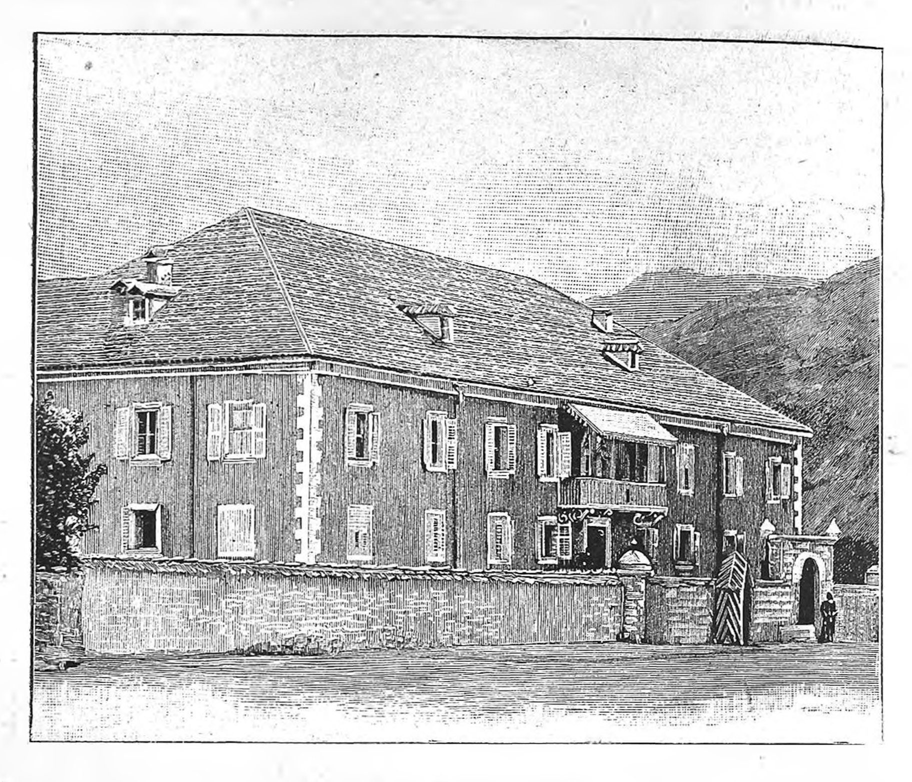
Въ Сербіи вовсе не существуетъ промышленной дѣятельности. Даже домашнія ремесла находятся на очень низкой ступени развитія. Населеніе занимается исключительно почти земледѣліемъ и скотоводствомъ, но и этого рода дѣятельность стоитъ здѣсь на очень низкой ступени развитія.

Въ Сербіи совсѣмъ нѣтъ крупныхъ землевладѣльцевъ. Всѣ земли государства раздроблены между крестьянами. А такъ какъ здѣсь не имѣется крупныхъ владѣльческихъ хозяйствъ, пользующихся въ земледѣліи новѣйшими улучшеніями, то и вся масса населенія въ дѣлѣ обработки почвы не далеко ушла отъ тѣхъ пріемовъ, которые практиковались сотни лѣтъ тому назадъ. Причинами незначительнаго развитія земледѣлія являются: почти полная изолированность страны отъ окружающаго міра вслѣдствіе недостатка въ путяхъ сообщенія; податная система, потому что въ Сербіи не существуетъ налога на землю; отсутствіе кадастра и коммасаціи; изобиліе церковныхъ и домашнихъ праздниковъ; главнымъ же образомъ — низкій уровень развитія націи, которая удовлетворяетъ свои простыя потребности небольшимъ количествомъ труда, обработывая свою землю только отчасти; наконецъ, наслѣдственное отвращеніе сербовъ къ труду. Вслѣдствіе этихъ причинъ болѣе половины пригодной для культуры земли лежитъ невоздѣланною, а другая часть ея воздѣлывается весьма несовершенно. Зато здѣсь довольно сильно развито скотоводство; сербъ—прежде всего пастухъ; ему всего болѣе нравится пастушеская жизнь, какъ наиболѣе свободная и не требующая особенныхъ трудовъ. Разводятся главнымъ образомъ свиньи, онѣ составляютъ дѣйствительное богатство страны, будучи вывозимы въ громадномъ количествѣ заграницу.

Сербскія селенія, соотвѣтственно незначительному количеству жителей, невелики и разбросаны на большихъ разстояніяхъ одно отъ другого. Деревни обыкновенно состоятъ изъ одноэтажныхъ мазанокъ, а домашній инвентарь рѣдко превышаетъ потребности пастуха. Но каждая мало-мальски значительная деревня — и на это надо обратить особенное вниманіе,—имѣетъ если не церковь, то школу; образованіе юношества въ такихъ школахъ возлагается на испытаннаго на мѣстѣ и содержимаго на счетъ государства семинариста,—обстоятельство, указывающее какъ сильно заботится сербское правительство о народномъ образованіи. Многое сдѣлано и для высшаго научнаго образованія. Такъ, въ Бѣлградѣ существуетъ академія, гдѣ кромѣ медицинскаго факультета имѣются и всѣ другіе; эта академія уже пользуется среди заграничныхъ сербовъ и другихъ южныхъ славянъ извѣстностію, и переполнена какъ мѣстною, такъ и заграничною молодежью. Кромѣ того въ Сербіи имѣется много другихъ, основанныхъ государствомъ, прекрасныхъ учебныхъ заведеній. Между прочимъ въ Бѣлградѣ существуетъ высшая женская школа, ко-



Возвращеніе Черногорцевъ съ похода.



Цетинье.—Дворецъ князя.

торая по своему замѣчательному устройству и подбору учащаго персонала не уступаетъ родственнымъ ей заведеніямъ Германіи и Швейцаріи. Это—академическое учрежденіе, основанное и поддерживаемое государствомъ. Наиболѣе значительные города, какъ Бѣлградъ и Крагуевацъ, уже имѣютъ болѣе или менѣе цивилизованный видъ, а Бѣлградъ, какъ резиденція правительства и средоточіе національной культуры, получилъ уже вполнѣ европейскую физіономію.

Бѣлградъ (по-серб. Београдъ), укрѣпленный главный городъ страны, съ 54.000 жителей, расположенъ при сліяніи Савы съ Дунаемъ: съ 1867 года, когда турки отказались отъ права занятія крѣпости своими войсками, онъ сдѣлалъ значительные успѣхи въ своемъ развитіи. Съ этого времени Бѣлградъ сталъ дышать свободнѣе, и съ каждымъ его вздохомъ рушились безобразныя турецкія постройки, а вмѣсто нихъ начали возникать новые европейскіе дома и новыя улицы. Повсюду появились новыя, выкрашенныя въ свѣтлыя цвѣта, и устроенныя въ европейскомъ вкусѣ зданія, появились новые магазины съ большими витринами совершенно такіе же, какъ и въ другихъ большихъ городахъ. Турецкій кварталъ на берегу Дуная тоже исчезъ; остатками турецкаго города являются нѣсколько турецкихъ домовъ, мечеть и рядомъ съ нею высокій, стройный минаретъ. Теперь подлѣ мечети возвышается хорошо устроенный театръ; всѣ главныя улицы въ городѣ вымощены, хотя имъ недостаетъ тротуаровъ и нѣкоторыхъ другихъ удобствъ. Крѣпость также расширена и приведена въ порядокъ: сразу видно, что старая турецкая крѣпость находится теперь въ рукахъ энергичнаго правительства.

Послѣ Бѣлграда заслуживаетъ упоминанія только древняя столица государства, Крагуевацъ; онъ расположенъ въ центрѣ страны и насчитываетъ до 5,000 жителей. Послѣ событій войны 1876 года получили извѣстность Крушевацъ и Алексинацъ на югѣ, Княжевацъ и Зайчаръ на востокѣ.

Кто побывалъ въ Сербіи нѣсколько разъ за послѣднія десять лѣтъ, тотъ не можетъ не согласиться, что въ ней начались значительныя улучшенія. Это особенно замѣтно при объѣздѣ страны чрезъ главные города ея 17 округовъ. Очень удобный экипажъ, съ тростниковою покрышкою, и опытный кучеръ являются къ услугамъ путешественника въ любомъ городѣ, имѣющемъ болѣе или менѣе оживленный характеръ, и въ любой изъ главныхъ городовъ ведетъ удобная и по большей части поддерживаемая въ исправности дорога, а по новымъ линіямъ дорогъ, облегчающихъ движеніе, проведены телеграфныя проволоки. Окружные города также носятъ на себѣ слѣды прогресса, проявляющагося именно въ ихъ измѣненной или вполнѣ, или частію планировкѣ и цѣлесообразномъ расположеніи. Улучшеніе часто замѣчается и въ деревняхъ; здѣсь оно проявляется главнымъ образомъ въ видѣ новыхъ хорошихъ построекъ, большею частію церквей, школъ или гостиницъ, по-турецки „беана“, какъ здѣсь называютъ ихъ.

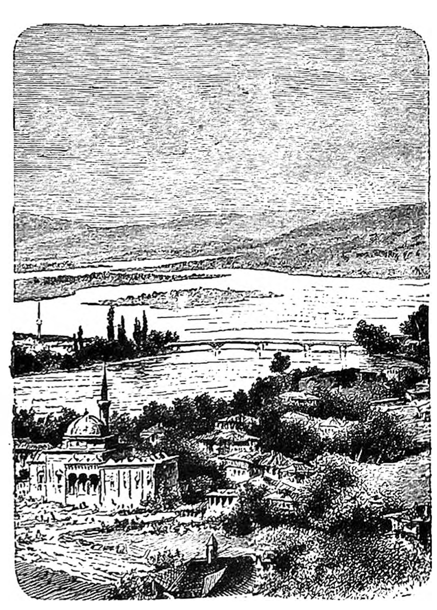
Во главѣ государства, объявленнаго въ 1882 году королевствомъ, находится конституціонный монархъ. Верховная законодательная власть принадлежитъ «скупщинѣ», состоящей изъ депутатовъ, избираемыхъ непосредственно народомъ. Администрація въ своихъ главнѣйшихъ чертахъ организована по образцу прусской и отличается въ общемъ порядкомъ и аккуратностью въ веденіи дѣлъ. Благодаря бережливости сербовъ финансы государства находятся въ лучшемъ состояніи, чѣмъ во многихъ другихъ государствахъ, несмотря на то, что естественныя богатства страны почти совсѣмъ не разрабатываются, что кромѣ скотоводства здѣсь не существуетъ никакой, сколько-нибудь заслуживающей вниманія промышленности и что народъ поэтому вообще бѣденъ. Военное дѣло въ Сербіи организовано по образцу Швейцаріи. Каждый взрослый сербъ, способный носить оружіе, зачисляется въ ряды арміи; вооруженіе и обмундировка производятся на собственный счетъ, сообразно съ личными средствами; объ остальномъ, т. е. объ артиллеріи, осадныхъ и полевыхъ снарядахъ, упряжи и т. п. заботится государство. Такимъ образомъ Сербія имѣетъ возможность, затрачивая сравнительно небольшія средства, мобилизировать большое войско. Но

Типъ черногорца.

послѣдняя кампанія ясно доказала, что подобная армія обладаетъ всѣми недостатками ополченія. Вообще по своему развитію и устройству, особенно же по школьному и военному дѣлу, Сербія похожа отчасти на Швейцарію. Безъ сомнѣнія, Сербія представляетъ собою культурное ядро, вокругъ котораго рано или поздно начнутъ кристаллизоваться родственные ему элементы.

Княжество Черногорія.

Эта маленькая, бѣдная водою и богатая пещерами страна въ известковыхъ горахъ Герцоговины, занимаетъ площадь въ 9,080 кв. километровъ и почти со всѣхъ сторонъ окружена турецкими владѣніями, исключая западной, гдѣ узкая полоса австрійской Далмаціи отдѣляетъ ее отъ береговъ Адріатики. Княжество называется «Черногоріею», т. е. Черными горами не только на славянскомъ нарѣчіи, но и на всѣхъ языкахъ, не исключая турецкаго; турки называютъ Черногорію Кара-дагъ, что въ переводѣ также означаетъ «черныя горы». Главною рѣкою Черногоріи является Морача, впадающая въ озеро Скутари; мѣстность на востокъ отъ этой рѣки называется Берда, почему и глава государства носитъ титулъ князя «Черногорскаго и Бердскаго». Теперь княжество независимо и насчитываетъ 200,000 человѣкъ населенія, большая часть котораго очень бѣдна и исповѣдуетъ православную вѣру; кромѣ того, здѣсь числится отъ 24 до 26 тысячъ католиковъ и столько же магометанъ. Князь, который въ прежнее время соединялъ въ себѣ и духовный санъ «владыки», управляетъ страною вмѣстѣ съ сенатомъ, который составляется по его выбору. Страна дѣлится на «нахіи», которыя распадаются на нѣсколько племенъ. Черногорцы принадлежатъ къ сербской народности, но общій уровень развитія ихъ гораздо ниже, чѣмъ у братьевъ-сербовъ; они очень суевѣрны, вѣрятъ въ духовъ, вампировъ, вѣдьмъ, геніевъ, бурь и т. п., отличаются воинственностію и въ то же время жестокостію, которую они заимствовали въ прежнее время у турокъ въ теченіе своей продолжительной борьбы съ ними. Тогда у побѣжденнаго врага отрѣзали носъ, уши, верхнюю губу и охотно снимали скальпъ, считая его трофеемъ. Торговли въ Черногоріи почти нѣтъ; нѣтъ также и никакой промыш-



Р. Бояна у Скутари.

ленности, а предметы первой необходимости привозятся изъ Далмаціи. Единственный, заслуживающій упоминанія городъ—Цетинье, въ то же время главный городъ и резиденція князя; посредствомъ новой, тщательно выстроенной дороги онъ соединяется съ Каттаро.

Цетинье расположенъ въ продолговатой котловинѣ, которая имѣетъ юго-восточное направленіе и занимаетъ площадь шириною въ 1,000 и длиною въ 3,000 шаговъ. Поверхность этой котловины, по большей части болотистой, перерѣзывается почти на самой серединѣ невысокими отрогами Карста, вблизи которыхъ и расположенъ этотъ городокъ. Горизонтъ замыкается кольцомъ горъ, которыя понижаются всего болѣе на юго-восточной сторонѣ, гдѣ идетъ путь къ Рѣкѣ, —окружному центру на рѣкѣ того же имени, единственной судоходной въ Черногоріи рѣкѣ; она съ шумомъ и ревомъ вырывается изъ таинственной, мрачной глубины исполинской известняковой пещеры. Цетинье увеличивается съ каждымъ годомъ, о чемъ свидѣтельствуютъ его новые, большею частію одноэтажные строющіеся дома, которые всѣ безъ исключенія покрыты, по итальянскому образцу, черепицею. Архитектура и устройство ихъ въ общемъ одинаковы съ постройками южной Далмаціи, потому что большинство мастеровъ являются въ Черногорію именно отсюда. Цетинье имѣетъ одну улицу длиною въ 400 и шириною въ 15 шаговъ, отъ которой идетъ подъ прямымъ угломъ такая-же удобная улица къ княжескому дворцу.

Дѣвушка изъ Черногоріи.

Въ Цетиньѣ, недавно еще представлявшемъ скорѣе военный лагерь, чѣмъ мирный городъ, стали теперь появляться и учебныя заведенія, обязанныя своимъ возникновеніемъ главнымъ образомъ щедрости русскаго правительства.

Княжество Болгарія.

Возсозданное въ 1878 году, Болгарское государство находится въ неестественныхъ отношеніяхъ подданства и вассальной зависимости отъ Турціи. Оно занимаетъ площадь въ 63,865 кв. километровъ, именно, всю область между Дунаемъ и гребнемъ Балканъ. На юго-западѣ Болгаріи принадлежитъ только область Софіи и примыкающая на югѣ горная страна, такъ что въ этомъ мѣстѣ Болгарія простирается по бассейну р. Струмы до 42° сѣв. шир. Почва Болгаріи чрезвычайно благопріятна для воздѣлыванія хлѣбныхъ растеній, но и въ настоящее время здѣсь культивируется лишь незначительная часть земли, пригодной для хлѣбопашества. Относительно числа и состава населенія не имѣется точныхъ данныхъ, хотя цифра въ $2^1/_2$ милліона можетъ считаться довольно вѣрною. Восточная часть страны заселена османами и татарами, а вся западная часть ея—

болгарами, при чемъ не подлежитъ сомнѣнію, что они же составляютъ громадное большинство въ общей суммѣ всего населенія княжества.

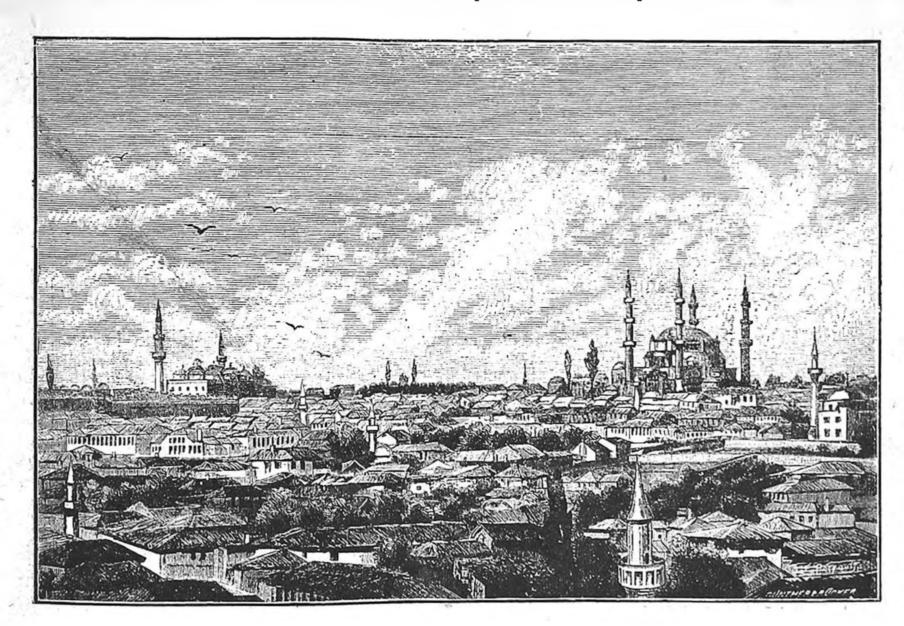
Современные болгары — несомнѣнно славяне, но первоначально они представляли угрское племя, которое смѣшалось съ поселившимися по Дунаю славянами и совершенно было поглощено послѣдними. Повидимому древній болгарскій языкъ уже совершенно исчезъ въ X в., и мѣсто его занялъ славянскій, такъ что отъ прежнихъ чужеземныхъ владыкъ не осталось никакихъ слѣдовъ кромѣ названія „болгаръ“, которое сохранилъ народъ. Болгары живутъ компактными массами и лишь отчасти въ перемежку съ другими національностями, начиная отъ сербской границы до Янтры, болгарской Моравы, и средняго теченія Марицы, затѣмъ до склоновъ Западныхъ Балканъ. Кромѣ того они встрѣчаются къ западу отъ Марицы до Охридскаго озера и въ гораздо большемъ количествѣ, чѣмъ ихъ турецко-албанско-греческіе сосѣди; пріостановка въ ростѣ болгарскаго населенія этой мѣстности стала замѣчаться только въ послѣднее время. Разсчетливые греки всегда старались оттѣснить болгаръ отъ береговой полосы, и теперь они приближаются къ морю лишь очень важными въ торговомъ и политическомъ отношеніяхъ гаванями — Варной и Салониками. Гораздо большую территорію на З. отняли у нихъ въ этомъ столѣтіи спустившіеся со своихъ крутыхъ горъ албанцы. Наконецъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ крымскіе татары и черкесы съ Кавказа вдвинулись могучимъ клиномъ въ массу болгарскаго населенія, одна часть котораго принуждена была выселиться въ Венгрію и Румынію, а другая — въ Сербію и Крымъ. Болгары отличаются отъ своихъ

Тырново.

Болгарская деревня.

сосѣдей — сербовъ языкомъ, чертами лица, наклонностями и нравами, наконецъ, даже костюмомъ. Мусульманскія деревни Болгаріи по внѣшнему виду красивѣе христіанскихъ; внутри двора гостепріимнаго болгарскаго крестьянина еще замѣтно вліяніе древне-славянскаго семейнаго устройства, которое на все накладываетъ отпечатокъ трудолюбія и зажиточности. Трудно сказать, какая половина населенія, — мужская, или женская, — отличается наибольшимъ прилежаніемъ, ловкостью и усердіемъ въ работѣ. Въ придунайскихъ городахъ болгары по большей части занимаются крупною и мелочною торговлею и ремеслами; въ ихъ средѣ мало встрѣчается докторовъ, адвокатовъ, учителей, тѣмъ менѣе — чиновниковъ, не говоря уже о священникахъ и монахахъ. На возвышенностяхъ и въ городахъ, расположенныхъ на Балканахъ, болгаринъ занимается скотоводствомъ и промышленностію, въ равнинахъ же почти исключительно земледѣліемъ, но въ общемъ онъ запахиваетъ немного болѣе того, сколько требуется для его собственнаго пропитанія. Въ нѣкоторыхъ Балканскихъ городахъ, какъ, напр., въ Габровѣ, Травнѣ и Калоферѣ наблюдается довольно быстрое развитіе разносторонней промышленной дѣятельности. Миролюбивый болгаринъ своею симпатіею къ

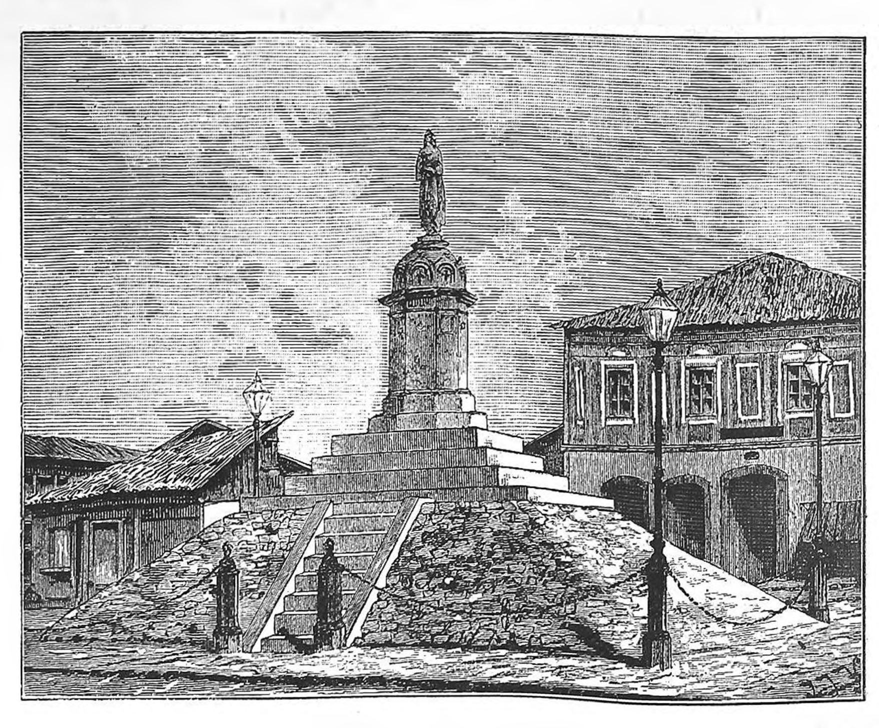
Типъ въ Софіи.



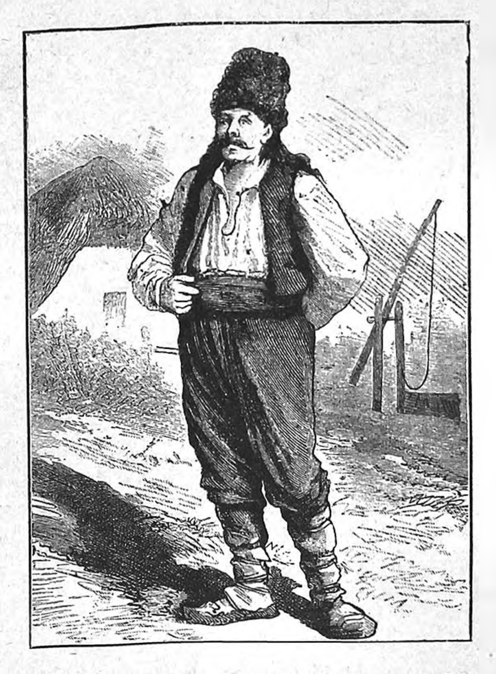
Г. Адріанополь.

промышленности, какъ къ источнику заработка, выгодно отличается отъ занимающагося торговлею, воинственнаго серба. При этомъ онъ обнаруживаетъ неоспоримую ловкость въ художественныхъ издѣліяхъ и умѣетъ не только удачно сочетать формы и цвѣта, но и владѣетъ значительнымъ архитектурнымъ талантомъ, который проявляется въ водоподъемныхъ сооруженіяхъ, мостахъ и церковныхъ зданіяхъ. Такимъ образомъ, можно съ полнымъ правомъ утверждать, что въ лицѣ болгаръ мы встрѣчаемъ будущую промышленную націю Балканскаго полуострова. Въ религіозномъ отношеніи болгары еще не вышли изъ-подъ власти древне-славянскихъ языческихъ преданій и обычаевъ. Вмѣстѣ съ ними болгаринъ вступаетъ въ жизнь, они-же вліяютъ на всѣ его чувства и дѣятельность и сопровождаютъ его до могилы и преслѣдуя даже къ умершимъ, такъ какъ даже культъ мертвыхъ преисполненъ у нихъ суевѣрными обычаями. Но такъ какъ болгары, повидимому, очень серьезно взялись за дѣло народнаго образованія, то можно ожидать, что эти суевѣрія вскорѣ замѣнятся болѣе здравыми понятіями. Болгары-мусульмане,—„помаки",—отличаются отъ своихъ родичей, оставшихся вѣрными православной религіи, лишь немногими внѣшними признаками; съ болгарами-христіанами помаки живутъ очень дружно. Недавно у помаковъ Деспото-Дага былъ найденъ цѣлый циклъ древнихъ, передававшихся устно изъ поколѣнія въ поколѣніе пѣсенъ—„пѣсмъ", которыя отличаются своимъ высокопоэтическимъ содержаніемъ, главнымъ образомъ на историческія темы.

Изъ сказаннаго видно прежде всего, что болгарское племя раскинулось далеко за границы того княжества, которому онъ дастъ названіе; какъ политическая организація, это государство, въ современномъ своемъ видѣ, настолько чудовищно, что едва-ли можно выдумать что-либо хуже его. Хотя народное образованіе здѣсь все еще очень незначительно, все-таки княжество поставлено въ ряды



Русскій памятникъ въ Плевнѣ

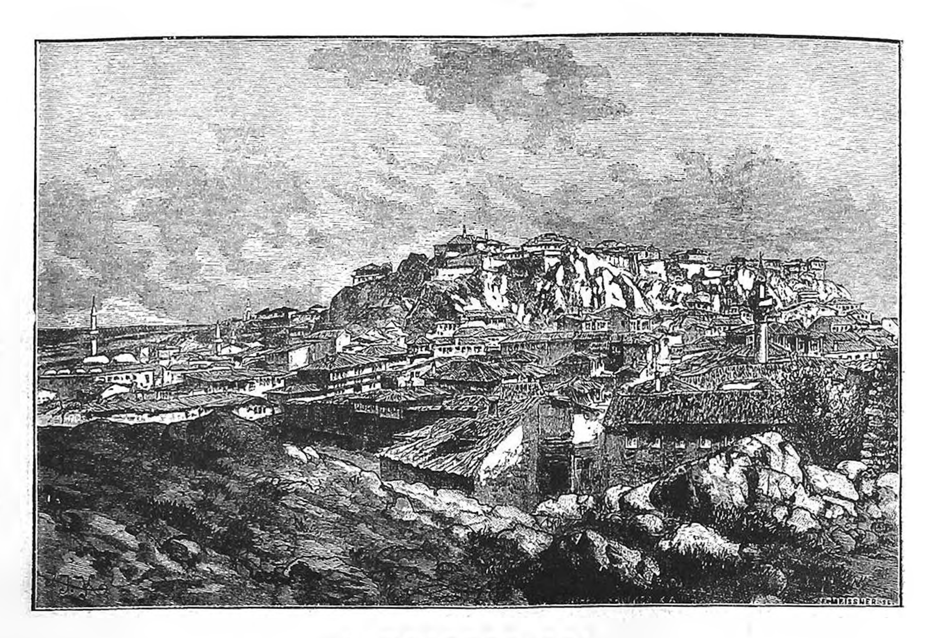


Болгаринъ.

конституціонныхъ государствъ; и вполнѣ естественно, что парламентъ Болгаріи оказывается только пародіею этого учрежденія, но зато объединеніе прочихъ болгарскихъ мѣстностей является вопросомъ можетъ быть уже не очень далекаго будущаго. Турецкая провинція Восточная Румелія уже присоединена къ княжеству. Въ Болгаріи мало значительныхъ городовъ. Главный городъ, резиденція князя,—Софія; въ ней насчитывается около 47,000 жит.; Тырново, древняя столица, и крѣпость Шумла — вотъ важнѣйшіе пункты внутри страны. На Черномъ морѣ лежитъ крупный портовый городъ Варна, связанный рельсовымъ путемъ съ Рущукомъ на Дунаѣ. На Дунаѣ Болгарія владѣетъ, кромѣ Рущука, еще слѣдующими портовыми городами: Виддиномъ, Раковой, Никополемъ и Силистріей. Укрѣпленія этихъ городовъ, отчасти очень значительныя, согласно договору, должны быть снесены; но они не обнаруживаютъ ни малѣйшаго желанія мириться съ судьбою, которая, повидимому, ни въ какомъ случаѣ не можетъ быть ратификована ходомъ исторіи.

Европейская Турція.

Часть Иллирійскаго полуострова, называемая Европейскою Турціею или для краткости—просто Турціею, представляетъ собою лишь часть громадной Османской имперіи, которая простирается по всей Передней Азіи. Малая Азія или Анатолія, Арменія и Курдистанъ, Месопотамія и Сирія съ Палестиной, затѣмъ почти все западное побережье Аравіи принадлежитъ къ этой имперіи османовъ; сверхъ того, послѣдняя владѣетъ еще вассальными землями въ Африкѣ, но надъ ними «Высокая Порта», какъ называютъ турецкое правительство, имѣетъ, пожалуй, еще меньшее вліяніе, чѣмъ на своего европейскаго данника — Болгарію. Среди всѣхъ этихъ различныхъ областей Европейская Турція, безъ сомнѣнія, является самою важною составною частью имперіи, такъ какъ она одна придаетъ ей значеніе въ глазахъ остальной Европы. Здѣсь, на самомъ порогѣ въ Азію,



Г. Филиппополь.

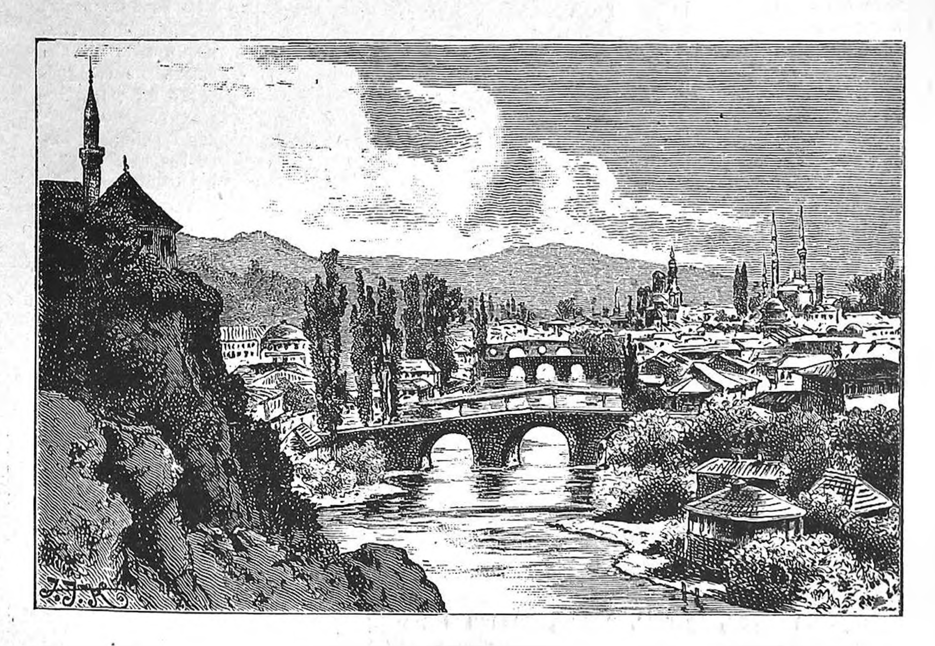
расположенъ главный городъ имперіи, Стамбулъ или Константинополь,—предметъ вожделѣній со стороны сосѣднихъ государствъ. Въ настоящее время европейская часть Османской имперіи, центръ тяжести которой во всякомъ случаѣ находится въ Азіи, значительно уменьшилась. Площадь ея равняется 323,650 кв. килом., но на долю непосредственно-турецкихъ владѣній приходится лишь 168,530 кв. килом. Остатокъ принадлежитъ Болгаріи, стоящей къ Турціи въ данническомъ отношеніи, но совершенно свободной отъ вліянія Порты въ своихъ внутреннихъ дѣлахъ, затѣмъ — Восточной Румеліи (35,500 кв. килом.), которая тоже пользуется полною автономіею, и сѣверо-западными провинціями Босніи и Герцоговины, которыя находятся въ рукахъ Австро-Венгріи. Эти провинціи занимаютъ около 60,000 кв. километровъ.

Восточная Румелія, присоединенная съ 1885 года къ Болгаріи, тянется вдоль южной стороны Балканъ, отъ истоковъ Марицы до Чернаго моря; къ ней лучше идетъ названіе Южной Болгаріи, потому-что большинство населенія здѣсь составляютъ христіане-болгары, между которыми, впрочемъ, живутъ еще османы и помаки. Главный городъ провинціи—Филиппополь, выстроенъ между холмами на Марицѣ; въ немъ насчитывается 35,000 жителей и этотъ городъ является центромъ торговли въ Румеліи. На Черномъ морѣ находится довольно незначительный портъ Бургасъ.

Боснія и Герцоговина, съ тѣхъ поръ, какъ ихъ заняли австрійцы, уже не могутъ считаться турецкими провинціями. Собственно говоря, о нихъ слѣдовало-бы упомянуть при описаніи Австрійской имперіи, и если мы говоримъ о нихъ здѣсь, то только потому, что онѣ хотя только номинально, но все же принадлежатъ къ Османской имперіи. Онѣ сплошь заселены сербами, и большинство населенія христіане, хотя здѣсь и насчитывается до 470,000 сербовъ-магометанъ. Послѣ покоренія этихъ областей турками, всѣ представители высшаго сословія перешли, въ Босніи собственно, въ исламъ, чтобы сохранить

свои ленныя права; эта аристократія, впрочемъ, надежная опора турецкаго правительства, строго оберегаетъ свою славянскую національность и языкъ и далеко не утратила своего прежняго христіанскаго характера. Босніецъ-магометанинъ имѣетъ одну только жену и ни одной наложницы; замкнутость гарема не такъ строга; дѣвушки ходятъ свободно и безъ покрывалъ на лицѣ; вѣнчанье, свадьба и другія торжества напоминаютъ о своемъ христіанскомъ происхожденіи. Въ Босніи среди христіанъ-сербовъ насчитывается 200,000 католиковъ. Крупными городами можно считать Мостаръ, главный пунктъ Герцоговины, Сераево или Босна-Серан, главный городъ Босніи съ 25,000 жител., и города извѣстные по своей промышленности: Травникъ, Банялука, который связанъ желѣзною дорогою съ городомъ Нови на Уннѣ, наконецъ г. Новый Базаръ.

Хотя мы не имѣемъ точныхъ свѣдѣній о количествѣ населенія, національностяхъ и религіяхъ Европейской Турціи, все-таки можемъ приблизительно опредѣлять общее число населенія цифрою 10.400,000 человѣкъ, при чемъ на долю непосредственныхъ турецкихъ владѣній приходится только 5.600,000. Послѣднія образуютъ семь провинцій или «вилайетовъ»: Константинопольскій, Эдринскій или Адріанопольскій (древняя Өракія), Селаникскій или Салонкскій (Южная Македонія), Коссовскій (части Болгаріи, Албаніи и Өракіи), «Эйалетъ» Ишкодра или Скутара (Албанія), Джесайраи-Бари-Сефидскій вилайетъ, и острова Эгейскаго моря и вилайетъ Киридъ или островъ Критъ. Населеніе этихъ провинцій очень разнообразно; ни въ одномъ изъ европейскихъ государствъ нѣтъ такого пестраго населенія, какъ въ Турціи. Господствующею расою здѣсь является, конечно, племя османовъ или турки. Но собственно османы, въ дѣйствительности, въ Европейской Турціи постепенно уменьшаются въ численности.



Сараево.

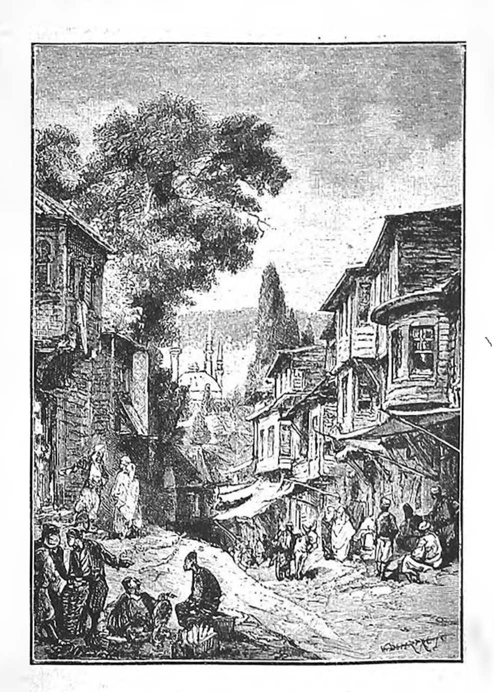
Причины всѣхъ этихъ особенностей турецкой жизни въ настоящее время еще не достаточно выяснены; во всякомъ случаѣ ихъ нельзя сводить исключительно къ кореннымъ особенностямъ расы и первоначальному образу жизни этого, нѣкогда кочевого народа. Главная причина уменьшенія османскаго населенія лежитъ, однако, въ практикующемся здѣсь искусственномъ ограниченіи числа дѣтей. Въ общемъ, турокъ столь же неблагосклонно относится къ увеличенію своего семейства, насколько турецкій христіанинъ гордится многочисленностію своей семьи, особенно-же когда въ ней много мальчиковъ. Поэтому въ турецкомъ семействѣ рѣдко бываетъ болѣе двоихъ дѣтей, тогда какъ въ греческомъ и славянскомъ обыкновенно встрѣчается отъ 5 до 10 человѣкъ дѣтей. Цифра недостаточно османовъ (и татаръ) въ Европѣ не превышаетъ 1.400,000 человѣкъ; они всѣ исповѣдуютъ магометанскую религію. Какъ ни разнорѣчивы показанія путешественниковъ и ученыхъ, но всѣ объективные наблюдатели согласны въ томъ, что господствующая въ Турціи раса находится въ стадіи постояннаго уменьшенія населенія. Постоянное возрастаніе численности более образованныхъ и дѣятельныхъ націй, каковы, напр., греки и болгары, въ ущербъ магометанскому населенію, представляетъ уже неоспоримый фактъ. Тѣмъ не менѣе, въ Восточной Болгаріи османы держатся сплоченною массою на довольно значительномъ пространствѣ. Довольно много ихъ также и въ Родопскихъ горахъ, на границѣ между Болгаріею и Греціею. На широкой полосѣ, по берегамъ Эгейскаго и Мраморнаго морей, затѣмъ въ юго-восточной части прибрежьевъ Чернаго моря они живутъ между греками, но съ приближеніемъ къ Константинополю число ихъ становится все меньше и меньше. Высшіе классы османовъ значительно измѣнили свои привычки подъ вліяніемъ лучшаго состава гаремовъ, христіанъ-ренегатовъ и т. п., большинство ихъ облагородилось, хотя иногда наблюдается и противоположное явленіе при смѣшеніи съ африканскою кровью. Турки съ „саблевидными ногами“ и отвратительною для насъ наружностью принадлежатъ къ низшимъ классамъ, о которыхъ мы еще не имѣемъ болѣе или менѣе подробныхъ и обстоятельныхъ свѣдѣній. Различный въ разныхъ общественныхъ слояхъ образъ жизни вызвалъ значительную разницу между турками, при чемъ преимущества падаютъ по большей части на долю низшихъ слоевъ. „Молодая Турція“ является совсѣмъ инымъ поколѣніемъ сравнительно съ старотурками, живущими въ городахъ и провинціи. Послѣдніе крайне флегматичны, если только не возбуждены физическими импульсами, или религіознымъ фанатизмомъ; они честны, хотя и не признаютъ никакихъ правъ за „невѣрными“. Зато паши и другіе высокопоставленныя лица очень часто оказываются ворами и разбойниками.

Турецкая дама.

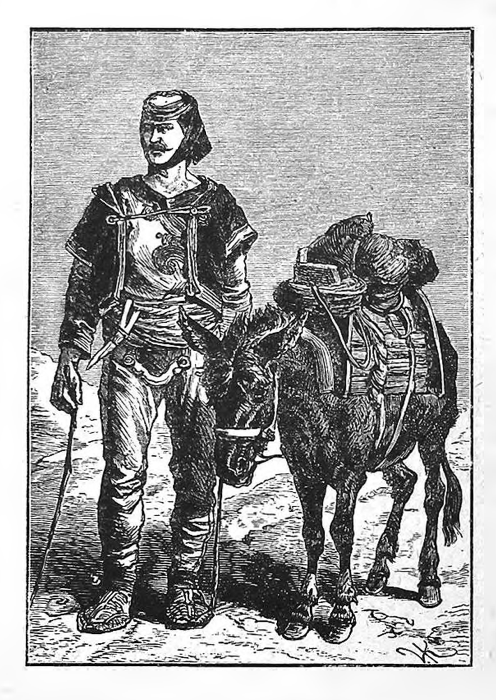
Незначительной группѣ османовъ на Европейской почвѣ противостоятъ греки, албанцы, болгары, сербы и румыны, а также другія, не столь многочисленныя племена: родственные румынамъ цинцары, большинство которыхъ живетъ между албанцами въ Ѳессаліи и Эпирѣ; армяне (около 400,000—въ городахъ), мадьяры, цыганы, которые встрѣчаются какъ между румынами и албанцами, такъ и между болгарами; евреи, русскіе, арабы, поляки и нѣмцы; три послѣднія національности встрѣчаются въ незначительномъ количествѣ. Наиболѣе значительное изъ этихъ

племенъ—греки; ихъ насчитывается около $1^1/_2$ милліоновъ, и на южныхъ берегахъ имъ принадлежитъ численный перевѣсъ. Греки плотно заселяютъ мѣстности по Эгейскому и Мраморному морямъ, затѣмъ—по Понту почти до Камчика и островъ Критъ. Они обладаютъ необычайною способностью — поглощать другія національности. Албанцы, которыхъ турки называютъ арнаутами (сами себя они зовутъ скипетарами), имѣютъ греко-латинское происхожденіе и считаются потомками древнихъ иллирійцевъ. Число албанцевъ достигаетъ 1.200,000 человѣкъ, изъ нихъ 723 тысячи—мусульмане; остальные албанцы принадлежатъ къ католической и православной церквамъ. Сѣверная граница занимаемаго албанцами пространства соприкасается съ южною и восточною Черногоріею, простираясь почти до болгарской Моравы, а южная граница примыкаетъ къ Элладѣ.

Характеръ Османской имперіи въ Европѣ, насколько здѣсь наложила свой отпечатокъ господствующая турецкая раса, — исключительно восточный; поэтому можно говорить только объ османской, или турецкой «имперіи», но не о турецкомъ «государствѣ», такъ какъ турки не доросли еще до европейскаго пониманія сущности государства. Понятіе «государства» и государственной службы было чуждо османамъ. Реформы Махмуда II имѣли было цѣлью основать первое и затѣмъ учредить вторую, но попытка не удалась. Правда, съ 23 декабря 1876 года. Турція представляетъ конституціонную монархію, съ очень свободнымъ во всѣхъ частяхъ имперіи устройствомъ; но это устройство оказалось пустымъ фарсомъ, и мы имѣемъ право считать Турцію тѣмъ, что она была всегда, царствомъ самаго неограниченнаго произвола, гдѣ воля султана, верховнаго главы государства, рядомъ съ предписаніями корана и развившагося изъ него ученія о правѣ, является единственнымъ закономъ. Идея османскаго правительства всегда была военно-теократическая. Преемники Османа были верховными военачальниками и поборниками ислама, а присвоивъ себѣ послѣ султана Селима I титутъ калифовъ, они сдѣлались вмѣстѣ съ тѣмъ первосвященниками и верховными судьями. Эту часть своей власти они отправляли при посредствѣ намѣстниковъ, а политическую и военную—при помощи визирей и сердарей. И хотя теперь обѣ власти по имени считаются слугами государ-



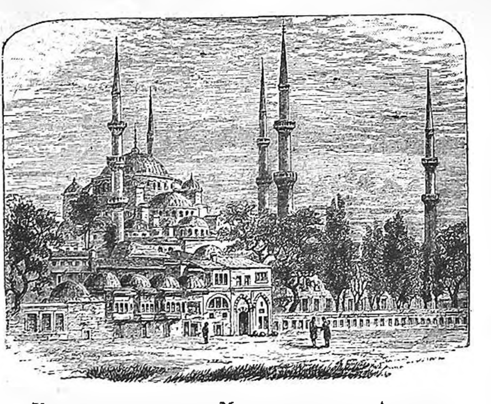
Г. Скутари.



Албанецъ изъ Дураццо.

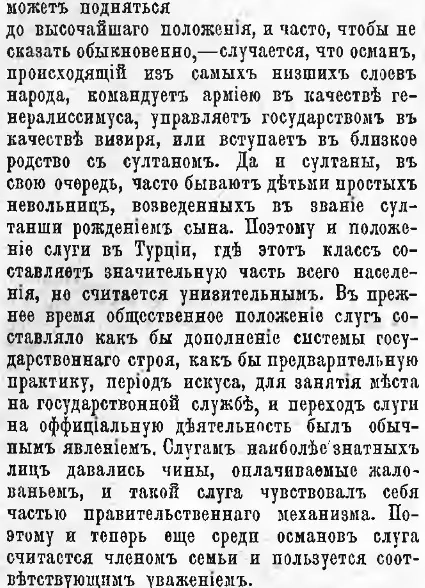
ства, которое имъ платитъ жалованье, но сущность управленія почти не измѣнилась. Великій султанъ, падишахъ, есть неограниченный повелитель; его первый министръ называется великимъ визиремъ, въ зависимости отъ котораго находятся другіе министры (визири). Существуетъ также государственный совѣтъ, «диванъ» и корпорація улемовъ—для истолкованія законовъ, во главѣ которой стоитъ шейхъ-уль-исламъ. Во главѣ провинцій или намѣстничествъ, «вилайетовъ» или «элайетовъ», — на которыя дѣлится Европейская Турція, находится «вали», въ прежнее время вице-султанъ, нынѣ президентъ правительственнаго собранія; но произволъ Порты не позволяетъ обыкновенно занимать этотъ важный постъ болѣе или менѣе продолжительное время; особенно вредное вліяніе часто оказываютъ здѣсь дворцовыя интриги и козни гарема и гаремныхъ дамъ.

Турецкія провинціи называются обыкновенно по имени своихъ главныхъ городовъ и раздѣляются на „санджаки", которыя въ свою очередь подраздѣляются на „казы"; управленіе провинціями находится исключительно въ рукахъ господствующей турецкой расы, въ частности той бюрократіи, которая была создана реформами Махмуда и характеризуется современными „эфенди"—молодыми щеголями, которые отличаются отъ парижскихъ франтовъ лишь красною фескою на головѣ. Первоначально „эфенди" былъ титулъ ученаго и соотвѣтствовалъ нашему титулу „доктора"; на полученіе этого титула въ Турціи, понятно, не требуется ни экзамена, ни ученой степени, ни диплома, потому-что принять титулъ „эфенди" имѣетъ право всякій, кто знакомъ съ наукою писанія и, слѣдовательно, по своимъ занятіямъ можетъ претендовать на причисленіе къ образованному классу. Писаніе на востокѣ служитъ не только средствомъ, но и цѣлью и безусловно предполагаетъ различныя знанія, выраженіемъ которыхъ въ извѣстной степени оно и является. Оттоманское чиновничество образуетъ замкнутое сословіе, члены котораго набираются въ тѣсномъ кружкѣ чиновническихъ семействъ, гдѣ, между про-



Константинополь.—Мечеть султана Ахмеда.

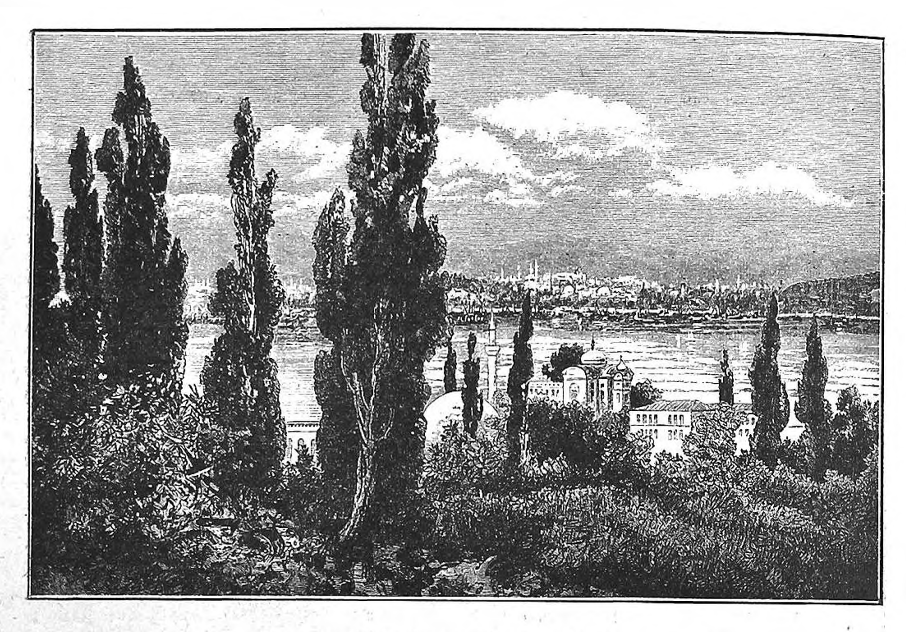
чимъ, встрѣчается не мало христіанъ. Сынъ чиновника въ свою очередь поступаетъ на государственную службу, потому что турокъ питаетъ сильное пристрастіе къ службѣ и почестямъ. Въ отличіе отъ арабовъ, османы не придаютъ никакого значенія происхожденію. Въ ихъ средѣ, организованной на военно-теократическихъ принципахъ, съ давняго времени существовала только система ранговъ и не было ни кастъ, ни родового, или наслѣдственнаго дворянства. Каждый можетъ подняться до высочайшаго положенія, и часто, чтобы не сказать обыкновенно,—случается, что османъ, происходящій изъ самыхъ низшихъ слоевъ народа, командуетъ арміею въ качествѣ генералиссимуса, управляетъ государствомъ въ качествѣ визиря, или вступаетъ въ близкое родство съ султаномъ. Да и султаны, въ свою очередь, часто бываютъ дѣтьми простыхъ невольницъ, возведенныхъ въ званіе султанши рожденіемъ сына. Поэтому и положеніе слуги въ Турціи, гдѣ этотъ классъ составляетъ значительную часть всего населенія, не считается унизительнымъ. Въ прежнее время общественное положеніе слугъ составляло какъ бы дополненіе системы государственнаго строя, какъ бы предварительную практику, періодъ искуса, для занятія мѣста на государственной службѣ, и переходъ слуги на оффиціальную дѣятельность былъ обычнымъ явленіемъ. Слугамъ наиболѣе знатныхъ лицъ давались чины, оплачиваемые жалованьемъ, и такой слуга чувствовалъ себя частью правительственнаго механизма. Поэтому и теперь еще среди османовъ слуга считается членомъ семьи и пользуется соотвѣтствующимъ уваженіемъ.



Константинополь.—Арка военнаго министерства.

Въ этомъ обществѣ, столь замѣчательномъ и столь отличномъ отъ европейскаго, выдающееся положеніе занимаютъ улемы. Хотя они имѣютъ строго опредѣленную іерархію, но, какъ и войско, не составляютъ самостоятельной корпораціи. Улемы и войско нераздѣльно связаны съ мусульманскимъ обществомъ, подобно тому, какъ коранъ есть книга и религіознаго откровенія, и свода гражданскихъ законовъ, какъ султанъ одновременно является и властителемъ, и верховнымъ покровителемъ религіи. Улемы — это богословски образованные ученые, судьи и учителя. Они дѣлятся на двѣ категоріи: на юристовъ (фонкеги) и ученыхъ (улемы), хотя въ дѣйствительности такого точнаго раздѣленія и не существуетъ. Іерархія опредѣляетъ кругъ дѣятельности судей (муллы и кади), богослововъ (муфти), профессоровъ (муддери) и служителей культа (хатибы, имамы, муэззины и каимы), а эти, въ свою очередь, подраздѣляются на различные ранги. Духовенства, какъ его понимаютъ христіане, въ исламѣ нѣтъ. Наше священство ему чуждо и напр., имама отнюдь нельзя сравнивать съ христіанскимъ священникомъ. Улемами мусульмане становятся въ медрессе (богословская школа), изъ которыхъ самыя важныя находятся въ Стамбулѣ, Адріанополѣ и Бруссѣ (въ Малой Азіи). Студенты медрессе называются софтами.

Албанка изъ Дураццо.



Видъ на Константинополь со Скутари.

Османская имперія основана на коранѣ; кривая сабля была инструментомъ при постройкѣ этого зданія. Современная турецкая армія, состоящая изъ 183,400 человѣкъ, число которыхъ съ привлеченіемъ различныхъ резервовъ можетъ быть увеличено до 800,000, представляетъ, безъ сомнѣнія, единственное и, во всякомъ случаѣ, лучшее учрежденіе въ Турціи. Корпорація офицеровъ, въ западноевропейскомъ смыслѣ, только еще начинаетъ образовываться. Войско въ красивомъ костюмѣ зуавовъ, снабженное лучшимъ новѣйшимъ оружіемъ, и тщательно обученное, имѣетъ воинственный видъ. Главное качество его—особенная ловкость въ обращеніи съ оружіемъ, добровольная субординація, дѣлающая излишнею какую-бы то ни было строгость для поддержанія дисциплины, беззавѣтная покорность волѣ Аллаха, основанная на религіозномъ фанатизмѣ, и замѣчательная выносливость. Однако, необходимо замѣтить, что громадное большинство турецкой арміи рекрутируется въ Анатоліи (Малая Азія). Наборъ производится по жеребью, который часто вырываетъ у семьи единственнаго сына, ея единственную опору. Въ противоположность приведеннымъ преимуществамъ турецкаго войска, послѣднему присущи и важные недостатки;—сюда относятся неспособность командировъ, слишкомъ низкій уровень образованія офицеровъ, незначительная подвижность, недостаточное развитіе всѣхъ родовъ оружія, за исключеніемъ артиллеріи, и при всемъ томъ—плохое управленіе.

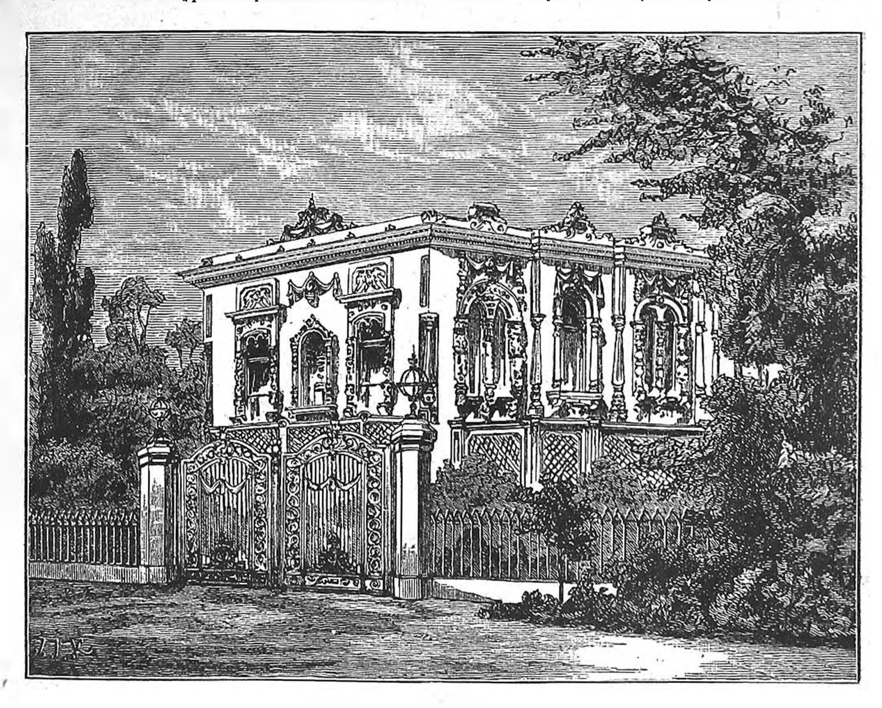
Изслѣдованіе современныхъ условій въ Турціи, въ связи съ обозрѣніемъ ея исторіи послѣднихъ десятилѣтій, никого не въ состояніи уже ввести въ заблужденіе относительно того, что Турція приближается къ своей гибели и переживаетъ процессъ безостановочнаго паденія. Тѣмъ не менѣе, у нея имѣются еще нѣкоторыя надежныя точки опоры. Онѣ состоятъ прежде всего въ рѣзкой противоположности интересовъ тѣхъ различныхъ народностей, которыя образуютъ ея населеніе, — противоположности, удерживающей государство въ состояніи извѣстнаго равновѣсія, а съ другой стороны,—въ безусловной самоотверженности османской расы. Кто называетъ современныхъ османовъ фанатиками, тотъ ихъ не знаетъ.

Неудержимые порывы, увлекавшіе османовъ отъ побѣды къ побѣдѣ, исчезли вмѣстѣ съ фанатизмомъ. Но вѣра въ судьбу (кизметъ) и пассивныя военныя добродѣтели все еще остались; онѣ-то и дѣлаютъ османовъ способными къ необычайно упорному сопротивленію.

Въ послѣднее время разложеніе Турціи идетъ быстрыми шагами: османы теряютъ Критъ, почти потеряли Восточную Румелію, а также Боснію и Герцеговину. Въ ближайшемъ будущемъ имъ предстоитъ потерять и Македонію. Словомъ, едва ли можно теперь надѣятся на долгое существованіе нѣкогда грозной имперіи османовъ.

Вышеизложенныя обстоятельства выясняютъ намъ, почему всѣ города и мѣста Европейской Турціи съ господствующимъ въ нихъ османскимъ элементомъ находятся въ состояніи очевиднаго нравственнаго упадка и разложенія. Самымъ блестящимъ изъ турецкихъ городовъ, благодаря очаровательному положенію, является столица имперіи, Константинополь.

Стамбулъ, или какъ его обыкновенно называютъ, Константинополь, у славянъ—Царьградъ, — лежитъ на границѣ двухъ частей свѣта, и подобно Риму, на семи холмахъ; жителей въ немъ насчитывается до 875,000. Этою цифрою ограничивается население Константинополя въ противоположность преувеличеннымъ показаніямъ, которыми турецкой столицѣ приписывается милліонное населеніе. Собственно городъ расположенъ на треугольномъ полуостровѣ между Мраморнымъ моремъ и глубоко врѣзавшимся зали-



Константинополь.—Дворецъ султана.

вомъ-гаванью, Золотымъ Рогомъ; въ направленіи съ З. на В. городъ вдается въ море,—а острый конецъ его нѣсколько загибается къ сѣверу, у южнаго входа въ Босфоръ. На этомъ мысѣ находится сераль или дворецъ падишаха и близъ него Высокая Порта, т. е. дворецъ великаго визиря, затѣмъ—знаменитая мечеть Софіи. Неподалеку отъ древней ственное опоясаніе мечемъ новаго султана. Черезъ Золотой Рогъ перекинуто нѣсколько мостовъ, соединяющихъ Константинополь съ Галатой и Перой, гдѣ живутъ франки, какъ называютъ на востокѣ всѣхъ вообще европейцевъ, и находятся иностранныя посольства. На этой-же сторонѣ, на берегу Босфора, возвышается замокъ Долмабахче. На азіат-

Константинополь.—Галатская башня.

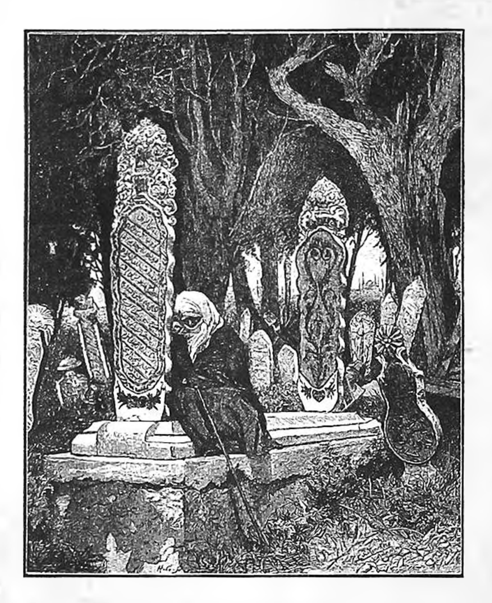
городской стѣны, на берегу моря возвышаются Семь Башенъ (Эди-Кале). Самые богатые и знатные греки живутъ въ части города, носящей названіе маяка, Фанаръ, и потому извѣстны подъ именемъ фанаріотовъ. Въ верхней части Золотого Рога лежитъ предмѣстье Энобъ, настоящій турецкій кварталъ, съ мечетью, въ которой совершается торжеской сторонѣ расположенъ красивый городъ Скутари (80,000 жит.), который считается предмѣстьемъ Константинополя; здѣсь находится лѣтній дворецъ султана. Поэтическія иллюзіи европейца относительно турецкой метрополіи не оправдывается показаніями современныхъ безпристрастныхъ наблюдателей. Со времени большихъ пожаровъ въ Стам-

булѣ и Перѣ нѣкоторыя улицы дѣйствительно стали шире, кое-гдѣ выстроены роскошные дворцы, появились изящные сады, чрезъ Золотой Рогъ выстроенъ новый желѣзный мостъ, удушливый запахъ захватываетъ дыханіе, количество бродячихъ собакъ не уменьшилось и населеніе нисколько не измѣнилось къ лучшему. Можетъ быть въ этнографиче-

Константинополь.—Ая-Софія.

между Галатой и Перой прорытъ туннель съ проволочною желѣзною дорогою, но грязь осталась повсюду такая же, какъ и прежде, мостовыя ужасны, на улицахъ и переулкахъ скомъ отношеніи смѣшанное населеніе Константинополя и интересно, но для цивилизованнаго европейца оно не представляетъ ничего привлекательнаго.

Если представить положеніе дѣлъ Константинополя въ возможно худшемъ видѣ, то мы получимъ довольно точную картину прочихъ городовъ государства.



Турецкое кладбище.

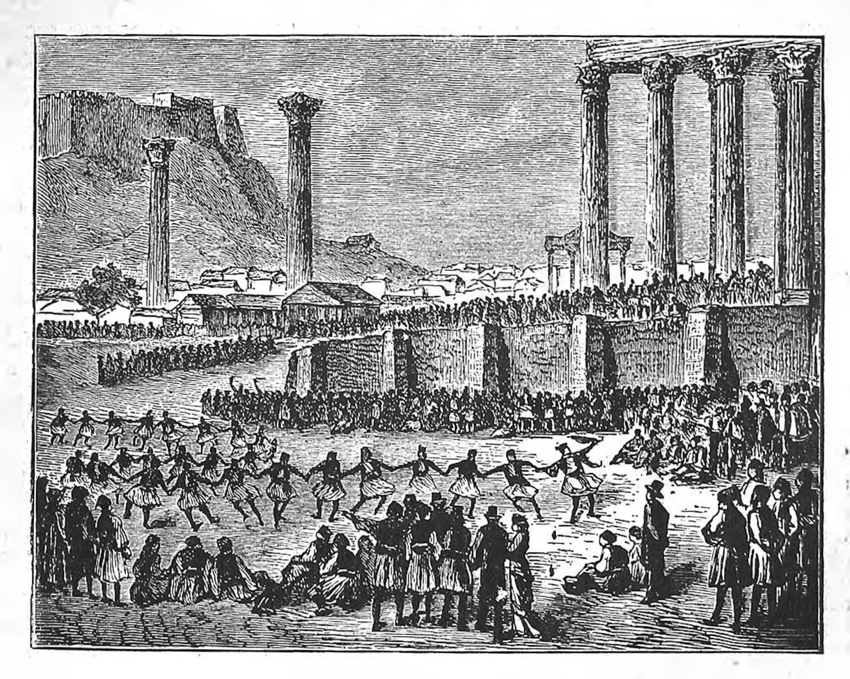
Мы ограничимся перечисленіемъ лишь самыхъ важныхъ городовъ Турціи. Прежде всего назовемъ Эдирне или Адріанополь, древнюю столицу государства, при сліяніи Марицы и Тунджи. Въ Адріанополѣ насчитывается около 71,000 жителей (турки, греки, болгары и евреи), и все-таки онъ представляетъ не что иное, какъ довольно большую турецкую деревню; улицы тѣсны, а обычныя здѣсь глиняныя стѣны зданій дѣлаютъ городъ непривлекательнымъ. Одинъ желѣзнодорожный путь соединяетъ Адріанополь съ мѣстечкомъ Деде-Агачъ, на Эгейскомъ морѣ, а другая линія—съ Константинополемъ, при чемъ продолженіе этого пути достигаетъ до г. Филиппополя, въ долинѣ Марицы. Рельсовый путь идетъ далѣе на западъ чрезъ Татаръ-Базарджикъ на Сарамбей, гдѣ она и прекращается. На южномъ берегу моря заслуживаютъ упоминанія: Галлиполи, съ 50,000 жителей и военнымъ портомъ на Дарданелльскомъ проливѣ, и Салоники (Селаникъ, Өессалоники), въ Македоніи. Послѣдній городъ (150,000 ж.) является наиболѣе важнымъ послѣ Стамбула портомъ во всей Турціи. Онъ ведетъ обширную торговлю, а желѣзная дорога, идущая по долинѣ Вардара чрезъ Сербію до австрійской границы, въ значительной степени содѣйствуетъ ея процвѣтанію. Юскубъ на этомъ пути и Призренъ, промышленный и торговый городъ съ 26,000 жит. суть наиболѣе замѣчательные города внутренней части страны. Главный городъ Эпира—Анина или Іоаннина 25,000 жит., не имѣетъ никакого значенія. Въ Верхней Албаніи находится Скутари (по-слав.—Скадаръ, по-тур.—Скодра), главный городъ провинціи того же имени. Наконецъ, на островѣ Критѣ самые замѣчательные города слѣдующіе: Ханіа, или Канея на сѣверномъ берегу, съ 8,000 жит. и прекрасною гаванью, затѣмъ крѣпость Мегалокастронъ, или Кандія, съ 10,000 жит.—тоже на сѣверномъ берегу.

Культура Турціи стоитъ на очень низкой ступени развитія и тѣмъ ниже, чѣмъ чище и сильнѣе османскій элементъ. Подъ культурой здѣсь нельзя понимать что-либо напоминающее нашу европейскую цивилизацію съ ея высокою духовною мощью; это скорѣе — ложная культура, которую турки называютъ реформами, и которая состоитъ въ усвоеніи внѣшнихъ, поверхностныхъ сторонъ цивилизаціи, гдѣ, къ сожалѣнію встрѣчается и много некрасиваго, тогда какъ по отношенію къ духовнымъ преимуществамъ ея турки остаются слѣпыми. Понятно, что народ-

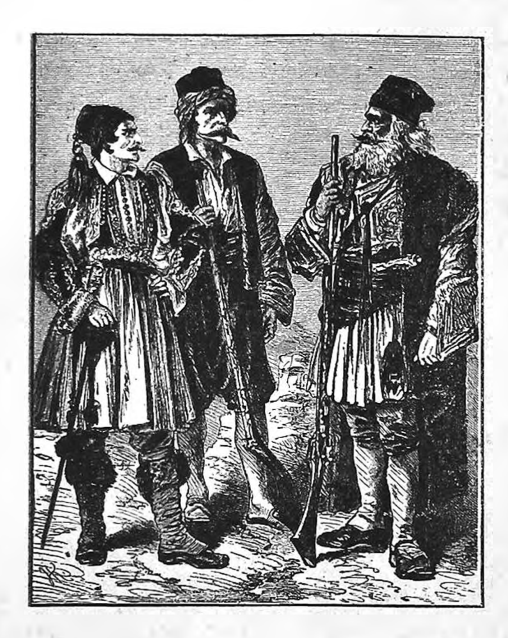
ное образованіе находится въ забросѣ, за исключеніемъ греческихъ и славянскихъ поселковъ, которые сами о немъ заботятся; очень важная и значительная торговля находится въ рукахъ грековъ, армянъ и евреевъ и ограничивается главнымъ образомъ сырыми продуктами, которые въ изобиліи производятся страною, но не приносятъ пользы тѣмъ, кто долженъ бы получать ее. Пути сообщенія находятся въ жалкомъ состояніи; удобныя дороги являются рѣдкимъ исключеніемъ; проселочныя дороги совсѣмъ неизвѣстны, а начатыя желѣзныя дороги неокончены. Наконецъ, подати невыносимы и для христіанъ, и для мусульманъ; что касается финансовъ государства, объявившаго себя съ 1875 года банкротомъ, то состояніе ихъ держится въ секретѣ.

Королевство Греція.

Самымъ южнымъ государствомъ Иллирійскаго полуострова является королевство Греція; границы ея опредѣлены Берлинскимъ трактатомъ; онѣ идутъ по рѣкѣ Арта въ Эпирѣ, обходятъ на сѣверѣ горы Пиндъ и тянутся между Олимпомъ и горами Киссово, сѣвернѣе устья Саламвріи, до Эгейскаго моря, такъ что большая часть Ѳессаліи принадлежитъ Греціи. Государство занимаетъ площадь около 65,120 кв. килом., имѣетъ населенія около $2^1/_2$ милліоновъ. Форма управ-



Греческій танецъ въ Аѳинахъ.



Типы грековъ.—Аркадіецъ, майнотъ и суліотъ.

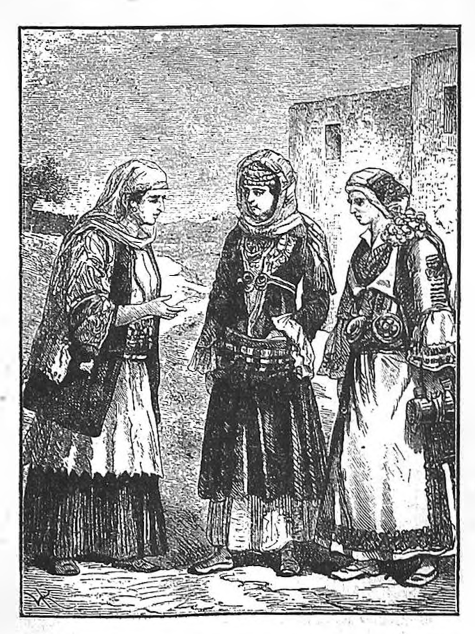
ленія конституціонная, монархическая, но здѣсь, какъ и въ Сербіи, существуетъ только одна палата, палата депутатовъ, избираемыхъ непосредственно народомъ; рѣшенія палаты утверждаются королемъ. Правительство располагаетъ въ мирное время войскомъ въ 25,000 человѣкъ и въ военное — 66,000 чел. Въ греческомъ флотѣ числится только 58 кораблей; изъ нихъ пять — броненосныхъ. Это маленькое королевство замѣчательно главнымъ образомъ тѣмъ, что соплеменные ему элементы разбросаны по всему востоку и живутъ въ значительномъ количествѣ въ южныхъ сосѣднихъ провинціяхъ Турціи вплоть до Константинополя. Греки по большей части исповѣдуютъ православную религію; они происходятъ отъ древнихъ эллиновъ, и, несмотря на примѣсь славянской и албанской крови, сохранили свой типъ почти безъ измѣненій.

Существуютъ попытки доказать, что древніе эллины почти исчезли, и что ихъ современные потомки представляютъ лишь смѣшанный иллирійско-славянскій народъ. Это утвержденіе, въ настоящемъ его объемѣ, слишкомъ исключительно. Проникшіе въ Элладу и осѣвшіе въ ней славяне никогда не составляли большинства населенія, хотя Пелопоннесъ дѣйствительно долгое время находился во власти двухъ славянскихъ племенъ. Объ этомъ пребываніи славянъ въ Греціи еще и теперь напоминаютъ многочисленныя „славохоріи", встрѣчаемыя вплоть до Крита, и славянскія названія горъ, деревень и рѣкъ, которыя теперь встрѣчаются въ очень удаленныхъ отъ этой расы областяхъ. Но, несмотря на это, наукою установленъ тотъ фактъ, что современный ново-греческій языкъ вовсе не содержитъ въ себѣ славянскихъ элементовъ. Наконецъ, въ недавнее время было представлено доказательство, что языческіе элементы, находимые въ современной религіи и культѣ грековъ, какъ то: представленія о демонахъ, великанахъ, геніяхъ, загробной жизни,—все это заимствовано изъ древнегреческой эпохи, что, однимъ словомъ, древнее эллинство и теперь еще живетъ въ обычаяхъ и вѣрованіяхъ грековъ. Славяне, осѣвшіе въ Греціи, смѣшались съ туземнымъ населеніемъ, приняли его языкъ и культуру и не ославянили грековъ, а скорѣе эллинизировались сами. Греческая національность легко ассимилируетъ другія національности, сама же очень устойчива и ассимиляціи поддается весьма трудно; она быстро размножается даже тамъ, гдѣ число ея представителей крайне ограничено; такъ, за предѣлами Эллады, на югѣ, имѣется много эллинизировавшихся славянъ, и что почти всѣ ѳракійскіе болгары понимаютъ греческій языкъ. Но, какъ и всегда бываетъ въ подобныхъ случаяхъ,—отъ поглощенныхъ греками славянъ многое перешло къ ассимилировавшей націи. Слѣды смѣшенія національностей не подлежатъ сомнѣнію, и хотя эллинскій типъ, подобно еврейскому, отличающійся наибольшею устойчивостью, не исчезъ окончательно и сохранился во всей чистотѣ среди женщинъ, то онъ все-таки во многомъ измѣнился. Яснѣе всего славянское вліяніе обнаруживается въ образѣ жизни и костюмахъ современныхъ грековъ, а также въ пастушескихъ и воинственныхъ привычкахъ, перешедшихъ отъ славянъ. Смѣшеніе же съ ал-

банцами или скипетарами ничего не доказываетъ, потому-что мы имѣемъ основаніе считать скипетаровъ потомками древнихъ эллиновъ. Наибольшею чистотою крови отличаются греки, живущіе на уединенныхъ островахъ.

Королевство Грецін дѣлится на номархіи (округи), которыя въ свою очередь распадаются на эпархіи. Ихъ можно раздѣлить на четыре группы, изъ которыхъ первая охватываетъ недавно пріобрѣтенныя области въ Ѳессаліи и Эпирѣ и сѣверный полуостровъ Румелію, который обнимаетъ Аттику и Беотію съ островами Саламиномъ и Эгиною, затѣмъ Фтіотію и Фокиду, Акарнанію и Этолію. Въ этой области находится столица государства, Аѳины, соединенная при помощи короткой желѣзной дороги съ портомъ Пирей.

Аѳины, съ 128,000 жителей, резиденція короля и правительства, съ своимъ университетомъ и другими образовательными учрежденіями, принадлежитъ къ тѣмъ, такъ сказать, священнымъ мѣстамъ человѣческой культуры, которыя никогда не утратятъ своего интереса, какъ бы ни было велико разстояіе, отдѣляющее настоящее отъ прошедшаго. Здѣсь сохраняется еще много остатковъ древности: на крутой скалѣ Акрополь съ Партенономъ и Пропилеями, а ниже Акрополя — Тезейонъ и т. д. Современный путешественникъ приближается къ Аѳинамъ почти неизбѣжно со стороны моря—какъ бы онъ ни поѣхалъ: вокругъ Мореи, или изъ Корфу, черезъ перешеекъ, или черезъ Пирей. Въ послѣднемъ случаѣ ему представляется чудная картина: онъ видитъ не только покрытый снѣгомъ Парнасъ и окружающія его горы, но и Акрополь и всѣ окрестности города. Въ ясные солнечные дни искрятся колонны Партенона, соперничая по бѣлизнѣ со снѣгомъ Парнаса. Находясь здѣсь, начинаешь понимать, почему и какъ повелѣвали Аѳины въ древнее время морскими волнами, и какъ ихъ могущество и блескъ могли воспламенять завистью родственныя государства: Коринѳъ, Аргосъ, Эпидавръ. Въ нѣкоторомъ отдаленіи, не доѣзжая Саламина или Эгины, можно обозрѣть весь западный берегъ Аттики до ослѣпительно бѣлыхъ скалъ Суніума, и Аѳины кажутся окруженными вѣнкомъ холмовъ: ближайшія высоты Акрополя, холмъ Музейона — на переднемъ планѣ, затѣмъ Ликабеттосъ и позади— величественныя высоты Гиметта—направо, Парнеса — налѣво и Пентеликоса — между ними. Относительную высоту этого ряда холмовъ можно гораздо лучше опредѣлить на подобномъ разстояніи, нежели изъ самыхъ Аѳинъ, и нигдѣ видъ Партенона не производитъ такого впечатлѣнія, какъ здѣсь, откуда можно сосчитать всѣ его переднія колонны, мерцающія своею бѣлизною. Съ приближеніемъ къ гавани картина мѣняется. Величественныя очертанія Пентеликоса и Парнеса, покрытыхъ весною толстымъ слоемъ снѣга, отступаютъ назадъ, скрываясь за болѣе низкими но сильнѣе выступающими на передній планъ холмами и на виду остается только Гиметтъ. При въѣздѣ въ Пирей исчезаютъ даже Аѳины и Акрополь. Новый городъ располагается вокругъ гавани и постоянно подвигается къ ней красивыми домами и складами товаровъ. Отъ Пирея идетъ желѣзная дорога въ Новыя Аѳины, въ которыхъ, однако, не замѣчается какихъ-либо характеристическихъ особенностей. Са-



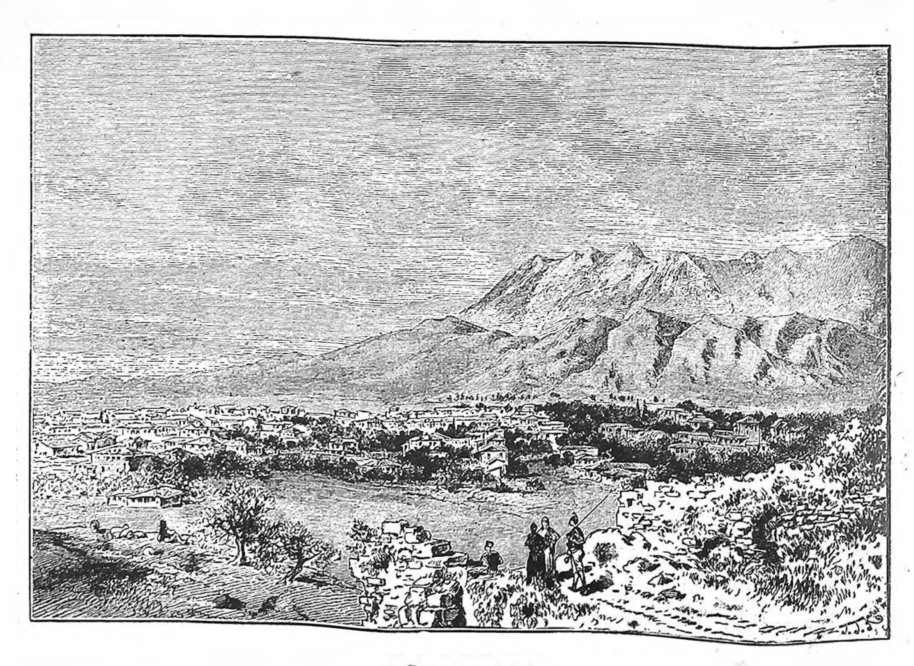
Типы гречанокъ.—Изъ Аргоса, Мегары, Коринѳа.

мая древняя часть, которую слѣдуетъ назвать албанскою деревнею, съ довольно грязнымъ базаромъ или рынкомъ мелочныхъ товаровъ и овощей, до настоящаго времени носитъ характеръ бѣднаго восточнаго провинціальнаго города. Къ этой части примыкаетъ другая, немного лучше выстроенная, но съ нѣмецко-славянскою внѣшностью, напоминающая полу-нѣмецкіе города Польши въ сѣверо-западной Россіи или восточныя области Верхней Силезіи. Эта часть города окружена третьею, самою новою, съ широкими улицами или бульварами, съ претендующими на красоту, но на самомъ дѣлѣ некрасивыми дачами и многими публичными зданіями; какъ напр.: замокъ, музей, политехникумъ, высшая женская школа, палата депутатовъ, казармы и т. д.

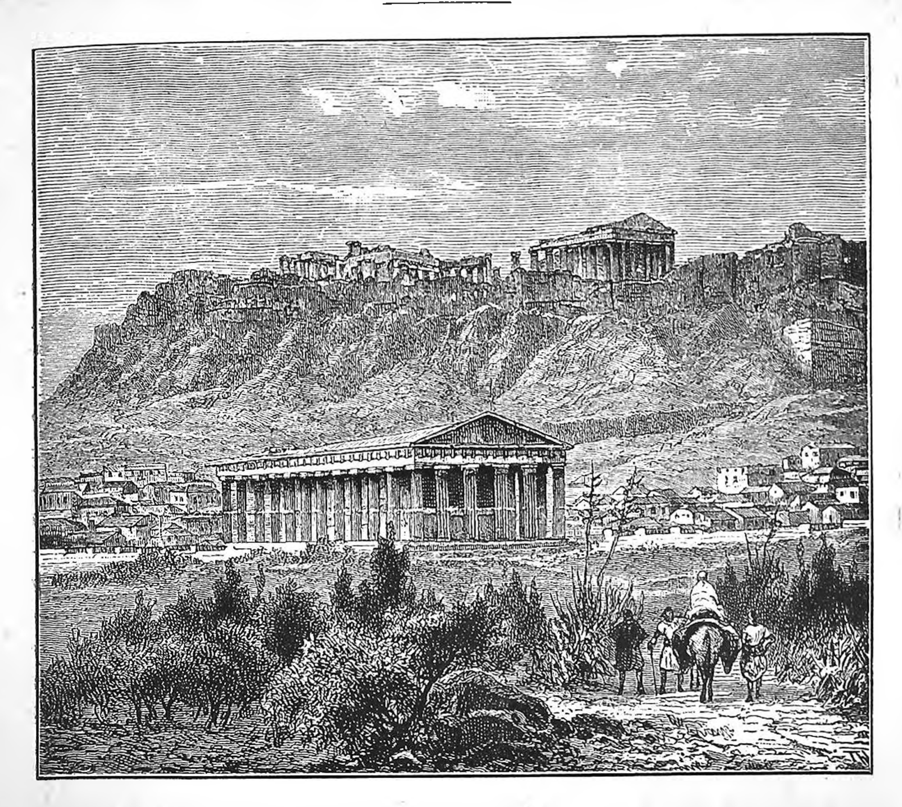
На ловлѣ губокъ.

Среди прочихъ городовъ Румеліи заслуживаютъ упоминанія: Ѳивы въ Беотіи, съ 4,000 жителей, Ливадія, вблизи болотистаго озера Тополіасъ, и крѣпость Миссолунги, въ Этоліи. Деревня Кастри находится на мѣстѣ древнихъ Дельфъ.

Вторую группу составляетъ Морея, или Пелопоннесъ, заключающій въ себѣ Арголію и Коринѳъ, съ островами Гидрой, Спетзе и Чериго, Ахайю и Элиду, Аркадію, Мессенію и Лаконію. Здѣсь между прочими національностями живутъ цаконы, языкъ которыхъ является дальнѣйшимъ развитіемъ и преобразованіемъ древняго дорійско-лаконійскаго,—путемъ усилившагося вліянія обыкновеннаго гре-



Спарта.



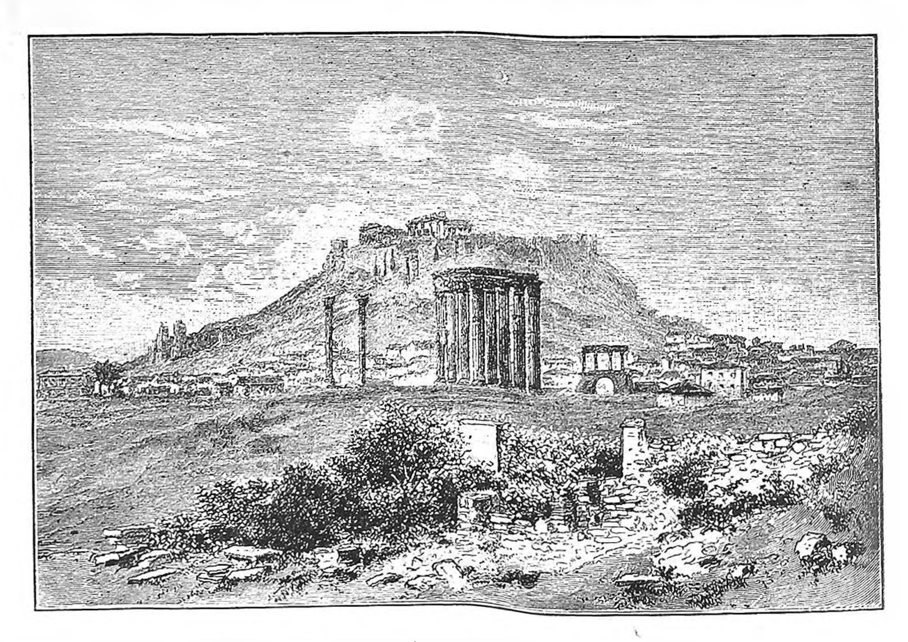
Аѳины.—Акрополь.

ческаго и нѣкоторою примѣсью негреческихъ словъ. Важнѣйшіе пункты Пелопоннеса: Навплія (6,000 жит.), Коринѳъ (4,000 жит.), у перешейка, Микене, ставшая извѣстною благодаря изслѣдованіямъ Г. Шлимана, Триполица — главный городъ Аркадіи, пришедшій въ большой упадокъ, и деревня Мистра, вблизи которой находятся развалины древней Спарты. Въ Элидѣ, на Руфіи, — древней Алфеѣ,— находятся остатки Олимпіи, гдѣ при раскопкахъ въ недавнее время открыты нѣмцами важные памятники древности. Наконецъ, въ Ахайи и на Коринѳскомъ заливѣ расположенъ ведущій оживленную торговлю городъ Патрасъ (34,000 ж.).

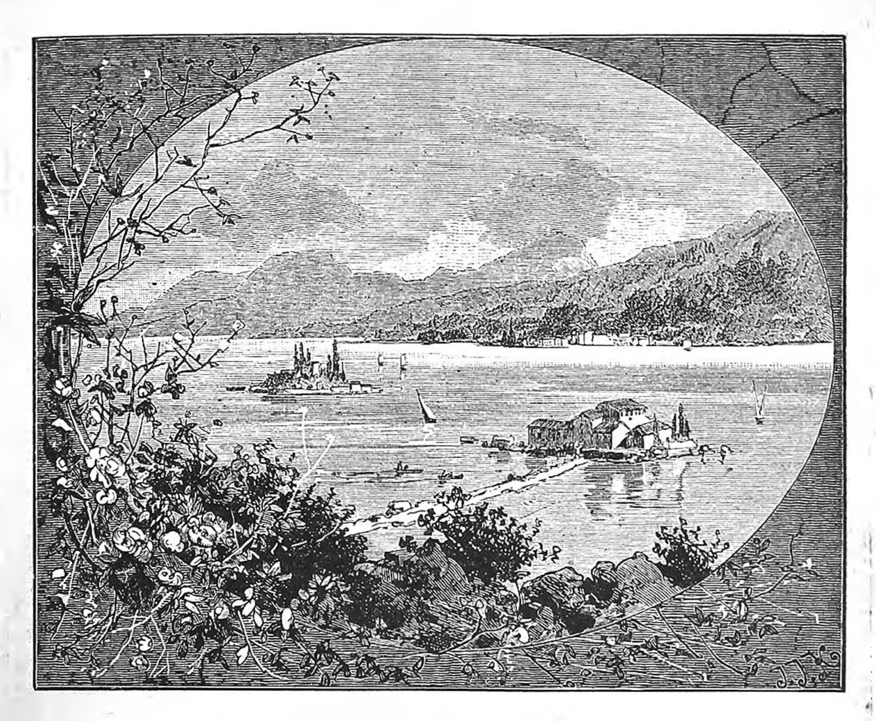
Третья и четвертая группы состоятъ изъ острововъ на востокѣ и на западѣ. Всѣ они заселены гуще Эллинскаго материка и ведутъ болѣе оживленную торговлю. Къ первымъ принадлежатъ: Эврипъ съ сѣверными Спорадскими островами, затѣмъ, Цикладскіе острова, образующіе отдѣльную номархію. На Эврипѣ, или Эвбеѣ, находятся слѣдующіе наиболѣе важные пункты: Халкида, которая соединена съ материкомъ при помощи моста, и къ сѣверу отъ нея — Ксерохори. Неподалеку отсюда лежитъ курортъ Эдепсосъ, съ извѣстными въ древности, очень горячими цѣлебными источниками. Между Спорадскими островами самый значи-

тельный—Скиро, съ городомъ того же имени, а между Цикладскими всѣхъ важнѣе маленькій островъ Сира, со своимъ главнымъ и цвѣтущимъ торговымъ городомъ Гермуполисомъ (22,000 жителей).

Западная группа обнимаетъ семь Іоническихъ острововъ: Корфу, Наксо, Левкада (С.-Маура), Тіаки (Итака), Кефалонія, Закинто (Занто) и Чериго, причемъ, послѣдній, находясь у самой южной оконечности Пелопоннеса, въ административномъ отношеніи причисляется къ номархіи Арголидѣ и Коринѳіи. Общая поверхность Іоническихъ острововъ простирается до 2,750 кв. килом., населенія же числится 1/4 милліона. Корфу въ Іоническомъ архипелагѣ играетъ ту-же роль, что и Сира въ группѣ Цикладскихъ острововъ. Одноименный съ островомъ главный городъ, съ 28,500 жителей, занимаетъ прекрасное мѣстоположеніе и представляетъ очень удобную стоянку на пути въ Грецію. Громадное большинство населенія говоритъ, или, въ крайнемъ случаѣ, — понимаетъ итальянскій языкъ; это объясняется тѣмъ, что владѣльцами острова долгое время были венеціанцы. Въ недавнее время Іоническіе острова находились подъ протекторатомъ Англіи и благодаря англійскому правительству опередили въ культурномъ развитіи остальную Элладу, съ которою соединились лишь въ 1864 году. На островѣ Кефалоніи заслуживаетъ упоминанія главный городъ Аргостали; недалеко отъ него находятся интересныя «морскія мельницы»,—явленіе природы, какое не встрѣчается болѣе нигдѣ на нашей планетѣ. Это удивительное явленіе, говоря коротко, состоитъ въ томъ, что въ двухъ мѣстахъ, къ сѣверу отъ Аргостали, морская вода изли-



Аѳины.

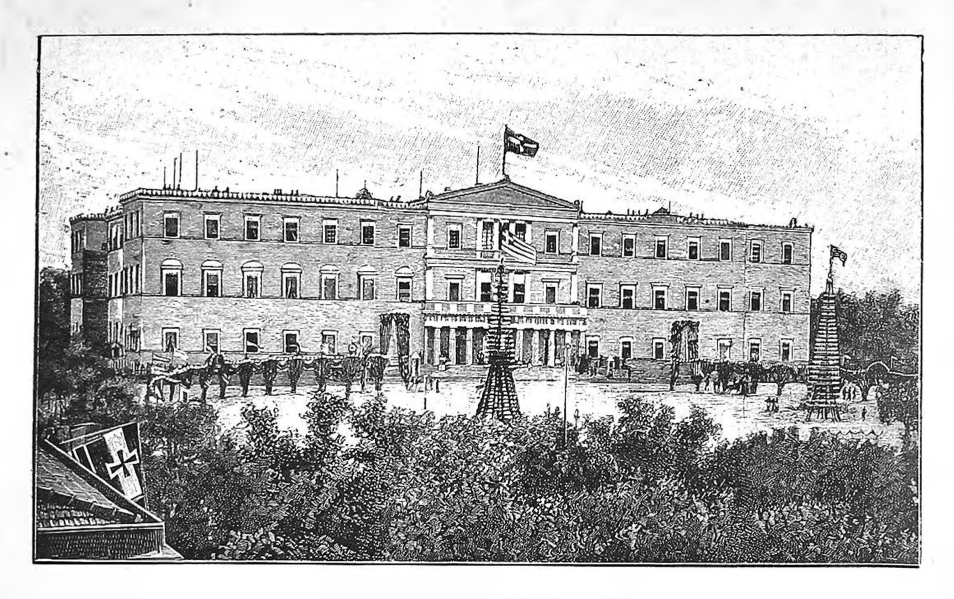


О-въ Корфу.—Бухта Кардакіо.

вается прямо въ землю; о количествѣ и силѣ, съ которою падаетъ вода, можно судить по тому, что высота паденія достаточна для приведенія въ движеніе мельницы.

Греція обладаетъ прекраснымъ климатомъ и плодородною почвою. Географическое положеніе страны благопріятствуетъ, главнымъ образомъ, земледѣлію, торговлѣ и судоходству, но рѣдкость населенія въ связи съ дурнымъ состояніемъ путей сообщенія затрудняетъ развитіе промышленности. Этому недостатку развитія мѣстной промышленности и надо приписать неблагопріятный торговый балансъ Греціи. Впрочемъ, дефицитъ его, по всей вѣроятности, съ избыткомъ покрывается доходами отъ судоходства, такъ какъ общее благосостояніе королевства за послѣднее время значительно возвысилось. Необходимо замѣтить, что этотъ подъемъ благосостоянія наблюдается только на одномъ побережьи, внутри-же страны и въ настоящее время успѣхи очень слабы, потому-что разработка естественныхъ богатствъ страны сильно затрудняется благодаря отсутствію путей сообщенія; удобныхъ дорогъ почти не существуетъ, за исключеніемъ ближайшихъ окрестностей столицы, такъ что даже на короткихъ разстояніяхъ отъ берега не употребляется иныхъ способовъ перевозки, какъ на вьючныхъ лошадяхъ и мулахъ, и поэтому доставка на незначительномъ даже разстояніи часто увеличиваетъ стои-

мость товаровъ и мѣстныхъ продуктовъ на 10%—20%, а предметы, имѣющіе вѣсъ болѣе 75—100 килогр., въ этой классической странѣ вовсе не могутъ быть перевозимы. Другое препятствіе развитію промышленности состоитъ въ ростовщичествѣ, которое свило себѣ болѣе прочное гнѣздо внутри страны, чѣмъ на прибрежьи. Греки расположены къ семейной жизни; они хорошіе сыновья и братья. Стремленіе населенія къ просвѣщенію положительно необычайно, государство съ



Аѳины.—Королевскій дворецъ.

своей стороны сдѣлало много для народнаго образованія; посѣщеніе школъ хотя и необязательно, но настоящее поколѣніе принуждаетъ своихъ дѣтей ходить въ школу. Несмотря на общую неблагоустроенность Эллады, несмотря на то, что здѣсь еще не совсѣмъ исчезло разбойничество (клефенство) — греки съ полнымъ правомъ могутъ быть названы культурнымъ народомъ Балканскаго полуострова.

Въ послѣднее время экономическое положеніе греческаго королевства, и безъ того не блестящее, было сильно подорвано войною съ Турціей...

РОССІЯ.

Общій географическій очеркъ.

Пространство, границы, историческій ростъ Россіи.

Вся восточная половина Европы и болѣе одной трети азіатскаго континента представляетъ одно государство — Россію. Протяженіе этой огромной площади исчисляется болѣе чѣмъ въ 400,000 кв. географ. миль *), что составляетъ около одной шестой части всей суши на землѣ. Съ С. на Ю. эта страна протянулась на 42°, т. е. почти на 4,400 верстъ, а по долготѣ—на 168°, т. е. болѣе чѣмъ на 10,000 верстъ.

Границы Россійской Имперіи составляетъ на С. негостепріимный Ледовитый океанъ, по всему протяженію европейскаго и азіатскаго берега, на В.—Великій океанъ, (за исключеніемъ Кореи) начиная отъ Берингова пролива до западнаго берега Ляо-дунскаго полуострова, гдѣ въ послѣднее время (въ 1898 году) сдѣлано важное пріобрѣтеніе въ видѣ двухъ незамерзающихъ гаваней, Портъ-Артура и Таліенвана. Отсюда южная граница Россіи идетъ сначала на с.-з., пересѣкая Манчжурію, а затѣмъ на з., приблизительно по сѣверной и сѣверо-восточной окраинѣ Центрально-азіатскаго нагорья, отдѣляя русскія владѣнія отъ китайскихъ. Отъ Памира граница огибаетъ съ ю.-в. и съ ю. Туранскую низменность и, если не считать зависимыхъ отъ Россіи государствъ Бухары и Хивы, то, можно сказать, немного не доходитъ до естественной границы — сѣверной границы Иранскаго плоскогорья. Пересѣкая далѣе Каспійское море, почти что у самаго южнаго берега его, персидская граница доходитъ до порубежнаго столба—Арарата, отъ котораго пограничная черта съ Турціей идетъ до восточнаго угла Чернаго моря, пересѣкаетъ его почти посрединѣ и оканчивается у Килійскаго рукава Дуная. Съ этого пункта начинается уже западная граница съ европейскими государствами: Румыніей, Австріей и Пруссіей до Балтійскаго моря и отъ сѣвернаго угла Ботническаго залива съ Швеціей до Варангеръ-фіорда, на берегу Ледовитаго океана.

Длина всей пограничной линіи составляетъ 64,909 в. (9,330½ геогр. миль). Изъ этого числа 46,270 в. приходится на морскую границу и 16,639 на сухопутную, т. е. первая превышаетъ вторую почти что въ 2½ раза. Несмотря на столь значительное протяженіе линіи морского берега, Россія по развитію своего мореходства уступаетъ многимъ великимъ европейскимъ державамъ, такъ какъ большая часть русскихъ береговъ приходится на моря или неудобныя

*) По исчисленію Стрѣльбицкаго, Россійская Имперія вмѣстѣ со внутренними водами и островами на нихъ составляетъ 407,248 кв. геогр. миль или 19.709,294 кв. верстъ.

для плаванія, каковъ весь Ледовитый океанъ, за исключеніемъ небольшой сравнительно части Бѣлаго моря, и большая часть побережья Великаго океана, или же представляютъ замкнутые бассейны.

Каспійское море важно для внутреннихъ торговыхъ сношеній, такъ какъ оно омываетъ богатый по своимъ естественнымъ богатствамъ Кавказскій край и принимаетъ главную водную артерію Европейской Россіи—Волгу, но оно не имѣетъ почти никакого значенія для международныхъ сношеній, такъ какъ разобщено съ океаномъ. Балтійское, Черное и Азовское моря входятъ въ сѣть міровыхъ путей и играютъ громадную роль въ промышленности и торговлѣ Россіи, но въ политическомъ отношеніи являются также замкнутыми, такъ какъ выходы изъ нихъ находятся во владѣніяхъ другихъ государствъ, и въ критическій моментъ всѣ наши флоты на этихъ моряхъ могутъ оказаться запертыми, если проходы черезъ Зундъ, Бельтъ, а тѣмъ болѣе черезъ Босфоръ и Дарданеллы будутъ заграждены непріятельскими снарядами. Бѣлое море только въ три лѣтнихъ мѣсяца бываетъ свободно отъ льдовъ, но зато выходъ изъ него безопасенъ и потому русское правительство, начиная съ Петра Великаго, постоянно обращало серьезное вниманіе на его порты. Въ самое послѣднее время было доказано существованіе прекрасныхъ гаваней на западной окраинѣ побережья суроваго Ледовитаго океана, на Мурманскомъ берегу, и въ прошломъ 1898 году правительство приступило къ устройству военнаго и коммерческаго порта въ Екатерининской гавани. Вліяніе теплаго теченія Гольфштрема здѣсь настолько значительно, что гавань иногда остается свободною отъ льда цѣлую зиму, давая безопасное убѣжище судамъ.

Что касается сухопутныхъ границъ, то самая важная изъ нихъ, безъ сомнѣнія, западная, европейская. Здѣсь проходятъ важнѣйшіе торговые пути, здѣсь же существуетъ и наибольшая опасность съ политической точки зрѣнія. Въ виду этого пограничная линія со стороны Пруссіи, Австро-Венгріи, а также и Румыніи укрѣплена нѣсколькими рядами крѣпостей: Ивангородъ, Варшава, Ново-Георгіевскъ, Брестъ-Литовскъ, Бендеры, Осовецъ, Ковно, Двинскъ, Бобруйскъ, Кіевъ и нѣкоторыя другія.

Азіатскія владѣнія Россіи можно разсматривать, какъ колонію, которая, однако, существенно отличается отъ колоніальныхъ владѣній всѣхъ другихъ европейскихъ государствъ тѣмъ, что по своему географическому положенію неразрывно связана со своею метрополіею.

Но и одна Европейская Россія по своимъ размѣрамъ безусловно превосходитъ всѣ остальныя великія европейскія державы. Площадь эта почти въ 10 разъ превышаетъ пространство, занимаемое Германіей и Франціей, почти въ 8 разъ Австро-Венгрію и въ 200 разъ Бельгію. Однако же большая часть территоріи Россійской Имперіи необитаема и по своимъ физическимъ условіямъ совершенно непригодна для поселенія культурнаго человѣка. Даже въ Европейской Россіи на подобныя области нужно отчислить почти половину всей площади. Истинная Россія, т. е. та часть ея, гдѣ населеніе достаточно густо, чтобы образовать сплоченную націю, съ выработанной вѣками національной культурой, со всѣми харатерными чертами общественной и экономической жизни,—занимаетъ приблизительно средину Европейской Россіи. Въ этой области впервые сложилась русская нація, единая по языку, этнографическому составу и по религіи, здѣсь же и до настоящаго времени сосредоточены наиболѣе значительные рессурсы національныхъ богатствъ. Границею этого ядра русскаго государства можно принять приблизительно верхнее и среднее теченіе Волги на С. и В., сѣверную окраину степной полосы на Ю., широкую долину Днѣпра и среднее теченіе Западной Двины на З., откуда черту эту можно продолжить черезъ губерніи Псковскую и Петербургскую къ устьямъ Невы.

Съ экономической точки зрѣнія сюда же можно причислить и густонаселенныя, промышленныя губерніи польскія и остзейскія, значительно отличающіяся отъ центральной области по составу и характеру населенія, но играющія громадную роль въ промышленной дѣятельности Россіи. Остальныя части имперіи, занимающія около $^7/_8$ всей русской территоріи, по своей малонаселенности въ полной мѣрѣ составятъ силу государства лишь въ болѣе или менѣе отдаленномъ будущемъ.

За послѣднее время въ различныхъ уче-

ныхъ обществахъ: Географическомъ, Антропологическомъ, въ Обществѣ Охраненія Народнаго Здравія съ усиленной энергіей принялись за выясненіе положенія инородцевъ на нашихъ окраинахъ. Много толкуется про быстрое ихъ вымираніе и предсказываютъ въ ближайшемъ будущемъ совершенное исчезновеніе съ лица земли многихъ народностей, напр., остяковъ, тунгусовъ, юкагировъ, ламутовъ и т. д. Сожалѣютъ о томъ, что всѣ эти интересныя съ антропологической точки зрѣнія племена исчезнутъ даже раньше, чѣмъ ученые успѣютъ использовать этотъ богатый матеріалъ для развитія науки. Обвиняютъ правительство въ томъ, что оно не достаточно энергично ограждаетъ несчастныхъ дикарей отъ эксплоататоровъ русскаго и инородческаго же происхожденія, громятъ цивилизацію, которая въ рукахъ непрошенныхъ культуртрегеровъ, промышленниковъ-эксплоататоровъ, оказывается губительной для аборигеновъ далекихъ окраинъ Россійской Имперіи, обсуждаются мѣры, которыя могли бы положить предѣлъ такимъ порядкамъ, и если не совершенно остановить, то, по крайней мѣрѣ, по возможности ослабить процессъ вымиранія слабыхъ инородческихъ племенъ...

Все это, конечно, печальная истина, и то, что такіе вопросы подымаются въ наукѣ, въ обществѣ и въ правительственныхъ кругахъ, несомнѣнно, должно признать очень отраднымъ фактомъ. Не правы, однако, намъ кажется, тѣ изслѣдователи, которые, насмотрѣвшись на мѣстѣ на самые возмутительные факты всякаго рода безсовѣстной эксплуатаціи довѣрчивыхъ туземцевъ и всевозможныхъ притѣсненій по отношенію къ нимъ со стороны мѣстныхъ представителей русскаго элемента населенія,—дѣлаютъ отсюда заключеніе о колонизаторскихъ способностяхъ русской націи вообще.

Общераспространенное убѣжденіе, высказывающееся не только въ русской литературѣ, но и въ иностранной, приписываетъ русскому народу какія-то необыкновенныя колонизаторскія достоинства и способность сливаться съ туземцами, въ особенности съ азіатскими народностями. Нѣкоторые даже видятъ въ этомъ признаки низшей культуры русскихъ сравнительно съ англичанами, французами, нѣмцами, испанцами и другими европейскими народами, такъ какъ, при столкновеніи съ дикарями, русская культура оказывается до нѣкоторой степени родственной съ туземной азіатской и здѣсь не проявляется рѣзкаго контраста.

Какъ бы то ни было, но фактъ успѣшности русской колонизаціи на лицо: изъ небольшого сравнительно національнаго ядра русская національность разлилась широкимъ потокомъ по всей восточной Европѣ, который прорвался черезъ „Каменный Поясъ" (Уралъ), наводнилъ чуть не половину Азіи и остановился только у естественныхъ предѣловъ: берега Великаго океана на В. и непрерывнаго ряда горныхъ цѣпей, у подножія великаго Центрально-Азіатскаго нагорья на Ю. Будутъ-ли въ состояніи эти послѣднія границы прекратить дальнѣйшее поступательное движеніе русскаго элемента—это, конечно, еще вопросъ. По крайней мѣрѣ черезъ океанъ русскіе уже знаютъ дорогу и въ былое время даже и въ Новомъ Свѣтѣ существовала русская территорія (Аляска), а на югъ наблюдается неуклонное, постоянное передвиженіе границы, и не Китай, конечно, встанетъ непреодолимою преградою для Россіи въ этомъ неудержимомъ ростѣ...

Думаемъ, что выраженіе новѣйшаго изслѣдователя—*заѣданіе* русскими инородцевъ, вмѣсто пресловутаго *сліянія**), должно быть отнесено къ единичнымъ личностямъ, даже къ цѣлому классу нарождающихся на далекихъ окраинахъ капиталистовъ-промышленниковъ, неразборчивыхъ на средства въ своей алчной погонѣ за наживою, а не къ русскому крестьянину-хлѣбопашцу, который всегда былъ и будетъ еще неопредѣленное время главнымъ распространителемъ русской колонизаціи и русской культуры.

Такой элементъ русской націи, быть можетъ въ самомъ дѣлѣ благодаря невысокой (въ европейскомъ смыслѣ) степени своей культуры, еще долгое время будетъ самымъ прочнымъ и самымъ надежнымъ разсадникомъ русскаго вліянія и культуры на необозримомъ пространствѣ азіатскаго континента.

Если съ этой точки зрѣнія взглянуть на ростъ русскаго государства и на фактъ необычайно широкаго распространенія русской націи, то главнѣйшими факторами, обусловившими современные размѣры русскихъ владѣній, должно признать *условія географическія*.

Географическій характеръ восточной половины Европы совмѣщалъ въ себѣ всю совокупность условій, необходимыхъ въ первые періоды исторіи Россіи для образованія большаго, крѣпко сплоченнаго государства. Пресловутая склонность славянъ къ раздробленности и междуусобіямъ, проявившаяся довольно ярко въ удѣльно-вѣчевой періодъ, при наличности общаго однообразія рельефа поверхности, климата, флоры и фауны, при отсутствіи рѣзкихъ географическихъ граней на обширной территоріи, не воспрепятство-

*) В. Передольскій: „По Енисею до Ледовитаго океана". Докладъ въ Русскомъ Антропологич. Общ. 13 ноября 1898 г.

вала, однако, образованію въ концѣ концовъ единаго и обширнаго государства; а сплотившаяся и окрѣпшая здѣсь нація впослѣдствіи выступила далеко за свои первоначальные предѣлы. Въ непрерывномъ, постоянномъ ростѣ и развитіи мощности великаго русскаго государства есть глубокій географическій смыслъ.

Рельефъ поверхности.

Рельефъ поверхности восточной половины Европы, занимаемой Россіей, рѣзко отличается отъ остальной части континента. Въ западной Европѣ на каждомъ шагу проявляется изумительное разнообразіе мѣстности: сплошныя возвышенности, горныя цѣпи, холмы, долины, низменныя равнины безпрестанно смѣняютъ другъ друга. Въ Россіи, наоборотъ, на всемъ ея громадномъ протяженіи, отъ береговъ Ледовитаго океана до южныхъ предѣловъ черноморскихъ степей бросается въ глаза однообразіе ландшафтовъ. Здѣсь, по большей части, совершенно отсутствуютъ рѣзкіе контрасты рельефа и Россія поэтому представляется огромной, сплошной равниной. На всемъ пространствѣ между Ураломъ, Крымомъ и прикарпатскими областями нѣтъ ни одной точки, высота которой достигала бы 200 саж. Только на самыхъ западныхъ окраинахъ встрѣчаются исключенія изъ этого общаго правила: въ Бессарабіи, у Хотина, есть пункты, достигающіе 220 саж. абсолютной высоты (надъ уровнемъ воды въ океанѣ), также среди краковскихъ высотъ, около Олькушъ, есть возвышенности до 231 саж., а вершина Лысица въ Сандомирскихъ горахъ достигаетъ даже 290 саж.

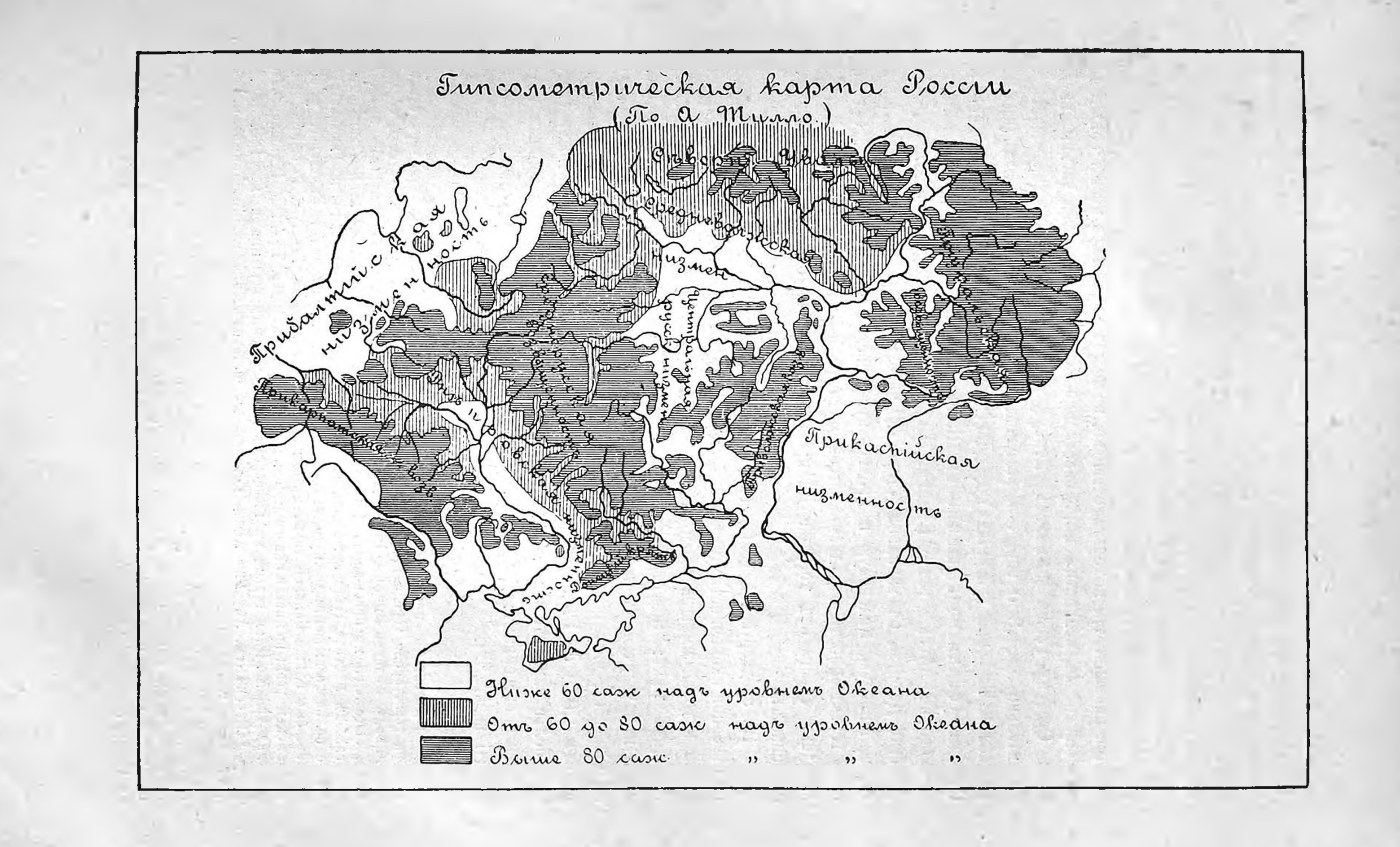
Общая равнинность Европейской Россіи, при недостаточности фактическихъ матеріаловъ по измѣренію абсолютныхъ высотъ, повела, однако, къ тому, что сложилось неправильное представленіе о рельефѣ поверхности восточной Европы. До сихъ поръ еще во всѣхъ учебникахъ географіи, за исключеніемъ изданныхъ въ самое послѣднее время (1898, 99 гг.), существуютъ на этотъ счетъ коренныя заблужденія; между тѣмъ многіе общеупотребительные термины, въ родѣ „отроговъ Карпатъ“, „Великой Россійской низменности“, а тѣмъ болѣе названія „Урало-Балтійская и Урало-Карпатская холмистая гряда“, попадающіяся еще въ нѣкоторыхъ не особенно старыхъ руководствахъ, въ настоящее время не имѣютъ уже никакого научнаго значенія.

Въ изученіи рельефа Европейской Россіи составила эпоху гипсометрическая карта А. Тилло, появившаяся еще въ началѣ 1890 г. и измѣнившая кореннымъ образомъ представленіе объ устройствѣ поверхности восточной Европы.

Карта эта составлена на основаніи 51,385 точекъ, абсолютныя высоты которыхъ имѣютъ достовѣрныя измѣренія. Но этотъ матеріалъ, весьма солидный по своему объему, имѣетъ, однако, большой недостатокъ въ томъ отношеніи, что онъ распредѣленъ на всемъ пространствѣ Европейской Россіи очень неравномѣрно. Въ то время, какъ въ западной части существуетъ множество высотныхъ опредѣленій и является возможность поэтому проложить на картѣ рельефъ поверхности даже въ подробностяхъ, большая половина остальной территоріи не имѣетъ достаточнаго количества достовѣрныхъ гипсометрическихъ матеріаловъ. Поэтому карта является безусловно достовѣрной, какъ заявилъ самъ авторъ, только въ своей западной части и въ нѣкоторыхъ другихъ небольшихъ районахъ *); въ остальныхъ же частяхъ придется дѣлать поправки по мѣрѣ накопленія новыхъ матеріаловъ, которыя, несомнѣнно, будутъ увеличиваться каждый годъ.

---

*) Губерніи: Саратовская, Казанская, Костромская и земля Уральскаго Казачьяго войска, а также теченія всѣхъ главныхъ рѣкъ восточной части Европейской Россіи.


Гипсометрическая карта России
(По А. Тилло.)
Прибалтийская низменность
Средне-Волжская низмен.
Центральная русск. низмен.
Прикаспийская низменность
Ниже 60 саж. надъ уровнемъ Океана
Отъ 60 до 80 саж. надъ уровнемъ Океана
Выше 80 саж. " " "

Прилагаемая карта представляетъ уменьшенную копію съ гипсометрической карты Тилло, но для большей наглядности здѣсь всѣ мѣста, абсолютная высота которыхъ превышетъ 80 саж. (560 фут.), изображены темнымъ тономъ, а высоты въ 60—80 саж. рѣже заштрихованы: при этомъ ясно выражаются четыре системы возвышенностей, которыя, несомнѣнно, нужно причислить къ плоскогоріямъ, на общемъ основаніи орографической терминологіи. Между этими плоскогоріями или «возвышенностями», какъ ихъ называетъ Тилло, и на окраинахъ ихъ простираются низменности, которыя, очевидно, не могутъ уже теперь носить общаго имени «Россійской низменности» и по необходимости получаютъ болѣе частныя названія.

Средину Россіи занимаетъ вытянутая съ С. на Ю., простирающаяся приблизительно на 1,300 вер. отъ истоковъ Мологи и верхней Волги (въ Новгородской и Тверской губерніяхъ) до Донецкаго кряжа и почти до Азовскаго моря, Среднерусская возвышенность. На этой возвышенности берутъ начало почти всѣ большія русскія рѣки: Нѣманъ, Западная Двина, Ловать, Волга, Ока, Донъ, Донецъ, Днѣпръ. Съ западной стороны, черезъ губерніи Смоленскую, Могилевскую, Минскую, Виленскую и Гродненскую тянется большой отрогъ. Среднерусская возвышенность отдѣляетъ бассейны Волги и Дона отъ бассейна Днѣпра, а западный отрогъ отъ того же Днѣпровскаго бассейна отдѣляетъ Прибалтійскую низменность.

Въ среднерусской возвышенности есть два центра высотъ: одинъ находится на сѣверной оконечности, такъ называемая Валдайская возвышенность, высшія точки которой имѣютъ около 150 саж. *); здѣсь близко сходятся верховья трехъ большихъ рѣкъ: Волги, Днѣпра и Западной Двины. Другой центръ нѣсколько ниже и находится въ предѣлахъ Орловской и Курской губерній, въ особенности въ сѣв.-вост. углу послѣдней, въ Тимскомъ уѣздѣ; городъ Тимъ расположенъ на высотѣ 1,016 ф. Въ этомъ районѣ находится другой центръ рѣчныхъ системъ, еще болѣе замѣчательный, такъ какъ верховья рѣкъ, принадлежащихъ къ различнымъ бассейнамъ: Днѣпровскому, Волжскому и Донскому, отстоятъ всего на 5—10 верстъ**).

*) До самаго послѣдняго времени высшею вершиною Валдайскихъ горъ считалась Попова гора, около города Валдая, которой приписывали высоту въ 1,200 ф. и болѣе (въ учебникахъ Бѣлоха, Янчина, Баранова и Горѣлова 1.200 ф.), но по измѣренію проф. Анучина, высота ея не превышаетъ 110 саж. (770 фут.). Между тѣмъ въ этой возвышенности, въ разныхъ мѣстахъ (уѣздовъ: Валдайскаго, Демянскаго, Осташковскаго и Ржевскаго) есть много болѣе возвышенныхъ пунктовъ, въ 130—140 саж. Даже холмъ Зимогорье, у самаго Валдая, еще ближе Поповой горы, превышаетъ послѣднюю на 50 фут. Высшими точками Валдайской возвышенности оказываются: гора Каместикъ у дер. Полицы, Осташковскаго у., и цѣлая гряда „Ильи горы", въ Ржевскомъ у., со многими вершинами въ 128, 136, 146 и въ 149 саж. (см. Анучинъ „Изъ поѣздки къ истокамъ Днѣпра, З. Двины и Волги". „Сѣв. Вѣстн." 1891 г.).

**) Близъ Малоархангельской станціи Орловской губерніи, около границы Щигровскаго уѣзда, находятся истоки Оки, недалеко отсюда близъ селенія Поныри начинаются Снова и Свопа, впадающія въ Сеймъ, Днѣпровскаго бассейна, а въ селѣ Протасовѣ на разстояніи 5 верстъ отъ той же Малоархангельской станціи начинается ручей Сучій, впадающій въ Сосну, Донскаго бассейна.

Къ западу отъ Среднерусской возвышенности находится Прибалтійская низменность, Полѣсье и широкая Днѣпровская долина, которой, по всей справедливости, можно присвоить названіе **низменности**. Къ востоку лежитъ долина средней Волги и нижней Оки, средневолжская низменность и низменное пространство въ самомъ центрѣ Россіи, занимающее губерніи: Рязанскую, Тамбовскую, Воронежскую и другія. Это пространство, какъ впервые констатировалъ Тилло, представляетъ наибольшее пониженіе въ средней части Европейской Россіи и лежитъ на 20 саж. ниже уровня Пинскихъ болотъ, которыя раньше признавались самымъ низкимъ мѣстомъ внутри Россіи.

Далѣе къ востоку отъ этой полосы низменностей обнаруживается другая группа возвышенностей: **Приволжская**, наполняющая всю площадь по правому берегу Волги, отъ Нижняго Новгорода и Казани до Царицына на югѣ и простирающаяся на западъ до миридіана города Тамбова. На самомъ берегу Волги возвышенность эта имѣетъ видъ настоящаго горнаго кряжа; часть его между Симбирскомъ и Самарою образуетъ живописныя Жигулевскія мѣловыя горы, круто падающія къ рѣкѣ. Горы эти на разстояніи 90 верстъ тянутся по самому берегу въ видѣ мощной, сплошной стѣны, покрытой мѣстами и теперь еще дѣвственнымъ лѣсомъ. Ставши поперекъ теченія Волги, Жигулевскія горы заставили ее на сотню верстъ своротить въ сторону. Здѣсь находится высочайшая вершина Приволжской возвышенности—Бѣлая Гора, около Сызрани, 1,100 фут. высотою. Эта возвышенность не переходитъ въ восточномъ направленіи черезъ Волгу: лѣвый берегъ рѣки уже низменный и представляетъ продолженіе низменности средняго теченія Волги, которая къ югу расширяется въ обширную низину **Прикаспійскую**, спускающуюся у сѣверныхъ береговъ Каспійскаго моря на 83 фута ниже уровня воды въ океанѣ. Впрочемъ, къ югу отъ Царицына продолженіе Приволжской возвышенности еще видно въ видѣ небольшого холмистаго кряжа—Ергеней — складчатаго происхожденія, который проходитъ черезъ Предкавказскія степи и, постепенно повышаясь на югѣ, упирается въ Эльбрусъ.

По новѣйшимъ изслѣдованіятъ профессора Мушкетова, Ергени, пройдя отъ Царицына въ меридіанальномъ направленіи верстъ 350, оканчиваются у долины рѣки Манычa обрывистымъ выступомъ — Чалонъ-Хамуръ (что значитъ: „Каменный носъ"). За этой рѣкой продолженіе кряжа можно видѣть въ **Ставропольскихъ высотахъ**, упирающихся на югѣ въ кавказскую вершину Эльбрусъ. Средняя высота Ергеней въ южной части 600—630 фут., въ сѣверной—около 300 ф., по срединѣ же 400 — 500 фут. Въ этомъ кряжѣ ясно видно складчатое происхожденіе и высота его, по всей вѣроятности, сильно уменьшилась вслѣдствіе долговременнаго размыва *).

Къ востоку отъ Приволжской возвышенности и центральной низменности, между бассейнами Камы и Самары съ одной стороны и рѣкою Ураломъ съ другой, обозначается новая система возвышенностей, относящаяся уже къ Уральскому хребту.

*) См. Труды Геологич. Комит. 1895 г. XIV, 1. „Геологич. изслѣд. въ Калмыцкой степи".

Общій Сыртъ представляетъ сплошную широкую возвышенность, примыкающую съ одной стороны къ Уралу, а съ другой выдвигающуюся длинной, извилистой линіей въ широкую долину Поволжья. По большей части возвышенность эта представляется въ видѣ нѣсколькихъ холмистыхъ рядовъ, которые, по мѣрѣ приближенія къ Уралу, повышаются и постепенно переходятъ въ горные кряжи.

Въ западной части Европейской Россіи орографія разработана наиболѣе подробно по обилію высотныхъ опредѣленій. Къ западу отъ Днѣпровской низменности, южнѣе 52° широты, выдѣляется возвышенность Прикарпатская, окаймляющая русскую границу съ Румыніей и Австріей, выполняющая собою южную часть Привислянскаго края и губерніи Волынскую, Кіевскую, часть Подольской, Бессарабской и Екатеринославской. Часть этой возвышенности, подъ именемъ Авратынской, установлена уже давно, но до самаго послѣдняго времени ошибочно принимали ее за отрогъ Карпатъ и восточную вѣтвь ея, подъ названіемъ Каменной гряды, черезъ Донецкій кряжъ приводили въ связь съ Общимъ Сыртомъ, отрогомъ Урала. Такимъ образомъ сложилось представленіе о «Урало-Карпатской грядѣ». Теперь уже доказано, что никакой подобной сплошной гряды не существуетъ, и Донецкій кряжъ отдѣляется какъ на В. отъ Пріуральской возвышенности (долиною нижняго Дона, Волги и глубокой впадиной Прикаспійской), такъ, повидимому, и на З.— Днѣпровской низменностью. Прикарпатская же возвышенность, въ составъ которой входятъ и возвышенности польскія, Сандомирскія горы, Люблинскія и проч., не имѣетъ никакой связи съ Карпатами, какъ это неоспоримо доказалъ Тилло.

При новомъ изданіи своей „гипсометрической карты *) въ нѣсколько большемъ масштабѣ онъ задался цѣлью соединить результаты изученія русской орографіи съ западно-европейскими гипсометрическими картами. При этомъ оказалось**), что въ орографическомъ, точно также какъ и въ геологическомъ отношеніи, отроги Карпатъ оканчиваются уже у р. Серетъ, притока Дуная, такъ что австрійскія провинціи: Галиція и Буковина съ этой точки зрѣнія лежатъ уже на русской территоріи; Львовъ, напр., расположенъ на такъ называемомъ Подольскомъ плато. Между тѣмъ въ русской географической литературѣ и въ учебникахъ „отроги Карпатъ“ все еще продолжаютъ фигурировать въ описаніи устройства поверхности Европейской Россіи.

Въ западной части Европейской Россіи Прибалтійская «возвышенность», на картѣ Тилло, уступила мѣсто «низменности», такъ какъ оказывается, что къ С. отъ западнаго отрога Среднерусской возвышенности абсолютная высота мѣстности, вплоть до берега Балтійскаго моря, ниже 80 и даже 60 саж., за исключеніемъ немногихъ частичныхъ возвышенностей: Мунна-Мегги 1,065 ф., Гайзингъ-Кальнъ 996 ф. и «Чертова гора» 848 ф. въ Лифляндіи, Эммо-Мегги 508 ф. въ Курляндіи и нѣсколько другихъ вершинъ до 450 ф. Группы этихъ возвышенно-

*) Гипсометрическая карта зап. части Евр. Россіи въ связи съ прилегающими частями Германіи, Австро-Венгріи и Румыніи“. 1895 года.

**) А. Тилло. „Проникаютъ-ли отроги Карпатъ въ предѣлы Европейской Россіи?“ (Изв. Импер. Акад. Наукъ 1893 г., апрѣль.

стей, по контрасту съ господствующимъ низменнымъ ландшафтомъ, образуютъ Венденскую (Ливонскую) и Курляндскую «Швейцарію».

Обратимся теперь къ Южной части Европейской Россіи, къ Крыму. Вся сѣверная и средняя часть этого полуострова представляетъ низменность, едва возвышающуюся надъ уровнемъ моря, а къ югу равномѣрно повышающуюся. У Перекопскаго перешейка эта низменность представляетъ скопленіе соленыхъ озеръ, отдѣлившихся отъ моря или находящихся въ связи съ нимъ; это по большей части мелководные бассейны, такъ называемые «Сиваши». У южнаго берега крутой обрывъ къ морю образуетъ мѣловой кряжъ — Яйлу, со многими вершинами въ нѣсколько тысячъ футовъ. Что касается высочайшихъ вершинъ, то и здѣсь новѣйшія изслѣдованія измѣнили прежнія воззрѣнія. Наивысшею точкою Яйлы считалась гора Чатыръ-Дагъ, вышина которой опредѣлялась неодинаково различными изслѣдователями: въ 4,900—5,136 ф. и новѣйшими данными установлена въ 5,002 ф. или 714,7 саж. Гора эта уступаетъ немного по высотѣ другой вершинѣ — Кемаль-Агерекъ (надъ Ай-Василемъ) — 715,7 саж. Въ самое послѣднее время однако же, при составленіи подробной одноверстной карты, оказалось, что въ хребтѣ есть еще большія вершины, именно Романъ-Кошъ въ 723 саж. (къ с.-з. отъ перевала «Гурзуфское Сѣдло»), Демиръ-Капу (тамъ же) 772 саж. и Зейтанъ-Кошъ—719 саж. (къ В. отъ Романъ-Коша) *).

Равнинный характеръ Европейской Россіи продолжается и дальше на востокъ, далеко за предѣлы Уральскаго хребта, въ Великой Сибирской низменности, переходящей на югѣ въ обширную Арало-Каспійскую впадину. Только на В. отъ Обь-Енисейскаго водораздѣла, въ Восточной Сибири и далѣе въ Пріамурскихъ областяхъ владѣнія Россіи пріобрѣтаютъ характеръ нагорной страны, изборожденной горными кряжами, а на югѣ рѣзко ограниченной окраинными хребтами величайшаго въ свѣтѣ центрально-азіатскаго нагорья. Такіе же краевые хребты ограничиваютъ и Туранскую низменность на В., тогда какъ съ юга здѣсь естественною гранью служитъ сѣверный склонъ Иранскаго плоскогорія.

Всѣ эти области въ орографическомъ отношеніи изучены пока еще слишкомъ недостаточно для составленія гипсометрической карты этой обширной площади суши, хотя бы такой предварительной, какою является у Тилло въ настоящее время вся восточная половина Европейской Россіи отъ нижняго теченія Волги и къ сѣверу отъ средняго. Отдѣльные районы, какъ, напримѣръ, Алтайскій и Саянскій горные округа, система Тянь-Шаня, Уссурійскій край и другіе, въ настоящее время изучены уже довольно подробно, но общій рельефъ поверхности Азіатской Россіи выяснится, вѣроятно, еще не такъ-то скоро, въ виду трудности, сопряженной съ изслѣдованіями Азіи.

Что касается выясненія общаго профиля Сибири, то въ этомъ отношеніи богатый матеріалъ представляютъ новѣйшія изысканія, произведенныя русскими инженерами и повсемѣстно продолжающіяся еще по линіи строющагося великаго Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути. Оказывается **), что Сибирь отъ Байкаль-

*) См. Анучинъ „Землевѣдѣніе“ 1895 г., кн. IV.
**) Маркграфъ: „Великая Сибирская Низменность, ея географическія особенности и ея

скаго озера наклонена въ 8 разъ круче на зап., къ Уралу, чѣмъ Сибирская низменность опускается къ Ледовитому океану, также и Восточная Сибирь въ общемъ имѣетъ большій уклонъ къ зап., къ Сибирской низменности, чѣмъ къ С.

Въ самой низменности, сообразно съ рельефомъ, можно различать три зоны (пояса), отличающіяся по физическимъ условіямъ и по характеру почвы: 1) холмистую, болѣе возвышенную на восточныхъ окраинахъ, въ которой уклонъ по направленію къ средней части низменности выраженъ очень ясно. Почва здѣсь преимущественно каменистая и, по всей вѣроятности, часть эта ранѣе другихъ поднялась изъ моря; 2) равнину, достаточно обсохшую, занимающую южную половину Сибирской низменности, и 3) заболоченную низину въ сѣверной, съуженной части низменности.

На протяженіи двухъ послѣднихъ зонъ еще ясны слѣды покрывавшаго ихъ въ предыдущую геологическую эпоху моря, и вся эта равнина имѣетъ ничтожный уклонъ къ С., гдѣ постепенно сливается съ горизонтомъ моря.

Нѣсколько словъ о геологіи Россіи.

Орографическій характеръ всякой страны находится въ прямой зависимости отъ ея геологическаго строенія, отъ дѣйствія текущихъ на поверхности водъ, размывающихъ толщу земной коры и наполняющихъ образовавшіяся углубленія новыми осадками, отъ дѣятельности воздушныхъ теченій и непосредственнаго вліянія атмосферы на горныя породы, а также и отъ всей совокупности вулканическихъ явленій. Рѣшительное преобладаніе равнинъ на территоріи Россійскаго государства находится въ несомнѣнной, прямой зависимости отъ спокойнаго, очень мало нарушеннаго расположенія слоевъ горныхъ породъ, залегающихъ здѣсь по большей части совершенно горизонтально. Ближе къ окраинамъ, гдѣ расположены высоты, окружающія внутреннюю равнину, слои выходятъ изъ горизонтальнаго положенія, но и здѣсь по большей части сохраняютъ взаимную параллельность, доказывающую медленное и постепенное образованіе горныхъ кряжей и отсутствіе большихъ катастрофъ и быстрыхъ геологическихъ переворотовъ. Въ этомъ отношеніи Европейская Россія составляетъ полную противоположность съ сосѣдней Западной Европой, гдѣ, наряду съ постоянными медленными геологическими дѣятелями, чуть не на каждомъ шагу встрѣчаются памятники частыхъ и сложныхъ геологическихъ переворотовъ.

Въ Европейской Россіи есть почти всѣ послѣдовательныя образованія въ исторіи жизни земли, какія установлены наукою для другихъ странъ, но особенность Россіи заключается въ томъ, что отдѣльные члены геологическихъ напластованій, обнажаясь на поверхности, обыкновенно занимаютъ значительныя площади, что также находится въ непосредственной связи съ горизонтальностью пластовъ. Вслѣдствіе той же горизонтальности и общей параллельности напластованій, слои различныхъ формацій обыкновенно прикрываютъ другъ друга и расположены въ правильномъ порядкѣ своего геологическаго возраста.

значеніе для хозяйства и заселенія страны". Докладъ въ засѣданіи Географ. Отдѣл. Общества Любителей Естествознанія. 13 апр. 1895 г. Москва.

Изученіе древнѣйшихъ слоевъ въ среднихъ областяхъ территоріи Россіи по этой причинѣ очень затруднительно, такъ какъ при общей равнинности здѣсь нѣтъ достаточно глубокихъ естественныхъ разрѣзовъ почвы. Обнаженіе первоначальныхъ, первозданныхъ слоевъ поэтому нужно искать на окраинахъ, гдѣ, судя по современному рельефу поверхности, произошло нарушеніе первоначальнаго порядка напластованія. Такъ оно и есть въ дѣйствительности: древнѣйшія геологическія формаціи—Лаврентьевская и Гуронская выходятъ на поверхность въ Финляндіи и отчасти въ предѣлахъ сосѣднихъ губерній, Олонецкой и Архангельской, на Уралѣ, на Кавказѣ и кромѣ того на югѣ Россіи, гдѣ первозданныя породы этихъ системъ (гнейсы и граниты, первобытные сланцы или шиферы), обнажены на поверхности благодаря размыву прикрывающихъ ихъ болѣе новыхъ слоевъ рѣками Днѣпромъ и Бугомъ. Есть полное основаніе предполагать, что такія же первозданныя горныя породы залегаютъ и на всемъ пространствѣ Россійской равнины, но прикрыты сверху цѣлымъ рядомъ послѣдующихъ напластованій; въ означенныхъ же мѣстахъ онѣ обнажены на поверхности, или потому что выдвинуты были на современную высоту подземными вулканическими силами, а прикрывающіе ихъ слои впослѣдствіи подвергнулись постепенному размыванію, или же поднятіе изъ волнъ морскихъ совершилось въ очень раннюю эпоху, когда еще не успѣли отложиться послѣдующія формаціи. Послѣднее въ значительной мѣрѣ примѣнимо къ Финляндскому гранитному плоскогорію и къ обнаженіямъ этихъ породъ на югѣ Россіи, первое же нужно отнести къ горамъ Кавказа и Урала.

Вся внутренняя площадь также не оставалась въ покоѣ въ продолженіи всѣхъ тѣхъ геологическихъ періодовъ, пока производилось отложеніе громадныхъ толщъ напластованій, которыя по теоріи прикрываютъ первозданныя формаціи и измѣряются многими тысячами метровъ въ глубину. Здѣсь также многократно происходили колебанія уровня на обширныхъ площадяхъ или же въ видѣ частичныхъ поднятій и опусканій, при чемъ безпрестанно происходили измѣненія въ распредѣленіи суши и морей и постоянно измѣнялось очертаніе береговъ. Почти каждый пунктъ площади земной поверхности, занятой въ настоящее время Россійской равниной, въ различныя геологическія эпохи представлялъ собою то дно глубоководнаго моря, то сушу, то мелководный лиманъ или озерный бассейнъ и сообразно этому здѣсь отлагались то типичные океаническіе осадки, каковы, напримѣръ, известняки, мѣлъ, глины и т. п., то пласты, свойственные мелководнымъ бассейнамъ и прибрежнымъ частямъ моря, какъ, напримѣръ, гравій и пески, то подвергался дѣйствію атмосферныхъ факторовъ и циркулирующихъ водъ, когда это мѣсто представляло собою сушу, а въ связи со всѣми этими перемѣнами измѣнялись, конечно, и климатическія условія данной мѣстности, появлялись тѣ или другіе представители растительнаго и животнаго міра. Кромѣ перечисленныхъ измѣненій на поверхности, къ которымъ наименованіе «переворотовъ» можетъ быть примѣнено только въ томъ смыслѣ, что они происходили на протяженіи не только многихъ вѣковъ, но тысячелѣтій, надо принять во вниманіе еще и настоящія геологическія катастрофы въ видѣ вулканическихъ изверженій, землетрясеній, быстрыхъ частичныхъ поднятій или опусканій.

По этому уже можно судить о тѣхъ трудностяхъ, которыя должны встрѣтиться при изученіи сложныхъ геологическихъ факторовъ, принимавшихъ участіе въ образованіи всѣхъ толщъ послѣдовательныхъ напластованій той части земной коры, которая въ настоящее время представляетъ территорію Европейской Россіи. Въ наукѣ однако же выработаны методы и принципы, на основаніи которыхъ можно съ достовѣрностью установить послѣдовательный порядокъ различныхъ слоевъ, т. е. ихъ, такъ сказать, геоло-

гическій возрастъ. Данными для этого служатъ ископаемые остатки организмовъ, заключающіеся въ изучаемыхъ слояхъ, взаимное расположеніе этихъ послѣднихъ и многіе другіе признаки. Хотя подобнаго рода геологическая лѣтопись *) земли далеко не полна, хотя большинство листковъ ея вырваны и не дошли до насъ, но даже и при современномъ состояніи изученія Россіи можно прослѣдить постепенный ходъ напластованія различныхъ формацій и разсмотрѣть условія, по которымъ тѣ или другіе слои оказались въ современную намъ эпоху на поверхности.

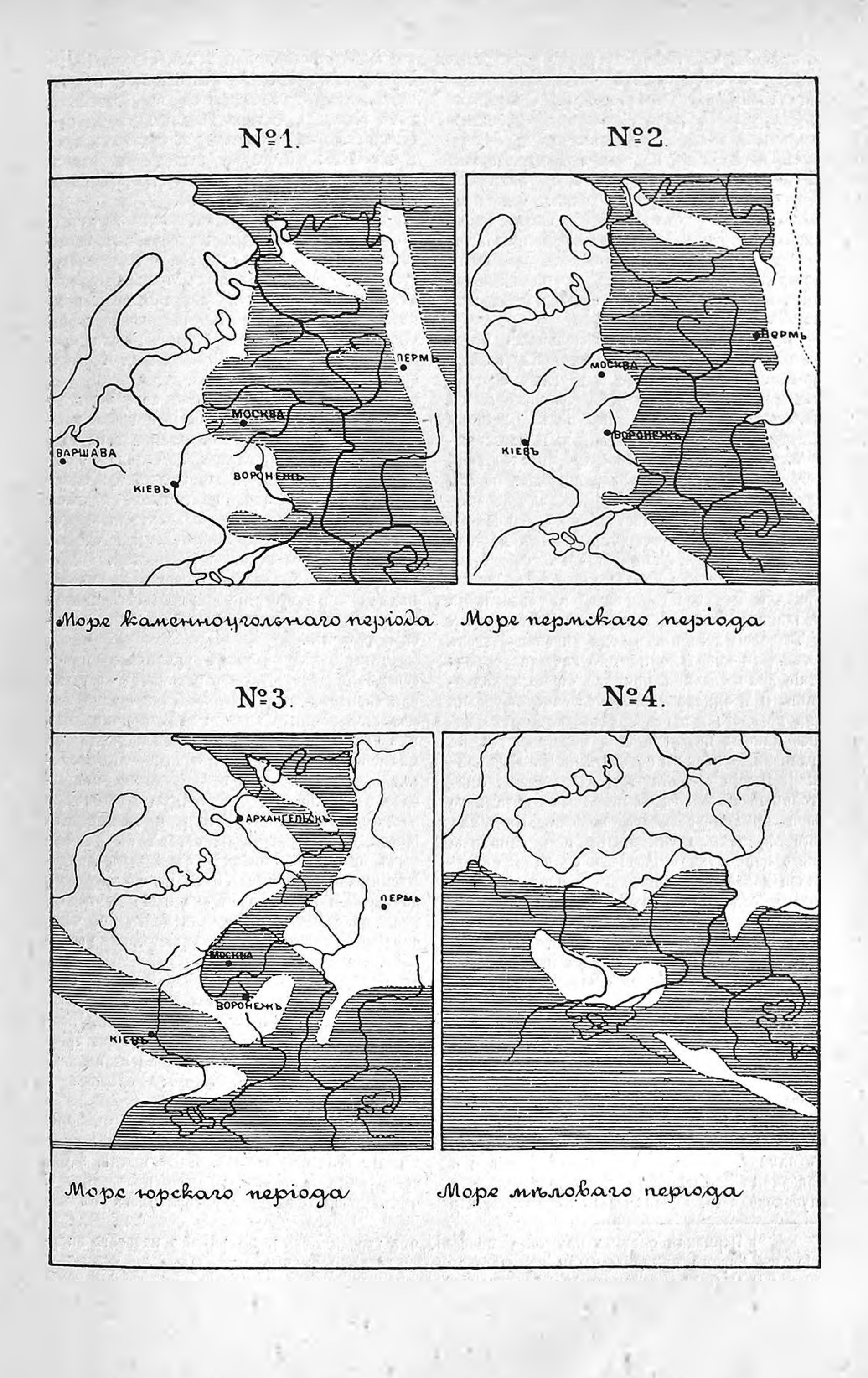
Въ періодъ *силурійскій* почти все пространство Европейской Россіи представляло безбрежный океанъ, изъ котораго въ видѣ острововъ подымались только гранитныя и гнейсовыя вершины нынѣшней Финляндіи на Сѣв.-Зап., а на югѣ значительною, хотя и не высокою полосою простирался гранитный кряжъ по направленію съ С.-З. черезъ нынѣшнія Волынскую, Кіевскую и Екатеринославскую губерніи. На востокѣ, изъ волнъ безбрежнаго океана, едва возвышались граниты и глинистые сланцы Тиманскаго и Уральскаго хребта. Отложенія силурійской формаціи поэтому существуютъ на всемъ пространствѣ силурійскаго моря, но обнаженія ихъ на поверхности въ настоящее время наблюдаются лишь на небольшихъ сравнительно площадяхъ, разбросанныхъ по окраинамъ: на сѣверо-западѣ, на югѣ и на востокѣ. Всѣ остальные осадки силурійскаго періода погребены подъ позднѣйшими отложеніями.

Къ наступленію новаго геологическаго періода — *девонскаго*—распространеніе суши и морей на пространствѣ Европейской Россіи оказывается уже въ значительной степени инымъ, чѣмъ въ предыдущую эпоху. Медленное возвышеніе дна приводитъ къ тому, что широко раскинувшееся силурійское море постепенно уменьшается, а вмѣстѣ съ тѣмъ прежде незначительныя площади суши увеличиваются на счетъ отступающаго моря.

Наслоенія девонской системы пользуются широкимъ распространеніемъ на поверхности Европейской Россіи: на с.-в. они обнажаются въ губерніяхъ Олонецкой, Новгородской, Петербургской, Псковской, въ Лифляндіи и Курляндіи, отсюда полоса поворачиваетъ на востокъ въ Витебскую и Смоленскую губерніи и далѣе въ губерніи Тамбовскую, Тульскую, Орловскую, Воронежскую и Рязанскую. Замѣчательно, что на однихъ и тѣхъ же мѣстахъ въ девонскихъ отложеніяхъ можно ясно различить нѣсколько ярусовъ, принадлежащихъ по составу горныхъ породъ то къ мелководнымъ осадкамъ, то къ отложеніямъ глубокаго моря. Такъ, на с.-з. Россіи нижній ярусъ образованъ красными и зелеными песчаниками, т. е. осадками мелкаго прибрежнаго моря, средній — глубоководными глинами и известняками, верхній — опять песчаниками. Очевидно, что здѣсь имѣли мѣсто неоднократныя опусканія и поднятія дна морскаго.

Въ началѣ слѣдующаго, *каменноугольнаго, періода* море, на территоріи Европейской Россіи, занимаетъ еще меньшую площадь, нежели въ предыдущую эпоху. Какъ видно на рис. № 1, изъ-подъ воды на З. поднялись обширныя пространства девонскихъ отложеній, а на востокѣ это море отдѣляется длинною, узкою полосою суши, на мѣстѣ нынѣшняго Уральскаго хребта, отъ безбрежнаго океана, покрывающаго Сибирскую и Туранскую равнины. Очертаніе береговъ моря, приведенное на этой карточкѣ, точно такъ же, какъ и на всѣхъ послѣдующихъ, имѣетъ лишь приблизительную точность. Несомнѣнно доказано, однако, существованіе въ эту эпоху на западномъ берегу двухъ заливовъ: широкаго на мѣстѣ нынѣшняго такъ называемаго *центральнаго московскаго каменноугольнаго бассейна*, въ губерніяхъ Московской, Тульской, Калужской, Рязанской, отчасти Владимірской, Ярославской и нѣкоторыхъ сосѣднихъ—и южнѣе другого, болѣе узкаго, тамъ гдѣ теперь находится Донецкая возвышенность. Доказывается это существованіемъ въ обозначенныхъ районахъ обширныхъ залежей каменнаго угля на поверхности или близко отъ нея подъ болѣе поздними наслоеніями. По характеру каменноугольныхъ залежей можно судить и о свойствахъ самыхъ бассейновъ, въ которыхъ происходили отложенія растительныхъ матеріаловъ. Въ центральномъ московскомъ бассейнѣ береговая линія ясно выражена отложеніемъ прибрежныхъ песковъ и песчаниковъ, среди которыхъ и заключены главныя залежи каменнаго угля. Но чѣмъ дальше къ В., тѣмъ напластованія все болѣе и болѣе пріобрѣтаютъ глубоководный характеръ: пески исчезаютъ, а на ихъ мѣсто появляются толщи известняковъ съ гораздо меньшимъ уже содержаніемъ угленосныхъ пластовъ. Существованіе двухъ ярусовъ: нижняго съ остатками мелководной фауны и верхняго съ глубоководной, показываетъ, что и здѣсь уровень дна не оставался постояннымъ и что происходило постепенно углубленіе моря въ этомъ заливѣ. Отложеніе угля почти исключительно въ береговой полосѣ и при томъ въ формѣ характерныхъ „гнѣздъ“, отсутствіе остатковъ древесныхъ стволовъ и многіе другіе признаки, указываютъ на то, что матеріаломъ для образованія угля здѣсь послужили почти исключительно морскія водоросли: фукусы и

*) Какъ говоритъ проф. Иностранцевъ.


№1.
№2.
ПЕРМЬ
МОСКВА
ВАРШАВА
КІЕВЪ
ВОРОНЕЖЪ
Море каменноугольнаго періода
ПЕРМЬ
МОСКВА
ВОРОНЕЖЪ
КІЕВЪ
Море пермскаго періода
№3.
№4.
АРХАНГЕЛЬСКЪ
ПЕРМЬ
МОСКВА
ВОРОНЕЖЪ
КІЕВЪ
Море юрскаго періода
Море мѣловаго періода

ляминаріи, образовавшія въ ту отдаленную эпоху въ прибрежныхъ частяхъ бассейна богатѣйшія подводныя преріи. Совершенно другія условія для образованія каменноугольныхъ залежей представлялъ другой заливъ, носящій въ настоящее время названіе *Донецкаго каменноугольнаго бассейна*. Повидимому, этотъ заливъ являлся большимъ лиманомъ, въ который рѣки, быть можетъ такія же гигантскія, какъ современная Амазонка, сносили массы остатковъ роскошной наземной флоры, которые и накоплялись неизмѣримыми залежами среди подводныхъ лѣсовъ водорослей.

Вотъ эти-то массы растительныхъ матеріаловъ и образовали богатѣйшія залежи превосходнаго антрацита и другихъ сортовъ каменнаго угля, который теперь извлекается на земную поверхность изъ-подъ пластовъ сланцеватыхъ глинъ, сланцевъ и известняковъ, отложившихся сверху впослѣдствіи, когда бассейнъ этотъ снова очутился на днѣ глубокаго моря. Подобнаго же рода отложенія угленосныхъ пластовъ, но только въ меньшихъ размѣрахъ, открыты въ настоящее время то въ видѣ отдѣльныхъ островковъ, то узкими полосами на склонахъ Урала и Тиманскаго кряжа, а также и на Валдайской возвышенности въ Новгородской и Тверской губерніяхъ, гдѣ, впрочемъ, уголь въ общемъ довольно плохого качества, вслѣдствіе значительной примѣси сѣрнаго колчедана. О неоднократныхъ колебаніяхъ уровня дна морского и здѣсь свидѣтельствуютъ мощные пласты известняковъ, налегающихъ на угленосные пески и песчаники. Въ Европейской Россіи существуютъ, однако, каменноугольные осадки и помимо вышеуказаннаго моря каменноугольнаго періода. Материкъ того времени, занимавшій всю западную часть центральной Россіи и съ запада омывался довольно обширнымъ моремъ, изъ котораго отложились угленосные пласты въ такъ называемомъ *силезскомъ каменноугольномъ бассейнѣ*. Часть этого моря изъ западной Европы заходила въ предѣлы Россіи, и въ юго-западной Польшѣ оставила наслѣдіе въ видѣ богатыхъ каменноугольныхъ залежей.

Какъ видно на рис. № 2, море слѣдующаго за каменноугольнымъ періодомъ—*пермскаго*, еще болѣе уменьшилось: заливъ московскаго бассейна почти совершенно исчезъ, Донецкій еще болѣе обмелѣлъ и съузился, а берегъ материка значительно передвинулся къ западу. Но въ бассейнѣ Волги, Урала и Сѣверной Двины море все еще сохраняетъ глубоководный, океаническій характеръ, что видно изъ состава пермскихъ отложеній, которыя слагаются преимущественно изъ известняковъ и обнажаются въ бассейнахъ рѣкъ Камы *), Сѣверной Двины и на пространствѣ между Ураломъ и среднимъ теченіемъ Волги. Небольшіе выходы пермскихъ отложеній существуютъ также на югѣ Россіи въ Донецкой возвышенности.

Пермскія отложенія содержатъ въ своихъ нѣдрахъ значительныя минеральныя богатства: мѣдныя руды въ Екатеринославской губерніи, мощныя залежи каменной соли около города Славянска и кромѣ того многочисленные соляные ключи около города Славянска и около Сольвычегодска, Солигалича, Соликамска (Вологодской, Костромской, Пермской губерній).

Значительная площадь въ сѣверо-восточной части Европейской Россіи покрыта мощными толщами чередующихся пластовъ мергеля, песчаника и глины, по большей части яркой окраски: красныхъ, желтыхъ, зеленоватыхъ. Осадки эти, получившіе названіе пестрыхъ рухляковъ, выходятъ на земную поверхность въ Архангельской, Вологодской, Тверской, Ярославской, Костромской, Нижегородской и Казанской губерніяхъ, въ западной части губерній Пермской, Уфимской и Оренбургской и въ большей части Самарской губерніи.

Такъ какъ въ этихъ рухлякахъ почти совершенно отсутствуютъ ископаемые остатки организмовъ, то геологическій возрастъ ихъ является сомнительнымъ: одни причисляютъ ихъ къ пермскимъ отложеніямъ, другіе къ наслоеніямъ слѣдующаго періода—*тріасоваго*. Море, отложившее эти рухляки, покрывало вѣроятно сѣверо-восточную и восточную часть Европейской Россіи и соединялось широкими проливами на сѣверѣ съ Ледовитымъ океаномъ, на югѣ съ моремъ Арало-Каспійской котловины. Судя по составу осадочныхъ напластованій, оно было мелководное, но существовало очень долго, о чемъ свидѣтельствуетъ значительная толщина осадковъ.

Кромѣ того въ Европейской Россіи есть несомнѣнно **) и тріасовыя напластованія: въ губерніяхъ Кѣлецкой и Радомской, осадившіяся изъ залива Германскаго моря тріасоваго періода и въ Киргизской степи, въ видѣ двухъ невысокихъ горъ: Большого и Малаго Богдо.

На рис. № 3 изображено распредѣленіе материковъ и морей въ *юрскій періодъ*, смѣнившій собою тріасовый. Какъ видно, здѣсь суша занимаетъ уже большее пространство, чѣмъ море. Послѣднее превратилось въ два

*) Пермская система получила названіе отъ города Перми, въ районѣ котораго впервые въ Европѣ найдены были напластованія пермской формаціи.

**) Судя по ископаемымъ остаткамъ организмовъ.

сравнительно узкихъ пролива, которые соединяли южное море (занимавшее Арало-Каспійскую котловину и впадину Чернаго моря) съ Ледовитымъ океаномъ и съ Западно-Европейскимъ бассейномъ.

Кромѣ многихъ полуостровов, обозначенныхъ на рисункѣ, изъ волнъ морскихъ подымался значительный островъ Тиманскаго кряжа и слегка начиналъ выдвигаться главный хребетъ Кавказа.

Вышеописанные проливы въ среднихъ своихъ частяхъ были не глубоки, на что указываетъ преобладаніе въ осадкахъ песковъ, особенно въ верхнихъ ярусахъ, но южнѣе море имѣло несомнѣнно глубоководный, океаническій характеръ и на днѣ его отложились мощныя толщи известняковъ, покрывающихъ теперь склоны Кавказа и Крымскихъ горъ.

Юрскія отложенія постепенно переходятъ во всей южной Россіи въ осадки *мѣловаго періода*. Море въ эту эпоху, какъ видно на рис. №4, занимаетъ весь югъ и отчасти средину Европейской Россіи и представляло обширный глубоководный океанъ, на днѣ котораго отлагались громадныя толщи бѣлаго пишущаго мѣла, обнажающагося въ настоящее время преимущественно къ долинахъ рѣкъ южной половины Россіи, какъ, напримѣръ, живописные утесистые берега по Волгѣ, Дону, Донцу, Деснѣ, Нѣману и др.

Вдоль сѣвернаго берега, гдѣ море было менѣе глубоко, отлагались пески, которые, особенно въ верхнихъ своихъ слояхъ, образовали цѣлые пласты, такъ называемыхъ *фосфоритовъ*. Происхожденіе этой горной породы очень интересно, такъ какъ, по общераспространенному мнѣнію, фосфориты представляютъ собою пески, сцементированные углекислою и фосфорнокислою известью, продуктами разложенія костей, раковинъ и другихъ остатковъ животныхъ организмовъ.

Безъ сомнѣнія, обширные пласты фосфорита, залегающіе подъ верхними слоями почвы въ губерніяхъ Смоленской, Курской, Орловской, Тамбовской, Воронежской, Нижегородской и нѣкоторыхъ другихъ, образовались въ ту отдаленную эпоху на отмеляхъ мѣловаго моря, на которомъ селились колоніями кораллы, губки, устрицы и др. морскія животныя.

Въ Крыму, точно такъ же, какъ и близъ сѣверной границы мѣловаго моря, подъ толщами бѣлаго мѣла, залегаютъ пласты рухляковъ и песковъ, что указываетъ на двукратное колебаніе уровня этой площади: очевидно, что послѣ отложенія здѣсь юрскихъ известняковъ, произошло сильное поднятіе (особенно въ Крыму) смѣнившееся въ эпоху мѣловаго моря опусканіемъ; въ настоящее же время на крымскихъ высотахъ мѣловые осадки, т. е. бывшее дно глубокаго мѣловаго моря, снова подняты на высоту 1000—1500 метровъ.

Бѣлый мѣлъ въ южной и средней Россіи по большей части прикрытъ осадками, которые по характеру ископаемыхъ остатковъ организмовъ должны быть причислены къ образованіямъ новѣйшихъ формацій: третичной и четвертичной. Море въ эту эпоху повидимому отодвинулось еще дальше къ югу и представляло часть необозримаго океана, простиравшагося отъ Пиринеевъ и Альпъ черезъ всю южную часть Европы и Переднюю Азію до Китая и Японіи. Доказательствомъ существованія этого океана служитъ залеганіе на пространствѣ всей этой обширной площади характерныхъ и въ высшей степени однообразныхъ, такъ называемыхъ нуммулитовыхъ известняковъ *). Такія отложенія наиболѣе полно выражены у насъ въ Крыму и на Кавказѣ **).

Конецъ третичной эпохи ознаменовался значительнымъ охлажденіемъ климата, и въ началѣ четвертичнаго періода большая часть Европейской Россіи представляла огромный ледникъ, въ родѣ современнаго гренландскаго, но значительно большихъ размѣровъ. Памятникомъ этого ледяного покрова служитъ въ настоящее время такъ называемый дилювій, рыхлый, то песчанный, то глинистый наносъ, изобилующій осколками горныхъ породъ несомнѣнно сѣвернаго происхожденія (изъ горъ Скандинавіи, Финляндіи, Олонецкой губ.) и между ними камней (валуновъ) такихъ размѣровъ, что допустить возможность передвиженія ихъ на столь значительное разстояніе текучими водами— нѣтъ никакой возможности. Ученые видятъ въ этихъ грудахъ каменныхъ обломковъ типичныя морены, которыя накопляются на днѣ и на краяхъ ледяныхъ пороговъ всѣхъ современныхъ ледниковъ. Судя по распространенію этихъ моренъ, а также по многимъ другимъ признакамъ, характеризующимъ передвиженіе ледяныхъ массъ по земной поверхности, можно слѣдующимъ образомъ обозначить границу ледника и нарисовать картину Европейской Россіи въ ту эпоху.

Вся сѣверная и средняя часть ея, отъ Ледовитаго океана до Херсонской губерніи, представляла полярную область, сплошь покрытую льдами, центромъ распространенія

*) Названныхъ такъ по встрѣчающимся во множествѣ среди нихъ раковинамъ корненожекъ, нуммулитовъ, похожихъ съ виду на монету (nummus).

**) Ихъ нѣтъ, однако, на главномъ кряжѣ, который (такъ же какъ и хребетъ Яйла въ Крыму) еще въ мѣловую эпоху поднялся изъ волнъ морскихъ.

которыхъ должно признать Скандинавскія горы и высоты Финляндіи. Ледяные потоки, двигаясь отсюда по направленію общаго уклона поверхности, въ своемъ неудержимомъ стремленіи сокрушали на пути всѣ преграды и далеко на Ю. и В. разносили обломки скандинавскихъ и финляндскихъ гранитныхъ скалъ. Но чѣмъ далѣе подвигались льды, тѣмъ болѣе подвергались они таянью подъ вліяніемъ сравнительно высокой температуры, и многочисленные, выбѣгающіе изъ-подъ этого гигантскаго ледяного покрова, ручьи и рѣчки выносили въ измельченномъ и переработанномъ видѣ тотъ матеріалъ, который получался изъ раздробленныхъ и перетертыхъ при движеніи ледника каменныхъ массъ. Вотъ эти-то отложенія и называются дилювіемъ (лессъ или бѣлоглазка), покрывающимъ болѣе древнія напластованія въ Европейской Россіи. Граница дилювія на Востокъ идетъ вдоль западнаго склона Тиманскаго хребта, до Нижегородской губерніи, гдѣ поворачиваетъ на Юго-Западъ и въ этомъ направленіи доходитъ до сѣверныхъ предѣловъ Херсонской губерніи, а затѣмъ, въ видѣ неправильной зигзагообразной линіи, уходитъ далеко въ предѣлы Западной Европы.

Долго-ли продолжалось это обледенѣніе Европы, сказать трудно, но во всякомъ случаѣ климатъ постепенно началъ смягчаться, а вмѣстѣ съ тѣмъ ледяной покровъ, подвергаясь въ лѣтніе мѣсяцы болѣе энергичному таянью, чѣмъ прежде, началъ отступать съ Ю. и съ В.

Образовавшаяся отъ этого таянья вода наполнила всѣ углубленія на поверхности, и образовалось множество озеръ, которыя постепенно стали сливаться въ рѣчныя системы, съ несущественными измѣненіями сохраняющія свое распредѣленіе и общее направленіе до настоящаго времени.

Какъ видно уже изъ примѣра ледниковаго періода, климатическія условія на территоріи нынѣшней Европейской Россіи не оставались неизмѣнными въ различные геологическіе періоды. Это же самое неоспоримо доказываетъ и изученіе ископаемыхъ остатковъ растеній и животныхъ, попадающихся въ напластованіяхъ различныхъ геологическихъ періодовъ. Общій характеръ этихъ древнѣйшихъ обитателей земли заставляетъ поставить ихъ на ряду съ современными формами тропическихъ странъ. Въ среднихъ широтахъ Россіи, напр., открываются остатки роскошныхъ тропическихъ пальмъ, саговыхъ деревьевъ, гигантскихъ древовидныхъ папоротниковъ, хвощей, плауновъ и другихъ первобытныхъ безцвѣтковыхъ растеній, которыя въ позднѣйшіе періоды постепенно исчезли и замѣнились современными травянистыми хвощами, папоротниками и т. д. Постепенно на смѣну первобытнымъ растеніямъ появляются виды, болѣе близкіе къ современнымъ. Уже въ мѣловую эпоху распространяются хвойныя растенія, первоначально также исключительно тропическіе виды, ·dіпн араукаріи, кипарисы, а въ третичную эпоху на ряду съ ними попадаются уже и двудольныя: лавры, фикусы, мирты и др. Но преобладали въ то время повидимому вѣчно зеленыя древесныя растенія съ кожистыми листьями (въ родѣ современныхъ австралійскихъ).

Вообще флора Россіи въ отдаленные періоды представляла большое сходство съ современною тропическою: юго-восточной Азіи, Австраліи, средней Америки. Уже въ третичную эпоху однако начинаютъ встрѣчаться и представители болѣе умѣреннаго климата, напр. дубъ, кленъ.

Соотвѣтственно этому и наземныя животныя представляли подобіе современныхъ тропическихъ формъ, напр., изъ отряда хоботныхъ: динотеріи и гигантскіе мастодонты, а позднѣе, уже въ ледниковую эпоху, появились мамонты и носороги. Интересно, что остатки гигантскихъ млекопитающихъ массами находятся въ настоящее время въ такихъ мѣстахъ, гдѣ при современныхъ физическихъ условіяхъ невозможно существованіе подобныхъ животныхъ, напр. на Новой Землѣ и на многихъ другихъ островахъ Ледовитаго океана открываются цѣлые замороженные мамонты и носороги; а кости ихъ представляютъ цѣлыя громадныя залежи.

Возвращаясь къ рельефу Европейской Россіи, послѣ обозрѣнія исторіи этой части земной поверхности, можно установить, что колебанія уровня менѣе всего касались сѣверо-западной части территоріи. Въ Финляндскомъ гранитномъ пло-

скогоріи можно видѣть древнѣйшую часть материка, который составлялъ нѣкогда, повидимому, одно цѣлое съ высотами Скандинавіи и Шотландіи. Позднѣе, въ предѣлахъ Европейской Россіи произошли опусканія, образующія въ настоящее время впадины Бѣлаго моря, Ботническаго и Финскаго залива, Ладожскаго и Онежскаго озера. Поверхность же самаго плоскогорія за все время своего существованія претерпѣла значительныя измѣненія, и современныя высоты этой области представляютъ жалкіе остатки высокихъ древнихъ хребтовъ.

Кромѣ того, геологи указываютъ на существованіе нѣкогда въ юго-западной части Европейской Россіи другого гранитнаго массива, въ томъ районѣ, гдѣ теперь обнажаются мѣстами первозданныя горныя породы (Волынская, Подольская, Екатеринославская губерніи). Часть этого массива впослѣдствіи также опустилась, и весь онъ подвергся размыву а отчасти прикрытъ позднѣйшими осадками.

Уральскій хребетъ и сѣверо-западный отрогъ его, Тиманскій кряжъ, замѣтно выдвинулся уже въ каменноугольный періодъ, но наиболѣе энергичное образованіе его происходило въ Пермскую эпоху, послѣ которой онъ уже не возвышался, а, наоборотъ, понижался вслѣдствіе размыва.

Образованіе Кавказскихъ и Крымскихъ горъ началось въ юрскій періодъ, но особенно энергичное поднятіе происходило въ новѣйшую, неогеновую эпоху; что касается Кавказа, то возможно, что поднятіе его продолжается и въ настоящее время.

Нельзя не упомянуть еще объ одномъ, складчатомъ кряжѣ, на который впервые указалъ акад. Карпинскій *), назвавшій его „Польско-Донецко-Мангышлакскимъ" кряжемъ. Основаніемъ для такого заключенія послужили ему признаки нарушенія пластовъ (дислокація), замѣчающіеся въ сѣверной части вышеупомянутаго юго-западнаго гранитнаго массива, и слѣды складокъ по линіи, идущей отъ восточнаго берега Каспійскаго моря (Мангышлакскаго полуострова) къ Донецкому кряжу и далѣе къ Кѣлецко-Сандомирскимъ горамъ. Образованіе этого зачаточнаго горнаго кряжа пріурочивается къ сравнительно недавнему времени, къ концу мѣловаго и къ третичному періоду, когда также происходилъ и усиленный горообразовательный процессъ въ системахъ Кавказа и Крыма. И какъ линія Кавказскаго хребта явилась продолженіемъ къ западу отъ Каспія (черезъ подводный порогъ, идущій поперекъ Каспійскаго моря отъ Калкана къ Апшеронскому полуострову) хребта Закаспійской области, Копетъ-Дага, такъ и вышеупомянутый зачаточный кряжъ является продолженіемъ въ Европѣ одного изъ развѣтвленій Тянь-Шаня (чрезъ линію хребтовъ Султанъ-Уизъ-Дага, Нура-Тау и Алая).

Что касается современныхъ возвышенностей въ средней части Европейской Россіи, точно такъ же какъ и гористаго характера Волыни, Подоліи и Галиціи (австрійской), то всѣ эти выпуклости по всей вѣроятности обязаны своимъ происхожденіемъ не горообразовательнымъ процессамъ, а размыву, прорѣзавшему болѣе или менѣе широкія и глубокія долины въ первоначальной плоской возвышенности и подраздѣлившему ее на рядъ водораздѣльныхъ высотъ.

Размытыми почти до основанія въ настоящее время являются и настоящіе складчатые хребты: Таманскій, Общій Сыртъ, Ергени.

---

*) „Общій характеръ колебаній земли въ предѣлахъ Европейской Россіи". Изв. И. Акад. Наукъ, 1894 г. № 1. Его же: „Очеркъ физико-географическихъ условій Евр. Россіи въ минувшіе геологическіе періоды" Прилож. къ LV т. записокъ, И. Ак. Н.

Климатъ Европейской Россіи.

Вслѣдствіе однообразія рельефа восточной Европы, отсутствія высокихъ горъ и плоскогорій, и климатъ *) Европейской Россіи, несмотря на громадное протяженіе ея по широтѣ, довольно однороденъ. Это однообразіе представляетъ главную особенность нашего климата: во всѣхъ частяхъ Европейской Россіи лѣтомъ бываютъ жары выше 30°, а зимой, за исключеніемъ небольшихъ районовъ на берегахъ Чернаго моря и на Кавказѣ, наблюдаются морозы ниже 30°. Такое странное на первый взглядъ явленіе объясняется тѣмъ, что вѣтры сѣверные и сѣверо-восточные не встрѣчаютъ никакихъ препятствій и свободно распространяются по всей территоріи къ западу отъ Уральскаго хребта. Съ другой стороны и теплота южныхъ частей Россіи безпрепятственно разносится дующими оттуда вѣтрами, и вліяніе ея обнаруживается до самыхъ береговъ Ледовитаго океана. Разность въ климатѣ отдѣльныхъ частей Европейской Россіи обнаруживается лишь во времени наступленія и въ продолжительности такихъ крайнихъ температуръ. На сѣверѣ жары явленіе непродолжительное и являются исключеніемъ въ сравненіи съ господствующими почти круглый годъ холодами, наоборотъ на югѣ—морозы непродолжительны.

На климатическихъ картахъ показано распредѣленіе среднихъ годовыхъ температуръ (изотермъ), зимнихъ (изохименъ) и лѣтнихъ (изотеръ). Линіи, нанесенныя на этихъ картахъ, соединяютъ мѣста съ равными температурами. По направленію изотермъ видно, что на всемъ пространствѣ Европейской Россіи въ общемъ замѣчается пониженіе среднихъ температуръ по направленію отъ З. къ В. Въ устьяхъ р. Таны, напр., подъ 71° с. шир., у береговъ Ледовитаго океана, наблюдается такая же средняя годовая температура (0°), какъ и въ устьяхъ р. Торнео, на сѣверномъ берегу Ботническаго залива, на 5° южнѣе; въ Архангельскѣ, въ Чердыни и въ Богословскомъ заводѣ на Уралѣ тоже, что подъ 59° с. шир. Точно также изотерма +2°, начинаясь въ сѣверной части Финляндіи по направленію къ В. все приближается къ Ю., проходитъ черезъ Онежское озеро, губерніи Вологодскую, Вятскую, Уфимскую и пересѣкаетъ Каму уже подъ 57° широты. Температура + 4° оказывается средней годовой въ столь различныхъ по географической широтѣ городахъ: Бьернеборгъ, Новгородъ, Тверь, Самара, Оренбургъ и т. д.

Еще болѣе уклоняются отъ своего нормальнаго направленія по параллельнымъ кругамъ **) зимнія изотермы. Изохимена—9°, начинаясь въ средней части Ботническаго залива, пересѣкаетъ Ладожское озеро къ В. отъ Петербурга и проходитъ черезъ города: Новгородъ, Калугу, Козловъ и Царицынъ, т. е. соединяетъ мѣстности, различающіяся по широтѣ на 15° (63°—48°). Точно также городъ Або въ Финляндіи, оказывается, имѣетъ одинаковую зимнюю температуру—6° съ г. Ростовомъ у устьевъ Дона.

---

*) Наиболѣе важные труды о климатѣ Европейской Россіи: Веселовскій. „О климатѣ Россіи“ (1857 г.), Воейковъ: „О среднихъ температурахъ въ Россіи“. (Изд. И. Р. Геогр. Общ. 1871 г., т. V, № 1), акад. Вильдъ: „О температурахъ воздуха Россійской Имперіи“. (1877—1888 гг. 2 т.): Его же: „Объ осадкахъ въ Россійской Имперіи“ и множество другихъ статей его и Воейкова о влажности, о снѣговомъ покровѣ, объ облачности и др. Наконецъ въ недавнее сравнительно время (1892 г.) вышелъ капитальный трудъ А. Тилло: „О распредѣленіи атмосфернаго давленія надъ Европейской Россіей и Азіатскимъ материкомъ“.

**) Такъ какъ на землѣ единственнымъ источникомъ теплоты служитъ солнце, то температура каждаго мѣста должна опредѣляться степенью нагрѣванія, которое сообщаютъ солнечные лучи, достигая земной поверхности подъ разными углами наклоненія. Чѣмъ больше направленіе лучей приближается къ вертикальному (каково зенитное положеніе солнца въ тропическихъ странахъ), тѣмъ сильнѣе нагрѣваніе и наоборотъ. А

Такое направленіе годовыхъ и зимнихъ изотермъ указываетъ на существованіе какихъ-то согрѣвающихъ причинъ на западѣ, или охлаждающихъ на востокѣ, или же и тѣхъ и другихъ вмѣстѣ. Дѣйствительно, западныя части Европейской Россіи круглый годъ обвѣваются теплыми вѣтрами, дующими съ тѣхъ частей Атлантическаго и Ледовитаго океановъ, гдѣ проходитъ широкая струя гольфштрема, да и находящіяся по сосѣдству моря: Балтійское, Нѣмецкое, Бѣлое, наконецъ, обширныя пространства внутреннихъ бассейновъ, озеръ Ладожскаго, Онежскаго, Сайма и др. несомнѣнно оказываютъ умѣряющее дѣйствіе на зимніе холода во всей сѣверо-западной части территоріи Европейской Россіи. Наоборотъ, съ востока находятся необъятныя пространства сѣверной и средней Азіи, гдѣ температура зимой очень сильно понижается. Извѣстно, что около Якутска морозы доходятъ до—62°, въ Верхоянскѣ до—63,2°. А между тѣмъ противъ леденящихъ восточныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтровъ природой поставлена только одна, сравнительно ничтожная преграда на границѣ Европейской Россіи—это Уральскій хребетъ: до этой естественной стѣны и далѣе къ З. отъ нея вѣтры свободно разгуливаютъ и на всемъ своемъ пути понижаютъ температуру. Вѣтры же съ Ледовитаго океана не встрѣчаютъ совершенно никакой преграды и даже на берегахъ Чернаго моря даютъ себя чувствовать морозами, достигающими иногда 30° въ Николаевѣ, 26° въ Одессѣ и даже въ Крыму и на Кавказѣ 20—25°—(26,1° въ Новороссійскѣ,—21,1° въ Севастополѣ).

Если теперь обратимъ вниманіе на лѣтнія изотермическія линіи—изотеры, то направленіе ихъ оказывается уже инымъ: съ З. на В. онѣ въ общемъ приближаются къ сѣверу, а не къ югу, какъ изотермы и изохимены. Такъ, средняя температура лѣта оказывается одинаковою (+16°) въ г. Великіе Луки (Псковской губ.) и въ Чердыни (въ сѣверной части Пермской губ.), въ Житомірѣ, Москвѣ и около Перми (+ 18°), въ Батумѣ (Закавказье) и въ Уральской области у Индерскаго озера (+23°).

Метеорологическія таблицы *) показываютъ, что лѣтніе жары очень мало зависятъ отъ географической широты: наивысшая средняя температура лѣта оказывается въ юго-восточной части Евр. Россіи, въ Астрахани 36,2°, наименьшая—въ сѣверо-западной части, въ Финляндіи, гдѣ температура рѣдко превышаетъ 27°. Такъ показываетъ средній выводъ изъ многолѣтнихъ наблюденій. Между тѣмъ въ исключительные годы во многихъ другихъ пунктахъ Европейской Россіи наблюдались температуры выше 40°. Такъ, въ Сарептѣ жары доходятъ иногда до 41,2°, близъ устьевъ Донца до 43° и даже на берегахъ Печерской губы однажды на-

---

такъ какъ уголъ, подъ которымъ падаютъ солнечные лучи, соотвѣтствуетъ географической широтѣ каждаго мѣста, то понятно, что изотермическія линіи должны совпадать съ направленіемъ параллельныхъ круговъ градусной сѣтки. Всякое отклоненіе отъ такого направленія зависитъ отъ какихъ-либо физико-географическихъ причинъ, дѣйствующихъ охлаждающимъ или согрѣвающимъ образомъ въ данномъ мѣстѣ. Изъ такихъ причинъ наибольшее значеніе имѣетъ рельефъ поверхности, а также вѣтры и морскія теченія въ данномъ районѣ.

*) „Лѣтописи Главной Физической Обсерваторіи", сводъ и обработка всѣхъ метеорологическихъ наблюденій на пространствѣ Европейской и Азіатской Россіи, а также и нѣкоторыхъ сопредѣльныхъ странъ (Персія, Монголія, Японія).

блюдалась температура въ 44° *). Вообще жары болѣе 30° наблюдаются почти что на всѣмъ пространствѣ Европейской Россіи въ самое жаркое время года. Что же касается низкихъ температуръ, то въ среднемъ выводѣ морозы болѣе 40° встрѣчаются только на крайнемъ сѣверо-востокѣ, но до—30° температура можетъ понижаться почти что повсемѣстно, даже на крайнихъ южныхъ предѣлахъ: въ Крыму и въ Закавказьи, какъ мы видѣли, бываютъ морозы до—26°.

Изъ приведеннаго уже ясно, что разница между крайними низкими и высокими температурами въ Европейской Россіи велика. Наибольшей величины эта разница достигаетъ на востокѣ (83,7° въ Богословскѣ, 81,3° въ Оренбургѣ и т. д.), наименьшей на З.—(49°) и въ Закавказьи (Поти—48,8°), что вполнѣ объясняется близостью морей съ одной стороны и сосѣдствомъ Азіи съ другой. Даже средняя разница между зимними морозами и лѣтними жарами достигаетъ въ западномъ районѣ Европейской Россіи 50° и больше (наименьшая въ Виндавѣ 48,9°), а на В. около 75° (Богословскъ 74,6°, Оренбургъ 68,8°). Вообще наибольшія жары встрѣчаются въ юго-восточной части Европейской Россіи, а наиболѣе низкая температура лѣтомъ господствуетъ въ сѣверо-западной части ея. Самые легкіе морозы бываютъ, кромѣ Кавказа, на юго-западныхъ окраинахъ, а самые свирѣпые—на сѣверо-востокѣ.

Разсмотримъ еще измѣненія температуры въ продолженіи сутокъ — такъ называемый суточный ходъ температуры, что имѣетъ огромное значеніе не только въ сельскомъ хозяйствѣ, но и для здоровья человѣка. Выводъ изъ многолѣтнихъ наблюденій показываетъ, что и въ суточный періодъ колебанія температуры весьма значительны. Здѣсь также, какъ и въ разсмотрѣнномъ нами годовомъ ходѣ температуры, наибольшія колебанія наблюдаются въ восточныхъ частяхъ Европейской Россіи, наименьшія въ западныхъ. Наибольшее значеніе въ этомъ отношеніи имѣетъ близость или отдаленность значительныхъ водныхъ бассейновъ: около морей Балтійскаго, Чернаго, Бѣлаго и Каспійскаго колебанія эти гораздо меньше, чѣмъ въ мѣстностяхъ, расположенныхъ среди обширныхъ пространствъ суши. Наибольшія колебанія температуры замѣчаются въ жаркое время, въ іюлѣ мѣсяцѣ, отъ 6° на З. и С. Европейской Россіи, до 12° на Ю.-В., а еще дальше къ В. достигаетъ даже 16° (Нукусъ на Аму-Дарьѣ); въ зимніе мѣсяцы колебанія гораздо меньше и измѣряются лишь 2—3°. Степень колебанія суточной температуры находится также въ большой зависимости и отъ общаго состоянія погоды. Въ дни пасмурные, напр., колебанія эти меньше, а въ ясные—больше. Это понятно, если принять въ соображеніе, что въ ясную погоду земля сильнѣе нагрѣвается солнечными лучами, а послѣ заката сильнѣе охлаждается вслѣдствіе лучеиспусканія, тогда какъ тучи или туманъ оказываютъ препятствіе какъ нагрѣванію солнцемъ, такъ и охлажденію, окутывая землю какъ бы одѣяломъ.

На всемъ пространствѣ Европейской Россіи наивысшая температура обыкновенно наступаетъ послѣ полудня, черезъ 1—2 часа послѣ самаго высокаго положенія солнца на небосклонѣ, а самая низкая—около восхода солнца: зимою нѣсколько ранѣе его, а лѣтомъ немного позже.

Какъ уже выше указано, среднія температуры различныхъ частей Европейской Россіи, несмотря на громадное ея протяженіе по широтѣ и долготѣ, не особенно сильно разнятся между собою. Однако, что касается времени наступленія лѣтняго тепла и зимнихъ холодовъ, точно также какъ и продолжительности ихъ, наблюдается громадная разница между сѣверными и южными, западными и восточными областями Европейской Россіи. Весеннее пробужденіе природы послѣ зимы начинается раньше всего въ юго-западныхъ частяхъ Россіи у береговъ Чернаго моря и у подножія Карпатъ.

---

*) 27-го іюня 1866 г. см. Сидоровъ: „Извѣст. И. Р. Геогр. Общ.", т. II, № 7.

Здѣсь уже въ срединѣ марта совершенно прекращаются ночные заморозки, еще въ февралѣ дни бываютъ настолько теплыми, что рѣки начинаютъ вскрываться. На среднемъ теченіи Днѣстра (у Могилева) ледъ взламывается уже 19 февраля, а дня черезъ четыре вскрывается и Висла около Варшавы. Но чѣмъ дальше къ востоку—весна все болѣе и болѣе запаздываетъ: Днѣпръ у своего устья вскрывается лишь 1 марта, а Донъ у Ростова только 9 марта, т. е. на $2^1/_2$ недѣли позже, чѣмъ Днѣстръ въ болѣе сѣверныхъ широтахъ. Въ половинѣ марта послѣдовательно вскрываются притоки Днѣпра и Вислы, Нѣманъ, верхняя Ока, притоки Дона и нѣкоторыя рѣки верхневолжскаго бассейна (Цна), а въ концѣ мѣсяца Западная Двина и Нева, въ апрѣлѣ Кама и большинство другихъ притоковъ Волги, верхнее и среднее теченіе Сѣверной Двины. Наконецъ, Печера освобождается отъ льда только къ 25 мая. Съ другой стороны, Волга, подъ вліяніемъ теплыхъ вѣтровъ изъ Закаспійской области и Ирана, у устьевъ своихъ вскрывается уже 4 марта. Весенняя теплота, слѣдовательно, идетъ съ Ю.-З. на С.-В., отъ Карпатскихъ горъ до Печерской губы въ продолженіе трехъ съ лишнимъ мѣсяцевъ. Въ то время, какъ на юго-западныхъ окраинахъ морозы прекращаются уже въ срединѣ марта, въ Архангельскѣ, Кеми, Екатеринбургѣ, Златоустѣ, въ бассейнѣ Печеры еще въ полной силѣ продолжаются морозы, и настоящая весна наступаетъ здѣсь лишь въ среднихъ и послѣднихъ числахъ мая. Даже въ Юрьевѣ, Москвѣ, Казани ночные заморозки продолжаются до средины апрѣля. Послѣдніе весенніе морозы вообще прекращаются на сѣверныхъ берегахъ Чернаго моря въ срединѣ марта, на широтѣ 55°—въ срединѣ апрѣля, на широтѣ 60° и на южномъ Уралѣ—въ началѣ мая, а на сѣверныхъ берегахъ Европейской Россіи и на сѣверномъ Уралѣ только въ серединѣ и даже въ концѣ мая. Въ сѣверо-западной части Азіи въ каждомъ году еще и въ началѣ іюня температура часто спускается ниже нуля. Наоборотъ, на Кавказѣ, къ юго-западу отъ главнаго хребта, дни совершенно безъ оттепели бываютъ не каждый годъ. Въ Поти, напр., за четырехлѣтіе 1876—1879 г. ни разу не наблюдалось, чтобы температура цѣлый день оставалась ниже нуля. Въ Тифлисѣ также случаются годы, когда ни одного дня не бываетъ безъ оттепели. Далѣе къ С. отъ Кавказскаго хребта и сѣверныхъ береговъ Чернаго моря дни съ морозами безъ оттепели бываютъ каждый годъ безъ исключенія и не прекращаются раньше первыхъ чиселъ марта. Къ С. отъ 50° они бываютъ еще около 20 марта, на широтѣ 55°—въ началѣ апрѣля, а между 60° и 65° — даже въ маѣ.

Почти также неравномѣрно наступаютъ и самые жаркіе лѣтніе дни: у береговъ Балтійскаго моря наивысшая температура бываетъ уже въ срединѣ іюня, къ В. отъ Петербурга только послѣ 10 іюля, въ юго-восточныхъ губерніяхъ—въ концѣ іюля, а на сѣверо-восточномъ берегу Чернаго моря самые жаркіе дни наступаютъ только въ началѣ августа.

Спустя $2^1/_2$—$3^1/_2$ мѣсяца послѣ наивысшей температуры, наступаютъ первые морозы, которые, однако, сначала не продолжаются цѣлыя сутки. Раньше всего морозы начинаются въ сѣверной части Азіи въ началѣ сентября и даже раньше, откуда они затѣмъ распространяются къ Ю. и нѣсколько медленнѣе къ Ю.-З. Въ теченіе одного мѣсяца первые морозы переходятъ отъ Урала въ Польшу, а еще черезъ мѣсяцъ достигаютъ береговъ Чернаго и Каспійскаго морей и восточныхъ береговъ Балтійскаго моря. Горы и моря представляютъ распространенію низкой температуры значительныя препятствія, и поэтому первый морозъ, который бываетъ въ Ставрополѣ 11 октября, наступаетъ въ Тифлисѣ 2 ноября, а въ Поти—не наблюдается никогда раньше 1 января.

Первые морозы, продолжающіеся цѣлыя сутки, т. е. первые дни безъ оттепели, повсемѣстно наступаютъ приблизительно черезъ мѣсяцъ послѣ перваго мороза. Около Урала такіе холода начинаются уже послѣ 1 октября, откуда они затѣмъ передвигаются по направленію къ Ю.-З. Въ срединѣ ноября они наступаютъ уже во всей Россіи, за исключеніемъ восточныхъ береговъ Чернаго моря и мѣстностей къ югу отъ Кавказскаго хребта.

Порядокъ осенняго замерзанія рѣкъ Европейской Россіи совершенно обратенъ тому, который указанъ раньше для вскрытія ихъ: первыми покрываются льдомъ рѣки крайняго С.-В., послѣдними—системы юго-западныя. Къ 1 октября обыкновенно уже становится Печера около Пустозерска, а къ 15 октября весь ея бассейнъ; къ 21 октября замерзаютъ Колва и Инва, притоки Камы, а за ними слѣдуютъ Чусовая съ Сильвою. Въ бассейнѣ Бѣлаго моря замерзаніе начинается около 28 октября, а къ 8 ноября уже всѣ водоемы системы Сѣверной Двины, Онеги, Мезени и др. покрыты льдомъ. Въ бассейнѣ Балтійскаго моря рѣки замерзаютъ между 2 и 8 ноября, въ бассейнахъ Чернаго и Азовскаго морей нормальный срокъ замерзанія рѣкъ продолжается съ 19 ноября по 14 декабря. Что касается Волги, то для замерзанія такой обширной рѣчной системы требуется около двухъ мѣсяцевъ, съ 20 октября по 10 декабря.

Изъ этого обзора видно, что на всемъ пространствѣ Европейской Россіи замерзаніе происходитъ въ общемъ скорѣе, чѣмъ вскрытіе, и продолжается въ среднемъ 55 дней (тогда какъ для вскрытія требуется 88 дней).

Наименьшая температура въ Европейской Россіи почти вездѣ приходится на начало января мѣсяца, за исключеніемъ береговъ Чернаго моря, на которыхъ наибольшіе холода бываютъ въ концѣ этого мѣсяца или даже въ первыхъ числахъ февраля. Также и на берегахъ другихъ морей: Балтійскаго, Бѣлаго, Каспійскаго, крайнее пониженіе температуры нѣсколько запаздываетъ сравнительно съ мѣстами внутри материка, а въ особенности на сѣверныхъ склонахъ Урала.

Чтобы покончить съ распредѣленіемъ температуръ на пространствѣ Европейской Россіи, упомянемъ еще о такъ называемыхъ весеннихъ возвратныхъ холодахъ. Многолѣтнія наблюденія показываютъ, что во всей почти Европѣ, за исключеніемъ южныхъ ея полуострововъ и Британскихъ острововъ, каждый годъ въ то время, когда уже весеннее пробужденіе природы въ полномъ ходу и растительность начинаетъ развиваться, на короткое время температура снова понижается довольно значительно. Въ Германіи и Швеціи такой весенній возвратъ холода наблюдается регулярно около начала мая, именно: 30 апрѣля, 1 и 2 мая *), а во Франціи обыкновенно немного позже. Появляясь первоначально въ сѣверо-западной части Европы, они равномѣрно распространяются къ В. и къ Ю. и около 2—4 мая замѣчаются уже на восточныхъ берегахъ Балтійскаго моря. Въ Петербургѣ, напр., сильное пониженіе температуры регулярно замѣчается около 6—7 мая, въ Москвѣ—около 8 числа того же мѣсяца и тогда же въ Архангельскѣ. Такое же пониженіе температуры, но только наступающее не особенно правильно, замѣчается и во всѣхъ юго-западныхъ губерніяхъ въ первыхъ числахъ мая. Между 8 и 12 числомъ этого мѣсяца въ Россіи наблюдается второй возвратъ холода, особенно ощутительный въ Сибири и въ восточныхъ губерніяхъ, но замѣтный и во всемъ западномъ краѣ **).

Кромѣ майскихъ возвратовъ холода народъ подмѣтилъ отклоненіе отъ нормальнаго хода температуры въ никольскихъ, афанасьевскихъ и срѣтенскихъ морозахъ и въ петровскихъ жарахъ.

Для сужденія объ общемъ ходѣ и степени зимняго охлажденія важный матеріалъ представляетъ изученіе періодовъ, площадей и степени замерзанія морскихъ бассейновъ, расположенныхъ на сѣверныхъ, сѣверо-западныхъ, южныхъ и юго-восточныхъ окраинахъ Европейской Россіи. Но, къ сожалѣнію, данныя по этимъ вопросамъ еще не достаточно полны, чтобы сдѣлать какіе-либо общіе выводы. Извѣстно только, что все Азов-

*) По новому стилю: 11, 12 и 13 мая, въ дни св. Мамерція, Панкратія и Серватія, которыхъ народъ во Франціи называетъ: „les trois saints de glace", а въ Германіи: „die drei Eismänner" или „die gestrengen Herren des Mai".

**) Возвратные холода въ Европѣ удовлетворительно объясняются извѣстнаго рода смѣною вѣтровъ, зависящею отъ періодическаго прохожденія въ это время антициклоновъ (центровъ высокаго барометрическаго давленія, вокругъ которыхъ происходитъ правильная смѣна воздушныхъ токовъ по направленію движенія часовой стрѣлки, см. дальше), но несомнѣнно, что и массовое таянье снѣговъ, происходящее въ это время на обширныхъ пространствахъ сѣверо-восточной Россіи, оказываетъ охлаждающее вліяніе на всю Европу, подобно тому, какъ понижается температура воздуха въ комнатѣ, если въ ней стоитъ, напр., ведро съ тающимъ снѣгомъ или льдомъ.

ское и часть Чернаго моря у сѣверныхъ береговъ каждый годъ покрываются льдомъ, что черезъ Финскій, а въ исключительные годы и черезъ Ботническій *) заливы зимою устанавливается санный путь. Въ то же время у Мурманскаго берега и даже въ Карскомъ морѣ и у сѣверныхъ береговъ Новой Земли море часто всю зиму остается свободнымъ ото льда, очевидно, подъ вліяніемъ теплаго теченія гольфштрема и его второстепенныхъ развѣтвленій, проникающихъ въ Сѣверный Ледовитый океанъ. Но и здѣсь бываютъ исключенія, такъ, напр., въ 1866 г. въ устьѣ р. Почеры ледъ стоялъ до 27 іюля.

Въ заключеніе упомянемъ еще о распредѣленіи температуры въ поверхностныхъ слояхъ почвы на пространствѣ Россійскаго государства, хотя здѣсь необходимо оговориться, что наблюденія такого рода пока еще не достаточны для какихъ-либо общихъ выводовъ.

На основаніи различныхъ случайныхъ наблюденій, на сѣверныхъ окраинахъ Россіи, какъ Азіатской, такъ и Европейской, уже въ концѣ прошлаго столѣтія предполагали на глубинѣ нѣсколькихъ футовъ сплошной слой никогда не оттаивающей почвы, такъ называемой мерзлоты. Палласъ въ 1771 г. открылъ такой слой въ сѣверной Сибири на разстояніи 3 фут. отъ поверхности. Подобныя же наблюденія сдѣланы были впослѣдствіи академиками Шренкомъ (въ г. Мезени) и Миддендорфомъ (въ различныхъ частяхъ Сибири). Изъ позднѣйшихъ наблюденій можно заключить, что въ тундрахъ почти вездѣ существуетъ мерзлота, которая у Якутска, напр., не прекращается еще на глубинѣ 600 фут., а лѣтомъ пропадаетъ на болѣе или менѣе незначительную глубину, въ среднемъ на ½ аршина отъ поверхности. Мерзлота, повидимому, исчезаетъ въ теплое время года только тамъ, гдѣ условія рельефа поверхности допускаютъ скорый стокъ весеннихъ водъ, или гдѣ твердыя каменныя породы, залегающія недалеко отъ поверхности, полагаютъ предѣлъ обильному просачиванію воды далеко вглубь, какъ, напр., на Кольскомъ полуостровѣ.

Въ другихъ частяхъ Европейской Россіи почва промерзаетъ зимою на незначительную сравнительно глубину, которая тѣмъ меньше, чѣмъ обильнѣе бываетъ снѣговой покровъ. Наилучшими условіями, способствующими сохраненію теплоты въ почвѣ **), должно признать такія, когда снѣгъ рано ***) покрываетъ землю толстымъ слоемъ, и если этотъ покровъ остается до наступленія настоящей весны, когда уже прекращаются заморозки. Однако же состояніе температуры почвы зависитъ отъ чрезвычайно многихъ условій: отъ свойства и состава почвы, отъ рельефа поверхности, отъ общаго состоянія погоды и т. д.

Степень температуры, точно такъ же какъ и влажности, количество атмосферныхъ осадковъ и распредѣленіе ихъ по времени въ каждомъ данномъ мѣстѣ находится въ большой зависимости отъ вѣтровъ. Въ Европейской Россіи вѣтры съ Ю., съ З. и съ Ю.-З. обыкновенно приносятъ тепло и влажность съ Атлантическаго океана и съ пересѣкающаго его теплаго теченія Гольфштрема и со стороны Чернаго моря. Наоборотъ, вѣтры восточные и сѣверо-восточные приносятъ изъ Сибири холодъ и сухость.

По современному ученію метеорологовъ, вѣтры непосредственно зависятъ отъ распредѣленія атмосфернаго давленія въ извѣстномъ районѣ, которое опредѣляется барометромъ. Въ нашихъ широтахъ распредѣлителями погоды: ясной или пасмурной, теплой или холодной — являются циклоны или антициклоны.

Считаемъ не лишнимъ вкратцѣ объяснить здѣсь значеніе этихъ метеорологическихъ терминовъ. Циклономъ называется такое состояніе атмосферы, когда плотность воздуха надъ какою-нибудь частью земной поверхности распредѣляется въ значительной степени неравномѣрно: въ центрѣ такого района барометръ показываетъ наименьшее давленіе, а во всѣ стороны отъ центральнаго пункта плотность воздуха все увеличивается. При такомъ распредѣленіи атмосфернаго давленія, вокругъ центра всегда на-

---

*) Извѣстно, что въ 1809 г. ледъ на Ботническомъ заливѣ былъ настолько крѣпокъ, что Барклай-де-Толли перешелъ на шведскій берегъ съ войскомъ, обозами и тяжелой артиллеріей.

**) Что, какъ увидимъ дальше, имѣетъ громадное значеніе для географическаго распространенія различныхъ растеній и въ частности для возможности посѣва озимыхъ хлѣбовъ.

***) До наступленія значительныхъ морозовъ.

блюдаются сильные, вихреобразные вѣтры, которые безпрестанно измѣняютъ свое направленіе въ порядкѣ, обратномъ движенію часовой стрѣлки. Такимъ образомъ, въ южной части района, надъ которымъ стоитъ циклонъ, дуютъ западные вѣтры, въ восточной части—южные, въ сѣверной—восточные, а въ западной—сѣверные. Понятно, что всѣ эти вѣтры приносятъ температуру и степень влажности того мѣста, съ котораго они дуютъ. Поэтому въ Европейской Россіи въ сѣверной и въ сѣверо-западной части циклона господствуетъ низшая температура и относительная сухость воздуха, въ южной же и юго-восточной — высокая температура и значительное количество водяныхъ паровъ въ атмосферѣ. Самый циклонъ обыкновенно перемѣщается съ одного мѣста на другое съ большею или меньшею скоростью и на всемъ своемъ пути приноситъ вышеуказанное распредѣленіе температуры и влажности. Если атмосферное давленіе распредѣляется въ извѣстномъ районѣ въ обратномъ порядкѣ, т. е. въ центрѣ наблюдается наибольшее давленіе, а по всѣмъ направленіямъ отъ него все больше и больше уменьшается, то такое состояніе называется антициклономъ. На всей площади, занятой антициклономъ, наблюдается такая же правильная смѣна вѣтровъ вокругъ центра, но только въ обратномъ направленіи: порядокъ измѣненія направленія вѣтровъ въ этомъ случаѣ совпадаетъ съ движеніемъ часовой стрѣлки. Очевидно, что и здѣсь вѣтры приносятъ съ собой температуру и степень влажности того мѣста, откуда они дуютъ. Пути циклоновъ и антициклоновъ несомнѣнно имѣютъ громадное значеніе для состоянія погоды въ Россіи. Хотя вопросъ о направленіи этихъ путей еще недостаточно изслѣдованъ, но уже и теперь можно сказать, что большая часть циклоновъ проходитъ въ Европейской Россіи съ З. и С.-З., т. е. съ Атлантическаго океана черезъ Западную Европу или черезъ Скандинавскій полуостровъ. Циклоны поэтому всегда приносятъ съ собою пасмурную погоду: лѣтомъ — дожди, а зимою — снѣжныя метели. Зимою на пути циклона температура всегда повышается, а лѣтомъ—понижается.

Антициклоны, наоборотъ, приходятъ въ Восточную Европу преимущественно съ В., т. е. изъ Сибири или изъ Центральной Азіи и приносятъ съ собою обыкновенно ясную, сухую погоду, сильные вѣтры и даже бури. Прохожденіе циклоновъ и антициклоновъ наблюдается въ Европейской Россіи гораздо чаще зимою, чѣмъ лѣтомъ.

Ими же объясняется и общее направленіе преобладающихъ у насъ вѣтровъ. Наблюденія показываютъ, что въ сѣверной половинѣ Европейской Россіи вѣтры чаще всего имѣютъ направленіе съ Ю.-З. на С.-В. Въ самое холодное время года здѣсь преобладаютъ южные вѣтры и юго-западные (на берегахъ Балтійскаго моря), а лѣтомъ, наоборотъ, сѣверные и отчасти сѣверо-восточные. Къ югу отъ параллели 50° — 55° зимою преобладаютъ вѣтры съ В. и въ юго-западныхъ губерніяхъ съ С.-В. Лѣтомъ въ южной части Европейской Россіи дуютъ западные вѣтры, которые на берегахъ Чернаго моря переходятъ даже въ сѣверные и сѣверо-восточные. Послѣднее направленіе имѣетъ и знаменитый еще въ древности свирѣпый вѣтеръ бора, благодаря которому Черное море у древнихъ грековъ пользовалось очень плохою репутаціей. Бора и въ настоящее время, несмотря на всѣ успѣхи современной техники судостроенія, представляетъ страшныя опасности для мореплавателей. Вѣтеръ этотъ дуетъ съ неимовѣрною силою съ С.-В., преимущественно въ восточной части моря и особенно свирѣпствуетъ у самыхъ береговъ, около Новороссійска *); буря продолжается обыкновенно только около двухъ сутокъ и находится въ зависимости отъ антициклона, появляющагося въ это время въ Центральной Европѣ или въ юго-западной части Европейской Россіи.

Сильные вѣтры и бури наблюдаются въ Европейской Россіи вообще чаще зимою, чѣмъ лѣтомъ. Особенно сильныя бури чаще всего бываютъ въ двухъ областяхъ: въ степяхъ южной Россіи, преимущественно въ Прикаспійскихъ и въ тундрахъ побережья Ледовитаго океана.

Бури эти, называемыя въ обѣихъ указанныхъ областяхъ буранами, продолжаются обыкновенно дня 2—3 сряду и даже болѣе, если нѣсколько циклоновъ идутъ одинъ за другимъ, какъ это часто бываетъ. При буранахъ почти всегда бываютъ снѣжныя метели. Большое значеніе имѣетъ при этомъ, съ какой стороны отъ даннаго мѣста нахо-

*) По словамъ академика Веселовскаго, самые ужасные ураганы Великаго океана и Антильскихъ острововъ въ нѣкоторыхъ, по крайней мѣрѣ, отношеніяхъ не такъ страшны, какъ бора.

дится центръ циклона: если онъ лежитъ къ С., то вѣтеръ, начинаясь съ юга, переходитъ постепенно въ юго-западный, западный и сѣверо-западный. Такіе бураны менѣе опасны, такъ какъ не сопровождаются сильными морозами. Если же центръ циклона проходитъ на Ю. отъ даннаго мѣста, то буранъ начинается при юго-восточномъ или восточномъ вѣтрѣ и, переходя потомъ въ сѣверо-восточный и сѣверный, приноситъ страшные морозы, гибельные для человѣка и животныхъ *).

Чтобы перейти къ осадкамъ, надо разсмотрѣть еще распредѣленіе влажности на пространствѣ Европейской Россіи въ различныя времена года. Въ зимніе мѣсяцы, когда почти на всемъ пространствѣ Россіи лежитъ снѣгъ, влажность почти вездѣ одинаково близка къ точкѣ насыщенія **) и выражается числами 82—90%. Вблизи Балтійскаго и Бѣлаго моря она, впрочемъ, нѣсколько больше; наоборотъ, около Чернаго моря влажность меньше, что объясняется господствующими здѣсь въ это время сухими вѣтрами, дующими съ Кавказскихъ и Крымскихъ горъ. На Черномъ морѣ вообще влажность бываетъ больше лѣтомъ, чѣмъ зимою. Тоже самое наблюдается и на сѣверѣ Европейской Россіи. Въ южной части, наоборотъ, лѣтомъ влажность меньше, въ іюлѣ, напр., она колеблется между 70—80%, а въ степяхъ спускается даже до 60 и около Астрахани до 57%. Въ Прикаспійскихъ степяхъ ежегодно въ самое жаркое время относительная влажность мѣстами понижается иногда даже до 18%, что составляетъ уже почти предѣлъ сухости: подобное состояніе атмосферы наблюдается только въ прославленныхъ своими ужасами пустыняхъ: Сахарѣ, Гоби, Аравійской и др.

Но такая сухость наблюдается лишь короткое время и притомъ въ небольшихъ районахъ, въ среднемъ же выводѣ въ Европейской Россіи годовой ходъ относительной влажности колеблется отъ 80 до 85%, а въ южныхъ частяхъ и на Уралѣ отъ 70 до 80%.

Количество осадковъ, выпадающихъ на землю въ видѣ дождя, снѣга, града и т. д., принято выражать толщиною слоя, который остался бы на землѣ, если бы осадившаяся изъ атмосферы вода не испарялась и не впитывалась въ почву. Толщина эта обыкновенно выражается въ миллиметрахъ (mm.). Если выпалъ снѣгъ или градъ, то ихъ сначала оттаиваютъ, а потомъ уже выливаютъ изъ дождемѣра и измѣряютъ высоту слоя получившейся такимъ образомъ воды въ особомъ сосудѣ.

Годовое количество осадковъ на всемъ пространствѣ Европейской Россіи вообще не велико, меньше чѣмъ въ Западной Европѣ. Въ средней и черноземной полосахъ сумма годовыхъ осадковъ измѣряется отъ 400 до 500 mm., въ западныхъ частяхъ—600—700 mm., на югѣ же это количество вообще меньше

*) Въ зиму 1827—1828 г. при одномъ буранѣ въ степи погибло 280,000 лошадей 10,000 верблюдовъ, 30,000 рогатаго скота и около милліона овецъ; убытокъ оцѣнивался въ 13½ милл. руб.

**) *Насыщенностью* называется такое состояніе атмосферы, когда количество водяныхъ паровъ въ воздухѣ достигло своего предѣла и при данной температурѣ испареніе уже не происходитъ больше. Такое состояніе относительной влажности принято выражать числомъ 100%. При повышеніи температуры относительная влажность уменьшается и процентное отношеніе выражается уже какимъ-нибудь числомъ меньшимъ 100, а въ то же время начинается испареніе, которое идетъ тѣмъ сильнѣе, чѣмъ выше температура воздуха и чѣмъ больше влажность удалилась отъ точки насыщенія.

400 mm.: въ степяхъ Черноморскихъ около 300, а въ Прикаспійскихъ и далѣе въ Киргизскихъ даже менѣе 200 mm.

Эти степи по своему характеру должны быть причислены къ самымъ безотраднымъ и пустыннымъ мѣстностямъ на земной поверхности и безъ искусственнаго орошенія возможнаго только въ немногихъ мѣстахъ) совершенно непригодны для земледѣлія. Въ Астрахани выпадаетъ въ годъ только 145 mm. осадковъ, тогда какъ въ Ставрополѣ—704, въ Львовѣ, недалеко отъ русской границы—724, а во Владикавказѣ даже 929 mm. Наибольшее количество осадковъ выпадаетъ къ Ю.-З. отъ Кавказскаго хребта; въ долинѣ р. Ріона, напр., въ годъ выпадаетъ болѣе 1,300 mm. (болѣе 60 дюймовъ). Подобнымъ же образомъ сгустителемъ атмосферной влаги является хребетъ Карпатскихъ горъ, и поэтому прикарпатскія области являются наиболѣе орошаемыми изъ всей южной и юго-западной полосы Европейской Россіи; особенно обильна осадками самая хлѣбородная изъ русскихъ губерній—Подольская, на ряду съ австрійскими провинціями Галиціей и Буковиной.

Впрочемъ, здѣсь благопріятныя для земледѣлія условія заключаются не столько въ значительности общей годовой суммы атмосферныхъ осадковъ, сколько въ благопріятномъ для сельско-хозяйственныхъ растеній распредѣленіи этихъ осадковъ въ году.

Одно только общее количество годовыхъ осадковъ еще не даетъ возможности заключить о пригодности или непригодности данной мѣстности для земледѣлія и вообще для успѣшнаго произрастанія растеній. Въ сѣверной полосѣ Россіи (къ С. отъ 59-й параллели) годовая сумма осадковъ не особенно велика, гораздо меньше, чѣмъ во многихъ мѣстахъ черноземной полосы. Однако же, сѣверъ у насъ является страною лѣсовъ, озеръ и болотъ, между тѣмъ какъ черноземная полоса чрезвычайно часто страдаетъ отъ засухъ.

Для объясненія этого прежде всего можно указать на неодинаковое „испареніе" въ въ двухъ сравниваемыхъ областяхъ: чѣмъ выше температура, тѣмъ быстрѣе и энергичнѣе происходитъ испареніе изъ почвы, а также и на всей поверхности живыхъ частей растеній,—и наоборотъ. Понятно поэтому, что на сѣверѣ при болѣе низкой сравнительно температурѣ и большей степени относительной влажности, при менѣе ясномъ небѣ, вслѣдствіе постоянной облачности, испареніе будетъ происходить гораздо менѣе энергично, чѣмъ въ среднихъ и южныхъ губерніяхъ Европейской Россіи. Нужно принять еще во вниманіе, что зима на сѣверѣ долга, снѣгъ держится долго подъ защитою лѣсовъ и, при медленномъ таяніи, оставляетъ въ почвѣ запасы влаги на все лѣто. Наконецъ, на сѣверѣ дожди по большей части бываютъ тихіе, продолжительные, имѣющіе гораздо больше значенія для растительности, чѣмъ сильные ливни, свойственные болѣе южнымъ областямъ, при которыхъ почва очень мало впитываетъ воды. Быстро образовавшіеся дождевые потоки сносятъ всю главную массу выпавшей атмосферной влаги въ постоянные водные бассейны или въ глубокіе овраги, а та незначительная часть воды, которая успѣла задержаться въ поверхностномъ слоѣ почвы, въ короткое время снова подымается на воздухъ выглянувшимъ изъ-за тучъ солнцемъ.

Почти на всемъ пространствѣ Европейской Россіи наибольшее количество атмосферныхъ осадковъ приходится на лѣто. Исключеніе въ этомъ отношеніи составляетъ только прибрежье Балтійскаго моря, гдѣ самымъ обильнымъ осадками временемъ года является не лѣто, а осень. Въ свою очередь іюль оказывается самымъ дождливымъ изъ всѣхъ лѣтнихъ мѣсяцевъ въ большей части Европейской Россіи, преимущественно въ среднихъ областяхъ. Только въ западныхъ губерніяхъ и на южныхъ окраинахъ такимъ мѣсяцемъ является іюнь, при обиліи дождей и въ предыдущіе, весенніе мѣсяцы.

Такое распредѣленіе осадковъ является наиболѣе благопріятнымъ для земледѣлія, такъ какъ хлѣбныя растенія получаютъ влагу въ достаточномъ количествѣ именно тогда, когда она имъ нужна, т. е. въ періодъ роста и приготовленія къ цвѣтенію. Начиная же съ іюля дожди все уменьшаются, погода дѣлается суше, что является опять-таки благопріятнымъ для созрѣванія сѣмянъ. Также и въ юго-западныхъ губерніяхъ сухая осень благопріятствуетъ уборкѣ жатвы и винограда. Въ восточной части Европейской Россіи, при общей скудости остатковъ и крайней сухости, которая въ прикаспійскихъ и далѣе въ киргизскихъ степяхъ составляетъ препятствіе для осѣдлой жизни, зимы постоянно бываютъ лишены снѣжнаго покрова. Киргизскій скотъ всю зиму пасется на подножномъ корму, и снѣжная зима поэтому тамъ является большимъ бѣдствіемъ.

Вообще относительно Европейской Россіи, изъ обработки многочисленныхъ наблюденій, выведено, что *количество осадковъ съ С. на Ю. сначала увеличивается* до 50^0—55^0 сѣв. широты, *а потомъ быстро уменьшается.* Въ то же время наблюдается *постепенное уменьшеніе осадковъ въ направленіи съ З. на В.*, что находится въ зависимости отъ западнаго положенія относительно Россіи Атлантическаго океана, самаго главнаго источника влаги во всей Европѣ, и преобладаніемъ вѣтровъ западнаго направленія. Слѣдуетъ замѣтить, однако, что такая неравномѣрность влаги въ западныхъ и восточныхъ областяхъ гораздо рѣзче проявляется зимою, чѣмъ лѣтомъ. Лѣтомъ же, на огромномъ пространствѣ отъ Вислы до Оби и Енисея замѣчается въ значительной степени равномѣрное распредѣленіе осадковъ.

Большое значеніе для климата и растительности имѣетъ число дней, между которыми распредѣляется данное годовое количество осадковъ: частые дожди, хотя бы и незначительные по количеству выпадающей изъ атмосферы воды, имѣютъ гораздо болѣе значенія для почвенной влаги, чѣмъ обильные осадками, но рѣдкіе ливни. Выше была уже указана разница въ этомъ отношеніи между сѣверными областями Европейской Россіи съ одной стороны, средними и южными—съ другой. Можно еще замѣтить, что осенью и весною почти повсемѣстно идутъ частые, но небольшіе дожди, а лѣтомъ, особенно въ южной и отчасти въ средней Россіи, наоборотъ, между дождливыми періодами съ грозами и проливными дождями помѣщаются болѣе продолжительные періоды ясной и сухой погоды. Правильности въ наступленіи тѣхъ и другихъ періодовъ пока еще не удалось установить и объяснить *), но несомнѣнно, что вопросъ этотъ связанъ съ изученіемъ путей циклоновъ и антициклоновъ. Вотъ почему изученіе законовъ появленія и прохожденія этихъ послѣднихъ по территоріи Россіи является чрезвычайно важнымъ.

---

*) Насколько важно для сельскаго хозяйства разъясненіе этого вопроса,—само собою понятно. Если удастся доказать правильную періодичность въ появленіи лѣтнихъ засухъ, то въ агрономіи наступитъ новая эпоха, когда для каждаго сельскаго хозяина не будетъ никакихъ крупныхъ неожиданностей въ состояніи погоды. Но для развитія синоптической метеорологіи (науки, которая занимается обработкой данныхъ, доставляемыхъ станціями съ цѣлью *предсказанія погоды)* необходимо возможно большее число метеорологическихъ станцій, а Россія въ этомъ отношеніи пока еще уступаетъ многимъ другимъ европейскимъ государствамъ, хотя за послѣднее время у насъ число станцій быстро возрастаетъ съ каждымъ годомъ.

Съ 1870 г. по почину И. Р. Географическаго Общества начались въ Россіи систематическія наблюденія надъ **грозами**, въ виду важнаго значенія ихъ для изученія климата и, какъ установлено въ послѣднее время, значительнаго вліянія ихъ на урожайность. Хотя наблюденія эти и разработка ихъ еще далеко не закончены, но уже и теперь оказывается возможнымъ сдѣлать нѣкоторые выводы. Чаще всего грозы появляются съ Ю.-З., нѣсколько рѣже съ Ю. и съ З., еще рѣже съ С.-З. и съ Ю.-В. Другія направленія въ движеніи грозъ наблюдаются очень рѣдко. Появленіе ихъ въ этихъ частяхъ горизонта и общее направленіе ихъ пути на пространствѣ Европейской Россіи, несомнѣнно, связано опять-таки съ положеніемъ Атлантическаго океана къ З. отъ Европы и съ преобладающимъ направленіемъ приходящихъ оттуда циклоновъ и антициклоновъ. Кромѣ того, установлено, что во всей Европейской Россіи грозы по большей части наблюдаются послѣ полудня, отъ 12 до 6 часовъ, а рѣже всего ночью и утромъ. Однако же на Кавказѣ и около Карпатъ грозы чаще всего наблюдаются вечеромъ, отъ 9 до 12 ч. По времени года грозы почти исключительно приходятся на лѣтніе и послѣдніе весенніе мѣсяцы, и больше всего на іюль. Тѣмъ не менѣе въ южной Россіи нерѣдко наблюдаются грозы также и въ сентябрѣ.

Въ заключеніе можно слѣдующимъ образомъ охарактеризовать Европейскую Россію въ климатическомъ отношеніи. По широтному положенію Восточной Европы климатъ ея является въ общемъ **умѣреннымъ**, за исключеніемъ незначительной части на сѣверной окраинѣ, приблизительно за предѣлами полярнаго круга, гдѣ онъ можетъ быть названъ уже **полярнымъ**. Вслѣдствіе однообразія рельефа поверхности, два главнѣйшіе элемента климата — температура и влажность — распредѣляются, при помощи безпрепятственно дующихъ вѣтровъ, въ значительной степени **равномѣрно**. Однако же, вслѣдствіе различнаго положенія относительно Атлантическаго океана съ его теплымъ теченіемъ, гольфштемомъ, наблюдается разница между западными и восточными областями Европейской Россіи: первыя являются относительно теплыми и влажными, вторыя, наоборотъ, холоднѣе и суше. Восточная половина Европейской Россіи, поэтому, оказывается въ большей степени континентальною, чѣмъ западная, хотя и вся Восточная Европа сравнительно съ Западною можетъ быть названа континентальною. Въ этомъ отношеніи Европейская Россія занимаетъ средину между сильно изрѣзанной морями и обильно орошаемою Западной Европой и огромнымъ, массивнымъ азіатскимъ материкомъ, съ которымъ она непосредственно соединяется на всемъ протяженіи своей восточной границы. Въ азіатскомъ материкѣ, съ его обширными безводными степями и пустынями, съ необыкновенно сильною разницею между зимними и лѣтними, ночными и дневными температурами, наиболѣе полно выражаются всѣ крайности типично-континентальнаго климата. Восточная часть Европейской Россіи, поэтому, проявляетъ большое сходство съ Азіею, западная — съ Западной Европой, среднія же области представляютъ постепенный переходъ между этими двумя крайними, совершенно различными по физическимъ условіямъ частями.

Гидрографія, взглядъ на прошлое внутреннихъ водъ Европейской Россіи.

При обзорѣ поверхности, занимаемой Европейской Россіей въ минувшія геологическія эпохи было уже указано, что значительная часть ея площади въ

четвертичный періодъ представляла грандіозный ледникъ. Судя по направленію ледяныхъ потоковъ и по степени распространенія ихъ въ видѣ частичныхъ выступовъ на Ю., можно заключить, что современный рельефъ Восточной Европы въ главныхъ чертахъ сложился уже въ то время. Дѣйствительно, распространеніе ледниковыхъ наносовъ и всѣ другіе признаки доказываютъ, что ледниковый покровъ далѣе всего заходилъ въ предѣлы Южной Россіи именно въ нынѣшнихъ низменностяхъ приднѣпровской и центрально-русской (Окско-Донской), что доказываетъ существованіе этихъ пониженій между системами возвышенностей уже въ то время. Между тѣмъ, возвышенности (средне-русская, приволжская) повидимому представляли препятствія движенію ледника, и онъ здѣсь не заходилъ такъ далеко къ югу. Самый ледникъ, при своемъ поступательномъ движеніи производилъ на поверхности всевозможныя неровности, и такимъ образомъ въ грубыхъ чертахъ намѣчалось состояніе будущаго рельефа. Къ этому нужно еще прибавить, что береговое очертаніе материка въ ту эпоху въ значительной степени отличалось отъ современнаго. Ледовитый океанъ вдавался въ материкъ Европейской Россіи въ видѣ обширнаго залива, въ томъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время находится долина нижняго теченія Сѣверной Двины, а Канинскій полуостровъ отдѣлялся проливомъ и представлялъ собою островъ.

Въ то же время въ Южной Россіи соединенный бассейнъ Чернаго, Азовскаго и Арало-Каспійскаго морей значительно распространялся къ С. преимущественно по направленію нижняго теченія р. Волги.

Можно съ полнымъ основаніемъ предположить, что воды, получавшіяся отъ таянія льда въ ту отдаленную эпоху, стекали въ долины рѣкъ, направленіе которыхъ въ значительной степени совпадало съ современнымъ Днѣпромъ, Днѣстромъ, Дономъ, Волгою и другими рѣками южнаго и юго-восточнаго склона россійской равнины. Когда таяніе, въ эпоху отступанія ледника, начало увеличиваться, то массы водъ (въ особенности въ періоды половодій), устремлявшихся по естественнымъ ложбинамъ, постепенно произвели значительныя измѣненія въ рельефѣ поверхности.

Текучія воды продолжали геологическую дѣятельность льда, распредѣляя болѣе или менѣе равномѣрнымъ слоемъ на всемъ пространствѣ прежняго ледянаго покрова и значительно далѣе этихъ предѣловъ въ измельченномъ и переработанномъ видѣ тѣ каменные и землистые матеріалы, которые срыты были силою движущагося льда. Въ результатѣ мы видимъ сильное пониженіе всѣхъ древнѣйшихъ горныхъ хребтовъ (Финляндскихъ и Олонецкихъ, Тиманскаго кряжа и др.) и плоскогорій (Финляндскаго, Юго-западнаго), съ поверхности которыхъ сняты были мощные пласты, отложившіеся въ видѣ покровныхъ слоевъ лесса, глины, суглинка, песка, въ нѣсколько метровъ средней толщины, на обширной площади сѣверныхъ и среднихъ частей Европейской Россіи.

Съ того времени вся площадь Европейской Россіи, покрытая нѣкогда ледянымъ покровомъ, рѣзко отличается отъ остальныхъ частей: южныхъ и юго-восточ-

ныхъ по характеру поверхностнаго слоя почвы. Вся сѣверная и значительная часть средней области Россійской равнины покрыты болѣе или менѣе значительнымъ слоемъ ледниковыхъ наносовъ, состоящихъ преимущественно изъ суглинка, песка, глины, гравія и повсюду усѣяны обломками сѣверныхъ каменныхъ породъ. Къ югу отсюда простирается широкая полоса чернозема, которая тянется въ сѣверо-восточномъ направленіи отъ подножія Карпатъ до Уральскаго хребта на пространствѣ равномъ почти трети Европейской Россіи и занимаетъ площадь приблизительно около 90 милліоновъ десятинъ. Въ этой полосѣ уже не встрѣчается слѣдовъ ледянаго покрова, хотя измельченный матеріалъ ледниковаго дна несомнѣнно заносился и сюда текучими водами и отлагался по всѣмъ котловинамъ.

Вся эта область уже въ очень отдаленную эпоху покрыта была растительностью: лѣсной—на сѣверныхъ окраинахъ, травяной—на югѣ, гдѣ уже съ незапамятныхъ временъ простирались необозримыя степи. Слой чернозема, покрывающій здѣсь поверхность и имѣющій мѣстами нѣсколько футовъ глубины, является наслѣдіемъ этой древней растительности, гніющіе остатки которой вѣками и тысячелѣтіями *) накоплялись и, при содѣйствіи атмосферныхъ осадковъ, пропитывали верхніе пласты первобытнаго грунта.

Дальше мы еще вернемся къ исторіи южно-русскихъ степей, а теперь обратимся къ развитію гидрографіи Европейской Россіи.

Таяніе неизмѣримыхъ массъ льда, накопившагося въ предыдущій геологическій періодъ, въ эпоху отступанія ледниковъ сказалось невообразимымъ, всеобщимъ наводненіемъ. Болѣе или менѣе приблизительное представленіе о состояніи площади Европейской Россіи въ ту отдаленную эпоху можно составить по сравненію съ картиной весенняго таянія снѣговъ въ нашихъ широтахъ, когда всѣ углубленія въ почвѣ заняты стоячею водою, а по всѣмъ мѣстамъ, гдѣ есть какой-нибудь уклонъ поверхности, текутъ ручьи.

Подобную картину, но только въ гигантскихъ размѣрахъ, представляла собою поверхность Европейской Россіи въ то время, когда массы льда начали постепенно превращаться въ воду. Вся та площадь, гдѣ передъ этимъ лежалъ ледъ, превратилась въ громадное скопленіе озеръ, разъединенныхъ лишь небольшими, узкими перешейками суши.

Та часть Европейской Россіи, гдѣ льды держались долѣе всего, т. е. Финляндія и смежныя съ нею равнины, и до сихъ поръ остается еще покрытой озерами, топями, торфяными болотами.

Въ этой полузатопленной области находятся самыя большія прѣсноводныя озера европейскаго континента: Ладожское, Онежское, Сайма и болѣе 1000 другихъ, менѣе значительныхъ. Великая озерная область простирается широкою полосою черезъ всю Финляндію на З. черезъ губерніи: Новгородскую, Петербургскую, Псков-

---

*) По исчисленіямъ ученыхъ для накопленія слоя чернозема въ два аршина нужно допустить періодъ около 6,000 лѣтъ.

скую, Смоленскую, Витебскую и черезъ сѣверную часть Привислянскаго края соединяется съ такою же озерною зоною въ сѣверо-восточной части Германіи (Seenplatte въ Пруссіи). Полуобсохшую поверхность представляетъ также почти вся сѣверная часть Европейской Россіи, пустынныя области губерній: Архангельской, Вологодской и Олонецкой, покрытыя обширными моховыми болотами или трудно проходимыми дебрями, за исключеніемъ только ряда возвышенностей, составляющихъ остатки сильно размытаго древняго Тиманскаго горнаго кряжа. Ясные слѣды пребыванія ледника носитъ на себѣ также область возвышенностей, отдѣляющихъ бассейнъ Волги отъ ската къ Ледовитому океану. Озера, образовавшіяся здѣсь въ эпоху таянія льдовъ, занимали прежде гораздо большія пространства и имѣли болѣе высокій уровень, чѣмъ въ настоящее время *). Нѣкоторыя данныя заставляютъ допустить, что здѣсь не было въ прежнія времена явствено выраженнаго водораздѣла, который существуетъ теперь. Весьма вѣроятно, что въ прежнее время въ этой области существовало соединеніе между Сѣвернымъ океанскимъ бассейномъ и морями: Балтійскимъ и Черноморско-Каспійскимъ. Однако же въ эпоху ледниковую здѣсь уже, какъ мы видѣли, не существовало морскаго пролива, соединеніе же производилось косвеннымъ образомъ, черезъ посредство лабиринта озеръ и рѣкъ, которыя вытекали изъ нихъ въ различныя времена по различнымъ направленіямъ. Условія рельефа съ незначительными и едва обозначенными уклонами въ томъ или другомъ направленіи позволяли рѣкамъ измѣнять съ теченіемъ времени направленіе своего теченія сообразно съ измѣненіями въ рельефѣ почвы, хотя бы и въ незначительной степени (напр., отъ неравномѣрнаго наростанія почвы моховыхъ болотъ).

Доказательство этого, такъ сказать, блужданія водныхъ системъ можно видѣть, напр., въ тождествѣ нѣкоторыхъ животныхъ, обитающихъ одинаково, какъ въ верхне-волжскомъ бассейнѣ, такъ и въ озерахъ: Ладожскомъ и Онежскомъ, и наконецъ, въ озерѣ Лача, которое прежде, несомнѣнно, соединялось съ Онежскимъ озеромъ, а теперь имѣетъ своимъ истокомъ р. Онегу, впадающую въ Ледовитый океанъ. Предполагаютъ, что въ относительно недавнее время озерная система верхней Волги изливала свои воды въ Бѣлое море, теперь же Волга несетъ ихъ въ Каспій. Даже и въ настоящее время весь верхне-волжскій бассейнъ имѣетъ форму совершенно арктическую, свойственную рѣкамъ и озерамъ сѣверной покатости, и только съ устья Шексны начинается рыбное царство, характерное для Волги и всего каспійскаго бассейна.

На прилагаемой картѣ изображена небольшая часть озерной области, енно источныя озера верховій Волги и Западной Двины. Темнымъ цвѣтомъ здѣсь обозначены озера, заштрихованы болотистыя пространства. Первое, что бросается въ глаза, при взглядѣ на эту карту—это сравнительная незначительность

---

*) На берегахъ многихъ озеръ видны слѣды прежняго уровня воды саженъ на 10 и болѣе выше нынѣшняго.

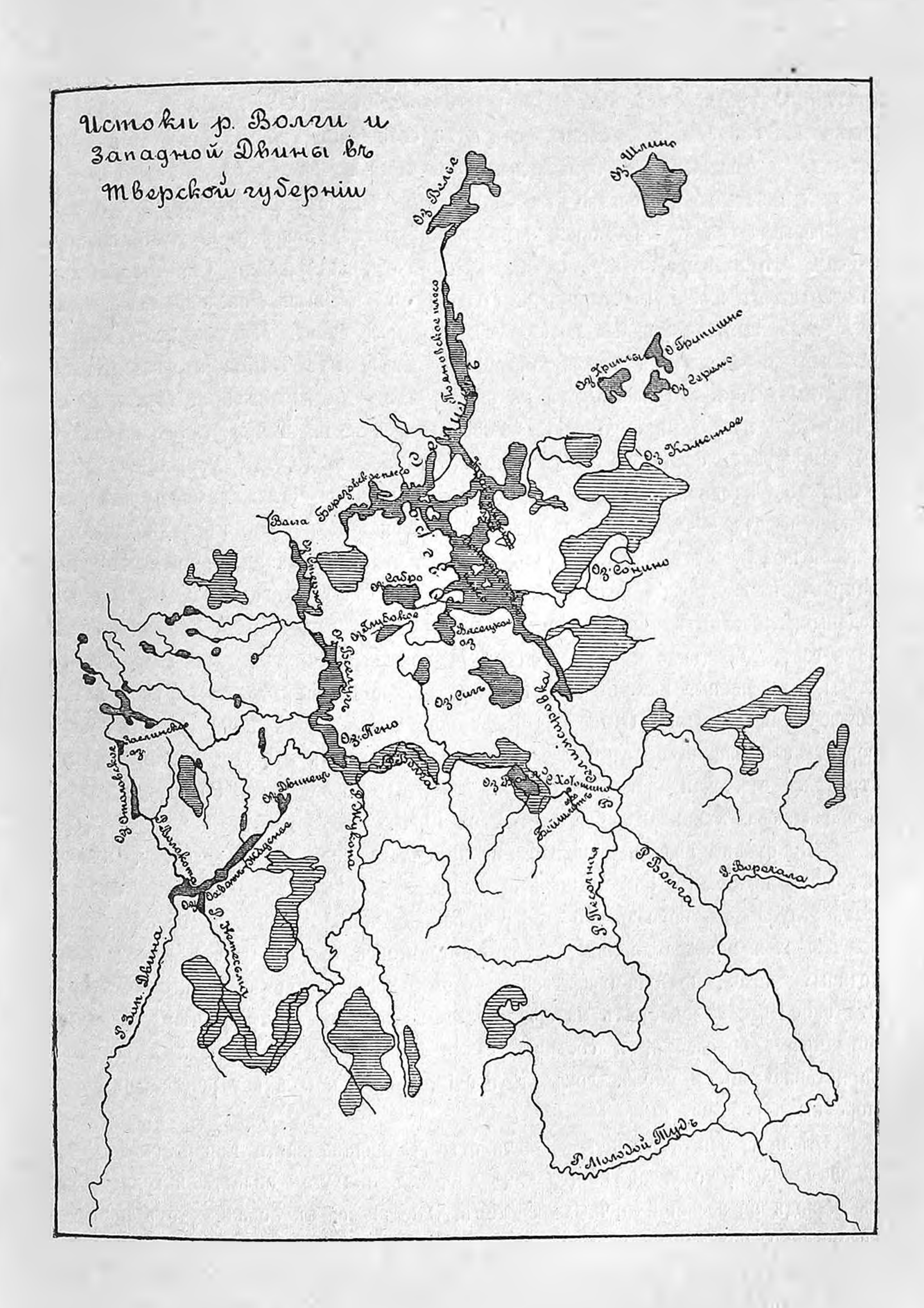
площади «суши», т. е. мѣстъ, которыя можно назвать вполнѣ обсохшими, если принять во вниманіе, что всѣ болота, еще въ относительно недавнее время, были также озерами.

Далѣе, обращаетъ на себя вниманіе очертаніе озеръ, т. е. форма и направленіе впадинъ, занимаемыхъ ими: почти всѣ озера верхне-волжскаго бассейна вытянуты въ длину и расположены на болѣе или менѣе значительномъ протяженіи въ одну линію. Здѣсь ясно, что озера сливаются по длинѣ другъ съ другомъ и какъ бы стремятся составить одно продольное русло, т. е. ложе будущаго рѣчного потока съ опредѣленнымъ направленіемъ теченія. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже и теперь существуютъ узкіе, хотя и короткіе протоки съ опредѣленнымъ теченіемъ въ одну сторону. Несомнѣнно, что въ будущемъ вся эта цѣпь озеръ, расположенныхъ одно за другимъ, совершенно сольется, вода будетъ течь въ болѣе узкомъ, но глубже промытомъ въ почвѣ руслѣ, а всѣ боковые резервуары постепенно изсякнутъ, такъ какъ дно ихъ со временемъ окажется выше уровня новообразовавшагося, вслѣдствіе размыва почвы, русла. Замѣчательно, наконецъ, что продольныя направленія у большинства озеръ приблизительно одинаковы: по большей части съ С.-З. на Ю.-В. или болѣе или менѣе близки къ меридіанальному. Еще болѣе ясно выступитъ общность такого направленія продольныхъ осей озеръ, если обратить вниманіе не на общее береговое очертаніе разсматриваемыхъ водныхъ бассейновъ, а лишь на направленіе наибольшихъ впадинъ ихъ дна *). Если разсматривать озера съ такой точки зрѣнія, то оказывается, что даже и въ тѣхъ изъ нихъ, которыя по своей округлой формѣ не имѣютъ никакого направленія или даже тянутся съ З. на В., существуютъ отдѣльныя продольныя углубленія на днѣ съ преобладаніемъ именно вышеуказаннаго направленія.

Здѣсь кстати будетъ указать, что такого же рода явленіе, но еще болѣе ясно выраженное, замѣтно и въ Финляндіи. Если разсматривать рѣки, впадающія въ Ботническій заливъ съ шведскаго и финляндскаго берега, то не трудно замѣтить замѣчательный параллелизмъ громаднаго большинства ихъ долинъ. Всѣ почти скандинавскія рѣки, спускающіяся къ этому заливу, текутъ съ С.-.З. на Ю.-В.; всѣ финляндскія рѣки, впадающія въ тотъ-же бассейнъ, текутъ съ Ю.-В. на С.-З.: онѣ несутъ свои воды по противоположнымъ направленіямъ, но долины ихъ расположены по однимъ и тѣмъ же прямымъ линіямъ, и одно русло какъ бы продолжается въ другомъ на противоположномъ берегу морскаго залива. Кромѣ того, и здѣсь это преобладающее направленіе рѣчныхъ долинъ оказывается параллельнымъ продольной оси громаднаго большинства удлиненныхъ озеръ, заполняющихъ гранитныя впадины Финляндіи и Скандинавіи. «Можно подумать»,—говоритъ Реклю **): «что

*) См. Батиметрическую карту (карту глубинъ) озеръ верхне-волжскаго бассейна, составленной на основаніи измѣреній произведенныхъ лѣтомъ 1895 г. Д Н. Анучинымъ, приложенную къ его книгѣ „Верхне-волжскія озера и верховья Западной Двины“, Москва, 1897 г. („Труды экспедиціи для изслѣдованія источниковъ главнѣйшихъ рѣкъ Европейской Россіи“).

**) „Земля и Люди“, т. V, вып. II, стр. 37.



Истоки р. Волги и западной Двины въ Тверской губерніи
Оз. Шлино
Оз. Велье
Пъновское плесо
Березовское плесо
Волга
Оз. Сабро
Оз. Глубокое
Васецкое оз.
Оз. Сигъ
Оз. Пено
Оз. Сонино
Оз. Кокшино
Оз. Гришино
Оз. Перено
Оз. Двинецъ
Оз. Вселугъ
Р. Жукопа
Р. Песочня
Р. Волга
Р. Вороглала
Р. Молодой Тудъ
Р. Зап. Двина
Оз. Охватъ
Оз.
Р. Велеса
С. Хотошино
Р. Итомля

громадная борона проведена отъ Скандинавскихъ Альпъ до Ладожскаго озера. Во многихъ частяхъ страны общее расположенiе линiй рельефа отличается почти геометрическою правильностью: холмы, озера, болота, цѣпи эррарическихъ камней (валуновъ) тянутся параллельно по направленiю отъ С.-З. къ Ю.-В., и всѣ человѣческiя сооруженiя: плотины, рвы, пути сообщенiя, улицы селенiй и городовъ естественно должны были производиться въ томъ-же направленiи»...

Замѣчательное сходство въ направленiи большинства впадинъ и выпуклостей рельефа на такомъ обширномъ пространствѣ, конечно, не дѣло простаго случая. Это явленiе, во всей своей совокупности, совершенно удовлетворительно объясняется движенiемъ ледниковъ. Роль бороны въ вышеприведенномъ выраженiи Реклю сыграли мощные потоки льда, которые силою собственнаго тренiя, а главнымъ образомъ при помощи огромныхъ каменныхъ глыбъ, оторванныхъ отъ гранитныхъ горъ и включенныхъ въ общую массу движущихся ледяныхъ массъ, выпахивали настоящiя борозды на земной поверхности. Точно также на береговыхъ выступахъ скалъ, на всѣхъ склонахъ горъ и вездѣ, гдѣ только, вслѣдствiе твердости, каменныя породы не легко поддаются сглаживающему дѣйствiю воды и воздуха — видны слѣды того же движенiя ледниковъ, въ видѣ длинныхъ, параллельныхъ между собою и совпадающихъ съ сѣверо-западно—юго-восточнымъ направленiемъ бороздъ, полосъ, чертъ и т. д. Полосы, проведенныя движущимися ледяными массами въ Финляндiи, наблюдаются, какъ на самыхъ высокихъ вершинахъ горъ, такъ даже и на подводныхъ скалахъ. Въ окрестностяхъ Гельсингфорса утесы, извлеченные изъ моря съ глубины 115 фут., были явственно изборождены глетчерными полосами. Самое же направленiе всѣхъ этихъ линiй исчерченности и бороздъ совершенно понятно, такъ какъ ледникъ, какъ мы уже знаемъ, распространялся отъ скандинавскихъ горъ въ предѣлы Европейской Россiи именно въ преобладающемъ направленiи съ С.-З. на Ю.-В.

Прибавимъ еще, что образованiе типичнаго рельефа поверхности, нѣкогда покрытой ледникомъ, обусловливается не однимъ только выпахиванiемъ продольныхъ углубленiй—бороздъ, но также и накопленiемъ каменныхъ обломковъ, заключавшихся прежде во льду, которые отлагались отчасти уже и при движенiи ледяныхъ массъ, но преимущественно потомъ, когда ледникъ началъ отступать. Эти скопленiя каменистыхъ матерiаловъ, такъ называемыя «морены», на-ряду съ описанными бороздами, и составляютъ типичный «ледниковый ландшафтъ», характеризующiйся множествомъ углубленiй, заключенныхъ внутри валообразныхъ моренныхъ возвышенiй.

Если сравнить озерную область сѣверо-западной части Европейской Россiи съ Финляндiей, то увидимъ, что какъ та, такъ и другая область находятся еще въ перiодѣ образованiя рѣчныхъ системъ. Однако-же, въ первой этотъ процессъ, несомнѣнно, подвинулся дальше, чѣмъ въ Финляндiи. Дѣйствительно, что касается, напр., водораздѣльной возвышенности на Валдайскомъ плато, то даже и здѣсь въ настоящее время имѣется уже очень мало озеръ, не стоящихъ ни въ какой

связи съ рѣчными системами; они уже въ большинствѣ случаевъ слились по опредѣленнымъ направленіямъ и въ ближайшемъ будущемъ, вѣроятно, выработаютъ изъ себя настоящія рѣки. Что-же касается водоемовъ, оставшихся въ сторонѣ отъ рѣчныхъ бассейновъ, то судьбу ихъ также не трудно предвидѣть: постепенно мелѣя отъ испаренья и просачиванья воды внутрь земной коры, они въ болѣе или менѣе ближайшемъ будущемъ должны превратиться въ болота, а далѣе и совсѣмъ высохнуть, чему также сильно способствуютъ и всѣ тѣ ручейки и рѣки, которыя впадаютъ въ нихъ и постепенно заполняютъ котловину землистыми осадками, приносимыми ихъ водами, особенно во время весеннихъ и осеннихъ разливовъ. Въ томъ-же направленіи, въ смыслѣ постепеннаго превращенія озера сначала въ болото, а затѣмъ въ лугъ, дѣйствуетъ и обильная растительность, которая, распространяясь отъ береговъ, съ каждымъ годомъ все дальше и дальше простираетъ надъ поверхностью водъ свой толстый коверъ, сплетенный изъ массы живыхъ растеній и изгнившихъ остатковъ ихъ, вмѣстѣ съ землистыми частицами, случайно приносимыми на этотъ коверъ вѣтромъ или текучими водами. Постепенно подвигаясь отъ окружности озера къ центру его, такой коверъ все уплотняется и утолщается, а вмѣстѣ съ тѣмъ водоемъ изъ озера съ чистою, прозрачною водою превращается въ трясину и торфяное болото. Такова неизбѣжная судьба всѣхъ замкнутыхъ бассейновъ, если ихъ стоячая вода не получаетъ движенія въ какомъ-нибудь истокѣ, который бы могъ его ввести въ систему какой-нибудь рѣчной системы. А въ такомъ случаѣ этому озеру предстоитъ полное опорожненіе, когда оно перельетъ всю свою воду, при посредствѣ источнаго потока въ какой-нибудь большой резервуаръ; если-же разсматриваемый резервуаръ, питающій какую-нибудь рѣку, и самъ принимаетъ рѣки, то будущая участь его другая: со временемъ котловина этого озера постепенно войдетъ въ составъ русла рѣки, образовавшейся изъ соединенія истока съ главнымъ потокомъ, впадающимъ въ этотъ бассейнъ. Только въ томъ направленіи, гдѣ проходитъ главное теченіе между самымъ значительнымъ притокомъ съ одной стороны и истокомъ съ другой—и сохранится характеръ впадины, тогда какъ во всѣхъ частяхъ, лежащихъ внѣ линіи теченія, дно безпрестанно будетъ повышаться и, въ концѣ концовъ, почти сравняется съ уровнемъ береговъ, а изъ бывшаго озера, такимъ образомъ, образуется только часть русла новосоставленной двойной рѣки.

Самый замѣчательный примѣръ подобнаго исчезновенія озерной впадины, которая заполняется наносами рѣкъ, представляетъ древнее симбирское прѣсноводное озеро. Изслѣдованія показываютъ, что ниже устья Камы существовалъ нѣкогда обширный озерный бассейнъ, цѣлое прѣсноводное море, которое постепенно наполнено было землистыми осадками, приносимыми рѣками Волгой и Камой.

Мы нарочно такъ подробно остановились на судьбѣ озеръ потому, что на обширномъ пространствѣ Европейской Россіи можно отыскать безчисленные примѣры всѣхъ постепенныхъ фазъ превращенія озеръ въ рѣки, путемъ сліянія съ другими озерами, или-же въ болота, въ случаѣ ихъ изолированнаго положенія.

Съ другой стороны, судя по преобладающему характеру и состоянію озеръ, можно сдѣлать заключеніе «о древности», или, наоборотъ, «молодости страны въ гидрографическомъ отношеніи».

Съ этой точки зрѣнія Финляндію надо признать страною самою молодою, не только въ Европейской Россіи, но и во всей Европѣ. Поверхность этого гранитнаго плоскогорія долѣе всѣхъ другихъ областей въ Россіи находилась подъ ледниковымъ покровомъ и наименѣе освободилась отъ водъ озернаго періода, послѣдовавшаго за ледяной эпохой.

Озера, особенно въ южной части, занимаютъ около половины всей площади страны. Благодаря твердости каменныхъ породъ, составляющихъ ея почву, на которыхъ текучія воды чрезвычайно медленно образуютъ рытвины, Финляндія и до настоящаго времени сохранила видъ суши, находящейся еще „въ періодѣ образованія“. Озера, особенно въ южной и юго-восточной ея части, образуютъ до такой степени перепутанный лабиринтъ, что только при сосредоточенномъ вниманіи, разсматривая карту, можно установить границу водораздѣла между покатостями Ботническаго и Финскаго заливовъ и Ладожскаго озера. Во многихъ мѣстахъ такую границу даже и невозможно провести, такъ какъ поясъ раздѣленія водъ здѣсь составляютъ простыя болота, имѣющія скатъ то къ одному, то къ другому бассейну. Рѣки, въ большинствѣ случаевъ, представляютъ простое сцѣпленіе озеръ, еще не успѣвшихъ въ достаточной степени слиться, и не промыли еще себѣ въ гранитной почвѣ опредѣленнаго, ясно выраженнаго русла. По словамъ О. Пешеля, Финляндія представляетъ классическую страну для изученія „эмбріогеніи *) рѣкъ“.

Гидрографическое развитіе Финляндіи, подвигавшееся очень медленно въ теченіе цѣлаго геологическаго періода, въ настоящее время, однако, вступило въ новую фазу и идетъ теперь быстрыми шагами впередъ, такъ какъ въ дѣятельность природы вмѣшался человѣкъ. Чего въ продолженіе тысячелѣтій не въ состояніи была сдѣлать проточная вода, вѣтры, колебанія температуры, атмосферные осадки, то иногда въ нѣсколько дней и даже скорѣе совершаетъ разрушительная сила динамита, направляемая искусною рукою инженера. Финляндцы, очень искусные въ направленіи потоковъ сообразно намѣченной цѣли, постоянно производятъ крупныя измѣненія въ гидрографіи своей страны и каждый годъ, для увеличенія площади своей суши опоражниваютъ цѣлые водные бассейны.

Перейдемъ теперь къ другой, очень интересной въ гидрографическомъ отношеніи области: къ бассейну Днѣпра.

Эта могучая русская рѣка, по объему своихъ водъ занимающая третье мѣсто въ Европѣ (послѣ Дуная и Волги), начинается на той-же самой озерной плоской возвышенности, гдѣ имѣютъ свои истоки Волга, Западная Двина и многія рѣки Финскаго залива. Въ самыхъ верховьяхъ, рѣка, соотвѣтственно общему характеру мѣстности, сравнительно поздно освободившейся отъ ледянаго покрова, еще не вполнѣ закончила свое сформированіе. Но уже въ Смоленской губерніи теченіе Днѣпра можно считать вполнѣ установившимся, а въ среднемъ и нижнемъ теченіи его можно причислить даже къ древнѣйшимъ рѣкамъ Европейской Россіи. Къ древнимъ рѣчнымъ системамъ также должно причислить и почти всѣ его притоки, особенно лѣвые. Но что касается нѣкоторыхъ рѣкъ, впадающихъ справа, то они сформировались, какъ рѣки, въ сравнительно недавнюю еще эпоху. Наибольшій интересъ въ этомъ отношеніи представляетъ р. Припеть, одинъ изъ важнѣйшихъ

*) Т. е. развитія изъ стадіи зародыша.

днѣпровскихъ притоковъ. Почти весь верхній бассейнъ этой рѣки, такъ называемое Полѣсье представляетъ изъ себя область полуобсохшую, полуозерную.

Настоящихъ озеръ здѣсь теперь уже мало, но вся эта страна представляетъ лабиринтъ мелкихъ, полузатянутыхъ уже трясинами озеръ, болотъ, топей, торфяниковъ, извѣстныхъ подъ общимъ названіемъ „Пинскихъ болотъ“. Еще въ недавнюю сравнительно эпоху почти все это пространство представляло одно сплошное озеро; но съ теченіемъ времени оно превратилось въ цѣлую систему широкихъ, медленно текущихъ рѣкъ, съ неустановившимся еще очертаніемъ береговъ, которые вообще трудно различить, такъ какъ по обѣ стороны отъ полосы, гдѣ еще можно наблюдать теченіе воды, значительныя пространства заняты „заводями“ съ болѣе или менѣе стоячей водой, покрытыя сплошными зарослями камыша и другихъ водяныхъ растеній. Всѣ эти рѣки еще не достигли той фазы развитія, когда водная система создаетъ себѣ независимое, обособленное существованіе. Тотчасъ же по выходѣ изъ верховья своей долины, Припеть дѣлится между болотами и островами на безчисленное множество рукавовъ разной величины, которые взаимно переплетаются, теряются, снова встрѣчается и, наконецъ, въ разныхъ мѣстахъ впадаютъ въ болотистое озеро Любяжъ. Ниже этого озера рѣка опять дѣлится, разливается на широкое пространство и на протяженіи около ста верстъ, до сліянія съ Ясельдой имѣетъ видъ полустоячей массы воды, похожая скорѣе на длинное озеро, чѣмъ на рѣку съ опредѣленнымъ теченіемъ. Во время сильныхъ дождей и весною, всѣ рѣки бассейна Припети одновременно разливаются на еще болѣе обширныя пространства, чѣмъ обыкновенно, и тогда вся страна представляется необозримымъ воднымъ пространствомъ.

Картину, подобную Полѣсью, представляетъ Литва, особенно въ верхнемъ теченіи Нѣмана, по сосѣдству съ верховьями Западной Двины и Днѣпра. Значительныхъ озеръ здѣсь въ настоящее время осталось уже не много, но мелкія разсѣяны по всему пространству губерній Ковенской, Виленской, Минской и Гродненской, а также въ Смоленской. По большей части озера здѣсь уже превратились въ болота, которыя тянутся на обширныя пространства, въ особенности въ Гродненской губ. Почти вся эта страна представляетъ сплошные дремучіе лѣса и топи. Главнѣйшею причиною того, что Полѣсье и Литовскій край до сихъ поръ являются страной необсохшей, служитъ уже не долговременное пребываніе ледника, какъ въ раньше разсмотрѣнныхъ озерныхъ областяхъ, а условія рельефа. Склонъ къ В. куда направляются воды бассейна Припети, выраженъ слишкомъ слабо, и поэтому теченіе рѣкъ не имѣетъ достаточной силы, чтобы путемъ углубленія и сформированія русла, довершить развитіе гидрографическихъ системъ края. Однако же, какъ показало новѣйшее изученіе и пробныя осушительныя работы, скатъ къ В. является все-таки достаточнымъ для правильнаго стока водъ и потому можно съ увѣренностью сказать, что различнаго рода искусственныя сооруженія въ недалекомъ будущемъ превратятъ Пинскія болота въ необычайно плодородныя поля. Объ осушительныхъ работахъ въ Полѣсьи и о значеніи этого для сельскаго хозяйства будетъ сказано дальше, теперь же укажемъ только, что въ настоящее время почти вся эта обширная площадь, заключающая въ себѣ около 8.000,000 десятинъ и обнимающая почти 15 уѣздовъ *) до производства канализаціонныхъ раборъ была очень мало пригодна для поселенія человѣка: въ достаточной степени обсохшихъ земель здѣсь насчитывалось не болѣе 2.00,000 десятинъ, остальная же площадь представляла или мокрыя лѣсныя заросли (около 3.000,000 дес.), или сплошныя болота (тоже около 3.000,000 дес.), изъ которыхъ выдѣлялись всевозможные міазмы, дѣлавшіе всю мѣстность крайне вредною для здоровья человѣка и даже животныхъ. Въ настоящее время различными гидротехническими сооруженіями осушено уже болѣе $2^{1}/_{2}$ милл. десят., но въ ближайшемъ будущемъ площадь эта, вѣроятно, сильно увеличится. При современномъ уровнѣ науки, человѣкъ можетъ достигать поразительныхъ результатовъ въ борьбѣ съ неблагопріятными физическими условіями страны. Достаточно указать на цвѣтущую нынѣ Ломбардію, „садъ Италіи“, которая еще въ историческую эпоху, именно во времена римлянъ имѣла приблизительно такую же природу, какъ наше Полѣсье.

Обратимся теперь къ южнымъ окраинамъ Европейской Россіи, представляющимъ широкую полосу степей, а именно къ Прикаспійской степной области.

*) 5 Минской губ., 4 Волынской, 3 Гродненской и по одному въ Могилевской и Кіевской губ.

Здѣсь также разсѣяна масса озеръ (Элтонъ, Баскунчакское и др.) и полувысохшихъ озеро-болотъ, такъ называемыхъ «грязей»: Хакскія, Аралъ-соръ, Аралътюбя, Катмасъ и множество другихъ.

Однако-же и соленая вода, и составъ почвы, и рельефъ поверхности и, наконецъ, весь внѣшній видъ этой страны показываетъ, что происхожденіе здѣшнихъ озеръ совершенно иное, чѣмъ въ раньше разсмотрѣнныхъ областяхъ. Все показываетъ, что здѣсь первоначальнымъ источникомъ изобильныхъ стоячихъ водъ послужилъ не растаявшій ледникъ, а море, которое когда-то покрывало всю Прикаспійскую низину и заходило далеко на С. до р. Камы, на В. почти до Тянь-Шаньской горной системы и на Ю.-З. до долины р. Маныча. Сдѣлавшись въ сравнительно недавнюю геологическую эпоху, послѣ отдаленія отъ Чернаго и Азовскаго морей, изолированнымъ внутреннимъ бассейномъ, это море начало усыхать и постепенно раздѣлилось на множество отдѣльныхъ морей и озеръ (Балхашъ, Аральское море, Каспійское море и т. д.). Вышедшая изъ-подъ морскихъ волнъ площадь пропитана вездѣ солью и состоитъ изъ песковъ и глинъ, обнаженныхъ или покрытыхъ въ настоящее время своеобразною, скудною растительностью. Нѣкоторыя озера и здѣсь вошли въ составъ рѣчныхъ системъ, но громадное большинство ихъ остались совершенно изолированными и быстро усыхаютъ подъ вліяніемъ палящихъ лучей солнца и жгучихъ, сухихъ вѣтровъ, отлагая на днѣ своемъ мощныя залежи соли.

Соленыя озера встрѣчаются еще въ крымскихъ солончаковыхъ степяхъ и по сѣверному побережью Чернаго моря, гдѣ они представляютъ еще недавно отдѣлившіяся части моря. Меотійское Болото (древнее названіе Азовскаго моря) уже во времена историческія занимало гораздо большую поверхность, чѣмъ теперь, какъ это видно изъ описанія Геродота, Страбона и др.

Такимъ образомъ мы видимъ, что даже въ позднѣйшія геологическія эпохи поверхность Европейской Россіи почти на всемъ пространствѣ покрыта была водою: съ С.-З. распространялись далеко вглубь страны мощныя толщи ея въ твердомъ состояніи, льды, съ Ю.-З. горькосоленая морская вода сдѣлала послѣдній набѣгъ на сушу. Но съ измѣненіемъ физическихъ условій, солнечная теплота опять вступила въ свои права, растопила льды и изсушила болѣе чѣмъ на половину обширный Арало-Каспійскій бассейнъ. Выступая постепенно изъ-подъ водъ, континентъ получилъ въ наслѣдіе минеральныя соли, растворенныя въ морской водѣ, и главную массу осколковъ горныхъ породъ, въ переработанномъ видѣ, передвинутыхъ льдами на далекое пространство.

Вода, получавшаяся отъ таянья ледника, главною массою стекала въ море и въ сравнительно меньшей степени задерживалась въ почвѣ или испарялась въ атмосферу. Несомнѣнно, что эта масса прѣсной воды унесла въ море большое количество легко растворимыхъ минеральныхъ частицъ, заключавшихся въ поверхностномъ слоѣ почвы, главнымъ образомъ соль.

Какъ мы раньше видѣли, вся Европейская Россія въ разныя геологическія эпохи представляла собою дно моря и, конечно, суша, образовавшаяся при измѣненіи уровня, выступала изъ волнъ морскихъ приблизительно въ такомъ же видѣ, какой представляютъ въ настоящее время прикаспійскіе солончаки; но впослѣдствіи соль, пропитывавшая поверхностный слой почвы, постепенно была отсюда унесена въ моря, благодаря дѣятельности текучихъ на поверхности водъ, образующихся изъ атмосферныхъ осадковъ.

По мѣрѣ уменьшенія или полнаго исчезновенія озеръ и внутреннихъ морей, рѣки Европейской Россіи пріобрѣтали все большую важность въ географіи страны.

За исключенiемъ рѣкъ Финляндiи, Невы, Наровы и нѣкоторыхъ другихъ, всѣ большiе потоки русской территорiи опорожнили уже въ настоящее время всѣ водныя вмѣстилища своего бассейна и вполнѣ выработали свои рѣчныя системы. Соотвѣтственно обширности этой территорiи, рѣки, пробѣгая тысячеверстныя разстоянiя, принимая на пути многочисленные большiе притоки, по большей части образуютъ громадныя рѣчныя системы.

При полномъ отсутствiи снѣговыхъ горъ, всѣ наши рѣки питаются исключительно ключами, т. е. тѣми водами, которыя собираются въ почвѣ изъ атмосферныхъ осадковъ.

Въ виду этого рѣки Восточной Европы, болѣе чѣмъ въ странахъ гористыхъ зависятъ отъ климатическихъ условiй страны и отъ распредѣленiя атмосферныхъ осадковъ. Если не считать Камы, Печоры и могучихъ правыхъ притоковъ Сѣверной Двины, которыя собираютъ свои воды съ Уральскихъ горъ, и Вислы, питаемой Карпатами, всѣ остальныя большiя рѣки Европейской Россiи: Волга, Донъ, Днѣпръ и главные его правые притоки, Днѣстръ, Западная Двина, рѣки бассейновъ Чудскаго и Ладожскаго озеръ, наконецъ: Онега и Сухона (бассейны Сѣверной Двины),—начинаются въ сѣверо-западной части Европейской Россiи, преимущественно на сѣверной окраинѣ среднерусской возвышенности на очень небольшомъ сравнительно пространствѣ, верстъ въ 500 по широтѣ и немного болѣе по долготѣ.

Такое положенiе центра гидрографическихъ системъ совершенно понятно, если принять во вниманiе, что именно здѣсь существуютъ наиболѣе благопрiятныя условiя для накопленiя почвенной и подпочвенной влаги. Дѣйствительно, районъ этотъ и до сихъ поръ не успѣлъ еще совершенно обсохнуть отъ водъ, унаслѣдованныхъ съ эпохи ледниковаго перiода, отчасти потому, что здѣсь массы накопленныхъ льдовъ продержались долѣе, чѣмъ въ областяхъ, лежащихъ далѣе къ Ю. и къ В., отчасти же и потому, что въ этомъ пространствѣ атмосферные осадки наиболѣе значительны по общей своей годовой суммѣ, и распредѣляются болѣе равномѣрно въ году, чѣмъ въ другихъ частяхъ Европейской Россiи. Сырые вѣтры дуютъ здѣсь въ двухъ направленiяхъ: съ Атлантическаго океана, съ частей его Балтiйскаго и Нѣмецкаго морей и съ Сѣвернаго Ледовитаго океана. Кромѣ того и южные и юго-западные вѣтры, слѣдуя съ Чернаго моря по широкой, открытой къ Ю. Приднѣпровской низменности, доходятъ до сѣверной части Среднерусской возвышенности, сохраняя еще значительный запасъ водяныхъ паровъ. Благодаря такому изобилiю атмосферной влаги относительно сухими здѣсь являются только 2 лѣтнiе мѣсяца: iюнь и iюль, а во все остальное время года бываютъ частые и равномѣрно распредѣленные осадки. Большую роль въ накопленiи почвенной влаги играютъ также обширные лѣса, покрывающiе почти всю разсматриваемую площадь, которые способствуютъ медленному таянью снѣговъ и создаютъ благопрiятныя условiя для задержанiя воды на мѣстѣ. Значенiе лѣсовъ для питанiя рѣкъ, препятствующихъ лѣтнему обмелѣнiю ихъ, точно также какъ и ненормально высокому уровню весеннихъ половодiй, въ настоящее время уже сдѣлалось ходячею истиною, и правительство принимаетъ мѣры къ тому, чтобы положить предѣлъ хищническому истребленiю лѣсныхъ богатствъ по верховьямъ главнѣйшихъ нашихъ водныхъ артерiй, въ особенности Волги.

Образуя полноводныя системы въ лѣсной и обильной влагою мѣстности, которая является обширнымъ (почвеннымъ) водохранилищемъ, большинство русскихъ рѣкъ уже въ верхнемъ и среднемъ теченiи являются большими рѣками. Но чѣмъ дальше уходятъ онѣ отъ мѣста своего зарожденiя, тѣмъ меньше получаютъ они новыхъ водныхъ данниковъ, и общiй объемъ ихъ водъ не увеличивается пропорцiонально протяженiю теченiя *). Опускаясь къ морямъ Каспiйскому, Черному и

*) Какъ это обыкновенно наблюдается въ Западной Европѣ.

Азовскому, онѣ проходятъ черезъ области съ почвой сухой по причинѣ скуднаго орошенія, безлѣсныя, подверженныя палящему зною солнца и неистовому разгулу вѣтровъ. Испареніе настолько усиливается въ этихъ областяхъ, что рѣки нерѣдко, вмѣсто того, чтобы увеличиваться, начинаютъ даже терять въ общей массѣ своихъ водъ. Въ Волгѣ, напр., уже около Симбирска, ниже сліянія ея съ Камой, средній объемъ протекающей воды почти столь же значителенъ, какъ и при устьѣ, несмотря на то, что дальше въ нее впадаетъ еще такіе значительные притоки, какъ Черемшань, Сокъ, Самара, Иргизъ и около десятка другихъ менѣе важныхъ. А послѣ Еруслана Волга не принимаетъ уже ни одного сколько-нибудь значительнаго притока и масса водъ ея уменьшается. Еще болѣе разительный примѣръ изсушающаго вліянія степей представляетъ рѣка Уралъ: ниже устья рѣчки Солянки, на разстояніи около 480 верстъ, онъ не принимаетъ въ себя ни одной рѣки съ постояннымъ теченіемъ. Многіе степные потоки, даже такіе, какъ Большая и Малая Узень, направляющіеся къ долинѣ Урала, не достигаютъ его, такъ какъ на пути до капли выпиваются раскаленной почвой и жгучими вѣтрами. При устьѣ Уралъ не имѣетъ даже и половины того количества воды, которое онъ несетъ около гор. Уральска. Подобное усыханіе въ нижнемъ теченіи наблюдается и въ Днѣпрѣ, и въ Донѣ.

По своей судоходности русскія рѣки въ общемъ уступаютъ западно-европейскимъ. Главнѣйшею причиною этого служитъ неравномѣрная высота уровня водъ въ различное время года.

Во время весенняго половодья все нижнее теченіе Волги, начиная отъ Царицына, превращается въ сплошную массу движущейся воды, среди которой тамъ и сямъ приподнимаются островки. Въ это время можно сказать, что обширное прѣсноводное море сливается съ соленымъ моремъ. Масса воды, приносимой Волгою, оказываетъ чувствительное вліяніе на уровень Каспійскаго моря. Такъ, напр., разливъ 1867 г., превосходившій всѣ разливы за 40-лѣтній періодъ, повысилъ уровень Каспія на 25 дюймовъ; прошло около трехъ лѣтъ, пока вода вернулась къ своему нормальному уровню. Между тѣмъ лѣтомъ во многихъ мѣстахъ рѣка до того мелѣетъ, что оказываетъ существенныя препятствія къ судоходству, въ особенности въ нижнемъ теченіи, гдѣ рѣка раздѣляется на множество рукавовъ: въ сухое лѣто случается, что ни одинъ рукавъ не имѣетъ болѣе 3 аршинъ глубины, а иногда даже проходъ въ море бываетъ очень затруднительнымъ, такъ какъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уровень воды понижается до 18 дюймовъ и ниже. Донъ весною разливается иногда на 30 верстъ и уровень его повышается аршинъ на 7—8 выше нормальнаго, но лѣтомъ въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, особенно у восточной излучины, рѣка эта до такой степени мелѣетъ, что судоходство въ это время возможно только посредствомъ небольшихъ мелко сидящихъ судовъ, да и то съ большими затрудненіями. Что касается рѣкъ, впадающихъ въ Черное море, то кромѣ сильнаго колебанія уровня весною и лѣтомъ, судоходство сильно затрудняется въ нихъ еще тѣмъ, что русла Днѣпра, Днѣстра, Буга пересѣкаются каменными гранитными кряжами, которые образуютъ пороги. Благодаря имъ только немногія, небольшія судна, да и то только весной, могутъ подыматься изъ моря вверхъ до средняго и верхняго теченія, по большей части спускаются коекакъ черезъ пороги, а по прибытіи на мѣсто назначенія идутъ на дрова.

Къ неблагопріятнымъ особенностямъ русскихъ рѣкъ надо прибавить еще то, что почти всѣ онѣ въ устьяхъ имѣютъ мели, затрудняющія проходъ судовъ. Противъ устья Волги большіе пароходы принуждены бросать якорь, на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ верстъ отъ берега, такъ что береговъ моря нельзя даже разглядѣть съ якорной стоянки. Осадки Волги и Урала настолько возвысили дно, что глубина Каспійскаго моря на всемъ пространствѣ къ С. отъ линіи, проведенной между устьемъ Терека и Мангышлакскимъ полуостровомъ не превышаетъ 7—7½ саженей, и многочисленныя мели затрудняютъ судоходство въ этихъ водахъ.

Что касается Волги, то торговое значеніе ея сильно умаляется еще тѣмъ обстоятельствомъ, что она впадаетъ въ замкнутый водный бассейнъ и удовлетворительное соединеніе ея съ Чернымъ моремъ представляется пока слишкомъ затруднительнымъ *).

---

*) См. дальше.

Неблагопріятно отзывается на состояніи торговыхъ пристаней и вообще на судоходности русскихъ рѣкъ также то обстоятельство, что всѣ онѣ постоянно передвигаютъ свое русло съ лѣва на право (по направленію теченія). На такихъ рѣкахъ, какъ Волга, Днѣпръ, Донъ, до такой степени явственно совершается процессъ постояннаго подмыванія праваго берега и отложеніе осадковъ на лѣвомъ, что именно на нихъ академикъ Бэръ выяснилъ и формулировалъ свой извѣстный законъ о постепенномъ перемѣщеніи рѣкъ въ связи съ вращательнымъ движеніемъ земнаго шара *). До какой степени быстро происходитъ это передвиженіе русла, видно изъ того, что городъ Казань, напр., стоявшій прежде на самомъ берегу Волги, теперь удаленъ отъ нея верстъ на 6, и такое отступленіе рѣки совершилось лишь въ нѣсколько столѣтій.

При всѣхъ недостаткахъ нашихъ рѣкъ, какъ путей сообщенія, водныя системы Европейской Россіи имѣютъ однако очень благопріятное расположеніе относительно другъ друга. Начинаясь, какъ мы видѣли, въ небольшомъ сравнительно районѣ, всѣ большія русскія рѣки не имѣютъ рѣзкихъ орографическихъ границъ своихъ бассейновъ. Большая часть ихъ, въ томъ числѣ и Волга, переплетаютъ свои истоки, разъединенные лишь болотистыми низменными пространствами, въ обширный лабиринтъ. Во время весенняго таянья снѣговъ и при продолжительныхъ дождяхъ воды различныхъ рѣчныхъ системъ сливаются между собою, такъ что, напр., изъ бассейна Припети барки проходятъ въ притоки Буга и Нѣмана. Несомнѣнно, что при такомъ состояніи рельефа, посредствомъ искусственныхъ сооруженій, вполнѣ возможно устройство непрерывныхъ линій судоходства между различными морями, омывающими Россію.

Уже въ древнѣйшія времена въ тѣхъ мѣстахъ водораздѣловъ, гдѣ существовали наибольшія пониженія поверхности и гдѣ притоки различныхъ морскихъ бассейновъ наиболѣе сближались, проходили важнѣйшіе пути. При этомъ обыкновенно перетаскивали суда по сушѣ, для того, чтобы попасть изъ одной рѣки въ другую, почему эти мѣста и получили названіе „волоковъ". На одномъ изъ такихъ волоковъ Петръ Великій устроилъ первый въ Россіи судоходный каналъ, Вышневолоцкій, который открылъ судамъ дорогу изъ Невскаго бассейна къ Каспійскому морю.

Послѣ этого искусственныя сооруженія для улучшенія судоходства сдѣлали большіе успѣхи, такъ что въ настоящее время въ Европейской Россіи общая длина искусственныхъ водныхъ путей достигаетъ уже 1,733 в. (754 в. каналовъ и 979 в. канализированныхъ рѣкъ), что по сравненію съ общею длиною всей сѣти водяныхъ сообщеній 102,689 в. составляетъ приблизительно 1 версту искусственныхъ сооруженій на 40 в. всѣхъ вообще водныхъ путей.

Искусственными водными путями въ настоящее время соединены уже всѣ моря, омывающія Европейскую Россію. Системы: Маріинская (566 в. каналовъ и канализированныхъ рѣкъ), Тихвинская (182 в.) и Вышневолоцкая (136 в.) соединяютъ Каспійское море

*) По этому закону всякое движеніе (рѣкъ, воздушныхъ и морскихъ теченій) въ сѣверномъ полушаріи уклоняется отъ своего направленія вправо, а въ южномъ — влѣво. Въ особенности ясно это въ рѣкахъ, текущихъ въ меридіанальномъ направленіи, напр., Волгѣ, въ среднемъ теченіи, Днѣпрѣ, Донѣ, Рейнѣ, Ронѣ и др. Если рѣка течетъ, напр., съ С. на Ю., то вода постепенно переходитъ изъ мѣстъ, гдѣ поверхность земли имѣетъ большую скорость вращенія (вокругъ оси съ З. на В), въ области съ меньшею скоростью и поэтому постоянно отстаетъ отъ движенія земли и уклоняется къ З., т. е. въ сторону праваго берега. Если воды идутъ съ Ю. на С., то ближе къ С., наоборотъ, дно обгоняетъ текущую воду въ своемъ движеніи на З., и потому рѣка также подмываетъ правый берегъ.

съ Балтійскимъ черезъ посредство Волжскаго и Невскаго бассейновъ; Днѣпровско-Бугская (200 в.), Огинская (152 в.), Березинская (104 в.) и Августовская (95 в.) устанавливаютъ цѣлый рядъ непрерывныхъ водныхъ сообщеній между морями Балтійскимъ и Чернымъ черезъ бассейны Днѣпра, Вислы, Нѣмана и Западной Двины; система герцога Александра Виртембергскаго (55 в.), соединяя Маріинскую систему съ бассейномъ Сѣверной Двины, устанавливаетъ связь между морями Балтійскимъ и Каспійскимъ съ одной стороны и Бѣлымъ моремъ—съ другой. Наконецъ, канализированныя системы Москва и Теза составляютъ 243 в. искусственныхъ водныхъ путей. Искусственными сооруженіями въ послѣднее время произведены значительныя улучшенія въ судоходности рр. Волги (у Саратова, Нижняго Новгорода, въ Казанскомъ районѣ), Днѣпра (у Кіева, Кременчуга, Екатеринослава, Александровска и на гирлахъ), Припети, Десны, Днѣстра, Дона, Вислы и др. Обратимся еще къ вопросу о соединеніи искусственною водною системою бассейновъ Волги и Дона.

Послѣдній въ своемъ восточномъ изгибѣ подходитъ къ Волгѣ на разстояніе менѣе, чѣмъ въ 60 в. и поэтому въ былое время здѣсь по суху перетаскивали суда изъ одной рѣки въ другую и даже устроена была конножелѣзная дорога отъ посада Дубовки (на Волгѣ) до Дона, а позднѣе устроена была желѣзная дорога отъ Царицына до Калачевки, по которой и въ настоящее время идетъ массовое передвиженіе грузовъ между системами Волги и Дона. Но еще съ давняго времени явилась мысль соединить эти два важные бассейна судоходнымъ каналомъ. Имѣются свѣдѣнія, что уже султанъ Селимъ II, осаждая Астрахань, пытался прорыть здѣсь каналъ, чтобы удобнѣе доставлять военные матеріалы на Каспій *). Петръ Великій также пытался устроить такой каналъ, но оставилъ это предпріятіе, какъ трудно осуществимое. Главнымъ препятствіемъ является неравенство уровней системъ Дона и Волги: воды Дона и Азовскаго моря, оказывается, стоятъ выше уровня Волги на цѣлыхъ 20 саж. и потому можно опасаться, что и безъ того немноговодный въ лѣтнее время Донъ, съ прорытіемъ такого канала, совершенно обмелѣетъ. Но уже въ срединѣ текущаго столѣтія вопросъ о соединеніи Каспійскаго моря съ Чернымъ и Азовскимъ получилъ новую постановку. Геологическія изысканія показали, что въ сравнительно недавнюю геологическую эпоху существовалъ проливъ между Каспійскимъ и Чернымъ моремъ въ сѣверной части Кавказскаго перешейка. Наслѣдіемъ отъ этого древняго морскаго бассейна въ настоящее время является широкая впадина между двумя морями, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ не имѣющая почти никакого склона ни къ В., ни къ З. Рѣка Калаусъ, стекающая къ С. съ Кавказскихъ предгорій, дойдя до этой горизонтальной низины, раздѣляется на нѣсколько рукавовъ, изъ которыхъ главные два: Восточный Манычъ течетъ въ бассейнъ Каспія, а Западный Манычъ обыкновенно теряется въ пескахъ, но во время весенняго половодья идетъ къ Азовскому морю. Такимъ образомъ оказывается, что весною, по крайней мѣрѣ, иногда, устанавливается сквозное сообщеніе между Каспіемъ и бассейномъ Средиземнаго моря (черезъ Азовское и Черное море). Въ виду этого явилась мысль устроить въ этомъ мѣстѣ судоходный каналъ. спустивъ черезъ него воды Азовскаго моря въ Каспій. Предпріятіе это слишкомъ грандіозно и стоитъ очень дорого (такъ какъ каналъ пришлось бы углубить по крайней мѣрѣ на 20 саж. вслѣдствіе разности уровней Азовскаго и Каспійскаго моря въ 25 саж.). Но устройство небольшого канала со шлюзами, спускающагося уступами, для мелкихъ судовъ, представляется дѣломъ довольно легко осуществимымъ.

Однако же большинство перечисленныхъ искусственныхъ системъ пригодно только для плаванія мелкихъ судовъ и для сплава, и только Маріинская система въ недавнее время (1890—1895 гг.) приспособлена къ плаванію судовъ осадкою въ 0,83 саж. и грузо-подъемностью 40,000 пуд. Вообще въ Россіи сѣть искусственныхъ водныхъ путей еще далеко не достигла такого развитія, какъ въ большей части другихъ европейскихъ государствъ, но вышеуказанныя благопріятныя условія рельефа поверхности и взаимнаго расположенія рѣчныхъ системъ позволяютъ ожидать въ будущемъ широкаго развитія всевозможныхъ гидротехническихъ сооруженій, какъ въ цѣляхъ судоходства, такъ и земледѣлія (осушительныя и оросительныя сооруженія). Но пока можно сказать, что Европейская Россія въ гидрографическомъ отношеніи—страна молодая: естественныя физическія условія въ этой мѣстности, такъ сказать, запоздали въ развитіи гидрографіи, точно также и дѣятельность человѣческой культуры сравнительно недавно выступила на этомъ поприщѣ.

*) Реклю „Земля и Люди“, Европейская Россія, стр. 417.

Тундра, лѣсъ, степь.

Однообразіе рельефа поверхности и климата Европейской Россіи совершенно отчетливо сказывается также и въ поразительномъ однообразіи флоры и фауны на громадныхъ пространствахъ. Эта утомительная монотонность природы производитъ даже впечатлѣніе бѣдности органическаго міра, сравнительно, напримѣръ, съ Западною Европою; составъ флоры и фауны измѣняется у насъ съ замѣчательною постепенностью, такъ что, проѣзжая съ С. на Ю. и съ З. на В. — нигдѣ въ Россіи, за исключеніемъ южнаго берега Крыма и кавказскихъ горъ, не встрѣчается рѣзкихъ переходовъ, которые бросаются въ глаза въ Западной Европѣ, даже на незначительныхъ пространствахъ.

Несмотря, однако, на общее однообразіе растительнаго и животнаго міра, пространство Россіи столь обширно, что даже и крайняя постепенность въ измѣненіяхъ органическихъ формъ сказывается, на громадныхъ пространствахъ, въ коренномъ различіи природы мѣстности. По характеру растительности и животнаго міра Европейскую Россію можно раздѣлить на три области, которыя хотя и очень постепенно переходятъ другъ въ друга, но въ общемъ имѣютъ своеобразный видъ.

Эти три области, которыя по общему своему направленію протянулись широкими полосами съ З. на В.: арктическая область, или тундра, лѣсная область и степная, причемъ послѣднюю можно раздѣлить еще на два отдѣла по характеру почвы: на черноземную полосу и солончаковыя, прикаспійскія степи.

Тундра *) или сѣверная „пустыня" характеризуется главнымъ образомъ отсутствіемъ лѣсной растительности и вообще деревьевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ полоса эта является совершенно неспособною къ воздѣлыванію какихъ-либо культурныхъ растеній: только на южной границѣ, у предѣла лѣсовъ, возможно кое-какое огородничество. Другой признакъ, который считается существеннымъ для всѣхъ полярныхъ пустынь — постоянное присутствіе на поверхности промерзшей водянистой почвы, которая на извѣстной глубинѣ никогда не оттаиваетъ, не можетъ быть приложенъ къ тундрамъ Европейской Россіи. Конечно и здѣсь область тундры богата озерами, болотами, рѣчками, но попадаются довольно обширныя пространства и съ совершенно сухой почвой, какъ, напр., на Кольскомъ и на Рыбачьемъ полуостровѣ. При общей значительной высотѣ мѣстности, здѣсь почва представляетъ каменныя розсыпи, остатки древнихъ моренъ и ледниковаго наноса. Слой этой своеобразной сухой почвы достигаетъ мѣстами полуаршинной толщины и состоитъ изъ остатковъ перегнившихъ растеній, смѣшанныхъ съ продуктами разрушенія горныхъ породъ, такъ что по своему происхожденію эта почва можетъ быть названа тундрянымъ черноземомъ **) и отчасти сходна съ торфомъ, такъ какъ она въ значительной степени способна къ горѣнію.

Область эта, кромѣ острововъ: Новой Земли, Колгуева, Вайгача, занимаетъ все побережье Ледовитаго океана, т. е. Мурманскій берегъ, часть Терскаго, приблизительно до р. Поноя, Канинскій полуостровъ и далѣе на В. до самыхъ береговъ Великаго океана. Что касается южныхъ предѣловъ тундры, то при современномъ состояніи изслѣдованій полярныхъ странъ, границу эту невозможно опредѣлить болѣе или менѣе точно. Извѣстно только, что граница эта представляетъ очень неправильную линію, въ однихъ мѣстахъ подымается до самыхъ береговъ океана (въ Финляндіи напр. до 70° с. ш.), въ другихъ идетъ по полярному кругу или немного выше.

Несомнѣнно, что положеніе сѣверной границы древесной растительности и начало

*) Правильнѣе „трундра", по-зырянски значитъ „безлѣсныя земли".
**) Богдановъ. Прибавленіе къ V т. Реклю, стр. 99.

пустынныхъ тундръ зависитъ не отъ одного только климата. Это видно уже изъ того, что за р. Печерою, къ В. граница эта повышается до 68°, а за Уральскимъ хребтомъ въ Западной Сибири лѣса достигаютъ даже до параллели 71°, несмотря на то, что климатъ тамъ несравненно суровѣе, чѣмъ на европейскомъ побережьи Ледовитаго океана. Въ распространеніи этой границы надо допустить цѣлую массу различныхъ сложныхъ вліяній и главнымъ образомъ большую или меньшую защиту мѣстности отъ леденящихъ, губительныхъ сѣверныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, что, конечно, обусловливается прежде всего состояніемъ рельефа поверхности. Повсюду морское дыханіе мѣшаетъ высокому росту деревьевъ и не даетъ стволу возможности подняться надъ поверхностью почвы и развиваться вѣтвямъ. Полярные вѣтры обвѣваютъ бурями незащищенную равнину при 30—40° морозѣ и даже за предѣлами тундры, гдѣ растительность вступаетъ уже въ свои права, склоняетъ тонкія деревца и кустарники къ землѣ, какъ покорнаго раба; еще далеко за южными предѣлами тундры ни одно деревцо не осмѣливается поднять свою голову болѣе какъ на ½—1 арш. Большое значеніе для взаимнаго распространенія тундръ и лѣсовъ имѣетъ также степень влажности почвы: мы видѣли уже, что „мерзлота“ отсутствуетъ тамъ, гдѣ каменистая почва препятствуетъ значительному просачиванію воды внутрь во время весенняго таянья и во всѣхъ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ существуютъ благопріятныя условія для быстраго ихъ стока. Между тѣмъ мерзлота на незначительной глубинѣ отъ поверхности безусловно исключаетъ всякую возможность древесной растительности.

Наконецъ, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, въ вопросѣ о современномъ распространеніи тундры на югъ надо принять во вниманіе и нераціональное истребленіе лѣсовъ. Несомнѣнно, что въ прежнія времена тундра не имѣла такого распространенія, какъ теперь; въ разныхъ мѣстахъ нерѣдко находятъ въ замерзшей почвѣ толстые пни хвойныхъ деревьевъ, гдѣ въ настоящее время царитъ пустынная тундра.

Во всемъ мірѣ нѣтъ мѣстности печальнѣе пустынныхъ равнинъ тундры. Растительный покровъ составляютъ мхи и лишайники: гдѣ почва возвышеннѣе и суше, тамъ преобладаютъ лишайники, въ мѣстахъ же болѣе низменныхъ и сырыхъ—наоборотъ мхи. Общій колоритъ тундры зависитъ именно отъ этихъ растеній: лишайниковая тундра, одѣтая кожистыми, сѣроватыми, бѣловатыми, бурыми или блѣдно-желтыми пластинками или приземистыми курчавыми кустиками лишаевъ, имѣетъ болѣе свѣтлый колоритъ, чѣмъ тундра моховая, заросшая частыми черно-зелеными стебельками мховъ, которые ко времени созрѣванія своихъ плодничковъ, рыжѣютъ или бурѣютъ. Другихъ родовъ безцвѣтковыхъ растеній: папоротниковъ, хвощей, плауновъ здѣсь немного. Но въ мѣстахъ наиболѣе благопріятныхъ для растительности, гдѣ почва не слишкомъ сыра и гдѣ она хорошо озаряется солнечными лучами, могутъ расти и многія другія растенія, свойственныя умѣренному поясу. Въ тундрахъ насчитываютъ до 280 видовъ цвѣтковыхъ растеній, преимущественно злаковъ и травъ. Замѣчательно, что нѣкоторыя растенія встрѣчаются только въ арктической полосѣ и еще на высокихъ горахъ: на Альпахъ, на Алтаѣ, Кавказѣ и т. п. Настоящихъ луговъ, впрочемъ, цвѣтковыя растенія не образуютъ въ тундрѣ и встрѣчаются лишь небольшими дерновинами, пріютившимися обыкновенно отъ вѣтровъ за выпуклостью какого-нибудь пригорка. Такія дерновины, напоминающія, по контрасту съ окружающею природою, садовыя клумбы, пестрѣющія яркими красками множества цвѣтовъ: гвоздикъ, фіалокъ, лютиковъ и т. д. представляютъ чрезвычайно пріятное разнообразіе среди господствующихъ моховыхъ и лишайниковыхъ тундръ. Подобныя небольшія лужайки встрѣчаются даже на крайнемъ сѣверѣ, напр. на берегахъ Новой Земли, но еще больше ихъ на материкѣ. Здѣсь мѣстами встрѣчаются значительныя пространства, покрытыя различными ягодными растеніями, особенно морошкой, („сѣверной малиной“), отъ которой тундра на далекое пространство кажется желтой во время зрѣлости плодовъ.

Наконецъ, мѣстами въ тундрѣ развиваются даже приземистые кустарники, разные тальники и такъ называемый ерникъ—низкорослая, особаго вида береза. Кустарники эти рѣдко подымаются сколько-нибудь значительно надъ землею, а по большей части стелются по поверхности или даже ползутъ подъ землею, выпуская наружу изъ-подъ моховаго покрова травянистыя, тонкія вѣточки съ пучкомъ крошечныхъ листьевъ и цвѣтущихъ сережекъ.

Въ зоологическомъ отношеніи тундра—далеко не пустынная, потому что животное населеніе здѣсь можетъ быть названо даже богатымъ. Даже зимою здѣсь повсемѣстно обитаютъ сѣверные олени, преимущественно домашніе, такъ какъ дикіе держатся дальше къ Ю., въ области лѣсовъ, и во множествѣ населяютъ тундру характерныя для нея пеструшки и песцы, полярныя куропатки и ихъ враги—бѣлыя совы, наконецъ громадные бѣлые медвѣди составляютъ фауну тундръ.

Трудно себѣ представить, однако, мѣстность, болѣе безотрадную и ужасную, чѣмъ тундра зимою. Если не бушуетъ страшная

пурга и не завываютъ лютые вѣтры, то повсюду стоитъ мертвая тишина, наводящая ужасъ на путешественника. Лишь изрѣдка раздается гдѣ-нибудь лай одинокаго песца или крикъ бѣлой совы, достойной пѣвицы этихъ пустынь. Но лишь только весна откроетъ бурую землю и растаютъ необозримыя болота, какъ появляются безчисленныя стаи перелетныхъ птицъ. Всевозможныхъ породъ утки, гуси, лебеди, гагары, гаги, чайки, бакланы, кулики, а слѣдомъ за ними и хищные ястреба летятъ къ берегамъ ледовитаго океана, изъ лѣсовъ выходятъ огромныя стада оленей, чтобы пастись на богатыхъ лишайниковыхъ и моховыхъ пастбищахъ и искать на прохладныхъ морскихъ берегахъ защиты отъ назойливыхъ роевъ оводовъ, мошекъ, комаровъ и др. насѣкомыхъ. Въ то же время и въ рѣкахъ совершается массовое передвиженіе, но только въ обратномъ направленіи: безчисленными легіонами плывутъ отъ моря, вглубь материка для метанія икры осетры, лососи, а у береговъ ловится въ громадномъ количествѣ треска, сельдь, пикшуй, сайда и др. рыбы, составляющія главный предметъ промысла всего поморскаго населенія.

Оживляется тогда на короткое время тундра. Идутъ сюда и рыболовъ, и звѣроловъ, и пастухъ со стадами своихъ оленей. Жители воздуха, водъ и твердой земли должны наскоро удовлетворить различнымъ потребностямъ человѣка: утолить голодъ, одѣть тѣло, удовлетворить корыстолюбію. Во всей природѣ замѣчается какая-то суетливая торопливость, точно всѣ боятся, что животворное, благодѣтельное солнце слишкомъ скоро исчезнетъ съ горизонта. Растенія спѣшатъ выпустить свои ростки, распустить цвѣты и заготовить зародыши своихъ будущихъ отростковъ, птицы гнѣздятся массами на всѣхъ скалахъ, пригоркахъ или просто на тундрѣ смѣшанными колоніями, тѣснясь другъ около друга и наполняютъ воздухъ невообразимымъ шумомъ и криками *). Также суетится и человѣкъ, не разсчетливо расточая богатства, которыя ему представляетъ здѣсь щедрая природа: цѣлые вороха набитой дичи нерѣдко безполезно гніютъ въ тундрѣ, такъ какъ охотники не успѣваютъ утилизировать своей добычи и, опустошивъ одно озеро, спѣшатъ къ другому. Точно также массами пропадаетъ пойманная рыба по недостатку рабочихъ рукъ и припасовъ для заготовленія въ прокъ.

Но лишь только первые морозы укажутъ на приближеніе зимы, какъ все населеніе тундры спѣшитъ оставить эту страну, гдѣ скоро исчезнутъ источники жизни. Птицы и звѣри снова удаляются къ Ю., рыбы уплываютъ обратно въ море. Ничто тогда не удерживаетъ уже и человѣка въ пустынной тундрѣ. Скоро и твердая земля, и замерзшее озеро, и скованная рѣка на 7, 8 и даже 9 мѣсяцевъ скрываются подъ толстымъ однообразнымъ снѣжнымъ покровомъ,—и наступаетъ мертвящая тишина безконечныхъ полярныхъ ночей, прерываемая лишь страшными бурями.

Несчетныхъ представителей пернатаго царства привлекаетъ въ тундру лѣтомъ необыкновенное изобиліе пищи, которое имъ доставляетъ море и тучи насѣкомыхъ. Во время отлива на берегахъ, выступившихъ изъ воды, идетъ кипучая дѣятельность, и птицы съ жадностью поѣдаютъ всевозможныхъ мелкихъ морскихъ животныхъ, оставленныхъ волною.

Трудно сказать, удается-ли когда-нибудь человѣку завоевать своею культурою пустынныя тундры, по крайней мѣрѣ хлѣбопашество здѣсь немыслимо. Но зато здѣсь есть на лицо всѣ условія для широкаго развитія оленеводства, а естественныя богатства въ состояніи вознаградить поселенца за всѣ ужасы полярнаго климата.

Къ Ю. отъ неясно очерченной границы тундръ простирается широкая лѣсная полоса, которая тянется на Ю. до южныхъ и юго-восточныхъ степей Европейской Россіи. Граница со степями выражена еще менѣе опредѣленно, чѣмъ предѣльная линія тундръ на С. Лѣсная область называется такъ не потому, что она въ дѣйствительности сплошь поросла лѣсами, но лишь въ томъ смыслѣ, что здѣсь соединяются всѣ благопріятныя климатическія и почвенныя условія для произрастанія древесной растительности. Однако всѣ эти условія не менѣе благопріятны и для луговъ. Обширные поемные луга, занимаютъ большія площади по берегамъ всѣхъ нашихъ рѣкъ и обусловливаются ежегодными продолжительными

*) Обширныя скопленія птицъ на берегахъ моря представляютъ иногда настоящіе птичьи города, такъ называемые „базары“.

оловодьями; какъ извѣстно, большинство русскихъ рѣкъ имѣютъ правый берегъ нагорный, часто покрытый лѣсомъ, лѣвый—луговой, подверженный періодическимъ наводненіямъ, которыя не позволяютъ деревьямъ утвердиться въ почвѣ.

Общій характеръ континентальности климата Европейской Россіи сказывается въ томъ, что нѣкоторыя деревья, характерныя для Западной Европы, останавливаются передъ русской границей. Такъ, напр., букъ, который растетъ повсемѣстно въ Австріи, Германіи, въ Даніи и даже въ южной половинѣ Швеціи, у насъ встрѣчается только въ Царствѣ Польскомъ, да еще на южномъ берегу Крыма и на Кавказѣ. На всей равнинѣ Европейской Россіи такимъ же характернымъ деревомъ является дубъ, снабженный необыкновенно глубокимъ корнемъ, позволяющимъ ему вытягивать влагу изъ глубоколежащихъ слоевъ почвы; поэтому дубъ успѣшнѣе другихъ деревьевъ борется съ вліяніемъ степи и заходитъ далеко на Ю., въ мѣстности уже съ явно выраженнымъ степнымъ характеромъ, до линіи Полтава—Харьковъ—Саратовъ. Есть основанія предполагать, что въ прежнія времена распространеніе дуба въ Россіи было еще болѣе широко, чѣмъ теперь.

Но самою главною особенностью Восточной Европы сравнительно съ Западною — это необыкновенное распространеніе хвойныхъ деревьевъ. Въ Сѣверной Германіи, въ Даніи, въ Сѣверной Швеціи, на Британскихъ островахъ, не говоря уже о странахъ болѣе южныхъ, вездѣ—положительно преобладаютъ лиственныя породы деревьевъ, хвойныя же оттѣснены на крайній сѣверъ (Норвегія) или на значительныя горныя высоты *). Въ Европейской же Россіи, начиная отъ южной границы тундръ и далеко вглубь страны, приблизительно до линіи Псковъ—Кострома—Казань—Уфа безусловно преобладаютъ хвойныя деревья: ель, сосна, пихта, лиственница, а далѣе на В. къ Уралу сибирскій кедръ. Лиственныя же породы: береза, осина, ольха составляютъ лишь примѣсь къ общему фону типичнаго бора.

Упомянемъ еще о липѣ, которая наряду съ дубомъ составляетъ также характерную для Европейской Россіи древесную породу. Появляясь сначала изрѣдка уже въ Архангельской губ. (Шенкурскій уѣздъ), по мѣрѣ приближенія къ дубовой полосѣ, она становится все обильнѣе и обильнѣе и уже въ приволжскихъ лѣсахъ: въ костромскихъ, нижегородскихъ, казанскихъ, въ особенности же въ горныхъ лѣсахъ уфимскихъ представляетъ громадныя, почти сплошныя заросли. За липой слѣдуетъ ясень, и въ дубовой полосѣ **): кленъ разныхъ породъ, вязъ, а въ лѣсахъ украины растетъ грабъ и становятся частыми садовыя плодовыя деревья: яблони (лишь изрѣдка попадающіяся въ южной части хвойной полосы), груши, сливы, вишни.

---

*) Сплошныя песчанныя пространства, впрочемъ, и на западѣ поросли сосновыми борами, какъ, напр., французскія Ланды.

**) Дубъ начинается уже въ южныхъ частяхъ Петербургской, Новгородской, Тверской и Ярославской губерній.

Уже въ началѣ русской исторіи почти вся лѣсная область покрыта была дремучими лѣсами, и есть основаніе предполагать, что они простирались даже дальше, чѣмъ теперь, какъ на Ю., такъ и на С. Но въ настоящее время картина сильно измѣнилась подъ вліяніемъ человѣка. Вырубка лѣсовъ, расчистка порубокъ и превращеніе ихъ въ поля уже много вѣковъ назадъ стали измѣнять первобытный видъ страны. Борьба человѣка съ лѣсомъ раньше всего началась на Ю.-З. и въ области великихъ озеръ, но постепенно распространилась и далеко на С.-В. Однако же даже и теперь на обширныхъ пространствахъ сѣвера и сѣверовостока полевая культура овладѣла сравнительно ничтожными областями среди сплошныхъ лѣсистыхъ пространствъ. Но старыхъ дѣвственныхъ лѣсовъ теперь уже осталось очень мало и только по окраинамъ: восточнымъ, западнымъ и сѣвернымъ. Кромѣ стремленія населенія увеличить площадь пашни, большія опустошенія въ лѣсахъ производятъ пожары, повторяющіеся изъ года въ годъ, охватывающіе десятки и сотни тысячъ десятинъ, измѣняющіе на громадныхъ пространствахъ дѣвственную физіономію лѣса, истребляющіе его флору и фауну.

Трудно себѣ представить мѣстность болѣе безотрадную и пустую, чѣмъ обгорѣлое пространство лѣса. Самая дикая тундра крайняго сѣвера богаче растительностью и животными, чѣмъ мѣсто лѣсного пожарища. Нужно нѣсколько десятковъ лѣтъ, чтобы гарь снова зазеленѣла и колонизировалась животными.

Современное животное царство Европейской Россіи въ общемъ представляетъ лишь остатки прежняго богатства: многіе представители фауны исчезли безвозвратно, число другихъ сильно уменьшилось, но за то съ человѣкомъ появились и новые колонисты. Все пространство лѣсной области, въ особенности полоса хвойная, во времена уже историческія была густо заселено крупными млекопитающими. Лось, дикій сѣверный олень, медвѣдь, рысь, россомаха, лисица занимали сплошь всю область, повсюду водились куницы и бѣлки въ большомъ количествѣ. Въ Печерскомъ и Двинскомъ краѣ, а раньше и гораздо южнѣе, изобиловали соболи. Вся западная часть до области великихъ озеръ была населена зубрами, кабанами, косулями.

Теперь многія изъ этихъ животныхъ или исчезли уже, или отступили. Зубръ уцѣлѣлъ только въ Бѣловѣжской пущѣ (подъ охраною закона), кабанъ не выходитъ изъ предѣловъ Западной Двины, да и тамъ рѣдокъ. Косуля изрѣдка попадается еще на западѣ. Россомаха, рысь, лось исчезаютъ все больше и больше съ каждымъ годомъ. Сѣверный олень отступилъ далеко на сѣверъ, до Олонецкой и Вологодской губ. и кое-гдѣ встрѣчаются еще въ Тверской губ. Соболь исчезъ окончательно въ лѣсной области еще въ XVII столѣтіи *). Всѣ рѣки и удобныя мѣста на озерахъ въ прежнее время изобиловали выдрами и бобрами, которые теперь составляютъ большую рѣдкость и сохранились лишь въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Полѣсья и въ лѣсахъ средняго Урала. Зато, какъ утверждаютъ нѣкоторые ученые **) лисицы и особенно волки стали многочисленнѣе.

Въ населеніи птицъ человѣческая культура произвела сравнительно меньшія измѣненія: и теперь еще лѣса обильны многочисленными представителями зерноядныхъ и насѣкомоядныхъ пернатыхъ. Въ сѣверныхъ и западныхъ областяхъ и теперь еще изобилуютъ разные виды куриныхъ: глухари, полевые тетерева, рябчики и бѣлыя куропатки, и въ обширныхъ районахъ они составляютъ еще

*) Соболь изрѣдка встрѣчается еще на Уралѣ.
**) М. Богдановъ. Прибавленіе къ V т. „Земля и люди", стр. 104.

важный предметъ промысла. По рѣкамъ, озерамъ и болотамъ еще и теперь довольно много различныхъ видовъ голенастыхъ и водяныхъ птицъ, особенно во время весенняго и осенняго пролета.

Изъ ядовитыхъ можно упомянуть только гадюку, которая встрѣчается повсемѣстно, но чаще въ болѣе сѣверныхъ областяхъ и на З.

Рыбное богатство довольно значительно. Въ рѣкахъ и озерахъ водятся почти всѣ обыкновенныя породы рыбъ европейскихъ прѣсныхъ водъ. Развитіе фабричнаго производства въ нѣкоторыхъ мѣстахъ испортило рѣчныя воды и повело почти къ полному исчезновенію нѣкоторыхъ цѣнныхъ породъ рыбъ. Въ верхней Волгѣ, напр., осетры и стерляди составляютъ рѣдкость, между тѣмъ какъ прежде здѣсь существовали прибыльныя ловли этихъ рыбъ. Но зато, благодаря прорытію каналовъ, нѣкоторые водные обитатели переходятъ за предѣлы своей естественной области. Стерлядь, напр., прежде не встрѣчавшаяся въ Сѣверной Двинѣ, появилась впервые въ водахъ Архангельска около 1865 г., очевидно, благодаря Екатерининскому каналу, который соединяетъ впродолженіи значительной части года систему Камы-Волги съ С. Двиной *).

Примѣровъ переселенія животныхъ подъ вліяніемъ культуры человѣка довольно много. Вмѣстѣ съ полями съ юга въ область хвойныхъ лѣсовъ двигаются, напр., заяцъ-русакъ, сѣрая куропатка, грачи, ежъ, перепелъ и др.

Уже въ южной части лѣсной полосы лѣса начинаютъ рѣдѣть и мѣстность постепенно пріобрѣтаетъ степной характеръ.

Въ этой переходной полосѣ различаютъ «предстепіе», которое простирается приблизительно между лѣтними изотермами $+15^0$ и $+17^0$. Въ этой полосѣ еще попадаются лѣса, даже довольно обширныя, но вліяніе степи сказывается уже очень сильно, и лѣса, разъ истребленные, уже не возстановляются сами собою. Южная граница переходной полосы представляетъ неправильную линію, проходящую приблизительно черезъ Екатеринославъ, Лугань и далѣе къ В. нѣсколько южнѣе Уральска.

Климатъ степей характеризуется жаркимъ лѣтомъ, сравнительно суровыми зимами и неудобнымъ для растительности годовымъ распредѣленіемъ дождей, при чемъ и общее количество падающей воды меньше, чѣмъ въ сосѣднихъ странахъ Западной Европы подъ тѣми же широтами. Наибольшее количество осадковъ приходится на лѣто, осенью же ихъ бываетъ недостаточно. Къ этому должно еще указать на сравнительно позднее прекращеніе весеннихъ морозовъ и на ранніе осенніе заморозки.

Почва во всей сѣверной и западной части состоитъ изъ чернозема, на В. въ Астраханской, Оренбургской и въ значительной части Ставропольской губ. и Крыма—глинистая, солончаковая и песчаная.

Ель совершенно останавливается на южной границѣ степной области, сосна заходитъ гораздо дальше и укрѣпляется на всѣхъ пространствахъ, покрытыхъ песками (около Харькова, Саратова близъ Уфы и т. д.), хотя существуетъ мѣстами и на известнякахъ.

Самое понятіе *степь* означаетъ *безлѣсную* равнину, покрытую разнообраз-

*) Максимовъ, „Годъ на сѣверѣ". Простой народъ, дивившійся при видѣ этой неслыханной рыбы, сначала пренебрегалъ ею, но впослѣдствіи, по примѣру пришлыхъ русскихъ рыбаковъ, ее стали употреблять въ пищу,—и она быстро поднялась въ цѣнѣ.

ною травяною растительностью, среди которой *ковыль* является наиболѣе характернымъ растеніемъ. Ковыль покрываетъ собою огромныя пространства цѣльной, непаханной черноземной степи и поселяется обыкновенно большими кучками, замѣтными издали по длиннымъ пушистымъ серебристымъ остямъ. Въ настоящей степи можно ѣхать сотни верстъ и нигдѣ даже вдали на горизонтѣ не видѣть ни одного дерева. Только въ глубокихъ оврагахъ или такъ называемыхъ балкахъ и около рѣкъ тамъ и сямъ встрѣчаются поросли кустарниковъ или высятся небольшія группы деревьевъ.

Растительность въ типичной степи начинаетъ замирать уже весною: нѣжныя травы быстро отцвѣтаютъ и сохнутъ и только ковыль подымаетъ свои серебристыя метелки, волнуемыя вѣтромъ. Тогда степь, окрашенная въ желтоватый или буроватый (чалый) цвѣтъ, имѣетъ однообразный видъ.

Безлѣсіе степи объясняется прежде всего климатическими условіями, которыя не благопріятны для существованія многолѣтнихъ растеній, деревьевъ, вслѣдствіе ежегоднаго продолжительнаго перерыва растительнаго періода засухами. Поэтому можно думать, что южно-русскія равнины всегда представляли степи, т. е. лишены были деревьевъ. Съ другой стороны несомнѣнно, что предѣлъ степи уже въ историческое время передвинулся дальше къ С., вслѣдствіе нераціональнаго истребленія лѣсовъ, что въ свою очередь повело еще къ большему осушенію климата и усилило всѣ континентальныя свойства страны. За послѣднюю четверть вѣка культура сильно измѣнила южно-русскую степь: ковыль отодвигается все дальше и дальше на Ю., а на его мѣсто появляются необозримыя нивы, преимущественно пшеничныя, такъ что черноморскую степь въ настоящее время можно уже назвать пшеничною страною.

Разъ нарушенная плугомъ и снова запущенная степь отличается уже отъ цѣлины по характеру растительности. Въ такихъ мѣстахъ мѣсто ковыля и другихъ типичныхъ степныхъ травъ занимаетъ такъ называемый *бурьянъ*, состоящій преимущественно изъ полыни и разнаго рода колючекъ.

Особый характеръ въ степи имѣютъ такъ называемыя *поймы* и *плавни* простирающіяся по низменнымъ берегамъ рѣкъ и особенно въ дельтахъ ихъ. Почва здѣсь сырая и болотистая, не высыхающая мѣстами даже въ лѣтнія жары, и поросла густыми зарослями осоки и высокими камышами, образующими настоящіе лѣса, тамъ же, гдѣ почва посуше, разростаются густые кустарники.

Дѣвственная степь, гдѣ она еще уцѣлѣла отъ плуга земледѣльца, представляетъ необыкновенное богатство животной жизни. Но здѣсь уже играютъ роль не крупныя животныя, какъ въ предыдущей, лѣсной области, а мелкія: преимущественно насѣкомыя, и враги ихъ—птицы и маленькіе звѣрьки. Изъ птицъ многія еще и теперь составляютъ предметъ охоты, напр., многочисленныя водяныя и болотныя: утки, гуси, кулики, дупеля, а также настоящія степныя птицы: дрофы, стрепеты, куропатки и др., рядомъ съ ними многочисленные хищники пернатаго царства: коршуны, соколы, ястребы, орлы и др. Но еще гораздо многочисленнѣе мелкія пташки насѣкомоядныя и зерноядныя, оглашающія весеннею порою степь разнообразными звуками своихъ пѣсенъ. Поверхность степи изрыта норами сурковъ, сусликовъ, кротовъ, хорьковъ и др. Дѣятелей дня смѣняютъ ночью совы, летучія мыши, земляные зайцы, полевыя мыши и т. д.

Вторженіе культуры и хлѣбопашества производитъ въ степной жизни большія измѣненія: многія изъ животныхъ исчезаютъ безвозвратно, другія приспособляются къ хлѣбнымъ полямъ и становятся нахлѣбниками человѣка, составляя страшный бичъ земледѣлія, каковы суслики, овражки, мыши, различныя зерноядныя птицы и вредныя

насѣкомыя: саранча, гессенская муха, кузька; прусъ и т д. Что касается насѣкомыхъ, то можно сказать, что человѣкъ самъ создалъ себѣ этихъ враговъ: неразумное истребленіе степныхъ кустарниковъ и рощъ, даже по рѣкамъ и балкамъ повлекло за собою исчезновеніе множества насѣкомоядныхъ птицъ. Упомянемъ еще про одно замѣчательное животное, которое водится въ волжскихъ и донскихъ поймахъ и затонахъ, *выхухоль*. Звѣрекъ этотъ не встрѣчается нигдѣ, кромѣ русской равнины, и представляетъ рѣдкій остатокъ третичной фауны, равный по научной цѣнности австралійскому утконосу *).

Солончаковыя степи, занимающія арало-каспійскую низину, сильно отличаются отъ только-что описанныхъ черноземныхъ степей причерноморскихъ и имѣютъ вполнѣ азіатскій характеръ. Естественная историческая граница Европы и Азіи проходитъ не по р. Уралу, какъ принимаютъ многіе, и какъ положено это въ основаніе административнагo раздѣленія европейскихъ и азіатскихъ владѣній Россіи **), а значительно далѣе къ С.-З. Границу эту по характеру физическихъ условій и органическаго міра слѣдуетъ провести по линіи, идущей отъ Азовскаго моря по Манычу и по восточному склону Ергеней къ Царицыну, и далѣе по правому берегу Волги до Камышинскаго уѣзда и вдоль южныхъ склоновъ Общаго Сырта на В. за Уральскій хребетъ.

Общій характеръ этой страны, составляющей часть обширной Арало-Каспійской области, представляетъ рѣзкій контрастъ съ сосѣдней черноземной областью. Почва на всемъ пространствѣ состоитъ изъ твердой, какъ камень, сѣровато-желтой, иловатой глины, пропитанной солью. Каждое углубленіе на поверхности представляетъ ясные слѣды высыхающихъ соленыхъ озеръ. Высушенная жаромъ почва эта блеститъ на солнцѣ и бѣлѣетъ отъ кристалловъ соли, издали похожихъ на снѣжный покровъ. Мѣстами-же встрѣчаются обширныя пространства сыпучихъ песковъ, нагроможденныхъ однообразными невысокими холмами—это такъ называемая *бараханная формація*, столь распространенная въ степяхъ Средней Азіи. Пески эти—ничто иное, какъ древнія дюны Каспія, подвергнутыя многовѣковой переработкѣ степныхъ вѣтровъ. Чернозема здѣсь нигдѣ нѣтъ даже и слѣда. Нѣтъ также сплошного растительнаго покрова, и вездѣ среди рѣдко разбросанныхъ кустовъ полыни и характерныхъ солончаковыхъ растеній съ мало развитыми, колючими листьями съ сочными стеблями, по большей части съ слегка красноватымъ отливомъ, выступаетъ голая почва. Всѣ растенія развиваются и снова чахнутъ еще быстрѣе, чѣмъ въ черноземныхъ степяхъ. Тамъ гдѣ почва въ достаточной степени выщелочена, а также и на пескахъ растительность нѣсколько богаче: здѣсь, въ котловинкахъ между песчаными холмами кромѣ однолѣтнихъ травъ встрѣчаются иногда и кустарники: различные виды гребенщика или жидовника, колючей джиды, лоховника и т. п.

Въ животномъ населеніи этихъ печальныхъ и безплодныхъ степей преобладаютъ пресмыкающіяся: змѣи (степной удавъ), ящерицы, черепахи; вся поверхность изрыта норками и испещрена узорами слѣдовъ этихъ животныхъ. Большинство обитателей этой области сходны по своей окраскѣ съ преобладающимъ цвѣтомъ степи.

Вдоль всѣхъ рѣкъ, въ предѣлахъ ихъ разливовъ проходятъ полосами флора и фауна черноземной области, такъ какъ здѣсь существуютъ тѣ-же условія почвы и влажности, но этотъ міръ остается чуждымъ общему характеру степи и не выходитъ за предѣлы оазисовъ, орошаемыхъ рѣчными половодьями.

Наконецъ, въ узкой прибрежной полосѣ Каспійскаго моря животный міръ проявляетъ необыкновенное богатство и разнообразіе. Безчисленное множество всевозможныхъ водяныхъ птицъ, а также многіе гады и млекопитающія питаются здѣсь отбросами моря, преимущественно рыбой и ея икрой.

Въ этихъ степяхъ, какъ и въ тундрѣ, дѣятельность человѣка еще очень мало измѣнила первобытный характеръ. Какъ и въ незапамятныя времена здѣсь бродятъ стада кочевниковъ, не нарушая естественнаго хода жизни въ степи. Такъ какъ земледѣліе абсолютно невозможно въ этой странѣ, за исключеніемъ только рѣчныхъ долинъ, то можно думать, что едва-ли когда-либо пустыня поддастся вліянію культуры.

---

*) Богдановъ. Прибавленіе къ V т. Реклю, стр. 114.

**) Астраханская губ. и земля Уральскаго казачьяго войска причисляется къ Европейской Россіи.

Въ Европейской Россіи есть небольшой уголокъ, рѣзко отличающійся по своей природѣ отъ остальной части территоріи и напоминающій южные полуострова Европы, напр., Италію. Уголокъ этотъ помѣщается на южномъ берегу крымскаго полуострова къ югу отъ обрывистаго хребта Яйлы. О первобытномъ характерѣ этой мѣстности судить трудно, такъ какъ повсюду обнаруживаются ясные слѣды дѣятельности человѣка, то истребительной и хищнической, то наоборотъ, созидающей. Лѣса, покрывавшія еще сравнительно недавно склоны горъ, въ значительной степени истреблены, что повлекло за собою общее уменьшеніе осадковъ и пересыханіе многихъ горныхъ потоковъ, истреблены многіе представители животнаго царства, но зато здѣсь размножились нѣкоторыя растенія, прежде совершенно неизвѣстныя (апельсины, лимоны, маслина и др.) и между ними нѣсколько образчиковъ флоры Новаго Свѣта, напр., растутъ агавы, кактусы, мирты, кипарисы, бамбукъ, нѣкоторыя пальмы и т. д. Что можетъ сдѣлать культура изъ этого благодарнаго уголка, показываютъ великолѣпные плодовые сады (Никитскій) и обширные виноградники, плантаціи шелковичнаго дерева (около 200 пуд. сырого шелку въ годъ).

Древніе и современные обитатели Европейской Россіи.

Предыдущій обзоръ показываетъ, что природныя условія въ Европейской Россіи во многомъ сходны съ азіатскимъ континентомъ. Это и понятно, если принять во вниманіе, что Европа представляетъ собою нечто иное, какъ большой полуостровъ восточнаго материка. Естественно, что, при отсутствіи какой-либо рѣзкой границы между Азіей и Европой, восточная часть послѣдней имѣетъ въ значительной степени азіатскій характеръ и по климату, и по характеру органическаго міра, и даже по строенію рельефа, составляя продолженіе необъятныхъ равнинъ Средней и Сѣверной Азіи.

Можно, пожалуй, установить даже аналогію въ характерѣ и распредѣленіи географическихъ областей въ Восточной Европѣ и въ Азіи. Низменнымъ, заболоченнымъ, промерзшимъ западно-сибирскимъ тундрамъ соотвѣтствуютъ Больше-земельская и Мало-земельская тундры Архангельской губерніи, а каменистымъ, гористымъ сѣвернымъ пустынямъ Восточной Сибири соотвѣтствуютъ западныя окраины сѣверной Россіи: Лапландія и сѣверная часть Финляндіи; сибирской тайгѣ аналогична по своему характеру лѣсная область Европейской Россіи, далѣе, въ обѣихъ разсматриваемыхъ областяхъ слѣдуетъ поясъ степей: черноземныхъ (Черноморскія—Ишимская, Барабинская, Минусинская и т. д.) и песчано-солончаковыхъ (Крымскія—Прикаспійскія, Закаспійскія и обширныя Средне-Азіатскія). Наконецъ къ Ю. отъ гигантскихъ горныхъ хребтовъ (Гималайскихъ, Кавказскихъ и продолженія ихъ Крымскихъ) какъ въ Азіи, такъ и въ Восточной Европѣ помѣщаются области съ роскошной природой (южный берегъ Крыма, Закавказье, Индія). Словомъ, Восточная Европа повторяетъ собою Азію, но только въ меньшемъ масштабѣ, какъ это можно видѣть изъ сравненія ихъ площадей.

Указанной аналогіи уже совершенно достаточно, чтобы объяснить замѣчательное однообразіе физическихъ условій, флоры и фауны на всемъ пространствѣ Европейской и Азіатской Россіи. Отсюда же понятно, что и человѣкъ, не встрѣ-

чая значительной разницы въ природныхъ условіяхъ мѣстностей, свободно переселялся во всѣ времена изъ одной области въ другую, изъ Азіи въ Европу и обратно, почему нѣтъ коренного различія между разсматриваемыми двумя частями свѣта и по этнографическому составу: какъ въ той, такъ и въ другой есть и индо-европейскій элементъ, и монгольскій, и различныя смѣшанныя расы. Замѣтимъ только, что въ восточной половинѣ Европы смѣшеніе азіатскихъ и европейскихъ народностей сказывается въ большей степени, чѣмъ въ Западной Европѣ, такъ какъ Россія по своему географическому положенію стоитъ на пути передвиженія народовъ.

Что касается преобладающаго направленія въ разселеніи человѣка, то, насколько исторія можетъ проникнуть въ глубину древности, можно установить два противоположныя теченія: съ В. на З., т. е. изъ Азіи въ Европу и обратное: съ З. на В. Первое направленіе колонизаціи имѣло, повидимому, какой-то стихійный характеръ и совпадаетъ съ общимъ движеніемъ азіатскихъ организмовъ въ Европу *). Такимъ путемъ уже въ историческія времена послѣдовательно переселились изъ Азіи многія тюркскія и монгольскія народности: венгры, татары, башкиры, калмыки и др.

Что касается азіатскаго происхожденія трехъ главныхъ европейскихъ племенъ: кельтовъ, германцевъ и славянъ, то этотъ вопросъ въ настоящее время нельзя считать рѣшеннымъ. Еще недавно на этотъ счетъ существовало совершенно опредѣленное мнѣніе, по которому общею родиною всей индоевропейской семьи народовъ, такъ называемыхъ арійцевъ, признавался уголокъ Центральной Азіи (узелъ Гинду-Кушъ и верховья рр. Сыръ-Дарьи и Аму-Дарьи). Но въ настоящее время большинство ученыхъ допускаетъ, что родиною европейскихъ народовъ была сама Европа.

Другимъ путемъ, т. е. съ З. на В., изъ Европы въ Азію движется населеніе въ сравнительно новѣйшіе вѣка. Европа въ настоящее время имѣетъ уже относительный избытокъ населенія и избытокъ культурныхъ и промышленныхъ силъ, которыя по естественному ходу исторіи стремятся распространиться за предѣлы первоначальной территоріи. Колоніи европейцевъ разбросаны по всему свѣту. Недалеко уже, вѣроятно, то время, когда благодаря непрерывному смѣшенію племенъ и народовъ, при тѣхъ огромныхъ размѣрахъ, которые принимаютъ въ послѣднее время переселенія, благодаря все возрастающей легкости передвиженій по лицу земного шара,—въ различныхъ областяхъ земли постепенно установится равновѣсіе населенія, каждая страна внесетъ часть своего богатства и своей культуры въ общую сокровищницу человѣчества, и цивилизація болѣе равномѣрно, чѣмъ въ настоящее время, распространится по всей землѣ.

Обратимся къ современному этнографическому составу обитателей территоріи Европейской Россіи. На всемъ ея пространствѣ безусловно господствующими какъ по численности, такъ и по своей культурѣ являются славяне, именно восточная вѣтвь ихъ **): русскіе (около 60 милл.) и поляки (около 5 милл.) (на западной окраинѣ, преимущественно въ бассейнѣ р. Вислы). Но собственно русская территорія, т. е. та область, гдѣ русское населеніе является сплоченнымъ, а всѣ другія народности представляютъ незначительный элементъ,—зани-

*) По общепринятому въ наукѣ мнѣнію громадное большинство культурныхъ и дикихъ видовъ растеній и животныхъ появились въ Европѣ изъ Азіи. Что касается Европейской Россіи, то даже въ настоящее время можно видѣть слѣды этого передвиженія въ постепенномъ переселеніи нѣкоторыхъ формъ съ В. на З. Несомнѣнно доказано, напр., что нѣкоторыя сибирскія птицы, населяющія восточную часть лѣсной области, постепенно передвигаются на З. (см. Богдановъ: прилож. къ V т. Реклю, стр. 107).

**) Племя славянъ раздѣляется на три вѣтви: 1) *восточные* славяне (русскіе и поляки), *западные* (чехи, моравы, хорваты и др., живущіе на территоріи Австріи) и 3) *южные* (болгары и сербы, на Балканскомъ полуостровѣ).

маетъ лишь часть Европейской Россіи, приблизительно въ предѣлахъ между великими озерами на С. и Чернымъ моремъ на Ю., рр. Волгой (въ верхнемъ и среднемъ теченіи) и Окой на В. и Карпатами на З. Тотчасъ же на В. отъ сліянія Оки съ Волгою разсѣяны болѣе или менѣе сплоченными группами народности не славянскія: *финны приволжскіе, камскіе и пріуральскіе* — мордва (1.000,000) *), чуваши (700,000), черемисы (260,000), вотяки (240,000), мещеряки и тептери (270,000), пермяки и зыряне (150,000). вогулы (2,000), весь и др. (28,000). Далѣе къ Ю. въ восточной части Европейской Россіи преобладаютъ *тюрко-монгольскія* народности: татары (казанскіе 1.050,000), башкиры (750,000), киргизы (180,000), калмыки (120,000). На южныхъ окраинахъ, у береговъ Чернаго моря живутъ пришлыя славянскія народности—сербы и болгары (150,000—) греки (75,000), нѣмецкіе колонисты, армяне (36,000) и др., а изъ монголовъ наиболѣе многочисленны крымскіе татары (80,000). Въ западной части Россіи живутъ другія многочисленныя финскія племена, *прибалтійскіе финны:* финляндскіе (180,000), карелы (300,000), эсты, ливы, ижора (800,000), лопари (4,000). Наконецъ къ къ Ю.-З. отъ прибалтійскихъ финновъ, между русскими и поляками, бассейнъ р. Нѣмана и нижнее теченіе Западной Двины населяетъ національность арійская и родственная славянамъ, но сильно отличающаяся отъ нихъ — литовцы (1.900,000) и латыши (1.100,000), а на юго-западной окраинѣ, въ Бессарабіи живутъ молдаване и валахи (750,000), принадлежащіе къ румынскому народу. Кромѣ того, на всемъ пространствѣ Европейской Россіи, преимущественно въ западныхъ и южныхъ окраинахъ (въ чертѣ осѣдлости) живетъ 3—4 милл. евреевъ.

Хотя приведенныя числа различныхъ народностей, входящихъ въ составъ Европейской Россіи, устарѣли и значительно ниже настоящихъ, но они даютъ общее представленіе объ относительномъ составѣ населенія.

Переходимъ къ новѣйшимъ даннымъ.

Количество населенія, болѣе или менѣе гадательное до самаго послѣдняго времени, съ точностью выяснилось послѣ первой всенародной переписи, произведенной 27-го января 1897 г. По даннымъ этой переписи общая цифра населенія Россійской имперіи достигаетъ 129.211,000 человѣкъ. Изъ этого числа 94.000,000 приходится на 50 губерній Европейской Россіи, а остальное на окраины, именно: 2,5 мил. на Великое Княжество Финляндское, 9.440,000 на 10 губерній Царства Польскаго, 9.720,010 на 11 губерній и областей Кавказа, 4.180,000 на Туркестанъ и Закаспійскую область, 3.415,000 на остальныя

*) Цифры различныхъ племенъ, приведенныя здѣсь, заимствованы изъ новаго изданія (1898 г.) Реклю „Земля и люди“, подъ редакціей С. П. Зыкова. Хотя онѣ относятся къ 1879 г. и, слѣдовательно, сильно устарѣли, но результаты переписи 1897 г. (28 янв.) еще не обработаны настолько, чтобы можно было судить объ этнографическомъ составѣ населенія. Предварительный подсчетъ результатовъ переписи, общій по Россіи и по губерніямъ, приведенъ дальше.

области Киргизской степи и 5.730,000 на всю остальную Сибирь. Вся Азіатская Россія, если присоединить къ ней зауральскіе уѣзды губерній Пермской и Оренбургской, имѣетъ 15.300,000 чел.

Плотность населенія по главнымъ раіонамъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ: въ Европейской Россіи (безъ Польши, Финляндіи и Кавказа) 22,2 человѣка на 1 кв. версту, въ Польшѣ 84,6 (и даже нѣсколько больше—около 85 чел. на 1 кв. в.), Финляндія—8,8, Кавказъ—23,6, Сибирь—0,5, Средняя Азія (степныя области)—1,6, Туркестанъ и Закаспійская область—2,5, общая плотность по всей Россіи—6,8 *).

На многихъ картахъ теперь показывается распредѣленіе плотности населенія на территоріи Европейской Россіи, по губерніямъ. Въ каждой губерніи наносятся двоякаго рода числа: одни показываютъ густоту населенія губерніи (число жителей на 1 кв. версту), другія обозначаютъ относительное число городского населенія (% отношеніе числа городскихъ жителей къ общему количеству населенія губерніи **).

Изъ этихъ картъ видно, что наиболѣе плотно населены губерніи польскія, Московская, Подольская, Кіевская, самою густонаселенною является Екатеринославская. Слѣдующую степень плотности представляютъ 2 черноземныя губерніи: Полтавская и Курская, а затѣмъ обширный раіонъ по бассейнамъ Днѣпра, Оки и верхняго Дона, а также и сосѣднія съ Польшею. Во всѣ стороны отъ этого густонаселеннаго раіона расположены области съ плотностью менѣе 40 чел. на 1 кв. версту. Этотъ раіонъ болѣе другихъ приближается къ средней плотности населенія Европейской Россіи и занимаетъ около 1/3 ея территоріи. Губерніи, относящіяся сюда, расположены преимущественно на восточной окраинѣ: по нижнему теченію Волги и къ В. отъ нея почти что до Уральскаго хребта (Уфимская губ.), а также и по всему среднему и верхнему бассейну р. Волги (кромѣ того, по низовьямъ и верховьямъ Днѣпра, въ Таврической губ., въ юго-западной части Финляндіи, по бассейну З. Двины и въ большей части Полѣсья). Вокругъ Финскаго залива и въ области Великихъ Озеръ, а также на самой восточной окраинѣ и по нижнему теченію Дона расположены губерніи еще съ меньшею плотностью населенія, которая варіируетъ около 10—15 чел. на 1 кв. версту. Наконецъ обширная область на сѣверныхъ и юго-восточныхъ окраинахъ, занимающая около 2 милл. кв. верстъ и составляющая почти половину территоріи Европейской Россіи, имѣетъ чрезвычайно малую плотность населенія: въ общемъ менѣе 5 чел. на 1 кв. версту. Чтобы наглядно показать, до какой степени рѣдко здѣсь населеніе, укажемъ слѣдующее сравненіе: по переписи 1897 г. въ Петербургѣ съ ближайшими пригородами (раіонъ городской с.-петербургской полиціи) оказывается 1.267,023 жителей. Между тѣмъ на всемъ пространствѣ Архангельской губерніи (742,050,7 кв. в.), Улеаборгской (165,641 кв. в.) и области Уральскаго казачьяго войска (313,328,2 кв. верстъ), которое достигаетъ внушительной цифры 1.221,019,9 кв. в., имѣется во всей этой суммѣ меньшее населеніе: 1.252,334 чел. Вся Вологодская губ. имѣетъ немного больше населенія, чѣмъ одинъ городъ Петербургъ (1.365,313 чел.), въ Астраханской губ. живетъ почти столько же населенія, какъ и въ городѣ Москвѣ (994,775 чел., а въ Москвѣ 988,610 чел.).

Наконецъ, приведемъ еще нѣсколько примѣровъ сравненія съ западно-европейскими государствами. Маленькая Бельгія, которая по площади своей близка напр. къ нашей Тульской губ. (въ Бельгіи 26,215 кв. в., въ Тульской губ. 27,204 кв. в.) населена почти въ 5 разъ плотнѣе послѣдней, а между тѣмъ Тульская губ. принадлежитъ, какъ мы видѣли, къ густонаселенному раіону; Пермская губ. почти равная по пространству площади Британскихъ островов, населена въ 12 разъ слабѣе и т. д.

---

*) Чисто русское населеніе въ Финляндіи исчисляется въ 14,000 чел., русскія колоніи въ Бухарѣ—12,000 чел., русскіе подданные въ Хивѣ около 4,000 чел., наконецъ, въ заграничномъ плаваніи на военныхъ судахъ въ моментъ переписи находилось около 13,000 чел.

**) Въ губерніяхъ Царства Польскаго плотность жителей на 1 кв. версту показана общая—85 чел., въ финляндскихъ губерніяхъ не указаны числа второго рода (% городскихъ жителей).

Остановимся еще нѣсколько на относительной плотности городскаго населенія въ Европейской Россіи. Числа, показывающіе эту плотность, варьируютъ не особенно сильно: большинство губерній (24 *) имѣютъ 8—15% городскаго населенія; только 5 губ. имѣютъ отъ 15 до 20% **), тоже 5—около 30 и болѣе % ***). Наконецъ, 8 губ. ****) имѣютъ плотность городского населенія значительно меньше средней: отъ 5 до 7% и 2 губ.: Вятская и Вологодская имѣютъ наименьшій % городского населенія: первая 2,9%, вторая 3,5%. Значеніе этихъ чиселъ очень важно, и мы къ нимъ еще вернемся, когда будемъ говорить о развитіи промышленности въ Европейской России и о культурности населенія. Теперь же мы только попробуемъ сопоставить ихъ съ числами общей плотности населенія. При первомъ же взглядѣ на вышеупомянутыя карты видно, что числа двухъ родовъ, проставленныя въ каждой губерніи, не соотвѣтствуютъ другъ другу. Архангельская губ., напр., наименѣе густо населенная имѣетъ 8,7% городскихъ жителей, т. е. болѣе, чѣмъ Подольская (7,2), которая населена въ 164 раза плотнѣе. Также Екатеринославская губ., занимающая по плотности населенія первое мѣсто во всей Россіи, имѣетъ процентъ городскаго населенія меньше средняго (11,8) и т. д.

Однако же вышеприведенные примѣры сильнаго несоотвѣтствія между плотностями обоего рода можно все-таки разсматривать какъ исключенія, и ниже будутъ приведены нѣкоторыя соображенія для объясненія ихъ. Общимъ правиломъ все-таки можно считать, что болѣе населенныя, а главное болѣе промышленныя губерніи имѣютъ и большее число городскихъ жителей: надо только принимать во вниманіе именно всю площадь губерніи, а не отдѣльные центры населенія, промышленности и культуры. Здѣсь кстати видно осязательно, какъ обширна Россія. Наши сравнительно мелкія административныя единицы, каковы губерніи и уѣзды, на западно-европейскую мѣрку оказываются очень крупными. Такой громадный центръ, какъ Петербургъ съ населеніемъ болѣе, чѣмъ 1¼ милліона, совершенно растворяется въ общей массѣ сельскаго населенія губерніи, которая точно также какъ и почти всѣ остальныя губерніи Россіи, является совершенно *„мужицкой“*, имѣетъ только 6,6% городскаго населенія и очень мало отличается отъ сосѣднихъ губерній съ такими же природными условіями. Дѣйствительно: Псковская губ. имѣетъ 6,2%, Новгородская 6,1%, а рядомъ стоящая Олонецкая губ. имѣетъ даже большую плотность городскаго населенія (6,7%), хотя въ ней только одинъ г. Петрозаводскъ имѣетъ болѣе 10,000 жит. (12,524).

Этотъ примѣръ показываетъ, что для сужденія объ общей массѣ населенія нужно съ большой осторожностью принимать во вниманіе центры, такъ какъ очень легко можно впасть въ заблужденіе. Петербургъ образуетъ громадный, самый большій въ Россіи промышленный центръ, но этотъ фабрично-заводскій районъ простирается лишь на какіе-нибудь 30—50 верстъ въ окружности, а дальше лежитъ область во много тысячъ квадратныхъ верстъ, гдѣ фабрики и заводы составляютъ большую рѣдкость.

Первопрестольная Москва, поэтому, имѣетъ гораздо больше права на названіе центра Россіи, такъ какъ она дѣйствительно лежитъ въ самомъ центрѣ сплоченнаго, промышленнаго и относительно культурнаго населенія. Въ послѣднее время образуются также новые мѣстные центры, какова, напр., Екатеринославская губ., гдѣ населеніе растетъ съ невѣроятной быстротой, благодаря открытію мѣстныхъ богатствъ въ нѣдрахъ земли, а также Харьковъ, Кіевъ, Саратовъ, а въ особенности на западѣ, въ Польшѣ, въ Остзейскихъ губерніяхъ и въ нѣкоторыхъ бѣлорусскихъ и въ самыхъ хлѣбородныхъ губерніяхъ. Населеніе тамъ уже достигло предѣла при первобытномъ строѣ хозяйства и годъ отъ году больше обращается къ разнаго рода подсобнымъ занятіямъ, которыя постепенно становятся главными; здѣсь мы можемъ видѣть, какъ деревни обращаются въ промышленныя мѣстечки, посады, а далѣе—и въ города.

Заглянемъ теперь снова въ глубь вѣковъ и постараемся разобрать, каково происхожденіе современнаго населенія Европейской Россіи, которое, какъ мы видѣли, представляетъ рѣдкій примѣсъ разнообразія и смѣшанности. Этнографи-

*) Витебская, Виленская, Ярославская, Саратовская, Астраханская, Харьковская, Владимірская, Областъ Войска Донскаго, Люблинская, Ломжинская, Радомская, Сувалкская, Сѣдлецкая, Минская, Екатеринославская, Тульская и Орловская.

**) Гродненская, Эстляндская, Таврическая, Плоцкая, Бессарабская и Курляндская.

***) Лифляндская, Петроковская, Варшавская, Херсонская и Московская.

****) Костромская, Уфимская, Самарская, Пермская, Псковская, Новгородская, С.-Петербургская и Олонецкая.

ческая карта современной Россіи сохраняетъ слѣды многочисленныхъ переворотовъ, которые произошли въ распредѣленіи расъ и племенъ до той поры, пока наконецъ безусловное и прочное господство и преобладаніе перешло къ русскимъ славянамъ.

Современная наука является еще въ значительной степени безсильной въ вопросѣ о древнѣйшихъ обитателяхъ нашей территоріи. Однако же въ настоящее время ученые антропологи и языковѣды пришли къ соглашенію, что современные русскіе—не чистые славяне, а представляютъ изъ себя расу смѣшанную въ большей или меньшей степени изъ различныхъ племенъ. По преобладающему элементу примѣси къ чистой славянской расѣ, русскихъ раздѣляютъ на три главныхъ группы: великороссовъ, съ большой примѣсью племенъ финскихъ, малороссовъ, въ жилахъ которыхъ течетъ много тюрко-монгольской крови, и наконецъ бѣлоруссовъ, гдѣ главный элементъ примѣси—литовско-латышскій. Таковъ выводъ изъ многочисленныхъ историко-географическихъ, археологическихъ, антропологическихъ, лингвистическихъ... и т. д. изслѣдованій. Но сколько еще совершенно темныхъ вопросовъ!

Даже относительно начала государственной жизни Россіи уже въ сравнительно позднюю эпоху (вторая половина IX вѣка) историки не столковались удовлетворительно; но не смотря на многочисленныя, обстоятельныя изслѣдованія, опровергающія значеніе для начала русскаго государства пресловутаго «*призванія варяговъ*» *), въ новѣйшихъ учебникахъ русской исторіи разсказъ лѣтописца продолжаетъ фигурировать въ качествѣ основного факта исторической жизни Россіи **).

Въ значительной степени темнымъ является также вопросъ о томъ, пришли-ли славяне на нынѣшнюю территорію и откуда, или же они были коренными, первобытными обитателями нѣкоторыхъ областей Восточной Европы, о расѣ загадочнаго народа скиѳовъ и сарматовъ, которыхъ первыя дошедшія до насъ историческія извѣстія называютъ обитателями нашей страны, о литовцахъ и степени ихъ родства со славянами вообще и съ русскими въ частности, о распредѣленіи племенъ славянскихъ уже въ началѣ исторической эпохи и др. Разбираться въ противорѣчивыхъ мнѣніяхъ различныхъ ученыхъ по всѣмъ этимъ вопросамъ, конечно, не мѣсто въ краткомъ очеркѣ и поэтому остановимся только на главнѣйшихъ фактахъ, проливающихъ свѣтъ на древнѣйшее населеніе Европейской Россіи.

Существованіе человѣка въ третичную эпоху вообще подвержено сомнѣнію, хотя въ Западной Европѣ и заявлялось неоднократно о нахожденіи остатковъ человѣка въ третичныхъ населеніяхъ ***). Но достовѣрно извѣстно, что, какъ въ Западной Европѣ, такъ и у насъ, человѣкъ жилъ уже въ ледниковую эпоху, по крайней мѣрѣ онъ не-

*) См. напр. Д. И. Иловайскій „Разысканія о началѣ Руси". Москва 1876 г.
**) Напр., Елпатьевскій „Учебникъ русской исторіи". Спб. 1898.
***) Всѣ эти находки вообще сомнительны, по мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, напр., проф. Иностранцева.

сомнѣнно былъ современникомъ мамонта и сибирскаго носорога, этого періода. Различныя находки въ раскопкахъ почвы доказываютъ, что человѣкъ въ то время былъ на очень низкой ступени развитія, не умѣлъ обрабатывать металловъ и всѣ нужныя орудія приготовлялъ изъ камня грубою обивкою. Въ Россіи множество такихъ орудій, оружія и различнаго рода подѣлокъ каменнаго вѣка найдено въ Полтавской губ., въ бассейнѣ Оки, въ Воронежской губ., въ Польшѣ и въ др. мѣстностяхъ. Еще болѣе обильны находки остатковъ человѣка слѣдующаго періода отступленія ледника, когда культура сдѣлала уже нѣкоторые успѣхи, такъ что каменныя орудія имѣютъ уже болѣе совершенный видъ. Даже простой народъ не принимаетъ ихъ за обыкновенные камешки и далъ подобнымъ находкамъ (каменные наконечники стрѣлъ и копій) названіе „громовыхъ стрѣлъ". Кое-гдѣ, среди каменныхъ орудій, находятся черепки и костяныя издѣлія, что доказываетъ уже значительный прогрессъ въ культурѣ, Есть нѣкоторыя указанія на то, что человѣкъ такъ называемаго „неолитическаго періода" былъ уже не только звѣроловомъ, но и рыболовомъ и скотоводомъ и, повидимому, не былъ уже кочевникомъ, а велъ болѣе или менѣе осѣдлый образъ жизни. Однако же о бытѣ этого доисторическаго человѣка, напр., о его жилищахъ извѣстно пока очень мало, почти что ничего. Можно даже думать, что спеціальныхъ построекъ онъ совсѣмъ не дѣлалъ, такъ какъ кое-гдѣ найдены остатки пещеръ или норъ, въ родѣ тѣхъ логовищъ, которыя устраиваютъ себѣ звѣри, вырытыхъ въ рыхлой почвѣ (извѣстны въ побережьи Днѣпра), въ которыхъ, вѣроятно, первобытный человѣкъ и спасался во время непогоды или зимней стужи. Въ нѣкоторыхъ районахъ Европейской Россіи, при различныхъ случайныхъ разрытіяхъ почвы, найденъ богатый матеріалъ для сужденія о бытѣ человѣка каменнаго вѣка. Такъ, прорытіе обходныхъ каналовъ около Ладожскаго озера, доставило проф. Иностранцеву обильный археологическій матеріалъ для описанія первобытнаго человѣка указаннаго района *).

Одновременно съ остатками человѣка найдены были и цѣнныя указанія на флору и фауну древнѣйшаго періода. Оказывается, напр., что лиственные лѣса доходили на С. до самаго Ладожскаго озера и, между прочимъ дубъ свойственъ былъ областямъ, гораздо болѣе сѣвернымъ, чѣмъ теперь. Среди животныхъ ледниковаго и послѣледниковаго періода въ странѣ великихъ озеръ жили двухъ видовъ гигантскіе быки, одинъ изъ которыхъ, туръ и существовалъ, повидимому, до временъ доисторическихъ, такъ какъ воспѣвается въ героическихъ пѣсняхъ и былинахъ. Кстати упомянемъ, что археологическія изысканія много содѣйствовали изученію природныхъ условій территоріи Европейской Россіи, флоры и фауны доисторическихъ временъ. Многочисленныя раскопки, произведенныя въ различныхъ мѣстахъ, показываютъ, что въ древнѣйшія времена обширная площадь на югѣ Россіи представляла степи солончаковыя, подобныя современнымъ прикаспійскимъ, покрытыя песками и глиною и пропитанныя солью, черноземная же площадь начиналась значительно дальше къ С. и къ С.-З., чѣмъ въ настоящее время. На такой пустынный характеръ мѣстности указываетъ нахожденіе многихъ остатковъ фауны и флоры, той эпохи. Въ поволжьи, напр., жилъ громадныхъ размѣровъ верблюдъ **), какой-то еще неопредѣленный видъ дикой лошади или осла, въ бассейнѣ Днѣпра найдено было яйцо какой-то гигантской птицы, по всей вѣроятности, родственной страусу, но значительно большей величины. Все это животныя, свойственныя пустынѣ ***).

Въ мѣстностяхъ другого характера, т. е. достаточно орошенныхъ и покрытыхъ растительностью жили многочисленныя травоядныя животныя, среди которыхъ замѣчательны первобытные гигантскіе звѣри: мастодонты, загадочный эласмотерій громаднаго роста, почти со слона, по строенію своему нѣчто среднее между носорогомъ и лошадью, съ громаднымъ единственнымъ рогомъ на лбу, гигантскій олень, рога котораго раскидывались въ стороны болѣе, чѣмъ на сажень, динотеріи, мамонты, лофіодоны, трогонтеріи, животныя, по организаціи близкія къ рѣчному бобру, но, по крайней мѣрѣ, въ три раза превосходившія послѣдняго по величинѣ, крупные хищники изъ семейства кошекъ, въ родѣ барса, громадные пещерные медвѣди и множество др. болѣе обыкновенныхъ животныхъ.

*) См. Иностранцевъ „Доисторическій человѣкъ каменнаго вѣка побережья Ладожскаго озера". Спб. 1882 г.

**) Находимые черепа этого животнаго на цѣлую четверть аршина длиннѣе самыхъ большихъ череповъ современныхъ верблюдовъ.

***) Дикіе верблюды, лошади (открыт. Пржевальскимъ equus Przewalskii) и ослы (куланы) живутъ въ среднеазіатскихъ пустыняхъ, а страусъ въ Сахарѣ, въ Аравіи, къ Ю., и къ В. отъ Каспійскаго моря, и во всѣхъ пустыняхъ земнаго шара обитаютъ породы птицъ сходныя со страусомъ (напр. австралійскій казуаръ).

Съ значительною полнотою можно установить, на основанiи остатковъ костей, череповъ цѣлыхъ скелетовъ, самый типъ человѣка того времени (каменнаго вѣка) и нѣкоторые черты его домашняго быта. Общiй выводъ изъ всѣхъ находокъ этого рода тотъ, что первобытный человѣкъ побережья Ладожскаго озера (а по позднѣйшимъ изслѣдованiямъ и во многихъ другихъ мѣстахъ Европейской Россiи) былъ не высокаго роста, съ сильно развитой мускулатурой, въ особенности челюстной. Видъ челюстей, по находимымъ остаткамъ вообще очень замѣчателенъ. Зубы въ нихъ, по большей части, сильно сточены, иногда до самыхъ десенъ, особенно рѣзцы. Такое состоянiе зубовъ несомнѣнно указываетъ на твердость пищевыхъ матерiаловъ, которые употреблялъ человѣкъ того времени, и вѣроятно, пищу онъ рвалъ зубами.

Попытки реставрировать физiономiю по остаткамъ черепныхъ и лицевыхъ костей, приводятъ къ заключенiю, что доисторическiй человѣкъ (Ладожскаго побережья) въ значительной степени напоминалъ нѣкоторыхъ современныхъ дикарей Сѣверной Америки (лѣсныхъ индѣйцевъ). Черепа этихъ первобытныхъ насельниковъ, насколько ихъ удалось измѣрить, по терминологiи современной антропологiи, должно причислить къ типу малоголовыхъ (микроцефалы) и длинноголовыхъ (долихоцефалы).

На основанiи изслѣдованiй, произведенныхъ въ послѣднее время во многихъ другихъ раiонахъ Европейской Россiи, большинство ученыхъ принимаютъ, что древнѣйшее населенiе Восточной Европы было не славянское, съ преобладанiемъ длинноголовыхъ череповъ *), что же касается «прародины» восточныхъ славянъ, которые въ большинствѣ случаевъ коротко головы (брахицефалы, или среднеголовы (мезоцефалы), то, по господствующему въ настоящее время въ наукѣ воззрѣнiю, за такую область принимаютъ сѣверные и восточные склоны Карпатъ и ихъ отроговъ и нѣсколько далѣе на В. до Днѣпра, а отчасти и лѣвый берегъ этой рѣки **). Основанiями такихъ заключенiй служатъ лѣтописныя извѣстiя, сообщенiя нѣкоторыхъ древнихъ писателей, преимущественно греческихъ (Геродотъ) и арабскихъ, а главнымъ образомъ, многочисленныя археологическiя данныя, найденныя при раскопкахъ громаднаго числа кургановъ, т. е. древнихъ могильныхъ насыпей, въ изобилiи встрѣчающихся во всей Россiи, преимущественно въ южной и западной частяхъ Европейской Россiи.

Начнемъ съ историческихъ свѣдѣнiй.

Едва-ли не въ первый разъ о русской территорiи упоминается въ легендарномъ разсказѣ о „походѣ аргонавтовъ", гдѣ очень неясныя географическiя свѣдѣнiя перемѣшаны съ элементомъ миѳическимъ. Насколько можно понять и истолковать этотъ разсказъ, у грековъ той отдаленной эпохи было представленiе о нашей странѣ (очевидно объ южной ея части), какъ о землѣ, окруженной морями, а древнѣйшiе обитатели этой страны назывались киммерiйцами. Затѣмъ, Аристей въ своей поэмѣ, по отрывкамъ, сохраненнымъ Геродотомъ, разсказываетъ, что киммерiйцы были вытѣснены изъ своей области скиѳами.

Болѣе опредѣленныя свѣдѣнiя даетъ самъ Геродотъ въ своемъ разсказѣ „о походѣ Дарiя на скиѳовъ" ***), который относится къ VI вѣку до Р. Хр. Скиѳiя, по описанiю Геродота, представляется въ видѣ правильнаго четырехугольника, размѣры котораго въ продольномъ и поперечномъ направленiи опредѣляются въ 20 дней пути, т. е. около 500 в., съ Ю. и В. ограниченнаго морями: Чернымъ и Азовскимъ (которое, какъ извѣстно, дѣйствительно, прежде имѣло гораздо большiе размѣры, чѣмъ въ настоящее время), а въ сѣверо-западномъ углу пограничнымъ является какое-то обширное озеро, изъ котораго вытекаетъ Днѣстръ. Интересно, что и Бугъ, по Геродоту, также вытекаетъ изъ большого озера.

*) См. О. Вильчинскiй „Начало Руси по сказанiямъ современниковъ и кургановъ". Спб. 1892 г., стр. 77—79 и др.

**) См. лекцiи „Русской исторической географiи" проф. С. М. Середонина 1897—98 академ. годъ, а также курсъ 1895—6 г., стр. 48—77.

***) Геродотъ, книга IV.

Главный интересъ въ разсказѣ Геродота представляетъ описаніе народовъ того времени и ихъ распредѣленіе на территоріи южной Россіи.

Скиѳы до сихъ поръ являются, въ полномъ смыслѣ, загадочнымъ народомъ, такъ какъ фактическія данныя, на основаніи которыхъ приходится судить объ нихъ, слишкомъ незначительны: нѣсколько надписей, отрытыхъ кое-гдѣ, да 2—3 имени въ передачѣ греческихъ писателей—вотъ и весь матеріалъ, по которому приходится рѣшать вопросъ объ ихъ народности.

Большинство ученыхъ поэтому очень осторожны въ сужденіи о расѣ этихъ древнѣйшихъ обитателей южной части территоріи Европейской Россіи, нѣкоторые-же историки прямо отождествляютъ ихъ со славянами, какъ напр. Иловайскій и Забѣлинъ, другіе [1]) считаютъ ихъ за туранское (тюркское) племя, или за народъ индо-европейской расы [2]), наконецъ, нѣкоторые принимаютъ ихъ за племя, родственное финнамъ [3]). По Геродоту, скиѳы были въ значительной степени эллинизированы и раздѣлялись на нѣсколько племенъ, различныхъ по образу жизни: кочевники (номады), земледѣльцы (алазоны) и болѣе культурное, вслѣдствіе значительной примѣси греческихъ колонистовъ, торговое и промышленное племя, обитающее по берегу Чернаго моря и на З. Въ виду такой противорѣчивости во взглядахъ различныхъ ученыхъ, надежнѣе будетъ, намъ кажется, воздержаться отъ какого-либо опредѣленнаго заключенія о народности скиѳовъ. Укажемъ только, что новѣйшіе изслѣдователи, какъ напр., проф. Середонинъ, держатся того мнѣнія, что нѣтъ никакихъ прочныхъ основаній для отождествленія ихъ со славянами, которые появляются въ исторіи спустя цѣлыхъ 12 вѣковъ (въ VI вѣкѣ послѣ Р. Хр.) и если уже искать въ племенахъ, указанныхъ Геродотомъ, славянъ, то за нихъ скорѣе слѣдуетъ признать народъ невровъ, племя, по его разсказу, не скиѳское, обитающее далѣе къ З. на склонахъ Карпатъ, вѣроятной родинѣ славянъ. Про скиѳовъ-же только можно сказать съ нѣкоторой долей увѣренности, что они принадлежали къ индо-европейской семьѣ народовъ, по всей вѣроятности, къ иранской ея вѣтви. Образъ жизни у преобладающаго большинства скиѳовъ былъ кочевой. Къ сѣверу отъ Скиѳіи, по Геродоту, лежитъ пустыня, въ которой обитаютъ андрофаги [4]), т. е. людоѣды, дикіе кочевники, стоявшіе на низшей ступени развитія, чѣмъ скиѳы („не знаютъ никакихъ законовъ"). Андрофаги по мнѣнію большинства ученыхъ — финны, по всей вѣроятности, мордва [5]). Къ В. отъ скиѳовъ жили сарматы, которые, по нѣкоторымъ даннымъ, были предками кавказскаго народа осетинъ (т. е. осетины, вѣроятно—остатки сарматовъ). Еще далѣе къ В. и С.-В., по Геродоту, живутъ меланхлены, или черные плащи. Такъ какъ наиболѣе древнія археологическія находки доказываютъ, что въ древнѣйшія времена между Дономъ и Окой жили меря и черемисы (финскія племена), то ихъ и разумѣютъ подъ именемъ меланхленовъ, тѣмъ болѣе, что уже въ XVIII в. путешественники сообщали о мѣстныхъ жителяхъ, что они ходятъ въ черныхъ одеждахъ. Къ С.-В. отъ меланхленовъ Геродотъ называетъ племя будиновъ, рыжеволосыхъ, съ голубыми глазами, „которые ѣдятъ сосновыя шишки" [6]). Страна будиновъ покрыта лѣсами и въ ней находится большое озеро—очевидно, древнее Симбирское озеро, на мѣстѣ сліянія Оки, Клязьмы и Волги (см. раньше).

Будины,—по всей вѣроятности: вотяки, пермяки и зыряне. Въ ихъ странѣ есть городъ Гелонъ, „въ которомъ говорятъ по-гречески и по-скиѳски", по всей вѣроятности,—греческая факторія для закупки мѣховъ. Рядомъ съ ними, еще дальше на В., Геродотъ упоминаетъ ирковъ, народъ охотничій, у

1) Шафарикъ, Кепертъ, Юркевичъ и друг.

2) Мюлленгофъ и др.

3) Эйхвальдъ.

4) Кромѣ прямого толкованія имени „людоѣдовъ", нѣкоторые ученые видятъ въ этомъ указаніе на то, что народъ этотъ питался сырымъ мясомъ, въ противоположность скиѳамъ, которые ѣли хлѣбъ и варили пищу.

5) О широкомъ распространеніи мордвы въ древности свидѣтельствуетъ значительное сходство ихъ языка съ литовскимъ. Послѣдніе несомнѣнно и въ древнѣйшія времена обитали по Нѣману и Зап. Двинѣ, при началѣ-же русской исторіи (въ IX в.) мы видимъ мордовское племя сильно разъединеннымъ отъ Литвы другими племенами, такъ что съ этого времени смѣшеніе уже трудно допустить.

6) Вѣроятно кедровые орѣхи.

котораго есть пріученныя къ охотѣ собаки и лошади *). Это, вѣроятно, угры, предки венгровъ или мадьяръ. Наконецъ, на дальнемъ востокѣ упоминаются у Геродота „плѣшивые“ агрипеи и исседоны, вѣроятно, монгольскіе кочевники.

Перейдемъ теперь къ самому важному источнику для сужденія о древнѣйшемъ населеніи Европейской Россіи, къ курганамъ—этимъ «лѣтописямъ неграмотныхъ временъ». Какъ уже раньше сказано, многочисленныя данныя говорятъ, что древнѣйшее населеніе Восточной Европы было не славянское.

Однимъ изъ главнѣйшихъ доказательствъ этого служитъ изученіе древнихъ могилъ. Дѣйствительно, въ настоящее время археологи считаютъ существеннымъ признакомъ славянскихъ могилъ—отсутствіе камней, такъ что присутствіе камня въ курганѣ, наоборотъ, показываетъ неславянское его происхожденіе. Между тѣмъ, почти на всемъ пространствѣ Европейской Россіи: на р. Березинѣ, на Зап. Двинѣ, въ Финляндіи и въ странѣ великихъ озеръ, на балтійскихъ островахъ (гдѣ вообще не открыто никакихъ признаковъ древняго славянскаго населенія), въ Литвѣ, въ Екатеринославской и Кіевской губ. и даже въ Зап. Сибири,—повсюду попадаются въ большомъ количествѣ, тоже въ высшей степени типичныя, такъ называемыя „каменныя могилы“, въ которыхъ всегда есть или сводъ изъ камня, или надмогильная плита или-же весь курганъ (или только его основаніе) выложенъ снаружи камнями. Характерны также нѣкоторые другіе признаки, неславянскаго происхожденія могилъ: сидячее положеніе покойника, форма могилы и т. д.

Нахожденіе каменныхъ могилъ во многихъ такихъ мѣстахъ, гдѣ, несомнѣнно, съ самыхъ древнихъ временъ жили финскія племена, даетъ основаніе предположить, что первобытные обитатели территоріи Европейской Россіи были именно финны. Такъ какъ финское племя характеризуется преобладаніемъ длинноголовыхъ череповъ, то вполнѣ понятно, почему въ древнѣйшихъ могилахъ по большей части находятъ остатки длинноголоваго типа.

Есть основаніе предполагать, что раньше разселенія славянъ, въ западной части Европейской Россіи жило еще одно племя, граничившее съ финнами. Племя это, по всей вѣроятности, были литовцы или какіе-либо ихъ ближайшіе предки. Доказательства древняго сосѣдства литовцевъ съ финнами можно видѣть въ томъ, что въ языкѣ нѣкоторыхъ финскихъ племенъ (черемисовъ, мордвы) сильно замѣтно вліяніе литовскаго языка и наоборотъ, въ литовскомъ языкѣ есть много словъ финскихъ. Кромѣ того, и археологическія данныя доказываютъ, что литовцы были раньше славянъ въ бассейнѣ Припети, Березины, З. Буга, Нѣмана и даже на Ю. по среднему Днѣпру.

Со второй половины IX в. и нѣсколько раньше имѣются уже болѣе надежныя историческія свидѣтельства о населеніи Европейской Россіи. Въ русскихъ лѣтописяхъ приведенъ подробный перечень славянскихъ племенъ и указаны территоріи ихъ поселенія. Въ эту эпоху населеніе Восточной Европы можно представить въ слѣдующемъ видѣ: славяне занимаютъ пространство отъ сѣверныхъ предѣловъ Валдайской возвышенности по верховьямъ Волги, Западной Двины и Днѣпра на В. до Оки, на Ю. до Чернаго моря по Днѣпру и Днѣстру, до Карпатъ на З. Къ С.-З. отъ славянъ живутъ литовцы, по восточному берегу Балтійскаго моря, по нижнему теченію Западной Двины и Вислы и по Нѣману. Все

*) По разсказу Геродота, охотникъ влѣзаетъ на дерево, а ученая лошадь ложится на брюхо, чтобы ее не увидѣлъ звѣрь. Когда звѣрь раненъ, то охотникъ вскакиваетъ на коня и при содѣйствіи собаки догоняетъ его.

пространство къ С. и къ В. отъ славянской территоріи занято различными финскими племенами, за исключеніемъ только средней и нижней части бассейна Камы и ближайшихъ частей волжскаго бассейна, гдѣ жили болгары. Весь югъ Россіи, отъ Днѣпра и далѣе на В. занятъ былъ различными кочевниками: хазарами (по нижнему теченію Волги и Дона), уграми или венграми, печенѣгами (къ Ю. и къ Ю.-В. отъ хазаръ).

Среди славянъ лѣтопись насчитываетъ 10 крупныхъ племенъ *): кривичи (Новгородскіе, Полоцкіе и Смоленскіе), по верховьямъ Волги, по рѣкамъ невскаго бассейна и по верхнему теченію Днѣпра и Зап. Двины; дреговичи, между Березиной и Припетью; радимичи, къ В. отъ верхняго Днѣпра, по р. Сожи; вятичи по р. Окѣ, сѣверяне по Деснѣ и Сейму, древляне по Припети, поляне по среднему Днѣпру, уличи и тиверцы по Ю. Бугу и Днѣстру до Прута на З. и до берега Чернаго моря на Ю. Наконецъ, по сѣверо-восточнымъ склонамъ Карпатъ и по р. З. Бугу жили бужане или дулѣбы.

Какъ уже раньше указано, большинство ученыхъ въ настоящее время принимаютъ, что родиной славянъ были Карпаты, откуда они разселились на З. (западные славяне), на В. (восточные славяне) и на Ю. (славяне Балканскаго полуострова). По крайней мѣрѣ относительно восточныхъ славянъ можно считать уже доказаннымъ, что самые ранніе слѣды ихъ пребыванія находятся именно на Волыни по р. З. Бугу и по Припети, а отчасти и по всему теченію Днѣстра. Къ сравнительно болѣе позднему времени относятся славянскія могилы по верхнему Днѣпру, на Валдайской водораздѣльной возвышенности и вообще на всей славянской территоріи IX вѣка.

Слѣдуетъ упомянуть еще о Тмутараканскомъ княжествѣ, несомнѣнно славянскомъ, которое существовало въ нынѣшней Кубанской области и въ IX—X вв. сохраняло постоянную связь съ племенемъ сѣверянъ (Черниговское княжество), а позднѣе было отдѣлено отъ остальной славянской территоріи ордами кочевниковъ, и постепенно всякія свѣдѣнія о немъ прекращаются.

Чтобы покончить съ древностями Россіи, приведемъ еще взглядъ Д. Иловайскаго на происхожденіе русскаго государства. Онъ рѣшительно возстаетъ противъ такъ называемыхъ норманистовъ, т. е. сторонниковъ норманскаго происхожденія племени руссовъ, которое, по прямому сказанію лѣтописи, положило основаніе русскому государству. Въ норманнахъ (варягахъ, скандинавахъ) онъ видитъ не болѣе, какъ наемныя дружины, которыя постоянно тревожили набѣгами побережье Балтійскаго моря и по главному водному пути (рѣки невскаго бассейна—волоки—Днѣпръ) проникали до Чернаго моря и до Константинополя, гдѣ служили въ качествѣ наемныхъ воиновъ. Точно также опровергаетъ онъ и тождество руссовъ съ германскимъ племенемъ готовъ, которые, какъ извѣстно, въ III и IV вв. послѣ Р. Хр., подъ своимъ владычествомъ объединили сарматскія, скиѳскія и, вѣроятно, славянскія племена южной Россіи. По мнѣнію извѣстнаго историка Иловайскаго, „*Русь, основавшая Русское государство, было не только племя туземное, но и славянское*“ **).

Приведемъ еще нѣсколько свѣдѣній о руссахъ, племени интересномъ для исторіи Россіи. Руссы вели торговлю въ обширныхъ предѣлахъ и дѣлали набѣги

*) См. „Карту разселенія славянскихъ племенъ Восточной Европы IX в.“, приложенную къ лекціямъ проф. Середонина 1895—96 г.

**) См. Д. Иловайскій „Разысканія о началѣ Руси“, Москва, 1876 г., стр. 268 и 269

на Константинополь, Малую Азію и на персидскій берегъ Каспійскаго моря, а поэтому ихъ знали греки, арабы, нѣмцы и армяне въ IX, X и XI столѣтіяхъ.

У нѣкоторыхъ греческихъ писателей существуетъ извѣстіе, что въ южной Россіи обитало воинственное племя *дромиты* или руссы, которые имѣли сношенія съ Византіею еще въ VIII в. [1]), слѣдовательно гораздо раньше пресловутаго 862 г., когда, по лѣтописи, были призваны варяги. Очевидецъ арабъ Ибнъ-Хардабедъ [2]) описываетъ торговыя сношенія руссовъ съ сосѣдями въ IX в. По его свидѣтельству руссы принадлежатъ къ племени славянскому, отправляются съ самыхъ дальнихъ концовъ земли славянской къ берегамъ моря Средиземнаго (Румъ) и тамъ продаютъ мѣха бобровъ и лисицъ, а также и мечи. Купцы русскіе плаваютъ также по рѣкѣ Славоніи (Волгѣ), входятъ въ море Джурджанъ (Каспійское) и привозятъ свои товары на верблюдахъ даже до Багдада. Другой арабъ Ибнъ-Фацланъ во время своего путешествія изъ Багдада по Итлю (Волгѣ) въ страну болгаръ и обратно (въ 921 — 922 гг.) хорошо изучилъ руссовъ и описываетъ довольно подробно ихъ внѣшній видъ, вооруженіе, одежду (татуировка), способъ торговли, религіозные обряды и въ особенности подробно обряды погребенія (добровольное сожженіе на кострѣ умершаго дѣвушекъ) и т. д. [3]). По свидѣтельству другихъ [4]) арабскихъ писателей конца IX и начала X вв., руссы были народъ славянскій, дѣлившійся на 3 группы: *куябовъ* (Кіевъ), *славянъ Новгородскихъ* и группу *Арцаніи* (вѣроятно Рязанъ или Ростовъ въ Ярославской губ.). Съ другой стороны есть указанія на то, что руссы были не славяне, такъ какъ, напр., днѣпровскіе пороги имѣли различныя названія на языкѣ руссовъ и по-славянски: *Ульворси-Островунипрагъ, Эйфаръ - Неясытъ, Баруфорогъ-Вульнипрагъ* и др. [5]). Притомъ же есть свѣдѣнія о томъ, что руссы покорили сосѣднія славянскія племена и господствовали надъ ними.

Изъ многочисленныхъ свидѣтельствъ, какъ историческихъ, такъ и археологическихъ, можно вывести заключеніе, что руссы того времени (IX—XI вв.) стояли на сравнительно высокой степени культуры и образовали націю, въ значительной степени сплоченную. Такъ, напр., у нихъ существовало производство тканей, довольно тонкая отдѣлка украшеній (серебряныя и золотыя кольца и перстни, браслеты, бусы, бубенчики и т. д.), выдѣлка кожъ (обувь и между прочимъ найдена была желѣзная сапожная подкова), найдены были ножницы для стрижки овецъ, муравленная посуда, желѣзный серпъ, что показываетъ на занятія земледѣліемъ и ремеслами и т. д. Наконецъ, по одному извѣстію руссы въ концѣ X в. имѣли уже письменность [6]).

Территорія, занятая славянами въ такомъ положеніи ихъ, какое мы видимъ въ IX в., незначительная, сравнительно съ современною площадью разселенія русскихъ, сама по себѣ была все-таки слишкомъ обширна, чтобы въ короткое время быть прочно объединенною вокругъ какого-либо одного центра, и поэтому мы съ самаго-же начала русской исторіи видимъ три мѣстные центра: Новгородъ у волховскихъ славянъ, Полоцкъ на З. Двинѣ у кривичей и Кіевъ въ бассейнѣ Днѣпра.

---

[1]) Въ 773 г. Византійскій императоръ, отправляя флотъ противъ болгаръ, *воспользовался русскими кораблями*—см. О. Вильчинскій „Начало Руси по сказаніямъ современниковъ и кургановъ" Спб. 1892 г., стр. 4.

[2]) Ibid. стр. 7.

[3]) Ibid. стр. 25—31.

[4]) См. Д. А. Хвольсонъ: „Извѣстія о хазарахъ, буртасахъ, болгарахъ... по Ибнъ-Даста"; А. Я. Гаркави: „Сказанія мусульманскихъ писателей о славянахъ и русскихъ", Спб. 1870 г.

[5]) Въ названіяхъ руссовъ (Ульворси, Эйфаръ) многіе видятъ искаженн. норманскія имена.

[6]) Арабъ Ибнъ-эль-Надимъ сообщаетъ (987—988 г.), что одинъ изъ царей горы Кабка (Кавказъ) отправилъ посла къ князю руссовъ, и этотъ посолъ, возвратившись, привезъ письмена, вырѣзанныя на кускѣ бѣлаго дерева. См. О. Вильчинскій, стр. 62.

Бѣлоруссы, Малороссы, Великоруссы.

Географическое положенiе на Днѣпрѣ, у великаго воднаго пути, счастливыя условiя почвы и климата, несомнѣнно, болѣе всего благопрiятствовали Кiеву и дѣйствительно онъ прежде всего выдвинулся и сдѣлался *„матерью русскихъ городовъ“*. Но именно вслѣдствiе своихъ преимуществъ, сравнительно съ болѣе сѣверными землями, Кiевъ чаще другихъ древнѣйшихъ русскихъ городовъ подвергался нападенiю вражескихъ народовъ. Пороки дикихъ кочевниковъ, безпрестанно приливавшихъ съ В. изъ глубины Азiи: авары, хазары, угры (венгры) печенѣги, половцы и, наконецъ, татары—мѣшали его спокойному и правильному развитiю, постоянно сокрушая еще не успѣвшую окрѣпнуть государственность и культуру. Колонизацiя и прочная осѣдлость шла гораздо успѣшнѣе на С. и С.-В., чѣмъ на Ю. Въ то время какъ на С. отъ Днѣпра русскiе поселенцы могли безпрепятственно вырубать лѣса и основывать прочныя поселенiя, встрѣчая лишь безобидныхъ финновъ, сравнительно легко уступавшихъ натиску новыхъ пришлецевъ и мирно сливавшихся со своими завоевателями, движенiе на югъ встрѣчало непреодолимыя препятствiя въ ордахъ дикихъ воинственныхъ кочевниковъ, да и собственную свою территорiю приходилось постоянно отстаивать съ оружiемъ въ рукахъ и обороняться отъ набѣговъ хищническихъ племенъ. Неоднократно цѣлыя обширныя области опустошались огнемъ и мечемъ дикихъ варваровъ и все населенiе избивалось или уводилось въ неволю. Понятно поэтому, что колонизацiя на Ю. пошла успѣшно только въ недавнюю эпоху, когда сила кочевой степи была окончательно сломлена, а до этого времени подвигалась очень медленно, подъ защитою передовыхъ постовъ казаковъ.

Тотчасъ-же послѣ знаменитаго Батыева нашествiя, когда вся Русь, еще не успѣвшая въ достаточной степени сплотиться, подпала подъ многовѣковое рабство, начинаютъ возвышаться сѣверные и сѣверо-восточные центры государственной жизни. Сначала Суздаль и его преемникъ Владимiръ, а потомъ Москва начинаютъ оказывать свою притягательную силу, и всѣ города и удѣльныя княжества сѣверо-восточной Руси одно за другимъ сливаются въ новое государство, крѣпко сплоченное, сильное своимъ единодержавiемъ и нацiональнымъ духомъ населенiя, закалившагося въ безпрестанной, упорной борьбѣ за существованiе съ суровою сѣверною природою.

Вотъ здѣсь-то, въ неприглядной по природнымъ условiямъ мѣстности, среди дремучихъ лѣсовъ и болотъ, и сложилась могучая раса великороссовъ. Элементъ южанина (по мѣсту своей первоначальной родины—прикарпатской области) славянина какъ-бы вдохнулъ энергiю, бодрость и предпрiимчивость въ угрюмую природу коренного обитателя страны—финна, который, съ своей стороны, сообщилъ великороссу вѣками выработанную способность къ настойчивому, упорному труду и склонность къ усидчивости на одномъ мѣстѣ, съ трудомъ завоеванномъ у неблагодарной природы.

Повидимому, финская кровь охладила рыцарскiй пылъ славянина. Мы видимъ, что юго-западный оплотъ славянства, Галицiя, уцѣлѣвшая при первомъ погромѣ Батыя, очертя голову боролась съ татарами. Желая, во чтобы то ни стало, защищать свою независимость, она истощила всѣ свои силы въ продолжительной неравной борьбѣ и окончила тѣмъ, что черезъ столѣтiе подпала подъ владычество Польши. Подобнымъ же образомъ надолго сошелъ съ политической сцены Кiевъ, Новгородъ-Сѣверскъ и вообще вся южная и юго-западная Русь.

Совершенно иной образъ дѣйствiя усвоили себѣ, съ самаго начала, великороссы. Уже Александръ Невскiй, покрывшiй себя славою военныхъ подвиговъ, склонился передъ необходимостью и изъявилъ покорность хану. Князья же владимiрскiе и московскiе, наперерывъ другъ передъ другомъ, стараются снискать себѣ благоволенiе татаръ, но останавливаются даже передъ униженiями, ѣздятъ въ орду съ дарами, управляютъ въ своихъ владѣнiяхъ отъ имени хана и не иначе, какъ съ его утвержденiя и т. д.

А между тѣмъ, подъ личиною покорности и преданности, князья московскiе незамѣтно усилили свое могущество, сконцентрировали

подъ своею единодержавною властью, при помощи самихъ же татаръ, значительную территорію и въ подходящій моментъ сразу нанесли своему противнику вѣрно разсчитанный и рѣшительный ударъ, отъ котораго тотъ не могъ уже поправиться.

Можно, пожалуй, сказать, что великоросса, обладавшаго вышеуказанными характерными чертами смѣшаннаго типа, воспитала и окончательно сформировала двойная вѣковая борьба: съ суровою природою и съ татарами.

Типъ малоросса точно также сложился подъ вліяніемъ историческихъ и бытовыхъ условій.

О родословной малоросса, какъ можно уже видѣть изъ предыдущаго, можно дѣлать только болѣе или менѣе вѣроятныя гипотезы. Современная наука еще не можетъ удовлетворительно объяснить степень родства или преемственности, прямой или косвенной, которая связываетъ нынѣшнихъ обитателей Украйны съ древними жителями южной Россіи. Несомнѣнно только одно, что славяне съ самыхъ древнѣйшихъ временъ постоянно соприкасались и, конечно, смѣшивались со всевозможными кочевниками, поселявшимися въ южно-русскихъ степяхъ на болѣе или менѣе продолжительное время, до полнаго своего исчезновенія, какъ отдѣльнаго племени, или-же только проходившими этимъ путемъ въ Западную Европу.

Въ настоящее время малороссы — почти исключительно земледѣльцы и люди самаго мирнаго нрава. Но въ прежнія времена, на протяженіи многихъ вѣковъ, война была постояннымъ явленіемъ въ степныхъ равнинахъ Малороссіи, и жители ея во всякое время должны были быть готовыми къ набѣгу хищническихъ кочевниковъ: или встрѣтить ихъ оружіемъ, или поспѣшно бѣжать. Застигнутые врасплохъ, немилосердно избивались или уводились въ неволю. Уже во второй половинѣ XV в. въ безопасности отъ такихъ набѣговъ были только значительные города и крѣпости, такъ какъ татарскіе отряды, появлявшіеся неожиданно, заключали иногда до 80 тысячъ человѣкъ лихихъ наѣздниковъ, и поэтому на всей территоріи, подверженной нападеніямъ, совершенно невозможны были мирные поселенцы въ селахъ, хуторахъ или небольшихъ городахъ.

Для борьбы съ монгольскими отрядами грабителей, самымъ ходомъ историческихъ событій въ Украйнѣ, выработались издавна подобныя же военныя дружины, стяжавшія себѣ громкую славу подъ именемъ *казаковъ* *). Современные Украинскіе малороссы въ большинствѣ случаевъ представляютъ потомковъ казаковъ, обратившихся къ мирному занятію земледѣліемъ, послѣ того какъ миновала необходимость въ военной организаціи. Сами казаки представляли постоянную армію, въ ряды которой стекались всѣ люди „независимые", искавшіе свободнаго образа жизни и простора для своей удали Въ болѣе поздніе періоды главный контингентъ казаковъ составляли бывшіе крѣпостные, бѣжавшіе преимущественно изъ польской Малороссіи отъ угнетенія пановъ, а также вслѣдствіе притѣсненія православія. изъ подобныхъ же бѣглецовъ но преимущественно изъ великорусскихъ областей, въ то же время составлялись воинства Донскихъ, Поволжскихъ и Уральскихъ казаковъ. Всѣ эти храбрецы явились естественнымъ противодѣйствіемъ татарскимъ кочевникамъ и составляли элементъ во многомъ подобный послѣднимъ. Подобно монгольскимъ кочевникамъ казаки мало были привязаны къ постоянному мѣсту жительства, очень мало занимались земледѣліемъ, а самымъ обыкновеннымъ занятіемъ для нихъ въ мирное время было рыболовство, охота въ степяхъ, отчасти торговля солью и рыбными продуктами *(чумаки)*. Но самое главное занятіе этой вольницы составляла война. Первоначальный оплотъ христіанскаго населенія противъ мусульманскихъ хищниковъ на Украинѣ образовался далеко внутри страны, около Переяславля, Чигирина, Канева, а позднѣе далѣе на Ю. около города Черкассъ. Но постепенно, передовые укрѣпленные казацкіе посты передвигались на Ю., а слѣдомъ за

*) „Казакъ" по всей вѣроятности слово тюркскаго корня. Предполагаютъ, что это слово въ переводѣ означаетъ „вольный человѣкъ" и удержалось въ названіи „киргизъ-кайсакъ". Въ Ордѣ „казаками" называли низшій классъ войска.

ними двигались и мирные поселенцы. На отвоеванныхъ у степныхъ кочевниковъ земляхъ быстро выростали хутора, села и города. Въ концѣ XVI столѣтія казаки перенесли свои укрѣпленныя позиціи уже далеко на Ю. и здѣсь, на низовьяхъ Днѣпра, на низменныхъ, покрытыхъ густымъ высокимъ камышемъ днѣпровскихъ островахъ, среди пороговъ и скалистыхъ береговъ рѣки, основанъ былъ главный военный лагерь казаковъ—*Сѣчь*, которая, по мѣсту своего положенія, называлась *запорожскою*, откуда произошло названіе *запорожскіе казаки* или *запорожцы*. Завладѣвъ выходомъ въ море, казаки начали платить татарскимъ хищникамъ той же монетою, и вскорѣ эта вольница, ряды которой постоянно увеличивались (такъ какъ массу угнетеннаго крѣпостною зависимостью люда привлекала дикая свобода и привольная жизнь) — заставила трепетать мусульманскихъ разбойниковъ. Въ XVII в. казацкое воинство состояло уже, по меньшей мѣрѣ, изъ 120,000 челов. Крымъ, побережье Чернаго и Азовскаго морей, даже малоазіатскій берегъ постоянно подвергались нападеніямъ отважныхъ казацкихъ удальцовъ, которые на своихъ легкихъ судахъ „*чайкахъ*“ выплывали въ море изъ устьевъ Днѣпра, грабили и опустошали мусульманское прибрежное населеніе.

Впослѣдствіи, когда уже сила татарскихъ кочевниковъ была окончательно сломлена, еще долго населеніе Украины сохраняло свою воинственность и духъ вольности, что выразилось цѣлымъ рядомъ кровопролитныхъ возстаній сначала противъ польскаго владычества и посягательствъ католицизма, а позднѣе и противъ русскаго правительства. Казачество, какъ независимое воинство, въ половинѣ XVIII в. уже не существовало, но отголоски прежней дикой вольности еще долго проявлялись и постепенно центры мятежей перешли далѣе къ В., на Донъ, низовую Волгу и Уралъ (Булавинъ, Разинъ, Пугачевъ).

Съ окончательнымъ замиреніемъ Малороссійской Украины, казаки здѣсь окончили свою историческую роль, и остатки ихъ правительство перемѣстило на новыя „Украины“, на Кавказъ (Кубанское и Терское казачье войско), и въ Сибирь (Алтайскіе, Амурскіе и др. казаки), но въ видѣ особаго рода коннаго войска казаки Донскіе и Уральскіе отчасти также сохраняютъ свое прежнее военное устройство. Замѣчательно, что, несмотря на сильную разницу этнографическаго происхожденія, всѣ перечисленные казаки въ значительной мѣрѣ походятъ на прежнихъ малороссійскихъ казаковъ: по чертамъ домашняго быта, по одеждѣ, даже по типу и по языку. Но особенно напоминаютъ прежнихъ воинственныхъ казаковъ наши терцы и кубанцы.

Возвратимся теперь къ характеристикѣ типа малоросса. Въ настоящее время, по мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ происходитъ соприкосновеніе и смѣшеніе малорусскаго и великорусскаго племени — разница между ними довольно значительна. Указываютъ даже на разницу въ антропологическихъ признакахъ. Такъ: у малороссовъ голова вообще шире и короче (крайній брахицефализмъ), затылокъ болѣе плоскій, средній размѣръ роста больше, чѣмъ у великороссовъ, у нихъ чаще встрѣчаются темнорусые волосы и каріе глаза. Вообще замѣтно превосходство малороссовъ надъ великороссами въ физическомъ отношеніи. У первыхъ, въ среднемъ, чаще встрѣчаются рослые, статные и красивые *), чѣмъ у послѣднихъ, хотя мускульная сила у нихъ развита, въ среднемъ выводѣ, меньше, чѣмъ у типичныхъ великороссовъ. Женщины малороссійскія, по большей части, отличаются граціозностью, красивою наружностью и склонностью къ опрятности и изящному **). Въ общемъ, пожалуй, можно сказать вмѣстѣ съ Реклю ***), «что малороссы превосходятъ великороссовъ природнымъ умомъ, насмѣшливостью, ироніею, природнымъ вкусомъ, воображеніемъ живымъ и въ то-же время сдержаннымъ... Но зато они не обладаютъ практическимъ смысломъ великоросса; они ме-

*) Преимущественно изъ малороссовъ набираются гренадеры и кавалеристы.

**) Малорусская *хата*, всегда на-чисто выбѣленная известкой, въ общемъ содержится въ гораздо большей чистотѣ, чѣмъ великорусская *изба*, но въ архитектурномъ отношеніи, по большей части, уступаетъ послѣдней.

***) „Земля и Люди“, т. V, стр. 177, 178.

нѣе солидарны между собою *), менѣе настойчивы въ преслѣдованіи цѣли, легче останавливаются на полпути и не умѣютъ такъ хорошо совладать съ неблагопріятными обстоятельствами; вообще они болѣе даровиты, но менѣе энергичны». Къ этой характеристикѣ знаменитаго географа можно еще прибавить, что малороссъ сравнительно съ великороссомъ скорѣе упрямъ, чѣмъ настойчивъ и силенъ волею, сравнительно съ послѣднимъ, лѣнивъ и нерасторопенъ, наконецъ, до крайности консервативенъ, въ особенности, что касается домашняго обихода. Истинный земледѣлецъ, «хохолъ» (малороссъ) искренно любитъ землю, живетъ только ея дарами и, въ большинствѣ случаевъ, презираетъ всѣ иныя занятія, предоставляя ихъ «москалю», «кацапу» (великороссу) или вездѣсущему въ Малороссіи еврею.

Третья вѣтвь русскихъ славянъ, бѣлоруссы, занимающіе западную часть верхняго бассейна Днѣпра **), представляютъ потомковъ древнихъ кривичей, дреговичей и древлянъ. Сравнительно съ великороссами и малороссами они подверглись меньшему смѣшенію съ неславянскимъ элементомъ. Область ихъ, наполненная болотами, топями и непроходимыми трясинами, въ силу самыхъ своихъ физическихъ условій, была защищена отъ наплыва новыхъ этнографическихъ элементовъ, которые предпочитали обходить на своемъ пути эти негостепріимныя земли, гдѣ, по выраженію Наполеона I, къ четыремъ стихіямъ—водѣ, огню, землѣ и воздуху, присоединяется пятая, не менѣе трудноодолимая—грязь.

Бѣлоруссы, отличаясь по языку какъ отъ поляковъ, такъ и отъ малороссовъ и великороссовъ, представляютъ, однако, большое сходство съ двумя послѣдними по коренному типу. По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, у бѣлоруссовъ болѣе, чѣмъ у двухъ вышеописанныхъ вѣтвей русскаго народа сохранились черты древнихъ славянъ. Но многовѣковая борьба съ неблагопріятными жизненными условіями, нездоровый климатъ, продолжительный гнетъ чужеземныхъ властителей края—поляковъ и неоднократныя опустошенія, которымъ подвергались жители этой территоріи, бывшей долгое время ареной борьбы Москвы съ Литвою и Польшею, когда (особенно въ XVII столѣтіи) по странѣ поочередно проходили то ляхи, то москвитяне, то казаки, предавая все встрѣчавшееся по пути огню и мечу—всѣ эти неблагопріятно сложившіяся обстоятельства плохо отразились на бѣлоруссѣ. И въ настоящее время бѣлорусскіе крестьяне живутъ въ крайней бѣдности, по большей части въ крошечныхъ, полуразвалившихся, до крайности грязныхъ хижинахъ. Самый наружный видъ ихъ свидѣтельствуетъ о крайнемъ истощеніи и нездоровой обстановкѣ жизни. Бѣлоруссы въ общемъ малорослы, болѣзненны ***), до крайности нечистоплотны, имѣютъ вялый и унылый видъ.

---

*) Какъ увидимъ далѣе, въ малороссійскихъ губерніяхъ характерное для великорусскихъ крестьянъ общинное землевладѣніе замѣнено подворнымъ.

**) Губ. Витебская, Могилевская, большая часть Минской и западные уѣзды Смоленской, а также часть Гродненской.

***) Среди бѣлоруссовъ распространена особая болѣзнь „колтунъ“, состоящая въ томъ, что волосы на головѣ склеиваются.

Взглядъ на экономическое положеніе и промышленность въ Россіи.

По величинѣ своей территоріи, по количеству населенія, по своему значенію въ политическомъ мірѣ Россія, безспорно, великая держава. Достаточно указать хотя бы на коллоссальный бюджетъ нашего государства: въ текущемъ году на различныя государственныя потребности ассигновано 1.571.732,646 руб. *). Однако же, какъ уже выше указано, огромныя площади, входящія въ составъ Имперіи, представляются весьма малоцѣнными для человѣческой культуры и почти съ увѣренностью можно сказать, что большая часть такихъ земель, какъ тундры дальняго сѣвера или безплодныя пустыни юго-восточной окраины россійскаго государства никогда не будутъ представлять цвѣтущихъ, густонаселенныхъ и культурныхъ провинцій, такъ какъ эти мѣстности являются «обиженными природою». Но въ Россіи еще пустуютъ обширныя площади и такихъ земель, которыя, даже и въ настоящемъ своемъ видѣ, вполнѣ пригодны къ поселенію культурнаго человѣка и изобилуютъ естественными богатствами. Не говоря уже про такія области, какъ Амурскій край и многія другія части Азіатской Россіи, даже по сю сторону Урала населеніе еще очень далеко отъ предѣльной плотности.

Достаточно указать хотя бы на многія губерніи черноземныя, гдѣ плотность населенія почти вездѣ колеблется около 40 человѣкъ на 1 кв. версту, спускаясь кое гдѣ даже до 20 чел. съ небольшимъ (Уфимская, Самарская), между тѣмъ какъ, судя хотя бы по примѣру другихъ черноземныхъ же губерній, гдѣ физическія и экономическія условія и весь ходъ промышленной жизни мало отличаются отъ остальныхъ губерній, можно заключить, что плодородная почва, при наличности благопріятныхъ климатическихъ условій можетъ вмѣстить на 1 кв. в. болѣе 80 человѣкъ даже *чисто земледѣльческаго населенія*. Но понятное дѣло, что плотность эта можетъ очень сильно увеличиться, если населеніе обращается къ болѣе выгоднымъ, неземледѣльческимъ занятіямъ. Мы видимъ, что наиболѣе плотно населены у насъ именно нечерноземныя губерніи, гдѣ физическія условія несравненно хуже, чѣмъ, напр., юго-западныя области Европейской Россіи, но гдѣ населеніе уже давно перестало добывать себѣ средства къ существованію исключительно земледѣліемъ. Однако же, въ западно-европейскихъ государствахъ есть примѣры несравненно большей плотности населенія чѣмъ въ нашихъ промышленныхъ районахъ. Въ Бельгіи, напр., живетъ въ среднемъ 236 чел. на 1 кв. в., а въ наиболѣе густо населенной провинціи, въ Брабантѣ, даже около 400 чел. (396,8).

Наконецъ, въ городахъ населеніе достигаетъ уже поразительной плотности, такъ въ Петербургѣ, на пространствѣ около 100 кв. в. живетъ 1.267.000 жителей, что составляетъ 12.670 чел. на 1 кв. в. Изъ этого видно, что современное населеніе составляетъ еще совершенно незначительную долю того числа жителей, которое можетъ помѣститься на этой территоріи при другихъ условіяхъ. Если Россія уже и при настоящей плотности населенія представляетъ сильное государство, то въ будущемъ ея могущество несомнѣнно еще сильно возрастетъ, когда природныя богатства страны будутъ эксплоатироваться болѣе полно, чѣмъ это происходитъ въ настоящее время.

«Россія находится теперь въ періодѣ возрастанія», говоритъ Реклю **): «она растетъ даже, помимо воли правительства, такъ сказать, притягательнымъ дѣйствіемъ своего могущества: многочисленные азіатскіе народы, даже государства,

*) Всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1899 годъ.

**) Земля и люди, т. V, стр. 27.

тяготіютъ къ ней и постепенно поступаютъ въ вассальную зависимость, прежде чѣмъ перейти въ полное подданство и окончательно слиться съ имперіею.

Во всей Россіи города, въ среднемъ, отстоятъ другъ отъ друга на разстояніи около 90 верстъ, тогда какъ въ привислянскихъ губерніяхъ, которыя, по плотности населенія и по характеру экономической жизни, болѣе всѣхъ другихъ областей Россіи напоминаютъ Западную Европу, среднее разстояніе между городами достигаетъ лишь 16—17 в. Число городскихъ жителей, по отношенію къ общему количеству населенія, составляетъ лишь около $12^1/_2$%, а сельское около $87^1/_2$%, т. е. главная часть населенія—поселяне.

Сельское же населеніе, конечно, состоитъ исключительно изъ земледѣльцевъ. Кромѣ того, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ, преимущественно въ плодородныхъ черноземныхъ областяхъ, большое число административныхъ центровъ, получившихъ названіе «уѣздныхъ городовъ», по составу населенія и по характеру его занятій должны быть отнесены скорѣе къ селамъ, чѣмъ къ настоящимъ городамъ: такіе «города» владѣютъ значительными пространствами земли и большая часть населенія заработываетъ себѣ средства къ существованію исключительно сельскохозяйственнымъ трудомъ. Поэтому можно смѣло сказать, что въ Россіи самымъ главнымъ занятіемъ населенія является сельское хозяйство и преимущественно земледѣліе.

Правда, есть мѣстности, напр., въ центральной промышленной области—въ губерніяхъ: Владимірской, Нижегородской, отчасти въ Калужской, Рязанской, Ярославской, Костромской и др., гдѣ часть сельскаго населенія, мѣстами даже очень значительная, почти отрѣшилась уже отъ сельскаго хозяйства и ищетъ себѣ заработковъ частью въ разныхъ областяхъ кустарной промышленности, частью на сторонѣ, путемъ разнообразныхъ отхожихъ промысловъ. Въ нѣкоторыхъ районахъ сельскохозяйственныя занятія отходятъ даже на второй планъ и поручаются слабосильнымъ членамъ семьи: женщинамъ, старикамъ и подросткамъ, тогда какъ главные работники уходятъ на сторону, гдѣ находятъ болѣе выгодное примѣненіе своего труда.

Есть и другія мѣстности въ Россіи, гдѣ, при такомъ же преобладаніи сельскаго населенія надъ городскимъ, значительная часть жителей добываетъ себѣ средства къ жизни не сельскохозяйственнымъ трудомъ, или, вѣрнѣе, не собственно земледѣліемъ: таковы мѣстности на сѣверѣ Россіи, представляющія неблагопріятныя условія для развитія земледѣлія, гдѣ оно, даже и въ лучшихъ случаяхъ, не въ состояніи прокормить населеніе продуктами собственной его земли, и гдѣ крестьяне занимаются по преимуществу разнаго рода лѣсными промыслами: рубкою лѣса, гонкою смолы, охотою и т. п. Тоже на крайнемъ югѣ, въ степяхъ пріазовскихъ и на пространствѣ между низовьями Дона и Волги, на предгорьяхъ Сѣвернаго Кавказа, въ Крыму, гдѣ до сихъ поръ среди занятій населенія на первомъ планѣ стоитъ скотоводство, а не хлѣбопашество.

Въ общемъ можно сказать, что промышленность обрабатывающая поглощаетъ еще незначительную часть народнаго труда. Почти всѣ экономическіе рессурсы и главнѣйшіе источники существованія страны добываютъ непосредственно эксплоатаціею природныхъ богатствъ.

Большія группы населенія Россійской Имперіи, состоящія изъ рыболововъ, звѣролововъ или кочующихъ скотоводовъ, пребываютъ еще въ настоящее время на первыхъ стадіяхъ промышленной цивилизаціи. Сотни тысячъ людей: зыряне, лопари, самоѣды, башкиры, киргизы, калмыки, отчасти также и казаки уральскіе, донскіе, кубанскіе живутъ почти что такъ же, какъ жили и древнѣйшіе обитатели страны. Въ поискахъ за ежедневнымъ пропитаніемъ одни плаваютъ по рѣкамъ, другіе пускаются въ море, третьи бродятъ по лѣсамъ и тундрамъ... Сказанное относится къ Европейской Россіи, но, конечно, это еще болѣе примѣнимо къ обширнымъ пространствамъ азіатскихъ владѣній.

Въ Европейской Россіи сравнительно весьма небольшая часть населенія на крайнемъ сѣверѣ, на югѣ, а также и на востокѣ, въ уральскомъ районѣ горнозаводской промышленности, существуетъ на счетъ особыхъ промысловъ, не имѣющихъ сельскохозяйственнаго характера: рыболовства, охоты, звѣринаго промысла по берегамъ морей: бой моржей, тюленей, китовъ и т. д. или зарабатываютъ себѣ пропитаніе въ качествѣ рабочихъ и мастеровыхъ въ рудникахъ и на горныхъ заводахъ.

Несомнѣнно, что одною изъ причинъ, привязывающихъ громадное большинство населенія къ занятію земледѣліемъ, служитъ то обстоятельство, что почти все сельское населеніе является собственникомъ земли. Принадлежность земли крестьянамъ въ достаточной мѣрѣ объясняетъ любовь ихъ къ земледѣлію и стремленіе, по возможности, не выходить изъ области сельскохозяйственныхъ заработковъ.

Въ значительной степени вліяютъ на характеръ сельскохозяйственной промышленности различія въ формахъ землевладѣнія. Въ большей части Россіи, почти вездѣ, гдѣ распространено великорусское племя и отчасти въ Малороссіи и Новороссійскомъ краѣ, распространено *общинное землевладѣніе*, которое заключается въ томъ, что право владѣнія и распоряженія земельной площадью, причисляющейся къ извѣстной общинѣ, принадлежитъ всей совокупности ея членовъ, отдѣльные же домохозяева имѣютъ право лишь срочнаго пользованія небольшими, равными для всѣхъ долями общинной земли. Соотвѣтственно равенству всѣхъ членовъ въ пользованіи землею, и всѣ повинности, лежащія на „мірской“ землѣ, распредѣляются между всѣми общинниками равномѣрно. Отличительною чертою общиннаго землевладѣнія служатъ періодическіе *передѣлы* земли между всѣми членами общины: *коренные* передѣлы, *переверстки*, *жеребьевки*. На западной окраинѣ Европейской Россіи: въ Бѣлоруссіи, во многихъ малороссійскихъ и новороссійскихъ губерніяхъ, въ Царствѣ Польскомъ и въ прибалтійскихъ губерніяхъ распространено *подворное* или *участковое* владѣніе землею.

Эти различія въ формѣ землевладѣнія и землепользованія вліяютъ на самый характеръ сельскохозяйственной промышленности въ различныхъ мѣстностяхъ, но условія ея развитія и даже на соотношеніе между количествомъ сельскаго и городскаго населенія въ томъ или другомъ районѣ. Извѣстно, что процентъ горожанъ гораздо значительнѣе именно на западѣ, гдѣ, при существованіи подворнаго владѣнія, поземельная собственность съ теченіемъ времени сильно дробится и болѣе или менѣе значительная часть крестьянъ, въ концѣ концовъ, отрывается отъ земли, поступаетъ въ ряды городского пролетаріата и зарабатываютъ себѣ пропитаніе уже иными средствами, связанными съ городскою жизнью и индустріальною промышленностью.

Площадь, находящаяся подъ сельскохозяйственною культурою *), въ настоящее время въ Европейской Россіи составляетъ уже болѣе одной пятой части всей поверхности ея, тогда какъ земли, совершенно неудобныя для земледѣлія и безплодныя: песчаныя степи, тундры, голыя мѣстности и т. д. занимаютъ болѣе одной четвертой всей территоріи.

---

*) Въ Европейской Россіи крестьянамъ принадлежитъ, въ общемъ, около $^2/_5$ площади всей земли, вмѣстѣ съ лѣсами, тундрами, безплодными степями и т. д. частнымъ владѣльцамъ—$^1/_5$, казнѣ, удѣльному вѣдомству и городамъ—$^2/_5$.

Въ наиболѣе земледѣльческихъ районахъ, въ черноземной полосѣ, хлѣбныя поля занимаютъ даже болѣе половины всей площади, а въ нѣкоторыхъ густонаселенныхъ губерніяхъ еще въ 1881 г. площадь распашки достигала 70 — 75% всей площади (губ. Воронежская 70%, Курская и Тульская 73—75%) и въ настоящее время еще болѣе увеличилась, такъ какъ, подъ вліяніемъ нужды въ землѣ, крестьяне безпрестанно распахиваютъ свои выгоны, лѣса и даже мѣста малопригодныя для пашни, напр., косогоры, пески и т. д.

Изъ всѣхъ Европейскихъ странъ Россія производитъ наибольшее количество зерновыхъ хлѣбовъ. Нѣсколько лѣтъ назадъ Россія занимала по производству хлѣбовъ даже первое мѣсто въ свѣтѣ, но за послѣднее время насъ опередила въ этомъ отношеніи сѣверо-американская республика. Чтобы имѣть представленіе о количествѣ зерновыхъ хлѣбовъ, ежегодно собираемыхъ на поляхъ Европейской Россіи, можно представить гигантскій закромъ, занимающій площадь въ 6 десятинъ (14,400 кв. саж.) и высотою въ 1 версту. Какое-нибудь реальное изображеніе этого количества является необходимостью, потому что ежегодный сборъ хлѣбовъ, выраженный числомъ пудовъ, оказывается слишкомъ громаднымъ и не вызываетъ въ умѣ никакого представленія: 2.630.000,000 пудовъ съ приблизительною цѣнностью на 1.093.569,100 рублей.

На Всероссійской Нижегородской выставкѣ въ 1896 г. съ цѣлью дать наглядное изображеніе этого огромнаго количества, сооруженъ былъ столбъ высотою въ 5 саж., а въ поперечномъ сѣченіи представляющій квадратъ со сторонами въ $1^1/_5$ саж., который представляетъ объемъ ежегоднаго сбора зерна, уменьшенный въ 1.000.000 разъ *).

Къ этому нужно еще присоединить стоимость другихъ продуктовъ земледѣлія: картофеля, бобовыхъ растеній, свеклы, масличныхъ, прядильныхъ и др., чтобы получить цѣнность всѣхъ продуктовъ полеводства, которая исчисляется суммою отъ $1^1/_2$ до 3 милліардовъ рублей. Къ сельскохозяйственной промышленности кромѣ этого слѣдуетъ отнести еще скотоводство, садоводство, огородничество, винодѣліе, а также и лѣсоводство (см. дальше). Разсмотримъ еще вкратцѣ условія сельскохозяйственной промышленности въ различныхъ районахъ.

По характеру почвы въ Европейской Россіи можно установить три крупныя области 1) въ сѣверной половинѣ, приблизительно совпадающей съ площадью древняго распространенія ледниковъ, распространены такъ называемыя *подзолистыя почвы* (мѣстныя названія: *луда, бѣлякъ, сивецъ* свѣтло сѣраго цвѣта, крайне мелкозернистыя, состоящія, главнымъ образомъ, изъ мельчайшаго мучнистаго песка) *суглинки* и *супеси;* въ южной части этой области, т. е. въ центральной Россіи (отчасти также и на юго-западной окраинѣ) залегаютъ *сѣрыя лѣсныя земли* темносѣраго цвѣта, обыкновенно слоемъ въ 3—4 вершка, съ характернымъ строеніемъ, по которому легко можно узнать землю, долгое время бывшую подъ лѣсомъ, даже послѣ того какъ лѣсъ вырубленъ и площадь эта превращена въ пашню **). Среди этихъ преобладающихъ почвъ въ сѣверной и цент-

---

*) Относительное количество различныхъ хлѣбовъ изображено было на этомъ столбѣ слоями различной величины: рожь 123.693.300 четвертей, овесъ 102.080.700 ч., ячмень 32.526,700, яровая пшеница 28.952. 400, озимая пшеница 24.417.800, гречиха 7.270.900, просо 7.204.000, кукуруза 4.246. 100 четвертей.

**) Характорное строеніе заключается въ томъ, что подъ поверхностнымъ тонкимъ

ральной части Европейской Россіи повсюду встрѣчаются *иловато-болотныя* почвы, а также *перегнойныя* почвы на известковыхъ подпочвахъ (известнякъ, мѣлъ, мергель и т. д).. 2) Въ большей части южной Россіи поверхность покрыта слоемъ *чернозема*, который тянется широкою полосою съ крайняго юго-запада въ сѣверно-восточномъ направленіи къ Уральскому хребту. Почва эта рыхла, чернаго цвѣта, мелкозерниста, съ обильнымъ содержаніемъ *перегноя* или *гумуса* (отъ 5 до 15%); средняя толщина слоя около 1 аршина (отъ 1/4 до 3 арш.). По окраскѣ и строенію черноземъ очень постепенно переходитъ къ подпочвѣ, по большей части *лессовой* (рыхлая, мелкозернистая, желтоватая почва, изобилующая минеральными солями). 3) На самыхъ окраинахъ южныхъ степей, у береговъ Чернаго, Азовскаго и Каспійскаго морей распространены такъ называемыя *каштановыя* почвы, бураго цвѣта плотнаго строенія съ незначительнымъ содержаніемъ перегноя (1½—3%). Поверхностный слой здѣсь толщиною 2—4 вершка, мало отличается отъ подпочвы красноватой или буровато-рыжей, обыкновенно состоящей изъ мергелистой глины, суглинка или супеси морского происхожденія. Среди черноземныхъ или каштановыхъ почвъ разбросаны во множествѣ небольшими островами или пятнами *солончаки* или *солонцы*, заключающія большое количество различныхъ минеральныхъ солей, особенно обыкновенной *соли* (поваренной). Во влажномъ состояніи солончаки обыкновенно очень вязки, но при высыханіи превращаются въ очень твердую, почти каменистую массу, причемъ на поверхности обыкновенно образуется свѣтло сѣрая или бѣлая *корка* болѣе свѣтлаго цвѣта, песчанистая и сильно соленая на вкусъ, отъ присутствія соли.

Во многихъ мѣстностяхъ Россіи громадное значеніе для сельскаго хозяйства имѣетъ вопросъ о влагѣ, такъ какъ недостатокъ ея въ однихъ мѣстахъ и избытокъ въ другихъ одинаково пагубны для земледѣлія и требуютъ втѣшательства человѣческаго искусства для болѣе благопріятнаго распредѣленія этого наиболѣе важнаго фактора производительности почвы. Искусственныя сооруженія, для управленія водами въ сельскохозяйственныхъ цѣляхъ, бываютъ двухъ родовъ, съ совершенно противуположными задачами: осушительныя сооруженія направлены къ освобожденію почвы отъ ненужнаго и даже вреднаго избытка влаги въ мѣстностяхъ болотистыхъ, оросительныя же стремятся къ снабженію почвы влагою въ безводныхъ пространствахъ. И тѣ, и другія сооруженія въ конечномъ результатѣ имѣютъ въ виду обращеніе безплодныхъ земель въ культурное состояніе, возвышеніе производительности и доходности малоплодородныхъ полей и общее оздоровленіе мѣстностей, вредныхъ по климату, вслѣдствіе излишней сухости или сырости.

На нѣкоторыхъ окраинахъ Россіи подобнаго рода гидротехническія сооруженія (преимущественно оросительныя) существовали уже съ незапамятныхъ временъ, какъ, напр., въ Туркестанскомъ краѣ, на Кавказѣ, въ Крыму, въ самой же Россіи работы въ этомъ направленіи начаты сравнительно недавно, можно сказать, даже не раньше текущаго столѣтія, да и то сначала только въ видѣ частичныхъ попытокъ, безъ всякаго опредѣленнаго плана. Только въ 70-хъ годахъ, съ учрежденіемъ особой экспедиціи при М. Г. Имуществъ, осушеніе болотъ получило правильную постановку и широкое развитіе. Первоначально работы эти были сосредоточены въ Полѣсьи, гдѣ въ короткое время и сравнительно съ небольшими затратами (около 3½ милл. руб.) осушено было около 2.670,000 десят., и цѣнность вновь пріобрѣтенной плодородной земли надо оцѣнить по крайней мѣрѣ въ 55.000.000 р. Въ районѣ осушительныхъ работъ *) въ очень скоромъ

слоемъ сѣрой земли помѣщается другой слой такъ называемый *орѣховатой* земли, которая при ударѣ лопатою легко распадается на небольшіе комья величиною съ орѣхъ, окруженные какъ бы оболочкою изъ кремнезема пепельно-сѣраго цвѣта. На основаніи распространенія этихъ характерныхъ почвъ доказано было, что въ прежніе времена лѣса въ южной части черноземной полосы мѣстами заходили очень далеко на югъ.

*) Который составляетъ огромную площадь въ 8½ милл. десят., т. е. равняется почти 1/6 части Франціи.

времени произошелъ коренной переворотъ: протяженіе водныхъ путей сильно увеличилось съ прорытіемъ каналовъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ проложены были грунтовыя дороги и проведена цѣлая сѣть Полѣсскихъ желѣзныхъ дорогъ, важныхъ не только въ промышленномъ, но и въ стратегическомъ отношеніи; населеніе быстро возрасло, поселенія перестали быть уединенными островками, подымающимися среди болотъ и всевозможныя отрасли промышленности начали быстро развиваться. Доходъ казны со всей площади болотъ прежде составлялъ только 1,640 р. въ годъ, а послѣ осушительныхъ работъ, уже въ 1892 г. достигъ почти что 63,000 р.

Примѣра Полѣсья уже достаточно, чтобы судить о томъ важномъ значеніи, какое могутъ имѣть для страны гидротехническія сооруженія. Вскорѣ послѣ осушенія Пинскихъ болотъ дѣятельность гидротехниковъ перенесена была въ губерніи Петербургскую, Новгородскую и въ прибалтійскія, которыя продолжаются еще и до настоящаго времени, при дѣятельномъ участіи мѣстныхъ земствъ и многихъ частныхъ землевладѣльцевъ, а также осушительныя работы распространяются и на губ. Олонецкую, Вологодскую, Вятскую, съ 1894 г. приступлено къ осушительнымъ работамъ и въ Западной Сибири, именно въ Барабинской степи, вдоль линіи строющейся сибирской желѣзной дороги.

Что касается оросительныхъ сооруженій, въ цѣляхъ борьбы съ неблагопріятнымъ вліяніемъ засухъ на урожаи, то и здѣсь правильныя, систематическія мѣропріятія и изысканія начались лишь въ самое недавнее время, уже въ 20-хъ годахъ. Сущность всѣхъ оросительныхъ (ирригаціонныхъ) сооруженій заключается въ образованіи искусственныхъ запасовъ водъ и въ приспособленіи ихъ къ пользованію въ сельско-хозяйственныхъ цѣляхъ для возможнаго обезпеченія культурныхъ растеній необходимою влагою. Достигается это весьма различными способами, сообразно съ мѣстными условіями. Источниками воды для орошенія могутъ служить прѣсноводныя озера, рѣки, ручьи, горные потоки, родники и, главнымъ образомъ, (въ большей части равнинныхъ степей Южной Россіи, страдающихъ отъ постоянныхъ засухъ), атмосферные осадки, преимущественно запасы снѣга и весеннихъ водъ, образующихся отъ его таянія. Изслѣдованія показали, что даже въ мѣстностяхъ, наиболѣе страдающихъ отъ засухъ, общая сумма осадковъ, а именно снѣга, при надлежащемъ пользованіи, достаточна для орошенія полей въ то время, когда растенія наиболѣе нуждаются въ поливкѣ. Поэтому есть полное основаніе предполагать, что со временемъ, когда выполнены будутъ всѣ мѣры, подсказываемыя наукою въ борьбѣ съ неблагопріятными для произрастанія растеній физическими условіями, площадь безплодныхъ земель на южной и юго-восточной окраинѣ Европейской Россіи, а также и во многихъ мѣстахъ азіатскихъ владѣній, сильно уменьшится, если не совершенно исчезнетъ. Въ настоящее время практикуется въ Россіи два главныхъ типа въ оросительныхъ сооруженіяхъ: ламанное орошеніе, заключающееся во временномъ затопленіи извѣстнаго участка весенними водами, посредствомъ устройства системы плотинъ и правильное орошеніе, поливное, т. е. неоднократная поливка полей изъ искусственно образованныхъ водохранилищъ, путемъ устройства цѣлой сѣти каналовъ различнаго рода.

Оросительныя сооруженія въ настоящее время (до 1896 г.) устроены уже во многихъ мѣстностяхъ юга и юго-востока Европейской Россіи на земляхъ казенныхъ, удѣльныхъ, частно-владѣльческихъ и даже на крестьянскихъ, въ губ. Самарской, Саратовской, Екатеринославской, Херсонской, Воронежской, Таврической и Астраханской. Въ общемъ, площадь искусственно орошаемыхъ земель занимаетъ уже болѣе $15^{1}/_{2}$ тысячъ десятинъ и ведутся подготовительныя работы къ новымъ обширнымъ сооруженіямъ, имѣющимъ своею цѣлью не только непосредственное орошеніе извѣстныхъ земельныхъ участковъ, но и общее увеличеніе запасовъ влаги въ почвѣ въ цѣлыхъ районахъ, путемъ поднятія уровня грунтовыхъ водъ *). Средняя стоимость устройства оросительныхъ сооруженій сооставляетъ отъ 20 до 80 р. на 1 десятину орошаемаго поля, даже меньше—18 р., но затраты эти очень быстро окупаются, такъ какъ доходность земель почти всегда увеличивается въ 3—5 разъ, а иногда даже разъ въ 20. Такъ, напр., сѣнокосы на неорошенной землѣ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ давали 15—30 пуд. сбора съ десятины, а послѣ оросительныхъ работъ стали давать около 500 пуд. **)

---

*) Рядъ мѣръ принимается къ тому, чтобы ослабить или положить конецъ размыванію почвы, увеличенію и углубленію овраговъ, лѣсонасажденіе и т. п.

**) См. „Производительныя силы Россіи“ стр. 74, отд. I.

Сельское хозяйство.

а) Земледѣліе, садоводство, скотоводство, птицеводство.

Переходимъ къ сельскому хозяйству, главнѣйшей отрасли промышленности въ Россіи.

Болѣе двухъ третей всего зернового хлѣба, собираемаго на поляхъ европейской Россіи, производится крестьянами, частные же владѣльцы производятъ менѣе одной трети. Но въ то же время сами крестьяне въ общемъ являются далеко не обезпеченными въ продовольственномъ отношеніи своимъ собственнымъ хлѣбомъ. Рожь даже и въ черноземныхъ губерніяхъ идетъ на продажу изъ крестьянскихъ хозяйствъ въ небольшомъ количествѣ, такъ какъ ржаной хлѣбъ составляетъ самое главное продовольствіе сельскаго населенія, а избытки этого хлѣба встрѣчаются сравнительно рѣдко. Крестьянами продаются другіе хлѣба овесъ, ячмень, пшеница, менѣе просо и гречиха.

По вопросу объ обезпеченіи народнаго продовольствія, статистика показываетъ поразительные факты: оказывается, что въ Россіи, которая съ давнихъ поръ и до настоящаго времени считается „житницею Европы“ и снабжаетъ своимъ хлѣбомъ большинство европейскихъ государствъ,—болѣе половины собственнаго населенія, (крестьянскаго) именно 52,3%, постоянно нуждается въ продовольствіи, около трети (31,8%) собираетъ со своихъ надѣльныхъ полей ровно столько, сколько имъ необходимо для собственнаго продовольствія и лишь около $^1/_6$ части всего крестьянскаго населенія имѣетъ нѣкоторые избытки хлѣбныхъ запасовъ, и могутъ продавать ихъ [1]). Ежегодно, для пропитанія населенія не хватаетъ въ среднемъ около 200.000,000 пуд. При этомъ надо принять во вниманіе, что далеко не всѣ крестьяне, у которыхъ не хватаетъ собственнаго хлѣба, въ состояніи купить его на деньги, заработанныя какимъ-нибудь постороннимъ, неземледѣльческимъ трудомъ: многіе милліоны бѣдняковъ принуждены сокращать свое потребленіе, т. е. живутъ въ проголодь и употребляютъ всевозможные суррогаты: отруби, жмыхи, лебеду, березку и т. д., а въ лучшемъ случаѣ идетъ вмѣсто хлѣба картофель.

По мнѣнію нѣкоторыхъ изслѣдователей, напр., кн. Васильчикова [2]), проф. Янсона [3]), а главнымъ образомъ, по отзывамъ земскихъ статистиковъ [4]) современное плохое состояніе крестьянскаго хозяйства зависитъ, главнымъ образомъ, отъ общей неудовлетворительности экономическаго положенія крестьянскаго населенія. По выраженію нынѣшняго Министра Финансовъ: „земледѣльческое населеніе въ общемъ не успѣло еще обезпечить себѣ прочнаго экономическаго положенія и обезопасить себя на случай возможныхъ невзгодъ“ [5]). Причины такого печальнаго положенія, по мнѣнію большинства ученыхъ изслѣдователей, заключаются въ недостаточности земельнаго обезпеченія у громаднаго большинства крестьянъ и въ непосильной для нихъ тягости податнаго бре-

[1]) Въ Донской области и въ губ. Таврической и Оренбургской, хлѣбныхъ сборовъ хватаетъ и для продовольствія населенія, и для содержанія скота; въ губ. Бессарабской, Екатеринославской, Вологодской, Тамбовской и Курляндской сборъ обезпечиваетъ продовольствіе населенія, но скота—только отчасти; въ Воронежской и Вятской зернового хлѣба хватаетъ только для пропитанія самого населенія, но для скота ничего не остается. Наконецъ, въ остальныхъ 40 губерніяхъ хлѣбные сборы недостаточны даже и для продовольствія населенія, не говоря уже о скотѣ. См. проф. Н. А. Карышевъ „Систематическій сборникъ очерковъ по отечествовѣдѣнію“ стр. 79.

[2]) „Землевладѣніе и земледѣліе въ Россіи и въ другихъ Европейскихъ государствахъ“.

[3]) „О надѣлахъ и платежахъ“ и др.

[4]) См. статистическіе сборники губ. Рязанской, Орловской, Курской, Воронежской и многихъ другихъ.

[5]) См. „Всеподданнѣйшій докладъ о государственной росписи доходовъ и расходовъ на 1899 г.“.

мени. Дѣйствительно, по вычисленію Янсона въ нечерноземной полосѣ, гдѣ земля мало плодородна, при современномъ состояніи земледѣльческой культуры, 16 десятинъ составляетъ наименьшее земельное обезпеченіе средней семьи для того, чтобы она могла выработать средства, достаточныя для жизни и для выполненія всѣхъ лежащихъ на ней повинностей. Точно также и въ черноземной полосѣ для этого необходимо не менѣе 14 десятинъ. Въ дѣйствительности, земельные надѣлы въ Россіи мало гдѣ достигаютъ этой нормы или превышаютъ ее, а, въ большинствѣ случаевъ, достигаютъ лишь половины указаннаго количества и даже меньше, особенно въ средней части черноземной полосы и въ московскомъ промышленномъ районѣ.

Въ то же время платежи, лежащіе на надѣльной землѣ: выкупные платежи, различныя земскія и мірскія повинности составляютъ очень значительную для крестьянскаго бюджета сумму. Одни выкупные платежи въ среднемъ по всей Россіи составляютъ 7 р. 20 к. на дворъ *), общая же сумма платежей очень часто достигаетъ 4 и даже 5 р. на каждую десятину надѣла, т. е. около 30 и болѣе рублей на семью.

Неудивительно поэтому, что при общей неудовлетворительности экономическаго положенія крестьянъ, они кое-какъ, съ большими усиліями, посредствомъ всевозможныхъ сторонних заработковъ (отхожіе промыслы въ города и въ дальнія губерніи, кустарные и т. п.) сводятъ концы съ концами въ годы урожайные, но при каждомъ недородѣ хлѣбовъ все больше и больше разстраиваютъ свое благосостояніе.

За послѣдніе годы въ печати много толкуютъ объ „оскуденіи центра“, т. е. объ упадкѣ сельскохозяйственной промышленности въ центральной части хлѣбороднаго района Европейской Россій. По большей части подъ этимъ центромъ понимаютъ губ. Тульскую, Калужскую, Орловскую, Курскую, Рязанскую, Тамбовскую, Воронежскую и нѣкоторыя другія сосѣднія, которыя въ послѣднія 10—20 лѣтъ очень часто начинаютъ подвергаться голодовкамъ. Мѣстность эта принадлежитъ именно къ району наименьшаго обезпеченія крестьянскаго населенія земельными надѣлами. По общепринятому мнѣнію неурожаи, зависящіе прежде всего, конечно, отъ неблагопріятныхъ климатическихъ и метеорологическихъ условій въ данные годы, ведутъ за собою такія ужасныя послѣдствія, какъ, напр., въ 1891—92 г. и въ текущемъ сельскохозяйственномъ году въ значительной мѣрѣ еще и потому, что общее матеріальное состояніе крестьянъ здѣсь неудовлетворительно. Однако же и во многихъ другихъ мѣстностяхъ Россіи голодовки не рѣдкость. Въ 40-хъ и 50-хъ годахъ нерѣдко голодали сѣверо-западныя и юго-западныя губерніи, въ 70-хъ—юго-восточныя, Самарскія степи и Вятскій край, въ 80-хъ—страдали отъ недорода громадные районы, а въ 1891—92 г.—почти половина Европейской Россіи. Въ настоящемъ году голодъ посѣтилъ также обширный районъ, въ особенности губ. Казанскую, Самарскую, Симбирскую, Саратовскую, Уфимскую, Пермскую, Вятскую и Оренбургскую. Въ послѣдніе годы неурожаи были въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Кавказа.

Конечно, неудовлетворительное экономическое положеніе крестьянъ зависитъ, въ значительной степени, отъ низкаго уровня культуры сельскаго населенія и плохихъ, почти первобытныхъ пріемовъ сельскаго хозяйства, такъ какъ при улучшенныхъ способахъ обработки земля, особенно въ черноземной полосѣ, даже и съ небольшой площади можетъ доставить большой доходъ, какъ это видно изъ примѣровъ западно-европейскихъ государствъ и даже нѣкоторыхъ мѣстностей европейской Россіи (напр. губерніи польскія и прибалтійскія). Но, при современномъ уровнѣ сельскохозяйственной культуры, населенію приходится или прибѣгать ко всевозможнымъ постороннимъ заработкамъ, или же переселяться въ другія мѣстности имперіи, гдѣ существуютъ еще большіе запасы незанятыхъ земель и гдѣ, слѣдовательно, возможно еще вести хозяйство и несовершеннымъ способомъ.

Дѣйствительно, переселенія не только въ Сибирь и на Кавказъ, но и во многія другія мѣстности даже въ Европейской Россіи, напр. въ Оренбургскую и

*) Всеподданнѣйшій докладъ министра финансовъ на 1899 г.

Уфимскую губ., начались еще очень давно, въ началѣ настоящаго столѣтія, но съ теченіемъ времени принимаютъ все большіе и большіе размѣры: въ 1895 г., напр., переселенцевъ насчитывали около 120,000 челов., а въ 1896 г. даже 200,000 чел. Однако же, въ послѣдніе годы замѣчается уже, что количество свободныхъ земель начинаетъ истощаться, такъ что уже теперь многіе переселенцы не могутъ найти себѣ годныхъ участковъ и многіе изъ нихъ принуждены бываютъ возвратиться опять на прежнее мѣсто. Въ 1897 году, напримѣръ, такихъ семей насчитывалось до 3,200. Характерно, что въ настоящее время уже нѣкоторыя мѣстности Сибири оказываются переполненными земледѣльческимъ населеніемъ и начинаютъ сами высылать переселенцевъ. Такъ, напр., Тобольская губернія до начала 1892 года отпустила на Алтай болѣе 20,000 переселенцевъ.

Вообще, при современномъ строѣ сельскаго хозяйства, емкость населенія въ большинствѣ мѣстностей Россіи очень ограничена и зависитъ отъ характера физическихъ условій и быта мѣстнаго населенія. Такъ, по вычисленіямъ нѣкоторыхъ ученыхъ, относительная перенаселенность при кочевомъ состояніи наступаетъ уже при плотности 1—2 человѣкъ на 1 кв. версту, при переложной системѣ земледѣлія 8—10 ч., а при болѣе совершенной трехпольной системѣ съ удобреніемъ только 40—50 чел. *).

Вслѣдствіе разнообразія почвы и климата, а также по различію въ плотности населенія, въ различныхъ районахъ Европейской Россіи выработались неодинаковые, иногда весьма своеобразные пріемы веденія сельскаго хозяйства. На С. и С.-В., въ мѣстностяхъ, покрытыхъ лѣсомъ (въ губерніяхъ: Архангельской, Вологодской, Олонецкой, отчасти въ Новгородской, Тверской, Костромской, Вятской и въ Пермской), съ бѣдными малоплодородными почвами, практикуется такъ называемая лѣсопольная или подсѣчная система хозяйства.

Система эта представляетъ одну изъ простѣйшихъ формъ первобытнаго хозяйства и возможна только въ мѣстностяхъ съ очень рѣдкимъ населеніемъ, когда существуютъ еще запасы свободныхъ, пустующихъ земель. Расчищенный изъ-подъ лѣса или кустарника участокъ засѣвается 2—3 года подъ-рядъ (иногда даже одинъ только годъ), затѣмъ покидается на много лѣтъ (30—40), пока снова зарастетъ, а земледѣльцы принимаются расчищать или выжигать новые лѣсные участки. По большей части здѣсь расчистка участковъ и новое запусканіе ихъ подъ лѣсъ производится безъ какого-либо опредѣленнаго порядка или плана. Преобладающими растеніями въ районѣ лѣсопольной системы являются рожь, овесъ и ячмень; въ самыхъ сѣверныхъ мѣстностяхъ сѣютъ только одинъ ячмень и рѣпу, а на южныхъ окраинахъ къ преобладающимъ растеніямъ присоединяется еще и ленъ.

Понятно, что описанная первобытная система земледѣлія, совершенно естественная въ странѣ почти безлюдной, становится невозможною, какъ только населеніе достигаетъ извѣстной плотности (даже около 8—10 человѣкъ на 1 кв. в.). Земледѣльцы, одинъ за другимъ, научаются прочно водворяться на воздѣлываемой землѣ и стараются поднять производительность почвы улучшенными способами культуры, такъ какъ получать постоянно дѣвственную землю становится все болѣе и болѣе затруднительнымъ; волей-неволей нужно опять приниматься за старую.

Второй районъ, который, по преобладающему здѣсь воздѣлываемому расте-

*) См. Систематическій сборникъ очерковъ по отечествовѣдѣнію. Глава „населеніе и переселенія“.

нію—льну, можно назвать льнянымъ, занимаетъ значительную часть западной нечерноземной полосы, губерніи: Псковская, Витебская, отчасти Новгородская, Смоленская, Тверская, часть Вологодской, Костромской и нѣкоторыхъ другихъ сосѣднихъ. Въ этомъ районѣ обычная форма полеводства—трехпольная.

Поля раздѣляются на три участка, между которыми устанавливается опредѣленный порядокъ: одинъ оставляется безъ посѣва — паръ, другой засѣвается озимымъ хлѣбомъ (рожью) — озимое поле, третье—яровымъ (овесъ, ячмень, а чаще всего ленъ). На слѣдующій годъ паръ засѣвается озимымъ, озимь—яровымъ, а бывшее яровое поле оставляется на 1 годъ подъ паръ. И такая смѣна производится неопредѣленное число лѣтъ. Паровое поле часто удобряется и перепахивается, но иногда его оставляютъ совершенно безъ всякой обработки. Характерную особенность этого района составляетъ воздѣлываніе льна въ широкихъ размѣрахъ, что повело къ большому развитію здѣсь фабрикъ.

Описанный районъ очень постепенно, почти незамѣтно переходитъ въ область съ преобладающимъ значеніемъ скотоводства, которая охватываетъ приблизительно губерніи прибалтійскія (Эстляндскую, Лифляндскую и Курляндскую) и смежныя съ ними мѣстности Ковенской, Гродненской, Виленской, Могилевской, а также въ нѣкоторыхъ уѣздахъ губернія Ярославской, Вологодской, Тверской, Новгородской, Смоленской, Костромской.

Въ этой области, вслѣдствіе необходимости имѣть удобреніе для полей и при обиліи хорошихъ луговъ и пастбищъ, развилось скотоводство, которое затѣмъ, по мѣрѣ уменьшенія количества свободныхъ земель и увеличенія числа скота, привело населеніе къ необходимости посѣва кормовыхъ травъ. Введеніе въ сѣвооборотъ кормовыхъ травъ и мѣстами корнеплодовъ (картофеля) отразилось на самой системѣ хозяйства, которое приняло болѣе сложныя, усовершенствованныя формы. Трехполье почти повсемѣстно, въ разсматриваемомъ районѣ, постепенно уступаетъ мѣсто многопольному хозяйству (особенно въ Прибалтійскихъ губ.) съ разнообразными сложными сѣвооборотами, гдѣ поле оставляется подъ паръ рѣдко (черезъ 6—8 лѣтъ), а вмѣсто этого сѣютъ травы, бобовыя растенія, корнеплоды. Вмѣстѣ съ тѣмъ, благодаря развитію скотоводства, здѣсь привилось и постепенно развивается молочное хозяйство, отсюда преимущественно снабжаются молочными продуктами (масло, сыръ) крупные центры, какъ, напр., Петербургъ и Москва, а также значительное количество вывозится за границу.

Далѣе къ югу идетъ районъ преобладающаго зернового хозяйства, гдѣ почти исключительно воздѣлываются зерновые хлѣба.

Районъ этотъ, гдѣ вообще распространена трехпольная система, можетъ быть раздѣленъ на двѣ части: въ первой, нечерноземной, обнимающей губ. Московскую, Калужскую, Владимірскую, части губ. Смоленской, Тверской, Новгородской, Ярославской, Костромской и Вятской и сѣверные нечерноземные уѣзды губ. Орловской, Тульской, Рязанской, Нижегородской, Казанской, удобреніе полей составляетъ настоятельную необходимость. Площадь пашенъ здѣсь сравнительно невелика, такъ какъ обширныя пространства земли ежегодно остаются невоздѣланными и служатъ пастбищами для скота. Но, конечно, площадь распашки увеличивается на счетъ пастбищъ, когда населеніе перейдетъ къ искусственному травосѣянію и къ многопольной, плодоперемѣнной системѣ (какъ въ предыдущемъ районѣ). Вторая область зерновой культуры безъ удобренія занимаетъ всю сѣверную часть черноземной полосы (въ черноземныхъ частяхъ), губ. Орловскую, Тульскую, Рязанскую, Тамбовскую, Нижегородскую, Казанскую, Пензенскую, Симбирскую, Воронежскую, Курскую, Черниговскую. Весь этотъ районъ отличается тѣмъ, что здѣсь почти всѣ земли сплошь распаханы, пространства же луговъ и пастбищъ очень незначительны и, съ каждымъ годомъ, все сокращаются. Скотоводство здѣсь имѣетъ второстепенное значеніе. Удобреніе здѣсь существуетъ преимущественно на помѣщичьихъ земляхъ и у зажиточныхъ крестьянъ, у которыхъ имѣется

для этого достаточное количество скота, но вообще не составляетъ необходимости и у большинства крестьянъ, за недостаткомъ навоза, не практикуется.

Преобладаніе невыгоднаго, въ сельскохозяйственномъ отношеніи, трехпольнаго хозяйства на столь обширной площади Европейской Россіи объясняется, въ значительной степени, климатическими, почвенными и экономическими условіями хозяйства. Главную цѣнность для крестьянина составляютъ озимые хлѣба *), посѣвъ которыхъ возможенъ не иначе, какъ послѣ года предшествовавшаго пара, такъ какъ, по снятіи какого бы то ни было хлѣба, посѣвъ озимаго растенія былъ бы уже невозможенъ по своей несвоевременности. Поэтому переходъ къ болѣе совершенному многопольному хозяйству долженъ вызвать уменьшеніе озимыхъ посѣвовъ. Воздѣлываніе корнеплодовъ и нѣкоторыхъ бобовыхъ растеній, хотя и не менѣе выгодно, чѣмъ культура зерновыхъ озимыхъ хлѣбовъ, но требуетъ болѣе совершенныхъ пріемовъ обработки земли, обильнаго удобренія и т. п., поэтому, при современномъ экономическомъ положеніи большинства крестьянъ и при низкомъ уровнѣ ихъ культурности, такая реформа въ системѣ хозяйства производится очень медленно. Вмѣстѣ съ тѣмъ, надобно замѣтить, что практикующаяся въ черноземной полосѣ вышеуказанная трехпольная система безъ удобренія очень сильно истощаетъ почву. Какъ бы ни была земля плодородна, но посѣвы, продолжающіеся долгое время, хотя бы и съ промежутками черезъ каждые два года, въ концѣ концовъ, истощаютъ плодородіе: земля выпахивается, какъ говорятъ крестьяне, и урожайность все уменьшается. Совсѣмъ другое дѣло, если въ истощенную посѣвомъ землю регулярно вводить новые запасы нужныхъ для питанія растеній веществъ путемъ удобренія; тогда, какъ показываютъ примѣры другихъ областей, при извѣстномъ порядкѣ смѣны посѣвовъ можно и совсѣмъ обходиться безъ оставленія земли подъ паръ.

Въ районѣ зерновой культуры воздѣлывается преимущественно озимая рожь (болѣе къ сѣверу) и пшеница (южнѣе), а изъ яровыхъ больше всего овесъ, затѣмъ: гречиха, просо, ячмень, горохъ и кромѣ того во многихъ мѣстахъ разводится въ большомъ количествѣ картофель.

Наконецъ, на югѣ и юго-востокѣ во всей черноземной степной полосѣ господствуетъ такъ называемая залежная или переложная система хозяйства. Въ этомъ районѣ существуютъ всевозможные переходы отъ почти первобытной формы хозяйства, когда распахивается какой-нибудь участокъ дѣвственной степи и засѣвается изъ года въ годъ, пока земля даетъ урожай, а затѣмъ этотъ участокъ снова запускается подъ степь, а земледѣлецъ переходитъ къ новымъ цѣлинамъ,—до формъ весьма совершенныхъ, съ правильнымъ сѣвооборотомъ, съ посѣвомъ травъ, сильно сокращается періодъ залежи и т. д. Такое хозяйство составляетъ уже переходъ къ многопольной системѣ.

Въ простѣйшихъ формахъ залежная система съ болѣе или менѣе регулированнымъ сѣвооборотомъ (20—25 л.) сохранилась еще въ губ. Херсонской, Екатеринославской, Таврической, въ Донской области, въ Ставропольской и Астраханской, мѣстами въ Самарской, Оренбургской и въ Уральской области. При небольшой площади пашни, сравнительно съ площадью залежей, здѣсь имѣются всѣ подходящія условія для широкаго развитія скотоводства; разводится какъ крупный рогатый скотъ, которымъ снабжаются среднія и сѣверныя области (убойный скотъ, особенно черкасскій), такъ и овцы, преимущественно тонкорунныя, для шерсти, а также большіе табуны лошадей. Во многихъ мѣстахъ, съ цѣлью поднять производительность залежей, начинаютъ искусственно сѣять на нихъ кормовыя травы, и получаются очень богатые сѣнокосы.

Изъ зерновыхъ хлѣбовъ здѣсь сѣется преимущественно пшеница озимая и яровая, затѣмъ овесъ, ячмень, горохъ. Удобреніе полей здѣсь пока еще очень мало распространено, но при обиліи скота переходъ къ нему вполнѣ возможенъ.

*) Рожь, по климатическимъ условіямъ въ большей части Россіи, можно и выгоднѣе сѣять только какъ озимый хлѣбъ (сѣется осенью и тогда же всходитъ, на зиму надземная часть растенія погибаетъ, но весною изъ оставшагося корня быстро выростаетъ новый стебель).

Кромѣ перечисленныхъ крупныхъ районовъ существуетъ еще нѣсколько болѣе мелкихъ, гдѣ господствуетъ производство тѣхъ или другихъ спеціальныхъ растеній. Таковы: табачныя — малороссійскій, въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Полтавской, Черниговской, Харьковской губ.; бессарабскій, таврическій, кавказскій и самарскій. Ростовскій районъ огородничества въ Ярославской губ.; хмѣлеводные районы: гуслицкій (въ Богородскомъ и Бронницкомъ уѣздахъ Московской губ., Егорьевскомъ, Рязанской губ. и Покровскомъ—Владимірской), костромской и волынскій.

Упомянемъ еще о масличныхъ растеніяхъ. Ленъ занимаетъ въ общемъ до 2,2% всей посѣвной площади Европейской России, въ нѣкоторыхъ же губерніяхъ, какъ, напр., Лифляндской и Псковской, ему отводятъ даже до 13% полей.

Сообразно съ назначеніемъ воздѣлыванія: на волокно или на сѣмя, разводятъ разныя породы его; въ сѣверныхъ районахъ сѣютъ такъ называемый ленъ долгунецъ, который доставляетъ много хорошаго волокна, въ южныхъ—ленъ-кудряшъ, съ короткимъ грубымъ стеблемъ, но съ обиліемъ сѣмянныхъ головокъ. Средній сборъ достигаетъ 2.500,000 четвертей сѣмени и 18.630,000 пудовъ волокна *) въ годъ. Ежегодный отпускъ за границу сѣмени на 21.162,023 р., волокна на 52.077,448 р., кудели и пакли на сумму около 4.138,541 р. Кромѣ того, вывозится ежегодно на сумму около 6—7½ милл. рублей жмыховъ и масла почти на 250,000 р.

Конопля разводится по большей части на ближайшихъ къ усадьбѣ поляхъ, на такъ называемыхъ коноплянникахъ, преимущественно въ черноземныхъ губерніяхъ; ежегодный сборъ сѣмени около 2.000,000 пудовъ на сумму около 10.000,000 руб.

Подсолнечникъ воздѣлывается преимущественно въ восточныхъ губерніяхъ черноземной полосы (особенно Воронежская, Саратовская и Тамбовская губ.). Масло и сѣмя потребляются преимущественно внутри государства, но жмыхи въ значительномъ количествѣ идутъ за-границу, на сумму около 2½ милл. руб.

Въ нѣкоторыхъ уѣздахъ Саратовской и Астраханской губ. (Царицынскій, Черноярскій, Царевскій у.) въ большихъ количествахъ разводится горчица, но продукты ея—масло и сѣмя идутъ исключительно на внутреннее потребленіе.

Въ малороссійскихъ, юго-западныхъ губерніяхъ, а также мѣстами въ Воронежской, Саратовской и Тамбовской губ. воздѣлывается въ значительномъ количествѣ макъ.

Культура свекловицы, имѣющая чисто промышленный характеръ (для производства сахара), за послѣднее время получила въ Россіи обширное развитіе. Воздѣлывается преимущественно въ западныхъ и юго-западныхъ губ., особенно въ Кіевской, Курской, Черниговской, Полтавской и въ Польшѣ. Ежегодное производство ея составляетъ почти одну пятую часть сбора во всей Европѣ. Цѣнность сбора свекловицы исчисляется приблизительно въ 15—20 милл. руб.

Картофель (преимущественно въ западныхъ и прибалтійскихъ губ.) идетъ

*) По производству льна Россія занимаетъ первое мѣсто изъ всѣхъ государствъ въ Европѣ.

въ большомъ количествѣ для винокуренія, занимаетъ по всей Европейской Россіи (кромѣ Финляндіи) площадь болѣе 3 милл. десятинъ и доставляетъ въ годъ болѣе 1.381.000,000 пуд. *).

Ежегодный сборъ табаку около $4^1/_2$ милл. пуд.

b) Плодоводство.

За послѣднее десятилѣтіе въ Россіи обращено большое вниманіе на развитіе и правильную постановку плодоводства. Въ 1893—94 гг. правительство предприняло цѣлый рядъ изслѣдованій современнаго состоянія этой важной отрасли сельскаго хозяйства, учреждены были по почину министерства земледѣлія **), земствъ, частныхъ лицъ и обществъ значительное количество низшихъ школъ садоводства, устраиваются сады при народныхъ школахъ, изъ казенныхъ питомниковъ министерства земледѣлія отпускаются посадочныя растенія и сѣмена, появилась обширная литература по этому предмету въ различныхъ спеціальныхъ періодическихъ изданіяхъ и т. д. Однако же, какъ показываетъ изслѣдованіе, потребуются еще очень большія усилія для того, чтобы промышленное плодоводство стало повсемѣстно въ Россіи на желаемую степень развитія и когда оно займетъ подобающее положеніе среди прочихъ отраслей сельскохозяйственной промышленности, какъ это наблюдается въ большинствѣ другихъ государствъ Западной Европы и въ С. Америкѣ.

Главные районы производства плодовъ: 1) юго-западная часть Европейской Россіи (Кіевская, Полтавская, Каменецъ-Подольская губ.), гдѣ общая площадь садовъ составляетъ до 40,000 десятинъ. Разводятся преимущественно яблоки и груши, затѣмъ сливы, вишни и черешни, менѣе абрикосы и орѣхи. Общее количество получаемыхъ продуктовъ до 3.000,000 пуд. свѣжихъ плодовъ; 2) Бессарабія (заднѣстровскій районъ), гдѣ сады занимаютъ также около 40,000 дес. Здѣсь разводятся преимущественно сливы и абрикосы, но значительно распространены также яблоки, груши, вишни, черешни, грецкіе орѣхи, миндаль и персики. Черезъ черноморскіе порты изъ Бессарабіи и Подоліи вывозится за границу въ среднемъ до 500,000 пуд. свѣжихъ плодовъ и около 660,000 пуд. сушеныхъ; 3) Крымъ (горная область и южный берегъ), съ 6,000 десятинъ садовъ собирается болѣе 1 милліона свѣжихъ плодовъ (яблоки, груши, персики, абрикосы, сливы, кизиль, айва, миндаль, различныя ягоды и болѣе 250,000 орѣховъ. Доходность здѣшнихъ садовъ очень велика, одни крупнѣйшіе плодоторговцы Петербурга и Москвы ежегодно закупаютъ здѣсь фруктовъ болѣе, чѣмъ на 1.000,000 рублей; 4) Средневолжскій районъ (губ. Саратовская, Самарская, Симбирская и Казанская) производитъ преимущественно яблоки, груши и вишни.

Кромѣ того, въ Европейской Россіи богаты плодами: привислянскія губерніи, нѣкоторыя изъ западныхъ (Минская, Могилевская) и губерніи средней Россіи: Калужская, Рязанская, Воронежская, Курская, Полтавская. Въ Азіатской Россіи особенно важными по плодоводству являются: Кавказъ (предкавказье и закавказье) и нѣкоторые плодородные оазисы Средней Азіи. Сибирь доставляетъ главнымъ образомъ кедровые орѣхи и сушеныя ягоды.

Наиболѣе распространенный способъ переработки плодовъ является сушка, по большей части почти примитивная, но за послѣднее время начинаютъ, мало-по-малу, распространяться и болѣе совершенные пріемы. Правительство и частныя лица выписываютъ усовершенствованныя американскія сушилки, которыя понемногу входятъ въ употребленіе, преимущественно у крупныхъ садовладѣль-

*) Въ 1897 г.

**) Раньше „департамента земледѣлія и сельской промышленности“.

цевъ. Менѣе распространено изготовленіе варенья (въ Петербургѣ изготовляется на продажу болѣе 100,000 пуд. въ годъ), сухое варенье (Кіевъ), пастила и др. Съ давнихъ поръ въ Россіи изготовляются различные напитки изъ плодовъ: фруктовыя наливки, шипучія воды, квасы, въ послѣднее время изготовляются также фруктовыя и ягодныя вина; сидръ производится пока въ очень небольшомъ сравнительно количествѣ.

Внутренняя торговля плодами исчисляется въ 4—5 милл. пудовъ въ годъ, вывозъ за границу (1894 г.) около 52,000 пуд., на сумму 100,000 р. Вообще, организація промышленнаго плодоводства въ Россіи оставляетъ желать очень многаго; много предстоитъ еще сдѣлать по организаціи сбыта продуктовъ, по распространенію свѣдѣній, касательно технической стороны переработки ихъ и по вопросу о борьбѣ съ вредными для плодоводства условіями и паразитами.

Область распространенія культуры винограда на открытомъ воздухѣ съ промышленною цѣлью занимаетъ всю южную полосу Россіи. Сѣверную границу этого района можно обозначить прямою линіею изъ Каменецъ-Подольска, черезъ Екатеринославъ и Астрахань и кромѣ того большую часть Туркестанскаго края.

Наиболѣе значительные виноградники въ Россіи существуютъ: 1. Въ Бессарабіи — до 60,000 десят., что составляетъ около 1/3 всѣхъ виноградниковъ въ Россіи. Культура винограда здѣсь стоитъ въ общемъ на очень низкой ступени развитія, а цѣна выдѣлываемаго вина до такой степени низка, что въ исключительные годы вино бываетъ дешевле стоимости деревянной бочки, въ которой оно помѣщается. Здѣсь вообще стараются по возможности увеличить количество сбора, не заботясь объ улучшеніи качества самаго винограда. Одна десятина виноградника даетъ въ среднемъ около 215 пудовъ винограда. Вывозъ — около 100,000 пуд. въ годъ свѣжаго винограда, но гораздо большее количество его идетъ на выдѣлку вина.

2. Въ южномъ районѣ западной части Европейской Россіи (особенно въ Подольской и Херсонской губ.) насчитывается около 7—8 тысячъ десятинъ подъ виноградниками. Культура винограда въ общемъ и здѣсь крайне несовершенна. По большей части виноградъ продается въ свѣжемъ видѣ (около 650,000 пуд.). Замѣчательно, что Алешковскіе пески (около устьевъ Днѣпра, около 150,000 дес.) оказываются очень удобными для посадки винограда (который здѣсь, вслѣдствіе песчаной почвы, вполнѣ гарантированъ отъ филлоксеры) и виноградарство здѣсь очень быстро развивается.

3. Въ Крыму существуютъ двѣ различныя области культуры винограда: 1) южный берегъ, гдѣ, при наличности благопріятныхъ климатическихъ условій, произрастаютъ самые высокіе сорта винограда (менѣе плодовитые: въ общемъ до 150 пуд. съ десятины), пріемы воздѣлыванія достигли высшей ступени совершенства во всей Россіи и почти не уступаютъ заграничнымъ. Поэтому здѣсь выдѣлываются самыя дорогія русскія вина; 2) вся остальная часть полуострова, особенно сѣверные склоны горъ по верховьямъ рѣкъ Алмы, Качи, Бальбека; въ одной Судакской долинѣ собирается до 400,000 пуд. винограда, изъ которыхъ 150,000 пуд. вывозится въ свѣжемъ видѣ, а остальное идетъ на выдѣлку вина. Южнобережные сорта по большей части не выдерживаютъ перевозки, такъ какъ слишкомъ нѣжны и идутъ или на вино, или потребляются въ качествѣ лечебнаго винограда.

4. У низовьевъ Дона и Волги физическія условія не особенно благопріятны для произрастанія винограда, и здѣсь замѣчается даже упадокъ виноградарства (особенно около Астрахани). Виноградъ, котораго собирается на Дону около 200,000 пуд. въ годъ, идетъ преимущественно на выдѣлку вина. Извѣстны шипучія вина Цымлянской и Раздорской станицъ. Въ Астраханской области собирается до 150,000 пуд. въ годъ, который отправляется по большей части въ свѣжемъ видѣ (по Волгѣ).

5. Самая важная виноградная область есть Кавказъ, гдѣ въ разныхъ мѣстахъ насчитывается около 100,000 десятинъ виноградниковъ (всего въ Россіи считается около 180,000 десят.). Наиболѣе богата виноградниками Тифлисская губ. (Кахетія) — 47 тыс. дес., затѣмъ Кутаисская (31 тыс. дес.), Эриванская (7,700 дес.), Елисаветпольская и Дагестанская (по 3,500 дес.) и нѣкоторыя другія. За послѣднее время здѣсь вводятся высокіе иностранные сорта винограда и поэтому вино замѣтно улучшается по качеству.

Упомянемъ еще объ азіатскихъ районахъ виноградной культуры. Въ Сыръ-Дарьинской области насчитывается около 1,800 дес., въ Самаркандской — около 6,300 дес., въ Ферганской — 6,650 дес., а всего около 13,000 десятинъ виноградниковъ. Виподѣліе здѣсь началось очень недавно, и до сихъ поръ главная масса винограда (около 400,000 пуд.) вывозится въ свѣжемъ видѣ.

Въ общемъ культура винограда у насъ развита еще очень мало, что доказываетъ значительность привоза не только иностранныхъ винъ, но даже и свѣжаго винограда: въ среднемъ (1884—1893 гг.) винограда привозится (преимущественно въ Петербургъ и Одессу) до 36,000 пудовъ въ годъ, на сумму около 166,000 руб.

c) Скотоводство.

Россія очень богата домашними животными и, по абсолютному количеству скота, превосходитъ всѣ другія европейскія государства. Общее число лошадей въ Европейской Россіи составляетъ болѣе 22.000,000 головъ, крупнаго рогатаго скота—35.500,000, овецъ—около 70,000,000, свиней—около 12.000,000. Наибольшаго развитія скотоводство достигаетъ на окраинахъ Европейской Россіи, въ южныхъ и юго-восточныхъ степяхъ, а также въ прибалтійскихъ губерніяхъ и въ раньше указанныхъ сосѣднихъ районахъ къ В. и Ю.-В. отъ послѣднихъ. Однако же общее состояніе скота въ Россіи по большей части гораздо ниже, чѣмъ въ другихъ европейскихъ государствахъ, породы рогатаго скота по большей части простыя, не облагороженныя раціональными пріемами скотоводства и какъ по вѣсу, такъ и по молочности сильно уступаютъ, напр., англійскимъ, швейцарскимъ и голландскимъ. Точно также овцы русскихъ породъ уступаютъ заграничнымъ по качеству шерсти и по вѣсу.

Изъ русскихъ породъ лошадей можно указать мезенскую, вятскую, обвинскую, которыя отличаются небольшимъ ростомъ, но чрезвычайно выносливы и крѣпки, произошли отъ скрещиванія эстонскихъ клеперовъ съ мѣстными породами; изъ степныхъ породъ извѣстны: донскія лошади, калмыцкія, ногайскія, кабардинскія, карабахскія, киргизскія, туркменскія *), сибирскія (якутскія) и др.; въ Воронежской и Тамбовской губерніяхъ заслуживаетъ вниманія русская порода тяжелыхъ рабочихъ лошадей—битюги. Заводскія рысистыя лошади разводятся въ 6 государственныхъ заводахъ: въ Воронежской губ. (Хрѣновскій зав.), въ Харьковской (Деркульскій зав., Стрѣлецкій, Ново-Александровскій, Лимаревскій), въ Сѣдлецкой губ. (Яновскій зав.), всего (въ 1896 году) около 100 жеребцовъ, около 1,000 матокъ и около 2,000 приплодныхъ разнаго возраста и во многихъ частныхъ. О развитіи породистаго коневодства можно судить по тому, что въ Россіи существуетъ въ настоящее время 26 скаковыхъ обществъ и около 50 рысистыхъ обществъ. Ежегодно за-границу вывозится около 40,000 головъ на сумму около 4.000,000 р. и различныхъ побочныхъ продуктовъ коневодства (гривъ, хвостовъ и т. п.) на сумму болѣе 1.000,000 р. въ годъ.

Изъ 70 мил. овецъ, насчитывающихся въ Россіи, около 15 мил. приходится на мериносовъ, тонкорунныхъ овецъ, которыя содержатся почти исключительно въ крупныхъ экономіяхъ и доставляютъ въ годъ до 3.050,000 пуд. шерсти съ приблизительною

*) Славившіяся еще въ древности подъ именемъ „парѳянскихъ“.

стоимостью въ 24 мил. руб. Остальные 55 мил. овецъ принадлежатъ къ породамъ грубошерстнымъ и въ общемъ доставляютъ около 7 мил. пуд. шерсти на сумму около 35 мил. руб. Цѣнность всѣхъ другихъ продуктовъ овцеводства (мясо, сало, овчины) исчисляется въ 61 мил. руб. въ годъ, а вмѣстѣ съ шерстью это составитъ 120 мил. руб. Изъ мѣстныхъ породъ овецъ упомянемъ цыгайскую породу (главнымъ образомъ въ Бессарабіи) съ хорошею шерстью, не уступающей мериносовой, волошскую и родственную ей малычскую (въ Крыму), также съ хорошею шерстью, романовскую (Ярославская губ.), доставляющую извѣстныя овчины, изъ которыхъ шьютъ знаменитые романовскіе полушубки, каракульскую и рѣшетиловскую (смушки), курдючную (жиръ) и др. Цѣнность этихъ породъ сильно колеблется; дороже всего—каракульскія овцы.

Не смотря на обиліе у насъ рогатаго скота, молочное хозяйство до сихъ поръ остается на очень низкой ступени развитія. Происходитъ это отчасти потому, что самые техническіе пріемы обработки молочныхъ продуктовъ у большинства сельскаго населенія очень несовершенны, отчасти же и потому, что, какъ оказывается, молоко отъ скота русскихъ породъ, вслѣдствіе особенностей пастбищъ и луговъ, по своимъ физическимъ и химическимъ свойствамъ значительно отличается отъ молочныхъ продуктовъ скота заграничнаго и поэтому западно-европейскіе техническіе пріемы невозможно перенести цѣликомъ на русскую почву *).

Произведенія молочнаго хозяйства идутъ, главнымъ образомъ, для внутренняго потребленія и сбываются больше всего въ крупнѣйшіе центры, особенно въ столицы; заграничная торговля сыромъ и масломъ очень незначительна. Ввозъ сыра въ общемъ превышаетъ вывозъ, тогда какъ отпускъ масла съ каждымъ годомъ возрастаетъ, а ввозъ наоборотъ уменьшается. Такъ, въ 1894 г. сыра было ввезено 43,000 пуд., масло совсѣмъ не шло изъ-за границы, вывозъ сыра составлялъ 30,000 пуд., а масла 329,000 п. Въ Европейскую Россію ежегодно привозится еще отъ 300 до 350 тыс. пудовъ сибирскаго масла на сумму около 100,000 р., которое отчасти идетъ и за границу.

По количеству продуктовъ птицеводства Россія превосходитъ всѣ другія государства Европы. Продукты эти (живая и битая птица, а главнымъ образомъ яйца) потребляются преимущественно внутри страны, но значительная часть вывозится и за-границу. Въ особенности это относится къ яйцамъ, которыхъ въ годъ вывозится около 3.200,000 пуд. О размѣрахъ птицеводства въ Россіи можно судить уже по тому, что въ одномъ Петербургѣ ежегодно потребляется около 35 милл. яицъ и около 5 милл. штукъ разной птицы.

Экспортъ продуктовъ птицеводства, весьма незначительный еще въ 1880 г., за послѣдніе годы сильно увеличился, такъ что теперь вывозъ продуктовъ нашего птицеводства уступаетъ только немногимъ другимъ статьямъ вывоза (хлѣбные, лѣсные товары и нѣкоторые другіе): въ 1894 г., напр., вывозъ однихъ яицъ достигнулъ до 955 милл. штукъ на сумму около 15 милл. руб., а всѣхъ продуктовъ птицеводства вывезено на 22½ милл. руб.; другихъ же отраслей животноводства—на 32 м. р. Но и это — ничтожныя цифры въ сравненіи съ тѣми, какихъ бы можно достичь при болѣе интензивной культурѣ.

d) Лѣсоводство, звѣроловство, рыболовство.

Еще недавно лѣса покрывали болѣе половины Россіи, но распространеніе земледѣлія, расчистка лѣсныхъ участковъ подъ пашни, лѣсные пожары и безпоря-

---

*) См. производительныя силы Россіи, отд. III, стр. 36.

дочная эксплоатація значительно сократили лѣсную площадь. Однако же еще и въ настоящее время лѣса въ Европейской Россіи покрываютъ въ общемъ около $205^1/_2$ *) милл. десят. (считая и Кавказъ), да кромѣ того, лѣса занимаютъ необъятныя пространства въ Сибири и встрѣчаются мѣстами въ средне-азіатскихъ владѣніяхъ Россіи.

Распредѣленіе лѣсныхъ богатствъ въ Россіи вообще крайне неравномѣрно, въ то время, какъ сѣверъ и сѣверо-востокъ снабжены ими въ изобиліи, югъ и юго-востокъ почти совершенно лишены лѣсовъ. Даже и въ лѣсистыхъ областяхъ въ настоящее время замѣчается эта неравномѣрность. По берегамъ почти всѣхъ сплавныхъ рѣкъ и рѣчекъ, а также и по линіямъ желѣзнодорожныхъ путей высокоствольныхъ лѣсовъ уже давно нѣтъ на разстояніи нѣсколькихъ верстъ въ обѣ стороны: лѣса здѣсь уже истреблены, въ то же время въ мѣстностяхъ, болѣе удаленныхъ отъ всякихъ путей, великолѣпный строевой лѣсъ безъ пользы гніетъ на мѣстѣ.

Въ то время, какъ въ однихъ районахъ (на зап. и юго-зап.) доходъ съ лѣсовъ составляетъ около 10 р. съ десятины въ годъ, въ другихъ мѣстностяхъ (сѣверныхъ) доходность эта составляетъ лишь нѣсколько копѣекъ, а на обширныхъ пространствахъ крайняго сѣвера даже едва превышаетъ 1 к.

Въ Россіи около 2/3 (65,2%) всей лѣсной площади принадлежитъ государству, почти четверть (22,6%)—частнымъ владѣльцамъ и только немного болѣе 8% принадлежитъ крестьянамъ. До какой степени быстро идетъ у насъ истребленіе лѣсовъ, видно изъ того, что въ промежутокъ въ 10 лѣтъ (1872—1882 гг.) въ нѣкоторыхъ районахъ истреблено болѣе половины наличнаго количества лѣсовъ: въ Харьковской и Екатеринославской 80%, въ Курской и Воронежской 69%, въ Московской и Саратовской 57% и т. д. Вмѣстѣ съ тѣмъ, многочисленныя неблагопріятныя послѣдствія истребленія лѣсовъ: увеличеніе континентальности климата, увеличеніе высоты разливовъ рѣкъ и обмеленіе ихъ лѣтомъ, усиленный размывъ верхнихъ слоевъ почвы, увеличеніе площади песчаныхъ пространствъ (движеніе песковъ) и т. д.,—все это заставило обратить серьезное вниманіе на прекращеніе такого истребленія, и правительствомъ принятъ цѣлый рядъ мѣръ**) къ урегулированію лѣсного хозяйства въ Россіи.

Кромѣ того, обращено большое вниманіе на искусственное лѣсоразведеніе и въ различныхъ мѣстахъ, среди степей новороссійскихъ, въ Крыму, въ области Войска Донского, въ Астраханской губ. и др. насаждено въ настоящее время уже около 75,000 десят. лѣсовъ. Принимаются разнаго рода поощрительныя мѣры для этой цѣли: крестьяне и частные владѣльцы снабжаются даромъ или по дешевой цѣнѣ саженцами изъ казенныхъ древесныхъ питомниковъ, устанавливаются преміи и медали за древесныя насажденія и т. д.

Торговля лѣсомъ и различными продуктами лѣсоводства довольно значительна. Кромѣ обширнаго обмѣна внутри государства, вывозъ ежегодно черезъ одну только западную границу составляетъ около 150 милл. пудовъ, на сумму около 50 милл. рублей. Однако же и ввозъ лѣсныхъ продуктовъ составляетъ еще 12½ милл. пудовъ на сумму около 5 милл. рублей.

Съ обширностью лѣсныхъ пространствъ въ Россіи связана одна изъ отраслей добывающей промышленности, когда-то очень важная для населенія, но постепенно все болѣе и болѣе утрачивающая свое значеніе—это звѣроловство или охота. Этими промыслами занимаются у насъ почти повсемѣстно, но главнымъ занятіемъ жителей, составляющимъ для нихъ важное подспорье въ хозяй-

*) Европейская Россія съ Польшею имѣетъ 179.890.000 десят. (лѣса здѣсь занимаютъ около 40% всей территоріи), Финляндія 18.705,000 дес.

**) Законъ 4 апрѣля 1888 г.

ствѣ, охота служитъ лишь въ мѣстностяхъ наименѣе культурныхъ, покрытыхъ сплошными лѣсами или тундрами и степями, а также по берегамъ морей и громадныхъ озеръ, каково Ладожское, Онежское, Байкальское и др.

Можно сказать, что почти все инородческое населеніе нашего сѣвера, отъ Лапландіи до Камчатки: самоѣды, зыряне, тунгусы, гиляки, орочи и др., а также степняки: башкиры и киргизы, занимаются звѣроловствомъ, какъ промысломъ. Русскіе же даже и въ этихъ мѣстахъ рѣдко посвящаютъ себя исключительно звѣриному промыслу, но въ большинствѣ случаевъ занимаются скупкою и перепродажю пушнины, т. е. мѣховъ.

Сколько-нибудь точныхъ свѣдѣній о числѣ охотниковъ и о количествѣ добываемыхъ этимъ промысломъ продуктовъ не имѣется. Но, по приблизительному подсчету, только въ трехъ губерніяхъ Европейской Россіи (Архангельской, Пермской и Олонецкой) есть около 35,000 профессіональн. звѣроловозъ-охотниковъ; конечно, въ Сибири ихъ гораздо больше.

Предметомъ охоты служатъ всевозможные звѣри, цѣнные по своей шкурѣ: соболь, горностай, выдра, бобръ, котикъ (морской), лисица, медвѣдь [1] (бѣлый и бурый), хорекъ [2], бѣлка [3] и др., или изъ-за мяса: олени, лоси, кабаны, разныхъ породъ антилопы, горные козлы и бараны, якъ и др. или хищники, наносящіе вредъ скотоводству: волки [4], тигры [5], рыси, барсы и др. Кромѣ того, большую прибыль доставляютъ морскіе звѣри: тюлень [6] (морской, ладожскій, каспійскій, байкальскій), моржъ, китъ и различныя китообразныя: дельфины, бѣлуха, нарвалъ и др.

Доходность всего звѣроловства исчисляется приблизительно цифрою въ 10—12 милл. руб. на каждый годъ.

Рыболовство составляетъ въ Россіи весьма важную отрасль народной промышленности, оно доставляетъ заработокъ полумилліонному населенію профессіональныхъ рыбаковъ и многимъ милліонамъ крестьянъ, занимающихся рыболовствомъ, какъ побочнымъ, подсобнымъ промысломъ и доставляетъ въ годъ около 70 милл. пуд. рыбныхъ продуктовъ.

Болѣе всего ловится обыкновенная рѣчная рыба (судакъ, сазанъ, лещъ, сомъ, налимъ и т. п.) около 47 милл. пудовъ и разныхъ другихъ прѣсноводныхъ рыбъ около 7 милл. пудовъ (лососевыхъ около 2.800,000 пуд.). Затѣмъ сельдь—около $9^1/_2$ милл. пудовъ, осетровыхъ (осетръ, севрюга, бѣлуга, стерлядь, шипъ и др.) болѣе 2 милл. пудовъ и разныхъ морскихъ рыбъ (треска, камбала, скумбрія, кефаль, килька, пикша, сайда и др.). Промыселъ морскихъ рыбъ у насъ развитъ сравнительно мало, и потому привозъ этого товара довольно значителенъ: одной сельди изъ-за границы ввозится въ годъ 4—6 милліоновъ пудовъ.

По районамъ рыбныя богатства Европей-

---

[1] Въ одной Архангельской губ. добывается въ годъ до 400 бѣлыхъ и бурыхъ медвѣдей.

[2] Въ Архангельской губ. добывается до 20,000 штукъ въ годъ.

[3] Бѣличьихъ шкурокъ добывается въ Россіи болѣе, чѣмъ какого-либо другого звѣря: въ Якутской области, напр., до 50,000, въ Архангельской до 100,000, въ Олонецкой около 200,000 и т. д.

[4] Волковъ въ одной Европейской Россіи насчитываютъ около 175,000 штукъ. Ежегодно они пожираютъ около 180,000 головъ рогатаго скота, 560,000 овецъ, до 100,000 собакъ. Число людей, поѣдаемыхъ волками, составляетъ въ среднемъ выводѣ около 125 чел. въ годъ, а иногда достигаетъ даже 160 (напр. въ 1875 г.); общая стоимость домашнихъ животныхъ, истребляемыхъ волками въ годъ, составляетъ 15.000,000 р., т. е. каждый волкъ истребляетъ въ годъ на 80 р.!

[5] Тигры у насъ водятся на Амурѣ, въ Туркестанѣ и въ нѣкоторыхъ горныхъ областяхъ. Шкура его стоитъ около 100 р., да кромѣ того за желчь и кость китайцы платятъ 20—30 р.

[6] Добыча тюленя по берегамъ Ледовитаго океана очень велика, въ одной Архангельской губ. бьютъ въ годъ до 20,000 штукъ, очень много ихъ добываютъ также по восточному побережью Сибири. Въ Архангельской губ. бьютъ въ годъ до 70,000, на Ладожскомъ озерѣ до 2,000, на Байкальскомъ до 1,000 штукъ.

ской России распредѣляются слѣдующимъ образомъ: наибольшее количество рыбы доставляетъ Каспійское море и главнѣйшія рѣки его бассейна: Волга и Уралъ — до 32 милл. пудовъ, затѣмъ Балтійское море съ рѣками и озерами, лежащими въ районѣ его бассейна, а также Бѣлое море, Мурманское побережье и бассейны рѣкъ Ледовитаго океана (Печора), около 25 милл. пудовъ, третье мѣсто по величинѣ улова занимаетъ юго-западная часть, бассейны Чернаго и Азовскаго морей (рр. Днѣпръ, Донъ и Кубань) — около 10 милл. пудовъ.

Упомянемъ еще о рыбоводствѣ *), т. е. объ искусственномъ разведеніи рыбъ. Попытки этого рода дѣлались въ Россіи уже давно, наиболѣе прочное основаніе рыборазведенію положено было 43 года назадъ новгородскимъ помѣщикомъ В. П. Врасскимъ, который основалъ никольскій рыбоводный заводъ. Заводъ этотъ впослѣдствіи перешелъ въ казну и очень долгое время былъ единственный въ Россіи; всѣ заводы, появлявшіеся впослѣдствіи, болѣе или менѣе связаны съ никольскимъ заводомъ—или обучались тамъ, или по крайней мѣрѣ пользовались его указаніями. Въ настоящее время кромѣ Никольскаго завода и его отдѣленія въ Петербургѣ (при И. Сельско-Хоз. Музеѣ), дѣйствуютъ уже 12 заводовъ, устроенныхъ частными лицами и нѣкоторыми обществами (въ Европейской Россіи и на Кавказѣ) **).

Мало-по-малу, у насъ развивается также и прудовое хозяйство (карповыя рыбы въ непроточной водѣ), главнымъ образомъ въ губерніяхъ западнаго края (преимущественно въ прудахъ, принадлежащихъ къ императорскимъ дворцамъ), а также и во многихъ другихъ губерніяхъ (Кіевская, Курская и др.).

Наконецъ, можно указать на добываніе раковъ, которые долгое время шли исключительно для мѣстнаго употребленія, но въ послѣднее время кое-гдѣ производятся попытки промышленной эксплоатаціи этихъ животныхъ: изготовленія консервовъ (въ закупоренныхъ жестянкахъ—въ Вольскѣ, сушеныхъ—въ Алешкахъ Таврической губ.) и даже искусственнаго разведенія ихъ; раки перенесены въ рѣки Западной Сибири, гдѣ прежде ихъ не было, устраиваются „рачьи депо“ въ Сувалкской губ. для заграничнаго сбыта и т. д.

Устрицъ въ Черномъ морѣ, у береговъ Крыма добывается до 1 милл. въ годъ, въ Севастополѣ дѣлаются попытки искусственнаго разведенія ихъ.

Жемчужница широко распространена въ русскихъ водахъ: въ сѣверныхъ, а также и въ рѣкахъ Балтійскаго, Чернаго и Каспійскаго морей, въ бассейнѣ Амура. Добыча драгоцѣннаго жемчуга развита очень мало, но, какъ кажется, только потому, что на этотъ промыселъ пока обращаютъ еще мало вниманія. Въ настоящее время жемчуга добывается болѣе всего на Кольскомъ полуостровѣ, гдѣ встрѣчается даже очень цѣнный, до 30 и даже до 50 р. за штуку ***).

Добыча металловъ.

Богатства, заключенныя въ нѣдрахъ земли, добывались въ предѣлахъ Россіи еще очень давно. Раскопка кургановъ показываетъ, что еще въ древней Скиѳіи, около 2.000 лѣтъ тому назадъ, обработка металловъ была извѣстна, точно также на Уралѣ, на Кавказѣ и въ разныхъ мѣстахъ Сибири находятъ остатки разработки рудныхъ мѣсторожденій древнѣйшими обитателями этихъ мѣстностей.

*) Искусственно разводить рыбу въ какомъ-нибудь водномъ бассейнѣ (въ прудѣ, озерѣ, рѣкѣ и т. п.) можно путемъ перенесенія сюда изъ другихъ бассейновъ живыхъ экземпляровъ той рыбы, развести которую желаютъ. Но собственно подъ именемъ „искусственнаго рыбоводства“ понимается искусственное оплодотвореніе икры и полученіе изъ нея мальковъ, т. е. молодыхъ экземпляровъ, только что вылупившихся изъ икры и воспитаніе ихъ до того момента, когда они уже въ состояніи вести самостоятельную жизнь въ большомъ водномъ бассейнѣ. Мальковъ, получаемыхъ на рыбоводныхъ заводахъ, можно пересылать очень далеко.

**) На рр. Суйдѣ, Бѣлой, въ Таицахъ (Лялина и Молласа), въ Гостилицахъ (Силичева), въ Юрьевѣ, Ригѣ, Тифлисѣ, близъ Тулы, около Курска, въ Московской губ. (Отрада), въ Ковенской губ., въ Варшавской, и кромѣ того Министерство Земледѣлія учреждаетъ цѣлый рядъ новыхъ рыбоводныхъ заводовъ на рр. Камѣ, Лугѣ, Курѣ, Кубани (здѣсь строится также войсковой заводъ).

***) Производит. силы Россіи отд. I, стр. 9.

Однако же только недавно, пожалуй даже въ нынѣшнемъ столѣтіи, горнозаводская промышленность получила у насъ прочное обоснованіе и, съ каждымъ годомъ, получаетъ все большее и большее значеніе въ экономической жизни Россіи.

Въ настоящее время общая стоимость продуктовъ горнаго промысла въ Россіи достигаетъ грандіозной цифры, около 200 милл. руб. въ годъ, если же сосчитать стоимость продуктовъ переработки матеріаловъ, добываемыхъ изъ нѣдръ земли нашего отечества, то получится еще болѣе колоссальная сумма, около $1^1/_2$ милліарда рублей.

По цѣнности продукта первое мѣсто среди ископаемыхъ богатствъ принадлежитъ желѣзу (чугуну), котораго добывается въ годъ на сумму почти въ 56 милліоновъ руб., второе — золоту.

Этотъ драгоцѣнный металлъ открытъ во многихъ мѣстахъ Россійской Имперіи: въ разныхъ пунктахъ Сибири, на Уралѣ, на Кавказѣ, въ Финляндіи и даже присутствіе россыпей обнаружено въ Донской области, но самыя богатыя мѣсторожденія его находятся въ Сибири Восточной и Западной и на Уралѣ. Съ 1745 г., когда возникла въ Россіи золотопромышленность, и до 1896 г. включительно изъ нѣдръ земли извлечено было около 115,000 пудовъ этого драгоцѣннаго металла, и въ настоящее время ежегодно добывается въ среднемъ около 2,500 пуд. (въ 1895 г. 2,654 п. на сумму 37.438,000 р., въ 1896 г.—1,978 п. цѣнностью въ 30.138,000 руб., въ 1897 г.—3,135 п.).

Платины, самаго рѣдкостнаго изъ всѣхъ благородныхъ металловъ, въ Россіи добывается въ послѣднее время около 300 пуд. въ годъ, цѣнностью въ 2.200,000 р. (въ 1893 г. 311 п. 13 ф.), тогда какъ во всемъ остальномъ свѣтѣ ежегодная добыча *) не превышаетъ 10 пуд. въ годъ. По добычѣ другихъ благородныхъ металловъ Россія сильно уступаетъ нѣкоторымъ другимъ государствамъ: серебра въ 1855 г. добыто было только 482 п. на сумму 598,000 р, ртути 26,500 пуд. на сумму около 1 милліона рублей **).

Однакоже большую цѣнность, чѣмъ всѣ эти благородные металлы, представляютъ богатѣйшія залежи разнаго рода желѣзныхъ рудъ.

Природа надѣлила Россію превосходными рудами, съ большимъ содержаніемъ чистаго желѣза (50—70%) и съ незначительною примѣсью вредныхъ, въ промышленномъ отношеніи, элементовъ: сѣры, фосфора и т. п. при обиліи, въ то же время, древеснаго топлива, Россія первоначально находилась въ чрезвычайно благопріятныхъ условіяхъ желѣзной промышленности. Со временъ Петра Великаго, впервые насадившаго чугуноплавильные заводы, въ особенности на Уралѣ, желѣзопромышленность въ короткое время сдѣлала у насъ такія успѣхи, что не только удовлетворила внутреннее потребленіе, но и образовался довольно значительный вывозъ чугуна заграницу. Русскимъ желѣзомъ наравнѣ съ шведскимъ снабжалась Германія, Англія и даже С. Америка. Въ настоящее время дѣло обстоитъ совершенно иначе: не только выдѣланное желѣзо: сталь, рельсы, листовое, котельное желѣзо и т. п., но и чугунъ въ большомъ количествѣ привозятся къ намъ изъ заграницы и главнымъ образомъ изъ трехъ вышеупомянутыхъ государствъ. Причины такого неблагопріятнаго оборота заключаются главнымъ образомъ въ общей

---

*) Есть незначительныя платиновыя мѣсторожденія въ Канадѣ, въ Соедин. Штатахъ, въ Колумбіи и на островѣ Борнео.

**) Ртуть почти исключительно добывается у насъ на Никитовскомъ заводѣ, въ Бахмутскомъ у. Екатеринославской губ. Кромѣ того довольно значительныя мѣсторожденія этого металла открыты на Кавказѣ, въ Дагестанской области, но разработка здѣсь менѣе значительна.

отсталости Россіи, въ промышленномъ отношеніи. Введеніе заграницею въ употребленіе, при выплавкѣ чугуна, минеральнаго топлива (каменнаго угля вмѣсто древеснаго) хотя нѣсколько понизило качество чугуна, но зато сильно удешевило его производство. Въ тоже время открыты были способы утилизированія плохихъ рудъ, бѣдныхъ содержаніемъ желѣза и изобилующихъ вредными примѣсями, для полученія продукта высокаго качества (способы Бессемера, Мартена, Томаса). Между тѣмъ въ Россіи, особенно на Уралѣ, гдѣ имѣются неистощимые запасы богатѣйшихъ рудъ *), чугуноплавильная промышленность и до сихъ поръ остается на очень низкой, сравнительно съ заграничной, ступени техническаго совершенства. Въ самой Россіи, съ теченіемъ времени, произошло коренное измѣненіе въ распредѣленіи желѣзодѣлательныхъ районовъ по значенію. Разработка желѣзныхъ рудъ возникла прежде всего въ подмосковномъ промышленномъ районѣ, затѣмъ особенно укрѣпилась на Уралѣ, который въ чугуноплавильномъ дѣлѣ долгое время занималъ, безусловно, господствующее значеніе. Въ настоящее время, значеніе подмосковнаго района, въ разсматриваемомъ отношеніи, ничтожно, отошелъ на второй планъ и Уралъ, гдѣ заводчики не сумѣли слѣдить за всѣми усовершенствованіями техники горнодѣлія, наоборотъ, выдвинулись новые районы желѣзной промышленности, которые получаютъ все большее и большее значеніе, если не по количеству, то по качеству и дешевизнѣ вырабатываемыхъ продуктовъ. Лѣтъ 25 назадъ на границѣ Херсонской и Екатеринославской губ. открыты были такія богатѣйшія залежи доброкачественной руды (съ содержаніемъ желѣза въ 60—70%), что, въ короткое сравнительно время, образовался очень важный желѣзодѣлательный южно-русскій районъ (особенно криво-рожское мѣсторожденіе), чему способствовало совмѣстное нахожденіе залежей руды и каменнаго угля, а также и выгодное положеніе, почти въ срединѣ Россіи, сравнительно съ Ураломъ. Въ подобномъ же положеніи находится желѣзная промышленность и въ Привислянскомъ краѣ. Въ 1895 году на Уралѣ выплавлено было болѣе 74 милл. пудовъ чугуна, на югѣ Россіи—болѣе 59 милл. пуд., въ Польшѣ около 22 милл. п. и въ подмосковномъ районѣ около 16½ милл. пуд. чугуна. Въ послѣднее время, однако, желѣзодѣлательная промышленность у насъ дѣлаетъ большіе успѣхи и постепенно вводятся новѣйшія техническія усовершенствованія. Уже въ 1895 г. получено около 50% чугуна выплавленнаго на минеральномъ топливѣ.

Мѣди добывается у насъ: на Уралѣ около 152,000 пуд. въ годъ, на Кавказѣ 167,000 пуд., въ Финляндіи около 22,000 пуд., на Алтаѣ—16,000 пуд. и около 1,500 п. въ киргизскихъ степяхъ.

Свинецъ получается исключительно въ качествѣ побочнаго продукта при выработкѣ серебряно-свинцовыхъ рудъ, главнымъ образомъ на Алтаѣ и на Кавказѣ, въ общей сложности 50—60 тыс. пуд. въ годъ.

Олово добывается преимущественно въ Финляндіи (Выборгская губ.), въ Нерчинскомъ округѣ и отчасти въ Донской области. Добыча его въ общемъ незначительна: въ 1896 г. около 280,000 пуд. на сумму около 2 милл. руб.

Добыча цинка сосредоточена главнымъ образомъ въ Петроковской губ. и отчасти на Кавказѣ (Алагирскій заводъ) и на Дону (Глѣбовскіе заводы). Въ 1896 году получено было около 382,000 пуд. цѣнностью около 900,000 руб.

Залежи сѣры въ Россіи довольно обширны, но разрабатывается этотъ минералъ мало, приблизительно лишь въ количествѣ около 1 милл. пуд., такъ что для внутренняго потребленія употребляются преимущественно заграничная сѣра. Въ однѣхъ Каракумскихъ мѣсторожденіяхъ (Закаспійская обл.) насчитывается до 40 бугровъ и въ каждомъ, по приблизительному исчисленію, содержится около

*) Главнѣйшія мѣсторожденія желѣзной руды на Уралѣ: гора Высокая (Пермской губ.) съ содержаніемъ желѣза въ рудѣ въ 63—69%, г. Благодать (Пермской губ). 52—58% жел., Магнитная гора (Оренбургской губерніи) съ 66% содержанія желѣза.

60 милл. пуд. чистой сѣры, въ Дагестанской области Могохское мѣсторожденіе содержитъ около 325 милл. пуд. этого минерала, Кхіутское (тамъ же) еще богаче. Ежегодный привозъ иностранной сѣры около тысячи пудовъ съ лишнимъ.

Добыча каменнаго угля, вслѣдствіе обилія лѣсовъ, долгое время въ Россіи не имѣла большого значенія, хотя мѣсторожденія минеральнаго топлива уже давно извѣстны во многихъ мѣстахъ какъ Европейской, такъ и Азіатской Россіи.

Раньше всего началась эксплоатація антрацита въ Донской области (станица Грушевка), но постепенно, по мѣрѣ увеличенія спроса на минеральное топливо, начали разрабатывать и другіе сорта каменнаго угля и даже бурый уголь и торфъ.

О ростѣ каменноугольной промышленности можно судить по сравненію количества добываемаго угля за различные года: въ 1855 году добыто было 9.494,000 пуд., а въ 1896 г. уже 565 милл. пуд. Главнѣйшіе каменноугольные районы: Донецкій, доставляющій въ годъ около 310 милл. пуд. топлива, Польскій—около 220 милл. пуд., Уральскій—немного болѣе 20 милл. пуд. и въ разныхъ мѣстахъ подмосковнаго района около 10 милл. п., преимущественно низкаго качества. Добываются преимущественно сорта жирнаго каменнаго угля (пламенный, кузнечный и др.)—болѣе 500 милл. п., антрацита около 50 милл. п., бураго угля и другихъ, самыхъ низшихъ сортовъ—около 8 мил. пуд. Добыча эта, конечно, незначительна въ сравненіи съ залежами угля въ Россіи.

Хотя добыча каменнаго угля и растетъ у насъ чрезвычайно быстро, но потребность въ минеральномъ топливѣ съ развитіемъ промышленности и съ истребленіемъ лѣсовъ въ мѣстахъ наибольшаго потребленія увеличивается еще быстрѣе. Вслѣдствіе этого въ Россію идетъ еще въ значительномъ количествѣ иностранный уголь и коксъ, преимущественно изъ Англіи и Германіи: въ 1896 году ввезено болѣе 143 милл. пуд., на сумму около 15 милл. руб. Къ этому нужно еще прибавить, что потребность въ топливѣ въ весьма значительной степени удовлетворяется у насъ другимъ ископаемымъ горючимъ матеріаломъ—нефтью.

Количество нефти, добываемой въ различныхъ мѣстахъ Россіи, исчисляется почти въ 450 милл. пуд., цѣнностью около $33^1/_2$ милл. руб. Болѣе $^4/_5$ этого количества добывается въ окрестностяхъ г. Баку, на Апшеронскомъ полуостровѣ (Кавказъ).

Россія принадлежитъ къ числу государствъ, наиболѣе богатыхъ естественными мѣсторожденіями соли. Наши запасы поваренной соли настолько значительны, что не только могли бы удовлетворить всѣмъ внутреннимъ потребностямъ страны *), но и могла бы, какъ показываетъ приблизительное исчисленіе количества залежей, снабжать этимъ матеріаломъ весь міръ въ продолженіи 100 лѣтъ.

Тѣмъ не менѣе Россія все еще продолжаетъ получать соль изъ заграницы около 500—600 тыс. пуд. въ годъ. Причина этого заключается, главнымъ образомъ, въ томъ, что главнѣйшія наши соляныя мѣсторожденія расположены по окраинамъ, не связаннымъ удобными путями съ промышленными и густо населенными районами. Въ Россіи добывается поваренная соль трехъ родовъ: каменная (Оренбургская, Екатеринославская, Эриванская губ.), самоосадочная—въ многочисленныхъ соленыхъ реликто-

*) Кромѣ главнаго употребленія соли въ качествѣ важнѣйшей приправы пищи человѣка и многихъ домашнихъ животныхъ, поваренная соль требуется въ большомъ количествѣ для различнаго рода промышленныхъ цѣлей. Такъ, напр., соль служитъ основнымъ матеріаломъ для весьма обширнаго, при современномъ строѣ промышленности, содоваго производства.

выхъ озерахъ (Баскунчакское, Элтонское, въ Таврическихъ и др.) и выварочная, когда изъ нѣдръ земли извлекается соляной разсолъ, который потомъ сгущается испаренiемъ (на такъ называемыхъ градирняхъ) и выпаривается на огнѣ.

Въ мiровомъ производствѣ соли Россiя занимаетъ третье мѣсто: изъ 663 милл. пуд. ея, добываемой ежегодно во всемъ мiрѣ, Великобританiя (съ колонiями) доставляетъ 20%, Соединенные Штаты С. Америки—15%, а Россiя—14% всего количества.

Остается упомянуть еще про добычу графита около 20 тыс. пуд. въ годъ, главнымъ образомъ въ Енисейской губ. и въ Иркутской (Алиберовское богатое мѣсторожденiе); фосфоритовъ около 1 милл. пуд. съ лишнимъ въ годъ (преимущественно въ Подольской, Костромской, Смоленской и Курской губ.). Часть этого продукта въ видѣ фосфоритной муки вывозится и заграницу. Фарфоровая глина (каолинъ) добывается въ губернiяхъ Черниговской, Подольской, Волынской, Херсонской, отчасти въ Курской и Орловской, всего около 200 тыс. пуд. въ годъ.

Обрабатывающая промышленность, взглядъ на состоянiе крупнаго производства и мелкихъ промышленниковъ.

Какъ мы уже видѣли, занятiе однимъ только сельскимъ хозяйствомъ въ очень многихъ мѣстностяхъ не обезпечиваетъ крестьянскаго населенiя. Поэтому они, при общей скудости своихъ средствъ, почти повсемѣстно изыскиваютъ себѣ всякаго рода посторонние заработки, отправляясь для этого въ другiя мѣста (всевозможные отхожiе промыслы) или же на мѣстѣ занимаются различнаго рода обработкою сырыхъ продуктовъ, по большей части тѣхъ, которые можно легче и дешевле всего достать въ данномъ мѣстѣ. Всѣ отрасли мѣстной обрабатывающей промышленности крестьянъ-земледѣльцевъ, работающихъ для неопредѣленнаго сбыта, т. е. на продажу *), называются «кустарными» промыслами. Въ общей сложности кустарные промыслы доставляютъ крестьянскому населенiю очень значительный заработокъ, но значительность производства обусловливается исключительно тѣмъ, что кустарей въ Россiи очень много, что же касается доходности этихъ промысловъ, то объ этомъ статистики сообщаютъ поразительные факты: по большей части, кустарь, при крайнемъ напряженiи своихъ силъ, работая по 15 и даже по 18 часовъ въ сутки, зарабатываетъ лишь около 3 руб. въ мѣсяцъ и очень рѣдко мѣсячный заработокъ его превышаетъ 10 рублей.

Причины такого жалкаго положенiя кустарной промышленности заключаются въ очень многихъ условiяхъ: крайне несовершенные, почти первобытные, прiемы производства; эксплоатацiя мѣстныхъ капиталистовъ (кулаковъ), къ которымъ кустари въ большинствѣ случаевъ, при общей необезпеченности своего матерiальнаго положенiя, попадаютъ въ кабалу: забираютъ въ долгъ сырые матерiалы и обязываются продавать только имъ свои произведенiя; кулакъ пользуется этимъ и до крайности повышаетъ цѣну сырья и понижаетъ стоимость обработаннаго товара; недостаточность организацiи сбыта кустарныхъ произведенiй, конку-

*) Въ отличiе отъ всякаго рода ремесленниковъ, которые работаютъ по заказу для опредѣленнаго потребленiя.

ренція крупной фабрично-заводской промышленности и многія другія. Въ мѣстностяхъ, богатыхъ лѣсомъ, въ кустарной промышленности преобладаетъ обработка дерева (бочарный, столярный и плотничный, корзиночный, рогожный, лычный и т. п. промыслы, производство ложекъ, лопатъ, граблей и т. п., а также смолокуреніе и дегтярное производство, добываніе поташа и т. п.). Въ другихъ мѣстностяхъ развилась обработка также мѣстныхъ продуктовъ, напр., гончарный (въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ находится лѣпная глина), въ районахъ скотоводства многочисленны гребенщики, шерстобиты (ярославскія валенки, войлоки и т. п.), кожевники (а также и сапожники), скорняки и т. п., въ нѣкоторыхъ районахъ привилось издавна металлическое производство (Нижегородская, Московская, Тульская и др. губ.), во Владимірской губерніи развита иконопись.., но наибольшее число кустарей занимаются обработкою волокнистыхъ веществъ и выдѣлываютъ полотна, а еще больше хлопчатобумажныхъ тканей. Выдѣлка полотенъ, ситца, миткаля и т. под. сосредоточена, главнымъ образомъ, въ московскомъ промышленномъ районѣ, преимущественно въ сѣверной его части (верхнее Поволожье).

На всемъ пространствѣ Европейской Россіи, даже въ типичныхъ земледѣльческихъ губерніяхъ, въ настоящее время трудно найти такой районъ, гдѣ бы крестьяне, подъ вліяніемъ недостаточности земледѣльческаго заработка, не обращались къ поискамъ какихъ-либо постороннихъ занятій.

Естественно, что первые шаги крестьянина на поприщѣ обрабатывающей промышленности выражаются въ несовершенныхъ пріемахъ производства, каковы всѣ кустарные промыслы.

Однако же, при современномъ уровнѣ техническихъ знаній, когда къ услугамъ человѣка являются покоренныя наукою силы природы, и дѣятельность человѣческаго труда, управляющаго водою, вѣтромъ, паромъ и электричествомъ, получаетъ все больше и больше цѣны, первоначальные, несовершенные способы производства все болѣе и болѣе уступаютъ мѣсто болѣе совершеннымъ формамъ промышленности.

Человѣкъ научается сваливать съ себя тяжелую механическую работу сначала на домашнихъ животныхъ (рабочія лошади, волы и т. п.), а потомъ и этихъ послѣднихъ постепенно замѣняетъ могучими силами природы. При современномъ строѣ промышленности, человѣкъ заставляетъ работать вмѣсто себя именно силы природы, главнымъ образомъ паръ *), направляя механическую силу его къ желаемой цѣли посредствомъ цѣлаго ряда сложныхъ приспособленій, машинъ всевозможнаго рода.

Машинное производство оказывается безусловно выгоднѣе, чѣмъ какіе бы то ни было способы ручного человѣческаго труда: продукты получаются гораздо скорѣе, лучше и, въ общемъ, несравненно дешевле, чѣмъ въ томъ случаѣ, когда человѣкъ употребляетъ только собственную мускульную силу, и чѣмъ совершеннѣе машины, тѣмъ онѣ выгоднѣе. Но зато машины сами стоятъ дорого и доступны только въ крупномъ капиталистическомъ производствѣ. Поэтому, усовершенствованные способы промышленности, несмотря на свои очевидныя выгоды, не особенно быстро прививаются въ Россіи, гдѣ большинство населенія, которое приступаетъ, подъ вліяніемъ необходимости, къ обрабатывающей промышленности, не имѣетъ средствъ не только для покупки дорогихъ машинъ, которыя бы дали ему возможность производить товары съ большею выгодою для себя, но даже очень часто не въ состояніи пріобрѣсти и самыя простыя орудія промысла, а берутъ ихъ въ долгъ у мѣстныхъ „благодѣтелей“ (кулаковъ) или же работаютъ въ качествѣ наемныхъ рабочихъ. Въ концѣ концовъ, конечно, громадное большинство кустарей, точно такъ же какъ и ремесленниковъ, перей-

*) Т. е., другими словами, силу тепловой энергіи, которая развивается при горѣніи различныхъ горючихъ матеріаловъ въ топкахъ паровыхъ машинъ (дрова, уголь, нефть и т. п.).

дутъ именно въ разрядъ наемныхъ рабочихъ, и во многихъ районахъ, гдѣ развита фабрично-заводская промышленность, этотъ переходъ въ значительной степени уже совершился. Но масса мелкихъ производителей до сихъ поръ еще упорно отстаиваютъ свою самостоятельность, и, несмотря на всѣ неблагопріятныя условія своего промысла, предпочитаютъ съ крайнимъ изнуреніемъ своихъ силъ работать дома, въ кругу своей семьи. Въ этой чертѣ, конечно, сказывается еще, воспитанная вѣками, привязанность русскаго крестьянина къ землѣ и къ своему собственному хозяйству (такъ какъ кустари почти всегда, за рѣдкими исключеніями, въ то же время и земледѣльцы).

По оффиціальнымъ свѣдѣніямъ *) въ 1892 г. общее число фабрикъ и заводовъ въ Россіи достигло 22,000, на которыхъ рабочихъ числилось около $1^1/_2$ милліона. Общая сумма годового производства составляла 1.850.000,000 руб.

Что касается мелкой, кустарной промышленности, то болѣе или менѣе точный подсчетъ здѣсь невозможенъ вслѣдствіе полнаго отсутствія регистраціи. Полагаютъ, однако, что число кустарей очень велико, около $6^1/_2$ милл., которые производятъ своихъ продуктовъ въ общей суммѣ на 200—300 милл. ежегодно. Слѣдовательно, каждый кустарь, въ среднемъ, производитъ въ годъ продуктовъ на $38^1/_2$ р., тогда какъ фабричный рабочій, пользуясь техническими усовершенствованіями, можетъ сработать за то же время на $1{,}233^1/_3$ руб., т. е. въ 32 раза больше. Правда, всѣ барыши отъ такого, несравненно болѣе выгоднаго способа производства, попадаютъ не въ его карманъ, а идутъ почти цѣликомъ хозяину, но даже и заработная плата фабричнаго рабочаго въ среднемъ гораздо выше заработка кустаря Зато послѣдній—полный хозяинъ своего дѣла, работаетъ для самаго себя (если не считать тяжкой зависимости его отъ кулака-скупщика), да кромѣ того, живетъ въ привычной деревенской обстановкѣ, въ кругу своей семьи и не долженъ отрываться отъ всего родного и привычнаго съ дѣтства для городской жизни въ непривычныхъ ему условіяхъ, какъ фабричный рабочій. Кустарь—все еще настоящій земледѣлецъ и въ обработкѣ своей пашни видитъ свое главное занятіе.

Однако-же, не смотря на традиціонную привязанность къ деревнѣ и земледѣлію, мелкій промышленникъ, по самому ходу промышленнаго развитія страны, постепенно убѣждается въ убыточности своей работы и въ невозможности конкуррировать съ фабрикантами; мало-по-малу, покидаетъ онъ родную деревню для того, чтобы поступить къ крупному промышленнику въ качествѣ наемнаго, несамостоятельнаго рабочаго. Переходъ этотъ замѣчается повсемѣстно, въ особенности же въ районахъ, наиболѣе промышленныхъ. Въ Шуйскомъ уѣздѣ Владимірской губ., напр., въ 1842 г. число самостоятельныхъ мелкихъ промышленниковъ еще превышало въ пять разъ число фабричныхъ рабочихъ; черезъ двадцать лѣтъ (т. е. въ 1862 г.) только вдвое, еще черезъ 10 лѣтъ (въ 1872 г.) число тѣхъ и другихъ работниковъ сравнялось, а теперь уже, по всей вѣроятности, кустарей и ремесленниковъ здѣсь гораздо меньше, чѣмъ фабричныхъ рабочихъ.

Такъ постепенно въ Россіи происходитъ смѣна формы мелкаго производства на систему крупной **капиталистической** промышленности.

---

*) „Фабрично-заводская промышленность и торговля Россіи“. Изд. департамента торговли и мануфактуръ 1896 г.

Такъ какъ производство при машинномъ способѣ, который всегда практикуется капиталистами, выгоднѣе, то общій строй хозяйства страны отъ этого процесса, конечно, выигрываетъ, но, съ другой стороны, несомнѣнно, что положеніе самихъ работниковъ, при переходѣ къ новому строю промышленности, ухудшается.

Хотя положеніе кустаря и мелкаго ремесленника очень тяжело, жизнь для него складывается очень неприглядно и проходитъ среди крайняго напряженія силъ и лишеній часто въ самомъ необходимомъ и даже регулярныхъ, продолжительныхъ голодовокъ,—но все это менѣе ужасно, чѣмъ положеніе фабричнаго рабочаго, если не въ настоящее время, то, по крайней мѣрѣ, въ болѣе или менѣе близкомъ будущемъ. Всѣ ужасы капиталистическаго строя промышленности мы и теперь можемъ прекрасно наблюдать въ большинствѣ западно-европейскихъ государствъ, гдѣ процессъ капитализаціи промышленности уже давно закончился. Описывать положеніе западно-европейскихъ рабочихъ-пролетаріевъ—не входитъ въ задачу настоящаго очерка; объ этомъ существуетъ и у насъ обширная литература. Укажемъ только, что положеніе это въ высшей степени печальное. Работникъ, не имѣющій никакой собственности, живетъ исключительно своимъ личнымъ трудомъ. Хотя заработная плата фабричныхъ рабочихъ за границею въ среднемъ довольно высока и превышаетъ въ общемъ цѣны на рабочія руки въ Россіи, но, при относительной дороговизнѣ городской жизни и при болѣе высокомъ уровнѣ потребностей у сравнительно культурнаго западно-европейскаго рабочаго, заработокъ этотъ, въ громадномъ большинствѣ случаевъ, вполнѣ расходуется на жизненныя потребности, такъ что объ откладываніи сбереженій „на черный день" по большей части не можетъ быть и рѣчи. А этотъ „черный день" совсѣмъ не рѣдкость въ жизни почти каждаго работника. Дѣло въ томъ, что капиталистическій строй промышленности по самому существу подверженъ всевозможнымъ колебаніямъ. Фабрикантъ или крупный заводчикъ самимъ ходомъ производства безпрестанно побуждается къ расширенію производства, къ увеличенію количества производимыхъ имъ продуктовъ, къ улучшенію ихъ качества и къ удешевленію. При страшной взаимной конкуренціи, только тотъ капиталистъ и успѣваетъ удержаться на поприщѣ промышленности, который съумѣетъ поставить свое производство въ подобнаго рода благопріятныя условія и въ такомъ случаѣ богатѣетъ, а всякій, кто этого не достигнетъ, рано или поздно, по большей части очень быстро, разоряется, и все его предпріятіе печально заканчиваетъ свое существованіе. Но такъ какъ всѣ промышленники стремятся къ расширенію производства, чувствуя, что въ этомъ заключается самое условіе ихъ существованія, то и выходитъ, что мѣстный рынокъ очень быстро переполняется тѣмъ или другимъ товаромъ, а слѣдовательно, является необходимость въ поискахъ новыхъ рынковъ и новыхъ покупателей для произведеній, которыя оказываются уже излишними въ данномъ районѣ. Вотъ эта лихорадочная погоня промышленниковъ за новыми рынками и новыми покупателями своихъ произведеній и составляетъ характерную черту капиталистическаго строя промышленности. Въ безпрестанной взаимной конкуренціи, имѣющей характеръ борьбы на жизнь и смерть, капиталисты-предприниматели разныхъ странъ стремятся всѣми доступными средствами обезпечить себѣ сбытъ своихъ товаровъ въ другихъ новыхъ районахъ, иногда лежащихъ очень далеко за предѣлами той страны, гдѣ производятся самые товары. Такъ, область сбыта произведеній англійской промышленности охватываетъ уже почти весь земной шаръ въ ея огромныхъ колоніяхъ и во всякаго рода „сферахъ вліянія". Точно также иностранная политика европейскихъ государствъ имѣетъ въ подкладкѣ погоню за рынками, и можно, пожалуй, сказать, что и вся колоніальная политика и борьба за „вліяніе" въ той или другой области отдаленнѣйшихъ отъ Европы странъ земного шара подсказывается и внушается правительствамъ промышленниками государства.

Но легко понять, что эта погоня и взаимная борьба исполнена всевозможныхъ превратностей. Сотнями и тысячами гибнутъ предприниматели во взаимной борьбѣ. Надо принять во вниманіе, что производство, при такомъ строѣ промышленности, ведется на рискъ, зависитъ отъ множества самыхъ различныхъ условій: отъ цѣнъ на сырые матеріалы, нужныхъ для производства, отъ уровня заработной платы рабочимъ, отъ стоимости провоза сырья и продуктовъ, отъ политическихъ условій и т. п. и потому промышленность, въ каждый моментъ и въ каждомъ мѣстѣ, подвержена всевозможнымъ случайностямъ, которыя оказываются то благопріятными, то, наоборотъ,—гибельными...

Въ полной зависимости отъ всѣхъ этихъ случайностей находится и фабричный рабочій. Удачно идутъ дѣла у капиталиста, ихъ хозяина,—сравнительно привольно живется и рабочему: онъ обезпеченъ работою; при общемъ благосостояніи страны повышаются шансы для успѣховъ культурнаго развитія ея, вообще, улучшаются удобства жизненной обстановки и т. п. Въ отдѣльныхъ случаяхъ успѣхи какой-либо отрасли промышленности, а тѣмъ болѣе успѣшное развитіе производительныхъ

силъ страны сказывается также и на улучшеніи быта рабочаго класса: больше обращается вниманія на улучшенія въ постановкѣ народнаго образованія, улучшаются средства охраненія народнаго здравія, развиваются всевозможныя благотворительныя учрежденія, постепенно повышается также заработная плата, сокращается продолжительность рабочаго дня и т. п. Но вотъ, на страну или какую-нибудь отрасль національной промышленности обрушивается такъ называемый промышленный кризисъ *): сотнями и тысячами разоряются предприниматели и прекращаютъ свое производство, а вмѣстѣ съ тѣмъ, громадное число рабочихъ лишаются заработка и, слѣдовательно, не имѣютъ средствъ къ существованію, должны вмѣстѣ со своими семьями голодать или отыскивать себѣ пропитаніе какими-либо новыми средствами. И такіе кризисы въ западно-европейскихъ промышленныхъ странахъ со всѣми ужасами безработицы для многихъ тысячъ работниковъ не рѣдки. Рабочій долженъ ожидать каждую минуту, что онъ внезапно можетъ очутиться безъ всякихъ занятій.

Таково положеніе рабочаго класса въ странахъ съ развитою промышленностью, основанною на капиталистическихъ началахъ. Съ высокимъ уровнемъ промышленности въ этихъ странахъ связано и общее матеріальное состояніе этихъ государствъ, уровень культуры населенія.

Россія позже большинства великихъ европейскихъ государствъ вступила на путь культурнаго и промышленнаго развитія, что обусловлено цѣлымъ рядомъ географическихъ, историческихъ и экономическихъ условій нашего отечества. Какъ пойдетъ дальше это развитіе, какое направленіе приметъ наша промышленность: совершенно-ли тождественное съ тѣмъ, которое мы видимъ въ Западной Европѣ и въ Америкѣ, или же какое-либо иное—это, конечно, вопросъ, на который съ увѣренностью невозможно отвѣтить въ настоящее время.

Многое говоритъ за то, что и въ Россіи промышленное развитіе идетъ по тому же пути, какъ и въ Англіи, Франціи, Германіи, С. Америкѣ. Постепенно производство концентрируется въ рукахъ крупныхъ предпринимателей-капиталистовъ, а производительность мелкая: кустарная — все болѣе и болѣе сокращается и утрачиваетъ значеніе въ экономической жизни страны.

Въ нѣкоторыхъ районахъ: въ Петербургскомъ, Московскомъ (центральномъ), въ западномъ краѣ и др. уже и теперь господство капиталистическаго строя промышленности несомнѣнно. Однако-же, можно указать на крупное отличіе Россіи отъ большинства западно-европейскихъ государствъ, заключающееся въ томъ, что во всѣхъ перечисленныхъ странахъ громадное большинство крестьянъ не имѣютъ никакой недвижимой собственности и ничѣмъ не обезпечены въ своемъ существованіи; обиліе такихъ пролетаріевъ, живущихъ исключительно своимъ личнымъ трудомъ, и составляетъ одно изъ главнѣйшихъ условій развитія и процвѣтанія крупной капиталистической промышленности. У насъ, наоборотъ, почти стомилліонное крестьянское населеніе, за рѣдкими исключеніями, является

*) „Кризисами называются такіе періоды (болѣе или менѣе продолжительные), когда, вообще, въ промышленности или въ какой-либо отрасли ея въ данномъ районѣ болѣе или менѣе неожиданно наступаетъ неблагопріятный оборотъ, что вызывается весьма разнообразными условіями: стихійными бѣдствіями, какъ, напр., неурожаемъ въ обширномъ районѣ, эпидеміями или эпизоотіями, различными политическими катастрофами: разорительными войнами, народными волненіями и т. п. Но по большей части кризисы вызываются болѣе обыкновенными причинами и вытекаютъ непосредственно изъ самаго хода капиталистическаго строя промышленности, когда тотъ или другой районъ временно оказывается переполненнымъ какого-либо рода товаромъ, или какіе-либо иные случаи неблагопріятно вліяютъ на нормальный ходъ промышленности. Кризисы всегда имѣютъ болѣе или менѣе характеръ катастрофы и вызываютъ застой въ промышленности, такъ какъ неблагопріятный оборотъ въ одной отрасли производства неизбѣжно отражается и на другихъ.

земельными собственниками и, слѣдовательно, до нѣкоторой степени обезпечены въ своемъ существованіи. Какъ мы видѣли, безусловно преобладающимъ занятіемъ крестьянъ на всемъ пространствѣ Россіи является земледѣліе и другія отрасли сельскаго хозяйства. Отрывается отъ земли крестьянинъ только подъ вліяніемъ крайней необходимости, послѣ продолжительной борьбы съ гнетущею бѣдностью, происходящей, главнымъ образомъ, отъ недостаточности земельнаго обезпеченія. Будь у крестьянина земли побольше и если бы, вообще, условія сельскаго, земледѣльческаго занятія складывались нѣсколько лучше, то весьма возможно, что крупная промышленность и до сихъ поръ не достигла бы у насъ значительнаго развитія, за недостаткомъ рабочихъ рукъ: вѣдь на фабрику гонитъ только крайняя необходимость, невозможность для множества крестьянъ продолжать свое существованіе, не выходя изъ предѣловъ родной деревни и не отрываясь отъ своей традиціонной сохи. Но въ томъ-то и дѣло, что положеніе крестьянъ въ общемъ очень плохо. Все труднѣе и труднѣе становится существовать съ недостаточнаго въ общемъ, какъ мы видѣли, земельнаго надѣла, и крестьяне различными способами пытаются выйти изъ своего положенія: одни арендуютъ землю у помѣщиковъ и стараются такимъ путемъ, не переставая быть истинными земледѣльцами, пополнить свой бюджетъ, другіе—въ качествѣ переселенцевъ идутъ въ неизвѣстные края въ надеждѣ (въ послѣднее время все чаще и чаще обманчивый) хотя бы въ дали отъ родины получить много земли, гдѣ можно будетъ вести традиціонное, несложное хозяйство. Не порывать отношеній къ землѣ, хотя бы и въ далекихъ краяхъ, для нихъ, слѣдовательно, кажется болѣе привлекательнымъ, чѣмъ, оставаясь на родинѣ, промѣнять сельское хозяйство на что-либо другое. Наконецъ, третьи—и эти самые многочисленные — берутся за всевозможные п о д с о б н ы е п р о м ы с л ы: отхожіе и кустарные, которые, мало-по-малу, получаютъ для нихъ все большее и большее значеніе, въ то время какъ связь съ землею ослабѣваетъ. Въ настоящее время крестьяне, уже совершенно освободившіеся отъ „власти земли", составляютъ еще исключеніе: всѣ кустари и теперь еще болѣе или менѣе—земледѣльцы, точно также и на фабрику смотрятъ, какъ на временный заработокъ, который долженъ служить подспорьемъ къ хозяйству въ родной деревнѣ, гдѣ, по большей части, живутъ еще нѣкоторые члены семьи рабочаго. Однако-же, такое соединеніе качествъ горожанина—рабочаго и сельскаго пахаря оказывается въ большинствѣ случаевъ не особенно благопріятнымъ для крестьянина, такъ какъ въ такомъ случаѣ онъ обреченъ на вѣчное пребываніе на самыхъ низкихъ ступеняхъ промышленнаго развитія. Для того, чтобы преуспѣвать на поприщѣ промышленности, необходимо спеціальное изученіе какого-нибудь одного дѣла, а для этого нужно заниматься имъ постоянно, а не урывками въ промежутки между сезонами сельско-хозяйственныхъ работъ. Такимъ образомъ крестьянинъ, разъ попавъ въ городъ, рѣдко уже возвращается изъ него въ деревню для исключительно земледѣльческаго занятія. Къ этому нужно еще прибавить, что и самый строй городской жизни дѣйствуетъ разрушающимъ образомъ на патріархальные нравы деревенскаго жителя. А разъ связь съ деревней порвана и рабочій становится безземельнымъ пролетаріемъ—къ нему, съ небольшими оговорками, можно примѣнить все то, что сказано раньше о жизни западно-европейскаго рабочаго пролетарія.

Недаромъ кустарь такъ ревниво охраняетъ свою независимость и, чуть не умирая съ голоду вмѣстѣ со своею семьею, продолжаетъ непосильную борьбу съ крупнымъ промышленникомъ. Онъ какъ-бы чувствуетъ, что какъ ни безвыходно его положеніе, но положеніе фабричнаго рабочаго представляетъ еще больше опасностей.

Многіе видятъ гарантію крестьянина отъ перехода въ состояніе пролетарія въ общинномъ землевладѣніи, которое господствуетъ на большей части территоріи Россіи. Крестьянинъ является какъ-бы прикрѣпленнымъ къ землѣ и не можетъ продать своего участка, а періодическіе передѣлы общественной земли до нѣкоторой степени возстанавливаютъ равенство между всѣми членами общества. Поэтому крестьянинъ застрахованъ отъ обезземеленія. Что-же касается недостаточности надѣловъ, которая, съ теченіемъ времени, по мѣрѣ увеличенія плотности населенія, будетъ все возрастать,—то этому злу надо стараться помочь мѣрами, содѣйствующими улучшенію способовъ обработки земли, чтобы такимъ образомъ увеличить п р о и з в о д и т е л ь н о с т ь ея въ противовѣсъ н е д о с т а т о ч н о с т и. Несомнѣнно, что владѣніе землею въ настоящее время, въ значительной степени, ограждаетъ крестьянина отъ печальной участи фабричнаго рабочаго.

Однако-же, никто не отрицаетъ, что крупная промышленность въ Россіи очень быстро развивается и все возрастающая армія рабочихъ вербуется, конечно, почти исключительно въ средѣ крестьянъ, которые все болѣе и болѣе порываютъ связь съ деревней и перестаютъ быть „земледѣльцами".

За послѣднія 20 — 30 лѣтъ обрабатывающая промышленность сдѣлала у

насъ настолько значительные успѣхи, что въ настоящее время, если принимать въ разсчетъ не всю территорію государства, а только Европейскую Россію безъ окраинъ (сѣверныхъ, восточныхъ и отчасти южныхъ), то окажется, что «собственная Россія» не очень многимъ уступаетъ промышленнымъ западно-европейскимъ государствамъ, даже по производству самыхъ сложныхъ машинъ она все болѣе и болѣе начинаетъ обходиться безъ содѣйствія Западной Европы.

Самымъ главнымъ по обрабатывающей промышленности въ Россіи является районъ Московскій (Московская и окружающія ее губерніи) или «центрально-промышленный», въ которомъ не только сконцентрировано больше половины всѣхъ нашихъ фабрикъ и заводовъ, но и мелкая промышленность сильно развита. Привислянскія (Варшава, Лодзь, Сосновицы и др.) губерніи представляютъ небольшой, но чрезвычайно промышленный районъ: многіе находятъ, что Польшу по развитію промышленности можно сравнить съ наиболѣе развитыми, въ этомъ отношеніи, государствами или районами Западной Европы, напр., съ Бельгіей, съ сосѣдней Силезіей и т. п. Вообще Польша и по промышленному строю, и по характеру экономическаго положенія населенія, и даже по уровню культуры имѣетъ болѣе сходства съ Западной Европой, чѣмъ съ Россіей и даже въ частности съ Европейской Россіей.

Наконецъ, Петербургъ образуетъ очень крупный, пожалуй, даже самый важный промышленный центръ, но районъ его очень не великъ, приблизительно на 30—50 в. въ окружности. Развитіе промышленности (и торговли) наглядно сказывается въ Россіи появленіемъ и быстрымъ ростомъ все новыхъ мѣстныхъ центровъ, въ особенности на югѣ, гдѣ за послѣднія 30—40 лѣтъ образовались такіе крупные центры, какъ Харьковъ, Саратовъ, Одесса, Ростовъ (на Дону) и др.

Несмотря на обиліе сырыхъ матеріаловъ, добываемыхъ въ Россіи, главнѣйшія наши мануфактуры обрабатываютъ продуктъ, добываемый не въ самой странѣ, а привозимый изъ-за границы, это—хлопокъ, производство котораго въ Закавказьи и въ Среднеазіатскихъ владѣніяхъ далеко не удовлетворяетъ громаднаго спроса на этотъ матеріалъ; Кавказскій и Туркестанскій хлопокъ, перерабатываемый на русскихъ фабрикахъ, составляетъ лишь одну четвертую часть всего количества, а остальное получается изъ Америки, Египта, Индіи.

Производство разнаго рода хлопчатобумажныхъ матерій въ Россіи составляетъ около 1/3 общей суммы производства крупной обрабатывающей промышленности и въ настоящее время находится въ столь цвѣтущемъ состояніи, что не только почти совершенно вытѣснило ввозъ иностранныхъ хлопчатобумажныхъ матерій со всей территоріи государства, но съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе расширяется вывозъ ихъ въ другія государства: въ Турцію, Румынію, Персію *) и Китай. Въ послѣднихъ двухъ странахъ Россія сдѣлалась опаснымъ конкуррентомъ Англіи.

Годовая сумма производства хлопчатобумажныхъ издѣлій въ Россіи достигаетъ уже грандіозной цифры около 350 милл. руб. (около $10^1/_2$ милл. пудовъ разныхъ тканей); есть нѣсколько мануфактуръ, которыя въ годъ производятъ раз-

*) Русскія хлопчатобумажныя издѣлія составляютъ уже около 30% всѣхъ товаровъ этого рода, обращающихся въ Персіи.

личныхъ хлопчатобумажныхъ издѣлій болѣе, чѣмъ на 10 милл. рублей. Главныя хлопчатобумажныя мануфактуры сосредоточены въ центральной части Россіи и въ верхнемъ Поволжьи (особенно Московская и Владимірская губ.). Кромѣ того, массу хлопка перерабатываетъ Петербургъ съ его райономъ.

Производство льняныхъ и пеньковыхъ издѣлій сильно уступаетъ хлопчатобумажному и, по отчетамъ, достигаетъ едва $33^1/_2$ милл. руб. Однако же надо принять во вниманіе, что производство полотенъ является въ Россіи до нѣкоторой степени національнымъ: даже и въ настоящее время, при крайней дешевизнѣ бумажныхъ матерій и при широкомъ ихъ распространеніи, рѣдкая баба въ деревнѣ не занимается переработкою конопли (культура которой распространена почти повсемѣстно) для потребности собственной семьи, а отчасти даже и на продажу (грубыя полотна, холсты). Въ Россіи въ среднемъ перерабатывается лишь около 7 милл. пуд. льняного волокна, а болѣе 10 милл. пуд. вывозится за границу. Ввозъ полотняныхъ издѣлій изъ-за границы съ каждымъ годомъ уменьшается (въ 1883 г. на 1.065,000 р., а въ 1894 лишь на 632,000 р.) и сосредоточивается постепенно на самыхъ высшихъ сортахъ: батистъ, дорогое столовое бѣлье и т. п. Льняныя и шелковыя матеріи производятся главнымъ образомъ въ привислянскихъ губерніяхъ, въ Ярославской (ярославское полотно), Костромской (камчатныя издѣлія), Владимірской.

Обработка шерсти, по размѣрамъ производства, занимаетъ второе мѣсто послѣ выработки хлопчатобумажныхъ издѣлій. Въ Россіи насчитывается около 1,300 фабрикъ, занимающихся шерстянымъ производствомъ, которыя вырабатываютъ въ общей сложности на сумму около $123^1/_2$ милл. р. въ годъ. Перерабатывается преимущественно русская шерсть, ввозъ же заграничной сравнительно незначителенъ. Производство суконъ и шерстяныхъ матерій сосредоточено преимущественно въ бассейнѣ Оки, на верхней Волгѣ и въ Польшѣ, кромѣ того, въ Лифляндской, Черниговской и Гродненской губ. (Бѣлостокъ).

Производство шелковыхъ тканей занимаетъ послѣднее мѣсто въ ряду другихъ отраслей мануфактурной промышленности. Годовая сумма производства составляетъ около 20 милл. руб. Несмотря на развитіе шелководства въ самой Россіи (Средняя Азія—Бухара, Хива, Кокандъ, Закавказье), наши фабрики перерабатываютъ преимущественно заграничный шелкъ: миланскій, туринскій, китайскій.

Къ приведенному обзору производства тканей надо прибавить еще промышленность красильную, набивную (ситцы) и всякаго рода отдѣлочную (отдѣлка суконъ, шерстяныхъ матерій и др.). Этою отраслью мануфактуры занимаются у насъ въ общемъ около 550 фабрикъ, вырабатывающихъ въ годъ на сумму 125 милл. руб.

Такъ какъ на неизмѣримыхъ площадяхъ полей въ Россіи собирается ежегодно колоссальное количество различныхъ зерновыхъ хлѣбовъ, то переработка этихъ важнѣйшихъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ составляетъ самую главную отрасль обрабатывающей промышленности.

Мукомольное производство распространено по всей Россіи. Въ нѣкоторыхъ, наименѣе культурныхъ областяхъ, помолъ зерна еще и теперь производится почти первобытнымъ способомъ, на ручныхъ жерновахъ, но наиболѣе распространеннымъ является пользованіе съ этою цѣлью водяною силою и силою вѣтра: водяныя и вѣтряныя мельницы существуютъ почти повсемѣстно. Примѣненіе пара въ мукомольномъ дѣлѣ у насъ распространено сравнительно незначительно: въ 1893 г. паровыхъ мельницъ насчитывалось 1,082. На всѣхъ мельницахъ перемалывается въ годъ зерна около 2.000.000,000 пудовъ. Изъ этого числа около $1^1/_2$ милліардовъ пуд. идетъ для внутренняго потребленія.

Вывозъ мукомольныхъ продуктовъ въ 1894 г. состоялъ изъ $3^1/_2$ милл. пуд. пшеничной муки на $6^1/_2$ милл. руб., $4^1/_2$ милл. п.—ржаной—на $3^1/_2$ милл. р. и болѣе $21^1/_2$ милл. пуд. отрубей, на громадную сумму болѣе 10 милл. руб. Развитіе мукомольнаго дѣла въ Россіи является чрезвычайно желательнымъ, такъ какъ при этомъ, кромѣ возвышенія цѣнности хлѣбнаго продукта, получаются отруби въ качествѣ побочнаго продукта, важныя для развитія нашего скотоводства. Если бы въ Россіи перерабатывалась вся та масса зерна, которая теперь идетъ за границу (около 389 милл. пуд.), то сельское хозяйство несомнѣнно очень много выиграло бы отъ этого, да и народъ бы жилъ богаче.

Винокуренное и пивоваренное производства представляютъ особенную важность для Россіи не только потому, что являются выгоднымъ способомъ переработки нашихъ хлѣбныхъ богатствъ, но и потому, что составляютъ очень важный источникъ государственнаго дохода. Прежде спиртъ выкуривался почти исключительно изъ зерновыхъ хлѣбовъ, но съ теченіемъ времени для этой цѣли стали употреблять болѣе дешевые продукты, какъ, напр., картофель, свекловица, желуди, а также различные отбросы: крахмальнаго производства (картофельная мязга), сахарнаго (патока и др.), винодѣлія и т. п. Въ среднемъ выводѣ въ Россіи ежегодно выкуривается около 30 милл. ведеръ спирта на 2,100 заводахъ.

Пивоваренныхъ заводовъ въ 1893 г. насчитывалось 1,080 съ годовою суммою производства около 31 милл. ведеръ.

Пивовареніе распространено преимущественно въ губерніяхъ Царства Польскаго, въ прибалтійскихъ и въ Сѣверо-Западномъ краѣ. Здѣсь находится болѣе половины всѣхъ заводовъ имперіи.

Сахаръ производится въ Россіи исключительно изъ свекловицы, которой преимущественно именно для этой цѣли культивируется ежегодно около $295^1/_2$ милл. пуд. На 226 сахарныхъ заводахъ въ 1895 г. произведено было болѣе $34^1/_2$ милл. пуд. сахара и кромѣ того около $12^1/_2$ милл. пудовъ патоки. Культура свекловицы и выработка изъ нея сахара сосредоточены главнымъ образомъ въ юго-западномъ краѣ (особенно Кіевская и Подольская), въ малороссійскихъ губ. (особенно Харьковская, Полтавская и Курская) и въ привислянскихъ губ.

Табачными плантаціями въ Россіи ежегодно занимаются около 50,000 десятинъ, урожай которыхъ составляетъ въ среднемъ около 4 мил. пуд. Табаководство раскинуто на обширномъ пространствѣ въ Россіи, но промышленное значеніе оно имѣетъ лишь въ нѣкоторыхъ Малороссійскихъ и Новороссійскихъ губерніяхъ, (Полтавская, Черниговская, Бессарабская, Таврическая), въ юго-восточной части (губ. Самарская, Тамбовская, область Войска Донскаго, Кубанская), а также въ Рязанской, Воронеж-

ской. Низшіе сорта составляютъ около ²/з всего сбора. Число фабрикъ, на которыхъ перерабатывается этотъ табакъ, за незначительнымъ вывозомъ за границу, достигаетъ около 300, каковое число вполнѣ удовлетворяетъ потребности населенія въ табакѣ.

Изъ богатствъ ископаемыхъ для обрабатывающей промышленности наибольшее значеніе имѣютъ желѣзо и нефть.

Главныхъ районовъ обработки металловъ въ Европейской Россіи 2: Уральскій горно-заводскій округъ и южно-русскій (Екатеринославская губ.). Въ 1893 г. чугуноплавильныхъ, желѣзодѣлательныхъ и сталелитейныхъ заводовъ насчитывалось въ Россіи 259. Производство ихъ выражается слѣдующимъ образомъ: выплавлено 70.140,559 пуд. чугуна, приготовлено 30.384,610 пуд. разнаго выдѣланнаго желѣза (полосового, листового, котельнаго) и около 46 мил. пуд. стали. Развитіе стального производства особенно замѣтно; въ настоящее время болѣе 90°/о всей стали, имѣющейся въ обращеніи въ Россіи изготовляется изъ мѣстныхъ матеріаловъ.

Нефть встрѣчается въ Россіи во многихъ мѣстахъ, на Сахалинѣ и въ Ферганской области, въ Печерскомъ краѣ, въ Привислянскомъ краѣ, но въ особенности много добывается ея на Кавказѣ и именно на Апшеронскомъ полуостровѣ, въ окрестностяхъ г. Баку. Въ Россіи существуетъ 167 заводовъ для обработки нефти, изъ которыхъ 135 сосредоточены въ окрестностяхъ Баку, а остальные распредѣляются по другимъ пунктамъ Россіи. Наибольшее значеніе имѣетъ, конечно, бакинская нефтепромышленность.

Количество нефти на Апшеронскомъ полуостровѣ поистинѣ колоссально: за 20-лѣтній періодъ здѣсь извлечено изъ нѣдръ земли болѣе 3 милліардовъ пудовъ нефти и тѣмъ не менѣе добыча ея продолжается на томъ же мѣстѣ, истощенія подземныхъ запасовъ совсѣмъ не замѣчается, а постоянно открываются новые источники. За одинъ годъ (1895) въ Баку извлечено болѣе 370 милл. пудовъ этого цѣннаго продукта. Развитіе нефтяной промышленности здѣсь все продолжается. Конкуренція С. Америки едвали представляется опасною для бакинской. Главная масса нефти перерабатывается преимущественно на мѣстѣ, сырой нефти вывозится лишь около 15 милл. пуд. Въ 1895 г. керосина получено было около 80 милл. пуд., около 300½ тыс. пуд. бензина и около 180 милл. пуд. различныхъ нефтяныхъ остатковъ (вазелинъ, смазочныя масла и т. д.).

Народное образованіе.

Народное образованіе въ Россіи находится на очень низкомъ уровнѣ. Число лицъ, получающихъ образованіе (начальное), составляетъ лишь 3°/о населенія, тогда какъ въ культурныхъ, западно-европейскихъ государствахъ, они составляютъ обыкновенно болѣе 10°/о, а въ нѣкоторыхъ доходитъ даже до 17°/о. Изъ числа всѣхъ дѣтей школьнаго возраста у насъ обучаются въ школахъ только 3°/о, а 8°/о *), т. е. почти 9½ милліоновъ дѣтей остаются совсѣмъ безъ образованія. О введеніи всеобщаго, обязательнаго народнаго обученія въ послѣднее время неоднократно подымается вопросъ во многихъ земствахъ, но осу-

*) Принимается, что число дѣтей школьнаго возраста (7—11 лѣтъ) составляетъ 11°/о общаго числа населенія.

ществленіе этого, по всей вѣроятности, будетъ еще не скоро. Однако-же у насъ обязательно обученіе грамотѣ для всѣхъ солдатъ, и такимъ образомъ всеобщая воинская повинность въ значительной степени содѣйствуетъ просвѣщенію страны. Для сообщенія начальнаго образованія въ Россіи существуютъ учебныя заведенія чрезвычайно различныхъ типовъ, находящихся въ вѣдѣніи различныхъ вѣдомствъ: министерства народнаго просвѣщенія, святѣйшаго синода, вѣдомства учрежденій Императрицы Маріи, городскія и земскія учрежденія и др. Число всѣхъ начальныхъ школъ къ 1 января 1894 г. по всей Россіи достигало 69,052 съ 302,138 учащихся. По районамъ въ Европейской Россіи начальное образованіе распредѣляется слѣдующимъ образомъ: въ прибалтійскихъ губерніяхъ 1 школа приходится на 786 жителей, въ сѣверо-западномъ краѣ — на 1,236 жит., въ Польшѣ — на 1,382 жит., въ земскихъ губерніяхъ — на 1,675 жит., на Кавказѣ — на 1,968 жит., въ остальныхъ губерніяхъ — на 2,193 жит. Въ среднемъ выводѣ 1 школа приходится на 1,580 жит. Для средняго образованія въ Россіи существуетъ (1894 г.) 898 учебныхъ заведеній: 614 мужскихъ (281 гимназій и реальныхъ училищъ, 58 прогимназій, 34 военныхъ съ общеобразовательнымъ курсомъ и 241 заведеніе духовнаго вѣдомства: семинарій и училищъ и 284 женскихъ 163 гимназіи министерства народнаго просвѣщенія, 30 институтовъ и 30 гимназій вѣдомства Императрицы Маріи). Число учащихся во всѣхъ этихъ заведеніяхъ составляло 148,624 чел. въ мужскихъ и 75,553 въ женскихъ, всего 224,177 человѣкъ. Въ среднемъ выводѣ на каждое мужское заведеніе приходится 240 учащихся, на каждое женское — 260.

Общее число всѣхъ высшихъ учебныхъ заведеній (не считая Финляндіи) въ 1894 г. 53. Въ томъ числѣ: 9 университетовъ [1]), 3 сельско-хозяйственныхъ и лѣсныхъ [2]), 10 техническихъ [3]), 3 медицинскихъ [4]), 3 историческихъ, филологическихъ и археологическихъ [5]), 2 для изученія восточныхъ языковъ [6]), 4 ветеринарныхъ института [7]), 4 для изученія юридическихъ наукъ [8]) и 2 женскихъ высшеучебныхъ заведенія [9]). Всѣхъ слушателей въ этихъ заведеніяхъ (исключая 2 новыхъ политехническихъ института и женскій медицинскій институтъ) въ 1894 г. было 25,166, въ томъ числѣ лицъ женскаго пола 983, т. е. 3,9% всего числа.

---

[1]) С.-Петербургскій, Московскій, Харьковскій, Новороссійскій (Одесса), Казанскій, св. Владиміра (Кіевъ), Юрьевскій, Варшавскій и Томскій. [2]) Въ С.-Петербургѣ (лѣсной), Москвѣ (сельско-хозяйственный) и въ Новой Александріи (сельско-хозяйственный). [3]) Московское техническое училище, институты: гражданскихъ инженеровъ, инженеровъ путей сообщенія, горный (С.-Петербургъ), 2 технологическихъ (С.-Петербургъ и Харьковъ), электротехническій (С.-Петербургъ) и 3 политехническихъ (Рига, Варшава, Кіевъ). [4]) С.-Петербургская медицинская академія, клиническій институтъ, женскій медицинскій институтъ (въ С.-Петербургѣ). [5]) Историко-филологическій институтъ въ С.-Петербургѣ и Нѣжинѣ, археологическій институтъ въ С.-Петербургѣ. [6]) Лазаревскій институтъ и при азіатскомъ департаментѣ. [7]) Харьковскій, казанскій, юрьевскій, варшавскій. [8]) 3 лицея и училище правовѣдѣнія. [9]) Высшіе женскіе курсы, педагогическіе курсы.

Народное здравіе.

По организаціи врачебной помощи сельскому населенію большую разницу представляютъ губерніи, гдѣ существуетъ земское самоуправленіе и мѣстности, гдѣ его нѣтъ.

Въ земскихъ губерніяхъ, почти повсемѣстно, вся территорія раздѣлена на врачебные участки съ безплатной подачею врачебной помощи населенію земскимъ врачемъ; площадь участка въ среднемъ равняется 1,584 кв. верст.

Въ неземскихъ губерніяхъ врачебные участки существуютъ далеко не вездѣ и безплатную врачебную помощь населеніе можетъ найти только у уѣздныхъ, городовыхъ и окружныхъ врачей.

Въ земскихъ губерніяхъ врачебная помощь поставлена вообще гораздо лучше, чѣмъ въ неземскихъ. На приблизительно одинаковое число населенныхъ мѣстъ въ тѣхъ и другихъ, въ земскихъ губерніяхъ оказывается почти вдвое больше количество больницъ, число пунктовъ съ врачемъ слишкомъ въ $1^1/_2$ раза больше.

Въ участкахъ земскихъ врачей широко практикуется безплатная выдача лекарствъ.

Общее число врачей, практиковавшихъ въ Имперіи въ 1895 г., составляло 16,303 чел., въ томъ числѣ женщинъ-врачей—563. Общее число фельдшеровъ въ 1894 г.—22,895, фельдшерицъ—1,491. Количество больницъ въ 1892 г. было 3,969 съ 96,167 кроватями. Изъ этого числа на Европейскую Россію приходилось около 92% больницъ и 95% кроватей (въ Сибири около 5% больницъ, на Кавказѣ 2%, и около 1% на средне-азіатскія владѣнія).

Административное дѣленіе.

Въ административномъ отношеніи Россійская Имперія раздѣляется на 70 губерній и 18 областей, представляющихъ совершенно самостоятельныя административныя единицы; кромѣ того самостоятельны въ административномъ отношеніи: Закатальскій округъ и Сахалинскій отдѣлъ (островъ Сахалинъ).

Изъ всѣхъ губерній и областей на Европейскую Россію приходится 49 губерній и одна область, на Сибирь—4 губерніи и 4 области, на Привислянскій край (бывшее Царство Польское)—10 губерній, на Кавказъ—7 губерній и 4 области, на среднеазіатскія владѣнія—9 областей. Кромѣ того, особо стоятъ 8 губерній, составляющихъ Великое Княжество Финляндское.

Каждая губернія подраздѣляется на уѣзды (области на округа), число которыхъ въ отдѣльныхъ губерніяхъ колеблется отъ 5 до 15. Общее число уѣздовъ и округовъ доходитъ до 755. Нѣкоторые изъ городовъ, имѣющіе особо важное значеніе, выдѣлены изъ общаго уѣзднаго управленія и образуютъ особыя градоначальства: С.-Петербургъ, Одесса, Севастополь и Керчь.

Въ нѣкоторыхъ частяхъ имперіи существуетъ и болѣе крупное дѣленіе на генералъ-губернаторства: Варшавское генералъ-губернаторство (10 губерній польскихъ), Виленское (губерніи: Виленская, Ковенская, Гродненская), Кіевское (губерніи: Кіевская, Волынская, Подольская), Иркутское (губерніи: Иркутская, Енисейская и Якутская область), Приамурское (области: Забайкальская, Амурская, Приморская и островъ Сахалинъ), Степное (Акмолинская и Семипалатинская область), Туркестанское (области: Закаспійская, Самаркандская, Сыръ-Дарьинская, Семирѣченская и Ферганская), Московское и управляемый на особомъ положеніи Кавказскій край и Великое Княжество Финляндское.

Кромѣ того, существуетъ еще спеціальное дѣленіе: духовныя епархіи (59), округа: военные (12), почтовые и телеграфные (36), судебные (11), путей сообщенія (8), народнаго просвѣщенія (12) и таможенные (12).

Въ дальнѣйшемъ обзорѣ мы будемъ разсматривать слѣдующія 14 областей Европейской Россіи *).

1. Центральная земледѣльческая область, заключающая губерніи: Курскую, Орловскую, Тульскую, Рязанскую, Тамбовскую и Воронежскую.

2. Средне-волжская область. Губерніи: Симбирская, Саратовская, Пензенская, Казанская и Нижегородская.

3. Малороссійская область. Губерніи: Подольская, Волынская, Кіевская, Черниговская, Полтавская и Харьковская.

4. Новороссійская область. Губерніи: Бессарабская, Херсонская, Таврическая, Екатеринославская и область Донская.

5. Юго-восточная область. Губерніи: Самарская, Оренбургская и Астраханская.

6. Московская промышленная область. Губерніи: Тверская, Ярославская, Костромская, Владимірская, Московская и Калужская.

7. Бѣлорусско-литовское полѣсье. Губерніи: Смоленская, Могилевская, Минская, Витебская, Ковенская и Гродненская.

8. Привислянскій край.

9. Финляндія.

10. Озерная область.

11. Прибалтійская область.

12. Область крайняго сѣвера.

13. Пріуральская область.

14. Кавказъ.

---

*) Относительно группировки губерній при обозрѣніи Европейской Россіи существуютъ различные взгляды. Такъ, напр., Реклю разсматриваетъ ее по бассейнамъ рѣкъ, какъ это принято и въ нѣкоторыхъ учебникахъ географіи (Бѣлоха), другіе — по пространствамъ (учебники Лебедева, Горѣлова и Баранова и отчасти Лимберга). Съ своей стороны, мы остановимся на группировкѣ по областямъ, одобренной педагогическимъ музеемъ военно-учебныхъ заведеній (см. „Пед. Сборн.“; I, 1899 г.). Кромѣ того, въ области Европейской Россіи мы включили и Кавказъ, по чисто редакціоннымъ соображеніямъ, хотя по природѣ и отчасти по составу населенія Кавказъ и Предкавказье нужно отнести къ Азіи (см. стр. 362). *Ред.*

СѢВЕРНЫЙ КРАЙ.

Общій обзоръ.

Подъ именемъ сѣвернаго края обыкновенно разумѣютъ три сѣверныя губерніи Европейской Россіи—Архангельскую, Вологодскую и Олонецкую. Но въ послѣднее столѣтіе, съ усовершенствованіемъ путей сообщенія (Маріинская водная система, каналъ Александра Виртембергскаго, желѣзныя дороги на Вологду, Котласъ и Архангельскъ и т. п.) и съ развитіемъ торговыхъ сношеній, жизнь южныхъ уѣздовъ Олонецкой губ. и юго-западныхъ Вологодской губ. вполнѣ слилась съ жизнью центральной Россіи, и между населеніемъ указанныхъ уѣздовъ и сосѣднихъ губерній—Ярославской и Новгородской, трудно установить какое-либо существенное различіе въ нравахъ, обычаяхъ, образѣ жизни, промыслахъ и проч. Весь этотъ районъ тяготѣетъ къ Петербургу или Москвѣ и живетъ или отхожими промыслами, или торговлей, пользуясь для послѣдней естественными или искусственными путями сообщенія. Ничего специфически «сѣвернаго» въ жизни населенія указаннаго района нѣтъ. Но подвигаясь далѣе на сѣверъ, мы вступаемъ въ страну, гдѣ Петербургъ и Москва хотя и играютъ роль сбыточныхъ рынковъ, но населеніе почти исключительно живетъ промыслами на Ледовитомъ океанѣ и въ лѣсахъ и тундрахъ сѣвера. Бурный Ледовитый океанъ, непроходимые, дикіе лѣса, пустынная тундра—властно наложили на населеніе своеобразный отпечатокъ, и мы встрѣчаемся здѣсь съ особымъ типомъ русскаго сѣверянина. Вотъ эту страну, тяготѣющую къ холодному Ледовитому морю, по всей справедливости можно выдѣлить въ особый «сѣверный край» Европейской Россіи.

Южную границу этого края можно установить лишь приблизительно, при чемъ на западѣ она восходитъ сѣвернѣе, достигая 64°, а на востокѣ спускается на югъ до 61°. Сѣверную границу составляетъ Ледовитый океанъ, западную—Финляндія и Норвегія, восточную—Уральскія горы. Такимъ образомъ въ указанныхъ границахъ сѣверный край заключаетъ въ себѣ почти всю Архангельскую губ., сѣверную часть Олонецкой, сѣверо-восточную Вологодской и сѣверный уголъ Чердынскаго уѣзда, Пермской губ. Въ общемъ все это пространство представляетъ изъ себя болотистую низменность, на югѣ покрытую лѣсами, а къ сѣверу посте-

пенно переходящую въ тундру. Горы и холмы встрѣчаются только на восточныхъ и западныхъ окраинахъ этого пространства, да между бассейнами главныхъ рѣкъ края—С. Двины, Мезени и Печоры. Такъ, Кольскій полуостровъ представляетъ изъ себя холмистую и утесистую страну, служащую продолженіемъ Скандинавскихъ горъ. Горы эти подступаютъ къ океану скалистыми утесами, достигающими на западѣ до 500 фут. высоты и постепенно понижающимися по направленію къ востоку. Внутри полуострова Скандинавскія горы образуютъ два хребта—Хибинскій, служащій водораздѣломъ между рѣками Кольскаго полуострова, текущими въ Ледовитый океанъ и въ Кандалакскую губу Бѣлаго моря, и Луяврутъ, проходящій по Финляндской границѣ и идущій далѣе въ Олонецкую губ. подъ именемъ Олонецкихъ горъ. Наибольшей высоты достигаетъ Хибинскій хребетъ; близъ сѣверной оконечности озера Имандры горы подымаются до 1,000—1,100 фут. надъ уровнемъ моря и нѣкоторыя изъ нихъ покрыты вѣчными снѣгами.

Скандинавскія горы въ предѣлахъ Россіи тѣ же гранитные массивы, что и въ Норвегіи, но вслѣдствіе суровости климата большею частію лишены растительности и потому дикіе и угрюмые. Высочайшая вершина—Поутелле—представляетъ изъ себя гранитный остроконечный утесъ до 1,100 фут. высоты. Минеральныя богатства, сокрытыя въ этихъ горахъ, еще мало развѣданы, хотя попытки разрабатывать руду существовали еще въ первой половинѣ прошлаго столѣтія. Въ царствованіе Анны Іоанновны на о. Медвѣжьемъ, близъ с. Кандалакши, окруженнаго отрогами Хибинскихъ горъ, открыты были серебряныя руды; въ 1734 г. здѣсь добыто было самороднаго серебра 4 п. $4^1/_2$ ф. и въ рудахъ—37 пуд. 5 ф.; въ 1735 г. промыселъ еще болѣе развился, при чемъ самородковъ добыто до $26^1/_2$ пуд. и руды 28 пуд. Въ 1739 г. эти рудники отданы были Бирономъ саксонскому барону Шембергу; послѣдній, съ воцареніемъ Елисаветы, впалъ въ немилость, имѣнія отъ него были отобраны и горный промыселъ на о. Медвѣжьемъ заглохъ. Въ недавнее время инженеромъ Подгаецкимъ близъ бухты Базарной (почти на границѣ съ Норвегіей, между Рыбачьимъ полуостровомъ и Печенгскою губою) открыты залежи серебро-свинцовой руды; образовалось общество для эксплоатаціи этой руды, приступлено было даже къ работамъ, но, вслѣдствіе недостатка капитала и возникшаго процесса, компанія распалась. Между тѣмъ, по отзывамъ, руды эти оказались очень богатыми по содержанію въ нихъ свинца (70—80%). Мѣдь была найдена въ верховьяхъ р. Поноя, близъ с. Умбы и въ рѣчкѣ Кузомѣ. Желѣзо, въ видѣ болотной руды, встрѣчается повсюду, но разрабатывается только отчасти корейцами и, конечно, самымъ первобытнымъ способомъ. Наконецъ, въ порожистыхъ рѣкахъ Кольскаго полуострова находили мелкій жемчугъ, невысокаго, впрочемъ, достоинства. Что касается отроговъ Финляндскихъ горъ, наполняющихъ собою сѣверную часть Олонецкой губ. (Повѣнецкій у.), то эти горы издавна извѣстны своимъ богатствомъ строительными матеріалами: гранитомъ, порфиромъ, мраморомъ, шиферомъ и др. полезными камнями. Близъ селенія Тивдія добывается 22 сорта мрамора; въ сел. Шокшѣ разрабатывается красный, какъ кровь, шокшинскій камень; на о Бруснѣ—зеленоватый точильный камень. Во многихъ мѣстахъ добываютъ бѣлую „андомскую“ глину—для посуды и черную—огнеупорную, камень для горновъ, мѣлъ и т. п. Желѣзная руда въ изобиліи находится во многихъ мѣстахъ и еще Петромъ Великимъ близъ г. Петрозаводска основаны были чугунные заводы. Въ настоящее время чугунно-литейные заводы существуютъ въ Петрозаводскѣ—Александровскій и въ сел. Кончеозерѣ. Впрочемъ, нужно сказать, что горное дѣло въ краѣ заставляетъ желать еще очень многаго, а отсутствіе сбыта и удобныхъ путей сообщенія дѣлаютъ это дѣло или маловыгоднымъ, или доступнымъ только крупнымъ капиталистамъ.

Въ уѣздахъ Мезенскомъ и Печорскомъ расположенъ Тиманскій горный хребетъ, достигающій мѣстами до 3,000 фут. высоты (напр., близъ ст. Фоминской). Сѣверная часть его, за рр. Пезой и Цыльмой, извѣстна подъ именемъ Чайцынскаго камня, имѣетъ направленіе съ юго-востока на сѣверо-западъ и тянется около 300 верстъ среди безлюдной Малоземельской или Тиманской тундры; состоитъ изъ гранита и роговообманковаго сланца. Южная часть его, или собственно Тиманскій хребетъ идетъ почти параллельно Уралу между системами рѣкъ Мезени и Пе-

чоры и состоитъ изъ девонскаго песчаника и мергеля. Здѣсь встрѣчается въ изобиліи сѣрный колчеданъ и лигнитъ. Въ истокахъ рѣки Сулы встрѣчаются небольшія залежи свинцоваго блеска, содержащаго серебро, и мѣдныя руды. По рѣкѣ Ухтѣ, въ самой южной оконечности Тиманскаго хребта, находится горючій сланецъ—доманикъ; изслѣдованная площадь его простирается на 250 верстъ въ длину и на 14—въ ширину. По рѣкѣ же Ухтѣ, въ 45 в. отъ впаденія ея въ Ижму, встрѣчается нефть, которая, по преданію, добывалась здѣсь еще въ прошломъ столѣтіи однимъ московскимъ купцомъ. Изслѣдованія минеральныхъ богатствъ Тиманскихъ горъ производились въ 60-хъ годахъ; затѣмъ, въ 1890 г. произведены были геологическія изслѣдованія горнымъ инженеромъ Ѳ. Н. Чернышевымъ; но нельзя сказать, чтобы горы эти для насъ были достаточно извѣстными и въ настоящее время. Къ разработкѣ рудъ приступлено только въ 1896 г.—именно, мѣдной, близь рѣчки Рудянки, недалеко отъ истоковъ р. Цыльмы.

Восточную границу Сѣвернаго края составляетъ Сѣверный Уралъ, весьма мало изслѣдованный и состоящій изъ крутыхъ каменныхъ горъ, раздѣленныхъ глубокими лѣсистыми долинами. Здѣсь находятся однѣ изъ высочайшихъ вершинъ Урала, горы Сабля и Тель-посъ-исъ, достигающія 4,000—5,000 фут. высоты; отъ этихъ горъ идутъ на далекое разстояніе отроги и весь За-Печорскій край представляетъ изъ себя холмистую, живописную мѣстность. Отъ сѣверной оконечности Урала отдѣляется хребетъ Пай-Хой, имѣющій сѣверо-западное направленіе и, по всей вѣроятности, продолжающійся по сосѣднимъ скалистымъ островамъ—Вайгачу и Новой Землѣ. Весь Сѣверный Уралъ крайне слабо населенъ кочующими самоѣдами и вогулами и почти совсѣмъ не изслѣдованъ.

За исключеніемъ упомянутыхъ горъ поверхность всего остальнаго Сѣвернаго края представляетъ изъ себя болотистую низменность, слегка покатую къ Ледовитому океану. Въ южной части эта низменность покрыта дремучими лѣсами, переходящими постепенно въ низкорослый кустарникъ, исчезающій, мало-по-малу, въ тундрѣ. Лѣса края состоятъ главнымъ образомъ изъ хвойныхъ породъ; только на западѣ встрѣчается береза, да по отрогамъ Урала растетъ кое-гдѣ липа.

Лѣса эти во многомъ напоминаютъ сибирскую тайгу. Простираясь непрерывно на милліоны десятинъ, они образуютъ такую непролазную чащу, куда и солнечный лучъ не проникаетъ. Въ нихъ днемъ стоитъ таинственный полумракъ, ночью—совершенная темь. Въ тихую погоду невозмутимая, подозрительная тишина подавляюще дѣйствуетъ на человѣка; но стоитъ подняться вѣтру—и лѣсъ зашумитъ, застонетъ на разные голоса. Не трусливый народъ—сѣверяне, а и они боятся забираться въ тайболу—лѣсную глушь и селятся лишь на окраинахъ лѣса, по берегамъ рѣкъ. Единственными жителями и владѣльцами дремучихъ лѣсовъ остаются звѣри и птицы. Медвѣди, волки, россомахи, лисицы, зайцы, бѣлки, олени и лоси издавна нашли себѣ пріютъ въ сѣверныхъ лѣсахъ. Изъ міра пернатыхъ, обитателями лѣса являются: рябчики, глухари, тетерева, совы, филины, дятлы и мн. др. Злой врагъ всего—человѣкъ—началъ и здѣсь истреблять лѣса и животныхъ, много уже произвелъ опустошеній, но еще и до сихъ поръ лѣса сѣвера поражаютъ своею громадностью и полною непроходимостью. Другой злой врагъ лѣса—пожаръ—ежегодно уничтожаетъ тысячи десятинъ, длится недѣли и мѣсяцы, такъ какъ тушить его здѣсь некому; но, какъ многоголовая змѣя, лѣсъ вновь выростаетъ на опустошенныхъ огнемъ мѣстахъ и до сихъ поръ могущественно царитъ отъ границъ Финляндіи до Урала.

Естественно, въ такой странѣ лѣсные промыслы должны стоять на видномъ мѣстѣ. Лѣсопильные заводы находятся чуть ли не при всѣхъ сплавныхъ рѣкахъ. Зимою по берегамъ рѣкъ дѣятельно идетъ заготовка и подвовка лѣсного матеріала, на лѣсопильныхъ заводахъ готовятъ доски, тесъ, брусья и т. под. Лишь только вскроется рѣка, многочисленные плоты несутся къ Архангельску—главному порту по торговлѣ лѣсомъ съ заграницей. Другимъ важнымъ портомъ по отправкѣ лѣса за границу служитъ г. Онега. Съ развитіемъ правильныхъ пароходныхъ сообщеній р. Печора также обѣщаетъ занять видное мѣсто по сплаву лѣса. За границу Сѣверный край ежегодно отправляетъ лѣсу на 6 милл. рублей. Идетъ сѣверный лѣсъ и во внутреннюю Россію, особенно—въ Петербургъ, лѣсныя биржи котораго на половину наполнены архангельскимъ лѣсомъ. Изъ крупныхъ лѣсныхъ фирмъ сѣвера наиболѣе извѣстны по оборотамъ фирмы Русанова и К°, Ратькова-Рожнова, Сибирякова и др. Къ сожалѣнію, какъ почти всюду у насъ, и лѣсное хозяйство идетъ безъ системы, хищни-

чески. Лѣсъ рубится „на срубъ", т. е. весь, безъ разбору, и много гибнетъ его безъ всякой пользы. Въ настоящее время почти вся лѣсная торговля находится въ рукахъ болѣе богатыхъ промышленниковъ, мѣстное же крестьянское населеніе занимается лишь рубкой, подвозомъ и сплавомъ лѣса.

Крестьянскимъ промысломъ въ сѣверныхъ лѣсахъ является охота. Промыселъ этотъ—не развлеченіе, а тяжелый и опасный трудъ и является необходимостью. Если не пугать звѣря, то медвѣди и волки станутъ настолько смѣлы, что крестьянину не только скотины нельзя будетъ держать, но и за свои „животы" придется крѣпко бояться. Еще недавно сѣверные лѣса снабжали бѣличьимъ мѣхомъ всю Россію, и всѣмъ извѣстна мѣткость сѣвернаго охотника, попадающаго изъ плохого ружья непремѣнно въ глазъ бѣлки. Еще недавно сѣверъ былъ исключительнымъ поставщикомъ рябчиковъ и прочей дичи въ столицы. Теперь эти промыслы значительно сократились. Сибирь явилась сильнымъ конкуррентомъ, а безпощадное истребленіе дичи и мелкихъ звѣрей заставило ихъ убраться въ тайболу, гдѣ ихъ не достать никакому охотнику. Въ болѣе древнія времена сѣверъ соперничалъ съ Сибирью и въ доставкѣ горностаевыхъ, собольихъ, лисьихъ, песцовыхъ и др. шкуръ. Теперь прошли эти времена и охотничьи промыслы доставляютъ мало выгодъ русскому населенію. Болѣе пользы извлекаютъ изъ охоты инородцы—самоѣды, зыряне, лопари; нѣкоторые изъ нихъ даже до сихъ поръ выплачиваютъ подати звѣриными шкурами, какъ и въ доброе старое время; но и они жалуются на исчезновеніе дорогихъ породъ. Пристрастіе инородцевъ къ водкѣ и недобросовѣстное спаиваніе и обираніе ихъ заставляло ихъ усиленно гоняться и истреблять звѣря—и теперь охотничій промыселъ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе падаетъ. Чаще всего русское населеніе охотится на медвѣдей и на оленей. На медвѣдей идутъ обыкновенно въ концѣ февраля, когда снѣгъ настолько сляжется и окрѣпнетъ, что въ состояніи удержать промышленника. Отыскавъ берлогу, въ которой спитъ медвѣдь, промышленникъ стрѣляетъ въ отверстіе ея и затѣмъ, тотчасъ же всовываетъ въ это отверстіе молодую ель, верхушкою впередъ. Пробужденный отъ сна и раненый, медвѣдь стремится къ выходу и здѣсь встрѣчаетъ препятствіе въ видѣ всунутой ели. Разсерженный еще болѣе медвѣдь старается втянуть ель къ себѣ въ берлогу и этимъ создаетъ себѣ трудную работу, такъ какъ ель своими расширяющимися книзу и крѣпкими сучьями едва поддается усиліямъ медвѣдя. Наконецъ, раненый и истомленный звѣрь, обсыпанный снѣгомъ, появляется въ отверстіи берлоги, но здѣсь давно уже поджидаетъ его охотникъ, который хладнокровно и мѣтко всовываетъ рогатину въ звѣря и изо всѣхъ силъ прижимаетъ ее къ землѣ. Судьба медвѣдя тогда рѣшена. Бываетъ иногда, что въ берлогѣ находится не одинъ медвѣдь, а два, даже три;—тогда охотнику не сдобровать, если онъ вышелъ на царя сѣверныхъ лѣсовъ одинъ-на-одинъ, безъ товарищей. Вообще охота на медвѣдя опасна, требуетъ большого хладнокровія, ловкости и силы. При малѣйшей оплошности г. Топтыгинъ жестоко мститъ за нарушеніе своего зимняго покоя. У сѣверянъ до сихъ поръ существуетъ повѣрье, что самый искусный охотникъ—и тотъ на сороковомъ медвѣдѣ поддается. Нѣкоторые до того вѣрятъ этому повѣрью, что ведутъ счетъ убитыхъ ими медвѣдей и послѣ 39-го на охоту за этимъ звѣремъ не ходятъ. Убитый медвѣдь, средней величины, приноситъ промышленнику 50—70 р. (шкура, сало, окорока). Если охота на медвѣдя сопряжена съ большою опасностью для жизни охотника, то охота на оленей крайне неопредѣленна. Идя на медвѣдя, — особенно, когда берлога послѣдняго заранѣе извѣстна,—промышленникъ можетъ легко разсчитать, когда онъ вернется домой; за оленемъ же можно прогоняться цѣлые дни и безъ всякой пользы. Чуткій звѣрь не подпускаетъ къ себѣ охотника на такое разстояніе, на какое достаетъ его плохое, допотопное ружье. И вотъ, начинается погоня. Оленю всюду дорога. Не задумываясь, соскакиваетъ онъ въ пропасти, бѣжитъ по кручамъ, топкимъ болотамъ, сугробамъ снѣга; избѣгаетъ одного лишь дремучаго лѣса, гдѣ его рога служатъ ему значительной помѣхой. По пятамъ за оленемъ мчится на лыжахъ промышленникъ, уходя такимъ образомъ отъ своего жилья на десятки верстъ. Только вкусное, для сѣверянъ, оленье мясо, при отсутствіи вообще мясной пищи на сѣверѣ, заставляетъ охотника рѣшиться на такую сомнительную охоту. За оленями гоняются главнымъ образомъ русскіе; сѣверные инородцы держатъ стада оленей при себѣ и съ ними вмѣстѣ кочуютъ.

Съ приближеніемъ къ Ледовитому океану, лѣса начинаютъ мельчать и мельчать. Прекрасный сосновый боръ, покрывающій предгорные холмы Урала, многосаженныя лиственницы и ели, мало-по-малу, уступаютъ мѣсто низкорослому кустарнику, искривленной березѣ. Начинается тундра — болотистая, безлѣсная, оттаи-

вающая лѣтомъ только на какой-нибудь аршинъ пустыня. Обыкновенно, на картахъ сѣвернаго края отмѣчаютъ три области тундры: Канинскую—на Канинскомъ полуостровѣ и близъ лежащей мѣстности, Малоземельскую или Тиманскую—между рѣками Мезенью и Печорой, прорѣзываемую Тиманскимъ кряжемъ (Чайцынскимъ камнемъ), и Большеземельскую—за р. Печорою до Урала, переходящую и далѣе въ Сибирь, на полуостровъ Ялмалъ и сливающуюся съ сибирскою тундрою. Но, помимо этой области, что нужно замѣтить, берега Ледовитаго океана во многихъ мѣстахъ представляютъ изъ себя тундру (часть Мурманскаго и Терскаго берега на Колымскомъ полуостровѣ, берега Бѣлаго моря и пр.).

Невыразимо грустную картину представляетъ изъ себя тундра зимою. Сѣрое, хмурое небо, пустынная, глубоко засыпанная снѣгомъ, безжизненная равнина. Ни одного звука, ни одного жилья, ни одного человѣческаго голоса. Иногда развѣ пустыня огласится лаемъ одинокаго песца или хриплымъ крикомъ бѣлой совы—достойной обитательницы этихъ странъ. А наступитъ многомѣсячная ночь, пойдутъ играть „сполохи" по небу, разыграется съ дикимъ свистомъ пурга, ударитъ сорокоградусный морозъ—только одинъ самоѣдъ въ состояніи выносить такую тоску, да и тотъ ждетъ не дождется „праздника солнца", когда это животворное свѣтило опять освѣтитъ пустынныя снѣжныя поляны. Но вотъ прошла лютая зима, наступило короткое, но жаркое лѣто. Солнце по цѣлымъ днямъ не сходитъ съ неба, какъ бы желая вознаградить за скупость свѣта зимою,—и мерзлая, на половину оттаявшая пустыня на время оживаетъ. Всѣ кочки ея покрываются густымъ ягодникомъ—морошкой, черникой, голубикой; рѣки и рѣчки наполняются идущими съ океана осетрами, лососями, омулями (родъ сига) и др. вкусными и жирными рыбами; болотистая поверхность покрывается ягелемъ — оленьимъ мхомъ, мѣстами—жесткою, но съ яркою окраской травою, среди которой блеститъ вода озеръ, ручьевъ и лужъ. Тучи комаровъ и др. мошекъ носятся въ воздухѣ; съ юга спѣшатъ многочисленныя стаи гусей, утокъ, гагаръ, куропатокъ, лебедей и пр. Здѣсь эти птицы находятъ себѣ обильную пищу, выводятъ дѣтей и осенью вновь летятъ далеко на югъ. За птицей идетъ охотникъ, промышленникъ—и тундра ожила, тундра теперь уже не безжизненная пустыня, а яркій, разноцвѣтный коверъ, оживленный всевозможными голосами. Не долго, правда, продолжается эта жизнь: 3—4 мѣсяца, а затѣмъ опять тяжелый сонъ пустыни...

Птичій промыселъ въ тундрѣ могъ бы дать большой заработокъ населенію, если бы устроить правильный сбытъ, а населеніе обучить копченію и вообще заготовкѣ птицы въ прокъ. На самомъ дѣлѣ, масса убитой птицы гніетъ на мѣстѣ, а остальная поступаетъ почти исключительно только на мѣстные рынки для мѣстнаго потребленія. Экспортомъ служатъ перья, пухъ, отчасти яйца, и, чуть ли не главнымъ образомъ, крылья куропатокъ и др. сѣверныхъ птицъ. Благодаря модамъ и дамскимъ вкусамъ носить на своихъ шляпкахъ перья, крылья и т. п., съ одной пустынной Печоры вывозятъ за границу болѣе 3,000 пуд. птичьихъ крыльевъ, и на мѣстѣ крылья стоятъ дороже убитой птицы (пара куропатокъ безъ крыльевъ—2 коп., пара крыльевъ отдѣльно—3 к.).

Сѣверный край чрезвычайно богатъ водою. Тысячи озеръ, болотъ, рѣкъ изрѣзываютъ его на всемъ пространствѣ. Эти воды содержатъ въ себѣ и наибольшее богатство края—рыбное, и служатъ во многихъ мѣстахъ единственными путями сообщенія.

Изъ рѣкъ Кольскаго полуострова достойны упоминанія рр. Тана и Пазъ, какъ пограничныя съ Норвегіей, р. Кола, съ лѣвымъ притокомъ—р. Туломою, р. Поной (300 в.) и р. Варзуга (ок. 400 в.). Всѣ эти рѣки порожисты, текутъ въ каменистыхъ берегахъ и въ своемъ теченіи проходятъ не мало озеръ. Такъ, р. Кола, вытекая изъ озера Колозера, проходитъ, въ верхнемъ своемъ теченіи, чрезъ Пулозеро и Мурдозеро. Невысокій Хибинскій хребетъ только на разстояніи 1 версты отдѣляетъ истоки р. Колы отъ р. Куренги, протекающей черезъ озеро Переяверь и впадающей въ оз. Имандру, откуда идетъ рѣка Нива въ Кандалакшскую губу. Такимъ образомъ только на разстояніи 1 версты нѣтъ

непрерывнаго воднаго пути между Кандалакшской губою и сѣвернымъ берегомъ Ледовитаго океана. Р. Кола впадаетъ въ обширный Кольскій заливъ, длиною около 70 в.; при устьяхъ ея стоитъ г. Кола—самый сѣверный городъ Европейской Россіи (69° сѣв. шир.), съ населеніемъ около 700 чел., живущихъ почти исключительно рыбной ловлей и рыбной торговлей. Рѣки—Паной, Варзуга, Канда, Нива и др. мелкія рѣки богаты рыбою и стоящія на берегахъ ихъ, и при впаденіи въ море поморскія села отправляютъ въ Архангельскъ не одну тысячу пудовъ семги, сельдей, наваги и пр. Такъ, въ с. Керети (ок. 600 жит.) ежегодно вылавливается до 300 пуд. семги и засоливается до 10,000 боченковъ сельди; въ г. Умбѣ—1,500 пуд. семги, Кузомени (ок. 1,000 жит., въ устьяхъ р. Варзуги)—1,000 пуд. семги, Кандалакшѣ (ок. 600 жит.)—30,000 боченковъ сельдей и до 100 пуд. семги и т. п. Обычная цѣна семги на мѣстѣ отъ 8 до 12 р. за пудъ, боченка сельдей (30 ф.)—40—70 коп. Изъ озеръ Кольскаго полуострова самое большое озеро Имандра, имѣющее около 100 в. въ длину и отъ 5 до 30 верстъ въ ширину. Озеро это бурное, но судоходное, берега его холмисты, покрыты лѣсомъ, мѣстами—непроходимыми топями; въ сѣверной своей части оно окружено скалистыми Хибинскими горами.

Корелія, простирающаяся на югъ отъ Кольскаго полуострова, точно также покрыта множествомъ озеръ, рѣчекъ, болотъ и непроходимыхъ топей.

Наиболѣе значительная рѣка Кемь (около 300 в.) проходитъ всю Корелію отъ границъ Финляндіи, причемъ протекаетъ черезъ слѣдующія озера: Ветозеро, Кирозеро, Верховье, Орелъ, Верхнее, Среднее и Нижнее Кунто; послѣднее озеро имѣетъ до 115 в. длины и отъ 5 до 15 в. ширины. Около с. Подужемья на р. Кеми находится водопадъ, не уступающій, по своей красотѣ, извѣстной Иматрѣ; и вообще теченіе рѣки Кеми бурное, порожистое, среди каменистыхъ и утесистыхъ береговъ. Изъ другихъ озеръ Кореліи, кромѣ озера Кунто, достойны упоминанія, по своей величинѣ: Топозеро (длиною около 80 в., ширины отъ 3 до 18 в.), Пявозеро (60 × 30 в.) и Ковдозеро (60 × 40 в.). Всѣ они довольно глубоки (40—60 саж.) и богаты рыбой.

По берегу Бѣлаго моря отъ г. Кеми до г. Онеги, при впаденіи небольшихъ, но рыбныхъ рѣчекъ, расположились наиболѣе богатыя и многолюдныя русскія поселенія: Шуя (900 ж.), Сороцкое или Сорока (около 1,200 ж.), Шижма (около 1,000 ж.), Сухонаволоцкое (700 ж.), Сумскій посадъ (свыше 2,000 ж.), Колежма (800 чел.), Нюхча (свыше 1,500 ж.) и т. д. Это самое населенное мѣсто во всемъ Сѣверномъ краѣ. Главный промыселъ жителей — ловъ сельдей и наваги и постройка поморскихъ судовъ. Сельдей вылавливается ежегодно до 15 милл. штукъ, наваги—свыше 1 милл. штукъ; цѣна сельдей на мѣстѣ — 5—15 к. за 100 штукъ, наваги—40—60 к. за 100 штукъ. Всѣ эти селенія владѣютъ до 200 шхунами, устроенными собственными мастерами, вмѣстимостью до 10,000 тоннъ и стоимостью около 300,000 р. Это — цѣлая сѣверная флотилія, на которой жители безстрашно ходятъ даже на Шпицбергенъ и Новую Землю.

За г. Онегою наступаетъ царство большихъ рѣкъ Сѣвернаго края.

Р. Онега беретъ начало въ Новгородской губ., вытекаетъ изъ озера Воже и проходитъ озеро Лачо. Длина теченія до 600 в., ширина—отъ 100 до 400 саж. Теченіе быстрое, порожистое (5 пороговъ), дно каменистое. Для сплава удобна на всемъ протяженіи, судоходна же только въ нижнемъ теченіи. По ней сплавляется много лѣса, и стоящій въ устьяхъ ея г. Онега (2,700 ж.) — второй въ Сѣверномъ краѣ портъ по количеству отправки лѣса за границу. Многолѣтнія наблюденія надъ временемъ вскрытія и замерзанія рѣки дали слѣдующіе результаты: у г. Каргополя р. Онега вскрывается въ среднемъ 23 марта, замерзаетъ—18 октября; у г. Онеги рѣка свободна ото льда съ 16 апрѣля по 31 октября. Изъ притоковъ р. Онеги упомянемъ рѣки: Волоксу, Кену, Мошу, Кожу; всѣ онѣ имѣютъ значеніе сплавныхъ рѣкъ.—Сѣверная Двина—главная артерія Сѣвернаго края, связывающая его съ центромъ Россіи,—образуется изъ сліянія двухъ рѣкъ—Сухоны, вытекающей изъ Кубинскаго озера, и Юга. Если считать за начало рѣки р. Кубину, впадающую въ Кубинское озеро, или р. Лузу—притокъ р. Юга, то общая длина рѣки будетъ 1,300—1,400 верстъ; если же считать только одну часть рѣки, которой присвоено названіе Сѣверной Двины (отъ сліянія Сухоны съ Югомъ), то длина рѣки будетъ только 684 в. На всемъ послѣднемъ протяженіи рѣка вполнѣ судоходна; выше же хотя пароходы и ходятъ до г. Вологды, но судоходство затрудняется мелями и перекатами

и нерѣдко, въ сухое лѣто, прекращается. Верхнее и среднее теченіе рѣки, въ предѣлахъ Вологодской губ., проходитъ среди холмистой мѣстности (Урало-Алаунская гряда); въ нижнемъ—рѣка, принявъ свой главный притокъ Вычегду, широко разливается по равнинѣ, переходящей, мало-по-малу, въ тундру, и имѣетъ множество низменныхъ наносныхъ островковъ. Весною Сѣверная Двина разливается здѣсь на десятки верстъ и оставляетъ послѣ себя плодоноснѣйшій илъ. Здѣсь не безъ успѣха сѣютъ ленъ, а на заливныхъ лугахъ выростаетъ отличная шелковистая трава (тимофеевка) въ ростъ человѣка. Иногда десятина заливного луга даетъ до 450 пуд. сѣна. Еще Петръ Великій обратилъ вниманіе на это травяное богатство и думалъ завести здѣсь улучшенное скотоводство. Выписанный имъ изъ Голландіи рогатый скотъ положилъ начало извѣстной въ Россіи породѣ коровъ — холмогорокъ. Къ сожалѣнію, отдаленность сѣвернаго края и отсутствіе правильно-организованнаго сбыта не дали возможности развиться скотоводству до широкихъ размѣровъ и доселѣ этотъ промыселъ здѣсь въ упадкѣ. Неподалеку отъ своего впаденія въ Бѣлое море, Сѣверная Двина дѣлится на 4 рукава, изъ которыхъ одинъ—Березовскій — судоходенъ, остальные же занесены пескомъ и мелки. Сѣверная Двина—лучшій естественный путь къ Бѣлому морю, а обширный бассейнъ ея связываетъ отдаленнѣйшія части края съ центромъ. Такъ, правый притокъ Вычегда (1,035 в.) на тысячу верстъ приближаетъ далекій Печорскій край, отдѣляясь отъ бассейна Печоры и Камы всего нѣсколькими десятками верстъ невысокихъ отроговъ Тиманскаго хребта. Вычегда принимаетъ до 200 притоковъ, болѣе, чѣмъ главная рѣка, многія изъ которыхъ судоходны, причемъ нѣкоторые изъ послѣднихъ далеко заходятъ на сѣверъ и югъ (напр., правые притоки: Черъ—300 в., близко подходящій къ р. Ижмѣ—притоку Печоры; Вымь—до 500 в.; лѣвый—Сысола, свыше 400 в., берущая начало въ Вятской губ. и т. д.). Не удивительно, что бассейнъ Вычегды громадный: онъ занимаетъ до 237,000 кв. верстъ. Вычегда—рѣка многоводная и судоходна на 700 в. Къ сожалѣнію, она проходитъ по безлюдному пока краю и не имѣетъ того громаднаго значенія, которое, несомнѣнно, принадлежитъ ей въ будущемъ. Все ея теченіе идетъ среди дремучихъ лѣсовъ, причемъ, въ верхней своей части, она прорѣзываетъ холмистую мѣстность, послѣ же г. Яренска течетъ по болотистой низменности. Южнѣе г. Холмогоръ въ Сѣверную Двину впадаетъ справа другой значительный и судоходный притокъ—р. Пинега (около 600 в.), но берега ея пустынны, и рѣка имѣетъ значеніе только какъ болѣе удобный путь сообщенія. Ниже г. Пинеги берега ея болѣе оживлены: жители сплавляютъ лѣсъ, изъ Архангельска идутъ товары. Г. Пинега извѣстенъ своею Никольскою ярмаркою, на которую стекаются сѣверные инородцы—зыряне и отчасти самоѣды. Изъ лѣвыхъ притоковъ Сѣверной Двины, протекающихъ, хотя частію своею, по описываемому нами краю, упомянемъ р. Вагу (до 500 в.), берущую начало въ Тотемскомъ у., Вологодской губерніи. Долина р. Ваги (Шенкурскій у.)—единственное мѣсто въ Сѣверномъ краѣ, гдѣ посѣвы ржи возможны безъ опасенія за ранніе утренники. На рѣкѣ Двинѣ сосредоточена главная торговля края; можно сказать— ³/₄ всѣхъ товаровъ края идетъ къ Двинѣ или по Двинѣ къ главному и почти единственному порту—г. Архангельску, о которомъ мы скажемъ ниже.

За р. Двиною простирается малонаселенная страна, хотя и имѣющая значительные водные пути и естественныя богатства, но они мало изслѣдованы и эксплоатируются лишь въ незначительной степени.

Такъ, богатая рыбой р. Кулой пустынна и только въ устьяхъ ея жители с. Долгощелья занимаются отчасти ловлей семги, нельмы и наваги, также охотой на морскихъ звѣрей. Р. Мезень (985 в.) беретъ начало въ Вологодской губ., течетъ среди болотъ и лѣсовъ и впадаетъ въ обширную Мезенскую губу. Рѣка мелководна и потому не судоходна; въ устьѣ высокіе приливы и отливы наносятъ цѣлыя горы песку и постоянно измѣняютъ фарватеръ. Но, какъ сплавная, рѣка имѣетъ нѣкоторое значеніе для края и могла бы имѣть еще значительно большее. Въ устьяхъ Мезени расположены два лѣсопильныхъ завода—Русанова и К° и мезенскаго купца Ружникова, на которыхъ распиливается до 100,000 бревенъ въ годъ, пригоняемыхъ на плотахъ весною и лѣтомъ, главнымъ образомъ, изъ предѣловъ Вологодской губерніи. Благодаря обилію поемныхъ луговъ, на берегахъ р. Мезени могло бы развиться скотоводство въ широкихъ размѣрахъ. Сосланный сюда при Петрѣ Великомъ князь Голицынъ съумѣлъ развести здѣсь особую породу лошадей — мезенокъ, извѣстнымъ своей выносливостью и быстротою бѣга. Но теперь порода эта постепенно вырождается и во всемъ Мезенскомъ у. не насчитывается въ настоящее время и 5,000 лошадей. Изъ притоковъ р. Мезени упомянемъ Ирву, Мезенскую Пижму, Ватку,

Сѣверная Двина.

Щелью, Лѣтнюю и Пезу. Однѣ изъ нихъ текутъ по непроходимымъ лѣсамъ, другія, какъ р. Пеза (400 в.),—по тундрѣ. Берега обширнаго Мезенскаго залива составляютъ главное мѣсто промысла морскихъ звѣрей. Сюда, въ февралѣ и мартѣ, ежегодно собирается отъ 2 до 3 тысячъ промышленниковъ; сюда же, осенью, приплываютъ изъ приполярныхъ странъ огромныя стада („юрова") тюленей. Здѣсь они въ февралѣ плодятся и остаются на прибрежныхъ льдинахъ до тѣхъ поръ, пока малыши не научатся плавать. Въ началѣ мая тюлени уплываютъ со своими дѣтьми въ океанъ. Всего чаще встрѣчаются слѣдующія породы тюленей: нерпа или обыкновенный тюлень (phoca vitulina v. foetida), длиною $1^1/_2$—2 арш., дающій сала 2—3 пуда; гренландскій тюлень (phoca graenlandica), длиною 2—$2^1/_2$ арш., — съ него получается сала 4—6 пудовъ. Значительно рѣже встрѣчается морской заяцъ (phoca leporina), длиною около 3 арш., сала даетъ 6—10 пуд. и тювякъ (phoca cristatus monachus), длиною около 4 арш., дающій сала около 10 пуд. Въ 1895 г. морскихъ звѣрей убито было въ Мезенской губѣ 12,200 штукъ на сумму 38,000 р. (Энгельгардтъ, „Русскій сѣверъ", стр. 194—197). Р. Мезень вскрывается ото льда около половины мая, замерзаетъ въ концѣ октября. Печора — длиннѣйшая рѣка въ краѣ (2,000 в.), беретъ начало въ Чердынскомъ у. съ западнаго склона Уральскихъ горъ тремя истоками. Въ верхней части теченіе извилистое и быстрое и носитъ чисто горный характеръ: рѣка то тѣснится въ мрачномъ ущельѣ, то разливается по горной долинѣ, то съ шумомъ бѣжитъ чрезъ стремнины и пороги. И далѣе, до самой тундры, правый берегъ Печоры гористъ и очень живописенъ. Въ нижнемъ теченіи рѣка покрыта множествомъ островомъ и, впадая въ Ледовитый океанъ, образуетъ обширную дельту. Благодаря многоводности, Печора судоходна на протяженіи 1,500 в., но до послѣдняго времени правильнаго судоходства на рѣкѣ не было, и весь печорскій край представлялъ изъ себя забытый Богомъ и людьми уголъ. Съ 1895 г., вслѣдствіе ходатайства Архангельскаго губернатора, учреждено, при ежегодной правительственной субсидіи, постоянное срочное пароходство изъ Архангельска до с. Куи (въ устьяхъ Печоры) и по р. Печорѣ вверхъ до с. Щугоръ (въ Вологодской губ.). Позднее вскрытіе Печоры (во второй половинѣ мая) и льды Ледовитаго океана затрудняютъ это пароходство; тѣмъ не менѣе въ навигацію 1895 г. пароходъ Сибирякова „Норденшильдъ" сдѣлалъ три рейса изъ Архангельска въ Кую и обратно, а между селами Щугоръ и Куя пароходъ Чердынскаго купца Черныхъ успѣлъ сдѣлать по Печорѣ 7 рейсовъ. Бассейнъ Печоры занимаетъ 19,500 кв. верстъ. Въ нее впадаетъ до 80 рѣкъ, большею частью незначительныхъ, исключая рѣкъ: Илыдзь (до 400 в.), Щугоръ (около 400 в.) и Усы (до 600 в.) съ правой стороны, и Мылвы (300 в.), Ижмы (500 в.) и Цыльмы (300 в.) съ лѣвой. Берега Печоры пустынны и слабо заселены. Лѣсъ, безконечный темный лѣсъ, „урманъ" по мѣстному названію, обступилъ рѣку на тысячи верстъ со всѣхъ сторонъ. Кое-гдѣ, по берегу рѣки, ютятся миніатюрныя деревушки, съ хатами безъ крышъ, съ маленькими оконцами. Въ этихъ хатахъ — и люди, и телята, и овцы, и всякій домашній скарбъ. Всюду непроходимая бѣдность, такъ

какъ за отдаленностью и непроходимостью края всякій промыселъ обезцѣнивается. Хлѣбъ въ этой странѣ не родится; лѣтомъ—рыбная ловля, зимою—охота на звѣря въ урманахъ, охота тяжелая, отвлекающая все взрослое мужское населеніе на цѣлые мѣсяцы въ лѣса. Развѣ только теперь свистъ парохода разбудитъ этотъ далекій забытый край. Для полноты слѣдуетъ упомянуть еще малоизслѣдованную р. Кару — пограничную рѣку между Европой и Азіей, текущую по безлюдной Больше-земельской тундрѣ и впадающую въ обширную Карскую губу, почти круглый годъ затертую льдами, а также озера: Урдюга, Индижскія и Ямъ, изобилующія рыбою и находящіяся въ Тиманской тундрѣ.

Омывающій сѣверное пространство Ледовитый океанъ образуетъ нѣсколько фіордовъ, заливовъ, губъ, полуостровов. Западная часть Кольскаго полуострова (имѣющаго около 650 в. въ длину и отъ 300 до 400 в. ширины и извѣстнаго также подъ именемъ «Русской Лапландіи») есть ничто иное, какъ продолженіе скандинавскихъ фіордовъ. Таковы заливы—Мотовскій, Ара, Ура, Озерко, Екатерининскій и др. Всѣ они извилисты, глубоки, окружены мрачными утесами и, несмотря на незначительную ширину, тянутся иногда на десятки верстъ вглубь материка. За р. Колою они, мало-по-малу, теряютъ свой характеръ узкихъ фіордовъ и переходятъ въ широкіе заливы вплоть до м. Святаго-Носа. Всѣ эти фіорды и заливы весьма важны для края, а въ будущемъ ихъ ожидаютъ болѣе блестящія времена. Дѣло въ томъ, что вслѣдствіе проходящаго здѣсь Гольфштрема, несмотря на свое крайне сѣверное положеніе, фіорды эти не замерзаютъ и зимою. Ледяныя горы относятся теченіемъ къ сѣверу и океанъ противъ Мурмана всегда свободенъ ото льда. Извилистость фіордовъ и обступающія ихъ скалы дѣлаютъ ихъ безопасными стоянками для кораблей во всякую лютую сѣверную непогоду и жестокій штормъ, а глубина позволяетъ укрываться въ нихъ даже глубоко-сидящимъ судамъ. Россія, кромѣ Дальняго Востока, не имѣетъ свободнаго выхода въ открытый океанъ; ея военный флотъ расположенъ во внутреннихъ моряхъ, выходы изъ которыхъ находятся въ рукахъ часто враждебныхъ державъ. Это заставило обратить вниманіе на Мурманскіе фіорды, которые такимъ образомъ пріобрѣли громадное политическое значеніе, — и 8 апрѣля 1896 г. Высочайше утверждено положеніе Государственнаго Совѣта объ устройствѣ въ Екатерининской гавани на Мурманѣ коммерческаго порта и городского при немъ поселенія, вызваны сюда на весьма льготныхъ условіяхъ съ денежнымъ пособіемъ отъ казны колонисты (пошли преимущественно финны), устроенъ телеграфъ, соединяющій эту гавань съ Архангельскомъ, а чрезъ него и съ телеграфною сѣтью всего міра; лѣтомъ 1898 года разрѣшено произвести изысканія для проведенія желѣзной дороги изъ С.-Петербурга на г. Кемь и далѣе чрезъ Колу до Екатерининской гавани; устроено двухклассное министерское училище и т. д., и т. д. Екатерининская гавань находится только въ 15 в. отъ открытаго океана, на пути слѣдованія судовъ изъ Архангельска за границу. Она имѣетъ въ длину двѣ версты, въ ширину 150—200 саж., глубины отъ 10 до 25 саж., при чемъ приливы въ гавани достигаютъ 10—12 фут., такъ что самыя большія суда могутъ стоять чуть не вплотную къ берегу. Климатъ, благодаря Гольфштрему, очень мягкій для такого сѣвернаго пункта (средняя температура года $+2^{\circ}$ по Реомюру, при чемъ морозы въ -15° считаются рѣд-

костью). Другіе сосѣдніе фіорды представляютъ тѣ же удобства, что и Екатерининская гавань, но болѣе удалены отъ океана. Кромѣ помянутаго политическаго значенія, фіорды и заливы Мурмана имѣютъ важное экономическое значеніе для края. Можно сказать, вся Лапландія и Поморье питаются Мурманомъ. Къ Мурману раннею весною приплываютъ огромныя стада рыбъ и морскихъ звѣрей (китовъ, тюленей и пр.), и рыбные промыслы здѣсь даже теперь даютъ до $1^1/_2$ милл. рублей, а въ будущемъ несомнѣнно разовьются еще болѣе. Немудренно поэтому, что всѣ заливы Мурмана окружены «становищами» рыбопромышленниковъ, важнѣйшія изъ которыхъ—Гаврилово, Териберка, Еретики и др. Въ Ура-губѣ, близъ становища Еретиковъ, существуетъ даже спеціально китобойный заводъ; впрочемъ, обороты его незначительны и дѣятельность пока не постоянная.

Обогнувъ Кольскій полуостровъ, Ледовитый океанъ далеко врѣзывается въ материкъ, образуя обширное Бѣлое море.

Значеніе для Россіи Бѣлаго моря, съ его губами: Кандалакшской, Онежской, Двинской и Мезенской, было признано еще Іоанномъ Грознымъ, при которомъ именно чрезъ это море впервые начались наши торговыя морскія сообщенія съ западомъ, если не принимать во вниманіе торговыхъ сношеній Господина Великаго Новгорода. Бѣлое море—единственное, которымъ Россія владѣетъ съ самыхъ древнихъ временъ и на которое, кажется, ни одна держава не заявляла никакихъ притязаній. Оно принадлежитъ намъ все и, хотя въ послѣднее столѣтіе, съ развитіемъ пароходства по Балтійскому и Черному морямъ, Бѣлое море и утратило свое общерусское значеніе, но для Сѣвернаго края оно доселѣ служитъ единственнымъ окномъ въ Европу. Къ сожалѣнію, плаваніе по этому морю сопряжено съ большими затрудненіями. Находясь вдали отъ теплаго Гольфштрема, Бѣлое море покрывается сплошь льдами и освобождается отъ него только къ маю. Но даже и послѣ, въ іюнѣ—іюлѣ, не рѣдкость встрѣтить на немъ одинокія ледяныя глыбы — „стамухи", встрѣча съ которыми такъ опасна для утлыхъ бѣломорскихъ шнякъ. Далѣе, море это бурное, усѣянное во многихъ мѣстахъ (особенно въ Кандалакшской губѣ) подводными камнями, не нанесенными, разумѣется, на карту. Бури и волненія особенно развиваются въ проливѣ, соединяющемъ море съ океаномъ. Сильное волненіе бываетъ здѣсь даже и безъ вѣтра, ежедневно въ опредѣленные часы. Оно зависитъ отъ того обстоятельства, что волна прилива, идущая изъ океана, употребляетъ ровно 6 часовъ, чтобы пройти до южныхъ береговъ моря и столько же часовъ на обратное путешествіе. Между тѣмъ изъ океана въ это время мчится уже вторая волна прилива и, встрѣчаясь съ первой, производитъ сильное волненіе. Осенью Бѣлое море нерѣдко окутывается непроницаемыми туманами, и тогда самые опытные кормчіе отказываются управлять судномъ. Наконецъ, Бѣлое море и вообще мелко, а прибрежныя части его и заливы иногда до такой степени занесены пескомъ, что даже небольшое судно становится на якорѣ въ 10—15 верстахъ отъ берега, въ открытомъ морѣ, что при бурности этого моря далеко не безопасно. Тѣмъ не менѣе бурное Бѣлое море имѣетъ громадное экономическое значеніе для края. Вся рыба съ Мурмана, звѣриныя кожи, сало и дичь съ далекой Печоры и Новой Земли, всѣ лѣсные матеріалы отъ границъ Финляндіи до истоковъ далекой Вычегды—направляется въ это море къ его единственной пока хорошей гавани—Архангельску и отсюда уже расходятся во всѣ концы. А рыбныя его богатства (преимущественно сельдь), обиліе звѣря на его „зимнемъ" берегу *) и въ Мезенскомъ заливѣ—привлекли сюда значительную часть населенія Сѣвернаго края, образовавшаго въ лучшихъ мѣстахъ многолюдныя и не для одного сѣвера села, которыя могли бы превратиться въ промышленные центры.

Далѣе, за тундристымъ и необитаемымъ Канинымъ полуостровомъ Ледовитый океанъ образуетъ громадную Чесскую губу и почти прямой линіей направ-

*) Берега Бѣлаго моря носятъ различныя названія: отъ Св. Носа до р. Варзуги идетъ Терскій берегъ, за нимъ до крайней оконечности Кандалакшской губы—Кандалакшскій, противъ него—Поморскій берегъ; южная оконечность Онежской губы называется Лѣтнимъ берегомъ и, наконецъ, между Двинскою и Мезенскою губами находится Зимній берегъ.

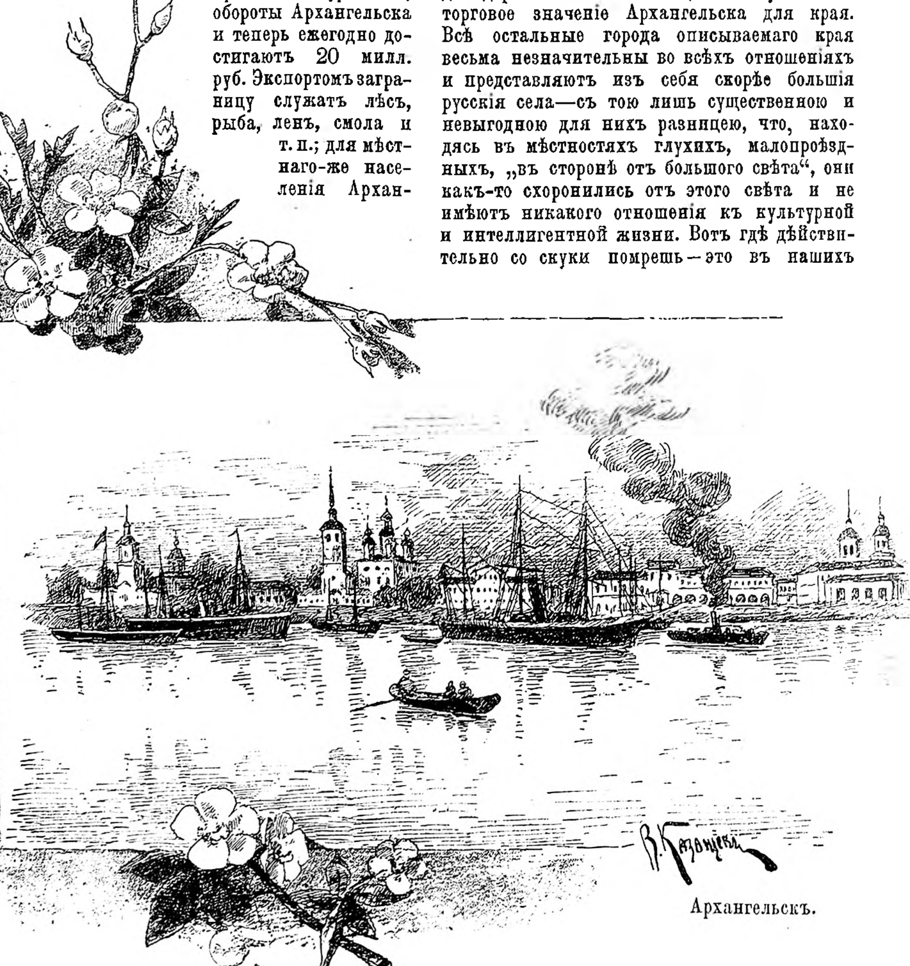
ляется къ устьямъ Печоры. Весь берегъ здѣсь до Вайгачскаго пролива низкій и представляетъ собою необитаемую тундру. Море у берега мелко и, кромѣ того, почти круглый годъ наполнено плавующими льдинами. Теплый Гольфштремъ далеко уклонился на сѣверъ къ берегамъ Новой Земли, и льды разгуливаютъ здѣсь на просторѣ, не боясь пагубнаго дыханія теплаго теченія. Весь берегъ этотъ остается неизслѣдованнымъ и до настоящаго времени.

Климатъ Сѣвернаго края, ввиду обширности этого пространства и главнымъ образомъ благодаря Гольфштрему, крайне разнообразенъ. Самый сѣверный берегъ Мурмана, достигающій 70° сѣв. широты, имѣетъ болѣе теплую среднюю температуру, чѣмъ приуральскія мѣстности на 60° и даже 55°. Вообще западная часть описываемаго пространства гораздо теплѣе и влажнѣе восточной. Такъ, многолѣтнія наблюденія въ Колѣ дали слѣдующіе результаты: средняя температура весны ($1^1/_2$ мѣс.) + 2,29° по Реомюру, лѣта ($2^1/_2$ мѣс.) + 8,95°, осени (3 мѣс.) + 2,5° и зимы (5 мѣс.) — 6°, при чемъ морозы въ 15 — 20° бываютъ очень рѣдко и держатся недолго. Въ то же время много южнѣе Колы, въ предѣлахъ Повѣнецкаго у., — 40° зимою нерѣдкость. Еще рѣзче эта зависимость климата отъ Гольфштрема сказывается на востокѣ. Недавнія наблюденія на западномъ берегу Новой Земли подъ 75° сѣв. широты дали для зимы въ среднемъ—15,8° R (крайнія колебанія температуры—$^1/_2$° и—25°), для лѣта + 2° (при чемъ въ іюлѣ выпадали иногда дни + 12°), для круглаго года—6,4°; между тѣмъ въ Чердынскомъ краѣ (60—63°) зимніе морозы вошли въ пословицу, въ Устьянскѣ (71°) средняя температура года—15,24°, въ Нижнеколымскѣ (67°)—10° а въ Якутскѣ (62°) почти одинакова съ Новой Землей—6°. Зато чѣмъ далѣе на востокъ и далѣе отъ Гольфштрема, тѣмъ болѣе ясныхъ дней въ году, менѣе выпадаетъ дождя и снѣга и лѣтомъ бываютъ весьма знойные дни. Впрочемъ, точныхъ цифръ здѣсь привести нельзя, такъ какъ метеорологическихъ наблюденій въ краѣ почти не ведется. Только относительно Кольскаго полуострова извѣстно, что высота снѣжнаго покрова ежегодно достигаетъ 7—8 футовъ. Понятно, что ввиду краткости лѣта и, особенно, краткости періода, когда безусловно не бываетъ утреннихъ заморозковъ (что для земледѣльца крайне важно), хлѣбопашество въ значительной части Сѣвернаго пространства немыслимо, и населеніе питается привознымъ хлѣбомъ, переплачивая за него значительныя суммы и, по своей бѣдности, нерѣдко подмѣшивая въ муку сосновую кору, олений мохъ и т. п.

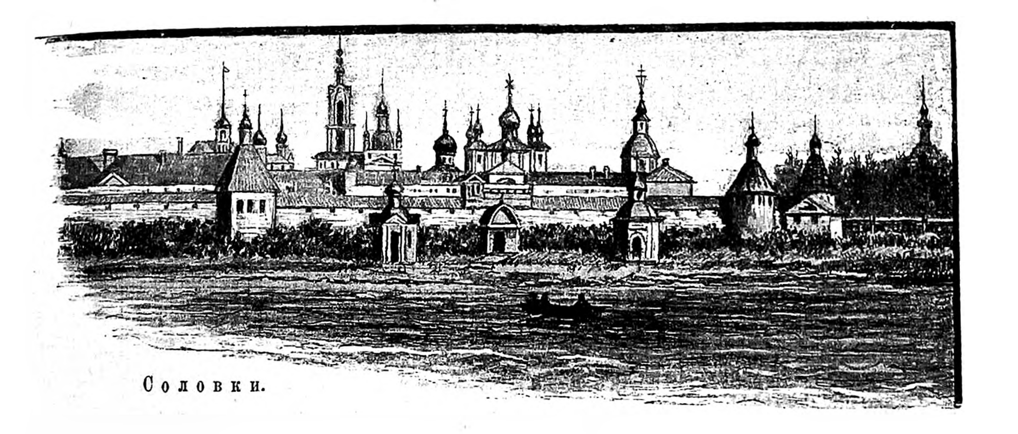
Къ особенностямъ многихъ мѣстъ края нужно отнести многомѣсячную ночь зимою и незаходящее солнце лѣтомъ. Но представленіе о полярной ночи, какъ безусловно темной, невѣрно. Не говоря уже о сіяніи звѣздъ и періодическомъ лунномъ освѣщеніи, ежедневно около полудня появляется на южной сторонѣ неба заря, которая и въ дни наибольшаго удаленія солнца (8—12 декабря) все-же устраиваетъ хотя на часъ сумерки безъ дня. Бѣлизна снѣга также много смягчаетъ тьму ночи и „кромѣшной“ тьмы никогда не бываетъ. А когда разойдутся по небу „сполохи“—сѣверныя сіянія, то даже и книгу можно читать, не зажигая огня. Тѣмъ не менѣе эти сумерки безъ дня угнетающимъ образомъ дѣйствуютъ на все живое, и всѣ съ неподдѣльной радостью встрѣчаютъ первый лучъ солнца. Лѣтомъ другая крайность: солнце описываетъ по небу круги, превращая ночь въ день. Но полунощное солнце не то-же, что полуденное: оно только свѣтитъ, но не грѣетъ, какъ въ нашихъ широтахъ солнце въ минуты заката или восхода.

Изъ городовъ Сѣвернаго края на первомъ мѣстѣ стоитъ Архангельскъ (21 тыс. жит.).

Сначала на мѣстѣ Архангельска стояла слобода при Архангельскомъ монастырѣ; въ 1584 г. слобода переименована въ Архангельскій городъ. Особенное значеніе этотъ городъ пріобрѣлъ послѣ Іоанна Грознаго, когда, благодаря различнымъ льготамъ, завязались обширныя торговыя сношенія съ Англіей. При Петрѣ Великомъ, съ основаніемъ Петербурга, вышелъ указъ, чтобы всѣ торговцы 2/3 своихъ товаровъ непремѣнно направляли къ устьямъ р. Невы и лишь 1/3 къ Архангельску. Конечно, торговля Архангельска значительно пала. Затѣмъ, съ открытіемъ новыхъ портовъ, городъ постепенно терялъ значеніе общерусскаго коммерческаго порта и мало-по-малу превратился въ мѣстный торговый пунктъ. Тѣмъ не менѣе, благодаря отсутствію въ краѣ конкурентовъ, обороты Архангельска и теперь ежегодно достигаютъ 20 милл. руб. Экспортомъ заграницу служатъ лѣсъ, рыба, ленъ, смола и т. п.; для мѣстнаго-же населенія Архангельскъ поставляетъ положительно все. Особенное значеніе для края имѣетъ его осенняя Маргаритинская ярмарка, на которую со всѣхъ концовъ спѣшатъ доставить свои продукты промышленники. Сюда свозится почти вся пойманная за лѣто рыба, шкуры и сало звѣрей, битая птица, перья и пухъ—вообще все, чѣмъ богатъ край. Здѣсь устанавливаются цѣны, производятся окончательные разсчеты, закупаются всѣ продукты на долгую лютую зиму. Громадные обозы тянутся тогда со всѣхъ концовъ къ городу и обратно, тысячи поморскихъ шнякъ и шкунъ бороздятъ бурныя волны Бѣлаго моря. Но проходитъ горячее время—и городъ погружается въ общерусскую исконную спячку... Въ недавнее время Архангельскъ соединенъ желѣзною дорогою съ Москвою; ожидается въ скоромъ времени движеніе по Пермь-Котласской жел. дорогѣ. Эти двѣ дороги несомнѣнно еще болѣе увеличатъ торговое значеніе Архангельска для края. Всѣ остальные города описываемаго края весьма незначительны во всѣхъ отношеніяхъ и представляютъ изъ себя скорѣе большія русскія села—съ тою лишь существенною и невыгодною для нихъ разницею, что, находясь въ мѣстностяхъ глухихъ, малопроѣздныхъ, „въ сторонѣ отъ большого свѣта“, они какъ-то схоронились отъ этого свѣта и не имѣютъ никакого отношенія къ культурной и интеллигентной жизни. Вотъ гдѣ дѣйствительно со скуки помрешь—это въ нашихъ



Архангельскъ.



Соловки.

Пинегѣ, Мезени, Колѣ и т. п. Карты и попойки — развлеченіе „интеллигенціи"; безшабашное пьянство и „утробная" жизнь—мѣстнаго мѣщанина. Приходится сознаться, къ стыду русскаго самолюбія, что нѣкоторыя зырянскія села превзошли (по крайней мѣрѣ—въ торговомъ отношеніи) любой изъ уѣздныхъ городовъ Архангельской губ. Такъ, село Усть-Цыльма, на правомъ берегу Печоры, противъ впаденія р. Цыльмы, имѣетъ свыше 4 тыс. жителей и ведетъ торговлю на 5 милл. рублей. Съ устройствомъ постоянныхъ рейсовъ на Печорѣ и проведеніемъ телеграфа въ Усть-Цыльму, село это стало быстро рости. Въ настоящее время оно—административный пунктъ всего обширнаго Печорскаго края, вмѣсто упраздненнаго русскаго, исторически извѣстнаго городка Пустозерска, окончательно запустѣвшаго на своемъ Пустомъ озерѣ. Другое зырянское село Ижма, находящееся въ 100 в. отъ впаденія рѣки того-же имени въ Печору, вмѣстѣ съ противостоящимъ селомъ Мохчею насчитываетъ даже болѣе 5 тыс. жителей, среди которыхъ имѣются и милліонеры. Золоченые куполы высокихъ Ижемскихъ церквей далеко видны изъ-за дремучаго бора; а богатые иконостасы, искусная рѣзьба и хорошая живопись изобличаютъ далекихъ пришлыхъ мастеровъ. Богата Ижма, хотя горько плачетъ сосѣдняя самоѣдская тундра по неправедно нажитому ижемскому богатству. Наиболѣе культурнымъ мѣстомъ въ сѣверномъ краѣ слѣдуетъ признать Соловецкій монастырь на Бѣломъ морѣ, служащій и религіознымъ пунктомъ. Учрежденный въ XV вѣкѣ, владѣющій громадными угодьями на материкѣ и многочисленными богатыми вкладами, монастырь, несмотря на свое сѣверное положеніе, ведетъ сельское хозяйство въ самыхъ широкихъ размѣрахъ и на раціональныхъ началахъ. „Сюда даже пріѣзжаютъ учиться хозяйству, потому что у себя дома не узнаешь и половины того, что здѣсь увидишь на каждомъ шагу. Монастырскіе огороды и сады славятся по всему сѣверу. Здѣсь, чуть-ли ни у самаго царства полярнаго полюса, ухитрились разводить въ теплицахъ арбузы, дыни и персики. Птичій дворъ и ферма, образцово содержимыя конюшни—напоминаютъ Голландію. Зимой въ громадныхъ помѣщеніяхъ кузницъ кипитъ работа, и багровые огни ярко блестятъ въ десяткахъ горнъ. Кожевня можетъ быть образцомъ такого рода заведенія для всего сѣвера. Она выпускаетъ болѣе 8,000 нерпичьихъ кожъ; кромѣ того, тутъ-же обдѣлываются тюленьи и моржовыя, оленьи и коровьи кожи. На кирпичномъ заводѣ ежегодно обжигается до 400,000 кирпича. Монахи воспользовались ручьями и обратили ихъ въ каналы, устроивъ въ одномъ мѣстѣ точильню, въ другомъ—водоподъемную машину. Два большіе острова—Соловецъ и Муксальма—соединены между собою мостомъ. Мостъ черезъ море! Мостъ, устроенный монахами! Сооруженіе, правда, грубое, но колоссальное, вѣчное, сдѣланное безъ помощи машинъ, одною ручною силою. Но верхъ искусства представляютъ собою соловецкіе доки; заграницей—и то рѣдки сооруженія болѣе прочныя и красивыя. Въ монастырѣ строятся пароходы, литографируются картины и образа; тутъ есть фотографы, финифтщики, золотильщики, ювелиры, сапожники, портные, башмачники, каменьщики, механики, скотоводы, сыровары, строители-архитекторы; тутъ есть магазины великолѣпныхъ хозяйственныхъ вещей, кладовыя, квасныя и пекарни" (Изъ очерка Вас. И. Немировича-Данченко—„Соловки"). Въ монастырь ежегодно стекается до 15,000 богомольцевъ со всѣхъ концовъ Россіи.

Таковъ этотъ сѣверный край, мѣстами бѣдный до крайней степени убожества, обездоленный Богомъ и забытый людьми, мѣстами своеобразно богатый, считающій свои естественныя богатства милліонами. Посмотримъ, какъ живется человѣку въ такомъ краю.

Населеніе Сѣвернаго края.

Сѣверный край Европейской Россіи, въ указанныхъ нами границахъ, занимаетъ обширную площадь земли въ 750,000 кв. верстъ. На этомъ громадномъ пространствѣ живетъ около 360,000 чел., т. е. въ среднемъ приходится на 2 кв. версты 1 человѣкъ. Населеніе распредѣлено весьма неравномѣрно: наиболѣе населены берега р. Двины и южные берега Бѣлаго моря; наиболѣе пустыненъ бассейнъ р. Печоры. Коренное населеніе края составляютъ корелы и, отчасти, лопари—на западѣ, самоѣды, зыряне и, отчасти, вогулы—на востокѣ. Но уже съ давнихъ поръ въ этотъ край проникли русскіе поселенцы, которые въ настоящее время представляютъ преобладающій элементъ въ краѣ (84% всего населенія). Особенно заселены русскими бассейны рр. Двины и Онеги и берега Бѣлаго моря; точно также и по лѣсамъ Западной части края немало русскихъ поселковъ; но за р. Мезенью русскіе встрѣчаются почти исключительно по берегамъ сплавныхъ рѣкъ и въ торговыхъ селеніяхъ.

Интересна исторія заселенія края русскими выходцами. Не вдаваясь въ подробности ея, укажемъ здѣсь хотя главные моменты заселенія. Уже въ самомъ началѣ русской исторіи въ лѣтописяхъ упоминается, что Новгородъ Великій, въ числѣ прочихъ своихъ земель, владѣлъ „*Обонежскою*“ пятиной. Постоянныя пререканія на вѣчѣ, недовольство господствующей партіей заставляли толпы свободолюбивыхъ новгородцевъ уходить изъ родного города и на чужой сторонѣ устраивать жизнь по своему нраву. Въ XI в. изъ вольныхъ и отважныхъ новгородцевъ на востокъ отъ Обонежья образовалась *Двинская* волость, или *Заволочье;* затѣмъ появилась волость *Печора* и *Пермская земля,* граничившая на сѣверѣ р. Вычегдою и, слѣдовательно, отчасти входящая въ теперешній сѣверный край; наконецъ, въ XIII в. уже имѣется упоминаніе, что новгородцы брали дань и на *Терскомъ* берегу Кольскаго полуострова *).

Вторымъ моментомъ въ исторіи заселенія русскими сѣвернаго края является нашествіе татаръ. Неожиданно обрушившееся на Россію, сопровождавшееся полнымъ погромомъ и разореніемъ, оно заставило русскихъ центра бѣжать въ сѣверные лѣса. Многіе изъ бѣжавшихъ погибли, другіе возвратились на родныя пепелища; но были и такіе, которые навсегда остались въ „прекрасной мати-пустынѣ“, и въ глухой тайгѣ, по берегамъ лѣсныхъ рѣчекъ образовались новые русскіе поселки.

Казни Іоанновы, окончательное разореніе Великаго Новгорода и, особенно, послѣдовавшее затѣмъ прикрѣпленіе крестьянъ послужили новымъ толчкомъ для заселенія края. Всѣ недовольные, всѣ сильные духомъ, кому личная свобода была дороже привязанности къ родной деревнѣ, бѣжали на окраины нашего отечества, гдѣ въ упорномъ трудѣ за жизнь еще болѣе закаляли свой характеръ. Такъ заселился Донъ; такъ заселился и сѣверъ. Но Донъ избаловалъ своихъ пришельцевъ, а сѣверъ закалилъ. Но болѣе обильный потокъ русскихъ людей хлынулъ на сѣверъ во времена гоненій на раскольниковъ (осо-

*) Новымъ поселенцамъ пришлось вступить въ борьбу съ мѣстнымъ населеніемъ, которое лѣтописи называютъ общимъ именемъ „чуди бѣлоглазой“. По стариннымъ мѣстнымъ преданіямъ, послѣ многократныхъ кровопролитныхъ схватокъ, „чудь“ была вся перебита. Сѣверяне и до сихъ поръ свой край считаютъ не русскимъ, а „чудскою стороною“; въ завываніяхъ вѣтра, въ шумѣ лѣса, въ глухомъ рокотѣ морскихъ волнъ суевѣрный крестьянинъ сѣвера и въ настоящее время слышитъ стонъ и рыданія „поганой чуди“.

бенно послѣ изданія противъ нихъ строгихъ законовъ 1684 и 1685 гг. и при Петрѣ В.). Здѣсь, на сѣверѣ, въ Пустозерскомъ острогѣ были заключены „великіе стоятели" раскола—прот. Аввакумъ и діаконъ Ѳеодоръ. Изъ мѣстъ своего заключенія они писали горячія посланія ко „всѣмъ вѣрнымъ", приглашали ихъ твердо стоять за „святую вѣру", а во времена гоненій — спасаться въ „прекрасную мать-пустыню". И „вѣрные", сильные духомъ, исполняли совѣтъ „учителей". Непроходимые дикіе лѣса наполнялись молельнями, скитами, мужскими и женскими монастырями. Многія мѣста „прославились" подвигами самомученичества наиболѣе рьяныхъ „ревнителей старой вѣры" *). Глухія лѣсныя тропинки, непроходимыя болота скрывали ихъ отъ взоровъ всего міра. Здѣсь, на крайнемъ сѣверѣ, возникъ знаменитый въ исторіи раскола *Выговскій* скитъ; отсюда пошелъ одинъ изъ распространеннѣйшихъ толковъ старообрядчества—толкъ *поморскій*, или *безпоповщина*. И въ настоящее время въ западной части Архангельскаго края почти половина русскаго населенія состоитъ изъ раскольниковъ.

Далѣе послѣдовали болѣе мирныя времена,—и исторія заселенія сѣвернаго края получаетъ болѣе мирный характеръ. Двинулись сюда купцы, промышленники и др. торговые люди; завязались болѣе правильныя сношенія съ центромъ Россіи; открылись торговые пункты, улучшились пути сообщенія,—и край вошелъ въ общую жизнь Россіи.

Изложенная исторія заселенія Сѣвернаго края русскими объясняетъ намъ тѣ особенности, которыя замѣчаются въ характерѣ русскаго сѣверянина. Сюда бѣжали всѣ недовольные, свободолюбивые люди, приверженцы стариннаго строя русской жизни. Сѣверъ принялъ новыхъ насельниковъ сурово: дремучіе лѣса, непроходимыя топи и болота, обиліе дикаго кровожаднаго звѣря и не менѣе дикаго кочевника, съ которыми пришлось вести долгую и упорную борьбу не на животъ, а на смерть, суровый климатъ, тощая торфяная почва заставили новыхъ поселенцевъ бросить всякую мысль о земледѣліи, какъ о главномъ источникѣ жизни. Отсутствіе какихъ бы то ни было путей сообщенія, выходъ изъ всѣхъ рѣкъ въ негостепріимный Ледовитый океанъ, полная отрѣзанность отъ всего міра—не дали возможности развиться торговлѣ, которою славился Новгородъ Великій. Уединенная жизнь въ дремучемъ лѣсу среди «чуди поганой», торжественная, хотя и томительная тишина пустыни, длинныя зимнія ночи—располагали къ патріархальности, къ крѣпкому сплоченію семьи, къ стойкому держанію старинныхъ русскихъ обычаевъ. И вотъ выработался особый типъ русскаго сѣверянина—человѣка, съ одной стороны, свободолюбиваго, «широкой натуры», смѣлаго, энергичнаго, предпріимчиваго, бодраго тѣломъ и духомъ. Старикамъ, бабамъ, дѣтямъ предоставляетъ онъ болѣе легкую работу; самъ же онъ идетъ въ море-океанъ. На утлой лодкѣ добирается сѣверянинъ и до Гурманта (Шпицбергена), и до Матки (о. Новая Земля); онъ не боится одинъ-на-одинъ съ рогатиной въ рукахъ выходить на всякаго звѣря; онъ гоняется безъ компаса и карты цѣлыя сотни верстъ по безбрежному океану на плохой шкунѣ за раненымъ китомъ; онъ и на рыбныхъ промыслахъ не любитъ сидѣть у берега съ удой и небольшой вершей, но вмѣсто этого безопаснаго способа ловли отправляется въ «голомяны» (открытое море) и забрасываетъ ярусъ *) на десятокъ верстъ, съ тыся-

*) Въ 1687 г. въ с. Березовѣ (сѣверъ Олонецкой губ.) съ нѣкіимъ Пименомъ сами себя сожгли болѣе 1,000 раскольниковъ; въ томъ-же году въ Палеостровскомъ монастырѣ (на сѣв. берегу Онежскаго озера) инокъ Игнатій сжегся съ 2,700 старообрядцами; Пустозерскъ въ устьяхъ Печоры знаменитъ многими мучениками, и т. д.

*) Ярусъ—рыболовная снасть; описано ниже.

чами крючковъ, болтается на своей шнякѣ *) по цѣлымъ суткамъ, терпитъ стужу и бури, нерѣдко безвѣстно погибаетъ—и тѣмъ не менѣе ежегодно отважно пускается въ самыя опасныя предпріятія. Кажется, онъ хотѣлъ бы вычерпать въ океанѣ всю воду до дна, выловить заразъ всю рыбу. Съ другой стороны, сѣверянинъ—это человѣкъ «добраго стараго времени». Въ самомъ дѣлѣ, вы встрѣчаете народъ саженнаго роста, съ русыми волосами, окладистой бородой, голубыми глазами, румянымъ и привѣтливымъ лицомъ; вы встрѣчаете всюду костюмы стариннаго русскаго времени,—точно предъ вами воскресаютъ бояре, боярыни и боярышни XV—XVI в.; въ селахъ вы встрѣтите тѣ-же затѣйливыя русскія постройки съ хоромами и свѣтелками, иногда—теремомъ, съ высокимъ крыльцомъ, съ узорчатыми прихотливыми рѣзными украшеніями; въ домахъ найдете тѣ же пуховики и горы подушекъ, то же старинное русское хлѣбосольство и то же «разливное море» по праздникамъ, какъ во времена древнихъ русскихъ богатырей и пировъ Владиміра—Краснаго Солнышка. И на улицѣ и въ домѣ не рѣдкость встрѣтить здѣсь столѣтняго старика или старуху, который подъ бряцанье гуслей и балалайки пропоетъ вамъ и про Илью Муромца, и про другихъ славныхъ богатырей и князей русскихъ,—пропоетъ и разскажетъ такъ, что предъ вами ярко воскреснетъ какой-нибудь древній кіевскій княжескій теремъ со всею своею старинною жизнью.

Еще недавно Петербургъ видѣлъ въ своихъ стѣнахъ этихъ «сказателей» русскихъ былинъ. Да, здѣсь и внѣшній обликъ, и нравы, и внутренній укладъ жизни стариннаго великорусскаго племени остались доселѣ въ такомъ чистомъ, неповрежденномъ видѣ, какъ нигдѣ болѣе въ Россіи. Какъ-будто бы старая Русь пришла сюда, схоронилась въ лѣсахъ отъ всего свѣта, проспала много вѣковъ— и теперь вновь открыта... для новой жизни? Посмотримъ...

Чѣмъ-же и какъ живутъ эти старинные русскіе богатыри, отрѣшенные силою судьбы отъ своего исконнаго хлѣбопашества?

Прежде чѣмъ отвѣтить на этотъ вопросъ, замѣтимъ, что условія жизни русскаго человѣка на сѣверѣ почти всюду однообразны,—почему всюду одинаковы и промыслы сѣверянъ, — и что изъ всѣхъ русскихъ поселенцевъ сѣвера наиболѣе характерными являются такъ наз. «поморы»—жители Кемскаго, Кольскаго и частью Онежскаго у. Арханг. губ., такъ что описаніе быта и нравовъ поморовъ можетъ служить общею картиною, жизнью всѣхъ вообще русскихъ сѣверянъ. Разница будетъ лишь въ томъ, что поморъ ходитъ промышлять преимущественно на Мурманъ, а жители другихъ частей Сѣвернаго края ходятъ на такіе-же промыслы на Канинъ полуостровъ, Мезенскую губу, въ устья Печоры и на близъ лежащіе острова Ледовитаго океана.

Итакъ остановимся на поморахъ.

Если вы спросите помора, чѣмъ онъ живетъ, то онъ вамъ отвѣтитъ пословицей: „море—вотъ наше поле, вотъ наша пашня". И, дѣйствительно, въ этой суровой странѣ

*) Шняка—лодка съ парусомъ.

Сѣверный край.

Постройки въ Сѣверномъ краѣ. — Типы населенія. — Раскольничья часовня въ селѣ Лексѣ.—Пѣвецъ былинъ.—Деревянныя и глиняныя издѣлія вологодскихъ кустарей.

земледѣліе немыслимо: въ короткое полярное лѣто едва дозрѣваютъ овесъ и ячмень; только на югѣ Шенкурскаго у., Архангельской губ. сѣется рожь, но ее обыкновенно не хватаетъ и для домашняго обихода. Скотоводство—другая отрасль сельскаго хозяйства, о развитіи которой на сѣверѣ заботился еще Петръ В., также возможно только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, на заливныхъ лугахъ, которыхъ на сѣверѣ не такъ много,—и то подъ силу состоятельнымъ людямъ, а не крестьянамъ: на длинную зиму для скота необходимо запасти тысячи пудовъ сѣна, а это требуетъ обширныхъ земель и массы рабочихъ рукъ. Лѣсной промыселъ находится также весь въ рукахъ у купцовъ, а прирѣчные крестьяне являются въ этомъ дѣлѣ лишь батраками и возчиками. Охотничьи лѣсные промыслы служатъ теперь больше зимнимъ развлеченіемъ и лишь нѣкоторымъ подспорьемъ хозяйству. Все-же богатство помора, вся его жизнь зависитъ отъ лова рыбы.

Нигдѣ въ Европейской Россіи нѣтъ столь богатой рыбной страны, какъ сѣверный край. И безъ того богатыя рыбой, сѣверныя рѣки и озера каждою весною переполняются морской рыбой. Рыбы идутъ стадами, иногда въ нѣсколько верстъ длины, и съ неудержимою силою устремляются къ верховьямъ рѣкъ. Въ рѣкахъ и озерахъ онѣ проводятъ все лѣто, и осенью возвращаются обратно въ океанъ. Самыми примитивными способами — путемъ рѣчныхъ заборовъ или заколовъ, сѣтями, на уду—вылавливаются милліоны пудовъ рыбы—и какой?—которая представляетъ наиболѣе цѣнныя сорта въ продажѣ, какъ семга, лососина, сигъ и пр. Но несравненно богаче сѣверныхъ рѣкъ и озеръ Ледовитый океанъ. Помимо рыбы (треска, палтусъ, сельдь, камбала и др.), онъ кишитъ морскими звѣрями: китами, моржами, тюленями, бѣлугами и пр. Ранней весной рыба направляется изъ-подъ полюса къ берегамъ материка, а за нею жалуютъ и морскіе звѣри. До чего много рыбы и какую выгоду даютъ рыбные промыслы, можно судить по слѣдующимъ даннымъ: въ сутки 4 человѣка, работая на одной шнякѣ и съ однимъ ярусомъ, обыкновенно вылавливаютъ до *1—2 тыс. пудовъ* рыбы, при хорошемъ уловѣ; если при дурномъ уловѣ рыбы вылавливается и меньше, то цѣна на нее стоитъ выше, и промышленники выручаютъ почти прежнія деньги; среднихъ размѣровъ китъ, обыкновенно, даетъ: жиру на 1,300 р., усовъ на 80 р., кожа цѣнится рублей до 20 и остальное мясо, кости и отбросы идутъ за 200 р. и т. п. При такомъ изобиліи, кажется, человѣку-бы только жить и наживаться. Но иное дѣло изобиліе, и другое—какъ имъ овладѣть. Чтобы самому отъ себя заниматься морскими рыбными промыслами, крестьянину нужно имѣть: шняку, вполнѣ оснащенную, рыболовныя снасти, свою избу на берегу Ледовитаго океана, свои боченки для посола рыбы, массу соли, очень дорогой на сѣверѣ, своихъ работниковъ, такъ какъ въ море одному пускаться невозможно, обезпечить себѣ отправленіе и сбытъ товара на рынкѣ, который находится за 1,000 в. отъ мѣста улова, имѣть своихъ сторожей, которые-бы зимою сторожили шняку, снасти, промысловую избу и т. д., и т. д. Когда перевести эти нужды на деньги, то всякому станетъ ясно, что такое хозяйство не подъ-силу не только обыкновенному, но даже и зажиточному крестьянину. И, дѣйствительно, весь морской ловъ рыбы находится въ рукахъ нѣсколькихъ архангельскихъ купцовъ-богачей. Зимою эти купцы или ихъ подрядчики являются въ поморскія села и вербуютъ „покрученниковъ", при чемъ водка играетъ не послѣднюю роль. Лѣтомъ эти-же купцы поставляютъ на Мурманъ для своихъ артелей провизію и водку въ большомъ количествѣ, и при разсчетѣ въ рукахъ „покрученниковъ" всегда оказываются жалкіе гроши, которыхъ далеко не хватаетъ до будущаго улова, что и заставляетъ покрученниковъ одолжаться у купцовъ и всю жизнь оставаться въ кабалѣ.

Теперь посмотримъ, какъ даются и какихъ трудовъ стоятъ поморамъ ихъ промыслы. Такъ какъ въ этихъ промыслахъ проходитъ вся жизнь помора и онъ здѣсь встаетъ предъ нами со всѣми своими слабостями и достоинствами, то остановимся на этомъ поподробнѣе.

...Шумитъ и бушуетъ негостепріимный Ледовитый океанъ; сильный вѣтеръ разводитъ на немъ втору *): несутъ воды ледяныя глыбы и съ яростью разбиваютъ ихъ у скалистыхъ гранитныхъ береговъ Мурмана. Пустынны и печальны эти берега. Гранитныя горы подступаютъ къ самому океану. Ихъ мрачныя темныя массы совершенно лишены растительности. Только кое-гдѣ сѣдой и бурый мохъ лѣпится по ихъ скатамъ, да еще въ расщелинахъ между горами пластами лежитъ снѣгъ, который и лѣтомъ нерѣдко не успѣваетъ стаять. Мѣстами тамъ и сямъ расположены дурно сколоченныя избушки, часто безъ крышъ, безъ оконъ, иногда окруженныя рядами крестовъ. Не думайте, чтобы въ нихъ ютились люди; на всемъ Мурманѣ зимою, до самаго послѣдняго времени, не было ни одной человѣческой души **).

*) „Втора"—на нарѣчіи поморовъ—сильное волненіе.

**) Г. Кола находится въ 70 верстахъ отъ океана; только въ послѣдніе годы привлечены на Мурманъ колонисты-финны, заложена Екатерининская гавань, открытъ китобойный заводъ, но все это ютится ближе къ границѣ Норвегіи.

Но бываетъ пора,—и берега Мурмана оживаютъ. Вотъ, послѣ долгой полярной ночи выглянуло на югѣ солнце. Все выше и выше поднимается оно, посылая на печальную землю живительные лучи свѣта и тепла. Вотъ, съ запада подулъ теплый вѣтерокъ; принесъ онъ съ собою туманъ и сырость. Повѣяло тепломъ въ воздухѣ, осѣли выпавшія зимою груды снѣга, ночной холодокъ скрѣпилъ ихъ и можно стало человѣку ходить по сугробамъ снѣга.—Февраль; масленица... Залетѣлъ теплый вѣтерокъ и дальше на югъ, въ предѣлы кемскіе и архангельскіе, — и встрепенулся поморъ, сталъ собираться въ далекій путь. Залетѣлъ вѣтерокъ съ Гольфштрема и далеко на сѣверъ—и, странное дѣло, почуяло дыханіе его все множество рыбъ, скрывающихся отъ хищника-человѣка въ приполярныхъ водахъ. И рыбы, по неизвѣданному закону, поднялись съ своихъ логовищъ, плывутъ громадными стаями къ берегамъ Мурмана и дальше, въ заливы Бѣлаго моря, въ устья порожистыхъ мурманскихъ и бѣломорскихъ рѣкъ. Почуяло сердце помора ходъ рыбы, и собирается онъ въ артели, чтобъ достойно встрѣтить желанныхъ гостей. А тутъ кстати является и благодѣтель-купецъ: и водкой поитъ, и снасти даетъ, и въ пути-дорогѣ провіантъ на свой счетъ ставитъ, и семью обѣщаетъ не забыть, если Господь Богъ того... съ кѣмъ грѣха не бываетъ! Эхъ! нужно помору ѣсть-пить, дѣтей на ноги поставить—и идетъ онъ къ купцу въ покрученники... Собираются покрученники въ одну артель, выбираютъ себѣ старшо́го-бывалаго человѣка и ведетъ онъ ихъ вѣрнымъ шагомъ къ далекому пустынному Мурману.

Ни пути, ни дороги... Смотрятъ на солнце, смотрятъ на звѣзды, смотрятъ на рубцы по деревьямъ, на кресты, разсѣянные тамъ и сямъ. Вотъ тутъ въ прошломъ году ровъ былъ: хорошо помнитъ старшой! Не тутъ-то было: бѣлая поляна снѣга, гладкая, какъ скатерть, разстилается на версты кругомъ. Идти прямо?.. Вотъ здѣсь не было горы, а теперь стоитъ. Что это — вновь явленная гора, или снѣгу намстало?.. Вотъ здѣсь ущелье было: хорошо было имъ идти, прямехонько выводило къ морю. А теперь стоитъ непрерывная цѣпь горъ...

— Что, ребятушки, прямо-ль идти, иль въ обходъ?

— Чего тутъ, — кричитъ артель: веди прямо—все короче будетъ.

И идутъ. Тонкая кора талаго и подмерзшаго снѣга выгибается, хруститъ подъ тяжестью человѣческихъ тѣлъ и саней, нагруженныхъ провизіей и снастями. Но что это за крикъ позади?

— Экъ, Василій, угораздило же тебя!

И десятки артельщиковъ бросаются къ ямѣ и съ великими усиліями вытаскиваютъ Василія. Засыпался снѣгъ за его малицу *), попалъ въ бахилы **) и струится холодными струйками по вспотѣвшему тѣлу несчастнаго покрученника. „Ничего, согрѣюсь", думаетъ Василій; „вотъ разомнусь, пробѣгу".

Короткій день догораетъ. Алая, какъ кровь, заря посылаетъ послѣдніе свои лучи; загораются звѣзды; спалъ теплый западный вѣтеръ; замѣтно похолодѣло... Морозъ будетъ!.. И, дѣйствительно, въ этой странѣ быстрый переходъ отъ тепла къ холоду не рѣдкость. Подуетъ вмѣсто западнаго, сѣверо-восточный вѣтеръ—и послѣ $+1-2^{\circ}$ морозъ стукнетъ подъ -30°. А стихнувшій вѣтеръ, дѣйствительно, подулъ съ далекаго холоднаго сѣвера.

— Ну, ребятушки, запахнись теплѣй, ну, скорѣй впередъ, недалеко и ночлегъ будетъ!

И покрученники желаютъ прибавить шагу, да силъ нѣтъ: измучились они за день. А вѣтеръ все крѣпчаетъ и крѣпчаетъ. Позади всѣхъ плетется Василій. Мокрыя его малица и бахилы коробомъ сдѣлались; холодный вѣтеръ свободно гуляетъ по его тѣлу; зубъ на зубъ у бѣдняги не попадаетъ. Пробѣжать бы... Куда! ноги, какъ колоды, ноютъ, болятъ, еле двигаются.

Но вотъ среди лѣса что-то зачернѣло... Въ буквальномъ смыслѣ избушка на курьихъ ножкахъ, въ $2^1/_2$ арш. высоты, съ грудой камня посреди, вмѣсто печи, безъ пола, крыши и оконъ, съ нарами вокругъ стѣнъ. Снѣгъ на половину засыпалъ ее снаружи, забрался внутрь, лежитъ кучами по угламъ и нарамъ, изъ всякой щели дуетъ вѣтеръ... Это—„станція" для покрученниковъ. Кто ее построилъ, на какой картѣ она обозначена, какое правительство или лицо ассигнуетъ деньги на ея содержаніе? На эти вопросы нѣтъ отвѣта. Но, я думаю, ни одинъ пассажиръ, на какихъ бы онъ „долгихъ" ни ѣхалъ, не бываетъ такъ радъ теплому и уютному станціонному дому, какъ усталые, холодные и голодные покрученники своей „ночевкѣ". Всѣ пріободрились, прибавили шагу—въ мигъ темная конура переполнилась жильцами. Времени терять нечего: вотъ въ лѣсу раздается стукъ топора,—наскоро готовятъ дрова; вотъ лопатами отрываютъ дверь въ избушку, выгребаютъ кое-какъ снѣгъ изъ нея; третьи складываютъ удобнѣй камни очага, остальные развязываютъ провизію, подвѣшиваютъ общій котелъ. Скоро засвѣтился огонекъ, раздувае-

*) Малица—одежда изъ кожи, мѣхомъ наружу.
**) Бахилы—мѣховые сапоги.

мый вѣтромъ изъ угольевъ. Затрещали сырыя дрова, наполнили дымомъ всю комнату. 30 человѣкъ жмутся къ огню, по очереди суша свою одежду и отогрѣвая озябшіе члены. Пошелъ паръ отъ мокрой овчины и другой кожи, и атмосфера насытилась всевозможными запахами. Но вотъ закипѣло въ котлѣ. Быстро окончили поморы свой скудный завтракъ, обѣдъ и ужинъ — все вмѣстѣ, поправили одежду, затянули трубки махорки и моха — и куда дѣвалась усталость, холодъ и всѣ заботы! Посыпались остроты, смѣхъ, разговоры; каждый зналъ не одну исторію и спѣшилъ ее разсказать товарищамъ. Зуйки *) шныряли и усердно потчевали другъ друга подзатыльниками.

— Ну, будетъ, пора и спать, путь предстоитъ еще длинный! — приказываетъ старшой.

Степенно выходятъ поморы вонъ, обращаются лицомъ на востокъ, смотрятъ на далекія звѣзды; слышатся глубокіе вздохи, подымаются руки вверхъ и съ словами: „о, Господи милостивый“ крестятъ поморы свои широкія груди. И подхватываетъ эти вздохи сѣверный вѣтеръ, обвѣвая всѣхъ холоднымъ дыханіемъ... Возвратились поморы въ хату, подбросили на ночь огня, размѣстились на нарахъ, подъ ними, на голомъ полу, обратившемся въ грязное тѣсто отъ оттаявшей земли, понакрыли себя всѣмъ тряпьемъ, что имѣли у себя, поприжались тѣснѣе другъ къ другу — и скоро мѣрный, могучій храпъ соперничалъ по силѣ звука съ завываніями вѣтра. Иногда, среди этого храпа, слышался какъ будто стонъ... Но вѣдь, это, конечно, вѣтеръ воетъ въ щеляхъ!..

Темная полярная ночь еще далеко не прошла, а уже старшой поднялся. Вышелъ, покрестился на востокъ, посмотрѣлъ на звѣзды и принялся будить покрученниковъ.

— Ну, ребятушки, вставай, пора, собирай сани и въ путь-дорогу!

И подымаются всклокоченныя головы, разминаются покрученники, плотнѣе затягиваютъ свои одежды. Огонь на очагѣ давно потухъ, и въ хатѣ свободно гулялъ холодный вѣтеръ. Вышли, помолились на востокъ, стали въ очередь—не досчитались одного Василія.

— Что-жъ ты, товарищъ! Вставай, идемъ!

Раскрываетъ Василій воспаленные глаза, хочетъ поднять горячую голову, — словно свинцомъ она налита; хочетъ двинуть рукою, ногою— отказались служить, проклятыя; хочетъ сказать — зубъ-на-зубъ не попадаетъ... А холодный вѣтеръ пронизываетъ насквозь больного...

— Нѣтъ ужъ... куда мнѣ... не судилъ Богъ, — лепечетъ Василій: — бросьте... ступайте!.. Охъ, не забудьте моихъ... дѣти малыя... несмышленыя... Дайте имъ... на ноги подняться...

— Не забудемъ, не безпокойсь,—какъ-то неувѣренно, глухо говоритъ толпа.—Не бось, Вася: мы тебѣ дровецъ нанесемъ, огонь разведемъ, хлѣбца оставимъ. Согрѣешься, братъ, на ноги станешь, поѣшь,— а тамъ и другая артель подойдетъ: съ ними, братъ, къ намъ-то и причалишь. А не то лопь **) прикочуетъ, возьметъ съ собой, — отойдешь... Не безпокойсь!..

И торопливо приносятся дрова, разводится огонь, оставляется малая часть провизіи... Да, на далекихъ окраинахъ сѣвера суровая жизнь выработала суровые законы. Заболѣвшій въ пути товарищъ оставляется... И въ самомъ дѣлѣ, какъ это ни жестоко, но дѣйствительно ничѣмъ нельзя помочь. Остаться ждать выздоровленія?.. Да развѣ можно выздоровѣть отъ воспаленія въ вонючей, дырявой избѣ?! Передать для выздоровленія въ какую-нибудь семью въ первой деревушкѣ?.. Гдѣ эта семья и деревушка, когда на всемъ Мурманѣ люди только кочуютъ на сотни верстъ другъ отъ друга. Взять съ собою?.. Что же, на морозѣ легче больному будетъ?.. И больного бросаютъ.

— Прощайте, товарищи!.. Счастливо вамъ... Не забудьте семьи...

Мрачные, унылые выходятъ покрученники на дорогу. Не слышно разговоровъ, смѣха, пѣсни, которой бодрятъ себя усталые люди; даже зуйки не шалятъ и чинно идутъ за взрослыми. Но вотъ остановился старшой: „Что-жъ, братцы, нужно по христіанскому“... Ничего не прибавилъ старый, но всѣ поняли его мысли. Мигомъ сколотили высокій крестъ, разбросали снѣгъ, вскопали лопатами мерзлую землю—и памятникъ невѣдомому бѣдняку въ невѣдомой странѣ готовъ. Постояли покрученники, посняли свои шапки, покрестились, старшой громко произнесъ: „упокой, Господи, душу раба Твоего Василія“—и медленно, уныло побрелъ дальше. За нимъ послѣдовала и вся артель...

Но неужели же больные окончательно обречены на погибель? Нѣтъ, конечно, правила безъ исключеній. Подоспѣетъ другая, третья артель; найдетъ невзначай лопь; могучая натура пересилитъ болѣзнь,— и мнимый покойникъ, хотя и поздно, но является къ нелюдимымъ берегамъ Ледовитаго моря. Но это бываетъ такъ рѣдко, что о такихъ случаяхъ разсказываютъ по всему Мурману, какъ о чудѣ. Въ громадномъ же большинствѣ больные помираютъ. Но и это еще не все. Въ лѣсахъ сѣвера водится много волковъ. Чуютъ звѣри проходъ покрученниковъ, чуютъ

*) Зуекъ—подростокъ 12—16 лѣтъ.

**) Лопь—лопари.

Сѣверный край.

1) Промышленникъ изъ Пустозерска. — 2) Поморы-мезенцы. — 3) Двинской рыбакъ.— 4) Онежская крестьянка на ловлѣ корюшки. — 5) Онежская дѣвушка въ подвѣнечномъ платьѣ.—6) Крестьянка изъ окр. г. Архангельска.—7) Кольскія поморки.—8) Кемлянки.— 9) Ловецъ жемчуга.—10) Перловица.—11) Нерпа.—12) Треска.

и возможность добычи себѣ, — и въ почтительномъ отдаленіи слѣдуютъ за артелью... И нерѣдко слѣдующая артель находила на „станціи“ обглоданныя человѣческія кости...

По всему прямому пути отъ Кандалакши до далекихъ Еретиковъ, Ары-губы, Уры-губы, Териберки и другихъ становищъ покрученниковъ стоятъ по лѣсамъ темные, высокіе, безымянные кресты... По истинѣ, это „крестный“ путь...

. . . .

А покрученные все идутъ и идутъ. Пройдетъ не одинъ день, пронесется не одна снѣжная метель, не разъ смѣнятся тепло и морозъ,—пока они достигнутъ сѣверной оконечности озера Имандры. Здѣсь не далеко, въ урочищѣ Массельгѣ, ожидаютъ покрученниковъ кочующіе лопари и предлагаютъ имъ свои Кережки *) и оленей. Истомились ноги, износилась обувь, а впереди горы и кручи пошли. И мчатъ покрученниковъ **) сѣверные олони черезъ горы и пропасти, по болотамъ и озерамъ,—пока, наконецъ, съ вершины безвѣстнаго холма на далекомъ горизонтѣ покажутся холодные валы Ледовитаго моря.

Но вотъ и пріѣхали. По старинному русскому обычаю, первымъ дѣломъ должно быть богомоленье. Здѣсь мы позволимъ себѣ сдѣлать выписку изъ прекраснаго этюда Вас. И. Немировича-Данченко — „Мурманская страда“, лично наблюдавшаго эту страду.

„По ненадежному насту губы старые кормщики отправились въ часовню. За ними повалили, кому свободно. Передъ темными ликами ветхихъ, полуистертыхъ иконъ и мѣдныхъ складней загорѣлись восковыя свѣчи, принесенныя за тысячу верстъ, изъ поморскихъ захолустій. Трепетное, тусклое сіяніе выхватываетъ изъ мрака сѣрыя, морщинистыя лица, влажныя бороды и сгорбившіяся спины. Шепотъ молитвы. Опускаются всклокоченныя бороды, широко взмахиваютъ руки. „Господи“,—точно стонетъ что-то въ углу, и высокая сухая фигура опускается на колѣни, творя земной поклонъ. Порою слышится скрипъ дверей—новыя сѣрыя фигуры вдвигаются въ полумракъ часовни. Порывъ вѣтра въ выбитое окно тушитъ свѣчи. Злобный вой бури заглушаетъ тогда всѣ звуки... Но вотъ ее отнесло въ сторону. „Помяни рабовъ Твоихъ и пошли имъ вѣчную память!“— слышится тогда изъ угла. Это старый кормщикъ Митрій молится за тѣхъ товарищей, что, не дойдя до становища, залегли въ снѣга холодной Лапландіи... И еще ниже клонятся головы, и глубже вздохи...“

Помолившись, принялись за дѣло. Нужно очищать становище, нужно приводить въ порядокъ шняки и рыболовныя снасти. Становище—это рядъ лачугъ, невѣдомо когда поставленныхъ у наиболѣе удобныхъ заливовъ Ледовитаго океана. Сдѣланныя наскоро, лачуги эти мало чѣмъ отличаются отъ вышеописанныхъ поморскихъ „станцій“. На двухъ квадратныхъ саженяхъ ютится здѣсь во весь промыселъ десятка два-три народу; ютится, впрочемъ, по ночамъ, такъ какъ весь день проходитъ въ работѣ на морѣ, а въ праздникъ — въ безшабашномъ разгулѣ. Грязь и „духъ“ въ лачугахъ нестерпимыя; но до грязи нѣтъ дѣла поморамъ: что же они, бабы что-ли, чтобы полы мыть? А что до „духа“, то, кажется, органъ обонянія у нашего простолюдина — особаго устройства... Въ настоящее время на Мурманскомъ берегу имѣется до 40 становищъ и въ нихъ насчитывается до 1,000 лачугъ. Но далеко не всѣ становища посѣщаются ежегодно промышленниками. Зависитъ это отъ хода рыбы: иногда главная ея масса идетъ ближе къ берегамъ Норвегіи, иногда проходитъ возлѣ Св. Носа. Покрученники, число которыхъ на Мурманѣ ежегодно простирается до 3,000, скопляются, конечно, въ мѣстахъ наибольшаго хода рыбы, почему и приходится ихъ на каждую избу человѣкъ по 25—30.

Между тѣмъ, прибывали все новыя и новыя артели покрученниковъ, и, наконецъ, становище наполнилось. Послѣ первыхъ дней встрѣчи, разспросовъ, отдыха — наступило время приниматься и за работу: пошла цѣлыми тучами треска, палтусъ и другая жирная рыба. Пора выбирать старосту на все время лова.

„Еще чайки спали въ выбоинахъ утесовъ, еще сѣрая мгла лежала въ ущельяхъ, а народъ уже засуетился изъ избы въ избу. Зуйки поминутно поднимали гвалтъ, мѣшаясь подъ ногами промышленниковъ, щедро раздававшихъ имъ затрещины. Всѣ принарядились во что получше; откуда появилась на свѣтъ Божій водка во всѣхъ станахъ. Народъ собирался кучками, шли оживленные толки, подымалась уже перебранка между горланами разныхъ партій. Дѣло шло о выборѣ старосты—единственной власти въ безначальныхъ становищахъ Мурмана. Въ этой должности сосредоточивались всѣ обязанности судебно-полицейской власти. Онъ смотрѣлъ за порядкомъ, рѣшалъ споры на основаніи обычнаго права, высылалъ промышленниковъ на работу, блюлъ хозяйскіе интересы, объяснялся съ пріѣзжими чиновниками. Староста долженъ былъ пользоваться громаднымъ вліяніемъ на толпу, иначе власть его, ничѣмъ и никѣмъ не поддерживаемая, оказывалась бы номинальной. Всякая артель

*) Кережки—сани-одиночки съ „болкомъ“—крытымъ верхомъ позади.
**) Многіе, впрочемъ, идутъ пѣшкомъ до самыхъ становищъ.

старалась выдвинуть въ старосты своего коршика, потому со своимъ все повольготнѣе — спуску дастъ, отъ лишней тяготы освободитъ. Опять-же по старостѣ и артели честь...

Выбрали мѣсто поповаднѣй. Кое-кто прикрикнулъ на зуйковъ, чтобы не шалили; въ толпѣ прошелъ глухой говоръ.

— Такъ какъ-же, промышленнички, кого богоданнаго выбирать-то?

— У кого горло шире, да барахла больше...

— Ладно...

— Давайте ладомъ, хрещеные, надо по душѣ, какъ, значитъ, по Божьему... Лучше Ивана Митрича намъ и не требуется...

— У твоего Митрича рожа-то на три становища вышла, а носъ-то въ четвертое упирается.

Митричъ, бывшій тутъ-же, только сплюнулъ въ сторону да отошелъ подальше.

Въ сторонѣ особо совѣщались коршики.

— Вотъ что, хрещеные, будемъ говорить по совѣсти, по душѣ,—сладко началъ приземистый поморъ съ острыми, безпокойно бѣгавшими глазками.—По совѣсти дѣло чище выйдетъ... Всѣ мы, братцы, одного лова радѣтели, тягота наша всѣмъ, поди, тяжела... Надо намъ, хрещеные, старосту грамотнаго, чтобы онъ, этотъ самый староста, антерецъ нашъ блюсти могъ. Чтобы онъ всякую болецкую нужду зналъ и съ чиновникомъ могъ поговорить, и у хозяевъ бы руку имѣлъ. Чего ужъ, значитъ, лучше намъ, какъ...

— Андрея Василича твово?..

— А хоша-бы его — парень бойкій, ловецъ первый, вся Норвегъ знаетъ его.

— Что говорить, первый плутъ...

— Братцы,—еще слаще заговорилъ ораторъ, — намъ такого и нужно. Пусть онъ и плутъ, да для нашего антересу плутуетъ — и ладно!.. Что вонъ керетскій Иванъ Ѳомичъ, человѣкъ честный во всѣхъ статьяхъ, а намъ онъ не ладенъ... Нашего грѣха не покроетъ...

— Ишь, сколь много грѣховъ у тебя набралось, забоялся...

— Грѣхи у всякаго, братцы...

— Что его слушать; ишь, самъ языкомъ чешетъ, а хвостомъ слѣдъ заметаетъ... Насъ, братъ, не оболванишь: не впервой мурманщиками считаемся...

— Я, братцы, съ васъ воли не снимаю, я только міру порадѣть хотѣлъ...

— Ишь ты, радѣтель какой! Совсѣмъ человѣкъ божественный! Все объ мірѣ помышляетъ!

И пошла брань. Ораторъ, сбитый на всѣмъ пунктахъ, отошелъ на задній планъ.

— Ивана Мартыныча!—орали въ одномъ.

— У твоего Ивана тетка на всю Оленницу ославилась.

— Вотъ что, братцы, — выступилъ старый кормщикъ,—возьмемъ мы Мартьяна..,

— Это Мостовикова-то? Какой онъ староста,—съ норвецкаго рома валяется по недѣлямъ...

Коршики отошли въ сторону и опять стали совѣтъ держать, пока не спѣлись; порѣшивъ на выборѣ одного изъ нихъ,—отошли въ сторону и сѣли на камняхъ: пускай-де горланы угомонятся!

А горланы теперь точно чайки разсыпались, чуть не съ кулаками лѣзутъ другъ на друга.

— Митрія!..

— Демьяна Прудникова!

— Къ чорту Прудникова!.. Емельянъ съ Умбы—вотъ староста...

— Мало у себя проворовался твой Емельянъ.

— Семенъ Никитича!

— Пузо у него толсто очень, въ хозяева смотритъ.

— Ивана Саввича, братцы...

— Кирилла Евстигнѣева!

— Морозова!

— Все племя Морозовское испоконъ вѣка хозяйскую руку держало!..

Такъ шло часа два или три. Наконецъ, покрученники стали утомляться; горланы орали потише, кто посмирнѣй—отошелъ къ коршикамъ. Немного спустя почти вся сходка собралась вокругъ послѣднихъ. Тогда только поднялись коршики и предложили толпѣ своего кандидата.

— Оно точно, что Матвѣй Митричъ человѣкъ поштенный, человѣкъ настоящій, а только махонькій онъ, уваженья не будутъ имѣть къ нему. Опять же онъ на языкъ слабъ...

— Ну, такъ выбирайте Гриднева...

— Гриднева, ладно... Человѣкъ душевный...

— Гриднева, братцы! — пронеслось по всему становищу.—Чего лучше... Настоящій староста будетъ, міру радѣтель.

— Гриднева, Гриднева!..

Десятки рукъ потянулись впередъ, вся толпа скомкалась въ одну свалку и, спустя одно мгновеніе, надъ нею уже качался, подбрасываемый на „уру“, громадный, толстый промышленникъ съ сѣдою бородой и умнымъ окладомъ чисто-новгородскаго лица.

— Полегче, ребятушки, полегче!—убѣждалъ онъ толпу.

— Ладно, Семенъ Василичъ. Брюхо-то старостѣ промять требуется. Чтобы чувствовалъ, а то величаться надъ нами станешь, тогда тебя не осилѣешь... Ну-ко-ся еще! Баско выходитъ!..

— Ослобоните, братцы! — взмолился избранный.

— Ну, нѣтъ, ваше степенство, по всей правилѣ надыть...

И пошелъ будущій староста перелетать съ одного конца толпы на другой. И трудноже пришлось Гридневу! Нѣсколько разъ онъ взлеталъ вверхъ ногами, плашмя, растопыривъ руки носился по воздуху; промышленники втихомолку хватали его за бороду, шиворотъ остался въ рукахъ у одного, у другого болталась пола отъ его кафтана.

— Батюшки, отцы!—взмолился тотъ.

— Какое, Семенъ Василичъ! Ты нашъ таперича отецъ, а мы—твои дѣти, не обидь насъ, бѣдныхъ, не величайся, не томи насъ!— И несчастный „отецъ" взлеталъ въ воздухъ, пока не потерялъ терпѣнія и не сталъ ругаться.

— Ну, вотъ теперь настоящій староста, и заговорилъ-то по-старостиному...

Этимъ еще церемонія избранія не кончилась. Гриднева ждало много столь-же привлекательныхъ чествованій.

Старосту опустили внизъ, но тотчасъ-же захватили подъ руки двое сильныхъ парней, чтобы онъ не удралъ куда-нибудь.

— Теперь вали по станамъ величать старосту.

— Братцы, да хоша передышать дайте!

Тотъ-же конвой усадилъ старосту и самъ сѣлъ рядомъ. Толпа съ хохотомъ разсѣялась по избамъ. Оттуда загрохотали крики, пѣсни, водка полилась рѣкой.

— Вотъ что, ловцы, пустите-ко меня, не вмоготу!..—хитрилъ староста.

— Такъ и пустили!..—смѣялись парни.— Таперича тебя пусти, такъ ты верстовъ за двадцать отъ нашего величанья вдаришься. Нѣтъ, правилу нужно сполнить по обычаю. Самъ потомъ ругаться станешь, что дѣло не по закону справили,

Гридневъ только вздохнулъ. Старосту трое ловцовъ взвалили на плечи и поволокли къ ближайшему стану.

— Эй, ребята!.. Отворяй ворота вашему степенству!..

Двери отворились. Гриднева вволокли въ избу. Тотъ было хотѣлъ юркнуть въ сторону, да куда! нѣсколько рукъ такъ и впились въ него.

— Нѣшто это хорошо!.. Ну, Семенъ Василичъ, долгіе тебѣ годы!..

И коршикъ, главный въ этомъ станѣ, поднесъ старостѣ стаканъ водки. Только-что Гридневъ выпилъ его, какъ на него опрокинули ведро съ помоями.

— Будь намъ отцомъ роднымъ!..

— Помни наши наставленія!

И промышленникъ обдалъ его съ другой стороны холодною, какъ ледъ, водою.

— Не величайся, мы тебя выбрали, мы тебя и снять можемъ!.. Наша воля...

По обычаю, староста долженъ былъ благодарить и кланяться. Гридневъ такъ и дѣлалъ. Наконецъ, вторая смѣна парней, уже изъ другого стана, подхватила его на плечи и поволокла къ себѣ; тамъ та же исторія: водка, помои.

— Завтра ты, поди, приструнишь насъ, а нонѣ мы надъ тобой покуражимся.

И такъ изъ стана въ станъ на новыхъ смѣнахъ двуногихъ троекъ. Наконецъ, Гридневъ самъ опьянѣлъ и вошелъ во вкусъ церемоніи.

— Ужли-жъ я эфтаго не чувствую!—сокрушался онъ, когда его обливали всякою нечистью и лицо ему смолой мазали. — Да разрази меня Царица небесная! Голубчики, слуга я вамъ по гробъ моей жизни... Потому понимаю, какова это честь...

— Ты и чувствуй любовь нашу!—И новое ведро съ помоями опрокидывалось на него...

— Мы къ тебѣ всей душой...

Наконецъ, Гридневъ допился до безчувствія. Его, какъ пластъ, свалили въ послѣдней избѣ просыпаться до слѣдующаго утра, когда онъ вступитъ уже во всѣ свои права и выгонитъ ловцовъ на промыселъ" (Нем.-Данченко, „Мурм. страда").

Мы выписали всю эту статейку, находя ее довольно характерной для обрисовки нравовъ поморовъ—дикихъ и необузданныхъ. Эти выборы старосты не напоминаютъ-ли намъ со всею яркостію древнее Новгородское вѣче со всѣмъ его безшабашнымъ гвалтомъ, спорами и драками?..

Но вотъ, наконецъ, всѣ церемоніи окончены, водка вся выпита, и староста выгоняетъ покрученниковъ на работу. Обыкновенно, на каждой шнякѣ выѣзжаютъ четверо: коршикъ—въ родѣ старшого, человѣкъ, уже бывалый и опытный, — весельщикъ, тяглецъ, на обязанности котораго лежитъ забрасываніе и вытягиваніе яруса, и наживодчикъ, наживляющій крючки наживкою— мелкою рыбою или морскими червями и ракушками. Въ роли наживодчика часто выступаетъ зуекъ—подростокъ 12 — 16 лѣтъ. Отъѣхавъ отъ берега на 15 — 40 верстъ, смотря по мѣсту хода рыбной стаи, тяглецъ забрасываетъ ярусъ. Ярусъ—это длинная бичева длиною 5—10 верстъ, на которой, на саженномъ разстояніи другъ отъ друга, привязываются веревки длиною въ $1^1/_2$—2 аршина, оканчивающіяся крючками, съ наживкою. Число крючковъ на ярусѣ, такимъ образомъ, достигаетъ нѣсколькихъ тысячъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ яруса прикрѣпляются „маховки„ — жерди съ привязаннымъ наверху пукомъ соломы или прутьевъ, замѣняющія поплавки и указывающія направленіе въ водѣ яруса. Какъ много расходуется рыболовныхъ крючковъ на Мурманѣ, видно уже изъ того, что, несмотря на полную исправность всѣхъ снастей въ началѣ улова, въ теченіи лѣта на Мурманѣ продается до

$1^1/_2$ милліоновъ крючковъ. Особенное значеніе въ ловѣ рыбы имѣетъ наживка. Треска лучше всего идетъ на мойву — небольшую, очень жирную рыбку, похожую на корюшку. Иногда мойва идетъ такою густою сѣтью. что чайки свободно ходятъ въ водѣ по ихъ спинамъ, а на лодкѣ невозможно бываетъ и проѣхать черезъ нее. Но иногда она совсѣмъ не приходитъ къ берегамъ Мурмана— и тогда промышленникамъ приходится жутко, такъ какъ на другую мелкую рыбу— песчанку, или на морского червя и ракушекъ рыба не такъ жадно набрасывается. Часовъ черезъ 6 послѣ забрасыванія ярусъ вынимается изъ воды и здѣсь начинается усиленная работа по снятію съ крючковъ рыбы, по наживленію вновь крючковъ и новомъ забрасываніи яруса. Обыкновенно на ярусъ ловится треска, палтусъ, пикшуй, зубатка, сайда, камбала; рѣдко другія породы рыбъ. Поздно вечеромъ нагруженныя до-верха шняки возвращаются въ становища.

Не смотря на видимую простоту и безъискусственность Мурманскаго рыбнаго промысла, промыселъ этотъ крайне тяжелъ. Количество людей въ шнякѣ — прямо въ обрѣзъ: у всѣхъ работы полны руки. Размотать многоверстный ярусъ съ тысячью крючковъ, не перепутавъ эти крючки между собою, наживить эти тысячи крючковъ, ровно забросить въ волнующееся море ярусъ, снять рыбу—все это требуетъ большой ловкости, расторопности и умѣнья. Туманы, льды, холодные морскіе вѣтры заставляютъ дрожать отъ холода бѣдныхъ покрученниковъ во время 6-ти часового перерыва между забрасываніемъ яруса и вытаскиваніемъ его. При снятіи рыбы крючки то и дѣло царапаютъ руки, а морская соленая вода разъѣдаетъ эти, хотя и пустыя, но свѣжія раны и причиняетъ большую боль. Весь промыселъ въ морѣ длится 10—12 час.; но, возвратившись въ становища, работа для покрученниковъ далеко еще не оканчивается. Выловленную рыбу нужно немедленно солить,—иначе она испортится. Разсчетливые хозяева для посола рыбы обыкновенно не нанимаютъ особыхъ лицъ, а поручаютъ соленіе тѣмъ-же коршику, тяглецу, весельщику и наживодчику. И вотъ, на берегу закипаетъ работа: одинъ отрѣзаетъ у рыбъ головы, другой потрошитъ, третій слегка солитъ, такъ какъ соль на Мурманѣ очень дорога, четвертый складываетъ рыбу въ бочки или прямо кладетъ рядами на землю. Разумѣется, усталые и голодные покрученники производятъ посолъ кое-какъ, лишь-бы поскорѣе окончить работу и отдохнуть. Рыба не моется, потрошится на-скоро, кости не вынимаются, посолъ бываетъ самый слабый. Немудрено, что она загниваетъ уже на мѣстѣ лова, много теряетъ въ цѣнѣ и спросъ на сѣверную рыбу внутрь Россіи и за границу далеко не такъ великъ, какъ бы могъ бы быть. У насъ, напр., въ Россіи гораздо болѣе въ ходу Донская и Волжская рыба, чѣмъ бѣломорская, хотя сѣверъ гораздо обильнѣе рыбой сравнительно съ югомъ. Вотъ нѣкоторыя среднія цѣны на рыбу за послѣднее десятилѣтіе на Мурманѣ: треска шла за пудъ отъ 40 коп. до 1 р., пикшуй—10—40 коп., зубатка—15—35 коп., сайда—10—30 коп., палтусъ—1 р.—1 р. 80 коп., тресковая печень, изъ которой добываютъ извѣстный „рыбій жиръ“—60 к.—1 р. 20 к. (изъ 100 пуд. трески получается около 10 п. печени, изъ которой добывается до 5 пуд. жира *). Но къ этому нужно прибавить, что, по крайней мѣрѣ, половина выловленной рыбы загниваетъ и, слѣдовательно, пропадаетъ даромъ.

Усталые покрученники спѣшатъ окончить свою работу, чтобы скорѣе отогрѣться и поразмяться въ избѣ. Имъ некогда, да и не признаютъ они необходимымъ, — выбросить въ море всѣ рыбные отбросы, потроха, головы. И вотъ, валяются на берегу цѣлыя груды этихъ отбросовъ, гніютъ и заражаютъ воздухъ страшнымъ зловоніемъ. Это зловоніе и заводящіеся въ кучахъ черви и всякая нечисть—одно изъ громадныхъ золъ Мурмана. Такимъ же зломъ являются и избы становищъ. Эти домики содержатъ не болѣе 3—4 куб. саж. воздуха, а между тѣмъ въ нихъ ютятся 20—30 человѣкъ. Здѣсь же сушится одежда, рыболовныя снасти, приготовляется пища и т. п. При такихъ неблагопріятныхъ санитарныхъ условіяхъ, тяжеломъ трудѣ, однообразной рыбной пищѣ безъ всякихъ приправъ изъ овощей или кореньевъ, часто даже безъ хлѣба, при суровомъ климатѣ съ рѣзкими перемѣнами погоды въ началѣ весны, промышленниковъ очень легко поражаютъ различныя болѣзни, среди которыхъ цынга и тифъ занимаютъ первое мѣсто. При полномъ отсутствіи всякой помощи, болѣзни эти почти всегда оканчиваются смертью промышленниковъ. Но есть и другой злѣйшій врагъ у промышленниковъ — это штормы на Ледовитомъ океанѣ. Океанъ этотъ принадлежитъ къ числу наиболѣе бурныхъ. Не владѣя никакими метеорологическими данными, промышленники выѣзжаютъ на ловъ ежедневно, не взирая ни на какую погоду, и штормъ застигаетъ ихъ въ океанѣ всегда неожиданно, треплетъ тщедушную шняку, бросаетъ ее изъ стороны въ сторону, иногда заноситъ далеко вглубь океана на вѣрную голодную смерть промышленниковъ, иногда съ яростью разбиваетъ шняки о подводные камни и скалистые утесы Мур-

*) Энгельгардтъ А. П.—„Русскій сѣверъ“, Спб., 1897, стр. 104—105.

мана. Ни одинъ годъ не проходитъ благополучно для промышленниковъ и у нихъ даже сложилось суевѣрное повѣрье, что за выловленную рыбу океанъ требуетъ себѣ человѣческихъ жертвъ. Въ страшную бурю 1894 г. разбито 34 поморскихъ судна, при чемъ погибло 52 человѣка. И такія человѣческія гекатомбы не рѣдкость! Пріѣзжаютъ послѣ такой „вторы" покрученники, пересчитаютъ шняки, видятъ, что „Антоновы не вернулись", „Митрича не видать чтой-то" и т. д., — и на пустынномъ далекомъ Мурманѣ выростаетъ рядъ крестовъ. Не правда ли, тяжелъ этотъ далекій Мурманскій берегъ съ своими видами на ряды голыхъ скалъ вперемежку съ рядами крестовъ?..

Но вотъ проходитъ сырая, перемѣнчивая весна и наступаетъ полярное лѣто. Солнце кружитъ по небу, вовсе не заходя. Благодаря обилію свѣта и, пожалуй, тепла *), въ долинахъ, обращенныхъ на югъ, поспѣваетъ множество морошки и черники; попадаются иногда и грибы. Къ этому времени Бѣлое море вполнѣ освобождается ото льда и изъ Архангельска являются пароходы съ хлѣбомъ и всякой провизіей. Промыселъ становится легче, веселѣе. Въ это время наѣзжаютъ и купцы — провѣдать, какъ идетъ работа у ихъ покрученниковъ. Не можемъ не привести здѣсь сцены встрѣчи хозяина съ своими рабочими. (Немировичъ-Данченко, „Мурм. страда").

...„Отъ шкуны отдѣлился челнокъ и досдавилъ на берегъ толстаго одутловатаго помора, который, казалось, едва переступалъ отъ сознанія своей важности и величія.

— Митрію Иванычу!.. Каково Господь тебя донесъ?.. Давно ли изъ домика своего? А мы, признаться, стосковались о тебѣ... Чтой-то хозяина не видно, думаемъ?

— Спасибо, ребятушки... Каковы ловы нынѣ?

— Ловы нынѣ, надо прямо говорить, хорошіе. Рыбки, слава Господу, море уродило. Тоже и безъ вторы не обошлось...

— Поди шняку разбило? Эко, черти проклятые! — взбѣсился было хозяинъ.

— Не шняку... како шняка, шняки-то всѣ цѣлы.

— Ну, ярусъ испортили, дьяволы...

— И яруса твои цѣлы... А вотъ Блажной, зналъ его?

— Знаю, какъ не знать... Самый неспособный ловецъ...

— И зуекъ тоже одинъ, Андрюшко... потонули...

— А я, прости Господи, думалъ шняку испортили. Вы со шняками, смотри, осторожнѣй будь. Боже упаси, чего-бы не случилось. Шняка-то, вѣдь, сколько заплачена!.. Съ ярусомъ тоже половчѣй: денегъ онъ стоитъ... А что Блажного, да Андрюшку въ море снесло, на то Божья воля... Ловы тому не причины... А со шнякой да ярусомъ пообходительнѣй... Ловите, значитъ, все какъ слѣдоваетъ.

— Да ужъ сколько штабелей налажено. Три скеи соленой рыбки заполонено.

— То-то!.. потруждайтесь, ребятушки! А максу **) топили.

— Дни, самъ знаешь, какіе стоятъ: не вытопишь; а только накладено много.

— То-то, не упускайте!.. Ловите!.. А я вамъ тоже вотъ водки приволокъ... На артель 10 бутылокъ жертвую. Вы только этого не чувствуете...

— Мы-ли твою милость не чувствуемъ?!.. Д-ды, Господи! Ежели, то-ись... — умилялись покрученники, прослышавъ о водкѣ.

— У меня милостевъ много, — смягчался хозяинъ. — У меня сколько хошь милостевъ!

— Ужь для тебя мы всей душой. Во какъ! То-ись какъ ты для насъ, такъ и мы!..

Появилась водка и на первый же день промышленники перепились до гадости. А тамъ уже выгрузилъ хозяинъ новую водку, только та уже пошла на деньги или въ долгъ. Прогуливали ловцы будущіе паи свои и еще пуще за водку влѣзали въ кабалу къ хозяину, продававшему зелье за тройныя цѣны. Дня три простоялъ хозяинъ, а на четвертый ушелъ въ Норвегію, пообѣщавъ привезти оттуда съ собою „поболѣе рома норвецкаго"...

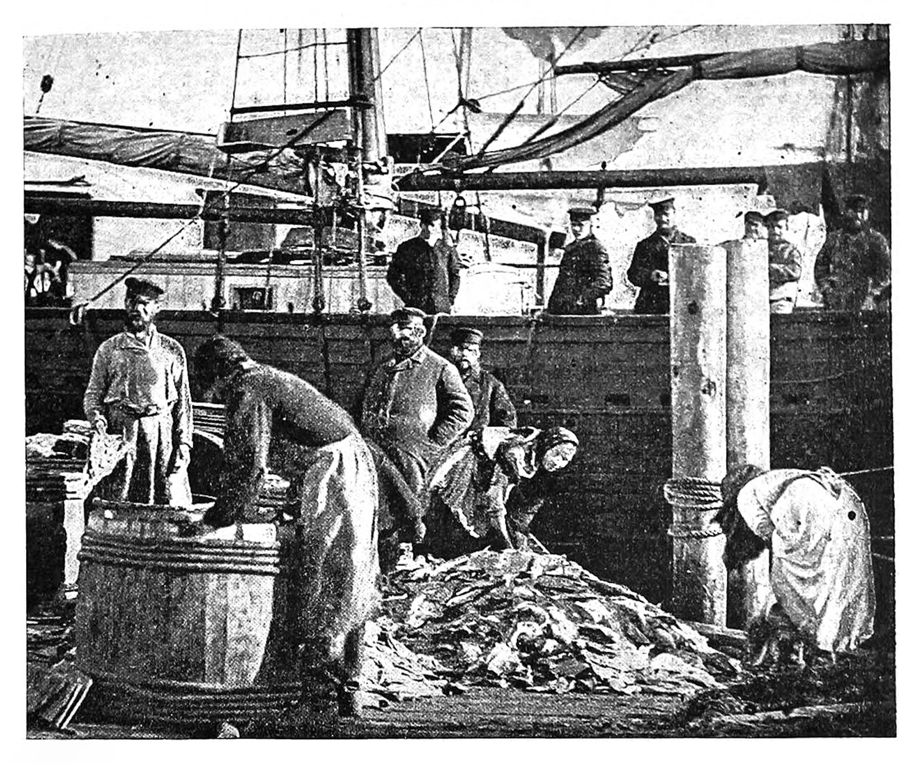
— Только ловите... И въ праздникъ, коли промыселъ боекъ, ловите... Потому Богъ это любитъ, ежели то-ись труждаетесь!.."

Но вотъ и лѣту конецъ, и осенніе туманы стали все чаще и чаще окутывать берега Мурмана. Пора кончать промыселъ, получать разсчетъ, отправляться къ роднымъ семьямъ. Наѣзжаютъ изъ Архангельска много кораблей, забираютъ рыбы и отвозятъ ее то въ Архангельскъ, на Маргаритинскую ярмарку, то въ Норвегію, то въ Петербургъ ***). Получаютъ свои паи промышленники и кружнымъ путемъ, черезъ поморскія села, возвращаются домой. Интересно знать, каковы-же размѣры мурманскаго промысла и сколько достается покрученникамъ за ихъ почти семимѣсячные труды (съ марта до половины сентября)? Въ 1894 г. прибывшими поморами было добыто 564,147 п. рыбы и 52,377 п. жиру, всего на сумму, по оцѣнкѣ на мѣстѣ, 277,439 р. Этотъ уловъ считается у поморовъ бѣднымъ. 1895 годъ былъ обильнѣе по ходу рыбы и въ этомъ году покрученниками (1993 чел.) было добыто рыбы 783,221 пуд.

*) Средняя температура лѣта на Мурманѣ = 8,95°R.

**) Макса или воюкса — рыбья печень, изъ которой вытапливается жиръ.

***) Въ Петербургъ, впрочемъ, рыба идетъ чаще по зимнему пути на лошадяхъ.



Перегрузка трески на Мурманѣ.

и жиру—24,726 пуд., на сумму 426,985 р. *). По размѣрамъ улова и по стоявшимъ въ 1895 г. цѣнамъ на рыбу, годъ этотъ можно признать среднимъ. Условія хозяевъ съ покрученниками съ давнихъ поръ установились слѣдующія: каждая шняка, т. е. четыре ловца, получаетъ треть добычи; хозяину—остальное, т. е. $^{2}/_{3}$ добычи. Свою треть покрученники дѣлятъ между собою нѣсколько не по-ровну, но коршику удѣляется нѣсколько большая часть, зуйку — вдвое меньшая, чѣмъ взрослому ловцу. Принявъ уловъ 1895 года за средній, мы получаемъ на долю судохозяевъ (642 чел.)—284,656$^{2}/_{3}$ рубля (по оцѣнкѣ на мѣстѣ; свезенная въ Архангельскъ рыба поднимается въ цѣнѣ почти вдвое) и на долю рабочихъ (1993 чел. — 142,328$^{1}/_{3}$ р.), т. е. въ среднемъ около 71 р. 50 к. на каждаго. Но и этотъ ничтожный заработокъ, обыкновенно, никогда не попадаетъ въ руки покрученниковъ полностію; даже больше,—случаются иногда такія оказіи, что при разсчетѣ самъ же покрученникъ остается въ долгу у судохозяина! Чтобы читатель не уличалъ насъ въ пристрастіи, приведемъ отзывъ такого компетентнаго лица, какъ нынѣшній архангельскій губернаторъ А. П. Энгельгардтъ, въ пристрастіи коего къ покрученникамъ, конечно, заподозрить нельзя. На стр. 100 своей книги „Русскій Сѣверъ“ (изд. 1897 г.) онъ говоритъ: „Судохозяинъ, задолго до начала промысла, зимою, условившись съ покрученникомъ, снабжаетъ его всякими припасами, какъ для его самого, такъ и для его семьи, и всѣмъ необходимымъ на промыслѣ. По окончаніи промысла производится разсчетъ: изъ части, причитающейся на долю покрученника, удерживается стоимость забраннаго, причемъ, какъ за товаръ, такъ и за уловъ, хозяинъ устанавливаетъ цѣну по своему произволу. Въ концѣ концовъ, въ большинствѣ случаевъ, оказывается, что промышленникъ не только ничего не получаетъ на руки, а остается еще въ долгу у хозяина“. Переходящая изъ года въ годъ задолженность промышленниковъ хозяевамъ служитъ при-

*) Энгельгардтъ, А. П.—„Русскій Сѣверъ“, 1897 г., стр. 105.

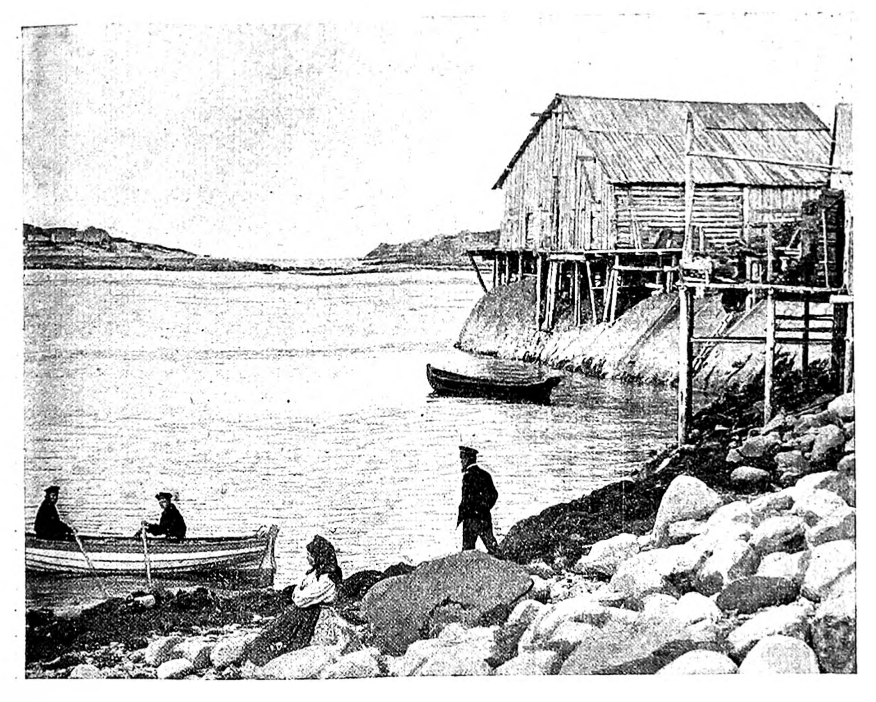
чиною тому, что покрученники не выходятъ изъ кабалы во всю свою жизнь и покрутъ переходитъ по наслѣдству отъ отцовъ къ дѣтямъ. Не видавъ крѣпостного ига, поморы не избѣжали иного закрѣпощенія, отъ котораго едва-ли въ состояніи освободиться собственными силами. Зато въ бѣдной, по обычному представленію, Архангельской губерніи насчитывается немало милліонеровъ-купцовъ.

Но и тѣхъ изъ покрученниковъ, которые получили на-руки часть своего заработка, ожидаютъ въ обратномъ пути немалыя искушенія. Послѣ семимѣсячной отлучки, каждый спѣшитъ домой: но всякому хочется явиться не съ пустыми руками, а принести женѣ и дѣтямъ подарки. И вотъ, покрученникъ возвращается въ родное село не прежнимъ прямымъ и пустыннымъ путемъ, а чрезъ многолюдныя и торговыя села. Въ этихъ селахъ также ждутъ прохода промышленниковъ, чувствуютъ въ карманахъ ихъ деньги, припасаютъ всякаго товара заманчиваго, а еще больше водки и сѣвернаго „норвецкаго рома"—этихъ величайшихъ враговъ русскаго сѣвера. Можно представить себѣ, въ какомъ видѣ возвращаются покрученники въ родныя семьи на зимній отдыхъ до будущей страды?..

Опустѣлъ Мурманъ. Наглухо забиты становища. Ниже опускаются темныя, осеннія тучи. Хмурое небо, хмурое море. Завываетъ вѣтеръ въ ущельяхъ, разбиваются волны о скалы, шатаются кресты на берегу. Дикая, угрюмая, безлюдная пустыня гонитъ все живое отъ себя. Пронзительный крикъ чайки... гдѣ-то отозвалась другая... третья... И опять шумъ моря!..

Не красна, какъ видимъ, жизнь поморовъ, забытыхъ и предоставленныхъ собственнымъ силамъ. Но въ послѣднее время, благодаря, главнымъ образомъ, печати, о поморахъ заговорили, ими стало интересоваться общество, стало интересоваться и правительство,—и для поморовъ уже теперь кое-что устроено. Такъ, въ 1896 г. учрежденно постоянное, въ опредѣленные сроки, Архангельско-Мурманское пароходство, съ пособіемъ отъ казны въ 250,000 руб. Пароходы еженедѣльно прибываютъ къ Мурману и отходятъ отъ него. Благодаря имъ, поморы получили возможность имѣть нѣкоторыя сношенія съ своими семьями—и уже въ 1898 г. на Мурманѣ продано было почтовыхъ марокъ на 200 р. Каждый пароходъ отвозилъ не мало денежныхъ пакетовъ въ родныя семьи и это значительно повліяло на сокращеніе пьянства. Явилась возможность получать постоянно и по сравнительно низкой цѣнѣ свѣжій провіантъ, что въ значительной степени и съ хорошей стороны отразилось на санитарной сторонѣ промысловъ. Большую пользу оказываетъ посылаемый съ недавнихъ поръ отрядъ Краснаго Креста, ежегодно командируемый мѣстнымъ отдѣломъ изъ Архангельска и состоящій изъ одного врача, трехъ приглашенныхъ на лѣто студентовъ-медиковъ 5 курса, фельдшеровъ и 6 сестеръ милосердія. Они живутъ въ трехъ отдѣльныхъ пунктахъ, гдѣ для стаціонарныхъ больныхъ имѣются больнички, а въ становищѣ Териберкѣ устраивается постоянная больница. Отрядъ завоевалъ симпатіи промышленниковъ и, можно сказать съ полною увѣренностью,—спасъ не одну сотню жизней. Проведенный между становищами телеграфъ, которымъ пользуются не только купцы, но и рабочіе, даетъ возможность быстро и точно знать, въ какомъ мѣстѣ наибольшее количество рыбы, гдѣ можно достать наживку и т. п., вопросы весьма важные для мурманскаго рыболовства. Соль, весьма важный продуктъ для Мурмана, нерѣдко стоила дороже, чѣмъ рыба. Поэтому въ 1893 г. разрѣшено устроить на Мурманѣ нѣсколько казенныхъ соляныхъ складовъ. Одинъ изъ нихъ уже дѣйствуетъ въ Териберкѣ и теперь цѣна на соль упала до 20—40 к. за пудъ. Наконецъ, подъ руководствомъ зоолога академіи наукъ Н. М. Книповича снаряжена на сѣверъ научная экспедиція, изысканія каковой имѣютъ несомнѣнное значеніе и для промысловъ. Такъ, на обязанности этой экспедиціи лежитъ, между прочимъ, научное рѣшеніе такихъ практическихъ вопросовъ, какъ вопросы о томъ, гдѣ, на какой глубинѣ, въ какомъ разстояніи отъ берега и въ какое время года можетъ ловиться та или другая рыба. Теперь ловъ рыбы производится только съ ранней весны до половины лѣта и на разстояніи 10—30 верстъ отъ берега. Между тѣмъ экспедиціей Книповича было установлено, что, напр., лѣтомъ 1898 г. не попадавшаяся у берега треска въ громадномъ количествѣ залегала за 100 и болѣе верстъ отъ береговъ.

И Мурманъ начинаетъ оживать, начинаетъ просыпаться послѣ тяжелаго, долгаго сна къ той жизни, которая искони указана ему природой. Въ Терберкѣ, напр., купецъ Мерзлютинъ строитъ особую пристань, соляной скадъ на 100,000 пуд., складъ угля и казарму—болѣе удобную, чѣмъ становища—для рабочихъ на нѣсколько сотъ человѣкъ. Купецъ Савинъ заводитъ пароходъ для перевозки главной наживки—мойвы, устраиваетъ для нея особые садки и предполагаетъ даже искусственно замораживать мойву, чтобы сохранить ее на то время года, когда она отходитъ въ океанъ. Если опыты удадутся, то поморскіе промыслы можно будетъ продлить до глубокой осени. На Іоканскихъ островахъ, противъ св. Носа, устраивается тюленій заводъ; въ становищѣ Еретикахъ возобновилъ



Становище Еретики на Мурманѣ.

свои дѣйствія китобойный заводъ Гебеля; на Мурманъ стремятся переселенцы...

Тѣмъ не менѣе, остается еще многаго пожелать, многое сдѣлать... Первымъ дѣломъ нужно бы помочь поморамъ освободиться отъ „покрута"—этой крѣпостной зависимости отъ кулаковъ. Правда, въ этомъ направленіи сдѣланъ шагъ, но шагъ не полный, не повлекшій за собою существеннаго измѣненія дѣла. Именно, по Высочайшему повелѣнію 18 марта 1886 г. было разрѣшено выдавать поморамъ ссуды на обзаведеніе самостоятельныхъ артелей, въ размѣрѣ 430 р. на артель, промышляющую на шнякѣ, и 215 р. на артель, промышляющую на нѣсколько меньшемъ карбасѣ. Однако, до 1894 г. ссудами воспользовалось только 74 артели, а въ настоящее время ихъ осталось менѣе 10; остальныя распались и оказались несостоятельными. Это странное, на первый взглядъ, явленіе объясняется весьма просто; дѣло въ томъ, что шняка съ снастями стоитъ больше 1,000 руб. и, взявъ у казны 430 р., артель остальныя деньги занимаетъ у того же купца-кулака подъ громадные проценты и входитъ въ непосильные для себя долги. Затѣмъ не мѣшало бы облегчить поморамъ-покрученникамъ и путь-дорогу на далекій Мурманъ. Давно уже говорятъ о сѣверной желѣзной дорогѣ изъ Петербурга на Петрозаводскъ и Кемь и, быть можетъ, и далѣе—на Колу. Къ сожалѣнію, объ этой дорогѣ пока еще только говорятъ. Но если желѣзная дорога—дѣло отдаленнаго будущаго, то ужели нельзя придумать чего-нибудь попроще, чтобы промышленникъ и въ XX вѣкѣ не утопалъ въ снѣгу, не погибалъ больной горячкою, среди пустыни, растерзываемый стаей голодныхъ волковъ?.. И затѣмъ еще—развѣ нельзя устроить, чтобы тотъ же отчаянный покрученникъ не гибъ безъ вѣсти во время нерѣдкихъ жестокихъ бурь, не умиралъ голодной смертью, несомый на одинокой льдинѣ по волнамъ безбрежнаго океана?.. Правда, и здѣсь нужно оговориться, что еще съ 1885 г. въ распоряженіи кольскаго исправника имѣется особый пароходъ „Мурманъ", на обязанности котораго лежитъ, между прочимъ, и спасеніе рыбопромышленниковъ во время бури; но это именно—между прочимъ. Въ самомъ дѣлѣ, помимо указанной задачи, на „Мурманъ" возложены еще слѣдующія обязанности: пароходъ этотъ долженъ ограждать наши промыслы отъ иностранцевъ, сообщать своевременно о ходѣ рыбы и наживки, перевозить чиновниковъ

и служащихъ изъ одного становища въ другое, доставлять въ больнички „Краснаго Креста" больныхъ, перевозить преступниковъ, преслѣдовать продажу крѣпкихъ напитковъ, исполнять вообще всѣ порученія и распоряженія архангельскаго губернатора. При такомъ положеніи вещей трудно ожидать, чтобы „Мурманъ" могъ, въ болѣе или менѣе значительной степени, оказать существенную помощь промышленникамъ. Къ тому же онъ далеко не мудрое судно, и пускаться въ открытое море, да еще въ бурю, на выручку покрученникамъ на немъ опасно...

Отъ желанныхъ мѣропріятій, лично для рабочаго люда, перейдемъ и къ тому, что нужно бы сдѣлать вообще для развитія и оживленія промысла. Крайне необходимо учрежденіе практической школы рыбнаго хозяйства, гдѣ бы поморъ могъ научиться усовершенствованнымъ способамъ ловли рыбы и морского звѣря, улучшеннымъ способамъ консервированія рыбы и постройкѣ и оснасткѣ судовъ. Въ способахъ ловли рыбы сосѣдніе норвежцы далеко опередили поморовъ, а единственно практикуемый у поморовъ способъ консервированія рыбы—засолъ ея—производится такъ небрежно и плохо, что вполнѣ обезцѣниваетъ и товаръ, и труды. Этимъ объясняется, напримѣръ, что, несмотря на свое богатство сельдью, мы платимъ Норвегіи большія деньги за ту же сельдь, которая ловится у береговъ нашего Мурмана. Свѣжая или хорошо консервированная треска не имѣетъ никакого запаха и представляетъ изъ себя питательное, вкусное и даже пикантное блюдо; но въ „обработкѣ" поморовъ она получаетъ отвратительный запахъ и ее можетъ ѣсть развѣ только непритязательный сѣверянинъ. Безъ сомнѣнія, мурманскіе консервы были бы гораздо лучше черноморскихъ скумбріи, кефали и т. п. Нѣтъ только знаній и опыта для приготовленія ихъ. Поморская шняка—типъ судна, который выработанъ 300 лѣтъ тому назадъ. Она открыта, заливается волнами и легко перевертывается, на ней нельзя выѣхать далѣе 30 верстъ отъ берега и потому покрученникамъ приходится сидѣть безъ дѣла, если рыба проходитъ дальше указаннаго разстоянія. Въ сосѣдней Норвегіи давно уже перешли къ крытымъ судамъ, глубоко сидящимъ и способнымъ выдерживать болѣе сильныя волненія. Правда, норвежская шкуна, и стоитъ дороже нашей шняки, но зато быстро возвращаетъ потраченныя на нее деньги. Но гдѣ же и какъ научится поморъ строить лучшія суда, если, кромѣ прадѣдовскихъ шнякъ, онъ ничего нигдѣ не видалъ? Безъ спеціальной школы здѣсь не обойтись. Впрочемъ, и вообще школы нужны помору: только путемъ настоящаго просвѣщенія можно бороться съ пьянствомъ и многими другими язвами Мурмана. „Больше свѣту, больше свѣту"—и не такъ страшна станетъ та долгая ночь, которая окутываетъ наши приполярныя окраины...

Но если о Мурманѣ вспомнили, заговорили, если можно питать увѣренность въ лучшемъ будущемъ этого края, то о другомъ, не менѣе важномъ промыслѣ поморовъ какъ-то усиленно замалчивается. Мы говоримъ о ловлѣ морскихъ звѣрей—тюленей, китовъ, акулъ, моржей, отчасти бѣлыхъ медвѣдей и т. п.,—на каковой ловъ ежегодно отправляется въ разныя страны не менѣе 3—4 тысячъ промышленниковъ, преимущественно изъ русскихъ и отчасти самоѣдовъ и зырянъ. Размѣры этого промысла ничуть не уступаютъ, и при настоящемъ положеніи вещей, размѣрамъ мурманскаго рыболовства; а при нѣкоторой организаціи дѣла, конечно, получили бы еще большее развитіе. Какъ центромъ рыбной ловли служитъ Мурманъ, такъ главнымъ пунктомъ охоты на морского звѣря служатъ неприглядные берега Мезенской губы и Кулойскаго залива *), хотя и по всему побережью Ледовитаго океана, и на близлежащихъ островахъ морскіе звѣри водятся въ изобиліи. На Мурманѣ гранитъ и бурное ото льда море; въ устьяхъ Мезени граница тундры и ледовитые „припаи" къ берегамъ. Въ то же самое время, какъ и на Мурманѣ,—въ половинѣ февраля, спѣшатъ поморы изъ Архангельскаго и Мезенскаго уѣздовъ къ Мезенской губѣ со всѣми тѣми же дорожными приключеніями, какія мы видѣли на Мурманѣ. Тотъ же покрутъ царитъ и здѣсь, причемъ онъ принимаетъ особенно некрасивую форму по отношенію къ покрученникамъ изъ самоѣдовъ. Этимъ простодушнымъ и честнымъ дикарямъ слишкомъ дорого обходится зырянская водка. На берегахъ Мезенскаго залива бьютъ преимущественно разнаго рода тюленей. Вѣтромъ прибиваетъ къ материку носящійся въ океанѣ ледъ, который образуетъ возлѣ берега такъ называемый „торосъ", не сплошную льдину, а цѣлыя тысячи ихъ, прилегающія другъ къ другу. На этотъ торосъ въ февралѣ мѣсяцѣ собираются тюлени и производятъ здѣсь дѣтей. Новорожденные въ продолженіе 3—4 мѣсяцевъ не могутъ плавать, и потому сердобольные родители остаются возлѣ нихъ на льдинахъ. Своимъ теплымъ дыханіемъ они продѣлываютъ во льду отверстія, чрезъ которыя и уходятъ въ воду при малѣйшей опасности. Тюлени очень любятъ

*) Въ 1898 г. правленіемъ Московско-Ярославско-Архангельской жел. дороги сдѣланы изысканія по проведенію вѣтви отъ Архангельска къ устьямъ Кулоя. Изысканія дали благопріятные результаты, но когда будетъ приступлено къ постройкѣ этой вѣтви—неизвѣстно.

грѣться на солнцѣ и, лежа на льду, протаиваютъ себѣ какъ бы корыта, въ которыхъ и нѣжатся рядомъ съ своею семьею. Вотъ такія-то идиллическія минуты и на руку промышленникамъ. Съ соблюденіемъ всевозможной тишины, крадутся они съ винтовками въ рукахъ, стараясь заходить противъ вѣтра, чтобы опасливый звѣрь не услышалъ никакого шороха. За собой тянутъ промышленники лодку на полозьяхъ, служащую имъ какъ для переѣзда чрезъ полыньи между льдинами, такъ и для доставки на берегъ убитаго звѣря. Подойдя на ружейный выстрѣлъ, охотники дѣлаютъ залпъ по тюленямъ. Обыкновенно, тюлени не боятся треска ружейнаго выстрѣла, принимая его, вѣроятно, за шумъ отъ столкновенія и разлома льдинъ, и тѣмъ даютъ возможность охотникамъ заряжать свои ружья вновь и вновь—до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, звѣрь не запримѣтитъ человѣка, послѣ чего моментально скрывается чрезъ свои отдушины въ воду. Тюлени—очень неопасный звѣрь, и промыселъ на нихъ совсѣмъ не хитрый; тѣмъ не менѣе, не одна поморская жизнь находитъ себѣ конецъ, ужасный конецъ, на этихъ промыслахъ. Дѣло въ томъ, что ледъ у берега—наносный ледъ къ „припаю"— ни къ берегу не припаявшійся, ни между собою не смерзнувшійся. Полыньи встрѣчаются здѣсь на каждомъ почти шагу, и льдины гуляютъ во всѣ стороны по волѣ вѣтра. Пока вѣтеръ дуетъ съ океана, то все обстоитъ благополучно; но если онъ подуетъ отъ берега, то несетъ льдины въ открытый океанъ, откуда на лодкѣ промышленника до берега не доплывешь. Случается такъ, что вѣтеръ среди дня измѣнитъ свое направленіе: пошли промышленники при какомъ-нибудь нордѣ, прошли уже и десятки верстъ, увлеклись боемъ звѣря, а тутъ вдругъ налетѣлъ зюдъ-остъ. Тогда бѣда; спѣшатъ охотники къ своимъ лодкамъ, спѣшатъ вернуться на берегъ, но уже поздно. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ прежде была полынья, оказывается уже цѣлый проливъ между льдинами на версту. Переплывъ, бѣгутъ по новой льдинѣ—и опять широкая полынья. И чѣмъ дальше бѣгутъ промышленники, чѣмъ больше они устаютъ, тѣмъ полыньи становятся все шире и шире, и лодка теряетъ всякое значеніе. И вотъ, на послѣдней льдинѣ человѣкъ съ тоскою смотритъ въ сторону земли: передъ нимъ коварное, бурное море, а берегъ исчезъ, — какъ будто его и не было! Южный вѣтеръ несетъ льдину все дальше и дальше и остается только сложить руки и ждать голодной смерти... Да, если на Мурманѣ есть хоть комедія спасательной станціи—пароходъ „Мурманъ", то на далекой Мезени и этой комедіи нѣтъ. Какія чувства приходится переживать невольному пловцу на льдинѣ, съ тоскою считающему дни и ночи своего путешествія, проглядѣвшаго всѣ свои глаза въ надеждѣ увидѣть какое-нибудь судно, идущее на Матку, какой-нибудь клочекъ земли? Можно-ли надѣяться на спасеніе? Все зависитъ здѣсь отъ слѣпого случая: бывало, снимали съ льдинъ; бывало и такъ, что снимали людей, которые не выносили тяжелыхъ испытаній своего путешествія и на-вѣки бредили имъ; но чаще въ лѣтописяхъ Мезени значатся безъ вѣсти пропавшие, чаще къ берегамъ далекой Новой Земли прибивало льдины съ безжизненными мертвецами. И на Новой Землѣ, и въ Мезенскомъ заливѣ появлялись новые кресты...

„Третій день уже носимся мы на утломъ обломкѣ ледяной глыбы по этому дикому, безпріютному морю. Утромъ на океанѣ загораются алыя зори, весь неоглядный просторъ неизвѣстно откуда и куда несущихся валовъ обливается ровнымъ розовымъ свѣтомъ, а земли — ни впереди, ни позади! Напрасно воспаленный взглядъ мой приковывается къ синей чертѣ едва замѣтнаго горизонта. Увы! Повсюду одна величавая гладь, одно мертвое молчаніе,—пустыня безъ конца, безъ края. Подымается яркое холодное солнце. Словно расплавленное серебро, горятъ неровные гребни медленно подступающихъ волнъ; съ тихимъ рокотомъ они вздымаютъ и опускаютъ нашу льдину и уносятъ въ синюю даль, въ ту смутную, недостижимую даль, гдѣ, чернѣя надъ клокочущей бездной, сурово возвышаются острыя скалы и могучіе утесы сѣвернаго побережья... И снова тишь. Порою сверкнетъ въ лазури безоблачнаго неба бѣлое крыло арктической птицы, сверкнетъ и утонетъ въ безконечномъ просторѣ. Вотъ кончился коро̀ткій полярный день. Въ недосягаемой вышинѣ вспыхнула блѣдно-зеленоватая звѣзда... другая... третья... Повсюду разлился едва мерцающій свѣтъ... А волны все бѣгутъ и бѣгутъ, однѣ за другими, унося насъ въ невѣдомую даль. Гдѣ конецъ этой пустыни, гдѣ берега этого полярнаго моря?

Сегодня мы раздѣлили послѣдній запасъ соленаго мяса. У насъ остается нѣсколько кусковъ хлѣба, пригоршня соли да немного воды. Что будетъ завтра, послѣзавтра, если нашу льдину не сотретъ этими вѣчными, мѣрно вздымающимися волнами. Ни слова. Всѣ молчатъ. Бѣдный старикъ-охотникъ и день, и ночь молится Богу, съ тоскою глядя въ неподвижное небо. Онъ выплакалъ всѣ свои слезы—и сухіе воспаленные глаза его какъ будто допрашиваютъ у Провидѣнія, куда Оно ведетъ насъ этими загадочными путями. Другой, молодой парень, только недѣлю тому назадъ простившійся съ своею невѣстою, лежитъ навзничь, охвативъ руками свою кудрявую голову, и замеръ безъ движенія. Лохматый песъ жмется ко мнѣ и жалобно воетъ, словно я самъ не слабѣе его въ эту минуту. О, безконечная ночь, когда же ты

кончишься? Я въ изнеможенiи закрылъ глаза и забылся...

— Тонемъ! — словно громовой раскатъ раздался надо мною. Я просыпаюсь и вскакиваю: громадный валъ чуть было не разбилъ ледяную глыбу.

— О, Господи! — слышна молитва старика,—простри десницу Твою надъ нами, яви силу Твою, Господи!..

...На востокѣ чуть брежжетъ. Первые лучи разсвѣта проникли и въ наши измученные глаза. Легче дышется, больше вѣрится въ возможность спасенія. Опять неподвижные глядимъ мы въ эту синюю даль, не мелькнетъ-ли гдѣ едва замѣтная черта пустыннаго острова, посѣщаемаго норвежцами и нашими промышленниками, не забѣлѣется-ли, словно крыло одинокой чайки, парусъ поморской шхуны. Но нигдѣ — ни земли, ни паруса. И опять въ тупомъ отчаяніи, какъ приговоренные къ смерти, ложимся мы, завернувшись въ скоробившіеся отъ холода совики. Стараешься ни о чемъ не думать, но назойливыя, темныя мысли сами лѣзутъ въ голову. А воспоминанія, одно ярче другого, такъ и вьются вокругъ моего ледяного изголовья... Чувствомъ жгучей тоски отзываются эти воспоминанія въ моемъ сердцѣ, и картины, одна лучезарнѣе другой, подымаются передо мною. Всѣ пережитые дни, всѣ пережитыя ночи!..

— Земля, земля!—вдругъ не своимъ голосомъ закричалъ старикъ. Изсохшая, слабая рука его протянулась впередъ, глаза не отрывались отъ далекаго горизонта, на которомъ туманно рисовались какія-то неопредѣленныя очертанія. И всѣ только что испытанныя ощущенія, всѣ муки и страданія забыты. Прошлое, казалось, отошло въ недосягаемую даль, настоящаго не существовало; только одно будущее неотразимо манило насъ къ себѣ. Каково бы ни было это будущее, мы съ трепетомъ радости и надежды ожидали его. Что встрѣтитъ насъ на этомъ туманномъ клочкѣ материка—суровыя, гранитныя скалы, сѣрая голь безплодной земли, или уединенное промысловое становище китобоевъ? Что намъ за дѣло! Мы могли попасть въ лапы голодной семьи откуевъ (бѣлыхъ медвѣдей), могли умереть съ голоду,—да не все-ли равно, о Боже, лишь бы избавиться отъ этой проклятой ледяной глыбы, лишь бы оставить ее колеблющуюся, постоянно омываемую волнами дикаго моря поверхность.

— Гляди, отнесетъ!— предупредилъ парень.

— Нѣ... къ матерой прямь ладитъ! — отвѣтилъ ему зорко глядѣвшій вдаль старикъ.

Благодатный берегъ быстро выросталъ передъ нами. Края его ширились, и ширились очертанія его вершинъ. Никто изъ насъ не отрывался отъ этого далекаго оазиса, гдѣ конецъ нашимъ страданіямъ и скитальчеству. Каждый создавалъ себѣ картину, мало-по-малу, опредѣлявшагося острова.

— Хорошо, коли становье есть. Избы поди чай цѣлы.

— Двадцать лѣтъ по морю хожу, а этого острова не видалъ. Матка не Матка и не Колгуй-островъ!—раздумчиво повторялъ старикъ, пристально вглядываясь туда.

— Что это зеленѣетъ на немъ,— словно лѣса бы?

Мы еще пристальнѣе стали всматриваться въ туманную даль спасительнаго берега. Сердце билось часто и сильно, грудь высоко подымалась, въ каждомъ росла нервная сила. Парень уже свернулъ свой совикъ, чтобы не мѣшалъ на случай, если бы пришлось плыть до берега. Только одна собака по-прежнему безнадежно выла, оглядывая море и небо и прижимаясь къ намъ.

— Гляди, братцы, — отчаянно крикнулъ старикъ: край-отъ, край-отъ! — Мы замерли отъ ужаса. Одна изъ береговыхъ окраинъ медленно поднялась на небо и расползлась по немъ сѣрою тучкой. Скоро и весь благодатный край, тихо вздымаясь, повисъ надъ синевою моря.

— Туча, Господи!—простоналъ парень.

Увы! передъ нами снова ширился однообразный, пустынный просторъ. Только жемчужная тучка, отливаясь подъ лучами солнца перламутровымъ блескомъ, тихо неслась по лазури чистаго неба, вытягиваясь и охватывая его своею прозрачною дымкой... Мы недвижно стояли на краю ледяной глыбы. Ни мысли, ни сознанія!..

— Помирать, братцы, пора пришла! — простоналъ старикъ.

...И опять полярная ночь. Опять по небу заходили сполохи, а мы все плывемъ, да плывемъ въ непроглядную даль. Вчера мы раздѣлили послѣдній хлѣбъ и выпили послѣднюю воду. Теперь голодъ и жажда. Каждый изъ насъ лежитъ неподвижно, завернувшись въ свой совикъ. Ни искры надежды! Кажется, это море безконечно.

Мимо насъ проплыла акула. У самой льдины она граціозно повернулась животомъ вверхъ и могучимъ хвостомъ подбросила цѣлую тучу брызгъ и пѣны. Но потомъ, чувствуя добычу, она вновь подплыла къ намъ и уставилась своими зеленоватыми, бездонными глазами.

...Сегодня небо покрыто тучами, сѣрое, сѣрое—низко виситъ оно надъ нами, и море стало такимъ же сумрачнымъ, точно свинцовымъ.

— Ночь будетъ темна,—прохрипѣлъ старикъ.—Великъ Твой гнѣвъ, Господи! Но безмѣрны и преступленія мои передъ Тобой!

„Помѣшался",—промелькнуло у меня въ головѣ.

— Пора братья мои, каяться: не будетъ вамъ спасенія, пока я съ вами.

— Ложись, дядя! — угрюмо проворчалъ парень.

— Не бось, въ своемъ еще умѣ. Великій я грѣшникъ, товарищи, за меня Господь и васъ неповинныхъ караетъ. Лучше жъ мнѣ одному пропасть — можетъ исполнится мѣра святого гнѣва Его—и пошлетъ Онъ къ вамъ ангела-избавителя. Слушайте, братцы... Давно это было, а и до тѣхъ поръ еще душу, словно могильный камень, давитъ это дѣло злое.

И старикъ со всею искренностью, не щадя себя, разсказалъ, какъ онъ въ молодости контрабандой занимался, норвежскимъ ромомъ торговалъ, людей спаивалъ; какъ слюбился съ одною норвежскою дѣвушкой, а потомъ, когда опостылѣла она ему, онъ ее задушилъ и ребенка убилъ...

— Неповинная кровь на тебѣ!—поднялся надъ старикомъ парень.— Сколько молчалъ?

— Сорокъ лѣтъ никому не говорилъ.

— На духу не былъ?

— Нѣтъ...

Что-то жесткое пробѣжало по лицу парня.

— Не будетъ тебѣ прощенія— ни здѣсь, ни тамъ; хуже ты Каина!

Старикъ дрогнулъ и сталъ на колѣни. Словно преображенный онъ прошепталъ: „Нѣтъ грѣха, превышающаго милосердіе Твое, Господи!“ Суевѣрный ужасъ проникалъ въ мою душу...

— Не будетъ тебѣ прощенія! — снова повторилъ парень.

Старикъ поднялся, лицо его разомъ помертвѣло и стало словно деревянное, глаза какъ-то ушли внутрь и погасли, безкровныя губы судорожно трепетали. Онъ сложилъ на крестъ скорчившіяся руки и пошелъ впередъ. Вотъ ужъ онъ у самаго края... Акула слегка колыхалась... Вотъ онъ дрогнулъ, вотъ предо мною мелькнули скрещенныя руки, мертвое, синее лицо... Всплескъ воды... мгновенный ударъ акульяго хвоста и какой-то хряскъ!.. И больше ни звука. Только бѣлыя гривы волнъ колыхались на свинцовомъ просторѣ, только рокотали тяжелыя волны, да низилось сѣрое небо. Насъ осталось всего только двое...

...Да куда же это насъ несетъ, куда? Уже десять дней прошло, какъ льдину оторвало отъ матерой земли и унесло въ эту безконечную даль. Я едва могу приподнять голову. Голодъ и жажда истомили меня до послѣдней степени. А воспаленный мозгъ, какъ нарочно, рисуетъ самыя яркія, самыя плѣнительныя картины. Тѣнистыя южныя рощи, чистые говорливые ручьи студеной воды, горныя вершины, утопающія въ синевѣ темнаго неба, родныя деревни, а кругомъ сады съ благовонными розами, съ пурпуромъ персиковыхъ и серебромъ миндальныхъ деревьевъ. Я зажмуриваю глаза, стараюсь отогнать отъ себя эти видѣнія, но они еще ярче рисуются предо мною. Въ моихъ ушахъ звучитъ дивная музыка, чей-то звонкій смѣхъ, чьи-то радостныя пѣсни. Какія-то роскошныя залы. Столы ломятся подъ грудами мяса, плодовъ, вина сквозятъ въ хрустальныхъ сосудахъ, цѣлые фонтаны кристальной воды... а у меня внутри все горитъ отъ жажды. О, пощадите, пощадите, дайте мнѣ хоть умереть спокойно! Гдѣ же наша смерть, чего заждалась она? Скорѣе, скорѣе...

И снова день — который? Я не помню. Голова моя горитъ. Я заживо разлагаюсь. Я пересталъ вѣрить своимъ глазамъ. Передо мною носятся странные призраки, какіе-то образы, безформенныя видѣнія. Кто это плачетъ, кто стонетъ? Какое похоронное пѣніе!.. Какой-то туманъ подымается передъ моими глазами... темнѣе... темнѣе...

...Поморская шхуна, шедшая на Новую Землю, близъ самыхъ береговъ послѣдней встрѣтила одинокую льдину. На ней неподвижно лежало два тѣла, да еще выла лохматая жалкая собака. Ихъ взяли. Одно изъ тѣлъ шевельнулось; другое оказалось трупомъ.

Прошло уже три года. И до сихъ поръ я не могу позабыть этого страшнаго тринадцатидневнаго скитальчества по Сѣверному океану на оторванной отъ берега льдинѣ. Всѣ впечатлѣнія ужаснаго времени съ удивительною ясностью возникаютъ въ моей памяти. Я вспоминаю каждую минуту, каждое слово, воскресаю каждую галлюцинацію... А сколько такихъ жертвъ безмолвно гибнутъ среди этого безлюднаго простора! Каждый промысловой сезонъ насчитываетъ нѣсколько подобныхъ случаевъ (В. И. Немировичъ-Данченко—„Затерянные въ океанѣ“).

И неужели нельзя помочь этому горю?..

Въ составъ не русскаго населенія Сѣвернаго края входятъ самоѣды и зыряне на востокѣ, лопари и карелы—на западѣ.

Названіе «самоѣдъ» поражаетъ своею странностью, невольно вызывая представленіе объ антропофагахъ и притомъ, въ предѣлахъ своего племени. Но предполагать такимъ образомъ значило бы жестоко ошибаться. Даже и людоѣдами, вообще, въ какія-бы то ни было отдаленныя времена, нѣтъ никакихъ основаній

называть это маленькое племя. Сами себя они называютъ «хазово» (мужъ) или «ненецъ» (человѣкъ), и никто изъ ихъ сосѣдей не называлъ ихъ такимъ громкимъ и выразительнымъ названіемъ, какое присвоено имъ въ Россіи. По всей вѣроятности, это странное названіе произошло отъ лапландскаго слова «Самеядна» или Самбеядна»: такъ лапландцы называютъ свою страну, а въ старину лапландцы и самоѣды были сосѣдними племенами. Повидимому, древній лѣтописецъ, не раздѣляя лопарей и самоѣдовъ между собою, по имени страны назвалъ и народъ, и занесъ на листы своей лѣтописи нѣсколько измѣненное слово «Самеядна»; на сѣверѣ, Югрѣ и Печорѣ, живетъ народъ «Самоядь».

Подъ именемъ „самояди" сѣверные народцы извѣстны русскимъ еще съ XI в. Послѣ безграмотные переписчики и переводчики лѣтописей перевели „самояди" на „самоѣды", а за ними и вся грамотная Россія упорно удерживаетъ за небольшимъ кочевымъ племенемъ сѣвера это нелестное имя.

Небольшое это племя (около 7,000 душъ), относимое этнографами и лингвистами къ переходной группѣ народовъ между монголами и финнами, съ незапамятныхъ временъ кочуетъ съ своими оленями по тундрамъ—Канинской, Малоземельской и Большеземельской, заходя съ своими стадами и въ далекую Сибирь, на громадный полуостровъ Ялмалъ, переселяясь иногда и на близъ лежащіе острова: Колгуевъ, Вайгачъ и Новую Землю. Уныла и мрачна страна, занятая самоѣдами,—страна мха, болотъ и снѣга. Послѣ временнаго оживленія лѣтомъ, пустыня на долго совсѣмъ замираетъ. Ужасная, страшная тишина царитъ вокругъ; коегдѣ рѣденькій ельникъ или ивовый кустарникъ, но въ общемъ на тысячи верстъ снѣжная равнина безъ конца; сѣрое, хмурое небо скупо освѣщаетъ эту пустыню, а наконецъ, и совсѣмъ спускается долгая, многодневная ночь надъ этою мрачною землею. Конечно, такая природа не могла не отразиться на характерѣ народа, живущаго въ этой пустынѣ тысячелѣтія. И характеръ, и нравы, и вѣрованія этого народа также мрачны, дики, какъ мрачно все окружающее. Могла-ли тундра дать самоѣду понятіе о Богѣ, напр., какъ о существѣ милостивомъ и добромъ? Нѣтъ, никогда; самоѣдъ видитъ только зло и бѣду—и богъ его долженъ быть или злымъ, или отвратившимъ свой взоръ отъ человѣка. Таковъ онъ и есть. Могла-ли мертвая пустыня развить эстетическое чувство въ самоѣдѣ, создать богатую фантазію, заставить создать свой эпосъ, какъ имѣетъ его всякій народъ? Нѣтъ, не могла. И у самоѣдовъ, дѣйствительно, нѣтъ сказокъ, нѣтъ преданій, нѣтъ пѣсенъ. Эстетическое чувство заставляетъ его пѣть, но природа не даетъ содержанія для пѣсенъ. Всѣ пѣсни самоѣда суть импровизаціи, и въ нихъ онъ заунывнымъ, меланхолическимъ напѣвомъ, подъ аккомпаниментъ завываній сѣвернаго вѣтра, поетъ, что „съѣлъ какой-то самоѣдъ въ одинъ разъ семь сырыхъ омулей, что выпили такіе-то и такіе-то самоѣды тамъ-то и столько-то вина; и ужъ наступила ночь, озарили пустыню яркія звѣзды, а самоѣдъ все импровизировалъ монотонно весь свой домашній бытъ, и слышались чаще всего воспѣванія вина и сырой оленьей печени и оленьей крови" *). У самоѣдовъ нѣтъ даже опредѣленныхъ именъ для своихъ дѣтей и они называютъ ихъ по какому-нибудь обстоятельству, случившемуся при рожденіи ребенка: снѣгъ повалилъ—и назовутъ снѣгъ, пурга зашумѣла—и назовутъ пурга, русскій вошелъ въ чумъ—и назовутъ „немзя" (нѣмецъ)... Могла-ли мертвая природа внушить энергію, рыцарскія чувства, заставить полюбить жизнь? Нѣтъ, никогда. И самоѣдъ безпеченъ, лѣнивъ, пока не заставитъ его шевелиться голодъ; самоѣдъ ни во что ставитъ свою „ныку" (жену) и относится къ ней такъ же, какъ и къ своему скоту; самоѣду неизвѣстны походы, богатыри, подвиги; самоѣдъ умираетъ такъ же безпечно и молчаливо, какова была и вся его жизнь, доставляя окружающимъ истинное удовольствіе—попировать на своихъ похоронахъ...

Это жалкое племя некрасиво и по наружности: невысокаго роста, съ плоскимъ лицомъ, приплюснутымъ носомъ, узкими глазами, выдающимися скулами и жесткими прямыми волосами; одѣтые въ оленьи шкуры шерстью наружу, самоѣды крайне неопрятны, такъ какъ никогда не моются. Въ характерѣ ихъ замѣчается скрытность, нелюдимость, подозрительность; но какъ всѣ дикіе народы, они очень честны и готовы помочь въ бѣдѣ. До послѣдняго времени—времени усиленнаго развитія пьянства среди самоѣдовъ—о воровствѣ и лжи среди самоѣдовъ и помину

*) Изъ путешествія М. А. Кастрена по Сѣверу Россіи.

не было. Они ведутъ кочевой образъ жизни, и всѣ усилія сдѣлать ихъ осѣдлыми пока не увѣнчались успѣхами. Почти единственное постоянное самоѣдское поселеніе—Кожвенское—насчитываетъ едва 30 дворовъ; остальные 7,000 самоѣдовъ бродятъ по тундрѣ съ своими оленьими стадами.

Оффиціально почти всѣ самоѣды считаются въ послѣднее время христіанами. Но совершенно вѣрно замѣчаетъ С. В. Максимовъ, что самоѣды „носятъ крестъ, чтобы показывать начальству, а за пазухой, на всякій случай, держатъ деревянныя чурочки боговъ". Высшее ихъ божество—Нумъ—живетъ въ надзвѣздныхъ высотахъ и посылаетъ на землю дожди, снѣгъ и бурю. Земля и весь родъ человѣческій настолько нечисты передъ Нумомъ, что Нумъ никогда не смотритъ на нихъ. За Нумомъ по силѣ слѣдуетъ дьяволъ Аа, который, какъ и подобаетъ каждому дьяволу, золъ и насылаетъ на человѣка всякія бѣды. Затѣмъ весь міръ наполненъ „тадебціями"—хитрыми и злыми духами, подвластными Нуму, которымъ Нумъ и передалъ все управленіе міромъ и людьми; они постоянно вредятъ людямъ, и вступать съ ними въ общеніе могутъ только жрецы—„тадибеи" или „тадебеи", (извѣстные у насъ подъ невѣрнымъ названіемъ „шамановъ". Итакъ, Нумъ отвернулся отъ земли, дьяволъ-золъ, тадебціи вредятъ людямъ (и счастье еще, что они, по вѣрованію самоѣдовъ, очень любятъ спать!)—бѣдный самоѣдъ, не жди себѣ помощи свыше! Только жертвы, постоянныя жертвы, которыя съ такимъ непостижимымъ искусствомъ и быстротою истребляются тадибеями, могутъ, если не превратить гнѣвъ на милость, то на нѣкоторое время устранить опасность. Ни храмовъ, ни кумирень самоѣды не имѣютъ, но у нихъ есть священныя мѣста. Къ нимъ принадлежатъ—Кузьмина роща въ Мезенскомъ уѣздѣ, островъ Вайгачъ, гдѣ имѣется камень, похожій фигурою на человѣка и др... Вообще всякая вещь изъ дерева и камня, схожая съ человѣкомъ, священна въ глазахъ самоѣда. Она называется „хаги" или „хеги" и находится въ каждомъ самоѣдскомъ чумѣ, замѣняя собою икону и представляя изъ себя духа-покровителя (но очень слабаго) данной семьи. Только съ хагами самоѣдъ можетъ разговаривать непосредственно самъ, просить ихъ объ удачной охотѣ, объ охраненіи оленьяго стада отъ волковъ и пр. Желая ублаготворить своего божка, самоѣдъ мажетъ ему губы кровью, жиромъ и т. п. Но бѣда, если хагъ не поможетъ: разсерженный самоѣдъ безъ всякаго слѣдствія и при всемъ честномъ народѣ неистово сѣчетъ своего божка...

Всѣ праздники самоѣдовъ—по случаю-ли веселыхъ (свадьбы, напр.) или печальныхъ событій (похоронъ)—носятъ характеръ дикій и завершаются пьянствомъ и дракою. Вотъ, какъ Кастренъ описываетъ свадебный пиръ, на которомъ онъ лично присутствовалъ. „Пиръ свадебный—это былъ чисто кровавый пиръ. Передъ чумами толпилась гурьба разряженыхъ самоѣдовъ и инекъ; среди нихъ стоялъ красивый олень. Ребятишки, засунувъ руки въ малицы, прыгали около него и радостно визжали, чуя сладкое оленье мясо. Одинъ изъ распорядителей пира, напрягшись всѣмъ тѣломъ, держалъ оленя за рога, другой стоялъ на готовѣ съ ножемъ, а самъ хозяинъ, уставясь противъ оленя съ обухомъ, улучалъ удобную минуту свалить его однимъ ударомъ. Олень свалился, а длинный ножъ попалъ ему прямо въ сердце, и въ одно мгновеніе вытащенный дыхательный каналъ взволновалъ всю толпу. Толпа заорала и чуть не передралась изъ-за этого лакомаго куска; но кусокъ по всѣмъ правамъ принадлежалъ родственникамъ жениха и, разорванный на части, онъ въ ту же минуту исчезъ. Съ оленя живо сняли шкуру, разрѣзали животъ и, выбросивъ все несъѣдобное, перевернули навзничь. Онъ сталъ походить на длинную посудину, наполненную кровью, въ которой плавали печенки, легкія и сердце. Гости и хозяева, всѣ съ длинными ножами, хватали съ жадностью куски теплаго, дымящагося мяса и, обмакивая ихъ въ кровь, съ особымъ звѣрствомъ и наслажденіемъ ловко срѣзывали ножемъ небольшіе куски у самаго рта. Свѣжая кровь такъ и струилась по поднятымъ рѣденькимъ бороденкамъ и выгнутымъ шеямъ, а подслѣповатые узенькіе глаза блестѣли, какъ искорки, и чашка водки довершала все блаженство. Легкія и печенка служили дессертомъ; но когда кончился пиръ у убитаго оленя, всѣ отправились въ чумъ, гдѣ кипѣлъ уже котелъ и полусырое мясо, разрѣзанное на части, подносилось на деревянномъ блюдѣ почетнымъ гостямъ. Женихъ и невѣста были тутъ же. Женихъ, какъ и всѣ его собратья, пилъ страшно водку, заводилъ постоянныя драки и ни съ того, ни съ сего таскалъ своего сосѣда за волосы, а тотъ—его. Пиръ завершился общею потасовкой, гдѣ не обращалось вниманія ни на полъ, ни на возростъ: пьяные цѣплялись другъ другу въ волосы, таскали одинъ другого по чуму, шли на кулаки, дрались костями—и все это, довершавшее пиръ и веселіе, происходило безъ всякаго повода. На другой день разыгрался второй актъ этой драмы, и все снѣжное поле передъ чумами было усѣяно павшими героями и героинями предшествовавшаго пира. Многіе лежали безъ чувствъ, съ открытыми головами, уткнувшись въ снѣгъ, и вѣтеръ наметывалъ надъ ними сугробы". Вообще вкусная ѣда и вино—самыя высшія наслажденія для самоѣда. Рѣдко онѣ выпадаютъ на долю

этого нищаго кочевника, но зато при первомъ случаѣ самоѣды стараются вознаградить себя сторицею за долгій постъ. Дикій человѣкъ обращается въ дикаго кровожаднаго звѣря и ѣстъ, и пьетъ до тѣхъ поръ, пока не повалится съ ногъ. Затѣмъ наступаетъ голодовка — иногда на цѣлыя недѣли.

Экономическое положеніе самоѣдовъ незавидно. Все ихъ богатство составляетъ олень: оленина — лучшее блюдо самоѣдовъ, изъ оленьихъ шкуръ онъ шьетъ себѣ одежду и строитъ чумы, оленьи шкуры служатъ ему и матрацами, и одѣялами, и кроватями, и т. п., — вообще жизнь самоѣда безъ оленя немыслима. Оленеводство имъ на-руку и потому, что не требуетъ никакихъ хлопотъ и позволяетъ предаваться столь любимой самоѣдомъ праздности. Олень всегда на подножномъ корму. Истребивъ весь мохъ въ данной мѣстности, олень самъ идетъ въ другую и самъ отыскиваетъ себѣ путь. За оленемъ поневолѣ тащатся и хозяева, такъ что, въ дѣйствительности, олень кочуетъ по тундрѣ, увлекая за собою и самоѣдовъ. Рыболовство и звѣроловство у самоѣдовъ слабо развито и за эти промыслы они берутся только по нуждѣ, по бѣдности; если же у самоѣда оленей много, то онъ никогда ничѣмъ другимъ не промышляетъ. Но чтобы жить только оленемъ, самоѣдскому семейству нужно имѣть не менѣе 50—60 оленей, потому что только при такомъ количествѣ годовой приплодъ (25—30 телятъ) будетъ покрывать ежегодный расходъ оленей. Мы беремъ здѣсь даже исключительно благопріятныя условія, не принимая въ разсчетъ гибели оленей отъ болѣзней и волковъ, и беря среднюю семью самоѣда въ 4—5 душъ. Въ дѣйствительности, для безбѣдной жизни самоѣду нужно имѣть 80—100 оленей. Но такихъ богачей среди самоѣдовъ очень мало. Правда, статистика не даетъ здѣсь полныхъ свѣдѣній, но и данныя относительно 686 семействъ очень любопытны. Оказывается, что изъ 686—одна семья владѣетъ стадомъ до 6,000 головъ *), 8 имѣютъ отъ 1,000—2,000 головъ, 19—отъ 500 до 1,000, 94—отъ 100 до 500;—всѣ эти 122 семьи (18%) могутъ быть названы зажиточными, затѣмъ 125 семействъ (18%) насчитываютъ у себя отъ 50 до 100 оленей и, такимъ образомъ, еле-еле сводятъ концы съ концами. Остальные 439 семействъ (64%), владѣющія въ общей сложности 11,300 оленями или по 26 оленей въ среднемъ на семью, уже бѣдняки, которые, чтобы не помереть съ голоду, должны идти въ батраки къ своимъ богачамъ, или наниматься пастухами къ зырянамъ-оленеводамъ, или у тѣхъ же зырянъ и русскихъ купцовъ состоять покрученниками по ловлѣ рыбы и морского звѣря. Говорятъ, прежде, когда самоѣдъ владѣлъ болѣе обширными землями, когда жилъ уединенно, не соприкасаясь съ русскими и зырянами, онъ былъ богаче. Но нечестная торговля и плутни зырянъ и русскихъ постепенно низвели самоѣдовъ до настоящаго нищенства. Подтвержденіе этого нелестнаго слуха мы находимъ еще въ XVI вѣкѣ. Еще Іоаннъ IV грамотою отъ 15 апрѣля 1545 г. запрещалъ русскимъ и зырянамъ отнимать у самоѣдовъ занятые ими промысловые пункты и приказывалъ предоставить Канинскимъ и Тиманскимъ самоѣдамъ рыбныя ловли и звѣриныя урочища „по старинѣ“. Стало быть, еще тогда самоѣдовъ обижали... Изъ позднѣйшихъ оффиціальныхъ данныхъ укажемъ на Высочайше утвержденный 18 апрѣля 1835 г. уставъ объ управленіи самоѣдами. По этому уставу, для предохраненія самоѣдовъ отъ оффиціально признанной эксплоатаціи, запрещено заключать условіе найма съ самоѣдами на срокъ болѣе одного года; разсчеты должны производиться ежегодно, при чемъ, если окажется, что работникъ остался долженъ хозяину болѣе 5 р., то долгъ его считается возникшимъ „безъ дозволенія начальства“ и не подлежитъ никакому иску. Въ послѣднее время (съ 1895 г.) сдѣланъ починъ скупки у самоѣдовъ добытаго ими чиновниками по установленной цѣнѣ, безъ посредства русскихъ и зырянскихъ перекупщиковъ. Опытъ вполнѣ удался и самоѣды получили въ 10 разъ больше прибыли. Тѣмъ не менѣе самоѣды бѣднѣютъ и вымираютъ ежегодно. Отодвинутые въ глухую тундру, удаленные отъ всѣхъ многоводныхъ рѣкъ—путей сообщенія въ краѣ, они предоставлены своимъ собственнымъ—слабымъ и неразумнымъ—силамъ и мрутъ отъ голода, отъ оспы, отъ пагубнаго пристрастія къ пьянству, отъ собственной полной беспечности.

Самоѣды доселѣ удержали у себя родовой бытъ. Каждый родъ кочуетъ отдѣльно, и вся тундра подѣлена на отдѣльныя родовыя пастбища. Отдѣльныя семьи живутъ въ чумахъ—конусообрасныхъ шатрахъ изъ оленьихъ шкуръ, надѣтыхъ на колья. Посреди чума находится желѣзный листъ, служащій очагомъ; позади него, противъ входа—„синекуй“—священное мѣсто, черезъ которое не можетъ переступать инька и гдѣ собраны всѣ драгоцѣнности: деревянные божки, наиболѣе вкусные куски мяса и т. п. На обязанности самоѣда лежатъ пастьба оленей, въ чемъ ему весьма много помогаютъ собаки, охота и рыбные промыслы, если въ нихъ нуждается самоѣдское семейство. Всѣ остальныя сложныя хозяйскія заботы—пригото-

*) Этотъ самоѣдскій Крезъ кочуетъ за р. Печорою.

ТИПЫ СѢВЕРНЫХЪ ИНОРОДЦЕВЪ.

Самоѣды.—Якуты.—Чукчи.—Лопари.—Гиляки.

вить пищу, принести дровъ и воды, устроить и снять чумъ при кочевкахъ, обдѣлывать кожу, обшивать всю семью и т. п.—лежать на инькѣ. И несмотря на это, женщина не пользуется у самоѣдовъ никакимъ уваженіемъ. Она — существо низменное, нечистое, не можетъ присутствовать при жертвоприношеніяхъ, есть жертвеннаго мяса; при пиршествахъ ей достаются только объѣдки. Самоѣдъ бьетъ и тиранитъ свою иньку безъ всякаго повода, хотя въ общемъ женщина-самоѣдка много симпатичнѣй своего дикаго повелителя.

Невесело въ темномъ смрадномъ чумѣ. Прикорнувъ у очага, инька все время за работой: то чинитъ малицу, то сучитъ изъ оленьихъ жилъ нитки, то варитъ пищу. Голые, грязные ребятишки толкутся по-полу вмѣстѣ съ маленькими сѣверными шавками. Хозяинъ лежитъ тутъ же, лѣниво жуя курительный табакъ. Иногда со скуки хозяинъ встаетъ, молча даетъ потасовку ребятишкамъ, причемъ попадаетъ и инькѣ, и снова ложится, ни о чемъ не думая, ни о чемъ не безпокоясь. И такъ, вся жизнь, безъ мысли, въ чаду, въ грязи, подъ хмурымъ сѣвернымъ небомъ... Мы отказываемся понять прелести такой жизни, но самоѣдъ съ ней свыкся и такъ ее полюбилъ, что лучшей не желаетъ, и всѣ усилія устроить этихъ дикарей покультурнѣе пока не увѣнчались успѣхомъ.

На югъ и юго-востокъ отъ самоѣдовъ, въ Печорскомъ краѣ, Устьсысольскомъ и Яренскомъ уѣздахъ Вологодской губ., живетъ многочисленное племя зырянъ (до 35,000 чел.), составляющихъ такъ называемую пермскую или пармскую вѣтвь финновъ. Съ незапамятныхъ временъ народы финскаго племени двинулись съ отроговъ Алтая въ Европу и разселились по всей сѣверной и средней Россіи. Пришедшіе значительно позже славяне вступили въ ожесточенную борьбу съ финнами, отодвинули ихъ далеко на сѣверъ истребили нѣкоторыя племена въ конецъ (Чудь, Мурома, Меря и др.) и, наконецъ, въ движеніи къ Бѣлому морю, отдѣлили западныхъ финновъ отъ восточныхъ. По лѣтописнымъ сказаніямъ, въ тѣхъ мѣстахъ, которыя теперь занимаютъ зыряне, въ древнія времена жили народы—Пермь, Югра, Печора и Самоядь, при чемъ лѣтописцы различаютъ Пермь Вычегодскую отъ Перми Великой—прикамской. Замѣчательно, что названіе «Зырянъ» встрѣчается слишкомъ поздно, не ранѣе конца XVI в., и то въ первое время весьма часто писали «сыряне» а не «зыряне». Окончательно установилось названіе «зыряне» только во-второй половинѣ XVII в. Но несомнѣнно, что это племя жило на Вычегдѣ съ отдаленныхъ поръ и, слѣдовательно, раньше было извѣстно русскимъ подъ другимъ названіемъ. Большинство изслѣдователей (Шегренъ, Савваитовъ, Шестаковъ, арх. Макарій и др.) пришли къ заключенію, что древній лѣтописный народъ «Пермь» и Зыряне—одно и то же племя и что даже названія Пермь и сырьяне (зыряне)—однозначущи *).

О древней жизни Перми - Вычегодской почти ничего неизвѣстно. Поселившись въ дремучихъ лѣсахъ, зыряне вели дикій образъ жизни, занимаясь охотою и рыбною ловлею. По лѣсамъ ставили они себѣ идоловъ, которымъ приносили жертвы. Шаманы были у нихъ даже въ XV вѣкѣ. О нравственной жизни зырянъ ходили недобрыя вѣсти. „Весь сѣверъ,—пишетъ лѣтописецъ,—одинъ обычай имѣша, живяша въ лѣсѣ, якоже всякій звѣрь, ядуще вся нечисто, браци не бываша въ нихъ, но схожахусь на игрища — и ту умыкаху

*) По мнѣнію указанныхъ изслѣдователей „пермь“ происходитъ отъ финскаго слова pääгma“—окраина, а „сырьяне“ отъ финскаго „syrіä“—край, и такимъ образомъ оба названія указываютъ на народъ, живущій на окраинѣ финской земли. Г. Лыткинъ придаетъ слову „парма“—пермь значеніе плоскогорья, покрытаго лѣсомъ („зырянскій край“, 1889, стр. 18—20). Сами себя зыряне называютъ „коми“, при чемъ говорятъ „коми-войтырь“, когда рѣчь идетъ о цѣломъ народѣ, и коми-мортъ“, если говорится объ отдѣльномъ человѣкѣ.

себѣ жены". Рано познакомились зыряне съ русскими: они жили какъ разъ на пути новгородскихъ ушкуйниковъ, ходившихъ на Вятку и Пермь. У новгородцевъ зыряне вымѣнивали свои мѣха и рыбу на хлѣбъ и другіе продукты; отъ нихъ они издревле научились русскому языку, такъ что въ Москвѣ сердились, когда въ XIV в. св. Стефанъ Пермскій изобрѣлъ зырянскую азбуку и сталъ переводить книги съ русскаго языка на зырянскій: „почто сотворени суть книги пермскія, или что ради составлена бысть азбука пермскія грамоты?.. Достояше паче русская, готова сущи грамота, юже предати имъ и научити я" *). Сближеніе съ русскими шло постепенно и прочно. Уже въ XIV—XV вв. всѣ зыряне приняли православіе. Зыряне переняли русскіе обычаи и порядки, по русскому образцу строятъ себѣ избы, переняли русскія пѣсни, говорятъ (кромѣ зырянокъ) бойкимъ русскимъ языкомъ, встрѣчаются, какъ торговцы, мѣновщики и покупатели, на всѣхъ ярмаркахъ сѣвера, заключаютъ браки съ русскими—и только одинъ финскій складъ лица свидѣтельствуетъ объ ихъ происхожденіи. Дѣло „обрусенія" пустило въ этомъ племени глубокіе корни, можно сказать — оно совершилось.

Энергичное и бойкое племя это живетъ значительно зажиточнѣе многихъ своихъ финскихъ сородичей, а также и русскихъ. Впрочемъ, въ экономическомъ отношеніи рѣзко отличаются зыряне-оленеводы (архангельскіе) и зыряне-звѣроловы (вологодскіе). Въ Архангельской губ. зыряне живутъ въ 4 волостяхъ: Красноборской, Кедвавомской, Усть-Кожвенской и, главнымъ образомъ, Мохченской, расположенной по р. Ижмѣ, отчего и зыряне этой волости извѣстны подъ именемъ „ижемцевъ". „Ижемцы"... при одномъ этомъ словѣ у архангельскихъ жителей является представленіе о человѣкѣ бойкомъ, изворотливомъ, съ которымъ нужно держать ухо востро, богатомъ, пронырливомъ, извѣстномъ своею оборотливостью и сутяжничествомъ. Пойдите на быструю, каменистую р. Ижму — и вы будете поражены богатствомъ и многолюдствомъ тамошнихъ селъ—Ижмы, Мохчи, Сизябскаго и др. Двухъэтажные дома, золотые купола церквей, яркіе обои въ комнатахъ, большіе кованые сундуки, самовары, лавки, въ которыхъ найдете даже хересъ—Пермскаго или казанскаго приготовленія — все свидѣтельствуетъ объ избыткахъ и довольствѣ мѣстныхъ жителей. И немудрено: на Мохченскую волость, съ ея 12-тысячнымъ зырянскимъ населеніемъ, приходится 80% всѣхъ оленей Печорскаго уѣзда. Откуда такое богатство? Ходитъ недобрый слухъ, что ижемцы разжились неправеднымъ путемъ. Поселившись рядомъ съ самоѣдами, ижемцы тотчасъ замѣтили, какой это простой, падкій до водки народъ. И вотъ, по доброму сосѣдству, стали ижемцы навѣщать самоѣдскую тундру, заглядывать въ чумы, угощать самоѣдовъ водкой и выгодно обмѣнивать свои малоцѣнные товары на стада самоѣдскихъ оленей. Пили самоѣды, дурѣли отъ водки— и отдавали за ничто свои стада, раззорялись въ прахъ и шли къ своимъ благодѣтелямъ искать помощи отъ голодной смерти. И нечего грѣшить—зыряне помощь давали: всѣ пастухи у ижемцевъ изъ ихъ добрыхъ сосѣдей — самоѣдовъ. Но если самоѣды держали у себя стада оленей только для собственнаго прокормленія, оборотливые ижемцы посмотрѣли на оленеводство, какъ на удобнѣйшій для сѣвера и выгодный промыселъ. Олень, кромѣ присмотра, не требуетъ для себя ничего. Онъ круглый годъ на подножномъ корму.

Сосѣдняя тундра — неистощимый запасъ продовольствія для него. А между тѣмъ на самый худой конецъ убитый олень приноситъ 6 руб. прибыли. Такимъ образомъ, оленье стадо, напр., въ 500 головъ можетъ приносить своему хозяину, безъ всякихъ хлопотъ послѣдняго, до 500 р. въ годъ, нисколько не убывая въ своемъ числѣ. Въ самомъ дѣлѣ, естественный приплодъ въ оленьемъ стадѣ ежегодно составляютъ около $1/5$ части этого стада. Стало-быть, ежегодно, безъ ущерба для стада, можно убивать $1/5$ его часть, т. е. 100 оленей для нашего примѣра—стада въ 500 головъ. 100 убитыхъ оленей стоятъ не менѣе 600 р. Отчисляя отсюда 100 р. пастуху и за убой, хозяину остается 500 р. чистой прибыли. Олени среди ижемцевъ распредѣлены значительно равномѣрнѣе, чѣмъ среди самоѣдовъ. Правда, точныхъ цифръ на этотъ предметъ не имѣется. Но собранныя данныя относительно 739 зырянъ-оленеводовъ даютъ слѣдующую таблицу, которую мы приводимъ, для лучшаго сличенія, въ такомъ-же видѣ, какъ привели для самоѣдовъ: 1 зырянинъ владѣетъ 4000 оленями, 36 имѣютъ отъ 1000 до 2000 оленей, 82—отъ 500 до 1000, 245 — отъ 100 до 500, 129 — отъ 50 до 100 и 246 семействъ имѣютъ менѣе 50 оленей на каждую семью. Считая, примѣнительно къ самоѣдамъ, владѣтелей стадъ свыше 100 головъ зажиточными (такъ какъ зыряне занимаются и другими промыслами кромѣ оленеводства), мы получимъ таковыхъ 364 семейства—49%, вмѣсто 18% у самоѣдовъ; въ тоже время бѣдняковъ, имѣющихъ менѣе 50 оленей, у ижемцевъ насчитывается 246 семействъ или 33%, противъ 64% бѣдняковъ самоѣдовъ. Такимъ образомъ, ижемцы болѣе чѣмъ вдвое богаче своихъ ближайшихъ сосѣдей-

*) И. Соколовъ—„Св. Стефанъ Пермскій, просвѣтитель зырянъ", Спб., 1896 г., стр. 41.

самоѣдовъ, несмотря на то, что живутъ подъ однимъ небомъ, на одной и той-же тундрѣ.

Когда-то и зыряне-звѣроловы могли потягаться своими богатствами съ ижемцами. Промыселъ бѣличій и пушного звѣря, при энергіи зырянъ, устраняющей всякое посредство въ сбытѣ товара, приносилъ имъ большіе барыши. Но дорогія породы звѣря перевелись, а бѣлка бываетъ не каждый годъ и все болѣе и болѣе уходитъ за Уралъ въ Сибирскую тайгу. А тутъ на бѣду развилось лѣсное дѣло: понастроили на берегахъ рѣкъ лѣсопильные заводы, стали истреблять лѣса по рѣкамъ—единственнымъ путямъ сообщенія въ краѣ. Пришлось звѣролову забираться въ глушь лѣсовъ, въ самую тайболу, далеко отъ рынковъ, отъ пути-дороги. И обѣднѣлъ звѣроловъ. И чѣмъ дальше идти въ глубь лѣсовъ, на берега пустынной Печоры, тѣмъ бѣднѣе становится Пермь-Вычегодская. Жалкія, курныя избенки погнили и покривились; маленькія окна съ осколками стеколъ; глинобитная печь; черныя отъ копоти и грязи лавки со столомъ, самой грубой работы; обдаетъ холодомъ, сыростью, гнилью... А какъ жалко выглядятъ бѣдные обитатели этихъ жилищъ, какъ болѣзненно-хилы ихъ старики, какъ блѣдны и вялы ихъ дѣтки! Да и немудрено—особенно, если посмотрѣть, что они ѣдятъ. Хлѣбъ ржаной или ячменный печется больше изъ мякины, чѣмъ изъ настоящей муки, но они довольны когда есть и этотъ хлѣбъ; а то часто случается, что его нѣтъ, надо готовить себѣ такъ-называемый „голодный хлѣбецъ“. Высушатъ листья рябины или кору какую-нибудь, смелютъ, смѣшаютъ съ мякиной и молокомъ, кое-какъ слѣпятъ лепешку,—вотъ вамъ и „голодный хлѣбецъ!“ (А. Ефименко, „Зыряне“). Но въ дикомъ Печорскомъ краѣ, какъ мы видѣли, и русское населеніе живетъ далеко не лучше зырянъ.

Лопари, небольшое финское племя, родственное самоѣдамъ, въ древность жили рядомъ съ послѣдними, но еще въ X — XII вѣкахъ новгородскими выходцами были оттѣснены на дальній сѣверо-западъ. Въ настоящее время они живутъ на сѣверѣ Норвегіи, Швеціи и Финляндіи, а также на Кольскомъ полуостровѣ. Въ предѣлахъ Россіи ихъ насчитываютъ до 2,000 душъ.

Окруженные съ давнихъ поръ болѣе культурными народами (шведами, норвежцами и русскими), съ которыми имъ постоянно приходилось имѣть сношенія, лопари въ значительной степени утратили первобытную дикость кочевника. Мало того,—это маленькое мирное племя имѣетъ много симпатичныхъ чертъ въ своемъ характерѣ. Такъ, семейная жизнь лопаря прямо-таки идеальна. Всѣ домашнія работы распредѣляются равномѣрно между супругами. Отношенія лопаря къ своей женѣ—рыцарски нѣжны. Онъ не только никогда не позволитъ себѣ ударить свою жену, но даже сказать ей бранное слово считается великимъ безчестіемъ. Когда лопаря чѣмъ-нибудь угощаютъ, онъ прежде всего предлагаетъ своей женѣ, а потомъ уже ѣстъ самъ; если случится любимая лопарю водка,—первая чарка выпивается женой, которой и вообще лопарь наливаетъ столько разъ, столько и себѣ. О супружеской невѣрности среди лопарей не слышно; дѣвушки-лопарки крайне стыдливы и цѣломудренны. Сифилисъ—общій знакомый среди русскихъ поморовъ—у лопарей неизвѣстенъ. У лопарей также очень развита взаимопомощь. Рѣдко можно встрѣтить только одну семью; но гораздо чаще здѣсь-же, въ одной тупѣ, живутъ и бѣдные родственники со своими семьями. У лопарей нѣтъ нищихъ. Кто раззорится,—преспокойно отправляется къ своему родственнику, и это не считается унизительнымъ. На неимущаго не смотрятъ какъ на парію, не помыкаютъ имъ, но онъ считается вполнѣ равноправнымъ членомъ семьи. Вообще въ характерѣ этого народа много деликатности. „Такъ, напр.,—пишетъ В. Н. Немировичъ-Данченко,—одинъ лопарь разсказывалъ мнѣ, что русскіе зимою, какъ саранча, налетаютъ на ихъ погосты“. „Одинъ изъ кандалактанъ, жаловался лопарь, на моихъ глазахъ унесъ у меня три оленьихъ шкуры“.

— Что-жъ ты не остановилъ его?

— Стыдно было. Скажешь ему—все равно, что воромъ назовешь. Нехорошо это, вѣдь, обидно“... („Въ пустыняхъ“).

Честность лопарей въ прежнее время была вполнѣ безупречна *). Уходя съ Мурманскихъ промысловъ, русскіе промышленники оставляютъ всѣ свои снасти на попеченіи лопарей и всегда увѣрены, что лопарь скорѣе жизнь свою положитъ, чѣмъ дозволитъ что-либо стянуть норвежскимъ пиратамъ. Лопарь—великій идеалистъ сѣверной природы и своей привольной кочевой жизни. Когда одного богача-лопаря прельщали городскою жизнью и говорили, что съ своимъ капиталомъ онъ можетъ устроиться гораздо ком-

*) Въ послѣднее время и у нихъ появились случаи кражи оленей.

фортабельнѣе и съ большими удобствами,— получили неожиданный, приблизительно слѣдующій отвѣтъ: „Что можетъ быть лучше свободы, шири въ тундрѣ и шума въ лѣсахъ, жизни въ незамѣнимой вѣжѣ или тупѣ? Что можетъ быть пріятнѣе и здоровѣе ежедневной пищи изъ свѣжей вкусной рыбы? Что можетъ быть веселѣе той моровной погоды, когда по гладкой снѣговой равнинѣ вихремъ несешься въ своей вережкѣ, запряженной четверкою сильныхъ оленей, къ своей тупѣ, къ родной семьѣ? Нѣтъ, мы не сравнимъ нашу привольную жизнь съ приневольною жизнью въ вашихъ городахъ! Намъ вѣжа и тупа—лучше всякой вашей каменной темницы-дома!“ Всѣ дѣла у лопарей рѣшаются сообща, на суймахъ (сеймахъ), гдѣ всѣ члены равноправны. Если къ этому прибавите милое простодушіе, общее у всѣхъ дикарей, обычное радушіе и гостепріимство, безхитростность характера, если вспомните, что эти дикари еще съ XVI в. христіане, — частію протестанты, частію православные,—что это племя мирнѣйшее изъ всѣхъ, такъ что даже при встрѣчахъ лопарь обмѣнивается евангельской фразой: „миръ тебѣ“,—то, не правда-ли, получите весьма хорошее впечатлѣніе отъ этого симпатичнаго сѣвернаго дикаря?

По наружному виду лопарь, впрочемъ, далеко не такъ красивъ, какъ по своему духовному складу. Низкаго роста блондинъ съ жидкой бородой клиномъ, съ клинообразной шапкой на головѣ, увѣнчанной кисточкой, съ узкими глазами и смѣющейся физіономіей,—лопарь очень похожъ на гнома, какъ его изображаютъ на картинкахъ. Лопарки, правда, красивѣе; между ними попадаются даже красавицы. Всѣ лопари понимаютъ порусски и отчасти говорятъ на этомъ языкѣ. Главнымъ ихъ промысломъ служитъ оленеводство, но они, какъ и самоѣды, мало заботятся о своихъ стадахъ и потому не развили этого промысла до тѣхъ размѣровъ, до какихъ позволяютъ мѣстныя условія. У всѣхъ русскихъ лопарей въ настоящее время оффиціально насчитывается до 25,000 оленей. Вслѣдствіе оленеводства лопари по-неволѣ кочевники. Зимою со своими стадами они удаляются въ глубь Кольскаго полуострова, гдѣ по-ближе къ лѣсу, на берегу безвѣстныхъ озеръ, построены ихъ „тупы“—бревенчатые срубы ($2 \times 2\frac{1}{2}$ саж.), съ односкатной крышей, съ маленькими отверстіями для свѣта и выхода дыма. Лѣтомъ, спасаясь отъ комаровъ и оводовъ, олень бѣжитъ или къ океану, или скрывается на вершинахъ Хибинскихъ горъ. Соотвѣтственно съ этимъ лопари переселяются или на берегъ Ледовитаго моря, или ставятъ свои „вѣжи“ — лѣтнія жилья, похожія на самоѣдскіе чумы, только покрытыя вмѣсто оленьей шкуры берестой и корой,—ставятъ эти вѣжи на берегахъ быстрыхъ горныхъ рѣчекъ или ручьевъ. Лѣтомъ главнымъ занятіемъ лопарей служитъ рыболовство. Оленямъ предоставляется полная свобода пастись, гдѣ угодно, и плодиться безъ всякаго присмотра; только, отпуская своихъ оленей на волю, каждый хозяинъ отмѣчаетъ ихъ особымъ знакомъ. За то скольких трудовъ стоитъ лопарю собрать по осени свое стадо! Иногда приходится дѣлать сотни верстъ и, конечно, всегда бываетъ, что всѣхъ оленей не разыщешь. Многіе олени на свободѣ дичаютъ и уходятъ въ глубь лѣсовъ; другіе прибиваются къ чужому стаду. Разумѣется, при такомъ веденіи дѣла оленеводство приноситъ лопарямъ мало выгоды *). Чтобы поправить свои финансы, лопари нанимаются въ сторожевые мурманскихъ становищъ, развозятъ промышленниковъ на своихъ керешкахъ по становищамъ, доставляютъ по зимнему пути рыбу на Шунгскую ярмарку (въ Олонецкой губ.). Но всѣ эти побочные промыслы мало приносятъ имъ пользы, такъ какъ всѣ полученныя деньги быстро переходятъ въ чужой карманъ. У лопарей есть „друзья“, которые зорко слѣдятъ за лопарскими капиталами. Друзья эти— норвежцы-контрабандисты, настоящіе „волки пустыни“. Пользуясь почти полнымъ отсутствіемъ всякаго присмотра въ краѣ, норвежцы свободно переѣзжаютъ границу и наполняютъ весь Кольскій полуостровъ сѣвернымъ „норвецкимъ ромомъ“. Съ льстивыми рѣчами входитъ норвежецъ въ каждую тупу— и недешево обходится лопарю каждый „анкерокъ“ (боченокъ) рому. Бѣднѣя и спиваясь ежегодно, лопарское племя, по крайней мѣрѣ—на русской территоріи, постепенно уменьшается въ числѣ, отчасти ассимилируясь съ русскими и финнами, но главнымъ образомъ вымирая вслѣдствіе тяжелыхъ условій жизни. И недалеко, кажется, то время, когда объ этомъ симпатичномъ племени останутся одни только, и то далекія, смутныя воспоминанія.

Многочисленное племя кореловъ живетъ не въ одномъ Сѣверномъ краѣ. Весь сѣверо-востокъ Финляндіи населенъ ими; они составляютъ преобладающее

* Чтобы упрочить оленоводство на Кольскомъ полуостровѣ, сюда недавно переселили нѣсколько зырянскихъ семействъ. Зыряне живо обзавелись стадами и владѣютъ уже 5,000 оленями. Но не случится-ли съ лопарями того-же, что съ самоѣдами?

население въ сѣверной части Олонецкой губ., попадаются въ Новгородской, Тверской и нѣк. др. губерніяхъ. Поэтому здѣсь мы ограничимся лишь очеркомъ экономическаго положенія архангельскихъ кореловъ.

Говорятъ, еще не такъ давно эти корелы жили привольно: имѣли свой хлѣбъ, отправляли много дичи, были разносчиками товара во всей восточной Финляндіи, занимались извозомъ и т. п. Каждая семья ежедневно пила кофе—любимый напитокъ кореляковъ, заимствованный ими у финляндцевъ. Теперь не то: не только о ежедневномъ кофе, но даже о чистомъ хлѣбѣ на цѣлый годъ не можетъ быть рѣчи. И не пьянствуетъ этотъ народъ: трезвые сосѣди — финляндцы отрезвили и кореляковъ; во всей Кореліи нѣтъ почти ни одного кабака. Причина этого печальнаго явленія заключается въ новыхъ измѣненіяхъ условій жизни корелъ,—и все это застало кореляка врасплохъ; онъ до сихъ поръ не можетъ примѣниться къ новому положенію и бѣдствуетъ, бѣдствуетъ безъ конца. Въ старые годы, бывало, каждый корелякъ выберетъ лѣсную полянку, повалитъ молодой лиственный лѣсокъ, сложитъ его въ громадные костры и запалитъ „палы". На очищенномъ лугу, часто даже безъ пахоты, засѣетъ рожь—и она приноситъ ему даже въ такомъ суровомъ климатѣ самъ 40. Недолговѣчна такая производительность корельской нивы, но корелъ не унываетъ: черезъ 2—3 года онъ палитъ палы уже въ другомъ мѣстѣ. Что ему за дѣло, что уничтожается молодая поросль? Лѣса много, земли у него вволю,—пали не жалѣютъ. Но съ изданіемъ лѣсоохранительнаго закона, запрещена подсѣчная система хлѣбопашества, — и корелъ остался безъ хлѣба. Болотистая, сырая почва ничего не родитъ безъ сильнаго удобренія, а удобренія у корела нѣтъ. Трудится-трудится онъ теперь по новому на своемъ отмежеванномъ полѣ — и иногда едва собираетъ сѣмена, а урожай самъ 3 считается богатымъ. И стало корелу хватать своего хлѣба на 2—3 мѣсяца, а дальше... дальше переходи на кору, смѣшанную съ мякиной и картофелемъ. — Значительнымъ источникомъ доходовъ для кореляка являлась охота на птицъ, такъ что онъ былъ въ свое время почти единственнымъ поставщикомъ для Петербурга рябчиковъ, тетеревовъ, куропатокъ и прочей дичи. Но и на птицъ вышелъ законъ: указали время, когда ихъ ловить слѣдуетъ, запретили всякіе обманные силки, велѣли стрѣлять изъ ружей. А ружей-то у кореляковъ и нѣтъ почти,—такъ, кремневая винтовка какая-то, почему корелякъ изъ всѣхъ звѣрей только на бѣлку ходилъ. И здѣсь промыселъ палъ, денегъ не стало.—Въ Финляндію коробейниками ходили—прибыльно было. Еще въ недавнія времена сѣверо-востокъ Финляндіи былъ глухимъ краемъ: ни путей, ни дорогъ, ни лавокъ, ни ярмарокъ; и коробейникъ-корелъ былъ желаннымъ гостемъ. Но быстро идетъ Финляндія по пути прогресса, — куда кореламъ угнаться за ней! На нашихъ глазахъ желѣзныя дороги изрѣзали Финляндію изъ конца въ конецъ, пороги расчистили, прорыли каналы. И вмѣсто дешевой ярославской мануфактуры появился заграничный товаръ. Рѣдко теперь можно встрѣтить въ Финляндіи село, не имѣющее у себя лавки: а тутъ еще развились потребительныя общества, и барыши коробейниковъ-кореляковъ значительно упали. А тутъ еще вышелъ таможенный уставъ, котораго корелъ въ толкъ не возьметъ, почему всегда является контрабандистомъ—и вмѣсто прибыльной торговли у него нерѣдко конфискуютъ весь товаръ. И обѣднѣлъ корелъ. Войдите въ любую избу: нищета крайняя. Темно, сыро, грязно, холодно. Желѣзный котелокъ, деревянныя тарелки, кринки для молока изъ бересты, столъ топорной работы, да двѣ лавки, да нѣсколько обрубковъ дерева вмѣсто стульевъ, — вотъ и всѣ хозяйственныя принадлежности, вся мебель. Питается онъ рыбой, картофелемъ, рѣпой да хлѣбомъ указаннаго достоинства. И до сихъ поръ не можетъ примѣниться къ новымъ условіямъ жизни.

Всѣхъ кореловъ насчитывается въ Архангельской губерніи больше 22,000. Въ старину ихъ поселки заходили значительно дальше—до Онежской и даже Двинской губы. До сихъ поръ береговая полоса Бѣлаго моря въ Кемскомъ уѣздѣ зовется Корельскимъ берегомъ;—одинъ изъ рукавовъ Сѣверной Двины въ простонародьѣ называется Корельскимъ, у этого-же рукава, на берегу моря, и понынѣ стоитъ Никольскій Корельскій монастырь, основанный въ 1410 г. Рано столкнулись корелы съ русскими и частію смѣшались съ ними (въ Архангельской губ. довольно распространена фамилія—Корельскій), частію отодвинулись подальше на

востокъ въ глубину лѣсовъ и болотъ. Корелы большею частію православные, но есть и протестанты; говорятъ на одномъ изъ нарѣчій финскаго языка и только немногіе объясняются по-русски.

Мы перечислили теперь всѣхъ главныхъ представителей русскаго сѣвера и невольно обращаемся мыслію назадъ, къ началу нашего очерка. Мелькаютъ листы, встаютъ описанныя картины. Такъ вотъ онъ—этотъ Сѣверный край, дикій и забытый, бѣдный и богатый! Бѣдность, нищета, дикость населенія все больше и чаще мелькаютъ предъ глазами; рѣдко встрѣчаются веселыя картины. И невыносимо жаль этотъ народъ, въ сущности—здоровый, крѣпкій, русскій народъ,—этихъ лѣсныхъ полудикарей,—этихъ жалкихъ кочевниковъ тундры, заброшенныхъ въ забытую всѣми пустыню. И въ то же время мы видимъ всюду, что пустыня эта своеобразно богата, очень богата, можетъ прокормить не 360,000, а втрое больше народа. Океанъ и Бѣлое море—золотое дно по количеству рыбы и морского звѣря. Далекая Печора, острова Колгуевъ, Вайгачъ и Новая Земля изобилуютъ пушнымъ звѣремъ. Мертвая тундра даетъ пропитаніе милліону оленей и привлекаетъ весною и лѣтомъ громадныя стаи съѣдобной перелетной птицы. Минеральныя богатства разсѣяны щедрой рукой тамъ и здѣсь. Могучія и маленькія рѣки кишатъ вкусной, жирной рыбою. А лѣса?... Могучей силой захватили они десятки милліоновъ десятинъ, стоятъ крѣпкой стѣной отъ Финляндіи до склоновъ Урала, гордо подымаютъ вершины свои къ холодному сѣверному небу. Какое богатство заключено въ нихъ, при почти повсюду обнаруживающемся исчезновеніи древнихъ дремучихъ лѣсовъ,—какое неизсякаемое богатство при правильной эксплоатаціи и раціональномъ уходѣ и надзорѣ надъ нимъ!.. И между тѣмъ кругомъ—бѣдность, нищета, разгульное пьянство, вымираніе... Только въ такихъ странахъ такъ сильно чувствуется могучая сила знанія, разума, культуры, всѣхъ усовершенствованій, до какихъ дошло цивилизованное человѣчество; только при такихъ условіяхъ живо ощущается, что не одна природа, не однѣ человѣческія силы, не подкрѣпленныя наукой, создаютъ благоденствіе человѣка, а та культура «гнилого» Запада, надъ которой у насъ, къ несчастію, и доселѣ нѣкоторые позволяютъ себѣ глумиться...

Шумитъ грозный Ледовитый океанъ, вздымая высокія волны. Съ дикимъ крикомъ носятся вокругъ стаи чаекъ. Съ глухимъ гуломъ разбиваются ледяныя горы, съ яростью и рокотомъ набѣгаютъ валы за валами на гранитныя скалы Мурмана... И чудится въ этомъ адскомъ шумѣ то обрывокъ пѣсни разудалаго подгулявшаго промышленника, то стонъ безвѣстно погибающаго покрученника, то дикій вой голодной стаи волковъ... Подымается съ сѣвера сильный вѣтеръ, разыгрывается по тундрѣ снѣжная пурга. Шелеститъ вѣтеръ листьями березъ и осинъ и всякихъ другихъ лиственныхъ породъ, — и сквозь этотъ шелестъ какъ будто-бы слышится робкая жалоба самоѣда, гнѣтущая бѣдность заброшеннаго лѣсного и болотнаго люда... Но вотъ выше и выше восходитъ вѣтеръ—и загу-

дѣли могучія вершины сосноваго бора. И чудится: будто качая своими главами, онѣ возвѣщаютъ иную судьбу; будто хотятъ возвѣстить всему краю близкій конецъ вѣковѣчнымъ бѣдамъ. Шепчутъ онѣ: «потерпи, подожди! Даромъ ничто не дается: судьба жертвъ искупительныхъ проситъ...»

ФИНЛЯНДІЯ.

Финляндія (по-фински Suomi или Suomenmaa—«Земля озеръ») занимаетъ сѣверо-западную часть Европейской Россіи. Съ Запада она ограничивается Ботническимъ заливомъ Балтійскаго моря, а съ юга и юго-востока—Финскимъ заливомъ и Ладожскимъ озеромъ. На сѣверо-западѣ страна граничитъ съ Норвегіею рѣками Муоніо и Тана, на востокѣ же она не имѣетъ болѣе или менѣе рѣзкихъ и опредѣленныхъ границъ, переходя въ область Кольскаго полуострова (на сѣверо-востокѣ) и Олонецкой губерніи (на востокѣ); въ сѣверной своей части Финляндія почти подходитъ къ Ледовитому океану. Къ Финляндіи принадлежатъ и Аландскіе острова съ единственнымъ городомъ Маріехамномъ.

Благодаря своему геологическому прошлому *), Финляндія по рельефу и строенію поверхности представляетъ весьма своеобразную страну. Отсутствіе наносныхъ формацій, обиліе озеръ, гранитныхъ обломковъ, скалъ и валуновъ разсыпанныхъ по ея поверхности, сообщаетъ ей особенный отпечатокъ, отличающій ее даже отъ родственнаго ей Скандинавскаго полуострова. Здѣсь все, начиная съ всюду разбросанныхъ скалъ и каменныхъ глыбъ, и кончая озерами, рѣками и общимъ рельефомъ поверхности,—носитъ на себѣ ясные слѣды бывшаго здѣсь нѣкогда ледниковаго періода.

Представляя собою одинъ изъ пунктовъ суши на территоріи Европейской Россіи, наиболѣе древній по своему существованію, Финляндія, несмотря на обиліе горъ и холмовъ, должна быть въ общемъ названа скорѣе низменностью, чѣмъ возвышенностью. Горы ея нигдѣ не достигаютъ болѣе или менѣе значительной высоты. Собственно горную цѣпь можно указать только развѣ на сѣверо-западѣ страны. Здѣсь отъ высокихъ горныхъ кряжей на границѣ Норвегіи и Финляндіи тянется хребетъ Манселькё **), который, постепенно понижаясь къ югу, идетъ внутрь страны параллельно Ботническому заливу, отдѣляя отъ себя нѣсколько отроговъ (Финляндскія горы и Олонецкія), тоже незначительныхъ по высотѣ, и являясь какъ бы спиннымъ хребтомъ страны. Большая же часть ея поверхности представляетъ холмистую равнину съ покатостью къ Ботническому и Финскому заливу и съ раковинообразнымъ углубленіемъ посрединѣ.

---

*) См. Общій очеркъ.
**) Высшая точка его—Паластунтури, 425 саж.

Иcлѣдованія показываютъ, что почва Финляндіи постоянно поднимается; поднятіе это совершается весьма медленно, отъ 2 до 6 футовъ въ столѣтіе, и на сѣверѣ замѣчается въ большей степени, чѣмъ въ южной части Финляндіи; особенно ясно сказывается оно въ постепенномъ отступаніи береговой линіи въ мѣстностяхъ съ отлогими берегами. Если процессъ этотъ будетъ продолжаться и далѣе съ такою же быстротою, то спустя нѣсколько тысячелѣтій очертанія Финляндіи измѣнятся не менѣе, чѣмъ измѣнились они съ того времени, когда Бѣлое море и Финскій заливъ представляли собою сплошную водную поверхность, далеко простиравшіяся и въ даль, и въ ширь *).

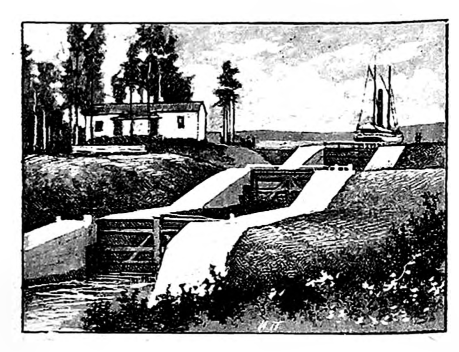
«Обычнымъ пейзажемъ для озерной Финляндіи, т. е. для большей ея части,—говоритъ одинъ русскій писатель **),—является слѣдующій: стоя на гребнѣ невысокаго холма, покрытаго сосновымъ лѣсомъ, сквозь который сѣрѣютъ скалы и камни, видишь предъ собою скаты съ лиственнымъ (гл. обр. березовымъ) лѣсомъ, за нимъ идетъ луговая поляна съ сѣннымъ сараемъ, далѣе—клочекъ посѣва, перерѣзанный канавами для отвода воды; тутъ же одинъ дворъ или группа дворовъ; далѣе сверкаетъ озеро съ извилистыми берегами, узкими мысами и группами островковъ; за нимъ видна узкая полоса другого озера, фонъ картины замыкается синѣющимъ хребтомъ лѣсныхъ холмовъ или рядомъ холмовъ,—одинъ за другимъ. Проѣдешь нѣсколько верстъ,—и снова почти повтореніе той же картины; порой большія пространства заняты болотами, покрытыми грубой травой, мхомъ, да кривыми сосенками—безлѣтками». И дѣйствительно: скалы и камни, озера и лѣсъ—вотъ главныя черты, которыя характеризуютъ финскій пейзажъ и которыя отличаютъ ее отъ всѣхъ другихъ странъ Европейской Россіи.

Изъ общей площади Финляндіи, исчисляемой въ 373,604 кв. километра ***), 41,660 километровъ занимаютъ озера,—водные бассейны, оставшіеся отъ періода таянія въ Финляндіи льда. Обыкновенно они не отличаются обширными размѣрами и глубиною, но зато поражаютъ своею многочисленностью. Область озеръ занимаетъ большую часть страны, простираясь отъ береговъ Финскаго залива до 62° с. ш. по берегу Ботническаго залива (до мыса Седибю), а оттуда по линіи соединяющей этотъ пунктъ съ пересѣченіемъ 66° широты съ русской границей.

Финляндскія озера не представляютъ собою изолированныхъ, замкнутыхъ бассейновъ, а большею частію соединены другъ съ другомъ и съ моремъ естественнымъ или искусственнымъ образомъ и образуютъ нѣсколько сплетеній, изъ которыхъ особенно замѣчательны три. Первое мѣсто среди нихъ занимаетъ Сайма—огромное сплетеніе 120 большихъ и 1,000 болѣе мелкихъ резервуаровъ воды. Избытокъ воды посылается отсюда въ Ладожское озеро широкою, засыпанною порогами рѣкою Вуоксою. Сайма съ его окрестностями славится красотою своего пейзажа, и потому привлекаетъ къ себѣ массу туристовъ. Но что особенно привлекаетъ сюда туриста, такъ это великолѣпный водопадъ Иматра, на рѣкѣ Вуоксѣ.

Финны очень гордятся своей Иматрой, описывая ее въ самыхъ восторженныхъ выраженіяхъ. Но нужно сказать, что эти описанія въ значительной степени страдаютъ преувеличеніемъ. Одинъ русскій туристъ такъ описываетъ Иматру. „Зрѣлище, представляемое Иматрою, дѣйствительно интересно, но поразительнаго, грандіознаго въ немъ, говоря по совѣсти, рѣшительно ничего нѣтъ. Иматра

*) См. общій очеркъ.
**) Д. Протопоповъ „Финляндія“ Спб. 1898 г.
***) По измѣреніямъ генерала Стрѣльбицкаго.



Шлюзы на Сайменскомъ каналѣ.

собственно даже не водопадъ, а водоскатъ, стремнина. Представьте себѣ средней ширины рѣку, которая вдругъ встрѣчаетъ на своемъ пути узкое гранитное ущелье, около 150 саженъ длиною, не болѣе 10—12 саженъ ширины и, кромѣ того, съ постепеннымъ наклономъ въ 9 саж. Скованная отвѣсными стѣнами гранита, Вуокса быстро покрывается клокочущей пѣной и съ жалобнымъ плескомъ спѣшитъ пронестись въ ущелье. Точно стадо испуганныхъ бѣлыхъ овецъ, мечутся ея волны, набѣгая другъ на друга, сшибаясь между собою и вскидывая вверхъ брызги водяной пыли... Нѣкоторые очевидцы, писавшіе объ Иматрѣ, видятъ въ ней что-то яростное, свирѣпое, могучее, въ шумѣ ея волнъ слышатъ мощный ревъ гнѣва, яростное „ура!" аттакующей колонны... Не ярость, а страхъ, паническій страхъ одушевляетъ, на мой взглядъ, эти волны, состоящія изъ одной пѣны. Передъ вами—не стая разъяренныхъ львовъ, бѣшено скачущихъ на кровавый бой, а именно стадо овецъ, въ паническомъ ужасѣ бѣгущее отъ опасности. Не голоса гнѣва слышатся въ плескѣ водопада, а жалобные, скорбные стоны, рыданіе и безсильное сѣтованіе на судьбу. Мрачныя скалы лѣваго берега, безстрастно смотрящія на эту картину бѣгства,—еще болѣе усиливаютъ такое именно впечатлѣніе..." *).

Другимъ оттокомъ Сайменскихъ озеръ служитъ искусственно устроенный Сайменскій каналъ, соединяющій ихъ около Выборга съ Финскимъ заливомъ. Сайменскій каналъ начатъ въ царствованіе Николая I съ цѣлью облегчить сношенія внутреннихъ частей Финляндіи, изрѣзанныхъ развѣтвленіями многоводной Саймы, съ морскимъ побережьемъ. При его сооруженіи строителямъ приходилось бороться съ громадными трудностями, изъ которыхъ на первомъ планѣ стояла значительная разница въ уровняхъ озера Саймы и Финскаго залива, а затѣмъ — гранитныя скалы, преграждавшія путь. Однако, энергія строителей и щедрая денежная помощь правительства преодолѣли все. Гранитныя массы взорваны порохомъ, что же касается перваго затрудненія, то оно устранено при помощи весьма остроумной системы шлюзовъ. Весь Сайменскій каналъ представляетъ собою громадную лѣстницу, ступени которой отдѣлены шлюзами. Шлюзовъ всего 28, изъ нихъ 5 тройныхъ, 3 двойныхъ, остальные—одиночные; ширина каждаго—$3^1/_2$ саж., длина—16 саж., а глубина — $1^1/_4$ саж. Нумерація ихъ считается отъ озера, невдалекѣ отъ котораго расположенъ шлюзъ № 1-й, Лауритсала и около него—мостъ съ надписями на аркахъ. На одной сторонѣ надпись гласитъ: „Императоръ Николай I въ 1843 г. началъ", на другой — „Императоръ Александръ II въ 1856 г. окончилъ". Такимъ образомъ, постройка канала продолжалась 13 лѣтъ; правительство истратило на его сооруженіе около 3 милліоновъ рублей.

Второе сплетеніе финляндскихъ озеръ составляетъ система Пэйяне или „Святаго озера". Желѣзныя дороги соединяютъ эту систему съ моремъ, судоходнаго же сообщенія съ нимъ она не имѣетъ. Правда, изъ Пэйяне вытекаетъ рѣка въ Финскій заливъ, по имени Кюмень, но она вся засыпана порогами, и недалеко отъ ея устья гремитъ немолчный Hog-fors, т. е. „Высокій водопадъ". Третье сплетеніе озеръ есть система Няси — озера (Näsi-järvi), съ водопадами Кюро и Тампере *). Совершенно отдѣльно отъ указанныхъ системъ озеръ, на крайнемъ сѣверѣ Финляндіи лежитъ самое большое озеро страны Энаре (поверхность по однимъ вычисленіямъ — въ 2,530, по другимъ — въ $1{,}421^1/_2$ кв. километровъ), соединяющееся посредствомъ рѣки Патсъ-Іоки съ незамерзающимъ заливомъ Ледовитаго океана—Варангаръ-фіордъ.

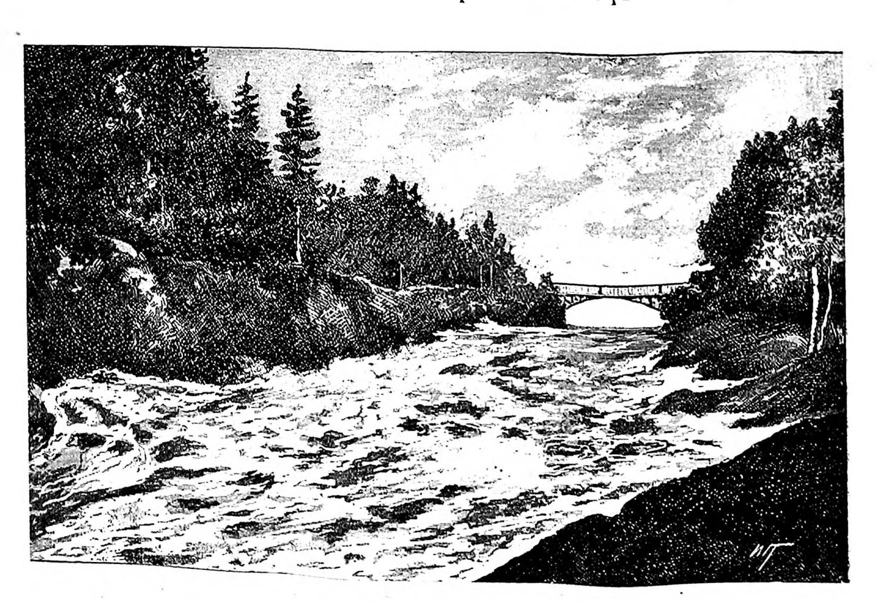
Относительно финляндскихъ рѣкъ нужно замѣтить, что болѣе или менѣе значительныхъ размѣровъ онѣ достигаютъ лишь на сѣверѣ страны. Таковы — р. Кемь (Кеми-іоки)—самая большая рѣка Финляндіи, Улео и Торнео съ притокомъ Муоніо, изливающіяся въ Ботническій заливъ, и Тана, впадающая въ Ле-

*) В. Семеновъ. „Поѣздка на Иматру".
*) С. Мечъ. „Финляндія", стр. 47 и сл.

довитый океанъ. Двѣ послѣднія рѣки служатъ границею между Финляндіею и Норвегіею. На берегу Торнео, близъ самаго полярнаго круга, находится высокій холмъ Авасакса (700 футовъ), съ котораго 10 іюня можно любоваться полуночнымъ солнцемъ, сіяющимъ съ сѣвера.

Характерною особенностью финскаго пейзажа служатъ, какъ уже было замѣчено, также камни и гранитные обломки самой разнообразной величины и формы. Оторванные отъ поверхности движеніемъ ледяной массы въ ледниковый періодъ, они, двигаясь вмѣстѣ со льдомъ, постепенно отлагались по бокамъ глетчера и въ концѣ его, въ видѣ такъ называемыхъ боковыхъ и конечныхъ моренъ. Общее движеніе ледяныхъ массъ сказалось здѣсь на продольномъ расположеніи этихъ глыбъ—въ направленіи съ С.-З. на Ю.-В. *). Гранитныя глыбы или валуны виднѣются здѣть всюду, даже вдаль морскаго побережья. Здѣсь онѣ образуютъ цѣлый поясъ скалъ, то подводныхъ, то выступающихъ въ видѣ небольшихъ островковъ надъ поверхностью воды темныхъ скалъ, то обнаженныхъ, то покрытыхъ тощею растительностью. Это такъ называемыя финляндскія шкеры. Особенно богатъ шкерами сѣверный берегъ Финскаго залива, гдѣ онѣ образуютъ поясъ, шириною отъ 30 до 50 верстъ. Что касается мелкихъ камней, то они разсѣяны по всей поверхности страны въ такомъ невѣроятномъ количествѣ, что впервые прибывшій въ Финляндію путешественникъ положительно поражается этимъ оригинальнымъ зрѣлищемъ. Куда ни глянешь, всюду камень и камень: то

*) Этимъ же объясняется и аналогичное расположеніе озеръ Финляндіи.



Водопадъ Иматра.

обнаженные, то покрытые мягкимъ ковромъ мха, камни лежатъ всюду,—и на лугахъ, и въ самой глухой чащѣ лѣса; изъ нихъ строятся и фундаменты домовъ, и заборы, цѣлыя груды ихъ свалены трудолюбивымъ финномъ-земледѣльцемъ съ полей; камень является ему и врагомъ, и другомъ. Кажется, будто какой-то гигантъ прошелъ по всей Финляндіи и разбросалъ эти камни, какъ пахарь зерна, на потѣху ли себѣ, или на зло труженику-человѣку...

Простирающаяся въ сѣверной своей части за предѣлы полярнаго круга, открытая доступу холодныхъ сѣверныхъ вѣтровъ, Финляндія отличается суровостью климата; послѣдняя, впрочемъ, значительно ослабляется вліяніемъ гольфштрема; благодаря ему, а также вслѣдствіе раковинообразнаго строенія почвы Финляндіи, представляющей впадину въ срединѣ, жители Финляндіи имѣютъ возможность заниматься земледѣліемъ на такихъ широтахъ, на которыхъ въ другихъ странахъ земледѣліе совершенно немыслимо. Сѣверное положеніе страны обусловливаетъ рѣзкость въ температурныхъ переходахъ: зимы здѣсь стоятъ суровыя, лѣта знойныя. Обиліе болотъ и озеръ сообщаетъ климату влажность, а громадные лѣса, покрывающіе ея поверхность, среди которыхъ преобладаетъ сосна, дѣлаютъ Финляндію одной изъ самыхъ здоровыхъ мѣстностей Россіи.

Вообще о природѣ Финляндіи нужно сказать, что она не балуетъ человѣка: дикая, суровая, негостепріимная, она требуетъ отъ своихъ жителей трудной, упорной борьбы, она не даетъ ему матеріала для широкаго полета фантазіи, не можетъ пробудить въ ней богатыхъ образовъ, не оставляетъ для этого даже свободнаго времени. И она наложила свою печать на населеніе. Политическія условія также потребовали отъ финна большихъ жертвъ прежде, чѣмъ ему удалось, какъ теперь, завоевать себѣ сравнительно сносное существованіе. Все это будетъ вполнѣ понятно, если мы обратимъ вниманіе на географическое положеніе страны.

Стиснутая между двумя могучими сосѣдями—Россіей и Швеціей, Финляндія, естественно, не могла долгое время сохранить свою политическую независимость и самостоятельность. Уже съ XII вѣка со стороны Швеціи начались вторженія въ финляндскую территорію, въ формѣ «крестовыхъ походовъ», и, мало-по-малу, Финляндія попала въ зависимость отъ Швеціи. Шведы за 600-лѣтній періодъ своего господства въ Финляндіи внесли въ покоренную страну свою религію, нравы, обычаи и просвѣщеніе, но съ тѣхъ поръ, какъ великій преобразователь Россіи Петръ I основалъ столицу Русскаго государства почти у самой границы съ Финляндіею и присоединилъ къ Россіи часть ея подъ названіемъ Выборгской губерніи, она неминуемо должна была, рано или поздно, сдѣлаться владѣніемъ Россіи. Еще гораздо ранѣе, въ XIV столѣтіи, русскіе дѣлали набѣги на Финляндію *); но теперь политическіе виды Россіи на Финляндію пріобрѣли характеръ системы, и нуженъ былъ только удобный случай для того, чтобы от-

*) Такъ, въ 1318 году новгородская рать прошла огнемъ и мечемъ до рѣки „Авры“ т. е. чрезъ всю страну, и раззорила на берегу этой рѣки городъ „Абовъ“.

торгнуть Финляндію и присоединить ее къ Россіи. Это присоединеніе состоялось въ началѣ настоящаго столѣтія, въ царствованіе императора Александра I. Завоеванный силою оружія, уступленный Швеціею, по трактату отъ 5—17 сентября 1809 года «въ собственность и державное обладаніе Имперіи Россійской» этотъ край присоединенъ былъ къ Россійской Имперіи подъ названіемъ Великаго Княжества Финляндскаго. По волѣ завоевателя, покоренной странѣ оставлена была религія, самостоятельное законодательство, собственное управленіе и судъ, територія и подданство (грамота Александра I 15 марта 1809 г. и сеймъ въ Борго 16 марта того же года). Эта самостоятельность сохраняется за Финляндіею до настоящаго времени, такъ что, въ ряду остальныхъ провинцій и подвластныхъ Россіи областей она занимаетъ исключительное положеніе. Предоставленный самому себѣ этотъ край подъ защитою Россіи развился, окрѣпъ и достигъ той степени благосостоянія, которой нельзя не удивляться, принимая во вниманіе суровость и бѣдность страны.

Организація управленія Финляндіею въ сущности сохранилась въ той формѣ, какая дана была ему въ царствованіе Александра I, за нѣкоторыми несущественными измѣненіями. Высшимъ учрежденіемъ, вѣдающимъ внутреннія дѣла страны, является императорскій сенатъ; онъ состоитъ изъ сенаторовъ, числомъ не менѣе 20, назначаемыхъ высочайшею властью по представленію генералъ-губернатора изъ коренныхъ финляндцевъ или изъ лицъ водворившихся въ краѣ и пріобрѣвшихъ право финляндскаго гражданства, и раздѣляется на два департамента судебный и хозяйственный. Дѣйствія сената «ограничиваются существующими узаконеніями безъ всякой власти перемѣнять, пояснять или еще менѣе, уничтожать оныя». Предсѣдательство въ сенатѣ, равно какъ и общее руководство исполнительной администраціей и начальство надъ финляндскими и русскими, находящимися въ Финляндіи войсками,—принадлежитъ генералъ-губернатору, который назначается обыкновенно изъ русскихъ сановниковъ. Представителемъ Финляндіи при дворѣ императора является министръ—статсъ-секретарь, на обязанности котораго лежитъ докладъ всѣхъ дѣлъ, касающихся Финляндіи и принадлежащихъ непосредственному рѣшенію верховной власти, и сообщеніе высочайшихъ повелѣній генералъ-губернатору. При измѣненіи кодекса законовъ или составленіи новыхъ законопроектовъ послѣдніе первоначально обсуждаются на сеймѣ, а потомъ уже, по утвержденіи ихъ императоромъ, поступаютъ въ сенатъ для приведенія ихъ въ исполненіе. Финляндскій сеймъ имѣетъ сословную форму; сюда являются представители отъ четырехъ сословій: дворянскаго, духовно-ученаго, городского и сельскаго. Съ 1863 года сеймы собираются по крайней мѣрѣ разъ въ пять лѣтъ; кругъ вопросовъ, обсуждаемыхъ на сеймахъ, опредѣляется правительствомъ.—Въ отношеніи гражданскаго управленія Финляндія раздѣляется на 8 губерній (lân) съ губернаторами во главѣ, уѣзды (härad или fögderie) и на общины, которыя сами вѣдаютъ свои мѣстныя дѣла.

Главнымъ племенемъ, населяющимъ Финляндію, какъ по количеству, такъ и

по занимаемой площади являются финны *), народъ не-арійскаго происхожденія, а принадлежащій къ финско-угорской вѣтви народовъ, къ которой относятся также венгерцы, остяки, вогулы, черемисы, мордва и др. болѣе мелкія инородческія племена Европейской Россіи. Финны раздѣляются на нѣсколько племенныхъ группъ, изъ которыхъ каждая занимаетъ болѣе или менѣе опредѣленную территорію. Юго-западный уголъ Финляндіи занимаютъ тавасты (фин. «Hämälaiset»), восточную—корелы (фин. Karjalainen»); въ срединѣ между тѣми и другими живутъ саволаксы; наконецъ, въ сѣверо-западной части Финляндіи,—по сѣверному побережью Ботническаго залива и далѣе на сѣверъ, приблизительно до 67° с. ш., обитаютъ эстербонійцы. Первыя два племени являются наиболѣе типичными и характерными; вторыя же служатъ какъ бы переходными между ними (саволаксы и эстербонійцы—смѣсь корелъ съ саволаксами).

Отличительною особенностью финновъ является то, что они—брахицефалы, т. е. отношеніе длины головы къ ея ширинѣ у нихъ меньше, чѣмъ у народовъ арійскаго племени; они въ большинствѣ случаевъ обладаютъ небольшими, свѣтлыми глазами, что послужило основаніемъ къ наименованію ихъ древними русскими „Чудью бѣлоглазой", широкимъ, нерѣдко вздернутымъ носомъ, развитыми челюстями и плотнымъ, коренастымъ тѣлосложеніемъ. Волосы у нихъ свѣтлые, борода или совсѣмъ отсутствуетъ, или очень рѣдка.

Зависимость человѣка отъ условій климата и почвы иллюстрируется всего лучше въ Финляндіи, этой странѣ труда, дикой и угрюмой, хотя и не лишенной своеобразной прелести. Человѣкъ здѣсь вполнѣ отражаетъ природу и носитъ на себѣ всѣ ея яркія и мрачныя краски. Въ то время, какъ тавастъ—настоящій типическій финнъ — по природѣ угрюмъ и мраченъ, какъ и нагорные лѣса его родины, карелъ — его родной братъ,—живъ и подвиженъ, какъ свѣтлыя воды, обильныя въ его родинѣ; при этомъ они различаются между собою не столько по типу, сколько по строю характера, какъ представители двухъ различныхъ племенъ.

Симпатичная, добродушная, со свѣтлыми, добрыми глазами фигура карела дышетъ такою жизнью, что человѣкъ, знающій финновъ только по маймистамъ и вейкамъ Петербурга, не узнаетъ въ разбитномъ и веселомъ карелѣ настоящаго финна. Онъ не угрюмъ и не молчаливъ, а веселъ и болтливъ, любитъ хорошо провести время, поплясать и попѣть; въ немъ нѣтъ особенной финской осмотрительности и самоуглубленія; напротивъ того, онъ весь нараспашку, какъ русскій мужикъ. Онъ легко сходится, пріятенъ въ дружбѣ, не золъ и не вѣруетъ въ роковое „fatum", какъ его сосѣдъ—тавастъ. При живости характера карелъ сообразителенъ, быстро принимается за всякое дѣло, но зато скоро и теряетъ терпѣніе. Въ отношеніи къ другимъ онъ чрезвычайно мягокъ, любезенъ и обходителенъ. Между карелами встрѣчаются чрезвычайно пріятныя и даже, можно сказать, красивыя физіономіи, особенно между женщинами. Вообще, карела можно сравнить съ французомъ, въ противоположность тавасту, который похожъ на истаго глубокомысленнаго нѣмца. Въ общемъ, лицо карела, какъ и всякаго финна, не представляетъ особенной красоты; только высокій лобъ, голубые глаза, въ которыхъ свѣтятся простота, доброта и благодушіе, здоровый цвѣтъ лица и дѣйствительно прекрасные, часто вьющіеся волосы могутъ въ своемъ сочетаніи дать если не красивое, то симпатичное, милое лицо, гораздо чаще встрѣчающееся между карелами, чѣмъ между финнами Центральной и Западной Суоментаа.

Совсѣмъ не таковъ тавастъ. Онъ угрюмъ, серьезенъ, молчаливъ. Вся его фигура, плотная, но грузная и аляповатая, — гармонируетъ съ его психическимъ настроеніемъ. Глаза его, иногда прекрасные и выразительные, смотрятъ какъ то вглубь себя; міра словъ нѣтъ для таваста; превратности судьбы не волнуютъ его, потому что онъ, какъ истый фанатикъ, вѣруетъ, что чему быть, тому не миновать. Широкоплечая, приземистая фигура его указываетъ на то, что онъ не боится физическаго труда и лишеній и что онъ „можетъ дѣлать хлѣбъ изъ камня", какъ справедливо говорятъ о финляндцахъ. Эта медленность въ движеніяхъ, тяжесть на подъемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ осмотрительность

*) „Fin" или „fen"—названіе, данное западными народами жителямъ Финляндіи; сами же они называютъ себя Suomalaiset, т. е. суомалайцы (озерные люди).

показываютъ увѣренность въ своихъ силахъ и желѣзное терпѣніе, которымъ тавастъ дѣйствительно можетъ похвастаться. Какъ натура крѣпкая и спокойная, тавастъ мужественъ и сражается, какъ левъ, до послѣдняго издыханія; недаромъ финскіе полки служили ядромъ шведскихъ дружинъ въ ихъ войнахъ съ Великимъ Новгородомъ, а позже— съ русскимъ государствомъ. Всѣ эти свойства ума и психическій складъ таваста, дѣлающіе изъ него непобѣдимо стойкаго борца за существованіе и обусловливающіе его жизнеспособность, вмѣстѣ съ тѣмъ обусловливаютъ и другія его качества, далеко не симпатичныя и прямо зависящія отъ его мрачнаго настроенія. Тавастъ упрямъ, ревнивъ, мстителенъ и жестокъ. Если только что-нибудь выведетъ его изъ его душевнаго равновѣсія, тогда мстительность и злоба его не имѣютъ предѣловъ, и съ виду добродушный, хотя и угрюмый финнъ можетъ сдѣлаться ужаснымъ злодѣемъ. Съ постороннимъ тавастъ несообщителенъ, неласковъ, часто даже грубъ, но всегда гостепріименъ. Къ людямъ, не говорящимъ по-фински, онъ всегда относится недружелюбно и подозрительно, но разъ онъ сошелся съ кѣмъ-нибудь, на дружбу его можно положиться, какъ на каменную стѣну. Все міросозерцаніе таваста полно мрачнаго взгляда на міръ и его явленія; божества финской миѳологіи носятъ въ большинствѣ такія темныя краски, что окраска ихъ еще темнѣе, чѣмъ у божествъ лопарской миѳологіи. Ихъ образы какъ бы сложены изъ тумана, возстающаго изъ многочисленныхъ водъ страны *).

Финнъ.

Но каковы-бы ни были національныя различія между истинными финнами и карелами, тѣмъ и другимъ обща одна основная черта характера, черта, такъ отличающая вообще населенія Финляндіи: это — непоколебимая честность, простирающаяся до самыхъ послѣднихъ мелочей обыденной жизни. Финнъ никогда не позволитъ себѣ запросить втридорога съ покупателя, никогда не воспользуется его неопытностью, незнаніемъ цѣнъ или условій мѣстной жизни, никогда не рѣшится присвоить себѣ чужое имущество, даже въ томъ случаѣ, когда онъ знаетъ, что владѣлецъ этого имущества уже не вернется за нимъ. Если вы, покупая что-нибудь у финна, дадите ему лишнюю копѣйку, онъ низачто не рѣшится положить ее въ свой карманъ. Онъ долго будетъ искать васъ, чтобы возвратить вамъ ваши деньги и, наконецъ, отчаявшись найти васъ, опуститъ монету въ церковную кружку. Если вы, проѣзжая по дорогамъ Финляндіи, забыли гдѣ-нибудь на станціи вашъ кошелекъ, хотя бы туго набитый деньгами,—не безпокойтесь, все будетъ цѣло и сохранно. Финнъ поскачетъ вслѣдъ за вами во всю прыть коня, и если не догонитъ васъ, то поручитъ догонять кому-нибудь на слѣдующей станціи. Умѣя свято беречь чужое добро, финнъ такъ же честно, бережливо, осторожно относится и къ своей собственности. Трудолюбивый до крайности, онъ не позволитъ себѣ отнять копѣйку у своей семьи, у дома; никогда не позволитъ себѣ истратить ее на свое личное удовольствіе. Тою же честностью отличается финнъ и въ общественной дѣятельности; общественныя работы, напр., въ Финляндіи поражаютъ своею добросовѣстностью и дешевизной. Такъ проведеніе Сайминскаго канала, стоившее очень большихъ трудовъ и искусства, обошлось на 3 милліона дешевле сравнительно съ предполагавшимися расходами. Замѣчательною доброкачественною работы отличаются также и желѣзныя дороги, вполнѣ оправдывающія сложившееся мнѣніе, — что финны строятъ въ пять разъ дешевле другихъ и въ десять разъ прочнѣе.

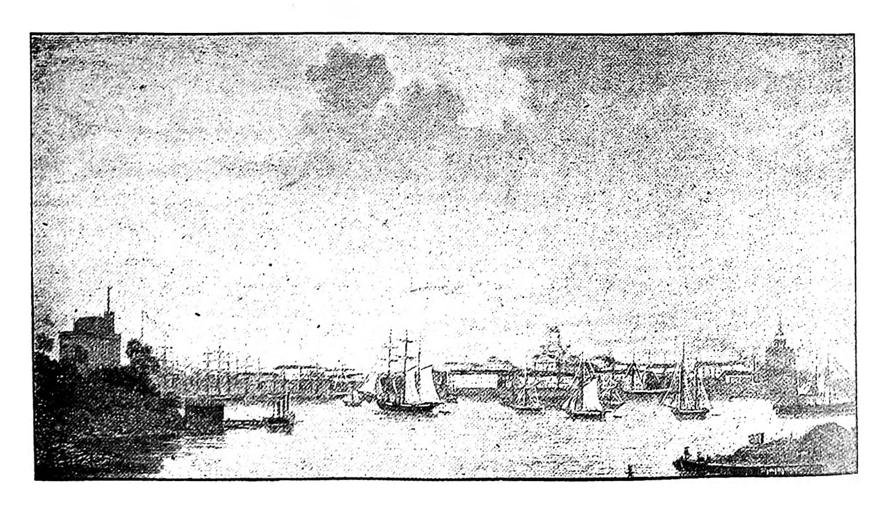
Кромѣ собственныхъ финновъ, составляющихъ абсолютное большинство населенія Финляндіи (2.169,000 человѣкъ изъ общаго числа населенія въ 2.500,000

*) Елисѣевъ. „По бѣлу свѣту“.

человѣкъ), здѣсь живутъ еще шведы (341,500 человѣкъ), русскіе (около 7,000) нѣмцы (до 1,800) и цыгане (около 1,500 человѣкъ). Шведы, нѣкогда бывшіе господами страны, сосредоточены главнымъ образомъ по побережью Ботническаго и отчасти Финскаго заливовъ, на Аландскихъ островахъ и во всѣхъ прибрежныхъ городахъ Финляндіи и въ значительной степени подчинились финскому вліянію. Русскіе живутъ почти исключительно въ городахъ, занимаются преимущественно торговлею и ремеслами и замѣчательно быстро поддаются процессу офиненія. Крайній сѣверъ Финляндіи занимаютъ лапландцы,—бродячее племя, въ настоящее время сильно уменьшающееся въ своей численности.

По той быстротѣ, съ которою возрастаетъ населеніе Финляндіи, эта страна занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ ряду другихъ европейскихъ странъ. Съ половины XVIII вѣка число жителей Финляндіи возрасло почти въ пять разъ, а съ 1815 года оно почти удвоилось. Причина этого явленія заключается главнымъ образомъ въ тѣхъ исключительныхъ условіяхъ, въ которыхъ находится Финляндія: въ теченіе болѣе пятидесяти лѣтъ финны пользуются глубокимъ миромъ, не зная войнъ съ ихъ страшными опустошеніями, что позволяетъ имъ безпрепятственно размножаться.

Проѣзжая по Финляндіи, путешественникъ выноситъ впечатлѣніе глухой, заброшенной, безлюдной страны. Здѣсь нѣтъ болѣе или менѣе обширныхъ поселеній вродѣ слободъ и хуторовъ нашей южной Россіи; болѣе того—финская деревня отличается отъ обыкновенныхъ русскихъ поселеній своими незначительными размѣрами; она состоитъ изъ одиноко стоящихъ дворовъ или группъ въ два, много въ три двора. Лишь въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Тавастланда и Эстерботніи можно встрѣтить поселки, но и то дворы стоятъ здѣсь не сплошной улицей, а въ разбивку и отдѣлены другъ отъ друга большими промежутками. Такіе поселки разбросаны по Финляндіи всюду среди болотъ, озеръ и лѣсовъ, и это



Видъ Гельсингфорса съ моря.

вполнѣ понятно: суровая покрытая лѣсомъ и водою, каменистая страна не позволяетъ финну селиться общинами, такъ какъ для пропитанія послѣдней потребовались бы обширныя сплошныя пространства удобной для земледѣлія почвы. А этого какъ разъ и нѣтъ въ Финляндіи. Здѣсь человѣку приходится отвоевывать у природы пригодную для культуры почву лишь незначительными клочками; о разработкѣ цѣлыхъ сплошныхъ участковъ не приходится даже и думать.

Суровый климатъ Финляндіи, скудная, покрытая камнями и обладающая лишь тонкимъ плодороднымъ слоемъ почва, краткость лѣта, частые заморозки и испаренія отъ болотъ и озеръ,—все это, въ совокупности, сильно затрудняетъ земледѣліе въ Финляндіи. И несмотря на это финляндецъ занимается преимущественно земледѣліемъ: около 80% всего населенія Финляндіи—земледѣльцы. Большая часть земли (около 21.659,000 гектаровъ) въ Финляндіи составляетъ собственность крестьянъ; но далеко не всѣ изъ послѣднихъ являются здѣсь земельными собственниками въ полномъ смыслѣ этого слова. Лишь немногіе финскіе крестьяне имѣютъ собственную землю; это, такъ сказать, крестьяне-помѣщики; большинство же пользуются землею на арендныхъ началахъ, находясь, такимъ образомъ, въ извѣстной зависимости отъ крестьянъ-собственниковъ. Это—торпари, бобыли и постояльцы.

Торпари, числомъ до 69,000 человѣкъ, представляютъ собою особый классъ, въ родѣ арендаторовъ или мелкихъ фермеровъ. Землевладѣлецъ-крестьянинъ, не имѣющій достаточнаго количества рабочихъ рукъ для того, чтобы расширить свои пашни или поддерживать въ порядкѣ разработанные ранѣе участки, отдаетъ на извѣстныхъ условіяхъ право пользоваія нѣкоторыми частями своей земли торпарямъ; такіе участки, называемые торпами, обыкновенно заключаютъ въ себѣ отъ 5 до 10 гектаровъ пашни и соотвѣтственное количество луга. Торпъ можетъ прокормить 2—3 лошади и 8—10 коровъ. Жилой домъ и другія строенія такъ же хороши или такъ же примитивны, какъ и въ обыкновенныхъ крестьянскихъ усадьбахъ подобныхъ же размѣровъ. Сами торпари ни платьемъ, ни образомъ жизни нисколько не отличаются отъ остальныхъ крестьянъ. Но съ точки зрѣнія крестьянина торпарь на соціальной лѣстницѣ стоитъ все-таки нѣсколькими ступенями ниже его, и бракъ дочери крестьянина съ сыномъ торпаря всегда считается для нея mésalliance, хотя бы семья торпаря и была столь же достаточна, какъ и ея. Разница въ положеніи того и другого заключается въ томъ, что крестьянинъ имѣетъ недвижимую собственность, на которой чувствуетъ себя свободнымъ и неограниченнымъ хозяиномъ, какъ бы онъ ни былъ бѣденъ; между тѣмъ торпарь, въ силу договора, большею частію занимаетъ по отношенію къ землевладѣльцу подчиненное положеніе почти что слуги; къ тому же его трудъ, въ концѣ концовъ, обогащаетъ землевладѣльца, а не его самого. Иногда, по истеченіи срока аренды, договоръ не возобновляется или же торпарь, вслѣдствіе несоблюденія какого-нибудь условія, бываетъ принужденъ покинуть свой участокъ обыкновенно безъ всякаго вознагражденія за многолѣтній трудъ, потраченный имъ на обработку чужой земли. Сознаніе возможности такого исхода нерѣдко заставляетъ торпаря воздерживаться отъ улучшеній, разсчитанныхъ на будущее время. Поэтому, въ смыслѣ интенсивности труда, торпарь стоитъ ниже крестьянина.

Что касается бобылей, то они живутъ обыкновенно въ одиноко стоящихъ избушкахъ, ютящихся на окраинахъ участковъ. Къ избушкѣ, низенькой и тѣсной, чаще всего состоящей изъ одной лишь комнаты съ сѣнями, пристроенъ амбаръ и иногда—небольшая закута. У самой избушки—гряды картофеля, на которыя можно высѣять нѣсколько каппъ (каппа немного болѣе 2 гарнцевъ). Это—жилище бобыля, но не его собственность, онъ только нанимаетъ его у землевладѣльца. Наемная плата, конечно, не велика — всего какихъ-нибудь пять марокъ, но къ этому присоединяется еще плата въ 10—20 марокъ за пастбище для единственной коровы, да нѣсколько лѣтнихъ дней работы на хозяина или какія-либо другія услуги, какъ, напр., колка или возка дровъ и т. п. Средства къ существованію бобыль достаетъ главнымъ образомъ случайными

заработками у окрестныхъ крестьянъ. Рѣдко отправляется онъ искать работы въ болѣе отдаленныхъ мѣстахъ, потому что его жилище, какъ оно ни скромно, все же доставляетъ его семьѣ хотя какое-нибудь пристанище. Это прочно привязываетъ его къ мѣсту.

Третій классъ зависимаго рабочаго населенія Финляндіи составляютъ такъ называемые постояльцы (Loinen или Asellinen— по-фински); положеніе ихъ еще печальнѣе сравнительно съ торпарями и бобылями: послѣдніе при своемъ зависимомъ положеніи имѣютъ, однако, отдѣльныя жилища, — нахлѣбники же живутъ въ хозяйской избѣ. Этотъ обычай совмѣстной жизни хозяевъ и нахлѣбниковъ очень распространенъ въ сѣверной и восточной Финляндіи, гдѣ зачастую въ одной комнатѣ избы живетъ по 10, 12 и болѣе человѣкъ. Если въ зимнее время, при закрытыхъ окнахъ, такая скученность не окончательно губительна для здоровья, то это благодаря лишь постоянной тягѣ отъ почти непрерывно топящагося очага и отъ поминутно отворяющейся двери, выходящей прямо на улицу или въ холодныя сѣни. Изо дня въ день всю жизнь съ ея радостями и заботами проводятъ обѣ семьи въ одной комнатѣ, служащей и кухней, и столовой, и мастерской, и спальной. Безъ всякаго предварительнаго соглашенія, прямо по обычаю, семья хозяина помѣщается въ глубинѣ комнаты, семья же постояльца занимаетъ уголъ ближайшій къ двери. Другой разницы въ жизни постояльцевъ и хозяевъ нельзя замѣтить. Удивительно, какъ такая совмѣстная жизнь двухъ семей, даже не родственныхъ, обходится безъ серьезныхъ неурядицъ; это можно объяснить развѣ патріархальностью семейнаго быта, сохранившагося въ глухихъ частяхъ страны. Впрочемъ, неизбѣжныя недоразумѣнія разрѣшаются весьма просто: хозяинъ выгоняетъ своего постояльца. Жаловаться на это некуда, потому что, согласно словесному договору, обѣ стороны сохраняютъ за собою право нарушить его въ любой срокъ. Рѣдко бываетъ, чтобы постоялецъ прожилъ нѣсколько лѣтъ въ одной и той же избѣ; это—кочевникъ въ культурной странѣ. Имущество его въ высшей степени скромно: необходимѣйшее платье, кое-какая домашняя утварь, простѣйшія домашнія орудія, рѣдко— корова и еще того рѣже — хотя бы сколько-нибудь денегъ. Плата за постой—двѣ марки (75 к.) въ недѣлю—выплачивается работой. Средства къ существованію даетъ постояльцу случайный заработокъ въ качествѣ рабочаго у сосѣдей; ручное ремесло въ этомъ классѣ пока мало еще распространено. Понятно, что при такихъ условіяхъ нахлѣбнику живется далеко не легко; особенно трудно бываетъ ему въ неурожайные годы, вообще всегда очень тяжелые для всякаго финна-земледѣльца *).

Расширеніе площади посѣвовъ совершается въ Финляндіи на счетъ лѣса и болотъ. Въ первомъ случаѣ финны расчищаютъ мѣсто для пашни посредствомъ пожоговъ (по-фински kaskenpoltto). Избравъ какой-нибудь участокъ земли, финнъ срубаетъ на немъ лѣсъ и оставляетъ его лежать до слѣдующаго лѣта; затѣмъ срубленный лѣсъ зажигаютъ, оставшіеся несгорѣвшими послѣ пожога древесные стволы складываютъ въ кучу, а освободившееся такимъ образомъ пространство вспахиваютъ сохою; въ первый годъ на пожогѣ сѣютъ обыкновенно рожь, во второй—ячмень или овесъ, иногда еще и на третій годъ гречиху, послѣ чего землю оставляютъ зарастать травою и лѣсомъ. Впрочемъ, такой способъ обработки земли, какъ требующій большихъ усилій и неблагодарный, мало-по-малу, оставляется финнами и примѣняется почти исключительно для расчистки лѣса подъ пастбища. Гораздо продуктивнѣе другой способъ расширенія площади пахотной земли—это осушеніе болотъ, и финны усердно трудятся въ этомъ направленіи, не жалѣя ни силъ, ни средствъ. Въ теченіе пяти лѣтъ они осушили около 600 кв. верстъ, т. е. почти 62,500 десятинъ земли; при этомъ не малую услугу оказываетъ финляндцамъ уступообразное положеніе нѣкоторыхъ внутреннихъ водныхъ бассейновъ; иногда для того, чтобы осушить какое-нибудь озеро или болото,

*) См. „Финляндія“, сборникъ подъ ред. Д. Протопопова, Спб., 1898 г. Статья Т. Хультинъ, стр. 209—230.

требуется только спустить изъ него воду въ сосѣдній бассейнъ, лежащій ниже его. И въ настоящее время нерѣдко можно видѣть богатые поля и луга на томъ мѣстѣ, гдѣ прежде лежали непроходимыя болота.

Какъ бы то ни было, но всѣ старанія финновъ не всегда приводятъ къ желаемымъ результатамъ: хлѣба въ большинствѣ случаевъ едва хватаетъ на прокормленіе населенія. Главнымъ пищевымъ продуктомъ въ Финляндіи является рожь; изъ нея финнъ приготовляетъ свою любимую кашу, изъ нея же печетъ онъ и свой хлѣбъ. Послѣдній имѣетъ форму круглыхъ хлѣбцевъ съ отверстіемъ посрединѣ; эти хлѣбцы пекутся два-три раза въ годъ, нанизываются на шестъ и привѣшиваются въ избѣ подъ потолкомъ для употребленія. Вслѣдствіе недостаточнаго количества муки, къ ней часто примѣшиваются сосновая и березовая кора, иногда мякина, сѣмена щавеля, олений мохъ и другія растенія. Эти суррогаты составляютъ обычное явленіе въ Финляндіи особенно въ неурожайные годы. Когда лѣто бываетъ холодное и дождливое, такъ что хлѣба не успѣваютъ созрѣть до осеннихъ заморозковъ, неурожай является неизбѣжнымъ, и жители обречены на голоданіе. Тогда люди ѣдятъ почти все, что можно жевать, и жертвы голодовки въ такихъ случаяхъ насчитываются сотнями и даже тысячами. Такъ, въ 1868—69 гг. въ Финляндіи умерло до 100,000 человѣкъ; количество погибшихъ отъ голода за этотъ періодъ времени въ нѣкоторыхъ уѣздахъ достигало четверти всего населенія; число смертныхъ случаевъ въ это время втрое превышало количество рожденій во всей Финляндіи. И только замѣчательная выносливость финновъ давала возможность переживать эти бѣдствія.

Большимъ подспорьемъ благосостоянію финновъ служитъ скотоводство, развитое въ довольно значительной степени. Къ разведенію скота страна очень удобна, такъ какъ луговъ здѣсь значительно больше, чѣмъ пашень; особенно много луговъ на сѣверѣ Финляндіи. Луга даютъ хорошіе покосы и служатъ хорошимъ подспорьемъ для скотоводства, успѣху котораго способствуетъ также воздѣлываніе земли посредствомъ пожоговъ. Выжженные участки земли, принеся крестьянину двѣ-три жатвы, оставляются вполнѣ и скоро покрываются сочною травою, которая, по причинѣ пней и камней, обыкновенно не косится, но даетъ скоту отличный подножный кормъ.

Рогатый скотъ въ Финляндіи принадлежитъ скорѣе къ молочной породѣ, чѣмъ къ убойной. Финскія коровы не отличаются особеннымъ обиліемъ молока, но зато ихъ молоко богато жировыми частями. Молочные продукты, составляющіе послѣ хлѣба одно изъ самыхъ важныхъ пищевыхъ средствъ для населенія, въ настоящее время являются предметомъ усиленнаго вывоза какъ въ Россію, такъ и за границу. Такъ, экспортъ масла въ 1895 г. выразился въ цифрѣ 14.115,054 килограмма. Домашняя выдѣлка масла отдѣльными домохозяевами въ настоящее время въ Финляндіи почти совсѣмъ прекратилась. Иногда сосѣдніе крестьянскіе дворы соединяются и устраиваютъ общую молочню на паяхъ, въ которой вырабатывается масло. Такія крестьянскія молочни, въ которыхъ крестьяне сами приготовляютъ масло по раціональному способу, распространены въ сѣверномъ Саволаксѣ и Кареліи. Но вообще замѣчено, что мелкія молочни постепенно вытѣсняются крупными. До 80-хъ годовъ фабрикація масла въ крупныхъ размѣрахъ производилась почти исключительно въ помѣщичьихъ имѣніяхъ. Другая отрасль молочнаго хозяйства въ Финляндіи — сыроваренiе — не получила въ Финляндіи такого значенія, какъ маслодѣліе. Тѣмъ не менѣе, фабрикація сыра здѣсь извѣстна давно, хотя сыръ этотъ и не служитъ предметомъ вывоза. Молоко и сливки вывозятся изъ Финляндіи въ небольшомъ количествѣ въ Петербургъ. Въ видахъ болѣе раціональнаго веденія сельскаго хозяйства, финляндское правительство содержитъ въ разныхъ частяхъ страны значительное количество школъ молочнаго хозяйства, въ которыхъ ученицы въ теченіе двухгодичнаго періода получаютъ необходимыя теоретическія познанія, а равно знакомятся и съ практикою скотоводства, съ уходомъ за скотомъ, леченіемъ его и приготовленіемъ продуктовъ изъ молока. Съ этою же цѣлью по странѣ ѣздятъ опытныя скотницы, обучая женщинъ на мѣстѣ приготовленію масла и сыра. Финляндское правительство платитъ такимъ мастерицамъ свыше трехъ тысячъ рублей въ годъ.

Лѣсъ, которымъ до сихъ поръ изобилуетъ еще Финляндія, составляетъ весьма важную статью доходовъ для населенія. Первоначально лѣсъ употреблялся финнами лишь для удовлетворенія хозяйственныхъ потребностей — на постройку жилищъ и на топливо. Въ настоящее время, начиная съ 60-хъ годовъ, лѣсъ въ большомъ количествѣ вывозится за границу.

Насколько велико значеніе лѣсного промысла для Финляндіи, объ этомъ можно судить по одному тому, что вывозъ лѣсныхъ продуктовъ за послѣднія 25 лѣтъ по цѣнности составлялъ 45% всего вывоза. Въ 1895 г. на 427 лѣсопильняхъ Финляндіи было распилено всего 14½ милліоновъ бревенъ на 40½ милліоновъ марокъ. Важнѣйшія лѣсопильни расположены въ городахъ: Выборгѣ, Бьернеборгѣ и Коткѣ. Бьернеборгъ лежитъ при впаденіи въ море рѣки Куно, а Котка—при устьѣ рѣки Кюмени; по этимъ рѣкамъ лѣсъ сплавляется изъ мѣстностей западной и средней Финляндіи. На лѣсопильняхъ въ 1895 г. работало 12,000 человѣкъ *).

По морскому побережью, въ шкерахъ, а также въ безчисленныхъ озерахъ и рѣкахъ Финляндіи водится масса различной рыбы, которая является важнымъ подспорьемъ въ питаніи финна. Рыболовство ведется у финновъ весьма раціонально. Такъ, напр., въ тѣ мѣсяцы, когда лосось и семга идутъ въ рѣки для метанія икры, ловля этой рыбы, согласно договорамъ, утвержденнымъ начальствомъ, пре-прекращается, чтобы не безпокоить рыбы и дать ей свободный проходъ къ рѣчнымъ верховьямъ. Въ рѣкѣ Улео, напр., это запрещенное время длится большую часть года, отъ августа до іюня. Въ морѣ, въ прибрежныхъ шхерахъ, главный предметъ ловли составляетъ салакушка (Clupea harengus). Рыбка эта встрѣчается огромными стадами вдоль всѣхъ финскихъ береговъ и составляетъ обычную, ежедневную пищу большей части приморскаго населенія. Въ большихъ рѣкахъ, каковы: Торнео, Кемь, Улео и Вуокса, ловится много лососей и сиговъ, а въ озерахъ— маленькая рыбка муйка (Coregonus albula), имѣющей въ крестьянскомъ хозяйствѣ внутри страны такое же значеніе, какъ салакушка у приморскихъ жителей **).

Что касается быта финновъ, то общую характеристику его сдѣлать трудно, такъ какъ онъ различенъ, смотря по мѣстности и условіямъ жизни. Разница эта замѣчается какъ въ устройствѣ финскихъ жилищъ, такъ и въ костюмѣ ихъ, питаніи и т. п.

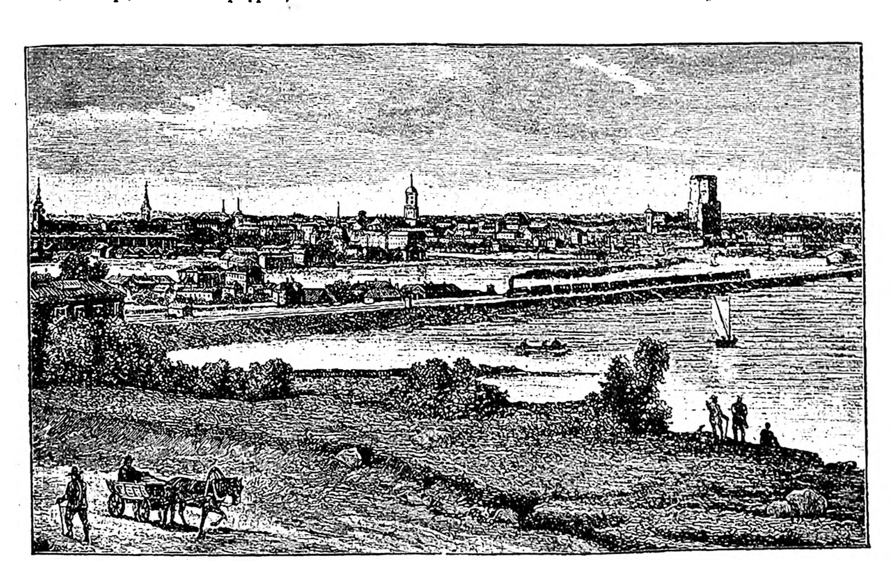
Типы крестьянскихъ дворовъ отличаются другъ отъ друга во многихъ отношеніяхъ: существуютъ типы эстербонійскій, нюландскій, тавастландскій, саволакскій, выборгскій и т. п. ***). Путешествуя по различнымъ частямъ страны, можно постепенно прослѣдить исторію строительнаго дѣла въ Финляндіи. Къ теперешнимъ жилищамъ финны пришли путемъ цѣлаго ряда переходовъ. Первоначальное жилище, воспѣтое еще въ Калевалѣ, состояло у нихъ изъ составленныхъ въ видѣ конуса еловыхъ жердей, плотно прилегавшихъ другъ къ другу. Для того, чтобы сквозь эти примитивныя стѣны не проходилъ зимній холодъ, жерди снаружи покрывались шкурами и окружались внизу валомъ изъ снѣга. Посреди жилища устраивался очагъ, состоявшій изъ груды камней; дымъ выходилъ въ щели между жердями. Такія постройки, такъ называемыя Kota и донынѣ встрѣчаются еще въ глуши Финляндіи; они строятся неподалеку отъ дома и

*) „Финляндія“, стр. 173—174.
**) С. Мечъ „Финляндія“, стр. 106—107.
***) Подробнѣе см. „Финляндія“, ред. Протопопова, стр. 197 и сл.

служатъ чѣмъ-то вродѣ кухни. Позднѣе финны научились строить болѣе совершенныя хижины, и типъ ихъ также сохранился коегдѣ въ глуши, у рыбаковъ. Это такъ называемая pörte,—простой, грубый срубъ изъ еловыхъ стволовъ, съ крышей изъ коры и палокъ, безъ потолка и пола. Вмѣсто оконъ и дверей въ стѣнахъ продѣлываются простыя дыры; внутри четверть пространства pörte занята огромною печью, грубо сложенною изъ дикихъ неотесаныхъ камней, безъ цемента и безъ трубы. Эти жилища служатъ мѣстопребываніемъ какъ людей, такъ и скота. И теперь еще жилые дома и хозяйственныя строенія у бѣдной части населенія, особенно у торпарей, весьма примитивнаго устройства. Въ избахъ имѣются, конечно, печи съ трубами и окна, но избы тѣсны и недостаточно свѣтлы. Дверь выходитъ обыкновенно въ холодныя сѣни, вслѣдствіе чего зимой изба быстро охлаждается. Въ конюшняхъ и коровникахъ—холодъ и сквозной вѣтеръ. Таково жилище бѣднаго финна. Но разъ только крестьянинъ мало-мальски зажиточенъ, онъ не щадитъ денегъ на устройство удобнаго и просторнаго жилища. При каждомъ домѣ непремѣнно имѣется баня. Внутренность жилищъ даже самыхъ бѣдныхъ, поражаетъ своею чистотою и опрятностью.

Національный костюмъ финновъ удержался лишь въ немногихъ мѣстностяхъ, постепенно уступая мѣсто обычной европейской одеждѣ. Тѣмъ не менѣе, финна, попавшаго, напр., въ Петербургъ, можно легко отличить по костюму. Мужчины носятъ суконную куртку сѣраго цвѣта, суконный жилетъ съ мѣдными пуговицами, и суконные штаны; обувью имъ служатъ сапоги съ высокими голенищами; вмѣсто нихъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ надѣваютъ кожаные башмаки съ мѣдными пряжками и при этомъ нитяные или шерстяные чулки; въ глухихъ мѣстахъ мужчины носятъ еще лапти изъ бересты. Рубашка у нихъ обыкновенно бѣлая, съ отложнымъ воротникомъ. Женщины носятъ пеструю одежду: поверхъ рубашки онѣ надѣваютъ кофту съ длинными рукавами, узкую красную, синюю или пеструю юбку съ каймой, разноцвѣтный полосатый передникъ, поясъ, на которомъ висятъ ключи и небольшой ножъ въ футлярѣ; съ боку прикрѣпляется вышитая сумка; на шею надѣваютъ ожерелье, на головѣ носятъ платокъ или особый уборъ, который походитъ на рога; на пальцы надѣваютъ кольца. Зимою женщины носятъ еще суконную сермяжную душегрѣйку.

Пища финновъ не отличается большимъ разнообразіемъ и доброкачественностью. Главнымъ пищевымъ продуктомъ является хлѣбъ, но недостаточное количество его заставляетъ финновъ, особенно въ голодные годы, примѣшивать къ нему различные суррогаты. Молоко употребляется финнами обыкновенно кислое. Масло и мясо они ѣдятъ весьма рѣдко; замѣною послѣдняго у нихъ служитъ рыба, большею частію соленая. Временами, особенно въ менѣе плодородныхъ мѣстно-



Общій видъ г. Выборга.

стяхъ, преимущественно на сѣверѣ Финляндіи, пища, употребляемая финнами, положительно поражаетъ своею недоброкачественностью. Одинъ финскій писатель въ такихъ словахъ описываетъ свое посѣщеніе крестьянскаго дома: „Изба была наполнена взрослыми и дѣтьми; близъ самой печки висѣли на жердяхъ какіе-то лоскутья желто-бураго цвѣта: это была внутренняя кора сосны, но мнѣ она показалась чѣмъ-то вродѣ печенки. Не разсмотрѣвъ хорошенько, я спросилъ, что это и зачѣмъ служитъ? „Это будетъ хлѣбъ, милый баринъ“,—отвѣтилъ хозяинъ, и было что-то глубоко трогательное въ тонѣ его голоса, въ которомъ слышался вопросъ: „неужели ты не знаешь этого?“ „Другой разъ,—разсказываетъ тотъ же писатель,—я вышелъ случайно на лугъ въ самый разгаръ покоса. Возлѣ, на стѣнѣ сарая, висѣли котомки косарей, и я изъ любопытства заглянулъ въ нѣкоторыя изъ нихъ. Во всѣхъ я нашелъ черные какъ смола пироги изъ древесной коры, чуть-чуть посыпанные мукой—скорѣе чтобы обмануть глазъ, чѣмъ желудокъ“.

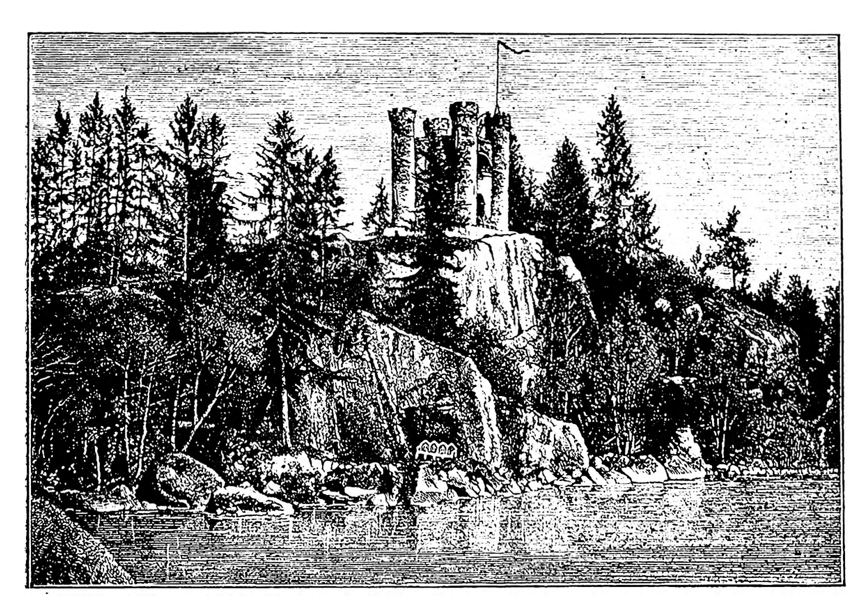
Природа и личность финна, а также его первоначальный бытъ и нравы находятъ себѣ прекрасное выраженіе въ многочисленныхъ старинныхъ финскихъ легендахъ, сагахъ и «рунахъ». Въ нихъ аллегорически рисуется борьба финна съ суровою природою и древними обитателями страны и имѣется масса указаній на бытъ финновъ, такъ что руны эти являются весьма интереснымъ памятникомъ какъ для историка литературы, такъ и для этнографа. Въ настоящее время эти Руны собраны финскимъ ученымъ Ленротомъ и изданы подъ названіемъ Калевалы *).

Несмотря на всѣ неблагопріятныя условія, въ которыя поставленъ былъ финнъ, онъ вышелъ побѣдителемъ изъ суровой борьбы съ природою. То, чего не могла доставить энергія и умъ отдѣльнаго человѣка, сдѣлала дружная работа цѣлой націи. Теперь Финляндія — одна изъ самыхъ культурныхъ странъ Россіи. Особенное вниманіе удѣляется здѣсь вопросамъ образованія. Это дѣло идетъ въ Финляндіи замѣчательно быстрыми шагами. За 20-ти-лѣтіе съ 1872—92 гг. число начальныхъ школъ увеличилось здѣсь почти въ 6 разъ, а число учащихся—въ 5 слишкомъ разъ. Система образованія въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ далеко оставляетъ за собою наши традиціонные методы и системы и по своей доступности населенію могутъ удовлетворить каждаго. На народное образованіе идетъ значительная часть бюджета страны,—болѣе 10% общаго количества расходовъ. Рука объ руку съ школьнымъ дѣломъ идетъ и развитіе науки и литературы. Періодическая печать завоевываетъ себѣ все большій и большій кругъ читателей; изъ 35 городовъ Финляндіи лишь въ пяти нѣтъ собственной газеты; число періодическихъ изданій въ 1898 г. простиралось до 186. Другія отрасли внутренней жизни, какъ-то: общественная благотворительность, промышленность, заботы о сельскомъ хозяйствѣ и т. п. поставлены въ Финляндіи также образцово. Вмѣстѣ съ этимъ растетъ и благосостояніе населенія, поднимается и умственный, и нравственный уровень его развитія. Большую услугу развитію страны оказало протестанское духовенство, неустанно работавшее среди финновъ со времени распространенія здѣсь христіанства. До 1866 года народное образованіе было сосредоточено исключительно въ рукахъ пасторовъ. Благодаря имъ,

*) Имѣется и русскій (стихотворный) переводъ Калевалы.

библія давно уже переведена на финскій языкъ· имъ же финское населеніе обязано и своею поголовною грамотностью.

Отдавая дань справедливости трудолюбію и честности финновъ а также прекрасно организованному дѣлу внутренняго самоуправленія страны, нельзя, тѣмъ не менѣе, не замѣтить, что своимъ благосостояніемъ Финляндія въ значительной степени обязана Россіи и безпримѣрно-гуманному отношенію къ ней русскаго правительства. Огражденная отъ внѣшнихъ враговъ своею могучею покровительницею, Финляндія пользуется всѣми благами цивилизаціи, не испытывая въ то же время на себѣ ея отрицательнаго дѣйствія. Въ то время, напр., какъ всѣ европейскія государства, въ томъ числѣ и Россія, почти изнемогаютъ подъ тяжестью милитаризма, Финляндія почти не знаетъ этого зла: ничтожное количество войска, которое она содержитъ (немногимъ болѣе



Паркъ Монрепо, близъ Выборга.

6,000 человѣкъ=менѣе $^1/_4$% всего населенія) и которое имѣетъ возможность употреблять почти исключительно на внутреннюю охрану страны, далеко не обременяетъ ея финансы *). Всѣ же остальныя средства она имѣетъ возможность употреблять на внутреннее свое благоустройство. Не удивительно поэтому, что въ послѣднемъ отношеніи Финляндія стоитъ гораздо выше своей метрополіи, но удивительна та неблагодарность, съ которою относятся къ Россіи сами финны. Принимая, какъ должную дань всѣ права и преимущества, даруемыя ей Россіею, и освобожденная почти отъ всякихъ обязанностей по отношенію къ послѣдней, Финляндія живетъ своею особенною, замкнутою жизнью, не желая знать нуждъ и бѣдствій русскаго государства. Въ годины бѣдствій, обрушившихся на Россію, каковы голодъ, холера и т. п., когда даже „заморскіе друзья“ наши—американцы сочли своею нравственною обязанностью помочь нуждающимся, Финляндія

*) Ежегодный расходъ на войско Финляндіи исчисляется въ суммѣ около 8 милліоновъ марокъ, включая сюда и чрезвычайные расходы, какъ, напр., перевооруженіе войска (1.442,632 мар.) и непредвидѣнные расходы (200,000 м.), что составляетъ лишь 13% всѣхъ расходовъ, тогда какъ Россія тратитъ изъ своего $1^1/_2$ милліоннаго бюджета около 360 милл. на войско, т. е. около 24%.—Разница громадная!

стояла и стоитъ въ сторонѣ, забывая, что она—часть Россіи, что этимъ голодающимъ и умирающимъ людямъ она обязана своимъ благополучіемъ. Гордясь своею культурностью, она забываетъ, что эта культура создана собственно благодаря Россіи. Съ особенною рѣзкостью этотъ эгоизмъ и сепаратизмъ финновъ выразился въ послѣднее время, по поводу мѣропріятій русскаго правительства о введеніи въ Финляндіи русскихъ почтовыхъ знаковъ. Эта мѣра, вызванная не столько желаніемъ увеличить государственные доходы Россіи, сколько идеею справедливости, вызвала въ Финляндіи цѣлую бурю негодованія по отношенію къ „вѣроломнымъ" русскимъ. Трудно представить себѣ, какъ можетъ культурный и здравомыслящій человѣкъ выражать негодованіе по такому поводу... Еще большіе „вопли" поднялись среди финновъ, когда правительство, въ видахъ той же справедливости, рѣшило заставить финновъ принять болѣе дѣятельное участіе въ отбываніи воинской повинности. Вся Финляндія пришла въ броженіе, забывая, что отъ нея требуютъ только того, что уже давнымъ-давно ложится тяжкимъ бременемъ почти что на одно коренное населеніе Руси. Спору нѣтъ, прежнее положеніе вещей было гораздо удобнѣе и легче: еще бы, позвольте-ка нашимъ тверичамъ, костромичамъ и т. д. давать почти втрое менѣе рекрутъ, да изъ государственной казны тратить вдвое менѣе на военные расходы, такъ и тверская или костромская и др. губерніи, пожалуй, достигли бы такого же цвѣтущаго состоянія, если не больше!

Города Финляндіи при своей сравнительной многочисленности (37) не отличаются особенною многолюдностью; нельзя сказать также, чтобы они были здѣсь преимущественными центрами умственной и промышленной жизни. На долю городовъ здѣсь приходится не болѣе половины всѣхъ существующихъ въ Финляндіи промышленныхъ заведеній. Въ общемъ городское населеніе составляетъ 10% всего населенія,—цифра очень небольшая сравнительно съ другими европейскими государствами, напр., съ Англіею, гдѣ городское населеніе составляетъ 71% общаго населенія. Наиболѣе значительные города Финляндіи расположены по сѣверному побережью Финскаго залива.

Столица Финляндіи — Гельсингфорсъ съ крѣпостью Свеаборгомъ насчитываетъ до 71,000 жителей. По характеру своему этотъ городъ напоминаетъ современные западно-европейскіе города и служитъ умственнымъ центромъ страны; здѣсь имѣется университетъ и масса различныхъ зданій величественной архитектуры, хорошій ботаническій садъ, парки, бульвары и т. п. Вторымъ по значенію городомъ Финляндіи является Выборгъ ($22^1/_2$ тысячи жителей), на берегу залива того же имени. Находясь неподалеку отъ русской границы, этотъ городъ является пунктомъ, около котораго не разъ проливалась русская кровь. Завоеваніе его было первымъ шагомъ русскихъ въ Финляндіи. За періодъ времени съ 1332 по 1710 годъ русскія войска не менѣе десяти разъ подступали къ городу, и только 12 іюня 1710 г. онъ былъ взятъ Петромъ I послѣ продолжительной осады. Петръ называлъ его „крѣпкой подушкой С.-Петербурга, устроенной черезъ помощь Божію"; по его приказанію, городъ былъ укрѣпленъ. Въ настоящее время Выборгъ играетъ весьма важную роль по развитію судоходства. Этимъ онъ обязанъ, съ одной стороны, сосѣдству Петербурга, а съ другой—Сайменскому каналу, который, оканчиваясь у Выборга, и даетъ возможность пароходнаго сообщенія съ внутренними мѣстностями страны до Куопіо. Въ окрестностяхъ Выборга находится замѣчательный паркъ Монрепо (прин. бар. Николаи), который представляетъ какъ бы всю Финляндію въ миніатюрѣ: съ ея озерами, пригорками, хвойными лѣсами... Разбросанныя тамъ и самъ развалины придаютъ еще болѣе красоты этой мѣстности, которую можно также назвать Финляндскою Швейцаріею. Третій важный городъ Финляндіи—Або (свыше 33,000 человѣкъ), въ теченіе многихъ столѣтій былъ средоточіемъ шведскаго вліянія. Положеніе города при соединеніи Финскаго и Ботническаго заливовъ издавна сдѣлало его важнымъ торговымъ пунктомъ. Въ первой половинѣ настоящаго столѣтія вся торговля Финляндіи сосредоточивалась въ этихъ трехъ приморскихъ пунктахъ, и только съ средины 60-хъ годовъ устроено до 19 другихъ портовъ. По берегу Ботническаго залива расположено также нѣсколько городовъ, изъ которыхъ важнѣйшіе Улеаборгъ (свыше 13,000 жителей) и Ваза (около 12,000 жит.). Изъ внутреннихъ городовъ Финляндіи слѣдуетъ отмѣтить Куопіо; этотъ городъ (около 10,000 жителей) расположенъ посреди озера Калла.

на островѣ, почти на половинѣ пути отъ Ладожскаго озера къ Улеаборгскому порту; своимъ процвѣтаніемъ онъ обязанъ торговлѣ лѣсомъ и смолою. Болѣе другихъ замѣчательны также С.-Михель, Тавастгусъ и Таммерфорсъ. Послѣдній (свыше 24,000 жит.) представляетъ своего рода Манчестеръ Финляндіи въ миніатюрѣ и извѣстенъ своими ткацкими фабриками, достигшими замѣчательнаго совершенства въ своихъ фабрикатахъ.

ОЗЕРНАЯ ОБЛАСТЬ.

(Олонецкая, Новгородская, Петербургская и Псковская губерніи).

Вся сѣверо-западная Россія изобилуетъ стоячими и текучими водами: рѣками, озерами и болотами со множествомъ всякаго рода переходныхъ между ними формъ водныхъ вмѣстилищъ *).

По юго-восточному берегу Балтійскаго моря и вокругъ Финскаго залива продолжается также озерная полоса, и здѣсь сосредоточены величайшія въ Европѣ озера: Ладожское, Онежское, нѣсколько далѣе въ глубь страны Бѣло-Озеро, Ильмень, Чудское оз. и сотни другихъ, которыя, по сравненію съ перечисленными, кажутся незначительными, но въ какомъ-либо другомъ мѣстѣ могли бы составить цѣлыя «внутреннія моря». Изобиліе стоячихъ водъ продолжается и далѣе: на С.—въ Финляндіи, на югъ и на западъ, черезъ остзейскія губерніи и сѣверную часть Польши въ Пруссію.

Мы разсмотримъ здѣсь часть этой площади, именно бассейнъ Ладожскаго озера, или невскій, и отчасти другіе рѣчные и озерные бассейны, имѣющіе стокъ къ Финскому заливу съ южной стороны (бассейнъ Чудскаго озера).

Территорія эта заключаетъ въ себѣ четыре пространныхъ губерніи: Олонецкую, Новгородскую, Петербургскую и Псковскую; по климатическимъ, почвеннымъ и гидрографическимъ условіямъ къ этой-же области должно было-бы причислить также и нѣкоторыя сосѣднія губерніи, напр. Тверскую, Смоленскую, Витебскую, заключающія источныя озера и болота главныхъ рѣкъ Европейской Россіи: Волги, Днѣпра и Западной Двины, но по характеру экономической жизни населенія онѣ значительно отличаются отъ взятой нами области и поэтому войдутъ въ другіе районы. Границами описываемой озерной области такимъ образомъ можно принять съ востока приблизительно водораздѣльную линію между бассейнами Балтійскаго моря и Ледовитаго океана (въ восточной части губ. Олонецкой и Новгородской), съ юга—подобную-же водораздѣльную линію между рѣками верхневолжскаго и верхне-днѣпровскаго бассейновъ и Ладожскаго озера (близъ сѣверной границы Тверской губ. и въ губ. Смоленской), на западѣ губ. Виленскую, Лифляндскую и Эстляндскую, приблизительно по р. Великой, Чудскому озеру и р. Наровѣ, и наконецъ на сѣверѣ и сѣверо-западѣ берегъ Финскаго залива. губ. Выборгскую и сѣверо-западные берега Ладожскаго оз. Въ этихъ предѣлахъ заключается около 320,000 кв. в. съ населеніемъ приблизительно въ 5.001,000 человѣкъ.

Описываемая область съ древнѣйшихъ временъ являлась очень важною для Россіи по своему выгодному географическому положенію, въ началѣ пути «изъ Варягъ въ греки». Здѣсь въ древнія времена русской исторіи образовались важнѣйшіе центры торговыхъ сношеній съ западною Европою: могущественная Нов-

*) Здѣсь можно встрѣтить всевозможныя фазы превращенія озеръ въ болота или въ рѣки, см. „Общій очеркъ“ стр. 346, 347.

городская республика и ея «младшій братъ»—Псковъ, а въ настоящее время здѣсь же находится самый главный административный, культурный, промышленный и торговый центръ Россіи, столица, основанная Великимъ Петромъ среди болотистыхъ и лѣсныхъ, почти необитаемыхъ дебрей, какъ бы въ доказательство могущества человѣческаго генія, устраняющаго препятствія, которыя ему ставитъ природа на пути къ достиженію поставленной цѣли.

Первоначальною причиною образованія многочисленныхъ озерныхъ бассейновъ въ разсматриваемой области послужило растаиваніе древняго ледника, какъ это уже раньше указано. Но кромѣ этого необходимо допустить существованіе и многихъ другихъ постоянно дѣйствующихъ причинъ, способствующихъ сохраненію озерныхъ бассейновъ. Такими причинами являются: 1) рельефъ поверхности, почвы и подпочвы даннаго района, 2) климатическія условія.

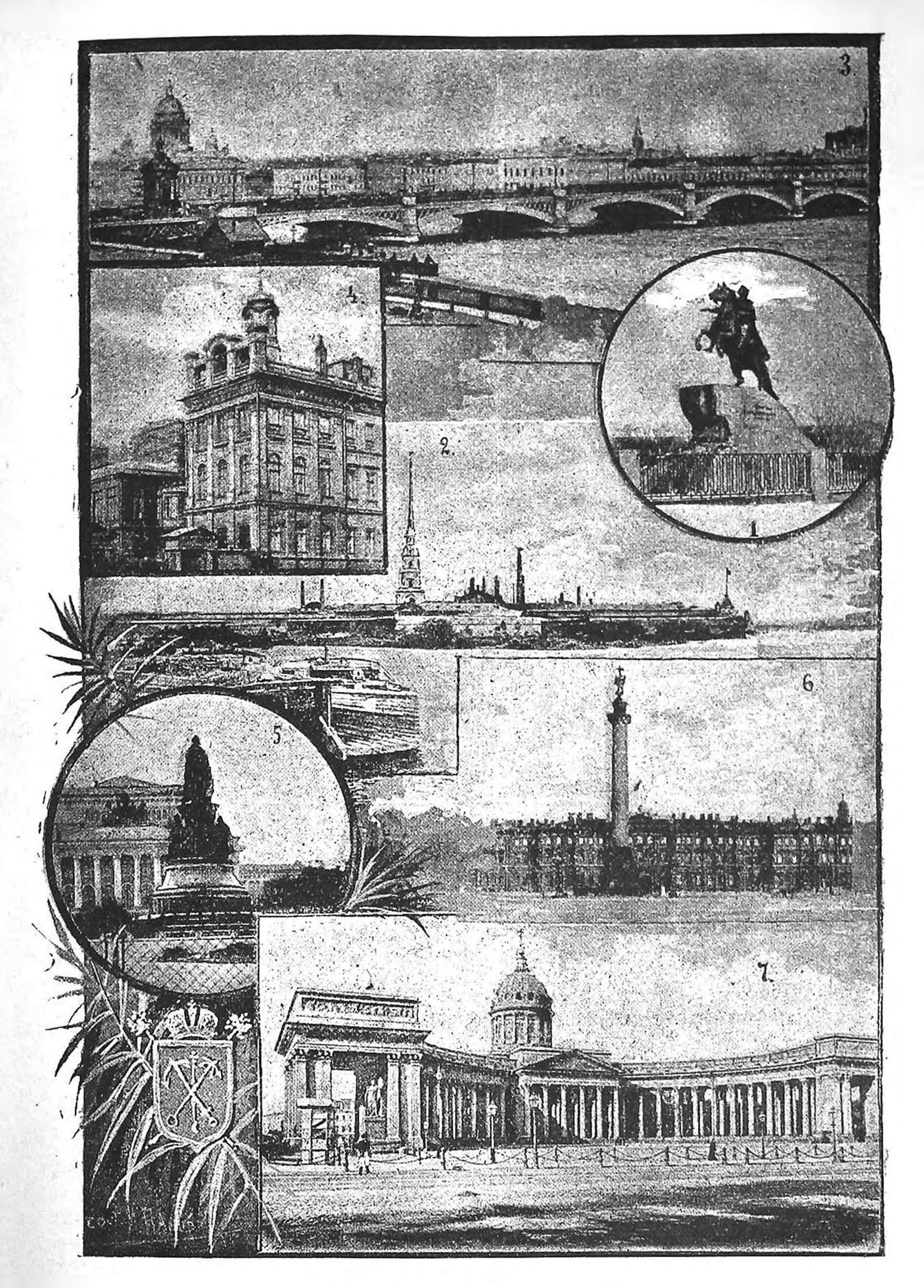
Поверхность здѣсь въ общемъ горизонтальна и не имѣетъ нигдѣ значительныхъ, ясно выраженныхъ въ какомъ-нибудь одномъ направленіи склоновъ. Поэтому достаточно небольшихъ возвышенностей, чтобы заградить теченіе рѣкъ и заставить ихъ разливаться въ ширину до такой степени, что образуются обширныя пространства стоячихъ водъ. Лучшимъ примѣромъ такого рода можетъ служить оз. Ильмень, которое, по выраженію Э. Реклю, „есть ни что иное, какъ постоянное наводненіе, образуемое большимъ числомъ рѣкъ, соединяющихся въ одномъ мѣстѣ и не находящихъ себѣ достаточно быстраго истеченія“ (Россія, т. I, стр. 230). Въ то-же время здѣсь нѣтъ недостатка въ частичныхъ углубленіяхъ, каковыми являются древнія русла и долины бывшихъ ледяныхъ потоковъ, пересѣченныхъ къ тому-же въ различныхъ направленіяхъ многочисленными валообразными каменистыми моренами.

Большая часть разсматриваемой нами площади представляетъ низменность, подымающуюся надъ уровнемъ моря менѣе, чѣмъ на 300 футовъ. Наиболѣе возвышенною частью въ озерной области является Новгородская губернія въ области соприкосновенія съ сосѣднею Тверскою губерніею, въ особенности-же уѣзды: Демянскій, Валдайскій, Крестецкій, Боровичскій, а также Тихвинскій. Здѣсь, приблизительно между бассейнами рѣкъ Ловати и Тихвинки, начинается Валдайская или Алаунская холмистая возвышенность, отдѣльные холмы которой достигаютъ около 150 саж. высоты (1,000—1,050 фут.). На С.-В. Новгородской губ., въ Кирилловскомъ уѣздѣ, проходитъ невысокій кряжъ изъ Олонецкой губ., служащій водораздѣломъ Волжскаго и Бѣломорскаго бассейновъ. Въ восточномъ возвышенномъ районѣ, какъ выше указано, озерныя впадины также представляютъ собою древнія борозды, выпаханныя ледяными потоками.

Что касается почвы и подпочвы, то во всей озерной области составъ ихъ неблагопріятствуетъ быстрому просачиванію водъ, собирающихся на поверхности, въ болѣе глубокіе слои земной коры. Въ болѣе сѣверныхъ частяхъ разсматриваемаго района, вокругъ озеръ Ладожскаго и Онежскаго продолжается гранитное Финляндское плоскогоріе. Каменныя горныя породы нерѣдко выступаютъ здѣсь даже на поверхность, особенно по сѣвернымъ и отчасти по западнымъ берегамъ указанныхъ озеръ, или-же являются прикрытыми болѣе или менѣе тонкими слоями рыхлыхъ породъ: песку, гравія, суглинка, изъ-подъ которыхъ въ Олонецкой губ. почти повсемѣстно выступаютъ частичныя обнаженія тѣхъ-же горно-каменныхъ породъ, „щелья“ по мѣстному прозванію. Въ Новгородской губерніи почва по большей части глинистая, суглинковая, мѣстами песчаная (въ Череповецкомъ, Устюжскомъ и Бѣлозерскомъ уѣздахъ), въ низменныхъ мѣстахъ иловатая („подзолистыя земли“) и сравнительно рѣдко, разсѣянная небольшими участками почти по всѣмъ уѣздамъ,—лучшая для земледѣлія „сѣрая“ почва. Подъ этими наносными образованіями залегаютъ отчасти горныя породы (девонскіе пестрые рухляки), отчасти твердые каменные песчаники, известняки, но повсюду преобладающимъ элементомъ, какъ почвы, такъ и подпочвы являются глины: пестрая, сѣрая, черная *).

Въ Петербургской и Псковской губ. поверхность почти вездѣ прикрыта толстымъ слоемъ ледниковыхъ наносовъ, песчаныхъ, глинистыхъ, суглинковыхъ, иловатыхъ; подъ

*) Преимущественно въ Боровичскомъ у., вдоль р. Мсты; онѣ называются также „каменноугольными“, такъ какъ среди нихъ заключаются довольно толстые пласты каменнаго угля, однакоже плохаго качества, сильно перемѣшаннаго съ землистыми породами, и потому уголь здѣсь не эксплоатируется, несмотря на то, что открытъ еще въ концѣ XVIII вѣка, а также превосходная для разнаго рода гончарныхъ издѣлій—красная огнеупорная глина.



Виды Петербурга.

1. Памятникъ Петра I.—2. Петропавловская крѣпость.—3. Николаевскій мостъ и набережная. — 4. Аничковскій дворецъ. — 5. Памятникъ Екатерины.—6. Зимній дворецъ.—7. Казанскій соборъ.

ними сплошь залегаютъ наслоенія девонской формаціи, по большей части представляющія твердыя каменныя породы: нижніе песчаники, средніе известняки, доломиты съ прослойками гипса и верхніе песчаники.

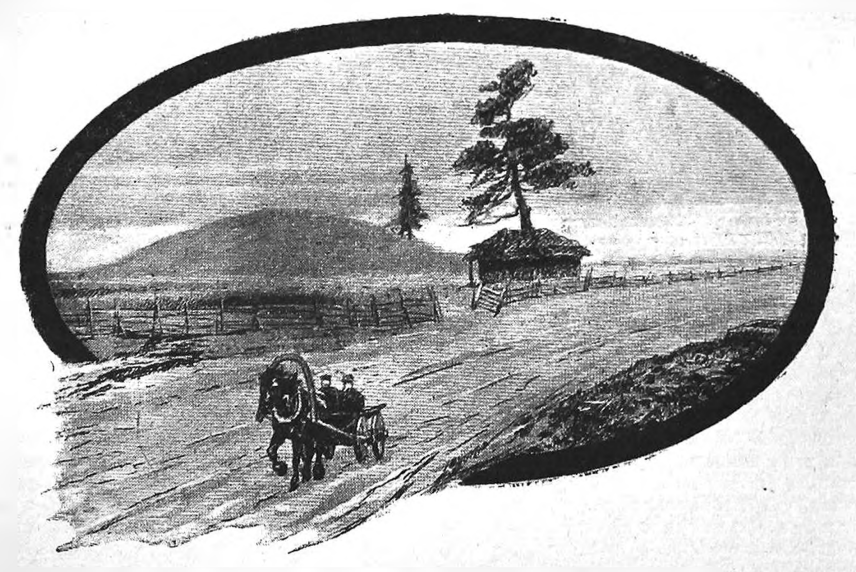
Кстати, упомянемъ здѣсь о полезныхъ ископаемыхъ, заключающихся въ подпочвахъ озерной области, преимущественно въ Олонецкой и Новгородской губ. Желѣзныя руды (магнитный, бурый, красный желѣзнякъ, желѣзный блескъ, болотныя руды) встрѣчаются почти повсемѣстно въ Олонецкой губ. и мѣстами являются очень богатыми, какъ, напр., около города Петрозаводска, гдѣ содержатъ до 96% чистаго желѣза; болотная желѣзная руда въ изобиліи встрѣчается также и въ 3 уѣздахъ Новгородской губ., пограничныхъ съ Тверскою: въ Демянскомъ, Устюжскомъ и Череповецкомъ, гдѣ руда разрабатывается даже мѣстными крестьянами. Богатыми также являются мѣдныя руды, преимущественно по западному берегу Онежскаго оз. (мѣдный колчеданъ, мѣдная зелень), въ разныхъ мѣстахъ Олонецкой губ., особенно въ Повѣнецкомъ у., находятся залежи мрамора, твердыхъ кварцитовъ, изъ которыхъ особенно извѣстенъ шокшинскій камень, красноватый разныхъ оттѣнковъ, прекрасно полирующійся *), разрабатывается талькъ, горный хрусталь, лучистый камень, сѣрный колчеданъ, охра, минеральныя краски и т. д. Наконецъ въ Повѣнецкомъ у. (на сѣверо-западномъ берегу Онежскаго оз., около Шунгинскаго погоста, найденъ былъ какой-то особенный родъ каменнаго угля, въ родѣ антрацита или графита, который однако не имѣетъ практическаго значенія, такъ какъ онъ горитъ очень туго. Въ Новгородской губ. мѣдная руда обнаружена у волховскихъ пороговъ, на р. Судѣ; въ Бѣлозерскомъ у. найдена (въ небольшомъ количествѣ) серебряная руда. Въ остальныхъ двухъ губерніяхъ цѣнныхъ ископаемыхъ пока не найдено, хотя въ Псковской губ., по р. Ловати, въ Холмскомъ у., имѣются слѣды мѣдныхъ рудъ, а въ Петербургской губ. Путиловская гора, состоящая изъ пластовъ песчаника, доставляетъ мѣстному населенію ежегодный доходъ болѣе $^1/_2$ милліона руб., благодаря выгодному положенію около обводныхъ ладожскихъ каналовъ: Петербургъ почти исключительно отсюда получаетъ всю массу плитняка, нужнаго для мощенія тротуаровъ, построекъ и проч. Упомянемъ еще про минеральные источники, открытые уже съ давнихъ временъ во многихъ мѣстахъ разсматриваемой области. Многіе изъ нихъ извѣстны своими цѣлебными свойствами, какъ напр. въ Старой Руссѣ, гдѣ устроенъ настоящій лечебный курортъ, Марціальныя воды около Кончеозерскаго завода въ Петрозаводскомъ у., которыми пользовался еще Петръ Великій, пріѣзжавшій туда 4 раза (въ 1719—1724 гг.) и построившій здѣсь для себя и своей семьи 4 дворца, Полюстровскія воды въ окрестностяхъ Петербурга, Рачевскія, въ Псковскомъ у., Хиловскія (Балавенскія), близъ Порхова, Псковской губ. (лечебница) и нѣкоторыя другія.

Такимъ образомъ равнинный характеръ поверхности и отсутствіе крутыхъ ясно выраженныхъ уклоновъ способствуетъ медленному теченію водъ на поверхности въ озерной области, и поэтому процессъ размыва долинъ и развитія рѣчныхъ системъ совершается здѣсь сравнительно медленно. Въ то же время каменистые и глинистые слои, преобладающіе въ подпочвахъ, затрудняютъ просачиваніе водъ, скопившихся въ углубленіяхъ поверхности, вглубь.

Климатическія условія озерной области, простирающейся по широтѣ почти на 10°, не обнаруживаютъ такой значительной разницы, какую можно было бы ожидать, судя по столь громадному протяженію съ с. на ю.

Разница средней годовой температуры между сѣвернымъ у. Олонецкой губ., Повѣнецкимъ (1,4°) и Вел. Луками (4,8°), расположенными на противоположной окраинѣ области, составляетъ лишь 3,4°, что, между прочимъ, зависитъ отъ болѣе возвышеннаго положенія надъ уровнемъ моря южныхъ частей разсматриваемаго района сравнительно съ сѣверными. Насколько больше разницы въ температурѣ наблюдается по долготѣ: на

*) Этотъ цѣнный камень добывается около сел. Шокши, на западномъ берегу Онежскаго оз. Изъ него сдѣланъ памятникъ имп. Николая I (въ мѣстечкѣ Византкѣ, 25 верстъ отъ Петрозаводска), мавзолей Наполеона I въ Парижѣ, облицовка внутри въ московскомъ храмѣ Спасителя и отчасти въ Исаакіевскомъ соборѣ въ Спб.



Курганъ Синсуса, близь Бѣлозерска.

З. климатъ вообще болѣе умѣренный, чѣмъ на В., что, конечно, можно объяснить согрѣвающимъ значеніемъ теплаго теченія гольфштрема и общимъ умѣряющимъ вліяніемъ морей и океана, расположенныхъ на З. Въ общемъ климатъ въ этой странѣ озеръ, болотъ и лѣсовъ суровый и очень сырой. Водяные пары приносятся сюда двумя путями: главнымъ образомъ съ запада, со стороны морей и океана, а также и съ сѣверо-востока, съ Ледовитаго океана и съ Бѣлаго моря. Поэтому осадки весьма значительны не только въ теплое, но и въ холодное время года. Между тѣмъ испареніе, при отсутствіи сильныхъ жаровъ и при постоянной облачности неба, не можетъ имѣть такого значенія, какъ во внутреннихъ и особенно въ южныхъ и юговосточныхъ губерніяхъ Европейской Россіи.

Итакъ, почвенныя и климатическія условія въ разсматриваемомъ нами районѣ весьма благопріятны накопленію стоячихъ водъ на поверхности: постоянный притокъ водныхъ массъ, выпадающихъ на землю изъ атмосферы довольно значителенъ, а расходъ этой воды, какъ черезъ просачиванье внутрь почвы, такъ и черезъ испареніе, наоборотъ, незначителенъ. Наконецъ, и стеканіе воды въ первоначальныя водныя вмѣстилища, т. е. въ моря и океаны затрудняется условіями рельефа. Все это составляетъ благопріятныя условія для массоваго образованія озерныхъ бассейновъ.

Разсмотримъ теперь самыя озера, по величинѣ своей площади, а многія также по глубинѣ не имѣющія себѣ равныхъ во всей Европѣ.

Почти вся разсматриваемая нами область, за исключеніемъ только западной половины Псковской губ., представляетъ изъ себя одинъ сложный бассейнъ Ладожскаго оз. или невскій, площадью въ 250,280 кв. в.

Ладожское озеро (въ древности Нево) представляетъ центральную, наиболѣе глубокую впадину, куда стекаютъ воды огромнаго числа рѣкъ (болѣе 70), по большей части служащихъ истоками другихъ озеръ. Наибольшее количество воды приноситъ Волховъ, который служитъ истокомъ неглубокаго озера Ильмень (средняя глубина 1—4 саж.), въ свою очередь принимающаго въ

себя до 50 рѣкъ и озеръ. Затѣмъ слѣдуютъ рѣка Свирь—истокъ Онежскаго оз., оз. Сайма, воды котораго изливаются посредствомъ р. Вуоксы и черезъ сильно вытянутое въ длину оз. Суванто рѣкою Тайпала. Изъ другихъ притоковъ Ладожскаго оз. болѣе значительныя рр. Гелляля, Ляскиля, впадающія съ С., Уксу, Тулома, Минола—съ С.-В., Видлица, Тулокса, Олонка, Обжа, съ Ю. Сясь съ Тихвинкой, Кобона, Лава, Шельдиха, Назья.

Уступая по величинѣ нѣкоторымъ озерамъ Америки, Африки и Азіи *), Ладожское оз. является наибольшимъ изъ всѣхъ европейскихъ и занимаетъ около 18,000 кв. км. (15,922, кв. верстъ). Оно превосходитъ Онежское оз. вдвое, Венеръ (въ Швеціи) въ трое, Чудское—въ пять, Сайменское—въ десять разъ и т. д. Глубина Ладоги вообще весьма значительна, но распредѣлена, неравномѣрно, при чемъ можно указать на соотвѣтствіе ея съ высотою береговъ. Въ сѣверо-восточной части, гдѣ берега являются каменистыми, сильно изрѣзанными и возвышенными, изобилующими бухтами и заливами, глубина озера наибольшая, около 100 саж. и даже значительно болѣе: около Валаамскихъ островов 122 саж., а недалеко отсюда, у острова Мюарка даже 165 саж., въ средней части преобладающая глубина 70 — 50 саж., а у южныхъ и юго-восточныхъ береговъ, которые здѣсь вездѣ низменны, мало изрѣзаны, глубина наименьшая, начиная съ 1 фута постепенно увеличивается по направленію къ сѣверу. Вообще дно Ладожскаго оз. имѣетъ значительный уклонъ съ Ю.-В. на С.-З. и есть доказательства тому, что низменная равнина, простирающаяся у южныхъ и юговосточныхъ береговъ, раньше также находилась подъ водами озера и выступила изъ подъ нихъ вслѣдствіе усыханія озера. Наоборотъ, въ сѣверо-западной половинѣ береговая линія болѣе рѣзко очерчена, и надъ настоящими морскими глубинами сразу возвышаются гранитные утесы, составляющіе обрывъ Финляндскаго плоскогорья. Острова по своему составу и по высотѣ соотвѣтствуютъ берегамъ, близъ которыхъ они расположены: у сѣверныхъ береговъ находится наибольшее скопленіе острововъ, которые всѣ каменисты и по большей части круто поднимаются изъ воды на значительную высоту. Таковы прибрежные о-ва Лунгула (15 кв. в.), Манчисари (34 кв. в.), Тулола и Рекала, самые сѣверные (15—20 кв. в.), о. Сергіевскій (Путь-Сари), съ прекрасною гаванью Куко-сари, у устьевъ р. Вуоксы, на которомъ расположенъ г. Кексгольмъ, Коневецъ (6 кв. в.), гдѣ находится Коневскій - Рождественскій монастырь, и множество другихъ, болѣе мелкихъ. Изъ острововъ срединныхъ въ сѣверной части замѣчательна группа Валаамскихъ острововъ, которыхъ насчитывается 40, вмѣстѣ составляющихъ 33 кв.. в. Главный изъ этихъ о-вовъ о. Валаамъ (25,2 кв. в.), гдѣ у прекрасной бухты живописно расположенъ знаменитый Валаамскій-Преображенскій монастырь. Въ средней и южной части острововъ мало и всѣ они невелики, очень низменны, песчаны. Изъ нихъ упомянемъ только о. Орѣховъ въ Шлиссельбургской губѣ, недалеко отъ берега; на немъ расположена Шлиссельбургская крѣпость, заложенная Петромъ Великимъ, гдѣ онъ устроилъ также и временную верфь, на которой были построены первые суда балтійскаго флота. Крѣпость эта послужила „ключемъ“ къ невскому бассейну и Финскому заливу, откуда и названіе (Schlüssel). На островѣ Орѣховѣ или Орѣховцѣ, впрочемъ, вслѣдствіе важности его положенія у истоковъ Невы, еще новгородцами была построена крѣпостца въ 1323 г. для защиты своего торговаго пути отъ шведовъ.

На обширной поверхности Ладожскаго озера свободно разгуливаютъ вѣтры и волны при буряхъ, благодаря большой глубинѣ этого бассейна, достигаютъ иногда такой же величины, какъ и въ большихъ моряхъ При этомъ на Ладогѣ, какъ и на морѣ, бури иногда сопровождаются пересѣченіями встрѣчныхъ валовъ, движеніями зыби,—волнами, идущими со дна. Поэтому за Ладожскимъ озеромъ издавна установилась слава, какъ объ очень бурномъ и опасномъ для плаванія, почему еще Петръ Великій, какъ только завладѣлъ невскимъ судоходнымъ путемъ, приступилъ (въ 1719 г., оконченъ каналъ въ 1731 г.) къ прорытію обходнаго канала**), гдѣ бы суда были безопасны отъ всякихъ бурь и волненій. Кромѣ волненій, бури оказываютъ большое вліяніе на высоту уровня воды, особенно въ нѣкоторыхъ, наиболѣе мелкихъ частяхъ озера. Наибольшія колеба-

*) Величайшее изъ озеръ—Каспійское море имѣетъ 438,700 кв. км., Верхнее оз. въ Америкѣ — 80,000 кв. км., Викторія-Ніянца (въ Африкѣ), Аральское море, Мичиганъ и Гуронъ (въ С. Америкѣ) — приблизительно по 60,000 кв. км. Танганаика (Африка) и Байкалъ (центр. Азія) по 35,000 кв. км. Наибольшія озера Западной Европы сравнительно ничтожны: Женевское 682 кв. км., Боденское оз. 538 кв. км.

**) Въ 1802 г. былъ построенъ Сяській каналъ, въ 1861—1866 гг. проведенъ былъ параллельно прежнему новый каналъ „Императора Александра II“. Наконецъ въ 1880—1883 гг. прорыты были новые Сяській и Свирскій каналы.

нія уровня, выражающіяся въ нѣсколькихъ футахъ, наблюдаются въ Шлиссельбургской губѣ. Здѣсь происходятъ такъ называемые сгоны и нагоны воды, совершенно соотвѣтствующіе такимъ же явленіямъ въ устьяхъ Невы, но только въ обратномъ порядкѣ: когда въ Петербургѣ при сильныхъ западныхъ или юго-западныхъ вѣтрахъ происходитъ повышеніе уровня, у истока Невы, въ Шлиссельбургѣ, наоборотъ, глубина значительно уменьшается. При восточныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтрахъ наблюдаются обратныя явленія: нагоны у истоковъ и сгоны при устьѣ Невы. Независимо отъ вѣтровъ въ Ладожскомъ оз. существуетъ еще круговое движеніе воды по направленію обратному движенію часовой стрѣлки (т. е. съ Ю. на С. вдоль восточнаго и съ С. на Ю. по западному берегу), которое происходитъ подъ вліяніемъ силы теченія главныхъ притоковъ.

Котловина Ладожскаго озера представляетъ наибольшую впадину всей площади озерной области, и поэтому въ нее несутся воды со всѣхъ сторонъ. Уровень Ильменскаго озера лежитъ на 42,5 фута выше Ладожскаго, Онежскаго — на 108 ф., а Сайменскаго—еще выше, футовъ на 200. Поэтому теченіе источныхъ рѣкъ очень быстро и надо ожидать, что въ будущемъ, когда онѣ успѣютъ себѣ промыть болѣе широкія и глубокія русла, опорожненіе озерныхъ бассейновъ, пойдетъ быстрѣе. Всѣ воды, собирающіяся въ центральномъ Ладожскомъ бассейнѣ, находятъ себѣ единственный выходъ въ море и океанъ черезъ рѣку Неву, которая поэтому, несмотря на свою незначительную сравнительно длину, является по полноводью одною изъ величайшихъ рѣкъ Европы и уступаетъ въ этомъ отношеніи только Волгѣ и Дунаю.

Достоинства ея, какъ судоходной рѣки, увеличиваются еще тѣмъ обстоятельствомъ, что уровень теченія ея, регулируемаго громаднымъ бассейномъ, изъ котораго она вытекаетъ, не подвергается колебаніямъ при весеннемъ половодьи и лѣтнемъ обсыханіи, что составляетъ большія затрудненія въ южныхъ и юго-восточныхъ нашихъ большихъ рѣкахъ. Тѣмъ не менѣе Петербургъ находится въ постоянной опасности быть затопленнымъ невскими волнами, такъ какъ вѣтеръ, дующій прямо противъ теченія въ широкое устье, въ состояніи пріостанавливать теченіе, образуя родъ подвижной запруды, и черезъ это уровень воды начинаетъ быстро подниматься. По мнѣнію нѣкоторыхъ ученыхъ, вѣтеръ, продолжавшійся съ извѣстною силою впродолженіи нѣсколькихъ дней, въ состояніи былъ бы потопить окончательно Петербургъ. Въ памятное наводненіе 7-го ноября 1824 г., когда, по выраженію Пушкина: „Силой вѣтра отъ залива прегражденная Нева обратно шла гнѣвна, бурлива“... („Мѣдный Всадникъ“), вода поднялась въ рѣкѣ на 2 сажени съ лишнимъ противъ нормальнаго уровня; въ 1879 наводненіе опять достигло почти что такихъ же размѣровъ, повышенія же воды въ 2—4 фута случаются очень часто, почти каждый годъ, принося населенію много вреда.

Онежское озеро представляетъ большое сходство съ Ладожскимъ по характеру береговъ: къ сѣверу отъ линіи Петрозаводскъ—устья р. Водлы берега сильно изрѣзаны *) и состоятъ изъ высокихъ каменистыхъ утесовъ, близъ нихъ разсѣянъ цѣлый лабиринтъ такого же рода острововъ **), къ югу отъ этой линіи — берега низменны, песчаны, безлѣсны, окаймлены полосами мелей и характеризуются отсутствіемъ острововъ.

*) Въ характерѣ этой изрѣзанности и въ рельефѣ прибрежной страны (съ с.-з.) въ направленіи рѣчныхъ долинъ, а также и въ расположеніи наибольшихъ впадинъ дна особенно ясно можно узнать ледниковыя борозды.

**) Самый большой о. Климецкій (247 кв. в.) густо заселенный, изъ другихъ болѣе замѣчательны: Кижъ, Керкъ, Оленьи острова, Оѣнногубскій, Суйсари и нѣкот. друг.

Сходство представляетъ также и рельефъ дна, постепенно понижающагося съ Ю. на С. Однако-же, Онежское оз. уступаетъ Ладожскому какъ по величинѣ (поверхность Онежскаго оз. 8.568,9 кв. в. или 9.751,1 кв. километр.), но береговая линія, благодаря чрезвычайной изрѣзанности въ сѣверной части, больше, чѣмъ у Ладожскаго оз.: 1,200 в., тогда какъ у послѣдняго лишь 1,070 в.), такъ и по глубинѣ: наибольшая глубина 68 саж. въ сѣверной части, въ началѣ Лижемской губы, между материкомъ и полуостровомъ Заонежьемъ, а также въ самой сѣверной оконечности, близъ г. Повѣнца—40, 50, 60 саж., въ средней части преобладающая глубина—30, 40 саж., а далѣе къ Ю.-В. очень постепенно является 20, 10, 5, 3, 1 саж., и наконецъ дно нечувствительно подымается до уровня берега. Подобно Ладожскому оз. Онежское принимаетъ въ себя множество рѣкъ и истоковъ озеръ, хотя между этими притоками и нѣтъ столь значительныхъ, какъ въ Ладогѣ. Наибольшіе изъ нихъ впадаютъ съ Ю.-В. и съ В.: рр. Водла, Андома, Вытегра. Съ западнаго берега впадаютъ менѣе значительныя рѣки: Суна (извѣстная водопадомъ Кивачъ), Вотьма, Кузъ, Сорока, Шуя, Кемь и др. Единственнымъ истокомъ озера, вполнѣ соотвѣтствующимъ Невѣ и по значенію и даже по положенію мѣста истока въ береговой линіи, является р. Свирь.

Наконецъ упомянемъ, что новѣйшія изслѣдованія опровергаютъ прежнее воззрѣніе на то, что Онежское оз. въ предыдущую геологическую эпоху входило (подобно Ладожскому оз. и многимъ другимъ) въ составъ пролива, соединявшаго прежде море Балтійское съ Бѣлымъ. Оказывается (главнѣйшимъ доказательствомъ этого служитъ характеръ фауны оз.), что, по крайней мѣрѣ, въ ближайшую геологическую эпоху, Онежское оз. находилось въ сторонѣ отъ этого пролива.

Озеро Ильмень уже значительно меньше двухъ описанныхъ какъ по величинѣ, такъ и по глубинѣ.

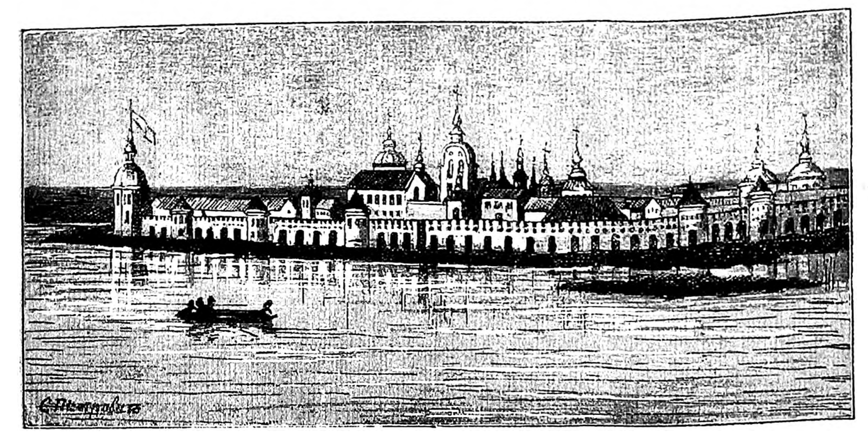
Поверхность составляетъ лишь 807 кв. в., а глубина отъ 1 до 4 саж. Берега со всѣхъ сторонъ низменны. Во время весеннихъ разливовъ и это озеро дѣлается опаснымъ для плаванія по причинѣ частыхъ и сильныхъ бурь. Поэтому и здѣсь устроены обводные каналы: Сиверсовъ и Вишерскій. Въ него впадаютъ двѣ большія рѣки: Мста и Ловать и нѣсколько десятковъ болѣе мелкихъ (Шелонь). Истокомъ служитъ р. Волховъ, самый главный притокъ Ладожскаго оз., несущій постоянно мутную воду въ противоположность другимъ главнымъ притокамъ многоводной Ладоги.

На западной окраинѣ разсматриваемой нами части озерной области, въ странѣ латышей и эстовъ, находится самостоятельный озерный бассейнъ, не состоящій въ связи съ Ладожскимъ—озеро Пейпусъ, или Чудское, южная часть котораго представляетъ отдѣльный бассейнъ—Псковское озеро, соединенное съ большею сѣверною частью лишь узкимъ (около 2 в. ширины) каналомъ въ видѣ рѣки, представляющимъ, однако, наиболѣе глубокую часть всего озера.

Геологическія изслѣдованія показываютъ, что прежде Чудское оз. имѣло гораздо большіе размѣры и въ древности представляло часть моря, т. е. широкаго пролива, соединяющаго нынѣшній Рижскій заливъ съ Финскимъ. Опрѣсненіе произошло уже впослѣдствіи, подъ вліяніемъ массы водъ, приносимыхъ р. Великою, Эмбахъ и многими другими, а также и атмосферными осадками. Истокомъ озера служитъ большая р. Нарова, теченіе которой прерывается у г. Нарвы грандіознымъ водопадомъ въ 16—20 фут. высоты. Водопадъ этотъ двойной, такъ какъ выше г. Нарвы рѣка раздѣляется островомъ Кренгольмомъ на два рукава, изъ которыхъ западный изливается многочисленными небольшими каскадами, а восточный, болѣе обильный, падаетъ сплошною массою. Замѣчательно еще, что Нижняя Нарова (какъ называется рѣка ниже водопада) является блуждающей рѣкой, неоднократно мѣнявшей свое русло уже въ теченіе настоящаго геологическаго періода.

Недалеко отъ Онежскаго озера находится Бѣло-озеро, со своимъ знаменитымъ Кирило-Бѣлоозерскимъ монастыремъ, который въ старину былъ мѣстомъ ссылки и заточенія для многихъ знаменитыхъ людей.

Чтобы закончить описаніе водныхъ вмѣстилищъ, составляющихъ характерную черту озерной области, упомянемъ про водопады и особенно пороги, которые прерываютъ теченія почти всѣхъ главныхъ рѣкъ разсматриваемаго района: Свирь, Волховъ, Нарова, Нева, Суна, Вуокса и др. Объясняется это условіями



Бѣлозерскій монастырь.

рельефа поверхности и твердостью основныхъ породъ, составляющихъ, какъ мы видѣли подпочву, а иногда и почву въ области, пограничной съ Финляндіею, а также и по берегамъ Финскаго залива. Уровень почвы по большей части понижается къ уровню моря не постепенно, а уступами, а твердость горныхъ породъ, составляющихъ ложе рѣкъ, не позволяетъ имъ промыть себѣ постепенный склонъ. Наиболѣе прославленный водопадъ, находящійся чуть не въ окрестностяхъ столицы—Иматра—помѣщается на территоріи Финляндіи и поэтому мы его не будемъ касаться. Другой водопадъ, не менѣе живописный и величественный, но болѣе отдаленный отъ культурныхъ мѣстностей, есть Кивачъ, воспѣтый Державинымъ:

„Алмазна сыплется гора
Съ высотъ четырьмя скалами,
Жемчугу бездна и сребра
Кипитъ внизу, бьетъ вверхъ буграми...
Далече ревъ въ лѣсу шумитъ...
О, водопадъ! Въ твоемъ жерлѣ
Все утопаетъ въ безднѣ, мглѣ...

Кивачъ находится на р. Сунѣ, которая беретъ начало близъ границъ Финляндіи и, прежде чѣмъ дойти до Онежскаго оз., должна спуститься съ весьма значительной высоты. Поэтому на ней, кромѣ Кивача, есть еще два водопада, мало уступающіе ему по красотѣ,— Гирвасъ и Поръ-порогъ, расположенные верстъ на 30 выше Кивача по теченію, и множество пороговъ. Два послѣдніе водопада, точно такъ же какъ и многіе другіе, однако-же очень рѣдко посѣщаются туристами, не потому, чтобы они не представляли собою ничего интереснаго, а просто потому, что при дикости и малокультурности этого края добраться до нихъ довольно затруднительно, а около самыхъ водопадовъ нѣтъ никакого жилья, гдѣ-бы можно было остановиться путешественникамъ хоть на короткое время. Между тѣмъ, эти отечественные водопады по своимъ природнымъ качествамъ нисколько не уступаютъ многимъ заграничнымъ, напр. прославленному Рейнскому. Кивачъ въ этомъ отношеніи имѣетъ большое преимущество предъ другими русскими водопадами тѣмъ, что около него построенъ удобный павильонъ, со времени посѣщенія его императоромъ Александромъ II (въ 1858 г.), и красивая бесѣдка надъ самымъ водопадомъ. Онъ чаще другихъ посѣщается туристами.

Озерная область не принадлежитъ къ кореннымъ славянскимъ землямъ; по этнографическому составу кореннаго населенія и по исторіи страны бассейны Ладожскаго и Чудскаго озеръ представляютъ переходную полосу между различными племенами финновъ и восточныхъ славянъ. Однако, географическое значеніе этой области настолько велико, что русскіе съ древнѣйшихъ временъ стремились къ обладанію этою страною. И, наконецъ, уже въ новѣйшее время здѣсь даже устроена столица. Но и до сихъ поръ мѣстностей, вполнѣ колонизи-

рованныхъ славянами и принявшихъ ихъ культуру, сравнительно немного. Таковыми и до сихъ поръ можно признать лишь наиболѣе важные пункты въ географическомъ, или, точнѣе сказать, въ торгово-промышленномъ отношеніи, главное мѣсто между которыми принадлежитъ, безспорно, Петербургу.

Климатъ разсматриваемой области въ общемъ суровъ, негостепріименъ и не особенно благопріятствуетъ процвѣтанію культуры. Большое число растеній умѣреннаго пояса можетъ здѣсь родиться и развиваться только при исключительномъ уходѣ. Туземная растительность не богата и состоитъ исключительно изъ видовъ, выносящихъ ранніе зимніе морозы, весенніе заморозки и внезапныя оттепели. Естественные лѣса имѣютъ здѣсь крайнѣ однообразный видъ: ель, сосна, береза, ива, рябина — вотъ и всѣ почти древесныя породы, свойственныя имъ. Изъ культурныхъ растеній здѣсь, за небольшими исключеніями, невозможно воздѣлываніе наиболѣе цѣннаго хлѣбнаго злака—пшеницы.

Понятно, что эта, въ общемъ негостепріимная и скудно вознаграждающая трудъ земледѣльца, область не можетъ привлечь густое населеніе. До тѣхъ поръ, пока могучая воля и желѣзная энергія Петра не водворила здѣсь насильственнымъ образомъ русской и западно-европейской культуры, туземные жители должны были довольствоваться скудными источниками пропитанія: рыболовствомъ, звѣроловствомъ и только отчасти земледѣліемъ, торговлею и другими видами промышленности. Археологическія изысканія показываютъ, однако, что страна эта была обитаема съ самыхъ древнихъ временъ, насколько только наука можетъ проникнуть въ сѣдую старину. Объ этомъ свидѣтельствуютъ многочисленные остатки человѣческаго искусства каменнаго и бронзоваго вѣковъ не только въ южной части района, но и на сѣверныхъ его окраинахъ, напр. на берегахъ Онежскаго озера, даже на сѣверныхъ.

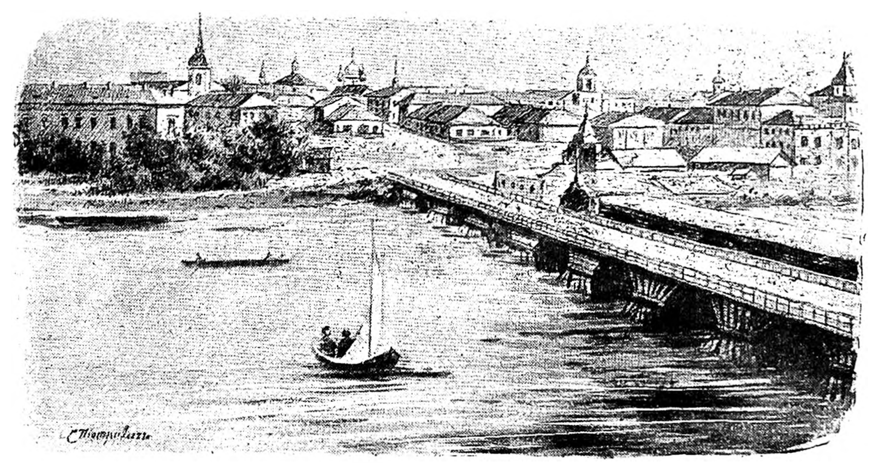
Славянское племя Кривичи явилось пришлецомъ съ юга и постепенно водворилось сначала въ бассейнѣ Волхова и далѣе къ З. и Ю.-З., а потомъ распространилось на всю территорію озерной области, перейдя даже во многихъ мѣстахъ за ея предѣлы, въ исконную страну финновъ. Несомнѣнно, что гораздо раньше славянъ страну эту населяли финскія племена „Чудь бѣлоглазая“ по лѣтописи; въ бассейнахъ Мсты, Ловати, Волхова, къ З. отъ нихъ жило племя Вотъ (Вотская земля), между Ладожскимъ и Онежскимъ оз. жило племя Весь, вокругъ Ладожскаго о.з, по Невѣ и далѣе къ З. по Финскому заливу обитали ингры (ижоры), которые уже давно потеряли свою собственную народность, смѣшавшись съ другими финскими и латышскими племенами, русскими, нѣмцами. Наконецъ, на сѣверныхъ берегахъ Ладожскаго оз. и далѣе къ С. и С.-В. жили раньше и живутъ еще до нынѣ карелы. Вообще финскія племена и въ настоящее время представляютъ въ озерной области много островковъ почти чистой своей національности среди массы господствующаго населенія. Съ другой стороны славянское населеніе носитъ на себѣ явные слѣды финскаго вліянія, въ особенности это замѣтно въ болѣе сѣверныхъ частяхъ страны и главнымъ образомъ на островахъ Ладожскаго оз., гдѣ русскіе почти совершенно утратили свою національность и забыли свой родной языкъ. Но такіе примѣры не многочисленны. Наоборотъ, славяне Олонецкой губ. въ большой чистотѣ сохранили свой типъ — первобытныхъ завоевателей края, новгородцевъ. Здѣсь болѣе чѣмъ гдѣ-либо, за исключеніемъ развѣ бѣломорскихъ поморовъ, сохранились въ чистотѣ всевозможныя древнія преданія и творчества народной поэзіи, былины, „старины“ по мѣстному названію. Старина сохранилась также и въ промышленной дѣятельности населенія,—и въ этомъ отношеніи олонецкіе крестьяне, да и во многихъ другихъ мѣстностяхъ озерной области,—одни изъ самыхъ отсталыхъ во всей Россіи. Даже и теперь мѣстами можно встрѣтить первобытныя земледѣльческія орудія: доски и палки, различно прикрѣпленныя одна къ другой *). Впрочемъ, хлѣбопашество никогда не можетъ быть сколько-нибудь вѣрнымъ источникомъ пропитанія въ этой странѣ (вокругъ Онежскаго оз.), гдѣ холода продолжаются иногда до іюля, а заморозки могутъ начаться уже въ августѣ.

Съ каждымъ годомъ уменьшается также прибыльность звѣроловнаго промысла, а скотоводство страдаетъ отъ падежей, сдѣлавшихся въ краѣ почти хроническими. Вообще населеніе здѣсь бѣдное и съ каждымъ годомъ совершается переходъ къ другого рода занятіямъ. Населеніе рабочаго возраста массами уходитъ на заработки въ другіе мѣста, преимущественно въ столицу, но едва ли не болѣе посвящаетъ себя торговлѣ, благодаря обилію здѣсь водныхъ путей.

*) См. Реклю „Россія“, I т., стр. 241.

Водные пути сообщенія доставляютъ мѣстному населенію наиболѣе важные заработки, въ особенности въ Олонецкой и Новгородской губ. Здѣсь проходятъ важнѣйшіе искусственные судоходные пути: Маріинскій, Тихвинскій, Вышневолоцкій и система герцога А. Виртембергскаго. Масса рабочихъ находитъ себѣ занятія въ качествѣ шкиперовъ, лоцмановъ и всякаго рода чернорабочихъ на многочисленныхъ пристаняхъ. На каналахъ тяга судовъ производится по большей части лошадьми, при чемъ требуется много рабочихъ. Наконецъ судостроеніе и всякаго рода лѣсные промыслы доставляютъ большой заработокъ населенію. Въ этомъ смыслѣ можно сказать, что населеніе получаетъ пропитаніе отъ многочисленныхъ водныхъ бассейновъ, наполняющихъ страну.

Въ болѣе южныхъ областяхъ описываемаго района, въ части Новгородской и особенно въ Псковской губ. сильно развита льняная промышленность. Ленъ является здѣсь наиболѣе распространеннымъ и наиболѣе цѣннымъ изъ продуктовъ земледѣлія. Изъ другихъ сельско-хозяйственныхъ растеній преобладающими являются овесъ и рожь.



Новгородъ.

Уже въ X в. славяне образовали въ средней части озерной области крупный центръ, который въ первую эпоху русской исторіи былъ даже главнымъ у восточныхъ славянъ. Уже въ эту эпоху Новгородъ, благодаря своему положенію на великомъ водномъ пути «изъ Варяги въ Греки», велъ оживленныя торговыя сношенія, какъ со странами «заморскими» или по крайней мѣрѣ «приморскими», такъ и съ внутренними областями Восточной Европы, главнымъ образомъ съ бассейномъ Днѣпра, отчасти Западной Двины, Нѣмана и верхней Волги.

Вскорѣ (уже въ XI в.) главенство надъ русскими землями перешло къ Кіеву, но Новгородъ все продолжалъ развиваться, богатѣть и сконцентрировалъ вокругъ себя культурныя и промышленныя силы, развивавшіяся въ направленіи противоположномъ тому, къ которому тяготѣли славяне приднѣпровскіе и южные. Послѣдніе были обращены къ Балканскому полуострову, къ міру греческому, съ которымъ они связаны были преемственностью религіи и духовной культуры. Новгородъ, расположенный на противоположномъ концѣ великаго историческаго пути, по которому еще съ начала среднихъ вѣковъ происходили сношенія между германскимъ міромъ сѣверо-западной Европы съ тою-же Византіею, естественно выразилъ собою развитіе Руси по направленію къ Балтійскому морю и къ Нѣмецкому, къ прибалтійскимъ славянамъ, скандинавамъ и другимъ германцамъ западно-европейскаго міра.

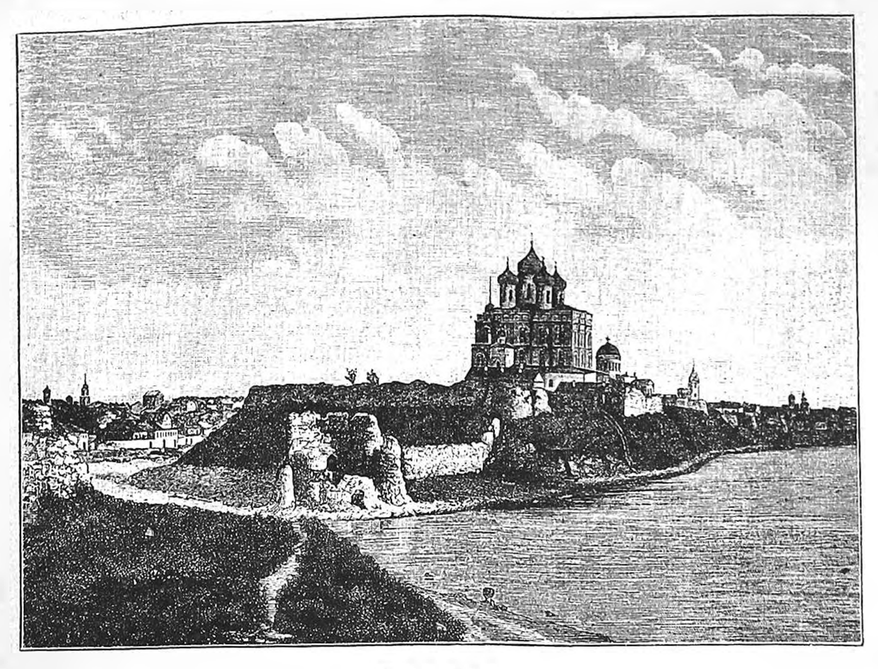
Съ теченіемъ времени „Господинъ Великій Новгородъ“ развилъ свое могущество до громадныхъ размѣровъ, сконцентрировалъ въ

своихъ стѣнахъ и въ своихъ многочисленныхъ „пригородахъ“ не только колоссальныя по тому времени богатства, культурныя, промышленныя и торговыя силы, но и пріобрѣлъ себѣ политическую независимость, распространивъ свое владычество на огромную территорію всего сѣвера и сѣверо-востока Россіи. Новгородскія дружины „ушкуйниковъ“ постепенно подчинили своей власти полудикія финскія, зырянскія, самоѣдскія и др. племена до Уральскаго хребта и даже дальше въ глубь Сибири, основали множество опорныхъ пунктовъ—торговыхъ колоній (Онега, Холмогоры, Вологда, Устюгъ, Вятка и др.). Для своего политическаго господства и для удобства эксплаотаціи естественныхъ богатствъ этой страны, преимущественно пушнины, Новгородская республика входила въ составъ ганзейскаго союза и купцы новгородскіе въ широкихъ размѣрахъ вели торговлю сырыми отечественными продуктами съ городами Западной Европы. Въ эту эпоху Новгородъ по промышленному, торговому и культурному развитію нисколько не уступалъ западно-европейскимъ торговымъ центрамъ: Гамбургу, Бремену, Любеку и др., но по своему политическому могуществу несравненно превосходилъ ихъ. Въ рукахъ новгородскихъ купцовъ, впрочемъ, сосредоточивалась преимущественно внутренняя торговля, внѣшнею-же завладѣли нѣмцы, имѣвшіе множество торговыхъ конторъ въ Новгородѣ. Въ то же время Новгородъ, вмѣстѣ со своимъ „младшимъ братомъ“ Псковомъ, былъ средоточіемъ ремеслъ, искусствъ, образованности, религіозныхъ раціоналистическихъ сектъ. По государственному устройству Новгородъ представлялъ изъ себя аристократическую республику, и граждане раздѣлялись на 2 класса: „бѣлые“ („вящшіе“), привилегированные, и „черные люди“. Новгородцы выбирали себѣ князей, но власть ихъ была сильно ограничена и главная обязанность ихъ состояла въ защитѣ государства отъ внѣшнихъ враговъ; но какъ только народное собраніе, вѣче, было недовольно своимъ княземъ, оно „кланялось ему и показывало путь изъ Новгорода“.

Сильный своимъ матеріальнымъ могуществомъ, Новгородъ постоянно страдалъ отъ внутреннихъ смутъ, производимыхъ соперничающими партіями. Это и составляло его политическую слабость, такъ что когда московское великое княжество усилилось, то новгородская республика не въ состояніи была сохранить свою независимость и быстро теряла свои обширныя владѣнія одно за другимъ. Наконецъ, въ 1471 г. войска ея были побѣждены московскими, а въ 1478 г. уже и окончательно была уничтожена ея независимость: вѣчевой колоколъ былъ отвезенъ въ Москву, а всѣ граждане были принуждены принести присягу „самодержавному“ Великому Князю, Іоанну III. Въ 1570 г. Новгородъ, имѣвшій еще въ то время 50—60 тысячъ жителей, испыталъ страшный разгромъ со стороны Іоанна Грознаго, который здѣсь свирѣпствовалъ въ теченіе 6 недѣль. Послѣ этого окончательно подорвано было могущество Новгорода, и онъ постепенно сравнялся съ другими русскими городами. Въ настоящее время Новгородъ, который, если вѣрить преданію, нѣкогда заключалъ въ своихъ стѣнахъ 400,000 гражданъ (теперь 26,095 ж.), занимаетъ гораздо меньше мѣста, чѣмъ въ старину, и монастыри, которые раньше были внутри городской черты, находятся теперь далеко за городомъ (замѣчат. Юрьевскій и Антоніевъ). Однако-же, двѣ главныя части древняго города, „стороны“ Торговая и Софійская, раздѣленныя р. Волховымъ, существуютъ и донынѣ. Памятники древняго величія: Кремль, древній „Дѣтинецъ“ *), софійскій соборъ, съ гробницами многихъ святыхъ и героевъ, памятники средневѣковой иконописи, Знаменскій соборъ XIV столѣтія съ чудотворною иконою и др. На площади передъ Софійскимъ соборомъ 8 сентября 1862 г. „въ память тысячелѣтія Россіи“ воздвигнутъ величественный памятникъ, представляющій массивный гранитный шаръ съ ангеломъ на верху, осѣняющимъ крестомъ колѣнопреклоненную Россію. Кромѣ этого, существуетъ множество невещественныхъ памятниковъ древняго Новгорода—это различныя изустныя сказанія, пѣсни, легенды, былины, а также лѣтописи. Особенно замѣчательны двѣ былины: „Садко, богатый гость“, рисующая купеческій бытъ и „Васька Буслаевъ“, воспѣвающая удальцовъ новгородской вольницы, на далекіе предѣлы распространившихъ владычество своего отечества.

Къ востоку отъ Новгорода, на верхней Мстѣ, которая въ этомъ мѣстѣ огибаетъ Валдайскую возвышенность, расположенъ г. Боровичи (9,421 ж.), очень древній городъ, издавна служившій посредникомъ торговли между бассейнами Волхова и Волги. Значеніе этого города обусловливается и въ настоящее время

*) Названіе это происходитъ, по мнѣнію ученыхъ, отъ обычая, практиковавшагося въ средніе вѣка—при закладкѣ крѣпости, первый камень класть на живого младенца.



Псковъ.

существованіемъ близъ него ряда пороговъ на Мстѣ, общая высота которыхъ на разстояніи 30 в. составляетъ около 200 ф. Поэтому Боровичи издавна служатъ складочнымъ мѣстомъ товаровъ, перевозимыхъ по Вышневолоцкому пути.

Подобнымъ-же складочнымъ пунктомъ на Тихвинской системѣ является городъ Тихвинъ (6,631 т.), расположенный при началѣ канала. Близъ города замѣчателенъ Тихвинскій монастырь, извѣстный чудотворной иконой Божіей Матери, одной изъ наиболѣе чтимыхъ во всей Россіи.

Къ югу отъ озера Ильмень стоитъ древній городъ Старая Русса (15,234 ж.), извѣстный своими цѣлебными водами.

Въ западной части страны озеръ, на берегу р. Великой, въ нѣсколькихъ верстахъ выше впаденья ея въ Псковское озеро, стоитъ древній городъ Псковъ (30,424 ж.), въ прежнее время игравшій значительную роль въ торговыхъ сношеніяхъ Россіи съ западомъ подобно Новгороду, хотя онъ и не достигалъ такого величія, какъ этотъ послѣдній.

Долгое время Псковъ считался „пригородомъ“ Великаго Новгорода и былъ лишь посредникомъ его торговли съ нѣмецкими городами. Но въ XIV столѣтіи онъ отдѣлился отъ Новгорода, завелъ самостоятельныя сношенія съ ганзейскимъ союзомъ, устроилъ независимую республику по образцу своего прежняго властелина и въ XV в. достигъ высшаго своего процвѣтанія. По преданію въ это время число гражданъ этого города достигало 80,000. Но въ 1510 г. Великій Князь Василій III уничтожилъ всѣ вольныя учрежденія Пскова; его постигла та же самая участь, что и Новгородъ, хотя своею сравнительною покорностью

псковитянамъ и удалось продлить существованіе республики на цѣлыхъ 32 г. Цѣлыя сотни семействъ были высланы изъ города въ другія мѣстности Россіи, и Псковъ сразу потерялъ почти все свое значеніе. Въ настоящее время, какъ и въ древности, значеніе этого города обусловливается выгоднымъ географическимъ положеніемъ въ бассейнѣ Наровы, дѣлающимъ его естественнымъ складочнымъ мѣстомъ всей верхней области, до водораздѣла Западной Двины. Къ достопримѣчательностямъ принадлежитъ древній соборъ св. Троицы и остатки каменныхъ стѣнъ съ башнями, которыя выдержали 26 осадъ.

Еще древнѣе Пскова по историческому значенію является г. Изборскъ, верстахъ въ 30 къ западу отъ Пскова. Сюда по сказанію лѣтописи пришелъ княжить Труворъ, братъ Рюрика. Однако-же, значеніе его никогда не было очень велико, такъ какъ устья Наровы находились долгое время во власти меченосцевъ, которые, наконецъ, совершенно разрушили этотъ городъ. Теперь это простое село, гдѣ не сохранилось никакихъ развалинъ, напоминающихъ о славной древности.

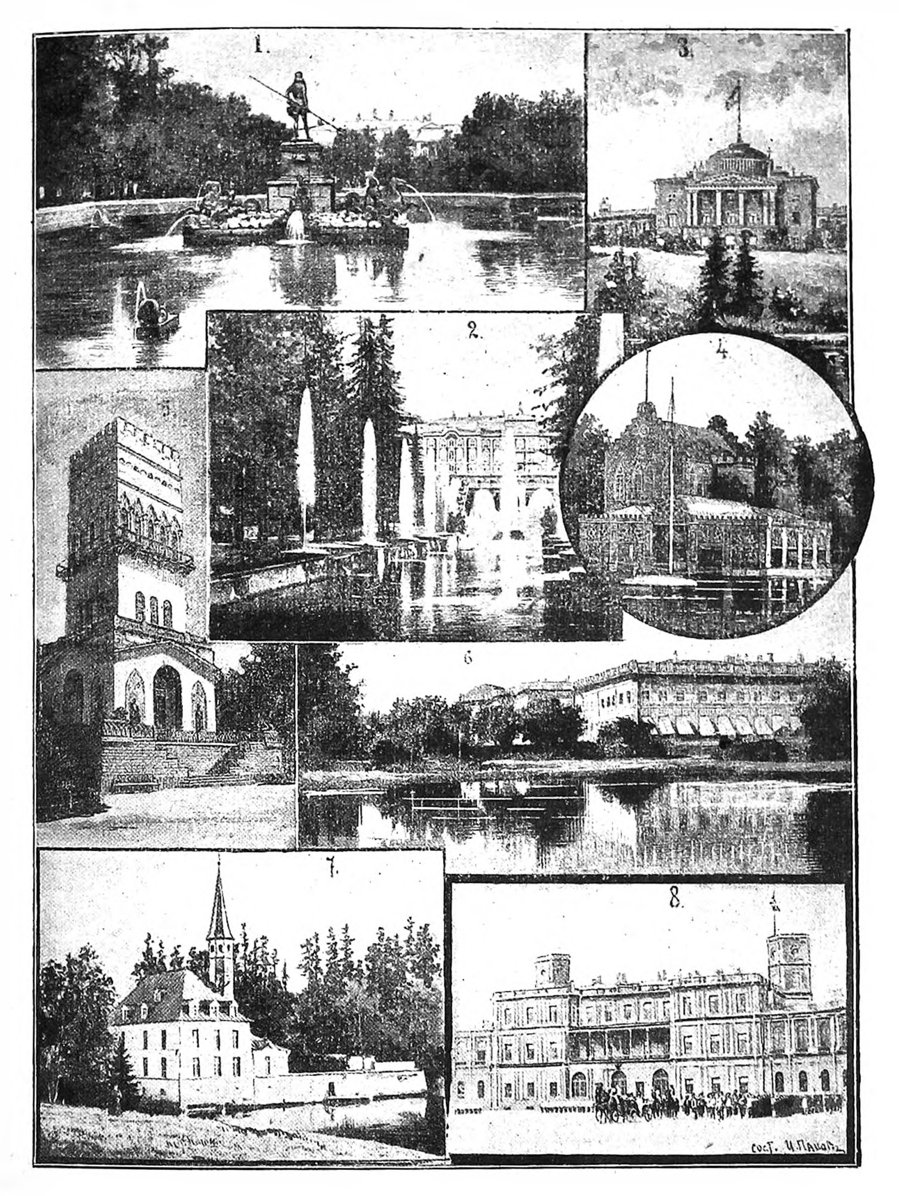
Изъ другихъ городовъ Псковской губерніи только Великіе Луки имѣютъ болѣе 8 тыс. жит. (8,481), остальные очень незначительны, Новоржевъ имѣетъ даже менѣе 3 тыс. жит. (2,847).

Въ Олонецкой губ. города еще менѣе, это уже настоящія села въ 1—2 т. жителей (Пудожъ—1,464, Повѣнецъ—1,409, Олонецъ—1,308, Лодейное Поле—1,438, Каргополь—2,952, Вытегра—4,501). Только одинъ городъ въ этомъ пустынномъ краѣ пріобрѣлъ нѣкоторую важность въ торговомъ и промышленномъ отношеніи—это Петрозаводскъ (12,521 ж.), возникшій на мѣстѣ желѣзнаго завода, основаннаго (въ 1704 г.) Петромъ Великимъ.

Переходимъ теперь къ Петербургу самому главному и самому многолюдному городу всей Россіи (1.267,021 ж.). Быстрое возвышеніе и ростъ этого города обусловливается, конечно, ни чѣмъ другимъ, какъ выгоднымъ географическимъ положеніемъ. Это былъ, такъ сказать древній Новгородъ, перенесенный на устья Невы, но за исключеніемъ климата, очень суроваго, благодаря положенію на 60° широты, новорожденная столица имѣетъ много преимуществъ предъ волховскимъ центромъ. Петербургъ представляетъ морской портъ, куда могутъ приходить самые большіе океанскіе пароходы, а невскій бассейнъ, связанный при томъ тремя искусственными водными системами съ волжскимъ, дѣлаетъ его портомъ почти всей Россіи. Наконецъ, желѣзнодорожные пути связываютъ его не только со всѣми значительными пунктами Россіи, но и заграничными.

Великій основатель этого города блистательно выполнилъ свою задачу, къ достиженію которой уже задолго до него стремились московскіе государи. Идея утвердиться при морѣ была не нова, но нужно было обладать по истинѣ геніальными способностями и несокрушимой энергіей, съ которою онъ, по выраженію поэта, „Россію вздернулъ на дыбы“. (Пушкинъ, „Мѣдный всадникъ“). Ни одинъ завоеватель не выказалъ большей смѣлости, чѣмъ Петръ, основывая новую столицу на разстояніи 600 в. отъ Москвы, въ мѣстности почти пустынной и въ полномъ смыслѣ чужой, гдѣ элементъ русскаго населенія въ то время былъ весьма незначителенъ, на топкой, болотистой почвѣ, которую надо было укрѣплять руками цѣлыхъ армій рабочихъ, прежде чѣмъ приступать къ постройкамъ и возвышать насыпями, такъ какъ вода постоянно затопляла нарождающійся городъ.

На берегу пустынныхъ волнъ
Стоялъ Онъ думъ великихъ полнъ
И вдаль глядѣлъ. Предъ нимъ широко
Рѣка неслася; бѣдный челнъ
По ней стремился одиноко.



Окрестности Петербурга.

1. Фонтанъ „Нептунъ“ въ Петергофѣ.—2. Петергофскій дворецъ и Экспланада.—3. Павловскій дворецъ.—4. Адмиралтейство въ Царскомъ селѣ.—5. Телеграфъ тамъ-же.—6. Царскосельскій дворецъ.—7. Пріоратъ въ Гатчинѣ.—8. Дворецъ тамъ-же.

По мшистымъ топкимъ берегамъ
Чернѣли избы здѣсь и тамъ,
Пріютъ убогаго чухонца,
И лѣсъ, невѣдомый лучамъ
Въ туманѣ спрятаннаго солнца,
Кругомъ шумѣлъ.
И думалъ Онъ:
„Отсель грозить мы будемъ шведу,
Здѣсь будетъ городъ заложонъ
На зло надменному сосѣду;
Природой здѣсь намъ суждено
Въ Европу прорубить окно,
Ногою твердой стать при морѣ;
Сюда, по новымъ имъ волнамъ
Всѣ флаги въ гости будутъ къ намъ—
И запируемъ на просторѣ“.
(Пушкинъ, „Мѣдный всадникъ“).

Что бы ни говорили про „жестокость“ Петра и его „неразборчивость въ средствахъ“, но нельзя не согласиться, что задача, которую онъ себѣ поставилъ, была по истинѣ великая и въ достиженіи ея онъ проявилъ необыкновенную энергію. Можно, пожалуй, сказать, что зыбкая почва Невской дельты, на которой возведенъ былъ Петербургъ, предварительно вымощена была костями многихъ сотенъ тысячъ работниковъ. Для успѣшнаго хода построенія новой столицы Петръ употреблялъ своего рода „каторжныя“ работы. Рабочіе цѣлыми арміями набирались во всѣхъ провинціяхъ Россіи, какъ солдаты; въ 4 года (съ 1712 по 1716 гг.) болѣе 150,000 ихъ были принудительно согнаны такимъ образомъ на невскія болота, и большинство ихъ погибло здѣсь отъ изнурительныхъ трудовъ, разныхъ эпидемій, а также и отъ голода. Въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ воспрещена была постройка всякихъ зданій изъ кирпича во всей остальной Россіи *) и каменщики всей Россіи принуждены были искать работы именно въ Петербургѣ. Всѣ дворяне, имѣвшіе по крайней мѣрѣ 30 тысячъ крестьянъ, получили приказаніе явиться на берега Невы и построить себѣ здѣсь домъ.

Основывая столицу на только что завоеванной землѣ, лежащей почти за предѣлами государства, Петръ тѣмъ самымъ ставилъ себя въ необходимость вести упорную наступательную войну, до тѣхъ поръ пока вся окружная территорія на далекое пространство не станетъ русской.

Дорогою цѣною и большими жертвами купленъ былъ этотъ первый **) портъ при наиболѣе важномъ для Россіи морѣ, „прорублено окно въ Европу“. Однако же усилія потрачены были не даромъ;

„И передъ младшею столицей
Главой склонилася Москва,
Какъ передъ новою царицей
Порфироносная вдова“.
(Пушкинъ, „Мѣдный всадникъ“).

Энергичныя усилія Петра Великаго сообщили нарождающемуся Петербургу необыкновенно быстрый ростъ, такъ что къ концу царствованія это былъ уже обширный городъ, въ которомъ насчитывалось около 100,000 жителей. Но несомнѣнно, что дѣло Петра согласовалось съ географическими потребностями страны, и отъ того-то оно и вышло прочнымъ. Въ Россіи нѣтъ другого города, который могъ бы представить примѣръ столь быстраго и неуклоннаго возрастаніи, какъ Петербургъ. Если обратиться къ населенности, то и здѣсь увидимъ безпримѣрный въ Россіи фактъ, что со времени основанія Петербурга и до настоящаго времени т. е. почти на протяженіи двухъ столѣтій число жителей въ немъ ежегодно увеличивается въ среднемъ на 6—7 тыс. чел., а въ исключительные періоды и гораздо быстрѣе. Въ такой же мѣрѣ развивается промышленная и торговая дѣятельность Петербурга, возрастаютъ средства для удовлетворенія культурныхъ потребностей; городъ этотъ пріобрѣтаетъ все больше и больше значенія въ жизни страны и уже давно сдѣлался не только административнымъ центромъ по своему оффиціальному положенію столицы, но и средоточіемъ культуры.

Слѣдуетъ замѣтить, что Петербургъ, основанный на границѣ государства, сослужилъ огромную службу Россіи въ дѣлѣ ознакомленія съ западною Европою. „Окно, прорубленное въ Европу“ впустило въ затхлую атмосферу отсталой средневѣковой Россіи живительную струю болѣе высокой, европейской, на первыхъ порахъ преимущественно нѣмецкой культурности, и новая столица въ первые періоды своего существованія была можно сказать иностранною колоніею. Однако же благопріятное географическое положеніе, связывающее Невскій портъ почти со всею Россіею, и въ то же время административное значеніе Петербурга, обезпечивало безпрестанный приливъ въ него кореннаго русскаго населенія и при томъ преимущественно лучшаго; поэтому городъ

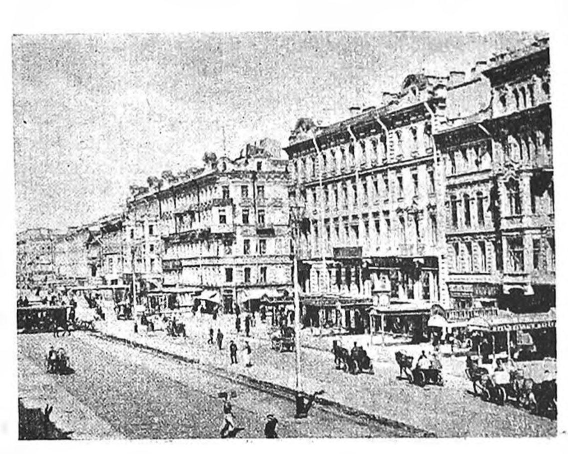
*) Кромѣ г. Азова, куда нѣкоторое время съ такою же цѣлью принудительно сгонялись каменщики.

**) Если не считать Архангельска, гдѣ еще раньше устроена была гавань тѣмъ же Петромъ Великимъ.

уже вскорѣ сдѣлался вполнѣ русскимъ. Въ Петербургѣ совершалось сліяніе высшей европейской культуры съ русской, откуда уже въ переработанномъ и приспособленномъ къ условіямъ русской жизни видѣ просвѣщеніе стало быстро распространяться по широкому лицу земли русской. Если бы Петербургъ по самому своему положенію не представлялся исключительно важнымъ для Россіи, то онъ вѣроятно надолго остался бы „иностраннымъ городомъ на руской территоріи“, каковыми до самаго послѣдняго времени остаются, напр., Рига, Юрьевъ и нѣкоторые др.

Въ настоящее время Петербургъ во многихъ отношеніяхъ можетъ поспорить съ важнѣйшими европейскими столицами. Здѣсь сосредоточены главнѣйшія учебныя заведенія [1]) и многочисленныя ученыя учрежденія Россіи; многія изъ нихъ принадлежатъ къ числу тѣхъ, которыя наиболѣе содѣйствуютъ движенію науки въ Европѣ [2]). Точно также многочисленные музеи Петербурга принадлежатъ къ числу замѣчательнѣйшихъ учрежденій этого рода во всемъ свѣтѣ. Особенно извѣстенъ Имп. Эрмитажъ, обширное собраніе всевозможныхъ произведеній искусствъ и древностей, и художественныя коллекціи Академіи Художествъ.

Расположенный на совершенно равнинной мѣстности, составленной изъ наносовъ р. Невы, Петербургъ не обладаетъ живописными ландшафтами, свойственными мѣстамъ съ разнообразнымъ рельефомъ. Однакоже, необозримое море громадныхъ зданій, обиліе дворцовъ, различнаго рода монументовъ [3]) и древесной растительности, грандіозные церковные куполы, а главнымъ образомъ обиліе водъ многочисленныхъ каналовъ и рукавовъ многоводной „красавицы Невы“, раздѣляющихъ городъ на цѣлый рядъ острововъ, — дѣлаютъ

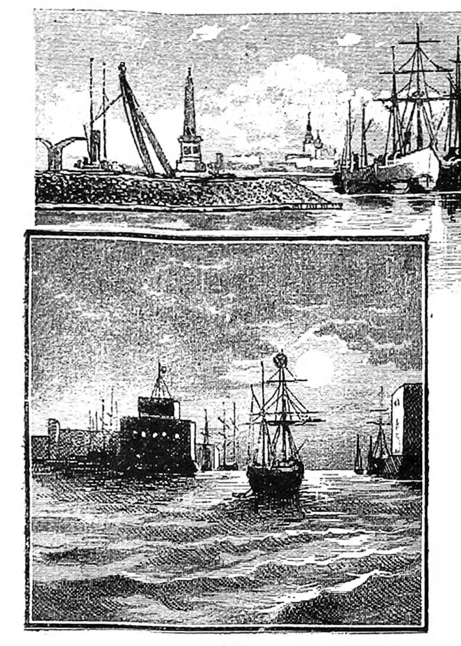


С.-Петербургъ. — Невскій проспектъ.

[1]) 126 различныхъ средне-учебныхъ заведеній и 23 высшихъ, преимущественно спеціальныхъ и единственныхъ въ Россіи, см. „Общій очеркъ“, стр. 412.

[2]) Въ Петербургѣ находится Имп. Академія Наукъ съ богатѣйшимъ зоологическимъ музеемъ (около 150,000 экземпляровъ различныхъ животныхъ, между ними много единственныхъ въ Европѣ), который образовался изъ „кунсткамеры“ Петра Великаго, и съ знаменитой азіатской галлереей; Институтъ Экспериментальной Медицины; болѣе 20 различныхъ ученыхъ обществъ, изъ которыхъ нѣкоторыя представляютъ обширнѣйшія учрежденія, своего рода министерства, гдѣ сконцентрирована научная дѣятельность по разнымъ отраслямъ знаній, каковы, напр., Имп. Географическое Общество, Вольно-Экономическое, Общество охраненія народнаго здравія и др. Кромѣ того, есть нѣкоторыя благотворительныя, обладающія колоссальными средствами, имѣющія отдѣленія по всей Россіи, какъ напр. „Общество спасанія на водахъ“ и др. Громадную важность для научной дѣятельности представляетъ богатѣйшая Имп. Публичная Библіотека, заключающая въ себѣ болѣе 1½ милліона томовъ различныхъ сочиненій и рукописей, изъ числа которыхъ нѣкоторыя очень рѣдки или даже единственны. Ежегодно библіотека эта обогащается 20—25 тыс. сочиненій. Богатыя собранія книгъ находятся также при нѣкоторыхъ ученыхъ обществахъ и въ особенности при Имп. Академіи Наукъ.

[3]) Главнѣйшіе: Александровская колонна противъ Зимняго дворца, высѣченная изъ цѣльнаго куска гранита въ 14 саж. выс. (безъ основанія); подобную-же колонну представляетъ „памятникъ славы“ (выложенный снаружи 104 пушками), и памятникъ Румянцеву. Замѣчателенъ памятникъ Петру Великому, „гигантъ на бронзовомъ конѣ“, описанный Пушкинымъ въ „Мѣдномъ всадникѣ“, другой памятникъ ему-же противъ Инженернаго замка, памятникъ имп. Николаю I, Екатеринѣ II, Суворову, Кутузову, Барклаю-де-Толли, Пржевальскому, Пушкину, Жуковскому и множество другихъ.



Морской каналъ.

Кронштадтскія укрѣпленія.

русскую столицу очень привлекательною на видъ и даже величественною. Если взобраться на колокольню колоссальнаго Исаакіевскаго собора, то взоромъ можно сразу обнять весь городъ отъ восточныхъ окраинъ и до моря. Длинныя широкія улицы и „проспекты" расходятся правильными линіями въ видѣ радіусовъ или концентрическихъ дугъ, въ главной части города возвышаются красивые и величественные дворцы: Зимній, Аничковскій, Мраморный и др.; Казанскій, Петропавловскій, Владимірскій, Троицкій и др. соборы, театры (Александринскій, Маріинскій и др.) и множество другихъ красивыхъ зданій. На востокѣ, на сѣверѣ и на западѣ широкой лентой извивается могучая Нева, заключенная повсюду въ гранитныя набережныя, а надъ ея водами повисли громадные чугунные мосты: Николаевскій и Александровскій, къ которымъ въ скоромъ времени прибавится еще третій такой-же — строющійся уже 2 года Троицкій мостъ *). Среди построекъ тамъ и сямъ выдѣляются яркою зеленью парки (Лѣтній садъ, Таврическій, Александровскій, Кронверкскій скверы, Петровскій паркъ и др.), а на сѣверо-западной сторонѣ виднѣются невскіе острова (Аптекарскій, Крестовскій, Елагинъ и др.) съ ихъ многочисленными садами, парками, загородными дворцами, дачами.

Сѣверная столица, городъ пышныхъ дворцовъ и монументовъ, дополняется и снаружи парками, загородными дворцами, замками, виллами.

На южномъ берегу бухты, отдѣляющей островъ Котлинъ съ неприступною крѣпостью Кронштадтомъ, раскинулся Петергофъ, окруженный со всѣхъ сторонъ садами, цвѣтниками, среди которыхъ бьютъ многочисленные фонтаны и изливаются великолѣпные водяные каскады. Петергофъ расположенъ на возвышенности, спускающейся уступами къ морю, такъ что внизу виденъ весь обширный корабельный рейдъ, а вдали замѣтенъ лѣсистый и скалистый берегъ Финляндіи.

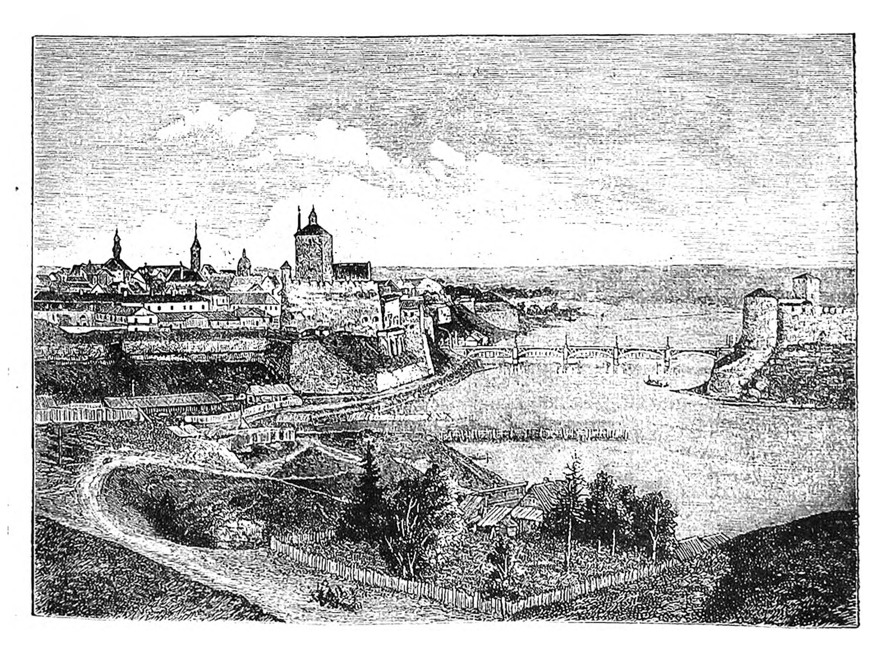
Нѣсколько къ западу отъ Петергофа, «Царскаго двора» (любимой резиденціи Петра Великаго), расположенъ другой загородный дворецъ Ораніенбаумъ, какъ разъ напротивъ гранитныхъ твердынь Кронштадта, окруженный великолѣпными павильонами, виллами, парками, съ яркою зеленью которыхъ поразитель-

*) Заложенъ 12 августа 1897 г. въ присутствіи Государя и президента французской республики Феликса Фора.

ный контрастъ составляютъ массы гранита котлинскаго острова, подымающіяся изъ морскихъ волнъ.

Кронштадтъ, въ виду его важнаго значенія для защиты столицы со стороны моря, чрезвычайно сильно укрѣпленъ, на что израсходованы были въ разное время громадныя суммы, болѣе 50 мил. р. И теперь это по преимуществу военный и портовый городъ, главная стоянка военнаго русскаго флота. Жителей 59,539. Сообщеніе съ Петербургомъ въ настоящее время, съ изобрѣтеніемъ ледокольныхъ пароходовъ, можетъ безпрепятственно поддерживаться круглый годъ, безъ перерыва.

Внутри страны, въ окрестностяхъ Петербурга, находятся другіе города, какъ-бы спутники столицы, представляющіе группы загородныхъ дворцовъ, дачъ и разнаго рода увеселительныхъ мѣстъ, какъ, напримѣръ, Павловскій вокзалъ, куда петербургская публика устремляется во время лѣтняго сезона. Нѣкоторые изъ такихъ загородныхъ, дачныхъ мѣстечекъ въ настоящее время представляютъ уже значительные города, какъ, напр., Гатчино, насчитывающее 14,735 жит. При императорѣ Павлѣ здѣсь былъ только одинъ дворецъ. Царское Село въ въ 25 в. отъ Петербурга при Елизаветѣ Петровнѣ представляло небольшое селеніе вокругъ дворца, а въ настоящее время это уже городъ, превосходящій многіе уѣздные города Центральной Россіи и даже нѣкоторые губернскіе, съ населеніемъ 22,353 чел. Наконецъ, къ с.-з. отъ Царскаго Села, на холмѣ около 240 ф. высотою, помѣщается Пулковская обсерваторія, черезъ которую проходитъ главный меридіанъ Россіи. По совершенству научныхъ инструментовъ и при-



Общій видъ города Нарвы.

боровъ, а также и по выдающимся трудамъ нѣкоторыхъ русскихъ ученыхъ (Струве и др.) обсерваторію эту надо поставить на ряду съ самыми извѣстными учрежденіями этого рода въ свѣтѣ.

Изъ прочихъ городовъ С.-Петербургской губ. стоитъ развѣ указать на довольно древній городъ Нарву, недалеко отъ которой находятся Гунгенбургскія купанья.

ПРИБАЛТІЙСКІЙ КРАЙ.

Такъ называемый Прибалтійскій, или Остзейскій край состоизъ изъ трехъ губерній, лежащихъ на юго-восточной сторонѣ Балтійскаго моря: Эстляндской, Лифляндской и Курляндской (древняя Ливонія). Онъ занимаетъ площадь въ 84,263 кв. верстъ, изъ коихъ приходится на долю Эстляндской губерніи 17,791, Лифляндской 42,725 и Курляндской 23,747 кв. верстъ.

Богатый историческимъ прошлымъ, испытавшій всѣ превратности судьбы, этотъ край не разъ мѣнялъ своихъ владыкъ. Русскіе, нѣмцы, датчане, шведы и поляки спорили изъ-за него между собою и всѣ оставили здѣсь болѣе или менѣе замѣтные слѣды своего вліянія. Наиболѣе продолжительное время хозяйничали здѣсь нѣмцы, которые слишкомъ 500 лѣтъ владѣли Прибалтійскимъ краемъ. Поэтому и до сихъ поръ, несмотря на почти двухсотлѣтнюю принадлежность Россіи, страна носитъ болѣе нѣмецкое обличье, чѣмъ русское, а иногда даже прямо называется нѣмецкой окраиной. Тѣмъ не менѣе ни по массѣ населенія, ни по своему прошлому Прибалтійскій край не представляетъ собою части нѣмецкой земли. Нѣмцы здѣсь лишь пришлый элементъ, чужеземцы, и не были исконными владѣльцами края. Его коренное населеніе—финско-литовскаго происхожденія и до покоренія нѣмцами платило дань русскимъ князьямъ.

Русское колонизаціонное движеніе къ Балтійскому поморью шло изъ двухъ пунктовъ—Новгорода, центра Ильменскихъ славянъ, и Полоцка—кривичей. Уже въ XI-мъ вѣкѣ великій князь Ярославъ основалъ въ землѣ чуди городъ Юрьевъ, а затѣмъ Полочане на р. Двинѣ — Кукенойсъ (нынѣ Кокенхузенъ) и Герсике (исчезнувшій безъ слѣда). Отсюда русское вліяніе, политическое и религіозное, распространялось далѣе въ глубь страны, и, что особенно важно, распространялось мирно, безъ всякихъ насильственныхъ средствъ и пріемовъ. Но различныя историческія невзгоды остановили дальнѣйшее движеніе русскихъ къ морю. Они направили свои силы въ противоположную сторону, а ихъ мѣсто на берегахъ Балтійскаго моря заняли германцы.

Первыми посѣтителями края были бременскіе купцы, занесенные бурей въ устья Западной Двины и нашедшіе хорошій пріемъ у туземцевъ ливовъ (1159 г.). По ихъ слѣдамъ двинулись сюда купцы, затѣмъ миссіонеры и, наконецъ, крестоносцы. Силою оружія непокорные язычники были обращены въ христіанство. Но насильственное обращеніе не могло быть прочно. Едва крестоносцы, уѣзжавшіе на зиму домой, садились на корабли, какъ толпы недавно крещенныхъ сбѣгались къ Двинѣ, чтобы смыть въ ея волнахъ крещеніе и отослать его обратно въ Германію. Тогда архіепископъ Альбертъ Буксгевденъ, въ видахъ болѣе успѣшнаго и непрерывнаго воздѣйствія на туземцевъ, учредилъ въ 1202 году духовно-рыцарскій орденъ, на подобіе палестинскихъ, „Орденъ Меченосцевъ“ (впослѣдствіи „Ливонскій“ по имени покоренной страны „Ливоніи“). Понастроивъ крѣпкихъ замковъ и монастырей на холмахъ, на высокихъ крутыхъ берегахъ рѣкъ, пользуясь, гдѣ нужно, сторонней помощью или враждою мѣстныхъ племенъ — латышей и ливовъ, пришельцы успѣли стать твердой ногой во вновь пріобрѣтенномъ краѣ, сдѣлаться его хозяевами Тяжелымъ гнетомъ легло на покоренныхъ это хозяйничанье. Послѣдніе были обращены въ рабовъ, потеряли землю, на которой жили и которую должны были теперь обработывать для своихъ владыкъ. Но не разъ, доведенные до отчаянія насиліемъ, притѣсненіями и несправедливостями, они возставали, жестоко мстили завоевателямъ, вырѣзали поголовно всѣхъ жителей замковъ и городовъ,—

рыцарей, священниковъ, купцовъ (1219 г., 1221, 1223, 1260 и 1343 гг.). Въ отвѣтъ имъ шли новыя, еще большія жестокости, пока, наконецъ, вѣковое сопротивленіе народа не было сломлено (XIII в.).

Полное господство нѣмцевъ въ Ливоніи продолжалось до послѣдней четверти XV столѣтія, когда окрѣпшее русское государство, оправившись отъ монгольскаго погрома, снова начинаетъ свое естественное движеніе къ западу. Іоаннъ III и Іоаннъ IV предпринимаютъ рядъ походовъ въ Ливонію, для возвращенія этого древняго достоянія Россіи, отъ котораго она, тѣснимая врагами, должна была на время отказаться (1478—1483 г., 1558—1583 г.). Продолжительная и упорная борьба довела орденъ до истощенія; его часъ пробилъ, но русскимъ не удалось воспользоваться плодами своихъ побѣдъ: владѣнія павшаго ордена подѣлили поляки и шведы (1561 г.), и Ливонія снова ускользнула изъ рукъ русскихъ; все-таки, какъ страна, завоевавшая выходъ къ важному для насъ морю, Прибалтійскій край рано или поздно долженъ былъ стать достояніемъ Россіи. Это и случилось въ XVIII столѣтіи, когда Петръ Великій отнялъ у шведовъ Эстляндію и Лифляндію (1710 т.). Что касается Курляндіи, то она перешла къ Россіи по третьему раздѣлу Польши (1795 г.).

Пережившій послѣ присоединенія періодъ полнаго отчужденія отъ Россіи и господства чисто мѣстныхъ особенностей и учрежденій, Прибалтійскій край вступаетъ затѣмъ въ періодъ руссофикаціи или обрусѣнія. Начинается постепенное водвореніе русскихъ національныхъ элементовъ; старинныя нѣмецкія привилегіи и учрежденія отмѣняются или преобразовываются. Вводится сводъ русскихъ гражданскихъ законовъ (1835 г.), Городовое Положеніе (1877 г.), судебные уставы Императора Александра II (хотя съ нѣкоторыми измѣненіями, 1889 г.); русскій языкъ становится оффиціальнымъ языкомъ и вводится въ учебныя заведенія, городскія, среднія и высшія (1867, 81, 86, 89, 93 гг.), а вмѣстѣ съ тѣмъ начинается медленное улучшеніе быта туземцева.

По своимъ природнымъ условіямъ Прибалтійскій край имѣетъ много общаго съ коренными русскими землями средней полосы, отъ которыхъ онъ и не отдѣляется никакой естественной границей. Въ общемъ онъ представляетъ собою низменную страну, лишь незначительно возвышающуюся надъ уровнемъ моря; только мѣстами группы или цѣпи холмовъ разнообразятъ видъ. Такая цѣпь холмовъ проходитъ въ сѣверной части Эстляндіи по направленію отъ востока къ западу. Достигая въ сѣверо-восточной части края довольно значительной высоты, 330 и даже 500 футовъ («Эммо-Мегги»—«Гора-мать» эстовъ), она появляется далѣе къ западу въ видѣ отдѣльныхъ бугровъ среди низменности и подходитъ къ морскому берегу, въ юго-западномъ углу Финскаго залива, крутыми утесами, состоящими изъ глинистыхъ известняковъ и кажущихся издали гранитными.

Широкая болотистая, мѣстами покрытая озерами равнина отдѣляетъ небольшія гряды эстляндскихъ высотъ, постепенно понижающихся на югѣ, отъ возвышенностей, лежащихъ вокругъ большого озера Вирцъ Ярва, въ Лифляндіи. Къ востоку отъ этого озера поднимается обширное плато, изрѣзанное глубокими, поросшими лѣсомъ ущельями, съ значительными, порой до 1,000 футовъ высоты, холмами (Мунна-Мегги—1,065 ф.). Оно продолжается рядами холмовъ на юго-востокъ къ Верро и отсюда на западъ къ Вендену. Здѣсь между рѣкою Аа и Западною Двиною лежитъ такъ называемая «Венденская Швейцарія», живописная гористая мѣстность, пересѣкаемая глубокими долинами съ роскошной растительностью, множествомъ маленькихъ озеръ, рѣчекъ и ручейковъ. За Двиной, въ Курляндіи, мы опять встрѣчаемъ мѣстность съ преобладающимъ горнымъ характеромъ. По восточной части губерніи, вдоль Двины, до Митавской равнины, проходитъ сѣверо-западная вѣтвь Валдайскихъ горъ. Другая вѣтвь тянется по Кур-

ляндскому полуострову къ сѣверу, по обѣимъ сторонамъ рѣки Виндавы, образуя новую «Швейцарію», вродѣ Венденской, и оканчиваясь небольшими холмами («Синія Горы») и крутымъ мысомъ Домеснесъ.

Берега Балтійскаго моря, возвышенные на сѣверѣ, въ Эстляндіи, низменны и песчаны на югѣ, въ Курляндіи, гдѣ они вдобавокъ окаймлены тремя рядами отмелей.

Сыпучіе пески, устилающіе морской берегъ, подъ напоромъ западныхъ вѣтровъ нерѣдко передвигаются въ глубь страны, образуя цѣлые подвижные холмы въ нѣсколько верстъ шириною, засыпая обширные участки обработанной земли, а иногда даже перемѣщая русло рѣкъ. Такъ случилось, напр., съ Курляндской Аа, которая не могла пробиться чрезъ груды песку, нанесенныя вѣтромъ и волнами противъ ея устья, и должна была обойти ихъ, на протяженіи почти 20 верстъ, до встрѣчи съ Западной Двиной

Вредъ, причиняемый этими песками, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ былъ такъ значителенъ, что вызвалъ правительство на борьбу съ ними. Наиболѣе обширныя работы для закрѣпленія песковъ были произведены въ окрестностяхъ Виндавы (съ 1854 г.). Онѣ были исполнены въ нѣсколько пріемовъ. Сначала устроили по берегу изгородь изъ можжевеловаго хвороста, вышиною $1-1^1/_2$ футовъ. Около нея намело цѣлый холмъ песку, который засѣяли въ нѣсколько рядовъ морскимъ овсомъ и песчанымъ тростникомъ или морской рожью. Все это вновь было засыпано пескомъ, задержаннымъ посѣянными растеніями. Теперь здѣсь уже поднимался большой валъ, имѣющій 2—3 сажени въ высотѣ и 5—7 с. въ основаніи, преграждавшій дальнѣйшее движеніе песковъ со стороны моря. Затѣмъ пространство за валомъ было засажено березою и ольхою рядовъ въ восемьдесятъ, а когда песокъ покрылся дерномъ, здѣсь посажена была и сосна.

На берегахъ разсматриваемаго края, по крайней мѣрѣ въ Эстляндіи, наблюдается повышеніе поверхности надъ уровнемъ моря, хотя здѣсь этотъ процессъ идетъ гораздо медленнѣе, нежели и въ Швеціи у Ботническаго залива. Такъ, напр., въ періодъ времени отъ 1822 по 1837 г. отмѣчено поднятіе береговъ въ Ревельскомъ портѣ на 62 миллиметра (Рейнеке).

Острова, расположенные по сосѣдству съ Прибалтійскими губерніями—Эзель, Даго, Моонъ, Вормсъ и др., по рельефу почвы и составу горныхъ породъ представляютъ простое продолженіе материка. Приподнятые нѣсколько въ серединѣ, они понижаются къ берегамъ, часто продолжаясь далѣе подъ водой въ видѣ почти сплошныхъ отмелей. Впрочемъ на нѣкоторыхъ островахъ встрѣчаются и возвышенные берега, какъ, напр., на Эзелѣ, гдѣ они спускаются къ морю крутыми обрывами, достигающими даже 125 футовъ высоты. Этотъ островъ составлялъ, между прочимъ, до XIV в. одно цѣлое съ своимъ сосѣдомъ Моономъ. Послѣдній былъ оторванъ отъ него въ 1309 г. сильнымъ напоромъ воды во время страшной бури. Раздѣляющій ихъ проливъ, «Малый Зундъ», мѣстами такъ мелокъ, что его переходятъ въ бродъ.

Прибалтійскій край очень богатъ водою. Сотни рѣкъ и рѣчекъ изрѣзываютъ его поверхность по всѣмъ направленіямъ, изливаясь или въ Финскій или Рижскій заливы, или же непосредственно въ Балтійское море. Еще болѣе разсыпано по нему

озеръ, большихъ и малыхъ. Изъ нихъ болѣе значительны слѣдующія: Эмбахъ, текущій въ Пейпусъ изъ самаго большого внутренняго озера «Вирцъ-Ярва» (Бѣлое-Озеро, около 240 кв. верстъ), Пернова, Лифляндская и Курляндская Аа, Западная Двина, Виндава и др. рѣки. Но изъ этихъ рѣкъ судоходны лишь немногія, а именно,—Виндава въ нижнемъ теченіи, гдѣ она имѣетъ до 20 футовъ глубины, да Западная Двина, самая большая рѣка края, хотя и она представляетъ серьезныя препятствія для судоходства вслѣдствіе пороговъ и подводныхъ камней. Оттого въ исторіи даннаго края, въ дѣлѣ созиданія его единства и цѣльности, первенствующая роль принадлежала не рѣкамъ, а морю съ его глубоко вдающимся въ сушу Рижскимъ заливомъ.

Существующіе во многихъ мѣстахъ слѣды прежнихъ ложъ, ложныя рѣки и озера въ формѣ ожерельевъ свидѣтельствуютъ о перемѣнахъ, происходившихъ въ теченіи здѣшнихъ рѣкъ. Мы уже говорили о перемѣщеніи русла Курляндской Аа, имѣвшей прежде противоположное нынѣшнему направленіе. Подобному-же передвиженію или блужданію подвергалась и Западная Двина, особенно въ нижнемъ своемъ теченіи, за Ригой, гдѣ она развѣтвляется на нѣсколько рукавовъ, съ разными названіями: Старая Двина, Малая Двина, Красная Двина и пр., и Лифляндская Аа, впадавшая прежде въ Двину, теперь самостоятельная рѣка. На сѣверѣ Лифляндіи озеро Вирцъ-Ярвъ, соединяющееся теперь рѣкою Эмбахъ съ Пейпусомъ, сообщалось нѣкогда и съ Рижскимъ заливомъ долиною, которая составляетъ продолженіе Эмбаха и примыкаетъ къ долинѣ рр. Феллина и Пернавы.

Горныя породы прибалтійскихъ губерній принадлежатъ къ напластованіямъ силлурійской и девонской эпохъ. Силлурійская система лежитъ на сѣверѣ, въ Эстляндской губерніи, въ Лифляндской же и Курляндской—девонская или горноизвестковая формація, состоящая изъ разноцвѣтнаго песчаника въ нижнихъ слояхъ и известняка и мергеля—въ верхнихъ. Ту и другую покрываютъ слои новѣйшаго образованія—дилювій съ эрратическими валунами, хрящъ, песокъ и глина, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ пласты формацій пермской, юрской и мѣловой. Хотя въ дилювіальныхъ и аллювіальныхъ наносахъ и встрѣчается довольно часто янтарь, мѣстами даже служащій предметомъ добычи, по преимуществу между Полангеномъ и Руцау, а также у Либавы, Виндавы, Доместеса, но настоящей янтарной формаціи, подобной прусской, здѣсь не обнаружено. Равнымъ образомъ тамъ, гдѣ думали видѣть залежи бураго угля, при болѣе точномъ изслѣдованіи не найдено ничего, кромѣ торфяника, правда, высокаго достоинства.

Эрратическіе камни разсѣяны по всему краю, на вершинахъ холмовъ, подъ мохомъ болотъ. Во многихъ мѣстахъ можно наблюдать длинные бугры или валы, расположенные правильными рядами въ направленіи отъ сѣверо-востока къ юго-западу, также полосы и полированныя грани на камняхъ,—слѣдъ происходившаго здѣсь нѣкогда движенія льдовъ.

Суевѣрный туземецъ эстъ доселѣ хранитъ почтеніе къ этимъ камнямъ, иногда громадныхъ размѣровъ и странной формы, и творитъ предъ ними нѣчто вродѣ жертвоприношенія. Его воображеніе видитъ въ нихъ окаменѣвшихъ людей и животныхъ, его пѣсни и легенды изображаютъ всѣ обстоятельства этого превращенія. Сдвинуть такой уважаемый камень значитъ навлечь на себя месть разгнѣваннаго божества, и туземецъ ни за что не позволитъ себѣ этого. Впрочемъ, эти суевѣрія начали теперь исчезать.

Близость моря и преобладающіе здѣсь западные вѣтры придаютъ мѣстному климату морской характеръ. Очень непостоянный, сырой и влажный, съ позднею, холодной весной, прохладнымъ лѣтомъ и теплою дождливою осенью, онъ гораздо умѣреннѣе климата мѣстностей, лежащихъ подъ тою же широтою, но далѣе къ востоку. Проходящія здѣсь кривыя изотермы и изохимены спускаются далеко на югъ, по мѣрѣ удаленія въ глубь континента, тогда какъ кривая изотеры поднимается къ сѣверу.

Населеніе прибалтійскихъ губерній (2.386,998 душъ об. п.) по народностямъ располагается въ слѣдующемъ порядкѣ. Первое мѣсто по числу принадлежитъ эстамъ и латышамъ (86,7%), за ними слѣдуютъ германцы—нѣмцы и шведы, славяне—великороссы, бѣлоруссы и поляки, и, наконецъ, евреи.

Эсты суть первоначальные обитатели края, извѣстные въ русскихъ лѣтописяхъ подъ именемъ чуди, народъ финскаго происхожденія, родственный финляндскимъ тавастамъ. Занимавшіе нѣкогда, вмѣстѣ съ другими финскими племенами, обширную территорію, простиравшуюся на югѣ до Виліи, Нериса (Риттихъ), эти Moraħvas, «Люди страны», какъ они называютъ себя, были оттѣснены къ сѣверу литовцами и теперь живутъ сплошными массами въ Эстляндіи и сѣверной части Лифляндіи, въ Перновскомъ, Феллинскомъ, Юрьевскомъ, Верроскомъ и Аренсбургскомъ уѣздахъ. Но отдѣльные островки ихъ или группы встрѣчаются и южнѣе, среди латышей, въ Вольмарскомъ и Вальскомъ уѣздахъ, и даже за предѣлами края, въ губерніяхъ Витебской, Псковской и Петербургской.

Наружность эста свидѣтельствуетъ объ его финскомъ происхожденіи. Плоское лицо, широкія скулы, узкіе и голубые глаза, свѣтлорусые, часто желтоватые волосы,—таковы болѣе или менѣе распространенныя, такъ сказать, типическія черты эстовъ. Роста они большею частію небольшого и довольно слабаго сложенія; впрочемъ, жители приморскихъ мѣстностей высокаго роста, стройны и мужественны. Угрюмый и мрачный, по своему характеру, эстъ вмѣстѣ съ тѣмъ энергиченъ, упрямъ и настойчивъ, неохотно повинуется силѣ обстоятельствъ. Онъ не прощаетъ обиды и, при всей своей терпѣливости и флегматичности, способенъ броситься на обидчика и не преминетъ отомстить ему. Нѣмцевъ, своихъ завоевателей, эсты глубоко ненавидятъ, зовутъ ихъ саксами, пришельцами и угнетателями и даже пугаютъ ихъ именемъ своихъ дѣтей. Они долго, съ замѣчательнымъ упорствомъ и отвагой, отстаивали съ оружіемъ въ рукахъ своего національную самобытность, древнюю вѣру, свои повѣрья и старину. И, несмотря на вѣковое сожительство съ нѣмцами, много обломковъ этой старины уцѣлѣло еще до сихъ поръ, многіе обычаи переносятъ насъ къ тому времени, когда эсты кланялись камнямъ, „умыкали" своихъ женъ... Достаточно сказать, что въ XVIII и даже въ нынѣшнемъ столѣтіи, въ 1835 г., здѣсь еще существовали языческіе жертвенники (Риттихъ). Рабство съ его родными дѣтищами—бѣдностью и невѣжествомъ не могло, конечно, не оставить своихъ слѣдовъ на народномъ характерѣ. Эстъ на первый взглядъ производитъ впечатлѣніе человѣка вялаго и трудно соображающаго, онъ безпеченъ и любитъ попьянствовать, спуская въ нѣсколько дней то, что могло бы хватить на недѣли и мѣсяцы. Впрочемъ, въ послѣднее время народное пьянство, поддерживаемое прежде помѣщиками-содержателями корчемъ, начинаетъ замѣтно уменьшаться. Образовалось много обществъ трезвости, учреждаются народныя чайныя для замѣны прежнихъ „сельскихъ клубовъ"—корчемъ, устраиваются разныя развлеченія, волостныя общества одно за другимъ издаютъ постановленія о закрытіи корчемъ.

Одежда эстонца состоитъ изъ кафтана по преимуществу чернаго цвѣта (отсюда названіе эстовъ—меланхлены, или чернокафтанники), фуфайки изъ голубого или зеленаго сукна, короткихъ кожаныхъ или полотняныхъ панталонъ, шерстяныхъ чулокъ, круглой шляпы лѣтомъ, а зимой шапки изъ лисьяго мѣха и овечьей шубы. Женщины предпочитаютъ болѣе пестрые и яркіе цвѣта

ТИПЫ ПРИБАЛТІЙСКАГО КРАЯ.

Эсты и нѣмцы-колонисты.

и допускають украшенія въ видѣ серебряныхъ цѣпочекъ, ожерелій изъ бусъ и разныхъ металлическихъ побрякушекъ и бляшекъ, нашитыхъ на платья.

Эстонское жилище—маленькая деревянная изба, крытая соломой, скупо освѣщаемая небольшимъ окошечкомъ вершковъ шесть, съ кучей камней, вмѣсто печи, безъ трубы. Вдоль стѣнъ деревянные столы, сундуки и скамейки, корыто для корма скота. Кромѣ семьи, тутъ-же помѣщается порой и скотина. Темно, грязно, бѣдно...

Главныя занятія жителей—земледѣліе, скотоводство, рыболовный и каботажный промыслы, охота.

Несмотря на болотистую неплодородную почву, земледѣліе стоитъ довольно высоко, чѣмъ оно обязано мѣстнымъ помѣщикамъ нѣмцамъ. Многія болота превращены въ плодородныя поля, луга искусственно орошаются, для обработки почвы употребляются лучшія земледѣльческія орудія. Изъ скота больше всего разводится овецъ, простыхъ и тонкорунныхъ, и лошадей. Здѣшнія лошади при небольшомъ ростѣ издавна славятся превосходными качествами—крѣпостью, выносливостью и быстротой бѣга; отъ нихъ произошли между прочимъ наши вятки и обвинки.—Лѣса Эстляндіи богаты дичью, ягодами, грибами и орѣхами, а море—рыбою. Салакушка, такъ называемая «ревельская килька», угри, миноги, лещи, карпы и судаки—наиболѣе часто встрѣчающіяся здѣсь породы рыбъ. Сельдь, нѣкогда въ изобиліи водившаяся въ Балтійскомъ морѣ, теперь исчезла. Рыболовный промыселъ несомнѣнно могъ бы давать эстамъ гораздо больше дохода, будь они знакомы съ новѣйшими усовершенствованными способами храненія и заготовленія рыбы. Теперь же лучшіе и самые нѣжные сорта рыбъ, напр., камбала, не могутъ находить сбыта, такъ какъ при настоящемъ способѣ приготовленія не выдерживаютъ дальней перевозки. Гораздо выше стоитъ каботажный промыселъ. Значительная часть торговаго флота Балтійскаго побережья принадлежитъ въ настоящее время эстамъ и латышамъ. Тѣ и другіе—отважные и смѣлые мореходы, хорошо изучившіе и полюбившіе свое родное море. Солидной и прочной постановкѣ дѣла способствуетъ множество морскихъ школъ, во всѣхъ болѣе или менѣе важныхъ пунктахъ—въ Полангенѣ, Либавѣ, Виндавѣ, Донгангенѣ, Гайнажѣ, Ригѣ, Балтійскомъ Портѣ и др.

Финскія племена, какъ мы уже упоминали, занимали нѣкогда всю площадь Прибалтійскаго края. Но изъ нихъ только эсты отстояли свою самобытность и сохранили въ чистотѣ свою народность. Другія же племена—Ливы и Корь, или Куры, исчезли, уступивъ свое мѣсто литовцамъ, слились съ ними, «облатышились», оставивъ въ наслѣдство бывшей родинѣ одни свои названія (Лифляндіи и Курляндіи). Сохранился до нашихъ дней лишь незначительный остатокъ ливовъ, живущихъ по берегу Балтійскаго моря, отъ мыса Люзерорта до Домеснеса и далѣе на протяженіи 12 верстъ. Прижатая къ самой оконечности Курляндскаго полуострова, эта маленькая частица исчезающаго народа могла удержаться, только благодаря непроходимымъ болотамъ лѣсамъ и непригодной для обработки почвѣ, отдѣляющимъ ее отъ латышей. Но и этимъ послѣднимъ ливамъ грозитъ скорое превращеніе въ латышей, облегчаемое обученіемъ въ школахъ исключительно на латышскомъ языкѣ.

Наслѣдники куровъ и ливовъ, латыши, «Leatvis», т. е. литовцы, какъ они сами называютъ себя, представляютъ отрасль литовскаго племени, его, такъ сказать, передовой отрядъ, выдвинувшійся далеко къ сѣверу. Они образовались изъ смѣси семигаловъ-жмудинъ съ массой чудской народности (Риттихъ) и занимаютъ четыре южныхъ уѣзда Лифляндіи, почти всю Курляндію и небольшую часть Ковенской и Витебской губерній. Черта, отдѣляющая сплошную массу латышскаго населенія отъ эстонскаго, проходитъ по южной границѣ Перновскаго и Феллинскаго уѣздовъ, затѣмъ сворачиваетъ къ югу и идетъ по западной и южной границѣ Верроскаго уѣзда до Псковской губерніи. Выше этой черты небольшое число латышей встрѣчается лишь въ Дерптскомъ и Верроскомъ уѣздахъ.

Многими чертами своего характера латышъ выгодно отличается отъ эста. Онъ превосходитъ послѣдняго своимъ бойкимъ, изворотливымъ умомъ и находчивостью, добродушіемъ, миролюбіемъ и гостепріимствомъ. Мягкій и чувствительный отъ природы, онъ не помнитъ долго обиды и готовъ простить ее при первомъ ласковомъ словѣ. Выпадающія на его долю невзгоды онъ переноситъ легко и покорно. Но долгое угнетеніе наложило свою печать и на латыша. Его мягкость и добродушіе часто граничатъ съ безхарактерностью и отсутствіемъ воли, онъ сталъ недовѣрчивъ, скрытенъ и подозрителенъ.

Латышъ, затѣмъ, гораздо трудолюбивѣе, бережливѣе и разсчетливѣе, а потому и зажиточнѣе эста. Его изба просторнѣе, свѣтлѣе и чище, состоитъ изъ двухъ половинъ, раздѣляемыхъ сѣнями,—въ одной помѣщается хозяинъ съ семьей, въ другой—прислуга и работники. Вокругъ двора идутъ различныя постройки, конюшня, хлѣва для скотины, клейта (домашній магазинъ) и нѣсколько въ сторонѣ рига и баня. Впрочемъ, такъ живутъ лишь болѣе или менѣе зажиточные хозяева, а ихъ здѣсь меньшинство. Громадная же часть населенія далеко не пользуется достаткомъ.

Главнѣйшее зло въ жизни здѣшнихъ крестьянъ, латышей и эстовъ, безразлично, безземелье,—зло давнишнее и вѣковое. Началось оно съ водвореніемъ въ краѣ нѣмцевъ или точнѣе со времени возникновенія и развитія здѣсь организованнаго помѣщичьяго класса, экспропріировавшаго туземцевъ и обратившаго ихъ въ рабовъ.

Эта эпоха жестокости, насилія и варварской безчеловѣчности, когда господинъ былъ воленъ въ жизни и смерти своего крѣпостного и за попытку избавиться бѣгствомъ отъ тяжкой неволи наказывалъ несчастнаго отнятіемъ ноги, до сихъ поръ жива въ памяти народа, въ его сказкахъ и пѣсняхъ, полныхъ ненависти или отчаянія.

„О, Рига, Рига, ты красива, очень красива!—говоритъ латышъ въ одной изъ своихъ пѣсенъ.—Но кто тебя сдѣлалъ такой красивой?—Рабство Ливонцевъ“. И съ чувствомъ глубокой ненависти онъ высказываетъ свое затаенное желаніе:

„Еслибъ мнѣ достать тѣхъ денегъ,
Что лежатъ на днѣ морскомъ,
Я купилъ бы замокъ Ригу
Вмѣстѣ съ нѣмцами его.
Я бы дѣлалъ съ нѣмцемъ тоже,
Что со мною дѣлалъ онъ:
Днемъ свиней пасти велѣлъ бы.
Ночью въ ригѣ молотить.
. . . .
И на угольяхъ горячихъ
Заплясалъ бы нашъ нѣмчишка,
Онъ бы только вверхъ подпрыгнулъ,
Я бъ раздулъ внизу огонь“.

(„Живая Старина“, 95 г.).

Но месть невозможна, о ней можно было только мечтать, и въ сознаніи своего безсилія онъ восклицаетъ:

„О, Боже мой, Боже! куда мнѣ дѣться? Лѣса полны волковъ и медвѣдей; поля полны господъ. О, Боже! покарай моего отца, мою мать за то, что они воспитали меня въ порабощенной странѣ!“

Нѣсколько свободнѣе вздохнулъ крѣпостной людъ въ Эстляндіи и Лифляндіи, когда эти области перешли къ шведамъ. Шведское правительство, отбирая у помѣщиковъ неправильно захваченную ими землю (такъ называемая редукція), вмѣстѣ съ тѣмъ пред-

приняло рядъ мѣръ, облегчавшихъ положеніе крестьянъ. Произведенъ былъ кадастръ крестьянскихъ земель, точно опредѣленъ размѣръ и родъ барщинной повинности, какую помѣщикъ могъ налагать на своихъ крестьянъ.

Но всѣ эти постановленія были забыты и прежній помѣщичій произволъ воцарился съ новой силой, когда русскіе завладѣли Прибалтійскимъ краемъ. Результаты разумѣется не замедлили сказаться въ скоромъ же времени. Уже Екатерина II обратила вниманіе на бѣдственное и безправное положеніе прибалтійскихъ крестьянъ. Хотя ея попытка сдѣлать что-либо для нихъ кончилась ничѣмъ, но толчекъ былъ данъ, и въ скоромъ времени, уже по почину самого дворянства, начинается разработка крестьянскаго вопроса.

Первымъ шагомъ въ этомъ направленіи было Положеніе 1804 г. Оно устанавливало неприкосновенность крестьянской земли въ отличіе отъ помѣщичьей или мызной, запрещало отчужденіе или продажу крестьянъ безъ земли и опредѣляло размѣры денежнаго оброка, которымъ была замѣнена теперь прежняя барщинная или натуральная повинность.

Тогда выяснились всѣ выгоды новаго порядка дѣлъ, т. е. денежнаго хозяйства предъ натуральнымъ, и помѣщики пошли еще дальше: въ 1816 и 1819 годахъ крѣпостное право было отмѣнено. А такъ какъ теперь земля имѣла для помѣщика гораздо большую цѣнность, чѣмъ работникъ, то, вмѣстѣ съ уничтоженіемъ крѣпостной зависимости, уничтожено было и установленное положеніемъ 1804 г. различіе между крестьянской и мызной землей. Такимъ образомъ, получивъ личную свободу, крестьянинъ въ то же время продолжалъ оставаться въ экономической зависимости отъ помѣщика, долженъ былъ обратиться не болѣе какъ въ батрака и въ лучшемъ случаѣ арендатора у своего бывшаго господина. Положеніе немногимъ лучше прежняго!

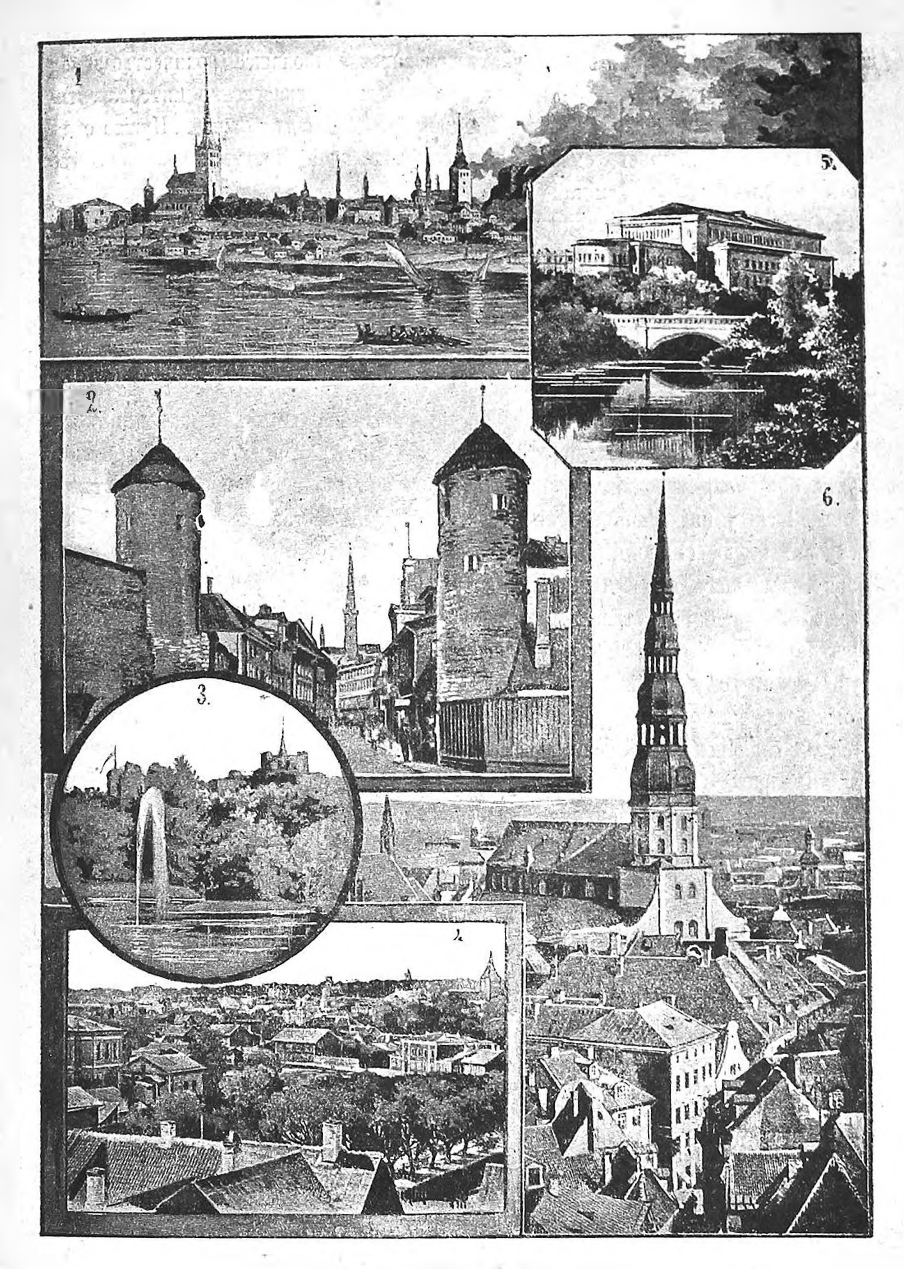
Какъ ни ненормально такое положеніе дѣла, тѣмъ не менѣе оно остается въ силѣ до нашихъ дней. Правда, въ 1849 и 1856 г. крестьянамъ было дозволено пользованіе нѣкоторыми землями на правѣ потомственномъ и даже выкупъ арендуемыхъ участковъ въ полную собственность. Но выкупныя операціи обходятся очень дорого и обставлены затруднительными контрактными условіями, почему въ общей массѣ землевладѣльцевъ крестьяне-землевладѣльцы составляютъ ничтожный процентъ, всего лишь 12,1%.

Несмотря, впрочемъ, на всѣ недостатки указанной реформы, было бы несправедливо совершенно отрицать ея значенія для края. Она вызвала къ жизни почти подавленный мѣстный элементъ, пробудила національное самосознаніе въ эстахъ и латышахъ, открыло имъ свободный путь къ полному развитію своихъ внутреннихъ силъ. Теперь образованный туземецъ не стыдится своей народности и языка, какъ это было недавно. Народный бытъ, языкъ, старинные обычаи и преданія, повѣрья, легенды и сказки,—все это служитъ предметомъ усерднаго и всесторонняго изученія. Существуетъ уже довольно богатая литература, самостоятельная и переводная, на эстонскомъ и латышскомъ языкахъ, издаются газеты, журналы...

Съ почвы чистолитературной движеніе идетъ далѣе, въ глубь народной жизни: всюду туземецъ стремится занять принадлежащее ему по праву мѣсто.

Заслуживаетъ между прочимъ упоминанія религіозная борьба эстовъ и латышей съ нѣмцами; именно по пріемамъ употребляемымъ въ ней первыми. Эсты и латыши, какъ и нѣмцы,—лютеране, и большинство приходовъ (всѣ сельскіе) чисто эстонскіе или латышскіе. Тѣмъ не менѣе церковное управленіе чисто нѣмецкое, пасторы назначаются помѣщиками или консисторіей, такъ что и въ эсто-латышскихъ приходахъ пасторы почти всѣ—нѣмцы. Недовольные такими порядками эсты и латыши потребовали права участія въ выборѣ пасторовъ. Послѣ неоднократныхъ отказовъ они рѣшились, наконецъ, сопротивляться. Въ день, назначенный для ввода новаго пастора въ извѣстную церковь, вокругъ нея собирается толпа въ нѣсколько тысячъ человѣкъ. При появленіи пастора всѣ они, ставъ плечомъ къ плечу и схватившись другъ за друга, образуютъ крѣпкую живую стѣну. Напрасно полиція, являющаяся помочь бѣдѣ, старается прорвать эту стѣну. Давая свободный пропускъ самой полиціи, толпа становится непроницаема, едва къ ней приближается пасторъ. И больше ничего, никакихъ насильственныхъ дѣйствій, почтительное отношеніе къ самому даже пастору! Такъ, по предложенію одного изъ нихъ спѣть хоромъ: „Господь Богъ наша твердыня", народъ почтительно обнажилъ головы и съ благоговѣніемъ, вмѣстѣ съ пасторомъ, пропѣлъ хоралъ, а все-таки въ церковь его не пустилъ. Впрочемъ, такія мѣры большею частью не приводятъ ни къ чему.

Нѣмецкое населеніе Прибалтійскихъ губерній не занимаетъ сплошныхъ территорій, но разбросано по всему краю, сосредоточиваясь по преимуществу въ городахъ. Бывшіе политическіе властители края, нѣмцы доселѣ сохраняютъ свое



Прибалтійскій край.

1. Общій видъ Ревеля. — 2. „Глиняныя" ворота въ Ревелѣ. — 3. Развалины замка въ Венденѣ.—4. Юрьевъ.—5. Городской театръ въ Ригѣ.—6. Общій видъ Риги.

господствующее положенiе въ качествѣ дворянъ-помѣщиковъ, духовенства и высшаго городского сословiя. Въ ихъ рукахъ находится наибольшее количество земельной собственности (свыше 70%), они представляютъ единственно интеллигентную часть населенiя, они же даютъ тонъ и направленiе мѣстной жизни. Нужно отдать справедливость, они много сдѣлали для культуры края, но, не слившись съ мѣстнымъ населенiемъ, не смогли и германизировать его. И теперь, какъ въ XII вѣкѣ, когда они впервые ступили на здѣшнюю почву, нѣмцы тутъ не болѣе, какъ пришельцы, слишкомъ малочисленные для того, чтобы повернуть колесо исторiи и предотвратить полное слiянiе края съ Россiей.

Шведы, извѣстные подъ именемъ вольныхъ шведскихъ крестьянъ, населяютъ почти исключительно острова Эстляндской и Лифляндской губернiи—Даго, Вормсъ, Руно, Одинсгольмъ и др.

Разсѣянные по странѣ скандинавскiе памятники (камни, сложенные въ кучу въ видѣ корабля) и могилы, вымершiй древне-шведскiй языкъ, на которомъ говорятъ обитатели указанныхъ острововъ, ихъ выдающаяся крѣпость и ростъ, сохраняющiяся у нихъ нормандскiя саги,—все это заставляетъ видѣть въ этихъ «островитянахъ» (Eibofolket) потомковъ норманновъ, нѣкогда громившихъ всю Европу. Слившись съ нѣмцами на самомъ континентѣ, скандинавскiе выходцы удержались лишь на островахъ, гдѣ они занимаются въ настоящее время главнымъ образомъ рыболовствомъ и мореплаванiемъ.

Германскому движенiю въ Прибалтiйскiй край съ запада и сѣвера соотвѣтствовало славянское съ востока и юга, хотя значительно уступая ему. Представителями славянскаго племени здѣсь являются великороссы, бѣлоруссы и поляки.

Приливъ русскихъ, довольно энергичный въ X—XIII в., останавливается съ приходомъ нѣмцевъ, оживаетъ на нѣкоторое время вслѣдствiе сближенiя съ Ганзою въ концѣ XIV или началѣ XV в. и, затѣмъ, въ XVII и XVIII столѣтiяхъ, въ перiодъ религiозныхъ преслѣдованiй противъ раскольниковъ, и идетъ, уже не прекращаясь, со времени присоединенiя края къ Россiи. Наибольшее число русскихъ находится теперь въ Ригѣ, Ревелѣ, Митавѣ и Юрьевѣ (Дерптѣ).

Въ сороковыхъ годахъ настоящаго столѣтiя православный элементъ въ краѣ усилился на счетъ эстовъ и латышей. Подъ влiянiемъ различныхъ обстоятельствъ—стѣсненiя религiозной свободы, голода 1840—41 годовъ и надежды на правительственную помощь, въ особенности на возвращенiе отнятыхъ дворянами земель, возникло движенiе въ пользу православiя, быстро распространившееся почти по всей Лифляндiи. Къ 1846 году насчитывалось уже до ста тысячъ обратившихся. Встрѣтивъ сильное противодѣйствiе со стороны мѣстной власти и во время не поддержанное, это движенiе скоро ослабѣло и даже получило обратное направленiе. Въ перiодъ времени съ 1860—80 г. отпало отъ православiя до 60,000 человѣкъ.

Поселенiя бѣлоруссовъ раскиданы въ той части Курляндiи, которая вдается длинной и узкой полосой между губернiями Витебской, Виленской и Ковенской, въ Иллукстскомъ уѣздѣ. Этотъ уѣздъ по своему географическому положенiю и физическимъ свойствамъ составляетъ уголъ бѣлорусскаго края и потому присутствiе

въ ряду другихъ народностей бѣлоруссовъ вполнѣ естественно. Они притаились здѣсь, какъ и всюду, гдѣ имъ приходилось столкнуться съ другими племенами, по болотамъ, оврагамъ и перелѣскамъ, т. е. заняли по обыкновенію худшія мѣста.

Поляки появились въ краѣ въ XVI в., послѣ присоединенія къ Польшѣ Курляндіи (1561 г.). Съ тѣхъ поръ многіе изъ нихъ приняли протестантство, говорятъ нѣмецкимъ языкомъ, служатъ мѣстнымъ властямъ и дворянству, вообще, несмотря на свои польскія фамиліи, причисляютъ себя къ нѣмцамъ.

Вмѣстѣ съ поляками проникли въ Курляндію и евреи. Переживъ время, когда имъ то покровительствовали, то издавали указы о выселеніи и запрещеніи новыхъ переселеній, они плотно засѣли во всѣхъ городахъ и мѣстечкахъ и затѣмъ начали постепенно подвигаться къ сѣверу, въ Лифляндію и Эстляндію.

Важнѣйшіе города прибалтійскихъ губерній расположены не внутри края, но по морскому берегу, въ мѣстахъ наиболѣе доступныхъ для судовъ. Поэтому въ торговыхъ сношеніяхъ Россіи съ заграницей имъ принадлежитъ очень значительная роль.

Первое мѣсто занимаетъ Рига, одинъ изъ древнѣйшихъ городовъ Прибалтійскаго края. Она лежитъ на правомъ берегу Западной Двины, въ 10 верстахъ отъ моря, и размѣрами своихъ торговыхъ оборотовъ уступаетъ лишь Петербургу и Одессѣ. Главнѣйшіе предметы отпуска—зерновой хлѣбъ, лѣсъ, пенька, ленъ, говяжье сало, а ввоза—соль, каменный уголь, табакъ, спиртные напитки, колоніальные продукты и мануфактурные товары. Существенные недостатки рижскаго порта—прекращеніе навигаціи зимою и мелкость входнаго бара (около 14 фут.). Самый „городъ", въ отличіе отъ окружающихъ его предмѣстій или форштатовъ, носитъ мрачный, средневѣковой характеръ: узкія, кривыя улицы, высокіе дома съ черепичными крышами, со множествомъ сводовъ, магазиновъ и амбаровъ, мѣстами памятники далекаго прошлаго (замокъ тевтонскихъ рыцарей и дома корпорацій).

По числу жителей Рига пятый городъ Россійской имперіи (256,197 жит.). Изъ высшихъ учебныхъ заведеній въ ней находится политехническое училище.

По цѣнности привоза Ригу превосходитъ эстляндскій городъ Ревель, четвертый портъ имперіи. Расположенный на берегу глубокой бухты, защищенной островами, почти въ самомъ началѣ Финскаго залива, Ревель, съ своимъ таможеннымъ и военнымъ аванпостомъ, Балтійскимъ портомъ, лежащимъ еще ближе къ открытому морю, служитъ передовымъ портомъ Петербурга. Здѣсь выгружаются съ судовъ товары, когда Финскій заливъ еще покрытъ льдомъ, и затѣмъ по желѣзной дорогѣ перевозятся въ Петербургъ. Городъ расположенъ очень красиво и, подобно Ригѣ, сохранилъ свою средневѣковую физіономію.

Изъ другихъ портовыхъ городовъ укажемъ Либаву, портъ, замерзающій на очень непродолжительное время, гдѣ въ настоящее время устраивается стоянка для военныхъ судовъ, Виндаву, Перновъ, Аренсбургъ и Гапсаль. Въ этихъ же городахъ, а также въ Дубельнѣ, Маіоренгофѣ, Бильдерингсгофѣ, Нейбадѣ и др. находятся и морскія купанья, на которыя съѣзжается не мало больныхъ.

Внутри страны находятся—Митава, главный городъ Курляндской губерніи, гдѣ Людовикъ XVIII держалъ свой дворъ, Якобштадтъ, на Западной Двинѣ, основанный въ XVI в. русскими переселенцами, Венденъ, на Аа, бывшая резиденція гроссмейстеровъ ордена Меченосцевъ, Юрьевъ, на р. Эмбахъ, съ университетомъ и ветеринарнымъ институтомъ. Юрьевскій университетъ, основанный шведскимъ королемъ Августомъ-Адольфомъ въ 1632 г. и затѣмъ возстановленный въ 1802 г., по своей библіотекѣ, музеямъ, обсерваторіи, принадлежитъ къ числу богатѣйшихъ высшихъ учебныхъ заведеній во всей Европѣ.

ПРИВИСЛЯНСКІЙ КРАЙ

(бывшее Царство Польское).

Подъ такимъ наименованіемъ извѣстна часть Россійской имперіи, лежащая между австрійскими владѣніями на югѣ и прусскими на сѣверѣ и западѣ. Она состоитъ изъ десяти губерній, образованныхъ изъ бывшаго герцогства Варшавскаго, и занимаетъ пространство въ 111,875 кв. верстъ (по Стрѣльбицкому) и 108,451,5 кв. верстъ по свѣдѣніямъ Варшавскаго статистическаго комитета.

Эта часть Россіи—коренной польскій край, наслѣдіе древней Польши или Польской республики (Ржечь Посполита), болѣе 100 лѣтъ тому назадъ потерявшій свою политическую самостоятельность (1795 г.).

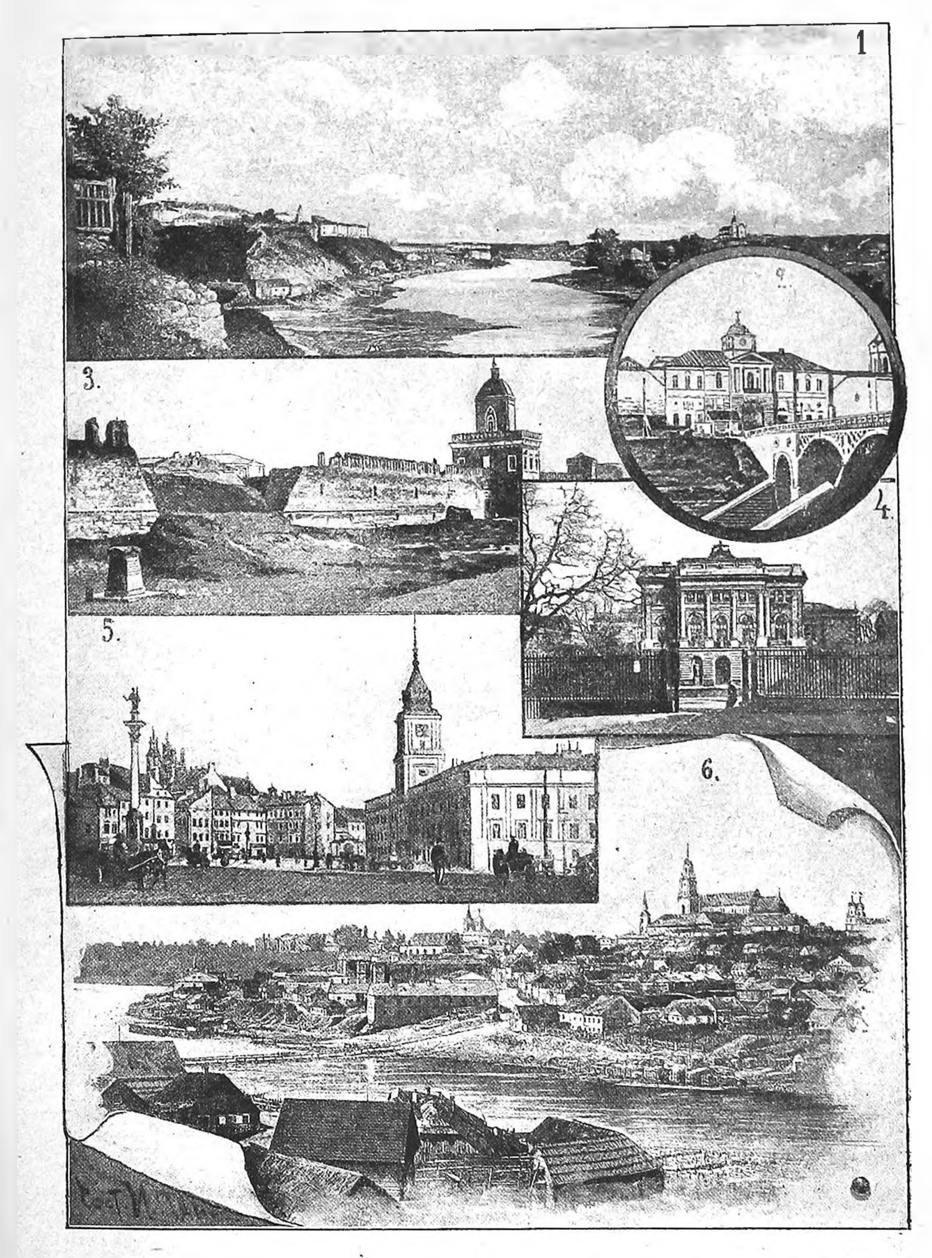
А между тѣмъ нѣкогда ему принадлежало въ Европѣ далеко не послѣднее мѣсто. Это было самое могущественное государство на востокѣ Европы, занимавшее огромное пространство отъ Балтійскаго моря до Чернаго. Одно время сама Русь лишь съ величайшимъ напряженіемъ силъ избѣгла опасности подпасть подъ власть и вліяніе Польши.

Но когда Европа вышла изъ эпохи феодальной анархіи и вступила на путь современной государственной централизаціи, Польша не смогла отстоять своего самостоятельнаго существованія. Открытая съ востока и запада, не защищенная естественными границами извнѣ, внутри разъѣдаемая усобицами дворянства (шляхты) и гибельнымъ вмѣшательствомъ духовенства въ дѣла управленія, населенная разными народами, связанными лишь искусственно, она неизбѣжно была обречена на гибель. Дни ея были сочтены съ того момента, какъ между Пруссіей, Россіей и Австріей состоялось первое соглашеніе на счетъ раздѣла польскихъ владѣній. Тѣснимая съ одной стороны Россіей, съ другой—Пруссіей, Польша уступала тому и другому давленію, пока, наконецъ, оба государства не встрѣтились, раздавивъ ее на своемъ пути.

Привислянскій край расположенъ въ равнинѣ, простирающейся отъ сѣверныхъ склоновъ Судетовъ и Карпатъ до Балтійскаго моря. Покрытый въ сѣверной части болотами и лѣсами, онъ прорѣзывается болѣе или менѣе значительными возвышенностями лишь на югѣ, куда проникаютъ отроги Карпатскихъ горъ. Проходя по направленію отъ сѣверо-запада къ юго-востоку, они образуютъ три группы высотъ, раздѣленныя рѣчными долинами, Люблинскую, Сандомирскую и Олькутскую. Первая расположена въ южной части Люблинской губерніи, отъ которой она и получила свое названіе, между Вислой и Западнымъ Бугомъ. По другую сторону Вислы до р. Пилицы тянется группа Сандомирскихъ горъ, или «Лысая Гора», съ высшей вершиной края, извѣстной подъ именемъ «Сигнала св. Екатерины» (1980 фут.). Третья группа лежитъ къ западу отъ Сандомирской, за рѣкою Нидою, образуя живописную мѣстность, такъ называемую «Польскую Швейцарію».

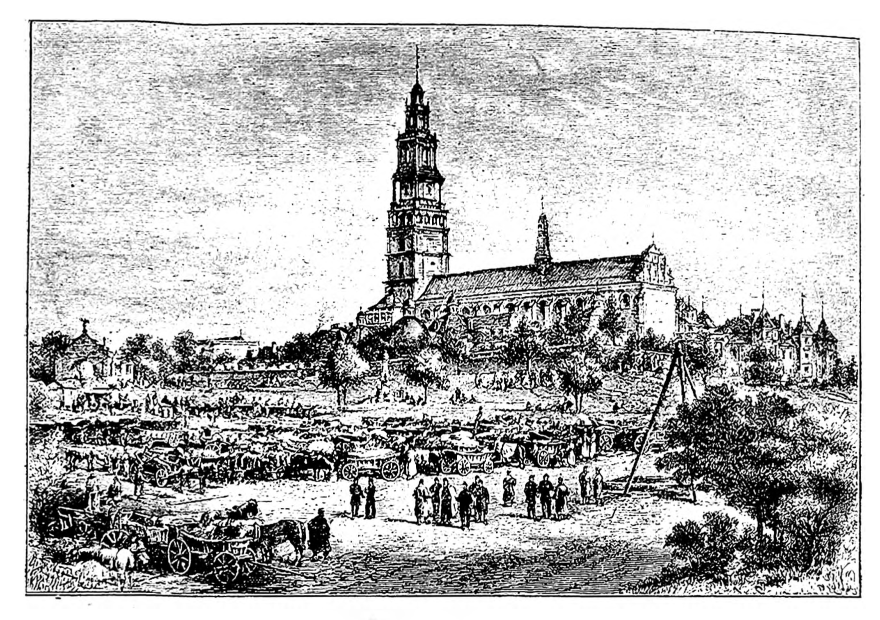
Вся эта гористая область Польши принадлежитъ самымъ разнообразнымъ геологическимъ формаціямъ—девонской, тріасовой, юрской, мѣловой, каменноугольной, и богата различнаго рода рудой, желѣзной, мѣдной, цинковой, серебро-свинцовой, сѣрой, каменнымъ углемъ, мраморомъ. Руды эти давно уже разработываются.

Главнѣйшая рѣка Царства Польскаго—Висла, которая и дала ему употребительное теперь (со времени подавленія послѣдняго возстанія) названіе «При-



Привислянскій край и сѣверо-западный.

1. Рѣка Нѣманъ близъ Гродно.—2. Смоленскъ.—3. Молоховскія ворота въ Смоленскѣ.—4. Варшава. Университетъ.—5. Замковая площадь въ Варшавѣ.—6. Г. Гродно.



Ченстоховскій монастырь.

вислянскаго края». Впрочемъ, послѣднее не совсѣмъ точно, такъ какъ одна изъ польскихъ губерній, именно Сувалкская, лежитъ въ бассейнѣ Нѣмана, а вся западная полоса края—въ бассейнѣ Варты и чрезъ нее Одры.

Питаемая водами обширной территоріи, Висла представляетъ величественную рѣку, съ давнихъ поръ игравшую важную роль въ жизни страны. Ея берега усѣяны городами, церквами, монастырями, замками, средневѣковыми развалинами, а сама рѣка служила естественнымъ путемъ, по которому Польша, бывшая нѣкогда житницей Европы, отправляла свои продукты за границу. Изъ притоковъ Вислы самые значительные въ предѣлахъ Царства Польскаго — Пилица, Вепрь и Западный Бугъ съ Наревомъ, которые связываютъ ее съ Днѣпровскимъ и Нѣманскимъ бассейнами.

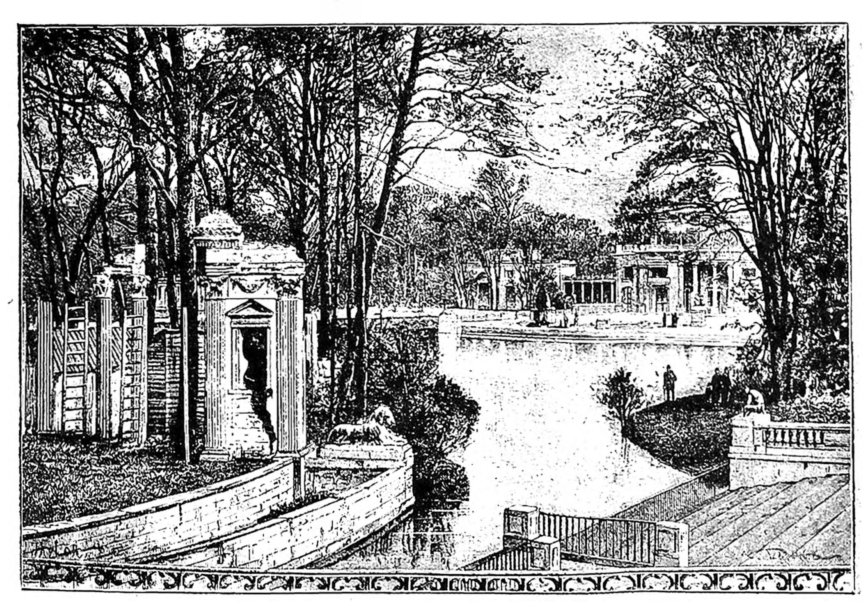
По густотѣ и плотности населенія, лишь немногія части Россійской Имперіи могутъ соперничать съ Привислянскимъ краемъ. Здѣсь на небольшой сравнительно площади сосредоточено 9.455,943 душъ обоего пола, что даетъ около 85 человѣкъ на одну квадратную версту. Главный контингентъ населенія составляютъ поляки (6.650,000); изъ другихъ народностей имѣются русскіе (1.050,000), литовцы (300,000), евреи (1.225,000), нѣмцы (250,000) и сверхъ того нѣсколько тысячъ татаръ и цыганъ, разсѣянныхъ небольшими группами по всей странѣ.

Поляки принадлежатъ къ той же великой славянской семьѣ, какъ и теперешніе ихъ повелители—русскіе, и заселили разсматриваемый край еще до начала его писаной исторіи. Оставаясь долѣе другихъ западныхъ славянъ свободными и независимыми, они лучше ихъ сохранили и свой первоначальный типъ, а послѣдовавшая затѣмъ утрата самостоятельности застала ихъ въ такую пору развитія, что не могла грозить сколько-нибудь серьезною опасностью ихъ національнымъ особенностямъ, языку и обычаямъ.

Наиболѣе характерными чертами, изъ которыхъ слагается національный польскій

типъ, признаются обыкновенно страстность и пылкость натуры, живой, блестящій умъ, воображеніе, преобладающее надъ волей, духъ воинственности и тщеславіе, веселость, общежительность, особенная гибкость и подвижность характера, позволяющая не унывать въ несчастіи и не роптать на судьбу. Въ характерѣ поляка уживаются совершенно, повидимому, несовмѣстимыя свойства и качества. Онъ способенъ на величайшіе подвиги самоотверженія, мужества и героизма, въ эпоху народныхъ бѣдствій проявляетъ необычайное нравственное величіе и въ то же время въ повседневной жизни можетъ унижаться, льстить и колѣнопреклоняться. Отъ преувеличеннаго, доведеннаго до крайнихъ размѣровъ самомнѣнія и самооцѣнки („nie pozwalam“) онъ легко переходитъ къ полному нравственному самоуниженію, къ тому, что на его языкѣ называется „padam do nog“. Отмѣтимъ еще страсть поляка къ показному, къ мишурѣ и громкимъ фразамъ. Въ былыя времена поляки гордились великими словами, начертанными у нихъ на знаменихъ „równosc, wolnosc, nepodleglosc“ (равенство, свобода, неподчиненность): но эти пышныя фразы не мѣшали шляхтѣ съ презрѣніемъ относиться къ простому народу, который носилъ у нея презрительныя клички „быдло“, „хлопъ“, а то и—„пся кревъ“. Эти крайности, смѣсь блестящихъ нравственныхъ качествъ и грубыхъ недостатковъ, по всей вѣроятности, результатъ того безправнаго положенія, въ какомъ находилась большая половина націи въ теченіи цѣлаго ряда вѣковъ. Оно, безъ сомнѣнія, должно было исказить народный характеръ, внести въ него черты, мало соотвѣтствующія его первоначальной основѣ. Какъ одно изъ разительныхъ проявленій долгаго гнета и порабощенія, которому польскіе крестьяне подверглись уже въ XI вѣкѣ, заслуживаетъ вниманія „отсутствіе у послѣднихъ чистой и истинно-благородной поэзіи, недостатокъ оригинальности въ балладахъ, вульгарность и даже цинизмъ въ любовныхъ пѣсняхъ“ (Реклю). Только съ присоединеніемъ Польши къ Россіи улучшилось положеніе польскихъ крестьянъ.

Подобно русской, польская народность распадается на нѣсколько отдѣльныхъ племенныхъ группъ, болѣе или менѣе уклоняющихся отъ общаго всѣмъ имъ типа. Въ западной части Царства Польскаго, по Вартѣ и обоимъ берегамъ Вислы, живутъ Великополяне, считающіеся самыми чистыми представителями первоначаль-



Варшава.—Дворецъ въ Лазенкахъ.

наго типа. Къ сѣверу и востоку отъ нихъ — мазуры, а въ южныхъ предѣлахъ страны, по сосѣдству съ австрійскими владѣніями, краковяки, сандомирцы, люблинцы и др. Между мазурами разсѣяны такъ называемые курпики—потомки древнихъ ятвяговъ или ядзвинговъ (одного изъ литовскихъ племенъ, по общепринятому мнѣнію), почти утратившіе свою наружность и ополячившіеся.

Изъ русскихъ болѣе или менѣе сплошными массами живутъ малороссы въ Забужьѣ, или въ такъ называемой Холмской Руси, и Подлясьѣ (Люблинская и Сѣдлецкая губ.) и бѣлоруссы въ сѣверной части Ломжинской губерніи и южной Сувалкской. Въ этой же губерніи находится и нѣсколько тысячъ раскольниковъ старообрядцевъ, а вся сѣверная половина ея занята литовцами или литвинами. Наконецъ, всюду встрѣчаются и «сыны Израиля».

Евреи, представляющіе довольно почтенную цифру въ $1^1/_4$ мил., начали проникать въ Польшу издавна, особенно-же притокъ ихъ усиливается съ XII вѣка. Гонимые и преслѣдуемые всюду въ Западной Европѣ, они встрѣтили здѣсь самое широкое гостепріимство и покровительство. Короли польскіе не скупились на льготы и привилегіи, съ цѣлью привлечь ихъ въ свою малолюдную страну и оживить ее при ихъ помощи и содѣйствіи. Только впослѣдствіи, когда сказались многія невыгодныя стороны еврейской дѣятельности, начались ограниченія ихъ правъ и отмѣна прежнихъ привилегій (XV и XVI вв.). Но было уже поздно. Они успѣли всюду втереться и стать необходимыми, взявъ на себя роль посредниковъ торговаго обмѣна, распорядителей произведеній страны. Въ настоящее время большинство евреевъ впало въ бѣдность и влачитъ самое жалкое существованіе, что тѣмъ не менѣе нисколько не мѣшаетъ имъ размножаться гораздо быстрѣе ихъ сосѣдей христіанъ и заполнять всѣ города и мѣстечки.

Языкъ, на которомъ говорятъ между собою польскіе евреи, испорченный нѣмецкій жаргонъ; въ религіозномъ же отношеніи большинство изъ нихъ принадлежитъ къ сектѣ „хасидовъ“ (скакунчиковъ). Основанная въ концѣ XVIII ст. въ видахъ противодѣйствія господствовавшей у евреевъ исключительно наружной обрядности, для сообщенія набожности болѣе разумнаго, сознательнаго характера и искренности, эта секта мало-по-малу пришла какъ разъ къ обратному и теперь представляетъ самый крайній, фанатическій и глубоко, до поразительности невѣжественный отдѣлъ еврейства [1]).

Та же причина, что заставила польское правительство открыть свободный доступъ въ страну евреямъ, т. е. безлюдье и малонаселенность Польши, вызвала и нѣмецкую колонизацію.

По призыву князей, епископовъ и монастырей, нѣмецкіе переселенцы являлись во множествѣ въ Польшу и занимали опустошенныя во время татарскаго нашествія земли, основывали новые города. Но эти первые поселенцы, не смотря на предоставленное имъ право самоуправленія, не сохранили своей народности и совершенно слились съ туземнымъ элементомъ, ополячились.

Теперешнее нѣмецкое населеніе въ Привислянскомъ краѣ сравнительно недавняго происхожденія. Тѣмъ не менѣе оно успѣло прочно обосноваться здѣсь и, благодаря своимъ знаніямъ и капиталу, пріобрѣло значительное вліяніе на жизнь страны. Многіе города и теперь уже носятъ болѣе нѣмецкій характеръ, чѣмъ польскій; болѣе или менѣе важныя отрасли промышленности и торговли мало-по-малу переходятъ въ руки нѣмцевъ.

Это усиленіе германскаго элемента и вліянія произошло не безъ содѣйствія самого русскаго правительства. Въ видахъ ослабленія мѣстнаго элемента, послѣднее часто поощряло нѣмецкую колонизацію въ самыхъ широкихъ размѣрахъ. И нѣмецкіе культуртрегеры не замедлили отозваться на призывъ, не безъ тайныхъ, можетъ быть, намѣреній пріобщить когда-нибудь столь гостепріимную страну къ своему возлюбленному, дорогому vaterland'у.

---

[1]) Названіе „скакунчики“ происходитъ отъ тѣхъ рѣзкихъ тѣлодвиженій и прискакиванія, которыя практикуются во время моленія послѣдователями этой секты.

Современное экономическое положеніе края ведетъ свое происхожденіе отъ аграрныхъ реформъ 1864 г. Въ этомъ году великая крестьянская реформа, только что осуществленная на Руси, была распространена и на Царство Польское: польскимъ крестьянамъ было даровано право землевладѣнія и общиннаго самоуправленія. Самое освобожденіе крестьянъ, уничтоженіе крѣпостного рабства совершилось здѣсь, правда, нѣсколько ранѣе, именно въ 1807 г. Но оно нисколько не улучшило ихъ положенія, такъ какъ воспользоваться своимъ правомъ свободнаго перехода крестьянинъ могъ лишь подъ обязательствомъ «возвратить помѣщику его поземельную собственность, состоящую изъ землевладѣльческихъ орудій, рабочаго скота и зерна» (Декретъ короля саксонскаго, герцога Варшавскаго, отъ 21 декабря 1807 г.). Такимъ образомъ фактически крестьянинъ оставался въ прежней зависимости отъ помѣщика и былъ почти лишенъ возможности уйти отъ него, между тѣмъ какъ послѣдній могъ во всякую минуту прогнать его съ насиженной, дѣдовской земли.

Реформой 64 года былъ положенъ конецъ помѣщичьему произволу. Прежній арендаторъ, работникъ или поденщикъ, отнынѣ крестьянинъ, становился полнымъ собственникомъ обрабатываемаго имъ участка земли и въ качествѣ такового получалъ право обсуждать въ собраніи гмины (общины) свои земледѣльческіе интересы и даже самоуправляться. Громадное значеніе въ жизни страны этихъ преобразованій неоспоримо. Оно сказывается въ увеличеніи народнаго благосостоянія, быстротѣ роста сельско-хозяйственной и мануфактурной промышленности, въ уменьшеніи смертности и увеличеніи средней продолжительности жизни, въ подъемѣ народной нравственности и образованія.

Характерною особенностью страны является сильное развитіе городской жизни. Города всюду раскиданы во множествѣ, особенно по сосѣдству въ Верхней Силезіей, и содержатъ въ себѣ цѣлую $^1/_4$ населенія. Наиболѣе обычный типъ города—съ населеніемъ отъ 5—10 тысячъ жителей.

Первое мѣсто по числу жителей и значенію занимаетъ Варшава, бывшая столица Польши, третій городъ Россійской имперіи послѣ Петербурга и Москвы. Историческая извѣстность Варшавы начинается сравнительно поздно, съ начала XIII ст., а столицей польскаго государства она стала уже въ XVI в., послѣ окончательнаго соединенія Литвы съ Польшей. Расположена Варшава на берегу Вислы, въ замѣчательно выгодныхъ географическихъ условіяхъ: недалеко отъ впаденія важнѣйшихъ притоковъ, что дѣлаетъ ее естественнымъ центромъ всего рѣчного бассейна, и противъ невысокаго водораздѣла, раздѣляющаго бассейны Днѣпра и Нѣмана отъ Западной Двины и представляющаго очень удобный путь въ Россію. Благодаря этому, она быстро достигла цвѣтущаго состоянія и не перестаетъ расти и увеличиваться. Въ настоящее время это большой торговый и промышленный городъ, со множествомъ различнаго рода фабричныхъ заведеній, хлопчато-бумажныхъ, шерстяныхъ, полотняныхъ, табачныхъ, съ винокуренными, пивоваренными, мыловаренными, кожевенными и литейными заводами. Въ умственной жизни страны Варшава также играетъ значительную роль. Здѣсь находится университетъ (основанъ 1816 г.), съ богатой библіотекой, научными коллекціями, астрономической обсерваторіей и ботаническимъ садомъ, ветеринарный институтъ, музыкальная консерваторія, училище ремеслъ и искусствъ, различнаго рода музеи, памятники (Коперника и Мицкевича). — Самый городъ лежитъ на лѣвомъ высокомъ берегу рѣки; на западѣ отъ него разстилается знаменитая долина Воля, гдѣ располагались станомъ дворяне во время избирательныхъ сеймовъ, а по другую сторону рѣкъ—предмѣстье Прага, соединяемое съ городомъ великолѣпнымъ мостомъ о семи аркахъ. Изъ окрестностей города славится своей красотой и очаровательнымъ мѣстоположеніемъ Лазенковскій паркъ съ дворцомъ и театромъ. Послѣдній замѣчателенъ между прочимъ въ

томъ отношеніи, что его сцена, расположенная на островѣ, отдѣлена отъ зрителей водой, и представленія даются подъ открытымъ небомъ.

Лодзь—второй городъ Царства Польскаго послѣ Варшавы. Еще въ 1821 г. ничтожная деревушка, нынѣ это очень крупный хлопчато-бумажный промышленный центръ, насчитывающій цѣлыя сотни различныхъ заведеній, которыя тянутся другъ за другомъ на протяженіи десятка верстъ.

Здѣсь же, въ западной половинѣ Польши, лежатъ—Калишъ, губернскій городъ, важный торговый центръ, съ большими суконными фабриками, Петроковъ, Ченстоховъ, съ богатымъ монастыремъ, въ которомъ находится икона Божіей Матери „Царицы Польши", привлекающая ежегодно до 50 или 60 тыс. богомольцевъ;—Радомъ, административный центръ губерніи, Кѣльцы, съ желѣзодѣлательными и сахарными заводами, Хенцины, съ мраморными ломками.

Въ восточной Польшѣ находимъ — Люблинъ, извѣстный своимъ сеймомъ 1568 и 1569 годовъ, рѣшившимъ сліяніе литовскаго государства съ Польшей, Холмъ, одинъ изъ древнѣйшихъ русскихъ городовъ, крѣпости Ивангородъ, при сліяніи Вислы и Вепржа, и Ново-Георгіевскъ или Модлинъ, ниже впаденія Нарева,—Сѣдлецъ, Ломжу, Сувалки, губернскіе города.

СѢВЕРО-ЗАПАДНЫЙ КРАЙ.

(Литва и Бѣлоруссія).

Названіе Литвы и Бѣлоруссіи пріурочивается въ настоящее время къ шести сѣвернымъ губерніямъ Западной Россіи, расположеннымъ въ бассейнахъ Нѣмана и верховьевъ Западной Двины и Днѣпра. Онѣ обнимаютъ громадное пространство въ 268,720, т. е. значительно болѣе половины Франціи, но съ очень слабымъ населеніемъ, всего—въ 10.126,295 чел. обоего пола.

Давно утративъ свое политическое значеніе, даже оффиціально запрещенныя императоромъ Николаемъ I, приведенныя наименованія употребляются въ примѣненіи къ сѣверо-западному краю въ смыслѣ простыхъ историческихъ и этнографическихъ терминовъ. Они означаютъ лишь территорію, занятую литовскимъ и бѣлорусскимъ племенами, между тѣмъ какъ историческій объемъ и содержаніе ихъ гораздо шире.

Въ промежутокъ времени съ XIII до половины XVI столѣтія названіе „Литва" примѣнялось послѣдовательно ко всѣмъ землямъ между Балтійскимъ и Чернымъ морями, Западнымъ Бугомъ и Окой. Въ наиболѣе цвѣтущую пору своего развитія Литва обнимала, кромѣ собственно литовскихъ земель, древнее княжество Полоцкое, или Бѣлую Русь, Волынь, Подолію, Кіевскую, Черниговскую и Сѣверскую области, словомъ, весь бассейнъ Днѣпра; ея восточная граница проходила лишь въ 140 верстахъ отъ Москвы, по рѣкѣ Угрѣ. Тогда Литва играла ту же роль на западѣ Россіи, что Москва—на востокѣ; могущественное литовское государство, созданное князьями литовской династіи, было въ существѣ дѣла славянскимъ государствомъ. Въ немъ преобладала русская народность, русскій языкъ и гражданственность, его общественный бытъ складывался по началамъ русской жизни. Но окончательному сліянію литовскаго и русскаго элементовъ помѣшалъ союзъ Литвы съ Польшей. Этотъ союзъ повернулъ ея исторію въ другую сторону, открылъ Литовское княжество польскому вліянію и завершился уничтоженіемъ его самобытности и независимости. Литва была включена въ составъ польскаго государства, но это соединеніе, недобровольное и насильственное, не могло быть прочнымъ. Глубокая рознь между двумя половинами новаго государства — польской и русской, рознь религіозная, національная и гражданская, крутыя и насильственныя мѣры, угнетеніе и преслѣдованія, направленныя къ подавленію русской народности и православія, вызывали постоянные внутренніе раздоры и разложеніе государства. Начавшись въ XVII столѣтіи отпаденіемъ отъ Польши Малороссіи, оно завершилось въ концѣ XVIII в. оконча-

тельнымъ возвращеніемъ къ Россійской имперіи такъ долго оторванныхъ отъ общерусскаго теченія жизни западныхъ областей, вмѣстѣ съ Литвою.

Теперь, послѣ присоединенія къ Россіи, названія „Литва“ и „Бѣлоруссія“ хотя и сохраняются, но не имѣютъ вполнѣ опредѣленнаго и устойчиваго смысла. Первое прилагается обычно къ тремъ западнымъ губерніямъ—Ковенской, Виленской и Гродненской, а второе къ восточнымъ — Витебской, Могилевской и Минской, несмотря на то, что въ нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчается смѣшанно и бѣлорусская, и литовская народность. Иногда въ одной и той-же волости (гминѣ) находятся бѣлорусскія и литовскія деревни.

Бѣлорусско-литовскій край представляетъ обширную низменную равнину прерываемую лишь незначительными холмами въ сѣверной части его,—въ губерніяхъ Витебской, Могилевской, Минской, Виленской и Ковенской. Это страна лѣсовъ и болотъ, страна, въ которой «грязь», по выраженію Наполеона I, «составляетъ пятую стихію». Безконечные, необозримые лѣса и болота, безчисленныя озера, рѣки и рѣчки, прихотливо извивающіяся въ низкихъ, топкихъ берегахъ, придаютъ особенный, своеобразный характеръ разсматриваемому краю, донельзя унылый, монотонный и однообразный. Лѣсъ и вода здѣсь были и до сихъ поръ остаются главнѣйшими враждебными силами, съ которыми человѣкъ принужденъ былъ вести долгую и упорную борьбу, не всегда выходя изъ нея побѣдителемъ. Особенно неблагопріятное сочетаніе этихъ элементовъ представляетъ такъ называемое Полѣсье, или Пинскія болота.

Это громадная площадь въ видѣ треугольника между Могилевымъ, Кіевомъ и Брестъ-Литовскомъ, въ сто слишкомъ тысячъ квадр. верстъ, почти совершенно утонувшая въ водѣ, имѣющая дикій и хаотическій видъ, какъ будто тутъ еще не закончился процессъ творенія и земля не отдѣлена отъ воды. Болота то открытыя, то поросшія кустарникомъ и лѣсомъ, широкія какъ озера или длинныя какъ рѣки, часто стелющіяся на огромное пространство, медленно текущія рѣки съ неопредѣленными берегами, со множествомъ переплетающихся и расходящихся рукавовъ, озера и снова болота, цѣлый лабиринтъ топей, торфяниковъ, болотъ, озеръ, рѣкъ и лѣсовъ, — таковъ тотъ особый міръ, который носитъ названіе Полѣсья. Среди этихъ необозримыхъ болотъ лишь кой-гдѣ раскиданы возвышенные клочки земли съ плодородной почвой, такъ называемые „Полѣсскіе острова“, которые служатъ пріютомъ для рѣдкаго населенія Полѣсья. На многихъ изъ нихъ еще не бывала человѣческая нога. Окруженные болотами, покрытыми тонкимъ растительнымъ ковромъ, разрывающимся при первомъ шагѣ, они почти совершенно недоступны. Лишь разъ въ сто лѣтъ случится, что сильный солнечный зной высушитъ настолько эти болота или студеный морозъ скуетъ ихъ ледянымъ покровомъ, что можно проникнуть на подобный островъ. Бывало, въ такихъ случаяхъ находили остатки жилищъ, выстроенныхъ спасавшимся тамъ во время различныхъ невзгодъ народомъ, а однажды открыли даже колоколъ, перенесенный нѣкогда съ колокольни сосѣдней церкви.

Весною, когда безчисленныя рѣки Полѣсья выступаютъ изъ своихъ береговъ, заливая страну на необозримое пространство, надъ безбрежной водной поверхностью только и чернѣютъ что эти острова, какъ бы оправдывая тѣмъ свое названіе. Тогда люди и звѣри ищутъ спасенія часто на одномъ и томъ же бугрѣ, и сообщеніе между отдѣльными островами производится исключительно на лодкахъ.

Въ столь своеобразной природѣ и животное царство представляетъ особенный характеръ. Здѣсь еще водятся лось, боберъ и рѣчная выдра; въ чащѣ лѣсовъ бродятъ стада дикихъ свиней, медвѣди и волки; рѣки и озера буквально кишатъ рыбою, особенно такъ называемыми вьюнами, въ болотахъ находятъ безопасное и привольное убѣжище несмѣтныя стада дикихъ утокъ и гусей, которые проводятъ здѣсь круглый годъ.

Лишь въ отношеніи къ человѣку природа является немилостивой мачехой. Со всѣхъ сторонъ его тѣснятъ лѣсъ и вода, влажный воздухъ, проникнутый вредными болотными испареніями, награждаетъ его различными болѣзнями, а болота составляютъ почти непреодолимое препятствіе для развитія общественныхъ сношеній.

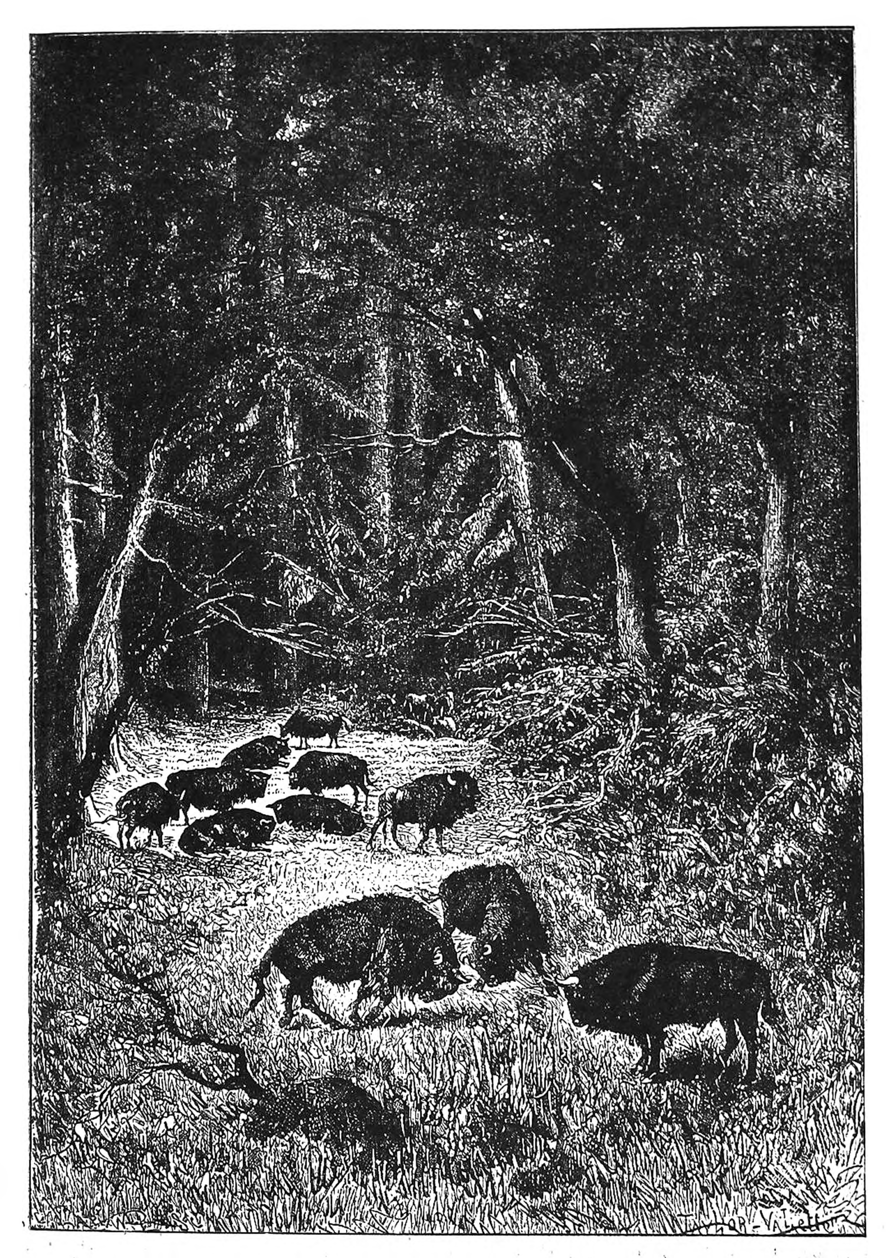
Своеобразная природа Полѣсья породила и особую форму страданія, присущую исключительно этому краю и больше, кажется, нигдѣ не встрѣчающуюся. Это знаменитый „колтунъ", который прежде признавали за болѣзнь спеціально польскую (plica polonica). Состоитъ онъ въ томъ, что всѣ волосы на головѣ наливаются кровью и, принимая отъ этого красноватый оттѣнокъ, сильно распухаютъ; при этомъ изъ нихъ выдѣляется клейкая жидкость, отчего они слипаются въ общую массу, образуя нѣчто въ родѣ волосяной шапки. Все это сопровождается сильными головными болями и часто чесоткой головы, до которой, однако, нѣтъ возможности добраться, чтобы почесать. Никакое мытье и никакіе медикаменты не въ состояніи расклеить и расправить волосы; образуемая ими шапка съ теченіемъ времени выростаетъ все болѣе и болѣе, принимая разнообразныя формы и становясь все плотнѣе и тверже. Съ увеличеніемъ размѣровъ шапки, увеличивается и тяжесть ея, достигая часто нѣсколькихъ фунтовъ.

„Сколько времени продолжается колтунъ, опредѣлить трудно; обыкновенно съ нимъ живутъ очень долго, часто десятки лѣтъ; нерѣдко колтунъ завершается воспаленіемъ мозга и смертью. Излѣченіе, т. е. удаленіе колтуна, невозможно. Проще всего, конечно, срѣзать шапку; но, во-первыхъ, операція эта очень часто ведетъ къ смерти, а во-вторыхъ, при благополучномъ даже исходѣ ея, черезъ нѣкоторый промежутокъ колтунъ выростаетъ вновь". (А. Липранди). Въ недавнее еще время колтунъ былъ очень сильно распространенъ по всему Полѣсью. Встрѣчались деревни, въ которыхъ жители почти поголовно были поражены колтунами, но теперь все рѣже попадаются страдающіе этою болѣзнью, — и она, видимо, исчезаетъ.

Другая болѣзнь, чрезвычайно распространенная въ Полѣсьѣ, — слѣпота. „Полѣсскіе слѣпцы — это цѣлый типъ, едва ли встрѣчающійся еще гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, говоритъ тотъ же авторъ. Здѣсь есть цѣлые поселки слѣпцовъ. Слѣпота обыкновенно проявляется у дѣтей на третьемъ-четвертомъ году, а затѣмъ уже никогда не проходитъ. Полѣсскіе слѣпцы не „жабруютъ", т. е. не нищенствуютъ, какъ въ другихъ мѣстахъ, а живутъ хозяевами, занимаются земледѣліемъ и ручнымъ трудомъ, въ большинствѣ они семейные люди и ведутъ жизнь вообще тревную и порядочную, развлекаясь, между дѣломъ, пѣніемъ духовныхъ пѣсенъ и музыкой на бандурѣ".

Большую часть года—осень, весну и даже лѣто — Полѣсье представляетъ совершенно глухой и мертвый край, почти лишенный всякихъ средствъ сообщенія. На цѣлые мѣсяцы жизнь здѣсь словно замираетъ, всѣ прячутся по своимъ норамъ, никто не двигается съ мѣста. Дороги . . . . но что̀ такое полѣсскія дороги, достаточно сказать, что здѣсь иногда и двадцати верстъ нельзя сдѣлать одинаковымъ образомъ. Часть вы проѣдете на телѣгѣ, часть въ лодкѣ, а дальше можно только пройти пѣшкомъ. Невылазные сыпучіе пески, въ которыхъ колеса утопаютъ по ступицы и по которымъ можно двигаться не иначе какъ черепашьимъ шагомъ, со скоростью пяти и maximum шести-семи верстъ въ часъ, смѣняются безконечными никогда не высыхающими „калювами" (лужами), съ версту и болѣе длиною, глубокими ухабами, болотами и тряскими корнями. Часто по топкому болоту нельзя проѣхать ни въ телѣгѣ, ни на лодкѣ. „Въ такихъ случаяхъ практикуется способъ сообщенія, врядъ ли встрѣчающійся еще гдѣ-нибудь въ другомъ мѣстѣ, а именно: въ лодку съ плоскимъ дномъ запрягаютъ пару воловъ и такимъ образомъ ѣдутъ по болоту. Во многихъ мѣстахъ, временами, и этотъ оригинальный способъ сообщенія непримѣнимъ по причинѣ неровной поверхности и чрезвычайной топкости болотъ, которыя прямо засасываютъ вола. Тогда просто переходятъ болота въ бродъ по кочкамъ, при чемъ раздѣваются догола̀ и, „для большаго удобства", смазываютъ ноги и туловище до пояса дегтемъ. Часто смазываніе вызываетъ на тѣлѣ зудъ и изъязвленія, причиняющія большія страданія, но полѣщуки привыкли уже къ этому „удобству" и прибѣгаютъ къ нему съ замѣчательнымъ хладнокровіемъ" (А. Липранди).

Только зимою, когда земля покроется толстымъ слоемъ снѣга и морозъ скуетъ хляби, Полѣсье оживаетъ. Отъ села къ селу начинается усиленное движеніе, всюду происходятъ ярмарки, устраиваются „вечерницы" и „коменды", т. е. пирушки съ горилкой, варениками, блинами и пампушками, справляются свадьбы и „заручины" (обрученье), всюду слышна музыка, пѣсни и игры. Но



Бѣловѣжская пуща.

бѣда, если выпадетъ плохая зима, если послѣ дождливой и теплой осени снѣгъ ляжетъ толстымъ слоемъ на незамерзшія размокшія болота и, перемѣшавшись съ грязью, образуетъ какую то густую кашу, по которой нельзя ни въ бродъ перейти, ни въ лодкѣ съ волами порѣхать. Въ такихъ случаяхъ даже съ близкими сосѣдями не видятся по годамъ.

Отрѣзанный такимъ образомъ отъ окружающаго міра, обитатель Полѣсья остается одинъ передъ лицомъ своей могущественной природы слишкомъ слабымъ, чтобы вступить въ борьбу съ нею и воспользоваться ея богатствами. А между тѣмъ эти послѣднія, при болѣе благопріятныхъ условіяхъ, могли бы служить могучимъ факторомъ въ дѣлѣ оживленія и развитія разсматриваемаго края. Не говоря уже о громадныхъ, почти неистощимыхъ лѣсахъ, покрывающихъ его, онъ скрываетъ въ своихъ нѣдрахъ цѣлыя минеральныя богатства — каменный уголь, гранитъ, графитъ, розовый кварцитъ, пегманитъ, охру, желѣзо и др. Наконецъ, самыя болота, теперь источникъ бѣдности и пустынности края, могутъ быть превращены въ плодороднѣйшія земли, вполнѣ пригодныя для земледѣльческой и особенно луговой культуры. Но для этого требуется совершить прямо колоссальную работу — осушить эти необозримыя болота, освободить все Полѣсье отъ вѣками накоплявшейся и застаивавшейся воды. Возможно-ли это?

Какъ показали недавнія изслѣдованія (1872 г.), главнѣйшая причина образованія полѣсскихъ болотъ заключается въ топографическихъ и гидрографическихъ свойствахъ мѣстности. По словамъ Жилинскаго, «Полѣсье представляетъ обширную равнину, вродѣ дна гигантскаго плоскодоннаго сосуда съ приподнятыми краями, которая состоитъ изъ двухъ незамѣтныхъ для глаза покатостей, слегка наклоненныхъ къ Припети и возвышающихся по мѣрѣ удаленія отъ нея отъ 1—2 саж. на каждыя десять верстъ». Общій-же наклонъ всей равнины къ Днѣпру около 0,0003 или менѣе чѣмъ $^1/_2$ фута на версту. Вслѣдствіе этого полѣсскія рѣки при малѣйшемъ препятствіи широко разливаются, а такъ какъ низшіе слои совершенно непроницаемы для воды (плотныя сланцеватыя глины или глауконитовые песчаники, мѣловые мергели и мѣлъ), то она застаивается, отлагая илъ и песокъ, заболочивая почву, засаривая устья второстепенныхъ рѣкъ и рѣчекъ.

Слѣдовательно, для устраненія болотъ нужно только обезпечить водамъ правильный стокъ, распредѣлить ихъ болѣе равномѣрно по всей территоріи страны. Опытъ доказалъ полную успѣшность и выполнимость подобнаго предпріятія. Въ періодъ времени съ 1874—1892 г. устроена обширная канализаціонная сѣть, въ 3,312 верстъ длиною, вліянію которой подверглось около 2.300,000 десятинъ, частію совершенно осушенныхъ, частію избавленныхъ отъ стоячихъ водъ. Чтобы судить о размѣрахъ этой работы и ея значеніи для края, прибавимъ, что до начала ея удобныхъ земель числилось всего 2.000,000 дес., изъ тѣхъ 8.000,000 дес., которыя занимаетъ все Полѣсье. А сколько еще осталось болотъ, которыя можно-бы превратить въ плодородныя пашни и луга!

Будетъ, вѣроятно, время, когда пинскія болота отойдутъ въ область преданія, подобно тому, какъ уже случилось это съ обширными дремучими лѣсами, покрывавшими нѣкогда всю страну. Отъ этихъ лѣсовъ, которые раздѣляли жителей, подобно океану или высокимъ цѣпямъ горъ, уцѣлѣла лишь такъ называемая «Бѣловѣжская пуща». Она находится въ Гродненской губерніи, между Западнымъ

Бугомъ и верхнимъ Наревомъ, среди обширной равнины, и занимаетъ пространство въ 1,330 квадратныхъ верстъ.

Одинъ путешественникъ по Полѣсью (А. Липранди) даетъ такое описаніе Бѣловѣжской пущи.

„Это по истинѣ сказочное царство. Находясь здѣсь, трудно, почти невозможно, дать себѣ отчетъ, гдѣ находишься: въ роскошномъ ли паркѣ, разведенномъ и устроенномъ для людскихъ прихотей и удобствъ, или же въ глухихъ и дикимъ лѣсныхъ дебряхъ — гдѣ нѣтъ мѣста для человѣка. И то, и другое здѣсь соединено вмѣстѣ. Вдоль и поперекъ пуща изрѣзана прекрасными, частію шоссированными, путями; по бокамъ ихъ тянутся телеграфныя и телефонныя проволоки; безчисленныя аллеи, причудливо извивающіеся по обѣимъ сторонамъ дороги, исчезаютъ въ лѣсныхъ чащахъ, представляющихъ удивительное смѣшеніе всевозможныхъ древесныхъ породъ. Среди густыхъ хвойныхъ рощъ, испещренныхъ кустарникомъ самыхъ разнообразныхъ видовъ—орѣшника, сирени, жимолости, крушины, роговика, терновника, барбариса, тисса, можжевельника, волчьяго лыка и пр.,—вы вдругъ въѣзжаете въ чудную лиственную рощу, раскинувшуюся на далекое пространство и переливающуюся разнообразнѣйшими зелеными оттѣнками; тутъ вы увидите и темнозеленый дубъ, и свѣтлую березу, и бѣлый (серебристый) тополь; между ними во множествѣ пестрѣютъ липа, ясень, грабъ, ольха, кленъ, черемуха, дикія яблони и груши, наконецъ, величаво возвышающійся пирамидальный тополь. Все это перемѣшано, и только изрѣдка попадаются отдѣльныя дубовыя рощи.

„Во всемъ виденъ тщательный людской уходъ; всюду проведены канавки, перекинуты мостики; тамъ и сямъ мелькаютъ одиноко стоящія, изящныя избушки, обведенныя заборомъ и пріятно поражающія своею стройностью,—своимъ чистымъ опрятнымъ видомъ. Словомъ, все вамъ говоритъ здѣсь, что это благоустроенный паркъ, обитаемый многими, несомнѣнно культурными людьми и тщательно оберегаемый отъ всего, что можетъ повредить его величавому виду и дорого стоющему благоустройству.

„И каково же ваше удивленіе, когда среди всего этого вы вдругъ слышите дикіе звуки, глухо звучащіе изъ чащъ, а затѣмъ видите во множествѣ свободно разгуливающихъ дикихъ звѣрей и птицъ. Это придаетъ пущѣ до того оригинальный, сказочный характеръ, что первое время вы положительно не можете прійти въ себя: съ одной стороны отъ недоумѣнія, а съ другой—отъ восхищенія этимъ необычайнымъ сочетаніемъ человѣческой культуры съ первобытною дикостью. И, только придя въ себя, вы начинаете понимать, что вся эта культура, все благоустройство созданы и поддерживаются здѣсь не только ради людей (хотя, конечно, и для нихъ), а ради именно этихъ животныхъ, тщательно оберегаемыхъ и сохраняемыхъ въ первобытномъ состояніи...

„Мѣстоположеніе пущи ровное, изрѣдка переходящее въ волнистое; въ нѣсколькихъ мѣстахъ раскинуты обширныя травяныя болота, дающія начало многимъ рѣченкамъ (Наревка, Лѣсна, Бѣлая и др.). Только небольшая часть пущи (около 200 квадратн. верстъ) открыта, все жъ остальное пространство поросло густою растительностью. Посреди этого почти сплошного лѣса находится деревня Бѣловѣжа, вокругъ которой пріютились отдѣльныя поселенія охотниковъ и лѣсничихъ, живущихъ здѣсь какъ для ухода за лѣсомъ, такъ и — главнымъ образомъ—для охраны обитающихъ въ пущѣ дикихъ животныхъ. Лѣсъ въ пущѣ стараются по возможности сохранить въ его первобытномъ величественномъ состояніи, и хотя идетъ постоянная рубка его, но она производится по всѣмъ правиламъ лѣсного хозяйства и потому нисколько не измѣняетъ общей физіономіи пущи. Лѣсъ тщательно очищается отъ валежника и выжигается, такъ что тутъ совсѣмъ нѣтъ непроходимыхъ чащъ. Кривыя и порченыя деревья вырубаются, благодаря чему пуща производитъ весьма пріятное впечатлѣніе своимъ стройнымъ видомъ.

„Почти въ самомъ центрѣ пущи, въ живописной мѣстности ея, стоитъ изящный, какъ игрушка, дворецъ для пребыванія высочайшихъ особъ, иногда навѣщающихъ пущу для развлеченія охотой*). Тутъ же устроенъ звѣринецъ, у входа въ который стоитъ величественный памятникъ, воздвигнутый въ ознаменованіе высочайшаго посѣщенія пущи и охоты въ ней въ 1860 г. Памятникъ изображаетъ бронзоваго зубра, въ натуральную величину, на высокомъ пьедесталѣ“.

Животный міръ пущи богатъ и разнообразенъ. Здѣсь водятся въ изобиліи олени (лось и козуля), дикіе кабаны и зайцы, еще встрѣчаются волки, лисицы, куницы, ласки, рыси и барсуки, масса всевозможныхъ птицъ, журавли, цапли, орлы, глухари, тетерева, рябчики, бекасы, чибисы, гуси, утки и т. п. Но властелинъ бѣловѣжской пущи—

*) Пуща находится въ вѣдѣніи министерства императорскаго двора и удѣловъ.

зубръ, ради котораго и обращено на нее такое вниманіе. Это рѣдкостное величайшее изъ всѣхъ европейскихъ животное (около сажени вышины и отъ 58 до 60 пудовъ вѣса) водилось прежде во многихъ мѣстностяхъ Европы *), но теперь встрѣчается лишь на Кавказѣ, въ Абхазіи, да въ Бѣловѣжской пущѣ. Здѣсь за зубрами организованъ самый тщательный уходъ: мѣсто ихъ постояннаго пребыванія („зубровая стоянка") ограждено прочнымъ заборомъ изъ жердей, на зиму заготовляются большіе склады сѣна, всѣмъ зубрамъ ведется строгій счетъ. Охота на нихъ нынѣ безусловно воспрещена и за убіеніе зубра установленъ штрафъ въ 500 рублей. Насчитывается зубровъ въ настоящее время 500 головъ, но еще въ 1830 г. ихъ было 700. Такое уменьшеніе числа зубровъ произошло частью вслѣдствіе плохого ухода и недосмотра прежней администраціи пущи, частью вслѣдствіе естественнаго вымиранія и исчезновенія ихъ породы, по мѣрѣ того, какъ пуща теряетъ свой первобытный характеръ, культивируясь человѣкомъ.

Сѣверо-Западный край орошается тремя большими судоходными рѣками, направляющимися къ Балтійскому и Черному морямъ: Западной Двиной, Нѣманомъ и Днѣпромъ. Изъ нихъ только Нѣманъ принадлежитъ ему почти всѣмъ своимъ теченіемъ, за исключеніемъ нижняго, которое находится въ предѣлахъ Пруссіи. Онъ вытекаетъ изъ Минской губерніи и направляется сначала на сѣверо-западъ, но встрѣтивъ, при вступленіи въ Виленскую губернію, плоскогорье, огибаетъ его съ юга и у города Гродно опять мѣняетъ свое направленіе и поворачиваетъ къ сѣверу. Изъ притоковъ его болѣе значительные—Шара и Черноганжа съ лѣвой стороны и Вилія съ правой, протекающая по такой же живописной мѣстности, перерѣзанной долинами и оврагами, какъ и Нѣманъ.—Западная Двина протекаетъ по Витебской губерніи, принимая Кастлю и Уллу. Низкіе, отлогіе берега ея съ поемными лугами, заливаемые водой на далекое пространство, повышаются по мѣрѣ приближенія къ Лифляндіи и принимаютъ лѣсной и полевой характеръ.—Но та и другая рѣка обнимаетъ гораздо меньшее пространство, чѣмъ Днѣпръ, знаменитый Борисѳенъ древнихъ грековъ и римлянъ, съ своими притоками—Березиной, Сожемъ и Припетью, почти равной ему по массѣ водъ и величинѣ бассейна. Эта послѣдняя, протекающая по самой срединѣ Полѣсскихъ равнинъ, представляетъ между прочимъ замѣчательный примѣръ рѣки, долина которой еще не приняла окончательной формы. Почти на всемъ своемъ протяженіи до сліянія съ Ясельдой, она дѣлится на безчисленное множество рукавовъ, которые взаимно переплетаются, теряются и снова встрѣчаются, такъ что среди нихъ «трудно услѣдить одну и ту же рѣку и опредѣлить ея направленіе,—до того берега рѣкъ неопредѣленны, а теченіе ихъ слабо» (Зеленскій).

Всѣ указанныя рѣки такъ близко подходятъ другъ къ другу своими притоками, что уже съ давнихъ поръ возникла мысль о соединеніи Балтійскаго моря съ Чернымъ. Такъ, напр., на Варшавскомъ сеймѣ 1631 года былъ поднятъ вопросъ о проведеніи канала между Виліей и Березиной. Въ настоящее время Березинскій, Огинскій и Днѣпровско-Бугскій каналы связываютъ Днѣпръ съ Западной Двиной (Березина, каналъ и Улла), Нѣманомъ (Ясельда, притокъ Припети, каналъ и Шара) и Вислой (Пина, притокъ Ясельды, каналъ, Мухавецъ, Западный Бугъ).

*) Послѣдній зубръ въ Пруссіи былъ убитъ браконьеромъ въ 1855 г.

Озера разсѣяны сотнями по всему краю, особенно въ Виленской губерніи, гдѣ они образуютъ настоящій лабиринтъ, подобный сѣти озеръ на плоской возвышенности Восточной Пруссіи. Но въ большинствѣ случаевъ они не велики. Самымъ большимъ считается озеро Князь-Жидъ, названное такъ будто бы по имени князя Радзивилла (извѣстнаго подъ прозвищемъ «пане-коханку»), который скрывался на его берегахъ подъ видомъ еврея. Оно лежитъ среди низкихъ топкихъ болотъ, поросшихъ лознякомъ, и имѣетъ верстъ шесть въ длину и столько же въ ширину, но прежде было гораздо больше, такъ какъ разростающіяся болотныя растенія съ каждымъ годомъ уменьшаютъ его поверхность.

Населеніе Бѣлоруссіи и Литвы далеко не достигаетъ той густоты и плотности, какъ въ сосѣднемъ Привислянскомъ краѣ. Обширныя пространства, находящіяся подъ лѣсами и болотами, не представляютъ благопріятныхъ условій для быстраго роста его и размноженія. Главная масса населенія состоитъ изъ бѣлоруссовъ и литовцевъ; кромѣ того, въ составъ его входятъ черноруссы, малороссы, евреи, поляки, нѣмцы и татары.

Бѣлоруссы, потомки древнихъ кривичей и дреговичей или „жителей трясинъ", занимаютъ почти все пространство между рѣками Сожъ на востокѣ и Припеть на западѣ, съ верхними долинами Нѣмана и Западной Двины. Долгое время входившіе въ составъ литовскаго государства, они еще и понынѣ извѣстны въ Россіи и Польшѣ подъ именемъ литвиновъ. Что же касается прозвища „бѣлые", то оно вошло въ употребленіе съ конца XIV столѣтія и, по болѣе распространенному мнѣнію, стоитъ въ связи съ цвѣтомъ ихъ одежды *).

Какъ можно думать на основаніи различныхъ географическихъ названій, бѣлоруссы проникли въ свою болотистую страну съ юга, поднимаясь вверхъ по Днѣпру и его притокамъ (отсюда „Десна"—„правая" названіе лѣваго притока, „Шуи или Шуйки"—„лѣвыя"—правыхъ,—„Залучье, Заузье, Заозерье, Забужье, Заболотье"), и по всей вѣроятности были первыми обитателями ея, не имѣли предъ собой другихъ враговъ, кромѣ самой природы. Но эта борьба съ враждебной природой была очень тяжела и надолго задержала успѣхъ и развитіе бѣлорусскаго народа.

Запертый среди болотъ и лѣсовъ, оторванный отъ остального міра бѣлоруссъ еще не далеко ушелъ отъ своего предка-язычника. Въ его нравахъ и обычаяхъ, повѣрьяхъ, суевѣріяхъ и предразсудкахъ слышится отголосокъ глубокой до-христіанской старины. Здѣсь цѣльнѣе и живѣе древнія языческія представленія и образы, чѣмъ въ Великой Россіи, то, что тамъ утрачено, полузабыто или совсѣмъ непонятно, для бѣлорусса полно смысла и значенія, близко его сердцу.

Онъ хранитъ еще почитаніе источниковъ и деревьевъ, бережетъ, какъ талисманы, щепки, оторванныя отъ дерева громомъ, носитъ яства на могилки и развалины церквей. Ежегодно, въ день такъ называемыхъ „дзядовъ", онъ творитъ поминки по своимъ покойникамъ, приглашая и ихъ принять участіе въ трапезѣ. „Святы дзяды", обращается онъ къ нимъ, садясь за поминальный столъ, „завіомъ васъ, хадзице до насъ! Іосць тутъ усіо, што Богъ дау, што я для васъ ахвировау, чимъ только хата богата! Святы дзяды! Просимъ васъ хадзице, ляцице до насъ!"

Дикая и мрачная природа, окружающая бѣлорусса, полна, по его представленію, таинственныхъ существъ, всякой нечисти и поганщины. Со страхомъ прислушивается онъ къ шуму разыгравшейся бури, вырывающей съ корнемъ сотни гигантскихъ деревъ, ломающей исполинскія сосны, подобно жалкимъ тростинкамъ,—то чертово веселле (свадьба), скажетъ онъ. Волкъ-ли пробѣжитъ — то вовкулакъ (оборотень), сова-ли закричитъ—то воетъ лѣшій или плачетъ упырь, сосущій кровь спящаго человѣка. Всюду жизнь, но жизнь не понятная для человѣка, скрытая отъ него. Чудный, блестящій цвѣтокъ па-

*) По другому объясненію, „бѣлые" значитъ свободные, т. е. свободные отъ татарскаго ига. Первое считается болѣе вѣроятнымъ въ виду того, что „черноруссы", составляющіе переходъ отъ малороссовъ къ бѣлоруссамъ, отличаются отъ послѣднихъ именно темнымъ цвѣтомъ одежды.

поротника, вспыхивающій, какъ искра, на одно мгновеніе, открываетъ эти тайны. Его счастливый обладатель получаетъ даръ всевѣдѣнія и могущества, способность видѣть все, что дѣлается на землѣ и подъ землею, понимать таинственный говоръ природы, языкъ растеній и животныхъ, повелѣвать всѣми нечистыми силами. Но это счастье дается дорогой цѣной. Адъ высылаетъ всѣ свои силы сторожить драгоцѣнный цвѣтокъ, пугаетъ всѣми ужасами смѣльчака, дерзнувшаго попытать счастья, и онъ невозвратно гибнетъ, если не выдержитъ этихъ испытаній.

Больше всего древнихъ обрядовъ, повѣрій, суевѣрій и сказаній сохранилось, какъ и слѣдуетъ ожидать, въ глухихъ дебряхъ Полѣсья. „Вся жизнь полѣсскаго крестьянина, говоритъ А. Липранди, обставлена особыми традиціонными вѣрованіями; не только важныя событія, но и самыя незначительныя перемѣны въ жизни имѣютъ здѣсь свою особую суевѣрную обрядность, неизмѣнно охраняемую вѣками и переходящую отъ поколѣнія къ поколѣнію. Рожденіе, крещеніе, бракъ, смерть—все это, помимо христіанской обрядности, носитъ въ Полѣсьѣ свой особый характеръ, обставлено своею особою обрядностью, не имѣющею ничего общаго съ христіанствомъ“.

Во время своихъ странствованій по Полѣсью, указанный авторъ былъ между прочимъ свидѣтелемъ своеобразныхъ несомнѣнно языческаго происхожденія обычаевъ.

Таковъ, напр., оригинальный обычай, носящій странное названіе „перепеченіе дѣтей“.

„Зайдя случайно въ крестьянскую избу, говоритъ Липранди,—я засталъ въ ней цѣлое многолюдное общество, которое толпилось возлѣ только что истопленной печи, на „припечкѣ“ которой лежала куча горящихъ углей. Подойдя ближе къ печи, я такъ и остолбенѣлъ: тощая старая баба, какъ оказалось, изображающая собою повивальную бабку, старательно засовывала въ горячую печь длинную лопату, на широкомъ концѣ которой барахтался новорожденный нагой младенецъ! Не успѣлъ я вскрикнуть отъ ужаса, какъ онъ уже скрылся въ печи и, казалось, погибъ. Какъ бабка, такъ и всѣ остальные присутствующіе, нагнувшись безмолвно къ печи, заглядывали въ нее, какъ бы наблюдая, какъ въ ней печется несчастный ребенокъ. Я уже готовъ былъ, нарушивъ общее безмолвіе, броситься къ злодѣямъ, чтобы спасти ребенка отъ ужасной смерти, но въ ту же минуту бабка быстрымъ движеніемъ выдернула лопату изъ печи: на концѣ ея по прежнему барахтался невредимый ребенокъ. Поднялся общій хохотъ и, сконфуженный, я отступилъ въ недоумѣніи...

„Оказалось, что процедура эта, именуемая „перепеченіемъ дѣтей“, продѣлывается во многихъ мѣстностяхъ сѣвернаго Полѣсья надо всѣми новорожденными дѣтьми. По повѣрью полѣщуковъ, „перепеченіе“ ребенка гарантируетъ его на всю жизнь отъ всякихъ бѣдъ и напастей, происходящихъ отъ „сглаженія“. Бабка, производящая процедуру „перепеченія“, произноситъ при этомъ слѣдующій заговоръ: „Мати Марія, царица небесная! Ты спородила самого Іисуса Христа; самъ Іисусъ Христосъ сотворилъ небо и землю, луну и звѣзды, птицы и рѣки, и озера установилъ. И тако же установи крѣпость у раба (такого-то) и сохрани его отъ призорныя причинныя болѣзни, отъ вѣтра, отъ воды и отъ всякія худобы“.

Самый характеръ народа носитъ черты первобытной, такъ сказать, дѣтской наивности, простосердечія, незлобія и цѣломудрія. Бѣлоруссъ добродушенъ и кротокъ, отзывчивъ на ласку и никогда не забываетъ оказаннаго ему благодѣянія. Прямо поразительно то терпѣніе и безропотная покорность, съ какою онъ переноситъ свою тяжелую долю. Ему угрожаетъ голодъ, а онъ тѣмъ не менѣе бросаетъ послѣднее зерно въ свою „не взрощенную“ землю, повторяя: „жди смерти, но сѣй твое зерно“.—Тяжелую школу прошелъ бѣлоруссъ, прежде чѣмъ научился такой покорности. Долгіе вѣка онъ не зналъ иного закона, кромѣ воли своего пана. Онъ самъ, его жизнь, семья и имущество всецѣло находились въ рукахъ пана, зависѣли исключительно отъ „панской ласки“ и милости. Изнывая на тяжелой господской „працѣ“ (работѣ) въ теченіе всей недѣли, не зная отдыха даже по праздникамъ, отдавая пану почти все, что заработаетъ,—бѣлоруссъ привыкъ не роптать и не жаловаться на судьбу. Развѣ только въ пѣснѣ изливалъ онъ свою душу, оплакивалъ свое горькое житье. За то и слышится въ ней такая душу надрывающая скорбь, безысходное горе, горе, для котораго и слезъ не осталось. Унылая и однообразная, какъ сама бѣлорусская природа, она напоминаетъ скорѣе стонъ измученнаго, изстрадавшагося существа. Тяжелымъ камнемъ ложится на сердце тоска отъ этой пѣсни...

Не прошли для бѣлорусса даромъ эти дни тяжкой невзгоды. Они испортили его нравъ, забили, принизили его. Вынужденный ради своей безопасности постоянно лгать, унижаться, подличать и колѣнопреклоняться не только передъ паномъ, но и подпанкомъ-экономомъ, даже паномъ арендаторомъ (евреемъ, арендующимъ корчму), онъ сталъ лукавъ, двоедушенъ, недовѣрчивъ и скрытенъ. Рабскія привычки вошли какъ бы въ плоть и кровь бѣлорусса. И теперь еще онъ принимаетъ самую смиренную позу предъ вся-

ТИПЫ ЗАПАДНАГО КРАЯ.

Поляки.—Литовцы.

кимъ, кто сколько-нибудь выше его, готовъ всякую минуту поцѣловать его руку или хоть полу одежды. Но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ не забываетъ, что это панъ, въ отношеніи котораго дозволительны ложь и обманъ. За то и самъ онъ не вѣритъ пану, опасаясь какого-нибудь подвига съ его стороны. Долго онъ будетъ стоять передъ вами съ самымъ нерѣшительнымъ видомъ, сто разъ разспрашивая объ одномъ и томъ же, хотя уже все давно растолковано и разъяснено, пока убѣдится, что вы не хотите провести его и воспользоваться его простотой. Да и послѣ того, прежде чѣмъ уйти окончательно, онъ нѣсколько разъ остановится, постоитъ и почешетъ въ затылкѣ, видимо все еще чѣмъ-то недовольный,—все еще желая о чемъ-то спросить.

Подъ вліяніемъ тѣхъ же причинъ бѣлоруссъ привыкъ искать утѣшенія въ чаркѣ „зелена вина". Ему нечего было заботиться о пріумноженіи своего хозяйства. Къ чему заводить лишнюю скотину, стараться собрать и намолотить лишнюю мѣру жита (ржи), когда все это рано или поздно должно было попасть въ руки пана?! И крестьянинъ несъ все лишнее въ корчму. Тутъ за чаркой водки онъ забывалъ все, всѣ свои невзгоды и напасти, переживалъ минуты полнаго безграничнаго веселья, развертывался, что называется, во всю: „Хадзи ты, хадзи я, хадзи печка, хадзи усе!"

Поддерживаемая евреями, всячески опаивающими несчастнаго бѣлорусса, эта страсть къ водкѣ сильна еще и въ наши дни. До самаго послѣдняго времени корчма служила мѣстомъ, куда крестьянинъ направлялся во всѣхъ важнѣйшихъ случаяхъ своей жизни. Здѣсь онъ отдыхалъ послѣ работъ, рѣшалъ споры, заключалъ условія и мировыя сдѣлки, сюда собирался для совѣта, суда и праздничныхъ развлеченій.

Можно-ли удивляться послѣ всего сказаннаго, что Бѣлоруссія—одинъ изъ самыхъ бѣдныхъ и экономически отсталыхъ краевъ Россіи?! «Кепско коло Витебска,—говорятъ сами бѣлоруссы о своей странѣ,—у города Оршѣ еще горше, а у Минску все по свинску».

Земледѣліе почти единственное занятіе жителей, но ведется оно при помощи самыхъ первобытныхъ пріемовъ. Малоплодородная почва очень скупо вознаграждаетъ тяжелый и упорный трудъ земледѣльца, и хлѣбъ родится среднимъ числомъ не болѣе самъ-третей. Промысловъ бѣлоруссъ почти никакихъ не знаетъ. Вся торговля и промышленность находятся въ рукахъ евреевъ. Лишь мѣстами бѣлоруссы занимаются изготовленіемъ различныхъ деревянныхъ подѣлокъ—гнутъ полозья, ободья и дуги, дѣлаютъ кадки, гонтъ, драни и доски, плетутъ корзины и стулья, гонятъ деготь и смолу, рубятъ лѣсъ, дерутъ лыко, или же разводятъ пчелъ, ловятъ рыбу, стрѣляютъ дичь. Кромѣ того ежегодно они массами расходятся въ разныя стороны на тяжелыя землекопныя работы.

Печать крайняго убожества и запустѣнія лежитъ на всей обстановкѣ и обзаведеніи бѣлорусса. Тѣсна, грязна курная хата, въ которой ютится его семья, часто вмѣстѣ съ свиньями и другимъ скотомъ. Какъ бы вросшая въ землю, съ маленькими окошечками, кой-какъ заставленными кусочками стекла, крытая соломой, болотнымъ камышемъ или дранью безъ гвоздей, она напоминаетъ самыя убогія избушки въ лѣсахъ по берегамъ Бѣлаго моря. Крайне просты и незатѣйливы всѣ принадлежности его хозяйства, начиная съ деревянной миски и кончая совершенно первобытнымъ экипажемъ „колесами" (четыре колеса, безъ шинъ, на деревянныхъ осяхъ съ положенной доской и четырьмя лозовыми дужками съ боковъ, противъ колесъ) и веревочной упряжью, съ примѣсью лыка. Малорослъ, захудалъ и слабосиленъ выродившійся отъ дурного корма и ухода скотъ.

И самъ бѣлоруссъ какъ бы захирѣлъ и выродился отъ безпросвѣтной нужды, отъ недостаточнаго питанія *), вѣчной грязи и нездороваго климата, часто подверженъ болѣзнямъ, рано старѣется. Отъ всей его фигуры, маленькой и невзрачной, съ блѣднымъ истощеннымъ лицомъ, на которомъ торчитъ

*) Какимъ хлѣбомъ часто приходится питаться бѣлоруссу, свидѣтельствуетъ его ироническая поговорка: „по ёмъ кыли и чортъ пыбягиць, дыкъ бизпримѣнно ногу зыскабиць".

рѣдкая щетинистая борода, въ бѣломъ, подъ цвѣтъ лица, кожухѣ, въ бѣлыхъ штанахъ и рубахѣ—въ „бѣлой конической шляпѣ",—магеркѣ,—вялой и апатичной, часто обезображенной колтуномъ, вѣетъ какимъ-то безнадежнымъ уныніемъ. Словно придавило его что, да такъ и остался онъ, не смогъ расправиться. У него нѣтъ той энергіи и предпріимчивости, что бросаетъ великорусса въ чужіе края, въ поискахъ за лучшей долей. Темный и невѣжественный, онъ почти одичалъ въ своемъ глухомъ и дикомъ краю, отличается необыкновенною косностью и приверженностью къ рутинѣ, къ освященнымъ вѣками, стародавнимъ обычаямъ. Особенно это нужно сказать о жителяхъ Полѣсья, „полѣщукахъ" или „пинчукахъ", какъ ихъ называютъ въ Минской губерніи.

Полѣщуки, правда, зажиточнѣе другихъ бѣлоруссовъ, они совершенно незнакомы съ нуждой. Земельные надѣлы здѣсь громадны и часто достигаютъ двадцати и болѣе десятинъ, скота у крестьянъ также не мало (часто 10—15 головъ у одного хозяина). Полѣщукъ круглый годъ ѣстъ сало, у него всегда есть свой хлѣбъ, даже въ годы самыхъ большихъ недородовъ и неурожаевъ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ какая поразительная, всеподавляющая тьма, невѣжество и косность, какое обиліе самыхъ мрачныхъ суевѣрій и предразсудковъ! До чего низокъ уровень умственнаго и нравственнаго развитія полѣсскаго крестьянина, показываютъ такіе, далеко не единичные и не исключительные факты, приводимые упоминаемымъ выше авторомъ.

Каждому изъ насъ приходилось, конечно, слышать разсказы о заживо-погребенныхъ, о мнимо-умершихъ, которые вставали изъ гробовъ, пугая своимъ появленіемъ родныхъ и знакомыхъ, или кричали и стонали въ могилахъ. На Полѣсьѣ такіе случаи происходятъ сплошь и рядомъ, такъ какъ тамъ хоронятъ умершихъ въ тотъ же день или, самое большее, на слѣдующій. Но полѣщукъ видитъ въ этомъ проявленіе нечистой силы. Подать въ такомъ случаѣ помощь несчастному, по его взгляду, тяжкій грѣхъ, „напротивъ, ему необходимо вбить „упыра" (осиновый колъ), т. е. нужно убить его, иначе онъ будетъ являться въ видѣ привидѣнія и безпокоить всю деревню. И убиваютъ! Одинъ священникъ, говоритъ указанный авторъ, разсказалъ мнѣ такую печальную исторію: отецъ его, тоже священникъ, былъ приглашенъ для погребенія женщины среднихъ лѣтъ, жены зажиточнаго крестьянина, беременной. По совершеніи отпѣванія, гробъ опустили въ могилу, дѣти и родные покойницы поплакали и поплелись домой; народъ тоже разошелся, остались одни могильщики, дружно принявшіеся зарывать могилу. Брошенная тяжелая глыба мерзлой земли, падая на крышку гроба, производитъ сильное сотрясеніе, отъ котораго мнимо-умершая просыпается, испуская неистовый крикъ и умоляя вытащить ее изъ зарываемой могилы. Услыша крикъ, испуганные могильщики еще дружнѣе принялись зарывать могилу и, зарывъ ее, торопливо прибѣжали на поминки къ мужу, гдѣ и разсказали собравшемуся народу, какъ въ покойницу вошелъ злой духъ, какъ она просила вытащить ее изъ могилы, обѣщая наградить всѣмъ своимъ добромъ, и какъ она стонала даже тогда, когда они совсѣмъ зарыли могилу. Тутъ пошли разные толки, и въ концѣ концовъ порѣшили послать церковнаго сторожа къ священнику съ просьбою, отъ лица всей „громады", разрыть могилу...—для того чтобы спасти несчастную?—Нѣтъ: чтобы вколотить ей въ грудь „упыра" и тѣмъ лишить ее возможности ходить по ночамъ и тревожить народъ. Пораженный священникъ немедленно прибѣжалъ на кладбище, гдѣ у свѣжей могилы уже толпился народъ, велѣлъ разрыть могилу, думая спасти жизнь несчастной жертвѣ суевѣрія. Но было уже поздно...

Всякій пустой, но выходящій изъ ряда обыденныхъ случай полѣщукъ встрѣчаетъ съ боязнью, видя предвѣстіе какого-нибудь неблагополучія, вообще недоброе предзнаменованіе. Въ одномъ селѣ, напримѣръ, „бусень" (аистъ) выронилъ нечаянно изъ своего гнѣзда, устроеннаго на крышѣ хлѣбнаго сарая, дѣтеныша; заволновавшись, онъ сталъ летать вокругъ усадьбы крестьянина и, пролетая возлѣ дерева, неосторожно попалъ съ размаху головой въ раздвоенную часть его и удавился. Случай этотъ привелъ въ страшное смущеніе все село, и крестьяне, собравшись на сходку, порѣшили, что „буде велыкій голодъ, бо бусень, выкинувъ бусенятка, и самъ съ біды повісывся". Рѣшеніе это повергло въ уныніе все село, никто не сомнѣвался, что урожая въ этомъ году не будетъ, и поэтому начали сберегать всѣ остатки стараго хлѣба. Только жатва, оказавшаяся обильной, разсѣяла общее смущеніе и уныніе.

„А когда случится, что у кого-нибудь замычитъ корова послѣ захода солнца, все село приходитъ въ волненіе и не спитъ ночи, ибо это, по общему понятію, предвѣщаетъ пожаръ".

Страхъ предъ разными сверхъестественными существами заставляетъ полѣщука изыскивать всяческія средства для предохраненія себя. Между прочимъ, лучшимъ средствомъ противъ русалокъ признается—выкупаться въ отварѣ изъ татарскаго зелья (особый родъ травы, растущей въ водѣ).

Правда, и въ этотъ глухой и забытый

уголокъ русской земли начинаютъ понемногу проникать новые порядки, пробуждается умственная пытливость, сознаніе необходимости и пользы просвѣщенія. Но заря новой жизни еще не настала, не всколыхнулась еще народная масса и спитъ глубокимъ сномъ. И много еще пройдетъ лѣтъ, пока до этой несчастной страны коснется настоящая цивилизація!

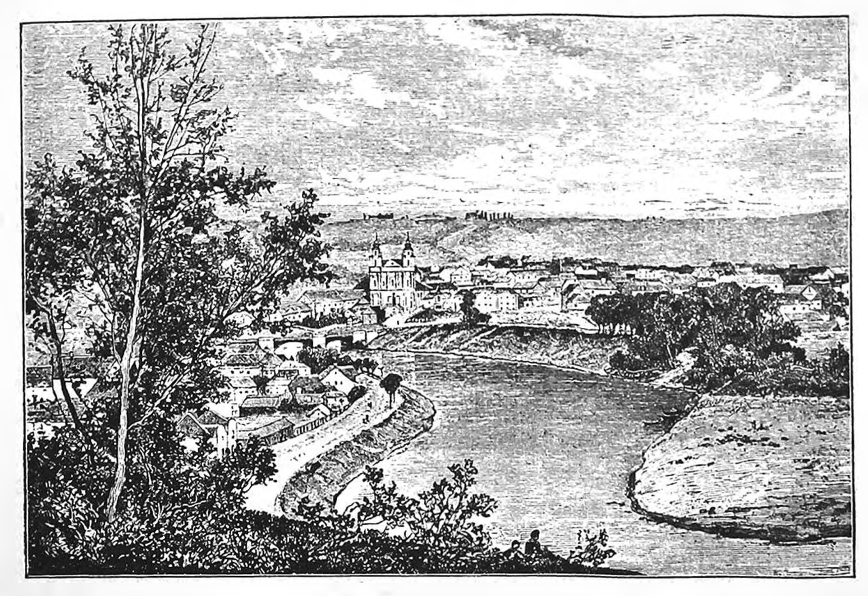
По сосѣдству съ бѣлоруссами, въ губерніяхъ Ковенской и отчасти Виленской и Витебской живутъ литовцы, которыхъ долгое время причисляли къ семьѣ славянъ. Нѣкогда они занимали гораздо большее пространство—все прибрежье Балтійскаго моря между Вислой и Западной Двиной, двигаясь далеко внутрь страны. Но тѣснимыя съ востока и юга славянами и съ запада нѣмцами, одни изъ ихъ племенъ совершенно исчезли или слились съ побѣдителями, какъ, напр., ятвяги и поруссы, другіе подвинулись нѣсколько къ сѣверу, оттѣснивъ въ свою очередь финновъ или чудь. Здѣсь они, несмотря на всѣ превратности судьбы, на многочисленныя войны и нашествія, успѣли отстоять свою національную самобытность и сохранили ее до нашихъ дней. Въ настоящее время, помимо указанныхъ предѣловъ, литовцы встрѣчаются еще въ Царствѣ Польскомъ (Сувалкской губ.) и въ Восточной Пруссіи. Кромѣ того, ихъ единоплеменники—латыши или летты занимаютъ, какъ мы видѣли, всю южную часть Прибалтійскаго края.

На основаніи данныхъ языкознанія литовцевъ признаютъ самымъ древнимъ арійскимъ населеніемъ Европы, опередившимъ всѣхъ другихъ представителей этой расы. Ихъ языкъ, не смотря на значительную примѣсь славянскихъ словъ, гораздо ближе подходитъ къ санскритскому, чѣмъ всѣ остальные европейскіе языки. Онъ старше греческаго, латинскаго, кельтскаго, германскаго и славянскаго языковъ.

Но если литовцы пришли въ Европу раньше другихъ арійцевъ, раньше, между прочимъ, кельтовъ и германцевъ, какимъ образомъ послѣдніе могли очутиться впереди ихъ? „Эту кажущуюся аномалію въ расселеніи націй,—говоритъ Реклю,—можно объяснить боковымъ оттѣсненіемъ литовскихъ поселенцевъ: живя въ сторонѣ отъ большой дороги народныхъ переселеній, которая проходитъ гораздо южнѣе водораздѣльныхъ возвышенностей между бассейнами Днѣпра и Нѣмана, защищенные, кромѣ того, обширными болотами и дремучими, почти непроходимыми лѣсами, охраняемые справа и слѣва морскими заливами и могучими рѣками, впадающими въ эти заливы, литовцы могли пропускать мимо себя многочисленные народы во время ихъ передвиженій“. Вслѣдствіе этой же причины они долѣе другихъ народовъ сохраняли древнее религіозное устройство и первобытную цивилизацію. Слѣды языческихъ вѣрованій и обычаевъ и въ наши дни еще многочисленны среди литовцевъ.

Литовцы распадаются на двѣ національныхъ группы, различающихся между собой нарѣчіемъ и обычаями: собственно литовцевъ и жмудиновъ, самогитовъ или земалайевъ, т. е. «людей пришедшихъ съ моря». Послѣдніе живутъ въ западной части Ковенской губерніи, въ сосѣдствѣ съ прусской границей, а первые въ восточной и въ Виленской губерніи.

Народъ издавна земледѣльческій, литовцы отличаются сильной привязанностью къ своей родинѣ и старинѣ, миролюбіемъ и добродушіемъ. Они мужественно боролись съ многочисленными врагами, цѣлые вѣка отстаивая съ оружіемъ въ рукахъ свою жизнь и родную землю, однако не сохранили воспоминанія ни объ одномъ героѣ, ни объ одномъ военномъ подвигѣ или одержанной побѣдѣ. Съ невозмутимымъ спокойствіемъ и покорностью они встрѣчаютъ всѣ превратности судьбы. „Еще во второй половинѣ XVI столѣтія,—говоритъ Реклю,—осужденные на смерть вѣшали себя собственными руками“. Молчаливо и безропотно сносили литовцы тяжелое рабство со всѣми его невзгодами—потерею земли, непосильной работой и полуголоднымъ, безправнымъ существованіемъ. Имъ присуща глубокая нѣжность, деликатность и цѣломудренность. Въ



Вильно.—Предмѣстье Снипишки.

литовскихъ пѣсняхъ, по свидѣтельству филолога Реза, нѣтъ ни одного стиха, который бы не былъ чистъ и цѣломудренъ, а языкъ богаче даже русскаго ласкательными и уменьшительными именами, такъ какъ примѣняетъ ихъ не только къ существительнымъ и прилагательнымъ, но и къ глаголамъ съ нарѣчіями. Наконецъ, какъ свидѣтельствуютъ ихъ многочисленныя пѣсни „дайносъ", литовцы одарены тонкимъ, наблюдательнымъ умомъ, богатымъ воображеніемъ и глубокимъ поэтическимъ чувствомъ. Преобладающій мотивъ литовской поэзіи—уныніе, грусть, печаль. „Въ этой поэзіи,—говоритъ Костомаровъ,—не слышно ни раздирающаго вопля отчаянія, ни неистоваго смѣха; нѣтъ ни ослѣпительнаго свѣта, ни чернаго мрака: какая-то таинственность разлита въ ея созданіяхъ; міръ, куда онъ вводитъ насъ, напоминаетъ весенній вечеръ при ясной зарѣ, въ душистомъ воздухѣ, среди младенческой, только что воскресшей изъ-подъ снѣга природы; чувствуется разомъ и упоеніе молодой жизни, и легкая грусть".

По наружности литовцы больше подходятъ къ германцамъ, чѣмъ къ славянамъ. Они въ большинствѣ случаевъ высокаго роста, хорошо сложены, сильны и здоровы; лицо продолговатое, съ бѣлой кожей, длиннымъ и тонкимъ носомъ, тонкими губами и голубыми глазами. Нарядъ ихъ отличается своеобразной красотой.

Главнѣйшее занятіе литовцевъ—земледѣліе, особенно воздѣлываніе льна, затѣмъ пчеловодство и отчасти садоводство. Литва славится своимъ прекраснымъ медомъ, подобнаго которому нигдѣ не получается, и пчелы здѣсь въ большомъ уваженіи; убить пчелу считается у простого народа весьма предосудительнымъ поступкомъ.

Жмудины пользуются большимъ достаткомъ, зажиточнѣе и цивилизованнѣе, чѣмъ собственно литовцы. У нихъ и поля лучше обработаны, и дома просторнѣе, красивѣе и чище, освѣщаются не лучиною, а сальными свѣчами или керосиномъ, и одежда богаче и опрятнѣе. Вообще же нужно сказать, благосостояніе распредѣлено между литовскими и жмудскими поселянами далеко неравномѣрно. Дѣло въ томъ, что по закону объ обязательномъ выкупѣ крестьянскихъ земель, изданному послѣ возстанія 1863 года, право на землю было предоставлено только

тѣмъ крестьянамъ, которые пользовались ею и раньше, остальные же не получили ничего или ничтожные участки отъ полдесятины до десятины съ небольшимъ. Поэтому процентъ безземельныхъ—батраковъ, кутниковъ и бобылей, вынужденныхъ жить наемнымъ трудомъ у помѣщиковъ или крестьянъ-хозяевъ, здѣсь очень значителенъ, а вслѣдствіе этого и заработная плата низка. Тѣмъ не менѣе общееувеличеніе народнаго благосостоянія въ зависимости отъ указанной реформы очевидно. Перемѣна къ лучшему замѣтна и на самихъ крестьянахъ и на способахъ веденія хозяйства.

Изъ другихъ національностей самая многочисленная—евреи (болѣе $1^1/_2$ милліона). Проникшіе сюда изъ Польши, они ничѣмъ не отличаются отъ своихъ польскихъ собратьевъ и играютъ ту же роль торговцевъ, крупныхъ и мелкихъ и ремесленниковъ, сосредоточиваясь по преимуществу въ городахъ и мѣстечкахъ. Обособленно отъ всей массы еврейства стоитъ группа евреевъ-караимовъ, переселенныхъ въ Литву Витовтомъ изъ Крыма и говорящихъ на татарскомъ языкѣ. Рѣзко отличаясь отъ другихъ евреевъ своими нравами и образомъ жизни, они не подвержены тѣмъ ограниченіямъ и стѣсненіямъ, какія признаются необходимыми въ отношеніи къ послѣднимъ, и совершенно уравнены въ правахъ съ остальнымъ населеніемъ Россіи.

Города въ сѣверо-западномъ краѣ сравнительно не многочисленны и не многолюдны.

На Западной Двинѣ, послѣ вступленія ея въ предѣлы Витебской губерніи, стоятъ Витебскъ, старинный городъ, имѣвшій торговыя сношенія съ ганзейскими городами,—Полоцкъ, столица славянъ кривичей, нѣкогда богатый торговый городъ, соперничавшій съ Кіевомъ и Новгородомъ, союзникъ Ганзы, — Двинскъ, одна изъ сильнѣйшихъ крѣпостей Западной Россіи.

Изъ городовъ Днѣпровскаго бассейна важнѣйшіе Могилевъ — Губернскій, на Днѣпрѣ, значительный торговый пунктъ, съ обширнымъ кожевеннымъ производствомъ, и Минскъ, на р. Свислочь, притокѣ Березины, важная торговая станція въ мѣстѣ пересѣченія желѣзнодорожныхъ линій изъ Бреста въ Москву и Роменъ въ Либаву. Затѣмъ Орша и Шкловъ, пароходныя пристани на Днѣпрѣ,—Гомель, на Сожѣ, лучшій уѣздный городъ Могилевской губерніи, въ которомъ строятся самыя большія суда, ходящія по Днѣпру,—Бобруйскъ, на Березинѣ, упраздненная крѣпость, — Пинскъ, невдалекѣ отъ каналовъ, соединяющихъ Днѣпровскій бассейнъ съ Вислинскимъ и Нѣманскимъ, центръ транзитнаго судоходства.

На западъ отъ Пинска, при впаденіи Мухавца въ Бугъ, лежитъ Брестъ, древнее Берестье, сильная крѣпость, значительный торговый городъ и одна изъ лучшихъ станцій въ сѣти русскихъ желѣзныхъ дорогъ. Брестъ извѣстенъ между прочимъ своимъ соборомъ 1596 г., провозгласившимъ унію западно-русской церкви съ католической. Вблизи границы Привислянскаго края находится и другой важный торговый городъ Гродненской губерніи—Бѣлостокъ, съ многочисленными промышленными заведеніями, особенно суконными фабриками.

Въ бассейнѣ Нѣмана находимъ Новогрудокъ (въ Минской губ.), построенный на высокомъ холмѣ среди болотъ, нѣкогда одинъ изъ главныхъ городовъ Черной Руси, и первая столица Литовскаго государства, Гродно, на правомъ берегу Нѣмана, древній Городня, часто упоминаемый въ исторіи Польши и Литвы. Тутъ былъ подписанъ сеймомъ 1793 г. актъ о второмъ раздѣлѣ Польши и сложилъ съ себя корону Станиславъ-Августъ послѣдній король Польскій (1795 г.). — На р. Виліи лежитъ главный городъ Литвы, прежде ея столица, Вильна, выстроенная на мѣстѣ, гдѣ стоялъ храмъ Перкуна, бога молніи, и горѣлъ священный огонь. Вильна играла очень важную роль въ умственной и религіозной жизни Бѣлой Руси, въ ея борьбѣ съ католичествомъ и уніей. Съ 1525 года въ ней существовала типографія, долго пользовавшаяся большой славой,—первая, которая печатала кириллицей на русской территоріи. Теперь въ Вильнѣ находятся историческій музей, одинъ изъ замѣчательныхъ въ Россіи, и географическое общество; университетъ, существовавшій здѣсь прежде,

упразднен въ 1832 г., послѣ польскаго возстанія. — При сліяніи Нѣмана и Виліи стоитъ Ковна, прежде главный складочный пунктъ Литвы, соперничавшій съ Кролевцемъ (Кенигсбергомъ). Въ сравненіи съ прежнимъ временемъ, всѣ эти города захудали.

МАЛОРОССІЯ и НОВОРОССІЯ.

Южная и юго-западная Россія, занятая бассейнами рѣкъ Днѣпра и Днѣстра, составляетъ ту часть Россіи, которая извѣстна подъ именемъ Малороссіи и Новороссіи.

Въ административномъ отношеніи это пространство дѣлится на слѣдующія 9 губерній: Бессарабскую, Волынскую, Екатеринославскую, Кіевскую, Подольскую Полтавскую, Херсонскую, Харьковскую и Черниговскую. Эти губерніи вмѣстѣ занимаютъ площадь въ 442,888 кв. верстъ. По характеру мѣстности къ этому же району слѣдуетъ причислить сосѣднюю Таврическую губ. и область Войска Донского, съ общей площадью въ 196,684 кв. в. Но бассейнъ Нижняго Дона, точно также, какъ и значительная часть Крыма, представляетъ уже переходную полосу къ солончаковымъ безплоднымъ степямъ Прикаспійскимъ. Южная часть Крымскаго полуострова по своей роскошной природѣ представляетъ совершенно исключительный, единственный уголокъ во всей Европейской Россіи. Кромѣ того, обѣ эти области имѣютъ весьма много отличнаго отъ остальныхъ губерній Южной Россіи въ своей прошедшей исторіи, что отражается и до настоящаго времени. Въ виду этого Донская область и Крымъ будутъ разсмотрѣны въ концѣ очерка отдѣльно. Границы описываемаго пространства составляютъ съ сѣвера губерніи Минская, Могилевская, Смоленская (бассейнъ Припети и верховья Днѣпра), Орловская, Курская, Воронежская, съ востока—Саратовская и Астраханская (бассейнъ Нижней Волги), съ юго-востока—Ставропольская и Кубанская область, съ юга—Черное море отъ Керченскаго пролива до устья Дуная, съ юго-запада и запада—рѣка Прутъ, за которой начинаются Румынія и Австро-Венгрія.

Все это громадное пространство, превосходящее почти вдвое Францію, по устройству своей поверхности представляетъ замѣчательное однообразіе. Вездѣ, куда ни бросишь взоръ, увидишь одну безконечную равнину, то зеленую то выжженную солнцемъ, то покрытую бѣлымъ саваномъ снѣга зимой. Единственными предметами, на которыхъ останавливается вашъ взоръ, являются курганы, эти нѣмые свидѣтели отдаленнаго прошлаго; но и къ нимъ скоро привыкаетъ глазъ, можетъ быть потому, что и они похожи другъ на друга. «Только Днѣпръ, Днѣстръ и Бугъ,—говоритъ о херсонскихъ степяхъ г. Шмидтъ,—составляютъ какъ бы исключеніе разнообразіемъ и живописностью многихъ своихъ мѣстъ. Окаймляя или разрѣзая всю степную поверхность съ сѣвера на югъ, они поражаютъ своимъ исполинскимъ величіемъ и извиваются широкими синими полосами среди

обширныхъ зеленѣющихъ долинъ, лѣсовъ, садовъ, луговъ, камышей, рѣзко отдѣляющихся отъ бѣлѣющихъ пространствъ наносныхъ песковъ». (Кіев. Стар. 1889. IV. 32). Да есть еще незначительныя возвышенности, образующія такъ называемую «прикарпатскую возвышенность».

По южной части Волынской губерніи тянется на востокъ изъ предѣловъ восточной Галиціи чрезъ Кіевскую и Екатеринославскую губерніи къ Днѣпру Авратынская возвышенность, образующая на югъ отъ южнаго Буга Подольское плато, изсѣченное глубокими долинами лѣвыхъ притоковъ Днѣстра. Въ предѣлахъ Бессарабской губерніи, между Днѣстромъ и Прутомъ, также выступаетъ изъ Буковины Хотинское плато, южная оконечность котораго образуетъ такъ называемыя, Ясско-Оргѣевскія горы.

Наконецъ, нѣкоторое разнообразіе доставляютъ, такъ называемые, балки, овраги, байраки. Это, по большей части, бывшія рѣчныя русла, въ настоящее время частью заросшія роскошной травой, частью лѣсомъ, нерѣдко по нимъ разбросаны хутора или цѣлыя селенія.

По мѣрѣ приближенія къ югу балки становятся круче, извилистѣе и шире. Высота степи надъ дномъ балокъ на востокѣ рѣдко превышаетъ 20 саж., а на западѣ доходитъ иногда до 55 при ширинѣ отъ 1 до 3 верстъ.

Все это пространство занято богатѣйшими рѣчными системами Днѣпра и Днѣстра, отчасти Прута. Первое мѣсто между ними принадлежитъ по праву Днѣпру, извѣстному подъ именемъ Борисѳена уже отцу исторіи Геродоту. У римлянъ онъ назывался Danapris, у турокъ—Узу, Luosen у генуэзцевъ и Аксу (великая рѣка) у татаръ.

Днѣпръ беретъ свое начало въ Смоленской губерніи, Бѣльскомъ уѣздѣ, въ болотахъ, лежащихъ у подошвы Валдайской плоской возвышенности, недалеко отъ истоковъ рѣкъ Волги и Западной Двины (подъ 55° 55′ с. ш. и 51° 21′ в. д.), впадаетъ въ сѣверныя части Чернаго моря, въ Днѣпровскій лиманъ, соединяя такимъ образомъ отдаленный сѣверо-западный край съ Чернымъ моремъ. Общее направленіе Днѣпра съ сѣвера на югъ, а вся длина его считается отъ 1600—1700 верстъ. Онъ протекаетъ по девяти губерніямъ, однѣ прорѣзывая цѣликомъ (Смоленскую, Могилевскую, Екатеринославскую), другихъ только касаясь (Минской, Черниговской, Кіевской, Полтавской, Херсонской и Таврической). Бассейнъ же его занимаетъ поверхность въ 11,000 кв. геогр. миль, обнимая 13 губерній, изъ коихъ пять только частью.

Въ верхнемъ своемъ теченіи Днѣпръ мало получаетъ притоковъ и не судоходенъ. Доступнымъ для судоходства (лодокъ) онъ становится лишь послѣ Дорогобужа, гдѣ ширина его доходитъ до 30 саж., а глубина до 14 футовъ. Въ дальнѣйшемъ теченіи Днѣпръ начинаетъ принимать въ себя съ обѣихъ сторонъ довольно значительные притоки. И такъ какъ почти всѣ главные его притоки впадаютъ въ его среднемъ теченіи и недалеко другъ отъ друга, то оттого вода въ рѣкѣ сразу значительно поднимается. Глубина его въ Кіевской губерніи доходитъ до 28 ф., а въ Екатеринославской отъ 35 до 46 ф. Днѣпръ судоходенъ на всемъ своемъ среднемъ теченіи отъ города Дорогобужа и до Екатеринослава, но судоходство встрѣчаетъ здѣсь многочисленныя препятствія отъ неровностей дна, отмелей и крутыхъ изворотовъ. Дно рѣки часто ямистое, песчаное и даже каменистое, притомъ мели, находящіяся на рѣкѣ, непостоянны и перемѣняются почти ежегодно, какъ и глубина—отъ наноса песку, производимаго разливомъ. Особенно много мелей въ Днѣпрѣ въ Кіевской губерніи, гдѣ дно его песчано. Такъ, на протяженіи какихъ-нибудь 389 верстъ теченія Днѣпра по Кіевской губерніи насчитываютъ до 55 мелей. Сверхъ того Днѣпръ въ своемъ теченіи образуетъ много заливовъ и рукавовъ, служащихъ преимущественно для рыболовства. Дѣленіе русла Днѣпра на рукава начинаетъ встрѣ-

чаться еще въ верхнихъ частяхъ, но тамъ число ихъ незначительно, чаще они попадаются въ Кременчугскомъ уѣздѣ и Екатеринославской губерніи, гдѣ рукава образуютъ много островов, поросшихъ лозою, тростникомъ и т. п.

Отъ Кременчуга уже начинаютъ встрѣчаться подводные камни, а въ дальнѣйшемъ пути отъ Екатеринослава они переходятъ въ настоящіе заборы и пороги, тянущіеся на цѣлыхъ 70 верстъ. Заборы — это такіе гряды скалъ, которыя не пересѣкаютъ всей ширины рѣки, а оставляютъ проходы для судовъ. Пороги же состоятъ изъ отдѣльныхъ каменьевъ, скалъ, какъ бы сидящихъ на возвышенномъ или выпукломъ днѣ рѣки. Эти каменья съ остроугольными или куполовидными верхушками торчатъ изъ воды широкими грядами, протянутыми поперекъ всего русла отъ 100 до 400 саженей въ длину, отъ утесовъ одного берега до утесовъ другого.

Вслѣдствіе этихъ пороговъ Днѣпръ, несмотря на все свое выгодное географическое положеніе, не имѣетъ такого важнаго значенія, какое онъ долженъ былъ бы имѣть, такъ какъ пороги представляютъ рѣшительное препятствіе для судоходства. Сплавъ судовъ и плотовъ чрезъ пороги возможенъ только въ самую высокую воду, которая бываетъ ежегодно лишь въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, въ остальное же время года суда ходить чрезъ пороги не могутъ, взводное же судоходство чрезъ нихъ ни въ какое время года не возможно по чрезвычайной быстринѣ воды. Правительство уже съ давнихъ поръ предприняло мѣры къ устраненію препятствій для прохода судовъ чрезъ пороги, но, несмотря на произведенныя работы въ порогахъ, безопаснаго и свободнаго прохода судовъ еще покуда нѣтъ, пароходство даже совсѣмъ невозможно.

Для провода судовъ черезъ пороги существуютъ казенные лоцмана, живущіе по берегамъ Днѣпра въ селеніяхъ и хуторахъ. Между ними пользуется особенной извѣстностью селеніе Каменка.

За порогами Днѣпръ характеризуется другимъ свойствомъ, такъ называемыми „плавнями“. Днѣпръ течетъ здѣсь въ широкой долинѣ, перерѣзанной рукавами, гирлами и заливами рѣки, образующими множество озеръ, затоновъ и островов. Эти-то низменныя долины, образуемыя Днѣпровскимъ русломъ, и называются плавнями.

Въ плавняхъ Днѣпръ образуетъ множество островов, которые начинаются еще въ порожистой части Днѣпра, но больше всего ихъ находится за порогами, въ плавняхъ. Между ними наиболѣе замѣчательный Хортицкій, извѣстный своей Сѣчью Запорожскою.

Таковъ Днѣпръ съ его порогами, плавнями и островами. Что касается его береговъ, то почти вездѣ характеръ ихъ одинъ: правый берегъ высокъ, обрывистъ, постоянно подмывается теченіемъ рѣки, которая и относитъ все на низменный лѣвый берегъ. Отсюда большія дороги пролегаютъ почти исключительно на правомъ берегу, на которомъ также расположены города и значительныя селенія, такъ какъ прямыя сообщенія по лѣвому берегу весьма затруднительны, а въ весеннее время даже невозможны. Иногда, впрочемъ, и возвышенности праваго берега отходятъ на нѣкоторое разстояніе, оставляя то болотистое, то луговое, то песчаное и лѣсистое побережье.

Средняя ширина Днѣпра отъ 280 до 400 саженей, но во время весенняго половодья онъ выходитъ изъ своихъ береговъ и покрываетъ не только плавни, долины шириною верстъ на 10, но и близлежащія селенія. Тогда рѣка представляетъ движущееся море: все—острова, песчаныя банки, которыя въ обыкновенное время обтекаетъ рѣка, исчезаютъ подъ желтоватой водой; существовавшіе потоки, мертвые рукава, лужи— все соединяется въ одно водное пространство, изъ котораго только кое-гдѣ поднимаются небольшіе островки—селенія. Разливы начинаются, по большей части, во второй половинѣ апрѣля и оканчиваются во второй половинѣ мая.

Днѣпръ впадаетъ въ Черное море, образуя лиманъ, 10 рукавами, изъ которыхъ 6 имѣютъ фарватеръ отъ 20 до 35 саженей шириною и отъ 6 до 18 аршинъ глубиною. Осажденіемъ землистыхъ частицъ, приносимыхъ рѣкою и намываемыхъ съ лимана, образуются острова и отмели при устьѣ Днѣпра, препятствующіе судоходству. Ниже Херсона наибольшая глубина въ лѣтнее время 6 футовъ, и потому суда могутъ принимать полный грузъ изъ этого города не ближе глубокой пристани на берегу лимана. Сѣверный берегъ, прорѣзанный бугскимъ лиманомъ, высокъ и глинистъ, южный—низменный, песчаный, усѣянный солеными озерами. Почти весь сѣверный берегъ окаймляютъ песчаныя низменности, имѣющія весьма важное значеніе для рыболовства, которымъ издавна славился лиманъ Днѣпра. На барѣ Днѣпровскаго лимана глубина колеблется отъ 14 до 17½ футовъ. Длина послѣдняго 57 верстъ, наибольшая ширина 16, а наименьшая— между оконечностями косъ кинбурской и очаковской—5 верстъ.

Между притоками Днѣпра болѣе извѣстны: въ верхней части—съ правой стороны Вопь (130 верстъ, весной сплавная), съ лѣвой Вязьма (90 верстъ

прежде была судоходна, а теперь нѣтъ и сплава); въ средней части—съ правой Березина (500 верстъ, сплавная), Припеть (740 верстъ), Тетеревъ (150 верстъ, сплавная), Ирпень (138 верстъ), Тясмянъ, Рось; съ лѣвой стороны — Десна (700 верстъ, судоходна въ нижней части, которая принадлежитъ Черниговской губерніи, а въ верхней съ Брянска судоходна только весной) съ Сеймомъ, Сожъ (500 верстъ, судоходна съ мѣстечка Кричева), Трубежъ, Сула (360 верстъ), Пселъ (500 верстъ, множество мельницъ и гатей препятствуютъ судоходству), Ворскла (400 верстъ); въ нижней части—Ингулецъ (523 версты). Послѣдній всегда имѣлъ нѣкоторое значеніе, такъ какъ, направляясь почти прямо съ сѣвера на югъ и беря начало у истоковъ Тясмяна, составлялъ кратчайшій путь, вмѣсто кружнаго и опаснаго по Днѣпру. Глубина Ингульца въ полую воду весьма значительна и доходитъ до двухъ, а къ устьямъ до 3 саженей, но лѣтомъ рѣка значительно пересыхаетъ.

Въ Днѣпровскій лиманъ, кромѣ Днѣпра, впадаетъ Бугъ, Гипанисъ Геродота, Акъ-су турокъ, длиною 700 верстъ. Въ названіи Бугъ,—Богъ, нельзя не видѣть слѣда какого-то суевѣрія. Бугъ по своимъ свойствамъ, общему направленію напоминаетъ Днѣпръ. Онъ течетъ сначала между низменными берегами, а затѣмъ прорѣзается чрезъ каменную гряду, образуетъ, подобно Днѣпру, пороги между Ольвіополемъ и селеніемъ Александровкой. Здѣсь каменными глыбами усѣяно все дно рѣки. Всѣхъ пороговъ 18. Кромѣ того, есть еще не мало и заборовъ. Пороги дѣлаютъ эту часть Буга очень живописной, но вмѣстѣ съ тѣмъ совершенно неудобной для судоходства. Ниже пороговъ (отъ Александровки до впаденія рѣки Куцаго Епанца) Бугъ течетъ въ долинѣ шириною отъ 1 до 5 верстъ и, какъ Днѣпръ, образуетъ плавни. Плавни эти состоятъ то изъ луговъ, заливаемыхъ водою только во время половодья, то изъ топей, покрытыхъ камышемъ или мягкими лѣсными породами деревьевъ, то изъ совершенно обнаженныхъ песчаныхъ пространствъ. Въ нижнемъ теченіи Буга плавенъ почти вовсе нѣтъ. Здѣсь онъ сильно расширяется и при впаденіи образуетъ обширный лиманъ, который при мѣстечкѣ Станиславовѣ сливается съ Днѣпровскимъ. Глубина лимана отъ 25 до 50 футовъ.

Притокъ Буга, Ингулъ (324 версты, судоходенъ въ 30 верстахъ отъ устья) въ своемъ нижнемъ теченіи весьма глубокъ: у Калиновки 8 — 14 футовъ, а въ устьяхъ болѣе 3 саж. Заслуживаетъ вниманія ежедневное измѣненіе теченія въ устьѣ Ингула: отъ полудня до полуночи теченіе направляется изъ Ингула въ Бугъ, а въ остальное время обратно, вливается вода изъ Буга въ Ингулъ со скоростью до 3 узловъ въ часъ.

Днѣстръ, Тирасъ грековъ, Турла турокъ, въ среднемъ своемъ теченіи можетъ быть разсматриваемъ, какъ естественная этнографическая граница между русскими и румынами. Онъ также во многомъ сходенъ съ Днѣпромъ. Начинаясь въ области лѣсовъ, какъ и Днѣпръ, онъ прорѣзываетъ послѣдовательно полосы черноземную и степную и при впаденіи образуетъ лиманъ. Его правый берегъ выше лѣваго въ большей части теченія, и его также пересѣкаютъ гранитныя гряды, такъ какъ и онъ пробился своимъ теченіемъ чрезъ громадныя каменныя глыбы. Русло рѣки часто бываетъ стѣснено между крутыми скалистыми берегами Мѣстами его берега достигаютъ 120—150 саженей въ вышину. Только изрѣдка въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ рѣка случайно встрѣтила на своемъ пути мягкую почву, берега пологи, и горы отходятъ дальше отъ берега. Вслѣдствіе этихъ причинъ теченіе Днѣстра чрезвычайно извилисто, не говоря уже о томъ, что оба берега представляютъ сплошной рядъ мысовъ, раздѣленныхъ болѣе или менѣе глубокими заливами. Рѣка часто дѣлаетъ такіе крутые повороты, что приходится плыть водою верстъ 30 и болѣе, тогда какъ скалистый перешеекъ, раздѣляющій двѣ луки, имѣетъ не болѣе 3—4 верстъ въ поперечникѣ. Такъ, напр., отъ Экванца до Студеницы сухимъ путемъ отъ 40 до 50 верстъ, между тѣмъ Днѣстръ дѣлаетъ пять такихъ извилинъ, которыя увеличиваютъ это разстояніе почти втрое.

Общая длина рѣки 1,400 верстъ, изъ которыхъ на протяженіи 900 верстъ рѣка течетъ въ русскихъ предѣлахъ, остальная часть принадлежитъ Австро-Венгріи.

Нельзя умолчать объ одной любопытной особенности рѣки. Днѣстръ имѣетъ два періодическихъ наводненія: одно весной при вскрытіи рѣки отъ льда въ февралѣ или мартѣ, а второе въ концѣ іюня отъ таянія

Кіевъ.

1) Памятникъ Богдану Хмѣльницкому. 2) Крещатикъ. 3) Десятинная церковь. 4) Владимірскій соборъ. 5) Памятникъ Владиміру Святому. 6) Золотыя ворота. 7) Умань. Софійскій садъ. 8) Умань. Софійскій садъ. Водопадъ Венеры.

*

снѣга въ карпатскихъ горахъ. Эти наводненія бываютъ весьма значительны и поднимаютъ уровень воды на 20 футовъ. Особенно сильныя наводненія были въ 1829, 1842 и 1845 годахъ, такъ что невѣжественные прибрежные жители обвиняли галиційскихъ австріаковъ, будто они спустили воды другой рѣки въ ту, которая затопила ихъ поля.

Длина лимана Днѣстра до 40 верстъ. Берега, за исключеніемъ сѣверныхъ, возвышенны. Хотя плаваніе по лиману на небольшихъ судахъ возможно, но выходъ въ море вслѣдствіе мелководья двухъ гирлъ, которыми соединяется лиманъ съ моремъ, весьма затруднителенъ.

На Днѣстръ весьма похожъ Прутъ, лѣвый притокъ Дуная. Направленіе теченія этой рѣки, гористость преимущественно праваго берега, извилистость, быстрота теченія и, наконецъ, пороги: все напоминаетъ Днѣстръ.

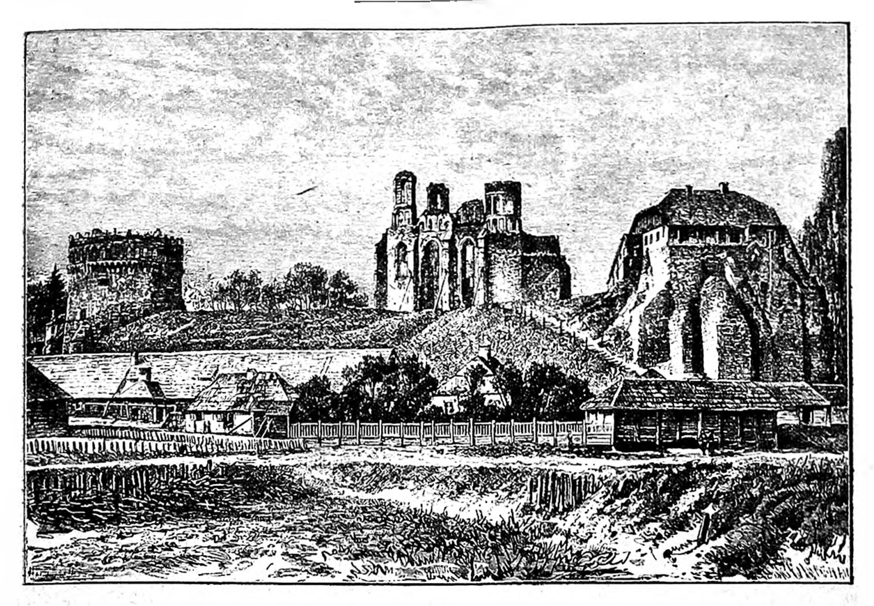
Рѣка Прутъ вытекаетъ изъ карпатскихъ горъ Австріи и отъ мѣст. Новоселицъ до села Нѣмцены отдѣляетъ Бессарабскую губернію отъ Молдавіи. Бессарабскій берегъ Прута только мѣстами представляетъ не очень высокіе и болѣе пологіе скаты, чаще удаленные отъ русла. Отъ Новоселицъ по восточному теченію луговыя мѣста почти исчезаютъ и возвышенный плоскій берегъ доходитъ до самаго русла. У деревни Костешты, Ясскаго уѣзда, при устьѣ Чугура пролегаютъ скалы и образуютъ пороги, чрезъ которые Прутъ прорывается, какъ бы чрезъ узкія ворота. Отъ деревни Костешты начинается болѣе отлогій бессарабскій берегъ Прута, постепенно прорываемый долинами мелкихъ ручьевъ, стекающихъ съ нагорной части Бессарабіи. Эти долины образуютъ роскошные луга, дающіе пищу областнымъ стадамъ рогатаго скота. Дно Прута каменистое, но въ верхнихъ частяхъ глинистое и иловатое, имѣетъ большой наклонъ, а потому и теченіе Прута очень быстрое: въ тихую погоду оно простирается до 20 саженей въ минуту. Средняя глубина рѣки доходитъ до 1 саж., вслѣдствіе чего въ лѣтнее время образуется много бродовъ. Интересно, что половодье бываетъ три раза: весною, лѣтомъ, какъ въ Днѣстрѣ, и осенью, когда рѣка останавливается. Извилистость рѣки особенно въ верхней своей части такова же, какъ въ Днѣстрѣ. Такъ какъ долина рѣки очень широка, то русло ея часто, почти ежегодно, измѣняется. Рѣка покрыта льдомъ всего около мѣсяца (январь). По Пруту спускаются плоты и дубасы (небольшія лодки, выдолбленныя изъ дуба), но могутъ ходить и пароходы.

Днѣпръ, Днѣстръ и Бугъ, пожалуй, Прутъ, Десна суть единственныя судоходныя рѣки южной Россіи между Дунаемъ и Дономъ: только весной, начиная съ половины апрѣля и въ маѣ мѣсяцѣ притоки этихъ рѣкъ бываютъ настолько многоводны, что по нимъ можно сплавлять бревна, гнать плоты и даже отправлять барки. Не такъ было двадцать три столѣтія назадъ, когда, по словамъ Геродота, эта страна, хотя чрезвычайно бѣдная лѣсомъ, была хорошо орошена, когда по ней протекали большія рѣки, „почти столь же многочисленныя, какъ каналы въ Египтѣ“. Въ наши дни южная равнина Россіи обѣднѣла водою; особенно это должно сказать о степяхъ, прилегающихъ къ Черному морю, гдѣ рѣки высохли, остались лишь слѣды прежнихъ руслъ въ видѣ рѣчныхъ долинъ, слѣдующихъ параллельно другъ другу; въ настоящее время онѣ наполняются водой только во время сильныхъ дождей.

Чтобы покончить съ описаніемъ водной поверхности, намъ остается сказать нѣсколько словъ о характерѣ береговъ Чернаго моря. Морскіе берега южной Россіи отличаются замѣчательной правильностью очертаній. Степь оканчивается у моря крутымъ обрывомъ, поднимающимся на 15—20, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже на 23 сажени. Наибольшей высоты обрывъ достигаетъ у Одесскаго рейда, по направленію же къ днѣпровскому и днѣстровскому лиманамъ становится ниже. Вдоль обрыва узкой полосой тянется низменное побережье, въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ берегъ упирается отвѣсной стѣной. Весь берегъ отъ Одессы до Очакова окаймленъ мелью въ полмили шириною. Береговыя возвышенности разъединяются лиманами и оврагами, по которымъ текутъ прибрежныя рѣки и потоки.

Къ востоку отъ днѣпровскаго лимана характеръ берега мѣняется: отъ самаго моря начинается низменность, простирающаяся далеко внутрь страны.

Характерной особенностью морского побережья отъ низовьевъ Дуная до низовьевъ Днѣпра служитъ рядъ соленыхъ озеръ и лимановъ. Эти лиманы пред-



Развалины замка въ Острогѣ.

ставляютъ изъ себя озера, овраги, образованные протекавшими прежде рѣками, на что указываетъ ихъ извилистая продолговатая фигура.

Берега этихъ озеръ очень нездоровы осенью, такъ что иногда жители цѣлой деревни заболѣваютъ подъ вліяніемъ вѣтра, приносящаго міазмы, но въ другихъ мѣстахъ грязи лимановъ, съ безчисленными водорослями, которыя распространяютъ пріятный запахъ, напоминающій запахъ фіалокъ,—очень рекомендуются для леченія нѣкоторыхъ болѣзней: паціенты погружаются въ нихъ въ тѣ часы, когда эта тина нагрѣвается солнцемъ. Чтобы довести эти цѣлебныя грязи до возможно высокой температуры, ихъ защищаютъ отъ вѣтра стеклянными стѣнами, чрезъ которыя проходятъ солнечные лучи: въ этихъ клѣткахъ грязь достигаетъ иногда 35, даже 38 градусовъ стоградуснаго термометра. Такова общая картина водной поверхности описываемаго края.

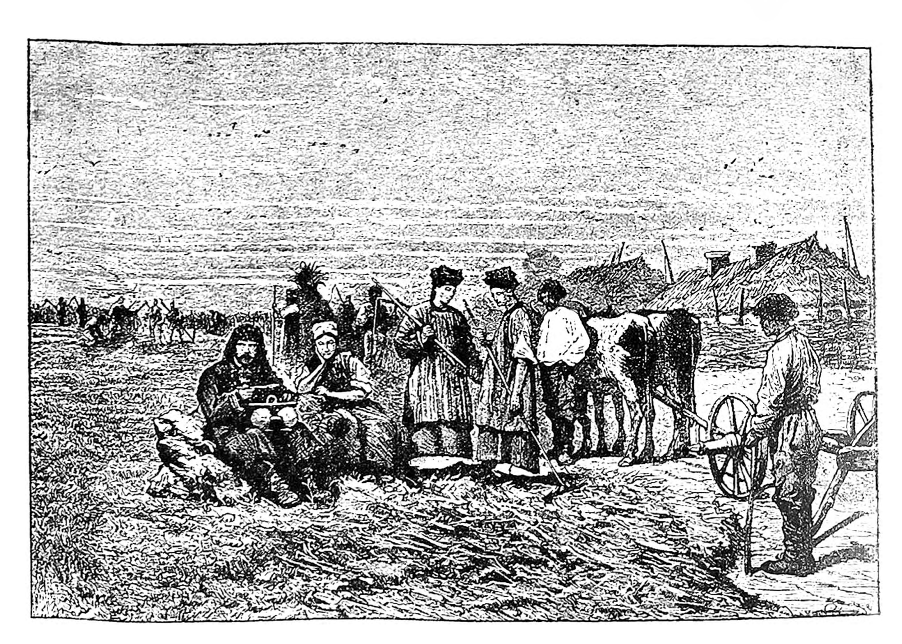
Непосредственно отъ берега моря тянется къ сѣверу обширная, отличающаяся чисто степнымъ характеромъ равнина.

Слой чернозема въ различныхъ мѣстахъ колеблется различно и доходитъ до 1—$1^1/_2$ аршина толщины, какъ, напр., въ нѣкоторыхъ частяхъ губерніи Херсонской, Кіевской, Волынской и др.

При столь благопріятныхъ почвенныхъ условіяхъ, другой, важнѣйшій факторъ производительности—климатъ, отличается сравнительно мягкостью и большей теплотой, хотя въ то же время и сухостью, вслѣдствіе которой наблюдаются сильныя колебанія температуры: сильный холодъ зимой и зной лѣтомъ. Зима здѣсь непостоянна, перемѣнчива и кратковременна, устанавливается только въ

декабрѣ и продолжается три мѣсяца—декабрь, январь, февраль. Морозы обыкновенно бываютъ 10°, рѣдко доходятъ до 20° и еще рѣже до 30° по Реомюру. Снѣга не равномѣрны: то очень глубокіе, то совсѣмъ ничтожные, и болѣе собираются въ балкахъ, байракахъ и оврагахъ, чѣмъ въ открытыхъ и ровныхъ мѣстахъ. Частыя зимнія вьюги, или такъ называемыя «пурги» и «хуртечи», при неудержимомъ сѣверо-восточномъ или восточномъ вѣтрѣ, бываютъ причиной гибели и людей, и скота.

Весна начинается или съ конца марта, или съ начала апрѣля, и уже чрезъ 10—15 дней земля бываетъ покрыта зеленью. Въ это время года тысячи разнообразныхъ цвѣтовъ покрываютъ степь пестрымъ ковромъ; чудное благоуханіе носится въ воздухѣ и приводитъ всякаго путешественника въ восторгъ. Но видъ степи мѣняется съ наступленіемъ лѣтнихъ жаровъ и засухи. Фрукты, овощи и хлѣбныя растенія поспѣваютъ въ іюлѣ и началѣ августа. Грозы лѣтомъ очень часты. Въ срединѣ іюня прекращается ночная роса. Весь іюль и начало августа часто проходятъ совсѣмъ безъ дождя, отчего степи теряютъ всякую прелесть и превращаются въ сухую, выжженную, обнаженную и пыльную равнину. Въ половинѣ августа жары достигаютъ такой степени, что человѣку и животнымъ становится не въ моготу переносить знойную температуру и неумолимо палящіе лучи южнаго солнца. Иногда выпадаютъ года чрезвычайной засухи. Такъ въ 1575 г. лѣто въ запорожскихъ степяхъ было настолько жаркое, что отъ страшнаго зноя, трава въ степи повыгорѣла и вода въ рѣкахъ повысохла; въ сентябрѣ и октябрѣ



Сѣнокосъ въ Украйнѣ.

во многихъ мѣстахъ чрезъ Днѣпръ даже овцы переходили въ бродъ, а на Днѣпровскомъ Низу, у рѣчки Чертомлыка, высохли всѣ плавни, такъ что татары свободно переправлялись съ лѣваго на правый берегъ Днѣпра и свободно нападали на становища запорожскихъ казаковъ. Но обыкновенно средняя температура лѣтомъ въ іюнѣ и іюлѣ отъ 15 до 20 градусовъ, въ августѣ отъ 26° и болѣе по Реомюру; наибольшая температура до 45° и иногда, хотя весьма рѣдко, до 50°. Въ сѣверной и средней полосѣ температура обыкновенно бываетъ ниже, чѣмъ въ восточной и особенно южной. Дожди идутъ нерѣдко столь сильные, что своими потоками сносятъ хлѣбъ, огородную растительность, даже мелкій скотъ и легкія постройки, особенно въ мѣстахъ низменныхъ и глубокихъ. Со второй половины августа начинаетъ садиться роса и перепадаютъ дождики, отчего степь постепенно начинаетъ зеленѣть и принимать нарядный и веселый видъ. Осень начинается съ конца сентября, вообще же сентябрь и иногда начало октября считаются здѣсь самымъ пріятнымъ временемъ года. Съ конца же сентября здѣсь наступаютъ туманы, нерѣдко продолжающіеся періодически осенью, зимою и весною. Рѣки здѣсь обыкновенно замерзаютъ съ ноября и остаются закованными льдомъ до марта. Сѣверо-восточные и восточные вѣтры приносятъ здѣсь холодъ, зной и засуху; южные и юго-западные вѣтры—тепло, дождь и влагу. Нужно, однако, замѣтить, что все сказанное неодинаково приложимо ко всему пространству.

Въ этомъ отношеніи описываемый край можно раздѣлить на двѣ половины—западную правобережную и восточную по лѣвому берегу Днѣпра. Первая находится ближе къ Балтійскому морю, лучше орошена, получаетъ болѣе водяныхъ осадковъ, оттого климатъ этихъ частей болѣе влаженъ, температура менѣе подвержена колебаніямъ, чѣмъ въ восточной. Зима здѣсь короче, не такъ сурова, такъ что рѣка Прутъ, напр., находится подъ льдомъ всего около мѣсяца. Подольская губернія имѣетъ климатъ лучшій во всей Европейской Россіи. Вотъ таблица среднихъ температуръ и водяныхъ осадковъ по губерніямъ:

Бессарабская на сѣверѣ	8°	по Ц.	осадковъ	620	mm.
при устьѣ Днѣпра	10°	»	»	256	»
Кіевская	7,1°	»	»	568,5	»
Волынская	7,6°	»	»	597,7	»
Екатеринославская	8,2°	»	»	377	»
Подольская	9,1°	»	»	—	»
Полтавская	7,6°	»	»	606,7	»
Харьковская	7,4°	»	»	452	»
Черниговская	7,2°	»	»	451,1	»
Херсонская	10,8°	»	»	298,1	»

Въ настоящее время слышатся всеобщія жалобы на ухудшеніе климата, на болѣе рѣзкія колебанія температуры, на засухи, что объясняется въ значительной степени окончательной вырубкой лѣсовъ, увлажнявшихъ атмосферу.

Сообразно съ климатическими и почвенными условіями, растительность юго-западной Россіи довольно богата и разнообразна, такъ же, какъ и фауна.

Привольный край издавна привлекалъ къ себѣ многочисленныхъ поселенцевъ. Въ настоящее время главную массу населенія составляютъ малороссы, потомъ великоруссы, евреи, колонисты разныхъ національностей. Общее количество его составляетъ по послѣдней переписи 26.372,576 человѣкъ, при чемъ на квадратную версту приходится 53 человѣка. Относительно распредѣленія и населенія нужно прежде всего замѣтить, что въ Россіи этнографическія области не совпадаютъ съ границами географическихъ бассейновъ и еще гораздо менѣе съ границами губерній, начертанными часто наугадъ, безъ соображенія съ естественными условіями. Такъ, если мы возьмемъ малороссовъ, подвластныхъ русской державѣ, то оказывается, что область ихъ далеко не ограничивается бассейномъ Днѣпра—они проникаютъ на западъ въ бассейнъ Вислы и переходятъ за Бугъ, а на востокѣ занимаютъ часть Донецкаго бассейна; они перешли даже за верхній Донъ, а по ту сторону Азовскаго моря распространились до Кубани и на Кавказъ. Съ другой стороны, и великоруссы утвердились на верхнемъ теченіи почти всѣхъ восточныхъ притоковъ Днѣпра, а румыны перешли за низовье Днѣстра (Реклю, 174—175).

На образованіе характера населенія здѣсь оказали глубокое вліяніе историческія условія странъ, благодаря которымъ и сложился типъ малоросса.

По внѣшнему виду малороссы красивый и рослый народъ; между ними преобладаютъ брюнеты. Лица мужчинъ мужественны и вообще кажутся старѣе своего возраста. Въ понятіе красоты у малороса непременно входятъ каріе очи и черныя брови. Тѣлосложеніе у нихъ умѣренное, скорѣе сухощавое, чѣмъ полное.

Женщины значительно ниже ростомъ, полны, статны, граціозны. Стройный и гибкій станъ женщины считаются, по мнѣнію малоросса, условіемъ красоты.

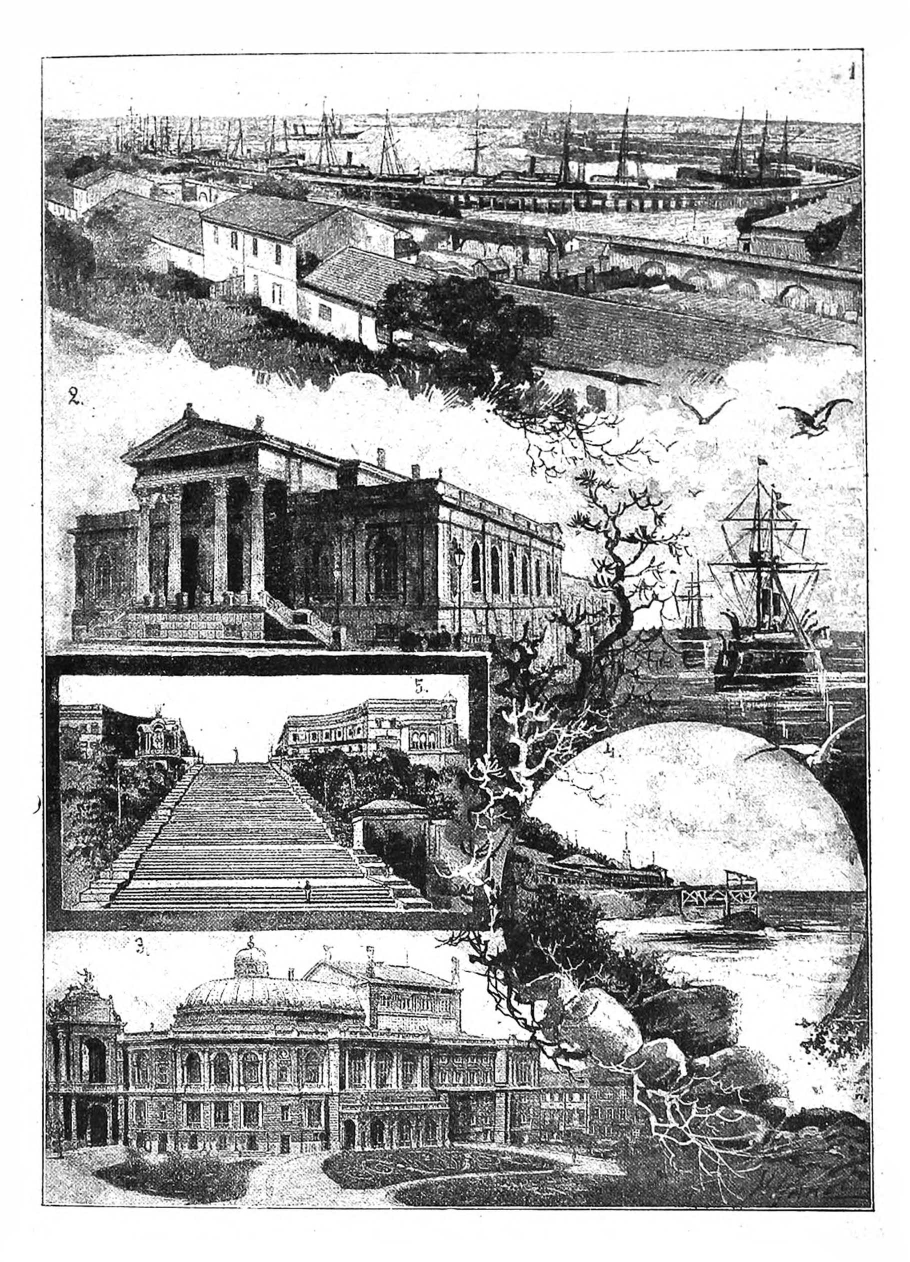
Между малоросами встрѣчаются типы совершенно татарскіе и въ то же время у крымскихъ татаръ малорусскіе. Вообще, малороссkій типъ не чуждъ восточной примѣси и не удивительно. Не говоря о кочующихъ народахъ княжескаго періода: печенѣгахъ, половцахъ и другихъ, которые могли осѣдать въ краѣ, здѣсь, на Украйнѣ, поселились торки, берендеи, черные клобуки. Затѣмъ, постоянные набѣги татаръ, уводъ женщинъ въ плѣнъ не могъ не вліять на типъ малороссовъ и татаръ. Кромѣ этого восточнаго вліянія сказалось еще и южно-славянское и румынское вліяніе.

Физіономія малоросса серьезна и даже сурова, хотя выраженіе лица у малороссихъ женщинъ большей частью мягкое, привѣтливое съ нѣсколько грустнымъ оттѣнкомъ. Малороссъ говоритъ обыкновенно медленно, лаконически, хотя женщины этимъ качествомъ не отличаются: они говорливы.

Умъ малоросса воспринимаетъ медленно, но за то усвояетъ воспринятое прочно и затѣмъ развиваетъ его серьезно и даже глубоко. Малоросса можно назвать глубокомысленнымъ. Онъ весьма способенъ къ умозрительной дѣятельности, къ логическому мышленію.

Напрасно обвиняютъ малоросса въ апатичности, безчувственности. Чувствительность ихъ, особенно женщинъ, весьма замѣчательна. Грустный разсказъ, грустная пѣсня всегда вызоветъ рядъ глубокихъ вздоховъ и не одну горячую слезу сочувствія страждущему. Климатъ и природа расположили малоросса къ чувствительности и эта чувствительность отразилась на всѣхъ сторонахъ его жизни. Чувство и воображеніе создали богатую поэзію и музыку малоросса, которая получила громкую извѣстность. Дѣйствительно, малороссская пѣсня прекрасна, какъ по содержанію, такъ и по мелодіи.

Здѣсь-то сказалось все различіе въ характерѣ обоихъ племенъ великороссовъ и малороссовъ. Въ великорусскихъ пѣсняхъ прославляется преимущественно сила воли, разгулъ, часто слышится вопль отчаянія, словомъ сильные моменты души. Отъ того такъ имъ нравятся разбойничьи пѣсни. Великорусская поэзія часто стремится въ об-



Одесса.

1) Главный портъ. 2) Публичная библіотека. 3) Городской театръ. 4) Малый фонтанъ. 5) Лѣстница на Николаевскомъ бульварѣ.

ласть необъятнаго, выходящаго изъ границъ естественнаго: историческія воспоминанія сейчасъ обращаются въ эпосъ и превращаются въ сказку, тогда какъ, напротивъ, въ пѣсняхъ южнорусскаго племени поэзія болѣе удерживаетъ дѣйствительность—и часто не нуждается въ возведеніи дѣйствительности до эпоса. Въ великорусскихъ пѣсняхъ есть тоска, раздумье, но нѣтъ той мечтательности, которая такъ плѣняетъ насъ въ малорусскихъ пѣсняхъ. Участіе природы въ южнорусскихъ пѣсняхъ сильнѣе и поэтичнѣе, чѣмъ въ великорусскихъ Южнорусская поэзія нераздѣльна отъ природы, она оживляетъ ее, дѣлаетъ участницей радостей и горя человѣческой души: травы, деревья, птицы, животныя, небесныя свѣтила, утро, вечеръ, зной и снѣгъ — все дышетъ, мыслитъ, чувствуетъ вмѣстѣ съ человѣкомъ, все откликается ему чарующимъ голосомъ, то участія, то надежды, то приговора. Женщина въ великорусскихъ пѣсняхъ является чаще всего существомъ матеріальнымъ, рѣдко любовь цѣнитъ въ ней нравственныя достоинства, а чаще внѣшнюю красоту. Южнорусская женщина является въ поэзіи, напротивъ, существомъ духовно-прекраснымъ, нравственныя качества ея ставятся выше тѣлесной красоты.

Что касается языка малороссовъ, то онъ нѣжнѣе и благозвучнѣе русскаго. Русское „ы“, напр., звучитъ для малоросса чрезвычайно грубо, трудно для произношенія, а потому замѣняется звукомъ, составляющимъ нѣчто среднее между „ы“ и „и“. Кромѣ этого средняго звука малороссы имѣютъ еще мягкое „і“, являющееся обыкновенно на мѣстѣ нашего „ѣ“, напримѣръ, хлібъ, вікъ, дідъ... Послѣ нѣжности и благозвучія характерную черту языка составляетъ обиліе словъ польскихъ и татарскихъ. Эти слова вошли въ языкъ еще въ то время, когда малороссы находились къ нимъ въ близкихъ отношеніяхъ. Многіе писатели: Тарасъ Шевченко, Марко-Вовчокъ и др. своими прекрасными сочиненіями доказываютъ, что языкъ малороссовъ очень богатъ.

Та же чувствительность сказалась въ любви малороса къ природѣ. Селенія ихъ покрыты садами, каждый желаетъ имѣть около дома хотя нѣсколько плодовыхъ деревьевъ и кустовъ и хоть самые обыкновенные цвѣты. Дѣвушки украшаютъ голову цвѣтами, за образами—цвѣты.

Переходя къ характеристикѣ нравственныхъ качествъ малоросса, мы не можемъ не упомянуть о томъ, что его считаютъ скрытнымъ и хитрымъ. Его склонность къ умозрѣнію создала въ немъ сосредоточенность и эта-то сосредоточенность, обдуманность привела къ заключенію о его скрытности. Правда, историческія обстоятельства и гоненія должны были породить въ немъ недовѣрчивость и скрытность.

Допуская послѣднее, мы не можемъ признать ихъ хитрыми. Скорѣе ихъ слѣдуетъ признать чистосердечными. Въ своихъ отношеніяхъ они просты, искренни и добродушно-наивны. Честность ихъ вошла въ пословицу. До послѣднихъ поръ малороссы, уходя на работу, не запирали своихъ жилищъ. На воровство они смотрятъ, какъ на громадное преступленіе, у нихъ даже нѣтъ слова воръ, вмѣсто него они говорятъ „злодій“.

Наконецъ, чувствительность малоросса проявилась въ трогательной привязанности малоросса къ родинѣ, покинувъ которую, онъ постоянно тоскуетъ и томится.

Что касается торговой предпріимчивости, то малороссъ положительно лишенъ ея. Она требуетъ бойкости, быстрой смѣтки и умѣнья пользоваться обстоятельствами. Все это качества, которыхъ лишенъ малороссъ. Стоитъ посмотрѣть малоросса на ярмаркѣ, онъ не зазываетъ покупщиковъ, и даже, когда его спрашиваютъ, отвѣчаетъ какъ-бы не хотя. Онъ держится своей цѣны... И здѣсь, какъ и во многомъ другомъ, женщина стоитъ выше вслѣдствіе своей подвижности. Малороссійскія торговки весьма бойки и смѣтливы. У казаковъ Полтавской и Черниговской губерній, имѣющихъ лавки, обыкновенно торгуютъ женщины.

Вообще же говоря, торговля находится здѣсь въ рукахъ великороссовъ и евреевъ. Въ Малороссіи образовался особый типъ торговцевъ—разносчики, которые разносятъ и развозятъ товары по деревнямъ, хуторамъ и селамъ всей Малороссіи отъ австрійской границы до рѣки Дона. Яркіе платки и ситцы, дешевые колечки и серьги, дешевыя книжки, картинки и другія вещи, сдѣланныя въ центральныхъ великорусскихъ губерніяхъ, предлагаетъ бойкій торговецъ-разносчикъ и за товаръ свой получаетъ обыкновенно не деньги, а разные предметы, накопившіеся въ хозяйствѣ малоросса, какъ напр., перья, пухъ, щетину, овечьи шкуры, масло, сало, медъ, воскъ. Все это, накопляясь по-немногу, переходитъ отъ мелкихъ торговцевъ къ крупнымъ и потомъ отправляется на фабрики и заводы, или же идетъ заграницу. При такомъ способѣ торговли, когда купецъ самъ долженъ явиться со своимъ товаромъ, огромное значеніе въ малороссскомъ быту получили **ярмарки**. Крупные купцы и фабриканты привозятъ въ извѣстные сроки товары на ярмарку, откуда мелкіе торговцы мигомъ разбѣгаются съ ними во всѣ стороны, разнося и развозя ихъ по крестьянскимъ щеголямъ и щеголихамъ всей Малороссіи, разсовывая свой товаръ повсюду по мелочи, соблазняя покупателей удобствомъ и дешевизной покупки. Ходебщики и ярмарки соста-

Малороссійскіе типы:—Кобзарь и лирникъ.

вляютъ необходимое слѣдствіе домосѣдства малороссовъ и ихъ преданности исключительно сельской, тихой жизни. Имъ не нужно хлопотать, не нужно тащиться за десятки или сотни верстъ, чтобы пріобрѣсти необходимыя вещи, или сбыть продукты своего хозяйства. Купецъ и товаръ явятся, да еще и за товаръ расплачиваться съ ними удобнѣе—натурой. Этотъ способъ вполнѣ подходитъ къ характеру малороссовъ, почему нигдѣ нѣтъ такого множества ярмарокъ, какъ въ Малороссіи: въ одной Харьковской губерніи ихъ бываетъ болѣе 400 въ году, но главныхъ 11. Въ Харьковѣ четыре: Крещенская, Троицкая, Успенская, Покровская, въ Полтавѣ—Ильинская, въ Ромнахъ—Масляная и Вознесенская; въ Курскѣ—Коренная, въ Королевцѣ—Крестовоздвиженская, въ Елизаветградѣ — Георгіевская и въ Сумахъ—Введенская. Кромѣ нихъ замѣчательна Крещенская или Контрактовая ярмарка въ Кіевѣ и Бердичевскія.

Малороссійскія ярмарки отличаются отъ Великороссійскихъ: онѣ стоятъ на мѣстѣ цѣлую недѣлю или двѣ, а иногда больше и возобновляются въ одномъ пунктѣ до шести разъ въ годъ, переходя въ промежуточное время на другіе пункты, такъ что ярмарки образуютъ, какъ-бы подвижной рынокъ.

Другой типъ, который характеризуетъ малороссійскую торговлю, это—чумаки. Чумаками называются малороссіяне, отправляющіеся на волахъ въ Крымъ за солью къ морямъ Азовскому и Черному за рыбой, откуда они разводитъ соль и рыбу по украинскимъ ярмаркамъ.

За малороссами слѣдуютъ великороссы, разныя южно-славянскія національности, румыны, нѣмцы; есть и армяне, греки, даже итальянцы и шведы. Такая разноплеменность объясняется очень просто. Россія пріобрѣла громадныя пространства, очень плодородныя, мало, или даже совсѣмъ ненаселенныя. Въ интересахъ ея было развить здѣсь жизнь, колонизировать завоеванныя земли. Такъ, началась колонизація края, въ которой громадное значеніе имѣло само правительство. Оно основывало многочисленные города, села, деревни, слободы, мѣстечки и т. д., вызывало въ нихъ жителей. Была и частная иниціатива.

Всѣ земли, предназначавшіяся для заселенія, дѣлились на двѣ части: казен-

ныя или государственныя и частныя или помѣщичьи. Сообразно съ этимъ и все русское населеніе можетъ быть раздѣлено на двѣ большія группы: 1) свободныхъ поселянъ, жившихъ въ государственныхъ слободахъ и деревняхъ, или вообще на государственныхъ земляхъ; они принадлежали частью къ велико-русской, частью къ малорусской народности; одни изъ нихъ добровольно являлись по собственному желанію или по вызову правительства, другіе были приведены сюда правительствомъ, третьи убѣжали отъ своихъ господъ; 2) владѣльческихъ, помѣщичьихъ крестьянъ великороссскаго и малороссскаго происхожденія, садившихся на земляхъ частныхъ лицъ и вступавшихъ къ нимъ въ извѣстныя, зависимыя отношенія.

Между великороссами слѣдуетъ отмѣтить старообрядцевъ. Наиболѣе крупный центръ ихъ въ Черниговской губерніи, гдѣ они населяютъ нѣсколько слободъ, такъ называемое „Стародубье", представляя собой потомковъ бѣжавшихъ сюда изъ Россіи въ XVII вѣкѣ раскольниковъ.

Подольскій румынъ

Съ пріобрѣтеніемъ Новороссіи правительство начало стремиться привлечь раскольниковъ сюда разными льготами, въ чемъ и успѣло очень много. Старообрядцы основали въ новомъ краѣ нѣсколько селеній, въ настоящее время они живутъ то въ большемъ, то въ меньшемъ количествѣ по всѣмъ губерніямъ.

Кромѣ старообрядцевъ мы находимъ въ описываемыхъ областяхъ и сектантовъ-духоборовъ, къ которымъ нѣкоторое время относились очень благосклонно, желая заселить пустынныя пространства.

Духоборы были поселены на основаніи манифеста Императора Александра I 1802 г. на рѣкѣ Молочной. Имъ было отведено въ полную собственность значительное количество земли, а кромѣ того за ничтожную плату предоставлены въ аренду участки ногайскихъ земель и дана пятилѣтняя льгота отъ податей. Не удивительно, что духоборческія селенія скоро стали выдѣляться среди сосѣдей своею зажиточностью. Духоборы на рѣкѣ Молочной нашли себѣ тихое пристанище послѣ тѣхъ испытаній, какія имъ пришлось вытерпѣть раньше.

Съ двадцатыхъ годовъ XIX столѣтія переселились въ Новороссію Молокане (изъ Тамбовской и Астраханской губерній) и основали здѣсь нѣсколько селеній, которыя также отличались зажиточностью, благодаря, главнымъ образомъ, господствовавшему между ними единодушію. Всѣ эти раскольники и сектанты живутъ замкнуто, почти не сообщаясь съ окружающими.

Великороссы сохранили общій типъ тотъже, какъ и въ коренныхъ великороссскихъ губерніяхъ, тѣже взгляды и обычаи, почти тѣже занятія.

Въ составъ населенія еще входятъ потомки колонистовъ-иностранцевъ. Правительство стремилось къ быстрому заселенію недавно пріобрѣтеннаго пустыннаго края и употребляло для достиженія этой цѣли всевозможныя средства. Понятно дѣло, что оно не могло не остановиться на мысли вызвать различными льготами иностранныхъ поселенцевъ. Россія въ то время не обладала большимъ излишкомъ населенія; при естественномъ движеніи одного русскаго населенія къ югу, коло-

ТИПЫ ЮГО-ЗАПАДНАГО КРАЯ.

Молдаване.—Цыгане.—Татары.—Евреи.

низаціонный процессъ значительно-бы замедлился. Съ другой стороны, можно было надѣяться, что иностранцы внесутъ въ новый край болѣе высокую, современную культуру, матеріальную и умственную и благотворно воздѣйствуютъ на туземное населеніе. Таковы были важнѣйшія мотивы для поощренія иноземной колонизаціи.

Началась послѣдняя по иниціативѣ правительства, которое вызывало колонистовъ и заботилось объ ихъ устройствѣ. Но внутреннія черты этого устройства опредѣлялись не только указами правительства, но и ихъ бытовыми нормами, выработанными на прежнихъ мѣстахъ жительства; въ этомъ отношеніи иностраннымъ поселенцамъ была предоставлена полная свобода.

Скажемъ прежде о славянскихъ колонистахъ: сербахъ, болгарахъ, чехахъ и др. Вызовъ ихъ въ южную Русь начался съ Петра I и, продолжаясь въ послѣдующія царствованія, при Елизаветѣ Петровнѣ достигъ значительныхъ результатовъ. Явившіеся тогда поселенцы основали двѣ провинціи: Новосербію (въ сѣверной части Херсонской губерніи) и Славяно-Сербію (въ сѣверо-восточной части Екатеринославской губ.). Впрочемъ, нужно сказать, что въ провинціяхъ жили далеко не одни сербы, но и черногорцы, молдаване, болгары, великороссы-старообрядцы, малороссы, поляки и т. д. Новымъ поселенцамъ отводились въ вѣчное и потомственное владѣніе удобныя земли, и кромѣ того давалось денежное жалованье и предоставлялось право безпошлинныхъ промысловъ и торговли. Подобнаго рода льготы привлекли на новыя земли колонистовъ. Къ сожалѣнію, не всегда обращалось должное вниманіе на качества поселенцевъ, почему среди нихъ часто попадались простые авантюристы, которые, какъ говорится, не имѣли ни гроша за душой, которыхъ влекла на новыя мѣста одна матеріальная выгода и желаніе испытать счастье на чужой сторонѣ, которые сами не могли принести никакой пользы краю. Это было исправлено лишь манифестомъ отъ 20 февраля 1804 г., которымъ предъявлялся къ желающимъ переселиться въ Россію извѣстный нравственный и матеріальный цензъ: они должны были представить свидѣтельство отъ магистратовъ о своемъ хорошемъ поведеніи, должны имѣть или наличными деньгами, или товарами на 300 гульденовъ и т. д. На основаніи этихъ правилъ и производилось дальнѣйшее колонизаціонное движеніе.

Среди колонистовъ-иностранцевъ едва-ли не первое мѣсто занимаютъ нѣмцы, а среди нихъ меннониты, придерживающіеся анабаптистскаго ученія. Они выѣхали изъ Пруссіи въ 1789 г. и заключили съ правительствомъ особый договоръ. На основаніи его они получали: свободу вѣроисповѣданія, десятилѣтнюю льготу отъ всякихъ податей, освобожденіе отъ подводъ, работъ, постоевъ и военной службы, подводы до мѣста назначенія, извѣстную сумму на путевые расходы, ссуду въ размѣрѣ 500 руб. на семью, сѣмена для посѣва, право заводить фабрики, заниматься торговлей, вступать въ гильдіи и цехи, по 65 десятинъ земли съ обязательствомъ уплачивать за нее по 15 коп. по истеченіи льготнаго періода, наконецъ, лѣсъ на постройку. Земли имъ были отведены въ нынѣшней Екатеринославской губерніи на правомъ берегу Днѣпра съ островомъ Хортицей, гдѣ они основали 8 деревень. Послѣ имъ продолжили льготный срокъ еще на 10 лѣтъ (Кіевская Стар. 1889, б. 121). Такимъ образомъ, меннониты были поставлены въ исключительныя условія, они получили такія льготы, о которыхъ не могли и мечтать русскіе поселенцы, — эти обиженные представители господствующаго племени. — Переселялись въ Россію и другіе нѣмцы, напр., ямбургскіе, данцигскіе и другіе, также на очень выгодныхъ для нихъ условіяхъ. Благодаря сильной поддержкѣ русскаго правительства нѣмецкіе колонисты успѣли укрѣпиться на новой и не всегда благопріятной для нихъ почвѣ. Самою удачною нужно признать колонію меннонитовъ, такъ какъ ихъ колоніи достигли самаго цвѣтущаго состоянія. Важную роль въ этомъ дѣлѣ играли два обстоятельства: 1) что они были образцовыми хозяевами и у себя на родинѣ; 2) что переселились только зажиточные семейные люди съ имуществомъ и даже скотомъ.

И въ нравственномъ отношеніи меннониты стоятъ выше всѣхъ другихъ. Меннониты составляютъ братство, руководимое причтомъ церковнымъ изъ избранныхъ декановъ, духовныхъ учителей и старшихъ, которые строго наблюдаютъ за нравственностью и благосостояніемъ прочихъ членовъ общины. Поэтому колонисты-меннониты отличаются примѣрною нравственнотью, а взаимная поддержка дѣлаетъ ихъ богатыми. Когда, напр., найдется въ колоніи накопившійся капиталъ, они не упустятъ случая купить землю въ складчину и дѣлятъ ее, отдавая преимущество менѣе состоятельнымъ.

Нѣмцы-лютеране стоятъ ниже. Довольно въѣхать въ колонію, чтобы узнать, живутъ-ли здѣсь меннониты или лютеране. У послѣднихъ нѣтъ той аккуратности, чистоты, болѣе свободы въ обычаяхъ и нравахъ, менѣе зажиточны. Еще ниже католики. По воскресеньямъ въ ихъ колоніяхъ буйство, пьянство, драки, такъ что русскіе мужики дивятся.

Домашній бытъ всѣхъ ихъ сравнительно съ русскими крестьянами можно назвать роскошнымъ. Наружный видъ колоній отличается отъ другихъ заселенныхъ мѣстъ и онѣ могутъ назваться образцовыми фермами. Разведенные сады, рощи, прекрасные повсюду кирпичныя строенія, цвѣтники предъ домами, чистота и опрятность, — отличныя земледѣльческія орудія бросаются въ глаза всякому. Жилыя комнаты отштукатурены, выбѣлены, у богатыхъ встрѣчаются диваны и прочая городская мебель... Одежда, пища ихъ лучше... Но хотя они и искусные хозяева, но на хозяйство сосѣдей не оказали вліянія, такъ какъ живутъ замкнуто, не оказываютъ сближенія и до сихъ поръ не говорятъ по русски. Такимъ образомъ, расходы и желаніе правительства, чтобы нѣмецкіе колонисты были руководителями и образцами въ хозяйствѣ оказались напрасными и эти колоніи надолго останутся прусскими, вюртембергскими и иными пятнами въ Новороссіи. Видное мѣсто среди иностранныхъ колонистовъ занимаютъ молдаване. Начало ихъ переселенія относится еще къ царствованію Елизаветы Петровны. Подробнѣе о молдаванахъ скажемъ въ другомъ мѣстѣ, когда будемъ говорить о населеніи Бессарабіи.

Греческая колонизація началась усиленно съ 1779 г., когда переселилось ихъ болѣе 20,000 человѣкъ. На основаніи жалованной грамоты имъ была отведена для поселенія земля въ Азовской губерніи, даны льготы— исключительное право рыбной ловли, казенные дома, свобода отъ воинской повинности и т. д. Льготы и послѣ привлекли не мало выходцевъ съ Архипелага.

Вмѣстѣ съ греками стали селиться армяне, имѣя въ виду преимущественно заниматься торговлей. Еврейская колонизація сдѣлала замѣтные успѣхи въ Новороссіи. Переселеніе ихъ началось сюда изъ Западной Россіи и Польши съ 1769 г. послѣ того, какъ было снято прежнее запрещеніе селиться.

Особенно много евреевъ въ губерніяхъ описываемаго края, которыя входятъ въ черту ихъ осѣдлости. Они составляютъ въ Бессарабской губерніи 12% общаго населенія, въ Волынской—14,9%, Екатеринославской—3,2%, Кіевской—14,6%. Подольской—18,7%, Полтавской — 3,5%, Таврической— 2,5%, Херсонской — 9,5%, Черниговской— 4,4%. Здѣсь они могутъ жить безъ всякаго ограниченія, въ прочихъ же мѣстностяхъ имперіи разрѣшено жить только тѣмъ, которые состоятъ купцами первой гильдіи, получили высшее образованіе или, занимаясь ремеслами, приписаны къ цеху.

Интересна въ исторіи еврейской колонизаціи попытка основать еврейскія земледѣльческія колоніи. На устройство этихъ колоній правительство израсходовало крупную сумму, съ 1807 по 1812 г. на нихъ было истрачено около 350,000 руб., но результаты получились самые плачевные: земледѣліе у нихъ развивалась очень плохо, всѣ они стремились въ города, чтобы заниматься мелочной торговлей, ремеслами и т. п. По словамъ очевидца Пигичевича подъ ихъ деревни отведено много земли, но земледѣльцы они плохіе. „Видѣть какъ они пашутъ, говоритъ онъ, смѣху достойно. Возлѣ воловъ, запряженныхъ въ плуги, стоитъ куча жидовъ, всякій кричитъ, всякій понуждаетъ. Воловья тихость съ жидовской опрометчивостью не сходна. Плугъ тронется съ мѣста и кидается во всѣ стороны поверхъ земли. Жиды, не умѣя дать ему надлежащаго направленія, чтобы придать ему тяжесть, садятся на плугъ и опрокидываются. Оканчивается все это тѣмъ, что приходитъ нѣсколько жидовокъ, имѣя каждая по чулку въ рукахъ, и какими-либо домашними кляузами займутъ всю „честную компанію". Воловъ въ это время никому и въ голову не придетъ выпречь такъ и день пройдетъ. Изъ ихъ селеній выйдутъ современемъ родъ мѣстечекъ, въ которыхъ есть всякіе мастеровые; могутъ они жить разными оборотами, отдавать свои земли въ наймы, но не будутъ никогда хлѣбопашцами" (Кіевск. Стар. 1889, т. 128...). Этотъ отзывъ подтверждается и оффиціальными данными, заключенными въ капитальномъ сочиненіи г. Никитина: „Евреи земледѣльцы". Всѣ колоніи ихъ находятся въ бѣднѣйшемъ состояніи.

Наконецъ, цыгане дополняютъ собой пеструю картину населенія края, но о нихъ подробнѣе скажемъ, когда будемъ говорить о Бессарабіи.

Рѣка Днѣстръ служитъ естественной границей между Новороссійскими губерніями и Бессарабіей. Послѣдняя, по своему этнографическому составу, отличается отъ сосѣднихъ губерній вслѣдствіе нѣсколько иныхъ историческихъ условій, въ которыхъ она находилась.

Страна, называющаяся Бессарабіей, въ отдаленныя времена занимала гораздо большее пространство, чѣмъ нынѣ. Ее заселяли, одинъ за другимъ, разные народы: киммерійцы, скифы, геты, римляне, гунны, болгары, татары, турки и др. Они владѣли то всей страной, то частью. Такимъ образомъ, нынѣшняя Бессарабія то дробилась, то цѣликомъ входила въ составъ земель разныхъ государствъ, переходя изъ рукъ въ руки, пока не освободилась отъ турецкаго ига и не вошла въ составъ русской имперіи. Слѣды великихъ войнъ, происходившихъ здѣсь, сохраняются въ настоящее время въ курганахъ, насыпяхъ, валахъ и проч.

Русскій императоръ Петръ Великій первый ввелъ въ 1719 году свои войска въ Бессарабію и занялъ ея сѣверныя части, но, какъ извѣстно, его походъ кончился не удачно. Въ послѣдующія войны съ Турціей Россія, мало-по-малу, подвигалась къ Черному морю и на юго-западъ до Дуная, пока по мирному договору 16 мая 1812 года не пріобрѣла земли между Прутомъ, Днѣстромъ и Дунаемъ. Завоевавъ Бессарабію, Россія постаралась упрочить въ ней порядокъ и дать ей благоустройство. Богатство природы, сосѣдство Одессы, Молдавіи привлекли сюда много инородцевъ, особенно грековъ и армянъ; явилось много великороссовъ и малороссовъ, чтобы заниматься земледѣліемъ. Но въ 1856 г. южная часть Бессарабіи отошла Малдавіи. Бессарабія, какъ она есть, въ настоящемъ видѣ явилась по окончаніи послѣдней русско-турецкой войны съ 1878 г.

Населеніе Бессарабіи (1.933,436) очень пестро: молдаване, русины, великороссы, малороссы, поляки, нѣмцы, армяне, болгары, греки, сербы, евреи, цыгане и др., каждая изъ этихъ народностей имѣетъ своихъ представителей, но господствующее населеніе Бессарабіи, почти 3/4 ея жителей—молдаване.

Молдаванинъ простолюдинъ имѣетъ характеръ испорченный порабощеніемъ, чуждый энергіи и удали, но склонный къ широкой дѣятельности. Онъ тихъ и, подобно малороссу, скрытенъ, но въ молдаванинѣ его южная натура выражается порывами пылкости, мстительности, самолюбія; послѣднее въ немъ гораздо щекотливѣе, чѣмъ въ сѣверномъ жителѣ; впрочемъ, вообще простолюдинъ добръ и сострадателенъ къ ближнему, съ которымъ часто готовъ дѣлиться послѣднимъ. Щедрая природа, роскошно вознаграждая труды земледѣльца въ здѣшнемъ краѣ, дѣлаетъ молдаванина лѣнивымъ и безпечнымъ. Причину безпечности слѣдуетъ искать и въ томъ обстоятельствѣ, что въ прежнее безпокойное время турецкаго владычества, румыны ничѣмъ не были обезпечены въ охраненіи собственности, вслѣдствіе чего и не старались пріобрѣтать ее.

Наружность молдаванина - простолюдина носитъ на себѣ слѣды южнаго происхожденія, смягченные славянскимъ типомъ. Молдаванинъ обыкновенно выше средняго роста и сухощаваго, мускулистаго тѣлосложенія, чаще имѣетъ темный цвѣтъ волосъ, выразительную физіономію, темныя глаза, густые брови... Движенія ихъ вялы, неуклюжи, походка медленная, тяжелая,—грудь и шея у нихъ всегда открыты. Большею частью молдаване-простолюдины носятъ длинные до плечъ волосы, а бороду брѣютъ. Молдаванки чаще выше средняго роста, стройны, съ густыми темными волосами. Лицо не отличается правильностью, у нея низкій лобъ, замѣтно выдающіяся скулы, острый носъ. Смуглый цвѣтъ кожи, темные, блестящіе, полные огня глаза, граціозныя движенія, то лѣнивыя, то быстрыя и порывистыя, придаютъ молдаванкѣ много прелести, свойственной почти исключительно женщинамъ юга; но за то, какъ южныя женщины, молдаванки скоро старѣются и часто женщина въ 30 лѣтъ теряетъ всю граціозность, всю прелесть молодости. Молдаванка по природѣ добра, но нрава пылкаго и ея южная натура рѣзче выражается въ крайностяхъ женскаго характера, чѣмъ у великорусскихъ женщинъ, Женщина-поселянка предоставлена самой себѣ, вслѣдствіе безпечности мужа, всегда дѣлается расчетлива, бережлива. Скромная, послушная и покорная мужу, какъ главѣ

семейства, она не уживается съ посторонними. Вотъ почему здѣсь, какъ и въ Малороссіи, женатый поселянинъ тотчасъ отдѣляется отъ родныхъ, часто въ ущербъ своему собственному благосостоянію.

Въ семейномъ быту господствуетъ патріархальное подчиненіе главѣ семейства.

Молдаване всѣ православнаго исповѣданія; очень набожны, строго соблюдаютъ посты и всѣ религіозные обряды, хотя часто не понимаютъ ихъ значенія.

Всѣ они большіе охотники до музыки и пляски. Ни одна свадьба, ни одинъ праздникъ не обойдется безъ вина, музыки и танцевъ. Любимый народный танецъ—джогъ, нѣчто въ родѣ хоровода. Его танцуютъ становясь въ кругъ мужчины и женщины вмѣстѣ, держась за руки, подъ звуки унылой и тоскливой музыки ходячаго артиста, кобзаря цыгана, вторящаго себѣ свистомъ.

У молдаванъ мы находимъ много пѣсенъ, слогъ нѣкоторыхъ цвѣтистъ и роскошенъ, какъ ихъ природа, но многія пѣсни отличаются безсмысленнымъ наборомъ словъ. Молдаванская пѣснь грустнаго напѣва. Но это не грусть могучей, широкой натуры, выражающейся въ напѣвѣ великорусской пѣсни не тоскливый, трогающій душу и вызывающій слезы мотивъ украинской пѣсни, это напѣвъ безъисходнаго горя, убитаго самолюбія

Цыгане въ Бессарабіи очень многочисленны. Сюда привлекали ихъ издавна благодатный климатъ и богатыя кочевья.

Цыгане въ Бессарабіи — православные, весьма немногіе не придерживаются никакой вѣры. По образу жизни они раздѣляются на три класса: **ватросъ** (ватра-очагъ) живутъ въ услуженіи или промышляютъ музыкой, къ которой очень способны; **лингуры** (лингуръ-ложка) живутъ часто осѣдло, а больше перекочевываютъ по лѣснымъ мѣстамъ, гдѣ занимаются выдѣлкой деревянной посуды, и **урсары** (урсу—медвѣдь) кочуютъ въ своихъ кибиткахъ, занимаются кузнечнымъ ремесломъ и воровствомъ, а также промышляютъ обманомъ.

Въ Бессарабіи цыгане называются также „лаеши“, что значитъ злой, лѣнивый, безчестный. Большинство бессарабскихъ цыганъ кочуютъ и находятся на низкой ступени развитія, мало чѣмъ отличающейся отъ дикихъ народовъ. Отъ земледѣлія они убѣгаютъ съ какимъ-то боязливымъ отвращеніемъ; попрошайничество подъ окнами осѣдлыхъ домохозяевъ, воровство и мелочной обманъ — единственное средство къ существованію. Только небольшая часть ихъ занимается какими-нибудь ремеслами, какъ напримѣръ, живущіе въ Кишиневѣ почти всѣ кузнецы; у многихъ копѣйка, добытая различными нечестными путями, расходуется преимущественно на пьянство. Одежда у такихъ цыганъ не считается необходимостью: взрослые мужчины и женщины ходятъ совершенно въ лохмотьяхъ, а дѣти лѣтъ до 14 совершенно нагія. На осѣдлость смотрятъ, какъ на сильное для нихъ притѣсненіе.

Въ Кишиневскомъ, Ясскомъ и Оргѣевскомъ уѣздахъ есть нѣсколько деревень, въ которыхъ живутъ осѣдло вольные цыгане и представляютъ собой рѣдкій примѣръ прочной осѣдлости этого бродячаго племени. Самое лучшее изъ цыганскихъ селеній есть Миклеушены, расположенные въ 36 верстахъ отъ Кишинева.

Прочія народности края ведутъ такой же образъ жизни, какъ въ сосѣднихъ губерніяхъ.

Сообразно съ климатическими и почвенными условіями главное занятіе жителей составляетъ земледѣліе. Но, несмотря на всю важность этого занятія, оно не стоитъ на надлежащей высотѣ. Повсюду, особенно въ крестьянскихъ хозяйствахъ, господствуетъ невыгодная трехпольная система, есть переложная, только въ большихъ хозяйствахъ у частныхъ владѣльцевъ можно встрѣтить многопольную систему съ правильнымъ сѣвооборотомъ. Удобреніе долгое время не употребляли и только въ послѣднее время познали нужду его и оно стало вводиться. Но, несмотря на это, несмотря на остающіеся обширные пустыри, этотъ край служитъ житницей Россіи и даже многихъ иностранныхъ государствъ, и хлѣбъ составляетъ одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ нашей заграничной торговли.

На сѣверѣ сѣется преимущественно рожь, какъ для вывоза заграницу, такъ

и для обширнаго винокуренія,—на югѣ же главный хлѣбъ—пшеница, которой здѣсь три сорта: сандомірка, бѣлотурка и арнаутка. Затѣмъ по количеству посѣва слѣдуютъ овесъ и ячмень, греча и просо, свекловица и табакъ.

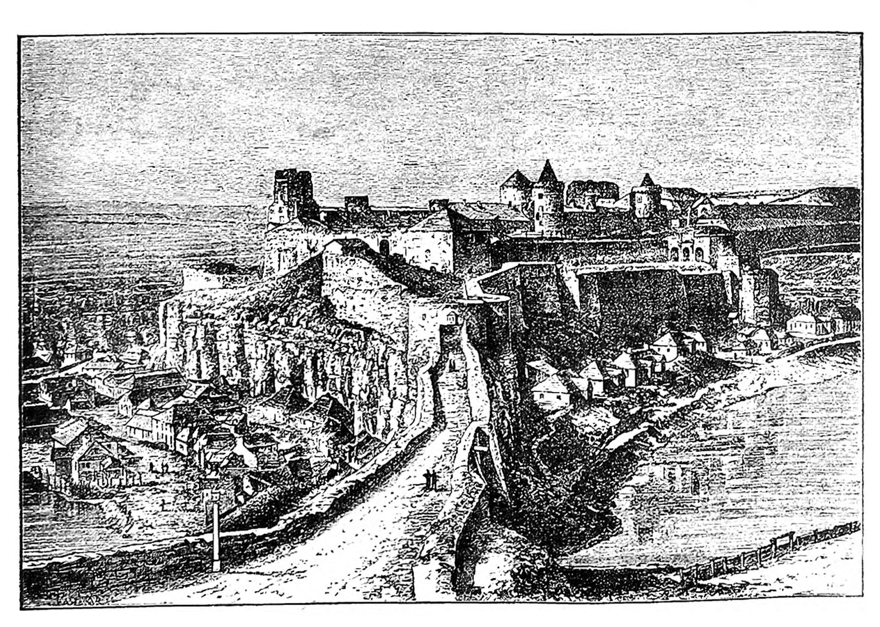
Говоря о земледѣліи нельзя обойти молчаніемъ и враговъ его; это прежде всего сильныя засухи, когда ручьи отъ невыносимыхъ жаровъ исчезаютъ, источники изсякаютъ, а раскаленная земля трескается и травы гибнутъ, о хлѣбѣ же и говорить нечего. Скотъ при такомъ несчастьи, не находя обычной пищи, ѣстъ камышъ, бурьянъ; но такія засухи рѣдки. Хлѣбъ чаще и больше всего страдаетъ отъ сусликовъ и саранчи, особенно въ Новороссійскихъ степяхъ.

Какъ побочныя и вспомогательныя отрасли хлѣбопашества въ этомъ краю развито сахаровареніе, винокуреніе и табачныя плантаціи. (См. Общій очеркъ).

Изъ городовъ описываемаго края замѣчательны слѣдующіе. Начнемъ съ Кіева „матери всѣмъ городамъ“ древней Руси.

Кіевъ (247,000 жителей) на правомъ берегу Днѣпра, почти напротивъ устья Десны. Исторія Кіева болѣе или менѣе извѣстна, такъ что не будемъ распространяться о ней подробно, а лишь напомнимъ главнѣйшіе историческіе факты.—Кіевъ, основанный по лѣтописному преданію тремя братьями Кіемъ, Щекомъ и Хоревомъ, Олегомъ былъ сдѣланъ столицей земли Русской. Съ этого времени начинается его быстрое возвышеніе и онъ начинаетъ играть громадную роль въ жизни Россіи, какъ центръ политической, умственной и религіозной жизни. Здѣсь сидѣли великіе князья, здѣсь началось и отсюда распространялось просвѣщеніе Руси святой вѣрой Христовой. Здѣсь же былъ центръ литературной дѣятельности. Все это привлекало населеніе и городъ сталъ быстро рости.

Значеніе его стало падать, лишь послѣ того, какъ великокняжескій престолъ, а съ нимъ и митрополичья каѳедра, былъ перенесенъ сперва во Владиміръ, а затѣмъ въ Москву. Съ самаго начала Кіевъ подвергался частымъ набѣгамъ и опустошеніямъ разныхъ



Старинная крѣпость въ Каменцѣ.

Кіево-Печерская Лавра.

кочевыхъ сосѣднихъ народовъ: угровъ, печенѣговъ, половцевъ, поляковъ и т. д. Его грабили и свои,—князья, добивавшіеся Кіевскаго престола, и чужіе. Но самымъ великимъ бѣдствіемъ для Кіева былъ разгромъ его войсками Батыя въ 1240 г., когда городъ былъ разрушенъ до тла, такъ что только лѣтъ чрезъ 10 явились поселенцы на это мѣсто, которые возобновили городъ и построили укрѣпленіе на той части Кіева, которая называется „Старымъ Кіевомъ". Въ 1320 г. городомъ овладѣли литовцы, они еще болѣе укрѣпили его и не допускали татаръ въ городъ. Послѣдній сталъ оправляться, на Подолѣ поселились греки, армяне, евреи и завели торговлю.

Литовскіе князья, желая по возможности устранить вліяніе Москвы, учредили въ Кіевѣ митрополичью каѳедру. Съ присоединеніемъ Малороссіи, Кіевъ былъ возвращенъ Россіи и возросъ еще болѣе.

Кіевъ богатъ своими святынями, привлекающими издавна сюда богомольцевъ со всѣхъ концовъ Россіи, не исключая отдаленныхъ мѣстностей Сибири. Особеннымъ уваженіемъ пользуется Кіево-Печерская Лавра съ нетлѣнными мощами святыхъ угодниковъ.

До XVIII в. здѣсь было два монастыря Печерскій и Пустынно-Николаевскій. Въ 1679 г., когда опасались прихода турокъ, московскій воевода князь Черкасскій приказалъ устроить валъ со рвомъ и палисадомъ. Это было началомъ крѣпости, оконченной въ 1726 году по плану Петра В. Въ послѣдствіи при императорѣ Николаѣ I была сооружена первоклассная Кіевопечерская крѣпость.

Въ настоящее время лавра окружена со всѣхъ сторонъ довольно высокой и толстой каменной стѣной, состоитъ изъ четырехъ отдѣльныхъ монастырей, подчиненныхъ митрополиту, носящему званіе священно-архимандрита. Пещеры, въ которыхъ почиваютъ мощи, называются дальними и ближними. Основателями ихъ являются преподобные Антоній и Ѳеодосій (около 1073 г.).

Изъ Кіевскихъ церквей замѣчателенъ соборъ св. Софіи, построенный Ярославомъ Владиміровичемъ въ 1037 г. Здѣсь же находится и его гробница.

Десятинная церковь Богоматери, основанная въ 969 году великимъ княземъ Владиміромъ, въ 1240 г. была разрушена татарами и оставалась въ развалинахъ до 1633 г., когда митр. Петръ Могила выстроилъ новую. При разборкѣ зданія нашли гробницу кн. Владиміра, а послѣ и старый фундаментъ церкви. По волѣ Николая I въ 1828 г. была основана церковь, оконченная въ 1842 г., на прежнемъ фундаментѣ въ старыхъ размѣрахъ. Есть и другія церкви съ историческими воспоминаніями.

На Крещатикѣ, на томъ мѣстѣ, гдѣ крестились при Владимірѣ, поставлена колонна

съ крестомъ и надписью, а напротивъ воздвигнутъ памятникъ Владиміру.

Кіевъ по своему расположенію дѣлится на три части: Печерскую, Старый Кіевъ, Подолъ. Часть города, соединяющая двѣ первыя, называется Крещатикомъ; это лучшая часть города. Въ Печерскѣ находится лавра, живетъ митрополитъ. Гражданское управленіе сосредоточено въ „Старомъ Кіевѣ"; Подолъ населенъ купцами и торговцами. На Крещатикѣ всѣ лучшіе магазины города. Въ Кіевѣ, кромѣ обычныхъ губернскихъ учрежденій, находится управленіе генералъ-губернатора губерній Кіевской, Волынской, Подольской, штабъ Кіевскаго военнаго округа, Университетъ св. Владиміра и Духовная Академія.

Въ городѣ ежегодно бываетъ ярмарка, извѣстная подъ именемъ „Контрактовой". Изъ мѣстныхъ издѣлій пользуются извѣстностью кіевскія варенья и наливки; въ губерніи много заводовъ и фабрикъ (до 812); на пристани производится значительная нагрузка и выгрузка товаровъ.

Послѣ Кіева въ губерніи замѣчателенъ городъ Бердичевъ на рѣкѣ Гнилопяти. По своей величинѣ, населенію (болѣе 53,000) и торговому значенію Бердичевъ долженъ считаться первымъ уѣзднымъ городомъ въ Россіи. Къ этому слѣдуетъ прибавить, что по грязи, неопрятности и вони тоже едва ли найдутся города подобные Бердичеву. Здѣсь можно встрѣтить великолѣпный каменный въ нѣсколько этажей домъ съ самыми отвратительными, невозможными деревянными пристройками и съ дворомъ грязнымъ до непроходимости. Здѣсь не рѣдкость женщина, покрытая жемчугами и коростами, мужчина въ дорогой собольей шапкѣ и въ чулкахъ съ прорванными пятками... Для объясненія этихъ противоположностей довольно сказать, что въ числѣ Бердичевскихъ жителей болѣе 50,000 евреевъ *).

Рѣка Гнилопять, названная вполнѣ справедливо, со своей стороны весьма способствуетъ распространенію зловонія.

Бердичевъ отличается лихорадочной дѣятельностью. Это нѣчто въ родѣ постоянной ярмарки; во время же послѣднихъ не видавши трудно даже себѣ составить понятіе о шумѣ, крикѣ, суетѣ и движеніи, наполняющемъ городъ цѣлыя сутки въ продолженіе 6 дней въ недѣлю. Въ пятницу вечеромъ уличная суета прекращается, но надъ городомъ стоитъ стонъ отъ молящихся евреевъ секты хосиделъ или попросту хусидовъ, къ которымъ принадлежитъ большинство бердичевцевъ. Главными ярмарками являются Онуфріевская (12 іюня) и Успенская (15 августа).

Слѣдуетъ упомянуть о существующихъ въ городѣ подземныхъ ходахъ. Они обложены кирпичами и проложены подъ цѣлымъ городомъ. По большей части они служатъ для разныхъ противозаконныхъ цѣлей. Здѣсь, главнымъ образомъ, скрывали привозимый изъ заграницы контрабандой товаръ. Здѣсь же происходили всякаго рода поддѣлки товаровъ, особенно заграничныхъ. Для этого промышленныя подземелья служили безопасной фабрикой. Поддѣлки, начиная съ винъ и кончая волотыми и серебряными вещами, производятся въ громадномъ количествѣ.

Бердичевскими винами не только дешевыми, но и дорогими снабжаются нѣсколько губерній. Поддѣльное золото и серебро въ монетахъ и вещахъ сбывается въ огромномъ количествѣ. Здѣсь же изъ шелковыхъ матерій выдѣлывается два изъ одного куска, изъ двухъ сортовъ высшаго и низшаго — выдѣлывается новый подъ названіемъ высшаго и т. д. и т. д. Сюда же относится клейменіе и выдѣлка вѣсовъ для евреевъ не только Бердичева, но и сосѣднихъ губерній, составленіе подложныхъ счетовъ, векселей и т. п. Все это практиковалось и практикуется безнаказанно въ большихъ размѣрахъ и покрыто глубокой тайной, благодаря сильной сплоченности еврейской общины.

Умань при рѣкѣ Уманкѣ. Прежде многолюдный и богатый городъ. Имя его занесено въ исторію со времени войнъ за Малороссію. Городъ неоднократно выдерживалъ осаду то тѣхъ, то другихъ и переходилъ изъ рукъ въ руки. Во время возстанія извѣстнаго Желѣзняка здѣсь произошла страшная рѣзня поляковъ и жидовъ, притѣснителей православныхъ; ихъ тогда погибло 18,000 чел. въ одинъ день. Въ настоящее время это одинъ изъ видныхъ торговыхъ городовъ. Жителей 28,600. Замѣчательный ботаническій садъ. Еще встрѣчаются въ губ. Васильковъ (17,800 жителей), Каневъ (1,900 жит.), Родомыслъ (11,000 жит.), Липовецъ (6,000 жит.).

Черниговская губ.—Черниговъ, на правомъ берегу рѣки Десны, принадлежитъ къ числу самыхъ древнихъ въ Россіи городовъ. При договорѣ Олега съ греками въ 907 г. упоминается о Черниговѣ, какъ извѣстномъ и значительномъ городѣ. Въ удѣльный періодъ Черниговъ былъ столицей сильнаго удѣльнаго княжества.

Въ 1239 г. былъ взятъ и сожженъ татарами и существованіе Черниговскаго княжества прекратилось. Въ началѣ XIV в. весь

*) Это по оффиціальнымъ даннымъ, а въ дѣйствительности число евреевъ гораздо болѣе. Полагаютъ, что евреевъ въ Бердичевѣ живетъ до 100,000, но они умѣютъ какъ-то скрывать свое истинное число.

здѣшній край сдѣлался добычей Литвы, въ томъ числѣ и Черниговъ, гдѣ и оставался до присоединенія Малороссіи. Послѣ упраздненія гетманщины въ 1781 г., Черниговъ былъ назначенъ главнымъ городомъ намѣстничества, потомъ губернскимъ городомъ Малороссійской и, наконецъ, Черниговской губ. Несмотря на древность существованія и выгодное положеніе при судоходной рѣкѣ, Черниговъ одинъ изъ бѣднѣйшихъ и малолюдныхъ губернскихъ городовъ, жителей 27,000. Причина объясняется близостью Кіева (132 в.), давно уже сдѣлавшагося центромъ умственной и торговой дѣятельности края.

Стародубъ. Время основанія неизвѣстно, но уже у лѣтописца въ XI в. упоминается о Стародубѣ, какъ значительномъ городѣ Черниговскаго княжества. Жителей 12,000, много раскольниковъ, развившихъ значительную промышленность.

Новгородъ-Сѣверскъ на правомъ берегу Десны. Основаніе приписываютъ вел. князю Владиміру, строившему города по Деснѣ и Сулѣ въ X в. Новгородъ-Сѣверскъ сдѣланъ былъ столицей самостоятельнаго княжества Сѣверскаго. Одинъ изъ князей Сѣверскихъ Игорь Святославичъ сдѣлался извѣстенъ по своему неудачному походу противъ половцевъ, поэтически описанному въ „Словѣ о полку Игоревѣ". По присоединеніи съ Россіей послѣ войнъ за Малороссію и по учрежденіи губерній Новгородъ-Сѣверскъ короткое время считался губернскимъ городомъ отдѣльной губерніи, вошедшей потомъ въ составъ Черниговской. Жителей 9100. Особаго значенія не имѣетъ.

Глуховъ съ 14,000 жит. по обоимъ берегамъ Есмани и Березины. Въ первый разъ названіе встрѣчается подъ 1152 г., когда городъ заняли половцы. Послѣ присоединенія Малороссіи онъ начинаетъ играть роль. Послѣ измѣны Мазепы онъ былъ сдѣланъ главнымъ городомъ всей Малороссіи и резиденціей новаго гетмана. Въ 1722 г. здѣсь была помѣщена малороссійская колонія, въ 1782 г. онъ назначенъ уѣзднымъ городомъ. По своему наружному виду и постройкамъ онъ одинъ изъ лучшихъ городовъ. Между предметами торговли первое мѣсто занимаетъ хлѣбъ и сахарный песокъ. Въ уѣздѣ находится Шостенскій пороховой заводъ.

Королевецъ (Кролевецъ) при рѣкѣ Свидиѣ. Замѣчателенъ по своей ярмаркѣ, имѣющей значеніе для всей украинской торговли. 12,000 жит. Конотопъ получилъ названіе отъ непролазной грязи. Жителей 19,400.

Батуринъ на лѣвомъ берегу Сейма. Построеніе и названіе приписываютъ Стефану Баторію въ XVII в. Баторій, желая привлечь сюда казаковъ, давалъ каждому по червонцу и кожуху (овчинному тулупу). Городъ сталъ расти. Съ 1669 г. при гетманѣ Демьянѣ Многогрѣшномъ Батуринъ дѣлается столицей Малороссіи. Особенно его возвысилъ Мазепа, сильно укрѣпившій городъ. Когда обнаружилась измѣна Мазепы, Петръ приказалъ Меньшикову „достать" городъ, что было не легко, такъ какъ преданные Мазепѣ казаки рѣшили защищаться. Послѣ кровопролитнаго штурма городъ былъ взятъ и разрушенъ до основанія. Чрезъ нѣсколько лѣтъ снова явились жители. Въ настоящее время отъ прошлаго уцѣлѣло немного: слѣды укрѣпленій, развалины дворца Мазепы и Разумовскаго. Жителей около 4,000.

Нѣжинъ (32,000 жит.) на обоихъ сторонахъ рѣки Остра. Во время казацкихъ смутъ и междуусобицъ второй половины XVII в. нѣжинцы бывали и на русской, и на польской сторонѣ, городъ нѣсколько разъ раззоряли. Цвѣтущимъ временемъ для Нѣжина былъ весь XVIII в. Тогда греки, которымъ Богданъ Хмѣльницкій далъ привиллегіи, сильно развили торговлю. Городъ началъ быстро расти и это продолжалось до нашего утвержденія на Черномъ морѣ. Открытіе Таганрога, Одессы сразу подорвало благосостояніе Нѣжина. Въ настоящее время Нѣжинъ довольно большой, хорошо обстроенный городъ, но въ высшей степени грязный. Въ Нѣжинѣ находится высшее учебное заведеніе—Лицей, основанный на капиталъ князя Безбородко.

Полтавская губернія. Полтава. Основаніе города относится къ XII в., когда, какъ полагаютъ, онъ назывался Лтава. Особенно сдѣлался извѣстенъ со времени Полтавскаго сраженія. Съ 1802 г. сдѣлался губернскимъ городомъ. Своимъ значеніемъ обязанъ Ильинской ярмаркѣ, переведенной изъ Роменъ съ 1852 г. Ярмарка начинается съ 10 іюля и продолжается по 10 августа. Одинъ изъ важнѣйшихъ предметовъ торговли—шерсть. Жителей до 53,000.

Кременчугъ, одинъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ судоходства на Днѣпрѣ, соперничаетъ по числу жителей (58,000) съ Полтавой. Лучшій городъ въ губерніи. Главные предметы торговли: соль, хлѣбъ, сало, кожи, сахаръ и др. Здѣсь бываетъ три ярмарки. Самое замѣчательное сооруженіе города и одно изъ чудесъ техническаго искусства въ Европѣ — крытый мостъ чрезъ Днѣпръ длиною въ 450 саженъ; по мосту ходятъ желѣзнодорожные поѣзда изъ Харькова въ Балту.

Ромны — важный торговый пунктъ. На его ярмаркахъ продается товаровъ болѣе, чѣмъ на 2 милліона руб. Жителей 22,500.

Другіе города: Прилуки (19,000), Кобеляки (16,000), Переяславль (14,100), Гадячь (8,000), Лохвица (8,900), Лубны (10,000) Миргородъ (10,000), Золотоноша (18,700) значенія не имѣютъ.

Екатеринославская губернія. — Екатеринославъ по своему значенію принадлежитъ ко второстепеннымъ губернскимъ городамъ· Въ немъ двѣ ярмарки: Петропавловская (съ 20 іюня) и Ивановская (въ сентябрѣ). Главная торговля шерстью. Жителей 121,000.

Таганрогъ (51,000) портовый городъ на берегу Азовскаго моря. Послѣ взятія Азова въ 1696 г. Петръ I на мѣстѣ турецкаго укрѣпленія, называвшагося Таганрогомъ, основалъ русское съ тѣмъ же именемъ. Тогда же приступлено было къ сооруженію гавани. Главное занятіе жителей—заграничная торговля, находится въ рукахъ грековъ.

Павлоградъ (17,100), Никополь (8,000) значенія не имѣютъ.

Херсонская губернія. Херсонъ основанъ въ 1778 г. княземъ Потемкинымъ, который предполагалъ основать здѣсь главный портъ и верфь для черноморскаго флота, но его предположеніямъ не суждено было сбыться. При открытіи губерній въ 1807 г. Херсонъ былъ сдѣланъ уѣзднымъ городомъ и только затрудненія, встрѣченныя при назначеніи губернскимъ городомъ Николаева, заставили сдѣлать имъ Херсонъ. Здѣсь находится много моекъ для промывки шерсти. Жителей (69,000).

Николаевъ портовый городъ при впаденіи р. Ингула въ Бугскій лиманъ. Въ 1789 г. Потемкинъ при устьяхъ Ингула приказалъ построить верфь и основать городъ Николаевъ въ память Очакова, что было 6 декабря, въ день памяти чуд. Николая. Въ настоящее время Николаевъ, застроенный низкими домами, состоитъ изъ цертральнаго квартала, вокругъ котораго группируются военныя предмѣстья. Николаевъ—русскій Тулонъ—имѣетъ, кромѣ казармъ, многочисленныя сооруженія: молы, доки, пристани; верфи тянутся вдоль Ингула. Тысячи рабочихъ населяютъ мастерскія, въ которыхъ приготовляются всѣ желѣзные и деревянные предметы, необходимые для снаряженія кораблей. Плавучій докъ принимаетъ броненосныя суда. Кромѣ своего военнаго значенія Николаевъ ведетъ значительную торговлю хлѣбомъ. Жителей 92,000.

Очаковъ или Кара-Керманъ (Черная Крѣпость) съ 10,000 жителей расположенъ на сѣверномъ берегу Днѣпровско-Бугскаго лимана, можетъ быть разсматриваемъ, какъ передовой постъ Николаева.

Одесса самый значительный торговый городъ южной Руси. На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь раскинулись дворцы, существовала татарская деревня, окружавшая крѣпость Хаджи-Бей.

Въ 1794 г. Одесса получила свое настоящее имя отъ греческой колоніи, основанной на этой части Чернаго моря въ память славнаго Улисса.

Выгодное географическое положеніе, а равно заботы о немъ правительства поставили Одессу въ одинъ изъ первостепенныхъ портовъ. Жителей болѣе 405,00).

Видъ на Одессу съ моря прекрасенъ. Она лежитъ на высотѣ 145 фут. надъ уровнемъ моря, на самомъ высокомъ мѣстѣ степной террасы. Вдоль ряда величественныхъ домовъ по скалистому берегу тянется гулянье, а съ центральной площадки, украшенной статуей герцога Решилее, спускается монументальная лѣстница,

Центральный кварталъ—роскошный городъ съ домами въ итальянскомъ стилѣ съ широкими улицами, окаймленными тротуарами и съ изящными магазинами. Но отъ этого квартала тянутся во всѣ стороны по направленію къ степи, обширныя предмѣстья гдѣ вѣтеръ поднимаетъ облака пыли—этого бича Одессы.

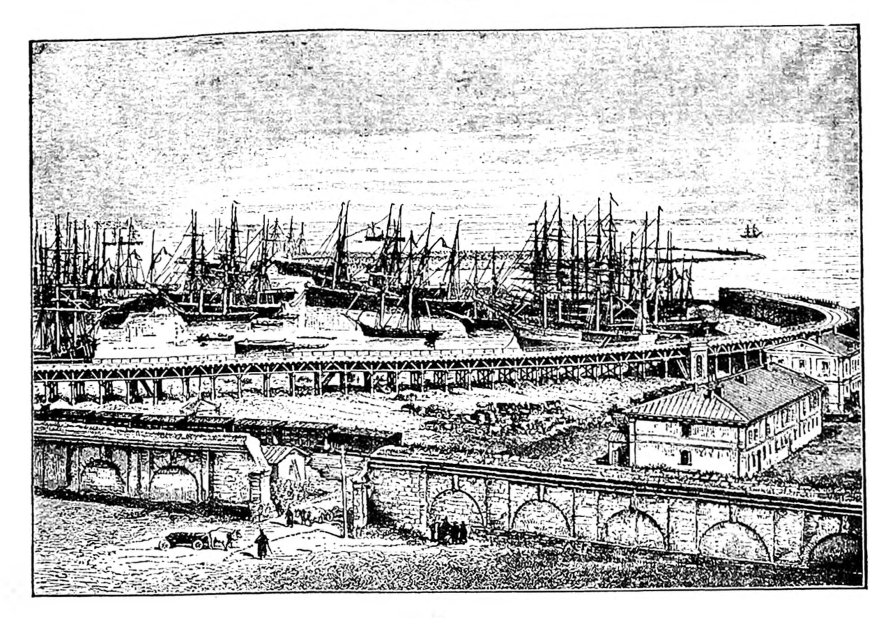
Въ проточной водѣ чувствуется недостатокъ, кромѣ двухъ ключей въ городѣ есть лишь колодцы съ плохой водой и цистерны Въ сухое время года прежде платили дорого за воду, привозимую изъ Крыма. Теперь же вода доставляется по водопроводу отъ маяковъ лежащихъ на нижнемъ теченіи Днѣпра за 40 верстъ.

Въ сухую погоду пыль, а въ мокрую грязь здѣсь ужасны, не даромъ сложилась поговорка: „кто въ Одессѣ не бывалъ, тотъ и грязи не видалъ“. По племенному составу населеніе Одессы отличается крайнимъ разнообразіемъ. Здѣсь находятся представители всѣхъ европейскихъ и многихъ азіатскихъ національностей. Но надъ всѣми преобладаютъ греки и евреи. Тутъ есть греки и русскіе, и турецкіе, и египетскіе и т. д., почти тоже слѣдуетъ сказать о евреяхъ, съ одною разницей: каждый грекъ упорно сохраняетъ свою національность, тогда какъ еврей назовется туркомъ, молдаваниномъ, нѣмцемъ, американцемъ, глядя потому, что выгоднѣе. Хотя русское племя по численности занимаетъ первое мѣсто, но по значенію оно послѣднее. Въ торговомъ отношеніи изъ всѣхъ портовыхъ городовъ Одесса уступаетъ лишь Петербургу.

Тирасполь на Днѣстрѣ съ пристанью; оживленный городъ, окруженъ садами и виноградниками. Жителей 27,500.

Елисаветградъ на рѣкѣ Ингулѣ. По своему многолюдству, отличнымъ постройкамъ и торговлѣ Елизаветградъ превосходитъ многіе губернскіе города. Георгіевская ярмарка (съ 15 апрѣля по 10 мая) самая извѣстная изъ четырехъ, существующихъ въ городѣ. Жителей 61,000. Александрія (14,000), Ново-Георгіевскъ (11,000), Бериславъ (12,000), Вознесенскъ (14,100), Ананьевъ (16,000), Ново-Миргородъ (8,600) значенія не имѣютъ.

Харьковская губернія. — Харьковъ на рѣкѣ Лопани губернскій городъ, выросъ изъ



Одесскій портъ.

одного изъ тѣхъ городовъ, которые были построены для обороны границъ Русскаго государства отъ татаръ. Жителей 174,000. Благодаря своему положенію въ узлѣ желѣзныхъ дорогъ развилъ обширную торговлю. Славится ярмарками, одними изъ первыхъ въ Россіи. Въ городѣ Университетъ. Въ губ. замѣчательны по торговлѣ Сумы (27,500 жителей), другіе города: Лебединъ (Лебедянъ) (14,200) Ахтырка (23,400), Бѣлополье (15,300), Богодуховъ (11,900), Недригайловъ (7,100), Краснокутскъ (5,700) мало чѣмъ выдаются.

Каменецъ-Подольскъ губернскій городъ Подольской губерніи съ 34,000 населенія, ведетъ значительную торговлю. Изъ уѣзныхъ городовъ болѣе извѣстна Балта съ 23,400 жит.; кромѣ того есть города: Винница (29,000) Проскуровъ (22,900) Баръ (10,000). Хмѣльникъ (11,200), Ольгополь (8,000), Брацлавъ (7,000).

Житоміръ губ. городъ Волынской губ., стоитъ на рубежѣ областей лѣсовъ и безлѣсныхъ пространствъ, на рубежѣ, раздѣляющемъ „полѣщуковъ“ и „степовиковъ“, т. е. бѣлоруссовъ и малороссовъ. Ведетъ обширную торговлю, но почти всѣ ея выгоды попадаютъ евреямъ, которые составляютъ почти 1/3 городскаго населенія. Много еврейскихъ книгъ, печатаемыхъ въ Россіи, выходитъ изъ Житоміра. Всего жителей 65,000.

Кишиневъ или Киссину, на языкѣ его обитателей румынъ,—ни что иное, какъ громадная деревня, населенная болѣе, чѣмъ сотней тысячъ жителей (108,000), съ широкими улицами, грязными или пыльными, смотря по времени года. Изъ 7,000 жилищъ въ 1878 г. едва 50 зданій можно было найти болѣе, чѣмъ въ одинъ этажъ. Городъ окруженъ садами. Въ окрестностяхъ много заводовъ: гончарные, изразцовый, кожевенные, пивоваренные и др.

Сороки на Днѣстрѣ съ 15,000 жит. нынѣ уѣздный городъ, населенный евреями и молдаванами, славится табачными плантаціями, въ XII—XIII в былъ одной изъ Генуэзскихъ колоній, основанныхъ въ долинѣ Днѣстра для торговли съ населеніемъ Галиціи и Венгріи. Хотинъ—промышленный и торговый городъ. Жителей 18,000. Аккерманъ—извѣстенъ виноделіемъ. 28,300 жит. Измаилъ—крѣпость на Дунаѣ, славная въ исторіи турецкихъ войнъ; жителей 31,300. Килія. жителей 11,700.

ОБЛАСТЬ ВОЙСКА ДОНСКАГО.

Бассейнъ Дона не представляетъ особенной географической или этнографической области, ясно очерченной естественными границами. Начиная отъ верховьевъ Дона, по мѣрѣ приближенія его къ низовьямъ и къ берегу моря, густое и сплошное великорусское населеніе постепенно становится болѣе рѣдкимъ и смѣшаннымъ отчасти съ малороссами, отчасти съ колонистами всевозможныхъ расъ и языковъ. Почти всѣ народы Европейской Россіи, за исключеніемъ развѣ финновъ, а также многіе жители Балканскаго полуострова, Кавказа и даже Закавказья могутъ найти здѣсь своихъ соплеменниковъ.

Въ городскихъ населеніяхъ много грековъ, армянъ *), въ поселкахъ разбросаны группы южныхъ славянъ: сербовъ, болгаръ, нѣмецкихъ колонистовъ, бродячихъ и полуосѣдлыхъ цыганъ, а въ степяхъ, въ особенности къ В. отъ Дона, кочуютъ настоящіе сыны Азіи, полудикіе язычники калмыки, число которыхъ простирается здѣсь до 30 тыс. чел. слишкомъ. Преобладающимъ же населеніемъ, хозяевами страны, являются здѣсь донскіе казаки, которые всѣ поголовно несутъ воинскую повинность, управляются военнымъ начальствомъ и вообще представляютъ особый родъ воинства. Эта полувоенная, полумирная организація населенія составляетъ наслѣдіе минувшихъ историческихъ условій края.

Донская область занимаетъ бассейнъ средняго и нижняго Дона и принадлежитъ къ полосѣ южно-русскихъ степей, но характеръ степи въ различныхъ мѣстахъ области весьма различенъ.

Пространство, занимаемое областью, составляетъ 144,586 кв. в. съ населеніемъ 2.575,818 чел.

Къ востоку отъ Дона и къ югу отъ р. Медвѣдицы мѣстность, извѣстная подъ именемъ Задонской степи, имѣетъ характеръ однообразной низменной равнины, незамѣтно сливающейся со степями Саратовскими, Астраханскими и Ставропольскими, составляющими продолженіе Арало-Каспійской низины. Почва здѣсь только въ болѣе сѣверныхъ частяхъ черноземная, хотя толщина черноземнаго слоя не велика, преимущественно же глинистая, солонцеватая, малоплодородная. Немногія рѣки этой степи—Манычъ, Салъ и нѣкотор. др. маловодны и имѣютъ едва замѣтное теченіе. Растенія и животныя въ общемъ гораздо болѣе напоминаютъ формы прикаспійскихъ солончаковъ и среднеазіатскихъ степей, чѣмъ европейскія. Подобный же характеръ степи замѣчается и въ неширокой прибрежной полосѣ, которая проходитъ по берегу Азовскаго моря и соединяется съ крымскими солончаками, наполняющими около половины Таврическаго полуострова.

Вся площадь къ З. отъ р. Дона и Медвѣдицы представляетъ плоскогорье, повышающееся двумя уступами: первая ступень, болѣе низкая плоская возвышенность простирается отъ Дона до Донца, вторая, имѣющая названіе Донецкой возвышенности, начинается на правомъ берегу Донца и простирается почти что до самаго берега Азовскаго моря. На первомъ уступѣ, ближе къ берегу Дона, возвышаются гряды или группы холмовъ высотою до 400—500 ф., (Сауръ-Могила) въ Донецкой возвышенности различаютъ настоящій горный кряжъ, высота котораго достигаетъ 670 саж. и болѣе (у станц. Толстой—173 саж. или 1211 ф.).

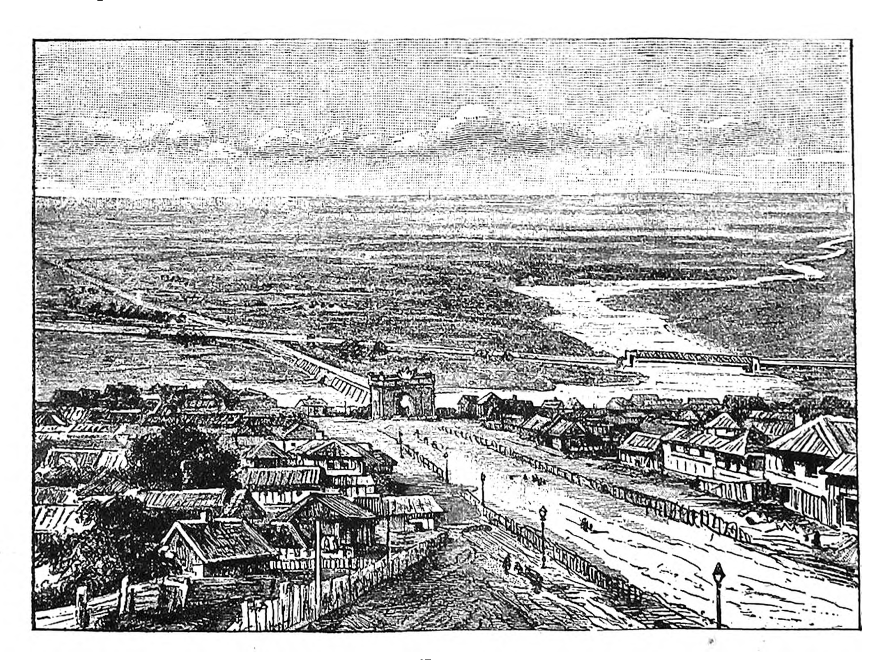
*) Евреевъ, въ противоположность малороссійской украйнѣ, гдѣ обозначена ихъ „черта осѣдлости", въ Донской области почти совершенно нѣтъ: имъ воспрещено пребываніе на войсковой территоріи.

Во всей области къ западу отъ Дона почва очень плодородна и состоитъ изъ слоя тучнаго чернозема, залегающаго почти сплошь на глинистой или мѣловой подпочвѣ. Между черноземными полями небольшими, разбросанными клочками встрѣчаются солончаки.

Область чрезвычайно бѣдна лѣсами, которыхъ насчитывается лишь около 2% всей площади и расположены они преимущественно въ сѣверной части. Послѣднія 10—20 лѣтъ усердно производится искусственное лѣсонасажденіе. По богатству текучими водами Донская область имѣетъ преимущество предъ остальными частями Южной Россіи. Рѣки, хотя въ общемъ и небольшія и мелководныя, распредѣлены, однако, очень равномѣрно, но всѣ онѣ, начиная съ могучаго Дона и его главныхъ притоковъ: Донца, Хопра, Медвѣдицы, и кончая незначительными, каковы: Міусъ, Калміусъ, Крынка, Тузловъ, Калитва, Чиръ, Салъ—представляютъ типичные степные потоки, которые весною чрезвычайно сильно разливаются, въ лѣтнее время, наоборотъ, пересыхаютъ и даже по Дону тогда могутъ ходить только небольшіе, мелкосидящіе пароходы.

Благодаря равнинности рельефа, рѣки по большей части текутъ медленно, часто образуютъ въ своемъ теченіи изгибы, озера, затоны а ближе къ морю и знакомые уже намъ плавни. Въ задонской части, а также и вдоль побережья Азовскаго моря изобилуютъ соленыя озера (особ. Манычскія озера) изъ которыхъ отчасти разрабатывается самоосадочная соль, дающая хорошій заработокъ населенію.

Донецкая плоская возвышенность какъ въ предѣлахъ Донской области, такъ отчасти и въ сосѣднихъ губерніяхъ— Екатеринославской и Харьковской—изобилуетъ всякаго рода полезными ископаемыми.



Степь у Новочеркасска.

Кромѣ неизмѣримаго количества всевозможныхъ сортовъ каменнаго угля, который залегаетъ здѣсь (преимущественно въ восточной части кряжа) на пространствѣ около 24,000 кв. в., здѣсь почти повсемѣстно находятся богатыя залежи желѣзныхъ рудъ (бурый желѣзнякъ, сферосидеритъ, магнитный и хромистый желѣзнякъ), марганцовыхъ, свинцово-серебряныхъ (содержащихъ до 45% чистаго серебра), въ послѣднее время близъ Бахмута открыты богатые залежи ртутной руды (киноварь). Около Славянска залегаетъ мощный слой каменной соли и здѣсь же залежи гипса.

Всѣ эти минеральныя богатства еще далеко не разработаны, даже не достаточно изслѣдованы и несомнѣнно предвѣщаютъ краю блестящее развитіе горнозаводской дѣятельности.

Но мѣстное казачье населеніе не представляетъ благопріятнаго элемента для развитія этого рода промышленности, и пока богатства нѣдръ земныхъ эксплоатируются здѣсь руками пришлецовъ изъ другихъ, преимущественно изъ внутреннихъ и западныхъ губерній, а самыя большія предпріятія находятся въ рукахъ иностранныхъ капиталистовъ: англичанъ (громадный Юзовскій заводъ въ Екатеринославской губ.), бельгійцевъ, французовъ, нѣмцевъ и др. Сами же казаки по исторически сложившимся условіямъ и по современному своему состоянію постояннаго военнаго ополченія, обезпеченные къ тому же въ большинствѣ случаевъ значительными земельными участками *), болѣе склонны вести патріархальный образъ жизни, занимаясь, какъ и много вѣковъ тому назадъ, рыболовствомъ, скотоводствомъ и земледѣліемъ.

Впрочемъ и мирное занятіе хлѣбопашествомъ не особенно по сердцу воинственному донскому „рыцарству"; какъ въ былые времена запорожцамъ и они предпочитаютъ сдавать свои участки въ аренду пришлымъ со стороны земледѣльцамъ. Еще въ началѣ XVIII в. казакъ-пахарь презирался своими собратьями, а нѣсколько ранѣе (1690 г.) казацкое собраніе, узнавъ, что на берегахъ Хопра и Медвѣдицы сѣютъ хлѣбъ „запретило этотъ промыселъ подъ страхомъ смертной казни и конфискаціи имущества" (Соколовскій, Реклю стр. 423). Но рыболовство на богатыхъ всякаго рода рыбою: осетрами, бѣлугами, стерлядью, судаками, карпами и др. низовьяхъ Дона и на Азовскомъ морѣ и теперь еще, какъ и въ прежнія времена составляетъ любимое занятіе всего казачьяго населенія. Къ сожалѣнію, однако, колоссальныя въ старину рыбныя богатства замѣтно истощаются съ каждымъ годомъ, вслѣдствіе хищническаго способа ловли **).

Начало заселенія придонскихъ степей относится къ глубокой древности. Эта мѣстность изстари извѣстна была грекамъ, устраивавшимъ въ прибрежныхъ частяхъ Меотійскаго (Азовскаго) моря свои колоніи, изъ которыхъ главнѣйшая была Танаисъ. Далѣе, вглубь материка, страна не имѣла постояннаго прочнаго населенія.

Здѣсь кочевали поочередно скиѳы и сарматы, аланы, гунны, угры, болгары, авары, позднѣе хазары, печенѣги, половцы и, наконецъ, татары, первое столкновеніе съ которыми русскіе имѣли въ предѣлахъ области, на р. Калкѣ (теперь Кальміусъ, на границѣ съ Екатеринославскою губ.).

Во второй половинѣ XVI в. на Донъ начали стекаться изъ Руси, преимущественно московской т. е. великорусской, всякаго

---

*) Надѣлъ нижнихъ чиновъ составляетъ около 30 дес. на душу, а офицеры владѣютъ гораздо большими помѣстьями—въ 150 и болѣе десятинъ.

**) Во время весенняго хода рыбы для метанія икры вверхъ по рѣкѣ и обратно рѣку перегораживаютъ сплошной загородкою изъ кольевъ, такъ что рыба вылавливается почти до-чиста.

рода бѣглецы, искавшіе въ пустынныхъ, никому не принадлежащихъ степяхъ свободы и привольнаго житья. Крестьяне и посадскіе люди, обиженные помѣщиками или воеводами, преступники, преслѣдуемые закономъ, несчастныя жертвы произвола сильныхъ, позднѣе раскольники, преслѣдуемые за приверженность къ старой вѣрѣ, — спасшись бѣгствомъ отъ своихъ притѣснителей, селились гдѣ-нибудь въ уединенной долинѣ степной рѣки или въ какомъ-нибудь глухомъ оврагѣ и притаившись, перебивались кое-какъ естественными богатствами страны, которыми щедрая природа въ изобиліи одарила травяныя степи и многочисленныя рѣки этого края. Правильное сельское хозяйство въ то время невозможно было для поселенцевъ, они принуждены были жить постоянно на сторожѣ, готовые во всякое время бѣжать снова или сопротивляться съ оружіемъ въ рукахъ, смотря по силѣ и численности враговъ—своихъ же братьевъ христіанъ или татаръ, которые постоянно нападали на ихъ пристанища. Такимъ образомъ, мало-по-малу, заселилось все пространство бассейна Дона, гдѣ обширная область къ югу отъ сліянія Хопра и Медвѣдицы съ главною рѣкою еще въ первой четверти XVI столѣтія была совершенно пустынна и называлась „дикимъ полемъ“. Число такихъ поселенцевъ росло очень быстро, а общность интересовъ въ защитѣ противъ однихъ и тѣхъ же враговъ вскорѣ связало ихъ крѣпкими узами братства. Тогда они перестали уже только защищаться и начали платить татарскимъ наѣздникамъ набѣгомъ за набѣгъ. Позднѣе между „вольницею“ донскихъ казаковъ и днѣпровскихъ, вслѣдствіе общности положенія, установилась тѣсная связь, и малороссіяне толпами переселялись на Донъ, встрѣчая здѣсь самый радушный пріемъ. Иногда даже Донцы соединялись съ Запорожцами для какого-нибудь общаго морского предпріятія противъ крымскихъ татаръ или анатолійскихъ турокъ.

Едва организовавшись въ правильную общину, уже въ 1570 г. донскіе казаки отдались подъ покровительство московскаго царя Іоанна Грознаго, однакоже зависимость эта еще долгое время была только номинальною, хотя казаки и принимали дѣятельное участіе во всѣхъ превратностяхъ Московскаго государства: они служили главнѣйшимъ оплотомъ противъ магометанъ во всей юго-восточной окраинѣ Россіи, въ смутное время междуцарствія играли большую роль въ качествѣ готовой боевой силы, они же подъ предводительствомъ Ермака покорили и „ударили челомъ“ Грозному обширнымъ Сибирскимъ царствомъ. Долгое время донская вольница, „голутвенные казаки“ представляли безпокойный элементъ, изъ котораго формировались разбойничьи шайки, господствовавшія на нижнемъ теченіи Дона и Волги, на Азовскомъ и Каспійскомъ моряхъ, разраставшіяся иногда въ настоящіе народные бунты (Булавинъ, Разинъ, Пугачевъ...), опустошавшія набѣгами персидское и кавказское побережье.

Вообще казачество представляло естественное наслѣдіе многовѣкового кочевого состоянія степной Руси. Русскіе удальцы, отважившіеся „казаковать“, и поселиться въ „дикомъ полѣ“, подъ условіемъ самаго своего существованія должны были закалиться въ постоянныхъ опасностяхъ, должны были сами сдѣлаться такими же хищниками, какъ и ихъ враги. Партизанская война, бывшая первоначально средствомъ защиты, впослѣдствіи сдѣлалась главнымъ занятіемъ и главнымъ средствомъ къ существованію казаковъ, презиравшихъ всякія мирныя занятія. Но съ того времени, какъ степь, съ возрастаніемъ могущества Московскаго государства, была замирена, такой безпокойный элементъ населенія сдѣлался уже неудобенъ и правительство начинаетъ понемногу вводить гражданственность и осѣдлость въ казацкую общину, а наиболѣе безпокойные и непокорные элементы переселяетъ на новыя окраины: на Кавказъ и въ Сибирь, гдѣ они оказывались совершенно подходящими и сослужили государству большую службу.

Въ настоящее время существуетъ въ Россіи 11 областей „казачьихъ войскъ“ *), сохранившихъ отчасти прежнюю свою воинственную организацію, хотя и значительно преобразованную и строго регламентированную. Организація области Войска Донского является образцомъ для всѣхъ остальныхъ.

Еще въ прошломъ столѣтіи Донская область не имѣла административнаго раздѣленія. Только въ 1802 г. она раздѣлена была на военные округа (7, въ 1806—8).

Съ 1835 г. введено было новое положеніе объ управленіи Донского войска. Наконецъ, въ 1887 г. къ области присоединены были Ростовскій у, и Таганрогское градоначальство и вся она раздѣлена на 9 округовъ: Черкасскій, Донской I и II, Усть-Медвѣдицкій, Хоперскій, Донецкій, Ростовскій, Таганрогскій и Сальскій. Округа дѣлятся на станицы, состоящія изъ одного или нѣсколькихъ казачьихъ поселеній и хуторовъ. Площадь владѣній каждой станицы составляетъ станичный юртъ,

*) Въ порядкѣ численности: Донское, Кубанское, Оренбургское, Забайкальское, Терское, Сибирское, Уральское, Астраханское, Семирѣченское, Амурское и Уссурійское.

а всѣ лица войскового сословія, принадлежащіе къ нему, образуютъ станичное общество. Управленіе находится въ рукахъ атамановъ: хуторскихъ, станичныхъ, окружныхъ и кромѣ того существуютъ станичные сборы, въ составъ которыхъ входятъ выборные представители отъ каждыхъ 10 казачьихъ домохозяевъ и хуторскіе атаманы, подъ предсѣдательствомъ станичнаго атамана; станичное управленіе, станичный судъ. Окружные атаманы соединяютъ въ себѣ власть военную и гражданскую, а во главѣ ихъ стоитъ войсковой наказный атаманъ, соотвѣтствующій генералъ-губернатору. Всѣ лица войскового сословія мужского пола числятся на службѣ дѣйствительной или резервной и обязаны снаряжаться на свой счетъ (съ лошадью). Въ 1891 г. числилось въ дѣйствительной службѣ казачьяго донского войска 1840 офицеровъ и болѣе 140,000 нижнихъ чиновъ, простыхъ казаковъ.

Въ настоящее время въ Донской области числится казацкихъ 114 станицъ и 7 калмыцкихъ. 6 городовъ: Новочеркасскъ, Ростовъ-на-Дону, Таганрогъ, Александровскъ-Грушевскій, Нахичевань, Азовъ и мѣстечко Старо-Ейское укрѣпленіе.

Новочеркасскъ (52,000 ж.), областный городъ, расположенъ на возвышенности, круто подымающейся надъ донскою долиною, гдѣ проходитъ сѣверный рукавъ этой рѣки Аксай.

Въ самой долинѣ въ мѣстности, подверженной періодическимъ наводненіямъ при разливахъ Дона, находится Старо-Черкасскъ, бывшій главнымъ городомъ до 1806 г. Новый городъ, поднятый на 50 саж. выше уровня разлива, безопасенъ отъ наводненій, но долгое время страдалъ отъ недостатка воды, годной для питья, такъ какъ рѣчка Тузловъ, протекающая около, несетъ солоноватую воду. Однако же, впослѣдствіи устроенъ былъ водопроводъ длиною въ 27 в. и теперь городъ снабжается въ достаточномъ количествѣ хорошею водою. Близкое сосѣдство каменноугольныхъ копей (Грушевская станица) дѣлаетъ его крупнымъ фабричнымъ центромъ, а положеніе на Дону и при морѣ сообщаетъ ему торговое значеніе, годъ отъ году возрастающее.

Но гораздо большее торговое значеніе имѣетъ г. Ростовъ (119,889 ж.) вмѣстѣ съ Нахичеванью (29,312 ж.), составляющіе, собственно говоря, одинъ городъ и оба вмѣстѣ служащіе, какъ бы продолженіемъ длиннаго предмѣстья Новочеркасска.

Населеніе Нахичевани состоитъ почти исключительно изъ армянъ и представляетъ бойкій торговый и промышленый городокъ. Ростовъ, одинъ изъ самыхъ главныхъ торговыхъ портовъ Азовскаго моря и всей южной Россіи, населенъ людьми всякой расы и національности.

Здѣсь можно встрѣтить и великороссовъ, и малороссовъ, грековъ, армянъ, татаръ, евреевъ и представителей различныхъ западно-европейскихъ національностей: итальянцевъ, нѣмцевъ, англичанъ и французовъ... Главная дѣятельность порта заключается въ отпускной торговлѣ хлѣбомъ и рыбными продуктами. Неудобства Ростовскаго порта заключаются въ мелководіи устьевъ Дона и прибрежныхъ частей моря, такъ что суда для нагрузки принуждены останавливаться далеко отъ пристани.

Точно также мелководенъ фарватеръ и около Таганрога (51,965 ж.), хотя онъ и расположенъ непосредственно на морскомъ берегу.

Суда, посѣщающія его портъ, должны останавливаться на якорѣ верстъ на 15 отъ берега, если они имѣютъ осадку 16—20 ф., а самыя большія судна принуждены бросать якорь даже верстъ на 40 отъ порта. Тѣмъ не менѣе Таганрогъ ведетъ обширную торговлю тѣми же продуктами, что и Ростовъ, но въ большихъ размѣрахъ. Большое значеніе для его процвѣтанія имѣло проведеніе желѣзной дороги, которая связала его

съ черноземными степями Приднѣпровскими и съ Харьковомъ. Въ то же время Таганрогъ является важнымъ промышленнымъ центромъ.

У устьевъ Дона есть еще одинъ городъ, который въ настоящее время не играетъ почти никакой роли ни въ торговомъ, ни въ промышленномъ отношеніи, но въ прежнее время игравшій очень значительную роль,—это Азовъ.

На мѣстѣ этого города еще въ древности существовала цвѣтущая греческая колонія Танаисъ, которой въ средніе вѣка наслѣдовалъ г. Тана, колонія венеціанцевъ. Долгое время Тана была важнѣйшимъ портомъ на всемъ пространствѣ Южной Россіи, главнымъ складочнымъ мѣстомъ венеціанской торговли съ Персіей и Индіей и центральнымъ невольничьимъ рынкомъ южныхъ степей. Въ 1392 г. Тамерланъ внезапно напалъ на этотъ городъ и разрушилъ его до основанія. Послѣ этого значеніе его было снова до нѣкоторой степени возстановлено генуэзцами, пока въ 1471 г. не былъ снова разрушенъ турками. Съ этого времени торговое значеніе этого древняго города прекратилось, но на мѣстѣ его была основана сильная турецкая крѣпость, которая долгое время являлась очень важнымъ пунктомъ въ борьбѣ турокъ и татаръ съ донскими казаками. Казаки употребляли всѣ усилія, чтобы завладѣть этою крѣпостью, которая запирала имъ выходъ въ море, и два раза имъ это удавалось (въ 1572 и въ 1637 гг.), но турки съ своей стороны напрягали всѣ усилія и снова отнимали его. Въ 1696 г. Петръ Великій послѣ долгой осады взялъ Азовъ, но вскорѣ принужденъ былъ снова возвратить его туркамъ. Наконецъ, уже въ 1736 г. во время новой войны съ Турціею, Азовъ былъ окончательно присоединенъ къ Россіи, но послѣ этого важной роли не игралъ.

КРЫМЪ

(Таврическая губернія).

Таврическая губернія входитъ въ составъ Новороссійскаго края. Континентальная ея часть, составляющая большую половину губерніи, представляетъ большое сходство съ сосѣдними губерніями Херсонской и Екатеринославской, какъ по характеру степи, ея рельефу, почвѣ, растительности, такъ и по составу населенія и его образу жизни.

Крымскій полуостровъ, представляющій вторую половину Таврической губерніи, почти совершенно отдаленъ отъ континента водными пространствами, вдающимися съ боковъ и соединяется съ нимъ лишь узкою полосою суши—Перекопскимъ перешейкомъ.

Названіе Крымъ, по толкованію Форстера, происходитъ отъ татарскаго слова «крѣпость», въ которую можно превратить полуостровъ, если заградить доступъ въ него со стороны перешейка *).

У древнихъ грековъ Крымъ назывался Херсонесъ Таврическій.

Такое полное отдѣленіе Крыма, однако, кажется только на первый взглядъ. Изученіе характера поверхности и геологическаго состава поверхностныхъ слоевъ почвы, убѣждаетъ въ томъ, что низменныя степи, наполняющія около $^3/_4$ Крыма, составляютъ непосредственное продолженіе равнинъ Новороссіи. Отъ материковой части Таврической губ. и сосѣднихъ Херсонской и Екатеринославской сѣверная половина Крыма отличается лишь изобиліемъ солончаковъ, соленыхъ грязей и озеръ, которыхъ на полу-

*) Такою преградою служилъ ровъ и стѣна, см. дальше.

островѣ насчитывается до 400. Въ сѣверо-восточной части Крыма простирается обширное болото Сивашъ, т. е. „Гнилое море",— чрезвычайно мелководный бассейнъ соленой воды, доступный только для плоскодонныхъ судовъ, да и то только въ сѣверной части. Вѣтры, безпрепятственно разгуливающіе по окрестнымъ степямъ, безпрестанно измѣняютъ очертанія прудовъ, на которые раздѣленъ Сивашъ безчисленными косами, мелями и островами, одни опоражниваютъ и засыпаютъ пескомъ, въ другіе нагоняютъ воды и углубляютъ ихъ на время. Отъ Азовскаго моря Сивашъ отдѣляется очень длинной, замѣчательно правильной формы, песчаною косою—Арабатскою стрѣлкой; на сѣверномъ концѣ ея существуетъ лишь узкій геническій проливъ, которымъ болото Сивашъ соединяется съ моремъ и возстановляетъ соленость своихъ водъ, опрѣсняемыхъ атмосферными осадками и нѣсколькими рѣками, впадающими со стороны Крымскаго полуострова, въ числѣ которыхъ находится и самая главная рѣка Крыма—Салгиръ.

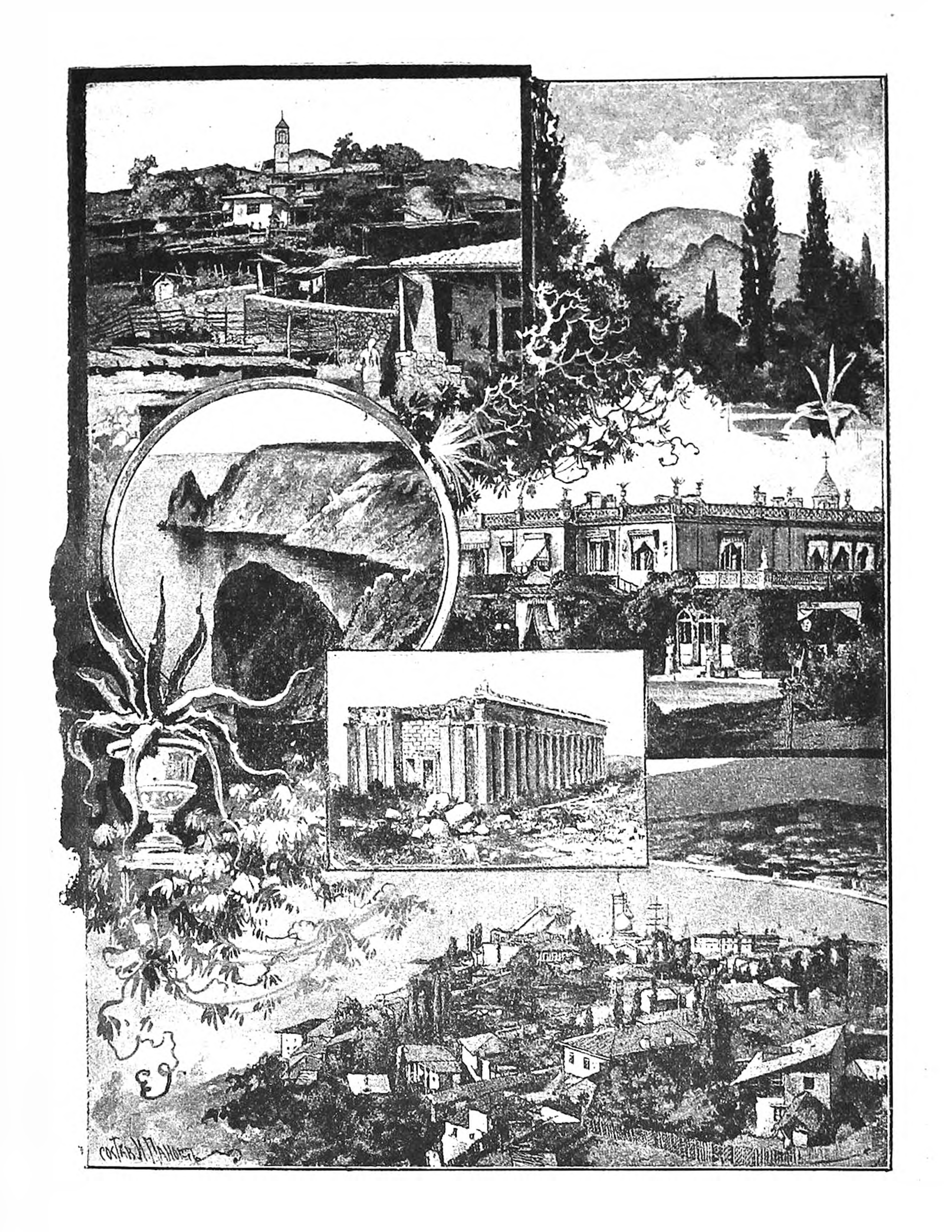
Въ окрестностяхъ Сиваша, около Перекопскаго перешейка, на Арабатской стрѣлкѣ и во многихъ мѣстахъ по окраинамъ полуострова существуетъ много усыхающихъ соленыхъ озеръ, изъ которыхъ добывается масса соли, около половины количества ея, потребляемаго во всей Имперіи, 12—15 мил. пуд. въ годъ, такъ что крымскіе соляные промыслы являются самыми важными въ Россіи.

Крымскія степи имѣютъ чрезвычайно печальный видъ. Почва только въ средней части встрѣчается черноземная, а по всей восточной прибрежной полосѣ, вокругъ Сиваша и соляныхъ озеръ, а также около Перекопскаго перешейка и по сѣверо-западному берегу, представляетъ сплошные глинистые солончаки. Растительность очень скудная и представляется въ видѣ отдѣльно торчащихъ пучковъ жесткой травы и различныхъ солончаковыхъ растеній, да и тѣ послѣ двухмѣсячнаго прозябанія засыхаютъ и разсыпаются въ пыль подъ палящими лучами солнца: можно подумать, что находишься среди безплодной пустыни. Однако же мѣстные жители съ успѣхомъ разводятъ здѣсь многочисленныя стада овецъ, лошадей и верблюдовъ, подобно тому, какъ это дѣлается и въ совершенно безплодныхъ на первый взглядъ степяхъ прикаспійскихъ и средне-азіатскихъ.

Совершенную противоположность не только съ тощими солончаками сѣверной половины Крыма, но и со всей остальной Европейской Россіей представляетъ южная, возвышенная часть полуострова.

Начиная отъ сѣвернаго берега, уровень поверхности очень равномѣрно, хотя и довольно быстро (5 ф. подвятія на 1 в. разстоянія) повышается по направленію къ югу. Близъ г. Симферополя поверхность возвышается уже надъ уровнемъ моря болѣе чѣмъ на 100 саж. Еще далѣе къ югу начинается уже горная область. Въ общемъ видѣ крымскія горы представляютъ крутой обрывъ къ югу и пологій скатъ къ сѣверу. Въ цѣпи можно различить нѣсколько отдѣльныхъ грядъ, идущихъ приблизительно параллельно между собою и раздѣленныхъ продольными долинами. Общее направленіе грады вриблизительно параллельно линіи южнаго берега. При чемъ на западѣ она подходитъ къ самому берегу, а далѣе къ В. постепенно отступаетъ отъ него. Главная горная гряда, начинаясь на З. близъ мыса Фіолентъ, совпадаетъ своимъ наиболѣе возвышеннымъ краемъ съ береговою линіею; морской берегъ на нѣкоторомъ протяженіи (до мыса Айя) представляетъ неприступныя, совершенно отвѣсныя скалы, круто подымающіяся изъ моря. Но чѣмъ дальше къ В., тѣмъ вершина гребня все больше отступаетъ отъ берега, образуя прибрежную низменную полосу, расширяющуюся къ востоку. Къ востоку отъ Алушты разстояніе кряжа отъ берега измѣряется уже 6—8 верстами. Наконецъ, около г. Ѳеодосіи главная гряда разбивается на множество отроговъ и отдѣльныхъ холмовъ, которые безпорядочною группою тѣснятся у самаго берега. Почти на всемъ своемъ протяженіи главная гряда имѣетъ на вершинѣ площадь, которая по татарски называется яйлой, т. е. „*лѣтнимъ пастбищемъ*", такъ какъ на этой уплощенной вершинѣ въ лѣтнее время пасутся стада. Ширина яйлы весьма различна: отъ нѣсколькихъ десятковъ саж. до 3 и болѣе верстъ. Хотя у мѣстныхъ горцевъ слово яйла употребляется исключительно въ указанномъ значеніи, но издавна уже это названіе примѣняется какъ собственное имя главной гряды горной цѣпи Крыма.

Тѣ пункты горнаго гребня, гдѣ площадь яйлы прерывается, что обыкновенно обусловлено размывомъ въ верховьяхъ двухъ смежныхъ рѣчекъ сѣвернаго и южнаго склоновъ, представляютъ удобные проходы черезъ горы, по татарски *богазы*. Богазовъ много, но большинство изъ нихъ доступны только пѣшеходамъ, хорошихъ же экипажныхъ проѣздовъ черезъ главную горную гряду только шесть: Байдарскія ворота, Ай-Петри,



Крымъ.

Татарская деревня.

Гурзуфъ.

Скалы Георгіевскаго монастыря

Ливадійскій дворецъ.

Развалины храма Тезея.

Общій видъ Ялты.

Кебитъ-богазъ, Ангаръ-богазъ, Канъ-Асанъ-богазъ и перевалъ Эльбузлы. Высота яйлы наибольшая въ средней части (Бабуганъ-яйла), гдѣ она подымается до высоты 250—270 саж., къ З. и къ В. отсюда нѣсколько меньше. Что же касается отдѣльныхъ возвышенностей, то высота многихъ изъ нихъ значительно превышаетъ версту *).

Въ цѣломъ горная крымская цѣпь представляетъ неправильную извилистую линію и во многихъ мѣстахъ имѣетъ видъ груды обломковъ, безпорядочно нагроможденныхъ. Въ сущности это не горная цѣпь, а обрывки нѣкогда существовавшаго здѣсь высокаго плато, разорваннаго тектоническими процессами **) и сильно размытаго атмосферными дѣятелями.

Главная горная гряда сложена преимущественно изъ глинистаго сланца, на которомъ залегаютъ мощные пласты известняковъ. Мѣстами изъ-подъ сланцевъ выступаютъ кристаллическія породы (трахиты, базальты). Въ составѣ второстепенныхъ грядъ преобладаютъ известняки и глины. Известковыя напластованія встрѣчаются и къ С. отъ горной области, въ выпуклости, извѣстной подъ именемъ Евпаторійскаго плато (около 50 саж. высоты надъ уровнемъ моря).

Чередованіе пластовъ твердыхъ горныхъ породъ: известняковъ, песчаниковъ и др., со слоями рыхлыхъ сланцевъ и жирной глины, легко размывающимися водою, имѣетъ своимъ послѣдствіемъ частые обвалы. Цѣлыя громадныя скалы обрушиваются размытыя въ своемъ основаніи. Каждый дождь сопровождается многочисленными обвалами съ крутого южнаго склона большихъ глыбъ или даже цѣлыхъ стѣнъ. Иногда случается также, что верхніе пласты горъ сползаютъ по скользкимъ, размягченнымъ слоямъ глины, увлекая за собою расположенные на нихъ дома, сады и образуя на берегу моря новый мысъ.

Въ климатическомъ отношеніи Крымскій полуостровъ представляетъ три различныя области: степную, горную и южнобережную, Что касается климата степной части, то здѣсь нѣтъ достаточныхъ мѣстныхъ наблюденій, но есть много основаній предполагать, что крымскія степи въ этомъ отношеніи весьма сходны съ сосѣдними материковыми областями.

Въ горахъ средняя годовая температура выше чѣмъ въ степяхъ на 1—1½° (Симферополь 10,1°, Мелитополь 9°, колонія Орловъ 8,6°), а на южномъ берегу еще значительно повышается: на 2½—3½° (Карабахъ 12,6°, Ялта 13,4°). Въ лѣтніе мѣсяцы разница незначительна: въ Мелитополѣ 22,1°, въ Ялтѣ 23°, а въ горной области, вслѣдствіе большей абсолютности высоты, даже ниже, чѣмъ на материкѣ: 19,9° (Симферополь), 19,4° (Енисала). Наоборотъ, зимою разница наиболѣе значительна и достигаетъ почти 11°: въ Мелитополѣ въ январѣ бываетъ —7°, въ Симферополѣ —0,6°, а въ Ялтѣ +3,9°.

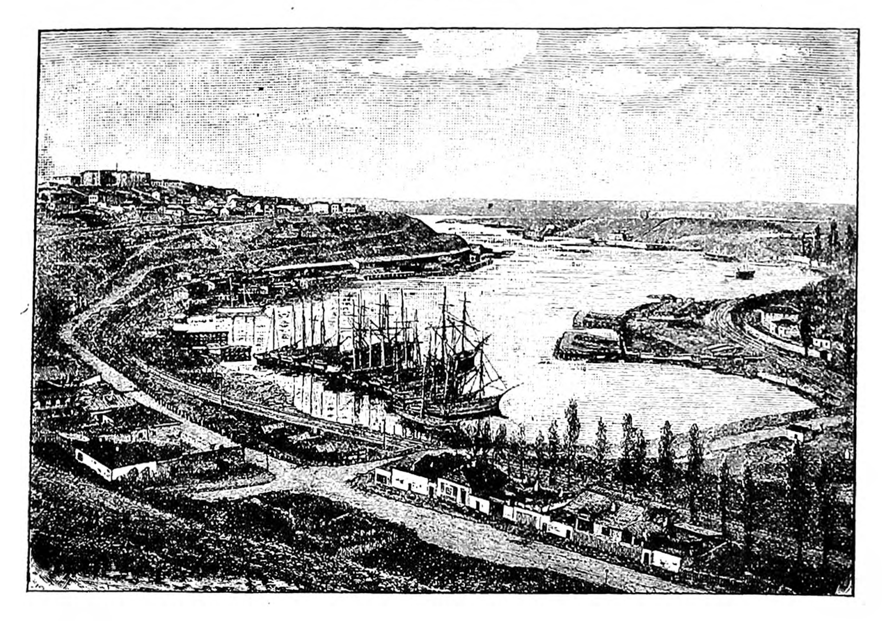
Горная цѣпь проводитъ на полуостровѣ рѣзкую границу, не пропуская съ моря теплыхъ и влажныхъ вѣтровъ къ сѣверу, ограждая южнобережную полосу отъ рѣзкихъ континентальныхъ вѣтровъ. Кромѣ горъ на мягкость климата южнаго берега вліяетъ также и близость моря и поэтому здѣсь очень рѣдко случаются морозы въ 7 или 8°.

Количество атмосферныхъ осадковъ въ Крыму вообще не велико и распредѣлено по областямъ не одинаково.

Въ степной области въ теченіи года выпадаетъ около 350 мм., въ Севастополѣ—387, въ Ѳеодосіи—398, въ Симферополѣ—443, а въ Ялтѣ—476 мм. На сѣверномъ склонѣ горъ и въ прилежащей степной полосѣ преобладаютъ лѣтніе дожди, а на южномъ—

*) См. „Общій очеркъ", стр. 321. Здѣсь же надо исправить типографскую ошибку, по которой высота Демиръ-Капу показана въ 772 саж., вмѣсто 722 саж.

**) Геологически происхожденіе Таврическихъ горъ объясняется такъ называемымъ сбросомъ, т. е. образованіемъ огромной трещины на плато и опусканіемъ одной части его, отдѣленной трещиной. Такимъ образомъ получился крутой южный обрывъ гряды, въ непосредственномъ сосѣдствѣ глубокаго моря (уже на небольшомъ разстояніи отъ южнаго берега Крыма море имѣетъ 50 саж. глубины и больше). Остатки трещинъ представляютъ также продольныя долины, образующія нѣсколько параллельныхъ грядъ.



Севастополь.

зимніе. Такое распредѣленіе осадковъ очень неблагопріятно для степи, такъ какъ частые дожди лѣтомъ мѣшаютъ уборкѣ сѣна, самаго главнаго и почти единственнаго здѣсь продукта сельскаго хозяйства, а также и хлѣбовъ, гдѣ они сѣются. Наоборотъ, весенніе и осенніе мѣсяцы, когда дождь необходимъ для роста травъ и для посѣвовъ, иногда проходятъ здѣсь совсѣмъ безъ осадковъ. Южный берегъ находится въ гораздо лучшихъ условіяхъ; здѣсь бездождье обыкновенно приходится на іюль и августъ, а также на сентябрь и октябрь, т. е. на такіе мѣсяцы, когда оно не можетъ имѣть особенно вредныхъ послѣдствій, а въ сентябрѣ и октябрѣ даже полезно для созрѣванія и сбора винограда. Дожди въ Крыму обыкновенно непродолжительны, по большей части проливные, многодневные, обложные дожди крайне рѣдки.

Сообразно съ неодинаковыми климатическими условіями, въ различныхъ областяхъ Крыма наблюдается большая разница и въ степени орошенія. Горная область орошена удовлетворительно; известняки, песчаники и рыхлыя породы верхнихъ пластовъ, огромные щебнистые обвалы принимаютъ большую часть атмосферныхъ осадковъ и даютъ начало многочисленнымъ источникамъ.

Ключи южнаго склона главной гряды, при незначительности разстоянія, отдѣляющаго ихъ отъ берега, не могутъ образовать значительныхъ потоковъ и непосредственно стекаютъ въ море небольшими источниками.

На сѣверномъ склонѣ ключи сліяніемъ образуютъ уже болѣе значительные горные потоки:

Наиболѣе важныя изъ рѣчекъ въ порядкѣ отъ З. къ В.: Черная, Бельбекъ, Кача, Алма, Зап. Булганакъ—впадающія въ Черное море съ западнаго берега полуострова, Салгиръ съ правыми притоками: Бештерекъ, Зуя, Бурульча, Карасу и р. Индолъ, съ Восточнымъ Булганакомъ, изливающія свои воды въ Гнилое море—Сивашъ. Всѣ перечисленныя рѣчки, за исключеніемъ только двухъ Булганаковъ,

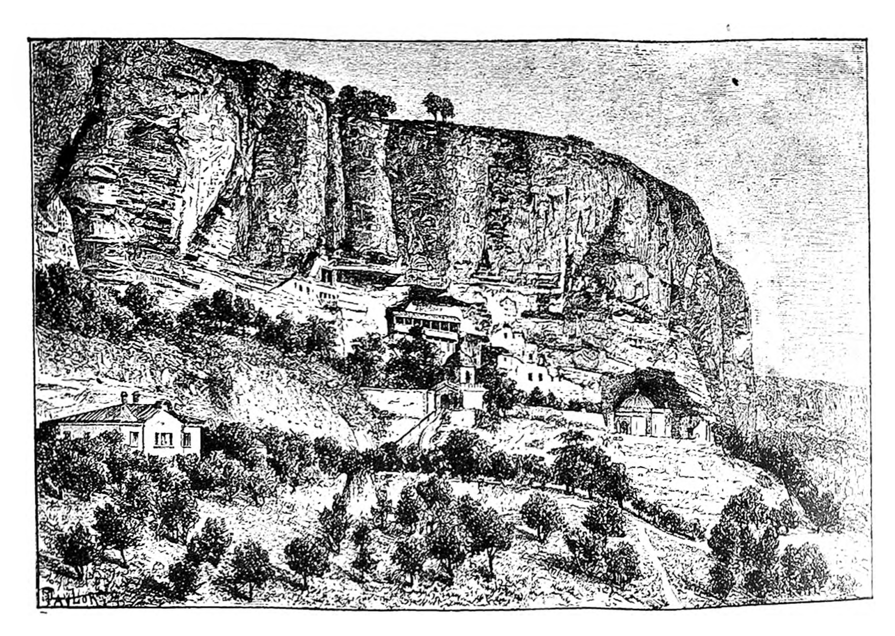
берутъ начало на главной горной грядѣ. Какъ настоящіе горные потоки, всѣ эти рѣчки, а также и многіе ручьи послѣ дождей и во время весенняго таянія снѣга на горахъ, превращаются въ бурные потоки, несущіе груды мусора и способные производить большія опустошенія, тогда какъ въ періоды бездождія почти совершенно пересыхаютъ, особенно въ устьяхъ. Даже наибольшія изъ рѣкъ, каковы Салгиръ, Алма, Кача въ концѣ лѣта невидимыми струйками пробираются въ щебнѣ, загромождающемъ ихъ русла.

Есть несомнѣнныя указанія на то, что въ прежнія времена крымскія рѣчки были болѣе богаты водою. Но истребленіе лѣсовъ въ области истоковъ и здѣсь, какъ во многихъ другихъ частяхъ Европейской Россіи, повлекло за собою увеличеніе континентальности климата.

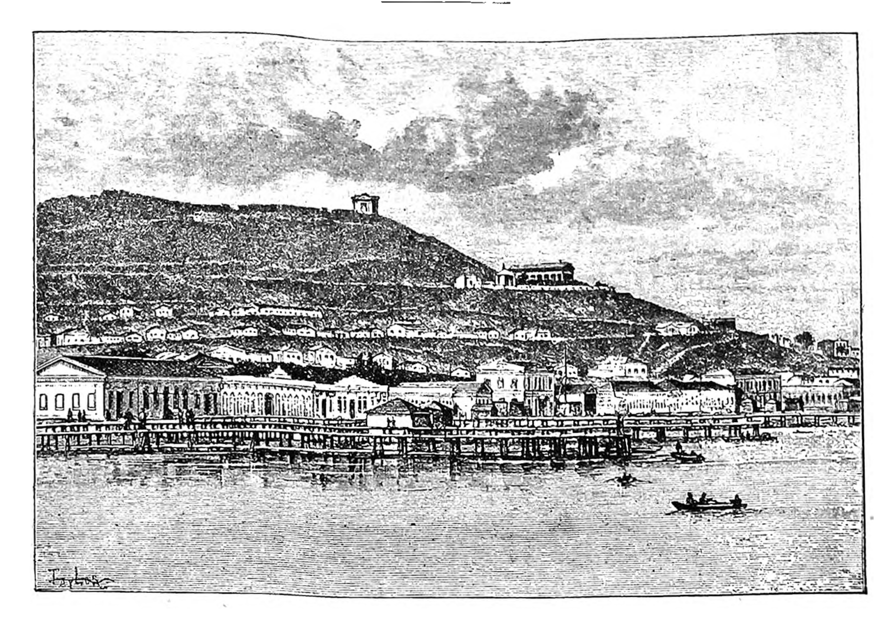
Хотя и бѣдныя водою большую часть года, крымскія рѣки являются чрезвычайно важными для страны. Вода вообще представляетъ здѣсь большую цѣнность для всякихъ отраслей хозяйства, и жители очень опытны въ проведеніи ея по искусственнымъ каналамъ для орошенія своихъ полей, садовъ, виноградниковъ, огородовъ. Но такъ какъ воды въ рѣкахъ вообще мало, то ея не хватаетъ на всѣхъ, и рѣчка или ручей по большей части уже въ верхнемъ своемъ теченіи изсякаютъ, такъ какъ вся вода, текущая въ естественномъ руслѣ, разводится по искусственнымъ оросительнымъ каналамъ.

Степную область Крыма можно назвать уже совершенно безводною на поверхности, такъ какъ здѣсь нигдѣ не встрѣчается ни рѣчекъ, ни даже ручьевъ и ключей.

Въ мѣстностяхъ, близкихъ къ горамъ или къ морю, еще можно достать воду на глубинѣ 15—20 саж., но по мѣрѣ удаленія отъ горъ, въ срединной, болѣе низкой степи, водоносные пласты залегаютъ уже на значительной глубинѣ—саженей 30—40 отъ поверхности. Въ большинствѣ случаевъ вода, извлеченная хотя бы и съ такой глубины, оказывается по крайней мѣрѣ хорошею и обильною. Но есть обширныя площади въ Крыму, какъ, напр., на всемъ почти пространствѣ Керченскаго полуострова, гдѣ вода въ колодцахъ, какъ бы глубоко они ни были выкопаны, оказывается соленою или горькосоленою и слѣдовательно совершенно негодною для повседневнаго употребленія.



Гроты Чуфутъ-Кале.



Керчь и гора Митридата.

Въ такихъ мѣстностяхъ населеніе постоянно нуждается въ водѣ и пользуется такъ называемыми аутами,—кое-какъ запруженными лужами дождевой и снѣговой воды, которыя лѣтомъ обыкновенно начисто пересыхаютъ.

Еще съ 30-хъ годовъ въ Крыму дѣлались многочисленныя попытки буренія артезіанскихъ колодцевъ, но долгое время почти всѣ усилія въ этомъ направленіи были тщетны: за немногими исключеніями нигдѣ не удалось такимъ образомъ добыть воды, годной для питья и въ достаточномъ количествѣ. Только въ концѣ 80-хъ годовъ, когда геологическія изслѣдованія въ достаточной степени раскрыли строеніе Крымской степи, буреніе артезіанскихъ колодцевъ пошло успѣшно, и въ настоящее время насчитываютъ нѣсколько десятковъ прекрасно дѣйствующихъ колодцевъ въ уу. Симферопольскомъ, Ѳеодосійскомъ, въ Перекопскомъ и отчасти въ Евпаторійскомъ. Въ то же время изслѣдованія показываютъ, что въ нѣкоторыхъ районахъ полуострова нечего надѣяться на водоснабженіе артезіанскимъ способомъ. Къ такимъ безнадежно безводнымъ мѣстностямъ принадлежитъ вся внутренняя часть степи, Евпаторійское плато и почти весь Керченскій полуостровъ.

На поверхности Крымской степи единственными водными вмѣстилищами являются озера и сиваши, но всѣ эти бассейны содержатъ соленую воду, и представляютъ остатки моря, покрывавшаго въ ближайшую геологическую эпоху всю низменную часть степи, и не успѣвшаго еще окончательно высохнуть.

Въ зависимости отъ разнообразныхъ физическихъ условій растенія и животная различныхъ областей Крыма весьма несходны.

Внутреннія черноземныя пространства степей, какъ и въ сосѣднихъ континентальныхъ губерніяхъ, представляютъ во время весенняго пробужденія природы обильное развитіе травяной растительности, когда почва увлажняется вешними водами. Ковыльная степь является здѣсь во всемъ своемъ убранствѣ и пестрѣетъ безчисленными цвѣтами. Но крайняя сухость убиваетъ всякую растительность здѣсь еще скорѣе, чѣмъ на сѣверномъ побережьи Чернаго моря и къ лѣту остаются только засохшіе, побурѣвшіе стебли, которые вѣтеръ легко ломаетъ и вмѣстѣ съ облаками пыли перекатываетъ по степи цѣлыми ворохами. Гдѣ почва пропитана солью, тамъ уже иная растительность: издали еще бросается въ глаза красноватый цвѣтъ солянокъ и сѣрый оттѣнокъ полыни,

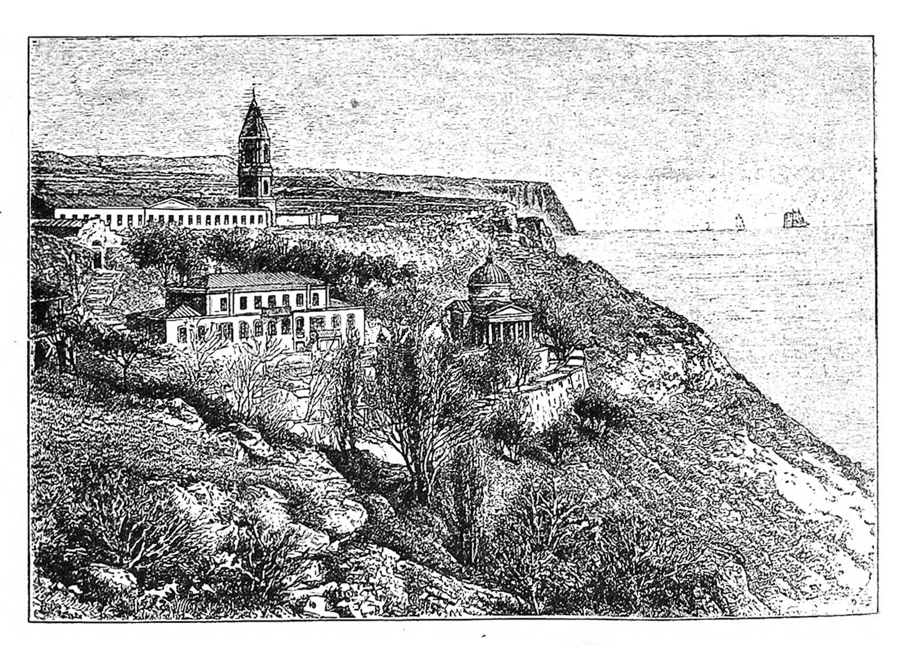
*

лебеды и др. растеній, свойственныхъ солончакамъ. По составу животнаго царства Крымская степь нисколько не отличается отъ сосѣднихъ степей материка. Что касается соленыхъ озеръ и сиваша, то въ нихъ почти нигдѣ нѣтъ рыбы, даже лягушки не живутъ вокругъ этихъ, въ полномъ смыслѣ слова, „мертвыхъ" бассейновъ, а потому здѣсь нѣтъ и весенняго птичьяго населенія, не находящаго себѣ здѣсь никакой поживы.

Уже въ предгорьяхъ начинаютъ попадаться заросли кустарниковъ и рощицы, въ которыхъ ютится самое разнообразное животное населеніе. Выше предгорій лѣсъ вступаетъ въ свои права и покрываетъ большую часть горныхъ склоновъ, въ особенности наиболѣе крутые и недоступные для безпощаднаго истребителя ихъ человѣка. Господствующія лѣсныя породы: букъ, дубъ, ясень, кленъ, грабъ, сосна, ольха, дик. яблоня и груша, различные кустарники: орѣшина, боярышникъ, шиповникъ, кизилъ и др. На южномъ склонѣ и въ прибрежной полосѣ растутъ уже фиги, лавры, гранаты, кипарисы, кедры, пробковый дубъ, магноліи и даже нѣкоторые представители тропической флоры: пальмы, тюльпанное дерево, бамбукъ и др. Вообще южный берегъ Крыма по своей растительности сходенъ съ полуостровами юго-западной Европы, по мнѣнію проф. Бекетова, наиболѣе съ Тосканскою провинціею Италіи. Бѣдность животнаго міра горной области и отсутствіе многихъ видовъ самыхъ обыкновенныхъ представителей кавказской фауны (напр., медвѣдей, бѣлокъ, кабановъ и др.) заставляетъ предположить, что Крымъ (именно возвышенная его область) представлялъ раньше островъ.

Заселенность Крымскаго полуострова не велика, въ общемъ менѣе континентальной части Таврической губерніи, изъ 1.443,566 жит. всей губерніи на Крымъ приходится лишь около 400,000 чел. Большая часть населенія сосредоточена на небольшой сравнительно площади горной и въ особенности на роскошномъ южномъ побережьи.

Этнографическій составъ населенія чрезвычайно разнообразенъ. Преобладающій элементъ составляютъ татары, особенно въ горной области, гдѣ на нихъ при-



Утесъ и монастырь св. Георгія.

Гурзуфъ.

ходится около 89°/о всѣхъ жителей, да и въ степной части они составляютъ около половины населенія. Среди татаръ можно различать два типа: степныхъ, представляющихъ прямыхъ потомковъ азіатскихъ монголовъ и горныхъ — несомнѣнно сильно смѣшаннаго типа, являющихся потомками болѣе древнихъ жителей южнаго берега, главнымъ образомъ проникнувшихъ въ Крымъ моремъ изъ южной Европы греческихъ и итальянскихъ колонистовъ, съ теченіемъ времени отатарившихся и принявшихъ исламъ и татарскій языкъ.

Языкъ горскихъ татаръ пестритъ словами турецкими, испорченными греческими и итальянскими, такъ что степные соплеменники съ трудомъ могутъ ихъ понимать.

Кромѣ татаръ въ Крыму живутъ русскіе (больше всего въ Ѳеодосійскомъ уѣздѣ), греки, армяне, караимы, нѣмцы, чехи, болгары, цыгане и евреи.

Исторія Крыма очень интересна.

Въ известковыхъ стѣнахъ горъ открыты многочисленныя пещерныя сооруженія, представляющія цѣлые подземные города. Повсемѣстно въ горахъ, особенно въ юго-западной части полуострова, находятся могилы, похожія на древнія галльскія. Изслѣдованія этихъ пещеръ и могилъ показываютъ, что онѣ были обитаемы человѣкомъ каменнаго вѣка, и весьма вѣроятно, что это древнѣйшее населеніе имѣло родственную связь съ племенами Кавказа. Первыя историческія свидѣтельства, доставляемыя Геродотомъ, называютъ жителей Крыма киммерійцами, которые потомъ были вытѣснены таврами (откуда и произошло греческое названіе полуострова—„Таврида“), вѣроятно, скиѳской народности. Возможно допустить, что киммерійцы и были обитатели пещеръ. Скиѳы, населявшіе Крымскій полуостровъ во времена греческой колонизаціи, принадлежали, несомнѣнно, къ арійской рассѣ и очень скоро усвоили греческую цивилизацію, о чемъ свидѣтельствуютъ многочисленные памятники искусствъ, мало уступающіе произведеніямъ классической Греціи. Въ особенности близъ Керчи, древней Милетской колоніи Панти-

капеи, многочисленныя древнія могилы и катакомбы эксплоатировались искателями кладовъ, такъ какъ въ нихъ очень часто находились собранія различныхъ предметовъ изъ драгоцѣнныхъ металловъ. Генуэзскіе купцы были особенно искусны въ раскапываніи древнихъ могилъ и именно во времена ихъ господства была разрыта и ограблена большая часть царскихъ могилъ въ окрестностяхъ Керчи. Систематическія раскопки, начатыя археологами уже въ текущемъ столѣтіи, доставили огромное количество цѣнныхъ находокъ (оружія, украшенія, домашняя утварь и т. п.), большая часть которыхъ хранится въ Петербургскомъ Эрмитажѣ.

Въ области степей Южной Россіи народы находились въ постоянномъ движеніи и безпрестанно вытѣсняли одни другихъ. Въ то же время племена, попавшія въ Крымъ, находили себѣ точку опоры въ тѣснинахъ южной гористой области и могли долго отражать нападенія новыхъ пришлецовъ, сохраняя свою независимость и національность. Примѣровъ такого охраняющаго значенія крымскихъ горъ очень много. Такъ, аланы, исчезнувшіе изъ южныхъ степей еще въ самомъ началѣ русской исторіи, сохранились въ Крыму, хотя и въ небольшомъ числѣ, подъ именемъ асовъ или ясовъ до XIV столѣтія, какъ о томъ свидѣтельствуютъ нѣкоторые историки *). Готы, основавшіе въ началѣ среднихъ вѣковъ огромную имперію, вскорѣ исчезли, какъ отдѣльная народность, между тѣмъ небольшой отрядъ ихъ, поселившійся въ крымскихъ горахъ, продержался здѣсь болѣе 1000 лѣтъ, сохраняя свой языкъ и національность: писатели XIII в. вполнѣ опредѣленно говорятъ о странѣ „Готіи" въ южной Тавридѣ, объ нихъ повѣствуютъ и писатели XVI в. и даже въ XVII столѣтіи одна изъ группъ этого народа, жившая вокругъ старинной крѣпости Мангупъ-Кале, отличалась своимъ явно германскимъ типомъ и языкомъ отъ всего окружающаго населенія. И теперь еще въ окрестностяхъ Бахчисарая сохранилось старинное „готвейское" кладбище, могилы котораго принадлежатъ къ двумъ эпохамъ: къ языческой и христіанской. Подобно этому и татары долгое время удерживались на Крымскомъ полуостровѣ.

Татары овладѣли Крымомъ въ XIII в., и царство, основанное ими здѣсь, достигло наибольшаго процвѣтанія при династіи Гиреевъ, которые воцарились въ половинѣ XVI в. и состояли въ вассальной зависимости отъ турецкаго султана. Въ то время въ Крыму было много очень населенныхъ городовъ. Ѳеодосія, носившая названіе „Малаго Стамбула", по одному свидѣтельству (въ 1753 году) имѣла 20,000 дворовъ и 111 церквей и мечетей. По Кучукъ-Кайнарджійскому трактату 1774 г. Турція признала независимость крымскаго ханства, а въ 1783 г. оно перешло уже во владѣніе Россіи. На зовъ полновластно распоряжавшагося здѣсь Потемкина явилась масса новыхъ поселенцевъ: греки, итальянцы, калмыки, русскіе, славяне Балканскаго полуострова. Въ то же время татарское населеніе стало уменьшаться, такъ какъ многіе изъ нихъ переселялись во владѣнія турецкаго султана. Образовались два встрѣчныхъ потока переселенія: крымскіе магометане шли на оттоманскую почву, а христіане, подвластные Турціи, приходили въ Крымъ, чтобы занять покинутыя земли. Эмиграція татаръ еще усилилась впослѣдствіи во время крымской войны (1854—55 гг.): болѣе 500 деревень и поселковъ совершенно опустѣли въ этотъ періодъ. Тѣмъ не менѣе, татарскій элементъ въ Крыму еще и теперь весьма значителенъ.

Большой интересъ представляютъ крымскіе евреи, которые принадлежатъ къ особой сектѣ караимовъ (или караитовъ). Отличіе ихъ отъ остальныхъ евреевъ въ религіозномъ отношеніи заключается въ томъ, что они не признаютъ Талмуда и сохранили во всей чистотѣ вѣроученіе закона Моисеева и Ветхаго Завѣта. По типу своему они болѣе походятъ на татаръ, чѣмъ на евреевъ, и говорятъ татарскимъ языкомъ, хотя употребляютъ еврейскую азбуку. Нѣкоторые изъ нихъ—земледѣльцы, но большинство занимается торговлею и ремеслами. Подобно татарамъ, съ которыми караимы очень сходны, они отличаются честностью, чистоплотностью, трудолюбіемъ и вообще пользуются всеобщимъ уваженіемъ. Караимы при ханахъ жили преимущественно въ мѣстечкѣ Чуфутъ-кале (близъ Симферополя), которое представляло какъ бы Іерусалимъ ихъ секты. Но въ настоящее время они разселились по городамъ полуострова. Нѣкоторые ученые видятъ въ караимахъ потомковъ древнихъ хозаръ, которые, какъ извѣстно, исповѣдывали іудейскую религію, но несомнѣнно, что они смѣшались съ татарами. Впрочемъ, еврейскій элементъ существовалъ въ Крыму съ весьма отдаленныхъ временъ, такъ какъ на полуостровѣ найдены древнееврейскія надписи, относящіяся даже къ І-му вѣку.

Армяне проникли въ Крымъ еще въ XIV столѣтіи и до сихъ поръ сохранили въ чистотѣ свой языкъ и вѣру. Нѣмцы, эстонцы, чехи, болгары—по большей части зажиточные земледѣльцы, получившіе при поселеніи большіе участки.

Главный городъ Таврической губ. Симферополь (48,821 ж.) занимаетъ

*) См. Реклю, стр. 450.

центральное положеніе на полуостровѣ, въ плодоносной долинѣ самой большой крымской рѣки, Салгира и у сѣверной оконечности прохода черезъ горы въ низменности южнаго берега.

На этомъ мѣстѣ, раньше существовалъ древній татарскій городъ Акъ-Мечеть, сожженный русскими въ 1736 г., почему въ современномъ городѣ старинныхъ татарскихъ построекъ почти-что совсѣмъ нѣтъ.

Недалеко отсюда къ юго-западу находится прежняя столица крымскаго ханства Бахчисарай, (12,955 ж.) «Дворецъ садовъ»,—городъ наиболѣе сохранившій свою восточную физіономію.

Населеніе его и въ настоящее время состоитъ почти исключительно изъ татаръ, караимовъ и грековъ. Весь городъ тонетъ въ садахъ, надъ которыми возвышаются бѣлые минареты. Бахчисарай сравниваютъ съ испанскою Гранадою; здѣсь есть и своя Альгамбра—дворецъ хановъ (Ханъ-Сарай), чрезвычайно роскошный, въ восточномъ вкусѣ, прославленный въ поэмѣ Пушкина „Бахчисарайскій фонтанъ“.

Къ В. отъ Симферополя, на сѣверномъ склонѣ горной области, старинный татарскій городъ Карасу-Базаръ, жит. 12,961.

Юго-западная оконечность полуострова представляетъ знаменитый въ древности мысъ Херсонесъ, имя котораго встрѣчается въ греческихъ миѳахъ и въ поэзіи.

На этомъ мысѣ, говорятъ, скиѳы соорудили храмъ Діаны, въ честь которой жрица Ифигенія должна была приносить въ жертву чужеземцевъ, выброшенныхъ бурею на берегъ. Здѣсь же впослѣдствіи находился греческій городъ Корсунь, который прославился въ русской исторіи крещеніемъ св. Владиміра.

Нѣсколько далѣе къ востоку находится портъ Балаклава (1,274 ж.), до сихъ поръ населенная преимущественно греками и привлекающая массу публики на купальный сезонъ, съ очень удобною бухтою, совершенно закрытою отъ вѣтровъ береговыми утесами, а къ сѣверу отъ м. Херсонеса приблизительно на такомъ же разстояніи помѣщается Севастополь съ обширною и очень удобною бухтою.

Севастополь и многія изъ его окрестностей (Малаховъ Курганъ, Инкерманскія высоты и др.) пріобрѣли всемірную извѣстность кровопролитнѣйшимъ въ новѣйшее время столкновеніемъ, во время котораго у обѣихъ борющихся сторонъ побито было болѣе 150 тысячъ человѣкъ. Севастополь, населеніе котораго въ началѣ войны простиралось до 40,000 т. чел., послѣ 11-ти-мѣсячной осады, во время которой онъ выдержалъ 6 страшныхъ бомбардировокъ и три общихъ штурма, послѣ отступленія союзныхъ войскъ представлялъ лишь груды развалинъ, но въ настоящее время снова возрождается, благодаря значенію своего порта и проведенію къ нему желѣзной дороги. (По переписи 1896 г. число жит. 50,710). Въ скалахъ Инкермана замѣчательны обширныя пещеры и подземныя галлереи, образующія настоящій подземный городъ. Нѣкоторыя изъ подземныхъ залъ настолько обширны, что въ нихъ свободно можетъ помѣститься до 500 чел.

Къ востоку отъ Балаклавы мѣстность становится необыкновенно живописною и здѣсь проходитъ дорога южнаго берега.

По роскошной природѣ и необыкновенной живописности горныхъ пейзажей, южный берегъ считается самымъ привлекательнымъ уголкомъ Россіи, а благодатный климатъ дѣлаетъ всю эту мѣстность сплошнымъ климатическимъ лечебнымъ курортомъ, куда

ежегодно, особенно на осенніе мѣсяцы, со всѣхъ концовъ Россіи стекаются тысячи пріѣзжихъ туристовъ, ищущихъ здѣсь наслажденій красотами природы и всякаго рода жаждущихъ излеченія. Морскія купанья и цѣлебныя грязи *), горный воздухъ, лечебный виноградъ, а главнымъ образомъ „райскій" климатъ въ большинствѣ случаевъ производятъ чудеса, и чахлые чахоточные, разслабленные и страждущіе всевозможными недугами въ нѣсколько мѣсяцевъ возстановляютъ свои силы, какъ бы по волшебству.

Близъ мыса Ай-Тодоръ расположены великолѣпныя дачи, Алупка, Оріанда, императорскій дворецъ Ливадія, Никитскій Садъ, окруженный роскошными парками, гдѣ собраны самыя рѣдкія растенія. Дачи блещутъ роскошью и украшены драгоцѣнными произведеніями искусства.

У подножія лѣсистыхъ горъ, расположенныхъ амфитеатромъ, раскинулся городъ Ялта съ прекраснымъ видомъ на море (13,269 ж.).

Большинство прибрежныхъ городовъ Крыма древняго происхожденія, это по большей части колоніи грековъ, венеціанцевъ, генуэзцевъ, которые въ средніе вѣка вели здѣсь обширную торговлю и настроили здѣсь множество замковъ въ живописныхъ горныхъ мѣстностяхъ. Нѣкоторые изъ такихъ городовъ пришли теперь въ упадокъ; какъ, напримѣръ, Судакъ, нѣкогда знаменитый венеціанскій городъ **), позднѣе перешедшій во владѣніе генуэзцевъ, отъ которыхъ осталось множество архитектурныхъ памятниковъ. Алушта, бывшая цвѣтущая генуэзская колонія, въ настоящее время не болѣе, какъ деревня, хотя по своему положенію она является портомъ Симферополя, отъ котораго отстоитъ лишь на 40 в.

Къ востоку отъ Судака, почти на перешейкѣ, соединяющемъ Крымъ съ Керченскимъ полуостровомъ, находится городъ Ѳеодосія (Каффа), весьма древняя греческая колонія, основанная выходцами изъ Милета.

Расположенный около удобной бухты Чернаго моря и въ близкомъ сосѣдствѣ съ Азовскимъ моремъ и Сивашемъ, а также и на удобномъ пути внутрь полуострова, такъ какъ цѣпь крымскихъ горъ здѣсь оканчивается, городъ этотъ въ продолженіи болѣе 1000 лѣтъ игралъ очень важную роль въ торговыхъ сношеніяхъ грековъ со Скиѳіею и съ дальнимъ Востокомъ. Въ XIII в. городъ этотъ, испытавшій уже множество вражескихъ нашествій, поступилъ во владѣніе генуэзцевъ и вскорѣ сдѣлался главнымъ торговымъ портомъ на всемъ Черномъ морѣ, самымъ главнымъ пунктомъ сношеній съ Туранскимъ Востокомъ. Въ одномъ историческомъ документѣ, относящемся къ 1455 г., говорится, что Ѳеодосія „превосходитъ Константинополь—не по протяженію городскихъ стѣнъ, но по числу жителей"***). Въ 1475 г. онъ былъ разоренъ турками, но потомъ опять поднялся и сдѣлался главнымъ невольничьимъ рынкомъ для плѣнныхъ, захваченныхъ татарами въ южной Россіи: на рынкѣ этомъ иногда скоплялось разомъ до 30,000 невольниковъ Уже при завоеваніи Крыма русскими въ Ѳеодосіи насчитывалось до 85,000 жителей, въ настоящее время 27,238 ж.

Такую же, если еще не большую роль игралъ нѣкогда г. Керчь, древняя греческая колонія Пантикапея, основанная за $2^1/_2$ тысячи лѣтъ до нашего времени милетцами на берегу пролива, извѣстнаго подъ именемъ Босфора Киммерійскаго. (Въ 1896 г. 28,982 жит.).

*) Не только на южномъ берегу, но и въ другихъ частяхъ полуострова: наилучшія купанья въ Евпаторіи. Извѣстныя грязелечебницы Сакская, Чокракская, Майнакская и др.

**) Въ Судакской торговой факторіи былъ торговый домъ фамиліи Марко-Поло, изъ которой вышелъ знаменитый путешественникъ по Азіи.

***) Реклю, стр. 460.

Городъ этотъ въ глубокой древности былъ столицею обширнаго и знаменитаго Босфорскаго царства, а позднѣе здѣсь была столица славянскаго Тмутараканскаго княжества. Разоренный въ эпоху великаго переселенія народовъ, городъ этотъ во времена генуэзскаго владычества пріобрѣлъ большую важность, но потерялъ почти все свое торговое значеніе съ вторженіемъ турокъ. Со времени завоеванія Крыма русскими, Керчь, стражъ пролива, соединяющаго Азовское море съ Чернымъ, пріобрѣлъ значеніе, какъ стратегическій пунктъ и во время союзнической войны былъ разрушенъ. Въ окрестностяхъ Керчи, на скатѣ Митридатовой горы, устроенъ богатый музей древностей, заключающій обширныя коллекціи археологическихъ находокъ.

Недалеко отъ Керчи находится городокъ Еникале, имѣющій нѣкоторое торговое значеніе, жит. 1,360.

Отъ горной области на всемъ пространствѣ степей до самаго перешейка нѣтъ ни одного города. Только на западномъ берегу помѣщается г. Евпаторія (17,915 ж.), населенный татарами, армянами, евреями и почти что не имѣющій русскаго населенія.

Городъ этотъ древній и игралъ значительную роль еще въ XV столѣтіи, а въ настоящее время извѣстенъ какъ лечебный курортъ (грязелечебница) и одинъ изъ главнѣйшихъ пунктовъ соляного промысла.

Въ 1854 г. здѣсь высадились союзныя войска и отсюда направились къ Севастополю.

Наконецъ, на самой сѣверной оконечности полуострова, въ самомъ узкомъ мѣстѣ перешейка, находится древній городъ Перекопъ, гдѣ въ древнее время былъ глубокій ровъ («перекопъ»), а въ XV столѣтіи ханомъ Менгли-Гиреемъ вы-

Чабанъ въ степи.

строена большая стѣна, чтобы преградить доступъ на полуостровъ со стороны материка.

Въ континентальной части Таврической губ. города расположены или по берегу моря, или же вдоль сѣвера западной границы губерніи, по берегу р Днѣпра.

Изъ городовъ Азовскаго побережья наибольшее значеніе имѣетъ г. Бердянскъ (27,247 ж.), благодаря своей гавани, превосходящей всѣ остальныя на Азовскомъ морѣ по глубинѣ. Въ виду этого значеніе Бердянскаго порта все возрастаетъ, особенно со времени проведенія къ нему вѣтки желѣзной дороги. Портъ этотъ въ настоящее время начинаетъ сильно конкуррировать съ Таганрогомъ по отпускной хлѣбной торговлѣ.

Довольно значительны торговые обороты также въ Геническомъ портѣ, расположенномъ около пролива, отдѣляющаго Арабатскую стрѣлку и въ сосѣднеи съ нимъ слободѣ Ново-Алексѣевкѣ, благодаря положенію при морѣ и на желѣзной дорогѣ, проходящей здѣсь на Крымскій полуостровъ. Городъ Мелитополь (15,120 ж.) имѣетъ значеніе лишь какъ желѣзнодорожная станція; города: Ногайскъ (3,969 ж.) недалеко отъ Бердянска и Орѣховъ (3,099 ж.) на границѣ съ Екатеринославскою губ. значенія не имѣютъ.

У устьевъ Днѣпра, на лѣвомъ берегу, расположенъ г. Алешки, который въ прежнія времена служитъ главнымъ портомъ для всего нижняго теченія Днѣпра: еще съ X онъ являлся складочнымъ пунктомъ для торговли грековъ съ варягами черезъ Кіевъ. Въ то время городъ этотъ назывался Олешн, но впослѣдствіи генуэзцы переименовали его въ Элисъ (Elick), а отсюда уже произошло постепенно нынѣшнее названіе. Интересно, что древнее греческое имя Гилеа (ὑλέα) точно также какъ и вышеприведенныя древнія названія означаютъ «лѣсной», хотя въ настоящее время во всей этой мѣстности нѣтъ даже и признаковъ лѣсной растительности.

Алешки и въ настоящее время играютъ нѣкоторую роль въ торговлѣ, но теперь уже этотъ городъ составляетъ не болѣе, какъ предмѣстье Херсона, лежащаго почти напротивъ, по ту сторону Днѣпра, въ 10-ти верстномъ разстояніи. (О разведеніи винограда см. общ. очеркъ, стр. 393).

ЦЕНТРАЛЬНАЯ ЗЕМЛЕДѢЛЬЧЕСКАЯ ОБЛАСТЬ

(Рязанская, Тульская, Орловская, Курская, Тамбовская и Воронежская губ.).

Въ средней части Европейской Россіи, приблизительно къ Ю. отъ Оки, начинается пластъ чернозема, сначала тонкій и съ перерывами другихъ, нечерноземныхъ почвъ, но постепенно къ Ю. онъ утолщается, продолжаясь въ то же къ В. и къ З.

Южная часть Окскаго бассейна поэтому съ давнихъ временъ являлась центральнымъ райономъ земледѣлія, но значеніе его было больше въ то время, когда современныя «житницы» Россіи: хлѣбородныя губерніи Малороссіи и Новороссіи, а также тучныя поля средняго Поволжья, южнаго Пріуралья и Предкавказья еще не принадлежали вполнѣ къ составу Россіи и не могли играть такой роли въ снабженіи государства сельско-хозяйственными продуктами, какъ въ настоящее время, когда всѣ эти области уже въ достаточной степени населены, замирены и въ полной мѣрѣ составляютъ «русскія» области.

Бассейнъ Оки въ историческомъ ходѣ развитія государства составляетъ истинный центръ Европейской Россіи какъ въ географическомъ, такъ и въ этнографическомъ, а отчасти также и въ экономическомъ отношеніи. Именно, въ районѣ ея главныхъ притоковъ съ лѣвой стороны: Клязьмы и Москвы установились послѣдовательно собирательные центры великороссовъ (Суздаль, Владиміръ, Москва).

Населеніе Окскаго бассейна еще въ эпоху роста московскаго государства было почти сплошь великорусское, и финскіе инородцы, аборигены этой области, уже въ то время совершенно слились со славянами и составили съ ними одинъ народъ. Впрочемъ еще и до настоящаго времени въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Тамбовской губ. сохранились отчасти мордовскіе типы, но чтобы найти болѣе чистыхъ потомковъ этого племени, надо отправиться далѣе на С.-В.; къ устьямъ Оки и въ долину р. Волги. Татарскія же деревни, встрѣчающіяся въ Рязанской губ. и отчасти въ другихъ, составились изъ поселенцевъ болѣе поздняго времени. Наконецъ, и въ торгово-промышленномъ отношеніи Ока является столь же важной, какъ и верхнее теченіе Волги. Къ С. отъ Оки простирается Центральный фабричный и мануфактурный районъ, а къ Ю. Заводскій.

Разсматриваемая земледѣльческая область составляетъ южную часть окскаго бассейна и далѣе къ Ю. захватываетъ верхнее теченіе Дона, Воронежа, Донца, Оскоча, а въ западной части немного заходитъ въ предѣлы Днѣпровскаго бассейна: въ Курской губерніи протекаетъ Сеймъ, начинается Пселъ и Ворскла, въ Орловской—находятся верховья Десны.

Границами земледѣльческой области служатъ на С. губ. промышленнаго района: Калужская, Московская, Владимірская, Нижегородская, на В.—тоже черноземныя и земледѣльческія губ. приволжскія: Пензенская, Саратовская и Земля Войска Донскаго, на Ю.—Малороссія (губ. Харьковская, Полтавская), на З.—Черниговская и Смоленская. Со стороны Малороссіи (съ Ю. и отчасти съ З.) граница опредѣляется довольно рѣзко, этнографическимъ составомъ населенія, что же касается Поволжья: верхняго—промышленнаго и средняго—черноземнаго, то здѣсь отличіе отъ описываемаго района заключается не въ этнографіи, а въ историческомъ прошломъ (какъ въ Донской казачьей области) и въ спеціальныхъ экономическихъ и бытовыхъ условіяхъ, которыя связаны съ могучею рѣкою Волгою. Разсматриваемыя 6 губ. занимаютъ площадь въ 270,417 кв. в. съ общимъ населеніемъ 12.973,316, что составляетъ среднюю плотность на 1 кв. в. около 50 чел., а въ Курской губ. даже около 60 чел. на 1 кв. в. (58,7).

По устройству поверхности центральная земледѣльческая область представляетъ двѣ различныя части, границею между которыми можно признать верхнее теченіе Дона къ С. отъ 51-й параллели и прямую линію, продолженную къ устью р. Москвы: къ В. отъ этой границы находится Центральная Русская низменность или Окско-Донская, къ З.—Средне-русская возвышенность.

Такимъ образомъ губ. Рязанская, Тамбовская и часть Воронежской являются низменными, а Тульская, Орловская, Курская и другая часть Воронежской — возвышенными. Наибольшую впадину представляетъ сѣверная часть Рязанской губ., лежащая за Окою, гдѣ уровень поверхности ниже площади Полѣсскихъ болотъ на 20 саж., а также долина р.р. Цны и Мокши. Остальныя части восточной половины возвышаются все-таки на 300—400 ф. надъ уровнемъ моря. Въ Тамбовскую губ. кромѣ того заходятъ отроги Приволжской возвышенности, которые составляютъ водораздѣлъ бассейновъ Оки и Дона и соединяются съ Средне-русской возвышенностью.

Въ западной части можно различать уже горныя или холмистыя гряды, возвышающіяся на центральной плоской возвышенности. Главная гряда высотою въ 120—130 и даже до 145 саж. проходитъ въ Тульской губ. отъ г. Одоева до Епифани, затѣмъ тянется по Орловской губ. къ Новосилю и Ельцу, наполняя своими многочисленными отрогами у.у. Мценскій, Малоархангельскій, Ливенскій. Въ средней части Орловской губерніи проходитъ другая гряда, общимъ ходомъ своихъ извилинъ напоминающая букву З: начинаясь въ Карачевскомъ уѣздѣ, она проходитъ въ юго-восточномъ направленіи къ уѣзду Кромскому, огибаетъ г. Дмитровскъ и даетъ холмистый отрогъ къ г. Сѣвску, а другая высокая гряда идетъ къ верховьямъ р. Оки и здѣсь круто поворачиваетъ къ Ю., проходитъ въ Курскую губ. и въ восточной части ея, въ у.у. Тимскомъ, Старо-Оскольскомъ, образуетъ возвышенную полосу (130—134 саж. выс.) съ яснымъ паденіемъ на З. Въ Воронежской губ., вдоль праваго берега Дона, Средне-русская возвышенность продолжается широкою полосою, круто обрываясь къ долинѣ Дона и отъ него спускаясь къ Ю.-В. Главнѣйшіе склоны въ разсматриваемой части Средне-русской возвышенности направляются къ С. и въ этомъ направленіи происходитъ стокъ водъ къ Волжскому бассейну—Ока и ея верхніе притоки, и къ З., въ сторону днѣпровской покатости, куда стекаютъ Десна, Сеймъ, Пселъ, Ворскла. Наконецъ, въ южной части наблюдается третій склонъ—къ Ю.-В. и въ этомъ направленіи текутъ рѣки Донской системы: Сѣверный Донецъ и Осколъ. Теченіе же самого Дона составляетъ уже границу плоской возвышенности и къ востоку отъ него простирается болѣе низменная и болѣе равнинная площадь, гдѣ ясно различается только два склона: къ Сѣверу и къ Югу. Въ первомъ направленіи текутъ притоки Оки, во второмъ—рѣки Донской системы: Донъ, Воронежъ, Битюгъ, Ворона, Хоперъ и другія.

Типы и костюмы Тульской губерніи.

Въ климатическомъ отношеніи вся центральная земледѣльческая область представляется въ значительной степени однообразною.

Можно, впрочемъ, указать на нѣкоторую разницу въ среднихъ годовыхъ температурахъ, которая обусловливается условіями рельефа еще болѣе, чѣмъ разницею въ широтахъ (Воронежъ 5,1°, Курскъ 5,2°, Орелъ 4,9°, Тула 4,5°, Рязань 4,5°, Тамбовъ 4,9°). Особенно ясно значеніе возвышенностей при сравненіи Орловской и Курской губ., послѣдняя, подъ защитою высотъ вышеупомянутой холмистой гряды, проходящей по Орловской губ., обладаетъ болѣе мягкимъ климатомъ, такъ какъ въ значительной степени закрыта

отъ вліянія холодныхъ, сѣверо-восточныхъ вѣтровъ. Эта же разница въ климатѣ ясно сказывается и въ растительности этихъ двухъ губерній. По мнѣнію акад. Веселовскаго, разница во флорѣ этихъ двухъ губерній весьма значительна, точно пространства ихъ отдѣлены не одной сотней верстъ, несмотря на то, что губерніи эти смежны. Разница эта, конечно, наиболѣе замѣтна въ южныхъ и юго-западныхъ, наименѣе возвышенныхъ частяхъ Курской губ. по сравненію съ выпуклостями Орловской губ. При этомъ надо, впрочемъ, принять во вниманіе и разницу въ почвѣ. Чистый черноземъ юго-западной части Курской губ. слегка известковый, не только отличается большею производительностью сравнительно съ почвами Орловскими, но и болѣе способенъ воспринять теплоту солнечныхъ лучей, чѣмъ и обусловливается разница въ ростѣ и въ усвоеніи питательныхъ веществъ растеніями. Орловская губ. является южною границею многихъ степныхъ растеній черноземной полосы, тогда какъ въ Курской губ. отличительными породами деревьевъ являются грецкій орѣшникъ, бѣлая и розовая акація, кленъ сплошными рощами, черноклен, ясень, вязъ, ильмъ, осокорь. Въ Путивльскомъ у. въ послѣднее время даже начали съ успѣхомъ разводить тутовое дерево для шелководства, производятся попытки разведенія винограда (съ укрываніемъ на зиму), на бахчахъ превосходно зрѣютъ арбузы и дыни, съ каждымъ почти годомъ увеличиваются посѣвы свекловицы, табаку, мака и душистыхъ аптечныхъ растеній.

Осадками разсматриваемая нами область вообще не особенно богата, хотя здѣсь наблюдается разница между восточной и западной ея частью: въ губерніяхъ Рязанской, Тамбовской и въ восточной половинѣ Воронежской среднее количество влаги, выпадающей за годъ, измѣняется отъ 400 до 500 mm., тогда какъ въ остальныхъ частяхъ области количество это больше: 500—600 mm. Какъ и вездѣ въ Европейской Россіи, климатъ отъ С.-З. къ Ю.-В. становится болѣе континентальнымъ и болѣе приближается къ степному. Распредѣленіе осадковъ по временамъ года неправильно: зимы обыкновенно бываютъ не обильны снѣгами, а въ іюнѣ и іюлѣ выпадаетъ наибольшее количество влаги.

Такое распредѣленіе влаги не особенно выгодно для сельскаго хозяйства. Подъ тонкимъ снѣжнымъ покровомъ растительность оказывается плохо защищенною отъ сильныхъ морозовъ, которые въ январѣ не рѣдко доходятъ до —30°, а въ исключительные годы даже въ Курской губерніи случаются и 40-градусные морозы. Съ другой стороны, наибольшее количество осадковъ среди лѣта, не принося пользы растительности, лишь тормозитъ сельскія работы.

Въ предѣлахъ Курской губ., около южной ея границы, находится чрезвычайно интересная небольшая область, представляющая замѣчательную аномалію земного магнетизма, такъ называемая *Бѣлгородско-Непхаевская магнитная аномалія* (изслѣдованія Смирнова, Пильчикова, Сергіевскаго, Тилло, Лейста), что подало поводъ предполагать существованіе въ нѣдрахъ земли этого района обширныхъ залежей желѣзныхъ рудъ. Однако же, многочисленныя попытки къ обнаруженію этихъ предполагаемыхъ богатствъ пока остаются тщетными, и губернское земское собраніе израсходовало на этотъ предметъ уже значительныя суммы.

Въ разсматриваемой области однако желѣзныя руды извѣстны во многихъ мѣстахъ: въ Орловской губ. въ уу. Кромскомъ, Болховскомъ, Карачевскомъ, Орловскомъ, Малоархангельскомъ и Ливенскомъ, почти повсемѣстно среди пластовъ юрскихъ глинъ залегаютъ шпатовые желѣзняки, содержащіе иногда до 70% углекислой закиси желѣза, также въ Тульской губ. желѣзныя руды сильно распространены (особенно въ Крапивенскомъ у. въ окрестностяхъ дер. Колпы и Подлѣсной), гдѣ онѣ имѣютъ тѣмъ больше значенія, что здѣсь же открыты и залежи каменнаго угля. Въ Рязанской губ. въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разрабатывается каменный уголь, преимущественно въ уу. Данковскомъ, Скопинскомъ и Раненбургскомъ, а вмѣстѣ съ нимъ распространены обыкновенно и желѣзныя руды (Истьинскій заводъ въ Пронскомъ у., Ибердинскій въ у. Ряжскомъ, Бѣлыничскій въ Касимовскомъ у. Синтульскій въ Егорьевскомъ у. и др.).

Наконецъ, уже въ самое послѣднее время *) открыты обширныя рудныя мѣсторожденія (желѣзныя) въ Орловской губ.. гдѣ частныхъ землевладѣльцевъ уже охватила спекулятив-

*) См. „Новости“, 22 іюня и 13 іюля 1899 г.

ная горячка, и еще болѣе въ Тамбовской губ. въ окрестностяхъ г. Липецка. Хотя еще Петръ Великій устроилъ здѣсь заводъ для отливки пушекъ, ядеръ и другихъ артиллерійскихъ и морскихъ принадлежностей, однако, заводъ этотъ утратилъ всякое значеніе съ устройствомъ Луганскаго завода въ Екатеринославской губ. (въ 1795 г.). При Петрѣ же въ Липецкѣ обращено было вниманіе и на Липецкія минеральныя воды, гдѣ устроенъ настоящій лѣчебный курортъ, и въ саду поставленъ чугунный памятникъ Петру. Минеральныя воды встрѣчаются и во многихъ другихъ мѣстностяхъ земледѣльческой области, напр. въ Курской губ., около Курска, на дачѣ г-жи Стезевой (источникъ съ лѣчебнымъ заведеніемъ) около станціи Золотухино и др.

Общій характеръ физическихъ условій разсматриваемаго района благопріятствуетъ сельскохозяйственнымъ занятіямъ жителей. Почва здѣсь за весьма небольшими исключеніями плодородная, климатъ способствуетъ произрастанію большинства культурныхъ растеній, свойственныхъ Европейской Россіи, какъ по достаточной степени теплоты, такъ и по влажности атмосферы и почвы.

Въ прежнія времена большую часть территоріи описываемыхъ губерній занимали обширные дремучіе лѣса (знаменитые Брянскіе, Муромскіе и др.), но съ увеличеніемъ населенія площади распашекъ все увеличивались, а лѣса истреблялись. Въ настоящее время въ губ. Воронежской, Курской, Тамбовской лѣса, занимающіе значительныя площади, представляютъ уже большую рѣдкость, да и въ остальныхъ сильно порѣдѣли, такъ какъ населеніе подъ вліяніемъ постоянной нужды въ землѣ, безпрестанно вырубаетъ ихъ и обращаетъ въ пашни.

Населеніе издавна свыклось съ земледѣліемъ и несмотря на все возрастающую необходимость изыскивать другія средства къ существованію, продолжаетъ держаться земли...

Каковы пріемы сельскаго хозяйства, насколько обезпечиваетъ крестьянина черноземной полосы земледѣлье и какъ происходитъ въ крестьянской средѣ переходъ отъ исконнаго хлѣбопашества къ другимъ родамъ промышленности, къ обработкѣ продуктовъ, которые раньше только добывались—отчасти разобрано было уже въ «Общемъ очеркѣ» *) и потому, не останавливаясь на этомъ, перейдемъ къ исторіи населенія мѣстностей, входящихъ въ составъ описываемой области. Начнемъ съ сѣверной части ея.

Лѣтописецъ Несторъ, перечисляя народы, обитавшіе въ Россіи, указываетъ, что по нижнему теченію Оки жили финскія племена: мурома, мордва и меря или мещеря. Слѣды этихъ племенъ въ настоящее время сохранились лишь во многихъ географическихъ названіяхъ. Такъ г. Муромъ Владимірской губ., сопредѣльной съ Рязанскою, напоминаетъ племя Мурому, а названіе части Рязанской губ., расположенной къ с. отъ Оки, Мещерскою стороною—сохранило память о мещерѣ. Мордва же обитала преимущественно въ южной части губ. Уже къ концу X в., судя по лѣтописи, на берегахъ Оки славяне, проникнувшіе сюда изъ южныхъ и югозападныхъ областей, образовали Муромско-Рязанское княжество. Въ эпоху междоусобій княжество это раздѣлилось на Муромъ и Рязань (1155 г.). Рязанское княжество вскорѣ пришло въ зависимость отъ Владимірско-Суздальскаго, но при князьяхъ Ингварѣ и Юріѣ возстановило свою самостоятельность и сильно расширилось: на З. до р. Протвы (Калужской губ.), на С. до Клязьмы, на В. до Мокши, а на Ю. граница терялась въ донскихъ степяхъ. Въ началѣ XIII в. въ Рязанскомъ княжествѣ было уже много городовъ, большинство которыхъ сохранилось и до настоящаго времени — или въ видѣ городовъ или поселеній: Рязань (теперь село Старая Рязань), Ожскъ, Ольговъ или Льговъ, Казарь — всѣ въ окрестностяхъ Рязани (около 25 в. въ окружности), Переяславль Рязанскій (нынѣшняя Рязань), Бо-

*) См. главы: „Взглядъ на экономическое положеніе и промышленность въ Россіи" и „Сельское хозяйство".

рисовъ-Глѣбовъ (близъ Зарайска) Коломна (у. г. въ Московск. г.), Ростиславъ, Пронскъ, Ижеславецъ, Бѣлгородъ (Бѣлгородище Веневскаго у. Тульской губ., разрушенъ Батыемъ), Исады, Добрый Сомъ, Кононовъ...

Въ 1237 г. полчища Батыя разорили большинство городовъ, и самое княжество, едва успѣвшее оправиться отъ нашествія, подпало подъ зависимость отъ Москвы, хотя князья рязанскіе еще долго боролись за свою независимость, особенно Олегъ Іоанновичъ (1350—1402 гг.), который для борьбы съ Москвою вступилъ въ союзъ съ Литвою и татарами. Наконецъ, въ 1517 г. послѣдній рязанскій князь Іоаннъ Іоанновичъ, приглашенный въ Москву великимъ княземъ Василіемъ III, заключенъ былъ подъ стражу, а его княжество навсегда присоединено было къ Московскому государству. При первомъ раздѣленіи Россіи на губерніи въ 1708 г., одна часть городовъ прежняго Рязанскаго княжества вошла въ составъ губ. Московской, другая—причислена была къ губ. Азовской. Но уже въ 1719 г. въ Московской губ. образована была Переяславль-Рязанская провинція съ семью городами, а остальные причислены были къ нѣкоторымъ другимъ провинціямъ. Въ 1778 г. образовано было Рязанское намѣстничество, составленное изъ 12 уѣздовъ, которые соотвѣтствуютъ нынѣшнимъ 12 уѣздамъ.

Типы и костюмы Орловской губерніи.

Городъ Рязань (44,552 ж., сохранилъ еще до настоящаго времени свой живописный Кремль, расположенный на горѣ и господствующій надъ городомъ своими церквами и старинными палатами. Въ 1521 г. городъ представлялъ сильную крѣпость и прославился удачнымъ отраженіемъ татарскаго хана Мехметъ-Гирея (воеводою въ это время былъ знаменитый Хобаръ-Симскій).

Въ Рязани есть кое-какія фабрики, но главное значеніе города заключается въ торговлѣ, благодаря сосѣдству судоходной Оки, протекающей въ 2 верстахъ отъ него и желѣзными дорогами, которыя соединяютъ его съ Сибирскою линіею, съ Москвою съ южными портами Азовскаго и Чернаго моря и съ главнѣйшими пристанями рѣкъ Волги (Саратовъ, Самара), Днѣпра (Кіевъ, Кременчугъ), Дона (Ростовъ).

Къ ю. отъ Рязани важною желѣзнодорожною станціею является г. Ряжскъ, (12,993 ж.) гдѣ перекрещиваются пути, идущіе съ С. на Ю. и съ С.-З. на Ю.-В. Но самымъ промышленнымъ городомъ Рязанской губ. является древній городъ Касимовъ, (стеклянные, кожевенные, винокуренные, купоросный и др. заводы), населенный преимущественно магометанами, потомками тѣхъ татаръ, которымъ Касимовъ былъ отведенъ для жительства московскимъ великимъ княземъ. Здѣсь есть особая татарская часть города, гдѣ минаретъ мечети высоко возвышается надъ домами; 13,545.

Города Егорьевскъ (12,241 ж.), Скопинъ (14,737 ж.), Раненбургъ

(15,347 ж.) и многія села имѣютъ нѣкоторое значеніе по торговлѣ хлѣбомъ и другими сельскохозяйственными продуктами, въ изобиліи получающимися во всей Рязанской губ., за исключеніемъ Заокской, Мещерской части ея, гдѣ почва песчаная и глинистая, отчасти болотистая, поросшая лѣсами, но мало способная къ земледѣлію.

Остальные города: Данковъ (9,097 ж.), Зарайскъ (8,078 ж.), Михайловъ (9,149 ж.), Пронскъ (7,823 ж.), Сапожокъ (8,544 ж.), Спасскъ (4,760 ж.) — значенія ни въ торговлѣ, ни въ промышленности не имѣютъ.

Территорію нынѣшней Тульской губ., точно также какъ и описанную Рязанскую, въ древнія времена занимали финны, именно мордва въ сѣверной части и въ области Дона мещера, доказательствомъ чему служатъ многочисленныя географическія названія, удержавшіяся до настоящаго времени: рр. Мордовка и Мордвеча (въ Алексинскомъ и Каширскомъ уу.), а также имена: Скинга, Атышъ, Упла, Куковля и др.—явно финскаго происхожденія.

При расселеніи славянъ большую часть верхняго теченія Оки заняли вятичи, которые оттѣснили финновъ далѣе къ В. Вятичи платили дань хозарамъ, но уже въ 986 г. вошли въ составъ владѣній Святослава Игоревича. Съ распаденіемъ Руси на удѣлы Приокскія земли вошли въ составъ Черниговскаго княжества, а позднѣе переходили частями къ Рязани, къ Москвѣ и къ Литвѣ, власть которой держалась здѣсь до XV в.

Города: Тула, Новосиль и Дѣдилова (слобода) существовали уже въ XII в., а также Веневъ монастырь, 18 в. отъ нынѣшняго г. Венева. Въ памятникахъ XIII в. упоминается уже г. Алексинъ, въ XIV и XV вв. Бѣлевъ, Одоевъ, Кашира, причемъ извѣстно, что нѣкоторые изъ этихъ городовъ имѣли своихъ собственныхъ князей (Новосиль, Бѣлевъ, Одоевъ). До XVI в. мѣстность эта подвергалась постояннымъ нападеніямъ со стороны степи, и поэтому осѣдлое населеніе не могло здѣсь прочно утвердиться.

Въ Епифанскомъ у. находится знаменитое Куликово поле, гдѣ въ 1380 г. произошло первое удачное для русскихъ сраженіе съ татарами и вел. кн. Дмитрій Донской разбилъ полчища Мамая. Въ 1552 г. Тула выдержала осаду хана Девлетъ-Гирея, разбитаго потомъ московскими войсками. Но еще долго послѣ этого татары продолжали тревожить этотъ край своими внезапными набѣгами, и московское правительство старалось обезпечить свои южныя границы рядомъ засѣкъ и укрѣпленій (Богородскъ, Епифань, Ефремовъ, Чернь).

Въ XVII в. татарскіе набѣги уже прекратились, но страна долгое время еще не могла успокоиться вслѣдствіе продолжительныхъ смутъ въ эпоху появленія самозванцевъ, причемъ Тула всегда держала сторону мятежниковъ, и въ 1605 г. Отрепьевъ провозгласилъ ее своею столицею. Съ возстановленіемъ порядка и съ изгнаніемъ поляковъ и казацкихъ шаекъ въ Тульскомъ краѣ началось развитіе гражданственности и промышленности. Какъ и вышеописанная Рязанская губ., территорія нынѣшней Тульской губ. при первомъ административномъ раздѣленіи (1708 г.) расчленена была между различными губерніями, въ 1814 г. — образована была Тульская провинція, а въ 1877 г. — Тульское намѣстничество съ 12 уѣздами.

Въ настоящее время Тула*) является очень важнымъ промышленнымъ городомъ съ значительнымъ населеніемъ въ 111,048 ж.

*) Толкованіе имени этого города вызываетъ разногласіе ученыхъ. Одни производятъ его отъ рѣки Тулицы, а эта послѣдняя получила свое имя отъ слова „тулить“, т. е. скрываться, прятаться (въ старинныхъ дремучихъ лѣсахъ). Другіе производятъ его отъ финскаго слова „туле“, Карамзинъ же, а за нимъ и Полевой, связываютъ это названіе съ именемъ Тайдулы, татарской царицы, владѣвшей Тулою въ половинѣ XIV в.

Расположенная при небольшой р. Окскаго бассейна, Упѣ, при впаденіи въ нее 3 рѣкъ: Тулицы, Воронки и Рогожны, Тула не играетъ никакой роли въ судоходствѣ по Окѣ, но обширное производство металлическихъ издѣлій даетъ основаніе назвать ее „русскимъ Люттихомъ".

дозволено было всѣмъ знающимъ кузнечное дѣло записываться въ оружейники, а съ 1613 г. самопальные мастера обязывались работать исключительно для казны. При Алексѣѣ Михайловичѣ имъ повелѣно было ежегодно поставлять въ казну 242 пищали, при Софьѣ Алексѣевнѣ уже 2,000 пищалей,

Типы и костюмы Рязанской губерніи.

Еще въ 1595 г. Борисъ Годуновъ основалъ здѣсь „кузнецкую казенную слободу, даровавъ 30-ти „самопальнымъ мастерамъ" землю за р. Упою. При Михаилѣ Ѳедоровичѣ въ слободѣ было уже 48 самопальниковъ и число ихъ все увеличивалось. Царскими грамотами 1678, 1680 и 1681 годовъ

а при Петрѣ 8,000 фузей. Въ бытность свою въ Тулѣ, Петръ В. основалъ здѣсь первый казенный заводъ, который быстро разроссся и въ настоящее время выдѣлываетъ 70—75 тыс. винтовокъ, массу холоднаго оружія и артиллерійскихъ орудій въ годъ. Кромѣ того, въ Тулѣ выдѣлывается ежегодно

болѣе 200,000 самоваровъ *), ножи, различныя слесарныя издѣлія, машины, ювелирныя издѣлія и даже математическіе инструменты и музыкальные (гармоники).

Фабрики и заводы Тулы не исчерпываютъ промышленной дѣятельности района: вокругъ города на далекое пространство размѣстились цѣлые армія кустарей и ремесленниковъ, занимающихся обработкою металловъ. Въ одномъ Тульскомъ у. жители 120—125 селеній занимаются изготовленіемъ замочнаго, скобяного товара и др. кузнечныхъ и слесарныхъ издѣлій. Годовые обороты скупщиковъ кустарныхъ произведеній достигаютъ огромной суммы, болѣе $^1/_2$ милл. рублей. Кромѣ этого, масса населенія уходитъ въ другія мѣстности Россіи, гдѣ занимаются кузнечнымъ и слесарнымъ промыслами, составляющими своего рода „національную" промышленность тулянъ.

Развитію металлообрабатывающей промышленности способствуетъ положеніе Тулы въ обширномъ каменноугольномъ бассейнѣ, хотя разработка угля началась сравнительно недавно, когда, лѣса, наполнявшіе въ прежнія времена эту страну, сильно порѣдѣли и ощутилась потребность въ минеральномъ топливѣ. При томъ же и рудныя мѣсторожденія значительно распространены въ Тульской губ., какъ это указано выше.

Упомянемъ еще про одну отрасль спеціальной промышленности, которою извѣстна Тула — это изготовленіе извѣстныхъ тульскихъ пряниковъ.

Кустарное производство и ремесла въ настоящее время уже сильно распространены по всей губерніи и занимаютъ массу рабочихъ рукъ. Болѣе важные промыслы: производство саней, телѣгъ и полозьевъ, сосредоточены преимущественно въ Бѣлевскомъ у., гдѣ значительное число крестьянъ занимается также плотничьимъ производствомъ, въ Каширскомъ у. распространена выдѣлка миткаля низшаго сорта, кисеи, канифаса, платковъ, въ Чернскомъ у. занимаются гончарнымъ издѣліемъ и др. Нѣкоторые изъ уѣздныхъ городовъ представляютъ фабричные центры: въ Алексинѣ сосредоточены суконныя фабрики, въ Бѣлевѣ (также въ Тулѣ) щетинное производство, въ Одоевскомъ у. въ с. Никольскомъ находится значительный Дубенскій чугуно-плавильный и мѣдно-литейный заводъ, имѣющій довольно значительные обороты.

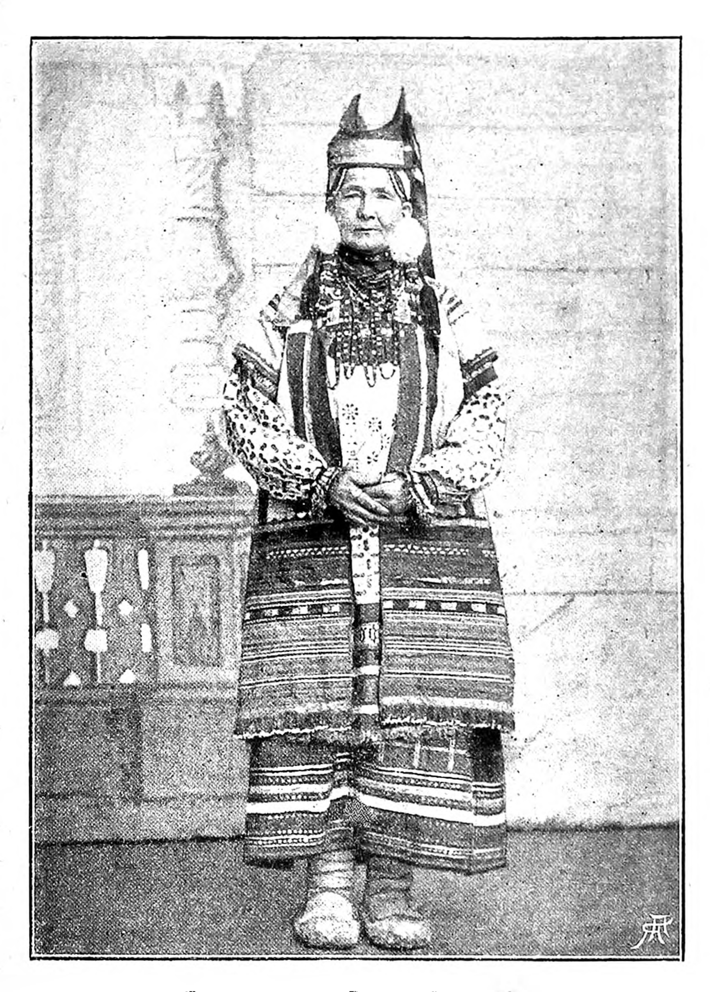
Несмотря на столь значительное развитіе обрабатывающей промышленности, главная масса сельскаго населенія особенно въ болѣе южныхъ уу.—земледѣльцы, и сельское хозяйство занимаетъ все-таки первенствующее значеніе въ промышленной дѣятельности. Это видно уже изъ того факта, что территорія Тульской губ. почти сплошь распахана: поля, состоящія подъ сельскохозяйственною культурою, составляютъ около 74% всей площади. Сѣется преимущественно овесъ, рожь и греча (просо).

Тульская губ. изобилуетъ удобными путями сообщенія. Съ З., съ С. и съ С.-В. она опоясывается судоходною р. Окою, на которой расположены торговыя пристани Бѣлевъ (9,567 ж.), Алексинъ (2,268 ж.), Кашира (4,046 ж.), а двѣ желѣзныя дороги съ развѣтвленіями прерѣзываютъ ее въ 5 направленіяхъ, и многія станціи, вслѣдствіе своего положенія на желѣзно-дорожной линіи, получаютъ торговое значеніе, какъ, напр., ст. Узловая, Богородицкъ (4,822 ж.), Сергіево, Ефремовъ, (9,044 ж.), Пеньково и др. Наоборотъ, прежніе торговые пункты, напр. Епифань (4,176 ж.), Веневъ (5,219 ж.), Чернь (3,612 ж.), точно также какъ и древнія самостоятельныя княжества: Одоевъ (4,176 ж.) и Новосиль (2,919 ж.) утратили свое значеніе, оставшись въ сторонѣ отъ желѣзныхъ дорогъ и превратившись въ обыкновенные захолустные городки.

Въ Орловской и Курской губ. населеніе точно также занимается преимущественно земледѣліемъ. Распаханныя земли составляютъ громадный процентъ всей площади (62% въ Орловской и 74% въ Курской губ.), тогда какъ лѣса и другія угодья уменьшены до крайности, особенно въ Курской губ.

*) Тульскіе самовары не только расходятся по всей Россіи, но идутъ также въ Азію: въ Бухару, Хиву, Персію.

Почва почти вездѣ черноземная, причемъ содержанiе гумуса (перегноя) вообще уменьшается къ западнымъ окраинамъ, по направленiю къ долинѣ р. Десны, а на самомъ западѣ въ Орловской губ. въ уѣздахъ Брянскомъ и Трубчевскомъ, а въ Курской—въ части уѣздовъ Путивльскаго и Рыльскаго, перегноя даже и совсѣмъ нѣтъ въ поверхностномъ слоѣ песчаной и суглинковой почвы.



Типъ и костюмъ Рязанской губернiи.

Крупныхъ фабричныхъ и заводскихъ центровъ, подобныхъ Тульскому, здѣсь нѣтъ, но обрабатывающая промышленность съ каждымъ годомъ повсемѣстно развивается, причемъ по большей части перерабатываются мѣстные продукты сельскаго хозяйства. Въ Курской губ., напр., въ 1892 г. насчитывалось около 6,000 мельницъ (изъ нихъ 14 крупчатокъ и 8 паровыхъ мукомоленъ), около 1,400 маслобоенъ и крупорушекъ, около 60 заводовъ: винокуренныхъ, пивоваренныхъ, сахароваренныхъ, крахмальныхъ, до 350 различныхъ заводовъ для обработки продуктовъ скотоводства (салотопленные, мыловаренные, кожевенные, свѣчные и т. п.). Такого же рода промышленныхъ заведенiй и въ Орловской губ. существуетъ около 6,000. Здѣсь кромѣ того дѣйствуютъ 10 крупныхъ заводовъ съ общимъ производствомъ до 2 мил.

руб. (рельсопрокатный, пушечный, 3 чугунно-литейныхъ, паровозо-вагоно-строительный и 4 стеклянныхъ). Есть сахароваренные заводы. Наиболѣе крупный гр. Клеймихеля.

Въ началѣ русской исторіи въ восточной половинѣ нынѣшней Орловской губ. по обѣимъ сторонамъ отъ Оки жили вятичи, а къ З. отъ нихъ по р. Деснѣ и Сейму поселились сѣверяне, и территорія современной Курской губ. по имени р. Сейма называлась «Посемьемъ».

Черезъ землю сѣверянъ по р. Деснѣ и Окѣ, Сейму, Донцу, Осколу проходилъ путь изъ земли волжскихъ болгаръ въ Приднѣпровье, и отъ вятичей, радимичей, кривичей (жившихъ къ сѣверу отъ сѣверянъ) къ хозарамъ. Такое благопріятное положеніе страны сѣверянъ способствовало развитію культурности ихъ и въ IX-X вв. жители Посемья и долины Десны, наряду съ приднѣпровскими полянами, были однимъ изъ самыхъ культурныхъ славянскихъ племенъ. Уже вѣроятно въ концѣ X в. существовалъ городъ Курскъ, который служилъ торговымъ посредникомъ между Окою и Днѣпромъ. Былъ у сѣверянъ еще другой значительный городъ Любечъ (въ Черниговской губ.). Сами сѣверяне отличались миролюбивымъ характеромъ и промышленными наклонностями, чѣмъ и объясняется ихъ легкое покореніе хозарами и мягкій характеръ этого подчиненія *). Такъ же легко подчинилось населеніе и Олегу (въ 884 г.) и вошло въ составъ сначала Кіевскаго, а затѣмъ Черниговскаго княжества. До XI в., когда начались удѣльныя междоусобицы, политическія условія благопріятствовали культурному развитію Посемья и въ то время здѣсь было уже, кромѣ Курска, нѣсколько городовъ: Рыльскъ, Путивль, нѣсколько позднѣе—Обоянь.

Но съ XI в. условія для мирнаго развитія дѣлаются неблагопріятными. Соперничавшіе князья взаимно разоряли свои земли, а въ то же время въ степи появились, вмѣсто сравнительно миролюбивыхъ и культурныхъ хозаръ, дикія орды новыхъ кочевниковъ, половцевъ, которые безпрестанно совершали опустошительные набѣги **).

Въ XIII в. съ появленіемъ татаръ положеніе Посемья еще ухудшилось, такъ какъ эта мѣстность непосредственно соприкасалась съ ихъ кочевьями и поэтому подвергалась систематическимъ набѣгамъ и грабежамъ. Въ одинъ изъ такихъ набѣговъ, въ 1273 г. г. Курскъ былъ совершенно раззоренъ. Съ теченіемъ времени татары распространились еще далѣе вглубь страны. Когда Ногай отдѣлился отъ Золотой орды, то онъ, для увеличенія своихъ владѣній, занялъ своими кочевьями и Курское княжество. Его подданный Ахматъ откупилъ дань съ этого княжества и завелъ близъ Рыльска 2 татарскія слободы, изъ которыхъ производилъ „сборъ налоговъ", т. е. систематическіе грабежи. При такихъ условіяхъ весь край опустѣлъ, города лежали въ развалинахъ, а жители были частью избиты и уведены въ плѣнъ, частью разбѣжались по другимъ, болѣе безопаснымъ мѣстамъ. По словамъ лѣтописи (второй повины XIII в.) „весь край многіе годы пребывалъ пустъ, окрестности же веліемъ древесемъ поростоша и многимъ звѣремъ обиталища быша... и изъ иныхъ градовъ людіе хождаху туда прибытка ради своего звѣрей ловити..." Въ эту трудную эпоху усилилось религіозное настроеніе уцѣлѣвшаго еще населенія; появилось въ краѣ нѣсколько чудотворныхъ иконъ, составляющихъ мѣстныя святыни: въ 1238 г. близъ Путивля явилась икона Божіей Матери, а въ 1295 г. близъ Курска—Знамененской Божіей Матери, самая главная святыня края (празднуется 8 сент.).

Въ XIV в. Посемье вошло въ составъ Литовскаго княжества, а въ 1500 г. Рыльскій князь, Василій Ивановичъ Шемяка, добровольно подчинился Іоанну III, великому князю московскому. Границею московскаго государства сдѣлалась р. Сеймъ, а къ Ю. отъ него простиралось „дикое поле", никѣмъ незаселенное, но фактически принадлежавшее ордынцамъ, которые отсюда дѣлали безпрестанные набѣги.

Земли нынѣшней Орловской губ. по отношенію къ степнымъ кочевникамъ находились въ нѣсколько лучшемъ положеніи, чѣмъ Посемье. Въ началѣ XIII в. край этотъ точно такъ же былъ разоренъ татарами и обезлюденъ. Здѣсь установились два главные пути, по которымъ обыкновенно шли татары, совершая свои набѣги на земли Московскаго государства: муравская дорога, черезъ Ли-

*) Они были обложены данью: по бѣлѣ и веверицѣ отъ дыма" (т. е. съ каждаго двора).

**) Одинъ изъ такихъ набѣговъ описанъ въ „словѣ о полку Игоревѣ", когда: „во всѣхъ градахъ посемьскихъ бысть скорбь и туга люта, якоже николи не бывало во всемъ Посемьи... Половцы, повоевавше волости, пожегоша города и села и возвратишася во свояси". Памятная книжка Курской губ. на 1860

венскій у. и свиная — черезъ средину губерніи, отъ Рыльска на Карачевъ и Болховъ. Названія этихъ дорогъ сохранились до настоящаго времени. Но область эта раньше, чѣмъ болѣе южная Курская губ., вошла въ составъ сильнаго Литовскаго княжества, и сдѣлалась до нѣкоторой степени огражденною отъ татарскихъ набѣговъ, хотя вмѣсто этого здѣсь до начала XVI столѣтія населенію приходилось выносить на себѣ тягости борьбы Литвы съ Москвою.

Съ установленіемъ московскаго господства, въ XVI в. началась правильная защита южныхъ границъ государства и устроенъ былъ цѣлый рядъ укрѣпленій. Въ 1556 г. опорнымъ пунктомъ сторожевой линіи явился г. Болховъ, существовавшій еще въ XIII в. и составлявшій отдѣльное княжество (въ настоящее время уѣздн. гор.), затѣмъ передовые посты стали передвигаться далѣе на Ю.: въ 1565 г. построенъ былъ Орелъ, въ 1586 г. основанъ г. Ливны на весьма важномъ стратегическомъ пунктѣ, гдѣ сходились 3 дороги: Калміусская, (на Ю.-В.), Муравская (на Ю.-З.) и Изюмская, по которымъ обыкновенно происходили набѣги ногайцевъ и крымцевъ; въ 1595 г. укрѣпленъ былъ г. Кромы, существовавшій еще въ XII в. и возстановлены древніе города Трубчевскъ, Брянскъ, Сѣвскъ, Карачевъ, Елецъ, Мценскъ, бывшіе еще въ XII—XII столѣтіяхъ. Вслѣдъ за тѣмъ появилась линія укрѣпленій и въ Посемьи, первоначально у самой границы „дикаго поля“—Путивль и Рыльскъ, а затѣмъ возстановленъ былъ Курскъ и далѣе на Ю.: Бѣлгородъ, Осколъ, еще позже: Короча, Хотмыжскъ, Богатый, Обоянь.

Однако же правильная борьба съ кочевниками выработалась не скоро. Татары еще долго продолжали свои набѣги, напр. въ 1600 г., а когда началась война съ Крымомъ, то набѣги еще усилились. Даже въ 1676 и 1680 гг. были еще опустошительныя нападенія крымцевъ, когда, по словамъ одной малороссійской лѣтописи: „вышелъ ханъ з (ъ) ордами не съ малыми подъ слободы московскія.., и барзо великую шкоду учинилъ ажъ по за Бѣлгородъ...“ *).

Когда началась эпоха междуцарствія, то вся южная „украина“ тогдашняго Московскаго государства, въ особенности территорія нынѣшней Курской губ. сдѣлалась настоящимъ очагомъ мятежа. Здѣсь всегда была масса удальцовъ, закалившихся въ безпрестанныхъ опасностяхъ сторожевой службы, безпокойныхъ и въ то время уже въ значительной степени праздныхъ, такъ какъ набѣги татарскіе случались тогда гораздо рѣже, чѣмъ прежде. Осѣдлая земледѣльческая культура заканчивала свою побѣду надъ кочевою степью и это было послѣднею данью Руси по отношенію къ ней. Многовѣковая необходимость выработала многочисленный классъ партизановъ, которые отстояли мирную культуру, но подъ конецъ, когда полезнаго дѣла стало мало, сами обратились противъ этой культуры.

Лжедмитрій съ поразительною быстротою увеличивалъ здѣсь свою армію. Города: Путивль, Рыльскъ, Бѣлгородъ, Осколъ отворяли свои ворота и встрѣчали „батюшку царя“ хлѣбомъ и солью, а царскіе воеводы вѣшались, если не убѣгали заблаговременно или сами не переходили на сторону самозванца. Словомъ, здѣсь произошло то, что впослѣдствіи еще въ большемъ масштабѣ повторялось въ степяхъ Донскихъ, Приволжскихъ и Пріуральскихъ во времена Булавина, Разина и Пугачева... Историческая область Посемье еще долго представляла собою арену, гдѣ приходили въ столкновеніе русскіе, поляки, татары, казаки.

Несмотря на то, что, какъ мы видѣли, личная и имущественная безопасность постоянно были плохо обезпечены, территорія Посемья быстро заселялась послѣ каждаго погрома. Причину этого можно видѣть въ естественныхъ богатствахъ края, привлекавшихъ сюда поселенцевъ изъ болѣе сѣверныхъ, менѣе плодородныхъ областей Московскаго государства, а позднѣе успѣху колонизаціи въ значительной мѣрѣ способствовала также и поощрительная политика московскаго правительства.

Въ XVI и XVII вв. въ странѣ начинается правильная организація сторожевой службы. Учреждаются воеводства, окружныя управленія, помѣстные приказы, на обязанности которыхъ лежало веденіе поземельныхъ списковъ, разборъ всякаго рода судныхъ дѣлъ и споровъ о захватѣ земли.

Въ заселеніи отвоеваннаго у степи дикаго поля участвовали два элемента: съ С. и С.-В. сюда приходили великороссы, съ Ю.-З. края шли малороссы. Въ настоящее время оба эти элемента въ значительной степени смѣшались, хотя въ Курской губ. можно указать большія площади, заселенныя исключительно тѣмъ или другимъ племенемъ. Въ общемъ великороссы преобладаютъ

*) „Матеріалы для исторіи Курской епархіи“. Курск. Епарх. Вѣд. 1871 г.

въ уѣздахъ сѣверныхъ и сѣверовосточныхъ: въ Дмитріевскомъ, Щигровскомъ, Фатежскомъ, Тимскомъ, а также въ Курскомъ и Старооскольскомъ. Наоборотъ, малороссійскій элементъ господствуетъ въ уу. южныхъ: Грайворонскомъ, Бѣлгородскомъ, Корочанскомъ, Рыльскомъ и въ у. Обоянскомъ.

Въ Орловской губ. населеніе чисто великорусское, за исключеніемъ только самыхъ западныхъ окраинъ, гдѣ есть незначительный элементъ малороссійскій.

Городъ Орелъ, расположенный на р. Окѣ, принадлежитъ къ числу важныхъ въ Россіи, жит. 69,858.

Основанный первоначально на р. Орликѣ, онъ въ 1679 г. послѣ большого пожара (1673 г.) перешелъ на настоящее мѣсто, при впаденіи Орлика въ Оку. Въ прежнія времена онъ не игралъ важной роли и при первыхъ административныхъ раздѣленіяхъ былъ причисленъ сначала къ Кіевской губ. (1708 г.), затѣмъ къ Бѣлгородской (1732 г.) и лишь въ 1778 г. назначенъ губернскимъ городомъ.

Въ настоящее время значеніе Орла опредѣляется важностью его, какъ торговаго пункта въ центрѣ пересѣченія желѣзныхъ дорогъ, соединяющихъ его съ Москвою и Петербургомъ, Ригою, Харьковомъ и поволжскими пристанями (Саратовъ, Камышинъ, Царицынъ), но въ этомъ отношеніи его превосходитъ уѣздный городъ этой же губерніи—Брянскъ (23,520 жит.), который стоитъ въ центрѣ желѣзныхъ дорогъ и на берегу судоходной Десны; онъ является главнымъ торговымъ пунктомъ для западной части губерніи, точно такъ же, какъ Елецъ (37,455 ж.), для восточной. Что же касается р. Оки, протекающей черезъ Орелъ, то она здѣсь настолько мелководна, въ особенности лѣтомъ, что судоходство по ней весьма незначительно. Предметами торговли служатъ сельско-хозяйственные продукты, главнымъ образомъ хлѣбъ, который массами отправляется въ Ригу или на С., черезъ Москву. Значительную хлѣбную торговлю ведутъ также города: Трубчевскъ (6,899 ж.), торговая хлѣбная пристань на Деснѣ, Мценскъ (9,355 ж.), Болховъ (20,703 ж.).

Изъ остальныхъ народовъ Орловской губ. болѣе значительное населеніе имѣютъ только желѣзно-дорожныя станціи Карачевъ (15,605 ж.) и Ливны (20,574 ж.); остальные же: Сѣвскъ (9,167 ж.), Малоархангельскъ (7,799 ж.), Дмитровскъ (5,259 ж.), и Кромы (5,429 ж.), имѣютъ значеніе лишь для мѣстнаго района.

Курскъ, одинъ изъ самыхъ древнихъ русскихъ городовъ и въ настоящее время имѣетъ довольно важное значеніе, какъ промышленный торговый центръ, хотя значеніе его за послѣдніе 30—40 лѣтъ значительно уменьшилось, съ тѣхъ поръ какъ Харьковъ сдѣлался главнымъ складочнымъ пунктомъ обширнаго района между Дономъ и Днѣпромъ, и центръ торговли между центральною промышленною областью и земледѣльческими губерніями южной полосы перемѣстился изъ Курска въ Харьковъ.

Въ настоящее время Курскъ однако же принимаетъ дѣятельное участіе въ промышленной дѣятельности страны, хотя и здѣсь, какъ и во всей губерніи, обработка сосредоточивается преимущественно на продуктахъ сельскаго хозяйства. Въ 1892 г. здѣсь насчитывалось 79 фабрикъ и заводовъ съ 1,022 рабочихъ и общимъ производствомъ на сумму около 2 милл. рублей. Торговое значеніе обусловливается пересѣченіемъ желѣзнодорожныхъ линій, расходящихся къ Москвѣ, Харькову, Воронежу и Кіеву. Чрезвычайно важная въ прежнее время коренная ярмарка и до сихъ поръ имѣетъ большое значеніе. Число жителей 52,896. Въ остальномъ Курскъ провинціальный городъ.

Сосѣдніе города: Щигры (3,329 ж.), Тимъ (2,360 ж.), Фатежъ (4,95 ж.), Дмитріевъ (7,315 ж.), Обоянь 11,872 ж.), Суджа (12,856 ж.), Грайворонъ (7,669 ж.), Короча (14,405 ж.), Старый (16,662 ж.) и Новый Осколъ (2,762 ж.), точно такъ же какъ и лежащіе на Сеймѣ Льговъ (5,367 ж.),

Рыльскъ (11,415 ж.), Путивль (8,965 ж.), — имѣютъ значеніе лишь какъ складочныя мѣста для земледѣльческихъ произведеній окрестныхъ мѣстностей.

Рыльскъ служитъ складочнымъ пунктомъ австрійскихъ косъ, которыя отсюда развозятся почти по всей Россіи. Въ южной части губерніи, почти на границѣ съ Харьковскою губерніею находится г. Бѣлгородъ (21,850 жителей), который въ XVI и XVII и въ первой половинѣ XVIII вв. имѣлъ большое значеніе, какъ стратегическій пунктъ, а впослѣдствіи являлся довольно важнымъ торговымъ и промышленнымъ центромъ и былъ главнымъ городомъ губерніи (Бѣлгородская губернія), къ которой причислены были Харьковъ, Орелъ и многіе другіе.

Городъ этотъ и теперь еще принадлежитъ къ числу первостепенныхъ уѣздныхъ городовъ, имѣетъ нѣкоторое значеніе въ промышленности (заводы пивоваренные, винокуренные, мукомольни, шерстомойки и множество мѣловыхъ заводовъ; бѣлгородскій мѣлъ и обожженная известь развозится почти по всей Европейской Россіи) и въ торговлѣ, хотя близость Харькова (70 в.) не даетъ возможности развиться здѣсь крупнымъ оборотамъ. Въ самое послѣднее время Бѣлгородъ пріобрѣлъ важное значеніе какъ отпускной пунктъ яицъ: ежегодно здѣсь вывозится болѣе 100,000 пуд. этого продукта, скупаемаго агентами по селамъ въ обширномъ районѣ. По отпуску яицъ Бѣлгородъ занимаетъ въ Россіи 4-е мѣсто, но въ Курской же губерніи есть еще болѣе важный центръ этого рода торговли, занимающій 2-е мѣсто въ Россіи—это станція Прохоровка, отпускающая въ годъ болѣе 200,000 пуд. яицъ. Лѣтъ 10—15 тому назадъ Прохоровка была небольшимъ селеніемъ, а теперь начинаетъ сильно конкурировать въ торговлѣ хлѣбными продуктами съ Бѣлгородомъ.

По плотности сельскаго населенія Курская губ. занимаетъ въ Россіи 4-е мѣсто. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ населеніе до того густо, что селенія почти сливаются другъ съ другомъ на большомъ пространствѣ. Нѣкоторыя изъ селъ имѣютъ болѣе 20,000 чел. населенія, таковы, напр. Борисовка 25,080 (1893 г.), Великое-Михайловское, громаднѣйшій центръ кустарей-сапожниковъ — 20,700 (1893 г. около 20 селеній насчитывается съ населеніемъ 6—12 тыс. чел. и т. д.

Перейдемъ теперь къ юго-восточной части разсматриваемой нами области, къ губ. Тамбовской и Воронежской. Исторія этой мѣстности начинается въ сущности лишь съ половины XVII столѣтія, когда здѣсь начали основываться города и стало стекаться русское населеніе. Еще въ XVI столѣтіи только районъ, ближайшій къ Окѣ, имѣлъ болѣе или менѣе постоянное населеніе, состоящее изъ аборигеновъ края: мордвы и мещеры, а также татаръ, которые стали здѣсь селиться съ XIV в. преимущественно среди мордвы. Далѣе же къ Ю. не было совсѣмъ осѣдлаго населенія и здѣсь только кочевали татары.

Во второй половинѣ XVI в. началось поступательное движеніе сюда великороссовъ, которые стали селиться между мордовскими и татарскими жителями этой мѣстности и постепенно оттѣснять послѣднихъ далѣе къ Ю. и къ Ю.-В. Въ 1586 г. основанъ былъ городъ Воронежъ, который сдѣлался передовымъ укрѣпленіемъ противъ татаръ. Когда на низовьяхъ Дона утвердились казаки, то татарскіе набѣги стали прекращаться, а вмѣстѣ съ тѣмъ мѣстность по верховьямъ Дона, Хопра, по р. Цнѣ начала быстро заселяться. Въ 1636 г. былъ построенъ Тамбовъ въ мѣстности, гдѣ до того времени не было совсѣмъ осѣдлаго населенія и только по временамъ подъ „Липовецкій лѣсъ“ (выше Тамбова на Цнѣ) высылались сторожа для наблюденія за движеніями ордынцевъ.

Тамбовская губ. заселялась исключительно великороссами (позднѣе здѣсь поселились иностраные колонисты: нѣмцы, сербы и др.) и потому въ настоящее время тамъ населеніе чисто великорусское, съ небольшою примѣсью только инородческаго элемента: мордвы, мещеры и татаръ; въ Воронежской же губерніи около 40% населенія составляютъ малороссы, которые шли съ малороссійской Украины и образовали такъ называемую „слободскую Украину“ въ губ. Харьковской, Полтавской, Черниговской, отчасти также и

въ Курской и Воронежской. Бирючскій, Богучарскій, Коротоякскій, Острогожскій и Павловскій уу. въ настоящее время являются настоящими малороссійскими, тогда какъ остальные уѣзды населяютъ почти исключительно великороссы.

Обѣ губерніи имѣютъ тучную черноземную почву, за исключеніемъ крайнихъ сѣверныхъ уу. Тамбовской губ.: Елатомскаго, Шацкаго и Спасскаго, гдѣ черноземъ смѣняется малоплодородными песками и супесками. Воронежская губ. изобилуетъ судоходными путями, годными, впрочемъ, только для плаванія мелкихъ судовъ. Таковыми является Донъ, Воронежъ и Хоперъ.

Городъ Тамбовъ (48,134 ж.), расположенный на р. Цнѣ, недалеко отъ ея истоковъ имѣетъ значеніе только какъ административный центръ и станція двухъ желѣзныхъ дорогъ, соединяющихъ его съ волжскими пристанями Саратовомъ и Камышинымъ. Гораздо болѣе торговаго значенія имѣютъ города Козловъ (40,347 ж.), и Моршанскъ (27,756 ж.): первый, какъ узловой пунктъ жел. дорогъ, соединяющихъ Москву съ Ростовомъ и съ торговыми городами волжскаго бассейна; второй, какъ важная горговая пристань на р. Цнѣ, которая съ этого пункта становится судоходною и пересѣкаемый къ тому же очень важною желѣзнодорожною линіею, которая служитъ путемъ изъ Европейской Россіи въ Сибирь.

Рѣка Воронежъ проходитъ черезъ густо населенную область, гдѣ есть нѣсколько важныхъ городовъ, какъ, напр., Козловъ и Липецкъ (20,323 ж.), изъ которыхъ послѣдній извѣстенъ своими минеральными водами.

Изъ остальныхъ городовъ Тамбовской губ. болѣе значительными являются: Борисоглѣбскъ (22,370 ж.) и Кирсановъ (10,676 ж.), какъ желѣзнодорожныя станціи, а также Шацкъ (13,928 ж.) и Лебедянь (13,352 ж.). Другіе города: Елатьма (4,533 ж.), Спасскъ (6,024 ж.), Темниковъ (5,737 ж.), Усмань (9,843 ж.) не имѣютъ значенія.

Губернскій городъ Воронежъ (84,146 ж.) имѣетъ важное торговое и отчасти промышленное значеніе, которымъ онъ обязанъ преимущественно своему выгодному положенію на рѣкѣ Воронежѣ въ небольшомъ разстояніи отъ сліянія его съ Дономъ. Вскорѣ послѣ основанія городъ этотъ былъ сожженъ при нападеніи непріятеля, но снова возстановленъ. Также подвергался онъ раззоренію и въ эпоху самозванцевъ, а въ 1672 выгорѣлъ почти весь, но царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ велѣлъ построить здѣсь новую крѣпость. Большое значеніе пріобрѣлъ Воронежъ во время Петра В., когда онъ учредилъ здѣсь верфь для постройки Азовскаго флота. Однако же р. Воронежъ вскорѣ оказалась слишкомъ мелкою, и верфь въ 1701 г. была переведена на устье этой рѣки.

Изъ прочихъ городовъ болѣе значительное населеніе имѣютъ города Острогожскъ (21,891 ж.) и Бирючь (13,194 ж.), остальные же: Бобровъ (3,891 ж.) Богучаръ (скотопрогонные пункты), Валуйки (7,085 ж.), Задонскъ (8,313 ж.), Землянскъ (6,126 ж.), Коротоякъ (9,391 ж.), Новохоперскъ (6,088 ж.), Павловскъ (7,221 ж.), Нижнедѣвицкъ (2,426 ж.) значенія не имѣютъ.

ПРІУРАЛЬСКІЙ ИЛИ ГОРНОЗАВОДСКІЙ КРАЙ.

(Губерніи Пермская, Вятская и Уфимская)

Разсматриваемая область охватываетъ почти весь бассейнъ великой рѣки Камы и къ востоку отъ нея прорѣзывается въ меридіальномъ направленіи Уральскимъ хребтомъ, который раздѣляетъ наибольшую изъ взятыхъ губерній, Пермскую, на двѣ почти равныя части: западный склонъ Урала принадлежитъ къ Европейской Россіи, а вся восточная половина губерніи, вдоль восточнаго склона горнаго кряжа, по установившемуся дѣленію, причисляется къ Азіи и граничитъ съ Западною Сибирью (съ Тобольской губ.). Другими границами являются на С.-З. приблизительно холмистая гряда Сѣверныхъ Уваловъ (губ. Пермской и Вятской съ Вологодскою), на З. губ. Костромская, на Ю.-З. Казанская и Самарская и на Ю.-В.—Оренбургская.

Въ этихъ предѣлахъ заключается 632,396 кв. верстъ пространства съ населеніемъ въ 8.316,493 чел. По составу населенія здѣсь ясно чувствуется близость Азіи: Европа и Азія здѣсь уже такъ сказать переплетаются своими населеніями.

По устройству поверхности большая часть разсматриваемаго района, почти вся Пермская и Уфимская губ. принадлежатъ къ пріуральской возвышенности, западная часть Пермской губ., лежащая на правомъ берегу Камы и губ. Вятская представляютъ сильно холмистую равнину, изрѣзанную долинами многочисленныхъ рѣкъ.

Уральскій хребетъ проходитъ на протяженіи 1,000 в., почти по срединѣ Пермской губ. и въ восточной части Уфимской. По принятому дѣленію, пермская часть хребта составляетъ Средній Уралъ, въ Уфимской же губ. проходитъ Уралъ Южный. Уральскій хребетъ по своей длинѣ представляетъ одинъ изъ величайшихъ горныхъ кряжей земного шара, а по происхожденію является однимъ изъ наиболѣе древнихъ и возникъ въ болѣе давнюю геологическую эпоху, чѣмъ большинство европейскихъ горъ, напр., Пиринеи, Альпы, Аппенины и др.

Начинаясь на берегу Карскаго моря, онъ проходитъ въ меридіанальномъ направленіи до Аральскаго моря 23° широты, т. е. около 2,400 в. въ видѣ длинной и сравнительно узкой стѣны: отъ 300 верстъ въ Ю. Уралѣ, до 1½ в. въ нѣкоторыхъ частяхъ Сѣвернаго. Высота хребта не особенно велика и нигдѣ не достигаетъ даже 6,000 ф. Въ топографическомъ отношеніи хребетъ дѣлится на 3 части, различныя по своему характеру: Сѣверный, Средній и Южный Уралъ.

Сѣверный Уралъ, называемый также

Югорскимъ или Полярнымъ, а также въ различныхъ частяхъ, по имени инородцевъ, обитающихъ здѣсь: Вогульскимъ, Остяцкимъ и Самоѣдскимъ, простирается на Ю. до 60° с. ш. Начинаясь у береговъ Карскаго моря въ видѣ невысокихъ тундроватыхъ холмовъ, вскорѣ, приблизительно съ 68° с. ш., гдѣ изъ тундры рѣзко выдѣляется окрашенная вершина, Константиновъ Камень 450 м. высоты, отстоящій отъ морского берега верстъ на 40, принимаетъ видъ скалистаго горнаго хребта, состоящаго изъ нѣсколькихъ кряжей, раздѣленныхъ глубокими рѣчными долинами. Отдѣльныя вѣтви имѣютъ также меридіанальное направленіе, хотя и отстоятъ другъ отъ друга верстъ на 5—12, такъ что общая ширина хребта простирается отъ 35 до 50 верстъ. Отъ истоковъ р. Кары въ сѣверо-западномъ направленіи идетъ хребетъ Пай-Хой, продолжающійся, какъ это обыкновенно принимаютъ, по ту сторону Югорскаго Шара на о. Вайгачѣ и черезъ Карскія Ворота на Новой Землѣ. Хребетъ Пай-Хой прежде принимали за начало Уральскаго хребта, но теперь это воззрѣніе исправлено.

Характеръ Сѣвернаго Урала вообще дикій, скалистый, конусообразныя вершины по большей части состоятъ изъ чистаго камня и раздѣляются глубокими ущельями, гдѣ снѣгъ залеживается очень долго или даже и совсѣмъ не стаиваетъ. Наибольшія вершины въ этой части: гора Тёль-посъ-исъ 1,656 м. (5,432 ф.), гора Сабля 1,467 м. (5,405 ф.), Ялпингъ-неръ 1,384 м. (4,540 ф.), Денежкинъ камень 1,532 м. (5,026 ф.) и др. Ни одна изъ этихъ вершинъ, однако же, не покрыта вѣчнымъ снѣгомъ, тогда какъ въ глубокихъ долинахъ и ущельяхъ встрѣчаются и вѣчныя залежи глетчерныхъ снѣговъ. Между тѣмъ въ Швеціи и Норвегіи въ этихъ же широтахъ граница вѣчныхъ снѣговъ начинается уже на высотѣ 3,800 ф. и даже ниже. Такая разница объясняется узостью Уральскаго хребта и отсутствіемъ значительныхъ углубленій на высотѣ (цирковъ), гдѣ бы могли накопляться ледниковыя залежи, а также континентальностью климата и связаннымъ съ нимъ недостаткомъ влаги въ атмосферѣ, изъ которой могли бы безпрестанно накопляться залежи снѣговъ.

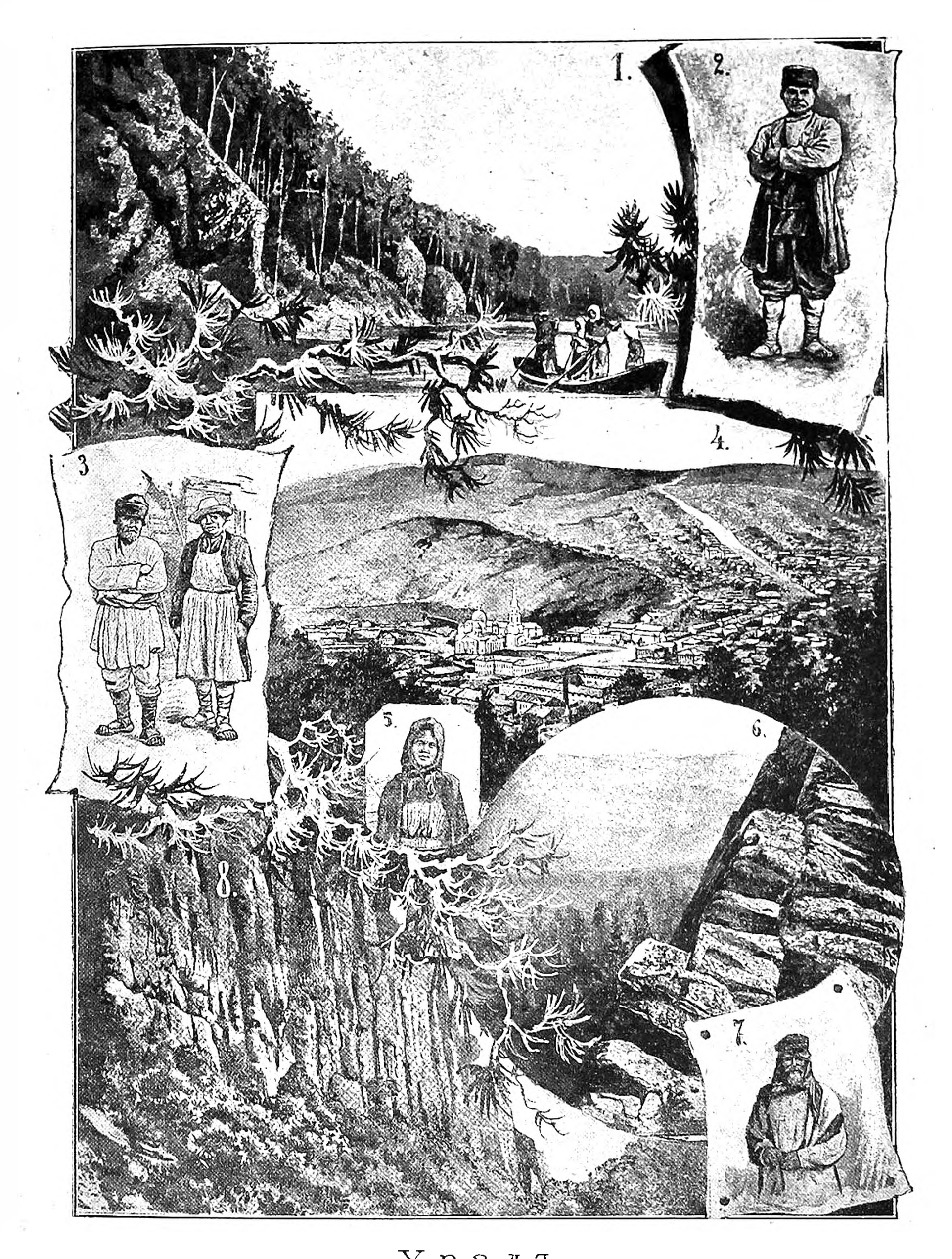
Въ томъ мѣстѣ, гдѣ оканчивается Сѣверный Уралъ и начинается Средній, находится горный узелъ, изъ котораго расходятся, кромѣ Сѣв. и Средн. Урала: Сѣверные Увалы въ западномъ направленіи и древній, въ настоящее время сильно размытый и поэтому не высокій Таманскій хребетъ, который идетъ къ сѣверо-западу, къ берегу Чесской губы, но продолженіе его можно видѣть въ горахъ, простирающихся вдоль сѣверо-восточнаго берега Канинскаго полуострова и оканчивающихся Канинскимъ носомъ.

Средній Уралъ не представляетъ ряда параллельныхъ цѣпей подобно сѣверному. Только нѣсколько массивовъ подымается на восточной, сибирской сторонѣ, выдѣляясь своими вершинами надъ общей высотой хребта, каковы Конжаковскій (5,135 ф.), Сухогорскій (3,920 фут.), Павдинскій (3,078 ф.), Лялинскій (2,800 ф.) камни, гора Качканоръ (2,80 ф.) и др. Въ Среднемъ Уралѣ вообще замѣчается пониженіе по направленію съ С. на Ю. Часть хребта приблизительно между 61° и 59° с. ш. носитъ названіе Богославскаго Урала, такъ какъ проходитъ большею частью по Богославскому горному округу; далѣе, между 59 и 58° хребту присвоено на томъ же основаніи названіе Гороблагодатскаго, а остальная часть, къ Ю. до г. Юрмы можетъ быть названа Екатеринбургскимъ.

Всѣ эти три части отличаются между собою по характеру горной цѣпи. Богославскій Уралъ также высокъ, дикъ и угрюмъ, какъ и Сѣверный Уралъ. Гороблагодатскій Уралъ уже значительно ниже Богославскаго и склоны его довольно густо населены, лѣса сильно порѣдѣли, самый характеръ хребта здѣсь гораздо мягче, и нигдѣ не встрѣчается рѣзкихъ формъ рельефа, производящихъ впечатлѣніе дикаго горнаго ландшафта, какъ въ болѣе сѣверныхъ частяхъ.

Уралъ здѣсь представляетъ собственно говоря не горный хребетъ, а плоскую возвышенность съ весьма пологими, волнообразными покатостями. Уже къ Ю. отъ Конжаковскаго камня Уралъ теряетъ видъ сплошной горной гряды и представляется въ видѣ ряда короткихъ хребтовъ, подымающихся среднимъ числомъ на 650—1,000 ф. надъ окружающими низменными пространствами. Подъемъ на вершину перевала со стороны Европы по Сибирскому тракту, отъ Перми на Екатеринбургъ, совершенно незамѣтенъ и только мраморный столбъ, поставленный у станціи Рѣшеты указываетъ на пограничную черту Европы и Азіи. Точно также незначителенъ подъемъ на перевалахъ, гдѣ проходятъ желѣзнодорожные пути отъ Перми черезъ Екатеринбургъ на Тюмень и отъ Уфы черезъ Златоустъ на Челябинскъ. Кажется, что все еще идешь по равнинамъ; горы только показываются вдали въ формѣ невысокой зубчатой стѣны, подернутой синеватой дымкой. Пониженіе продолжается по направленію къ Ю. до 56° с. ш., такъ что напр. около села Рѣшеты абсолютная высота не превышаетъ 1,400 ф., откуда высота снова начинаетъ постепенно возрастать и достигаетъ 2,000 ф. (гора Азовъ) и даже $2^1/_2$ т. ф. (Волчья гора).

Какъ въ Среднемъ, такъ и въ Сѣверномъ Уралѣ западный, европейскій склонъ вообще болѣе отлогъ, и здѣсь хребетъ окаймляется



Уралъ.

1. Рѣка Чусовая у Синяго камня.—2 и 3. Типы пермяковъ.—4. Г. Златоустъ.—5 и 7. Зыряне.—
6. Утесъ „Красный Камень“.

широкою полосою холмистыхъ предгорій; наоборотъ восточная отлогость безъ всякихъ предгорій круто спускается въ сибирскую низменность. Замѣчается также разница въ лѣсистыхъ покровахъ обоихъ склоновъ: на восточной покатости растутъ исключительно хвойныя деревья, на западной, при общемъ преобладаніи тѣхъ же хвойныхъ породъ, встрѣчаются большіе лиственные лѣса, состоящіе изъ дуба, вяза, липы и др.

На границѣ Пермской, Оренбургской и Уфимской губ. отъ г. Юрмы начинается Южный Уралъ, который продольными глубокими долинами раздѣляется на три параллельные отрога или цѣпи. Средняя изъ нихъ считается непосредственнымъ продолженіемъ главнаго хребта, восточная, отдѣляемая долиною р. Міяса, получаетъ названіе горъ Ильменскихъ, западная же представляетъ изъ себя расчлененную массу горъ, отдѣляется отъ средней цѣпи долинами рѣкъ Ая и Урала и называется цѣпью Уренгайскою.

Собственно уральскій хребетъ при выходѣ изъ Пермской губ. имѣетъ абсолютной высоты менѣе 2,000 ф., но съ приближеніемъ къ верховьямъ Урала, Уя и Міясы начинаетъ возвышаться, а далѣе, близъ Верхнеуральска, почти сглаживается, сливаясь съ степными возвышенностями. Къ югу отсюда онъ снова пріобрѣтаетъ характеръ горнаго кряжа, пускаетъ отъ себя нѣсколько отроговъ къ З. и В., вступаетъ въ киргизскія степи, доходитъ до Аральскаго моря и примыкаетъ къ плоской возвышенности Усть-Уртъ.

Вступивъ въ степи Верхнеуральскаго у., хребетъ носитъ разныя мѣстныя названія: Джабыкъ-карагай, Кара-адыръ-тау, Мугоджары. Послѣднее названіе пріурочивается ко всей южной части Уральскаго хребта, начиная съ нижняго теченія р. Орь, вправо отъ ея долины. Всѣ эти горы не высоки и нигдѣ не превосходятъ 1,000 ф. Наибольшая вершина Мугоджарскихъ горъ, которыя подымаются со степи въ видѣ двухъ параллельныхъ каменныхъ грядъ и въ сѣверной части имѣютъ нѣсколько развѣтвленій (Кара-тау, и др.), гора Айрюкъ, имѣетъ немного менѣе 1,000 ф. высоты.

Въ сѣверной части хребетъ покрытъ лѣсомъ, и склоны его богаты пастбищами, но по направленію къ Ю. мѣстность все болѣе и болѣе пріобрѣтаетъ характеръ степи.

Ильменскія горы имѣютъ сравнительно незначительную длину, около 20 в., но по высотѣ превосходятъ Мугоджары, такъ какъ здѣсь встрѣчаются вершины, превышающія 2,000 ф. (Ишкуль 2,245 ф., Большой Логъ 2,358 ф. и др.).

Уренгайская цѣпь не представляетъ непрерывнаго гребня, но въ общемъ состоитъ изъ отдѣльныхъ вершинъ и болѣе или менѣе длинныхъ отроговъ, имѣющихъ отдѣльныя названія и раздѣленныхъ между собою продольными и поперечными долинами рѣкъ системы р. Бѣлой (въ сѣверной половинѣ) и р. Урала (въ южной части). Это обширное западное нагорье во многихъ мѣстахъ представляетъ чрезвычайно живописные горные ландшафты, какъ, напр., въ Златоустовскомъ округѣ, за которымъ уже давно установилось названіе „Уральскаго Тироля"; на С. оно начинается, какъ уже указано, г. Юрма (выс. около 3,450 ф.). Нѣсколько къ Ю.-З. лежатъ двѣ горы Таганай (около 4,000 ф.), къ которой примыкаютъ горы Наземскія и Липовыя (обѣ цѣпи около 2,500 ф. выс.). Къ Юрмѣ же примыкаютъ горы Міясскія (около 2,500 ф.), Макали (2,000 ф. слишкомъ) и Иссыль (3,500 слишкомъ). Всѣ эти горы лежатъ по правую сторону отъ р. Ая, по лѣвой же ея сторонѣ тянется длинный хребетъ Уренга (3,800—4,000 ф.), по имени котораго и получила свое названіе вся горная цѣпь. Отъ этого хребта расходится множество вѣтвей: Уары, Башукты, Жукатау, Нургушемъ (около 4,700 ф.), Зюраткуль (3,200 ф.), связанный съ отрогомъ Сукки и Сулея, Шюльгетау и Бакалъ и нѣкоторыя другія. Въ Уренгайской цѣпи есть нѣсколько значительныхъ вершинъ, каковы Яманъ-Тау, имѣющая 1,646 метровъ (5,400 ф.), Иремель — 1,599 м. (5,245 ф.), Зигальга (4,878 ф.), Нары (4,260 ф.), Ильмерзакъ (3,173 ф.) и др. Между верховьями р.р. Бѣлой и Урала отъ Уренгайской горной массы отдѣляется значительный отрогъ съ общимъ направленіемъ къ Ю. Въ сѣверной части этотъ отрогъ извѣстенъ подъ именемъ Кырты, а начиная отъ р. Таналыка называется хребтомъ Ирындыкъ, который на Ю. оканчивается скалистымъ гребнемъ горъ Губерлинскихъ.

Губерлинскія горы при сравнительно небольшой высотѣ (800—1,000 ф.) представляютъ множество остроконечныхъ коническихъ вершинъ съ весьма крутыми склонами.

Въ связи съ Уренгайскою цѣпью находится и главное западное развѣтвленіе Уральскаго хребта, Общій Сыртъ. Начинаясь у истоковъ р. Каны, лѣв. притока р. Бѣлой, Общій Сыртъ тянется сначала вдоль лѣваго берега р. Бѣлой въ Ю.-З. направленіи и у истоковъ р. Салмыша (прав. притокъ р. Самары) раздѣляется на три вѣтви, изъ которыхъ первая со вторичными развѣтвленіями идетъ на С.-З. въ Самарскую губ., вторая простирается прямо на З. между р.р. Кинелью и Самарою и упирается въ берегъ Волги такъ называемыми Самарскими или Соковыми горами, а третья вѣтвь идетъ на Ю. къ верховьямъ р. Самары и неоднократно развѣтвляясь и повернувъ къ З. заходитъ далеко

въ приволжскія степи. Общій Сыртъ представляетъ въ сущности не хребетъ, а длинную плоскую возвышенность и нигдѣ не имѣетъ истиннаго горнаго характера. Высота вообще незначительна и высшая точка не превосходитъ 2,030 ф., средняя же высота лишь 700—200 ф.

Уральскій хребетъ въ особенности въ средней своей части (Пермская губ.), наиболѣе богатой полезными ископаемыми, является въ настоящее время едва-ли не наиболѣе изученною въ геологическомъ отношеніи изъ всѣхъ областей Россіи. Помимо первоклассныхъ ученыхъ, каковы Гумбольдтъ, Мурчисонъ, Гельмерсенъ, Барбаръ-де-Марни, Щуровскій, Кокшаровъ, и др., надъ изученіемъ нѣдръ этой части земной поверхности постоянно трудятся развѣдочныя горныя партіи въ поискахъ за богатствами, скрытыми въ нѣдрахъ.

Но въ средніе вѣка и даже еще въ XVII и въ началѣ XVIII столѣтій объ этихъ горахъ имѣли, какъ въ Россіи, такъ и въ Западной Европѣ, весьма смутныя представленія. У писателей древности онѣ назывались Гиперборейскими или Рифейскими горами (Montes Gyperborei, m. Biphaci), а у писателей XVII и XVIII вв. — Montes dicti angulus terrae. Нынѣшнее названіе производятъ отъ остяцкаго слова „уррч“, что означаетъ „цѣпь горъ“, другіе же связываютъ это названіемъ съ татарскимъ словомъ Аралъ-тау. Но вообще на восточной оконечности Европы и въ средней Азіи слово уралъ является нарицательнымъ именемъ всякаго длиннаго горнаго хребта, который въ видѣ „пояса“ пересѣкаетъ равнину. Русскіе начали свое знакомство съ Ураломъ еще въ XI столѣтіи, когда новгородцы по сѣвернымъ равнинамъ ската Ледовитаго океана ходили въ Югру. Хребетъ этотъ при своей дикости показался имъ необыкновенно высокимъ: „горы зайдуче луку моря, имъ же высота яко до небесе... есть же путь до горѣ тѣхъ не проходимъ пропастьми, снѣгомъ и лѣсомъ“ *)... Но впослѣдствіи новго-

Въ XV в. черезъ Уралъ переходили уже и московскія войска **), но близкое знакомство началось лишь съ 1558 г. когда Строгоновы получили во владѣніе, главнымъ образомъ для эксплоатаціи соли, чуть не всю нынѣшнюю Пермскую губ. Наконецъ по завоеваніи Сибири, когда на Уралѣ начались горные промыслы, началось уже научное изученіе (Первая настоящая ученая экспедиція акад. Гофмана снаряженная уже въ XIX в. И. Р. Географич. Общ.).

Уральскій хребетъ, какъ уже сказано, принадлежитъ къ весьма древнимъ горнымъ цѣпямъ, и незначительную, сравнительно, высоту его должно приписать размывающему дѣйствію атмосферныхъ водъ; которыя въ продолженіе многихъ тысячелѣтій разрушаютъ каменныя горныя породы, изъ которыхъ сложенъ Уралъ, и сносятъ ихъ подошвѣ.

То обстоятельство, что Уралъ является въ настоящее время сильно размытымъ и отчасти разрушеннымъ, имѣетъ большое значеніе. Уралъ оттого-то и славится изобиліемъ всякаго рода полезныхъ ископаемыхъ, что рудоносные пласты, выдвинутые подземными силами съ большой глубины, атмосферными дѣятелями уже въ значительной степени переработаны и обнажены. Средняя область хребта, гдѣ разрушительное вліяніе атмосферныхъ дѣятелей сказалось наиболѣе, имѣетъ въ настоящее время наибольшее значеніе въ горнозаводской промышленности. Золото добывается на Уралѣ уже съ 1815 г., платина, мѣдь, желѣзо, серебро, никкель, свинецъ, а также и рѣдко встрѣчающіеся металлы: иридій, осмій, родій, рутеній и др., разрабатываются во многихъ мѣстахъ Средняго Урала, въ особенности на его восточномъ склонѣ. Кромѣ рудоносныхъ жилъ и розсыпей, здѣсь же находятся копи различныхъ драгоцѣнныхъ и цвѣтныхъ камней. Здѣсь добываются алмазы, сапфиры, изумруды, бериллы, хривобериллы, цирконы, разнаго рода турмалины, аквамарины, топазы, аметисты, горный хрусталь, сердоликъ, агатъ, гранаты, малахиты, разнаго рода яшмы, порфиры, мраморъ и проч.

Желѣзная руда здѣсь образуетъ цѣлыя горы, каковы: гора Благодать (1,258 ф.), г. Высокая...

Однако, не въ самыхъ горахъ, не въ массивныхъ каменныхъ породахъ ищетъ рудокопъ драгоцѣнныхъ металловъ, хотя золотоносныя жилы также встрѣчаются на Уралѣ:—природа уже позаботилась измельчить и растереть горныя породы, содержащія драгоцѣнный металлъ, и обломки эти покрываютъ обширныя пространства у подножія горъ. Съ каждой стороны горной цѣпи, на равнинахъ сибирскихъ, въ Пермской губ. и

*) Полное собраніе лѣтописей, I, 107. родскіе удальцы въ своихъ безпрестанныхъ экспедиціяхъ хорошо познакомились съ Сѣвернымъ Ураломъ и неоднократно дружины „вольницы“ переваливали на сибирскую сторону.

**) Про походъ князя Семена Курбскаго (1499 г.) сохранилось извѣстіе: „А отъ Печеры воеводы шли до Камена 2 недѣли, черезъ камень щелью, а камени въ облакахъ не видѣти, а коли вѣтренно, ино облака раздираетъ, а длина его отъ моря до моря“. (См. П. Семеновъ, географическій словарь, т. V, стр. 333.

въ Оренбургской поверхность состоитъ изъ массы обломковъ каменныхъ горныхъ породъ, залегающихъ почти вездѣ поясомъ верстъ въ 300 шириною, а средняя глубина этихъ пластовъ около 70 саж. Все это обломки Урала, оторванные отъ него совокупными усиліями воды, атмосферы и льдовъ древнихъ ледниковъ *), а затѣмъ снесенные теченіемъ водъ къ подножію. По вычисленію ученыхъ оказывается, что если бы всѣ эти обломки снова помѣстить на прежнее ихъ мѣсто, т. е. на вершину хребта, то высота Урала увеличилась бы по крайней мѣрѣ на 2,000 ф. Въ этихъ-то грудахъ обломковъ рудокопы находятъ, часто вмѣстѣ съ ископаемыми остатками огромныхъ животныхъ предыдущихъ геологическихъ періодовъ, руду, извлеченную изъ ея первоначальнаго мѣсторожденія и уже до нѣкоторой степени подготовленную къ обработкѣ, т. е. измельченную.

Восточный, азіатскій склонъ Урала вообще богаче западнаго **) цѣнными ископаемыми: въ Азіи сосредоточены главные рудники и важнѣйшіе металлургическіе заводы. Тамъ даже въ сплошныхъ скалахъ находятъ древнія подземныя галлереи, прозванныя „чудскими рудниками", гдѣ собрано много археологическихъ находокъ, преимущественно орудій изъ мѣди. Замѣчательно, что здѣсь не найдено ни одного предмета, сдѣланнаго изъ бронзы, изъ чего можно заключить, что раса древнихъ рудокоповъ, которымъ принадлежали всѣ эти предметы, исчезла еще до наступленія „бронзоваго вѣка"***). По преданію старые, наиболѣе богатые рудники будто бы еще извѣстны туземцамъ, но они не открываютъ ихъ русскимъ изъ опасенія, чтобы ихъ не заставили участвовать въ тяжелыхъ работахъ эксплоатаціи этихъ рудниковъ. „Это напоминаетъ,—говоритъ Реклю ****),—южно-американскихъ квичуасовъ, которые съ умысломъ заваливали входъ въ самые обильные металломъ золотые рудники".

Въ гидрографическомъ отношеніи разсматриваемая нами область принадлежитъ къ одному рѣчному бассейну, къ системѣ рѣки Камы, главнаго притока Волги. Только азіатская часть Пермской губ. орошается многочисленными рѣками еще болѣе обширной водной системы р. Оби.

К а м а (по татарски А к ъ - И д е л ь, у вотяковъ — Б у д ж и м ъ - К а м ъ, у чувашей — Ш о й г а - А д и л ь, у черемисовъ—Ч о л м а н ъ - В и с ъ. Всѣ эти названія въ переводѣ обозначаютъ „Бѣлая рѣка") беретъ начало въ въ сѣверной части Вятской губ. въ Глазовскомъ у. на плоской болотистой возвышенности (высота 910 ф. надъ уровнемъ моря), близъ дер. Картушиной, и пройдя въ с.-западномъ направленіи до подошвы Сѣверныхъ Уваловъ, поворачиваетъ на В., а затѣмъ, встрѣтивъ уральскія предгорья, круто поворачиваетъ на Ю.-Ю.-В., и послѣ впаденія рр. Чусовой и Бѣлой, уклоняется все болѣе и болѣе къ Ю.-З. Абсолютная высота при устьѣ — 108 фут., что составляетъ на 1,764 в. общей длины теченія 802 ф. паденія или въ среднемъ на одну версту 5,4 дюйма паденія, т. е. почти вдвое больше, чѣмъ въ Волгѣ (2,8 дюйма). Вслѣдствіе столь значительнаго паденія, теченіе Камы очень быстро и чрезвычайно извилисто по причинѣ холмистости мѣстности, по которой она протекаетъ; разстояніе между истокомъ и устьемъ по прямой линіи составляетъ всего 420 в., такъ что на каждую версту прямого теченія приходится по разсчету болѣе 3 в. извилинъ.

Притоками Кама очень богата, хотя изъ нихъ подробно изслѣдованы и произведенъ промѣръ только въ трехъ главныхъ: на Вяткѣ, Бѣлой и Чусовой. Сама Кама изслѣдована лишь на протяженіи 1,075 в. отъ устья. Общая длина всѣхъ приведенныхъ въ извѣстность рѣкъ камской системы составляетъ огромное протяженіе 15,434 в., изъ нихъ 3,457 в. приходится на пути судоходные, 7,130 в. на рѣки сплавныя и 4,847 в. на рѣки, по которымъ невозможенъ сплавъ и судоходство. Изъ рѣкъ, непосредственно впадающихъ въ Каму, важнѣйшія: В я т к а (1,122 в.), Б ѣ л а я (1,287 в.) съ У ж о й

---

*) Прежде полагали, что на Уралѣ никогда не было ледниковъ, но позднѣйшія изслѣдованія показали, что на склонахъ существуютъ (въ Сѣверномъ Уралѣ) типичныя морены и глетчерные штрихи.

**) Если привести это въ связь съ тѣмъ обстоятельствомъ, что восточный склонъ обрывистѣе, а западный — болѣе отлогъ, то большую рудоспособность восточнаго склона можно объяснить тѣмъ, что здѣсь обнажены болѣе глубокіе слои земной коры, чѣмъ на западномъ склонѣ.

***) Реклю, т. V, стр. 978, изд. 1898 г.

****) Тамъ же.

(786 в.), Чусовая (728 в.), Вишера (433 в.) съ Колвой (366 в.) и Южная Кельтма (132 в.).

Рѣка Кама настолько велика, что теченіе ея необходимо разсмотрѣть по частямъ.

За исключеніемъ верхней ея части, отъ истоковъ до впаденія р. Вишеры производится только сплавъ, на всемъ остальномъ протяженіи Кама судоходна, при чемъ ширина русла и глубина фарватера вездѣ вполнѣ достаточны для свободнаго движенія судовъ, и хотя въ лѣтнее время мѣстами являются отмели и перекаты, но они не представляютъ такихъ затрудненій для судоходства, какъ это, къ сожалѣнію, въ послѣднее время наблюдается на всѣхъ большихъ рѣкахъ Европейской Россіи, не исключая и Волги. Вообще, по судоходнымъ условіямъ Кама по справедливости считается лучшей рѣкой въ Европейской Россіи. Несудоходный участокъ составляетъ 625 в. Около половины этого пространства, отъ истоковъ до впаденія р. Пильвы, Кама проходитъ по болотистой мѣстности и берега ея низменны, преимущественно глинистые и покрыты слоемъ торфа. Небольшія возвышенности появляются лишь на разстояніи верстъ 300 отъ истоковъ, на лѣвомъ берегу. Съ поворотомъ къ югу лѣвый берегъ, за рѣдкими исключеніями, становится гористымъ и состоитъ изъ крутыхъ известковыхъ утесовъ, между тѣмъ, какъ правый продолжаетъ оставаться низменнымъ и состоитъ изъ отлогихъ песчаныхъ осыпей. Ширина рѣки въ этомъ участкѣ весьма различна: отъ 25 саж. до 170, по большей части 40—60 саж. Глубина въ точности не изслѣдована, но, вообще, незначительна, быстрота теченія также не измѣрена. Въ полую воду сплавъ производится беспрепятственно на всемъ почти протяженіи и въ 1892 г. со всѣхъ главныхъ пристаней *) отправлено было груза болѣе 1 мил. пудовъ, на сумму болѣе 100 т. руб.

Въ судоходной части Камы можно различать три участка теченія: 1) верхній—отъ устья Вишеры до впаденія р. Чусовой, 2) средній—отъ Чусовой до р. Бѣлой и 3) нижній—отъ устья р. Бѣлой до впаденія Камы въ Волгу.

Въ верхнемъ теченіи (277 в.) Кама является уже большою рѣкою и даже лѣтомъ несетъ въ секунду не менѣе 50 куб. саж. воды, при средней скорости теченія около 1,05 ф. въ секунду (наибольшая скорость 1,4 ф.). Правый берегъ во всемъ участкѣ остается пологимъ и луговымъ, а лѣвый—возвышеннымъ, утесистымъ и состоитъ по большей части изъ твердыхъ известняковъ. Ширина рѣки составляетъ отъ 100 до 400 саж., хотя ширина фарватера кое-гдѣ, особенно въ тѣхъ мѣстахъ гдѣ теченіе рѣки раздѣляется островами **), весьма незначительна и представляетъ затрудненія для прохода судовъ. Глубина, вообще, значительна, отъ 25 и болѣе футовъ, но въ верхней части до Дедхина встрѣчаются мелкіе перекаты (гдѣ глубина лѣтомъ не превышаетъ 1 арш., такъ, напр., Толстикъ и Мошявскій, но на остальныхъ 15 перекатахъ: Нижне-Таманскій, Рядинскій, Усть-Пожевенскій и др. глубина не бываетъ менѣе 5—11 четвертей). Въ верхнемъ теченіи насчитывается около 20 пристаней, изъ которыхъ главнѣйшія: Солпкамскъ, Дѣдюхинъ, Леива, Березняки, Ново-Усолье и др., которыя отправляютъ ежегодно болѣе 15 мил. соли.

Въ среднемъ теченіи (504 в.) Кама, послѣ сліянія съ многоводной рѣкой Чусовой, катитъ уже около 70 куб. саж. воды въ 1 сек. со среднею скоростію 1,2 ф. (наибольшая скор. 2,2 ф.). Характеръ береговъ здѣсь мѣняется, вмѣсто известковыхъ скалъ на лѣвомъ берегу являются цѣпи песчаныхъ холмовъ, которые сопровождаютъ также и правый берегъ, при чемъ лѣвый остается вообще наиболѣе возвышеннымъ. Мѣстами же оба берега уравниваются и представляютъ широкіе луга или сплошные лѣса. Ширина русла велика: 180—500 саж., а если принять въ разсчетъ и острова ***), раздѣляющіе теченіе, то даже до 3 в. и болѣе. Глубина отъ $1^{1}/_{2}$ до $5^{1}/_{2}$ саж.; хотя есть довольно много отмелей, но между ними вездѣ есть фарватеръ достаточной глубины. Перекаты здѣсь не представляютъ затрудненія для судоходства, такъ какъ глубина на нихъ 10—12 четвертей. Единственно, въ чемъ суда испытываютъ здѣсь затрудненіе, это узкость фарватера. мѣстами не болѣе 25 саж. Важнѣйшія изъ пристаней: Левшина на р. Чусовой, въ 3 верстахъ отъ ея устья, Мотовилихинская (обѣ важны по отправкѣ грузовъ металловъ) и Пермская, а также Таборская, Оханскъ, Хохловская, Ножевская, Усть-Рѣчка, Сарапулъ, Николо-Березовская и др.

Наконецъ, въ нижнемъ теченіи (358 в.), послѣ сліянія съ р. Бѣлой и далѣе съ

*) Афанасьевская, Георгіевская, Кайгородская и Печинка.

**) Наиболѣе значительные изъ острововъ: Середышъ Кожанскій близъ устья рѣки Усолки, Дѣдюхинскій и др.

***) Мотовилихинскій островъ, длиною $3^{1}/_{2}$ в., немного выше Перми, два Нытвенскіе о-ва, Частинскіе (одинъ длин. въ $5^{1}/_{2}$ в. и нѣсколько малыхъ), группа Раздорскихъ о-вовъ, о. Бабки (8 в.), Сарапульскій (7 в.), Березовскій (6 в.) и др.

р. Вяткой, Кама является величественной рѣкою, не уступающей Волгѣ. Здѣсь, въ среднемъ протекаетъ въ одну секунду уже 160 куб. саж. воды и скорость теченія составляетъ 1,9 фут. (наибольшая 2,8 ф.). Въ этомъ участкѣ правый берегъ по общему правилу для всего сѣвернаго полушарія (по закону Бэра) дѣлается нагорнымъ, а лѣвый по большей части низменъ и болотистъ, или же покрытъ лѣсами.

Средняя ширина рѣки 200—500 саж., рѣчныя же поймы простираются на 5 в. и болѣе, гдѣ образуется множество большихъ островов *). Глубина Камы въ нижнемъ теченіи вездѣ велика и достигаетъ 60 и болѣе фут., фарватеръ также вездѣ достаточно широкъ, на перекатахъ (Бетьковскій и Соболевскій) глубина держится на 14—16 четвертяхъ. Вообще, въ нижнемъ теченіи, а отчасти уже и въ среднемъ, Кама совмѣщаетъ въ себѣ всѣ условія для обширнаго судоходства.

Пристаней въ нижнемъ теченіи насчитывается до 30, изъ которыхъ особенно важны: Чистополь и Бережные-Челны по своей обширной отпускной торговлѣ, но большое значеніе имѣютъ также: Пьяный-Боръ, Икское-Устье, Бетьковская, Елабуга, Сокольи-Горы, Омарская, Мурзина, Лаишевъ и нѣкоторыя другія.

Какъ уже сказано, кромѣ самой Камы, судоходны многіе изъ ея притоковъ. Изъ всей судоходной сѣти камскихъ притоковъ, составляющей общую длину 2,318 в., на протяженіи 2,063 в. совершается пароходное сообщеніе, а на остальныхъ 255 в. плаваютъ пока только не паровыя суда, хотя не обусловливается недостатками самого фарватера на этомъ протяженіи, а лишь малымъ развитіемъ пароходнаго дѣла въ этомъ краѣ.

Изъ притоковъ наиболѣе важное значеніе въ судоходствѣ имѣетъ р. Вятка, по которой судоходство становится возможнымъ уже въ верхнемъ теченіи, а отъ пристани Слободской, т. е. на разстояніи 713 в. отъ устья, начинается уже пароходное движеніе. Рѣка Вятка по своей длинѣ занимаетъ 11-е мѣсто въ Европейской Россіи и превосходитъ такую огромную рѣку, какъ Висла (975 в. дл.); второе мѣсто среди камскихъ притоковъ занимаетъ р. Бѣлая, по которой пароходы ходятъ на всемъ протяженіи отъ устьевъ р. Уфы, т. е. за 465 в. отъ устья; далѣе, Чусовая, судоходна на протяженіи 250 в. слишкомъ, отъ пристани Кышкинской; р. Вишера—тоже на пространствѣ 250 в., отъ зав. Кутимскаго, Сылва — чрезвычайно извилистый лѣвый притокъ Чусовой, на 158 в. (отъ гор. Кунгуры), Кольва—118 в. (отъ устья р. Вишерки), Инва—96 в. (отъ сел. Купровское), Обва—33 в. (отъ сел. Ильменское), наконецъ, рр. Пижма и Шишма (первая на 6, вторая на 4 в.).

Изъ камскихъ притоковъ рр. Вишера и Кельтма подходятъ своими верховьями къ рѣкамъ бассейна Ледовитаго океана и Бѣлаго моря, въ то время какъ р. Чусовая сближается съ бассейномъ р. Оби. Поэтому съ давняго времени возникъ вопросъ объ установленіи такимъ образомъ судоходнаго сообщенія между бассейнами Камы, Сѣверной Двины, Печеры и Оби путемъ устройства судоходныхъ каналовъ, чтобы связать такимъ образомъ непрерывными линіями судоходства море Каспійское съ Бѣлымъ и съ Ледовитымъ океаномъ.

На границѣ Пермской и Вологодской губ. лежитъ обширное возвышенное болото Гуменцо; изъ него вытекаютъ двѣ рѣки: Сѣверная Кельтма и Южная Кельтма; первая впадаетъ въ р. Вычегду, притокъ Сѣв. Двины, а вторая—въ Каму. Въ виду легкости соединенія этихъ рѣкъ еще въ 1785 г. приступлено было къ сооруженію канала, который однако готовъ былъ лишь въ 1822 г., т. е. черезъ 37 лѣтъ и названъ Сѣверо-Екатерининскимъ каналомъ. Каналъ проведенъ былъ отъ Сѣв. Кельтмы до р. Джуричъ, лѣваго притока р. Южной Кельтмы, длиною въ 16 верстъ 380 саж. и шириною въ 6 саж., сооруженіе это обошлось въ 1.080,000 р. Первое время каналъ дѣйствовалъ удовлетворительно и по немъ ежегодно приходило грузовъ на сумму 200—800 т. р., но затѣмъ онъ постепенно началъ приходить въ упадокъ, такъ что въ концѣ 30-хъ годовъ цѣнность грузовъ, проходящихъ по немъ не превышала уже 25 тыс. руб. въ годъ и въ 1838 г. каналъ признанъ былъ упраздненнымъ. Однако-же возстановленіе этого канала нельзя не признать желательнымъ, такъ какъ Сѣв. Кельтма судоходна на всемъ протяженіи, точно также какъ и Вычегда, въ которую она впадаетъ, а на Южной Кельтмѣ сплавъ начинается на разстояніи 4 в. отъ ея истоковъ. Тѣмъ болѣе это желательно въ настоящее время, когда пристань Котласъ (при впаденіи Вычегды въ Сѣв. Двину) соединена желѣзной дорогой съ Пермью и съ сѣтью дорогъ, связывающихъ Европейскую и Азіатскую Россію.

Сообщеніе съ р. Печерою въ настоящее время производится посредствомъ 4-хъ-верстнаго волока между системою притоковъ р. Вишеры и р. Волосницей, впадающей въ Печеру (Вишера — Колва — Вишерка—Чу-

*) Наибольшіе изъ островов: Икскій (нѣсколько ниже устья р. Икъ, длина около 3 в.), Тарловскій (5 в.), Котловскій (15 в. выше устья р. Вятки), Закамскій ($4^1/_2$ в.) у с. Сокольи-Горы, Мансуровскій (9 в.) 20 в. отъ устья и др.

совское оз.—Березовка—Еловка—Вогулка-волокъ — Волосница — Печера), конечными торговыми пунктами на рѣкахъ камской системы являются пристани Усть-Еловская, на р. Еловкѣ, Пупово и Острожье на Вогулкѣ. Острожье отстоитъ отъ р. Волосницы на 4 в., а Пупово на 10 в., но до первой пристани суда доходятъ только весною, а въ остальное время разгружаются на пристани Пупово и отсюда грузы слѣдуютъ до Волосницы уже сухимъ путемъ.

Но многіе торговцы предпочитаютъ отправлять грузы, особенно хлѣбъ, прямо на подводахъ отъ Усть-Еловской пристани до Якшинской на Печерѣ, разстояніе между которыми 40 в. Неоднократная перегрузка и провозъ на подводахъ сильно удорожаетъ хлѣбъ, въ которомъ всегда чувствуется недостатокъ во всемъ Печерскомъ краѣ, и по этому установленіе здѣсь улучшеннаго искусственнаго пути является весьма важнымъ.

Наконецъ, Кама своими притоками, главнымъ образомъ р. Чусовой, очень близко подходитъ къ сибирскимъ рѣкамъ Обскаго бассейна и еще въ XVIII в. возбужденъ былъ вопросъ объ устройствѣ искусственныхъ сооруженій, чтобы установить здѣсь судоходное сообщеніе. Въ 1770 г. акад. Палласъ, а позже инженеръ Ридеръ указывали на полную возможность соединить р. Чусовую съ р. Тагилью. Впослѣдствіи предлагались проекты соединенія р. Чусовой съ Турою или Исерью, Уфы съ Тоболомъ и др., но ни одинъ изъ этихъ проектовъ не былъ приведенъ въ исполненіе. Въ 1815 г. г. Яковлевъ началъ даже прорытіе канала между Чусовой и рѣч. Рѣшеткою (притокъ Исери), но правительство воспретило продолженіе работъ, боясь ослабить судоходство по Чусовой *). Наконецъ въ 30-хъ годахъ утвержденъ былъ правительствомъ проектъ 9-верстнаго канала между Чусовой и Исерью (черезъ оз. Гальянское, рр. Магаловку и Сысертъ) и на это сооруженіе ассигновано было 34 мил., но потомъ и этотъ проектъ былъ отложенъ на долгое время...

Кромѣ рѣкъ камскаго бассейна, въ предѣлахъ разсматриваемаго района находятся верховья Печеры на сѣверѣ Пермской губ. и нѣкоторые мелкіе притоки уральской системы въ Уфимской губ. Кромѣ того, вся азіатская часть Пермско губ. находится въ бассейнѣ р. Оби; съ восточнаго склона Уральскаго хребта текутъ многочисленные притоки этой великой сибирской рѣки, изъ которыхъ главнѣйшіе: Сосьва, Тагиль, Пыжма (Пышма), Исеть и Міясъ.

Климатъ Пріуральскаго края весьма разнообразенъ, хотя общею чертою какъ для сѣверныхъ окраинъ, такъ и для южныхъ можно признать суровость.

Въ сѣверной части Пермской губ. средняя температура года ниже 0, даже въ Богословскѣ, подъ 59½° с. ш.—1,4°, немного южнѣе, въ Усольи, годовая температура +0,5 и такая-же въ Екатеринбургѣ, а въ Нижне-Тагильскѣ +0,7; хотя этотъ заводъ лежитъ на цѣлый градусъ сѣвернѣе Екатеринбурга, но за то послѣдній расположенъ на большей абсолютной высотѣ (852 ф., Нижне-Тагильскъ на выс. 370 ф.).

Въ Вятской губ. климатъ точно также суровъ, особенно въ сѣверныхъ частяхъ, но отъ климата Пермской и Уфимской губ. отличается большимъ постоянствомъ.

Въ г. Вяткѣ средняя годовая температура +2,7°, наконецъ, въ Уфѣ +3,3°. Слѣдовательно, средняя температура повышается отъ с. къ ю., но при этомъ большое значеніе имѣетъ высота, на которой расположено мѣсто наблюденія. Особенно замѣчательна въ этомъ отношеніи разница между Уфою и Златоустомъ: первая расположена на высотѣ 500 ф., а второй на выс. 1,230 ф. и имѣетъ значительно болѣе низкую температуру, какъ это видно изъ таблицы. Между тѣмъ оба города лежатъ почти подъ одною и тою-же широтою. Самая холодная часть во всемъ описываемомъ районѣ, это, конечно, гребень Урала, какъ самая возвышенная мѣстность.

По временамъ года температуры въ различныхъ мѣстахъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

	Зима.	Весна.	Лѣто.	Осень.	Средн. год.
Богословскъ	—17,6°	—1,3°	+15°	—1,1°	—1,4°
Нижне-Тагильскъ	—15,5°	+1,1°	+16,6°	+1,3°	+0,7°
Екатеринбургъ	—15,1°	+0,8°	+15,6°	+0,5°	+0,5°
Вятка	—13,4°	+1,4°	+17,8°	+2,2°	+2,7°
Уфа	—11,4°	+2,6°	+17,5°	+1,9°	+3,3°
Златоустъ	—15,2°	+0,1°	+14.9°	+0,5°	+0,1°

*) См. энцикл. слов. Брокгауза, т. XIV, стр. 124.

Относительно количества осадковъ наблюдается также большое разнообразіе, причемъ большое вліяніе оказываетъ Уральскій хребетъ. Къ З. отъ хребта вообще осадки более значительны, чѣмъ къ В. Въ европейской части Пермской губ., особенно на самыхъ склонахъ горъ, выпадаетъ очень много дождя и снѣга. Начало и средина лѣта дождливы вездѣ на Уралѣ и у его подошвы.

Наибольшее количество осадковъ выпадаетъ въ сѣверной части Пермской губ. близъ западнаго склона горъ, въ Чердынскомъ краѣ. Здѣсь въ годъ выпадаетъ болѣе 600 тт., тогда какъ въ юго-восточной части губерніи только 400 и даже 350 тт. Вятская и особенно Уфимская губ. отличаются уже совершенно континентальнымъ климатомъ.

Характеръ почвы въ различныхъ частяхъ Пріуралья представляетъ еще болѣе разнообразія, чѣмъ климатъ. На С. Пермской губ. въ Чердынскомъ у. и въ большей части Соликамскаго, а также и часть сѣверной окраины Вятской губ. распространены болота, сильно напоминающія тундры крайняго сѣвера и почва совершенно неплодородна. Весь уральскій хребетъ и широкія полосы по обѣимъ сторонамъ его верстъ на 100—150 представляютъ почву каменистую или россыпи, также негодныя къ обработкѣ подъ пашню. Въ средней части Пермской губ., въ уу. Оханскомъ, Пермскомъ, Кунгурскомъ, въ сѣверныхъ частяхъ Осинскаго, Красноуфимскаго и Ирбитскаго—почва преимущественно глинистая, песчаная, суглинковая и при сильномъ удобреніи можетъ служить для хлѣбопашества, хотя даетъ скудные урожаи.

Подобная-же почва и во всей сѣверной части Вятской губ. Наконецъ, въ уу. Шадринскомъ, Камышловскомъ и въ южныхъ частяхъ Осинскаго, Красноуфимскаго и Ирбитскаго залегаетъ уже черноземъ, который простирается и далѣе на Ю. въ большей части Уфимской губ. Въ Вятской-же губ. черноземъ встрѣчается только по лѣвому берегу р. Чепцы, довольнои лодородная почва есть также по берегамъ рѣкъ Камы и Вятки.

Въ старину вся описываемая площадь представляла сплошные дремучіе лѣса, но съ тѣхъ поръ какъ на Уралѣ началась разработка горныхъ богатствъ, вокругъ заводовъ на большихъ пространствахъ лѣса начали быстро исчезать. Точно также исчезаютъ лѣса, вырубаемые безпощадною рукою человѣка по берегамъ всѣхъ судоходныхъ и сплавныхъ рѣкъ и безпрестанно везутся внизъ по теченію Камы въ Волгу, откуда развозятся на обширномъ районѣ, чуть не по всей южной Россіи, и даже отчасти по средней. Уничтоженіе лѣсовъ, конечно, отражается на климатѣ: увеличивается континентальность его, уменьшается количество атмосферныхъ осадковъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ рѣки начинаютъ мелѣть въ лѣтнее время и слишкомъ сильно разливаться въ половодье. Уже и теперь Кама вздувается весною на $3^1/_2$, $4^1/_2$ и даже на 5—7 саженей противъ нормальнаго уровня. Однако-же, какъ ни расхищаетъ человѣкъ лѣсныя богатства Камскаго края, а они все-же необыкновенно велики и, кажется, не будетъ имъ и конца. И теперь еще въ одной Пермской губ. насчитывается 22.686,000 десятинъ подъ лѣсомъ, который по разсчету покрываетъ 75% площади губерніи, въ Вятской губ. еще считается 7.765,260 десят. лѣсу, даже въ Уфимской, наполовину степной губерніи, подъ лѣсами состоитъ болѣе 80% площади. Правда, значительная часть этихъ лѣсовъ уже не то, что прежніе боры...

„Это-ли лѣса!—говоритъ у В. Немировича-Данченко выведенный имъ типъ „вѣчнаго лѣсовика“, который по мѣрѣ вырубанія лѣсовъ, когда „стонъ по Камѣ пошелъ“, уходилъ все дальше и дальше вглубь дѣвственной чащи и такимъ образомъ удалился уже верстъ на 1,000 отъ своей родины,—„какіе это лѣса!—поросли, молодятникъ! Тутъ вѣками выростало каждое дерево, что старорусскій кондовый богатырь, тучки подпирало, корни отъ себя и по землѣ и подъ землой толще нынѣшняго дерева выметывало! Какой это лѣсъ! Чуть вѣтромъ повѣяло и разшумѣлся онъ... Въ оны времена, бывало, по опушкѣ съ ногъ вихремъ валитъ, а въ глыбь лѣсную уйдешь, точно замерло все тамъ, листъ не шелохнется. Тишь какая! Развѣ подъ звѣремъ гдѣ старая падань шуршитъ. Были лѣса! Снизу вверхъ глянешь—неба не видно; точно ты подъ кровлей зеленой... словно въ церкви идешь ты, точно Богъ надъ тобою невидимо—и радостно, и страшно, потому окрестъ тебя таинство!.. Мы по зарубкамъ отъ села къ селу ходили, дорогъ этихъ не было. Коли кто нашихъ зарубокъ не знаетъ — пропадомъ пропадетъ. Лѣсное царство изморомъ его донимало. День идетъ, два идетъ, три идетъ, а то и цѣлыя седмицы — голосу человѣчьяго не слышно, просвѣта сквозь лѣсъ не видно, прогалинъ нѣтъ, какъ нѣтъ. Все стволы сѣрые внизу, да зеленая туча вверху; ну, бывало, изморится, ляжетъ на сыру землю и помираетъ. Сколько такихъ встрѣчалъ я!..“ *).

Интересно еще зловѣщее предсказаніе этого фанатичнаго ревнителя лѣсовъ:

„Все изведутъ, все сгинетъ. Горе тогда будетъ лютое!.. Не избыть горя этого. Оскудѣютъ рѣки, моря изсохнутъ, какъ болота въ засуху, земля хлѣба не дастъ, трава прахомъ разсыплется... Пойдутъ зимы безъ снѣгу, лѣто безъ дождя... И восплачутся люди на-

*) „Кама и Уралъ“, изд. 1890 г., стр. 38, 39.

живные по нашему царству зеленому, по лѣсамъ-пустынямъ, порубленнымъ да пожженнымъ! Что имъ капиталы тогда?.. Тучка Господняя за деньги не придетъ, деньги въ землю не посѣешь"... *).

Нельзя не сознаться, что сущность этого предсказанія соотвѣтствуетъ дѣйствительности, что можно видѣть на примѣрѣ нынѣшней южной Россіи, гдѣ оголенная площадь подвержена частымъ засухамъ.

Этнографическій составъ Пріуральскаго края чрезвычайно разнообразенъ. Русскій элементъ занимаетъ преимущественно лучшія мѣста, болѣе плодородныя или болѣе важныя въ промышленномъ отношеніи, каковыми являются берега судоходныхъ рѣкъ и наиболѣе обильныя рудными мѣсторожденіями части Уральскаго хребта. Изъ инородцевъ въ Пермской губ. преобладаютъ башкиры, которые вмѣстѣ съ мещеряками и тептярями, составляютъ около 100,000 населенія. Далѣе по численности идутъ татары, черемисы и вогулы; послѣдніе занимаютъ оба склона Урала, преимущественно въ сѣверной части.

Въ Уфимской губ. русское населеніе составляетъ 35%, башкиры, мещеряки, тептяри 50%, татары 8%, черемисы 4%, чуваши и мордва 3%. Русскіе составляютъ преобладающее населеніе въ уу. Златоустовскомъ (63%) и въ Уфимскомъ (53%), въ другихъ же, особенно въ Белебеевскомъ у. русскіе составляютъ всего 16% и безусловно преобладаютъ инородцы (башкиръ болѣе 65%).

Въ Вятской губерніи русскій элементъ уже гораздо болѣе значителенъ и составляетъ 77,9% всего населенія; изъ инородцевъ болѣе всего вотяковъ, 12%, черемисы составляютъ 5%, татары, башкиры, бесермяне и др. въ незначительномъ числѣ.

Наиболѣе интереснымъ племенемъ здѣсь являются башкиры. Имъ приписываютъ угорское происхожденіе и есть основанія считать ихъ близко родственными съ мадьярами или венграми.

Названіе Башъ-Куртъ (передѣланное впослѣдствіе въ „башкиръ") встрѣчается въ первый разъ въ X в. у арабскаго историка Ибнъ-Фецлана, который описываетъ ихъ какъ племя воинственное и идолопоклонническое. Изъ западныхъ писателей впервые упоминаютъ о башкирахъ Плано Карпини и Рубруквисъ, которые, во время своего путешествія въ Монголію, встрѣтили это племя у верховьевъ р. Урала и утверждаютъ, что башкиры говорили тѣмъ самымъ языкомъ, какъ и венгры. Съ другой стороны въ венгерскую войну 1849 г. находившіеся въ русской арміи уральскіе казаки, увидавъ въ первый разъ венгровъ, тотчасъ же единогласно прозвали ихъ башкирами.

До нашествія монголовъ башкиры были самостоятельнымъ и довольно сильнымъ народомъ, безпокоившихъ своихъ сосѣдей камскихъ болгаръ и печенѣговъ. Но въ половинѣ XIII в. они подчинены были татарами и въ эпоху завоеванія русскими Казанскаго царства, башкиры не представляли уже никакой силы. Въ 1556 г. они добровольно признали подданство Россіи и имъ пожалованы были земли по рр. Камѣ и Бѣлой. Нѣсколько позже для защиты ихъ отъ набѣговъ киргизовъ построенъ былъ г. Уфа. Въ 1786 г. башкиры были освобождены отъ платы ясака и изъ нихъ образовано было иррегулярное войско съ устройствомъ, нѣсколько подобнымъ казацкому **). Все населеніе ихъ раздѣлено было на „кантоны" (13), а каждый кантонъ на „юрты". Позднѣе къ нимъ присоединили еще 5 кантоновъ мещеряковъ и такимъ образомъ составилось мещерско-башкирское войско. Съ нѣкоторыми измѣненіями устройство это существуетъ и до настоящаго времени. Наѣздники башкиры превосходные и любимое ихъ воинское упражненіе — конскія скачки — представляетъ замѣчательное зрѣлище.

*) „Кама и Уралъ", изд. 1890 г., стр. 43.
**) Устройство казачьихъ войскъ. См. „Область Войска Донского"

Въ настоящее время башкиры являются уже сильно смѣшанною расою съ финнами, а еще болѣе съ различными тюркскими племенами, къ которымъ они принадлежатъ теперь по языку, религіи, нравамъ. Сами они считаютъ себя потомками ногайцевъ, съ которыми дѣйствительно сходны по нѣкоторымъ физическимъ чертамъ, языкъ же ихъ теперь очень близко подходитъ къ діалекту казанскихъ татаръ. Любопытно, что сосѣди башкиръ, киргизы, называютъ ихъ остяками и считаютъ ихъ соплеменниками этихъ сибирскихъ инородцевъ, смѣшанными съ татарами. У большинства башкиръ лицо плоское, кругловатое, носъ не плоскій, но немного вздернутый кверху, глаза маленькіе, сѣрые или каріе, уши большія, растительность на бородѣ незначительная; физіономія въ общемъ пріятная и добродушная. Они дѣйствительно очень добродушны и гостепріимны. Въ работѣ они вообще лѣнивы и медленны, но превосходятъ русскихъ аккуратностью и исправностью. Башкиры по образу жизни раздѣляются на осѣдлыхъ и кочевыхъ; послѣднихъ вообще гораздо больше и они въ свою очередь раздѣляются на горныхъ и степныхъ. Первые и теперь еще ведутъ въ значительной степени бродячую жизнь звѣролововъ-охотниковъ и пчеловодовъ, но въ подходящихъ мѣстахъ они занимаются также и скотоводствомъ; степные башкиры исключительно скотоводы-кочевники.

Въ настоящее время башкиры находятся въ состояніи переходномъ отъ пастушескаго и охотничьяго быта къ земледѣльческому и главною понудительною причиною къ этому является быстрое уменьшеніе территоріи ихъ земель. Расхищеніе башкирскихъ земель сдѣлалось общеизвѣстнымъ фактомъ; достаточно указать хотя бы на такой примѣръ, приведенный у Реклю, что вся территорія Кыштымскаго горно-заводскаго округа, пространствомъ около 150,000 десят., заключающая неисчислимыя рудныя богатства, куплена была у башкиръ въ 1756 г. за 150 р. *)!

Тщетно башкиры возставали 8 разъ въ теченіи XVII столѣтія и четыре раза въ прошломъ столѣтіи **). Не разъ разоряли и выжигали они русскія селенія, разрывали даже русскія могилы, чтобы не оставалось на ихъ землѣ ни одного московскаго человѣка, ни живого, ни мертваго: послѣ каждаго возмущенія русскіе приходили еще въ большемъ числѣ противъ прежняго, основывали города и деревни, завладѣвали ихъ землями и разрабатывали сокровища, скрытыя въ ихъ нѣдрахъ.

Въ сѣверной части Пермской губ., въ верховьяхъ Камы и по ея сѣвернымъ притокамъ живутъ зыряне, которые населяютъ также восточную часть Вологодской губ. и Архангельской, т. е. бассейнъ Печеры, и описаны были уже въ «Сѣверномъ краѣ». Близкими сосѣдями ихъ и родственными по происхожденію, языку и обычаямъ являются пермяки, составляющіе главную основу туземнаго населенія въ европейской части Пермской губ., а также отчасти и въ Вятской губ., преимущественно въ восточной и сѣверо-восточной ея частяхъ.

Пермяки вмѣстѣ съ зырянами и вотяками составляютъ одну родственную, такъ называемую „Пермскую группу финскихъ народностей“.

Имя пермь встрѣчается уже въ X в. въ Несторовомъ исчисленіи финскихъ племенъ. Знали о существованіи ихъ также и скандинавы и въ ихъ сагахъ часто упоминается Біармія, какъ называли норманы обширную область Камскаго бассейна, населенную пермяками, которые вели съ скандинавами торговлю черезъ Бѣлое море.

Новгородцы проникли въ Біармію еще въ половинѣ XI в. и вскорѣ біармійцы (т. е. предки пермяковъ, зырянъ, вотяковъ) сдѣлались посредниками въ торговлѣ русскихъ съ Югрою, сѣвернымъ Пріуральскимъ краемъ. Вслѣдъ за торговымъ подчиненіемъ біармійцевъ началось и политическое, которое постепенно упрочивалось отстроеніемъ новгородскихъ острожковъ, главнѣйшимъ изъ которыхъ былъ городъ Вятка. Въ XIV в. началось духовное просвѣщеніе пермяковъ и зырянъ, и главнымъ апостоломъ Пермскаго края явился св. Стефанъ, бывшій первымъ епископомъ въ насажденной имъ церкви и имѣвшій свое главное пребываніе въ Усть-Бымскѣ (Вологодской губ., Яренскаго у.,

---

*) Реклю V, 7; стр. 1054—1055.

**) Главнѣйшія возстанія были: въ 1676 г. подъ предводительствомъ Сеира причемъ разорены были всѣ Закамскіе пригороды и селенія въ Казанской губ., въ 1707 г. подъ предводительствомъ Алдара и Кусюма и послѣднее шестилѣтнее (1735—1741 гг.).

на р. Вычегдѣ). Въ XV в. христіанство уже окончательно упрочилось между пермяками. Между тѣмъ, къ концу того же XV в. въ Пермскомъ краѣ начала упрочиваться власть Московскаго государства, такъ какъ къ этому времени московскіе князья успѣли уже подчинить себѣ сѣверо-восточныя Новгородскія земли и дошла очередь до Чердыни и Пермскаго края *).

Первоначально пермскіе князья признали только себя подчиненными Москвѣ, но оставались полновластными правителями въ своей странѣ, но въ XVI в. произошло уже полное покореніе страны, которая присоединена была къ Московскому государству, какъ провинція **) и съ этого времени начинается усиленная колонизація края русскими и туземное населеніе начинаетъ съ ними сливаться. Названіе „пермь“ и „пермяки“, подъ каковымъ эти инорѣдцы стали извѣстны нашимъ предкамъ, ученые производятъ отъ финскаго слова „парма“, которымъ во всемъ сѣверномъ краѣ обозначается двойное понятіе „лѣса“ и „возвышенности“.

Самое родственное пермякамъ и зырянамъ, но болѣе многочисленное, чѣмъ они, племя вотяки, или вотъ, живетъ главнымъ образомъ въ бассейнѣ р. Вятки, которая, вѣроятно, имъ и обязана своимъ названіемъ. Общее число этихъ инородцевъ простирается до 250,000 человѣкъ и они составляютъ въ Вятской губерніи 12% всего населенія.

Вотяки почти исключительно сельскіе жители, искусные и трудолюбивые земледѣльцы; занимаются также скотоводствомъ и пчеловодствомъ: вотяцкіе ботри даютъ отличный медъ, извѣстный по всей Россіи. Вотяки въ меньшей степени обрусѣли, чѣмъ пермяки, несмотря на то, что живутъ ближе къ великорусскому ядру государства. Зависитъ это, можетъ быть, отъ болѣе крѣпкой этнографической сплоченности ихъ племени, но вліяніе татаръ сказалось весьма сильно.

Христіане по имени, вотяки точно также, какъ и ихъ сосѣди черемисы, съ которыми они мѣстами сильно смѣшались, сохранили еще множество старинныхъ языческихъ обрядовъ и не упускаютъ случая умилостивить различными приношеніями злого духа Кереметь; такъ, напр., переходя черезъ ручей, вотякъ не забудетъ бросить въ воду пучекъ травы со словами: „не держи меня!“ Вотяцкій языкъ очень близокъ къ зырянскому и до нѣкоторой степени можетъ считаться изученнымъ, такъ какъ въ 1856 г. финляндскій ученый Альквистъ издалъ грамматику вотяцкаго языка. Въ послѣднее время вотяки стали мало-по-малу сливаться съ русскими.

Между другими инородческими племенами бассейна Камы есть такія, которыя классифицируются этнографами различно и причисляются то къ финнамъ, то къ тюркамъ и во всякомъ случаѣ представляютъ расы сильно смѣшанныя, въ которыхъ основной элементъ, по всей вѣроятности, финскій, но въ теченіе многихъ вѣковъ къ нимъ примѣшивалась кровь различныхъ тюркскихъ народовъ. Къ такимъ племенамъ принадлежатъ: мещеряки, мордва, тептяри, чуваши и др.

Въ пріуральской области, особенно въ болѣе южныхъ ея частяхъ, долѣе, чѣмъ гдѣлибо въ Европейской России, происходили перемѣщенія цѣлыхъ народностей и приливъ азіатскихъ племенъ, сопровождавшійся частыми завоеваніями и обращеніями изъ одной вѣры въ другую. Преобладающее вліяніе въ ассимиляціи пріуральскихъ, прикамскихъ и средневолжскихъ расъ, послѣ русскихъ, принадлежитъ, безъ сомнѣнія, татарамъ, и магометанство здѣсь широко распространено.

Русская колонизація и русское вліяніе на туземное населеніе пріуральскаго края распространялось преимущественно съ сѣвера.

*) Въ 1472 г. московскій воевода, кн. Ѳедоръ Пестрый разбилъ пермяцкихъ князей въ рѣшительномъ сраженіи, взялъ г. Искорь и нѣкоторые другіе, а воевода Гаврила Нелидовъ овладѣлъ гг. Урасомъ и Чердынью и взялъ въ плѣнъ христіанскаго пермяцкаго князя Михаила.

**) Послѣдній пермяцкій князь Матвѣй въ 1505 г. смѣненъ былъ московскимъ намѣстникомъ Василіемъ Ковромъ.

Новгородцы, колонизировавшіе берега Сѣверной Двины, по ея притокамъ проникли въ бассейнъ Верхней Камы и въ долины Урала. Въ этихъ краяхъ они добывали, главнымъ образомъ, пушнину, а также соль и „закамское“ серебро.

Все пространство къ западу отъ Уральскихъ горъ до рр. Печоры, Камы и Волги въ глубокой древности составляло царство **Біармію**, а въ древнихъ русскихъ лѣтописяхъ и договорахъ встрѣчаются названія этой страны: „**Пермь**“, „**Пермія**“, „**Великая Перьмь**“—въ писцовыхъ книгахъ XVI и XVII столѣтій и еще раньше въ житіи св. Стефана Пермскаго (1396 г.). Въ XIII вѣкѣ Пермь, какъ особая „волость“ Новгорода Великаго, встрѣчается въ договорахъ съ сосѣдними русскими князьями. Съ конца XIV столѣтія, на Пермскій край начинаютъ обращать вниманіе московскіе великіе князья, но владычество Новгорода продолжалось здѣсь еще долго, и здѣсь были новгородскіе правители. Въ 1472 г. великій князь московскій, Іоаннъ III, вслѣдствіе оскорбленій, нанесенныхъ здѣсь московскимъ купцамъ—изъ чего видно, что въ то время уже существовали торговыя сношенія Москвы съ этою отдаленною окраиною—послалъ своего воеводу, кн. Ѳедора Пестраго, который и положилъ основаніе московскому владычеству въ этихъ краяхъ. Но еще болѣе столѣтія продолжались здѣсь войны. Съ первыхъ же годовъ московскаго владычества пермяки принуждены были принимать участіе въ походахъ московскихъ воеводъ на югру и вогуловъ (1484—1499 гг.) и въ то же время сами испытывали постоянно опустошительные набѣги со стороны воинственныхъ вогуловъ и татаръ особенно бѣдственно было для пермяковъ нападеніе пелымскаго князя Кихека въ 1581 г., который вторгнулся изъ-за Урала съ огромнымъ войскомъ, состоящимъ изъ татаръ, остяковъ, вогуловъ, башкировъ. Русскія поселенія начинаютъ возникать въ Пермскомъ краѣ вслѣдъ за установленіемъ московскаго господства, тогда какъ въ нынѣшней Вятской губ. новгородцы основали нѣсколько торговыхъ колоній еще въ въ XII и XIII вв. Около 1472 г. возникло первое русское поселеніе, небольшой городокъ **Покча** (на р. Покчѣ), бывшій первое время резиденціею московскихъ намѣстниковъ, которые потомъ переселились въ древнюю столицу Перми, въ **Чердынь**, называемую въ „Книгѣ Большого Чертежа“ (1627 г.) „**Пермь Великая**“. Тамъ же встрѣчается названіе „**Пермь Старая**“, т. е. г. **Усть-Вымъ**, по р. Вычегдѣ и „Пермь Малая“ или „Пермца“—названіе одной зырянской волости въ Сольвычегодскомъ краѣ. Въ XVI и XVII вв., судя по писцовымъ книгамъ, на пространствѣ отъ р. Чусовой по Камѣ и ея притокамъ, было три округа: Пермскій или Чердынскій съ главнымъ городомъ Пермь-Великая-Чердынь, Усольскій (съ XV в.) съ главнымъ городомъ Усолье-Каменское или Соль-Каменская и Строгановскія вотчины. Съ XV в. въ Пермскомъ краѣ колонизаторами и хозяевами Пермской страны является фамилія **Строгановыхъ**. По свидѣтельству голландца Витсена, родъ этотъ ведетъ свое начало отъ татарскаго мурзы Спиридона, принявшаго христіанство, а затѣмъ взятаго въ плѣнъ татарами и „застроганнаго“ до смерти. По мнѣнію же русскаго изслѣдователя Устрялова, предками этого рода была новгородская фамилія Добрыниныхъ. Особенно извѣстенъ Аника или Іоанникій Строгановъ, современникъ Іоанна Грознаго, который прославился своимъ богатствомъ и первый изъ русскихъ началъ обширныя торговыя операціи въ приуральскомъ краѣ. Сыновья его, Яковъ и Григорій, въ 1588 г. получили отъ Іоанна Грознаго грамоту на заселеніе земель по обѣимъ сторонамъ р. Камы, во всемъ верхнемъ бассейнѣ, къ югу отъ устья р. Чусовой. Впрочемъ, еще въ 1517 г. Строгановы получили отъ московскаго великаго князя грамоту на устройство въ Соль-Вычегодскѣ соляныхъ варницъ. Всѣ эти земли отданы были имъ во владѣніе и имъ дарованы были многія льготы и преимущества. Въ 1568 г. Іоаннъ IV новою грамотою прибавилъ къ ихъ владѣніямъ земли по р. Чусовой, и въ 1568—1570 гг. Строгановы, для охраны своихъ обширныхъ владѣній, построили нѣсколько укрѣпленныхъ городковъ, мѣстечекъ и слободъ и основали множество солеваренъ и чугунныхъ заводовъ. Такъ: по Камѣ были основаны **Кангаръ**, **Кергеданъ**, **Озерскій** и др., а по р. Чусовой **Верхній и Нижній Чусовскіе городки**. Они имѣли постоянное войско и держали въ страхѣ сосѣднихъ безпокойныхъ инородцевъ: черемисовъ, башкировъ, остяковъ и др. Въ 1584 г. Строгановы испросили у Іоанна IV грамату на право веденія войны съ сибирскимъ царемъ Кучумомъ, который часто совершалъ набѣги въ ихъ владѣнія, но мысль эта была приведена въ исполненіе лишь послѣ ихъ смерти третьимъ братомъ Семеномъ и двумя сыновьями умершихъ: Максимомъ Яковлевичемъ и Никитою Григорьевичемъ, которые въ 1579 г. пригласили въ свою службу волжскаго казацкаго атамана Ермака и, снабдивъ его воинскими припасами и всѣмъ нужнымъ для экспедиціи, отправили за Уралъ. Когда въ 1582 г. Ермакъ завоевалъ Искеръ и взялъ въ плѣнъ Кучума, то Строгановы получили право разрабатывать металлы также и на восточномъ склонѣ Урала. Въ это время возникъ г. **Верхотурье**, получившій вскорѣ большое торговое значеніе, такъ какъ через него проходили главнѣйшіе пути въ Сибирь,

и Лозьва, основанный въ 1589 году, но вскорѣ уничтоженный.

Такимъ образомъ, поселенія русскія и русская колонизація начинаются въ сѣверной части Пріуралья и постепенно распространяются далѣе на югъ. Когда москвитяне овладѣли рѣками и волоками, которыми до нихъ слѣдовали новгородскіе удальцы и позднѣе купцы, то они долгое время принуждены были дѣлать большіе обходы через Великій-Устюгъ и по теченію р. Вычегды, чтобы попасть въ басссейнъ верхней Камы. До временъ Петра Великаго военные походы производились съ сѣвера: черезъ долину р. Вычегды и даже черезъ Печору, такъ какъ въ области нижней Камы земли были заняты воинственными племенами черемисовъ, чувашей, башкировъ и др. инородцевъ, не признававшихъ власти Москвы долгое время. Успѣхи колонизаціи начинаются со времени завоеванія Казанскаго царства, т. е. во второй половинѣ XVI столѣтія. Въ XVI столѣтіи Пермь-Великая начинаетъ уже возвышаться надъ Пермью-Старою-Вычегодскою, но христіанство здѣсь стало распространяться на цѣлое столѣтіе позднѣе, чѣмъ въ Вычегодскомъ краѣ. Въ южной же части Пермской губ. и въ губ. Уфимской первыя русскія поселенія начинаютъ возникать лишь въ концѣ XVI в. Именно, въ 1573—1596 гг. здѣсь основаны были укрѣпленныя города Уфа, Бирскъ, Мензелинскъ, сел. Березовка (Бирскаго у.), которые имѣли стратегическое значеніе, какъ опорные пункты господства русскихъ въ башкирскихъ земляхъ, но водвореніе русихъ не шло дальше этихъ пунктовъ. Лишь въ XVII в. подъ прикрытіемъ этихъ укрѣпленій начинаетъ распространяться русская колонизація и упрочивается горнозаводская промышленность въ этихъ трехъ уѣздахъ (Уфимскій, Бирскій, Мензелинскій). Въ предѣлы же уу. Златоустовскаго, Стерлитамакскаго, Белебеевскаго русскіе не проникали до XVIII в. *). Но уже въ XVIII в. русскіе проникли повсемѣстно на Уралѣ, и горнозаводская промышленность начала быстро развиваться. Когда въ XVIII в. русскіе овладѣли также и юго-восточными степями и усиленная колонизація русскимъ элементомъ сосѣднихъ съ Ураломъ областей Азіи положила предѣлъ свободной монгольской иммиграціи изъ степныхъ пространствъ, то финско-татарскіе народцы бассейна Камы и Пріуралья оказались окруженными кольцомъ славянъ и отрѣзаны были отъ своихъ сородичей—финновъ Поволжья и окскаго бассейна, отъ тюрко-татарскихъ племенъ южныхъ и юго-восточныхъ степныхъ пространствъ.

Выше указано уже было, что населеніе занимается хлѣбопашествомъ во всемъ Пріуральскомъ краѣ, но по почвеннымъ и физическимъ условіямъ не вездѣ съ одинаковымъ успѣхомъ. Въ сѣверной части Пермской губ., въ уу. Чердынскомъ, Верхотурскомъ, Соликамскомъ и отчасти въ Екатеринбургскомъ, вслѣдствіе безплодія почвы и неблагопріятныхъ климатическихъ условій, на поляхъ родится такъ мало хлѣба, что даже и въ самые урожайные годы его недостаточно для прокормленія мѣстнаго населенія. Слишкомъ дождливое лѣто, ранніе осенніе или поздніе весенніе заморозки нерѣдко совершенно уничтожаютъ посѣвы, такъ что пахарь не собираетъ даже и сѣмянъ.

«Какъ тутъ хлѣбъ-то сѣять! Мѣсто, вишь, шибко студеное... Въ августѣ инеи бываютъ здоровые. Овощь зябнетъ, да и капуста вся въ трубку идетъ. Колосу и налиться не дастъ—ознобитъ его. Иное мѣсто бываетъ—овощь мало-маля поднимается—и то слава Богу. Мѣсто горное, красивое, да непогодное... Трудно намъ жить, ахъ трудно!«**). Таково положеніе земледѣлія по словамъ одного мѣстнаго жителя даже на р. Насьвѣ, въ южной части Соликамскаго уѣзда, почти на границѣ Пермскаго, а далѣе къ сѣверу, въ Чудымскомъ у. и того хуже. Въ другихъ уѣздахъ хлѣбопашество находится въ болѣе или менѣе удовлетворительномъ состояніи, а въ южныхъ: Шадринскомъ, Камышловскомъ, Красноуфимскомъ, отчасти въ Осинскомъ получается даже нѣкоторый избытокъ хлѣбныхъ запасовъ, такъ что здѣсь даже существуетъ значительная отпускная торговля хлѣбомъ. Всего же подъ пашнями въ Пермской губерніи насчитывается лишь около 3 мил. десятинъ, т. е. около 9,53% всей площади губерніи. Остальное занято сплошными

*) Въ 1736 г. основана крѣпость Нагайбакъ (Белебеевск. у.) и Табынская (Стерлитамакск. у.), Златоустовскій горный заводъ основали лишь въ 1751 г.

**) Вас. Немировичъ-Данченко, „Кама и Уралъ“, стр. 394.

лѣсными зарослями, болотами, горными кручами, гдѣ земледѣліе если и возможно, то только послѣ громадной затраты труда и капитала.

Вятская губернія получила названіе «мужицкой губерніи», такъ какъ сельское населеніе здѣсь чрезвычайно сильно преобладаетъ предъ городскимъ. Сельское же населеніе почти исключительно занимается хлѣбопашествомъ, скотоводствомъ, рыболовствомъ, отчасти пчеловодствомъ и охотою. Но почва по большей части такъ же плоха, какъ и въ Пермской губ., особенно въ сѣверной части (см. выше) и хотя здѣсь пахотная и усадебная земля составляетъ около 36% всей территоріи губерніи, но урожаи очень рѣдко превышаютъ самъ 4.

Повсемѣстно сѣютъ ленъ и коноплю (извѣстенъ сивинскій ленъ въ Сарапульскомъ у.). Скотоводство въ плохомъ состояніи, вслѣдствіе недостатка хорошихъ пастбищъ, породы скота плохія *). Славившіяся въ прежнее время вятскія и обвинскія породы лошадей въ настоящее время составляютъ рѣдкость у сельскаго населенія.

Наконецъ, Уфимская губ. представляетъ житницу всего края и въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ орографическія и климатическія условія не составляютъ препятствія къ занятію хлѣбопашествомъ, урожаи обыкновенно обильны, и отсюда массы хлѣба сплавляются по системѣ р. Бѣлой и развозятся по Камѣ. Но въ гористыхъ мѣстностяхъ хлѣбопашество возможно только въ долинахъ, а въ болѣе южныхъ частяхъ губерніи мѣстность пріобрѣтаетъ уже степной характеръ, гдѣ засухи представляютъ большое препятствіе къ веденію сельскаго хозяйства, и гдѣ поэтому болѣе, чѣмъ хлѣбопашество, развито скотоводство въ обширныхъ размѣрахъ.

Въ Вятской губерніи очень сильно развиты кустарные промыслы, особенно въ у. Вятскомъ, также въ Сарапульскомъ, Елабужскомъ и нѣкоторыхъ другихъ. Сильно развито кожевенное производство, которое доставляетъ населенію болѣе 4 мил. р. заработка въ годъ. Въ связи съ этимъ распространенъ сапожный промыселъ, самый крупный центръ котораго — гор. Сарапулъ и его уѣздъ, гдѣ насчитывается болѣе 2,000 кустарей-сапожниковъ; около этого также въ Нолинскомъ у. Много занимаются также выдѣлкою рукавицъ**), шорнымъ промысломъ, скорняжнымъ***) (болѣе 3 тыс. скорняковъ-кустарей), шерстобитнымъ и т. п. Сильно развиты издѣлія изъ дерева (мебель, сундуки и т. п.), и этими промыслами занимается въ губерніи около 6 тыс. кустарей. Спеціальную мѣстную промышленность кустарей составляютъ издѣлія изъ капа****), которыя расходятся по всей Россіи и идутъ въ значительномъ количествѣ за границу.

Въ Пермской губ. изъ кустарныхъ про-

*) Въ уѣздахъ Орловскомъ, Слободскомъ и Глазовскомъ есть особый родъ скота камолаго (безрогаго).

**) Есть кустари (въ Вятскомъ и Нолинскомъ уу.), которые вырабатываютъ въ годъ 10—12 тысячъ паръ рукавицъ.

***) Слободскіе и вятскіе скорняки отправляютъ большими партіями овчины и шубы даже далеко на югъ, въ губ. Харьковскую и Полтавскую.

****) Капомъ называются наросты или бугорчатыя вздутія, которыя образуются въ теченіе долгаго времени (10—40 л.) на стволѣ, корняхъ и на вѣтвяхъ деревьевъ; иначе называются они „выплывами", „болонами", „зобами", „сувойчатыми наростами". Въ разрѣзѣ такой наростъ представляетъ красивый волнистый рисунокъ, похожій на мраморъ, какъ бы съ перламутровымъ отливомъ. Для подѣлокъ (сигарочницы, табакерки, спичечницы, принадлежности письменнаго стола и т. п.) употребляется преимущественно березовый капъ, твердый и прекрасно полирующійся. Обыкновенная величина каповыхъ наростовъ — нѣсколько кубическихъ вершковъ (3—5), но попадаются и такіе, которые имѣютъ 10 и болѣе куб. вершк.

мысловъ наибольшее значеніе имѣютъ обработка животныхъ продуктовъ (особенно кожевенное производство, салотопленные заводы, съ выдѣлкою свѣчей и мыла) и обработка металловъ. Въ послѣднее время начинаетъ развиваться изготовленіе кустарями несложныхъ земледѣльческихъ машинъ и орудій, которыя отчасти имѣютъ сбытъ и за предѣлами губерніи. Въ виду крайней бѣдности населенія и земство и правительство (министер. земледѣлія и госуд. имущ.) принимаетъ рядъ мѣръ къ развитію кустарныхъ и другого рода мѣстныхъ промысловъ. Такъ, въ 1896 г. командированы были отъ министерства спеціалисты-инструкторы для ознакомленія населенія съ раціональными пріемами маслодѣлія и ткачества, также земство устраиваетъ учебныя пасѣки для развитія и правильной постановки пчеловодства, и принимаетъ мѣры къ упорядоченію ткачества, къ развитію разработки торфа. Но самою важною мѣрою для развитія кустарныхъ промысловъ и для улучшенія положенія кустарей—это безспорно учрежденіе пермскимъ губернскимъ земствомъ кустарнаго промышленнаго банка, изъ котораго выдаются ссуды срокомъ до трехъ лѣтъ отдѣльнымъ кустарямъ изъ 8½, а артелямъ изъ 7% годовыхъ. Учрежденіе этого банка является наилучшимъ способомъ защиты кустарей отъ эксплоатаціи мѣстныхъ кулаковъ, которые обыкновенно держатъ кустарей въ вѣчной кабалѣ. Дѣятельность этого банка довольно обширна, такъ, напр., въ 1896 г. выдано было 1,530 ссудъ на сумму 152,584 руб. Въ различныхъ мѣстностяхъ губерніи существуетъ около 200 агентовъ *), которые являются посредниками между кустарями и банкомъ...

Заботы объ улучшеніи положенія населенія въ Пріуральскомъ краѣ вызваны крайнею необходимостью. По всей Европейской Россіи не найдется, пожалуй, другого района, гдѣ бы условія существованія были столь тяжелы для громадной массы сельскаго населенія, какъ здѣсь.

Изъ предыдущаго очерка видно, что край этотъ, несмотря на суровыя физическія условія, очень богатъ естественными продуктами. Нѣдра земли почти на всемъ пространствѣ Пріуралья изобилуютъ неисчерпаемыми минеральными богатствами; необъятныя пространства прекраснаго строевого лѣса еще и теперь изобилуютъ всякою дичью (тетерева, рябчики и т. п.), пушными звѣрями (преимущественно бѣлками, а въ сѣверныхъ частяхъ, въ Вишерскомъ краѣ, довольно многочисленны еще россомахи, выдры, лисицы, горностаи, куницы, попадается изрѣдка даже соболь), не рѣдки дикіе олени, лоси, медвѣди.., а изобиліе судоходныхъ и сплавныхъ рѣкъ доставляетъ населенію удобства въ сбытѣ всѣхъ этихъ естественныхъ продуктовъ.

Кажется, что въ такомъ богатомъ краѣ привольно долженъ бы жить человѣкъ, но не такъ это на самомъ дѣлѣ. Этотъ «желѣзный» и «золотой» край не безъ основанія считается «колыбелью милліоновъ», но въ то время, какъ немногіе счастливые избранники судьбы создали себѣ колоссальныя богатства, сотни тысячъ несчастныхъ рабочихъ задыхаются подъ бременемъ непосильнаго труда, въ рудникахъ и шахтахъ, на пріискахъ, на плавильныхъ заводахъ, солеварняхъ и т. д., получая ничтожное вознагражденіе за свой по истинѣ «каторжный» трудъ и принужденные поэтому жить въ до крайности негигіеничныхъ условіяхъ, почти впроголодь.

Бросимъ сперва взглядъ на успѣхи уральской горнозаводской промышленности **). На всемъ Уралѣ въ 1896 г. числилось 603 желѣзныхъ рудника, на которыхъ ра-

На Кавказѣ и въ Персіи на орѣховыхъ деревьяхъ встрѣчаются капозые наросты въ 20—40 *пудовъ* вѣсомъ.

*) Предложившихъ свои услуги земству безвозмездно.

**) См. Лоранскій «Горнозаводская промышленность въ Россіи» за 1897 г.

ботало 23,600 рабочихъ и добыто было руды 74.151,397 пуд. Особенно богатыя мѣсторожденія желѣзной руды: гора Высокая, близъ Нижняго Тагила, изъ которой ежегодно вырабатывается болѣе 7 мил. пудовъ руды съ содержаніемъ чистаго желѣза 63—69%, г. Благодать (около 4 мил. пуд., 52—58% жел.), Магнитная гора, въ Оренбургскомъ Уралѣ (около 2½ мил. п., 66%) и мѣсторожденіе Бакальское (болѣе 4 мил. пуд., около 60%). Первыя три мѣсторожденія даютъ магнитный желѣзнякъ, послѣднее—бурый и шпатовый.

Число чугуноплавильныхъ заводовъ въ 1896 г. достигало 66, въ которыхъ дѣйствовало 115 доменныхъ печей. Выплавлено было 33.100,129 пуд. чугуна, при чемъ рабочихъ было 128,439 человѣкъ.

Золота въ томъ же 1896 г. на Уралѣ добыто было 306 пуд. 35 ф. 85 зол. *), рабочихъ, занятыхъ на пріискахъ, было болѣе 36,000 чел.

Платины добыто 269 пуд. 210 ф. **), мѣди на 8 мѣдноплавильныхъ заводахъ выплавлено 151,511 пуд. ***); каменнаго угля въ 19 копяхъ добыто 17.631,517 пуд.. число рабочихъ, занятыхъ въ шахтахъ—2,538 челов.

Соли въ Пермской губ. добыто было въ 1896 г. около 10.175,000 пуд. ****), разсолъ извлекался изъ 43 скважинъ, варницъ 146, рабочихъ болѣе 2,000 чел.

Развитіе горной промышленности отчасти задерживается недостаткомъ топлива, такъ какъ лѣса около заводовъ уже устреблены, а минеральнымъ топливомъ могутъ пользоваться далеко не всѣ заводчики. Каменноугольная промышленность на Уралѣ развивается, вообще говоря, слабо, и главною причиною этому является то обстоятельство, что самыя богатыя мѣсторожденія угля находятся въ рукахъ, немногихъ владѣльцевъ, которые эксплоатируютъ ихъ почти исключительно для собственнаго потребленія, а не для нуждъ горной промышленности вообще. Въ послѣднее время многіе заводы начинаютъ уже употреблять въ качествѣ горючаго матеріала торфъ и дѣлаются попытки пользоваться нефтью. Что касается соляной промышленности, то она находится въ сравнительно плохомъ состояніи, съ тѣхъ поръ какъ вздорожало топливо. Выварочная пермская соль не выдерживаетъ конкурренціи съ болѣе дешевою самоосадочною солью, несмотря на то, что провозъ ея на главные рынки потребленія, въ центральную Россію, благодаря обилію водныхъ путей, обходится и не особенно дорого.

Посмотримъ теперь, какъ живутъ многія тысячи рабочихъ, занятыя разработкою перечисленныхъ богатствъ, громадные доходы отъ которыхъ попадаютъ однако же не въ ихъ карманъ.

Въ 1875 г. описываемый нами районъ посѣтилъ извѣстный писатель Вас. Немировичъ-Данченко и въ цѣломъ рядѣ статей въ періодической печати выставилъ во всей наготѣ ужасное положеніе обитателей этого края. Хотя съ того времени прошло уже болѣе 20 лѣтъ, но существенныхъ измѣненій въ положеніи заводскихъ рабочихъ не произошло и правдивые, художественные очерки этого автора не утратили своей цѣны до настоящаго времени. Въ виду этого мы позволимъ себѣ взять изъ нихъ нѣсколько иллюстрацій для характеристики быта населенія горнозаводскаго района и бассейна Камы.

Вотъ какъ онъ описываетъ рудникъ:

„Черная дыра внизъ. Попочъ по одной лѣстницѣ; сквозь какое-то отверстіе проскочилъ на вторую. На ступенькахъ массы вязкой глины. Съ боковъ течетъ. Какая-то струйка воды съ жалобнымъ стономъ пробивается въ скважину черснаго камня. Входъ въ шахту вверху чуть-чуть сѣрѣетъ. Точно въ могилу спускаешься, такъ и кажется: завалятъ тебя вверху каменьями и останешься тутъ гнить на вѣки вѣчные. Внизу тьма, тяжелая, пропитанная испареніями глубоко-раненой здѣсь земли, запахомъ желѣза, влажнымъ паромъ ручьевъ, струящихся гдѣ-то далеко-далеко подъ этими глыбами. Свѣчи на-

*) Въ 1893 г. на Уралѣ добыто было 734 п. 29 ф. 71 зол.

**) Въ 1893 г. 311 пуд. 13 ф. 33 з.

***) Въ 1893 г. около 175,000 пуд.

****) Въ 1893 г. болѣе 17 мил., а въ 1892 г. болѣе 18 мил. пудовъ.

чали тухнуть, точно имъ стало страшно этого мрака, соперничать съ которымъ у нихъ не хватило-бы силъ. Тутъ уже нельзя было идти, ползти пришлось. Ползли-ползли, какъ черви въ орѣхѣ, и, наконецъ, выползли. Бревенчатая кладка кончилась. Черный, адскій гротъ. Тутъ работаютъ съ лучинами. Слышенъ торопливый стукъ кирокъ. Видны огоньки тусклые, точно окутанные душнымъ паромъ. Черные изломы камня будто слезятся при этомъ свѣтѣ. Направо и налѣво — такіе-же, словно проточенные червями, ходы, какимъ и мы добрались сюда. Сквозь эти жилы слышится глухой говоръ такихъ-же кирокъ. Порою подъ желѣзными ломами трескаясь раскалывается горная порода. Изъ другихъ штоленъ доносится тягучее, какъ колокольный ударъ, громыханье. Точно земля простонетъ и смолкнетъ. Рвутъ пороховыя мины...

Вмѣстѣ съ нами выползъ изъ рудника одинъ изъ рабочихъ. Бросилъ кирку о-земь и часто-часто задышалъ. Жадно осматривается кругомъ на заходящее солнце, на зеленыя горы, обступившія издали эту котловину... онъ бросилъ почти влюбленный взглядъ на гремучую рѣченку, на золотую кайму, вспыхивавшую по гребнямъ далекаго чернолѣсья.

— Въ лѣсъ-бы теперь чудесно! — обернулся онъ ко мнѣ.—Легъ-бы на траву и лежалъ до самой ночи. Все-бы смотрѣлъ. Я это, какъ праздникъ, сейчасъ туда... Мы за недѣлю-то въ рудникѣ какъ натомимся, такъ намъ это, что въ храмѣ Божьемъ...

— Нѣтъ работы труднѣе нашей. Потому безъ свѣту, лучина одна горитъ тебѣ. И сама-то она слѣпая, и ты точно слѣпой. Ничего не увидишь дальше своей руки. Дроворубъ, что на всю зиму въ лѣсъ уходитъ, съ волками, да звѣрьми лютыми живетъ—все счастливѣе (далѣе читатель увидитъ, какъ живутъ эти „счастливые" дроворубы) онъ хоть свѣтъ видитъ, живой между живыми ходитъ. Небо надъ нимъ, свѣту кругомъ сколько хошь. А у насъ только руда одна, да камень. А камень иной разъ непокорный попадется. Долбишь его долбишь, а онъ все не согласенъ. Въ потъ ударитъ, изморишься, кирка изъ рукъ выпадаетъ и самъ ты вмѣстѣ съ нею о-земь ударишься. Кажется, каждая косточка въ тебѣ болитъ. Лучина потухнетъ и лежишь ты въ темнотѣ. Думаешь: „Господи, въ аду хуже-ли будетъ?" Такъ я тебѣ скажу: какой хошь злой человѣкъ, а внизу, подъ землею, совѣсть узнаетъ. Потому—нельзя. Такъ промежду собою мы думаемъ: кто руду не копалъ, тотъ Бога не зналъ, а руду покопаешь и Бога узнаешь... взмолишься!...

— Во тьмѣ и сердце говоритъ громче, и правда душѣ слышнѣе. На каждомъ шагу чудится — смерть сторожитъ. Готовишься къ ней, все прошлое, пережитое проходитъ передъ глазами"... *).

Одной этой яркой картинки достаточно уже, чтобы представить себѣ, что за ужасная работа этихъ „подземныхъ богатырей" и неудивительно, что, какъ передаетъ Немировичъ-Данченко, на Уралѣ не рѣдкость, что не заподозрѣнные никѣмъ убійцы являлись къ властямъ съ повинною. „Въ душномъ мракѣ глубокихъ шахтъ имъ отовсюду чудились лица ихъ жертвъ, искаженныя, сохранившія то же выраженіе, съ которымъ преступники оставляли ихъ... Неспокойной совѣсти чудились укоряющіе крики, стоны, вопли о пощадѣ, разъ засѣвшіе въ умѣ и съ тѣхъ поръ не забывавшіеся. Вода, сочащаяся сквозь руду, богатая содержаніемъ желѣзистыхъ частицъ, и потому красная, кровью брызгала имъ на руки, и въ слѣпомъ страхѣ несчастные бѣжали оттуда прочь, на верхъ, на свѣтъ Божій, боясь, что вотъ-вотъ невѣдомая сила сдвинетъ эти тяжелыя массы, и онѣ погребутъ подъ собою нераскаявшагося, непрощеннаго грѣшника"...**).

Изъ подземныхъ корридоровъ рудника, гдѣ царитъ вѣчный мракъ съ затхлою и удушливою, сырою атмосферою перейдемъ теперь на чугуноплавильный заводъ. Вотъ „домна", т. е. доменная печь, въ которой руда переплавляется въ чугунъ. Изъ ея верхняго отверстія, словно изъ пасти легендарнаго чудовища, пышетъ невыносимый жаръ и вспыхиваетъ красноватое пламя, озаряющее таинственную темноту сарая, устроеннаго надъ печью съ окуренными дымомъ и покрытыми толстымъ слоемъ сажи балками. Изъ громаднаго, круглаго зѣва домны, жадно раскрытаго въ ожиданіи своей обычной добычи (руда засыпается сверху въ отверстіе) слышится клокотаніе расплавленнаго металла, и въ мерцающихъ отблескахъ его, прорѣзывающихъ временами темноту, снуютъ и снова исчезаютъ во мракѣ черные силуэты почти голыхъ рабочихъ, которые представляются какими-то фантастическими фигурами: точно совершается древнее таинство языческаго культа и невидимое чудовище въ огнѣ и дыму, помѣщающееся на громадномъ алтарѣ, пожираетъ жертвы приносимыя ему, а полунагіе жрецы благоговѣйно служатъ ему, и непонятный, оглушительный шумъ наполняетъ этотъ величественный храмъ своими подавляющими звуками...

„Всматриваясь въ окружающихъ, я замѣчалъ, что они, какъ и эти балки и стѣны, тоже покрыты копотью и сажей. На почернѣлыхъ лицахъ добродушно или озабоченно смотрятъ усталые глаза. Кое у кого и вос-

*) Кама и Уралъ, стр. 229—232.
**) Стр. 233—234.

паленные; видимое дѣло — не даромъ достается эта близость огня, этотъ жаръ, пышущій извнутри, изъ самыхъ нѣдръ колоссальной печи"... Начали засыпать новыя порціи руды. „Цѣлая туча пыли, дыму и искръ поднялась вверхъ къ чернымъ балкамъ кровли. Туча эта на минуту окутала насъ всѣхъ, перехватывала дыханіе, слѣпила глаза. Чудовище еще громче заклокотало; еще сильнѣе стало взрываться и свистать во всѣ стороны пламя, точно оно и до насъ хотѣло дотянуться своими огненными жалами...

— Ѳедоръ, Ѳедоръ, куда ты?—закричалъ надсмотрщикъ на рабочаго, который кинулся прочь изъ домны. Тамъ, гдѣ стоялъ онъ, всего сильнѣе подымалось пламя, точно оно его-то именно и хотѣло захватить и унести въ нѣдра, гдѣ кипѣлъ металлъ.

— Невозможно!

— Что невозможно?

— Стоять... Такъ палитъ... Дыхать нельзя.

— Ну пошелъ, пошелъ! Надо, чтобы руда ложилась во всей домнѣ ровно, а не то что въ одинъ край много, а въ другой ничего. Этакъ чего добраго и домну испортишь. Пошелъ, пошелъ!

— Эхъ ты доля собачья!—протестовалъ по своему рабочій, отправляясь жариться къ самой пасти...

У обжигальной печи стоитъ рабочій — скелетъ, обтянутый кожей и сыплетъ туда для прокаливанья еще не раздробленную руду. Мы подходимъ къ нему. Онъ смотритъ на насъ совсѣмъ какимъ-то безнадежнымъ взглядомъ.

— Ну что, Пименъ?—спрашиваетъ управляющій.

— Худо... еле дышу!

— Грудь! Ты-бы къ фельдшеру...

Рабочій только отмахнулся рукой и нагнулся къ печи. Дыханье съ какимъ-то всхлипываніемъ вырывалось изъ этой чахлой груди. Руки, худыя, узловатыя, съ натугой дѣлали свое дѣло.

— Ты-бы отдохнулъ, Пименъ.

— Семью кормить надо... Помилуйте... Когда тутъ отдохнуть... Подать...

На рабочихъ рубахи, кто не снялъ ихъ, мокры отъ поту. Случается, что въ жарѣ на этихъ рубашкахъ кристаллизуется соль, выступающая вмѣстѣ съ потомъ изъ поръ. Вотъ нѣсколько рабочихъ сѣли въ уголъ — отдыхаютъ. Ни слова между ними, точно замерли. Они на огнѣ горѣли, а тамъ теперь изъ нихъ потъ бѣжитъ, ослабляетъ ихъ страшно.

Понурились, захватили руками колѣни. Сидятъ ужъ нѣсколько минутъ — хоть-бы звукъ какой. Я подошелъ. Одинъ спитъ тяжелымъ прерывистымъ сномъ. Другой поднялъ на меня голову. Недоумѣнье, усталый взглядъ скользитъ куда-то. И опять голова безсильно опускается на колѣни. При слабомъ свѣтѣ, пробивающемся сквозь дыры въ стѣнахъ, лица ихъ кажутся мертвенно блѣдными...

Эй, ребята! Пора... послѣ насидитесь... Усталыя спины разогнулись, колеблющаяся походка выдавала слабость ногъ.

Внизу, у нижняго отверстія печи прохладнѣе, но зато стоитъ оглушительный шумъ изъ фурмъ, сквозь которыя внутрь печи вдувается воздухъ. „Мы уже не слышали другъ друга. Видѣли, какъ шевелятся губы, а словъ нельзя было уловить. Мнѣ кажется, что тутъ даже пушечнаго выстрѣла нельзя было-бы различить...

Рабочіе, которые безсмѣнно находятся около, должны неминуемо глохнуть. Голову кружило, что-то стучало въ виски, въ глазахъ мелькали какія-то огненныя искры, зеленыя спирали"...

Когда я вошелъ въ отдѣленіе, гдѣ разбивались чугунные куски въ желѣзо, у меня голова пошла кругомъ. Казалось, что эти паровые молоты стучали въ моемъ мозгу, что свистъ мѣховъ и сильныя струи воздуха, вдуваемыя въ фурмы, сорвутъ меня съ мѣста и унесутъ Богъ знаетъ куда отсюда. Глаза слѣпило; я не зналъ, на чемъ остановиться, за что взяться; какой-то непонятный хаосъ совершался кругомъ...

Когда я подошелъ ближе къ рабочимъ, пришлось всмотрѣться въ нихъ еще съ большимъ интересомъ. Это были „желѣзные люди". На нихъ гремѣли желѣзные фартуки, которые спасали ихъ отъ огненныхъ звѣздъ, носившихся въ воздухѣ. На ногахъ гремѣли желѣзные сапоги.

Цѣлыя струи пламени и горячаго металла лились кругомъ; эти желѣзные люди, посреди этого ада, казались совсѣмъ неприкосновенными. Они то и дѣло ворочали бѣлые куски желѣза, красные комья чугуна, наклонялись къ печамъ, дышавшимъ невозможнымъ жаромъ; мокрыя лица моментально высыхали; брови совсѣмъ спаленныя, закруглившіяся отъ невыносимой температуры рѣсницы, красные, налившіеся кровью глаза иногда обращались въ нашу сторону. И ясно было, что они насъ не видѣли; они привыкли къ ослѣпительному блеску, къ предметамъ, даже въ самомъ воздухѣ оставлявшимъ огнистый слѣдъ...

— Ты опять пьянъ!—раздалось у меня надъ самымъ ухомъ. Смотрю, мой спутникъ останавливаетъ какого-то шатающагося рабочаго.

— Какое пьянъ, — едва шевелитъ тотъ губами. — Закружило... Немоготно!

— Изморился?

— Съ утра... Отъ печи не отходилъ... Къ горлу подступило. Видѣть, ничего не вижу. Коли-бы не остановили, въ плавлю-бы влѣзъ. Ефимовъ, спасибо, за шиворотъ взялъ.

— Ну выйди, выйди, подыши.

— Да ужъ надо. Что дѣлать!..

Да, не легко здѣсь добывается хлѣбъ насущный, дѣйствительно „въ потѣ лица"...

Подобныя-же условія работы и на угольныхъ шахтахъ, и на солеварняхъ.

А вотъ примѣръ, какъ изнуряются рабочіе за „лошадиною работой". Для полученія новой скважины или „трубы", изъ которой извлекаютъ разсолъ, первобытнымъ способомъ сверлили землю, варварски — не паровою, а живою силою, и употребляли для этого не животныхъ, а людей.

„Нѣсколько рабочихъ, наваливаясь грудью на горизонтальный воротъ, ошеломленные прутъ его передъ собою. Работа продолжается день и ночь. За 8 часовъ такого круженія каторжники труда получаютъ 25 копѣекъ на своихъ харчахъ. Нужно было видѣть эти лица. Истома, одурѣніе выражалось на нихъ вмѣстѣ съ какою-то затаенною болью. Со скрипомъ ворота слышались и ихъ сиплыя дыханія. Медленное, размѣрное движеніе; въ сараѣ, гдѣ оно совершается, холодно, а между тѣмъ съ несчастныхъ потъ валилъ градомъ... Работа подвигается крайне медленно, въ день высверливаютъ не болѣе трехъ вершковъ въ глубину, а на кремнистыхъ породахъ даже и полвершка въ день, и разработка одной трубы продолжается 4—6 лѣтъ.

Въ сараѣ, гдѣ работали эти волы въ образѣ человѣческомъ, было темно. На работу их тошно даже смотрѣть, а она продолжается 8 часовъ безвыходно. Пріостонавливаться нельзя: нужно ходить, ходить и ходить, напирая во всю мочь грудью на палку".

Выходя изъ варницы, я наткнулся на рабочаго, что грудью еще часъ назадъ двигалъ воротъ. Идетъ понурясь, еле-еле перебирая ногами. Голова во всѣ стороны точно шея мягкая — позвонковъ нѣтъ. Видимое дѣло, осѣлъ человѣкъ, обмякъ.

— Трудная работа, Тихонъ?

Поднялъ голову, изумленно посмотрѣлъ на меня.

— Чаво?..

— Работа, говорю, трудная.

— Для ча не трудная? Трудная... И опять голову внизъ.

— Грудь не болитъ отъ нея?

Онъ совершенно безсознательно потеръ ее рукою. Попробовалъ было побольше воздуху вдохнуть, да оборвало — закашлялся.

— Не то болитъ... Не болитъ, а тоскуетъ... Хлипнетъ. Погоду знаетъ тоже.

— Теперь ты что-же, домой?.. Ѣсть будешь?

— Спать... Ѣсть нельзя.

— Почему это?

— Въ нашей работѣ сразу ѣсть нельзя. Спать надо. Потомъ... Если сразу — вонъ пойдетъ. Душа не принимаетъ...

— Войти можно къ тебѣ?

— Для ча? — удивленно вскинулся онъ на меня.

— Да любопытно, какъ ты живешь.

— Живу?.. Скудно... Что червь въ гниломъ орѣхѣ... Такъ и живу.

Вошелъ я... Мракъ... Сѣно или солома въ углу, на ней старый полушубокъ. Тихонъ, ни мало не интересуясь мною, завалился на него и, спустя минуту, часто-часто задышалъ, видимо засыпая. Именно „хлипла" у него грудь...

Всмотрѣлся я въ спящаго. Ротъ раскрылъ широко. Гнилые зубы. Лицо еще синѣе кажется при скупомъ освѣщеніи... Рука—однѣ жилы да кости, жилы и на шеѣ налились. Синія вѣки опущены, точно глаза провалились. Клочья волосъ налипли на лобъ, смокли: изнурительнымъ потомъ прошибло бѣднягу. Съ натугой дышетъ. Съ какимъ-то свистомъ вырывается воздухъ изъ груди...

Въ дверяхъ показалась дѣвочка лѣтъ двѣнадцати. Увидѣла меня, струсила—и назадъ. Я ее успокоилъ.

— Къ батькѣ... — Исподлобья смотритъ на меня. — Мамка прислала... Луку вотъ принесла... Рѣпа есть...

„Не могу выразить того тяжелаго чувства", говоритъ Немировичъ-Данченко, „которое навѣяло на меня это посѣщеніе Тихона и эта дѣвочка. Узкій лобъ... Къ окну подошла — тупое совсѣмъ лицо. Глаза тоже совсѣмъ безсознательные. У молодыхъ котятъ такіе. Тусклые, безсознательные. Оказалось, что она съ самыхъ раннихъ лѣтъ (точно съ какого года, она не могла сказать, такъ какъ не имѣла понятія о годахъ) тоже работаетъ на солеварнѣ: носитъ соль на головѣ, а еще раньше канавы копала...

— Ты-бы... ушелъ... а? Ушелъ-бы.

— Что-жъ гонишь меня?

— На лавку сѣсть хочу...

— Садись при мнѣ.

— Боюсь! Бить станешь.

„Вотъ они, результаты нечеловѣческаго труда! Одно поколѣніе озвѣрѣло—что будетъ со слѣдующими?"...

Такое примѣненіе человѣческихъ силъ и человѣческаго генія оскорбительно для человѣчества. Какъ будто бы человѣкъ, сотворенный «по образу и подобію Божію», обладающій столь совершеннымъ организмомъ и развитымъ умственнымъ интеллектомъ—ни на что болѣе не годенъ, какъ на то, чтобы въ продолженіе

8 часовъ ходить по кругу и толкать передъ собою съ величайшимъ напряженіемъ воротъ! Любая лошадь или волъ оказались бы на его мѣстѣ болѣе полезными, а человѣкъ способенъ къ работѣ болѣе высокаго сорта... «Однако же,—замѣчаетъ Немировичъ-Данченко:—радоваться прогрессу техники нечего. Замѣнятъ Тихона машиною — Тихону работы не будетъ. Въ урожайный годъ проживетъ именемъ Христовымъ. А какъ ранняя осень убьетъ яровые, а поздняя зима сгубитъ озими, что дѣлать тогда этому же Тихону и его семьѣ, замѣненнымъ машиною?

По этой же причинѣ не приходится особенно радоваться и тому, что буксирные пароходы даже и въ Камскомъ краѣ вытѣснили бурлачество: тянуть лямку, конечно,—не дѣло человѣка, но сколько бурлаковъ осталось совершенно безъ всякаго заработка при этой реформѣ въ судоходствѣ!

Несомнѣнно, что такое положеніе въ высшей степени ненормально. Подъ вліяніемъ безысходной нужды пермякъ берется за какую угодно работу, совершенно не соотвѣтствующую его организаціи и ого способностямъ. Но пока нѣтъ возможности какому-нибудь Тихону, Пимену, Ѳедору и т. д. при тѣхъ условіяхъ жизни, въ которыя они поставлены, найти работу, обставленную большими удобствами и менѣе опасными для здоровья—имъ приходится дорожить и этою непосильною и губительною работою, такъ какъ—это смерть все-таки медленная, а безъ нея—муки голода и быстрый конецъ земного существованія.

Можно было бы еще безъ конца приводить раздирающія душу картины и сцены изъ жизни заводскихъ рабочихъ, но намъ кажется, что уже довольно и того, что приведено, чтобы составить себѣ общее представленіе объ условіяхъ трудовой жизни горнозаводскихъ рабочихъ.

Упомянемъ еще, согласно обѣщанію, о дроворубахъ.

Почти половина Чердынскаго населенія живетъ сплавомъ и рубкою дровъ для усольцевъ, т. е. для соляного производства. Ближайшіе къ Камѣ и ея большимъ притокамъ лѣса уже давно изведены и теперь истребляютъ лѣса дальніе, пользуясь каждою жалкою рѣченкою, по которой бревна, хотя-бы въ полую воду, могутъ донестись до главной артеріи края.

Крестьяне на эту работу подряжаются на цѣлый годъ, при чемъ зимою они рубятъ деревья, а весною и лѣтомъ сплавляютъ ихъ. Условная плата выдается слѣдующимъ образомъ: треть — впередъ, которая идетъ въ уплату недоимки и подати, треть — когда рубятъ лѣсъ, и послѣдняя треть — когда дрова доставлены на мѣсто. На всю зиму чердынцы уходятъ въ непроглядную глушь, ставятъ хижины, „тупы“ посреди самаго захолустнаго чернолѣсья и до таянія снѣговъ рубятъ вѣковѣчныя сосны и ели. Многіе изъ этихъ дровосѣковъ гибнутъ отъ голода, другіе заболѣваютъ въ своихъ тупахъ и въ полномъ одиночествѣ умираютъ безпомощные, лишенные возможности дать о себѣ вѣсточку въ родное село. Многіе гибнутъ въ мятели, въ глубокихъ снѣжныхъ сугробахъ или замерзаютъ въ сильные морозы, или растерзываются дикими звѣрями: волками, медвѣдями, рысями, россомахами, которыя чувствуютъ себя полными хозяевами въ этихъ трущобахъ. Къ веснѣ наготовленныя дрова должны быть собраны на берегу ближайшаго воднаго потока и здѣсь складываются въ особаго рода четырехугольныя рамы. Когда весною начинаетъ прибывать вода, то рамы эти вмѣстѣ со сложенными на нихъ дровами поднимаются и сносятся теченіемъ. Въ каждой такой рамѣ 30—40 саж. дровъ, и на нихъ помѣщаются по два гребца съ четырьмя сплавщиками. Теперь дѣло заключается лишь въ томъ, чтобы благополучно довести ихъ до мѣста назначенія. Но сколько еще здѣсь можетъ быть несчастныхъ случайностей, могущихъ разомъ уничтожить трудъ цѣлой зимы! Рѣки въ Пріуральскомъ краѣ по большей части быстрыя, порожистыя, съ безчисленными извилинами, со множествомъ отмелей. И стоитъ, напр., плоту наткнуться на мель или засѣсть на порогѣ, или застрять

на крутомъ поворотѣ—и всѣ труды пропали даромъ: раму разобьетъ волнами и дрова унесетъ быстрымъ теченіемъ.

Между тѣмъ къ разсчету принимаются только дрова, вполнѣ благополучно доставленныя къ мѣсту назначенія. Этотъ опасный путь на плотахъ продолжается иногда по мѣсяцу и нерѣдко дровосѣкъ не только ничего не выработаетъ за свой годовой трудъ, но еще войдетъ въ неоплатный долгъ, такъ какъ часть платы, какъ сказано, выдается еще раньше. И идутъ въ свою деревню несчастные труженики, побираясь Христовымъ именемъ, чтобы съ наступленіемъ зимы снова приниматься за свою тяжелую работу, еще съ большимъ изнуреніемъ, такъ какъ надо отработать долгъ и добыть себѣ и семьѣ пропитаніе...

Какъ уже выше приведено, на Уралѣ ежегодно добывается много сотенъ пудовъ самаго драгоцѣннаго металла—золота. Казалось бы, что въ такой странѣ, гдѣ крупинки металла равнозначущаго деньгамъ, разсѣяны чуть не повсемѣстно въ поверхностномъ слоѣ почвы, человѣку стоитъ только немного потрудиться, чтобы составить себѣ значительное состояніе, а о бѣдности и лишеніяхъ въ самомъ необходимомъ, повидимому, не можетъ быть и рѣчи. И дѣйствительно, не особенно рѣдки случаи, что одинъ работникъ при первобытномъ устройствѣ аппарата, которымъ онъ промываетъ золотоносный песокъ (вашгеръ)—въ одинъ день можетъ добыть 4 и болѣе золотника этого драгоцѣннаго металла, что по нормальной оцѣнкѣ составляетъ 8—10 р. Даже и въ среднемъ выводѣ промывка доставляетъ въ день на 1 рабочаго рубля на 3—5 золота.

Однако же вотъ что пишетъ Нимировичъ-Данченко въ своихъ путевыхъ «очеркахъ и впечатлѣніяхъ» объ этихъ золотоискателяхъ.

„Я не разъ встрѣчалъ обнищалыхъ рабочихъ. Они производили на меня въ полномъ смыслѣ слова ужасное впечатлѣніе. Можно подумать, что они всѣ только что вышли изъ тифозной больницы: землистаго цвѣта лица съ синими подтеками, впалыя ямами груди, выдавшіяся впередъ плечи, провалившіяся шеи, слабыя ноги, слабыя руки, хриплые голоса съ какой-то натугой вырывавшіеся, точно для каждаго ихъ больного звука гнилыя легкія должны были дѣлать невѣроятныя усилія, будто въ груди у несчастныхъ скрипѣли какія-то ржавыя петли“ *)... Ранѣе описанное тяжелое положеніе рабочихъ, занятыхъ разработкою руды и выдѣлкою изъ нея металла, разработка соли, заготовка дровъ—все это показываетъ, что хотя страна и богата въ буквальномъ смыслѣ, такъ какъ здѣсь золото разсыпано по землѣ и кромѣ того здѣсь изобилуютъ всевозможныхъ родовъ естественныя богатства,—но, какъ уже раньше сказано, громадное большинство мѣстнаго населенія въ силу сложившихся вѣками обстоятельствъ не пользуется этими неисчерпаемыми сокровищами своей страны. Повидимому даже наоборотъ, здѣсь-то и можно встрѣтить наибольшія крайности страданій рода человѣческаго. Намъ вспоминается по этому поводу заключеніе проф. Флеровскаго, который весьма давно, въ 40-хъ или 50-хъ годахъ занимался изслѣдованіемъ быта населенія въ Пріуральѣ и въ золотоносныхъ округахъ Сибири и какъ общее положеніе вывелъ, что „чѣмъ природныя условія страны богаче, тѣмъ хуже въ ней живется населенію“...

Рядомъ съ нищетою и непосильнымъ трудомъ, разрушающимъ организмъ, воздвигаются пышныя хоромы эксплоататоровъ труда населенія, гдѣ живутъ въ царской роскоши и десятки, сотни тысячъ бросаются на пустыя затѣи, въ то время какъ массы тружениковъ, доставляющихъ имъ эти богатства, мрутъ съ голоду и вырождаются отъ превышающаго человѣческія силы труда, повторяющагося безпрестанно изъ поколѣнія въ поколѣніе...

Въ Екатеринбургѣ, по разсказу Немировича-Данченко, устраивались чудовищные кутежи, гдѣ „уральскіе богатыри“ — крезы, разжившіеся на эксплоатаціи населенія, показывали себя въ такомъ сказочномъ видѣ, о которомъ не имѣютъ понятія въ остальной Россіи.

„Пиры продолжались по недѣлямъ; выпивалось все вино въ городѣ, а если его оказывалось слишкомъ много и оно не помѣщалось въ купеческихъ утробахъ, то поили

*) Немировичъ-Данченко. „Кама и Уралъ“, стр. 584.

извозчиковъ, мѣщанъ, короче: всѣхъ встрѣчавшихся на улицѣ, остается еще бывало, имъ моютъ лошадей, поливаютъ мостовую, „чтобы пьянѣй была“ *)“...

Было время, когда здѣсь быстро наживались громадныя состоянія. Хищеніе казеннаго золота достигало ужасающихъ размѣровъ. „Какой-либо чиновникъ, еще вчера ходившій съ продранными локтями, занявшись „крупкой“ (скупкою краденаго золота), вдругъ строилъ себѣ громадныя хоромы, ничего не могъ пить кромѣ шампанскаго, одѣвалъ жену по-царски и даже бѣлье ея посылалъ мыть въ Парижъ — для шику“... Другіе дѣлали глупости и почище: жертвовали, напр., десятки тысячъ на постройку мечети въ Константинополѣ (чтобы получить орденъ) или посылали большія суммы персидскому шаху съ тою-же цѣлью и т. п.

И вотъ такое назначеніе имѣетъ весьма часто „каторжный“ трудъ несчастныхъ бѣдняковъ. Пирующій самодуръ не задумается бросить крупную сумму ради какого-нибудь каприза, но онъ и не подумаетъ облегчить участь рабочихъ, которымъ онъ обязанъ своимъ богатствомъ, голоднаго рабочаго изъ самодурства обольютъ дорогимъ виномъ, но ему не дадутъ хлѣба насущнаго...

Но довольно объ этомъ, теперь, конечно, многое уже измѣнилось, цивилизація проникла въ этотъ край, правительство и администрація положила предѣлъ расхищенію казны, внесло много свѣта и порядка въ отношеніяхъ между хозяевами и рабочими; желѣзно-дорожные пути прорѣзываютъ теперь этотъ край во многихъ направленіяхъ и соединяютъ главнѣйшіе пункты горной промышленности и торговли съ Поволжскими городами (Самара—Уфа—Златоустъ—Челябинскъ) и съ Сибирью, а также и съ бассейномъ Сѣв. Двины (Пермь—Вятка—Котласъ), съ вѣтвью въ Чердынскій край (Чусовская — Березники). Разработка богатствъ вступила въ новую фазу подъ управленіемъ инженеровъ съ широкимъ спеціальнымъ образованіемъ. Но народъ въ Пріуральскомъ краѣ все-таки и теперь живетъ въ крайней бѣдности.

Въ частности, что касается золотопромышленности, то въ прежнія времена существовало множество самостоятельныхъ добывателей золота, такъ называемыхъ „старателей“, которые работали или артелями, или въ одиночку.

Типъ старателей очень интересенъ и подробно описанъ извѣстными писателями В. Немировичемъ-Данченко, Маминымъ-Сибирякомъ и др.

Получивъ разрѣшеніе отъ начальства, работникъ или работница (такъ какъ за это дѣло берутся и женщины) беретъ съ собою „вашгеръ“ (родъ корыта—спеціальный инструментъ для промывки золтооноснаго песка), ружье для звѣря, силки для птицъ, да муки съ полпуда и направляется въ лѣсную глушь. „Руководимый инстинктомъ, или знаніями, практически пріобрѣтенными раньше, золотоискатель углубляется все дальше и дальше въ это сумрачное, молчаливое захолустье, питаясь грибами, убитой птицей и въ самыхъ крайнихъ случаяхъ — хлѣбомъ, кое-какъ приготовленнымъ изъ взятой муки. Идетъ онъ, случается, недѣлю, мѣсяцъ, пока не найдетъ, наконецъ, почвы, содержащей драгоцѣнный металлъ. Тутъ изъ вѣтвей онъ сплетаетъ себѣ шалашъ и среди вѣчнаго безмолвія лѣсныхъ великановъ начинаетъ промывать золото. Кругомъ совершенная пустыня и не слышно души человѣческой и естественно, что самъ золотоискатель, наконецъ, тоже дичаетъ, становится молчаливъ, сумраченъ, какъ и все окружающее его сосновое царство. Много опасностей грозитъ ему въ этой лѣсной пустынѣ: каждую минуту можетъ онъ ожидать столкновенія съ дикимъ звѣремъ, еще болѣе опасна встрѣча съ бродягою — бѣглымъ каторжникомъ, которыхъ не мало здѣсь таится по лѣснымъ трущобамъ и который въ большинствѣ случаевъ не преминетъ воспользоваться случаемъ воспользоваться намытымъ старателемъ золотомъ и его съѣстными припасами. Наконецъ, промышленнику постоянно грозитъ опасность голодной смерти. Часто умирать этимъ несчастнымъ труженикамъ приходится уже тогда, когда удалось намыть значительное количество золота. Положеніе по истинѣ совсѣмъ трагическое, если ему удастся напасть на богатую розсыпь: совершенно понятно, что бросить такое благодатное мѣсто, гдѣ представляется возможность обогатиться—не хочется, а между тѣмъ всѣ запасы истощились... ѣстъ старатель чернику, голубику, грибы, корни всѣ оглодаетъ кругомъ... Не хватитъ подъ конецъ силъ — и умираетъ. Зачастую золотоискатели наталкиваются въ лѣсной глуши у полуразмытой поляны на вашгеръ съ золотоноснымъ пескомъ и около него полуобъѣденный и изгнившій трупъ старателя... Обыщетъ онъ шалашъ, возьметъ себѣ намытое его предшественникомъ золото и здѣсь-же продолжаетъ недоконченную работу... быть можетъ, съ тѣмъ-же концомъ.

Разумѣется, бабамъ на этой работѣ приходится еще тяжелѣе, она является еще болѣе беззащитною противъ всѣхъ окружающихъ ее опасностей. Дичаютъ онѣ скорѣе, чѣмъ мужики и часто даже съ ума сходятъ въ одиночествѣ.

*) „Кама и Уралъ“, стр. 568.

Но даже и въ лучшемъ случаѣ, если удастся старателю избѣгнуть всѣхъ грозящихъ ему опасностей, дѣйствительнаго обогащенія почти никогда не бываетъ.

Во-первыхъ, намытое золото онъ обязанъ сдать въ казну, получая гораздо менѣе дѣйствительной его стоимости (отъ 75 коп. до 1½ руб. за золотникъ). Если-же вздумаетъ обойти казну, то попадаетъ еще въ худшія руки эксплоататора-скупщика, который не преминетъ незаконность сдѣлки обратить въ свою пользу, при чемъ, конечно, громадную роль играетъ водка и всевозможныя надувательства при посредствѣ ея. Наконецъ, совершенно естественно, что послѣ продолжительнаго пребыванія въ пустынныхъ лѣсныхъ дебряхъ, въ полномъ одиночествѣ и среди всевозможныхъ лишеній въ самомъ необходимомъ, попавши въ людское общество и имѣя въ карманѣ значительную сумму, старатель не въ состояніи удержаться отъ различныхъ мірскихъ соблазновъ...

Если принять къ этому во вниманіе, что на первыхъ-же порахъ ему приходится сталкиваться съ ловкими и безсовѣстными мошенниками всякаго рода и всякихъ профессій, составляющихъ зачастую правильно организованныя компаніи, то удивительно-ли, что несчастный старатель иногда въ одну ночь теряетъ все свое богатство, добытое съ такимъ трудомъ и со столькими опасностями.

Однако-же для уральцевъ старательская профессія представляетъ много привлекательности и кто разъ попалъ на эту работу — рѣдко отъ нея отстаетъ, втягивается. Спасется кое-какъ отъ смерти, одичалый придетъ домой, отдохнетъ недѣлю, двѣ—а тамъ и опять его тянетъ къ себѣ лѣсное царство, воля, просторъ. „Ни надъ тобой, ни около тебя никого“— и уходитъ опять на поиски.

Конечно, не отъ добра бѣжитъ онъ. Будь получше домашнія условія жизни — едва-ли находилось-бы столько охотниковъ подвергать себя постоянной опасности смерти. Но, какъ мы видѣли, пермяку живется очень плохо. И вотъ бѣжитъ онъ въ лѣсъ къ волкамъ и медвѣдямъ и съ опасностью жизни гонится за призракомъ обогащенія („легкаго“ — говорятъ, но не трудно заключить, что за злая иронія скрывается въ этомъ выраженіи, если только это не наивное непониманіе); онъ горькимъ опытомъ и наблюденіемъ надъ окружающими убѣдился, что обыкновенный, наемный и подневольный трудъ на заводѣ, въ рудникѣ или шахтѣ, на владѣльческомъ пріискѣ нѣтъ надежды на сносное существованіе, и по большей части тоже грозитъ смерть, только медленная, сопровождающаяся всевозможными недугами, при безпрестанномъ тѣлесномъ изнуреніи и нравственномъ порабощеніи и угнетеніи...

Понятно, что энергичный человѣкъ, чувствующій еще въ себѣ физическія силы, не задумается уйти въ лѣсной дикій просторъ, гдѣ можно питать надежду на выходъ изъ тяжелаго положенія, доставшагося ему въ удѣлъ...

Выше упомянуто было, что кромѣ старателей-одиночекъ, организуются иногда артели золотоискателей. Такой способъ работы гораздо легче и безопаснѣе, но... здѣсь приходится считаться еще съ однимъ факторомъ, препятствующимъ несчастному золотоискателю сносно устроить свое существованіе, но на этотъ разъ врагомъ оказывается не безсердечный купецъ-эксплоататоръ, не безсовѣстный пройдоха, обирающій у него плутнями съ опасностью жизни намытое золото... врагъ этотъ заключается въ немъ самомъ.— Это эгоизмъ и алчность, пробуждающіе въ человѣкѣ звѣря, когда онъ судьбою поставленъ въ близкую возможность обогащенія. Артельные товарищи, какъ-бы ни были хороши ихъ взаимныя отношенія, въ большинствѣ случаевъ ссорятся въ случаѣ болѣе или менѣе крупнаго успѣха ихъ работы. Попадаетъ артель на богатую россыпь, работа идетъ успѣшно и вотъ на сцену выступаетъ зависть, взаимное недоброжелательство, а зачастую доходитъ дѣло и до открытой вражды и даже до убійствъ. Таково тлетворное вліяніе золота и чѣмъ успѣхъ значительнѣе, чѣмъ бóльшую сумму приходится дѣлить участникамъ, тѣмъ болѣе разгораются въ нихъ недобрыя чувства и каждому хочется завладѣть, если не всѣмъ, то по крайней мѣрѣ бóльшею частью.

Въ русской литературѣ, какъ кажется, вопросъ этотъ не особенно много затрагивался талантливыми писателями, но въ иностранной — существуетъ множество художественныхъ произведеній, рисующихъ жизнь золотоискателей въ Америкѣ, Австраліи и Африкѣ, гдѣ прекрасно изображено это пробужденіе звѣрскихъ чувствъ въ человѣкѣ вблизи золота. Намъ вспоминается одно характерное мѣсто изъ стариннаго, и нѣкогда знаменитаго романа Ж. Ферри „Лѣсной бродяга“. Позволяемъ себѣ воспроизвести это мѣсто по памяти:

Двое американскихъ золотоискателей, Барайя и Орохъ, попали въ долину со сказочнымъ богатствомъ золота, крупные куски самороднаго золота разсыпаны были во множествѣ на поверхности земли, но вскорѣ они замѣтили необыкновенной величины слитокъ, вкрапленный въ отвѣсную стѣну пропасти. При первомъ-же взглядѣ на такое сокровище оба они такъ и застыли на одномъ мѣстѣ и долго оставались въ нѣмомъ созерцаніи, какъ бы очарованные блескомъ драгоцѣннаго металла. Наконецъ, они пришли въ себя и стали разсуждать о томъ, какъ-бы овладѣть сокровищемъ.

При взаимномъ содѣйствіи это было сдѣлать очень легко: стоило только одному изъ нихъ спуститься въ пропасть на ременномъ арканѣ, и овладѣть драгоцѣннымъ самородкомъ, тогда какъ другой долженъ былъ помочь товарищу снова взобраться наверхъ. Но такъ какъ они совершенно основательно взаимно опасались алчности другъ друга, то никто изъ нихъ и не рѣшался спускаться въ бездну и ввѣрять такимъ образомъ свою жизнь другому. Наконецъ, споръ свой они рѣшили жребіемъ, и тотъ, кому выпала судьба, спустился въ пропасть на ремнѣ, верхній конецъ котораго привязали къ дереву, благополучно овладѣлъ самородкомъ и сталъ подыматься вверхъ. Но когда онъ былъ уже у самаго края обрыва, то оставшійся товарищъ сталъ требовать немедленной передачи слитка въ его руки, на что тотъ не соглашался. И вотъ алчность, пробудившаяся у обоихъ, при видѣ золота, совершенно заглушила у нихъ всѣ человѣческія чувства: одинъ началъ медленно перерѣзывать ножемъ арканъ, на которомъ висѣлъ надъ пропастью его товарищъ, думая такою угрозою явной смерти принудить его къ выдачѣ золота, другой, сознавая близость явной смерти (пропасть, надъ которой онъ висѣлъ была очень глубока) никакъ не могъ рѣшиться на выдачу сокровища, которое въ его помутившемся разсудкѣ было дороже жизни.

Кончилось тѣмъ, что ремень былъ окончательно перерѣзанъ и несчастный золотоискатель вмѣстѣ со своимъ золотомъ полетѣлъ въ пропасть и разбился объ острые каменные утесы, а его озвѣрившій товарищъ предпочелъ потерять весь слитокъ, чѣмъ раздѣлить его съ другимъ. Прибавимъ къ этому, что потеря самородка была завѣдомо безвозвратная, такъ какъ паденіе его совершилось въ озеро, образовавшееся изъ ручья, низвергающагося водопадомъ съ того самаго обрыва, гдѣ найденъ былъ слитокъ.

Мы привели этотъ отрывокъ въ виду необыкновенной яркости, съ которою здѣсь обрисована алчность и звѣрскіе инстинкты, пробуждающіеся въ человѣкѣ при видѣ золота. Вотъ по этой-то причинѣ артели и не пользуются широкимъ распространеніемъ среди уральскихъ старателей и они предпочитаютъ работать самостоятельно, несмотря на всѣ выгоды и удобства промывки сообща.

Впрочемъ, съ теченіемъ времени число старателей все уменьшается, отчасти вслѣдствіе различныхъ стѣсненій законодательства, а отчасти по тому, что мало уже остается такихъ глухихъ трущебъ, гдѣ почва содержитъ достаточно драгоцѣннаго металла, какихъ прежде было изобиліе.

Упомянемъ еще про героя золотоискателей, генія въ своемъ родѣ, Егора Ивановича Жмаева, который на своемъ вѣку разыскалъ болѣе 7 тысячъ пудовъ драгоцѣннаго металла и доставившій милліоны другимъ людямъ (Зотову—3,000 п., Соловьеву—1,000 п., Голубкову — 3,000 п. и еще Маляревскому, Бабкову, Малевинскому, Базилевскому и др.), а самъ на старости лѣтъ остался почти безъ куска хлѣба... Замѣчательно, что этотъ человѣкъ выгодно отличался отъ другихъ старателей крайнею воздержанностью въ своемъ образѣ жизни и почти никогда не дозволялъ себѣ дорого стоющихъ прихотей. У него было не только рѣдкое знаніе своего дѣла, но изумительный инстинктъ открывать золото тамъ, гдѣ его никто и не предполагаетъ. Главная его дѣятельность протекла на сибирскихъ пріискахъ, хотя родомъ онъ былъ изъ уральскихъ киргизовъ. Но облагодѣтельствованные имъ люди оказали ему черную неблагодарность и Зотовъ, напр., которому онъ составилъ около 3,000 п. золота остался долженъ ему 69,000 р., да и другіе оказались не лучше Зотовыхъ *)...

„Не сказалась-ли въ немъ судьба рабочихъ вездѣ“, восклицаетъ по этому поводу Немировичъ-Данченко: „этихъ пчелъ, собирающихъ медъ для хозяевъ!“

Чтобы закончить нашъ очеркъ, остается еще упомянуть про главнѣйшіе центры края.

Губернскій городъ Пермь (45,403 ж.), расположенный на лѣвомъ берегу р. Камы, является главною пристанью на этой рѣкѣ, въ которой ежегодно грузится и отправляется около $1^1/_2$ тыс. судовъ разнаго рода, подымающихъ груза около 10 тыс. пуд. на сумму около 4 мил. руб. Кромѣ того Пермь является важною желѣзнодорожною станціею. (Котласъ-Екатеринбургъ), что еще больше увеличиваетъ торговое значеніе города.

Мѣстность нынѣшняго города въ 1568 г. пожалована была Строгановымъ, которые основали здѣсь поселеніе подъ именемъ дер. Брюхановой или Брюшинкиной; а

*) В. Немировичъ-Данченко „Кама и Уралъ“, стр. 604—607.

въ 1723 г. около этой деревни возникъ казенный мѣдноплавильный заводъ. Въ 1781 г., при учрежденіи Пермскаго намѣстничества, заводъ этотъ переименованъ былъ въ Пермь и сдѣланъ главнымъ административнымъ пунктомъ. До 1830 г. здѣсь находилось горное управленіе, переведенное затѣмъ въ Екатеринбургъ. Въ городѣ учреждены отдѣленія государственнаго банка, волжско-камскаго и городской общественный. Городъ этотъ составляетъ довольно значительный культурный центръ въ краѣ: въ немъ есть мужская и женская гимназія, женская прогимназія, реальное училище, техническое училище Уральской желѣзной дороги, духовная семинарія съ образцовой школой при ней и болѣе 20 другихъ учебныхъ заведеній (училище для слѣпыхъ) 4 ученыхъ общества *) и метеорологическая станція, есть большой каменный театръ, издаются три мѣстныхъ періодич. изданія и т. д. Въ Перми насчитывалось въ 1896 г. 139 фабрикъ и заводовъ съ производствомъ на сумму около 3 милл. руб. при 2,800 рабочихъ (изъ нихъ 4 завода и фабрики — машино-судостроительныхъ и механическихъ).

Изъ другихъ городовъ Пермской губ. наиболѣе значителенъ Екатеринбургъ главный центръ горнозаводской промышленности всего края, по количеству населенія превышающій даже Пермь (55,488 ж.).

Городъ этотъ, расположенный на сибирской сторонѣ Урала по обоимъ берегамъ р. Исети, возникъ изъ желѣзодѣлательнаго завода, основаннаго еще при Петрѣ Великомъ (въ 1723 г.) и крѣпость, построенная около него, названа была такъ въ честь императрицы Екатерины I. Изъ горнодѣлательныхъ заводовъ особенно важенъ Верхне-Исетскій заводъ, въ 1/2 версты отъ города и гранитная фабрика (шлифовальная). Въ сибирской части Пермской губ. есть еще одинъ важный городъ, замѣчательный своею всемірно-извѣстною ярмаркою, по количеству оборотовъ уступающею въ Россіи только Нижегородской (Макарьевской),—это уѣздный городъ Ирбитъ. Число жителей въ обыкновенное время въ немъ не велико — 20,064, но на ярмарочное время (съ 1 февраля по 1 марта) оно удваивается, если не утраивается.

Въ 60-хъ годахъ обороты этой ярмарки доходили до 43 милл. руб., но въ настоящее время значеніе ея уменьшается, въ особенности послѣ установленія желѣзнодорожнаго пути изъ Европы въ Сибирь, который прошелъ значительно ниже Ирбита. Городъ этотъ основанъ еще въ 1633 г. въ видѣ слободы, но со времени пугачевскаго бунта, за рѣшительное противодѣйствіе мятежнику, по велѣнію императрицы Екатерины II переименовали въ городъ.

Городъ Верхотурье (3,148 ж.) имѣетъ нѣкоторое торговое и промышленное значеніе, но въ прежнія времена игралъ болѣе значительную роль, чѣмъ теперь. Онъ основанъ въ 1598 г. на мѣстѣ древняго чудскаго или вогульскаго городища „Керомъ-Кура“ и вскорѣ сдѣлался важнымъ торговымъ пунктомъ. При Петрѣ В. въ немъ была выстроена крѣпость и съ 1601 по 1753 гг. въ немъ была таможня. До 1781 г. онъ причислялся къ Тобольской губ.

Городомъ, имѣющимъ наиболѣе блестящее историческое прошлое во всемъ Пріуральи, является незначительный въ настоящее время пунктъ Чердынь (3,662 ж.). Впрочемъ, громадный пожаръ, истребившій въ 1792 г. почти весь городъ, уничтожилъ также и богатѣйшій архивъ, въ которомъ собрано было множество историческихъ документовъ касательно всего края. По этому исторія этого города въ значительной степени является гадательною. Полагаютъ, что Чердынь былъ границею древняго государства Біарміи и велъ обширную торговлю съ одной стороны съ новгородцами и скандинавами, а съ другой — съ Индіей и Центральной Азіей. Находимые во множествѣ остатки древнихъ городищъ и археологическія находки доказываютъ, что край этотъ въ древности былъ густо населенъ и жители достигли значительной степени высоты въ культурномъ отношеніи. Нѣкоторыя историческія свѣдѣнія касательно Чердыни и этого края уже приведены раньше и потому мы здѣсь не будемъ останавливаться на этомъ интересномъ городѣ.

Изъ остальныхъ административныхъ пунктовъ—уѣздныхъ городовъ, нѣтъ почти ни одного сколько-нибудь значительнаго. Упомянемъ только про Дедюхинъ (3,327 ж.), Ленву, Усолье, Соликамскъ (4,069 ж.), какъ центры со-

*) Медицинское, отдѣл. техническаго, Урал. общ. любит. естествозн., архивная комисія.

ляного промысла, Шадринскъ съ болѣе значительнымъ населеніемъ (11,686 ж.) и Кунгуръ (14,324 ж.).

Городъ Вятка (24,782 ж.) есть самый древній русскій городъ во всемъ Камскомъ бассейнѣ.

Еще въ 1174 г. новгородскіе колонисты поплыли на судахъ по Волгѣ, дошли до Камы и вступили въ р. Вятку. Здѣсь они увидѣли на высокой прибрежной горѣ „Болванскій“ городокъ взяли его и переименовали въ Никулицынъ. Вскорѣ подошла другая партія новгородцевъ, которые раньше остались на Камѣ. Они встрѣтили на Вяткѣ Черемисскій городокъ Каршаровъ, взяли его и переименовали въ Котельничъ. Продолжая дальнѣйшее движеніе вверхъ по р. Вяткѣ, они дошли до устья р. Хлыновицы и здѣсь заложили собственный городокъ Хлыновъ.

Число колонистовъ быстро увеличивалось, а вмѣстѣ съ тѣмъ здѣсь же стали селиться и туземные инородцы. Характеръ правленія здѣсь былъ совершенно подобный новгородскому, но въ Хлыновѣ никогда не было князя, и всѣмъ заправляло вѣче. Таково было образованіе „Вятской земли“, занимавшей довольно обширную территорію, при чемъ острожки Котельничъ, Никулицынъ, Орловъ, Слободской были „пригородами“ Хлынова. Жители начали богатѣть, занимались земледѣліемъ, торговлею, скотоводствомъ, но имъ постоянно приходилось быть на сторожѣ и вести упорную борьбу съ воинственными туземцами, главнымъ образомъ, съ вотяками и черемиссами. Хлыновцы неоднократно совершали походы также на камскихъ и волжскихъ болгаръ. Приходилось имъ также отстаивать свою независимость и со стороны новгородцевъ, такъ какъ тѣ называли ихъ своими бѣглецами *) и требовали подчиненія, но безуспѣшно.

Въ 1391 г. татарскій царевичъ Бекмутъ, по повелѣнію хана Тохтамыша, сдѣлалъ набѣгъ на Хлыновъ, но по уходѣ татаръ хлыновцы, соединившись съ устюжанами, напали на принадлежавшіе татарамъ болгарскіе города Казань и Жукотинъ и раззорили ихъ. Въ отвѣтъ на это пришли новыя болѣе сильныя орды и покорили всю Вятскую землю, которая съ тѣхъ поръ сдѣлалась подвластною татарамъ. Отношенія между побѣдителями и побѣжденными однако, были настолько хороши, что хлыновцы въ союзѣ съ татарами начали совершать набѣги на устижанъ, грабить окраины Московскаго государства. Во обще это была колонія воинственная и безпокойная, а ихъ измѣнническое отношеніе къ своимъ единовѣрцамъ и единоплеменникамъ создало имъ нелестное прозвище „хлыновскихъ воровъ“ въ устахъ русскаго народа. Попытки московскихъ князей покорить вятчанъ были сначала неудачны **), но въ 1457 г. воевода Василія II князь Патрикѣевъ взялъ Орловъ и Котельничъ, и тогда хлыновцы признали надъ собою власть великаго князя. Однако же еще долго они представляли ненадежныхъ подданныхъ, такъ: въ 1468 г. они заключили союзъ съ казанскимъ царемъ, въ 1486 г. напали на Устюгъ и разграбили его. Наконецъ, въ 1489 г. Іоаннъ III послалъ 64-тысячное войско и тогда съ Хлыновымъ было поступлено также, какъ незадолго передъ тѣмъ уничтожена была вольность Новгорода. Часть жителей была переведена въ древніе московскіе города, а на ихъ мѣсто поселили новыхъ гражданъ. При Петрѣ В. часть Вятской земли отнесена была къ Сибирской губ., а другая—къ Казанской, но въ 1781 г. Хлыновъ переименованъ былъ въ Вятку и образовано было Вятское намѣстничество, составившее потомъ (въ 1796 г.) губернію, одну изъ обширнѣйшихъ по своему пространству изъ губерній Россіи.

Въ настоящее время городъ этотъ особенной роли не играетъ. Здѣсь имѣется около 10 среднихъ и низшихъ учебныхъ завед., около 15 заводовъ и нѣсколько фабрикъ. На Вятской пристани ведутся довольно значительные торговые обороты. Но въ общемъ въ губерніи болѣе развиты кустарные промыслы, чѣмъ крупная индустрія.

Значеніе другихъ городовъ Вятской губ. въ торговомъ судоходствѣ и въ

---

*) Первые поселенцы, основавшіе Хлыновъ, ушли изъ Новгорода самовольно и, повидимому, представляли собою политическую партію, недовольную новгородскими порядками.

**) Василій I въ 1425 г. посылалъ съ войскомъ С. Ряполовскаго, Василій II въ 1456 г. войско—подъ начальствомъ Ряполовскаго и Горбатаго.

промышленности было уже раньше указано. Болѣе значительными населенными пунктами являются г. Сарапулъ (21,395 ж.), Слободской (10,052 ж.), Елабуга (9,776 ж.). Въ остальныхъ городахъ: Уржумъ, Яранскъ, Котельничъ, Малмыжъ, Нолинскъ, Орловъ, Глазовъ и др. населенiе недостигаетъ даже и 5,000 чел.

Уфа (49,961 ж.), какъ уже раньше указано, принадлежитъ къ числу неособенно древнихъ городовъ.

Уфа расположена на двухъ возвышенностяхъ при впаденiи р. Уфы въ р. Бѣлую на гористой, живописной мѣстности. Городъ этотъ играетъ нѣкоторую роль въ промышленной (заводской) дѣятельности, а проведенiе черезъ него Сибирскаго желѣзнодорожнаго пути дѣлаетъ его и значительнымъ торговымъ пунктомъ.

Болѣе важнымъ центромъ горнозаводской промышленности является г. Златоустъ (20,973 ж.), гдѣ кромѣ большихъ желѣзодѣлательныхъ и сталелитейныхъ заводовъ, работаетъ также масса кустарей.

Основанный въ 1574 г. недалеко отъ стариннаго башкирскаго поселенiя, гдѣ нынѣ находится „Чертово городище", городъ этотъ первоначально имѣлъ важное стратегическое значенiе, но со времени расширенiя русскихъ границъ, крѣпость эта потеряла всякое значенiе и была упразднена. Впрочемъ, почти до конца XVIII в. Уфимскiй край являлся постоянно театромъ важныхъ дѣйствiй, сначала вслѣдствiе башкирскихъ бунтовъ (см. раньше), а затѣмъ, въ особенности во время Пугачевскаго бунта. Во время этихъ послѣднихъ смутъ Уфа всегда твердо держалась на сторонѣ правительства и въ 1774 г. имп. Екатерина II за храбрость и усердiе жителей назвала Уфу „достопамятнымъ" городомъ.

Г. Стерлитамакъ (15,538 жит.) имѣетъ нѣкоторое торговое значенiе, уѣздные города: Белебей (5,848 ж.), Бирскъ (8,603 ж.) и Мензелинскъ (7, 542 ж.) значенiя не имѣютъ.

МОСКОВСКАЯ ПРОМЫШЛЕННАЯ ОБЛАСТЬ.

Губернiи: Московская, Калужская, Тверская, Ярославская, Владимiрская, Костромская, Нижегородская *).

Московская промышленная область, лежащая въ центрѣ Европейской Россiи и представляющая собою настоящее ядро Руси, выражаетъ въ своемъ рельефѣ всѣ наиболѣе типичныя особенности великой русской равнины. Западная окраина ея принадлежитъ Среднерусской возвышенности, которая захватываетъ собою всю Калужскую губернiю, даетъ отъ себя восточный отрогъ, Клинско-Днѣпровскую гряду, цѣликомъ расположенную въ Московской губ., и, наконецъ, вступаетъ въ Тверскую губ., гдѣ и заканчивается довольно живописными грядами холмовъ, принадлежащихъ къ Валдайскимъ горамъ. Отсюда идутъ на востокъ отвѣтвленiя, образующiя водораздѣлы Волги, Тверцы и Мсты (Свиныя горы,

*) Въ эту область мы включили и Нижегородскую губ., хотя по физическимъ особенностямъ природы эту губернiю нужно отнести къ средневолжской области.

Лозьева гора, Моркины горы, Ильины горы, Веригина гора и др.). Этотъ живописный уголокъ, пересѣченный множествомъ озеръ и покрытый холмами, переходитъ въ центральную низменную полосу области, гдѣ только мѣстами, главнымъ образомъ по высокимъ берегамъ Волги, Оки и ихъ притоковъ, встрѣчаются возвышенія. Наиболѣе низкая мѣстность здѣсь—сѣверная часть Нижегородской губ., покрытая болотами и непроходимыми лѣсами. Въ юго-восточномъ углу полосы между Окой и Волгой опять встрѣчаются возвышенія, образующія сѣверную часть Приволжской возвышенности. Мѣстность испещрена здѣсь многочисленными оврагами, провалами и пещерами.

Огромными размѣрами и величественной красотой славится Барнуковская пещера (въ Княгининскомъ у., Нижегор. г., близъ с. Барнукова). Черезъ отверстіе въ 2 саж. высоты и 3 ширины, образованное изъ бѣлорозоваго алебастра, входятъ въ корридоръ, дно котораго состоитъ изъ гипса, покрытаго толстымъ слоемъ наносной глины. Отсюда скоро выходишь въ обширную залу, въ 5 саж. высоты, куда уже не проникаетъ дневной свѣтъ. Стѣны и сводъ залы состоятъ изъ бѣлаго гипса и, при свѣтѣ зажженныхъ костровъ, представляются какъ бы усѣянными звѣздами. Дно залы завалено глыбами алебастра и покрыто иломъ, принесеннымъ весенними разливами р. Пьяны. Въ одномъ углу замѣтны двѣ впадины, наполненныя чистою, прозрачною, какъ хрусталь, водою, а въ самомъ сводѣ залы видно круглое отверстіе, ведущее въ другую, болѣе обширную пещеру, гдѣ, говорятъ, находится глубокое озеро.

Наиболѣе возвышенная мѣстность лежитъ въ сѣверо-западномъ углу области; это—Валдайскія горы, достигающія иногда, въ Осташковскомъ, Новоторжскомъ и Ржевскомъ уу., 1040—1050 фут., напр. Ильины горы (145 саж.). Собственно говоря, это, впрочемъ, скорѣе холмы, чѣмъ настоящія горы, которыхъ въ центральной промышленной области, какъ равнинной странѣ, совсѣмъ нѣтъ.

Но, лишенная горныхъ ландштафтовъ, эта страна изобилуетъ зато многочисленными озерами и рѣками, изъ которыхъ первое мѣсто принадлежитъ Волгѣ, царицѣ русскихъ рѣкъ, рѣзко раздѣляющей область на двѣ части: одну, расположенную по лѣвую сторону рѣки и покрытую густыми лѣсами и болотами, и другую, по правую сторону рѣки, не имѣющую уже сплошного лѣсного покрова.

Начало Волги находится въ Тверской губ., въ такъ называемомъ Волгинскомъ лѣсу, близъ деревни Волгино-Верховье, въ 85 верстахъ отъ озера Селигера. Великая рѣка является здѣсь маленькимъ ручейкомъ, едва замѣтнымъ среди сплошной трясины. Впереди зыбкаго болота, изъ котораго и вытекаетъ Волга, стоитъ убогая деревянная часовенка, украшенная единственнымъ образомъ Спасителя. Посреди часовенки — небольшой срубъ, уходящій подъ поломъ въ болото; шестъ, опущенный въ воду, уходитъ аршина на полтора; далѣе чувствуется вязкій, илистый грунтъ; вода прозрачна, но красновата и не очень пріятна. Теченія не замѣтно. Но здѣсь, говорятъ и начинается Волга. По мѣрѣ удаленія отъ часовни, теченіе ея становится явственнымъ, но берега по прежнему—зыбкіе, болотистые, и ширина рѣки—ничтожна ($1^1/_2$ арш.) Обогнувъ деревню, Волга теряется въ болотѣ, покрытомъ густымъ еловымъ лѣсомъ, откуда появляется также маленькимъ ручьемъ на низенькой луговинѣ. Здѣсь, близъ деревни Воло-

новой, она принимаетъ первый притокъ—Персянку, увеличивающую ея ширину на нѣсколько вершковъ, и снова скрывается въ густомъ, болотистомъ лѣсу. Протекши затѣмъ черезъ озера Большой и Малый Верхитъ, Стержъ, Овселугъ (Вселугъ) и Пено, Волга принимаетъ въ себя Жукопу и, продя озеро Волго, принимаетъ видъ небольшой рѣчки и, соединившись съ Селижаровкой, становится судоходной.

При концѣ озера Волго находится одно оригинальное сооруженіе, такъ называемый Верхне-Волжскій Бейшлотъ, представляющій изъ себя прочную плотину, которая запираетъ верховыя озера и образуетъ грандіозное водохранилище, въ 75 верстъ длины и 2 версты ширины, подымающее воду до высоты $7^1/_2$ аршина. Когда щиты въ этой плотинѣ поднимаются, вода изъ бейшлота устремляется могучимъ водопадомъ и поднимаетъ уровень Волги у Твери на 6 вершковъ, у Калязина на $3^1/_2$ в., а у Мологи на $1^1/_2$ в., давая возможность застрявшимъ на мелководьѣ судамъ благополучно сняться съ мели.

Напившись водами Селижаровки, Волга вьется змѣей между красивыми холмистыми берегами, покрытыми изумрудною зеленью полей. То тамъ, то сямъ лежатъ деревеньки, села съ поэтически расположенными надъ рѣкою церквами, бѣлыя и желтыя колоколенки которыхъ такъ рѣзко выступаютъ на фонѣ весенней зелени. Мѣстами Волга бурлитъ, переливаясь черезъ каменныя гряды и образуя рядъ пороговъ, опасныхъ для плотовъ и лодокъ по узости фарватера *). За Ржевомъ берега ея понижаются, и у города Зубцова одинъ берегъ дѣлается совсѣмъ плоскимъ. Здѣсь въ Волгу впадаетъ справа р. Вазуза. Далѣе, по берегамъ появляются обыкновенныя русскія картины: невысокіе берега, перелѣски, деревушки и села. Съ впаденіемъ Тверды русло Волги расширяется до 100—150 саж. Оба берега представляютъ живописные виды по своей оживленности: всюду виднѣются села и деревеньки. За Тверцою, по границѣ Тверской и Московской губ., является новый правый притокъ Волги, р. Шоша (въ 100 в. длины). Она отклоняетъ Волгу на сѣверо-востокъ, и это направленіе сохраняется до впаденія Мологи. За Шошей скоро слѣдуетъ р. Сестра, потомъ Дубно, затѣмъ, слѣва, р. Медвѣдица (въ 250 в. длины). Берега отличаются какою-то величавою тишиною и не имѣютъ опредѣленнаго характера: то одинъ берегъ выше, то другой, то оба высокіе, то оба низкіе. Всюду на нихъ виднѣются валуны,—эти остатки доисторическаго прошлаго страны.

Наконецъ, пройдя 642 версты и превратившись изъ незамѣтнаго ручейка въ мощную рѣку, Волга, спокойная и величественная, покидаетъ предѣлы Тверской губ., вступая въ Ярославскую. Границей служитъ маленькая рѣченка Зарубежка. Въ Яросл. г. Волга еще круче поворачиваетъ къ сѣверу и бѣжитъ мимо высокихъ, но довольно живописныхъ и густо населенныхъ береговъ. Скоро она принимаетъ слѣва многоводную Мологу (ширина у устья 80 саж., длина 544 вер.), составляющую первое звено Тихвинской соединительной системы. Здѣсь Волга, почти удвоившись въ своей ширинѣ (до 300—350 саж.), поворачиваетъ на юго-востокъ до г. Ярославля, представляя изъ себя могучую рѣку. за Мологой слѣдуетъ съ той-же стороны не менѣе важный притокъ Шексна, на-

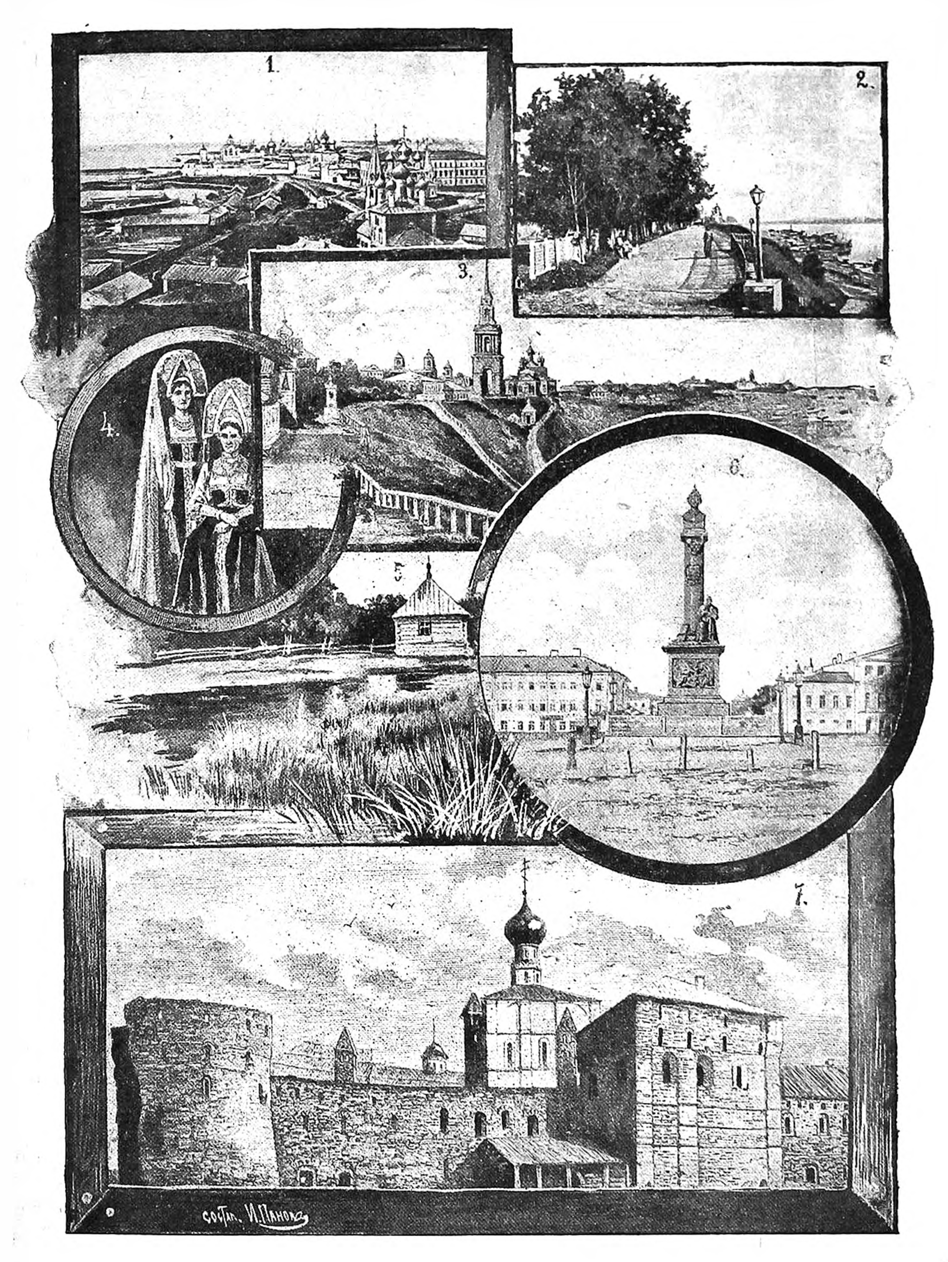
*) Волга. Сидорова. Стр. 38

чало Маріинской системы. Слѣва, у Ярославля, въ Волгу впадаетъ Которосл. Долина великой рѣки все расширяется, но берега попрежнему не имѣютъ опредѣленнаго характера. И въ этомъ плесѣ, который носитъ названіе средняго и считается отъ Рыбинска до Нижняго, берега измѣнчивы, то правый выше, то лѣвый. Въ связи съ этимъ являются многочисленные мели и перекаты, затрудняющіе плаваніе; достаточно сказать, что между Рыбинскомъ и Нижнимъ считается 120 перекатовъ.

Пройдя Ярославль, Волга дѣлаетъ колѣно и вскорѣ уклоняется къ сѣверо-востоку, слѣдуя въ этомъ направленіи до самой Костромы, откуда снова поворачиваетъ къ юго-востоку. Съ приближеніемъ къ этому городу мели, перекаты и острова все умножаются, и пароходу приходится искусно лавировать, хотя Волга и расширяется до 300—400 саженъ. Берега здѣсь—довольно голы, но оживлены: вездѣ нивы, деревни... У Костромы въ Волгу вливается слѣва р. Кострома, имѣющая въ ширину до 100 саженъ, а въ длину 300 верстъ. Верстъ за 40 отъ Костромы Волга поворачиваетъ къ востоку; острова становятся все обширнѣе, и долина рѣки расширяется уже до десяти верстъ. На 163 верстѣ отъ Костромы въ Волгу впадаютъ справа р. Немда а чрезъ двѣ версты Унжа (до 550 в. длины), отклоняющая теченіе Волги къ югу. Сама Волга здѣсь уже вполнѣ величественная рѣка, въ $1^1/_2$ вер. ширины. Всюду открываются живописныя картины, много воды и зелени, вездѣ виднѣются храмы. Долина рѣки все расширяется. Но берега понижаются. Верстъ за семь до границы Нижегородской губ. Волга раздваивается, образуя большой островъ съ зелеными холмами, а за нимъ поперекъ рѣки протянулась знаменитая Ширмокшанская мель, на которой грузовщикамъ часто приходится паузиться. Вслѣдъ затѣмъ рѣка уклоняется къ юго-востоку и покидаетъ Костромскую губернію, на 1,152 в. отъ своего истока. Почти посрединѣ своего пути отъ Нижняго до границы Казанской г. она принимаетъ слѣва р. Керженецъ,—Іорданъ нашихъ раскольниковъ,—а на самой границѣ извѣстную по громадному сплаву лѣса р. Ветлугу. Справа самымъ важнымъ притокомъ является р. Ока.

Протекая по ровной мѣстности, Волга совершенно лишена водопадовъ и пороговъ, и единственнымъ препятствіемъ для ея теченія являются огромные валуны (одинцы) и карчи, загромождающія ея русло въ верхнемъ теченіи. Равнинность мѣстности, по которой течетъ она, сказывается и въ ея маломъ паденіи (1 футъ на $3^1/_2$ версты).

Изъ всѣхъ притоковъ Волги въ предѣлахъ нашей области самый главный, по своей многоводности, Ока, втекающая въ Волгу у Нижняго-Новгорода, гдѣ ширина ея равняется Волгѣ. Тихо змѣится рѣка въ своихъ песчаныхъ берегахъ, посреди обширныхъ заливныхъ луговъ, раздѣляя всю равнину своего бассейна на двѣ несходныя части: лѣвая половина, богатая лѣсами и болотами, характеризуется преобладаніемъ суглинистыхъ и супесчаныхъ почвъ; наоборотъ, правая—сравнительно бѣдна лѣсами, почва ея — черноземная и потому покрыта полями. Кромѣ того, лѣвая половина холмиста, правая—ровная, хотя изрѣзана множествомъ овраговъ. Вся длина рѣки — 1425 верстъ; изъ притоковъ Оки—наиболѣе замѣчательны: Зуша, Упа, Жиздра, Угра, Москва, Мокша съ Цною и Клязьма.



1. Ярославль. 2. Волга у Ярославля. 3. Тверь. 4. Типы Тверской губерніи. 5. Истоки Волги.
6. Памятникъ Сусанину въ Костромѣ. 7. Ростовъ Ярославскій. Видъ части древняго Кремля.

Изобилуя рѣками, наша область богата также озерами и вообще стоячими водами, особенно въ сѣверо-западномъ углу своемъ, представляющемъ переходъ къ сосѣдней, Озерной области. Изъ озеръ особенно славится своею красотою огромное озеро Селигеръ (до 80 верстъ длины и 30 ширины), покрытое множествомъ острововъ (до 160). Въ старину въ области было еще болѣе озеръ, которыя теперь или совершенно высохли, или превратились въ болота, покрытыя мхомъ.

Многія болота представляютъ громадныя залежи торфа (въ Тверской, Московской, Владимірской и Нижегородской губ.). Неизмѣннымъ спутникомъ болотно-озерныхъ отложеній является такъ называемая болотная руда, продуктъ осажденія желѣзо-содержащихъ растворовъ. Значительныя залежи этой руды (въ видѣ сферосидерита, или углекислаго желѣза, и бурыхъ желѣзняковъ), имѣющія почти повсемѣстное распространеніе въ нашей области, разработываются въ разныхъ мѣстахъ Тверской, Калужской, Костромской губ., гдѣ иногда сами крестьяне переработываютъ ее на гвозди, топоры, коды, сошники.

Что касается, наконецъ, почвы,—этого важнѣйшаго фактора благосостоянія края, то въ этомъ отношеніи наша область занимаетъ далеко не важное мѣсто. Почвы ея большею частью принадлежатъ къ типу такъ называемыхъ дерново-подзолистыхъ, характеризующихся супесями и суглинками. Только въ юго-восточной половинѣ Нижегородской губ. встрѣчаются черноземныя почвы. Мѣстами, въ условіяхъ обильной влаги, встрѣчаются перегнойныя почвы болотнаго типа, а также чисто песчаныя почвы.

Переходя теперь къ климату нашей области, нужно замѣтить, что и въ этомъ отношеніи она—типичная русская область, такъ какъ климатъ ея—континентальный, однообразный во всѣхъ частяхъ (средняя годовая: 3° въ Вышнемъ-Волочкѣ, 3,9°—въ Москвѣ, 4,5°—въ Калугѣ). Зима здѣсь хотя и не очень сурова, но продолжительна. Весна наступаетъ поздно, но быстро, при чемъ правильный ходъ ея нарушается «возвратами» холодовъ. Лѣто—умѣренно-теплое, благопріятное для развитія растительности, а осень—довольно постоянна. Послѣдній весенній морозъ (ночной) бываетъ въ Москвѣ 29 апр., а первый осенній заморозокъ—14 сент.; промежутокъ между ними—138 дней. Подобно всей Европейской Россіи, въ нашей области весенніе мѣсяцы холоднѣе соотвѣтствующихъ осеннихъ, только май имѣетъ на сѣверѣ области одинаковую температуру съ соотвѣтственнымъ октябремъ.

Относительно водныхъ осадковъ Московская промышленная область принадлежитъ къ наиболѣе орошеннымъ мѣстностямъ Евр. Россіи. Въ годъ ихъ выпадаетъ:

	Зима.	Весна.	Лѣто.	Осень.	Въ году.
Вышній-Волочекъ	80	115	234	132	560
Кострома	67	116	198	134	516
Рождественское	73	115	216	124	525
Москва	92	116	196	131	533
Муромъ	83	110	180	136	506
Арзамасъ	70	89	188	99	445
Калуга	72	107	222	145	546

Распредѣленіе этихъ осадковъ благопріятно для растительности: за 3 лѣтніе мѣсяца выпадаетъ въ $2^1/_2$—3 раза больше осадковъ, чѣмъ за соотвѣтствующіе 3 зимніе мѣсяца: осенью больше, чѣмъ весною.

Число дней, въ которые земля бываетъ покрыта снѣгомъ, постепенно увеличивается отъ 148 въ Московской губ. и Тверской до 169 въ Костромской. Снѣжный покровъ появляется въ концѣ октября и растаиваетъ въ началѣ апрѣля; впрочемъ, въ лѣсной части Костромской губ. снѣгъ лежитъ и въ срединѣ мая, благодаря тому, что туда не достигаютъ лучи весенняго солнца.

Что касается вскрытія рѣкъ, то прежде всего, въ концѣ марта, вскрывается Ока въ предѣлахъ Калужской и Московской губ.; въ началѣ апрѣля вскрываются Москва и Клязьма съ нижнимъ теченіемъ Оки, а также верховья Волги; наконецъ, въ 10-хъ числахъ апрѣля вскрываются лѣвые притоки Волги—Кострома, Унжа, Ветлуга. Замерзаніе начинается осенью съ верховьевъ послѣднихъ-же рѣкъ; около 10 ноября замерзаетъ Верхняя Волга, за ней—Ока, а около 20 ноября—Ока у Нижняго Новгорода. Число свободныхъ ото льда дней, достигая всего 200 въ верховьяхъ Костромы и Ветлуги, увеличивается по мѣрѣ удаленія къ юго-западу, доходя до 234 на Окѣ въ Московской губ.

Вся разсматриваемая область была покрыта въ началѣ историческаго періода дремучими, дѣвственными лѣсами, сплошной покровъ которыхъ прерывался лишь кое-гдѣ болотами, озерами и многочисленными рѣками. Въ этой дремучей массѣ только изрѣдка попадались болѣе или менѣе безлѣсныя пространства, носившія въ древности названіе полей.

Одно изъ такихъ полей занимаетъ нынѣшніе уѣзды Калужскій и Мещовскій, другое—среднюю часть Нижегородской губ. Третье, хотя и меньшее, безлѣсное пространство находилось сѣвернѣе Владиміра на Клязьмѣ, отчего и самый этотъ городъ получилъ названіе залѣсскаго. На окраинѣ этого поля возникли города Суздаль и Юрьевъ Полѣсскій. Суздальско-Юрьевское поле сослужило русской исторіи крупную службу, такъ какъ на этой полянѣ осѣла та, шедшая, вѣроятно, отчасти изъ земли Кривичей, отчасти—Вятичей и изъ Днѣпровской Руси струя славянской колонизаціи, развитіе которой образовало сначала Владиміро-Суздальскую, потомъ Московскую Русь.

Изъ этихъ лѣсовъ въ настоящее время сохранилось только 39% общаго пространства, 32% приходится—на пашню и остальное—на луга, болота и пр. Больше всего лѣсовъ сохранилось въ Костромской губ. (60%), а меньше всего—въ Московской. Въ настоящее время вся область является переходной полосой отъ сплошныхъ хвойныхъ лѣсовъ въ сѣверныхъ губерніяхъ къ лѣсостепной полосѣ центрально-земледѣльческихъ губерній, что выражается въ появленіи цѣлыхъ лиственныхъ рощъ, чернозема на югѣ и колоній степныхъ растеній по Окѣ. Самыми распространенными древесными породами являются здѣсь: обыкновенная сосна, ель, береза, осина, нѣсколько видовъ древовидныхъ ивъ, ольха. Въ сѣверо-восточной части области растутъ сибирская лиственница и пихта, а въ южныхъ частяхъ—дубъ, кленъ и ясень. Имѣвшая прежде большое распространеніе липа почти исчезла; только въ Костромской и заволжской (лѣсной) части Нижегородской губ. ея еще много, и она попрежнему имѣетъ промысловое значеніе, давая матеріалъ для приготовленія лыка, мочалы, лаптей и снастей. Однако, безпощадное вырубаніе и здѣсь грозитъ ей близкимъ исчезновеніемъ (на рр. Унжѣ и Ветлугѣ до сихъ поръ ежегодно вырубаютъ до 250 тыс. молодыхъ липъ). Исчезаютъ также вязы, осокори, рябины и дикіе яблони. Зато орѣшникъ распространенъ. Въ сѣверныхъ лѣсахъ встрѣчается масса ягодъ—черника, брусника, голубика и клюква.

Изъ животныхъ въ лѣсахъ нашей области встрѣчаются: лось, въ сѣверной части — сѣверный олень, козуля, затѣмъ наши знакомые хищники—медвѣдь, волкъ и лиса. Изъ

нихъ волкъ является наиболѣе опаснымъ и вреднымъ для человѣка животнымъ (въ одномъ 1873 г. волки истребили въ нашей области до 18 тыс. головъ крупнаго скота и до 95 тыс. мелкаго, на сумму около 1 милл. рублей). Далѣе встрѣчаются: рысь, лѣсная куница, бѣлка, барсукъ, летяга, россомаха.

Что касается обитателей луговъ и полей, то наиболѣе характерными для нашей области являются: хомякъ и полевка, причиняющая иногда страшный вредъ полямъ. Далѣе, встрѣчаются: зайцы, ежи, кроты, землеройки. Въ водахъ области раньше встрѣчалось множество бобровъ, теперь же остались менѣе цѣнные звѣри — выдра, норка, водяная крыса, выхухоль. Богата описываемая область и птицами, среди которыхъ встрѣчаются и наши знакомцы — вороны, галки, снѣгири, чижи, синицы и пр., и сѣверные гости — бѣлая сова, поморникъ, а также обитатели юга — дрозды, зимородки, выпи, пеликаны, цапли и житель далекой Сибири — сибирскій клестъ, неясыть, и овсянка-дубровникъ. Какъ лѣсная (глухари, тетерева, рябчики, вольдшнепы, куропатки), такъ и полевая (перепела) и болотная (дупеля, бекасы, кулики), равно какъ и водная (утки, гуси, лебеди) дичь встрѣчается мѣстами, особенно на сѣверѣ нашей области, въ громадномъ количествѣ и служитъ даже предметомъ промысла для населенія. Впрочемъ этотъ промыселъ годъ отъ году падаетъ.

Фауна пресмыкающихся и земноводныхъ нашей области довольно скудна: изъ змѣй лишь гадюка (Pelias berus) и ужъ (Tropidonotus natrix) заходятъ сюда, и изъ нихъ только первую можно считать опасною для человѣка (ее не трудно отличить отъ ужа, на котораго она похожа, по темной зигзагообразной полосѣ на спинѣ и по отсутствію желтыхъ полулунныхъ пятенъ позади висковъ). Совершенно неосновательно внушаетъ страхъ распространенная въ области веретеница (Anguis fragilis), которую неправильно называютъ „мѣдянкой“ или „мѣдяницей“. Это—даже не змѣя, а безногая ящерица, совершенно безвредная. О жабахъ, тритонахъ, лягушкахъ, какъ имѣющихъ мало отношенія къ человѣку,—мы не говоримъ. Гораздо интереснѣе и важнѣе для насъ фауна рыбъ: кромѣ общеевропейскихъ рыбъ (щуки, ерша, окуня, колюшки и т. п.), въ нашей области встрѣчается много такъ называемой красной рыбы (стерляди, осетра, бѣлуги, севрюги), принадлежащей, собственно говоря, Каспійскому и Черноморскому бассейну. Затѣмъ, здѣсь довольно обыкновенны: бѣлорыбица, бѣшенка (сельдь), — впрочемъ, только въ извѣстное время, когда онѣ идутъ въ рѣки для метанія икры. О нашихъ общихъ знакомцахъ— головлѣ, судакѣ, карасѣ и т. п. говорить нечего; укажемъ только на интересный фактъ, характерный для нашей области и отличающій ее отъ сѣверныхъ бассейновъ Россіи: это — отсутствіе сиговъ. Лишь одинъ видъ сига, именно волховской сигъ, или сиголовъ, перешелъ недавно въ бассейнъ Волги изъ оз. Селигера, гдѣ этихъ сиговъ искусственно развели изъ мальковъ Николаевскаго рыбоводнаго завода. Въ настоящее время рыба эта встрѣчается уже у Нижняго-Новгорода и получила названіе „волжскаго“ сига.

Обращаясь, наконецъ, къ фаунѣ низшихъ животныхъ, нужно сказать, что она отличается замѣчательнымъ богатствомъ видовъ. Но мы не будемъ касаться этого предмета, укажемъ только на тѣхъ представителей этихъ классовъ, которые являются особенно вредными для человѣка. Сюда относятся, если не говорить о саранчѣ, изрѣдка, и то въ небольшомъ количествѣ, залетающей сюда съ юга: бабочка—монашенка, наносящая страшный вредъ хвойнымъ лѣсамъ, затѣмъ—непарный шелкопрядъ, гусеницы котораго въ первой половинѣ 90-тыхъ годовъ такъ объѣдали лиственныя деревья, что въ серединѣ лѣта все чернолѣсье средней Россіи стояло голымъ, какъ зимою, наконецъ, жуки-коровды и др. враги лѣсовъ и полей. Любопытно, что многія изъ этихъ непріятныхъ насѣкомыхъ давно уже пользуются печальною извѣстностью въ нашей области. Такъ, лѣтописецъ отмѣчаетъ подъ 1407 г. несмѣтное появленіе бабочки-монашенки въ предѣлахъ Тверскаго княжества. „Летящe яко черви бѣли, яко мотиль, тоже отъ полудне граде къ полунощи идяше; преходяша поля, жита и на лѣсы идяша, и пояде, и посуши дерево елное, того ради и скоза (рекше бѣлка) вся изгибе, не имый кормля въ сухѣ древѣ“...

Переходя теперь къ населенію нашей области, мы должны прежде всего бросить взглядъ на историческія судьбы этого края, ставшаго впослѣдствіи центромъ русской государственной жизни.

Кто были первые насельники этого края,—неизвѣстно. Достовѣрно одно, что предъ появленіемъ славянъ область занимали различныя финскія племена. Лѣтописецъ Несторъ говоритъ: «На Бѣлѣ озерѣ сидятъ Весь, на Ростовскомъ (Неро) озерѣ Меря, а на Клещинѣ (Плещеевѣ) озерѣ Меря-же, по Одѣ рѣцѣ, гдѣ потече въ Волгу, Мурома языкъ свой и Черемисы языкъ свой, Мордва свой

Москва.—Общій видъ.

языкъ». На сѣверозападѣ отъ Мери и Муромы жили ильменскіе славяне («словѣне»), на западѣ—кривичи, на югозападѣ—вятичи и сѣверяне. Эти славянскія племена, въ поискахъ за удобными мѣстами поселенія, и заняли нашу область, оттѣснивъ прежнихъ ея владѣльцевъ и подчинивъ ихъ своей цивилизаціи, такъ что отъ Мери и Муромы осталось одно воспоминаніе въ названіяхъ рѣкъ и селеній; только Мордва и Черемисы съумѣли отстоять свою народность. Новые пришельцы поспѣшили укрѣпить свои владѣнія постройкой «городовъ» (огороженныхъ, т. е. укрѣпленныхъ селеній); такъ, былъ основанъ ильменскими славянами г. Ростовъ на оз. Неро, вятичами—Козельскъ (въ нынѣшней Калужской губ.), и захваченный у муромы—г. Муромъ; кривичами—г. Суздаль.

Поселенцы не прекращали тѣсныхъ сношеній съ «матерью русскихъ городовъ» Кіевомъ, откуда Суздальская земля брала своихъ князей, изъ рода Мономаха. Окрѣпшее княжество застраивается цѣлымъ рядомъ городовъ; такъ были основаны: Юрьевъ Польскій, Переяславль-Залѣсскій, Дмитровъ и Москва—на окраинахъ княжества, и Владиміръ на Клязьмѣ—внутри. Затѣмъ явились на западѣ Тверь, Угличъ, Ярославль и Кострома, а на востокѣ, для обезопасенія восточныхъ окраинъ, Нижній-Новгородъ. Въ то-же время совершается важное политическое событіе: въ Суздальскую землю переносится изъ Кіева великокняжескій престолъ. Все это даетъ сильный толчекъ развитію мѣстной культуры, которая получаетъ оригинальный, отличный отъ южно-русской характеръ. Вмѣстѣ съ тѣмъ отъ слiянія аборигеновъ страны—финскихъ племенъ, славянскихъ пришельцевъ (кривичей, ильменцевъ и вятичей) съ южно-русскими выходцами, число которыхъ особенно увеличилось со времени нашествія татаръ, слагается новый народный типъ,—великорусская народность.

Дальнѣйшее развитіе Суздальской земли было задержано сначала нашествіемъ татаръ въ XIII в., потомъ соперничествомъ съ усилившимися удѣльными княжествами области— Тверскимъ и Московскимъ. И первое обстоятельство было не такъ опасно, какъ второе, такъ какъ отдаленность края отъ Золотой Орды и его лѣсная природа сильно ослабляли зависимость Владиміро-Суздальской области отъ татаръ. Тверь и Москва оказались болѣе опасными. Москва, благодаря энергіи и политическому такту своихъ князей, скоро отодвинула на второй планъ „стольный" городъ Владиміръ, а потомъ и совсѣмъ подчинила его себѣ. Съ этого времени истиннымъ центромъ сѣверо-восточной Руси, а потомъ и „всея Руси" является Москва. Куликовская битва (въ XIV в.), гдѣ московскій князь игралъ выдающуюся роль, выдѣлила Москву изъ ряда другихъ русскихъ городовъ на первое мѣсто въ глазахъ всего народа. Московское княжество начинаетъ быстро расширяться и богатѣть. Московскій князь, владѣнія котораго въ началѣ XIV в. обнимали собою нынѣшнюю Московскую, южную часть Ярославской и западную часть Владимірской губ., къ началу XV в. уже владѣлъ Суздалемъ, Муромомъ, Городцомъ и Нижнимъ, т. е. всею восточною частью бывшей Владиміро-Суздальской области, а съ другой стороны распространилъ свою власть и на юго-западъ (Перемышль, Мещовскъ, Таруса). Въ срединѣ XV в. Москва усилилась присоединеніемъ Галицкаго княжества, занимавшаго западную часть нынѣшней Костромской губ., а во второй половинѣ XV в. ей удалось освободиться отъ татарскаго ига и сломить свою соперницу— Тверь. Послѣ этого Московское княжество безпрепятственно распространяется далеко за предѣлы нашей области на югъ, юго-западъ, сѣверо-западъ и сѣверъ. Въ XVI в. оно является уже грознымъ царствомъ. Въ этомъ вѣкѣ лишаются самостоятельности послѣдніе остатки удѣльной системы—вольныя общины Новгорода и Пскова, а также Рязань. Окрѣпшее и сплотившееся государство обращаетъ теперь вниманіе на востокъ, чтобы овладѣть главной водной артеріей страны—Волгой. Три поколѣнія ведется упорная борьба и, наконецъ, кончается покореніемъ Казанскаго и Астраханскаго царства. Съ тѣхъ поръ Москва становится культурнымъ центромъ объединенной Россіи и высоко несетъ свое знамя вплоть до Петра Великаго, перенесшаго этотъ центръ въ излюбленный имъ Петербургъ.

Занимая въ настоящее время площадь въ 307,067 кв. верстъ, Центральная промышленная область имѣетъ до 11 милл. населенія, т. е. до $^1/_{12}$ всего населенія государства, созданнаго усиліями Москвы въ теченіе 6 вѣковъ. Распредѣлено это населеніе далеко не равномѣрно: съ одной стороны, близъ самой Москвы, плотность его доходитъ до 70 человѣкъ на 1 кв. версту, съ другой— въ восточной половинѣ Костромской губ. есть мѣста или совсѣмъ необитаемыя, занятыя сплошными лѣсами, или мѣста, имѣющія плотность менѣе 10 чел. на 1 кв. в. При этомъ послѣдняя перепись 1897 г. установила одинъ любопытный фактъ—именно преобладаніе женщинъ предъ мужчинами (на 46% мужчинъ—54% женщинъ). По отдѣльнымъ губерніямъ это различіе выражается слѣд. таблицею.

	Мужчинъ.	Женщинъ.
Ярославская губ.	42%	58%
Московская губ.	42,5%	57,5%
Тверская губ.	45%	54%
Нижегородская, Калужская, Костромская и Владимірская губ. . . .	46%	54%

Это странное, на первый взглядъ, явленіе объясняется широко распространенными во всей области отхожими промыслами, отвлекающими за границы ея массу мужчинъ. Главная масса населенія, какъ и слѣдовало ожидать, принадлежитъ къ сельскому сословію, которое составляетъ 83%, а города—только 17%.

ТИПЫ ФИНСКАГО ПЛЕМЕНИ.

Черемисы. — Финны. — Латыши. — Мордва.

Въ Калужской губ. и Костромской, наименѣе промышленныхъ, городское населеніе составляетъ всего 8% и 6,5%, тогда какъ въ Московской губ. доходитъ до 45%.

По этнографическому составу населеніе нашей области представляетъ большое однообразіе: это—почти исключительно великорусская страна, такъ какъ количество инородцевъ не превосходитъ въ ней 3%. Къ инородцамъ принадлежатъ успѣвшіе сохранить свою національность остатки прежнихъ насельниковъ края, финскихъ племенъ мордвы, черемисовъ и кореловъ. Другія-же, когда-то многочисленныя жившія здѣсь племена—весь, чудь, меря, мурома и мещера исчезли безслѣдно, оставивъ по себѣ памятники въ видѣ географическихъ названій или кургановъ. Кромѣ представителей финскаго племени въ области и до сихъ поръ уцѣлѣло небольшое количество позднѣйшихъ пришельцевъ татаръ.

Мордва, въ количествѣ 150,000 душъ, распространена исключительно въ Нижегородской губ., къ югу отъ теченія Оки и Волги. Мѣстность, занимаемая этимъ племенемъ, искони принадлежала ему. Несмотря на то, что мордва рано потеряла свою политическую самостоятельность и была подчинена сначала болгарамъ, потомъ татарамъ Золотой Орды, затѣмъ Казани и, наконецъ, Москвѣ, она, благодаря своей относительной образованности, съумѣла удержать свои обычаи и не сливалась съ побѣждавшими ее народами. Только впослѣдствіи, при частыхъ сношеніяхъ съ русскими поселенцами, появившимися здѣсь, она начала постепенно руссифицироваться. Теперь всѣ мордвины—оффиціально, по крайней мѣрѣ, православные, прекрасно знаютъ русскій языкъ и въ экономическомъ быту ничѣмъ не отличаются отъ окрестнаго русскаго населенія, хотя сохранили свой языкъ и нѣкоторыя племенныя особенности. Въ настоящее время нижегородская мордва распадается на три вѣтви; изъ нихъ эрзянская вѣтвь (112,000) живетъ въ уу. Арзамасскомъ, Княгининскомъ и Лукояновскомъ; терюханская (34,000)—въ Нижегородскомъ у., а третья вѣтвь, мокшанская, занимаетъ только 2 селенія въ верховьяхъ р. Алатыря (Лукоян. у.). На лѣвую сторону Оки и Волги мордва уже не переходитъ. Изъ ихъ селеній укажемъ на с. Ичалки (Лукоян. у.) Лобаски и Карино и др., съ населеніемъ до 4,000 душъ въ каждомъ.

Другой крупный представитель финскаго племени въ области—карелы, населяющіе, въ количествѣ 120,000 душъ, уу. Весьегонскій, Бѣжецкій, Вышневолоцкій и отчасти Новоторжскій Тверской губ., гдѣ составляютъ 12—15% всего населенія. Карелы переселились въ нынѣшнюю Тверскую губ. съ половины XVII в., какъ значится въ актахъ того времени: „сказывали карелы: выходили они изъ-за рубежа, изъ-за свейскаго (шведскаго) короля, на его государево имя, для христіанской вѣры, поселились на государевыхъ порожнихъ земляхъ, въ такихъ мѣстахъ, гдѣ были лѣса большіе и болота топкія, и работою своею разсѣкали и расчищали ихъ многіе годы". Въ послѣднее время и они быстро сливаются съ русскимъ населеніемъ края, хотя еще удержали свой языкъ.

Наконецъ, въ сѣверо-западной заволжской части области, по бассейну р. Ветлуги, въ Ветлужскомъ у., Костромской губ. и Макарьевскомъ—Нижегородской, сохранилось еще тысячи 3—4 необрусѣвшихъ представителей третьяго финскаго племени черемисовъ.

Изъ другихъ инородцевъ, не-финновъ, въ нашей области встрѣчаются только татары, населяющіе, въ количествѣ 45,000, мѣстности въ Васильсурскомъ и Сергачскомъ у. Это—потомки татаръ казанскаго царства, переселившихся сюда едва-ли не ранѣе XV в. Они также значительно обрусѣли, хотя еще не приняли христіанства и сохранили свой языкъ.

Возвращаясь къ преобладающему, великорусскому племени, нужно замѣтить, что хотя великоруссы нашей области представляютъ типъ настоящей, кондовой Руси, но, вслѣдствіе смѣшенія съ финскимъ элементомъ, это—типъ не чистый и потому довольно трудно опредѣляемый Въ общемъ же здѣшній великоруссъ—довольно видный, красивый и стройный, средняго роста (163—164 сант.). Цвѣтъ волосъ—обыкновенно русый. Среди населенія области попадаются и блон-

дины, и брюнеты. Но первые не такъ блѣдно-сѣры, какъ настоящіе финны и обладаютъ болѣе пріятнымъ цвѣтомъ лица, а вторые не такъ черны, какъ южные славяне. Глаза—чаще сѣрые; лицо безъ выдающихся скулъ, носъ — правильный, довольно крупный, но не широкій; цвѣтъ кожи—бѣлый; бороды—русыя.

Въ культурномъ отношеніи населеніе центральной промышленной области рѣзко выдѣляется изъ всего населенія Россіи своею предпріимчивостью и оборотливостью, чѣмъ особенно отличаются бойкіе, смѣтливые, одинаково ловкіе и въ торговой, и въ промышленной сферѣ, ярославцы. Благодаря этимъ чертамъ здѣсь и замѣчается такое сильное развитіе промышленности, кустарной и фабричной, а также торговли, какихъ не видно въ другихъ областяхъ Россіи. Здѣсь же, въ виду невыгодности земледѣлія, особенно развился отхожій промыселъ, разнообразіе формъ котораго въ одной Ярославской губ. доходитъ до 150.

Говоры великорусскаго населенія области распадаются на двѣ группы: на сѣверѣ области говорятъ на *о*, на югѣ—на *а* (*о* безъ ударенія произносятъ какъ *а*—харашо, гаварить, талкавать). Граница между этими говорами опредѣляется приблизительно линіей, проведенной по слѣд. городамъ: Старица, Клинъ, Богородскъ, Покровъ, Меленки, Ардатовъ, Арзамасъ, Сергачъ. Самый типичный и красивый—Московскій, акающій говоръ; недаромъ Пушкинъ совѣтовалъ учиться правильному русскому языку у московскихъ просвиренъ, хотя и москвичи не остались безъ присловья; «съ Москвы, съ посада, съ авашнова ряда». Говоръ этотъ понемногу вытѣсняетъ окающее нарѣчіе, особенно въ мѣстахъ, гдѣ развиты отхожіе промыслы (напр., въ Костромск. и Влад. губ.). Окающіе говоры въ свою очередь подраздѣляются: на нецокающіе и цокающіе (гдѣ произносятъ вмѣсто *ч*—*ц*, напр., цай вмѣсто чай). Первые распространены въ юго-восточной части Тверской г. (Калязинскій и Корчевской уу.), западной части Владим. г., большей части Ярославской (цокаютъ только по Шекснѣ, Сити и Mологѣ), западной ч. Костром. г. (въ восточной ч., а именно, въ Варнав., Ветлужск. и Кологривскомъ уу. отчасти цокаютъ) и сѣверо-зап. ч. Нижегор. г. Въ сѣверо-зап. и западной частяхъ Тверской г. (Ржевскій, Зубцовскій и часть Осташковскаго у.) замѣтенъ дзѣкающій говоръ, приближающійся къ бѣлорусскому нарѣчію.

Кстати, о нарѣчіяхъ (или говорахъ) великорусскаго языка. Кромѣ московскаго, какъ письменнаго, различаютъ слѣдующія 4 нарѣчія: новгородское (окающее , рязанское (акающее), владимірское (окающее) и смоленское (акающее). Новгородское, или ильменское, нарѣчіе господствуетъ на сѣверъ отъ Москвы; къ нему нужно причислить: Новгородъ, Тверь, Псковъ, С.-Петербургъ, Олонецъ, Вологду, Архангельскъ, отчасти Кострому, Вятку и Пермь. Опредѣленныя границы его указать трудно, такъ какъ бываетъ, что въ одномъ и томъ-же уѣздѣ замѣчается нѣсколько нарѣчій или говоровъ. Примѣты новгородскаго нарѣчія: 1) звукъ *а* замѣняется *о*—*торокан*ъ, *козна;* иногда переносится и удареніе слова на *о* или *е́* (*вы говоритé, дѣвдонька, никóгда);* 2) вмѣсто *ѣ* произносится *и*, какъ въ Малороссіи (*хлибъ, сино, бида);* 3) *е* не такъ часто переходитъ въ *ё*, какъ обыкновенно (произносятъ даже *кольцé, хорошé),* но вмѣсто *онъ. она, оно* говорятъ: ёнъ, ёна, ёно, евоный; въ нѣкоторыхъ словахъ для полногласія вставляется ё, напр., *верёхъ, добёръ,* вмѣсто *верхъ, добръ;* 4) буква *г* произносится довольно твердо, приближаясь къ звуку *к;* 5) третье лицо глаголовъ оканчивается иногда безъ *тъ (онъ возьмé, онъ*

ходи, люби), а мн. ч. иногда—*ёны ѣздя, любя;* 6) творит. и дат. падежи замѣняются одинъ другимъ *(ходитъ ногамъ, беретъ рукамъ, идетъ къ нами, благодаренъ вами)*. Въ новгородскомъ нарѣчіи и до сихъ поръ встрѣчается много древнихъ славянскихъ словъ, напр.; студенецъ (колодезь), уповодъ (часть дня), борво (очень), доспѣхъ, послухъ, сполохъ и т. д., а также словъ, имѣющихъ мѣстное значеніе: кликать — побираться, мостъ — сѣни, потерять — убить, краска — кровь, пахать—мести, бѣдно—досадно, давно—много и т. д.

II. Рязанское (акающее) нарѣчіе распространено въ губерніяхъ: Рязанской, Тульской, Калужской, Орловской, Курской. Воронежской, Тамбовской, Пензенской, Саратовской и Астраханской. Въ этомъ нарѣчіи: 1) акаютъ, замѣняя даже *е* и *ѣ* звукомъ *а (табѣ, ялу);* 2) буква *г* въ родит. падежѣ произносится чисто, не замѣняясь *в*, какъ принято вездѣ; 3) глаголъ въ 3 лицѣ оканчивается мягко, на *ь* (напр., *ходить, видить*, вмѣсто *ходитъ, видитъ*), иногда—хóдетъ, любять; а иногда *тъ* (въ 3-же лицѣ ед. и мн. ч.) и совсѣмъ отбрасывается *(руки боля, іонъ везё, яна берё):* 4) есть наклонность замѣнять букву *л* въ концѣ глаг. 3-го лица прошлаго времени буквою *в* (онъ ходиувъ), а въ неопр. накл. *ся* замѣнять *си;* 5) звукъ *в* произносится мягко, какъ *у;* 6) вмѣсто *что*, говорятъ иногда *штё, щё, ще,* а *ч* вмѣсто *ц* и наоборотъ.

III. Суздальское, или восточное, владимірское нарѣчіе (окающее) распространено въ губерніяхъ Владимірской съ частью Московской, Ярославской, Костромской, Нижегородской, Казанской, Симбирской и Оренбургской. Это—самый низкій окающій говоръ, гдѣ *о* произносится грубо, протяжно *(Огрофена, Ондрей, Володиміръ, вологa* (влага), *Просковья)*. Далѣе, въ окончаніяхъ прилагательныхъ *аго, яго, его* вмѣсто *г* произносятъ *в*, съ оканьемъ: *хорошево, своёво;* *г* произносится твердо; 3-е лицо глаголовъ оканчивается твердо: *онъ ходитъ, глядитъ;* вмѣсто *что*, говорятъ *што;* буквы *ф*, *ѳ* никогда не замѣняются *х, хв*, какъ въ рязанскомъ или, мѣстами, въ новгородскомъ нарѣчіи. Въ этомъ нарѣчіи много словъ, взятыхъ съ татарскаго, чувашскаго и др. языковъ, смотря по мѣстности.

Типъ великороссіянки. (Ардатовск. у. Нижег. г.).

IV. Смоленское, или западное (акающее) нарѣчіе незамѣтно переходитъ въ настоящее бѣлорусское и напоминаетъ польскій и малорусскій языки. Главное отличіе его: 1) вмѣсто *д, т* слышится *дз, тс,* но шипящія произносятся чисто; окончаніе глаголовъ вмѣсто *ть* выговариваются *ць*. Относительно этого *дзѣканья* нужно замѣтить слѣдующее: если за *д* слѣдуетъ гласная мягкая (двухгласная), то говорятъ: *дзень, людзи, дзѣ*, а также если при *д* находится *ь: будзь, грудзь, судьзба;* наоборотъ, если за *д* слѣдуетъ твердая гласная или *ъ*, то не дзѣкаютъ: *сюды, дно, вода, прудъ*. Также и относительно *т: тсѣнь, тсётка, казаць, трава, палатко;* 2) звукъ *у* часто замѣняетъ звуки *в, л, ь: ваукъ вуыкъ*(волкъ), *узяуся* (взялся), при чемъ *у* произносится съ краткой, какъ у насъ *й;* 3) предлогъ *съ* произносится *зъ:* 4) слѣдующія за шипящими, за *ц, р — е, ѣ, я, ю* обращаются въ твердыя *а, у: жыць, жыта, трэсць* (трясти), *шыть* и т. д.; 5) *г. к.* особенно передъ *ѣ*, часто измѣняются на *з, ц: на дорозѣ, на нозѣ*, за то въ глаголахъ остаются: *ты лгешь, пякешь, іонъ лгець;* 6) гласныя *о, у* всегда имѣютъ предъ собою, въ началѣ словъ, *в;* 7) согласныя предъ *ы* сдваиваются: *жыццьце*, житье), *весельля, калоцьця;* 8) множ. ч. оканч. на *ы, и: глазы, вухи, волосьси, дарагіи, харошіи;* 9) въ прилаг. *ой* выговаривается какъ *эй: святѣй, худэй, чужэй*, а послѣ гортанныхъ *ей: другей, якей, такей;* 10) предъ твердыми гласными буквы *ф*, *ѳ* обращаются въ *х*, передъ мягкими—въ *хв*, коренное-же *х* произносится чисто: *Хома (Ѳома), хранцузъ, Хвядотъ, харашо, хуторъ, хвертъ* (вмѣсто *фертъ*).

Возвращаясь теперь къ населенію центральной промышленной области, мы должны сказать, что въ силу историческихъ и экономическихъ условій оно далеко не представляетъ собою однообразія, какъ въ другихъ областяхъ Россіи, напр., хотя-бы въ земледѣльческой. Земледѣльческое, лѣсное, фабрично-заводское, отхожее,—все это группы, въ бытовомъ отношеніи далеко не схожія другъ съ другомъ, хотя, въ общемъ, всѣ онѣ представляютъ чисто великорусскій типъ.

Не будемъ подробно описывать быта русскаго населенія, такъ какъ въ общихъ чертахъ онъ довольно извѣстенъ, замѣтимъ только, что въ послѣднее время онъ подвергается значительному измѣненію: великія реформы Александра II, проведеніе желѣзныхъ дорогъ и развитіе фабрично-заводской промышленности въ корнѣ измѣнили бытъ нашего крестьянина. Въ жизнь его, доселѣ тихую и однообразную, полную патріархальной простоты, вторглись новыя вѣянія, подорвавшія старыя, вѣковыя основы крестьянскаго міровоззрѣнія, но не давшія еще новаго цѣльнаго міровоззрѣнія. Въ результатѣ явилась странная смѣсь старыхъ воззрѣній и старыхъ привычекъ съ новыми. Эта переходная ступень сказывается и на платьѣ крестьянина, гдѣ, рядомъ съ древними свитками и сермягами, фигурируютъ «сапоги гармоникой», и на пѣсняхъ, которыя пріобрѣли новое содержаніе фабричнаго типа, и на всей обстановкѣ, гдѣ, при курныхъ избахъ, въ неприглядныхъ помѣщеніяхъ, толкутся люди и животныя, а въ то-же время существуютъ такіе признаки показной цивилизаціи, какъ самоваръ. Кромѣ того, много измѣняетъ современный бытъ крестьянина и образованіе, развивающееся, хотя и медленно, но все больше и больше въ нашей области. Въ этомъ отношеніи на первомъ мѣстѣ стоитъ Московская губ., за ней слѣдуетъ Ярославская. Костромская, Калужская и Нижегородская губерніи занимаютъ послѣднее мѣсто; губерніи же Тверская и Владимірская занимаютъ среднее мѣсто.

Образованіе значительно смягчаетъ фанатизмъ сильно распространеннаго здѣсь сектантства. Нужно замѣтить, что наша область—родина раскола; здѣсь родились и дѣйствовали главнѣйшіе расколоучители: попы Аввакумъ, Никита, Лазарь и др.; здѣсь были главнѣйшія убѣжища раскола, напр., знаменитые Керженскіе скиты въ Семеновскомъ у. Нижег. губ., Рогожское кладбище, убѣжище поповщины, и Преображенское (—безпоповщина) въ Москвѣ и др.; здѣсь же явились самыя крайнія секты—хлыстовъ, скопцовъ, молоканъ и пр. Теперь, впрочемъ, съ развитіемъ образованія, расколъ значительно ослабъ.

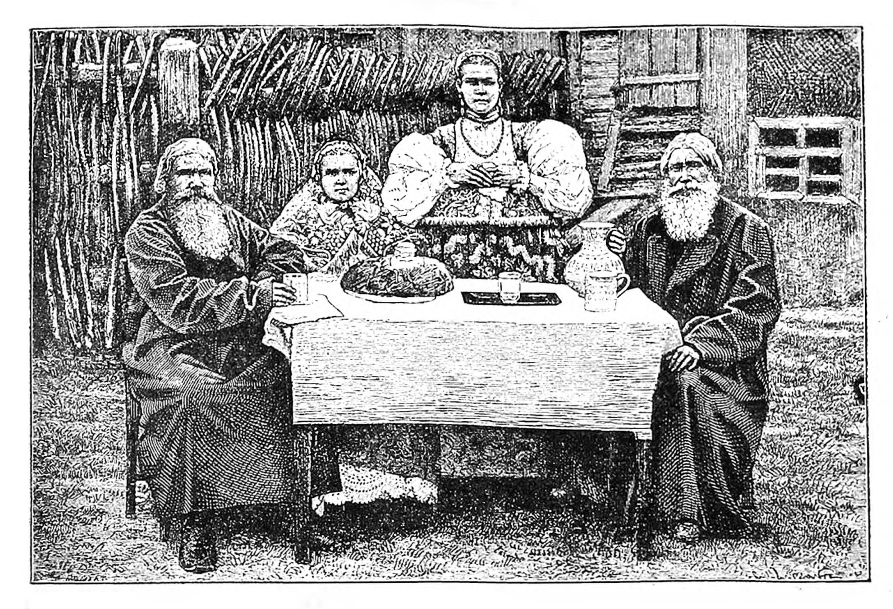
Переходя теперь къ занятіямъ населенія, нужно замѣтить, что изъ 307,000 кв. в., или 30 милл. дес., составляющихъ общую поверхность всей области, до 44% принадлежитъ крестьянскимъ обществамъ, 39%—частнымъ лицамъ, 13,6%—казнѣ и удѣламъ и 2,8% монастырямъ, церквамъ и городамъ. Изъ лично владѣемой земли 53% принадлежитъ дворянамъ, но это количество годъ отъ году уменьшается: въ Московской и Ярославской губ. въ пользу купцовъ, а въ другихъ губерніяхъ—въ пользу крестьянъ. Средніе размѣры крестьянскаго двора слѣдующіе: въ Калужской г.—7,62 десятинъ, въ Моск.—7,26, Тверской—10,02,

*

во Владимірской—9,72, въ Ярослав.—9,12, въ Костр.—10,44 и Нижегор.—8,52 дес. Пригодной для сельско-хозяйственнаго пользованія земли—42%, обрабатываемой же всего—1/3. Сѣется въ области главнымъ образомъ рожь, овесъ, яровая пшеница, горохъ, ленъ, конопля и кормовыя травы. Въ виду малой добротности почвы и плохой урожайности (самъ-четвертъ—самъ-шестъ) населеніе области давно уже обратилось къ другимъ сельско-хозяйственнымъ промысламъ, каковы огородничество, садоводство, пчеловодство, садоводство и т. д.

Особенно развито *огородничество.* Широкую извѣстность въ этомъ отношеніи пріобрѣли ярославцы, особенно ростовцы. На первомъ мѣстѣ стоятъ ростовскія села Порѣчье и Угодичи, гдѣ хозяйство ведется почти исключительно женщинами. Здѣсь производится ежегодно до 200 п. цикорія и 15,000 п. зеленаго горошка. Много разводятся лѣкарственныхъ растеній (мята и др.), а изъ овощей—лукъ, огурцы, капуста, чеснокъ. Огороды распространены и въ другихъ мѣстахъ области, вблизи хорошихъ центровъ сбыта, какъ напр. Москва или различныя фабрики. Важнѣйшимъ центромъ *садоводства* является Вязниковскій у., Владимірской г., получившій широкую извѣстность своими вишнями („владимірская вишня"), а также Малоярославскій у., Калужской г. („малоярославскія вишни"); въ Нижегородской г. садоводство процвѣтаетъ вблизи Нижняго Новгорода. Въ Ярославской и Костромской губ. фруктовое садоводство развито очень слабо. Въ Гуслицкомъ округѣ (части Богородскаго и Бронницкаго уу., Московской г., и части Покровскаго у., Владимірской г.) развито *хмѣлеводство.* Въ Костромской г. такимъ-же центромъ является Московская волость, Костромскаго у. Мѣстами населеніе выручаетъ хорошій доходъ *отъ грибовъ*, напр., въ Кологривскомъ у., Костромской г., откуда съ грибами идутъ цѣлые обозы въ Москву и Нижній. *Пчеловодство* въ области развито слабо и имѣетъ промышленное значеніе только въ Калужской и отчасти Костромской г. (общій сборъ меда въ 1884 г. въ Калужской г.—8,300 пуд. и 1,600 воска). Слабо развито и *скотоводство;* крестьяне держать здѣсь скотъ, только какъ производителя нужнаго для нихъ удобренія. Впрочемъ, въ сѣверной части области, въ Ярославской г. и прилегающихъ къ ней частяхъ Тверской и Костромской г. въ настоящее время скотоводство пріобрѣло большое значеніе. Въ общемъ, на 100 жителей области приходится 25 головъ крупнаго рогатаго скота. Извѣстностью пользуется ярославскій скотъ. Въ Тверской и Ярославской губ. сильно развито маслодѣліе и сывареніе (съ годовымъ производствомъ въ 358,000 р.). *Овцеводство* въ болѣе крупныхъ размѣрахъ встрѣчается только въ Борисоглѣбскомъ у., Ярославской г., гдѣ разводится „романовская" овца, дающая нѣжную, густую шерсть („романовскіе полушубки"). *Коневодство* развито очень слабо, и крестьянская лошадь въ большинствѣ случаевъ малоросла и слабосильна. Но и такихъ-то лошадей у многихъ нѣтъ,—и число безлошадныхъ крестьянъ годъ отъ году увеличивается; по послѣдней пер-писи, въ Нижегородской г. было до 40% такихъ несчастливцевъ, во Владимірской—35%, въ Ярославской—34%, Московской—32%, Тверской—18% и Калужской—17%. Вслѣдствіе сокращенія площади лѣсовъ, а также замѣны на фабрикахъ и заводахъ дровянаго отопленія нефтянымъ, сокращаются и *лѣсные промыслы;* только въ лѣсистой (восточной) половинѣ Костромской г. и отчасти въ Нижегородской они еще сохранились. Вырубаніе лѣсовъ отразилось и на *рыболовствѣ*, которое стало замѣтно падать, особенно съ тѣхъ поръ, какъ на рѣкахъ явились пароходы, пугающіе шумомъ своихъ колесъ рыбу, а фабрики и заводы стали заражать своими отбросами воду.

Сравнительно слабо развита и *горнозаводская промышленность.* Изъ полезныхъ ископаемыхъ въ области встрѣчаются каменный уголь, торфъ, огнеупорныя глины, желѣзныя руды, фосфориты, известь, алебастръ, известнякъ, песчаникъ и т. п. Залежи каменнаго угля встрѣчаются въ Тверской и Калужской губ., но разработываются слабо, да и уголь здѣсь невысокаго качества; гораздо значительнѣе разработка торфа на топливо (въ Московской и Владимірской губ. гдѣ добываются и огнеупорныя глины, на изготовленіе фаянсовой посуды). Во всѣхъ губерніяхъ области много желѣзной руды (главнымъ образомъ, въ видѣ бураго желѣзняка), но разработывается она почти только въ Вышневолоцкомъ и Новоторжскомъ уу., Тверской губ. Въ губерніяхъ Ярославской, Нижегородской и особенно Костромской (въ Кинешемскомъ у.) разработываются фосфориты („Куломзинскій фосфоритъ", съ 25% фосфорной кислоты; добывается до 60,000 въ годъ). Фосфориты эти размалываются на здѣшнихъ паровыхъ мельницахъ и уже въ такомъ видѣ идутъ въ продажу. Известь, а также песчаникъ добывается въ Московской губ.



Великорусскіе типы и костюмы Нижегородской губ.

Но главное, что отличаетъ населеніе нашей области отъ другихъ областей Россіи, это—необычайное развитіе кустарныхъ промысловъ, а также фабрично-заводской промышленности.

Насколько развиты здѣсь кустарные промыслы, можно видѣть хотя-бы изъ того, что въ одной Московской губ. кустарей—до 15% всего населенія, въ Костромской—10%, въ Тверской—9%, только въ Калужской не болѣе 3%. Разнообразіе промысловъ—удивительное: тутъ обработка и дерева, и металловъ, и минеральныхъ веществъ, и животныхъ продуктовъ, и волокнистыхъ веществъ.

Изъ древодѣльныхъ промысловъ—экипажный, т. е. изготовленіе телѣгъ, колесъ, саней и дугъ, распространенъ главнымъ образомъ въ Тверской и Костромской губ., а отчасти во Владимірской и Нижегородской, именно въ Лукояновскомъ у., гдѣ крестьяне спеціально разводятъ плантаціи ветлы для изготовленія дугъ. *Бондарный* промыселъ (выдѣлка бочекъ, ведеръ, корытъ и т. п.) развитъ почти повсемѣстно въ области. Напротивъ, *столярно-плотничный* промыселъ распространенъ почти только во Владимірской, Московской и Ярославской губ., причемъ московскими кустарями изготовляется даже цѣнная мебель (крытая орѣхомъ, бамбуковая и др.). *Изготовленіе игрушекъ* сосредоточено въ Семеновскомъ и Балахнинскомъ уу. Нижегородской г., а также въ Макарьевскомъ, Варнавинскомъ и Ветлужскомъ—Костромской. Издѣлія этихъ кустарей идутъ и въ Азію, и даже въ Зап. Европу. *Плетеными издѣліями* занимаются въ Московской губ., Звенигородскаго у. (корзиночный промыселъ), а особенно въ лѣсистыхъ уѣздахъ Костромской и Нижегородской (производство рогожъ, кулей и лаптей).

На каждую пару лаптей, стоющихъ 6—10 к., нужно ободрать 3 молодыя липовыя деревца, при чемъ не каждое лыко годится на лапотную строку (отсюда поговорка: „не всякое лыко въ строку"). Самый процессъ обдиранія—варварскій: мальчики, дѣти и молодыя дѣвушки обдираютъ липовую кору зубами, десны у нихъ ободраны и сочатся кровью. Поэтому нечего особенно и жалѣть, что плетеніе лаптей годъ отъ году сокращается. Молодежь даже и въ захолустьяхъ уже не довольствуется этою „обувью предковъ", а старается пріобрѣсти сапоги; только старики еще мѣстами крѣпко держатся за

лапти и высоко цѣнятъ искусство плести ихъ: „вотъ царь Петръ все умѣлъ дѣлать,— говорятъ они,—до всего дошелъ самъ, а сталъ плести лапти, дошелъ до запятника, да задумался надъ нимъ и бросилъ *)“.

Въ лѣсистыхъ уѣздахъ Костромской, а также въ Тверской губ., значительно распространено и смолокуреніе, а также сидка дегтя; но съ вытѣсненіемъ этихъ древесныхъ продуктовъ производными нефти и этотъ промыселъ сталъ падать.

Напротивъ, промыслы *по обработкѣ металловъ* и теперь еще сильно распространены въ области, особенно въ Нижегородской, Тверской, Владимірской и Ярославской. Въ первой изъ нихъ есть нѣсколько крупныхъ центровъ кузнечно-слесарнаго дѣла. Таковы, напр., с. Ворсма, с. Павлово, издавна извѣстное приготовленіемъ замковъ, и с. Лысково, населеніе котораго занимается выдѣлкой желѣзныхъ шкатулокъ, пожарныхъ трубъ, наборовъ для конской сбруи и т. п. Въ Тверской и Ярославской губ. получило нѣкоторое развитіе производство сельско-хозяйственныхъ орудій: косуль, сохъ, боронъ и даже плуговъ. Что касается изготовленія гвоздей, то этотъ промыселъ можно встрѣтить по всей области. Въ Костромской г., въ Нерехтскомъ у. широко развито *серебряное* дѣло (изготовленіе крестовъ, браслетовъ и т. п.).

Гончарные промыслы, а также *кирпичное производство* развито въ довольно значительной степени во всѣхъ губерніяхъ области. Жженіе извести и алебастра ведется въ довольно обширныхъ размѣрахъ въ Нижегородской и Владимірской г., а въ Тверской— обработка камня.

Обработка *животныхъ* продуктовъ среди другихъ кустарныхъ промысловъ области занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ. Въ Московской и Нижегородской г. развито кожевенное производство; однимъ изъ крупныхъ центровъ его является с. Тубанаевка (Васильсурскаго у., Нижегородской г.), гдѣ насчитывается до 100 кожевенныхъ заведеній при 500 рабочихъ, вырабатывающихъ въ годъ до 100,000 кожъ. Другое село въ томъ-же уѣздѣ, Монастырскій Ватрасъ, является центромъ скорняжнаго промысла: въ немъ до 80 хозяевъ-овчинниковъ и до 600 рабочихъ, выдѣлывающихъ 100,000 овчинъ въ годъ. Въ с. Катункахъ (Балахнинскаго у.) выдѣлываются десятки тысячъ поддѣльныхъ бобровыхъ, котиковыхъ и собольихъ мѣховъ, матеріаломъ для которыхъ служитъ кошачій мѣхъ. Скупка по деревнямъ кошекъ составляетъ профессію особыхъ промышленниковъ, называемыхъ „кошатниками“. Наконецъ, въ Романо-Борисоглѣбскомъ у. (Ярославской г.) выдѣлываются извѣстные „романовскіе“ полушубки.

Сапожный и башмачный промыслы свили себѣ прочное гнѣздо главнымъ образомъ въ Тверской губ., гдѣ с. Кимры, по количеству производимой обуви, занимаетъ въ Россіи первое мѣсто; оно-же является и главнымъ рынкомъ издѣлій не только окрестностей, но и отдаленныхъ мѣстъ, такъ что сюда стягиваются издѣлія болѣе 15,000 кустарей. Во время войнъ здѣшніе кустари получали множество заказовъ на обувь со стороны казны. Поэтому всѣ кампаніи (12 года, венгерская, крымская и послѣдняя турецкая) не мало способствовали оживленію здѣшнихъ дѣлъ. Оттого-то кимрскіе сапожники, съ несвойственной этой благородной и глубокомысленной профессіи живостью, интересуются политическими событіями и въ качествѣ патріотовъ своего отечества искренно и нелицепріятно желаютъ, чтобы русское христолюбивое воинство „утерло носъ нѣмцу“ или „угостило англичанку съ лѣвой ноги“. Миръ, хотя-бы и вооруженный, для кимряковъ не понутру, конечно, не потому, что онъ ведетъ къ застою въ ихъ промыслѣ, а просто потому, что онѣ радѣютъ о достоинствѣ и славѣ русскаго оружія. которое должно, по ихъ мнѣнію, непрестанно вести къ побѣдамъ и и одолѣніямъ. До сихъ поръ они вспоминаютъ со вздохомъ о войнѣ 1877—78 г., когда работали „на казну“. Этотъ относительно счастливый періодъ такъ и называется у нихъ „казною“; къ нему они пріурочиваютъ немудрыя событія своей жизни: „корову купили чрезъ годъ отъ казны“, „Миколка родился за годъ до казны“ и т. д. Работа тогда кипѣла, и сапоги пеклись, какъ блины, но и выходили они немного прочнѣе блиновъ. Не даромъ говорится: „кимряки свои сапоги на лапти промѣняли“. Есть оффиціальныя свидѣтельства о такихъ оригинальныхъ сапогахъ, которые разваливались на пути отъ сотрясеніи вагоновъ и на телѣгахъ, не доходя въ цѣломъ видѣ до нашихъ сѣрошинельныхъ героевъ, зачастую обматывавшихъ ноги тряпками и соломой**). Другимъ сапожнымъ центромъ является г. Осташковъ, гдѣ развито производство бѣлыхъ сапоговъ—„осташей“.

О производствѣ *роговыхъ, щетинныхъ и волосяныхъ издѣлій,* которое встрѣчается мѣстами въ Московской, Калужской и Владимірской г., какъ о промыслѣ сравнительно маловажномъ, мы не говоримъ, а прямо переходимъ къ ряду важнѣйшихъ въ нашей области производствъ, каковы ткацкое, прядильное, валяльное, вязальное, портняжничество, выдѣлка веревокъ и производство кружевъ.

*) А. Субботинъ, „Волга и волгари“, 555 стр.
**) А. Субботинъ, 47 стр., тамъ-же.

Ткацкій и прядильный промыселъ въ послѣднее время начинаетъ упадать, съ развитіемъ фабрикъ. Тѣмъ не менѣе и до сихъ поръ имъ занимаются повсемѣстно въ области, особенно Ярославской, Тверской и Костромской г., при чемъ въ послѣдней, въ одномъ Нерехтскомъ у., насчитывается до 2,000 кустарей-ткачей полотенъ, производящихъ тканей на 70,000 рублей. Во Владимірской и Московской г. развито производство бумажныхъ тканей (сарпинки, нанки, тика, марли, карусета, кашемира и т. п.), при чемъ въ одной Московской г. тканей выработывается на 12 милл. рублей. Пряденіе сукна и шерсти имѣетъ характеръ довольно значительнаго промысла только въ Медынскомъ у., Калужской г., гдѣ болѣе 1,250 кустарей съ суммою производства до 45,000 рублей. Ручная выдѣлка *шелковыхъ тканей* производится въ Московской и Владимірской г.; общая сумма ихъ производствъ достигаетъ 10 милл. рублей, т. е. цифры годоваго производства шелковыхъ тканей всѣхъ 203 фабрикъ Московской и Владимірской г. Кустари обыкновенно ткутъ изъ матеріала, получаемаго съ фабрикъ. *Валяльнымъ* промысломъ заняты мѣстами въ Тверской, Московской и Костромской г. и менѣе во Владимірской и Нижегородской. Въ Нижегородской г. развитъ *сѣтевязальный промыселъ,* почти единственный въ своемъ родѣ во всей Россіи, такъ какъ имъ занимается еще только населеніе Осташковскаго у., Тверской г. Вязаніемъ шерстяныхъ чулокъ занимаются въ нѣкоторыхъ селеніяхъ Владимірской и Нижегородской г.; портняжничествомъ, какъ промысломъ, почти по всей области, но сравнительно немного. Въ отдѣльныхъ селеніяхъ нѣкоторыхъ уѣздовъ Нижегородской г. крестьяне заняты выдѣлкой веревокъ и судовыхъ канатовъ; въ Московской, Калужской, Тверской и Нижегородской занимаются также плетеніемъ кружевъ и вышиваніемъ по полотну.

Наконецъ, намъ остается упомянуть о нѣкоторыхъ промыслахъ, имѣющихъ болѣе или менѣе ограниченные районы. Таково *иконописаніе,* распространенное особенно въ Вязниковскомъ у., Владимірской г. („суздальскіе богомазы"). Центры — с. Холуй и слобода Мстера; въ годъ этими кустарями изготовляется около 1,800 иконъ, что даетъ до 400 тыс. р. заработка. *Парчевое* производство распространено особенно въ Подчерковской волости и Сергіевскомъ посадѣ (Московскаго у.), гдѣ работаетъ до 3,000 рабочихъ, при суммѣ производства въ милліонъ рублей; производство *музыкальныхъ инструментовъ;* центръ его — дер. Шихова (Ягунинской вол., Звенигородскаго у., Московской г.), гдѣ 350 кустарей заняты выдѣлываніемъ гитаръ и скрипокъ; въ Дороховской вол. (Медынскаго у., Калужской г.) изготовляются цитры и гармонифлюты; въ с. Волосовѣ (Московской г.) — физическіе приборы *).

Закончивъ обозрѣніе кустарныхъ промысловъ, нужно сказать, что несмотря на довольно значительныя цифры производства, положеніе самыхъ кустарей — самое плачевное, такъ какъ, въ большинствѣ случаевъ, львиная доля барыша приходится разнымъ посредникамъ и скупщикамъ; самъ-же работникъ иногда едва выручаетъ цѣну потраченнаго имъ матеріала. Для предотвращенія этого зла и правительствомъ, и земствами предпринимаются нѣкоторыя мѣры, въ родѣ выдачи кустарямъ ссудъ, учрежденія посредниковъ для прямого сбыта кустарями товара и т. п. Но всѣ эти мѣры рѣдко примѣняются да и не вездѣ предотвращаютъ зло, и бѣдный кустарь по прежнему изнываетъ подъ игомъ кулака-скупщика. Присоедините еще къ этому систематическое спаиваніе водкой и обычай «задатковъ», — и вы получите тяжелую картину, уже знакомую намъ изъ описанія быта сѣверныхъ, поморскихъ промышленниковъ.

Переходя теперь къ фабрично-заводской дѣятельности, колоссальное развитіе которой составляетъ самую характерную черту разсматриваемой области, нужно замѣтить, что общая цифра производства достигла громадной суммы 600 милл. въ годъ, при 500 тыс. рабочихъ. Оказывается, что наша область теперь превосходитъ въ $2^1/_2$ раза Царство Польское, какъ по суммѣ производства, такъ

*) „Россія", Сборникъ подъ ред. В. Семенова.

и по числу рабочихъ, а сумму производства Петербургскаго промышленнаго района болѣе, чѣмъ въ 3 раза. По отдѣльнымъ губерніямъ вся промышленность выражается слѣдующими цифрами производства: Москов. г.—287 милл. Владим.—144, Костр.—40, Ярослав.—37, Тверская—25, Нижег.—20 и Калуж.—7 милл. Иначе говоря, главными центрами промышленности въ области являются Москов. и Владим. губ. Что касается до сравнительной величины разныхъ фабрично-заводскихъ производствъ, то она выражается слѣд. числами: обработка хлопка—286 милл. рублей, обработка питательныхъ веществъ—76 милл., обработка шерсти—70 милл., обработка льна и пеньки—27 милл., шелка—13 милл., обр. вещ. для выр. бумаги—12 милл., обраб. волокнистыхъ веществъ—10 милл., минер. вещ.—9 милл. и обр. дерева—5 милл. Главная отрасль промышленности и по суммѣ производства, и по числу рабочихъ (200 тыс. чел.) — хлопчатобумажное производство, которымъ занята половина всѣхъ фабричныхъ рабочихъ Московской области. Процентъ занятыхъ на фабрикѣ женщинъ доходитъ до 30—31.

Несмотря на эту массу промышленныхъ заведеній, а также большое развитіе кустарныхъ промысловъ, въ области все-таки остается масса свободныхъ рукъ, вынужденныхъ, вслѣдствіе малой доходности земледѣльческаго промысла, искать себѣ заработка за предѣлами своей губерніи. Эти, «отхожіе» промыслы занимаютъ иногда до 14°/o населенія всей области. По приблизительнымъ разсчетамъ, ежегодно уходитъ на заработки, главнымъ образомъ, въ обѣ столицы: изъ Калужской г.—150 тыс. чел., Нижег.—300 т. ч., изъ Тверской—250 т., изъ Ярославской—100 т. и изъ Костромской—400 тыс. человѣкъ. Только Московская губ. не даетъ этихъ «отходниковъ», такъ какъ все ея населеніе находитъ работу въ Москвѣ или вообще въ Моск. г. на фабрикахъ и заводахъ. Большинство рабочихъ идетъ на не земледѣльческіе промыслы; земледѣльческими же занимается меньшинство, направляющееся на югъ Россіи или юго-востокъ въ черноземную полосу. Изъ Костр. губ. идутъ главнымъ образомъ: плотники, каменьщики, землекопы, штукатуры и пр. мастеровые; Владим. г. выдѣляетъ изъ себя офеней—бродячихъ торговцевъ; Ярославская г. даетъ половыхъ, лавочниковъ, подрядчиковъ и т. п. Тверская—дворниковъ, прислугу, полотеровъ; Калужская—плотниковъ, землекоповъ и др. наконецъ, изъ Нижег. г. являются судостроители, пильщики (на Волгѣ), матросы, лоцмана, водолазы и пр.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, именно въ сѣверной части Ярославской губ. и сѣверо-западной—Костромской, въ отхожій промыселъ идетъ почти все мужское населеніе деревни старше 12 лѣтъ,—и въ деревнѣ остаются „старый, да малый, да бабы"; на послѣднихъ и ложатся не только работы по дому и хозяйству, но и общественныя. Это—настоящее „бабье царство". Бабы здѣсь пашутъ, молотятъ, косятъ, ловятъ рыбу, возятъ почту, а нерѣдко исправляютъ обязанности десятскаго и сотскаго. Словомъ, здѣсь бабы вполнѣ уравнены въ правахъ съ мужчинами, за что, впрочемъ, онѣ едва-ли благодарны, такъ какъ это только отягчаетъ ихъ и безъ того тяжкую долю. И трудится эта многострадальная работница круглый годъ, трудится съ утра до ночи, не покладая рукъ, и потому „отцвѣтаетъ, не успѣвши расцвѣсть, за работой и тяжкой, и трудной; и въ лицѣ ея, полномъ движенія, полномъ жизни, появится вдругъ выраженіе тупого терпѣнія и безсмысленный,

мрачный испугъ"... Кому неизвѣстны эти за душу трогающія слова поэта, ярко рисующаго всю юдоль русской простой женщины, вѣдающей въ жизни одно несчастіе?! И всю-то свою жизнь „мается" баба, изо всѣхъ силъ отбиваясь отъ недоимокъ и бросивъ уже послѣднюю надежду на своего кормильца: „мужъ замотался въ Питерѣ и отъ него, пьяницы, присылу нѣтъ". При такомъ положеніи дѣлъ неудивительно, что бабы нигдѣ въ Россіи не чувствуютъ себя такъ самостоятельно, какъ здѣсь; онѣ верховодятъ и „міромъ", и даютъ „надѣлы" вдовамъ. Отъ мужей-же единственнымъ утѣшеніемъ служатъ изрѣдка посылаемыя письма, наполненныя поклонами чадамъ, домочадцамъ и всѣмъ сватамъ, кумовьямъ и пр. деревенской роднѣ. Иногда, впрочемъ, „благовѣрные" осчастливливаютъ своихъ супругъ и личнымъ прибытіемъ; но это бываетъ или подневольная побывка, въ лаптяхъ, „по липовой машинѣ",—и дома ихъ ожидаетъ „березовая каша" за недоимки,—или „гостьба" питеряка для шику. Въ послѣднемъ случаѣ „питерякъ" является на парѣ съ колокольцемъ, навозитъ грошевыхъ подарковъ роднымъ и затѣмъ съ сознаніемъ собственнаго достоинства только „слоняется" по деревнѣ, не желая вмѣшиваться въ работу „сѣраго" люда. Такой гость выряженъ обыкновенно, даже въ жаркую погоду, въ „спинджакъ" и жилетку, „при часахъ", толстое драповое пальто и драповый „картузъ". Панталоны непремѣнно на выпускъ, сапоги въ резиновыхъ галошахъ, въ рукахъ зонтикъ и у молодежи гармоника—„тальянка". Деревенскій „міръ" не можетъ, конечно, не завидовать такой „цивилизаціи", но зависть эта выражается больше въ единодушномъ желаніи односельчанъ—„сорвать съ питерскаго гостя на ведерко—другое міру". Иногда „ведерки" эти требуются прямо, безапелляціонно, что называется, „здорово живешь", а иногда желаніе выпить на чужой счетъ маскируется общественнымъ долгомъ: „міръ, молъ, почтилъ тебя, выбралъ въ старосты" (или тамъ на другую какую общественную должность). А заупрямится „почтенный довѣріемъ общества",—сейчасъ и угроза: „а мы, молъ, если что, такъ и паспорта не дадимъ!" Ну, и откупается „питерскій гость", къ вящшему восторгу „міра".

Чтобъ только избавиться отъ избирательныхъ правъ, нѣкоторые стараются даже перечислиться изъ крестьянъ въ другія сословія. Да и вообще замѣчено, что наши крестьяне тяготятся своими гражданскими правами. Существуетъ такой разсказъ, взятый изъ самой дѣйствительности: одинъ мужикъ былъ лишенъ за что-то „всѣхъ особенныхъ лично и по состоянію присвоенныхъ правъ", при чемъ ему объяснили значеніе этого наказанія: „тебя не могутъ выбрать въ старосты" (мужикъ кланяется), „ни въ свидѣтели" (кланяется), „ни въ присяжные засѣдатели" (кланяется и благодаритъ), „не могутъ взять въ солдаты". „Родимый!"—завопилъ тогда обрадованный мужикъ,—„да нельзя-ли тогда и отъ податей-то ослобонить?!" По другому варіанту: „нельзя-ли ужъ и сына мово Миколку лишить евтихъ самыхъ правовъ?!" *)

Отхожіе промыслы, несомнѣнно, имѣютъ громадное значеніе для всего населенія нашей области. Съ одной стороны, они способствуютъ вырожденію народа, такъ какъ съ ними неразрывно связывается усиленная смертность мужчинъ на сторонѣ, обремененіе женщины часто непосильными работами даже въ извѣстномъ положеніи, плохое питаніе грудныхъ дѣтей,—съ другой стороны, мало-по-малу, измѣняютъ весь строй, вѣками сложившійся, деревенской жизни и приводятъ часто къ худшему: усиливается пьянство, развратъ, распадается семья... Единственными хорошими сторонами этихъ промысловъ являются развѣ: занесеніе грамотности въ деревню и уплата недоимокъ...

Впрочемъ, какъ рѣдкіе случаи, и среди «питеряковъ» встрѣчаются типы, достойные подражанія. Намъ лично извѣстно, что нѣкоторые ярославцы, служащіе въ Петербургѣ трактирщиками, устроили у себя, на родинѣ, фельдшерскій пунктъ и завели порядочную библіотеку. Большаго отъ нихъ и желать трудно! Вѣдь извѣстно, что купцы видятъ наивысшую степень честолюбія въ жертвованіи колоколовъ или иконостасовъ въ свою церковь.

*) Субботинъ, тамъ-же.

Сильное развитіе обработывающей промышленности, замѣчаемое въ нашей области, вызвало распространеніе и путей сообщенія. Само положеніе Московской области на бассейнѣ величайшей рѣки Европы, несомнѣнно, должно было благопріятно отразиться на ея торговлѣ и промышленности, а это, въ свою очередь, повело за собою и улучшеніе путей сообщенія. Теперь въ области замѣчается сильное развитіе и желѣзнодорожныхъ, и водныхъ путей сообщенія. Москва служитъ главнымъ узломъ нѣсколькихъ линій, ежегодно провозящихъ милліоны пудовъ. Но большая часть товара попрежнему идетъ водными путями, какъ болѣе дешевыми.

Теперь на Волгѣ давно уже отошло въ область преданій передвиженіе грузовъ помощью парусовъ или бурлаковъ, давно замолкли стонущія бурлацкія пѣсни, вродѣ извѣстной: „матушка Волга, широка и долга, укачала, уваляла, у насъ силушки не стало“... На смѣну ихъ выступилъ всесильный паръ; вмѣстѣ съ тѣмъ значительно упростились и тѣ типы грузовыхъ судовъ, которыя ходили по Волгѣ. Прежде, до появленія пароходовъ, трудно было перечислить одни названія различныхъ судовъ. Тутъ были: межеумки, крупныя суда, ходившія изъ Камы въ Нижній съ солью; бѣляны, еще болѣе крупныя суда, поднимавшія до 150,000 пудовъ; суда среднихъ размѣровъ: барки, гусянки, мокшаны, унжаки, коренныя, коломенки; суда болѣе мелкія: расшивы, сурянки, кладныя, досчаники, тихвинки. Какъ можно видѣть, многія названія прямо указываютъ на мѣсто ихъ происхожденія. Съ открытіемъ паровой тяги эти разнообразные типы постепенно стали исчезать, замѣняясь однимъ типомъ судовъ— баржами и полубаржами, которыя сидятъ гораздо мельче старинныхъ судовъ, не уступая въ грузоподъемности.

Въ 1815 г. на Волгѣ появились неуклюжія конныя машины, или коноводки, изобрѣтенныя Пуадебортомъ, который, говорятъ, безцеремонно воспользовался при этомъ изобрѣтеніемъ механика-самоучки Кулибина. Устроены онѣ были такъ: на огромный воротъ, приводимый въ дѣйствіе нѣсколькими лошадями, навертывался канатъ отъ завезеннаго впередъ якоря, къ которому судно и притягивалось; а въ это время особая лодка („завозня“) завозила еще дальше другой якорь, къ которому судно притягивалось по окончаніи перваго каната, и т. д. Такая „коноводка“ тянула обыкновенно 4—5 крупныхъ судовъ со скоростью 4—5 верстъ въ часъ. Въ концѣ 30-хъ годовъ коноводки стали замѣняться кабестанами, т. е. такими-же машинами, но съ паровой тягой вмѣсто лошадиной. Затѣмъ явилось туэрное, т. е. цѣпное пароходство (по небольшимъ рѣкамъ, напр. Шекснѣ, Мологѣ и пр.): по дну рѣки была протянута гигантская цѣпь, навертывавшаяся на валъ, устроенный на палубѣ парохода; цѣпь вытягивалась изъ воды съ носа парохода, проходила чрезъ валъ и спускалась въ воду съ кормы. Такимъ образомъ буксирный пароходъ подвигался впередъ, волоча за собою нѣсколько баржъ. Скорость его была не больше скорости коноводки или кабестана (4—5 верстъ въ часъ). Въ 1818 г., т. е. всего чрезъ 11 лѣтъ, послѣ изобрѣтенія Фультона, на Волгѣ появились первые пароходы. Это была затѣя нѣкоего Евреинова. Къ сожалѣнію, ихъ неповоротливость и неопытность механиковъ при управленіи ими возбудили недовѣріе общества,—и затѣя предпріимчиваго пароходчика потерпѣла полное фіаско. Послѣ этого мы видимъ еще нѣсколько попытокъ ввести пароходное сообщеніе на Волгѣ, но и онѣ кончались неудачами, пока въ 1842 г. не было учреждено въ Петербургѣ англичаниномъ Кейли и русскими купцами Кириловымъ и Полежаевымъ „Пароходное общество по Волгѣ“. Здѣсь дѣло сразу пошло на ладъ, и уже чрезъ 13 лѣтъ послѣ этого, общество, сначала перевозившее только товары, открыло пассажирское движеніе. Съ тѣхъ поръ развитіе волжскаго пароходства быстро пошло впередъ: въ 60-хъ годахъ появились товаро-пассажирскіе пароходы общества „Кавказъ и Меркурій“, „Самолетъ“, „Дружина“ и др. Въ началѣ 70-хъ годовъ появились поражавшія своей величиной, трехъэтажные пароходы американскаго типа. Въ послѣднее время нѣкто Зевеке выстроилъ нѣсколько пароходовъ плоскодонныхъ и потому мелкосидящихъ, которые двигаются при помощи одного большаго колеса, помѣщеннаго за кормою. Въ настоящее время, по даннымъ Министерства Путей Сообщенія (1895 г.) общее число всего волжскаго пароваго флота достигло цифры 1,392 парохода; въ томъ числѣ: 124 спеціально пассажирскихъ пароходовъ, 116 товаро-пассажирскихъ, 103 буксиро-пассажирскихъ, 923 буксирныхъ, 21 туэрныхъ, 89 служебныхъ и 19 товарныхъ. На нихъ служитъ до 21,668 чел. команды. Что касается скорости движенія, то для пас-

сажирскихъ пароходовъ на 2 верхнихъ плесахъ Волги, т. е. отъ Твери до Нижняго, она колеблется въ слѣдующихъ предѣлахъ: по теченію 11—14 верстъ въ часъ (включая остановки) и 8—11 верстъ противъ теченія. На нижнихъ плесахъ 18—21 верста по теченію и 11—14—противъ теченія. Въ послѣднее время, вслѣдствіе сильнаго обмелѣнія Волги и ея притоковъ, пассажирское и грузовое движеніе по Волгѣ терпитъ большія затрудненія, и нерѣдко на верхнихъ плесахъ (напр. отъ Твери до Рыбинска) совершенно прекращается. Тѣмъ не менѣе, сами пароходы продолжаютъ совершенствоваться; теперь они большею частью отопляются нефтью, освѣщаются электричествомъ, а по роскоши отдѣлки пассажирскихъ помѣщеній далеко оставили за собою даже иностранные пароходы, напр. плавающіе по Рейну или Дунаю. Къ сожалѣнію, условія судоходства по Волгѣ далеко нельзя назвать удовлетворительными: фарватеры часто не обставляются, какъ слѣдуетъ, знаками, со дна ихъ не убираются камни, объ уничтоженіи перекатовъ почти не заботятся. Наконецъ, и команда пароходовъ далеко не стоитъ на высотѣ призванія. Большинство капитановъ, напр., понятія не имѣютъ о своемъ дѣлѣ,—и на 240 пассажирскихъ и товаро-пассажирскихъ парохода имѣется всего 144 капитана, получившихъ образованіе въ шкиперскихъ классахъ. О товарныхъ и буксирныхъ пароходахъ мы и не говоримъ: тамъ должности капитана занимаютъ бывшіе „водоливы", лоцмана и т. п., часто совершенно безграмотные люди. Оттого-то на Волгѣ такъ и часты крушенія, хотя все-таки, по своему удобству, волжскіе водные пути сообщенія одни изъ лучшихъ во всей Европѣ. И, можетъ быть, недалеко уже и то блаженное время, которое провидитъ поэтъ: „въ случайной жизни береговъ... моей рѣки любимой... освобожденный отъ оковъ, народъ неутомимый... созрѣетъ, густо заселитъ... прибрежныя пустыни, наука воды углубитъ... по гладкой ихъ равнинѣ... суда-гиганты побѣгутъ несчетною толпою... и будетъ вѣченъ добрый трудъ надъ вѣчною рѣкою..." Впрочемъ, этого еще нѣтъ, и теперь— „все тѣ-же вы—и нивы, и народъ... и та-же все рѣка моя родная... замѣтилъ я новинку— пароходъ; но лишь на мигъ мелькнула жизнь живая... кипѣла ты зубчатымъ колесомъ... прорытая—дорога водяная, а берега дремали крѣпкимъ сномъ..." И несмотря на всю внѣшнюю культуру, несмотря на развитіе богатства городовъ и частныхъ лицъ, большинство населенія, именно русскій мужичекъ, „все ту-же пѣсню онъ поетъ... все ту-же лямку онъ несетъ... въ чертахъ усталаго лица все та-жъ покорность безъ конца"...

Намъ остается теперь перейти къ городамъ области, которые, за рѣдкими исключеніями, принадлежатъ къ древнѣйшимъ городамъ коренной, «кандовой» Руси и поэтому всѣ болѣе или менѣе носятъ на себѣ отпечатокъ старины. Къ сожалѣнію, и нынче-то наши постройки не отличаются особеннымъ разнообразіемъ, а въ старину онѣ были еще однообразнѣе. Къ тому-же раньше въ качествѣ строительнаго матеріала шло почти исключительно дерево, отчего строенія часто подвергались пожарамъ,—и физіономія городовъ постоянно мѣнялась. Такъ шло дѣло до тѣхъ поръ, пока города не стали обзаводиться каменными строеніями, т. е., приблизительно, за 3—3½ столѣтія до нашего времени. Поэтому-то у насъ такъ мало построекъ старше 300—350 лѣтъ,—да и эти остатки старины, въ силу особеннаго склада жизни нашихъ предковъ, очень однообразны: это— или церкви, или стѣны съ башнями и бойницами. Ни государственныхъ, ни частныхъ зданій, не говоря уже про пышные замки феодаловъ,—ничего этого не было у насъ, въ московской области. Оттого-то, при всей своей многочисленности, остатки нашей старины и поражаютъ такъ своимъ однообразіемъ. Собственно говоря, достаточно видѣть Москву,—этотъ типичный городъ области и всей коренной Руси,—чтобы по ея памятникамъ старины составить себѣ представленіе вообще о городахъ древней Руси. Что касается современной, культурной жизни нашихъ городовъ, то въ этомъ отношеніи они, начиная съ Москвы, отличаются еще большимъ однообразіемъ. Это—типичная провинція, съ ея мелкими страстиш-

ками, узкими интересами, съ ея сплетнями и пересудами, дремотная, косная, живущая только духомъ наживы до показного благочестія. Выражаясь фигурально, это—стоячее болото, съ его спокойною, не волнуемою ни малѣйшимъ вѣтеркомъ поверхностью. Жизнь, настоящая, «живая» жизнь, ключемъ бьющая въ каждомъ городишкѣ Западной Европы, еле тлѣетъ въ нашей провинціи. Это можно видѣть и въ нашемъ общественномъ самоуправленіи, которое находится далеко не въ блестящемъ,—чтобы не сказать хуже,—положеніи, и въ нашей провинціальной прессѣ, которая за весьма малыми исключеніями, состоитъ изъ «Епархіальныхъ» да «Губернскихъ» Вѣдомостей. Настоящія газеты есть только въ нѣкоторыхъ городахъ, да ихъ и не много. Въ виду всего этого придется очень мало говорить о городахъ нашей области, развѣ только—коснуться старины и ея памятниковъ,—а то достаточно описанія одной Москвы, какъ типичнаго города области. Съ нея мы и начнемъ наше описаніе.

Москва, этотъ «городъ чудный, городъ древній»,—по выраженію поэта,—«городъ храмовъ и палатъ, градъ срединный, градъ сердечный, коренной Россіи градъ»,—принадлежитъ къ однимъ изъ древнѣйшихъ городовъ нашей области.

На томъ мѣстѣ, гдѣ теперь раскинулись, на громадномъ пространствѣ 72 кв. верстъ, ея „палаты и дворцы", 700 лѣтъ тому назадъ, виднѣлись одни горки и холмы, съ ихъ косогорами, „черторыями" и „крутоярами" (рвами и оврагами); сверкали кристальныя воды „студенцовъ" (родниковъ); тянулись безъ конца-краю мшистыя болота да трясины, мѣстами прорѣзанныя глубокими рѣчками и озерами, шумѣлъ вѣковой, дремучій лѣсъ... Среди такой-то, довольно печальной, но раздольной природы, гдѣ ютилось нѣсколько жалкихъ деревушекъ новгородскаго боярина Кучки (теперь — Кучково Поле), извѣстный въ древней Руси строитель городовъ, сынъ Мономаха, Юрій Долгорукій, поставилъ (въ 1156 г.) на самомъ высокомъ, Боровицкомъ холмѣ „малъ древянъ градъ" и назвалъ его по-фински „Москвою", по главной рѣкѣ, съ которою сливались Яуза и Неглинная.

Однако, молодому городку пришлось не долго стоять: не успѣлъ онъ, какъ слѣдуетъ, обстроиться, какъ явились враги, не чужіе, а свой-же братъ (тогда и своихъ много было) и испепелили Москву. Собрали свои силы москвичи, заложили новые домики,—а тутъ опять пришла бѣда: на Русь нагрянули татары, съ Батыемъ во главѣ, и снова истребили городъ. Но и послѣ Батыева погрома Москва умѣла подняться: внукъ Александра Невскаго, князь Иванъ, по прозванью Калита (Кошель), поставилъ болѣе обширный „дубовый градъ" съ бойницами и воротами, чѣмъ и положилъ начало нынѣшнему Кремлю, вокругъ котораго раскинулся обширный посадъ. Внукъ этого Калиты знаменитый побѣдитель татаръ, Дмитрій Донской, выстроилъ уже „городъ каменъ", съ башнями, стрѣльницами и осадными стоками, откуда лили на осаждающихъ смолу и кипятокъ. Только и это не помогло: то литовцы, то татары нѣсколько разъ разрушали городъ. А тутъ еще присоединились пожары, отъ которыхъ городъ такъ страдалъ, что часто „ни единому древеси не остатися". Но созданіе Долгорукаго не даромъ называли впослѣдствіи третьимъ Римомъ: подобно Вѣчному городу, Москва, какъ фениксъ, возрождалась послѣ пожаровъ и еще лучше обстраивалась. Кремль все болѣе укрѣплялся „грозными" стѣнами съ бойницами, внутри его появились „фряжской" (иностранной) постройки церкви и „хоромы" знати съ „Верхомъ" (дворцомъ) во главѣ. А вокругъ Кремля росли новыя слободы: сначала онѣ образовали Китай-городъ, обнесенный кирпичною стѣною, отчего онъ назывался Краснымъ-городомъ; къ Китаю присоединился потомъ новый посадъ—Бѣлый-городъ, обнесенный бѣлокаменною стѣною съ дюжиной башенъ. Это-же и Царевъ-городъ, гдѣ жили царскіе служивые люди. Наконецъ, уже при Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, кругомъ Бѣлаго-города выросъ Земляной, названный отъ землянаго вала, обходившаго его кругомъ.

Такъ, мало-по-малу, образовался одинъ изъ обширнѣйшихъ городовъ міра. Издали онъ казался изящнымъ и „бѣлокаменнымъ", благодаря высокимъ бѣлымъ стѣнамъ, церквамъ, утопавшимъ въ зелени, подгороднымъ монастырямъ и дачамъ. Но внутри это было частью большое село, частью азіатскій караванъ-сарай, живописный, но безпорядоч-

ный и убогій. Не даромъ Олеарій говорилъ, что издали это — великолѣпный Іерусалимъ, а близи — убогій Виѳлеемъ.

„Москва славилась богатствомъ, но это была лишь горсть толстосумовъ, переведенцевъ; прочій-же обывательскій родъ лишь кое-какъ перебивался однимъ хлѣбомъ. Дома были раздѣлены между собою большими пустырями, огородами и садами. „Сорокъ сороковъ“ церквей, которыми москвичи хвастались не меньше, чѣмъ Иваномъ Великимъ, Царь-колоколомъ, Царь-пушкой, были крохотными „церквицами“, часовнями и крестовыми въ домахъ. При церквахъ и монастыряхъ были не огороженныя кладбища, гдѣ трупы зарывались такъ, что торчали при дождѣ. Узкія улицы перепутывались въ безпорядкѣ: и теперь сохранились кривые и тупые переулки. Грязь на нихъ стояла невылазная: мѣстами протягивались мостики, чтобы не утонуть въ ней; даже женщины ходили въ огромныхъ сапожищахъ. Мостовыя попадались рѣдко; и это были набросанныя, несвязанныя между собою круглыя бревна. На ночь—по концамъ улицъ устраивались изъ такихъ-же брусьевъ рѣшетки и рогатки, въ предупрежденіе разбоевъ и пожаровъ, которые случались чуть не каждую недѣлю и иногда истребляли разомъ полгорода. А стрѣльцы, караульщики и „огневщики“, обязанные никого не пропускать безъ фонарей, сами были бичами населенія: отъ нихъ такъ-же, какъ и отъ воровъ, проходу не было: они грабили, били, безъ дѣла таскали народъ въ тюрьму. Имъ помогали голодные и оборванные холопы, которыхъ бояре сотнями держали при себѣ, почти ничего не тратя на нихъ“ (Трачевскій).

Такова была внѣшность Москвы, по словамъ историка, въ теченіе XVI—XVII вв. Здѣсь было два главныхъ узла народной жизни. Первый — это Ивановская площадь въ Кремлѣ. Маленькая, неправильная, грязная, она была всегда биткомъ набита народомъ, среди котораго были и чиновники „съ Верху“ или служилые люди, были и холопы, и „черный“ народъ, затѣмъ — торгаши, ремесленники. Кто изъ нихъ болталъ про новости, кто толокся около „площадныхъ подъячихъ“, чтобы написать челобитную или купчую. Порою тутъ-же раздавался жалобный крикъ какого-нибудь доморощеннаго адвоката (подъячаго), котораго „драли нещадно“, чтобы отучить отъ кляузъ. Порою слышался зычный голосъ тучнаго дьяка, громогласно, „во всю ивановскую“ читавшаго царскіе указы. А надъ всѣмъ этимъ шумомъ царило гудѣнье „большого благовѣстника“ съ „Ивана Великаго“. Вокругъ площади стояли Приказы, приговоры которыхъ „вершились“ неподалеку; — за Спасскими-же воротами, по рву, отдѣлявшемъ Кремль отъ Китай-города, валялись, на съѣденіе собакамъ, обезглавленные трупы, торчали головы на „рожнахъ“, висѣли прибитыя къ столбамъ руки, — работа палачей, которые жили отдѣльной слободой. Тамъ стояло 15 церквей „на крови и костяхъ“ да „у головъ“.

Другимъ узломъ, еще болѣе оживленнымъ, была Красная площадь, въ Китай-городѣ. Здѣсь съ утра до вечера толпится народъ около безчисленныхъ шалашей, лавочекъ и будочекъ или „кружалъ“ (кабаковъ). Здѣсь было средоточіе всевозможныхъ торговъ и промысловъ, — здѣсь-то, — говоритъ историкъ,—бросалось въ глаза все убожество столицы Руси. Всюду нищіе, юродивые, леженки, калѣки, которые тянутъ своего заунывнаго Лазаря и Алексѣя — Божія человѣка. Подлѣ нихъ пищать голодные „богданы“ — подкидыши, вывезенные сюда „божедомами“, или сторожами „убогихъ домовъ“, которые хоронили сиротъ и кормили мірскимъ подаяніемъ „зазорныхъ дѣтей“, пока кто-нибудь не возьметъ ихъ. А вотъ тюремщикъ проситъ на погребеніе запытаннаго тюремнаго сидѣльца, трупъ котораго лежитъ тутъ-же, еле прикрытый, разлагающійся. Его товарищи водятъ голодныхъ и почти нагихъ колодниковъ, съ кляпами во рту: несчастные мычатъ, протягивая руки за милостыней. Показался иностранецъ, — и толпа гогочетъ, указывая на него пальцами, съ крикомъ: „шишь, экая фра“ (фрязинъ—иностранецъ)! Но хохотъ смѣняется визгами и проклятіями: ѣдутъ бояре изъ Кремля. Ихъ аргамаки давятъ народъ, ихъ холопы бьютъ его „батожьемъ“. Вдругъ крикъ „языковъ ведутъ“!— и площадь мгновенно пустѣетъ. Языки—колодники, лица которыхъ закрыты грязными суконными тряпками съ прорѣзами для глазъ: ихъ выводили въ кандалахъ, чтобы они указывали соумышленниковъ. Закричитъ языкъ: „слово и дѣло“! указывая на перваго встрѣчнаго, — и невиннаго прохожаго сейчасъ хватаютъ въ застѣнокъ“... И долго пугливо озираются москвичи, готовые при первомъ подозрительномъ крикѣ бѣжать „какъ отъ рати царевой крамольники“, только-бы не попасться на глаза „языковъ“. Но вотъ несчастныхъ уводятъ, — и площадь мало-по-малу опять наполняется народомъ.

Особенно тѣсно и людно у Лобнаго мѣста, гдѣ москвичъ всегда находитъ любезное его огрубѣлому сердцу зрѣлище: то вздергиваютъ кого на висѣлицу, то рубятъ голову на плахѣ, то просто полосуютъ спины батожьемъ или кнутомъ.

И сколько крови видѣло на своемъ вѣку Лобное мѣсто, крови не татарской, не литовской, не польской, а своей-же русской! Одно полувѣковое царствованіе многогрѣшнаго грознаго царя (Ивана IV) дало ея цѣ-

лыя рѣки. А затѣмъ наступила кровавая „розруха“ (смутное время), когда вся Москва захлебывалась кровью; да и потомъ долгое время „заплечнымъ мастерамъ“ было не мало работы на Лобномъ мѣстѣ.

Наконецъ, эта кровь, обильно лившаяся по всему Московскому государству, надломила силы могучаго народа; народъ обезличился, народная жизнь приняла новую форму — рабство. Вмѣстѣ съ нимъ ослабѣла и Москва. Крававое время Московскаго періода, завершившееся гибельною „розрухою“, когда столица Руси пала къ ногамъ польскаго короля Сигизмунда, грозило окончательною гибелью всему... „Нужно было создать что-нибудь свѣжее, спасительное, нужна была свѣжая княжеская кровь, такъ какъ старая— Рюриковичи—выродилась, нужно было, чтобы явилась исключительная личность; нужно бросить Москву и выбрать новый пунктъ. Новою вѣтвью явились Романовы, исключительною личностью—Петръ, а новымъ пунктомъ—Петербургъ. Москва пыталась не пустить къ себѣ Петра; была даже попытка убить его. Изувѣченный русскій народъ погрузился въ глубокій не то сонъ, не то горячечный бредъ, и когда великій „Алексѣичъ“ пытался разбудить его своею дубинкою, гигантъ-народъ въ полупросоньи и бреду не узнавалъ своего спасителя и не вѣрилъ ему: у этого гиганта, казалось, было отнято все. На дѣлѣ-же оставалось нѣчто неотнятое, и чудилось ему, что и это неотнятое уходитъ отъ него. Онъ содрогнулся; на лицѣ его изобразился ужасъ и отчаяніе, когда затронули даже и это неотнятое—его внутренній міръ, міръ совѣсти; ему казалось, посягаютъ на Евангеліе. Понятно, почему онъ не узналъ въ Петрѣ милый ему образъ славныхъ Мономаховичей; онъ страдалъ страшной болью и былъ не въ силахъ въ своемъ бреду провидѣть намѣренія Преобразователя; онъ испугался его, и въ отвѣтъ на его начинанія изъ груди больного раздался раздирающій вопль отчаянія: „Антихристъ“! (Рагозинъ).

Но не Великаго Петра было смутить этимъ. Поставивъ цѣлью своей жизни благо народа, не щадя своихъ силъ, онъ только распалялся гнѣвомъ на протестъ старины,— и полетѣли на Лобномъ мѣстѣ головы недовольныхъ. „Ой, бородачи, многому корень злу старцы и попы, — гнѣвно кричалъ онъ на москвичей.—будемъ къ вамъ такъ, какъ вы не чаете“! И по Москвѣ въ послѣдній разъ полились кровавые ручьи, напоминавшіе времена Грознаго.

Это было послѣдней вспышкой со стороны „старушки-столицы“. Съ тѣхъ поръ, какъ жизнь обогнала ее, она уже потеряла значеніе средоточія Россіи, погрузилась въ спячку и рѣдко-рѣдко заявляла о своемъ существованіи, поднимаясь иногда въ защиту все той-же излюбленной старины (Чумный бунтъ въ Москвѣ и волненія, причиненныя Пугачевымъ). Напротивъ, всѣ „новшества“ не нравились ей, — и даже въ блестящую эпоху Великихъ Реформъ, когда вся Россія встала, какъ одинъ человѣкъ, Москва дремала, туго откликалась на зовъ Державнаго Преобразователя (Разумѣемъ равнодушіе, чтобы не сказать враждебность, ея „передоваго“ сословія къ реформѣ освобожденія крестьянъ).

Спитъ и теперь семисотлѣтняя „старица“, во всемъ уступая дорогу своему молодому, чванному, холодному и чиновничьему, но зато болѣе жизненному брату — Петербургу. Правда, и ей оказывается извѣстный почетъ, въ извѣстныя времена ей отводятъ первое мѣсто (коронація государей), — но это — почетъ пожившему и даже отжившему свой вѣкъ старику. Волны жизни, кипучія и бурныя, обходятъ Москву. Что изъ того, что и у ней явились университеты и ученыя общества, что будто-бы и она служитъ центромъ умственной жизни Россіи?! Это — все самообманъ. Такихъ центровъ, какъ Москва, въ Россіи—десятки,—и, какъ всѣ они, Москва также скучна и безжизненна. Можно выразиться, что она теперь перевариваетъ старое, живетъ воспоминаніями о прошломъ. Вотъ почему, кто пріѣзжаетъ въ Москву, у того невольно возникаетъ представленіе о ней, какъ о громадной деревнѣ, какова она и есть на самомъ дѣлѣ, и каково большинство россійскихъ городовъ. О деревнѣ говоритъ не только самый видъ ея улицъ, кривыхъ, грязныхъ, обстроенныхъ низенькими, невзрачными домами, но и видъ самихъ москвичей. Общій типъ москвича — добродушный, недалекій, но „себѣ на умѣ“, погруженный въ самыя мелочныя заботы. Даже общероссійская страсть—честолюбіе, вѣрнѣе, чинолюбіе, не заразила флегматичной натуры москвича: онъ болѣе довѣряетъ „капиталамъ покойныхъ родителевъ“. Поэтому, москвича трудно расшевелить, трудно подвинуть на что-нибудь новое и рискованное. Подобно своимъ предкамъ, и современный москвичъ—ловкій торгашъ, но торгашъ мелкій, больше слѣдующій пословицѣ „не обманешь — не продашь“, чѣмъ понимающій настоящую торговлю. Если мы прибавимъ еще, что москвичъ по прежнему большой любитель кулачной расправы (даже интеллигентъ), что онъ такъ-же, какъ и его предки, раболѣпенъ предъ высшими, заносчивъ съ низшими и обидчивъ съ равными, — то у насъ будетъ полная характеристика современнаго гражданина Бѣлокаменной. За всю свою семисотлѣтнюю жизнь москвичъ нисколько не перемѣнился, и это даетъ намъ право назвать его городъ городомъ мертвыхъ русскимъ некрополемъ.

Едва вступаешь въ Москву, едва попадаешь въ эти кривыя, тѣсныя, перекрещивающіяся улицы, какъ на тебя пахнетъ глубокою стариною, чѣмъ-то древнимъ, отжившимъ. Самыя названія улицъ, эти Козихи, Моховая, Пески, Остоженка, Лужники, едва-ли гдѣ встрѣчаются въ новыхъ городахъ. Другія московскія имена говорятъ о различныхъ занятіяхъ жившихъ когда-то здѣсь работниковъ (Кузнецы,—теперь Кузнецкій мостъ,—Мясники, Огородники, Сыромятники, Старые Воротники и др.); иныя—о царскомъ „чинѣ",—Хлѣбный, Столовый и Скатертный переулки, Поварская, Садовая, Хамовники (швед. ham,—бѣлье) и пр. Наконецъ, нѣкоторыя улицы своими названіями разсказываютъ, изъ какихъ выходцевъ образовался москвичъ—Варварка и Лубянка (улицы въ Новгородѣ), Тверская, Хлыновскій пер., Грузины, Панскій рядъ (отъ поляковъ), Ордынка, Арбатъ, Толмачи, Таганка, Басманная (отъ татаръ) и т. д. Словомъ, только перебирая названія, встрѣчающіяся въ Москвѣ, можно представить себѣ всю исторію этого древняго города.

Еще болѣе говорятъ о древности московскія церкви. Во главѣ ихъ стоитъ „первопрестольное святило" Руси, Успенскій соборъ, гдѣ издавна помазуются на царство наши цари и поставляются іерархи. Построенный (въ 1480 г.) знаменитымъ зодчимъ Фіоравенти, прозваннымъ Аристотелемъ, этотъ первый московскій соборъ и теперь еще поражаетъ своимъ величіемъ и красотою, современникамъ же Аристотеля онъ казался „зѣло чюденъ и красенъ". Здѣсь уцѣлѣли богатая ризница и казнохранилище, гдѣ, за шкафами, недавно открыта дверь въ тайникъ, съ западней подъ поломъ, куда прятали въ старину опальныхъ и преступниковъ, а потомъ—сокровища. Въ соборѣ хранятся теперь: яшмовая чаша для помазанія государей, присланная Владиміру Мономаху изъ Византіи, Владимірская икона Божіей Матери, принесенная изъ Царьграда въ Кіевъ около 1131 г., и въ 1395 г.—въ Москву, мощи перваго московскаго митрополита Петра и знаменитаго мученика-митрополита Филиппа, „печальника Руси" предъ Грознымъ царемъ. Здѣсь же находятся гробницы всероссійскихъ патріарховъ.

Красная площадь въ Москвѣ.

Не менѣе древенъ и Архангельскій соборъ, построенный въ 1509 г., въ томъ же старомъ стилѣ, смѣси древне-русскаго (суздальскаго) съ итальянскимъ. Это усыпальница русскихъ государей, начиная съ Калиты и кончая Ѳеодоромъ Алексѣевичемъ; здѣсь находятся устроенныя еще Михаиломъ Ѳеодоровичемъ 47 каменныхъ гробницъ, на которыя всякій могъ положить челобитную, доходившую до рукъ царя. Прекрасный, тро-

гательный обычай, теперь, къ сожалѣнію, давно уже вышедшій изъ практики!! Въ Архангельскомъ соборѣ находятся мощи: св. Димитрія Царевича, св. князей-мучениковъ Михаила и Ѳеодора Черниговскихъ.

Въ томъ же стилѣ, наконецъ, „Иванъ Великій". Это—собственно говоря,—огромная „звонница" (колокольня), построенная царемъ Борисомъ въ видѣ огромнаго столба, въ 47 саж. высоты, на мѣстѣ церкви Ивана, построенной Калитою. Громоздкая постройка была затѣяна въ видѣ общественныхъ работъ, въ помощь народу во время голода, „чтобы людямъ питатися" (1604 г.). Для этой грандіозной колокольни былъ отлитъ „большой благовѣстникъ" (въ 1,000 пуд.), который раскачивали 24 человѣка, а въ 1737 г. былъ отлитъ „Царь-колоколъ" въ 12,000 пуд., но онъ вскорѣ упалъ, при пожарѣ, и теперь стоитъ надъ ямой, съ отбитымъ краемъ.

Недалеко отсюда и знаменитая „Царь-пушка", отлитая при царѣ Ѳеодорѣ I.

Своеобразное мѣсто среди московскихъ святынь занимаетъ церковь Василія Блаженнаго, которая, по преданію, такъ восхитила Грознаго, что онъ ослѣпилъ архитектора, строившаго ее, чтобы тотъ не могъ создать гдѣ-нибудь другую же такую прелесть. Это—что-то волшебное по пестротѣ красокъ, безконечному разнообразію украшеній и смѣшенію разныхъ стилей. Снаружи Василій Блаженный производитъ впечатлѣніе какого-то пестраго клубка, составленнаго изъ маковицъ, шатровъ, переходовъ, дверей, арокъ, карнизовъ, столбовъ,—и все это расписано яркими красками, съ рѣзкими переходами, осыпано звѣздочками, стрѣлочками и т. п. Внутри, какъ и во всѣхъ старинныхъ церквахъ, довольно темно и низко. Василій Блаженный—собственно соединеніе цѣлыхъ 11 церквей, въ старину же ихъ было еще больше—24.

Если мы прибавимъ сюда еще Благовѣщенскій соборъ, основанный въ 1397 г. при великомъ князѣ Василіи Димитріевичѣ, то этимъ и будутъ исчерпаны главныя древнія достопримѣчательности Москвы. Нѣкоторые причисляютъ къ древнимъ достопримѣчательностямъ Москвы и Кремлевскій дворецъ, но это совершенно невѣрно: о древнемъ жилищѣ царей мы имѣемъ смутное понятіе, такъ какъ оно постоянно передѣлывалось. Изъ всѣхъ древнихъ дворцовыхъ зданій уцѣлѣла лишь Грановитая палата, замѣчательная по роскошной внутренней отдѣлкѣ, но и она еще при императорѣ Николаѣ I была заново передѣлана.

Изъ позднѣйшихъ построекъ „первопрестольной" столицы стоитъ обратить вниманіе на храмъ Христа Спасителя и Новые Ряды (Гостиный дворъ). Храмъ Христа былъ задуманъ еще при Александрѣ I, въ память избавленія Россіи „отъ нашествія иноплеменныхъ" въ 1812 г., но оконченъ былъ лишь въ прошлое царствованіе. Снаружи это довольно скромное зданіе, поражающее развѣ только своими размѣрами, но внутри—посѣтителя невольно охватываетъ чувство восторга и наслажденія: ширь и просторъ храма, обиліе свѣта, рѣзко бросающееся въ глаза въ сравненіи съ древними и даже многими новыми церквами Россіи, богатая отдѣлка (мраморъ и золото), наконецъ, чудныя картины, принадлежащія кисти лучшихъ отечественныхъ мастеровъ,—все это ставитъ храмъ Спасителя въ ряду самыхъ замѣчательныхъ сооруженій въ Россіи. Просторъ и обиліе этого храма прямо дисгармонируютъ и съ общимъ видомъ Москвы, и типомъ ея старыхъ зданій: подобной церкви приличнѣе бы быть гдѣ-нибудь въ новомъ городѣ, напр., Петербургѣ, Одессѣ, а никакъ не въ стѣнахъ „старушки-Москвы".

Также рѣзко выдѣляются на общемъ фонѣ невзрачныхъ старинныхъ построекъ и „Новые Ряды", недавно отстроенный Московскій Гостиный дворъ. Это—огромное, трехъэтажное зданіе, свѣтлое, просторное, гдѣ помѣщаются до тысячи магазиновъ, къ сожалѣнію, на половину пустыхъ. Вечеромъ, когда Ряды зальются потоками электрическаго свѣта, отражающагося безчисленными огоньками въ зеркальныхъ стеклахъ магазиновъ, а обыкновенно тихіе проходы наполнятся разряженною, веселою толпою,—получается волшебная картина, и, кажется, что стоишь гдѣ-нибудь въ Парижѣ, Вѣнѣ.

Наконецъ, нужно еще упомянуть о недавно открытомъ памятникѣ императору Александру II. Бронзовая статуя императора $3^1/_4$ саж. вышины, работы Опекушина, помѣщена надъ стѣною, окруженной крытой галлереей.

Изъ дальнѣйшихъ достопримѣчательностей „первопрестольной" столицы укажемъ на слѣд.: Румянцевскій музей съ библіотекой, заключающей до 700 тыс. томовъ; кромѣ того, въ этомъ музеѣ обращаютъ на себя вниманіе—этнографическія коллекціи (напр., національные костюмы подвластныхъ Россіи народовъ), коллекціи славянскихъ древностей, собраніе статуй, картинъ и пр.; Художественно-промышленный музей съ богатыми коллекціями по русской архитектурѣ, живописи, орнаментикѣ и пр.; Политехническій музей, заключающій богатыя техническія коллекціи, оставшіяся большею частью послѣ выставки 1872 г.,—и Третьяковская галлерея,—лучшее во всей Россіи собраніе произведеній русскихъ художниковъ (до 1,500 картинъ). Галлерея собрана недавно умершими братьями Третьяковыми и подарена ими городу въ 1893 г.

Москва—самый крупный центръ населенія не только своей губерніи, но и всей области: въ ней, считая предмѣстья, до 1 милл. жителей. Другіе города Московской губерніи: Богородскъ (11 тыс. ж.), Бронницы—4 тыс., Верея—3,7 т., Волоколамскъ—2,8, Дмитровъ — 4,5, Звенигородъ — 2,1, Воскресенскъ — 2,3, Клинъ—5, Коломна—20, Можайскъ—4,8, Подольскъ—3,8, Руза—2,5, Серпуховъ—24 тыс. Большею частью, все это—бывшіе «стольные» города удѣльныхъ княжествъ, присоединенныхъ впослѣдствіи къ Москвѣ и потому довольно древніе, съ многочисленными памятниками старины (главнымъ образомъ церквями).

Клинъ, городъ съ незначительно развитою промышленностью, упоминается въ лѣтописяхъ еще подъ 1234 г. Онъ былъ отданъ Іоанномъ Грознымъ въ вотчину Романовымъ. Историческіе памятники здѣсь совершенно исчезли.—Городъ Дмитровъ, основанный въ 1155 г. Юріемъ Долгорукимъ и принимавшій нѣкогда горячее участіе въ усобицахъ князей, терпѣлъ цѣлый рядъ раззореній. Теперь это—незначительный городокъ. Послѣдній князь его—Юрій Васильевичъ, сынъ Василія Темнаго, умеръ въ 1472 г.—Богородскъ, на р. Клязьмѣ, переименованный изъ с. Рогожи въ 1781 г., считается однимъ изъ важнѣйшихъ промышленныхъ центровъ Московской области по обилію фабрикъ и заводовъ.—Подольскъ, Бронницы, Руза, сильныя крѣпости въ XVII в., Верея, бывшая когда-то самостоятельнымъ княжествомъ, а также Можайскъ, составлявшій опору русскихъ въ войнѣ съ Польшей, въ 1618 г, не отличаются ни торговлей, ни промышленностью; два послѣднихъ города—довольно древніе (существовали еще въ началѣ XIII ст.).—Ничѣмъ не выдается теперь и Звенигородскъ, основанный въ 1152 г. тѣмъ же Юріемъ Долгорукимъ, а также Волоколамскъ (осн. въ 1138 г.),—древніе города, игравшіе большую роль въ усобицахъ князей.—Серпуховъ, извѣстный въ исторіи какъ одинъ изъ главныхъ оплотовъ Россіи въ борьбѣ съ татарами, и Коломна, городъ, съ 1177 г. почти безпрерывно упоминаемый въ нашихъ лѣтописяхъ—теперь самыя значительныя поселенія въ губерніи и крупные промышленные центры.

Остатками старины въ области служатъ также многочисленные монастыри, между которыми на первомъ мѣстѣ слѣдуетъ поставить Троице-Сергіевскую Лавру, основанную въ 1340 г. Преподобнымъ Сергіемъ Радонежскимъ и сослужившую величайшую службу русскому народу въ годину смуты и междуцарствія.

Въ Тверской губерніи, когда-то составлявшей великое княжество, имѣвшее свои удѣлы и долго боровшееся съ Москвою, наиболѣе значительны слѣд. города: Тверь (53 тыс. ж.), Бѣжецкъ (9 т.), Весьегонскъ (3 т.), Красный Холмъ (2,5 т.), Вышній Волочекъ (16,7 тыс.), Зубцовъ (2,9 т.), Калязинъ (5,5 т.), Кашинъ (7,4 т.), Корчева (2,3 т.), Торжокъ (12,7 т.), Осташковъ (10 т.), Ржевъ (21 т.) и Старица (5,3 т.).

Г. Тверь, расположенный у преддверія Волги, представляетъ собою довольно красивый, чистый и хорошо распланированный городъ, основанъ онъ въ 1181 г. и до 1484 г., когда былъ покоренъ Іоанномъ III, представлялъ столицу княжества. Подобно другимъ древне-русскимъ городамъ, Тверь часто подвергалась нашествіямъ враговъ, а также испытывала жестокіе пожары, отчего здѣсь почти исчезли всѣ старыя постройки. Значеніе ея стало возрастать съ устройствомъ вышневолоцкой соединительной системы, и теперь это—крупный промышленный центръ всей Россіи. Изъ достопримѣчательностей города самое интересное—его музей, собранный трудами А. К. Жизневскаго и, пожалуй, самый замѣчательный изъ учрежденій этого рода во всей Россіи. Устроенный въ 1866 г., онъ обладаетъ теперь коллекціями въ нѣсколько тысячъ предметовъ. Самый важный и разнообразный отдѣлъ музея—археологическій, описанный въ роскошномъ изданіи, трудѣ того же Жизневскаго. Здѣсь мы видимъ остатки каменнаго вѣка, памятники и надгробные кресты, каменные гробы, иконы, кресты, домашнюю утварь, орнаменты, планы, одежду и пр. Интересны образцы народныхъ одеждъ XVII и XVIII вв. Далѣе, бросается

въ глаза тульская пищаль 1788 г., длиною въ сажень; затѣмъ портретъ самоучекъ—Волоскова, химика и механика, и Сердюкова, строителя шлюзовъ и вышневолоцкаго водохранилища. Тутъ же, въ музеѣ, и стѣнные часы Волоскова, показывающіе часы, минуты, дни, недѣли, числа мѣсяца, мѣсяцы, годы, фазы луны. На часахъ надпись: „луна по небе летитъ—земной шаръ свититъ“. Сдѣланы часы въ половинѣ прошлаго столѣтія, но и до сихъ поръ ходятъ исправно. Вслѣдъ за ними Волосковъ сдѣлалъ астрономическіе часы, представляющіе цѣлую картину неба; надъ ними онъ трудился 11 лѣтъ; часы эти—теперь въ Ржевѣ.

Кромѣ музея, стоитъ посмотрѣть въ Твери и церкви, среди которыхъ, впрочемъ, особенно древнихъ нѣтъ. Въ соборѣ, построенномъ въ 1689 г., лежатъ мощи князя Михаила Тверскаго, замученнаго въ Ордѣ въ 1319 г. На другой сторонѣ рѣки, за Тверью, расположенъ Отрочъ-монастырь, построенный еще въ началѣ XIII в. и получившій печальную извѣстность въ исторіи, какъ мѣсто кончины Митрополита Филиппа, обличавшаго Іоанна Грознаго и за это задушеннаго здѣсь, по приказанію царя, Малютой Скуратовымъ.

Какъ промышленный центръ, Тверь имѣетъ нѣсколько фабрикъ; изъ нихъ укажемъ на Морозовскую мануфактуру, гдѣ устроены многочисленныя вспомогательныя учрежденія для улучшенія быта рабочихъ, какъ-то: съѣстныя лавки, больницы, школы и пр., содержимыя въ образцовомъ порядкѣ, что не такъ-то часто встрѣтишь у насъ, въ Россіи, на фабрикахъ.

Изъ другихъ городовъ Тверской губ. важное промышленное значеніе имѣютъ Ржевъ, старинный городъ, существовавшій еще въ въ XII ст., и болѣе молодые—Вышній Волочекъ и Бѣжецкъ. Значеніе Ржева прежде обусловливалось его положеніемъ на водномъ пути изъ Кіева въ Новгородъ (оз. Ильмень, р. Пола, р. Явонь. оз. Селигеръ, Волга, Вазуза и волокъ на верховья Днѣпра); въ настоящее же время благосостояніе города поддерживается р. Волгой, на которой отъ Ржева именно и начинается судоходство, и многочисленными фабриками, гл. обр. по обработкѣ пеньки. Вышній Волочекъ развивался также благодаря своему выгодному положенію въ центрѣ Вышневолоцкой системы, но теперь, когда эта система почти заброшена, городъ имѣетъ только промышленное значеніе (бумагопрядильныя фабрики). Г. Бѣжецкъ является однимъ изъ главныхъ пунктовъ губерніи, стягивающимъ грузы овса, льна и масла. Нѣкоторое торговое и промышленное значеніе имѣетъ и Торжокъ, имѣющій за собою 9-ти вѣковую давность. Какъ важнѣйшій торговый центръ на пути изъ Новгорода въ Суздальскую землю, онъ постоянно былъ предметомъ спора между новгородцами и суздальцами и весьма часто подвергался разгрому, такъ что вся исторія его за 4 вѣка (XII—XV) представляетъ скорбный листъ претерпѣваемыхъ имъ бѣдствій и разнореній. Нѣсколько разъ несчастные жители этого многострадальнаго города были совершенно истребляемы своими безчеловѣчными, хотя и единоплеменными врагами. Лѣтописи сохранили намъ память объ одномъ изъ такихъ погромовъ, учиненныхъ княземъ Михаиломъ Александровичемъ Тверскимъ въ 1372 г.

Владѣвшіе тогда городомъ Новгородцы вышли на смертный бой съ тверичами, но были на голову разбиты и „пали костью за Св. Спаса“,—соборъ въ Торжкѣ,—„и обиду новгородскую“. Объятые паникой жители бросились тогда въ „дѣтинецъ“ (крѣпость), стараясь спастись отъ разъяренныхъ враговъ. Но послѣдніе зажгли посады; пожаръ распространился и на крѣпость. Многіе жители задохлись въ дыму. Другіе, съ женами и дѣтьми, бросались прямо въ руки тверичей, которые обдирали всѣхъ до нага, не исключая и монахинь. Женщины и дѣвушки, видя себя раздѣтыми, отъ стыда бросались тогда въ рѣку Тверцу и тамъ погибали. „Кто изъ оставшихся въ живыхъ,—говоритъ лѣтописецъ,—не поплачетъ, видя, сколько людей приняли горькую смерть, святыя церкви пожжены, городъ весь пустъ? И отъ поганыхъ не бываетъ такого зла!“ *). Такъ расправлялись со своими недругами въ доброе старое время! Теперь Торжокъ, утративъ слѣды своего славнаго прошлаго, превратился въ простой хлѣбный рынокъ.

Остальные уѣздные города Тверской губ. представляютъ весьма мало интереснаго, а промышленное ихъ значеніе ничтожно. Только Осташковъ извѣстенъ своимъ кожевеннымъ производствомъ (бѣлые сапоги—„осташи“). Впрочемъ, нужно еще сказать нѣсколько словъ о Кашинѣ. Этотъ городъ, получившій въ 50-тыхъ и 60-тыхъ годахъ громкую извѣстность производствомъ своихъ „собственныхъ“ винъ, которыя выдѣлывались здѣсь всѣхъ сортовъ и букетовъ отечественными винодѣлами, можетъ, со временемъ, пріобрѣсти значеніе лѣчебнаго курорта, такъ какъ здѣсь находится хорошій минеральный источникъ сѣрнисто-желѣзистыхъ водъ, пользованіе которымъ даетъ очень хорошіе результаты для больныхъ анеміей, катарромъ желудка, ревматизмомъ и другими подобнаго рода болѣзнями.

*) Россія. В. Семенова. Стр. 236.

Въ Ярославской губерніи, одной изъ самыхъ промышленныхъ и передовыхъ въ нашей области, находится нѣсколько населенныхъ пунктовъ, бойкихъ и оживленныхъ центровъ. Среди нихъ на первомъ мѣстѣ нужно поставить столицу Верхняго Поволжья, красивый и цвѣтущій Ярославль (70 тыс. жит.).

Ярославль расположенъ на правомъ, возвышенномъ берегу Волги, при впаденіи въ нее р. Которосли, стока Ростовскаго озера, и основанъ, по преданію, еще въ XII в. Ярославомъ Мудрымъ, на мѣстѣ, гдѣ ему удалось убить медвѣдицу, отъ которой и получилъ свое названіе пересѣкающій городъ глубокій оврагъ. Подобно другимъ стариннымъ городамъ Руси, онъ долго былъ столицей самостоятельнаго княжества, и нѣкоторые князья его получили почетную извѣстность, напр.—Василій, Константинъ, Ѳеодоръ и др., мощи которыхъ находятся въ ярославскихъ церквахъ. Послѣдній князь ярославскій умеръ въ 1471, и княжество отошло къ Москвѣ. Въ смутное время Ярославль игралъ большую роль, какъ опорный пунктъ для ополченій Пожарскаго, стекавшихся для освобожденія Москвы отъ поляковъ. Украшеніемъ города служатъ его многочисленныя (до 75) церкви, поражающія красотой и богатствомъ убранства, а нѣкоторыя—драгоцѣнными древними фресками. Кромѣ того, Ярославль замѣчателенъ, какъ родина русскаго театра, основаннаго здѣсь купеческимъ сыномъ Волковымъ въ 1750 г. и родина первой русской провинціальной газеты — «Уединеннаго Пошехонца» (1785 г.). Наконецъ, это единственный городъ на Верхней Волгѣ, гдѣ есть высшее учебное заведеніе—Демидовскій юридическій лицей (осн. Демидовымъ въ 1803 г.). Положеніе Ярославля на Волгѣ и соединеніе его желѣзнодорожными путями съ Москвой, Рыбинскомъ, Костромой и Архангельскомъ даетъ предпріимчивому и смѣтливому ярославскому купечеству, многіе представители котораго—прямые потомки переселенныхъ сюда изъ Новгорода послѣ разгрома Іоанна III новгородскихъ купцовъ,—широкій просторъ для его торговыхъ оборотовъ. Послѣдніе касаются, главнымъ образомъ, хлѣбной, льняной, лѣсной и москательной торговли. Торговому значенію Ярославля не уступаетъ и его промысловое развитіе: здѣсь много фабрикъ, главнымъ образомъ, бумаго- и льно-прядильныхъ.

Изъ уѣздныхъ городовъ Ярославской губерніи самый важный—Рыбинскъ, расположенный немного ниже устья Шексны (25 тыс. жит.). Подъ именемъ „Рыбной Слободы“ онъ былъ издавна (съ XII в.) извѣстенъ своими рыбными ловлями; но не рыба, а торговля хлѣбомъ создала ему важное положеніе среди всѣхъ волжскихъ городовъ. Это—и до сихъ поръ главный пунктъ хлѣбной торговли во всемъ Поволжьи; хлѣба покупается здѣсь десятки милліоновъ пудовъ ежегодно.

Но самый замѣчательный городъ Ярославской губ.—Ростовъ, древнѣйшій городъ во всей области, когда-то „Великій“, „Стольный“ градъ сильнаго княжества, подобно Новгороду, „городъ силы дикой, городъ буйныхъ силъ“ вѣча, которое здѣсь получило полное развитіе, почти какъ въ самомъ Новгородѣ. Однако, несмотря на свое могущество, и этотъ городъ долженъ былъ впослѣдствіи преклониться предъ Москвой, и со второй половины XIV в. вѣче его было уничтожено, а князья должны были превратиться въ служилыхъ людей московскихъ государей. Остаткомъ былого величія Ростова служатъ теперь кремль и нѣсколько старинныхъ церквей, въ ризницахъ которыхъ хранятся любопытные предметы изъ древняго обихода ростовцевъ. Нынѣ Ростовъ (13 тыс. жит.) послѣ Ярославля и Рыбинска—наиболѣе промышленный городъ губерніи (главнымъ образомъ извѣстны его льнопрядильныя мануфактуры); недавно Ростовъ получилъ крупное наслѣдство, въ 17 милл., отъ купца Ке-

кина. Какъ распорядится городъ имъ,—еще неизвѣстно. Ростовъ расположенъ на озерѣ Неро (или Ростовскомъ), довольно мелководномъ и небольшомъ (12×7 верстъ), окруженномъ низменными, поросшими болотными травами, берегами.

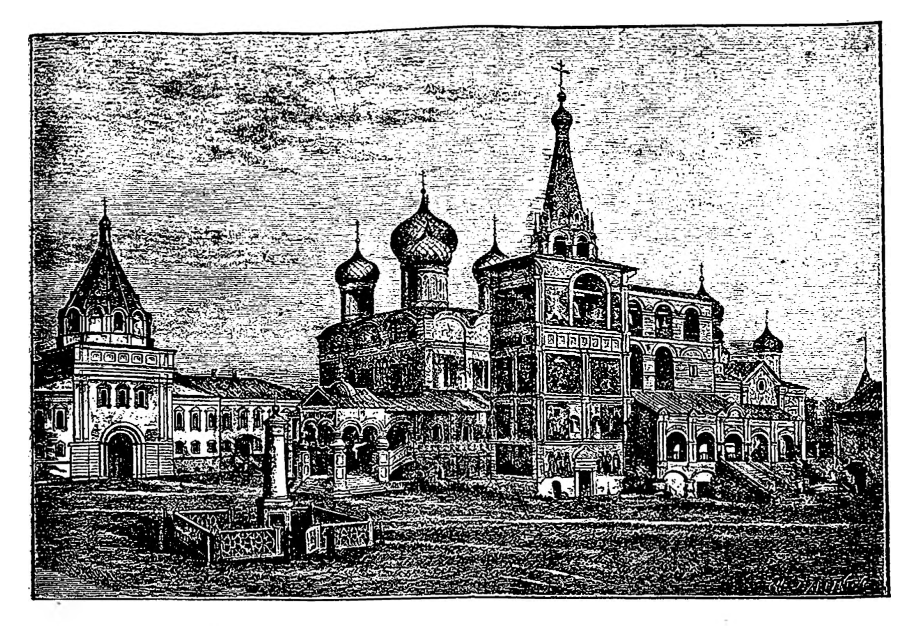
Немного развѣ моложе Ростова Угличъ, основанный, по преданію, въ X в. бояриномъ Яномъ, родственникомъ св. Ольги, объѣзжавшимъ ея псковскія волости. Угличъ, пережившій обычную печальную участь русскихъ городовъ и переходившій, по обыкновенію, изъ рукъ въ руки, что сопровождалось неизмѣнными пожарами и разгромами, получилъ печальную извѣстность по убіенію царевича Дмитрія, сына Грознаго, бывшаго послѣднимъ Угличскимъ удѣльнымъ княземъ (1591 г.). Эта кровавая драма, пресѣкшая династію царей Рюрикова дома, имѣла, какъ извѣстно, громадное значеніе на дальнѣйшія судьбы Россіи и повела къ кровавой „розрухѣ“, смутному времеми, прекратившемуся только съ избраніемъ на царство Михаила Ѳеодоровича. На мѣстѣ убіенія царевича—теперь стоитъ церковь „Дмитрія на крови“, выкрашенная въ кроваво-красный цвѣтъ. Сохранился, конечно, реставрированный, и бывшій дворецъ несчастнаго отрока. Теперь Угличъ—мирный, патріархальный городъ, имѣющій нѣкоторое промышленное и торговое значеніе.

Далѣе, укажемъ: на промышленный городъ Романовъ-Борисоглѣбскъ (6,5 тыс. жит.), расположенный по обоимъ берегамъ Волги (г. Романовъ, осн. въ 1344, и г. Борисоглѣбскъ, осн. въ XV в., были соединены въ одинъ городъ въ 1822) и на торговый г. Мологу (4 тыс. жит.), одинъ изъ древнихъ, бывшій столицею удѣльнаго княжества. Остальные города: Пошехонье, Мышкинъ, Даниловъ, Любимъ не имѣютъ ни торговаго, ни промышленнаго значенія.

Въ Моложскомъ у., на берегахъ р. Сити, праваго притока Мологи, происходила въ 1238 г. извѣстная битва русскихъ съ татарами, рѣшившая участь Руси и отдавшая ее почти на 2½ в. подъ иго татаръ. Къ этому безпримѣрному въ лѣтописяхъ Россіи пораженію, гдѣ палъ цвѣтъ русскаго воинства во главѣ съ вел. кн. Юріемъ II, болѣе всего относятся извѣстныя слова лѣтописца: „черна земля подъ копыты костьми была посѣяна, а кровью польяна, тугою взыдоша по Русской земли. Ту кроваваго вина недоста, ту пиръ докончаша храбріи Русичи: сваты напоиша, а сами полегоша за землю русскую. Ничить трава жалощами, а древо съ тугою къ земли приклонилось. Уже бо, братіе, невеселая година встала, уже пустыни силу прикрыла“...

Жители бассейна Сити, „сицкари“, а также жители Пошехонья рѣзко отличаются отъ прочихъ ярославцевъ своею сравнительною неразвитостью и отсутствіемъ предпріимчивости. Они рѣдко уходятъ на сторону, а больше сидятъ дома, гдѣ, по мѣстному выраженію, „топоръ одѣваетъ ихъ и обуваетъ, а соха кормитъ“.

Подобно Ярославлю, красивую картинку представляетъ и Кострома, губернскій городъ Костромской губерніи, живописно раскинувшаяся по лѣвому берегу р. Волги, при устьѣ р. Костромы. Но это—только издали; внутри-же городъ замѣчательно пыленъ и грязенъ. Впрочемъ, послѣдній пожаръ (1896 г.), уничтожившій добрую половину города, много способствовалъ улучшенію его: дома стали лучше, да и чистоты больше. Кострома—тоже древній городъ и по преданію основана, въ числѣ другихъ городовъ, Юріемъ Долгорукимъ въ 1152 г. Названіе ея происходитъ отъ соломеннаго чучела, Костромы, которое сожигалось въ языческій праздникъ въ честь Ярилы и Купалы, этого сѣвернаго Адониса, который появляется и умираетъ, чтобы снова воскреснуть. По обычаю другихъ русскихъ городовъ и Кострома нѣсколько разъ попадала въ руки враговъ и была превращаема въ пепель, но видной исторической роли не играла. Первымъ и единственнымъ княземъ ея былъ Василій Ярославичъ, по прозванію Квашня, младшій братъ Александра Невскаго. Умеръ онъ въ 1276 г., получивъ незадолго предъ смертью великокняжескій престолъ. Съ его смертью и кончилось самостоятельное существованіе Костромскаго княжества, а въ XIV в. оно было куплено московскимъ княземъ Іоанномъ Калитою. Князь Василій замѣчателенъ еще тѣмъ, что обрѣлъ на деревѣ чудотворную икону Ѳеодоровской Божіей Матери,



Ипатьевскій монастырь въ Костромѣ.

теперь главную святыню Костромы. Икона эта находится теперь въ основанномъ кн. Василіемъ Успенскомъ соборѣ, гдѣ похороненъ и самъ князь. Главная особенность собора та, что алтари его обращены не къ востоку, какъ обыкновенно бываетъ въ церквахъ, а къ сѣверу, въ ту сторону, гдѣ была обрѣтена икона.

Главная достопримѣчательность города—памятникъ Сусанину, поставленный въ 1851 г. *). Памятникъ представляетъ гранитную колонну, увѣнчанную бронзовымъ бюстомъ Михаила Θеодоровича, а на пьедесталѣ у колонны помѣщена бронзовая фигура колѣнопреклоненнаго Сусанина. Барельефъ на постаментѣ изображаетъ сцену убіенія патріота поляками. Надпись на одной сторонѣ пьедестала гласитъ: «Ивану Сусанину, благодарное потомство», на другой сторонѣ «за царя, спасителя вѣры и царства, животъ свой положившему». Но публика больше обращаетъ вниманія на первую половину надписи, помѣщенную на лицевой сторонѣ,—и она не мало смущаетъ темный людъ; многіе наивно воображаютъ, что Сусанину поставленъ памятникъ за то, что у него потомства было много!.. Между тѣмъ о подвигѣ Сусанина напоминаетъ и находящаяся за городомъ, за р. Костромой, обитель—Ипатіевскій монастырь, куда укрылся отъ происковъ поляковъ юный царь и гдѣ былъ призванъ на царство выборными Великаго Земскаго Со-

*) Когда ставили этотъ памятникъ, то поляки, сосланные въ Кострому за возстаніе въ 1831 г., почти открыто грозили взорвать его, такъ что начальство принуждено было поставить стражу у памятника. Но, несмотря на это, поляки ухитрились все таки отрѣзать головки у всѣхъ Георгіевъ Побѣдоносцевъ, изображенныхъ на бронзовыхъ гербахъ, которыми украшена рѣшетка вокругъ памятника.

бора 1613 г. Монастырь основанъ въ 1330 г. мурзой Четомъ (въ крещеніи Захарія), родоначальникомъ Годуновыхъ и Сабуровыхъ, и всегда пользовался покровительствомъ великихъ князей и царей московскихъ. Въ ризницѣ его хранится нѣсколько остатковъ старины, главнымъ образомъ, изъ церковной утвари. Но, вообще говоря, памятниковъ былого въ монастырѣ и въ самой Костромѣ очень мало, кромѣ развѣ 2 — 3 церквей, насчитывающихъ за собою 200—300 лѣтъ.

Въ смыслѣ общественной жизни Кострома—скучный, мертвый городъ. Между тѣмъ и торговля ея (молотымъ хлѣбомъ). и промышленность—довольно значительны. Здѣсь есть нѣсколько паровыхъ мельницъ, перемалывающихъ сотни мѣшковъ муки въ сутки каждая, и большія ткацкія мануфактуры.

Одинъ изъ костромскихъ дѣятелей, Ѳ. В. Чижовъ, бывшій прежде профессоромъ Университета, а затѣмъ сдѣлавшійся желѣзнодорожникомъ, оставилъ свое милліонное состояніе съ тѣмъ, чтобы на него устроить для Костромы и уѣздныхъ городовъ Костромской губ. нѣсколько техническихъ училищъ, изъ коихъ одно—даже высшее. Но его завѣщаніе осуществлено только отчасти: открыты только низшія школы.

Населеніе Костромы—41 тыс.

Изъ уѣздныхъ городовъ самый древній Галичъ, основанный, повидимому, еще первыми насельниками края, вмѣстѣ съ Ростовомъ, Переяславлемъ и др. До 1444 это была столица самостоятельнаго княжества, занимавшаго всю западную часть нынѣшней Костромской губ. Послѣднимъ княземъ ея былъ внукъ Дмитрія Донскаго—Дмитрій Шемяка, получившій печальную извѣстность въ народѣ за свое управленіе („Шемякинъ судъ"). Теперь въ Галичѣ 6 тыс. жит.; промышленность незначительная; городъ стоитъ на берегу озера (17×7 верстъ), окруженнаго, подобно оз. Неро, низменными, болотистыми берегами. Озеро богато снѣтками и ершами.

Довольно древенъ и Юрьевецъ Поволжскій, основанный въ 1225 г. на Волгѣ, противъ впаденія р. Унжи, вел. кн. Юріемъ Владиміровичемъ. Въ городѣ 4,8 тыс. жит., занятыхъ торговлею или работою на здѣшней льнопрядильной фабрикѣ.

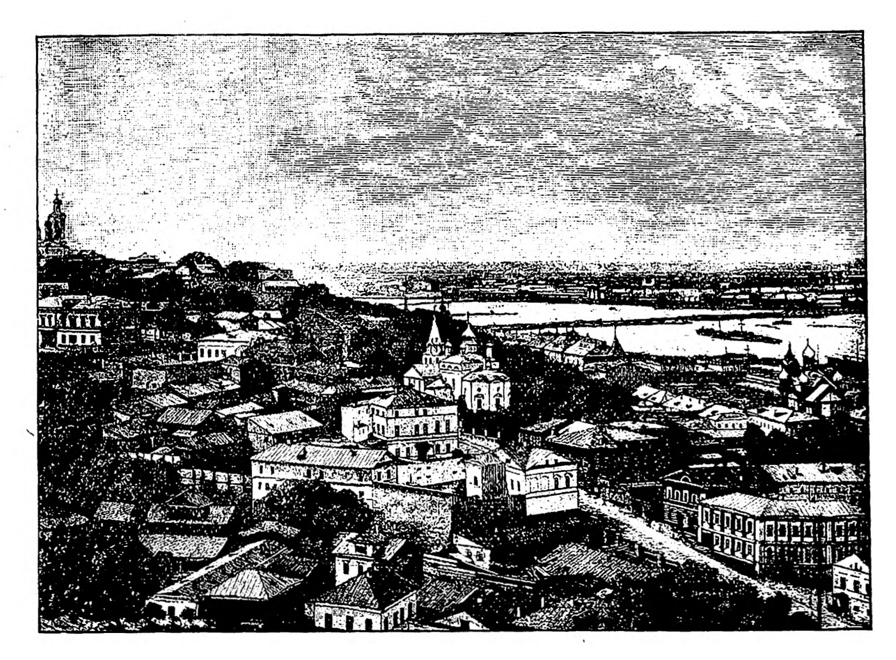
Недавно этотъ безобидный и безмятежный городъ былъ сильно потрясенъ. Спокойствіе его обывателей было нарушено, и они цѣлый годъ не могли оправиться отъ волненія. Юрьевецъ, до котораго, кажется, никому не было дѣла, вдругъ сталъ извѣстенъ не только въ Европѣ, но и въ другихъ частяхъ свѣта, при чемъ эту извѣстность раздѣлила и сосѣдняя съ нимъ Кинешма. Въ этихъ городахъ, да и въ другихъ мѣстахъ Россіи, было назначено на 7 авг. 1887 г. полное солнечное затменіе. Сюда собрались астрономы, не только свои, но и заграничные. Предвѣстниками ихъ прибытія въ тихій городъ были невиданные инструменты, которые и были сложены на берегу. Народъ былъ напуганъ и въ простотѣ сердца ждалъ уже кончины міра. Кто же не былъ окончательно подавленъ этимъ ожиданіемъ и былъ еще въ состояніи разсуждать, говорилъ: „нѣшто, къ примѣру, въ другихъ городахъ не будетъ этой планиды"? Неужто на насъ однихъ Господь посылаетъ?! Вонъ на четырехъ пароходахъ настранные народы пріѣзжаютъ и, говорятъ, будутъ смотрѣть въ эти самыя трубы! Господь знаменіе посылаетъ, а они въ его трубами! А какъ онъ, Батюшка, прогнѣвается, да вдругъ сюда, въ это самое мѣсто, полыхнетъ молыньей?! Изъ-за этихъ астроломовъ и городу сгорѣть не долго, а тогда иди по міру съ малыми ребятами"! Подъ вліяніемъ этихъ основательныхъ разсужденій толпа собиралась разметать и перебить астрономическіе инструменты, но предусмотрительное начальство поставило караулъ... Потомъ пріѣхали ученые—англичане, французы, бельгійцы,—которые остались довольны своимъ выборомъ, такъ какъ въ другихъ русскихъ городахъ наблюдателямъ мѣшала дурная погода, а здѣсь бельгійскій астрономъ Нистенъ ясно видѣлъ полное солнечное затменіе. Когда, по отъѣздѣ ихъ, не произошло ничего особеннаго, обыватели Юрьевца были разочарованы и съ досадою говорили: „ишь ты, заграничные остроумы больше Бога знаютъ, а у насъ и безъ нихъ старухи знали, что будетъ затменіе, коли ежели мѣсяцъ по зарямъ ходитъ" *).

Изъ другихъ уѣздныхъ городовъ нужно указать на промышленные города: Нерехту (3 тыс. ж.), красивую и быстро развивающуюся Кинешму (7,5 тыс.) и лѣсные города Ветлугу (5 тыс.), столицу Ветлужскаго края,

*) Субботинъ, Волга и волгари, 153 стр.

Варнавинъ (1,4 тыс.) и Макарьевъ (6 тыс.). Значеніе прочихъ городовъ ничтожно, и многіе изъ нихъ (напр., Буй, Кадый) до сихъ поръ лежатъ въ дебряхъ, такъ что у костромичей сложилась поговорка: „Буй да Кадый чортъ три года искалъ". Мы только приведемъ одни названія этихъ глухихъ городишекъ, не разъ служившихъ нашимъ писателямъ синонимами глуши и мертвой тишины:— Судиславль, Кологривъ, Унжа, Чухлома, Лухъ.

Въ Нижегородской губерніи главными населенными пунктами являются: Нижній-Новгородъ (95 тыс. жит.), Ардатовъ (3,5 т.), Арзамасъ (10 т.), Балахна (5 т.), Васильсурскъ (3,7 т.), Горбатовъ (4 т.), Княгининъ (2,9 т.), Лукояновъ (2 т.), Починки (10 т.), Макарьевъ (1,4 т.), Семеновъ (3,7 т.) и Сергачъ (1,7 т.). На первомъ планѣ нужно поставить, конечно, Нижній, живописно раскинувшійся при сліяніи Оки съ Волгой.



Нижній-Новгородъ.

Мѣстность, на которой возникъ этотъ городъ, еще въ концѣ XII в. принадлежала довольно сильному племени мордвы, которое долго сопротивлялось русскимъ Но послѣдніе, влекомые инстинктивнымъ стремленіемъ на востокъ и югъ, чтобы обезопасить свои восточныя границы, усмирили мордву и закрѣпили свои завоеванія постройкою „Новгорода Низовскія земли".

По этому поводу сохранилась слѣдующая легенда. На мѣстѣ Нижняго жилъ въ приволжскомъ лѣсу, въ древнія времена, мордвинъ Скворецъ, другъ Соловья-Разбойника, имѣвшій 18 женъ и 70 сыновей. Чародѣй Дятелъ предсказалъ ему, что если дѣти его будутъ жить мирно, то всегда останутся владѣльцами родныхъ лѣсовъ, если же поссорятся, то будутъ покорены русскими. Дѣти не послушались завѣта чародѣя,—и русскіе дѣйствительно покорили ихъ.

Современное значеніе Нижняго обусловливается его знаменитою ярмаркою, на которую свозятся товары со всей Россіи и Азіи.

Ярмарка занимаетъ громадную площадь, ограниченную с. Кунавинымъ и лугами деревни Гордѣевки, поселеніями Сормовскаго завода и, наконецъ, угломъ, образуемымъ берегами рѣкъ Волги и Оки и переведена въ Нижній-Новгородъ въ 1817 г. изъ Макарьева.

Начало Волжской ярмарки восходитъ къ очень отдаленнымъ временамъ. Большой водный путь съ примыкающими къ нему безконечными дорогами издавна требовалъ періодическаго съѣзда торговцевъ для обмѣна собранныхъ на обширнѣйшемъ материкѣ товаровъ на заморскіе.

На памяти исторіи сохранилась ярмарка на устьѣ Волги, въ царствѣ Хозарскомъ, столица котораго, Итиль, была раскинута на обоихъ берегахъ Волги; лѣвая сторона почти сплошь состояла изъ торговыхъ помѣщеній. На ярмарку стекались со своими товарами купцы изъ разныхъ далекихъ странъ, разнося повсюду вѣсти о богатствѣ хозаровъ и вызывая этимъ нашествія воинственныхъ дружинъ; наконецъ, Итиль палъ подъ ударами славянъ и грековъ.

Послѣ этого ярмарка подымается вверхъ по Волгѣ, къ Болгарамъ, которымъ теперь уже принадлежитъ политическій центръ на Волгѣ. Паденіе Великихъ Болгаръ и основаніе на ихъ развалинахъ царства Казанскаго тотчасъ же отражаются на ярмаркѣ: съ 1257 г. она происходитъ на Арскомъ полѣ, подходящемъ съ сѣвера къ Казани. Ежегодно въ іюлѣ сюда съѣзжались купцы изъ Персіи, Индіи, средне-азіатскихъ ханствъ, Сибири, а также Москвы, Великаго Новгорода, Пскова. На мѣсто ярмарки выѣзжали и казанскіе цари съ пышною свитою для пировъ и забавъ. Когда же монгольское владычество начало колебаться, а московскіе великіе князья настолько окрѣпли, что могли соперничать во власти надъ Волгой съ царями казанскими, возникла ярмарка и на русской землѣ. Въ 1853 г. Іоаннъ III, воспользовавшись тѣмъ, что татары разграбили русскихъ купцовъ на своей ярмаркѣ, запретилъ имъ ѣздить въ Казань и учредилъ русскую ярмарку на недавно основанномъ городѣ, при впаденіи въ Волгу Суры, Василѣ. Но торговля здѣсь не шла: Волга была еще не замирена; Василь-Сурскъ, какъ крайній городъ, былъ скорѣе ареной военныхъ дѣйствій противъ Казани, чѣмъ пріютомъ мирной торговли. Наступившее затѣмъ „лихолѣтье“ также не могло содѣйствовать укрѣпленію ярмарки. Торговля искала себѣ другого болѣе выгоднаго мѣста,—и оно было найдено у стѣнъ обители св. Макарія.

Эта обитель основана еще въ первой половинѣ XV вѣка ученикомъ св. Діонисія преподобнымъ Макаріемъ. Во время нашествія казанскихъ татаръ въ 1439 году монастырь былъ разграбленъ до тла, а св. Макарій, по возвращеніи изъ плѣна, удалился на берега Унжи, гдѣ выстроилъ Макарьевскій Унженскій монастырь. Почти два вѣка пустѣло святое мѣсто, но память о святомъ основателѣ сохранилась въ народѣ. Въ 1624 г. здѣсь вновь устраивается старцемъ Авраамiемъ обитель, вскорѣ привлекшая многихъ поклонниковъ. Сюда и переселилась ярмарка. Ея развитію содѣйствовало выгодное положеніе Макарьева въ центрѣ Волги. Здѣсь въ іюлѣ встрѣчаются караваны низовые съ верховыми; хотя путь отъ Астрахани до Макарія и значительно длиннѣе, чѣмъ отъ верховыхъ мѣстъ, но изъ Астрахани суда выходятъ много раньше соотвѣтственно вскрытію рѣки.

По мѣрѣ успокоенія Волги росла и ярмарка; на ея развитіе сильно повліяло и совершившееся нѣсколько ранѣе завоеваніе Сибири, гдѣ также въ первой половинѣ XVII в. образовалась существующая и по нынѣ и тѣсно связанная съ Макарьевской—ярмарка въ Ирбитѣ.

Въ 1641 году Макарьевская ярмарка была признана оффиціально: царь Михаилъ Федоровичъ грамотою пожаловалъ монастырю право собирать таможенную пошлину съ товаровъ „на свѣчи и ладанъ, и церковное строеніе, и братіи на пропитаніе“. Все управленіе ярмаркой сосредоточивалось въ рукахъ монастыря; архимандриту принадлежало право разбирательства возникавшихъ между торговцами споровъ. Въ 1700 г. ярмарка переходитъ въ вѣдѣніе Казанскаго дворца и Приказа Большой Казны, а въ 1755 году императрица Елизавета Петровна приказала принять ее въ гражданское вѣдомство и выстроить на счетъ казны балаганы на берегу Волги. Съ этого времени монастырь утратилъ свое вліяніе на ярмарку.

Ярмарка развилась быстро; въ концѣ XVII вѣка привозъ въ нее товаровъ равнялся 80,000 р., въ половинѣ XVIII в. онъ повышается до 490,000 р., а къ концу его достигаетъ уже 30 мил. руб. Въ это время въ Макарьевѣ казенныхъ ярмарочныхъ помѣщеній числилось 1,400; кромѣ того, купечествомъ было построено 1,800 лавокъ. Постепенно ярмарка пріобрѣла значеніе уставщицы всей нашей внутренней торговли. Ей становится тѣсно въ Макарьевѣ, совершенно не торговомъ пунктѣ внѣ ярмарочнаго времени. Притомъ ярмарка здѣсь была расположена на „зыблющихся пескахъ“, движеніе по которымъ всегда было затруднительнымъ; крайне стѣснительно было и сообщеніе съ правымъ берегомъ, откуда стекалось много товаровъ. Поэтому уже давно часть товаровъ не переправлялась черезъ Волгу и останавливалась напротивъ Макарьева, въ бойкомъ торговомъ селѣ Лысковѣ; одно время сильно поговаривали о переводѣ туда ярмарки. По-

жаръ 1816 г., уничтожившій казенный гостиный дворъ, вновь выдвинулъ вопросъ— гдѣ быть ярмаркѣ. Рѣшено было перенести ее, но не на правый берегъ, а въ Нижній-Новгородъ, гдѣ уже давно процвѣтала торговля и развился судовый промыселъ; Нижній ближе и къ Москвѣ, которая все сильнѣе стала захватывать въ свои руки и всѣ нити торговаго движенія Россіи.

Съ 1817 г. ярмарка переселилась въ Нижній и размѣстилась въ деревянныхъ балаганахъ. Но правительство, стремясь къ къ упроченію этого торга, рѣшило немедленно приступить къ постройкѣ каменныхъ рядовъ. Въ то время, послѣ войнъ съ Наполеономъ I, государственное казначейство находилось въ нѣсколько стѣсненномъ положеніи, но Императоръ Александръ Благословенный, признавая за ярмаркой огромное государственное значеніе, рѣшилъ отложить перестройку Зимняго дворца, а ассигнованные на это $1^1/_2$ мил. руб. отпустить на ярмарку. Строителемъ ярмарки былъ избранъ извѣстный инженеръ генералъ Бетанкуръ. Черезъ пять лѣтъ гостиный дворъ былъ готовъ, и въ 1822 г. ярмарка перешла въ каменные корпуса. Съ тѣхъ поръ ярмарка еще быстрѣе начала развиваться, и скоро вокругъ каменныхъ корпусовъ стали рости деревянные балаганы. Хотя на ярмаркѣ съ самаго ея начала, во избѣжаніе пожара, было запрещено „употребленіе огня, хотя бы то было и для согрѣванія воды на чай", тѣмъ не менѣе она горѣла часто. Послѣ сильнѣйшаго пожара въ 1872 г. рѣшено было удалить съ ярмарки всѣ легко воспламеняющіеся громоздкіе товары и запретить постройку деревянныхъ зданій на ярмаркѣ. Эта замѣна деревянной ярмарки каменной нынѣ закончена: теперь деревянныя постройки только на Сибирской пристани, въ желѣзномъ ряду и въ окрестностяхъ ярмарки. Кромѣ того, въ 1890 году ярмарка украсилась замѣчательнымъ по красотѣ и элегантности зданіемъ, такъ называемымъ Главнымъ домомъ. Главный домъ—ярмарочный центръ. Онъ построенъ на мѣстѣ пришедшаго въ ветхость сооруженнаго еще Бетанкуромъ Главнаго дома, по проектамъ архитекторовъ К. Треймана, А. фонъ-Гагена и А. Трамбицкаго, получившихъ на конкурсѣ первую премію за фасадъ. На основаніи этихъ проектовъ былъ составленъ новый проектъ, согласно которому и было возведено зданіе архитекторомъ Ивановымъ. Въ домѣ помѣщается, во время ярмарки, квартира губернатора, его канцелярія, ярмарочные контора и комитетъ, отдѣленіе государственнаго банка и казенной палаты, почта, телеграфъ и проч. Въ первомъ этажѣ красивый пассажъ, въ которомъ всегда идетъ бойкая розничная торговля.

Обыкновенно ярмарка начинается 15 іюля. Въ этотъ день въ соборѣ величавое архіерейское служеніе. По окончаніи литургіи изъ собора выходитъ крестный ходъ и торжественно направляется по ярмаркѣ, черезъ Главный домъ, къ Макарьевской часовнѣ. Здѣсь, послѣ молебна и окропленія святою водою ярмарочныхъ флаговъ, они одновременно поднимаются...

Здѣсь считаемъ не лишнимъ сказать еще нѣсколько словъ о томъ, почему Нижегородская ярмарка до сихъ поръ не потеряла своего значенія. Еще въ прошломъ столѣтіи ярмарки повсюду въ Европѣ процвѣтали, но постепенно утрачивали значеніе распредѣлителя товаровъ, — и теперь ихъ почти уже нѣтъ. Онѣ вытѣснены желѣзными дорогами, телеграфомъ и другими усовершенствованными средствами сообщенія, которыя сдѣлали возможнымъ полученіе товаровъ въ любое время съ легкостью и быстротою, о которыхъ сто лѣтъ тому назадъ едва ли смѣли мечтать наши предки. Нѣтъ болѣе украинскихъ ярмарокъ, нѣкогда гремѣвшихъ и оспаривавшихъ первенство у Нижегородской ярмарки—ихъ замѣнилъ частью Харьковъ, частью Москва; исчезаютъ и восточныя наши ярмарки. Одна лишь Нижегородская ярмарка, наперекоръ общему теченію, не падаетъ, и въ настоящее время общій—товарный и разсчетный оборотъ ярмарки исчисляется почти въ полмилліарда рублей.

Въ чемъ же разгадка? Нижегородскую ярмарку ошибочно приравнивать ко всѣмъ другимъ ярмаркамъ. Тогда какъ всѣ другія ярмарки имѣли болѣе или менѣе мѣстное значеніе, и стоило лишь провести желѣзную дорогу, чтобы онѣ исчезли, Нижегородская ярмарка охватываетъ многія страны Европы и Азіи, на ней обращается не нѣсколько товаровъ, а множество самыхъ разнообразныхъ предметовъ торга. Путемъ къ ней служитъ грандіозная система Волги, прорѣзывающая глубь величайшаго материка, для котораго она является почти единственнымъ выходомъ къ океану. Съ этимъ материкомъ Волга связана многочисленными караванными путями, которые насчитываютъ за собою тысячелѣтія. Въ районѣ ярмарки еще мало желѣзныхъ дорогъ; но если бы и была уже построена цѣлая сѣть ихъ, то и тогда ярмарка могла бы не утратить своего значенія. Если не требуется спѣшной доставки, рѣчной путь, какъ болѣе дешевый и спокойный, всегда будетъ предпочитаться, особенно громоздкими и малоцѣнными товарами, какимъ и является сырье — продуктъ возрождающейся Азіи.

Ярмарка не чужда вліянію времени, но, подобно гибкому и полному жизненности организму, она развивается и видоизмѣняется, а не гибнетъ. Въ сѣдой древности на Волж-

скую ярмарку сходились для обмѣна мѣховъ, звѣриныхъ шкуръ, кожъ, меда и орѣховъ. Прошли вѣка, пустынные берега Волги начали заселяться, кочующія племена пріобрѣли осѣдлость, — и на Волжской ярмаркѣ все большее и большее значеніе начинаетъ пріобрѣтать хлѣбъ, подвозившійся изъ плодородныхъ низовыхъ мѣстъ и необходимый для столицы и сѣверныхъ воеводствъ. Еще черезъ два вѣка хлѣбное дѣло перетягиваютъ южныя степи, а ярмарку начинаетъ дѣлать чай; отъ развязки съ нимъ зависитъ и оборотъ со многими другими товарами; начинаетъ выдвигаться желѣзо. Съ прорытіемъ Суэцкаго канала организуется морская доставка чая, возникаетъ конкуренція сухопутнаго и морского чая, и на смѣну чаямъ приходитъ мануфактура. Сильное развитіе мануфактурнаго производства, совпавшее съ измѣненіемъ условій нашей жизни—до отмѣны крѣпостного права вся деревенская Русь одѣвалась въ домашнее тканье—выдвинуло вопросъ о размѣщеніи всей этой массы новаго товара. И это блестяще выполняется Нижегородскою ярмаркою.

Вообще можно сказать, что Нижегородская ярмарка лишь тогда перестанетъ существовать, когда всѣ главнѣйшіе товары будутъ продаваться по прейсъ-курантамъ, когда и въ глубинѣ Азіи возникнутъ биржи, банки, конторы оптовыхъ торговцевъ и подобныя учрежденія.

Возвращаемся, однако, къ самому городу. Основанный въ 1221 г. Юріемъ II, Нижній до начала XIV ст. не имѣлъ самостоятельнаго значенія и считался только пригородомъ «стольнаго» тогда города Суздаля. Только съ 1340, при князѣ Константинѣ, перенесшемъ свой престолъ сюда изъ Суздаля, онъ пріобрѣлъ самостоятельность. Однако, преемники князя не съумѣли отстоять своего наслѣдія отъ притязаній Москвы,—и уже въ 1392 г., при сынѣ Константина, Борисѣ, московскій князь Василій Темный присоединилъ нижегородское княжество къ московскимъ владѣніямъ. Съ тѣхъ поръ Нижній вошелъ въ обычную колею русскихъ городовъ и нѣсколько разъ страдалъ отъ нападеній враговъ, главнымъ образомъ, татаръ. Въ смутное время онъ былъ вѣрнымъ оплотомъ надеждъ русскихъ патріотовъ,—отсюда двинулось, вдохновленное Мининымъ, земское ополченіе на освобожденіе Москвы отъ поляковъ. Въ честь освободителей—Минина и Пожарскаго въ Нижегородскомъ Кремлѣ, и теперь еще хорошо сохранившемся, поставленъ памятникъ, въ видѣ гранитнаго обелиска, съ надписями «Гражданину Минину благодарное потомство» и «Князю Пожарскому благодарное потомство». На одной сторонѣ памятника барельефъ изображаетъ знаменитаго мясника-патріота, съ открытой головой, въ рубахѣ; на другой сторонѣ—бюстъ князя Пожарскаго, въ шлемѣ и латахъ. Прахъ Минина лежитъ въ кремлевскомъ соборѣ, недалеко отъ гробовъ князей новгородскихъ.

Съ Кремля, красиво глядящаго на Волгу своими зубчатыми стѣнами, открывается дивный видъ на рѣку и окрестности. Въ самомъ Кремлѣ и его церквахъ—масса интересныхъ остатковъ старины.

И по промышленному, и по торговому значенію Нижній—одинъ изъ первыхъ городовъ на всей Волгѣ.

Изъ уѣздныхъ городовъ Нижегородской губ. имѣетъ промышленное и торговое значеніе почти одинъ только Арзамасъ. Изъ прочихъ же только лежащіе на Волгѣ Балахна и Васильсурскъ, славящіеся своими стерлядями, ведутъ болѣе или менѣе значительную торговлю. Макарьевъ же, Лукояновъ, Ардатовъ, Княгининъ и Сергачъ не имѣютъ ни промышленнаго, ни торговаго значенія.

Въ заключеніе укажемъ еще на одно селеніе, имѣвшее историческое прошлое, именно—слободу Городецъ (Балахнинскаго у.). Основанная еще въ XII в., эта слобода была важнымъ городомъ и крѣпостью, защищав-

шею Суздальскую Русь отъ владѣвшихъ Среднею Волгою болгаръ. До 1403 г. Городецъ былъ самостоятельнымъ „стольнымъ“ городомъ и имѣлъ своего князя. 14 ноября 1263 г. здѣсь скончался, на возвратномъ пути изъ Орды, вел. кн. Александръ Невскій, „иже потрудися, по словамъ лѣтописца, за Новгородъ и за всю Русскую землю“. Теперь Городецъ—большое село, имѣющее до 7 тыс. жителей.

Владимірская губернія, вторая послѣ Московской, по развитію фабрично-заводской промышленности, имѣетъ нѣсколько значительныхъ городовъ, при чемъ одинъ уѣздный (Иваново-Вознесенскъ) населеннѣе самого губернскаго города—Владиміра, въ которомъ, вообще говоря, промышленность развита довольно слабо. Зато, по своему славному прошлому Владиміръ—одинъ изъ самыхъ интересныхъ русскихъ городовъ.

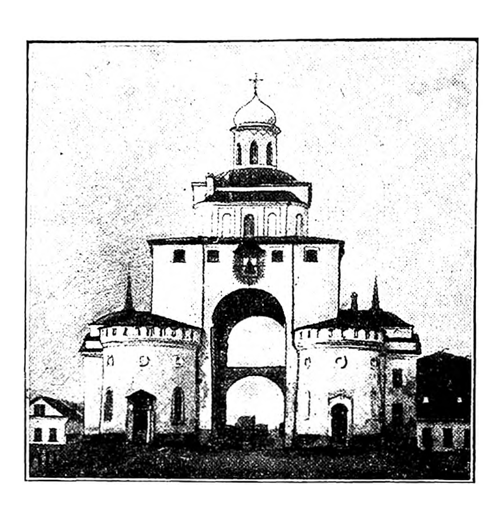
Основаніе Владиміра приписываютъ Владиміру Мономаху, въ 1116 г., но истиннымъ устроителемъ города, обстроившимъ его многими красивыми зданіями и перенесшимъ сюда центръ тяжести русскаго государства, былъ внукъ Мономаха, князь Андрей Боголюбскій, который перенесъ во Владиміръ столицу тогдашней Руси. Отъ временъ Андрея и до сихъ поръ осталось нѣсколько памятниковъ строительнаго искусства; между прочимъ—«Золотыя ворота», чрезъ которыя проходили всѣ торжественныя процессіи.—Почти два вѣка (1157—1328 г.) Владиміръ удерживалъ свое первенствующее положеніе, но не могъ выдержать соперничества съ Москвою, такъ какъ устье Клязьмы, на которой онъ расположенъ, принадлежало тогда не русскимъ, а татарамъ, и потому великіе князья оставили его, перенеся столицу въ Москву.

Подобно другимъ древне-русскимъ городамъ, и Владиміру пришлось пережить не мало бѣдствій: терзали его и свои, и чужіе. Но самое страшное бѣдствіе испыталъ онъ въ 1238 г. отъ нашествія Батыя. Городъ подвергся тогда страшному разгрому, а семейство великаго князя, множество духовенства и знатнѣйшихъ бояръ погибли въ пламени зажженнаго татарами собора. Впослѣдствіи городъ былъ возстановленъ, но уже никогда не достигалъ такого цвѣтущаго состоянія, какъ прежде. Пришлось пострадать ему и въ смутное время отъ поляковъ, хотя и не въ такой мѣрѣ, какъ отъ татаръ. Послѣдующія событія русской исторіи также не давали ему оправиться,—и, мало-по-малу, Владиміръ такъ захудалъ, что при Петрѣ Великомъ, въ 1715 г., имѣлъ всего 1,840 жит. Теперь въ немъ—28 тыс. жит. Широкія, прямыя улицы дѣлаютъ его одним изъ красивыхъ городовъ нашей области. Главной святыни—Владимірской иконы Божіей Матери теперь нѣтъ: она была перенесена въ Москву.

Въ 33 верстахъ отъ Владиміра находится бывшій его соперникъ и господинъ, г. Суздаль, жители котораго презрительно звали когда-то владимірцевъ своими „холопями и каменьщиками“. Теперь этотъ древній городъ, существовавшій еще въ X в., и еще въ началѣ XV в., когда онъ принадлежалъ къ московскому княжеству, бывшій однимъ изъ многолюднѣйшихъ городовъ во всей Руси, захудалъ больше Владиміра и имѣетъ всего 8 тыс. жит. Когда-то суздальцы славились и живописью („суздальскіе богомазы“), и торговлею (офени-ходебщики), и огородничествомъ. Теперь сохранилось только послѣднее и отчасти садоводство. Кустарные же промыслы, напр., иконопись и мелочная торговля офеней перешла изъ Суздаля въ села Холуй и Палехъ (Вязниковскаго у.).

Остальные уѣздные города Владимірской губ. всѣ имѣютъ промышленное значеніе благодаря своимъ фабрикамъ и заводамъ, главнымъ образомъ льнопрядильнымъ и бумаго-прядильнымъ. На первомъ мѣстѣ среди нихъ нужно поставить крупный промышленный центръ не только губерніи, но и всей области, послѣ Москвы, именно безъуѣздный городъ Иваново-Вознесенскъ (54 тыс. жит.). Производство его фабрикъ оцѣнивается теперь въ 36 милл. рублей, при 19 тыс. рабочихъ. Городъ этотъ образовался изъ бывшаго с. Иванова, извѣстнаго богатствомъ своихъ жителей уже при Іоаннѣ Грозномъ, и Вознесенскаго посада, расположеннаго по другую сторону рѣчки Уводи, на которой лежитъ Иваново. Затѣмъ слѣдуютъ: Шуя (19 тыс. жит.), удѣльный городъ извѣстныхъ въ исторіи до-Петровской Руси князей Шуйскихъ, Ковровъ (14 тыс.), составившій себѣ извѣстность своими бумаготкацкими издѣліями („ковровыя“ ткани), Муромъ (12 тыс. жит.), торговый и промышленный городъ (обработка льна и торговля сырцомъ и льняными издѣліями). Муромъ существовалъ еще въ самомъ начальномъ періодѣ русской исторіи, когда лежавшія около земли только заселялись славянами; потомъ онъ сталъ извѣстенъ по кровавой драмѣ, главнымъ дѣйствующимъ лицомъ которой былъ „окаянный“ Святополкъ, убившій перваго муромскаго князя Глѣба, сына Владиміра Святаго. Съ этой кровавой драмы вся исторія Мурома, до подчиненія его Москвѣ (въ 1353 г.), представляетъ длинный списокъ погромовъ, грабежей, убійствъ и „лютыхъ сѣчъ“ то съ разбойниками, прорывавшимися сюда по Окѣ, то съ своими же князьями, то съ мордвою, то, наконецъ, съ татарами. Теперь населеніе Мурома мирно занимается своимъ дѣломъ, не поднимая никакихъ раздоровъ.

Такимъ же промышленнымъ характеромъ отличаются и менѣе значительные города: у. г. П. Александровскъ (7 тыс.), нѣкогда знаменитое гнѣздо Іоанна Грознаго и его „злой опричнины“, зашт. г. Киржачъ (5 тыс. жит.), у. г. Юрьевъ-Польскій (6 тыс.), основанъ въ 1152 г. Юріемъ Долгорукимъ, у. г. Переяславль-Залѣсскій, основ. въ томъ же году тѣмъ же княземъ, у. г. Покровъ (3 тыс.), у. г. Судогда (3 тыс.), у. г. Вязники (7 тыс.), построенный на мѣстѣ древняго города Ярополка, г. Гороховецъ, жители котораго, въ количествѣ 2,8 тыс., занимаются садоводствомъ и огородничествомъ, и у. г. Меленки (9 тыс.), въ которомъ есть обширная льнопрядильная и ткацкая фабрика съ оборотомъ въ $1^1/_2$ милл. р., при 2,8 тыс. рабочихъ.



Золотыя ворота во Владимірѣ на Клязьмѣ.

Наконецъ, въ Калужской губерніи существуютъ слѣдующіе главные населенные центры: Калуга (50 тыс. жит.), Боровскъ (8 т.), Жиздра (6 т.), Козельскъ (6 т.), Сухиничи (5 т.), Лихвинъ (1,7 т.), Малоярославецъ (2,5 т.), Медынь (4 т.), Мещовскъ (3,6 т.), Серпейскъ (1 т.), Мосальскъ (2,6 т.), Перемышль (3,6 т.), Воротынскъ (700 жит.) и Таруса (2 т. ж.).

Губернскій городъ Калуга, существовавшій еще въ XIV в., игралъ въ русской исторіи очень видную, хотя далеко непривлекательную роль, пріютивъ у себя сначала извѣстнаго предводителя бѣглыхъ холоповъ, разбойниковъ и всякихъ „вольныхъ казаковъ и воровъ“, Болотникова, затѣмъ — не менѣе извѣстнаго втораго самозванца, или „Тушинскаго вора“, бѣжавшаго изъ своей ставки (с. Тушина подъ Москвою) въ Калугу, гдѣ онъ и былъ убитъ однимъ касимовскимъ царевичемъ. Впослѣдствіи Калуга не разъ служила мѣстомъ почетной ссылки для бывшихъ владѣтельныхъ особъ: въ 1786 г. — послѣдняго крымскаго хана Шагинъ-Гирея, въ 1828 г. — бывшаго букеев-

скаго султана Азиса, въ 1834 г. — Грузинской царевны Ѳеклы Ираклiевны, наконецъ, въ 1859 г. знаменитаго защитника Кавказа имама Шамиля.

Теперь это — обыкновенный губернскiй городъ, правда довольно хорошо обстроенный. Особенно древнихъ памятниковъ старины здѣсь нѣтъ, кромѣ развѣ „дворца Марины Мнишекъ", красиваго дома оригинальной архитектуры XVII в. Впрочемъ, и тутъ сохранился только внѣшнiй видъ, внутри же еще недавно царила страшная грязь, такъ какъ „дворецъ" до послѣдняго времени отдавался въ наймы бѣднымъ людямъ, которые, понятно, не очень-то заботились о сохраненiи старины. Въ настоящее время въ городѣ нѣсколько фабрикъ и заводовъ (рогожныхъ производствъ, льняныхъ, кожев. и др.), съ производствомъ въ 800 тыс. рублей при 1,700 рабочихъ.

Уѣздные города Калужской губ. почти не имѣютъ ни промышленнаго, ни торговаго значенiя и любопытны развѣ только въ историческомъ отношенiи; таковы, наприм., заштат. г. Воротынскъ, существ. еще въ XI в., у. г. Мещовскъ (прежде Мезецкъ), у. г. Медынь, г. Козельскъ, извѣстный своею геройскою защитою во время нашествiя Батыя. который овладѣлъ имъ послѣ семинедѣльной осады, когда всѣ защитники городка были перебиты, а городъ представлялъ груду развалинъ; далѣе, у. г. Мосальскъ, у. г. Лихвинъ, у. г. Перемышль, сущ. еще въ XII в., наконецъ, Таруса и Малоярославецъ. Нѣкоторое торговое значенiе имѣетъ лишь г. Сухиничи (торговля хлѣбомъ и пенькой).

СРЕДНЕ-ВОЛЖСКАЯ ОБЛАСТЬ.

(Губернiи Казанская, Пензенская, Симбирская и Саратовская *).

Средне-волжская область, заключающая въ себѣ до 208 тыс. кв. верстъ, раскинулась по среднему теченiю Волги, на протяженiи 1,650 верстъ. Большая часть области лежитъ по правому, нагорному берегу р. Волги. Находящаяся здѣсь Приволжская возвышенность придаетъ всей мѣстности холмистый характеръ. Только на сѣверѣ (въ юго-восточной части Казанской губ.) и на самомъ югѣ Саратовской разстилаются степи, а на крайнемъ С.-З. (въ Казанской губ.) встрѣчаются даже настоящiя болота, покрытыя низкимъ лѣсомъ. Множество рѣчекъ и овраговъ, пересѣкающихъ мѣстами область, а также ряды холмовъ и бугровъ придаютъ большое разнообразiе странѣ,—и глазъ, утомленный унылою равнинностью Промышленной области, невольно отдыхаетъ на этихъ живописныхъ уголкахъ, каковы, напр., нѣкоторыя мѣста въ Инсарскомъ у. (Пенз. губ.), знаменитыя Жегули въ Симбирской и др.

Всѣ водные пути сообщенiя въ области принадлежатъ главнымъ образомъ Волжской системѣ, и только отчасти другимъ—Окской, Донской и Камской. Въ Казанской губ. протекаютъ рѣки: Волга, Кама, Вятка и Ветлуга, на которыхъ находится нѣсколько значительныхъ пристаней, гдѣ грузятся преимущественно мука, хлѣбъ, сало, лѣсъ и металлы. Изъ другихъ рѣкъ, орошающихъ губ., упомянемъ: Казанку, Рутку, Цивиль, Кокшагу, Илеть, Свiягу, Бездну, Ахтай, Черемшаны, Майну и др. Въ Пензенской губ. главныя рѣки—Сура, Мокша и Хоперъ. Сура, ширина которой у г. Пензы доходитъ до 25 саж., а глубина отъ 2 до

---

*) По физическимъ свойствамъ, къ той-же области относится и Нижегородская губ. но, въ виду сильнаго развитiя въ ней промышленности, рѣзко выдѣляющей ее изъ среды прочихъ губернiй средне-волжской области, мы отнесли ее къ Московской промышленной области.

5 саж., подобно самой Волгѣ, въ которую впадаетъ, имѣетъ правый берегъ возвышенный, а лѣвый—низкій. По правую сторону Суры тянутся лѣса, зато лѣвый гуще населенъ. Притоки Суры—Юловъ, Айва, Инза, Пенза и Шукша незначительны.—Притокъ Оки, Мокша, отличается тѣмъ же характеромъ береговъ; въ Мокшу впадаютъ — Исса, Сивинъ, Азась, Атмисъ, Ломовъ и др. рѣчки. — Рѣка Хоперъ, притокъ Дона, беретъ начало въ Пензенскомъ у. Изъ притоковъ его значительны: Орчада и Ворона.

Въ Симбирской губ. протекаютъ, кромѣ самой Волги, Сура со своими притоками Барышъ и Алатырь и несудоходная Свіяга. Наконецъ, въ Саратовской губ. замѣчательны притоки Дона — Хоперъ, Медвѣдица и Иловля; затѣмъ, Терешка, Сура и сама Волга.

Первенствующая роль, въ качествѣ путей сообщенія, и въ этой области принадлежитъ Волгѣ *). Послѣдняя въ участкѣ отъ Нижняго до Казани имѣетъ общее направленіе отъ запада къ востоку, при чемъ отъ Нижняго до Козьмодемьянска, на протяженіи 210 в., описываетъ дугу, обращенную выпуклостью къ югу, у Козьмодемьянска круто поворачиваетъ къ Ю.-В. и такъ течетъ до самой Казани. Отъ Казани и до самаго Царицына Волга измѣняетъ свое восточное направленіе на южное, дѣлая, однако, на своемъ пути нѣсколько поворотовъ и изгибовъ, изъ которыхъ самый значительный—Самарская лука. Этотъ участокъ Волги характеризуется цѣпью значительныхъ возвышенностей, сопровождающихъ правый берегъ рѣки, чрезвычайнымъ расширеніемъ долины, множествомъ большихъ островковъ, и, за исключеніемъ Камы, совершеннымъ отсутствіемъ сколько-нибудь значительныхъ притоковъ. Береговыя возвышенности близъ г. Тетюшъ, отъ котораго тянутся къ югу цѣпью холмовъ, подъ именемъ Тетюшскихъ горъ и состоятъ изъ пластовъ глины и мергеля. Далѣе къ югу продолженіе тѣхъ же холмовъ принимаетъ названіе Щучьихъ, Ундорскихъ и Городищенскихъ горъ. Затѣмъ, отъ начала Самарской луки тянутся Жигулевскія горы, составляющія рядъ известковыхъ утесовъ. Нѣсколько ниже Сызрани идутъ: Кашпурскія горы, далѣе—Чернозатонскія и, наконецъ, Дѣвичьи горы, между Хвалынскомъ и Вольскомъ. Формаціи здѣсь—мѣлъ, сланцы, песчаникъ. Отъ Вольска до Саратова тянутся Змѣевы и Урдюмскія горы, а самаго Саратова—Лысыя. Еще ниже по теченію, возвышаются Ушьи горы, прорѣзываемыя глубокими оврагами. Близъ д. Лапоть, въ 140 в. ниже Саратова, возвышается столообразный утесъ высотою до 400 фут., извѣстный подъ названіемъ „бугра Стеньки Разина“, а близъ Камышина (выше въ 20 вер.)—бугоръ другого разбойника—Уракова.

Изъ всѣхъ этихъ мѣстностей, образующихъ часто живописные уголки, какихъ не найдешь на Верхней Волгѣ, особенною извѣстностью пользуются Жигули (или Жегули).

Жегули**) раскинулись по сѣверному побережью Самарской Луки, того замѣчательнаго полуострова, который образуетъ р. Волга между гг. Ставрополемъ, Самарой и Сызранью. Этотъ полуостровъ давно уже обращалъ на себя вниманіе ученыхъ разныхъ спеціальностей. Географы и ботаники, энтографы, геологи,—всѣ съ одинаковымъ интересомъ занимаются каменною грядою Жегулевскихъ горъ, гордо вставшею поперекъ Волги и заставившею великую рѣку рѣзко уклониться къ востоку. Наконецъ, многихъ путешественниковъ просто прельщаетъ дикая красота Жегулей, ихъ былое величіе и тѣсная связь съ исторіей великой русской рѣки.

Я подъѣзжалъ къ Жегулямъ съ Волги,

*) Кстати, происхожденіе слова „Волга“ и до сихъ поръ еще не выяснено. Многіе полагаютъ, что это финское слово и значитъ то же, что Ольга— „святая“ (олига).—У древнихъ славянъ Волга называлась Рось, Рась или Ра; у арабскихъ писателей—Итиль (рѣка).

**) Названіе „Жегули“, говорятъ, происходитъ оттого, что разбойники, у которыхъ здѣсь издавна были любимые притоны, *жгли* или, вѣрнѣе, сѣкли зажженными вѣниками несчастныхъ, попадавшихъ имъ въ руки путниковъ, допытываясь отъ нихъ денегъ.

на пароходѣ *). Это было въ іюлѣ 1891 года. Уже съ рѣки стала развертываться предо мною вся привлекательная панорама нагорнаго берега, достигающаго здѣсь до 800 футовъ высоты. Вотъ, точно сказочные исполины, обступившіе рѣку, поднялись каменныя громады. Близко-близко сошлись онѣ къ рѣкѣ, и, кажется, готовы раздавить ее своею тяжестью. Сурово смотрятъ изъ-подъ своихъ нахлобученныхъ шапокъ ихъ темныя вершины. Чѣмъ ближе, тѣмъ грознѣе и величественнѣе дѣлаются ихъ рѣзкія очертанія. А Волгѣ все ни почемъ... Погруженная въ свои завѣтныя, вѣковыя думы, она, не торопясь, идетъ во всемъ своемъ спокойномъ привольи. И горе тому, кто нарушитъ эти думы, вставъ на ея дорогѣ... Бурныя волны могучей рѣки, словно ножомъ, прорѣзываютъ колоссальные брустверы, мѣловые бугры и каменныя стѣны жегулевскихъ громадъ...

Эти обрывистые утесы, свѣшивающіеся надъ рѣкою, эти мѣловыя стѣны, вздымающіяся на сотни футовъ надъ поверхностью воды, наконецъ, убѣгающіе въ даль зеленые бугры,—все это сразу поражаетъ непривычнаго зрителя и будитъ въ немъ какія-то особенныя чувства, вполнѣ понятныя лишь для поволжанина.

Въ одномъ мѣстѣ береговые утесы подходятъ къ самой Волгѣ и круто обрываются здѣсь отвѣсною стѣною, въ другомъ—отступаютъ въ глубь какого-нибудь дола, постепенно возрастаютъ до 200—400 футовъ высоты надъ узкимъ бичевникомъ и затѣмъ расходятся невысокими лѣсистыми буграми. Вершины усажены преимущественно сосной, которая рѣдкими рядами окаймляетъ Жегули. Въ иномъ мѣстѣ густая темная зелень хвои уступаетъ мѣсто нѣжной свѣжей зелени прибрежнаго тальника, которая сползаетъ къ самой Волгѣ или, немного не доходя до нея, останавливается у щебнистаго, усѣяннаго цвѣтными голышами песчанаго берега.

Вѣтеръ, вода и человѣкъ изо дня въ день крошатъ горы и измѣняютъ ихъ очертанія. Оттого, несмотря на кажущуюся однообразность контуровъ, нельзя оторвать глазъ отъ Жегулей. Въ иномъ мѣстѣ, на самой верхушкѣ, выступитъ нѣчто въ родѣ старой, растрескавшейся стѣны, зачернѣетъ щель въ массѣ слоистаго известняка, покажется размытая водою пещерка или вдругъ надъ самымъ бичевникомъ повиснетъ громадная глыба плитняку. Кажется, что она чуть-чуть держится у скалы и ежесекундно готова оторваться. Какъ то невольно тянетъ подойти къ подножію этой громады, и жутко-жутко станетъ на душѣ, когда почувствуешь всю мизерность, всю ничтожность свою въ сравненіи съ вѣковыми громадами, столь величавыми въ своемъ молчаливомъ одиночествѣ.

Высадившись противъ Ставрополя, я ѣхалъ нѣкоторое время берегомъ. Дорога, вся усыпанная известковой щебенкой, тянулась яркобѣлою лентою. Предо мною выросъ Молодецкій курганъ (самая выдающаяся западная точка Жегулей), который оборвался въ рѣку своимъ характернымъ профилемъ. За нимъ дорога повернула влѣво. Я въѣхалъ въ широкій долъ, спускающійся къ рѣкѣ. Направо отъ меня высилась громада Усинскаго кургана, налѣво убѣгалъ въ даль Молодецкій курганъ, позади въ красивой рамѣ колыхалась могучая Волга, а впереди, куда ни кинуть взглядъ, смотрѣла волнистая поверхность холмовъ, то украшенныхъ на вершинахъ веселою зеленью, то блестѣвшихъ своими проплѣшинами. Видъ однообразный и утомительный: покажется холмъ, вытянется узенькій долъ или буеракъ, зажелтѣетъ поле, забѣлѣютъ каменоломни, а за ними, глядишь, точно крадутся въ обходъ тѣже картины.

Въ концѣ дола, которымъ я ѣхалъ (такъ называемая „Жегулевская труба“), расположено с. Жегулиха, раскинувшееся между известковыми холмами, по оврагамъ и косогорамъ. Здѣсь была моя главная квартира, откуда я предпринималъ дальнѣйшія поѣздки. Между прочимъ, желая произвести нѣкоторыя изслѣдованія, интересныя для меня, я посѣтилъ село Моркваши, расположенное въ сѣверной же грядѣ Жегулей, наискось отъ Ставрополя. Между „Жегулевской трубой“ и этимъ селомъ на утесистомъ берегу Волги выдаются нѣсколько отдѣльныхъ вершинъ, изъ которыхъ наиболѣе извѣстны „Дѣвичій курганъ“ и „Два брата“ (высотою надъ Волгою до 100 саж.).

Около самыхъ Морквашъ высится такъ называемая „Лысая гора“ **). Это—высокій (до 120 саж.) холмъ, продолговатой формы, съ крутымъ, обращеннымъ на юго-западъ склономъ, который далеко-далеко виденъ съ Волги. Склонъ состоитъ изъ неособенно крупной известковой щебенки, покрытой очень тонкимъ слоемъ мелкаго чернозема. Мнѣ захотѣлось подняться на самую гору. Со стороны Морквашъ она была почти недоступна, такъ какъ производящаяся здѣсь ломка известняка превратила весь склонъ въ груду

*) Изъ путевыхъ замѣтокъ Ф. Груздева.

**) По преданію, сохраненному еще мѣстными старожилами, на Лысую гору всходилъ Петръ Великій и даже оставилъ надпись „1720 г.“. Но теперь надписи я и слѣдовъ не видѣлъ: должно быть, господа туристы, по своему обыкновенію, постарались уничтожить ее, разобравши на память по кусочкамъ.

набросанныхъ въ безпорядкѣ другъ на друга камней. Пришлось обогнуть гору и взбираться по лѣсистому ребру, скрывавшему панораму. Едва удерживая свою лошадь, я съ трудомъ взбирался по крутому (въ 30—40°) уклону. Потъ градомъ катился съ меня. Наконецъ, запыхавшаяся лошадь вынесла меня на гребень горы,—и предо мною, какъ на ладони, развернулась величественная картина волжской природы.

Подъ ногами, красиво изгибаясь, подобно громадной серебряной лентѣ, млѣла красавица-Волга. Среди нея, разубранные разноцвѣтными песками и нѣжною зеленью тальника, подобно изящнымъ букетамъ, выглядывали острова. За нею тонули въ золотистой мглѣ далеко убѣгавшіе за горизонтъ лѣса. Я выросъ на Волгѣ, привыкъ къ ея широкой глади водъ, тѣмъ не менѣе всегда Волга производитъ на меня чарующее впечатлѣніе. И когда, съ высоты громаднаго утеса, я глядѣлъ на эту безграничную ленту воды, гдѣ пестрѣли паруса судовъ, „бѣжали" (по волжскому выраженію) пароходы, гдѣ ключемъ била кипучая бойкая жизнь, я невольно поддавался ласкающему обаянію этой картины,—и какое-то внутреннее довольство поселялось въ душѣ. Прибавьте къ этому громады Жегулей, сурово смотрящіяся въ рѣку, и южное, горячее небо, громаднымъ синимъ куполомъ опрокинувшееся надъ вами,—и вы поймете чувство волжанина, любущагося родною рѣкой... Удивительно ли послѣ этого, что Жегули привлекали и привлекаютъ массу ученыхъ путешественниковъ и простыхъ туристовъ?!!

Первыя подробныя указанія о Жегуляхъ и ихъ природѣ мы встрѣчаемъ еще у Палласа, который изслѣдовалъ въ 1769 году минеральныя богатства и главныя породы края. Но его изслѣдованія носятъ скорѣе топографическій характеръ. Геогностическое же изслѣдованіе пластовъ было сдѣлано другими учеными.

Благодаря этимъ изслѣдованіямъ, выяснились громадныя минеральныя богатства Жегулей; горный известнякъ, идущій на плиты, прекрасная сѣра, блестящій колчеданъ, который одно время принимали за золото, наконецъ, гудронный песчаникъ, давшій возможность развиться здѣсь русскому асфальтовому дѣлу. Много и другихъ богатствъ таятъ нѣдры Жегулей (напримѣръ, залежи глауберовой соли), но они не разрабатываются. Владѣлецъ Жегулей гр. Орловъ-Давыдовъ *) обращаетъ преимущественно вниманіе на эксплоатацію гудроннаго песчаника и зерновое хозяйство. Немалые доходы приносятъ и лѣсныя дачи, простирающіяся, въ общей сложности, до 18,000 десятинъ хвойнаго лѣса и чернолѣсья.

Вся сѣверная половина Самарской Луки, представляющая изъ себя рядъ довольно высокихъ (до 150 саж. надъ уровнемъ р. Волги) холмовъ, изрытыхъ ущельями и буераками, почти сплошь покрыта лѣсами, которые начинаются уже съ самаго подножія холмовъ. Такъ, самый низъ горъ, почти у самой воды, покрытъ древесными породами „уремы". Именно, здѣсь встрѣчаются, на всемъ протяженіи береговой полосы Жегулей, нѣсколько видовъ рода Salix (ивы—козья, ушастая, верба и друг.), черный и бѣлый тополи, ольха бѣлая, калина, крушина, черемуха и нѣсколько видовъ травянистыхъ растеній. Иногда, особенно на склонахъ, покрытыхъ наносными песками, напр., около дер. Морквашъ, среди „уремы" растетъ сосна, отличающаяся здѣсь отличнымъ ростомъ. Выше „уремной" полосы начинается чернолѣсье, преимущественно въ оврагахъ и на тѣхъ склонахъ, гдѣ образовался болѣе или менѣе значительный слой чернозема. Чѣмъ толще слой послѣдняго, тѣмъ гуще и сильнѣе разростаются древесныя породы; клены, липа мелколистная, лѣтній и зимній дубы и вязъ; мѣстами къ этимъ главнымъ породамъ примѣшиваются, въ качествѣ подлѣска, калина, крушина, орѣшникъ и нѣкоторые другіе кустарники. Напротивъ, на сухихъ известковыхъ склонахъ, особенно южныхъ, на „лысинахъ" и гребняхъ господствуетъ сосна, заселяющая, въ качествѣ піонера растительности, всѣ свободныя мѣста...

Начинаясь обрывистыми утесами въ сѣверной части Луки, горный кряжъ Жегулей понижается къ югу. При этомъ буераки и ущелья, въ разныхъ мѣстахъ прорѣзывающіе его, расширяются и незамѣтно переходятъ въ ровную площадь южной полосы Луки. Послѣдняя, за исключеніемъ двухъ глубокихъ и широкихъ овраговъ, густо заросшихъ чернолѣсьемъ, и крошечныхъ островковъ лѣса на рѣдкихъ здѣсь возвышенностяхъ, представляетъ настоящую степь съ ковылемъ, бобовникомъ и т. п. растеніями. Теперь вся она распахивается подъ хлѣба... Мѣстами эта равнина покрыта наносами рѣкъ, какъ, напр., около устьевъ р. Усы и въ юго-восточномъ углу Луки... Богатый черноземъ, покрывающій степь толстымъ слоемъ, даетъ прекрасные сборы хлѣбовъ, особенно пшеницы.

Несмотря, однако, на всѣ природныя богатства Самарской Луки, населеніе далеко не

*) Къ настоящему владѣльцу Жегули перешли по наслѣдству отъ извѣстныхъ современниковъ Екатерины II Орловыхъ, которымъ Императрица подарила всю эту мѣстность. Теперь, по нынѣшнимъ цѣнамъ, стоимость этого царскаго подарка исчисляется въ нѣсколько милліоновъ рублей.

густое: поселки очень немногочисленны и раскинуты на большія разстоянія другъ отъ друга—въ прибрежныхъ ложбинахъ между холмами. Ширяево, Морквашн, Отважная, Жегулиха, Усолье, Переволоки,—вотъ и всѣ поселенія, разбросанныя на громадномъ пространствѣ Луки.

Невольно думается, какое богатое населеніе могло бы существовать здѣсь, въ этой богатой отъ природы мѣстности,—навѣрно, разъ 10—20 больше, чѣмъ теперь. А нынче и то рѣдкое населеніе, которое находится, далеко нельзя назвать зажиточнымъ. Причина этого кроется, какъ мнѣ кажется, въ такъ называемыхъ „четвертныхъ надѣлахъ" мѣстныхъ поселянъ. Эти надѣлы—вотъ что такое. Когда, при уничтоженіи крѣпостнаго права, крестьянъ надѣляли землею, то предложили желающимъ освободиться безъ обычнаго выкупа, получивъ четверть надѣла въ полную собственность. Многіе крестьяне согласились тогда и теперь плачутся: можно себѣ представить, во что превратились эти надѣлы теперь, чрезъ 30 лѣтъ, когда населеніе успѣло значительно увеличиться! Волей-неволей крестьянамъ пришлось обратиться къ прежнимъ помѣщикамъ за арендою земли,—ну, а тѣ, разумѣется, съумѣли воспользоваться своимъ положеніемъ...

Не могло, конечно, способствовать развитію благосостоянія мѣстныхъ крестьянъ и сильно развитое почти до 50-хъ годовъ текущаго столѣтія разбойничество. Жегули издавна были настоящимъ разбойничьимъ гнѣздомъ волжскихъ пиратовъ. Ихъ грабежамъ помогала сама природа: на западной сторонѣ Луки протекаетъ рѣчка Уса, которая у села *Переволоки* очень близко (версты на 3) подходитъ къ Волгѣ. Въ этомъ мѣстѣ волжскіе рыцари *перєволакивали* свои утлыя суденышки съ Волги на Усу, а на противоположномъ—сѣверномъ концѣ Луки опять спускались въ Волгу, оставляя Самару въ сторонѣ. Благодаря такому маневру, суда, благополучно миновавшія Переволоки и Самару, натыкались на разбойниковъ близъ Ставрополя. Если вспомнить еще, что въ то время Жегули были совсѣмъ непроходимы, то станетъ понятно, почему эта мѣстность стала излюбленнымъ притономъ рыцарей ночи.

„Почти всѣ волжскіе атаманы побывали здѣсь,—говоритъ С. Монастырскій *),—и едва ли не каждый оврагъ или бугоръ связанъ воспоминаніемъ о томъ времени, когда здѣсь разгуливали Стенька Разинъ, Ѳедька Шелудякъ, Булавинъ, Заметаевъ и друг. Побывали здѣсь и покорители Сибири—атаманы Ермакъ и Кольцо, именами которыхъ называются существующія нынѣ двѣ деревни—Ермаково и Кольцовка. Жегули были обѣтованной землей для разбойниковъ. Сидѣли эти молодцы на какомъ-нибудь высокомъ курганѣ и, завидѣвъ судно, спускались къ берегу, въ кусты, отвязывали свои ладьи и поджидали. Какъ только судно приближалось, разбойники кричали; „Сарынь на кичку". Эти слова производили магическое впечатлѣніе: бурлаки, тянувшіе лямку, ложились на землю; судорабочіе, находившіеся на суднѣ, выбѣгали на палубу и тоже ложились на носовой части судна—какъ тетерева носомъ внизъ (кичка—носъ). Наступала мертвая тишина. Хозяинъ судна торопливо вручалъ деньги водоливу (старшему судорабочему), для передачи ихъ разбойникамъ, а самъ, въ своей каютѣ, клалъ земные поклоны предъ иконами. Разбойники быстро взбирались на палубу и брали, что понравится. Судорабочіе лежали неподвижно: если кто изъ нихъ пошевелился, то его немедленно убивали. Сопротивленіе влекло за собою истребленіе всѣхъ, начиная съ хозяина и кончая послѣднимъ рабочимъ,—разграбленіе всего добра и потопленіе самаго судна.

„Бурлаки часто дѣйствовали за одно съ разбойниками. Обиженные и обсчитанные хозяиномъ, они приносили свои жалобы не водяному суду, гдѣ ихъ только волочили, а жегулевскимъ удальцамъ,—горе тогда было хозяину или его приказчикамъ: виновнаго или убивали, или драли на палубѣ судна, какъ „сидорову козу" при общемъ хохотѣ бурлаковъ.

„Во избѣжаніе подобной экзекуціи, всякій судохозяинъ, приближаясь къ Жегулямъ, задабривалъ рабочихъ водкой, а самъ готовилъ дань и горячо молился, чтобы Господь пронесъ благополучно. Если случалось, что не по далеку грабили чье-нибудь судно, то остальные судохозяева не вмѣшивались; даже были довольны этимъ. Каждый изъ нихъ соображалъ про себя: „Лиходѣи работаютъ, а меня въ это время Господь пронесетъ благополучно".

Для искорененія разбойниковъ правительство принимало энергичныя мѣры: высылало команды для раззоренія ихъ притоновъ, назначало награду за поимку разбойниковъ, наконецъ, учредило спеціальную рѣчную полицію, которая на шлюпкахъ, вооруженныхъ пушками, разъѣзжала по всему Поволжью. Но послѣдняя стала для судохозяевъ едва-ли не страшнѣе самихъ разбойниковъ: она постоянно придиралась къ судохозяевамъ, требовала паспортовъ рабочихъ,—отсюда явилось лихоимство,—дебоширила въ прибрежныхъ селеніяхъ и пр. Болѣе принесло пользы оживленіе Волги съ введеніемъ пароходства. Тогда разбои прекратились сами собою.

Теперь „шалости" разбойниковъ и самыя

*) „Спутникъ по Волгѣ". Отъ Н.-Новгорода до Астрахани.

имена ихъ отошли въ область преданій и скоро, вѣроятно, совсѣмъ придутъ въ забвеніе у мѣстныхъ жителей. Когда я былъ въ Жегуляхъ, то изъ разспросовъ старожиловъ оказалось, что въ памяти ихъ спутались когда-то самыя громкія на Волгѣ имена, напримѣръ, Стеньки Разина. Въ простомъ народѣ сохранилось о немъ только смутное представленіе и то, какъ о виновникѣ многихъ кладовъ, будто-бы зарытыхъ имъ въ разныхъ мѣстахъ Жегулей. Вотъ все, что осталось отъ громкихъ разсказовъ, когда-то ходившихъ по всему Поволожью о знаменитомъ атаманѣ „волжской вольницы".

Красивый видъ имѣютъ и „Столбичи", мѣловыя горы у с. Золотаго, въ 120 верстахъ ниже Саратова. „На берегу точно зима *). Эту иллюзію даетъ бѣлая мѣловая почва, перемѣшанная съ песчанымъ грунтомъ. За селомъ Золотымъ береговыя красоты еще оригинальнѣе. Вы вступаете въ міръ фантастическихъ видѣній, такъ какъ крутой правый берегъ даритъ васъ цѣлымъ рядомъ особенностей... Сначала идутъ разсыпанные тамъ и сямъ овальные бугры, похожіе на караваи. Затѣмъ, надъ песчано-каменистымъ побережьемъ поднимается красивая сѣрая стѣна, обнажающая свое строеніе. Гдѣ она разступается, тамъ, во впадинахъ, ущельяхъ и отверстіяхъ и у подножія холмовъ тѣснятся овальные бугры и прежніе караваи. Изрѣдка покажется въ долинѣ деревенька. Вотъ обозначились въ обрывахъ стѣны, фантастическія башни и руины, затѣмъ подобіе „крѣпостнаго вала". „Столбичи" картинны особенно въ ясную лунную ночь, когда ихъ „столбы" и башни, бѣлые и ясные, рѣзко выдѣляются на темномъ фонѣ окрестностей.

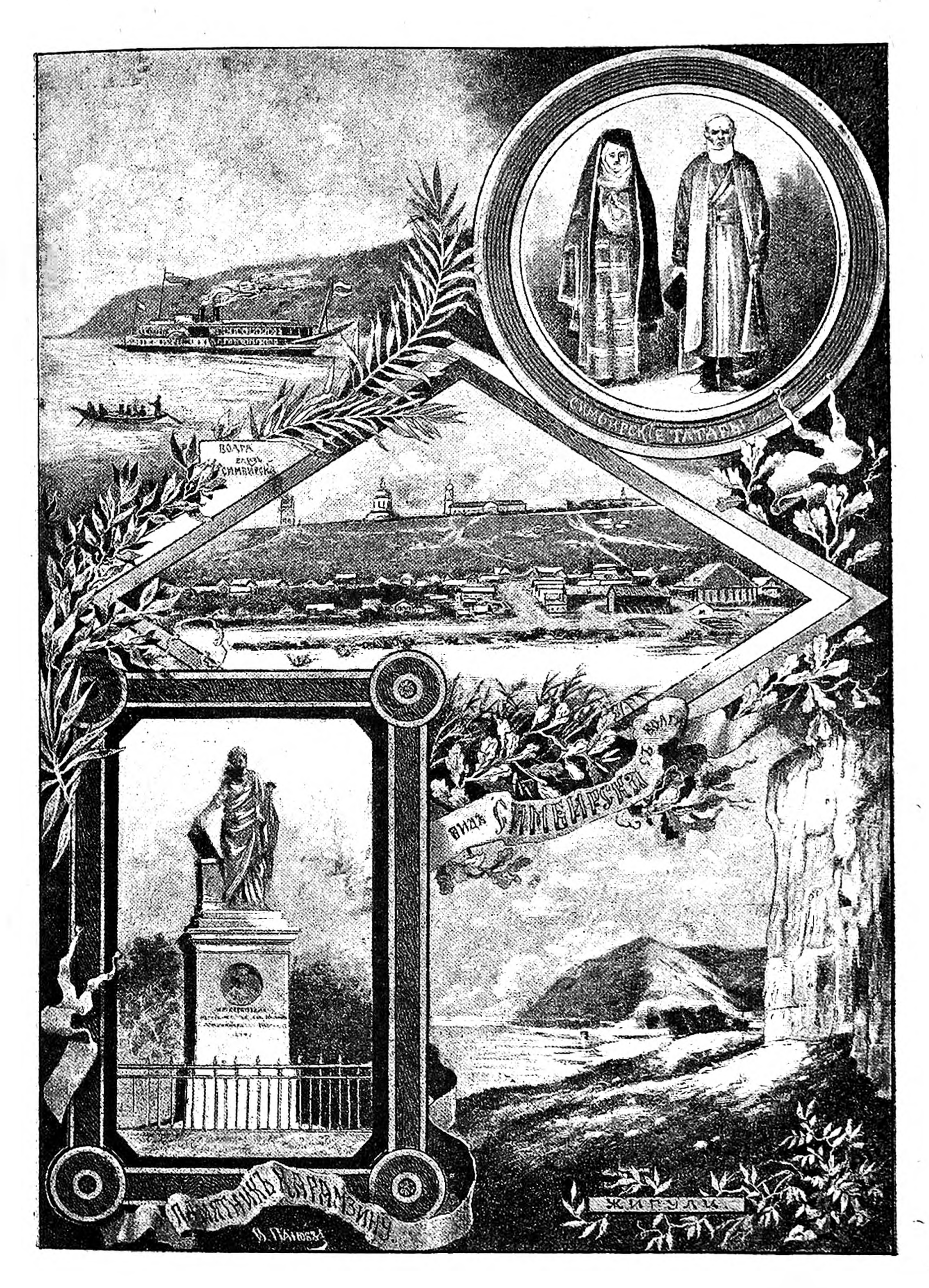
Подобно Жегулямъ, и эта мѣстность была когда-то ареной волжскихъ разбоевъ и лихихъ дѣлъ Стеньки Разина и Пугачева. Имена этихъ волжскихъ витязей до сихъ поръ еще уцѣлѣли въ названіяхъ нѣкоторыхъ холмовъ, бугровъ и овраговъ.

По составу своей почвы вся область принадлежитъ къ черноземнымъ областямъ Россіи. Но черноземъ здѣсь, мѣстами достигающій значительной толщины (до $2^1/_2$ арш.), распредѣленъ не равномѣрно. На сѣверѣ области встрѣчаются суглинки, супеси и пески; такъ, $^3/_4$ всей Казанской губ. занимаютъ эти почвы; въ Пензенской губ. — въ Краснослободскомъ и Городищенскомъ уѣздахъ почвы также песчаныя, даже отчасти болотистыя. Почва же Симбирской и Саратовской губ.—по преимуществу черноземъ.

Черноземность почвы заставила населеніе области устремить все свое вниманіе на обработку и повела за собою сильное истребленіе когда-то господствовавшихъ въ области дремучихъ лѣсовъ. Теперь же въ Казанской губ. подъ лѣсомъ осталось только 35% всей площади, при чемъ наиболѣе лѣснымъ уѣздомъ остался Царевококшайскій, гдѣ встрѣчаются и теперь богатыя рощи корабельнаго лѣса (преимущественно дубъ и сосна). Въ Пензенской губ. лѣса осталось всего 14% общаго пространства, при чемъ южные уѣзды совсѣмъ почти лишены его. Мало лѣса и въ Саратовской губ. (всего 13%), особенно въ южной части губерніи, гдѣ населеніе, за недостаткомъ дровъ, давно уже принуждено было довольствоваться, въ качествѣ топлива, однимъ хворостомъ, а то и кизякомъ. Богаче всего лѣсомъ Симбирская губ., гдѣ въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, напр. въ Алатырскомъ, площадь лѣсовъ занимаетъ 43% общей площади. Преобладающія породы — дубъ, береза, кленъ, липа и иногда сосна. Но большая часть лѣсовъ принадлежитъ Казнѣ и Удѣламъ (876 т. дес.), во владѣніи помѣщиковъ находится 508 тыс. д., а у крестьянъ всего 49 тыс. дес.

Истребленіе лѣсовъ, особенно по берегамъ рѣкъ и у истоковъ ихъ, гибельно отразилось на метеорологическихъ условіяхъ и стало вызывать частыя засухи, при-

*) Волга. Н. Лендера, 185 стр.



Городъ Симбирскъ и его окрестности.

чиняющія сильные неурожаи въ этой богатой отъ природы области. Зима годъ отъ году стала суровѣе, а лѣто жарче. Въ общемъ же климатъ въ области— континентальный, умѣренный. Средняя годовая температура и количество водныхъ осадковъ распредѣляется такъ.

	Температура.	Осадки.
Казань	3,2° Ц.	411
Пенза	3,9 »	—
Саратовъ.	5,9 »	437
Симбирскъ	3,6 »	474

У Казани Волга вскрывается около 25 марта и замерзаетъ около 23 октября, т. е. остается свободною отъ льда въ теченіе 197 дней въ году; у Симбирска Волга вскрывается 3 апрѣля, а замерзаетъ 29 ноября, т. е. для навигаціи остается 193 дня; у Саратова вскрытіе Волги—7 апрѣля и замерзаніе 26 ноября, время навигаціи — 233 дня. Вслѣдствіе растянутости Саратовской губ. между сѣверными и южными частями ея существуетъ, въ отношеніи температуры, значительная разница: такъ, въ Царицынѣ средняя годовая темп. 6,4°Ц., т. е. 0,5° теплѣе. Здѣсь уже созрѣваетъ виноградъ, зато зимою бываетъ меньше водныхъ осадковъ, и земля лежитъ почти совершенно обнаженная, тогда какъ на сѣверѣ снѣга много

Сравнительно мягкій климатъ и плодородная почва давно уже привлекали въ область славянскихъ переселенцевъ, особенно великороссовъ, но послѣдніе могли прочно основаться здѣсь только тогда, когда имѣли у себя за спиною твердый оплотъ, въ видѣ Нижняго Новгорода, противъ жившихъ здѣсь инородцевъ. И дѣйствительно, съ основаніемъ Нижняго Новгорода, т. е. овладѣвъ устьемъ Оки, русскіе смѣло устремились теперь внизъ по Волгѣ и вверхъ по Окѣ. Постепенно ими были покорены обитавшія здѣсь нѣкогда финскія племена: Мордва, Мурома, Мещера, буртасы и др., которые, кромѣ развѣ мордвы, теперь всѣ обрусѣли. Труднѣе оказалось завладѣть нынѣшнею Казанскою губ. Здѣсь, съ V по XIII в., существовало могущественное Болгарское царство, развалины столицы котораго, „Болгары“ или „Бургары“, до настоящаго времени уцѣлѣли въ с. Болгары (Успенскомъ), Спасскаго у., въ 25 в. отъ у. гор. и 6 отъ Волги. Почти одновременно съ покореніемъ Руси татарами, часть татарскаго войска проникла въ Болгарію и поработила страну, превративъ большинство городовъ въ развалины. Въ то-же время, охваченные движеніемъ монгольскихъ ордъ, изъ Азіи, именно изъ предѣловъ нынѣшней Енисейской губ., тронулись на западъ вотяки и нашли себѣ пріютъ въ лѣсистой области побережій р. Вятки. Занятая ими область стала называться Арскою землею (татары называли вотяковъ *ари*), памятниками которой теперь остаются г. Арскъ и арское поле (въ Казани). Будучи выше вотяковъ, по умственному развитію, болгары смотрѣли на нихъ свысока, каковой взглядъ до сихъ поръ удержался и среди современныхъ татаръ, считающихъ названіе *арина* сильнѣйшимъ оскорбленіемъ для себя. Съ покореніемъ болгарскаго царства татарами, на его мѣстѣ было основано однимъ выходцемъ Золотой Орды, Улу-Мехметомъ, царство Казанское, бывшее, подобно Крыму, долго грозой для русскихъ; не разъ сама Москва видѣла казанцевъ подъ своими стѣнами. Но, въ концѣ концовъ, русскимъ удалось справиться со своимъ врагомъ, — и въ 1552 г. Казанское царство было покорено Іоанномъ Грознымъ. Съ этого времени началось сильное движеніе русскихъ переселенцевъ не только сюда, но и дальше, внизъ по Волгѣ, тѣмъ болѣе, что чрезъ 5 лѣтъ послѣ взятія Казани пало и другое татарское царство на Волгѣ, именно Астраханское,—и вся великая рѣка была теперь открыта для русскихъ. Нѣкоторою задержкою въ развитіи края было сильно распространенное здѣсь разбойничество. Берега Волги стали притономъ шаекъ казаковъ, такъ называемой понизовой воль-

ницы, по временамъ принимавшихъ громадные размѣры и затруднявшихъ торговыя сношенія Россіи съ азіатскими странами. Въ періодъ самозванцевъ волжская вольница принимала дѣятельное участіе въ смутахъ того времени, а въ 1667—72 г. здѣсь, какъ и по всему Каспійскому побережью, господствовалъ извѣстный разбойникъ, герой народныхъ пѣсенъ—Степанъ (Стенька) Разинъ. Для защиты края отъ разбойниковъ правительство принуждено было построить рядъ укрѣпленій и въ половинѣ XVIII в. поселило здѣсь болѣе 1,000 семей Донскихъ казаковъ, получившихъ названіе Волжскаго казачьяго войска. Но послѣднее не только не охраняло край, а само принимало дѣятельное участіе въ разбояхъ и, послѣ Пугачевскаго бунта, охватившаго всю среднюю и нижнюю Волгу, было выселено на Терекъ. Правильное заселеніе волжскихъ береговъ началось только со временъ Екатерины II,—частью привлеченіемъ сюда иностранныхъ колонистовъ, частью переселеніемъ крестьянъ изъ великорусскихъ и малорусскихъ губерній.

Въ настоящее время всего въ области—около 7,650 тыс. населенія, которое распредѣлено довольно равномѣрно (въ Казанской губ.—33 чел. на 1 кв. в., въ Пензенской—44, въ Саратовской—33 и Симбирской—36). При этомъ городское населеніе составляетъ въ Казанской губ. и Пензенской—около 9% общаго числа, въ Саратовской 13%, а въ Симбирской — только 7%. По племенному составу населеніе довольно разнообразно, но русскіе почти вездѣ преобладаютъ. Такъ, въ Пензенской губ. русскихъ—89% всего населенія, въ Саратовской—75%, въ Симбирской—70% и только въ Казанской—40%. Остальное—инородцы татары, чуваши, черемисы, мордва, вотяки, мещера; затѣмъ нѣмцы-колонисты. Всего болѣе инородцевъ въ Казанской губ., гдѣ они составляютъ большинство населенія (около 60%), изъ нихъ 30%—татаръ, 20%—чувашъ, 5%—черемисовъ, 1%—мордвы, 0,5%—вотяковъ). Въ Пензенской губ. инородческій элементъ (мордва, мещера и татары) не значителенъ (всего 11%), въ Саратовской губ. изъ не-великоруссовъ больше всего нѣмцевъ, въ Симбирской — 80% населенія составляютъ мордва, чуваши и татары.

Главное и самое многочисленное среди инородцевъ племя—татары.

О происхожденіе слова „татаринъ" имѣются и до настоящаго времени довольно смутныя свѣдѣнія. Вѣроятнѣе всего предположить, что слово это, подобно слову „нѣмецъ", т. е. нѣмой, не умѣющій говорить по нашему, скорѣе прозвище, чѣмъ названіе національности. Въ первый разъ слово „татары" мы встрѣчаемъ у лѣтописца XIII стол., который говоритъ слѣдующимъ образомъ о нашествіи на Русь монголовъ Чингисхана и покоренныхъ имъ тюркскихъ племенъ: „пріидоша языци незваемые, ихъ-же добре никто-же вѣсть, кто суть и отколѣ изыдоша, и котораго племени суть и что вѣра ихъ; а зовутъ ихъ татары, а инін глаголютъ таурмени". Такимъ образомъ, на основаніи словъ лѣтописца, татаръ можно отнести къ одному изъ тюркскихъ племенъ.

Сами татары до сихъ поръ величаютъ себя булгарами. Болгарское государство, покоренное монголами, состояло, какъ извѣстно, изъ смѣси тюркскихъ племенъ съ славянскими, на основаніи чего нѣкоторые изслѣдователи признаютъ родство волжскихъ татаръ (или болгаръ) съ дунайскими болгарами. Однако, новѣйшія изслѣдованія не подтверждаютъ этого вывода. Какъ-бы то ни было, надо признать казанскихъ татаръ лучшею вѣтвью среди всѣхъ ихъ соплеменниковъ.

Главное занятіе татаръ торговля. Въ ней они чувствуютъ себя, какъ въ родной стихіи. Въ казанской и симбирской губерніи почти вся разносная торговля находится въ рукахъ татаръ. Нѣкоторые изъ нихъ, скопивъ небольшой капиталъ, пускаются и въ солидныя торговыя предпріятія, заводятъ фабрики и заводы.

Какъ земледѣлецъ, татаринъ стоитъ ниже русскаго и чувашенина. Во многихъ селеніяхъ они вовсе не обработываютъ своихъ земельныхъ участковъ, сдавая ихъ въ аренду русскимъ, чувашамъ или вотякамъ.

До сихъ поръ большинство татаръ оказываются вѣрными своему національному костюму. Впрочемъ, наиболѣе состоятельные изъ нихъ уже начинаютъ одѣвать европейское платье, посѣщать клубы, собранія и пр.

Женщины-татарки отличаются страстью къ пестрымъ, расшитымъ парчею и золотомъ костюмамъ. Непремѣнную принадлежность костюма татарки составляетъ нагрудникъ съ позументами, унизанный монетами. Среди казанскихъ татарокъ не рѣдкость встрѣтить хорошенькое личико, которое, впрочемъ, обезображивается слоемъ бѣлилъ и румянъ на щекахъ и отъ окрашиванія зубовъ и ногтей чернильно-орѣховымъ настоемъ.

Нравственность татаръ характеризуется пословицей: „татаринъ либо насквозь хорошъ, либо насквозь мошенникъ". Въ большинствѣ случаевъ дурные инстинкты татаръ обращаются къ конокрадству. Татары-конокрады смѣлы до дерзости.

Татары, за исключеніемъ живущихъ въ Казани, ѣдятъ конину, при чемъ не брезгуютъ, не смотря на запрещеніе полиціи, даже больными лошадьми.

По религіи всѣ татары магометане-сунниты. Обряды своей религіи они исполняютъ необыкновенно тщательно, не обращая вниманія на посторонныхъ зрителей. Всякому, ѣздившему по Волгѣ, доводилось видѣть, какъ татары, ѣдущіе на пароходѣ, въ урочный для „намаза" (молитвы) часъ берутъ свои коврики и исполняютъ предписанія своей религіи, не обращая вниманія на окружающихъ ихъ любопытныхъ пассажировъ.

Татары въ общемъ живутъ дружно съ русскими, но держатся особнякомъ и сохраняютъ въ неприкосновенности свои родные языкъ, вѣру и обычаи. Обрусѣніе ихъ если когда и будетъ достигнуто, такъ только въ отдаленномъ будущемъ.

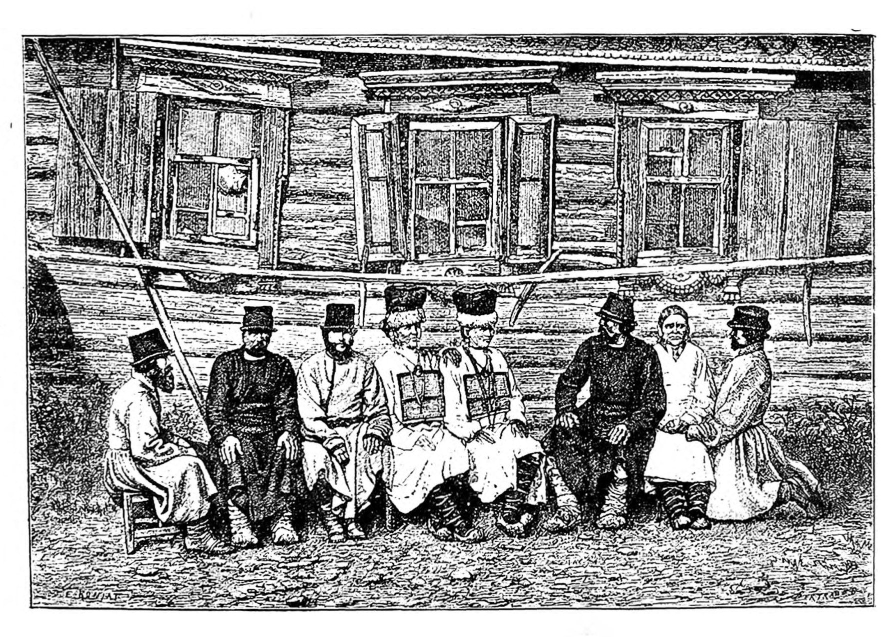
Второе, по численности, мѣсто послѣ татаръ среди инородцевъ нашей области занимаютъ чуваши.

Племенное происхожденіе чувашей до сихъ поръ не достаточно выяснено: одни относятъ ихъ къ финскому племени, считая языкъ ихъ финскимъ нарѣчіемъ, образовавшимся подъ сильнымъ вліяніемъ тюркскаго и славянскаго языковъ. Другіе считаютъ его чисто тюркскимъ нарѣчіемъ съ примѣсью словъ арабскихъ и персидскихъ. Послѣднее мнѣніе болѣе правдоподобно.

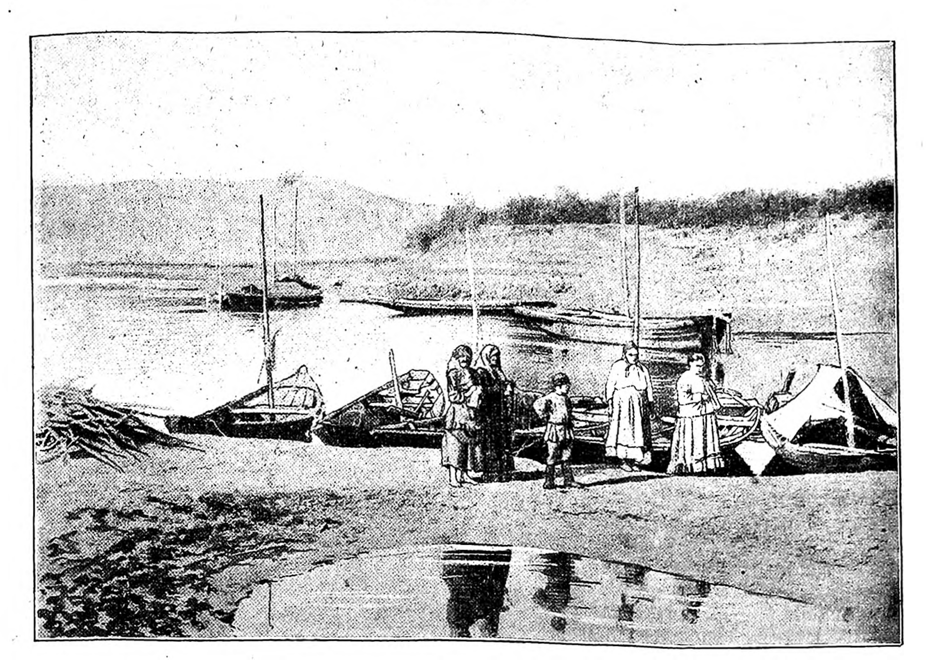
Монгольскій типъ въ наружности чувашъ не такъ рѣзко сказывается, какъ у татаръ, но все-же даетъ себя знать въ покатомъ назадъ лбѣ, выдающихся скулахъ и узкомъ разрѣзѣ глазъ. Чуваши не обладаютъ большой физической силой; роста они небольшого; лица ихъ блѣдны и апатичны.

Одежда чувашей представляетъ сходство съ русскою и татарскою: чуваши носятъ балахоны и длинныя рубахи, а женщины ихъ такъ-же любятъ пестроту въ своей одеждѣ, какъ и татарки.

Матеріальный бытъ чувашей даже ниже, чѣмъ у русскаго крестьянина. Они чрезвычайно скупы и неопрятны: у нихъ изъ



Черемисы Симбирской губерніи.



Волжскій затонъ.

того-же котла, гдѣ варится пища, пьютъ люди, телята, овцы; въ немъ-же моютъ ребятъ и стираютъ бѣлье.

Зато, какъ земледѣлецъ, чувашенинъ стоитъ выше русскаго крестьянина, но, какъ промышленникъ и торговецъ, значительно уступаетъ послѣднему.

По степени умственнаго развитія чуваши и до сихъ поръ стоятъ очень низко; русскій языкъ пока мало распространенъ между ними, по религіи они и теперь полу-язычники.

Браки у чувашей-мужчинъ совершаются въ раннемъ возрастѣ съ цѣлію получить скорѣе въ домъ работницу; наоборотъ, дѣвушки, по той-же причинѣ, долго засиживаются въ невѣстахъ. За невѣсту женихъ или отецъ его платятъ по татарскому обычаю, *калымъ*, доходящій иногда до 200 р. и болѣе. У кого нѣтъ денегъ на выкупъ невѣсты, тотъ прибѣгаетъ къ кражѣ ея, которая, впрочемъ, совершается послѣ предварительныхъ переговоровъ жениха съ невѣстой и съ согласія ея отца.

Самымъ популярнымъ праздникомъ у чувашей считается праздникъ *тора-торажинъ-Чуклесъ*, т. е. моленіе объ урожаѣ хлѣба, сопровождаемый шумными попойками и весельемъ.

Въ заключеніе надо отмѣтить одну изъ симпатичныхъ сторонъ въ характерѣ „Василія Ивановича“ (кличка чувашей, данная имъ русскими крестьянами)—это ихъ трудолюбіе.

Черемисы, третье по значительной численности инородческое племя области, издавна обитали въ окрестностяхъ Волги и Оки. О нихъ упоминаетъ еще Несторъ, какъ о народѣ воинственномъ, занимавшемся исключительно звѣриною и рыбною ловлею, который жилъ „аки дикіе“, по выраженію лѣтописца.

Черемисы принадлежатъ къ финскому племени *Меря* и живутъ въ царевококшайскомъ, козьмодемьянскомъ, чебоксарскомъ, казанскомъ и мамадышскомъ уѣздахъ Казанской губ. въ числѣ всего около 260 т. По мѣсту жительства они дѣлятся на луговыхъ и горныхъ.

Горные черемисы имѣютъ и болѣе привлекательную наружность, и болѣе развиты, чѣмъ луговые. По религіи они православные, при чемъ отличаются особенною приверженностью къ обрядовой сторонѣ религіи.

Занятіе горныхъ черемисовъ—земледѣліе, луговыхъ — кромѣ земледѣлія, мало вознаграждающаго ихъ трудъ — охота, пчеловодство и лѣсные промыслы. Луговой черемисъ непонятливъ, угрюмъ, грубъ и имѣетъ пристрастіе къ вину.

По неопрятности черемисы превзошли даже чувашей. Характера они, такъ-же какъ и чуваши, боязливаго, особенно передъ начальствомъ.

Одежда черемисовъ—кафтанъ изъ бѣлаго крестьянскаго сукна, подпоясанный ремнемъ. Лѣтомъ — балахонъ изъ посконнаго холста, обшитый по краямъ кумачемъ. У женщинъ почти такой-же костюмъ, за исключеніемъ пояса. Головной уборъ женщинъ состоитъ изъ холста, намотаннаго на подставку, вродѣ лопаты съ выдающимися рогами, иногда украшенный монетами. Дѣвушки носятъ простыя бѣлыя косынки, а въ косы вплетаютъ снурки, монеты. На груди носятъ кожаный четыреугольникъ, унизанный монетами. На ногахъ у женщинъ толстыя черныя онучи.

Свадебные обряды черемисовъ имѣютъ большое сходство съ чувашскими. За невѣсту также платится калымъ.

Что касается мещеры, мордвы, вотяковъ и др. инородческихъ племенъ, то въ настоящее время они почти совершенно утратили свои національныя особенности и слились съ русскими. Этому содѣйствовали какъ характеръ ихъ—тихій и неспособный къ упорной борьбѣ, такъ и энергичныя мѣры, принятыя правительствомъ еще въ XVII ст. для обращенія ихъ въ православіе и полнаго сліянія съ русскимъ населеніемъ. Въ числѣ этихъ мѣръ наиболѣе успѣшною оказалась—переселеніе русскихъ въ инородческія деревни и инородцевъ въ русскія.

Въ настоящее время всѣ мордвины, вотяки и мещеряки—православные, но древніе языческіе обряды не вездѣ еще оставлены. По словамъ Мельникова, древняя мордовская вѣра имѣла большое сходство съ языческою религіею русскихъ славянъ, чѣмъ можно объяснить большое сходство нѣкоторыхъ сохранившихся до сихъ поръ мордовскихъ обычаевъ съ русскими.

О вотякахъ, большинство которыхъ живетъ въ Вятской губ., было уже сказано въ соотвѣтствующемъ мѣстѣ.

Въ заключеніе—нѣсколько словъ о колонизаціи низоваго поволжья нѣмцами-колонистами.

Къ половинѣ прошлаго столѣтія колонизація Поволжья, притомъ исключительно русскими людьми, имѣла преимущественно военный характеръ и ограничивалась слѣдующими предѣлами: по правому берегу до Саратова и по лѣвому—до р. Самары. Пространство къ югу отъ этихъ пунктовъ было дикою степью, гдѣ кочевали башкиры, киргизы, калмыки, разбойничали „воровскіе казаки", ногаи и разнаго рода бѣглецы. Эти буйные элементы, предпочитавшіе грабежъ и насиліе законности и честному труду, тормозили, конечно, мирное преуспѣяніе края, для умиротворенія котораго и развитія гражданственности необходимы были поселенцы мирные, трудолюбивые, склонные къ законности и порядку.

Дѣломъ заселенія такого рода людьми низовьевъ Поволжья и занялась императрица Екатерина II. Понимая хорошо, что умиротвореніе края одними военными мѣрами, вродѣ устройства пограничныхъ укрѣпленныхъ линій, недостижимо и что прежняя система колонизаціи исключительно русскими людьми не могла привести къ быстрому достиженію желаемыхъ результатовъ, императрица въ началѣ-же своего царствованія издала манифестъ, призывавшій всѣхъ изъ Европы, *кромѣ евреевъ*, поселяться на обширной территоріи ея имперіи; новымъ поселенцамъ обѣщаны были обширныя льготы: даровой отводъ земли, проѣздъ въ Россію на счетъ русской казны, свобода отъ податей и повинностей на 30 лѣтъ и т. п.

Первыми откликнулись на манифестъ раскольники, проживавшіе въ Польшѣ. Они поселились за Волгой (на р. Иргизѣ) на отведенныхъ имъ земляхъ и въ скоромъ времени образовали тамъ три селенія: Мечетное (нынѣ г. Николаевскъ), Балаково и Каменку.

За раскольниками нахлынули въ Россію и иностранные поселенцы, преимущественно нѣмцы. Имъ были отведены, по ихъ собственному выбору, мѣста для населенія вдоль Волги между Саратовомъ и Царицинымъ. Правительство выдало имъ деньги на проѣздъ и на прокормленіе на все время пути, отвело по 30 десятинъ на семью (въ томъ числѣ 15 дес. пашни и 5 д. сѣнокосу, лѣсу и усадебной земли); приготовило лѣсъ для построекъ; выдало сѣмена для посѣва и ссуды безъ процентовъ на покупку скота, земледѣльческихъ орудій и прочихъ предметовъ хозяйства; построило кирки, назначило пасторамъ хорошее жалованье, однимъ словомъ, приняло новыхъ поселенцевъ необычайно гостепріимно.

Къ 1770 г. на Волгѣ было уже около 102 иностранныхъ колоній. Въ томъ же году основана была гернгутерами Сарепта.

Общество гернгутеровъ, или Евангелическое братство (Brüdernität) составилось изъ послѣдователей Гуса. Гусситы, уцѣлѣвшіе отъ погрома ихъ единовѣрцевъ въ 30-лѣтнюю войну, разсѣялись изъ Богеміи и Моравіи по различнымъ государствамъ. Такіе бѣглецы основали въ 1722 г. колонію *Гернгутъ*, въ Саксонской Лузаціи въ имѣніи гр. Цинцендорфа, покровителя всѣхъ сектантовъ. Вскорѣ колонія эта разрослась, получила правильное общинное управленіе и выработала въ 1727 г. новый статутъ, объединявшій религіозныя ученія всѣхъ трехъ нѣмецкихъ сектъ, къ послѣдователямъ которыхъ принадлежали колонисты—моравской, лютеранской и реформатской—и такимъ образомъ явилась на свѣтъ Божій новая секта, названная *евангелическимъ братствомъ*. Высшее управленіе сектой предоставлено было синодальному собранію, которое обязано было собираться разъ

въ 7—17 лѣтъ, а исполнительная власть сосредоточена въ рукахъ *дирекціи*.

Гернгутское братство, благодаря безукоризненной нравственности и трудолюбію своихъ членовъ, пріобрѣло массу послѣдователей, которые распространили свои селенія по всей сѣверной и средней Германіи, проникли въ Англію и сѣверную Америку.

Такова ассоціація, членомъ которой состоитъ и наша Сарепта.

Къ сожалѣнію, остальные колонисты ни въ чемъ не походили на гернгутеровъ. Это былъ большею частью обнищалый и нравственно распущенный народъ, между которымъ оказывалось много мошенниковъ и бѣглыхъ преступниковъ. Пособія и ссуды, выдаваемыя нашимъ правительствомъ, они вскорѣ проматывали и оказывались скорѣе бременемъ для государства, а не полезнымъ элементомъ.

Эти неудачи въ колонизаціонномъ дѣлѣ происходили отъ крайне неудачной организаціи его, отъ небрежности нашихъ представителей за-границею, высылавшихъ въ Россію кого попало, и недобросовѣстности чиновниковъ, завѣдывавшихъ раздачею пособій и покупкой лѣса для колонистовъ.

Какъ-бы то ни было, но въ 1770 г. вызовъ и пріемъ иностранныхъ переселенцевъ былъ временно прекращенъ. Колонистовъ, такъ неудачно выписанныхъ и стоившихъ казнѣ многихъ милліоновъ, распредѣлили по разнымъ мѣстамъ, оставивъ въ колоніяхъ только надежныхъ людей.

Успѣшности колонизаціи Волги препятствовалъ также Пугачевскій бунтъ, охватившій все Поволжье черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ прибытія въ Россію иностранныхъ поселенцевъ. На долю колонистовъ выпало отъ пугачевскихъ шаекъ не мало бѣдствій. Послѣ усмиренія пугачевскаго бунта и почти окончательнаго истребленія понизовской вольницы колонизація Волги иноземными колонистами возобновилась, но уже съ большею разборчивостью. Новые колонисты были народъ трудолюбивый и аккуратный. Къ 1820 г. на Волгѣ оказалось уже болѣе 30 т. иностранныхъ поселенцевъ и тогда вызовъ ихъ въ Россію былъ вовсе прекращенъ.

Наиболѣе видное мѣсто изъ всѣхъ волжскихъ колоній принадлежитъ Сарептѣ. Эта колонія была центромъ, гдѣ обучались другіе колонисты ремесламъ, откуда заимствовали всякія улучшенія въ дѣлѣ промышленности, откуда получали учителей, врачей, аптекарей и пр. Вышедшіе изъ Сарепты ученики сдѣлались мастерами по всѣмъ отраслямъ промышленности; основали въ поволжскихъ колоніяхъ свои промышленныя заведенія и вступили въ конкуренцію со своими учителями. Скоро все Поволжье стало получать вполнѣ доброкачественные товары не изъ одной только Сарепты, но и изъ остальныхъ волжскихъ колоній. Такимъ образомъ примѣръ Сарепты производилъ нравственное и экономическое воздѣйствіе на весь край, гдѣ стала быстро развиваться торговля и промышленность. Къ сожалѣнію, хлѣбопашествомъ сарептяне не занимались, а потому и не могли служить образцомъ для другихъ колоній, которыя, хотя и жили исключительно земледѣльческимъ трудомъ, но, не представляя собою культурной силы, не могли распространить въ краѣ сельскохозяйственныя познанія и промыслы. Способъ обработки земли они заимствовали у русскаго мужика, вслѣдствіе чего и вліяніе колоній на культуру края равнялось нулю. Но со второй четверти нынѣшняго столѣтія приволжскія нѣмецкія колоніи бросили примитивные способы обработки земли и ввели въ своемъ хозяйствѣ всевозможныя усовершенствованія, вслѣдствіе чего эти колоніи нынѣ находятся въ цвѣтущемъ состояніи, рѣзко отличаясь, по своему благоустройству, отъ сосѣднихъ съ ними русскихъ селъ.

Признавая большую пользу, принесенную иностранными колонистами въ дѣлѣ экономическаго развитія края, мы не можемъ все-таки не указать, что одна изъ цѣлей приглашенія ихъ въ Россію—поднятіе культуры среди русскаго населенія края — не осуществилась и что всѣ они, образуя замкнутыя общины, уголки Германіи въ Россіи, не имѣя никакой духовной связи съ той землей, гдѣ они живутъ, не приносятъ государству, по крайней мѣрѣ при настоящей постановкѣ дѣла въ колоніяхъ,—той пользы, которую правительство вправѣ было ожидать отъ нихъ, истративъ на нихъ большія деньги.

По вѣроисповѣданію громадное большинства населенія—православные; изъ инородцевъ: татары—всѣ магометане, остальные инородцы тоже большею частью православные; нѣмцы-колонисты принадлежатъ къ лютеранскому вѣроисповѣданію. Но среди православныхъ по спискамъ на самомъ дѣлѣ много раскольниковъ,—и число послѣднихъ годъ отъ году тайно увеличивается, хотя фанатизмъ самого раскола, съ увеличеніемъ просвѣщенія, постепенно ослабѣваетъ. Это странное обстоятельство нужно объяснить, во-1-хъ, вліяніемъ богатыхъ представителей рас-

кола, доставляющимъ своимъ единовѣрцамъ разныя матеріальныя выгоды, во-2-хъ, существованіемъ въ среднемъ Поволжьи сильныхъ центровъ раскола, который отсюда распространяется по берегамъ Волги на далекомъ разстояніи. Такими центрами являются Хвалынскъ и Вольскъ съ ихъ уѣздами.

Расколъ на Волгѣ имѣетъ множество сектъ, изъ которыхъ многія не поддаются никакому опредѣленію, такъ какъ постоянно дробятся и видоизмѣняются. Но изъ всей этой массы выдаются болѣе или менѣе организованныя секты: «австрійскаго согласія», бѣглопоповцевъ и безпоповцевъ, раздѣляющихся на поморцевъ, ѳеодосѣевцевъ, филипповцевъ, даниловцевъ, тропарниковъ и т. д. Кромѣ того, въ области много молоканъ, баптистовъ, пашковцевъ и т. д.

Наибольшею нетерпимостью и фанатизмомъ раскольники отличаются въ Царицынскомъ и Камышинскомъ уѣздахъ, Саратовской губ., гдѣ темнота ихъ доходитъ до возможности такихъ фактовъ, какъ продажа мѣстъ въ рай, при чемъ жаждущіе спасенія спѣшатъ заручиться такими мѣстами, такъ какъ, по мнѣнію раскольниковъ, настали послѣднія времена. Раскольники разныхъ сектъ обыкновенно проклинаютъ ученіе другъ друга и ведутъ между собою жестокую борьбу, и вмѣстѣ съ тѣмъ всѣ обрушиваются на православныхъ, стараясь «уловить ихъ въ свою вѣру» и не брезгуя для этого никакими средствами. Положеніе православныхъ среди такихъ ревнителей вѣры довольно тяжелое, особенно тамъ, гдѣ, напр., въ Хвалынскѣ ихъ всего 20—25% населенія, и гдѣ вся власть принадлежитъ раскольникамъ. Для противодѣйствія расколу въ Саратовской губ. уже лѣтъ 30 возникло Братство Св. Креста, обладающее солиднымъ миссіонерскимъ персоналомъ, но оно постоянно встрѣчаетъ глухой отпоръ со стороны изувѣровъ, пользующихся своими матеріальными средствами, чтобы соблазнять православныхъ и удерживать «въ старой вѣрѣ» своихъ единомышленниковъ.

Святыя мѣста нашихъ волжскихъ раскольниковъ, ихъ Палестина, это черемшанскіе скиты, находящіеся въ 6—7 в. отъ города Хвалынска и принадлежащіе „австрійскому согласію“. Скиты эти расположены въ живописной мѣстности, пересѣченной многочисленными ручьями, и окружены роскошными садами. По внѣшнему виду — это хорошо устроенная усадьба. Здѣсь резиденція лже-епископовъ австрійскаго согласія. Въ скитахъ—нѣсколько прекрасно устроенныхъ и богато украшенныхъ моленныхъ, вполнѣ похожихъ на православныя церкви. Служба совершается здѣсь обычнымъ порядкомъ, но вашъ непривычный слухъ поразитъ порою то особый напѣвъ, то упоминаніе въ молитвахъ священника невѣдомыхъ вамъ епископовъ: Паисія, Пафнутія и др. Смущаютъ васъ немного и своеобразные костюмы монаховъ, короткіе, недостающіе до полу, съ перелинками, обрамленными узкимъ кантомъ и составляющіе одно цѣлое съ головнымъ покровомъ въ родѣ капора.

Въ монастырѣ—много порядка. Жизнь—правильная, строго распредѣленная по часамъ. Теперь никто не укрывается отъ властей и не боится свѣта. Населенія въ скитахъ — около 100 челов. *). Черемшанскіе скиты образовались въ сравнительно недавнее время, послѣ раззоренія въ 1830 г. раскольничьихъ монастырей на Иргизѣ (Сам. губ.), когда множество ревнителей „древляго благочестія“ перекочевало на правый берегъ Волги, въ чащу Черемшанскихъ лѣсовъ.

Общее количество земли во всей области распредѣляется слѣдующимъ образомъ.

*) Волга. Н. Лендера, 165 стр.

	Крестьянскихъ.	Удѣльныхъ и Казенныхъ.	Дворянскихъ.	Прочихъ частныхъ владѣльцевъ.	Остальныхъ земель.
Казанская губ. .	60 %	27 %	10,6%	1,5%	1 %
Пензенская » .	57 »	5,7 »	31,6 »	4,4 »	1,4 »
Саратовская » .	52,6 »	5,9 »	31,3 »	6,6 »	3,6 »
Симбирская » .	42,3 »	26,7 »	27,8 »	1,7 »	1,5 »

Изъ этой таблицы видно, что въ двухъ губерніяхъ: Казанской и Симбирской, самыми крупными собственниками, послѣ крестьянъ, являются казна и удѣлы.

Главнѣйшимъ источникомъ благосостоянія населенія во всей области являются хлѣбопашество. Подъ пашню отводится въ Казанской губ. около половины всей удобной земли, въ Пензенской — около этого, въ Саратовской — 35%, въ Симбирской—до 80%. Сѣются обыкновенные наши хлѣба: озимая и яровая рожь, овесъ, гречиха, полба, яровая пшеница и ячмень. Однако, несмотря на хорошую, сравнительно, почву, урожаи годъ отъ году становятся меньше, и область, которая при иныхъ условіяхъ могла бы служить житницей всей Россіи, иногда не можетъ даже прокормить себя, какъ это замѣчается въ послѣднее время. Причину этого страннаго явленія нужно видѣть, главнымъ образомъ, въ неудовлетворительности обработки земли и вообще въ низкомъ уровнѣ культуры; хозяйство все еще ведется не только у крестьянъ, но даже и у помѣщиковъ, по старинѣ.

Въ качествѣ подспорья въ сельскомъ хозяйствѣ, населеніе *Казанской губ.* занимается садоводствомъ, продукты котораго (яблоки, вишни, сливы, груши) скупаются купцами „сверху" (изъ Ярославля, Рыбинска и пр.), скотоводствомъ (скота — 2 милл. головъ) и немного овцеводствомъ. Въ лѣсистыхъ у.у. (Царевококшайскомъ, Козьмодемьянскомъ и др.), населеніе занимается лѣсными промыслами, именно, рубкою лѣса, сплавомъ его, гонкою смолы, жидкаго дегтя и пр.

Часть населенія уходитъ на отхожій промыселъ, именно въ бурлаки, часть работаетъ на фабрикахъ и заводахъ. Послѣднихъ въ губерніи 160, при 8 тыс. человѣкъ рабочихъ; общій оборотъ — 12 милл. Преобладающія производства — обработка животныхъ продуктовъ ($4^1/_2$ милл. р.) и обработка продуктовъ растительнаго царства (5 милл.). Фабрики и заводы сосредоточены главнымъ образомъ въ городахъ, при чемъ наиболѣе крупные находятся въ самой Казани, гдѣ производительность ихъ равняется 8,200 тыс. рубл. Прибавляя сюда 6 милл.— оборотъ заводовъ Казанскаго уѣзда—увидимъ, что на остальную часть губерніи приходится менѣе 3 милл. оборота.

Торговля Казанской губ. главнымъ образомъ обязана своими размѣрами р. Волгѣ и вообще рѣкамъ, гдѣ общій оборотъ ея исчисляется въ 15 милл. р. (хлѣба на 7 милл.).

Все-таки, несмотря на всѣ старанія, населеніе Казанской губ. успѣло накопить за собою до 15 милл. недоимокъ.

Въ Пензенской губ. существуютъ кустарные промыслы, но они мало развиты, и издѣлія ихъ не идутъ далѣе сосѣднихъ уѣздовъ. За то много народа (до 100 тыс.) идетъ въ отхожій промыселъ (на Волгу и Донъ). Фабрикъ и заводовъ въ 1896 г. было 2450 съ 14,000 рабочихъ и производствомъ на сумму 17 милл. руб. Изъ мѣстныхъ произведеній на фабрикахъ обработывается спичечная стружка, глина, шерсть. По суммѣ оборотовъ первое мѣсто занимаютъ винокуренные заводы (35), которые выкуриваютъ спирта на сумму 12 мил. Наиболѣе важное значеніе въ сельскомъ хозяйствѣ губерніи имѣетъ, послѣ хлѣбопашества, скотоводство; для улучшенія мѣстной породы лошадей въ губерніи существуетъ болѣе 20 конскихъ заводовъ. Общее количество скота — около 2 милл. головъ.

Въ Саратовской губ., послѣ земледѣлія, главнымъ занятіемъ населенія являются: огородничество и бахчеводство, затѣмъ—садоводство и табаководство, овцеводство и коневодство. Рогатаго скота въ губерніи 580 тыс. головъ, лошадей до 500 тыс. головъ. Кустарная и фабрично-заводская промышленность развита слабо; крупныхъ заводовъ и фабрикъ нѣтъ, зато—множество мелкихъ: до 7 тыс.,

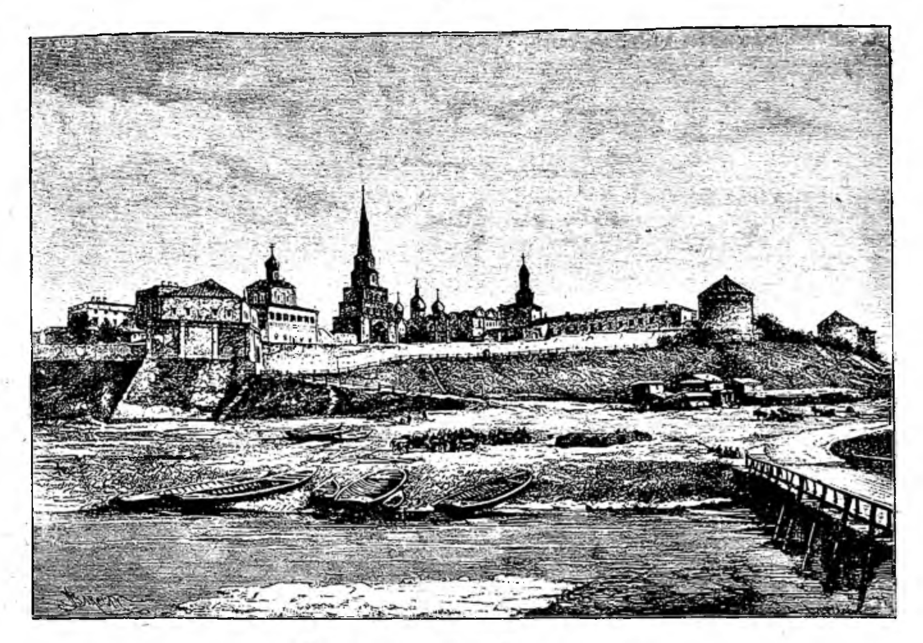
при 19 тыс. рабочихъ и оборотѣ въ 22 мил. руб. Все это мелкія заведенія, служащія для переработки мѣстныхъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ. Сильно развивается въ Саратовской губ. мукомольное дѣло (4,200 мельницъ съ оборотомъ въ 9,400 тыс. рублей); за нимъ идетъ винокуренное (3,5 милл. рублей оборота) и маслобойное (2,380 тыс. руб.).

Что касается, наконецъ, *Симбирской губ.*, то земледѣліе здѣсь не только обезпечиваетъ нужды населенія, но и даетъ значительный излишекъ хлѣба, который частью вывозится за-границы губерніи, частью превращается въ спиртъ на винокуренныхъ заводахъ губерніи. Кромѣ того, въ губерніи развиты: садоводство и бахчеводство, коневодство (лошадей 400 тыс. головъ; 60 конскихъ зав.) и овцеводство (главнымъ образомъ въ крупныхъ имѣніяхъ); далѣе, пчеловодство, рыболовство и лѣсные промыслы. Кустарными промыслами (главнымъ образомъ валеннымъ и ткачествомъ) занято 12 тыс. чел., вырабатывающихъ на 600 тыс. руб. Въ отхожій промыселъ уходитъ до 60 тыс. Фабрично-заводская промышленность развита слабо; общее число фабрикъ и заводовъ—около 7 тыс., при 10 тыс. рабочихъ и 10 милл. производства. Большинство мелкихъ заведеній. Наиболѣе развито мукомольное дѣло (произв. въ 4 милл. руб.), затѣмъ винокуренное (3 мил.), суконное (2 мил.) и асфальтовое (до 300 тыс. руб.). Внѣшняя торговля губерніи (хлѣбомъ, спиртомъ, пенькой, яйцами и пр.) очень значительна: съ 39 волжскихъ и сурскихъ пристаней губерніи ежегодно отправляется товара на $7^1/_2$ милл. руб. въ годъ, за предѣлы не только губерніи, но и Россіи.

Переходя теперь къ городамъ нашей области, отмѣтимъ прежде всего университетскій городъ Казань. (130 тыс. жит.).

Нѣтъ ничего прекраснѣе панорамы Казани съ Волги, если любоваться ею, не доѣзжая нѣсколькихъ верстъ до пристани. Верхушки минаретовъ, золотыя маковки церквей, бѣлыя стѣны кремля, башни, дома, освѣщенные яркими лучами солнца, представляютъ почти сказочную картину, достойную кисти знаменитаго художника. Когда пароходъ подъѣзжаетъ къ пристани, то, къ изумленію туриста, волшебная панорама города исчезаетъ и онъ видитъ передъ собою кучу грязныхъ лачугъ, нагроможденныхъ въ хаотическомъ безпорядкѣ на берегу. Это Казанская пристань—Устье. Самый городъ отстоитъ отъ Волги въ 7 верстахъ лѣтомъ, а весною, при разливѣ Волги—въ 4. Впрочемъ, отъ пристани до города имѣется конно-желѣзная дорога, по которой за нѣсколько копѣкъ можно доѣхать до самаго центра „столицы Поволжья“. Дорога эта проходитъ по чрезвычайно унылой мѣстности, заполненной рытвинами, болотами, кустами. Передъ городомъ туристъ въѣзжаетъ въ Адмиралтейскую слободу, получившую свое названіе потому, что Петръ Великій устроилъ здѣсь адмиралтейство, на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ громадный крупчатый заводъ Романова. Путь къ этой слободѣ скрашивается видомъ на извивающуюся серебряной лентой рѣчку Казанку, при сліяніи которой съ Булакомъ и расположена Казань. Чрезъ Адмиралтейскую слободу проходитъ къ городу дамба, начинающаяся у пристани и дающая возможность поддерживать сообщеніе съ городомъ и во время весенняго разлива Волги и Казанки. Влѣво отъ дамбы, у берега рѣки Казанки, весною окруженный водою, стоитъ памятникъ пирамидальной формы „по убіеннымъ при взятіи Казани“. Это „братская могила“ русскихъ витязей, взявшихъ Казань. Внутри памятника часовня, внизу — подземный ходъ. Каменная стѣна отдѣляетъ внутри могилу съ расположеннымъ въ ней гробомъ, крышка котораго приподнята и позволяетъ видѣть сотни череповъ павшихъ бойцовъ. Разумѣется, въ этомъ гробу помѣщается только часть останковъ убитыхъ покорителей Казани: громадное количество костей раскидано по всей окрестной болотистой равнинѣ. Памятникъ сооруженъ въ 1823 г. и въ немъ ежегодно, 2 октября, служатся въ присутствіи войскъ и властей панихиды по убіеннымъ.

Вообще, въѣзжая въ Казань, туристъ будетъ часто наталкиваться на слѣды глубокой сѣдой старины и невольно полюбопытствуетъ припомнить исторію этого города, представляющаго до сихъ поръ живой памятникъ борьбы двухъ царствъ—Московскаго и Казанскаго. Исторія древней Казани украшена массой легендъ, въ которыхъ историческая правда, конечно, украшена причудливыми вымыслами восточнаго воображенія. Имя города происходитъ отъ татарскаго слова „казанъ“—по-русски котелъ. Нынѣшняя Казань расположена на иномъ мѣстѣ, чѣмъ древній городокъ того же названія, который находился въ 47 верстахъ выше по рѣкѣ Казанкѣ, гдѣ теперь находится заштатный городъ Арскъ, дѣйствительно расположенный въ котловинѣ. О постройкѣ древней Казани легенда повѣствуетъ такъ: ханъ Золотой Орды Ланъ-Темирланъ завоевалъ болгарское царство, взялъ столицу и казнилъ болгарскаго царя. Сынъ казненнаго Алтынъ, ускользнувъ отъ татаръ, по минованіи опас-



Кремль въ Казани.

ности, построилъ на рѣкѣ, впадающей въ Волгу, маленькій городокъ. Одинъ изъ слугъ царевича, неся для него воду, уронилъ въ рѣку котелъ (по-татарски „казанъ“), отчего Алтынъ и назвалъ такъ и свой городъ, и рѣку.

Вновь основанный городъ началъ быстро рости; но черезъ 104 года былъ перенесенъ на новое—теперешнее его мѣсто. По преданію, старый ханъ при закладкѣ города велѣлъ закопать живьемъ одного изъ трехъ приближенныхъ, которыхъ онъ послалъ для выбора мѣста для новаго города. Жребій палъ на царскаго сына, но его пожалѣли и зарыли вмѣсто него собаку. Когда ханъ узналъ объ этомъ, то обрадовался спасенію сына, но предсказалъ будущее паденіе Казани. Изъ всѣхъ этихъ легендъ можно вывести только то заключеніе, что Казань основана въ XIII вѣкѣ Батыемъ или однимъ изъ его сыновей. Около 1399 г. русскіе разрушили старую Казань и ханъ Улу-Магометъ выстроилъ себѣ столицу того же имени, но уже на новомъ, теперешнемъ мѣстѣ. Вскорѣ Казань обращена была въ сильную крѣпость, чему много способствовало ея мѣстоположеніе: расположенная на горѣ, она окружена съ трехъ сторонъ естественными преградами—рѣками Казанкой, Булакомъ и болотистыми лугами. Доступъ къ ней возможенъ былъ только съ восточной стороны.

При Василіи Темномъ Казань выросла въ грозную крѣпость, служившую оплотомъ татарамъ при ихъ постоянныхъ набѣгахъ на русскія области. При Іоаннѣ III русскіе совершили четыре похода на Казань, но эти походы не имѣли рѣшительныхъ результатовъ. При Василіи IV русскіе понесли жестокое пораженіе отъ татаръ и только Іоанну IV удалось сломить силу татаръ и навсегда покончить съ Казанью. Послѣ нѣсколькихъ неудачныхъ попытокъ, Казань, наконецъ, была взята 2 октября 1552 г., послѣ предварительнаго обложенія ея 150,000 ратью. Всѣ средства древняго осаднаго искусства были примѣнены русскими, до подведенія минъ подъ стѣны города включительно, и, наконецъ, имъ удалось сломить упорство защитниковъ, которые, въ числѣ 30 т., и были вырѣзаны всѣ до одного. Паденіе Казани открыло русскимъ свободный ходъ на востокъ. „Въ Казани, — говоритъ С. М. Соловьевъ, — средняя Азія, подъ знаменемъ Магомета, билась за свой послѣдній оплотъ противъ Европы, наступавшей подъ христіанскимъ знаменемъ государя московскаго. Пала Казань,—и вся Волга стала рѣкою Московскаго государства. Завоеваніе Астрахани было скорымъ, неминуемымъ слѣдствіемъ завоеванія Казани“.

Послѣ покоренія города, были приняты мѣры для заселенія его русскими, для водворенія въ немъ спокойствія, порядка и гражданственности. Вмѣсто деревянной крѣпости

построенъ каменный Кремль, оставшееся татарское населенiе выселено за Булакъ, гдѣ и до сихъ поръ существуетъ татарская слобода.

Первоначальное русское населенiе Казани состояло изъ военно-служащихъ и людей, сосланныхъ сюда за преступленiя, но затѣмъ мало-по-малу выгодное положенiе города въ центрѣ средняго и нижняго поволжья привлекло сюда и много добровольныхъ переселенцевъ. Петръ Великiй, понимая прекрасно значенiе расположенiя города въ дѣлѣ воднаго пути, задался цѣлью сдѣлать Казань центромъ торговыхъ сношенiй съ отдаленнымъ востокомъ — Сибирью, Китаемъ, Персiею, Средней Азiею, для чего онъ всѣми средствами старался привлечь сюда ремесленниковъ, торговцевъ, земледѣльцевъ, основалъ суконную фабрику и кожевенный заводъ, корабельную верфь.

О пребыванiи Петра Великаго въ Казани въ 1772 г. сохранился слѣдующiй разсказъ. Удрученный заботами о денежныхъ средствахъ для предстоявшей войны съ Персiею, царь заперся въ своемъ кабинетѣ, приказавъ никого не впускать къ нему. Нѣкiй купецъ Михляевъ, узнавъ о причинѣ безпокойства государя, сталъ настойчиво требовать, чтобы его пропустили къ Царю. Тогда Петръ, раздраженный настойчивостью Михляева, вышелъ къ нему и хотѣлъ уже собственноручно наказать его за дерзость.

— Удержись, государь, — хладнокровно сказалъ Михляевъ,—узнай обо мнѣ и выслушай причину моей смѣлости. Я — купецъ Михляевъ, имѣю шерстяной заводъ и могу помочь тебѣ деньгами.

— А гдѣ твой заводъ?—спросилъ смягченный государь.

— Недалеко отъ твоего дворца.

Петръ Великiй не замедлилъ отдать визитъ Михляеву, который, принимая государя въ своемъ домѣ, преподнесъ ему изрядный кушъ золотомъ и серебромъ, а хозяйка вручила высокому гостю большую чашку, наполненную жемчугомъ и драгоцѣнными камнями.

При Петрѣ же Великомъ были открыты въ Казани и первыя учебныя заведенiя — цифирныя школы. Въ 1798 г. основаны двѣ гимназiи, въ 1804 г. университетъ, а въ 1846 г. Духовная Академiя.

Въ 1774 г. Казань подверглась нападенiю Пугачева и его бандъ. Легко себѣ представить, какое смятенiе произвело появленiе Самозванца въ городѣ, гдѣ губернаторомъ былъ 90-лѣтнiй старичекъ Кудрявцевъ, а войска гарнизона состояли подъ командою мало знакомыхъ съ дѣломъ инвалидовъ, типъ которыхъ выведенъ у Пушкина въ его „Капитанской дочкѣ". Повидимому, наибольшiй успѣхъ въ борьбѣ съ Пугачевымъ выпалъ на долю маленькаго отряда гимназистовъ, „сражавшихся" подъ начальствомъ директора Каница и учителей. Пугачевъ оставилъ городъ только тогда, когда на помощь Казани подоспѣлъ отрядъ ген. Михельсона. Груда развалинъ, масса труповъ— вотъ что оставилъ послѣ себя Пугачевъ въ Казани. Послѣ этого кроваваго событiя Казань мало-по-малу оправилась и зажила тихой, спокойной жизнью обыкновеннаго провинцiальнаго города. Несмотря на существованiе въ Казани двухъ высшихъ учебныхъ заведенiй, умственная жизнь „столицы Поволжья" не даетъ о себѣ много знать. Мѣстное населенiе довольно равнодушно относится къ просвѣщенiю, доказательствомъ чего можетъ служить поразительно малый процентъ учащихся въ начальныхъ школахъ города. Впрочемъ, въ тиши университетскихъ кабинетовъ кипитъ бодрая умственная жизнь. Казанскiй университетъ, по своимъ научнымъ силамъ, занимаетъ не послѣднее мѣсто среди русскихъ университетовъ. Его труженики иногда отваживаются дѣлать попытки пробудить отъ спячки мѣстное населенiе, организуя ученыя общества, читая публичныя лекцiи и пр., но — увы! — рѣдко ихъ трудъ увѣнчивается успѣхомъ.

Изъ достопримѣчательностей современной Казани наибольшаго вниманiя заслуживаетъ Кремль съ его башнями, изъ которыхъ уцѣлѣло только три; изъ нихъ Спасская башня стоитъ правѣе главныхъ воротъ и увѣнчан государственнымъ гербомъ. На ней виситъ набатный колоколъ. На лицевой сторонѣ башни поставленъ большой образъ Спаса Нерукотвореннаго—точная копiя большого великокняжескаго знамени, бывшаго при взятiи Казани.

Правѣе воротъ, въ Кремлѣ, помѣщается военная гауптвахта, бывшiй царскiй дворецъ.

На лѣвой сторонѣ улицы высится колокольня Спасо-Преображенскаго монастыря, въ которомъ имѣются мощи святителей Гурiя и Варсонофiя, основателей монастыря. Кремлевская улица оканчивается Тайницкими воротами, подъ башней которыхъ находится ключъ, откуда еще татары, во время осады, брали воду.

На краю Кремля, позади сквера, высится красивый дворецъ губернатора. Во времена хановъ на мѣстѣ губернаторскаго дома стоялъ ихъ дворецъ и при немъ была мечеть, гдѣ были погребаемы тѣла хановъ. Отъ этой мечети уцѣлѣлъ только минаретъ, извѣстный теперь подъ именемъ „башни Сумбеки". По преданiю Сумбека, послѣдняя казанская царица бросилась внизъ съ этой башни, имѣющей высоту до 35 саженъ. Стиль башни оригинальный и красивый. Каждый туристъ, прiѣзжающiй въ Казань, считаетъ своей непремѣнной обязанностью взойти на верхнiй

этажъ этой башни, откуда открывается чудный видъ на Казань.

Съ кремлевскаго бульвара также открывается великолѣпная панорама Казани—памятникъ по убіеннымъ, Адмиралтейская слобода, Зелантовъ монастырь (расположенный правѣе и позади памятника), монастырь Кизицы, лежащій недалеко отъ Зелантова.

Среди улицъ Казани—самая красивая и широкая—Черноозерская. Посрединѣ ея впадина, провалъ, на днѣ котораго разведенъ садъ, гдѣ по вечерамъ играетъ военный оркестръ. Продолженіе Черноозерской улицы—Лядская, выходящая на Арское поле, на которомъ встрѣтились Биронъ, отправленный въ Сибирь и Остерманъ, возвращавшійся оттуда.

Изъ другихъ достопримѣчательностей Казани остается еще упомянуть о памятникѣ Державину, уроженцу Казани, сооруженномъ въ 1846 г. Поэтъ представленъ сидящимъ на камнѣ, съ лирою въ рукѣ, въ тогѣ и сандаліяхъ.

Для религіознаго человѣка пребываніе въ Казани даетъ возможность поклониться чудотворной иконѣ Богоматори, обрѣтенной въ 1579 г. послѣ страшнаго пожара, испепелившаго почти весь городъ, на глубинѣ 2 аршинъ, на мѣстѣ сгорѣвшаго дома. Этотъ образъ оказался точнымъ спискомъ съ чудотворной иконы, вывезенной изъ Іерусалима въ Константинополь греческою царицей Евдокіей. Второй списокъ съ этой иконы, взятый изъ Казани ратью, спѣшившей въ Москву для изгнанія поляковъ, также пріобрѣлъ славу чудотворной иконы и находится въ настоящее время въ Петербургѣ въ Казанскомъ соборѣ, который и былъ сооруженъ въ честь этой иконы.

Изъ интересныхъ загородныхъ мѣстъ укажемъ татарскую слободу на берегу озера Кабанъ, такъ называемую „Русскую Швейцарію"—довольно живописное мѣсто и село Іелонъ, лежащее по ту сторону Волги—мѣсто погребенія княгини Меньшиковой, супруги извѣстнаго сподвижника Петра I.

Въ Казанской губерніи наиболѣе замѣчательны слѣдующіе города и мѣстечки:

Козьмодемьянскъ. Построенъ въ 1583 г. Во время бунта Стеньки Разина жители его пристали къ мятежникамъ, но впослѣдствіи, при Пугачевѣ, загладили свою вину энергичными дѣйствіями противъ самозванца. Въ городѣ всего 8 тыс. жителей, половина черемисъ. Особенно оживляется онъ весною, когда съ начала мая до конца іюня въ немъ бываетъ ярмарка.

Чебоксары, столица чувашъ съ 5 тыс. жителей. Названіе города производятъ отъ именъ двухъ жившихъ здѣсь чувашскихъ *гомзъ* (вѣдуновъ, колдуновъ) Чебака и Сара. Основаніе города относится къ 1553 г. Изъ достопримѣчательностей города обращаетъ вниманіе колокольня церкви Михаила Архангела, имѣющая видъ падающей башни.

Село Ильинская пустынь, въ 35 в. ниже Козьмодемьянска, замѣчательно своимъ живописнымъ мѣстоположеніемъ.

Сундырь или Маріинскій Посадъ. Основанъ въ 1620 г. Имѣетъ 3 тыс. жит. Торгуетъ хлѣбомъ.

Козловка — извѣстна, какъ яичная пристань Сюда свозится до 2 милл. яицъ, отправляемыхъ на Казанскіе мыловаренные заводы.

Свіяжскъ 3 т. жителей. Выстроенъ Іоанномъ Грознымъ съ военными цѣлями на отдѣльно стоящей горѣ, при сліяніи Свіяги съ Волгой. Климатъ Свіяжска нездоровый отъ болотныхъ испареній со смежныхъ со свіяжскою горою низинъ. Весною въ Свіяжскѣ замѣчательно много соловьевъ. Желѣзная дор. на Рязань черезъ Алатырь и до Казани.

Село Рождественское. Замѣчательно своими двумя пещерами. Одна зовется крестьянами «ледяною», находится въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ села у самаго берега. Пещера состоитъ изъ двухъ соединенныхъ между собою отдѣленій.

Поломъ пещеры служитъ поверхность льда: здѣсь находится замерзшее озеро. Другая пещера—«водяная», съ незамерзающимъ озеромъ.

Противъ села Рождественскаго, на лѣвомъ берегу Волги, лежитъ *Спасскій Затонъ* съ естественною гаванью, гдѣ зимуютъ пароходы, и механическимъ заводомъ.

Спасскъ (9 тыс.) уѣздный городъ въ 10 верстахъ отъ Спасскаго затона.

Село Болгары или Успенское въ 22 в. отъ Спасска на почтовомъ трактѣ въ г. Тетюши. Отъ Волги до Болгаръ 7 верстъ.

Болгары — бывшая столица болгарскаго царства. Существующіе нынѣ остатки этой столицы относятъ къ X — XVI ст. Древній городъ былъ окруженъ валомъ со рвомъ, окружностью до 10 в.; слѣды этого рва видны и теперь. Съ юга къ городу примыкаетъ небольшой четыреугольникъ, около версты въ окружности, такъ назыв. Малый Городокъ, исполнявшій назначеніе, вѣроятно, цитадели. Всѣ развалины арабской архитектуры. Въ 1722 г. Болгары посѣтилъ Петръ В., который приказалъ снять копіи со всѣхъ армянскихъ и арабскихъ надписей и перевести ихъ на русскій языкъ. Въ 1767 г. заѣзжала сюда Екатерина II. Въ 1829 г. развалины болгарской столицы осматривалъ Гумбольдтъ. Въ 1768—69 гг. въ Болгарахъ, во время посѣщенія ихъ академиками Палласомъ и Лепехинымъ, всѣхъ развалинъ насчитывалось до 44; теперь ихъ едва наберется лишь 10. Въ разрушеніи этихъ драгоцѣнныхъ памятниковъ виноваты мѣстные жители, отыскивающіе здѣсь золотыя и серебряныя монеты и растаскивающіе камни и известку для своихъ построекъ. Изъ уцѣлѣвшихъ развалинъ наиболѣе замѣчательны: *Малый минаретъ* съ винтообразною лѣстницей, ведущей на вершину башни; Черная или Судная Палата, въ которой заперся когда то ханъ Абдуллахъ, царь Болгарскій съ женами и дѣтьми, когда Тамерланъ овладѣлъ Болгарами; *Бѣлая палата* со слѣдами бассейна внутри, вѣроятно бывшая баня. До 1841 г. существовалъ еще Большой минаретъ, который еще Петръ В. приказалъ оковать желѣзными обручами, но въ 1841 г. онъ рухнулъ, подрытый, говорятъ, искателями кладовъ.—Грустно видѣть такое возмутительное отношеніе къ памятникамъ родной старины!

Тетюши—уѣздный городъ, 4 т. жит., и Чистополь—20 тыс. жит. и др.

Въ Пензенской губ. наиболѣе значительные слѣдующіе города: губ. г. Пенза (56 тыс. жит.), основ. въ 1666 г., при впаденіи р. Пензы въ Суру, на вершинѣ и склонахъ довольно высокой (до 550 фут.) горы и окружающихъ ее равнинахъ. Станція Сызрано-Вяземской ж. дор. Довольно значительный торговый и промышленный городъ. Затѣмъ слѣдуютъ: Саранскъ (13 тыс.) и Мокшаны (10 тыс.), отличающіеся торговлею, равно какъ и Нижній Ломовъ (10 тыс.), а также Краснослободскъ (7 тыс.) и др.

Въ Симбирской губ. самый значительный пунктъ населенія — Симбирскъ (43 тыс. жит.).

Подъѣзжая къ Симбирску, туристъ напрасно старается вызвать въ своей памяти какія-либо историческія событія и картины, имѣющія связь съ Симбирскомъ. При всемъ своемъ стараніи онъ можетъ вспомнить только, что это бывшее „дворянское гнѣздо", родина Гончарова, Карамзина и Языкова.

Въ самомъ дѣлѣ Симбирскъ сравнительно съ Казанью молодой городъ (выстроенъ въ XVII вѣкѣ) и, кромѣ того, никогда не былъ центромъ исторической жизни, которая лишь слегка коснулась этого городка, отражавшаго когда то Разина, Ѳедьку Шелудяка и видѣвшаго Пугачева, разбитаго Михельсономъ и засаженнаго имъ въ клѣтку при отправкѣ въ Москву на казнь.

Расположенный при сліяніи Волги и Свіяги на высокой горѣ, городъ издали довольно живописенъ. Вершина горы, Вѣнецъ, занята двумя соборами, водопроводной башней и другими зданіями, составляющими украшеніе города. Подъемъ на гору отъ при-

стаци, окруженной какъ и въ Казани, группой деревянныхъ построекъ, идетъ по довольно крутому Петропавловскому спуску. Отъ пристани до города версты 4.

Петропавловскій спускъ оканчивается на Б. Саратовской улицѣ, которая полукругомъ огибаетъ Вѣнецъ—лучшую часть города. Въ срединѣ этого полукруга, на мѣстѣ бывшей крѣпости, отъ которой, однако, не осталось никакихъ слѣдовъ, находится площадь съ памятникомъ Карамзину, двумя соборами, губернаторскимъ домомъ, учебными заведеніями и присутственными мѣстами. Противъ памятника Карамзина помѣщается зданіе карамзинской публичной библіотеки. Главная улица въ Симбирскѣ „Широкая" съ бульваромъ по срединѣ производитъ довольно унылое впечатлѣніе. Гостиный дворъ на площади—одинъ изъ тѣхъ, которые часто встрѣчаются въ маленькихъ провинціальныхъ городкахъ Россіи.

Вообще Симбирскъ типичный русскій провинціальный городокъ и мы совсѣмъ не согласны съ тѣми авторами, которые особенно напираютъ въ своихъ описаніяхъ на его безжизненность... „Сонный городъ"—вотъ выраженіе, которое можно встрѣтить во всѣхъ путешествіяхъ, во всѣхъ описаніяхъ поѣздокъ по Россіи. — Конечно, Симбирскъ не блещетъ оживленіемъ, но сколько у насъ на Руси такихъ городовъ! Въ ряду Волжскихъ городовъ Симбирскъ можно поставить подлѣ хотя бы Костромы, о которой также нельзя сказать, что жизнь въ ней бьетъ ключемъ. Въ $3^1/_2$ вер. отъ города находится „Киндяковка", съ тѣмъ самымъ обрывомъ на Волгу, о которомъ говорятъ, что именно его разумѣлъ Гончаровъ въ своемъ романѣ „Обрывъ".

Изъ другихъ городовъ Симбирской губерніи можно отмѣтить:

Сенгилей, уѣздн. гор. съ 1781 г., 5 т. жит., лежитъ противъ большого острова на Волгѣ. Торгуетъ хлѣбомъ.

Сызрань, находится на протокѣ Волги (воложкѣ), судоходномъ только весною. Главная часть города расположена на обрывистомъ берегу р. Сызрана при впаденіи въ нее рѣчки Крымзы. Жител. 32 т. Торговля хлѣбомъ.

Въ 20 верстахъ отъ Сызрани, выше по Волгѣ, у с. Новыя Костычи, Волга перепоясана гигантскимъ мостомъ. Сооруженіе это, одно изъ величайшихъ въ мірѣ, даже англичане называютъ «поражающимъ образцомъ русскаго строительнаго искусства». Длиною онъ—696 саж., стоимость его до 7 милл. рублей.

Саратовская губернія. Въ противоположность всѣмъ другимъ приволжскимъ городамъ, видъ съ Волги на Саратовъ не производитъ пріятнаго впечатлѣнія. Подъѣзжая къ нему съ Волги, туристъ издали замѣтитъ городокъ, окруженный горами; сѣрая пыль виситъ облакомъ надъ нимъ, ни мало не услаждая взора. Наконецъ, въ послѣднее время Волга все болѣе и болѣе отходитъ отъ города, насыпая цѣлые острова песку. Чтобы добраться до Саратова на пароходѣ, нужно спуститься много ниже, войти въ Саратовскій Рогъ — родъ залива и тогда только можно подойти къ городу. Набережная въ Саратовѣ загромождена рядомъ амбаровъ, лачугъ, заборовъ, складовъ.—Все это производитъ отвратительное впечатлѣніе. Но стоитъ только доѣхать до самаго города и впечатлѣніе получается совершенно иное. Городъ совершенно оправдываетъ данную ему кличку „Красавецъ Поволжья". Это вполнѣ европейски обстроенный, чистенькій, изящный городокъ. На улицахъ, большею частью обсаженныхъ деревьями, прекрасныя асфальтовыя мостовыя, конки, блестящіе магазины на главныхъ улицахъ, все это носитъ вполнѣ европейскій характеръ. Подобно Самарѣ, Саратовъ не имѣетъ блестящаго прошлаго. Заложенный русскими въ 1605 году, Саратовъ такъ же, какъ и Самара, подвергался нападеніямъ Разина, Шелудяка и Пугачева; такъ-же, какъ и она, отворялъ свои ворота „ворогамъ".

Торговое значеніе Саратова стало возрастать послѣ 1780 г., со времени учрежденія Саратовскаго намѣстничества. Съ развитіемъ пароходства на Волгѣ и проведеніемъ Тамбово-Саратовской жел. дор. торговое значеніе Саратова еще болѣе усилилось, но вскорѣ ему явились сильные соперники въ лицѣ его сосѣдей — Самары, Сызрани и Царицына.

Прогулка по Саратову доставитъ туристу большое удовольствіе.

Посѣтивъ новый соборъ Александра Невскаго, заглянувъ въ мѣстный бульваръ „Липки", онъ пройдетъ по оживленной нѣмецкой улицѣ, украшенной прекраснымъ католическимъ соборомъ, внутри котораго имѣются прекрасныя статуи и картины.

Красивы въ Саратовѣ зданія городского театра и Радищевскаго музея, основаннаго художникомъ Боголюбовымъ въ память своего дѣда Радищева. Это богатая сокровищница искусствъ, въ которую стоитъ заглянуть всякому. Въ музеѣ, кромѣ коллекцій монетъ, бронзовыхъ, фарфоровыхъ и стеклянныхъ изданій, картинной галлереи и и пр. и пр. находится „Тургеневскій кабинетъ", который переноситъ васъ въ обыденную обстановку, окружавшую нашего знаменитаго романиста.

Картинная галлерея музея довольно богата: въ нее поступило много пожертвованій изъ Эрмитажа, отъ самого Боголюбова и изъ другихъ мѣстъ.

Насколько хорошъ Саратовъ въ главной своей части, настолько отвратительны примыкающія къ нему слободы. Это безпорядочныя груды жалкихъ лачугъ, окутанныхъ зловоніемъ, гдѣ вся жизнь течетъ на виду въ патріархальной простотѣ, гдѣ на улицахъ „плодятся и множатся" и совершаютъ другія физіологическія отправленія.

Тѣ изъ домишекъ, которые находятся въ восточной части города, подвергаются опасности отъ находящейся здѣсь Соколовой горы, извѣстной своими оползнями, причинявшими громадныя катастрофы.

Изъ Саратовскихъ техническихъ сооруженій обращаетъ на себя вниманіе водопроводъ, вода котораго, собираясь въ нѣсколько бассейновъ на одномъ изъ окружающихъ городъ холмовъ, распредѣляется по городу при помощи только силы тяжести. Бассейны эти открыты и вполнѣ доступны для осмотра.

На другомъ берегу Волги, противъ Саратова, виднѣется Покровская слобода съ вокзаломъ Уральской желѣзной дороги.

Другіе города и мѣстечки Саратовской губерніи.

Хвалынскъ, 22 т. жителей, въ числѣ которыхъ двѣ трети раскольниковъ. Въ 4 верстахъ отъ гор. знаменитые у сектантовъ Черемшанскіе скиты.

Вольскъ, 36 тыс. жит., ст. жел. дороги, на Аткарскъ. Ниже Вольска рядъ нѣмецкихъ колоній, «Волжская Швейцарія»: Шавгаузенъ, Ааргау, Гларусъ, Базель, Цюрихъ, Цугъ, Унтервальденъ и др.

Камышинъ, 15 тыс. жит., ст. жел. дор. на Тамбовъ.

Пос. Дубовка, 14 тыс. жит., замѣчательна развитіемъ фабрично-заводскаго дѣла: паровыя мельницы, горчичные и кожевенные заводы.

Царицынъ, 36 тыс. жит., ст. Волго-Донской и Грязе-Царицинской жел. дор., уѣздн. гор. съ 1780 г. Вблизи города—Нобелевскій нефтяной городокъ, представляющій громадные склады нефти (до 1,5 милл. пудовъ). Изъ достопримѣчательностей города можно указать на картузъ и трость Петра Великаго, подаренные Великимъ Преобразователемъ Россіи жителямъ города въ 1722 г. Всѣ эти города, даже ведущіе торговлю, замѣчательно однообразны и скучны, какъ большинство русскихъ провинціальныхъ городовъ.

ЮГО-ВОСТОЧНАЯ ОБЛАСТЬ.

(Губерніи Самарская, Астраханская и Оренбургская).

Эта громадная область, занимающая около 811 тыс. кв. верстъ, представляетъ постепенный переходъ, съ одной стороны, къ типичнымъ прикаспійскимъ степямъ, съ другой—на сѣверо-востокѣ, къ уральской горной системѣ, вслѣдствіе чего рельефъ ея отличается нѣкоторымъ разнообразіемъ, рѣзко выдѣляющимъ эту область отъ сосѣднихъ областей.

Гористый характеръ страны замѣчается уже въ Самарской губ., раскинувшейся на пространствѣ 137 тыс. кв. в. по лѣвому берегу Волги. Обыкновенно берегъ этотъ на средней и нижней Волгѣ низменный, но въ Самарской губ., именно отъ г. Ставрополя до г. Самары, здѣсь идетъ невысокая горная гряда, извѣстная подъ названіемъ Сакскихъ и Соколиныхъ горъ. Нѣсколько ниже по теченію возвышается отдѣльный холмъ,—лишенный растительности Царевъ-Курганъ, а противъ Камышина къ Волгѣ подходятъ отроги Общаго Сырта, составляющіе правый берегъ р. Еруслана, за которымъ уже разстилается обширная песчаная степь, покрытая солончаками. Дальше, къ С.-В., возвышенность Общаго Сырта постепенно переходитъ въ настоящія горныя цѣпи, которыя, достигнувъ довольно значительной высоты, постепенно понижаются на востокѣ. Такимъ образомъ вся сѣверо-восточная часть области, занятая Оренбургскою губ., представляетъ обширное нагорье, приподнятое въ срединѣ и постепенно понижающееся къ З., В. и Ю. Разница въ высотахъ доходитъ здѣсь до того, что, въ то время какъ возвышенности въ срединѣ имѣютъ до 5000 фут. высоты, на З. высота—только 372 ф., а на В. и того меньше—всего 47 фут. Горы образуютъ здѣсь 3 отдѣльныхъ хребта: средній, удерживающій названіе собственно Уральскаго хребта, восточный, извѣстный подъ названіемъ Ильменскихъ горъ и западный, состоящій изъ многихъ отроговъ и носящій разныя названія въ разныхъ мѣстахъ, напр., Юрна, Уренга, Таганай и проч.

Эти три главныя цѣпи рѣзко отличаются другъ отъ друга. Западная цѣпь—самая высокая (до 5,400 фут.) и даетъ отъ себя нѣсколько отроговъ, которые придаютъ всей этой мѣстности горный характеръ и большею частью представляютъ какъ бы волнистое море изъ черныхъ утесовъ, поросшихъ только низкими растеніями. Собственно Уральскій хребетъ гораздо однообразнѣе и ниже. Вершины его покрыты хвойными лѣсами, склоны же богаты пастбищами; въ южной части хребетъ постепенно переходитъ въ возвышенную степь, точно такъ же какъ и Ильменскія горы (до 2,200 фут. высоты). Къ этимъ горамъ съ В. прилегаютъ степи Челябинскаго и Троицкаго уу. Оренб. губ., сначала гористыя и усѣянныя сопками гранита, зеленчака, порфира, потомъ, по мѣрѣ удаленія на В., ровныя и плоскія, усѣянныя озерами. Въ горахъ Урала и его отроговъ находятся большіе запасы золота, мѣдной и желѣзной руды, каменной соли, самоцвѣтныхъ камней, плотныхъ песчаниковъ, известняковъ и разныхъ глинъ, а въ послѣднее время открыты серебро-свинцовая руда и каменный уголь.

Въ отношеніи орошенія западная и средняя часть Оренбургской губ. значительно богаче, чѣмъ восточная. На западѣ и въ средней части губерніи текутъ многоводныя и быстрыя рѣки, принадлежащія къ бассейнамъ: Сѣвернаго океана (р. Тоболъ) и Каспійскаго моря (Уралъ, Самара и Бѣлая съ ихъ притоками); тогда какъ на востокѣ губерніи рѣки носятъ степной характеръ, т. е. текутъ медленно, въ низкихъ, поросшихъ камышемъ берегахъ. Вслѣдствіе равнинности этой мѣстности здѣсь замѣчается еще обиліе стоячихъ водъ и озеръ, особенно въ Челябинскомъ и Троицкомъ уу. Озера эти частью прѣсныя, частью горько-соленыя и соленыя; изъ нихъ еще въ половинѣ прошлаго столѣтія добывалась самосадочная соль. Самая значительная рѣка—Уралъ.

Вслѣдствіе разнообразія рельефа Оренбургской губ. и климатъ ея разно-

образенъ. *Ю.-В.* часть ея, лишенная лѣсовъ и не защищенная отъ сухихъ степныхъ вѣтровъ («суховѣевъ») страдаетъ лѣтомъ отъ жары и засухи, а зимою отъ сильной стужи и метелей; въ *С.-З.* части, гористой и богатой лѣсомъ, засухи рѣже. Въ общемъ же климатъ губерніи можно считать здоровымъ, за исключеніемъ нѣкоторыхъ мѣстностей Челябинскаго у., гдѣ испаренія озеръ порождаютъ различныя болѣзни. Восточное положеніе губерніи сказывается въ нѣкоторомъ пониженіи средней годовой температуры, сравнительно съ другими мѣстностями, лежащими западнѣе, подъ тою же широтою: такъ, для Оренбурга средняя годовая темп. 3,6°, для Воронежа—5,9°, Варшавы 7,8°.

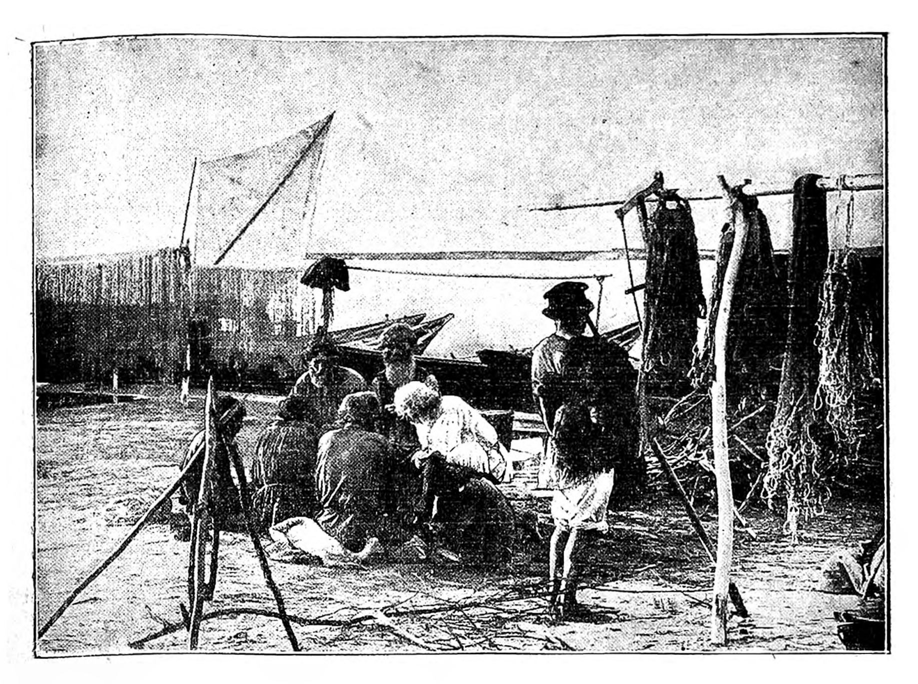
Подъ вліяніемъ климата и растительность губерніи не одинакова: средина губерніи занята лѣсами изъ ели, пихты, сосны, лиственницы, березы, липы и рѣже изъ дуба; лѣса эти постепенно рѣдѣютъ къ Ю., В. и З. Въ западной части встрѣчаются уже кустарники, а также степная трава—ковыль. Зауралье также почти безлѣсно; только изрѣдка встрѣчаются небольшія рощицы изъ березы и сосны, съ примѣсью осины, дуба и вяза. Степная часть губерніи, занимающая западный и восточный края, характеризуется уже чисто степною флорою: здѣсь перелѣски (изъ дуба, березы, осины и липы) встрѣчаются очень рѣдко. По берегамъ рѣкъ попадаются осокори, тополи, вязы, ольха, черемуха и пр. Въ настоящее время приступаютъ къ искусственному облѣсенію степной части. Степи, примыкающія къ уральскому хребту, покрыты тучнымъ черноземомъ, который, по мѣрѣ удаленія, утоньчается и, наконецъ, замѣняется солончаками. Поэтому чѣмъ ближе къ Уральскому хребту, тѣмъ растительность роскошнѣе.

Что касается культурныхъ растеній, то, за исключеніемъ плодовыхъ деревьевъ, страдающихъ отъ сухости воздуха, они вызрѣваютъ отлично. Здѣсь съ успѣхомъ воздѣлываются не только наши хлѣбные злаки (а также ленъ и конопля), но даже арбузы и дыни. Только каменистая площадь хребта, гдѣ ранніе утренники побиваютъ хлѣба, неудобна для культуры.

Фауна Оренбургской губ. не отличается отъ сосѣднихъ губ. Евр. Россіи; изъ домашнихъ животныхъ разводятъ лошадей („башкирская“ лошадь), рогатый скотъ, овецъ, козъ, свиней и верблюдовъ. Изъ дикихъ звѣрей водятся медвѣди, которыхъ особенно много въ лѣсахъ Башкиріи, волки, шакалы, лисицы, зайцы, суслики,—составляющіе бичъ для здѣшняго земледѣлія,—рыси, выдры, горностаи. Степи, луга и лѣса изобилуютъ пернатою дичью, изъ которой особеннаго вниманія заслуживаютъ соколы и беркуты, употребляемые башкирами на охотѣ за дичью. Здѣсь еще удержался этотъ патріархальный родъ охоты.

Въ Астраханской губ. возвышенности находятся только на правомъ берегу Волги. Это—Эргени (по-калмыцки—«крутизны») составляющіе водораздѣлъ между Дономъ и Волгой. Высота ихъ не болѣе 500 футовъ надъ уровнемъ Каспійскаго моря. Они идутъ къ югу отъ Сарепты на протяженіи 300 верстъ и къ западу спускаются полого въ Донскую степь, а къ востоку круто обрываются въ Волжскую степь. Восточные склоны Эргеней изрѣзаны оврагами, по которымъ весной съ шумомъ несутся ручьи и рѣчки, питающіе цѣлый рядъ озеръ съ прѣсною и горькосоленою водою, расположенныхъ у подножія Эргеней. Почву Эргеней составляютъ мощные пласты желтой глины, такъ называемый лёссъ, а въ нѣдрахъ ихъ находятъ алебастръ, каменный уголь, желѣзную руду, которые, впрочемъ, не разрабатываются. Степь, лежащая къ *С.-В.* отъ Эргеней, на правой сторонѣ Волги, болѣе возвышенная, не заключаетъ въ себѣ озеръ, изобилуетъ хорошими сѣнокосами, мѣстами годна для земледѣлія и имѣетъ песчано-глинистую почву *).

*) Словарь Брокгауза, т. II, стр. 358 и слѣд.



Ватага рыбаковъ на средней Волгѣ.

Правый, нагорный берегъ, имѣющій у Царицына 280 ф., сильно понижается къ *Ю.* и уже въ Черноярскомъ у. имѣетъ всего 30—40 ф. высоты, а ниже Енотаевска появляются песчаные бугры, совершенно лишенные растительности. Понижаясь все болѣе и болѣе къ Каспійскому морю, степь покрывается множествомъ соленыхъ озеръ; берега же самого моря до того низменны, что все *С.* и *С.-В.* побережье представляетъ собою видъ бахромы, вслѣдствіе безчисленнаго множества врѣзавшихся въ прибрежье заливовъ (*ильменей*) и вдвинувшихся въ море мысовъ. Мѣстами въ Южной степи поднимаются невысокіе бугры (не выше 4 саж., шириною 170 саж. и $1^1/_2$ — 4 вер. длины); на этихъ буграхъ выстроены гг. Астрахань и Красный Яръ. Прибрежная, морская полоса изобилуетъ солеными и горько-солеными озерами, окруженными грязями. Нѣкоторыя изъ послѣднихъ имѣютъ цѣлебныя свойства («Тинакскія» грязи, въ 12 вер. къ *С.-В.* отъ Астрахани).

Лежащая за Ахтубой, главнымъ лѣвымъ рукавомъ Волги, Восточная степь, въ общемъ сходна съ Западною. И въ ней наиболѣе возвышенна Сѣверная часть, покатая къ *В.* и постепенно сливающаяся тамъ съ песчаною и низменною равниною. Ея песчано-глинистая, отчасти даже черноземная, почва годна къ обработкѣ и богата сѣнокосами, но сыпучіе пески, надвигающіеся съ *В*, годъ отъ году засыпаютъ ее. Нѣкоторыя мѣстности, какъ, напр., Ханская ставка, селеніе Сеитовка и др. до того засыпаны пескомъ, что жители принуждены переселяться. Въ Сѣверной части этой степи лежатъ и наиболѣе извѣстныя своимъ громаднымъ

содержаніемъ соли озера Ельтонъ и Баскунчакъ и гора Чипчачи; мѣстами встрѣчаются грязи и топи, которыя тянутся на десятки верстъ въ ширину и длину (напр. Улань-Хаки въ 5 вер. отъ Ханской ставки) и озера съ прѣсной и горько-соленой воды. Далѣе, къ *В*, верстахъ въ 100 отъ Ахтубы, степь переходитъ въ песчано-бугристую, или т. н. Рын-Пески. Между буграми этой степи мѣстами заключаются, на десятки кв. верстъ, хорошіе луга. Бугры по мѣрѣ приближенія къ морю исчезаютъ и изъ обыкновенныхъ песковъ переходятъ въ желтыя, безплодныя, солончаковыя низины; мѣстность эта богата солеными озерами и грязями, изъ которыхъ извѣстны Кизилъ-Хаки, а между горъ Бистау находится цѣлебный источникъ Ассетюбе, или Айсысаръ, горько-соленый, съ темпер. въ 3° Ц., съ сѣрнистымъ запахомъ.

Восточную окраину губерніи составляетъ плоская степь, отчасти глинистая, отчасти солончаковая; на сѣверѣ ея лежатъ прѣсноводныя Камышъ-Самарскія озера, поросшія камышомъ.

Растительность Астраханскихъ степей—очень бѣдная. На возвышенныхъ мѣстахъ господствуетъ полынь, а на солончаковыхъ низинахъ солянки или сухія колючки. Въ низинахъ, гдѣ нѣтъ соли, бѣлѣетъ ковыль, виднѣются злаки, солодка. Стоячія воды низовья Волги пестрѣютъ кувшинками,—и только луга да острова на самой Волгѣ имѣютъ роскошную растительность.

Переходя теперь къ орошенію Астраханской губ., замѣтимъ, что, кромѣ Волги и Ахтубы съ ихъ сѣтью водныхъ притоковъ, въ губерніи находятся слѣд. текучія воды: на С.—небольшая р. Сарпа, пересыхающая лѣтомъ и дающая начало цѣлому ряду озеръ у подножія Эргеней; р. Вязовка, съ горько-соленой водой, впадающая въ Волгу и также пересыхающая лѣтомъ. На западѣ (у границъ Донской Области) течетъ множество (до 80) мелкихъ рѣчекъ, текущихъ съ Эргенеей или на З., въ притоки Дона. Большая часть ихъ высыхаетъ лѣтомъ (кромѣ Елисты, Тенгуши и нѣк. др.). На Ю., на границѣ съ Ставроп. г., находятся два Маныча, изъ которыхъ западный течетъ въ предѣлы Войска Донскаго, а восточный, не доходя верстъ 100 до Каспія, теряется въ топкихъ озерахъ Систинскихъ. Сѣверовост. ч. губерніи еще бѣднѣе прѣсными водами. Здѣсь текутъ: небольшая рѣчка Еруслапъ, Б. и М. Узени, впадающіе въ Камышъ-Самарскія озера (вода въ нихъ мѣстами солоновата). Кромѣ того, въ степи находятся Горькая рѣчка и д. Бульдугенди (близъ Ханской ставки) обѣ съ горькою водою.

Всѣ эти текучія воды незначительны и при томъ находятся на окраинахъ губерніи; середина же ея совершенно лишена проточныхъ водъ. Въ виду этого жители (особенно Калмыцкой, правобережной, или Волжской степи) добываютъ воду или изъ естественныхъ впадинъ, куда собирается дождевая или снѣговая вода, или изъ неглубокихъ колодцевъ „худуковъ", гдѣ вода находится на глубинѣ 2—6 саж. Но эта вода—солоноватая, между тѣмъ какъ, по изслѣдованіямъ проф. Мушкетова, на глубинѣ 20 и болѣе саженъ есть другой водоносный слой, съ прѣсною водою. Къ сожалѣнію, у населенія не хватаетъ ни средства, ни умѣнія добыть ее.

Климатъ Астрах. губ.—сухой, континентальный, съ рѣзкими крайностями: лѣтомъ жары доходятъ до 38° Ц., при чемъ дождя не бываетъ по цѣлымъ мѣсяцамъ, а зимою морозы—31,7° Ц.—обычное явленіе. Подъ Астраханью Волга вскрывается 6 мар., а замерзаетъ 8 дек., т. е. свободна для навигаціи около 262 дней.

Что касается, наконецъ, Самарской губ., то въ сѣверной, болѣе возвышенной ея части почва состоитъ изъ суглинистаго чернозема, до 2 арш. глубины; а въ горахъ встрѣчаются сѣра и нефть. Почва южной, степной части отчасти черноземно-глинистая, отчасти соланчаковая. Въ общемъ, эта губернія имѣетъ прекрасную почву, вполнѣ пригодную для земледѣлія. Лѣса встрѣчаются только на сѣверѣ и занимаютъ всего 9% общей площади губерніи. Чаще всего встрѣчаются береза, осина и кленъ, изрѣдка—дубъ.

Климатъ губерніи континентальный, болѣе умѣренный на сѣверѣ, а на югѣ напоминаетъ Астраханскій климатъ. Морозы зимою доходятъ до —30° Ц., а лѣтомъ жары до + 37° Ц. Средняя годовая темпер. г. Самары + 5, 1° Ц.

Изъ рѣкъ, протекающихъ по губерніи, укажемъ, кромѣ Волги, притоки Волги—Майна-Черемшанъ, Сокъ, Самару, Мочу, Иргизъ,—и Зай, Икъ—притоки Волги. Главное значеніе имѣетъ, конечно, какъ и въ Астраханской губ., р. Волги.

Мы оставили великую рѣку у Царицына.

Отъ Царицына Волга поворачиваетъ подъ прямымъ угломъ влѣво и течетъ далѣе, въ юго-восточномъ направленіи, до самого моря. Горный хребетъ, сопровождавшій правый берегъ рѣки, отдѣлившись отъ рѣки и получивъ названіе Эргеня, идетъ прямо на югъ, гдѣ и пропадаетъ въ степи. Рѣка теперь уже течетъ по однообразной равнинѣ, слегка покатой къ Каспійскому морю. Эта-то равнина и обнимаетъ собою Астраханскую губернію. По характеру своей поверхности равнина эта маловодная и малоплодородная степь, состоящая изъ песковъ и солончаковъ, усѣянная кое-гдѣ песчаными буграми, обширными *хаки* (топкія соляныя грязи) и солеными озерами.

По мнѣнію Гумбольдта, Гмелина, Палласа и другихъ ученыхъ вся площадь нынѣшней астраханской губерніи была нѣкогда дномъ Каспійскаго моря, простиравшагося на сѣверѣ—до Общаго Сырта, на западѣ до горъ Эргени и на востокѣ до отроговъ Уральскихъ горъ.

За Сарептой правый берегъ Волги не отличается разнообразіемъ ландшафтовъ: по большей части онъ тянется въ видѣ цѣпи песчаныхъ обрывовъ, мѣстами почти вертикальныхъ и достигающихъ значительной высоты. Лишенные растительности эти обрывы выглядятъ темносѣрыми и угрюмыми. Лѣвый берегъ Волги еще бѣднѣе видами и однообразнѣе.

Рѣка, не встрѣчая на лѣвомъ берегу никакихъ препятствій своему теченію, разбивается на массу продольныхъ и поперечныхъ протоковъ, или воложекъ, число которыхъ доходитъ до 200. Нѣкоторые изъ этихъ протоковъ представляютъ изъ себя маленькія рѣчки или естественные каналы, которые, пробиваясь по твердому грунту въ разныхъ направленіяхъ, опять соединяются съ главнымъ русломъ. Такіе естественные каналы называются *ёриками*. Если ёрикъ врѣжется въ матерую землю и пробьетъ себѣ путь степью, то его называютъ *подстепкомъ*. Иногда ёрикъ все болѣе и болѣе расширяетъ свое ложе и превращается въ настоящую рѣку; случается и обратное: ёрикъ съ одного конца высыхаетъ и образуетъ *ильменъ*, совершенно заростающій потомъ камышемъ. Въ разливъ вода покрываетъ всѣ промежутки между ёриками, ильменями, подстепками и главнымъ русломъ, которое тогда представляетъ собою гигантскій потокъ шириною въ 30—40 верстъ. Это случается въ маѣ, когда уровень нижней Волги поднимается на 2—3 сажени (въ верхнемъ и среднемъ теченіи весенній подъемъ воды отъ 5 до 7 саженъ).

Въ іюнѣ уровень воды понижается и когда достигнетъ межени, то оказывается, что въ предѣлахъ Астраханской губерніи Волга гораздо мельче, чѣмъ она была до Царицына. Причина этого обстоятельства заключается въ томъ, что масса воды распредѣляется на гораздо большую поверхность и расходуется на эти безчисленные притоки. Фарватеръ здѣсь настолько часто мѣняется, что нерѣдко самые опытные лоцмана сажаютъ суда на мели тамъ, гдѣ въ прошлую навигацію проходили свободно.

Капризы Волги выражаются также въ исчезновеніи старыхъ острововъ и въ появленіи новыхъ. Такъ, противъ самой Астрахани не такъ давно былъ большой островъ версты въ 2 длины, весь покрытый строеніями. Весенняя вода постоянно смывала его и теперь на этомъ мѣстѣ большая глубина. Новые острова также появляются не сразу, а постепенно: сначала образуется подводная мель, которая постепенно выступаетъ изъ воды и, наконецъ, обращается въ островъ, покрытый травою, кустами и даже деревьями. Нужно, впрочемъ, замѣтить, что образованіе большихъ острововъ, наблюдается большею частью на верхней Волгѣ; къ низовью она обыкновенно дѣйствуетъ, какъ разрушительная сила. Послѣдняя проявляется и въ отношеніи береговъ, въ особенности лѣваго: такъ оторванъ былъ берегъ, вмѣстѣ съ бывшимъ Болдинскимъ монастыремъ, ниже Астрахани, несмотря на принятыя монастырями мѣры къ укрѣпленію берега фашинами и забученію его барками и камнями.

У Астрахани Волга отдѣляетъ Болдинскій рукавъ, который съ теченіемъ времени становится все шире и шире; то же самое замѣчается и относительно другихъ рукавовъ. Происходитъ это оттого, что при ве-

сеннемъ разливѣ Волги масса воды, сдерживаемая возвышеннымъ правымъ берегомъ, со всею силою ударяетъ въ лѣвый и размываетъ его, образуя новые протоки и расширяя старые. По спадѣ весенней воды главное русло становится все бѣднѣе и бѣднѣе водою, потому что часть ея протекаетъ во вновь образовавшіеся рукава.

Такимъ образомъ фарватеръ рѣки мелѣетъ, что вынуждаетъ суда иногда оставлять самую Волгу въ сторонѣ и проходить воложками. Въ настоящее время судоходство пользуется почти исключительно однимъ фарватеромъ Бахтеміровскимъ, длиною въ 147 верстъ, называемымъ отъ рукава дельты, по которому онъ направляется. Впрочемъ, до Астрахани Волга все еще довольна глубока; у самого города она грандіозна и величественна, какъ нигдѣ. Здѣсь она образуетъ громадную бухту, могущую вмѣстить въ себѣ цѣлый флотъ. Далѣе, за Астраханью она разсыпается на 70 рукавовъ. Чѣмъ ближе Волга подходитъ къ морю, тѣмъ все болѣе и болѣе мелѣетъ и дробится, образуя такъ называемыя *розсыпи*. Розсыпи—это широкіе разливы волжскихъ протоковъ, составляющіе собою нѣчто вродѣ взморья; въ нихъ-то и теряется Волга. Кромѣ того, устье Волги мелѣетъ еще и оттого, что сѣверный берегъ Каспійскаго моря становится все мелководнѣе и мелководнѣе отъ повышенія морскаго дна. Глубина воды на ближайшей къ Волгѣ морской станціи „9 футъ“ еле-еле доходитъ до 4 футъ. Поэтому большинство судовъ должно уже останавливаться на второй отъ устьевъ Волги морской станціи „12 футъ“, чтобы перегружать свои грузы на болѣе мелко сидящія суда. На первыхъ 45 верстахъ отъ Астрахани фарватеръ Бахтеміровскаго рукава довольно удобенъ и глубокъ, но далѣе имѣется нѣсколько розсыпей протяженіемъ отъ 300 саж. до $3^1/_2$ верстъ. Изъ этихъ розсыпей самыя затруднительныя для судоходства: Княжья, Харбайская, Шадинская, Ракушинская и Зюзинская. На всѣхъ розсыпяхъ поддерживается землечерпаніемъ глубина въ 8 футъ при ординарѣ Каспійскаго моря. Примѣнять тѣ же самыя землечерпательныя машины, которыя работаютъ на розсыпяхъ, къ работамъ по углубленію 9 футового рейда оказалось невозможнымъ, почему Министерство Путей Сообщенія исходатайствовало въ текущемъ году Высочайше разрѣшеніе на пріобрѣтеніе за счетъ казны землечерпательнаго каравана морскаго типа. Такимъ образомъ въ недалекомъ будущемъ явится возможность устранить неудобства и затрудненія, испытываемыя каспійско-волжской торговлей и судоходствомъ, терпящимъ теперь большіе убытки.

Наибольшее значеніе въ нашей области имѣютъ низовья Волги и Каспійское море, такъ какъ здѣсь находится первый во всей Россіи рыбопромышленный районъ.

Изъ общаго количества рыбнаго улова во всей Россіи, достигающаго 40 милл. пудовъ (здѣсь считается, разумѣется, только рыба, идущая въ торговлю), на долю Каспійскаго бассейна приходится около 25 милліоновъ. Главнѣйшіе рыбные промыслы этого бассейна находятся вблизи Астрахани. Въ это дѣло здѣсь вкладываютъ свои капиталы такіе крупные предприниматели, какъ Базилевскій, Сапожниковъ, Хлѣбниковъ и др. Кромѣ того, рыбный промыселъ въ Астраханскомъ краѣ даетъ заработокъ сотнямъ мелкихъ промышленниковъ какъ изъ мѣстныхъ жителей, такъ и прибывающихъ изъ другихъ губерній. Поставленные на весьма широкую ногу промыслы Базилевскаго, извѣстные подъ именемъ „Синеморскихъ“ расположены въ 50 верстахъ отъ Астрахани (въ Красноярскомъ уѣздѣ). Ими занято водное пространство въ 200,000 десятинъ. Работами на нихъ занято до 8 т. человѣкъ. Ежегодный уловъ рыбы на этихъ промыслахъ въ два періода времени, въ двѣ „путины“: весеннюю (съ начала марта по 9 мая) и осеннюю (съ 1 сент. до замерзанія рѣкъ) достигаетъ: 30 мил. штукъ сельдей, 25 мил. воблы, 6 мил. тарани, 4 мил. сопы, 2 мил. судака, 800 тыс. леща, 300 т. берша, 150 т. жереха, 150 т. чехони, 140 т. сома, 70 т. щуки, 50 т. сазана, 30 т. окуня, 6 т. осетра, 6 т. стерляди, 3 т. севрюги, до 500 штукъ бѣлорыбицы, до 200 штукъ бѣлугъ и вытапливается жира до 4 т. пудовъ.

На промыслахъ Сапожникова и Хлѣбникова также уловъ рыбы достигаетъ громадныхъ цифръ. Главный предметъ улова составляетъ астраханская сельдь—„бѣшенка“, прозванная такъ за свою рѣзвость въ водѣ. Въ прежнее время эта рыба считалась населеніемъ вредной и поганой и только съ 1853 г., послѣ изслѣдованій Бэра и Данилевскаго, выяснившихъ, что въ этой рыбѣ нѣтъ ничего вреднаго, она стала предметомъ улова въ огромныхъ размѣрахъ.

Интересную картину представляютъ промыслы во время разгара работъ.

Вотъ прозвучалъ призывный колоколъ *), сзывая на работы до зари поднявшійся людъ.

*) Изъ записокъ В. Желиховской: „На ловлѣ сельди-бѣшенки“.

Народъ вышелъ изъ казармъ, столпясь на площадкѣ, предъ домомъ управляющаго промыслами, гдѣ каждому задаются дневные „уроки“. Кто ранѣе покончитъ дѣло и желаетъ еще работать, за сверхурочное время получитъ уже особую плату.

Высыпаютъ изъ казармъ мужики, подростки, бабы и дѣвки; женщины одѣты въ самые удивительные костюмы, приспособленные къ работѣ въ лабазахъ, къ сидѣнію верхомъ на лавкахъ для „карбованія“—потрошенія рыбы. Всѣ онѣ выстраиваются рядами, подъ предводительствомъ своихъ артельщицъ, словно солдаты въ строю; и тутъ заѣзжему, новому человѣку, глазъ котораго еще не освоился, трудно не засмѣяться при видѣ этихъ шеренгъ пестрыхъ кофтъ, пестрыхъ головныхъ платковъ, пестрыхъ, большей частью ярко-красныхъ, хорошо натянутыхъ чулокъ и еще лучше натянутыхъ отъ колѣнъ до пояса бѣлыхъ, *непремѣнно* бѣлыхъ панталонъ.

Всѣ „промысловыя“ щеголяютъ своими костюмами: чѣмъ ярче верхняя часть, чѣмъ бѣлѣе и чище нижняя подробность женскаго туалета, напоминающая старинныя „лосины“ военныхъ прошлаго столѣтія, — тѣмъ болѣе чести опрятной наемщицѣ. Женщинъ работаетъ здѣсь до полуторыхъ тысячъ; нѣкоторыя приходятъ издалека: не только изъ Астраханской губерніи, изъ-за Царицына и даже изъ Саратова. Тѣмъ охотнѣй нанимаются онѣ сюда, что самый разгаръ рыбнаго дѣла приходится въ мартѣ и апрѣлѣ, когда бабамъ по деревнямъ еще дѣлать нечего. И всѣ онѣ съ зимы заботятся о своихъ промысловыхъ костюмахъ, соревнуя и хвастаясь ими другъ предъ другомъ. „Промысловыя“, сказать къ слову, большія кокетки: онѣ и бѣлятся, и румянятся по воскресеньямъ, а по буднямъ до того боятся загорѣть, что лучше задохнутся отъ жару, чѣмъ развяжутъ платки, которыми такъ укутаны головы и лица ихъ, что только щелочки для глазъ оставлены незакрытыми.

Если спросить такихъ закутанныхъ работницъ, возсѣдающихъ въ лабазахъ или въ три погибели сгибающихся среди грудъ наваленной рыбы на плотахъ или въ выходахъ *),—не тяжела-ли имъ эта работа, онѣ согласно отвѣтятъ, что любятъ рыбное дѣло...

— Развѣ на полѣ-то, съ серпомъ легче управляться?.. Мы спины-то сгибать привычны! Тутъ надъ водой посвѣжѣй, чѣмъ подъ солнцемъ въ страду, а при хорошемъ кормѣ дѣло съ пѣсней да шуткой куды лучше спорится, чѣмъ на деревенской весенней голодухѣ!

— А въ разсолѣ руки мочить, когда рыбу въ чаны складываешь, развѣ не больно?

— Чево имъ дѣлается?.. Коли царапина, ну — пощиплетъ, вымоешь, вазелиномъ на ночь смажешь,—къ утру и нѣтъ ничего... А въ деревнѣ-то пойди, поищи вазелину, али арники, если что приключится... Гдѣ ихъ взять? Здѣсь, вонъ, лѣкарство, дохтуръ объѣзжаетъ; въ Чуркинскомъ промыслѣ аптека да больница богатѣющія—даровыя. А главное, что харчи здоровые и въ волю!.. Нѣтъ, ужъ, что говорить, — на рыбныхъ промыслахъ здѣсь — живи, не тужи, да еще и денегъ домой принесешь!!

И точно, на хорошую кормежку приходятъ рабочіе на Синеморскіе промыслы. Приходятъ они не одни, а цѣлыми семьями отъѣдаться,—съ грудными младенцами и съ подростками, чтобы нянчить ихъ.

Выслушавъ приказы надзирателя, задающаго „уроки“, всѣ эти работницы съ площадки направляются по приказу его, какъ солдаты маршируя по двѣ и по три въ рядъ, кто рыбу отбирать на 75-саженный плотъ; кто воблу низать,—т. е. нанизывать ее, прокалывая несчастную черезъ глаза, на бичевки; кто „чистяковую рыбу“,—лещей, судаковъ и т. п. — на соленіе потрошить, въ крытый, старый плотъ, гдѣ и контора пріемная находится; а кто и въ другія мѣста: въ „лабазы“, скоросольную рыбу въ чаны укладывать; въ „вешела“,—воблу на сушку подвѣшивать: много вѣдь всякаго дѣла съ рыбой бываетъ! Самая интересная работа, во время хорошаго улова сельди, укладывать ее въ лари, пересыпая солью. Бабы тамъ стоятъ на лубкахъ, чтобы не провалиться въ скользкой массѣ рыбъ, все выше и выше подымаясь по мѣрѣ того, какъ растетъ количество сельди въ ларяхъ, пока саженныя могилы этихъ бѣдныхъ, трепещущихъ еще въ рукахъ ихъ и подъ ногами рыбъ, не наполнятся до верху. Тогда ихъ закрываютъ деревянными крышами и оставляютъ лежать въ соли до самой нижегородской ярмарки.

Въ сельди вся суть, все богатство промысловое. Остальной уловъ чистяковой да красной рыбы (стерляди, бѣлуги, севрюги, осетровъ),—будь то хоть двухсаженная, икряная бѣлуга по триста рублей за штуку,— ничто, самый пустякъ. Ихъ всѣхъ за хорошій уловъ сельди-бѣшенки отдать можно... Вотъ она-то, волжская сельдь, и есть та самая „золотая рыбка“, что рыбакамъ и ѣду

*) Плотами здѣсь называютъ длинныя и широкія пристани на сваяхъ, куда рыбу высыпаютъ изъ лодокъ—прорѣзей. Выхода, это ледники съ подпольными ларями,—громадными ваннами или деревянными бассейнами, для склада сельди въ просолъ. Ванны эти называются ларями. Въ каждомъ ларѣ вмѣщается до 60,000 сельдей.

сладкую, и одежду парчевую, и дворцы мраморные даетъ.

Это всѣмъ вѣдомо, а потому и не удивительно, что плохой ходъ ея раздражаетъ, приводитъ въ страхъ и уныніе все промысловое населеніе.

Когда она идетъ хорошо, то ея ходъ можно видѣть внѣ неводовъ, въ открытыхъ водахъ, простымъ глазомъ на большія разстоянія, по рѣчкамъ и ерикамъ съ моря, бурлитъ рябь, рыба ее хвостиками и махалочками всю испещряетъ... Бываетъ ея такое множество, что руками брать можно! Трудно изъ-за нея грести гребцамъ, а пароходы ее такъ и разметываютъ на ходу. Иной разъ неводъ столько захватитъ ее, что прорывается, а нѣтъ, такъ еще и того хуже: она въ немъ на дно рѣчное залегаетъ; сама себя, своею тяжестью передавитъ, и нѣтъ силъ ее вытащить! Такъ и пропадаетъ даромъ на днѣ, только воду заражая... Хорошо, что въ послѣдствіи она, разлагаясь, всплываетъ и теченіемъ уносится въ море!

Интересенъ процессъ самаго улова. По всѣмъ рѣчкамъ и притокамъ промысловыхъ водъ разбросаны тони и на нихъ теперь, съ затишьемъ, начинается кипучая, живописная работа. По плоскимъ берегамъ, кое-гдѣ поросшимъ мелкорослой зеленью, не то ивой да тростникомъ, а всего больше совсѣмъ песчанымъ и безплоднымъ, издали виднѣется рядъ шалашей. Возвышается изба на сваяхъ, а то и прямо на сыпучемъ бережку; или чернѣютъ одинокія киргизскія кибитки. Возлѣ нихъ блестящая рѣчная гладь непремѣнно усѣяна тѣснымъ рядомъ громадныхъ лодокъ-прорѣзей, готовыхъ принять свой живой грузъ, а отъ нихъ на далекое разстояніе охвачена полукругами „черныхъ бусъ“,—таковыми они представляются издали. Подплывъ поближе, вы видите, что это „балберки“, — деревяшки, поддерживающія края громадныхъ неводовъ. Невода эти, или волокуши, какъ ихъ здѣсь называютъ, неустанно, и днемъ, и ночью, смѣняясь комплектами въ двѣнадцать человѣкъ, вытягиваютъ „ватажные“,—рабочіе русскіе и киргизы.

Далеко разносится ихъ заунывная пѣсня, когда они, по грудь въ водѣ, защищенные отъ нея „бахилами“ *) изъ толстѣйшей кожи, тянутъ лямку, медленно переступая со ступни на ступню, всей грудью мощно навалившись на канатъ. Вотъ передовые ужъ завели его конецъ на землю и топчатъ не рѣчное дно, а береговой песокъ подъ заунывные, классическіе возгласы: „Эй, ухнемъ!.. Ну еще, еще, еще!.. Ну, дружнѣе,—еще разъ!“ Остальные еще въ водѣ тянутъ слѣдующія тони, пока первую выгружаютъ на берегъ; нѣкоторые сопровождаютъ невода въ „бударкахъ“, маленькихъ лодочкахъ, направляя ихъ ходъ. Выгрузивъ первый неводъ, ватажные вновь идутъ въ рѣку, вручаютъ конецъ волокуши сидящимъ въ бударкахъ, а тѣ завозятъ его въ тылъ послѣднему, охватывая всю рѣку широкимъ и далекимъ полукругомъ.

Въ это время слѣдующіе уже притянули свою тоню близко, къ самому берегу и, пока, въ затягиваемой ими все больше сѣти, рыба трепещетъ и бьется, какъ живое серебро, ключомъ вспѣниваетъ воду, прыгая и кружась словно зерна риса въ кипящемъ молокѣ, разбрызгивая пѣну фантанами, — въ ближайшемъ другомъ неводѣ, который еще большимъ полукругомъ опоясалъ воду, она уже видимо для глаза тоже полощется, взметываетъ хвостами и старается, — увы! безплодно,—освободиться, перепрыгнуть черезъ край губительныхъ петель, затягивающихъ ее все плотнѣй и плотнѣй... Вотъ и вторая сѣть притянута къ прорѣзи. Киргизы накатали концы ея на боченокъ, подвели мѣшкомъ вплоть подъ край рыбницы, — первой тюрьмѣ вольныхъ рѣчныхъ жительницъ и — смолкли!.. Затихло ихъ двухнотное, однообразное завываніе безъ смысла и безъ мелодіи, отнюдь непохожее на всероссійское, осмысленное, выразительное „ухнемъ“ и взялись ужъ они за двойныя длинныя „сюзги“**). Киргизы смолкли, а русскіе ватажные, выступая съ третьей тоней на бережокъ, тутъ-то и разошлись! Тутъ-то и подхватили дружнѣй, безъ помѣхи, свою пѣсенку-кормилицу: „Нуко, дружки, приналягъ!.. Еще разикъ, еще разъ!“ И далеко разносилась она въ яркомъ воздухѣ, надъ яркой рѣкою, столько слышавшей этихъ „разиковъ да разовъ“, что ужъ ее не обманешь ими,—она знаетъ, что какъ начала ихъ не видать, такъ не дождаться ей и конца ихъ!

Вотъ нѣсколько черномазыхъ „корсаковъ“ (мѣстное прозвище киргизовъ) съ развѣвающимися концами бѣлыхъ и пестрыхъ бумажныхъ платковъ, повязанныхъ на бритыхъ макушкахъ отъ жару, вскочили на перекладину прорѣзи, ужъ почти наполненной рыбой, пока еще плававшей въ ней на просторѣ, — и заварилась въ ней серебряная каша!.. Нѣсколькими двойными „сюзгами“ черпали люди изъ громадной, кишѣвшей живыми созданіями волокуши и ссыпали ихъ животрепещущими водопадами въ прорѣзь. А

*) „Бахилы“,—цѣльные кожаные мѣшки, стянутые у горла, съ отверстіями для рукъ и двумя мѣшками для ногъ, образующими какъ бы вмѣстѣ брюки и сапоги.

**) „Сюзга“,—нѣчто въ родѣ сѣтки, какими ловятъ бабочекъ, изъ крѣпкой сѣти, придѣланной къ желѣзному ободку, съ длинной деревянной ручкой.

тамъ-то вода вспѣнилась, забила вверхъ брызгами!... Казалось, гигантскія, живыя жемчужины стремятся изъ сѣтей въ лодку, пока этотъ рыбный завалъ не наполнилъ ее.

Тогда полную рыбницу отводятъ отъ берега, а на ея мѣсто приводятъ другую.

Но это не значитъ, что на первой дѣло кончено,—совсѣмъ нѣтъ! На нее изъ ближнихъ бударокъ вскакиваютъ люди, вооруженные маленькими „сюзгами", которыми они умѣютъ изумительно ловко вычерпывать изъ селедочной сутолоки другихъ рыбъ: лещей, щукъ, судаковъ, стерлядокъ и прочую крупную рыбу. Она дорога и должна идти въ розничную продажу; а не то, въ горячее селедочное время, на приварокъ артели. Если въ ихъ „сюзгу" изъ рыбницы попадетъ, вмѣстѣ съ „красной" рыбкой, нѣсколько сельдей, они не трудятся выбирать ихъ руками, а подбросивъ всю рыбу „сюзгой" на воздухъ, преловко, на лету, словно играя въ воланъ, подхватываютъ ею свою цѣнную добычу и однимъ взмахомъ перебрасываютъ ее въ бударку, стоящую рядомъ, тогда какъ сельди гуртомъ летятъ обратно въ прорѣзь. Мелкую рыбешку, даже воблу, теперь ужъ просто назадъ въ рѣку выбрасываютъ: не до возни съ ней, когда наступаетъ „селедочная горячка".

Горячка и впрямь!.. Надо видѣть, съ какимъ жаромъ работаютъ тутъ люди, какія разгоряченныя, порою даже озлобленныя лица бываютъ у неводныхъ и черпальщиковъ. Словно будто до врага добрались они и торжествуютъ его пораженіе, и спѣшатъ жадно, безъ передышки валить его, добивать!.. Недаромъ „бѣшенкой" зовутъ рыболовы Астраханскую сельдь: науловѣ ея люди точно сами бѣсятся. Интересны на промыслахъ также моменты, когда удается поймать какую либо крупную рыбу. Вотъ какъ описываетъ очевидецъ этотъ выдающійся эпизодъ въ жизни рыбо-промышленника:

Пересѣвъ съ косной вновь на катеръ, мы поплыли было домой, но вдругъ съ дальняго берега раздались намъ на встрѣчу дикіе призывные крики со всѣхъ ногъ бѣжавшаго черномазаго киргиза. Бантъ его платка, завязаннаго по-бабьи, шлычкой, развѣвался наподобіе побѣднаго флага; оскаленные зубы блестѣли и онъ лопоталъ что-то, усиленно размахивая руками.

Катеръ нашъ замедлилъ ходъ... Управляющій узналъ артельщика партіи.

— Что такое?.. что случилось?—закричалъ онъ.

— Постой, бачка, постой! Погляди, какой балшой рыбъ нашъ „камплетъ" пымалъ!.. Балшой красной рыба!—радостно возвѣстилъ киргизъ.

— Какую же рыбу?.. Осетра, что-ли?

— Волше! Четыре осетра будетъ!

Мы приблизились къ крытой рыбницѣ, стоявшей особо. Въ самомъ дѣлѣ: оказалась громадная четырехаршинная бѣлуга. Повернувшись и ударивъ хвостомъ по дну прорѣзи, она всѣхъ насъ окатила водой...

Такой икряный звѣрь стоитъ до 300 рублей... Дали „камплету" три рубля на чай, и надо было видѣть, какъ эти черномазыя рожи блаженно осклабились, кивая бритыми головами и бантиками на макушкахъ.

Въ эти дни, въ возмездіе за „плохой уловъ" сельди, вѣроятно, было поймано нѣсколько такихъ великановъ. На Дамбинскомъ промыслѣ одну полутора-саженную громадину-бѣлугу при насъ „раздѣлали".

Зрѣлище оригинальное.

Прорѣзь подвезли подъ самый плотъ (то есть крытую деревянную набережную на сваяхъ), гдѣ между двухъ лѣстницъ,—ступеней для выхода съ причаливающихъ въ низкую воду пароходовъ, сдѣланъ гладкій подъемъ собственно для вытягиванія такихъ крупныхъ гостей.

Не безъ труда удалось пропустить бѣлугѣ канатъ подъ жабры. Человѣкъ десять долго съ нею возились въ рыбницѣ, полной воды; великанша отчаянно барахталась, сбивая людей съ ногъ ударами хвоста, забивая громадную голову съ подвижными усами и крохотными глазками подъ крытые концы лодки. Наконецъ, изловчились, перебросили оба конца веревки на плотъ ожидавшимъ людямъ, а сами стали снизу ее подсаживать на откосъ. Мы сидѣли у открытаго окна конторы, тутъ же, на плоту, въ самомъ виду маневровъ...

Когда эту бѣлую махину тащили мимо, она взметнула хвостомъ и чуть не разбила окошка.

Притащили несчастную къ ожидавшему ее лобному мѣсту, у дверей конторы, въ ближнемъ концѣ плота; тамъ ждали ее палачъ и эшафотъ: огромная красная лохань для икры и топоръ заранѣе приготовлены „икрянникомъ", въ бѣломъ фартукѣ, надъ выдвижной доской въ помостѣ. Доска эта отодвигается, а подъ ней въ полу рѣшетка, куда сливается кровь и вода, которую его ассистенты обильно льютъ на жертву во время операціи.

Вообще все дѣлается такъ быстро, чисто и ловко, что эта казнь ничего ужаснаго не представляетъ. Рыбу прежде всего убиваютъ однимъ ударомъ обухомъ по головѣ; это доставляетъ ей сравнительное благо моментальной смерти, которымъ, охъ, какъ рѣдко пользуются ея мелкіе сотоварищи! Тѣ, бѣдные, долго бьются, нанизанные на лыко или задыхаясь въ соли, прежде окончательной разлуки съ жизнью...

И тутъ лежали, выстроенныя рядами, нѣсколько большихъ севрюгъ, съ которыми, за одно, надо было прикончить; онѣ наглядно

насъ удостовѣряли, „засыпая“ постепенно, внѣ родного элемента, что бѣлугѣ конецъ дался легче. Онѣ еще долго страдальчески открывали рты, когда ихъ крупная сосѣдка ужъ болѣе не страдала и ничего не чувствовала...

И какъ изумительно ловко съ нею справился икрянникъ! Послѣ обуха топоръ мигомъ раскроилъ ей на двое черепъ, а затѣмъ, — мгновеніе, — острый ножъ мелькнулъ въ опытной рукѣ и только что на глазахъ у насъ плававшее, сильное, огромное созданіе превращено въ бездушную вещь, въ какой-то бѣлый, распоротый мѣшокъ, начиненный черною, плотною массою, словно сырой пшеничный пирогъ, до отвалу напичканный черникой.

Не видавъ, трудно даже представить себѣ, до чего икряная бѣлуга переполнена отъ хвоста по самое горло икрой.

Въ этой великаншѣ ея оказалось, по прочисткѣ, три съ половиною пуда. Икрянникъ тутъ-же вынималъ ее по частямъ деревянной лопаткой въ формѣ ложки и клалъ въ рѣшето, поставленное надъ лоханью, куда она попадала уже очищенной отъ пленокъ. Свѣсивъ послѣ этой первой операціи, икру ссыпаютъ въ кадку, гдѣ заранѣе приготовленъ „тузлукъ“, то есть теплая вода, болѣе или менѣе соленая; тутъ ее мѣшаютъ деревянными скалками минуты двѣ-три, потомъ тотчасъ-же вылавливаютъ изъ разсола рѣшетомъ помельче, отцѣживаютъ и выкладываютъ въ рогоженные кульки. Удивительно чисто, ловко, быстро и даже красиво все это продѣлывается! Когда икру, вымытую въ разсолѣ, ссыпаютъ изъ рѣшета въ кульки, звукъ ея паденія совершенно подобенъ тому, какъ-бы пересыпался мелкій жемчугъ, — до того каждое зернышко въ ней отдѣльно... Сейчасъ-же кулекъ свернули и положили подъ прессъ, изъ-подъ котораго во всѣ щелочки рогожи потекла, какъ сливки бѣлая жидкость. Тогда его вынули, обмыли кулекъ, не вынимая изъ него тяжелой прессованной массы, и паюсная, свѣже-просольная икра готова.

Весь процессъ не занялъ и получаса.

Паюсной икры остается всего двадцать семь фунтовъ изъ пуда свѣжей. Она, собственно говоря, должна бы продаваться вдвое дороже, а выходитъ на оборотъ только потому, что ужъ очень трудно сохранять свѣжую.

Непріятное явленіе наблюдается надъ тушей бѣлуги, когда изъ нея, уже обезглавленной, выпотрошенной, тянутъ бѣлоснѣжную ленту вязиги: она вся вздрагиваетъ и бьетъ хвостомъ, словно ей больно!.. А еще непріятнѣе нервному человѣку видѣть, какъ долго само по себѣ живетъ ея вынутое сердце. Лежа кровавымъ мѣшечкомъ на доскахъ плота, оно еще съ полчаса продолжаетъ исполнять свои функціи: бьется равномѣрно, сжимаясь и разжимаясь и при каждомъ біеніи испуская алую кровь.

Продукты астраханской рыбопромышленности лѣтомъ и осенью развозятся вверхъ по Волгѣ на Грязе-Царицинскую жел. дор., оттуда во внутреннюю Россію и на Нижегородскую ярмарку. Множество рыбнаго товара, преимущественно красной рыбы и бѣлужьей икры, идетъ за границу.

При всей важности астраханской рыбопромышленности для экономическаго благосостоянія государства, она до послѣдняго времени имѣла много несовершенствъ, терпѣла много невзгодъ.

Прежде всего постановка дѣла на рыбныхъ промыслахъ не отвѣчала требованіямъ правильнаго и экономнаго пользованія рыбными богатствами. Хищническіе способы ловли рыбы явились причиною уменьшенія рыбныхъ богатствъ, въ особенности такъ называемой „красной рыбы“, наиболѣе цѣнной въ торговлѣ. Къ числу такихъ вредныхъ способовъ ловли рыбы крупные рыбопромышленники относили употребленіе мелкихъ сѣтей, вылавливающихъ „мальковъ“, т. е. недоразвившуюся рыбу. Кромѣ того, въ положеніи рыбнаго дѣла на промыслахъ замѣчался застой: только наиболѣе крупные предприниматели, въ родѣ Базилевскаго, вводили на своихъ промыслахъ различныя усовершенствованія, заботились о благоустройствѣ промысловъ, большинство же дѣйствовало „по старинѣ“, избѣгая нововведеній. Это отражалось особенно невыгодно на санитарной части. Неряшество, гніющіе рыбные остатки, заражавшіе воду и воздухъ, дѣйствовали губительно на здоровье рабочихъ. Сюда присоединялась еще особаго рода болѣзнь, поражавшая рыболовныя сѣти. При такой „чумѣ“ рыболовныя снасти чернѣли и въ нѣсколько часовъ приходили въ полную негодность. Причина этого явленія до сихъ поръ не найдена. Условія жизни рабочихъ на промыслахъ вообще тяжелыя. Въ нѣкоторые періоды времени, а именно во время разгара работъ, требуется спѣшная, лихорадочная дѣятельность. Начало работъ открывается въ мартѣ мѣсяцѣ. Къ этому времени на промыслы стекается масса рабочаго люда, заподряженнаго рыбопромышленниками. Среди рабочихъ попадаются уроженцы губерній: Нижегородской, Тамбовской, Пензенской, Саратовской, Астраханской, степей Калмыцкой и Киргизской. Самое горячее время лова — мартъ и апрѣль. Наиболѣе лихорадочная дѣятельность начинается во время хода „сельди-бѣшенки“, продолжающагося 5—12 дней. На посолъ сельди идетъ соль Баскунчакскаго озера. На одныхъ промыслахъ Базилевскаго ея идетъ до 400,000 пудовъ.

Работа на астраханскихъ рыбныхъ промыслахъ продолжается до половины мая и возобновляется къ концу лѣта и къ осени. Въ промежутокъ времени между этими сроками на рыбныхъ промыслахъ устанавливается затишье, какъ на низовыхъ промыслахъ, такъ и на „верховыхъ“.

Верховыми промыслами считаются: Енотаевскіе, Черноярскіе, Царицынскіе, Дубовскіе, Камышинскіе и Саратовскіе. Въ прежнее время крупные рыбные промыслы существовали гораздо выше означенныхъ мѣстъ, но съ теченіемъ времени центръ рыбопромышленности отодвигался все болѣе и болѣе на югъ. Впрочемъ, это—неизбѣжная участь рыбныхъ промысловъ не на одной Волгѣ, а на всѣхъ рѣкахъ. Съ постепеннымъ развитіемъ культуры, фабрично-заводской промышленности, истребленіемъ лѣсовъ и проч., естественныя богатства страны уменьшаются, въ томъ числѣ и рыба во внутреннихъ водахъ. Жалобы на уменьшеніе волжскихъ рыбныхъ богатствъ стали раздаваться уже съ половины нынѣшняго столѣтія. Правительство рѣшило, вслѣдствіе этихъ жалобъ, придти на помощь русской рыбопромышленности. Въ 1865 г. рыбное дѣло было поставлено въ болѣе цѣлесообразныя рамки изданіемъ новаго устава для каспійской рыбопромышленности къ которому впослѣдствіи было издано много дополненій.

За правильнымъ исполненіемъ установленныхъ для рыбнаго дѣла законоположеній слѣдитъ Астраханское управленіе рыбными и тюленьими промыслами съ подвѣдомственнымъ ему комитетомъ, задачей котораго является обсужденіе мѣръ для исполненія правилъ и предположеній къ лучшему устройству промысловъ и разбора могущихъ возникнуть недоразумѣній.

Базаръ въ Астрахани.

Въ тѣсной связи съ волжской рыбопромышленностью находится и соляное, около приволжскаго района, такъ какъ добываемая здѣсь соль идетъ главнымъ образомъ на посолъ рыбы. Главная масса приволжской соли добывается на Баскунчакскомъ озерѣ.

Добыча соли началась здѣсь съ 1865 г., но въ первое время соль добывалась въ сравнительно небольшомъ количествѣ, Особенно много стали добывать съ 1870 г.,

когда добыто было болѣе милліона пудовъ. Съ этого года количество добываемой соли съ каждымъ годомъ возрастало, такъ что, напр., въ 1881 г. добыто было соли болѣе $13^1/_2$ мил. пудовъ.

Отъ Баскунчакскаго озера соль перевозится по желѣзной дорогѣ до Владиміровки, гдѣ и перегружается на волжскія суда. Отъ Баскунчакскаго озера до Владиміровки 53 версты. Прежде соль на этомъ разстояніи перевозилась исключительно чумаками, но съ 1883 г.—времени открытія Баскунчакской жел. дороги—большинство соли стало перевозиться по желѣзной дорогѣ. Тѣмъ не менѣе воловья перевозка соли продолжается и теперь. Объясненіемъ подобнаго явленія служатъ нѣкоторыя неудобства перевозки соли по желѣзной дорогѣ; а именно необходимость особой перевозки соли на тачкахъ, какъ при нагрузкѣ соли въ вагоны у озера, такъ какъ вагоны не подходятъ непосредственно къ мѣстамъ добычи соли, такъ и при разгрузкѣ изъ вагоновъ въ баржи.

По добычѣ соли на Баскунчакскомъ озерѣ работаетъ, въ числѣ другихъ, крупная фирма г. Ліанозова (нынѣ г. Бѣляева), выстроившаго на собственный счетъ однихъ приспособленій для подвозки и нагрузки на сумму до 100 т. рублей.

Баскунчакская желѣзная дорога работаетъ въ теченіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ въ году, преимущественно лѣтомъ и не позже декабря.

Въ 80 верстахъ отъ Баскунчака, въ направленіи на юго-востокъ, возвышается соляная гора Чипчачъ, представляющая собою группу холмовъ, высотою не болѣе 10 саж. Кругомъ безлюдная степь, лишь мѣстами всхолмленная песчаными буграми (барханами), переносимыми съ мѣста на мѣсто по вѣтру.

Гора почти цѣликомъ состоитъ изъ чистой и твердой поваренной соли. Въ 1873 г. здѣсь заложено было 15 буровыхъ скважинъ; одну изъ нихъ довели до глубины 39 футъ и все-таки не добрались до конца соляной глыбы.

Добываніе соли на Чипчачѣ началось съ 1861 г. и производилось сначала примитивнымъ способомъ—*разносомъ*, т. е. такъ же, какъ добываются глина, жерновые камни и т. п. Съ 1870 г. способъ этотъ былъ запрещенъ и соль начали добывать посредствомъ шахтъ (подземныхъ галлерей), заложенныхъ у входа на 16 саж. глубинѣ и постоянно углубляющихся внутрь горы на 20 саж.

Въ 95 верстахъ къ сѣверу отъ Владиміровки находится третій главнѣйшій изъ приволжскихъ пунктовъ добычи соли—Элтонское озеро. Въ былое время на Элтонѣ добывалось ежегодно 6—10 мил. пуд. лучшаго качества самосадочной соли. Теперь Элтонъ утратилъ свое значеніе вслѣдствіе конкуренціи Баскунчака, соль котораго не хуже Элтонской, а между тѣмъ удобнѣе для доставки къ Волгѣ. Тѣмъ не менѣе эксплоатація Элтона не прекратилась и въ 1882 г. въ немъ добыто соли 2.424,352 п. соли.

Озеро имѣетъ 20 верстъ длины, 16 ширины, 47 в. въ окружности. Соли въ немъ такъ много, что ея хватило-бы на всю Европу.

Кромѣ Элтона и Баскунчака, въ Астраханской губ. имѣется еще много соляныхъ озеръ: на нихъ добывается ежегодно болѣе 10 мил. пудовъ соли, которая идетъ исключительно на посолъ рыбы.

Всѣ безъ исключенія соляныя озера составляютъ собственность казны. Всякій, кто пожелаетъ заняться соледобываніемъ, подаетъ заявленіе въ управленіе госуд. имущ. и получаетъ участокъ на томъ или другомъ озерѣ съ условіемъ платы отъ $^1/_2$ до $1^1/_4$ к. съ добытаго пуда.

Подобно физическимъ условіямъ нашей области, не менѣе разнообразно и ея населеніе, представляющее пеструю смѣсь народовъ кавказскаго и монгольскаго племени. Поэтому мы будемъ разсматривать составъ народонаселенія области, равно и его занятія по отдѣльнымъ губерніямъ, начиная съ Самарской, какъ самой населенной изъ трехъ (2,700 тыс. жит.).

Главную массу населенія этой губерніи составляютъ великоруссы, занимающіе первое мѣсто во всѣхъ уѣздахъ, за исключеніемъ Бугульминскаго, гдѣ преобладаютъ татары. Затѣмъ, въ губерніи много малороссовъ-переселенцевъ (въ Новоузенскомъ у.); представителями финскаго племени здѣсь служатъ мордва, чуваши и вотяки. Кромѣ того, въ губерніи много татаръ, башкиръ, киргизовъ и черемисовъ, а въ южныхъ губерніяхъ около 100 тыс. нѣмцевъ. По вѣроисповѣданію все населеніе губерніи распадается: на православныхъ (78%), раскольниковъ (4%), католиковъ (2%), протестантовъ (5%) и магометанъ (11%).

Общее количество удобной земли равняется, приблизительно, 12 мил. десятинъ, изъ нихъ 59% принадлежатъ сельскимъ обществамъ, 18,8% — казнѣ и Удѣламъ, 15% — дворянамъ и 7% — прочимъ частнымъ владѣльцамъ. При этомъ нужно замѣтить, что дворянскія владѣнія годъ отъ году сокращаются, переходя въ руки разбогатѣвшихъ крестьянъ и мѣщанъ.

Болѣе половины удобной земли распахано подъ пашню, такъ какъ земледѣліе является здѣсь главнѣйшимъ занятіемъ жителей. Хлѣба сѣется очень много, но рутинное хозяйство и примитивные способы обработки земли, ведя за собою истощеніе почвы, не позволяютъ собирать тѣхъ урожаевъ, какіе-бы здѣсь могли быть по физическимъ условіямъ страны. Среднимъ числомъ собирается ежегодно 68.000,000 пудовъ хлѣба. Въ послѣднее время стали развиваться посѣвы льна и конопли, а у колонистовъ табака (сборъ до 315,000 пуд.). За земледѣліемъ слѣдуетъ скотоводство, особенно на югѣ губерніи. Въ 1891 г. въ губерніи было: около 1/2 милл. лошадей, 480,000 крупнаго рогатаго скота, почти 1.000,000 овецъ, около 90,000 свиней, 5,000 верблюдовъ и 28,000 козъ. Продукты земледѣлія и скотоводства обработываются частью кустарнымъ путемъ, частью на 810 существующихъ здѣсь фабрикахъ и заводахъ (съ производствомъ 6.000,000 руб.), частью служатъ предметомъ вывоза въ сыромъ видѣ (главнымъ образомъ пшеница, которая свозится на волжско-самарскія пристани со всѣхъ юго-восточныхъ губерній). Въ 1891 г. по Волгѣ было вывезено до 13.000,000 пудовъ хлѣба.

Что касается Астраханской губ., то по послѣднимъ даннымъ ея населеніе равняется 995 тыс. человѣкъ; изъ нихъ около 1/2 мил. осѣдлыхъ (главнымъ образомъ, русскихъ, затѣмъ татаръ) и около 400 тыс. кочевниковъ (140 тыс. калмыковъ и 240—киргизъ). По вѣроисповѣданіямъ: 50% православныхъ, 1 1/2% раскольниковъ, 1/2% армяно-грегоріанъ, 33% магометанъ и 16% ламаитовъ. Среди русскихъ на особомъ положеніи находятся астраханскіе казаки, образующіе такъ называемое «Астраханское казачье войско». Казаки эти имѣютъ до 42 поселковъ и станицъ, подъ которыя отведено до 600 тыс. дес. земли (изъ нихъ 270 тыс. негодной); въ мирное время они образуютъ 1 полкъ.

Начало астраханскому казачьему войску положено въ 1730 г., когда былъ сформированъ казачій полкъ изъ калмыковъ, принявшихъ христіанство. Затѣмъ въ 1801 г. къ войску приписаны были городовыя команды Чернаго Яра, Енотаевска и Краснаго Яра, а въ 1804 г. сюда-же причислены и всѣ бывшіе волжскіе казаки, оставшіеся въ своихъ домахъ на Волгѣ, послѣ перевода въ 1777 г. волжскаго войска на Кавказъ. Умноженіе войскового населенія дало возможность сформировать въ 1817 г. еще 2 полка.

Такимъ образомъ въ настоящее время въ астраханскомъ войскѣ числится 3 полка, но въ мирное время содержится налицо только одинъ, а остальные два „содержатся на льготѣ“, т. е. формируютъ свои части только въ военное время. Въ мирное-же время льготные полки отбываютъ, на основаніи особыхъ правилъ, учебные сборы.

Общее управленіе надъ казаками сосредоточено въ рукахъ наказного атамана. Это званіе съ 1880 г. соединяется съ должностью астраханскаго губернатора, назначаемаго изъ числа генераловъ. Содержимый въ мирное время астраханскій казачій полкъ разбросанъ по городамъ губерніи для содержанія тамъ карауловъ и по калмыцкимъ улусамъ, въ видѣ конвоя тамошнему начальству. Въ самой Астрахани, гдѣ находится полковое управленіе, рѣдко бываетъ налицо болѣе одной сотни.

Среди астраханскихъ кочевниковъ первое мѣсто по численности принадлежитъ киргизамъ, занимающихъ степи на лѣвомъ, луговомъ берегу Волги (до 66 тыс. кв. в.).

Киргизы, или какъ они себя называютъ, „казаки“, издавна были извѣстны русскимъ, по крайней мѣрѣ по слухамъ; еще во время Грознаго слышно было, что у Кучума-царя

съ „казацкимъ“ царемъ война была. Въ концѣ XVI ст. русскіе встрѣчались съ киргизами въ верховьяхъ Енисея, Оби и Иртыша, откуда киргизы постепенно подвигались къ западу и, наконецъ, заняли своими кочевьями все пространство отъ Иртыша до береговъ Каспійскаго моря. Прежде они раздѣлялись на три отдѣльныя отрасли—*джюсъ* (сотни), извѣстныя у русскихъ подъ именемъ ордъ: большой, средней и малой. Каждая орда управлялась своимъ ханомъ. Малая орда занимала степи отъ р. Урала до Каспійскаго моря къ востоку до Аральскаго моря и кавказскихъ владѣній.

Въ половинѣ прошлаго столѣтія эта орда приняла русское подданство и тогда-же были расширены границы Россіи до Аральскаго моря и до р. Сыръ-Дарьи.

Вскорѣ послѣ этого событія калмыки, какъ извѣстно, бѣжали въ 1771 г. съ луговой стороны Волги въ Китай: степь, ими переполненная, оказалась пустою. Этимъ воспользовался одинъ изъ султановъ малой орды Букей; онъ рѣшилъ отдѣлиться отъ своей орды самостоятельною отраслью и откочевать отъ нея подальше на привольныя приволжскія степи. Получивъ на то въ 1801 г. разрѣшеніе, онъ съ 7,500 кибитокъ перекочевалъ на Уралъ.

Эта вновь сформированная орда, въ отличіе отъ ордъ зауральской и сибирской, именуется „внутренней“, а иногда, по имени виновника ея образованія, „Букеевской“ (С. Монастырскій).

Относительно быта и нравовъ астраханскіе киргизы въ общемъ схожи съ своими азіатскими сородичами, а потому мы не будемъ описывать ихъ.

Обширныя степи праваго берега Волги заняты кочевниками другого народа монгольскаго племени—калмыковъ, имѣющихъ въ своемъ владѣніи до 76 тыс. кв. в. пространства.

Нашествіе монголовъ, надѣлавшихъ столько бѣдъ и несчастій удѣльной Руси, имѣло въ арріергардѣ еще калмыковъ, отставшихъ отъ первыхъ на цѣлыя полтораста лѣтъ и своимъ появленіемъ на берегахъ Волги закончившихъ переселеніе народовъ черезъ знаменитыя „урало-каспійскія врата“.

Ханъ Хоурлюкъ съ шестью сыновьями переправился въ 1630 г. черезъ Яикъ (Уралъ) и явился на берегахъ Волги съ тысячами кибитокъ подвластныхъ ему калмыковъ. Калмыки тѣ-же, что и монголы, по складу характера, наклонностямъ и привычкамъ—могли-бы также губительно отозваться на Россіи, еслибы она со времени сверженія монгольскаго ига не успѣла расширить свои границы, окрѣпнуть и стать на извѣстной степени могущества. Такимъ образомъ, калмыки, при первомъ появленіи своемъ въ предѣлахъ Россіи, должны были ограничиться очень немногимъ. Стѣснивъ ногайцевъ и татаръ, кочевавшихъ въ астраханскихъ степяхъ, придвинувъ ихъ ближе къ Астрахани, а нѣкоторыхъ подчинивъ себѣ, они на томъ и остановились. Дальнѣйшее въ ихъ исторіи представляетъ рядъ неудачныхъ попытокъ поживиться на счетъ Россіи, но здѣсь-то и сказалось значеніе завоеваннаго за восемьдесятъ лѣтъ до этого царства астраханскаго. Астрахань явилась стражемъ русскихъ интересовъ на юго-востокѣ. Ханъ Хоурлюкъ поплатился даже жизнью, испытывая могущество такого оплота, какой представляла Астрахань. Въ 1642 году онъ подступилъ къ Астрахани съ ордою, но былъ убитъ вмѣстѣ съ сыновьями и внуками. При его преемникахъ дѣло ограничивалось грабежами по Волгѣ, сожженіемъ поселеній, рядомъ внутреннихъ неурядицъ, закончившимися, наконецъ, полнымъ подчиненіемъ калмыковъ русскому правительству. Но не сразу, не такъ быстро, какъ можетъ казаться, калмыки сдѣлались достояніемъ Россіи. Главное несчастіе ихъ заключалось во взаимныхъ распряхъ и усобицахъ владѣльцевъ. До тѣхъ поръ, пока калмыцкимъ народомъ единодержавно правилъ, въ продолженіе 55 лѣтъ, ханъ Аюка, калмыки еще могли представлять изъ себя нѣчто опасное для Россіи, но съ его смертью, въ 1724 году, потребовалось вмѣшательство русскихъ въ дѣла калмыцкаго народа. Для возстановленія порядка приходилось посылать лучшихъ администраторовъ, какъ, напримѣръ, А. П. Волынскаго, но, наконецъ, правительство вынуждено было учредить особую калмыцкую комиссію съ особымъ начальникомъ во главѣ, каковымъ и былъ назначенъ въ 1741 году В. Н. Татищевъ (извѣстный историкъ).

Въ это время громадныя степи между Башкиріею, Яикомъ и Волгою были заняты калмыцкими улусами, считавшими у себя десятки тысячъ кибитокъ. Владѣльцами были члены ханской фамиліи, откуда и происходили всѣ многолѣтнія, безпрестанныя усобицы, такъ какъ у каждаго владѣльца были и сильныя желанія, и одинаковыя права стать если не единовластнымъ ханомъ, то по крайней мѣрѣ намѣстникомъ всего народа—намѣстникомъ, власть котораго была-бы санкціонирована русскимъ правительствомъ. Отнимая другъ у друга улусы, грабя и по-

зоря одинъ другого, они съ тѣмъ вмѣстѣ немилосердно клеветали передъ лицомъ русскихъ представителей.

Въ 1771 г. калмыки, притѣсняемые русскими властями, вѣдавшими калмыцкія дѣла, рѣшили бѣжать обратно въ Азію. Владѣлецъ Убуши увелъ за Уралъ до 30,000 кибитокъ и направился черезъ степи въ китайскія владѣнія. Бѣгство калмыковъ имѣло для нихъ ужасныя послѣдствія. Эти несчастные почти всѣ погибли и въ войнахъ съ киргизами, и отъ китайцевъ, которые жгли ихъ, размалывали жерновами и замучивали нечеловѣческими, жестокими пытками. Въ Россіи осталось до 13,000 кибитокъ. Управлялись они владѣльцами—нойонами, при участіи русскихъ чиновниковъ, при чемъ калмыки находились въ рабской зависимости отъ своихъ родовыхъ владѣльцевъ.

Наконецъ въ 1892 году послѣдовалъ Высочайшій манифестъ о дарованіи калмыкамъ простолюдинамъ личныхъ правъ, и крѣпостныя права нойоновъ были отмѣнены. Въ настоящее время калмыцкая степь, въ административномъ отношеніи, дѣлится на улусы, коими управляютъ чиновники—попечители; послѣдніе подчинены главному попечителю калмыковъ, должность котораго совмѣщается съ должностью управляющаго государствен. имущ. въ губерніи.

Когда-то хищный и безпокойный народъ, теперь угомонился и только неблагопріятныя обстоятельства до сихъ поръ мѣшаютъ ему окончательно отказаться отъ кочевой жизни и обратиться къ земледѣлію. Русскій языкъ уже охватилъ окраины калмыцкой степи, но отсутствіе русскихъ поселенцевъ въ самой степи препятствуетъ дальнѣйшему распространенію его.

Въ степь стало проникать и христіанское ученіе, распространяемое миссіонерами. Миссіонерскихъ становъ въ калмыцкой степи имѣется три: въ урочищѣ Ноинъ-Шире, Уланъ-Эрге и на островѣ Логани. Во всѣхъ этихъ станахъ имѣются церкви, кромѣ четвертой передвижной, имѣвшейся въ миссіи до 1883 г., но затѣмъ уничтоженной по неудобству. Взамѣнъ ея рѣшено было построить новую постоянную и управленіе калмыцкимъ народомъ указало для церкви удобное мѣсто въ урочищѣ Алцынъ-Хута (въ 200 верстахъ отъ Чернаго Яра), гдѣ, по свѣдѣніямъ управленія, имѣются два большихъ прѣсноводныхъ озера, перекрещиваются главныя степныя дороги и имѣется доброкачественная земля. Къ веснѣ 1887 г. церковь была выстроена на плоту и ее предполагалось уже доставить на мѣсто. Но, когда пріѣхали въ Алцынъ-Хутъ, то громаднаго озера, показаннаго на картѣ, не оказалось: оно давно высохло, а на мѣстѣ, предназначенномъ для церкви, стояли пять калмыцкихъ хуруловъ (храмовъ). Другого озера не оказалось. Такъ смутны свѣдѣнія о калмыцкомъ краѣ! Церковь, наконецъ, поставили, въ 10 верстахъ отъ Чернаго Яра, въ имѣніи г-жи Поліевктовой.

Задачи миссіи вообще трудны и число крещеныхъ калмыковъ невелико. Крещеные калмыки встрѣчаются преимущественно въ Малодербешевскомъ улусѣ (примыкающемъ къ Царицынско-Ставропольскому тракту) и Икицохуровскомъ (отъ Эргеней въ глубь степи).

Въ главной массѣ калмыки остаются язычниками ламаистами, т. е. слѣпыми послѣдователями ученія Будды, которое въ основѣ своей совсѣмъ непонятно имъ.

Главное препятствіе для перехода калмыковъ въ христіанство заключается въ вліяніи калмыцкаго духовенства и неотдѣленности крещенныхъ калмыковъ отъ некрещеныхъ, вслѣдствіе чего послѣдніе всегда будутъ оказывать давленіе на своихъ родичей, перемѣнившихъ свою религію. Въ калмыцкой степи имѣется много хуруловъ и моленень. Число ихъ доходитъ до 114. Самый древній хурулъ—Эрденіевскій, находится въ центральной части калмыцкой степи. Верстахъ въ 10 отъ Чернаго Яра имѣется Багацохуровскій хурулъ; здѣсь же живетъ калмыцкій лама. Интересенъ хурулъ въ Тюменевкѣ, верстахъ въ 80 отъ Астрахани. Это длинное зданіе, увѣнчанное остроконечными башенками китайскаго стиля. Центральная башенка, весьма высокая, имѣетъ четыре яруса, послѣдовательно съуживающихся и, подобно другимъ башенкамъ, имѣетъ наверху шпицъ съ изображеніемъ луннаго серпа и водруженнаго на немъ солнца.

Внутренность храма устлана войлочными коврами, убрана матеріями, циновками и т. п. Прямо противъ входа жертвенный, уставленный бурханами (идолами) столъ, надъ столомъ повѣшены священныя изображенія Будды во всѣхъ видахъ и позахъ. У алтаря оригинальные и вычурные сосуды, въ которыхъ курятся ароматы.

— Мы вошли,—говоритъ одинъ путешественникъ,—какъ разъ во время богослуженія. По срединѣ, въ два ряда, лицомъ другъ къ другу, сидѣли на корточкахъ жрецы-гелюнги. Трое съ одной стороны, пятеро съ другой. На всѣхъ были красные или желтые шелковые халаты. На одномъ, сверхъ того, плащъ изъ полосатой шелковой матеріи; на головѣ главнаго жреца картонный кокошникъ, родъ тіары, съ изображеніемъ тѣхъ-же многоногихъ, паукообразныхъ бурхановъ. Голубой плащъ копромъ торчалъ на плечахъ, подъ нимъ желтая рубаха, а изъ-подъ нея виднѣлась розовая юбка...

У каждаго въ рукахъ или на коврѣ передъ нимъ былъ какой-либо музыкальный инструментъ.

Передъ алтаремъ съ бурханами, между которыми выдѣлялся Будда-Сакьямуни, вылитый изъ какого-то желѣзнаго металла, близкаго къ золоту, горѣли многочисленныя пахучія тибетскія свѣчи; легкій вѣтерокъ врывался въ открытыя окна храма и слегка шевелилъ изображенія Дарке, матери Сакья-Муни, и другія, вышитыя на шелковой матеріи, доставлены сюда изъ Урги, откуда также доставляются и священныя книги калмыковъ, находившіяся въ углу на этажеркѣ. У самаго храма снаружи и внутри его постоянно вертѣлись молитвенные барабаны. На нихъ изображены молитвы, внутри тоже барабанъ набитъ имъ. Барабанъ — на оси, которая приводится въ движеніе ремешкомъ; другой конецъ ремешка—въ рукахъ у гелюнга. Къ нѣкоторымъ барабанамъ придѣлано сверху нѣчто вродѣ крыльевъ у мельницы. Вертится барабанъ — вращаются и крылья, а на каждомъ крылѣ опять молитва написана. Такимъ образомъ, въ теченіе часа на обоихъ барабанахъ повернется безчисленное количество молитвъ, что равно ихъ прочтенію передъ бурханами... Послышался оглушительный ревъ трубъ. Съ чѣмъ сравнить его? Представьте себѣ, если-бы тысяча быковъ заорала разомъ — въ одинъ голосъ, эффектъ былъ-бы едва-ли поразительнѣе. Но вотъ трубы смолкли.

„Послышался меланхолическій напѣвъ. Всѣ жрецы печально, но согласно мурлыкали себѣ подъ носъ, то слегка возвышая, то понижая голосъ. Пѣніе это не лишено нѣкоторой, совершенно оригинальной пріятности. Бакши далъ сигналъ литаврами и первый съ ряду человѣкъ давай позванивать серебряными колокольцами. Тихо разгорался напѣвъ, не становясь громкимъ, въ тактъ жрецы похлопывали въ кенгарки (турецкіе барабаны), въ горлѣ у одного пѣвца, точно ручей переливался съ камешка на камешекъ и булькалъ. Въ опредѣленные моменты строфа отъ строфы стройно отдѣлялась звономъ литавръ. Съ унылымъ напѣвомъ сливается жужжаніе быстро вращаемыхъ молитвенныхъ барабановъ... Но вотъ къ хору присоединился рожокъ. Все рѣзче и рѣзче трубитъ онъ, какой-то гелюнгъ заоралъ въ раковину, оправленную серебромъ. Голоса пѣвцовъ сообразно этому росли и росли... Рожки и раковины не умолкаютъ, напротивъ, лица музыкантовъ дѣлаются краснѣе и краснѣе, видимо напрягаютъ грудь до изнеможенія, наконецъ, въ хоръ врывается ревъ тысячи быковъ, т. е. оглушительное ораніе громадныхъ мѣдныхъ трубъ. Только что всѣ готовятся уйти отъ этого страшнаго рева, какъ вдругъ гаснутъ трубы, за ними умолкаютъ рожки и раковины, тише и тише становятся литавры, и опять тихій, меланхолическій напѣвъ, опять нервное, порывистое тюлюканье серебряныхъ колокольчиковъ и словно принижающійся звонъ литавръ. Наконецъ, и литавръ не слышно, и колокольчики меркнутъ, и только жужжаніе барабановъ, да унылый, сонный напѣвъ гелюнговъ сквозь окна храма разносится въ зеленую степь“.

„Удивительное впечатлѣніе это богослуженіе должно производить на инородцевъ въ пустыняхъ и степяхъ Азіи... Тихимъ вечеромъ, когда синія сумерки окутываютъ окрестности, изъ одинокаго хурула на громадное разстояніе разносятся эти печальные, дикіе напѣвы. Чутко внимаетъ ихъ номадъ и, складывая у лба ладонь къ ладони, творитъ земной поклонъ, слегка дотрагиваясь головою до своихъ бурхановъ. А сумерки все гуще и гуще... Уже ночь на востокѣ, уже яркія, крупныя звѣзды высыпали на небо и толпятся въ его лазоревомъ просторѣ, и все тише и печальнѣе разносится напѣвъ гелюнговъ, пока, вмѣстѣ съ послѣднимъ отсвѣтомъ давно отгорѣвшей на западѣ зари, не замретъ онъ, какъ замираетъ тихій звонъ струны“... (В. Н. Немировичъ-Данченко).

Изъ занятій астраханскихъ жителей на первомъ планѣ стоитъ рыболовство какъ главный промыселъ, наиболѣе доставляющій заработокъ мѣстному и пришлому населенію. За рыболовствомъ слѣдуетъ добыча соли. Изъ нѣкоторыхъ озеръ, добываютъ глауберову соль (сѣрнокислый натръ), но временно и въ незначительныхъ количествахъ. — Земледѣліе въ губерніи развито слабо; изъ всѣхъ уѣздовъ только царевскій отпускаетъ въ урожайные годы избытокъ хлѣба за предѣлы губерніи. Болѣе обращается вниманіе на огородничество и бахчеводство («астраханскіе» арбузы); въ окрестностяхъ самой Астрахани развито садоводство (между прочимъ, виноградарство). Слабо развита и фабрично-заводская промышленность. Напротивъ, скотоводство, вслѣдствіе топографическихъ и климатическихъ условій, составляетъ одно изъ наиболѣе важныхъ занятій жителей, а у кочевниковъ— даже почти исключительный источникъ для существованія. Въ 1887 г. въ губер-

нiи было до 230 тыс. лошадей, 770 тыс. рогатаго скота, 2 милл. овецъ, 40 тыс. козъ, 66 тыс. верблюдовъ. Въ послѣднее время скотоводство сильно страдаетъ отъ эпизоотiй (чумы и др. болѣзней), а также отъ суровыхъ зимъ, въ особенности гололедицы и снѣжныхъ вьюгъ. Много причиняетъ бѣдъ и безпечность владѣльцевъ стадъ, которые нисколько не озабочиваются запасти кормъ на зиму, а предоставляетъ скоту круглый годъ пастись на подножномъ корму, подъ открытымъ небомъ. Изъ остальныхъ промысловъ населенiя стоитъ упомянуть развѣ объ извозѣ, которымъ занято до 6 тыс. лицъ.

Первыми обитателями Оренбургской губ. были, вѣроятно, народы финскаго племени, занимавшiе нынѣшнiю башкирiю (часть Оренбургской, большая часть Уфимской и часть Пермской г.). Въ XIII вѣкѣ Башкирiя и земли между Волгой и Ураломъ были покорены монголами и потомъ перешли въ зависимость отъ царствъ казанскаго и астраханскаго. Съ завоеванiемъ Казанскаго царства здѣсь стали водворяться русскiе, которые постепенно проникали далѣе на Ю.-В., оттѣсняя хозяйничавшихъ здѣсь ногайцевъ и киргизъ-кайсаковъ. Наконецъ, вся Башкирiя вошла въ составъ Московскаго государства. Для огражденiя новыхъ владѣнiй отъ набѣговъ азiатскихъ кочевниковъ было учреждено Оренбургское казачье войско, изъ потомковъ русскихъ поселенцевъ, давно уже, еще со временъ Iоанна IV, бѣжавшихъ изъ Россiи по разнымъ причинамъ.

Въ настоящее время въ губернiи до 1,600 тыс. населенiя, 7% котораго составляютъ жители городовъ. Главная масса его — русскiе (67,48%) за ними слѣдуютъ башкиры и мещеряки (25,73%), мордва, чуваши и тептури (3,44%), калмыки и татары (3,34%). Русскiе всѣ живутъ осѣдло и населяютъ равнины, удобныя для хлѣбопашества и скотоводства; чуваши, мордва и татары — также осѣдлые жители; башкиры же, тептяри и мещеряки, населяющiе каменистую, лѣсистую мѣстность, занятую Уральскимъ хребтомъ и его отрогами, еще ведутъ кочевой образъ жизни.

Всей земли въ губернiи—до 15 милл. десятинъ, въ томъ числѣ 49,9% —у Оренбургскаго казачьяго войска, 25,9%—башкирскихъ земель, 14,1% — казенныхъ и 10,1% — принадлежащихъ частнымъ лицамъ и городамъ. Жители занимаются частью земледѣлiемъ, частью скотоводствомъ; послѣднее развито особенно среди казаковъ и башкиръ. Въ 1896 г. было въ губернiи 415 тыс. лошадей, 400 тыс. головъ рогатаго скота, 882 тыс. простыхъ овецъ и 8 тыс. тонкорунныхъ, 70 тыс. свиней, 45 тыс. козъ и (въ Оренбургскомъ у.) 494 верблюда, которыхъ здѣсь часто употребляютъ для полевыхъ работъ. Скотоводство много страдаетъ здѣсь отъ небрежности хозяевъ, не запасающихъ часто корма на зиму, а земледѣлiе отъ сусликовъ, размножившихся въ невѣроятномъ количествѣ, такъ что многiе хозяева съ отчаянiя бросили свои поля.—Пчеловодствомъ занимаются преимущественно башкиры. Садоводство и огородничество, какъ промыселъ, почти не существуетъ. Въ лѣсныхъ частяхъ губернiи развиты лѣсные промыслы (возка и гонка лѣса, рубка дровъ). Лѣсопромышленники получали здѣсь колоссальные барыши и хищнически истребляли башкирскiе лѣса. Съ изданiемъ лѣсоохранительнаго закона 1894 г. ихъ аппетитъ поуменьшился, но все таки, благодаря некультурности башкиръ, они по прежнему находятъ чѣмъ поживиться. Въ станицахъ Оренбургскаго казачьяго войска мужчины заняты главнымъ образомъ извозомъ, а женщины огородничествомъ (для дома) и вязаньемъ пуховыхъ платковъ, пользующихся широкою извѣстностью за ихъ пушистость и добротность. Этимъ промысломъ занято до 8,000 женщинъ, зарабатывающихъ въ годъ до 95 тыс. рублей. Понятно, и тутъ львиная доля барышей приходится скупщикамъ,

а бѣдныя работницы едва имѣютъ 15 коп. въ день. Рыболовство, какъ промыселъ, совсѣмъ не развито, такъ какъ входъ рыбы въ р. Уралъ загражденъ „забойками" въ области Уральскаго казачьяго войска.

Что касается до фабрично-заводской промышленности, то она, за исключеніемъ горной, весьма незначительна и ограничивается переработкою сырыхъ животныхъ продуктовъ и передѣлкою хлѣба въ напитки.

Напротивъ, горная промышленность сильно развита здѣсь. Прежде всего нужно указать на золото, которое начали добывать здѣсь съ 1811 г., но въ незначительномъ количествѣ. Теперь же въ губерніи существуетъ огромный золотопромышленный раіонъ (Кочкарскій), обнимающій Троицкій у. съ прилежащими мѣстностями Міасскаго округа и Верхнеуральскій у. Всего было добыта золота въ 1894 г. — $258^1/_2$ пуд. Золотосодержащіе пески, которые здѣсь очень богаты (до 10 зол. золота на 100 пуд. песку) и пріиски находятся по преимуществу по восточному склону Уральскаго хребта.

Сребро-свинцовая руда была открыта въ 1854 г., въ долинѣ р. Таналыка, въ Орскомъ у., а на верховьяхъ р. Міасса—платина. На восточномъ склонѣ южнаго побережья продолженія уральскаго хребта встрѣчается въ значительныхъ количествахъ мѣдная руда. Желѣзная руда, въ видѣ бурыхъ, марганцовистыхъ, хромистыхъ и магнитныхъ желѣзняковъ, встрѣчается повсемѣстно. При гор. Илецкѣ (Оренб. у.) находятся копи каменной соли, которой въ 1894 г. было добыто больше $1^1/_2$ милл. пуд.

Переходимъ теперь къ городамъ нашихъ областей, начиная съ Самарской губ. Здѣсь наиболѣе значительные города и поселенія слѣдующіе. Прежде всего, извѣстный по своей хлѣбной торговлѣ губернскій городъ Самара (90 тыс. жит.). Затѣмъ идутъ: *Ставрополь*, 6 тыс. жителей, построенъ въ 1738 г. для обращенныхъ въ христіанство калмыковъ, о которыхъ теперь въ этомъ городѣ нѣтъ и помину.

Село Балаково—послѣ Самары самая важная пристань въ губерніи, 20 тыс. жителей. Въ 40 верстахъ отъ Балакова Столыпинскія минеральныя воды. Балаково—большая хлѣбная пристань.

Екатериненштадтъ (Баронскъ)—нѣмецкая колонія съ 3 тыс. жит. Въ колоніи имѣется памятникъ Императрицѣ Екатеринѣ II. — Бугульма (7 тыс.), Бугурусланъ (12 тыс.), Бузулукъ (14 тыс.), Николаевскъ (12 тыс.), Новоузенскъ (13 тыс.),—обыкновенные уѣздные города, ничѣмъ не выдающіеся.

Подобно большинству Волжскихъ городовъ, Самара (90 тыс. жит.), издали, съ Волги, производитъ прекрасное впечатлѣніе. Широко раскинувшись по прибрежнымъ холмамъ лѣваго берега, она блещетъ главами своего большого собора и развертываетъ нарядную картину большихъ столичныхъ зданій. Но, при въѣздѣ въ городъ, впечатлѣніе получается нѣсколько иное: пыль на улицахъ, убійственныя мостовыя, неряшливость, царящая всюду, безобразная архитектура домовъ даже и на главныхъ улицахъ—все это подавляетъ первое впечатлѣніе отъ вида на городъ издали. Объѣхавъ Самару, туристъ замѣтитъ много солидныхъ зданій, дорого стоющихъ, но поражающихъ своимъ безвкусіемъ. Кромѣ того, кирпичные фасады многихъ зданій производятъ впечатлѣніе чего-то незаконченнаго. Между тѣмъ это городъ богатый, промышленный, съ отличнымъ настоящимъ и блестящимъ будущимъ. Съ внѣшней стороны городъ удивительно напоминаетъ толстосума купца, у котораго „за голенищемъ много накладено", но нѣтъ ни на іоту чувства изящнаго, остающагося и съ милліонами въ карманѣ такимъ же неряхой, какимъ онъ былъ и безъ гроша за душою.

Стоя на пересѣченіи Великаго Сибирскаго желѣзнаго и Волжскаго путей, Самара является узломъ сообщеній Европы и Азіи. Торговля ея все растетъ и растетъ, а въ будущемъ, съ окончаніемъ Сибирской дороги, ей предстоитъ еще болѣе блестящая будущность.

Блестящаго историческаго прошлаго Самара не имѣетъ. На мѣстѣ нынѣшней Самары въ 1586 г. былъ основанъ городокъ (т. е. укрѣпленіе) при сліяніи Самары съ Волгой, какъ крайній пунктъ русскихъ владѣній на луговой сторонѣ Волги. Городокъ этотъ много терпѣлъ отъ нападеній ногайцевъ, калмыковъ, башкиръ и „понизовской вольницы". Отъ кочевниковъ Самара еще кое-какъ отбивалась, но не могла устоять

ни передъ Сенькой Разинымъ, ни передъ Шелудякомъ и наконецъ, черезъ 100 лѣтъ послѣ нихъ,—передъ Пугачевымъ.

Губернскимъ городомъ Самара сдѣлалась только въ 1851 г. Съ этого времени и начался изумительный ростъ Самары, которая въ 30 съ небольшимъ лѣтъ, изъ небольшого городка съ 15 тыс. жителей превратилась въ городъ съ 90 тысячнымъ населеніемъ и съ милліонной торговлей. Въ этомъ отношеніи Самара представляетъ собою, такъ сказать, русскій Чикаго.

Приливъ товаровъ въ Самару объясняется не только ея мѣстоположеніемъ въ узлѣ двухъ великихъ путей—воднаго и желѣзнодорожнаго, но также и прекрасными свойствами Самарской гавани, находящейся вблизи самаго города. Но важнѣйшее удобство пристани въ Самарѣ состоитъ въ томъ, что рѣка Самара вскрывается отъ льда ранѣе Волги, вслѣдствіе чего суда, зимующія на ней, могутъ нагружаться еще въ то время, когда Волга покрыта льдомъ и отправляться по назначенію тотчасъ по окончаніи ледохода на Волгѣ. Это обстоятельство даетъ возможность Самарскимъ караванамъ выиграть время и подойти къ Рыбинску ранѣе симбирскихъ и казанскихъ, не говоря уже, разумѣется, о низовыхъ. Поэтому торговымъ фирмамъ всего выгоднѣе дѣлать заготовки именно въ Самарѣ, а не въ иномъ мѣстѣ. Бѣдна Самара историческими воспоминаніями, бѣдна она и достопримѣчательностями. Впрочемъ, коечто можно найти и здѣсь. Такъ, на берегу Волги стоитъ часовенька митрополита Алексѣя, воздвигнутая на томъ мѣстѣ, гдѣ, по преданію, высаживался этотъ святитель по возвращеніи изъ Золотой Орды.

Украшеніе Самары составляютъ: соборъ Александра Невскаго, построенный на самой возвышенной части города, и памятникъ Императору Александру II на Алексѣевской площади. Недалеко отъ собора расположенъ Иверскій женскій монастырь, основанный въ 1852 г.

Лѣтомъ и весною большую отраду для Самарскихъ аборигеновъ доставляетъ прекрасный тѣнистый Струковскій садъ съ цвѣтниками, рестораномъ, фонтаномъ. Съ террасы ресторана открывается чудный видъ на Волгу.

Въ Астраханской губ., кромѣ самой Астрахани (113 тыс. жит.), бывшей столицы цѣлаго царства, укажемъ на слѣдующіе города и селеніи уѣздные города: Екотаевскъ (3 тыс.), Красный Яръ (5 тыс.), Царевъ (9 тыс.) и Черный Яръ (5 тыс.),—неважные провинціальные городки,—и административный центръ киргизовъ Букеевской орды—Ханская ставка (1,500 жителей). Гораздо большее значеніе имѣютъ торговое село Никольское (20 тыс. жит.) и слобода Владиміровка, какъ начальный пунктъ Баскунчакской ж. д.

Изъ всѣхъ волжскихъ городовъ Астрахань имѣетъ наиболѣе оригинальную физіономію. Это полу-азіатскій городъ, гдѣ русское населеніе перемѣшано со множествомъ другихъ народностей. Здѣсь можно видѣть: шведовъ, нѣмцевъ, персіянъ, татаръ, армянъ, калмыковъ и др.

Астрахань находится въ вершинѣ волжской дельты, на лѣвомъ берегу Волги, ниже того мѣста, гдѣ отъ нея отдѣляется главный протокъ Болда. Площадь, занимаемая городомъ, лежитъ въ низинѣ, высота которой на 70 футъ ниже уровня океана. Наиболѣе возвышенный пунктъ въ дельтѣ Волги, занятый астраханскимъ кремлемъ и главными кварталами города,—это Заячій бугоръ.

Остальная поверхность, занятая Астраханью не возвышается даже надъ уровнемъ волжскаго половодья. Въ предупрежденіе несчастій отъ потопленія города онъ окруженъ со всѣхъ сторонъ системою валовъ и дамбъ, общимъ протяженіемъ въ 28 верстъ.

Отъ моря Астрахань удалена на довольно значительное разстояніе: до ближайшей морской станціи „9 футъ"—120 верстъ. Астрахань чрезвычайно богата историческими воспоминаніями. Основаніе праотца нынѣшней Астрахани, хазарскаго города Атель относятъ еще къ V вѣку. Господство Золотой Орды на устьяхъ Волги относится къ XII вѣку, когда былъ основанъ городъ Сарай, столица Золотой орды, и на правомъ берегу, на мѣстѣ нынѣшняго урочища Жареный бугоръ г. Цитрихань или Астрахань, впослѣдствіи столица Астраханскаго Царства, возникшаго на развалинахъ Золотой Орды. Въ 1554 г. Астрахань, безъ боя, сдалась Москвѣ. Къ постройкѣ кремля приступлено въ 1582 г.

Исторія Астрахани ознаменована многими печальными событіями. Часто астраханцы „повинны были въ воровствѣ". Такъ, въ 1605 г. астраханцы не признали царемъ Василія Шуйскаго. Съ 1608 по 1612 г. Астрахань тревожилъ Заруцкій со своими казаками. Въ 1670 г. городомъ овладѣлъ Стенька Разинъ, гдѣ въ теченіе довольно продолжительнаго времени совершалъ ужасныя злодѣйства. Оставленный Стенькой въ Астра-

хани Васька Усъ превзошелъ и своего начальника въ этомъ отношенiи. Жертвою его жестокости сдѣлался митрополитъ астраханскiй Iосифъ, подвергнутый, по приказанiю Васьки, мученiямъ и затѣмъ сброшенный съ колокольни собора 11 мая 1771 года. Моровая язва и холера также неоднократно посѣщали городъ, причемъ почти всегда эти эпидемiи сопровождались народными бунтами. Послѣднiй холерный бунтъ произошелъ уже на нашихъ глазахъ въ эпидемiю 1892 года.

Современная Астрахань производитъ на туриста оригинальное впечатлѣнiе. Воздухъ Азiи ясно чувствуется въ этомъ городѣ. Иноплеменные языки, восточные костюмы, попадающiеся иногда на улицахъ верблюды, восточная грязь и жара, господствующiя здѣсь лѣтомъ, гавань, покрытая множествомъ судовъ—все это придаетъ Астрахани видъ международнаго города, мѣста свиданiя многочисленныхъ народностей востока съ русскими.

Въ городѣ мало красивыхъ частныхъ зданiй. Изъ общественныхъ сооруженiй довольно представителенъ Астраханскiй Успенскiй соборъ, оконченный постройкой въ 1710 г., „зѣло лѣпотный храмъ“, какъ выразился о немъ Петръ Великiй. Въ городѣ имѣется Персидская мечеть—оригинальное зданiе четырехугольной формы съ башенками по угламъ. Мѣстность, отдѣленная Астраханскимъ Варварцiевымъ каналомъ отъ таможни, носитъ названiе „Порта“. Императоръ Петръ В. въ 1722 г. самъ выбралъ это мѣсто для устройства адмиралтейства и порта. Въ 1867 г. портъ былъ переведенъ въ Баку, а старыя портовыя сооруженiя были переданы пароходному обществу „Кавказъ и Меркурiй“.

На мѣстѣ бывшаго порта имѣется домикъ Петра В., гдѣ хранятся плезиръ-яхта и верейка, на которыхъ Царь, вмѣстѣ съ своей супругой Екатериной I осматривалъ окрестности Астрахани. Возлѣ порта стоитъ трiумфальная арка, воздвигнутая для встрѣчи Императора Александра II, прiѣзжавшаго въ Астрахань въ 1871 г.

Всякiй прiѣзжiй въ Астрахань сразу замѣтитъ, конечно, что главнѣйшiй продуктъ, которымъ изобилуетъ городъ—это рыба.

Дѣйствительно, Волга у Астрахани съ ея безчисленными рукавами и протоками представляетъ великолѣпное мѣсто для рыбной ловли. Десятки тысячъ рыбаковъ стекаются въ Астрахань къ началу улова. Астрахань настоящее царство рыбы всевозможныхъ сортовъ: сельди, бѣлуги, осетра, севрюги, бѣлорыбицы, стерляди, сомовъ, лососей и пр.

Садоводство также процвѣтаетъ въ Астрахани. Кромѣ прославленныхъ „астраханскихъ“ арбузовъ, здѣсь вызрѣваютъ виноградъ, груши, персики, абрикосы, дыни. Довольно распространена также культура розъ.

Изъ окрестностей Астрахани стоитъ упомянуть о Калмыцкомъ базарѣ, находящемся въ нѣсколькихъ верстахъ выше Астрахани по Волгѣ. Въ Калмыцкомъ базарѣ имѣется „хурулъ“, или молельня калмыковъ.

Въ окрестностяхъ Астрахани находится Тинакское грязе-лѣчебное заведенiе.

Наконецъ, въ Оренбургской губ. укажемъ: Оренбургъ (73 тыс. жит.), безъ уѣздн. г. Илецкъ (12 тыс.), гдѣ находятся копи каменной соли и цѣлебныя соляныя грязи, а также центральная каторжная тюрьма; Верхнеуральскъ (11 тыс.); торгово-промышленные города: Орскъ (14 тыс.), Троицкъ (23 тыс.) (золотопромышленный центръ Оренбургской г.) и Челябинскъ (20 тыс.). Въ Троицкѣ находится еще «мѣновой дворъ», обороты котораго доходятъ до 4 милл. въ годъ. Промышленное значенiе этихъ городковъ еще бы возросло съ проведенiемъ черезъ нихъ желѣзной дороги, о чемъ оренбургцы давно уже хлопочутъ.

Г. Оренбургъ, лежащiй теперь на правомъ, возвышенномъ берегу р. Урала, былъ основанъ (въ 1735 г.) на мѣстѣ нынѣшняго Орска, потомъ былъ перенесенъ на мѣсто Красногорской станицы и только въ 1742 утвердился на своемъ настоящемъ мѣстѣ. Здѣсь была раньше крѣпость („Оренбургская“), сохранившая теперь только историческiй интересъ.

Въ 2-хъ верстахъ отъ города, въ степи, находится такъ называемый „Мѣновой Дворъ“, выстроенный въ видѣ крѣпостцы; сюда ежегодно, съ мая по сентябрь, сходятся громадные караваны верблюдовъ и изъ лошадей Бухары, Хивы, Ташкента, Акмолинской и Тургайской области. Обнесенный высокими стѣнами, съ нѣсколькими рядами лавокъ, складовъ, службъ, мѣновой дворъ представляетъ собою типичный азiатскiй „караванъ-сарай“. Мѣновой торгъ на этомъ „Дворѣ“ въ послѣднее время сталъ переходить въ денежный, но часть цѣны по прежнему еще уплачивается товаромъ. Кромѣ скота, сюда привозятся кожи, шерсть, хлопокъ и разные восточные товары. Обороты „Двора“, въ прежнее время простиравшiеся до 15 милл. рублей, теперь упали до 4 милл., вслѣдствiе проведенiя Закаспiйской ж. д., которая от-

няла значительную часть грузовъ. Теперь главнымъ предметомъ торга служитъ скотъ, который или живьемъ транспортируется отсюда на рынки внутреннихъ губерній, или поступаетъ на здѣшнія бойни, выстроенныя недавно въ громадныхъ размѣрахъ.

Построенный сравнительно въ недавнее время, Оренбургъ избѣжалъ обычной участи русскихъ городовъ - частыхъ пожаровъ, нападеній враговъ, губительныхъ моровъ и т. п. Исторія Оренбурга не богата этими мрачными страницами, и въ ней можно отмѣтить развѣ только одинъ фактъ подобнаго рода, именно нападеніе Пугачева, отъ котораго, впрочемъ, городъ успѣлъ отбиться. Теперь Оренбургъ— типичный провинціальный русскій городъ; если что нѣсколько отличаетъ его отъ городовъ „коренной“ Руси, такъ это — сравнительно небольшое число церквей (всего 6—7). На улицахъ встрѣчаются тѣ же русскіе, порою татары и только изрѣдка, въ базарные дни, киргизы въ ихъ оригинальныхъ полосатыхъ халатахъ. Оригинальны типы и здѣшнихъ военныхъ; въ Оренбургѣ нѣтъ нашихъ армейскихъ солдатиковъ, а все казаки въ ихъ своеобразныхъ кафтанахъ съ широкими синими лампасами.

КАВКАЗЪ.

Европейскія владѣнія Россіи, лежащія по «Понто-Каспійскому» перешейку, носятъ названіе «Кавказа».

Отъ Европейской Россіи онъ отдѣленъ долиной Кумо-Манычской, которая нѣкогда была проливомъ, соединявшимъ Каспійское и Азовское моря. Граница съ Персіей и Турціей идетъ по ручью Астара, по Талышинскимъ горамъ, по рѣкѣ Араксъ до Арарата и затѣмъ, немного изогнувшись, къ Черному морю.

Въ административномъ отношеніи Кавказъ раздѣленъ на провинціи различной величины, при чемъ здѣсь легко примѣтить военный характеръ этого дѣленія. Онъ распадается на семь губерній: Ставропольскую, Тифлисскую, Елизаветпольскую, Бакинскую, Кутаисскую, Эриванскую и Черноморскую; четыре области: Кубанскую, Терскую, Карскую и Дагестанскую—и на самостоятельный округъ—Закатальскій.

Весь Кавказъ занимаетъ 8,500 кв. миль съ населеніемъ около 10 милліоновъ. По своимъ размѣрамъ онъ составляетъ $^{1}/_{48}$ часть Россійской Имперіи и почти равенъ всей Франціи. Этотъ отдаленный и таинственный горный край,— арена недавно окончившихся кровавыхъ войнъ, источникъ и причина вдохновенія нашихъ поэтовъ, — скрываетъ въ своихъ нѣдрахъ богатые и роскошные дары. Наукѣ и цивилизаціи здѣсь предстоитъ много дѣла.

„Весь изрѣзанный вдоль и поперекъ вздымающимися на огромную высоту горными хребтами, съ вѣчными снѣгами на вершинахъ, съ лучеобразно и извилисто разсѣянными во всѣ стороны ихъ отрогами, предгорьями и холмами,—Кавказъ представляетъ изъ себя какъ-бы колоссальный пчелиный сотъ, съ ячейками самыхъ разнообразныхъ формъ, размѣровъ и глубинъ. Обращенный по діагонали перешейка однимъ господствующимъ склономъ къ холодному сѣверу, другимъ къ теплому югу, весь открытый съ востока и юго-востока горячему дыханію пыльныхъ и знойныхъ вѣтровъ средне-азіатскихъ пустынь, — онъ въ то же время открытъ на западъ и юго-западъ къ Черному морю, непрерывно нагоняющему обильные токи пресыщеннаго парами воздуха; послѣдніе, охлаждаясь при движеніи вдоль крутыхъ склоновъ массивныхъ западныхъ хребтовъ, рождаютъ облака, туманы, грозы и частые ливни; эти ливни въ свою очередь несутъ обратно въ море непрерывнымъ потокомъ, въ видѣ ручьевъ и рѣчекъ и пѣнящихся водопадовъ,—ту самую влагу, которая, быть можетъ, еще за часъ передъ этимъ парила въ недосягаемой выси“.

„Отсюда происходитъ безконечное разнообразіе въ высшей степени сложной физіономіи этой обширной горной страны, ея геологическихъ, а слѣдовательно и почвенныхъ отношеній, ея климата и растительности,— растительности, которая служитъ здѣсь осо-

бенно яркимъ зеркаломъ неисчислимаго ряда взаимодѣйствій между горными громадами материка и прилегающими къ нему морями, между круто вздымающимися горными кряжами и разбивающимися о нихъ подвижными волнами воздушнаго океана, несущими въ себѣ элементы влаги въ самой разнообразнѣйшей формѣ и степеняхъ насыщенія,—наконецъ, между горными террасами, низбѣгающими внизъ, подобно ступенямъ гигантской лѣстницы, и источникомъ всякой органической жизни—лучами свѣта и тепла, сила и напряженность которыхъ гармонично распредѣляются по открытой предъ нами поверхности, въ зависимости отъ странъ свѣта, высоты надъ моремъ, защитности, затѣненія сосѣдними вершинами и тысячи другихъ причинъ, рождаемыхъ капризами конфигураціи даннаго участка. (И. Клингенъ—„Среди патріарховъ земледѣлія").

Населеніе Кавказа чрезвычайно разнообразно и принадлежитъ къ двумъ племенамъ—средиземному, или кавказскому, и монгольскому. Въ этой странѣ пестро перемѣшаны между собой русскіе, армяне, грузины, абхазцы, черкесы, чеченцы, лезгины, осетины, персіяне, курды, евреи, туркмены, адербейджанскіе татары, греки, нѣмцы, французы, итальянцы, латыши и др.

Знакомство русскихъ съ Кавказскимъ краемъ началось съ очень давнихъ временъ. Еще въ 914 году „руссики" появились неожиданно передъ Бердой у подножья Карабахскихъ горъ. Въ лѣтописяхъ Нестора подъ датой 965 отмѣченъ походъ Святослава противъ хазаровъ, яссовъ и косоговъ. Историки мусульманскіе также часто упоминаютъ о набѣгахъ русскихъ на Закавказье въ IX, X и слѣдующихъ вѣкахъ. Самыми памятными изъ нихъ является набѣгъ Стеньки Разина съ его грознымъ кликомъ „Сарынь на кичку", совершенный въ 1668 году на южныя побережья Каспійскаго моря.

Не однократно русскіе князья вступали въ бракъ съ кавказскими княжнами; такъ, сынъ Андрея Боголюбскаго, Георгій, вступилъ въ бракъ съ знаменитой царицей Тамарой; Іоаннъ Грозный, женившись вторично, выбралъ Марію, черкесскую княжну.

Болѣе непосредственное, тѣсное соприкосновеніе съ кавказскимъ краемъ началось послѣ покоренія Казанскаго и Астраханскаго царствъ. Съ этого момента и начался тотъ процессъ присоединенія Кавказа къ Россіи, который закончился черезъ нѣсколько сотъ лѣтъ при Императорѣ Александрѣ II.

Пятигорскіе черкесы, желая избавиться отъ посягательствъ на ихъ независимость со стороны крымскихъ татаръ и шамхала Тарковскаго, отдались въ 1552 году подъ покровительство Іоанна IV. Но крѣпость Терки, построенная Іоанномъ противъ Сунжи, была снесена при Ѳеодорѣ Іоанновичѣ. На ея мѣсто при устьѣ рѣки Терека были основаны новыя Терки.

Въ 1587 году власть русскихъ на Кавказѣ увеличилась; кахетинскій царь Александръ сдѣлался подданнымъ царя Ѳеодора Іоанновича. Но связь между Россіей и Грузіей была очень непрочная, такъ сказать, внѣшняя; причиной этого было то, что Терское воеводство отдѣлялось отъ Грузіи высокимъ кавказскимъ хребтомъ, недоступнымъ какъ по своимъ естественнымъ условіямъ, такъ и вслѣдствіе того, что онъ былъ населенъ воинственными горцами. Россія думала о болѣе тѣсномъ сближеніи съ Грузіей и вотъ въ 1594 и въ 1604—5 гг. были предприняты походы противъ шамхала съ цѣлью проложить путь въ Грузію; но, къ сожалѣнію, эти походы, несмотря на геройскіе подвиги нашихъ войскъ, окончились полной неудачей. Въ 1639 г. присягнулъ Россіи и мингрельскій князь; это, конечно, было значительнымъ шагомъ впередъ, но для дальнѣйшаго успѣшнаго распространенія русскаго вліянія на Кавказѣ надо было побороть или, по меньшей мѣрѣ, ослабить власть Персіи и Турціи въ кавказскомъ краѣ.

Эту мысль прекрасно понялъ Петръ Великій и первый сталъ осуществлять ее. Въ 1722 году онъ предпринялъ походъ ъ Каспійское побережье и достигъ Дербента. Здѣсь онъ началъ было готовиться къ дальнѣйшимъ походамъ, но обстоятельства заставили его спѣшно возвратиться въ Петербургъ. На рѣкѣ Сулакѣ, недалеко отъ ея устья, Петръ заложилъ крѣпость Св. Креста. Но съ отсутствіемъ царя военныя дѣйствія не прекратились; русскіе полки двигались все далѣе на югъ и въ 1723 году взяли штурмомъ городъ Баку.

Въ царствованіе Анны Іоанновны во взглядахъ Россіи на Кавказъ произошла перемѣна: было признано, что намъ невыгодно удерживать земли, завоеванныя Петромъ, и въ 1732 году всѣ земли къ югу отъ рѣки Куры были возвращены шаху Тахмаспу; въ 1735 г. Анна Іоанновна возвратила также Надиръ-шаху Бакинскую и Дербентскую провинціи и признано было главенство Персіи надъ всѣми Дагестанскими народами. По окончаніи турецкой войны (1736—1739 гг.), Россія отказалась отъ всякихъ правъ на Кабарду.

Въ 1770 году войска наши подъ коман-

дой Тотлебена. перешли кавказскія горы и взяли штурмомъ города Багдатъ, Шаропань и Кутаисъ. Союзникомъ ихъ былъ царь Соломонъ. Но вскорѣ всѣ завоеванныя Тотлебеномъ крѣпости, кромѣ Потійской, были возвращены Турціи.

Около этого-же времени мольбы Грузіи о помощи и покровительствѣ Россіи становятся все сильнѣе и настойчивѣе. Но русское правительство, предвидя громадную отвѣтственность за этотъ шагъ, колеблется и раздумываетъ. Наконецъ, въ 1783 году грузинскій царь Ираклій отказался отъ вассальныхъ отношеній къ Персіи; Грузія была императрицей Екатериной принята подъ протекторатъ Россіи; грузинскому дворянству во всей имперіи были дарованы права русскихъ дворянъ, и въ Грузіи для защиты и охраны были расположены наши войска.

Но посягательства Персіи на Кавказъ не были покончены: въ 1795 году персидскій шахъ Ага-Магометъ — властолюбивый, скупой, мстительный,—воспользовавшись тѣмъ, что русскій отрядъ былъ отозванъ изъ Грузіи, раззорилъ до основанія городъ Тифлисъ. Болѣе 3,000 человѣкъ были выведены въ плѣнъ изъ одной столицы, а изъ другихъ мѣстъ до 20,000.

Когда императоръ Павелъ, вступивши на престолъ, отозвалъ русскія войска назадъ, Ираклій II, царь Грузіи, отправилъ къ нему посольство, умолявшее о поддержаніи покровительства, обѣщаннаго прежнимъ договоромъ; они трогательно просили „даровать грузинскому царю и народу всероссійскій законъ“. Павелъ I вначалѣ относился къ этому вопросу отрицательно; онъ ничего не отвѣчалъ посольству, и Ираклій II, не дождавшись отвѣта, умеръ. Въ томъ-же духѣ дѣйствовалъ и преемникъ Ираклія Георгій XIII. Павелъ I перемѣнилъ свое мнѣніе и уже готовъ былъ обнародовать соотвѣтствуемый манифестъ, какъ вдругъ разнеслась вѣсть о его внезапной кончинѣ.

Окончательное присоединеніе Грузіи къ Россіи состоялось при Императорѣ Александрѣ I 12 сентября 1801 года. Въ манифестѣ мы читаемъ слѣдующія высоко-гуманныя слова:

„Не для приращенія силъ, не для корысти... пріемлемъ мы на себя бремя управленія царства Грузинскаго. Единое достоинство, единая честь и человѣчество налагаютъ на насъ священный долгъ, внявъ моленію страждущихъ, въ отвращеніе ихъ скорбей, учредить въ Грузіи правленіе, которое моглобы утвердить правосудіе, личную и имущественную безопасность и дать каждому защиту закона“.

Управленіе Грузіи было ввѣрено князю П. Д. Циціанову, дальновидному администратору и храброму полководцу. Этотъ замѣчательный дѣятель въ три года (1803—1806) вполнѣ возстановилъ въ Грузіи гражданскій порядокъ и покорилъ Закавказье почти въ тѣхъ границахъ, въ какихъ мы теперь его находимъ.

Охраняя новыя владѣнія Россіи отъ горцевъ и мелкихъ ханствъ, кн. Циціановъ вмѣстѣ съ тѣмъ покорялъ ихъ. Въ январѣ 1804 года взята была Ганжа и переименована въ Елисаветполь „для болѣе прочнаго убѣжденія ганжинскихъ жителей въ томъ, что русскія войска не только не оставятъ крѣпости, какъ это часто случалось прежде, но что и весь край сохранится навсегда въ подданствѣ Россіи“. Такъ писалъ Циціановъ.

Во время персидской кампаніи (1808—1813) отличился молодой генералъ П. С. Котляревскій — слава и гордость кавказскихъ войскъ. Результатомъ этой кампаніи было окончательное присоединеніе къ Россіи ханствъ Карабахскаго, Ганжинскаго, Щекинскаго, Ширванскаго, Дербентскаго, Кубанскаго, Бакинскаго и часть Талышинскаго съ крѣпостью Ленкоранью; штурмъ этой крѣпости длился всего три часа, но стоилъ жизни почти половинѣ нашего отряда.

Съ 1826 по 1828 г. Россія снова вела съ Персіей войну, героемъ которой былъ графъ Паскевичъ, получившій за взятіе крѣпости Эривань титулъ „Эриванскаго“. Эриванское и Нахичеванское ханства остались за Россіей; эта война ясно опредѣлила существующую и понынѣ русскую границу въ восточной части Закавказья.

Скоро началась и турецкая война (1828—1829); Паскевичъ-Эриванскій взялъ Карсъ, Ахалкалаки, Ахалцихъ. Эти побѣды прикрѣпили къ Россіи ахалцигскій пашалыкъ, крѣпости Поти и Анапу, Закубанскій край и весь берегъ Чернаго моря до рѣки Чолоха въ Турціи.

Сдѣлавшись полновластной повелительницей большей части Кавказа, Россія поставлена была въ необходимость укротить горцевъ и заставить ихъ признать надъ собой власть Россіи. И вотъ, въ теченіе полустолѣтія гигантская имперія должна была вести самую упорную, самую страшную борьбу съ немногочисленными кавказскими горцами, едва вооруженными, полуголодными и безумно храбрыми. Пятьдесятъ лѣтъ шагъ за шагомъ, какъ грозный неотвратимый ледникъ, двигались наши войска, не отступая ни передъ чѣмъ. Въ исторіи народовъ врядъ ли найдется подобная страница, обильно залитая кровью и говорящая о безумной отвагѣ и неустрашимости русскаго солдата.

Графъ Паскевичъ-Эриванскій, замѣститель Ермолова, одного изъ видныхъ дѣятелей на Кавказѣ, былъ оттуда отозванъ въ 1831 г. Въ 1844 г. главнокомандующимъ былъ назначенъ кн. М. С. Воронцовъ, прекрасный

человѣкъ, носившій на гербѣ своемъ надпись: „Semper immota fides"—„всегда непоколебимая вѣрность".

Разрозненныя до сихъ поръ горскія племена сплотились въ мощную своимъ духомъ и ученіемъ—политическую единицу; ученіе это—мюридизмъ — предписывало всѣмъ мусульманамъ священную войну за независимость и вѣру. Проповѣдникомъ мюридизма явился имамъ Кази-Мулла, который 17 октября 1842 г. палъ въ схваткѣ съ русскими. Новымъ имамъ избранъ былъ Шамиль—другъ погибшаго. Шамиль образовалъ въ горахъ администрацію, финансы и войско. Онъ сдѣлался какъ бы неограниченнымъ монархомъ покорившихся ему племенъ. 24 года велъ онъ съ русскими самую отчаянную войну, исходъ которой не разъ грозилъ быть отрицательнымъ для насъ. Наконецъ, упорство горцевъ было окончательно сломлено. Съ плѣненіемъ Шамиля въ 1859 г. княземъ Барятинскимъ.

Покончивъ съ Дагестаномъ, правительство обратило вниманіе на окончательное покореніе западныхъ горцевъ, обитавшихъ земли за Кубанью и берегъ моря, и въ 1864 г. весь Кавказъ очутился во власти Россіи. Съ тѣхъ поръ увеличеніе нашихъ владѣній въ этой области произошло только насчетъ Карской и Батумской областей, послѣ войны 1877 г.

Кавказъ заключаетъ въ себѣ громадныя сокровища. Однихъ земледѣльческихъ производствъ Кавказа уже достаточно для того, чтобы они могли служить значительнымъ предметомъ вывоза.

Хлѣбныя растенія, произрастающія въ изобиліи, идутъ большею частію на производство алкоголя. Кавказъ, болѣе чѣмъ Бессарабія, Крымъ и низовье Дона, можетъ считаться въ Русской имперіи „страною винодѣлія": пространство земли, которое могло бы идти на воздѣлываніе винограда, значительно превышаетъ полосу лозъ во Франціи. Филоксера мало коснулась виноградниковъ Терека и Ріона. Кавказъ снабжаетъ теперь Россію значительнымъ количествомъ своихъ столовыхъ винъ.

Табакъ также одна изъ важныхъ статей производства на Кавказѣ. Закавказскія равнины снабжаютъ хлопкомъ русскія бумагопрядильни въ значительно меньшемъ количествѣ, чѣмъ того требуетъ все возрастающій спросъ. Шемахинскій и Нухинскій шелкъ-сырецъ очень цѣнится во Франціи; восточная область Закавказья—одна изъ самыхъ важныхъ странъ, гдѣ только разводится хорошій „шелкопрядъ". По колоссальному производству съѣстныхъ продуктовъ, овощей и фруктовъ, Кавказъ въ будущемъ долженъ занять такое же положеніе, какъ Алжиръ, по отношенію къ Франціи.

Охота и сборъ плодовъ въ лѣсахъ не могутъ имѣть важнаго значенія съ тѣхъ поръ, какъ всѣ равнины населены и склоны горъ значительно обезлѣсены. Рыбный промыселъ, какъ извѣстно, производится въ очень широкихъ размѣрахъ у береговъ Азовскаго, Чернаго и особенно Каспійскаго морей. Лиманы Ейска, воды Кубани, прибрежья Поти и Батума, нижнее теченіе Терека и особенно Кура и заливъ Кизылъ-Агачъ очень богаты рыбой.

Въ нѣдрахъ Кавказскаго края заключаются всѣ представители ископаемаго царства всего міра; изъ минеральныхъ богатствъ Кавказа особеннаго вниманія по промысловому значенію заслуживаютъ: нефть, поваренная соль, марганецъ и мѣдь. Главные нефтяные источники встрѣчаются на Апшеронскомъ полуостровѣ, въ Терской и Кубанской областяхъ. Въ озерахъ Бакинской и Тифлисской губ. и Кубанской области добывается также глауберовая соль. Металлическая руда находится во многихъ мѣстахъ Кавказскаго края, но пока болѣе всего добывается мѣдь въ Тифлисской и Елизаветпольской губерніяхъ, марганецъ—въ Тифлисской и, главнымъ образомъ, въ Кутаисской губ., серебро-свинцовая руда—въ Терской области. Каменный уголь добывается въ Кутаисской губ. и въ Кубанской области, въ верхнемъ теченіи рѣки Кубани.

Кромѣ того, къ богатствамъ Кавказа слѣдуетъ отнести и минеральныя цѣлебныя воды, привлекающія такое множество больныхъ со всѣхъ концовъ свѣта. Подъ именемъ кавказскихъ минеральныхъ водъ собственно слѣдуетъ различать четыре отдѣльныя группы: Пятигорская (сѣрные источники), Желѣзноводская (углекисло-желѣзистые), Ессентукская (солено-щелочные) и Кисловодская съ ея знаменитымъ углекислымъ богатыремъ—«Нарзаномъ».

Несмотря на природныя богатства Кавказа, культура его находится еще въ зачаточномъ состояніи: во всемъ, что касается промышленности, придерживаются старинныхъ, мало приносящихъ дохода, пріемовъ. Но горное дѣло поставлено иначе. Такимъ образомъ бакинскіе нефтяные колодцы, Кедабекскіе мѣдные рудники, Саглыкскіе квасцовые заводы около Елисаветполя и многіе желѣзные заводы обладаютъ очень сложными приспособленіями, каковыя требуетъ современная наука.

Европейская цивилизація только слегка коснулась этой загадочной, таинственной страны—судьба ея въ будущемъ, которое, несомнѣнно, станетъ великимъ.

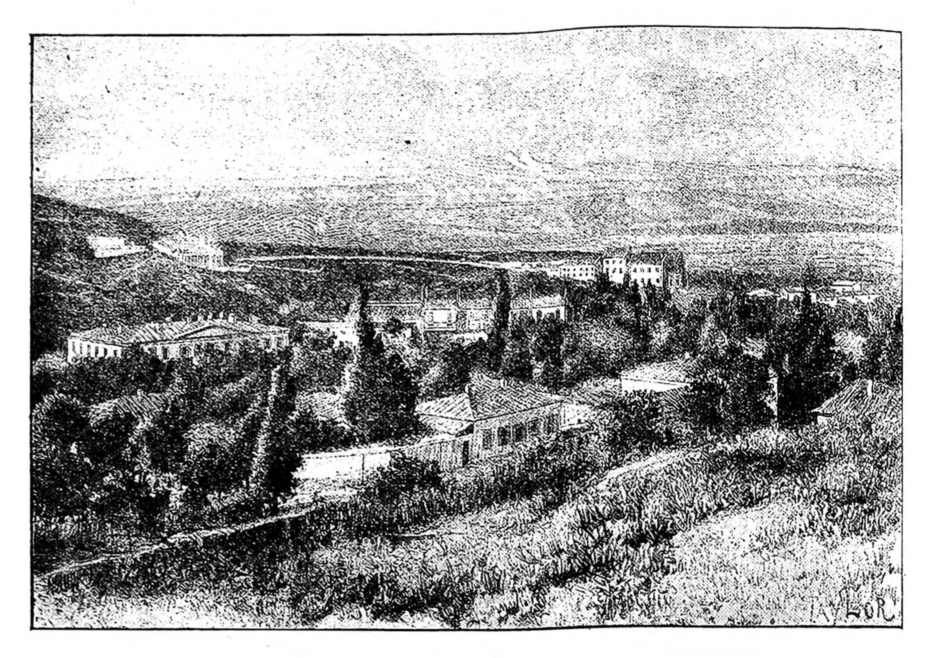
По устройству поверхности Кавказъ рѣзко раздѣляется на 3 части: 1) на сѣверо-степную; 2) собственно Кавказскій хребетъ съ его отрогами и, наконецъ, 3) Закавказье, т. е., пространство, лежащее на югъ отъ главнаго хребта до границъ съ Персіей и Турціей. Сообразно этому дѣленію всего удобнѣе прослѣдить описаніе Кавказа.

а) Сѣверо-степной край.

У сѣверной подошвы Кавказскаго хребта раскинулась сухая, безлѣсная, утомительно-монотонная равнина, составляющая продолженіе степей южной Россіи. Довольно значительныя горные отроги, переходящіе въ плоскогорія, не нарушаютъ неподвижнаго однообразія этой страны, и путешественникъ вездѣ видитъ передъ собой граничащую съ небомъ равнину, кое-гдѣ пересѣченную длинными плоскодонными оврагами—«балками». И надъ этой тоскливой степной гладью одиноко поднимается группа Бештау (4,500 ф.), пріобрѣвшая извѣстность благодаря минеральнымъ водамъ Пятигорска.

Отрогами Кавказскаго хребта степь дѣлится на двѣ очень несходныя между собою части, носящія названіе степи Черноморской и степи Прикаспійской. Черноморская степь покрыта толстымъ слоемъ жирнаго чернозема, толщина котораго все увеличивается по мѣрѣ приближенія къ Кубани. Здѣсь рѣдкое населеніе расположилось по берегамъ немногихъ рѣчекъ, отличающихся дурнымъ вкусомъ воды и принадлежащихъ большею частію къ системамъ Кумы и Маныча. Медленное, какъ бы вялое тяжелое теченіе этихъ рѣкъ вполнѣ гармонируетъ съ сонной безжизненной природой. Подъ жаркими лучами солнца природа кажется здѣсь уснувшей отъ избытка тепла и даромъ растрачиваемой силы. Часто даже главныя рѣки не доходятъ до моря и теряются въ степныхъ пескахъ посреди камышей.

Эта мертвая степь внезапно, какъ бы по волшебству, пробуждается къ жизни ранней весной. Она дѣлается тогда невыразимо привлекательной. За то лѣтомъ она становится



Видъ Пятигорска съ горы Машукъ.

опять мертвой и сухой. Одинокій бурьянъ, состоящій изъ полыни, степного василька (Cent. ovina и Cent. parviflora), мальвы, репейника, да высокій шелковистый ковыль покрываетъ теперь необозримыя пространства. Ночь не приноситъ успокоенія. Росы нѣтъ. Отъ духоты и неумолкаемаго стрекотанія кузнечиковъ едва можно уснуть.

Зима въ этихъ мѣстахъ не похожа на нашу; иногда въ декабрѣ съ удивленіемъ слышишь раскаты грома, а на другой день, смотришь,—морозъ градусовъ 20 R., при рѣзкомъ, сухомъ вѣтрѣ. Снѣгъ рѣдко лежитъ подолгу. Онъ или таетъ отъ теплаго солнца, или смывается дождями. Но въ иные годы выпадаетъ особенно лютая, безпощадно холодная зима; въ такое время у оплошныхъ хозяевъ начинаются страшныя опустошенія въ стадахъ отъ билановъ, безкормицы и холода.

Совсѣмъ иной характеръ носитъ Прикаспійская степь, гдѣ бродятъ калмыки и ногайцы. Все ея пространство отъ Кумы до Терека ниже приазовскаго, такъ какъ Каспійское море ниже уровня воды въ Черномъ морѣ на 85 фут. Здѣсь равнина суха, лишена проточной воды; зато тутъ обиліе маленькихъ, большею частью, соленыхъ озеръ. Это ничто иное, какъ продолженіе пустынь Русскаго Туркестана; подобно имъ, она состоитъ изъ песчаныхъ сыпучихъ бугровъ да глинистыхъ, пропитанныхъ солью, равнинъ, едва прикрытыхъ скудными растеніями. Здѣсь царство обманчивыхъ видѣній — фата-моргана. Въ слояхъ глины зачастую можно здѣсь встрѣтить раковины моллюсковъ—признаки того, что нѣкогда Каспійское море заливало эти пространства.

Главнѣйшими рѣками въ Кавказской степи являются тѣ, которыя берутъ начало изъ глетчеровъ Кавказскихъ горъ. Таковы Терекъ и Кубань. Истоки Терека находятся въ горномъ циркѣ Кавказа, близъ Казбека на высотѣ 8,000 фут.

Терекъ съ лѣвой стороны принимаетъ множество стремительно несущихся къ нему притоковъ, каковы: Ардонъ, Урухъ, Баксанъ, Малка и др. Круто повернувшись къ востоку, Терекъ змѣей извивается по степи; съ правой стороны онъ принимаетъ быструю Сунжу съ Аргуномъ, рѣку чеченцевъ, и, подойдя къ Каспію, образуетъ огромную дельту. Густая разнообразная растительность расположилась по его берегамъ, какъ бы стараясь охранить его воды отъ посторонняго вторженія.

Могучій, быстрый, шумный Терекъ неоднократно служилъ источникомъ вдохновенія нашихъ лучшихъ писателей и поэтовъ. Кто въ дѣтствѣ не зачитывался безсмертными строками Пушкинскаго „Кавказа“? Кому живо не представляется вся дикая мрачная въ своей прелести картина при прочтеніи слѣдующихъ строкъ нашего знаменитаго поэта?!

„...Терекъ играетъ въ свирѣпомъ весельи,
Играетъ и воетъ, какъ звѣрь молодой,
Завидѣвшій пищу изъ клѣтки желѣзной
И бьется о берегъ въ враждѣ безполезной
И лижетъ утесы голодной волной...
Вотще! Нѣтъ ни пищи ему, ни отрады
Тѣснятъ его грозно нѣмыя громады...“

Рѣка Кубань, называемая по черкески Пшизь, т. е., «князь-рѣка» или, буквально, «старый князь» беретъ начало у Эльборуса; она вбираетъ въ себя всѣ ручьи сѣверо-западнаго склона Кавказскаго хребта, какъ-то: Большой и Малый Зеленчуки, Урупъ, Лаба (съ Чамлыкомъ, Ходземъ, Фарсомъ и др.), Бѣлая (съ Пшехой), Адагумъ и мн. др. Вода въ этихъ рѣкахъ отъ изобилія пороговъ вся превращается въ пѣну. Выйдя въ степь, Кубань и ея притоки значительно замедляютъ свой бѣгъ и дѣлятся на рукава, текущіе по каменистымъ русламъ. Обыкновенно Кубань не широка, даже маловодна и только въ половодье получаетъ видъ большой, широкой рѣки. Берега ея нижняго теченія обильно поросли плавнями.

Плавни составляютъ характерную особенность многихъ южныхъ рѣкъ. Это — дремучій, безвыходный камышъ (Arundo Phragmites). „Глушь и оцѣпенѣніе кругомъ. Только невнятный шопотъ камышей, слегка машущихъ своими султанами, только однозвучное жужжаніе кружащихся надъ вашей головой насѣкомыхъ, да при объѣздѣ какого-нибудь лимана кваканіе цѣлыхъ сонмовъ лягушекъ, базарная болтовня, вздорная, удручающая ухо и вниманіе“ *) Весной и лѣтомъ воздухъ полонъ миріадами комаровъ и всякихъ мошекъ, тучами кружащихся надъ человѣкомъ. Чуть замѣтныя тропинки, протоптанныя дикими звѣрями, вьются среди чащъ, гдѣ водятся кабаны, косули и олени. Всевозможныя водяныя птицы живутъ въ этихъ исполинскихъ лѣсахъ-тростникахъ, вдали отъ жаднаго глаза человѣка, который непремѣнно постарался бы истребить ихъ.

Недалеко отъ впаденія въ море Кубань дѣлится на два главныхъ рукава: сѣверный рукавъ, «Протока», течетъ въ Азовское море, южный же въ Черное. Пространство между обоими рукавами представляетъ собою сплошную, поросшую тростниками плавню.

Терекъ и Кубань рѣшительно не годятся для судоходства, какъ не годятся и степныя рѣки Кума, Егорлыкъ и Калаусъ, текущія по направленію къ Манычской впадинѣ. Невѣроятное количество драгоцѣннаго ила — послѣдній продуктъ вывѣтриванія Кавказскихъ горъ, безжалостно уносится въ море и образуетъ рядъ болотистыхъ и нездоровыхъ дельтъ.

*) И. Попка. Черноморскіе казаки.

Среди этихъ необозримыхъ пространствъ чрезвычайно отрадно увидѣть на берегу рѣки людское жилье, блистающее на солнцѣ своими бѣло выкрашенными стѣнами; въ этомъ затерянномъ уголкѣ человѣкъ устраивается съ возможнымъ для него комфортомъ. Вездѣ сады сливъ, кизиля, черешенъ, абрикосовъ, персиковъ, грецкихъ орѣховъ; въ свѣтлыхъ струяхъ ручьевъ въ изобиліи плаваетъ рыба, не знакомая съ шумомъ колесъ пароходовъ. Громадные слободы, станицы, хутора, поселки и аулы вольно и широко раскинулись по живописнымъ берегамъ рѣкъ. Виноградъ здѣсь зрѣетъ въ изобиліи поразительномъ. Во время жатвы безчисленное множество грузныхъ тяжелыхъ копенъ покрываютъ поля. Пшеница, просо, кукуруза, ячмень родятся въ громадномъ количествѣ; ихъ стебли настолько высоки, что среди нихъ легко можетъ спрятаться, не нагибаясь, человѣкъ. Въ лѣсахъ, въ поляхъ массами плодится и живетъ всякая крупная и мелкая дичь.

Населеніе Предкавказья самое разнообразное. Въ степной части кочуютъ калмыки, ногайцы; караногайцы передвигаются со своими войлочными юртами, верблюдами, овцами и кобылами по безконечнымъ травянистымъ пажитямъ, по солончаковымъ и песчанымъ пространствамъ.

Осѣдлое населеніе состоитъ изъ государственныхъ крестьянъ, осѣдлыхъ кочевниковъ, черноморскихъ казаковъ, земля которыхъ лежитъ отъ Азовскаго моря до Ставропольской губ. и др. Со временъ Алексѣя Михайловича и Петра I по Тереку размѣстились раскольники. По Тереку, Сунжѣ, Малкѣ, Кубани, Бѣлой и Лабѣ тамъ, гдѣ прежде стояли черкесскіе аулы, поселены линейные казаки. По рѣкамъ Закубанской плоскости, въ перемежку съ казаками, поселено до 80 тысячъ горцевъ, выселенныхъ изъ горъ по окончаніи войны и не ушедшихъ въ Турцію. Между Малкою и Terекомъ живутъ кабардинцы; за Сунжей и отчасти по лѣвую ея сторону—чеченцы, а рядомъ съ ними, противъ Моздока, къ востоку отъ Владикавказа, назраловцы, кистины и ингуши.

Терская и Кубанская станица—вовсе не похожи на простое русское селеніе. Вдоль этихъ рѣкъ возникли поселенія, носящія характеръ полуземледѣльческій, полувоенный; эти пункты охраняли Россію отъ дикихъ набѣговъ кавказскихъ хищниковъ. Этими тучными прирѣчными равнинами вскорменъ красивый, рослый, сильный народъ, не знавшій тяжести крѣпостного права, съ сознаніемъ своего достоинства, воспитаннаго вѣками и успѣхами въ ратномъ полѣ.

Черкешенки Терской области.

Въ 1775 году, послѣ усмиренія Яицкаго бунта, Запорожская Сѣчь на Днѣпрѣ прекратила свое существованіе. Правительство настойчиво требовало сложить оружіе; въ войскѣ начался разладъ; часть запорожцевъ, не желая исполнить этого требованія, бѣжала на лодкахъ по Днѣпру, думая поддаться турецкому султану. Но это было меньшинство. Большинство же поняло разумность требованій правительства и рѣшилось покориться. Толпы казаковъ разошлись по сосѣднимъ мѣстностямъ Россіи. И вотъ, черезъ нѣсколько лѣтъ, когда настала необходимость защищать наши границы отъ горцевъ, правительство обратилось къ бывшимъ запорожцамъ съ

призывомъ послужить Россіи на прежнихъ казацкихъ началахъ, только въ новомъ мѣстѣ—на Кубани. Призывъ правительства не пропалъ даромъ. 13 тысячъ бывшихъ сѣчевиковъ, напутствуемые грамотою и хлѣбомъ-солью отъ императрицы Екатерины II, перебрались въ 1792 г. на Кубань. Они принесли съ собою все, что напоминаетъ гетманскую Украйну временъ Наливайки и Хмѣльницкаго; подъ кавказской оболочкой они сохранили черты малороссійской народности въ нравахъ, въ обычаяхъ, въ языкѣ, повѣрьяхъ, въ домашнемъ и общественномъ быту. Напѣвъ на клиросѣ, веснянка на улицѣ, щедрованіе подъ окномъ, жениханье на вечерицѣ и выбѣленный уголъ хаты, и гребля съ зелеными вербами, и сливный садикъ съ цвѣтущими подсолнечниками — все это носитъ печать своего, родного, національнаго, и про все это можно сказать:—„Здѣсь русскій духъ, здѣсь Русью пахнетъ“.

Кубанцы.

Живя рядомъ съ лезгинами и чеченцами, Терскіе казаки, вначалѣ совсѣмъ отрѣшенные отъ остальной Россіи, зачастую роднились съ горцами, усваивая себѣ многіе ихъ обычаи и нравы; но родную вѣру и языкъ они удержали во всей чистотѣ.

Подобно настоящему горцу, казакъ смотрѣлъ на женщину, какъ на источникъ, орудіе и причину своего благосостоянія. Весь домъ, все хозяйство пріобрѣтались и держались ея неусыпнымъ трудомъ, — трудомъ отъ ранней молодости до глубокой старости. Безстрашная, сильная и работящая она была всегда вѣрной союзницей мужа въ борьбѣ съ непріятелями; умѣя ѣздить верхомъ, стрѣлять изъ ружья, она въ то же время пахала поле, жала хлѣбъ, а въ долгіе зимніе вечера готовила мужу черкеску и обувь. Долгій суровый трудъ, заботы, сознаніе важности своего дѣла—все это развило ея физическія силы, стойкость, энергію, волю. Среди женщинъ часто попадаются красивыя, характерныя лица. Красота Терской казачки особенно поразительна соединеніемъ самаго чистаго типа черкескаго лица съ широкимъ и могучимъ сложеніемъ сѣверной женщины*). Еще недавно станицы по Тереку и Кубани были похожи на маленькія, но грозныя крѣпости; онѣ обносились валами, частоколами. Сторожевая пушка была всегда наготовѣ, а въ промежуткахъ между станицами были устроены „пикеты“, въ которыхъ дежурили казаки; возлѣ пикетовъ находились казачьи „вышки“, построенныя на четырехъ огромныхъ шестахъ, гдѣ съ ранняго утра до поздняго вечера сторожилъ казакъ, зорко и недовѣрчиво вглядываясь въ даль. Когда же наступала ночь, казаки, притаившись, залегали на берегу въ опасныхъ мѣстахъ... Подъ вліяніемъ постоянныхъ опасностей, сторожившихъ казака на каждомъ шагу, изъ него выработался типъ беззавѣтно храбраго и въ то же время хитраго, ловкаго и находчиваго воина, каковыя качества особенно выразились въ знаменитыхъ пластунахъ,—этихъ незамѣнимыхъ лазутчикахъ и развѣдчикахъ, сослужившихъ не малую службу въ крымскую и послѣднюю турецкую кампанію.

Теперь стихла долгая боевая жизнь кавказскихъ казаковъ. Чеченцы отчасти ушли въ Турцію, отчасти смирились. Равнины Закубанья уже заняты русскими поселеніями. Благовѣстъ православныхъ храмовъ смѣнилъ дикіе, но не лишенные

*) Графъ Л. Н. Толстой. „Казаки“.

прелести, звуки лезгинки. Казакъ оставилъ ружье и взялся за плугъ. Пластунъ, дивный типъ старыхъ временъ, вымираетъ, вырождается, превращаясь въ охотника на кабановъ и оленей. Впрочемъ, пройдетъ еще много времени, пока окончательно сольются въ одинъ народъ и побѣжденные, и побѣдители.

Воинственныя казацкія станицы, Кубанскія и Терскія, прикрыли собой сплошныя гнѣзда мирныхъ крестьянскихъ переселенцевъ изъ всевозможныхъ мѣстностей средней и южной Россіи. Теперь эти многочисленныя мужичьи станицы сообщаютъ степи, недавно захваченной русской жизнью, глубоко русскій характеръ. Однако, здѣсь много еще совсѣмъ непригодныхъ для земледѣлія пространствъ—приволье для кочующихъ дикарей, этихъ западныхъ остатковъ когда-то страшныхъ хозяевъ этой части нашего отечества *).

Съ 1-го января 1871 г. въ Предкавказьѣ введено гражданское управленіе; оно раздѣлено въ административномъ отношеніи, кромѣ Ставропольской губерніи, на Кубанскую и Терскую область.

Почва Кубанской области по преимуществу черноземная. Глинистая подпочва, задерживающая влагу, является причиной образованія обширныхъ болотъ во многихъ мѣстахъ Темрюкскаго отдѣла. Эти болота страшны тѣмъ, что являются родиною саранчи.

Главное занятіе жителей—хлѣбопашество, но не мало выгоды извлекается также рыболовствомъ, пчеловодствомъ, нефтепромышленностью и солянымъ промысломъ; фабрично-заводская промышленность въ зачаточномъ состояніи. Управляется область атаманомъ Кубанскаго казачьяго войска.

Терская область состоитъ изъ трехъ различныхъ, рѣзко отличающихся другъ отъ друга полосъ: горной, равнинной и низменной. Здѣсь инородческое населеніе преобладаетъ надъ русскимъ; жители занимаются хлѣбопашествомъ, садоводствомъ, виноградоводствомъ, табаководствомъ, скотоводствомъ, рыболовствомъ и пчеловодствомъ.

Чеченецъ Кубанской области.

Изъ естественныхъ богатствъ страны особеннаго вниманія заслуживаютъ обширные дремучіе лѣса, серебро-свинцовыя руды, нефтяные и минеральные источники. Группа Терско-Сунженскихъ минеральныхъ ключей и кавказскихъ минеральныхъ водъ въ окрестностяхъ Пятигорска пользуются всеобщей извѣстностью и славой. Во главѣ управленія областью находится наказный атаманъ Терскаго казачьяго войска.

Ставропольская губернія представляетъ громадную холмистую цѣпь, покрытую множествомъ кургановъ. Весь Ставропольскій уѣздъ и часть Медвѣженскаго уѣзда имѣетъ хорошую черноземную почву, а въ остальной своей части губернія отличается солонцеватою или песчаною почвой. Въ южныхъ частяхъ губерніи находятся лиственные лѣса.

b) Хребетъ Кавказскій.

Еще за 200 верстъ путникъ, утомленный однобразнымъ видомъ равнинъ, вдругъ замѣчаетъ на горизонтѣ неясныя очертанія Эльборуса, который, какъ ша-

*) С. Мечъ. „Кавказъ". Москва, 1898.

теръ кочевника, бѣлѣетъ надъ равниной. Проѣзжая версту за версту, видишь, какъ все растетъ и растетъ эта вершина, но, кромѣ нея, ничто не говоритъ о близости могучаго хребта, скрывающагося за горизонтомъ. Потомъ, все приближаясь къ югу, вдругъ замѣчаешь тысячу зубцовъ, внезапно выросшихъ изъ-подъ земли. Картина все увеличивается; контуры становятся яснѣе, величественнѣе и грознѣе. Далеко за тучи уходитъ этотъ мощный, напряженный мускулъ земли, угрожающій обвалами, лавинами, гремящій своими могучими, быстрыми потоками. Ясно различаешь лѣсистыя предгорія, разсѣченныя глубокими ущельями; эти известковыя предгорія извѣстны на Кавказѣ подъ именемъ «Черныхъ горъ»; они тянутся, словно валъ прочной, недоступной крѣпости, вдоль всей сѣверной подошвы хребта, полого спускаясь къ степямъ.

Гигантскіе, вѣчно-снѣжные, дѣвственно-бѣлые зубья Кавказскаго хребта тянутся по прямой линіи съ сѣверо-запада на юго-востокъ, отъ моря къ морю, между низменными полуостровами Таманью и Апшеронскимъ. Нерѣдко подземныя силы потрясаютъ эти громады. Около 20 вершинъ поднимаются надъ хребтомъ, и высота ихъ значительно превышаетъ высоту Монблана. Весьма возможно, что съ теченіемъ времени будутъ открыты новыя вершины, потому что много еще мѣстъ на Кавказѣ, гдѣ никогда не ступала нога человѣческая. Могучій «Горный духъ» одинъ владычествуетъ въ этомъ царствѣ снѣговъ и мятелей, низвергая въ ущелья каменные и снѣжные обвалы.

Главный Кавказскій хребетъ тянется на протяженіи 1,200 верстъ, имѣя въ ширину до 200 верстъ. Насколько можно судить въ настоящее время, Кавказъ, подобно Кордильерамъ Южной Америки, почти вездѣ состоитъ изъ двухъ, а мѣстами изъ трехъ параллельныхъ гребней, между которыми заключены высокія продольныя долины, или горные цирки.

Своимъ происхожденіемъ Кавказъ обязанъ тѣмъ же условіямъ, которыя подняли и скомкали въ ряды складокъ большую часть стараго свѣта. Между прочимъ, кавказская гряда характерна тѣмъ, что не выдѣляется рѣзко своимъ рельефомъ надъ окружающими землями.

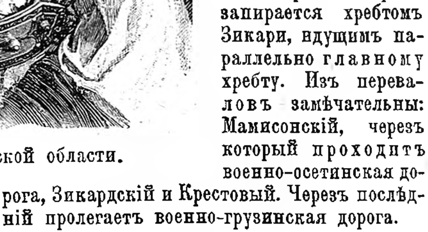
Отъ Анапы до горы Оштенъ хребетъ нигдѣ не представляетъ снѣжной линіи. Оштенъ (или Оштекъ), высочайшая точка горной массы Фишта,—расположился почти на половинѣ приморской части хребта, довольно рѣзко выдѣляясь среди окрестныхъ вершинъ своимъ снѣжнымъ гребнемъ и своей конечной пирамидой. Эта гора начинаетъ собою болѣе высокую часть хребта. Въ приморской части хребта за вершинами въ 2 тысячи фут. слѣдуютъ вершины въ 3, въ 6, и даже 8 тысячъ. Здѣсь находится пять горныхъ переваловъ или проходовъ, собственно представляющихъ собою узкія тропинки. Послѣ Оштена идетъ цѣлый рядъ снѣжныхъ зубьевъ, покрытыхъ вѣчнымъ снѣгомъ, среди которыхъ особенно замѣтенъ Марухъ близъ истоковъ Зеленчука. На всемъ этомъ протяженіи главный хребетъ сопровождается параллельными ему гребнями, замыкающими высокія котловины. На сѣверномъ склонѣ они прорѣзаны притоками Кубани, на черноморскомъ-же склонѣ размыты короткими, но стремительными горными потоками, изъ которыхъ наибольшіе Бзыбь, Кодоръ, Соча, Шахе и Туапсе. Почти отвѣсными скалами ниспадаютъ эти гребни въ пучины Чернаго моря, гдѣ лотъ въ недалекомъ разстояніи отъ берега достаетъ дно только на громадной глубинѣ.

У истоковъ Кубани главный хребетъ отдаетъ къ сѣверу короткій отрогъ, на концѣ котораго поднимается за облака загроможденная вѣчными снѣгами и глетчерами ко-

ническая масса Эльборуса, достигающая наибольшей высоты изъ всѣхъ горъ Кавказа. Эльборусъ когда-то былъ страшнымъ по силѣ изверженія вулканомъ, о чемъ свидѣтельствуютъ потоки лавы, застывшіе на его склонахъ. Татары называютъ эту гору именемъ „Ялъ-бузъ“ или „Ледяная Грива“, а черкесы смотрятъ на нее, какъ на святую гору— „Вершину Блаженныхъ“.

Съ горой Эльборусъ связано много сказаній. Греки считали, что Прометей похитилъ небесный огонь именно съ горы Эльборусъ. По сказаніямъ горцевъ, къ скаламъ Эльборуса прикованъ громаднаго роста и необычайной силы человѣкъ. Когда онъ потрясаетъ въ отчаяніи своими цѣпями, то дрожатъ горы. Кромѣ того, разсказываютъ, что черезъ ущелья Эльборуса идутъ ворота въ благословенную страну духовъ „Джинистанъ“, гдѣ обитаютъ вѣчно юныя и очаровательныя дѣвы.

Начиная съ Эльборуса до горнаго узла Барбало, находится самая высокая величественная часть Кавказа. Здѣсь ядро, центръ, здѣсь величіе горъ соединяется съ дикостью и оригинальностью страны. На протяженіи 250 верстъ хребетъ нигдѣ не спускается ниже снѣговой линіи. Ушба (15,000 ф.), Коштанъ-тау (16,200), Дыхъ-тау (16,300), Шхара (16,500), Казбекъ (16,000) и др. соединились около этого пункта и выдвигаются мѣстами за предѣлы главнаго хребта. Здѣсь изъ безчисленныхъ глетчеровъ собираются воды Ингура, Ріона, Ардона и Терека. Далѣе къ востоку Адай-Хохъ, Дзеа-Хохъ и сосѣднія съ ними горы представляютъ другую группу величественныхъ вершинъ. Нѣсколько дальше отъ этой группы, съ ея снѣжными вершинами и ледниками, къ востоку, цѣпь прерывается глубокой брешью, черезъ которую протекаютъ воды Ардона; но вскорѣ эта брешь запирается хребтомъ Зикари, идущимъ параллельно главному хребту. Изъ переваловъ замѣчательны: Мамисонскій, черезъ который проходитъ военно-осетинская дорога, Зикардскій и Крестовый. Черезъ послѣдній пролегаетъ военно-грузинская дорога.



Дѣвушка Кубанской области.

Возлѣ Барбало два параллельныхъ кряжа расходятся, образуя котловину; это—страшный, непроходимый каменный лабиринтъ—Дагестанъ—«Страна горъ». Между берегомъ моря и горами лежитъ низменная и узкая полоса земли, служившая нѣкогда дорогой для переселенія народовъ изъ Азіи въ Европу и называемая Дербентскимъ проходомъ. Въ глухихъ и мрачныхъ трущобахъ этого гигантскаго лабиринта собираются четыре рѣки—четыре койсу, которыя составляютъ Сулакъ, вырывающійся дикимъ, пустыннымъ ущельемъ и несущійся въ Каспійское море. Туда же впадаетъ и Самуръ, текущій на югъ изъ Дагестана, вмѣстѣ со множествомъ другихъ мелкихъ рѣчекъ.

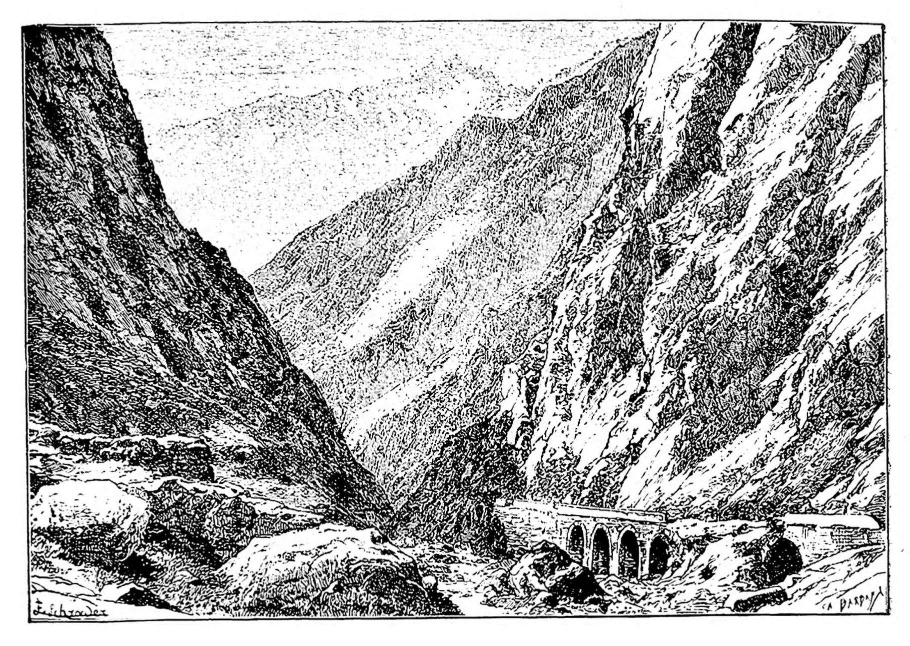
Дагестанъ—одна изъ наиболѣе гористыхъ мѣстностей земного шара. Горы его почти безлѣсны; гребни ихъ почти всѣ узкіе, склоны обрывистые и скалистые. Главные рѣки его — Казикумыхское, Кара (или Черное), Аварское и Андійское койсу. Изъ переваловъ главнаго гребня Дагестана слѣдуетъ упомянуть о Кодорскомъ (9,300 ф.), Сацхенискомъ, Гудаурскомъ (10,118) и Салаватскомъ (военная ахтинская дорога по Шинскому ущелью). На Дагестанъ можно смотрѣть какъ на громадное плато, изрытое долинами: на высотахъ ихъ глубина лежитъ всего лишь на нѣсколько сотъ или тысячъ футовъ ниже уровня хребта.

Есть мнѣніе, что весь горный Дагестанъ есть ни что иное, какъ система складокъ, состоящихъ изъ пластовъ осадочнаго, юрскаго, мѣловаго и третичнаго, сцѣпленія между которыми прерваны и разсѣчены трещинами. Дороги Дагестана большей частью состоятъ изъ тропинокъ, пролегающихъ то въ ущельяхъ высоко надъ горными рѣчками и потоками, то по многочисленнымъ спускамъ и подъемамъ, зигзагами, въ десяткѣ поворотовъ на самомъ незначительномъ разстояніи. Мѣстами тропинки съ одной стороны имѣютъ отвѣсныя высокія скалы, а съ другой—глубокія пропасти и такъ круты, что на нихъ едва умѣщается лошадь. Пути эти безъ горскихъ лошадей—этихъ кавказскихъ кошекъ съ желѣзными ногами—были бы положительно непроходимы.

Вдоль главнаго хребта идутъ на болѣе или менѣе значительномъ разстояніи передовыя цѣпи — Скалистыя, или Пестрыя горы, и Черныя горы. Пестрыя горы идутъ верстъ на 12 сѣвернѣе главнаго хребта. На сѣверѣ отъ нихъ тянутся Черныя горы, которыя имѣютъ довольно значительную высоту, а именно Кіонъ-Хохъ—11,230 ф. и Каріу-Хохъ—11,160 ф.

Высота снѣжной линіи Кавказа на всемъ протяженіи не одинакова. Но, опуская всѣ мѣстныя уклоненія, можно принять, что граница вѣчнаго снѣга на южныхъ склонахъ хребта выразится кривою линіей, поднимающейся отъ 9 до 11 тысячъ футовъ въ направленіи отъ запада къ востоку. На противоположномъ склонѣ та же граница выразится линіей, проходящей на высотѣ 11—12 тысячъ футовъ. Причина столь необычайно высокой снѣжной линіи въ томъ, что сухой климатъ и знойное лѣто высушили нѣкогда существовавшія здѣсь озера; разница же въ высотѣ снѣжной линіи обоихъ склоновъ объясняется тѣмъ, что сѣверный склонъ не подверженъ дѣйствію влажныхъ юго-западныхъ вѣтровъ.

Гора Эльборусъ.



Дарьяльское ущелье.

Въ мало извѣстныхъ суровыхъ ущельяхъ Центральнаго Кавказа нагромождены и безчисленные глетчеры его; съ одного Эльборуса спускается 77 ледниковъ; масса ихъ находится на склонахъ горъ и сползаютъ въ высокіе цирки Ингура, Ріона, Терека; изъ нихъ самый значительный Безенги—15 верстъ длины.

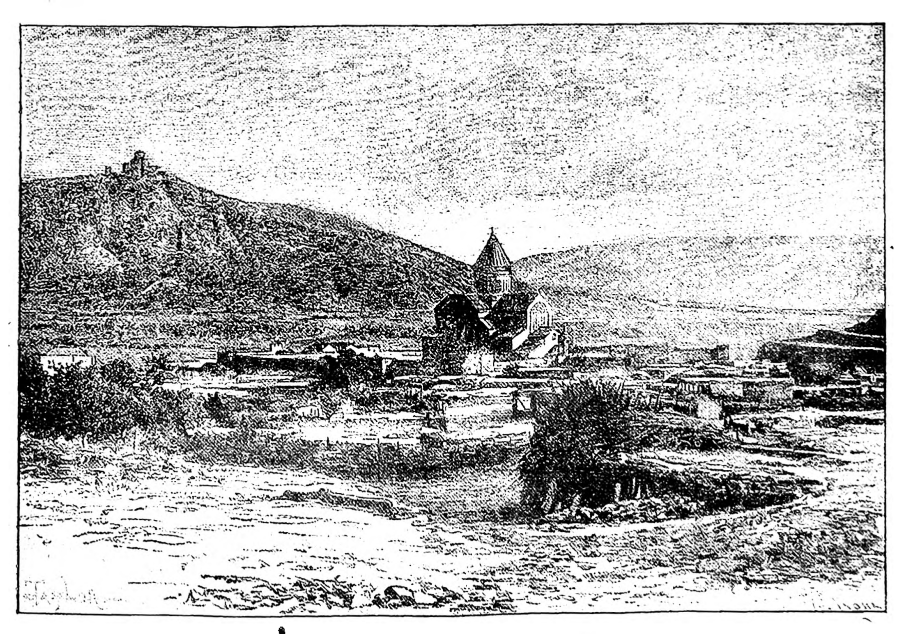
Кавказъ не имѣетъ веселящаго глазъ вида европейскихъ Альпъ. Все въ немъ дико, мрачно, угрюмо, грозно, недоступно для ноги человѣка. Путь по Кавказскимъ горамъ такъ труденъ, полонъ такихъ невообразимыхъ преградъ со стороны дороги, что люди, непривыкшіе къ горнымъ переходамъ, впечатлительные и нервные—сходили съ ума.

Одна относительно удобная шоссированная дорога проложена помощью желѣза и пороха черезъ хребетъ. Эта дорога соединяетъ Владикавказъ съ Тифлисомъ; она занимаетъ 200 верстъ въ длину и извѣстна подъ именемъ Военно-грузинской. Большихъ и тяжелыхъ усилій надо, чтобы содержать ее въ порядкѣ, и масса рабочихъ, не переставая, занята ремонтомъ пути. Дорога входитъ въ главный хребетъ черезъ Дарьяльское ущелье; вырубленная въ скалѣ, она то идетъ у самой рѣки, подъ навѣсомъ чудовищныхъ глыбъ гранита, то взбирается на высоту и идетъ по краю пропасти, обрамленная каменнымъ барьеромъ, то переходитъ съ берега на берегъ по смѣло брошеннымъ желѣзнымъ мостамъ. Выйдя близь станціи „Казбекъ“ изъ Дарьяльскаго ущелья, дорога вступаетъ въ альпійскую область Кавказа и поднимается все выше и выше. Здѣсь вѣчно дуетъ холодный, пронизывающій до костей вѣтеръ. За станціей „Коби“ дорога, оставивъ Терекъ, достигаетъ своей самой высшей точки — Крестовый перевалъ (7,900 ф.); по высотѣ онъ соперничаетъ съ Большимъ С.-Бернаромъ; снѣгу здѣсь такъ много, что зимою во время мятелей сообщеніе прерывается на недѣли, а лѣтомъ въ іюлѣ по обѣ стороны дороги виднѣются бѣлыя, ослѣпительныя груды снѣга. Это самое страшное мѣсто пути: здѣсь быть застигнутымъ непогодой — значитъ погибнуть. Спускаясь съ перевала отъ станціи „Гудауръ“, дорога лѣпится по страшному, почти вертикально спускающемуся обрыву,

откуда, какъ серебряная лента, видна Арагва. Изъ станціи „Млеты" шоссе ведетъ по берегу Арагвы. Съ каждой верстой внизъ воздухъ становится все теплѣе. Уже чувствуется роскошный климатъ роскошной Грузіи... Трудный путь конченъ!

Нерѣдко снѣжные обвалы останавливаютъ движеніе по дорогѣ. Въ самой узкой части Дарьяла впадаетъ въ Терекъ (съ лѣвой стороны) притокъ Девдораки, текущій по боковому ущелью того же имени. Изъ этого ущелья низвергался время отъ времени завалъ съ Казбека. Въ послѣдній разъ онъ рухнулъ 13 августа 1832 года и завалилъ дорогу на пространствѣ около двухъ верстъ массою грязи, камней и льда въ $1^1/_2$ милліона кубическихъ саженъ. Бунтующій Терекъ, задержанный заваломъ и, не имѣя выхода, разлился по всему ущелью, но потомъ, наконецъ, прорвалъ массу льда и снѣга, образовавъ надъ собою ледяной сводъ; подъ этимъ и несся Терекъ. Съ теченіемъ времени эта причудливая арка подтаяла и обрушилась, а по обѣ стороны Терека образовались два завала, лежащіе тутъ въ теченіе двухъ лѣтъ. Ѣхавшіе въ Грузію съ большими затрудненіями перебирались черезъ эти ледяныя массы. Интересно объясненіе этихъ заваловъ. Ручей Девдораки родится изъ глетчера Казбекъ, верстахъ въ 4-хъ отъ Терека. Глетчеръ этотъ имѣетъ видъ гигантскихъ глыбъ льда, дико нагроможденныхъ и какъ бы выпученныхъ кверху тѣснотою ущелья; при концѣ глетчера оно такъ суживается, что массы льда, встрѣчая препятствіе къ свободному спалзыванію внизъ, скопляются и растутъ въ вышину, особенно въ очень снѣжныя зимы. Этимъ самымъ онѣ запираютъ выходъ для мутной рѣчки, происходящей отъ ихъ таянія. Вода скопляется въ трещинахъ льда, позади запруды, и ручей Девдораки пересыхаетъ. Это служитъ зловѣщимъ признакомъ. Не будучи въ состояніи выдержать все усиливающійся напоръ воды, ледниковая запруда вдругъ прорывается,—и тогда масса грязи, камней и обломковъ льда съ невообразимой быстротой несется по крутому наклону Девдоракскаго ущелья и заграждаетъ Терекъ. Послѣ 1832 года за валовъ съ Казбека не было ни одного, хотя случалось, что Девдоракскій глетчеръ принималъ очень угрожающее положеніе. (С. Мечъ. „Кавказъ").

Кавказскій край по своей роскошной растительности представляетъ одинъ изъ богатѣйшихъ уголковъ Россіи. Но вслѣдствіе разнообразныхъ климатическихъ условій, почвы и т. п., растительное царство Кавказа не повсѣмѣстно одинаково.



Мцхетъ, бывшая столица Грузіи.

Нѣкогда Кавказскія горы были въ изобиліи покрыты дѣвственнымъ, густорастущимъ лѣсомъ. Варварски и расточительно истребленный человѣкомъ, онъ мѣстами только сохранилъ свою первобытную мощь и силу. Вѣковыя чащи изъ каштана, дуба, граба, липы, клена, карагача (вяза), яблонь, грушъ и др. лиственныхъ деревьевъ, оплетенныя вьющимися стеблями дикаго винограда, плюща, хмѣля, ежевики и ломоноса (Clematis) часто совершенно непроходимы, особенно когда колючій Smilax опутаетъ деревья густою сѣтью своихъ вѣтвей; въ послѣднемъ случаѣ тысячи гибкихъ зеленыхъ веревокъ, снабженныхъ острыми, какъ когти кошекъ, колючками, свѣшиваются внизъ съ лиственныхъ великановъ до земли, пускаютъ корни и съ новой силой обвиваются вокругъ деревьевъ *). Смородина, дикая малина, чубучникъ, боярышникъ, орѣшникъ, азалея и многія другія растенія выбираютъ большей частью опушку подобныхъ лѣсовъ.

По мѣрѣ того, какъ почва поднимается надъ уровнемъ моря, физіономія лѣса измѣняется.

На полосѣ отъ 3,000 до 6,000 ф. высоты горы поросли чистыми, однообразными рощами изъ буковъ, составляя излюбленное мѣсто пребыванія дикихъ козъ или косуль. На цѣлые десятки верстъ тянется такой лѣсъ — однобразный, красивый, поражающій чистымъ свѣжимъ воздухомъ. Въ такихъ лѣсахъ видно далеко; предметы очерчены ясно, отчетливо; звучное эхо веселитъ ухо.

Выше, въ глухихъ потаенныхъ ущельяхъ и въ мрачныхъ стремнинахъ, растутъ хвойные лѣса; они состоятъ, главнымъ образомъ, изъ исполинской восточной ели (Picea orientalis), сосенъ, нерѣдко достигающихъ 3 — $3^1/_2$ обхватовъ толщины и кавказскихъ пихтъ (Abies Normanniana). Въ этомъ царствѣ холода и облаковъ краснолѣсье мѣстами сохранило свой первобытный обликъ; есть мѣста, про которыя съ увѣренностью можно сказать, что они никогда не знали присутствія человѣка.

Здѣсь, рядомъ съ деревьями, полными жизни и силы, стоятъ такіе же громадные стволы, уже отжившіе свой вѣкъ. Многіе изъ нихъ совершенно лишены коры и напоминаютъ собою высохшіе скелеты, на другихъ она растрескалась и кусками въ цѣлые квадратные аршины свѣшивается внизъ. Между ними кое-гдѣ торчатъ исполины, переломленные поперекъ или совсѣмъ расщепленные бурею. Лѣсъ этотъ представляется еще болѣе косматымъ и страшнымъ отъ огромнаго количества лишайниковъ (Usnea barbata), свѣшивающихся съ каждой вѣтви, съ каждаго стебля на подобіе какихъ-то сѣро-зеленыхъ бородъ въ цѣлый футъ длиною. Замѣчательный видъ имѣетъ почва; на ней нѣтъ ни травы, ни кустарниковъ; она вся покрыта мягкимъ влажнымъ ковромъ, на которомъ лежатъ цѣлыя тысячи колоссальныхъ стволовъ въ томъ видѣ, какъ свалила ихъ буря или какъ они упали отъ старости. Мѣстами количество этихъ гніющихъ деревьевъ настолько велико и они образуютъ столь пустую сѣть перекладинъ, что по нимъ можно было бы идти цѣлыя версты, если бы они не разсыпались подъ ногами. Хвои такъ густо покрываютъ многочисленныя вѣтви елей, что ни одинъ лучъ солнца не проникаетъ въ вѣчный полумракъ этого лѣса. Полное безмолвіе, царствующее въ немъ, дѣлаетъ его еще болѣе величественнымъ. Здѣсь вы не услышите ни крика птицы, ни жужжанія насѣкомаго, даже вѣтеръ колеблетъ только вершины деревьевъ и никогда не распространяется далеко внизъ. Одна растительная природа поглотила все пространство и царствуетъ въ полной силѣ!

Не весело бываетъ въ такомъ лѣсу въ грозу и бурю, когда съ свирѣпымъ порывомъ вѣтра онъ содрогнется, зашатается, и оглу-

*) Н. Срединскій. „Очеркъ растительности Ріонскаго бассейна.

Кабардинское семейство.

шительный скрипъ и трескъ понесутся по всему лѣсу. На каждомъ шагу можно видѣть, какъ гибнутъ здѣсь игралищемъ бурь исполины растительнаго царства. Но еще большія опустошенія производятъ между ними снѣжные обвалы, низвергающіеся весною изъ царства вѣчнаго холода, изъ снѣжной области горъ. Нельзя безъ сожалѣнія смотрѣть на огромные участки лѣса, совершенно истребленные обвалами. Почти отъ самыхъ вершинъ горнаго гребня вплоть до дна ущелья тянутся широкія полосы, гдѣ всѣ деревья опрокинуты и лежатъ одно на другомъ, обращенныя верхушками въ одну сторону. Расщепленные пни, обломки стволовъ и цѣлыя груды камней придаютъ картинѣ еще болѣе унылый и дикій видъ *), не лишенный однако своеобразной красоты.

Нѣсколько выше растутъ только небольшія елки, густо покрытыя длинными сѣдыми космами лишая (Usnea barbata), да виднѣется низкорослый березнякъ, ивнякъ, можжевельникъ; къ этимъ породамъ примѣшивается мохъ, черника и брусника.

Выше, по крутымъ горнымъ склонамъ, начинается альпійская область, характеризующаяся роскошной густой травой и милліонами разныхъ цвѣтовъ — гераній, незабудокъ, скабіозъ и др. Далѣе трава начинаетъ рѣдѣть; изъ подъ нея тамъ и сямъ выступаютъ тонкіе разрушающіеся пласты сѣраго сланца. Наконецъ виднѣется и вѣчный снѣгъ—рыхлый и дѣвственно-чистый. Около него въ 3—4 шагахъ цвѣтутъ нѣжныя примулы, существующія не больше двухъ-трехъ дней

*) Динникъ. „Горы и ущелья сѣверо-западнаго Кавказа“.

Краса и гордость Кавказской флоры — это дивный рододендръ (Rhododendron caucasicum), превосходящій своимъ цвѣтомъ и изящесгвомъ альпійскій. Его лежачія бурыя вѣтви несутъ на себѣ темную, вѣчно зеленую массу жесткихъ листьевъ, густо осѣняющую камень часто на огромныхъ протяженіяхъ Зимою она глубоко скрыта подъ снѣгомъ, а лѣтомъ, въ іюнѣ или въ іюлѣ, изъ массы листьевъ поднимаются сотни цвѣточныхъ букетовъ различныхъ цвѣтовъ, поражая взоръ яркостью и чистотой своихъ красокъ.

Дикій высокій Кавказскій хребетъ скрываетъ въ себѣ разнообразные виды всякой живой твари. Безспорно, первое мѣсто изъ млекопитающихся принадлежитъ здѣсь бурому медвѣдю, который является властелиномъ и полнымъ хозяиномъ лѣса. Тамъ онъ лакомится слизняками, выворачивая камни, разрываетъ муравьиныя кучи, влѣзаетъ на деревья за орѣхами. Часто въ этихъ экскурсіяхъ его сопровождаютъ стада кабановъ, которыхъ онъ, volens-nolens, угощаетъ падающими на землю орѣхами, приправляя угощеніе недовольнымъ ворчаніемъ хозяина, котораго объѣдаютъ. Медвѣдь на Кавказѣ встрѣчается повсюду, начиная съ едва поднятыхъ надъ уровнемъ моря мѣстъ и кончая страшной высотой области вѣчныхъ снѣговъ. Лисицы, волки попадаются чаще въ низовыхъ долинахъ. Въ большихъ лѣсахъ обыкновенно водятся куницы, рыси, россомахи, дикія кошки и могучій барсъ, (встрѣчу съ которымъ такъ живо изобразилъ Лермонтовъ въ своей незабвенной поэмѣ «Мцыри»). Ночью слышится жалобный, раздражающій нервы вой полосатой гіены и шакала.

Нерѣдко встрѣчается въ кавказскихъ лѣсахъ благородный олень, иной разъ стадами 10—12 штукъ; пуля охотника и зубы волка его безпощадные, исконные враги. Въ этихъ безлюдныхъ дебряхъ, зачастую безъ зрителей и трагическихъ монологовъ, разыгрываются страшныя драмы.

Осторожный, чуткій и необыкновенно пугливый олень лѣтомъ умѣло избѣгаетъ внезапныхъ нападеній волка, скрываясь въ густой чащѣ лѣса. Но поздней осенью и зимою, когда листья спадутъ и станутъ видимы мѣста, бывшія потаенными лѣтомъ, волки начинаютъ правильную атаку, настоящую травлю, безъ устали и пощады. Волки стаями гонятся за оленемъ, для котораго единственное спасеніе въ рѣкѣ. Черезъ отроги горъ, черезъ ущелья и долины онъ мчится стрѣлою и съ размаху бросается въ холодный, глубокій потокъ, который быстро и бурно катитъ свои воды, такъ что не успѣваетъ покрыться льдомъ. Разгоряченное и измученное долгой гоньбой, животное жадно пьетъ холодную воду. Слѣдомъ за оленемъ, съ пѣной у рта являются волки. Нѣкоторые изъ нихъ бросаются въ воду, но быстрота теченія относитъ ихъ прочь, а если кому и удастся приблизиться, то энергичный ударъ копытомъ заставитъ его отступить. По грудь въ водѣ, закинувъ свои вѣтвистые рога назадъ, олень испуганными и кроткими глазами глядитъ на своихъ смертельныхъ враговъ, которые располагаются на обоихъ берегахъ караулить. Вода холодна, какъ ледъ, члены нѣмѣютъ, ледяныя сосульки намерзаютъ на шерсти, а уйти нельзя—не дремлютъ голодные хищники. Въ концѣ концовъ олень погибаетъ, если не отъ зубовъ волковъ, то отъ холода и голода...

Часто также встрѣчается въ лѣсахъ дикая коза или косуля; по ущельямъ Урупа, Лабы и ихъ притоковъ прячутся громадные дикіе быки или зубры. Въ дикой, альпійской области Кавказа водятся сурки, серны и горный козелъ или туръ (Capra caucasica). Туръ держится въ мѣстахъ наиболѣе неприступныхъ и опасныхъ. Иностранцы часто пріѣзжаютъ на Кавказъ съ единственной цѣлью—поохотиться за этимъ въ высшей степени пугливымъ звѣремъ.

Туръ выбираетъ мѣста еще болѣе неприступныя, чѣмъ серна. Карнизы, голые утесы, отвѣсныя скалы, ледники и вѣчные снѣга—составляютъ его любимое мѣстопребываніе. Онъ любитъ, забравшись на узкій, свѣсившійся надъ пропастью камень, неподвижно стоять цѣлыми часами и смотрѣть внизъ. Можно думать, что онъ испытываетъ особенное наслажденіе отъ сознанія, что онъ одинъ владычествуетъ надъ этими ужасными пропастями, гдѣ одинъ невѣрный шагъ можетъ стоить жизни.

Большею частью туры ходятъ стадами, по нѣскольку вмѣстѣ. Тщетно охотникъ идетъ

по ихъ слѣду и, наконецъ, поднимается до самой границы вѣчнаго снѣга; онъ можетъ видѣть ихъ только издали, потому что пугливое стадо при малѣйшемъ шорохѣ исчезаетъ, словно проваливаясь сквозь землю. Съ огромной высоты туры прыгаютъ въ пропасти, такъ что удивляешься, какимъ образомъ они не разбились вдребезги. Съ наступленіемъ вечера туры спускаются въ полосу альпійскихъ пастбищъ и кормятся тамъ въ продолженіи всей ночи. При этомъ туръ выбираетъ для спуска преимущественно такіе склоны, гдѣ насыпаны камни и обломки скалъ; этимъ и пользуются охотники, такъ какъ онъ при карабканіи производитъ характерный шорохъ. Едва наступаетъ утро, туръ снова скрывается въ своей заоблачной выси, гдѣ нѣтъ ни зноя, ни насѣкомыхъ, ни людского звука.

Во всемъ Кавказскомъ краѣ насчитывается не менѣе 400 видовъ птицъ; почти всѣ изъ нихъ встрѣчаются въ главномъ хребтѣ.

По кустамъ, по опушкѣ, въ рѣчномъ уремѣ въ изобиліи водится Кавказскій фазанъ (Phasianus colchicus), обыкновенный зимородокъ, подстерегающій форель и мелкую рыбу, персидскій соловей (Luscinia Hafizi Sewerz.); въ прибрежныхъ болотахъ и озерахъ водится масса утокъ, гусей, лебедей...

На склонахъ и предгоріяхъ встрѣчаются рядомъ азіатскіе и европейскіе виды птицъ: удодъ, сивоворонка, кукушка, голубь, черные, зеленые и пестрые дятлы, скворецъ, иволга, синица, черноголовая сойка (Garrulus krynickii Kalen.), блестящій скворецъ (Sturnus nitans Hume), голубой дроздъ (Monticola cyana L.), азіатскій рѣполовъ (Linota bella Hemp. et Ehrb.), соловей Гафиза и др.

Изъ хищныхъ птицъ здѣсь встрѣчаются соколъ чеглокъ, соколъ пустельга, ястребъ утятникъ (Astur palumbarius L.), коршунъ (Milvus ater Gm.), сарычъ, сова неясыть и филинъ.

Для альпійской области весьма характеренъ кавказскій тетеревъ, питающійся, какъ и нашъ, ягодами, брусникой, почками березъ и т. п.; тутъ же встрѣчается кавказская горная индѣйка, единственно встрѣчающаяся на Кавказѣ и горная куропатка съ простой, но изящной окраской.

Аварскій крестьянинъ.

Высокіе, недоступные мрачные утесы служатъ мѣстами жительства великановъ птичьяго міра. Изъ нихъ раньше всего слѣдуетъ упомянуть о ягнятникѣ, образъ жизни котораго до сихъ поръ для насъ неизвѣстенъ. Затѣмъ на всемъ пространствѣ хребта живетъ черно-бурый грифъ (Vultur monachus L.) и бѣлоголовый грифъ (Gyps fulvus Gm.), имѣющій до десяти футовъ въ размахѣ крыльевъ и обладающій изумительной силой; изъ настоящихъ орловъ встрѣчается беркутъ (Aquila nobilis) и малый подорликъ (Aquila naevia Briss.) въ ущельяхъ сѣверныхъ склоновъ.

Народонаселеніе Кавказа самое смѣшанное. По всей вѣроятности оно состоитъ изъ нѣсколько совершенно различныхъ народовъ, ушедшихъ въ незапамятныя времена въ эти недоступныя дебри. Оно раздѣляется на массу племенъ, каждое со своими обычаями, вѣрованіями, со своимъ языкомъ, къ слову сказать, чрезвычайно неблагозвучнымъ и труднымъ для изученія. Всѣхъ горцевъ дѣлятъ теперь на двѣ большія группы—западную (племена абхазскія и черкесскія) и восточную (племена чеченскія и лезгинскія). Между ними, въ среднихъ частяхъ Кавказскаго хребта, живутъ осетины—народъ самаго таинственнаго происхожденія. Едва-ли найдется въ Старомъ свѣтѣ уголокъ, гдѣ бы такъ часто мѣнялось населеніе вслѣдствіе войнъ, убійствъ и выселенія. Никакая страна не заслуживаетъ такъ вѣрно названія «Страны крови», какъ эта. Историческая цѣпь на-

рода здѣсь внезапно прерывается; его языкъ и нарѣчія безвозратно потеряны, такъ какъ большая часть изгнанниковъ вымерла, а среди уцѣлѣвшихъ остатковъ племени врядъ-ли можно отыскать ту цѣлость идей и нравовъ, что составляетъ душу націи.

Побѣжденные еще при императорѣ Николаѣ I, черкесы или адиге, жившіе исключительно на сѣверномъ склонѣ Кавказа, не захотѣли подчиниться власти побѣдителей; громадное количество ихъ ушло изъ страны, не пожелавъ поселиться въ низменной равнинѣ, какъ то предлагало имъ правительство. Такимъ образомъ на Кавказѣ остались очень немногіе адиге, собственно тѣ, которые дорогой цѣной униженія купили себѣ право жить на своей родинѣ.

Адиге принадлежатъ, вѣроятно, къ той-же вѣтви, какъ и грузины, лезгины, чеченцы и прочіе народы Кавказа; обо всѣхъ ихъ неизвѣстно достовѣрно, принадлежатъ-ли они къ арійцамъ или-же (что очень вѣроятно) представляютъ смѣсь другихъ расъ. Они въ большинствѣ случаевъ красивы, стройны, съ тонкой таліей и широкими плечами. Лицо овальное, чистое съ черными блестящими глазами и окаймленное очень густыми черными, иногда каштановыми волосами; рѣже волосы бываютъ свѣтлые. Ихъ привычку держаться прямо и откидываясь назадъ объясняютъ тѣмъ, что матери привязываютъ грудныхъ дѣтей плашмя къ доскѣ. Тучность или какой-либо физическій порокъ считается у нихъ позоромъ. Красота — неотъемлемая принадлежность ихъ расы. У черкесовъ, какъ и у албанцевъ Пинда, съ которыми они очень схожи, кровавая месть есть единственный и высшій законъ. „Кровь за кровь, око за око". Убійца долженъ быть наказанъ. Только два обстоятельства могутъ спасти его: онъ долженъ выкупить свое преступленіе или-же, укравъ ребенка изъ семьи своего врага, воспитать, какъ сына и возвратить. Родственникъ убитаго долженъ умертвить убійцу или кого-либо изъ его близкихъ родныхъ. Тѣ въ свою очередь должны отомстить за кровь—кровью; такимъ образомъ убійства продолжаются изъ поколѣнія въ поколѣніе. Кровавая месть („канлы") переходитъ въ наслѣдство по прямымъ и боковымъ линіямъ, словно Богъ вѣсть какое дорогое родовое имущество; нерѣдко она обязываетъ собою людей очень миролюбивыхъ и не чувствующихъ ни малѣйшей вражды къ убитому. Однако, кровомщеніе никогда не совершается въ присутствіи женщины: одно мановеніе ея руки въ состояніи остановить убійство. Но, съ другой стороны, мужъ или отецъ могутъ убить ее, не давая никому отчета. Мальчиковъ большей частью воспитываютъ не сами родители, но „аталыки" или воспитатели, которые избираются изъ людей, извѣстныхъ своими физическими и нравственными достоинствами. Черкесы распадаются на множество группъ: кабардинцевъ, бесленеевцевъ, абадзеховъ. Кабардинцы или кабертай, обитающіе въ Б. и М. Кабардахъ, при появленіи русскихъ на Кавказѣ вступили съ ними въ дружественныя сношенія. Въ царствованіе Іоанна Грознаго, который женился на черкесской княжнѣ Маріи Темрюковнѣ, кабардинцы добровольно перешли въ русское подданство *).

Абхазцы, или абазы, обыкновенно называютъ себя абзуа, что собственно означаетъ „народъ". До времени большихъ переселеній они занимали почти весь южный склонъ Кавказа, между долинами Ингура и Бзыби. Языкъ ихъ похожъ на языкъ адиге; абзуа ростомъ меньше черкесовъ, ихъ кожа смуглѣе, волосы темнѣе, черты лица неправильны, выраженіе его грубое, дикое. Абхазцы, подобно черкесамъ, все еще остаются язычниками по своимъ понятіямъ и нѣкоторымъ обрядамъ; исповѣдуя исламъ, они въ то-же время удерживаютъ нѣкоторые слѣды древне-христіанскаго культа; они чтутъ кресты и церкви, ѣдятъ свинину, дѣлаютъ приношенія въ храмы въ видѣ вкладовъ панцырей, оружія или одежды; до сихъ поръ церковь на одномъ изъ выступовъ Маруха, построенная, какъ гласитъ легенда, самимъ апостоломъ Павломъ, служитъ мѣстомъ сборища богомольцевъ. Но болѣе храмовъ, построенныхъ рукой человѣка, они чтутъ природные храмы— могучіе дремучіе лѣса. Въ недавнее время часть абхазцевъ вернулась въ лоно православія, чему, разумѣется, не мало способствовалъ существующій въ самомъ сердцѣ Абхазіи Ново-Аѳонскій монастырь. Нынѣ вся Абхазія составляетъ Сухумскій военный округъ и входитъ въ составъ Кутаисской губерніи.

Осетины живутъ исключительно въ долинахъ той части горной области, которая граничитъ съ запада Адай-кохомъ, а съ востока Казбекомъ. Осетины составляютъ одну изъ самыхъ значительныхъ національностей на Кавказѣ. По красотѣ осетины стоятъ ниже другихъ племенъ Кавказа. Они большей

*) До появленія на Кавказѣ ислама черкесы исповѣдывали христіанство. Шейкъ Мансуръ обратилъ почти всѣхъ своихъ земляковъ въ секту магометанъ-суннитовъ, за что былъ сосланъ на Соловецкіе острова.

частью угловаты, неуклюжи, неловки; у нихъ нѣтъ того чарующаго взгляда, того благородства въ лицѣ, той стройности, которой отличаются черкесы или кабардинцы. Между ними больше блондиновъ, нежели брюнетовъ; у нѣкоторыхъ изъ нихъ голубые глаза, а у другихъ—черные. У осетинъ былъ долгое время въ ходу обычай, касающійся кровавой мести: когда родные привозили домой трупъ убитаго, то всѣ они доставали изъ его раны кровь и ею мазали себѣ лобъ, глаза, щеки и подбородокъ, заклиная другъ друга отомстить убійцѣ. Иногда даже доставали изъ раны пулю, въ твердой увѣренности, что эта пуля вѣрнѣе найдетъ виновнаго. Языкъ осетинъ принадлежитъ къ одному изъ нарѣчій арійской вѣтви. Сами себя они называютъ „иръ" или „иронъ". Все осетинское населеніе распадается на нѣсколько обществъ: дигорцевъ, алагирцевъ, картатинцевъ, тагаурцевъ и туальтовъ. Подъ русскимъ владычествомъ осетины дѣлаютъ въ культурѣ значительные успѣхи. Среди нихъ теперь имѣется немало лицъ съ высшимъ образованіемъ.

Чеченцы и лезгины сѣвернаго склона, живущіе между Кабардой и Каспійскимъ моремъ, взятые вмѣстѣ, составляютъ не менѣе 700,000 душъ. Это населеніе подраздѣляется на нѣсколько отдѣльныхъ племенъ, различныхъ по происхожденію, религіи, языку и нравамъ. Большая часть нарѣчій, на которыхъ говорятъ въ этой области Кавказскаго хребта, въ сущности ничто иное, какъ только различныя patois, принадлежащія къ одной и той же лингвистической вѣтви. Есть нарѣчіе, на которомъ говорятъ только въ одной деревушкѣ, едва насчитывающей два десятка домовъ.

Чеченцы, извѣстные отчасти подъ именемъ „мисджеговъ", подраздѣляются на 20 группъ, говорящихъ различными нарѣчіями; они заняли весь западный Дагестанъ, расположившись на востокъ отъ осетинъ и кабардинцевъ и на предгоріяхъ, спускающихся въ равнины. Рѣка Сунжа, протекающая по ихъ странѣ, дѣлитъ ее на Малую Чечню—низменную и Большую—горную. Чеченцы въ войнѣ съ русскими выказали наибольшее ожесточеніе и упорство. Съ налитыми кровью глазами, съ шашкой и пистолетомъ въ рукахъ, съ дикимъ, пронзительнымъ „гиканьемъ", отъ котораго морозъ пробѣгалъ по кожѣ даже у привычныхъ людей, кидались они въ битву съ твердой мыслью—побѣдить. Случалось, что сотня русскихъ казаковъ не рѣшалась атаковать горсть горскихъ „абрековъ", зная, что въ рукопашномъ бою они дорого продадутъ свою жизнь. Окруживъ ихъ со всѣхъ сторонъ, казаки издали стрѣляли въ нихъ и только такимъ образомъ истребляли. Всѣ они умирали какъ герои, считая плѣнъ верхомъ позора, и безславія.

Жители Чечни во многомъ имѣютъ сходство съ черкесами. Они стройны, горды, съ твердымъ, независимымъ обликомъ. Носъ—орлиный, выраженіе глазъ—безпокойное; въ нихъ чуется что-то недоброе, злое. Они великодушны и всегда, во всѣхъ случаяхъ жизни, сохраняютъ свое достоинство. Они гордятся тѣмъ, что „способны убить, а не оскорбить". Ихъ женщины стройны, граціозны; одежда у нихъ очень красивая; онѣ носятъ широкія панталоны изъ розоваго шелка, на ногахъ желтые, изящные чевяки, а руки украшены серебряными браслетами.

До покоренія русскими большая часть горцевъ жила общинами и управлялась народными сходами. Чеченцы очень гостепріимны; всякому гостю они сердечно рады и онъ является для нихъ священной, неприкосновенной особой. У нихъ также царитъ „кровавый законъ" и, несмотря на русскій кодексъ, ихъ древній обычай остается единственнымъ уставомъ, который они чтутъ и уважаютъ. Убійство, грабежъ и кража съ насиліемъ могутъ быть искуплены только смертью или-же, по меньшей мѣрѣ, виновный долженъ отпустить волосы на головѣ и не брить ихъ до тѣхъ поръ, пока потерпѣвшій не согласится выбрить его собственноручно и оба поклянутся тогда передъ кораномъ въ вѣчномъ братствѣ. Насколько сильна у нихъ вѣра въ безсмертіе и въ загробную жизнь свидѣтельствуетъ обычай, очень распространенный у ингушей *). Если наканунѣ свадьбы одинъ изъ обрученныхъ умираетъ, то это нисколько не мѣшаетъ ходу брачной церемоніи: они вѣдь соединятся на небѣ.

Въ настоящее время въ Чечнѣ можно встрѣтить благоустроенные аулы съ опрятными улицами, нерѣдко съ каменными зданіями. Земледѣліе у нихъ, за исключеніемъ горскихъ чеченцевъ, находится въ прекрас-

*) Ингуши—племя чеченцевъ, занимавшее низменности.

номъ состоянiи и ведется при посредствѣ оросительныхъ каналовъ. Всѣ чеченцы магометане, но ихъ религiозныя вѣрованiя сохраняютъ въ одно и то-же время и языческiй, и христiанскiй характеръ. Ни христiанство, ни магометанство не въ силахъ побороть влiянiя, которое имѣетъ окружающая обстановка на умъ и сердце горца.

Почти всѣ племена, живущiя въ долинахъ восточнаго Кавказа, на востокъ отъ чеченцевъ, извѣстны подъ общимъ именемъ лезгинъ; по татарской этимологiи это названiе разнозначуще слову „разбойникъ". Число лезгинскихъ племенъ постоянно измѣнялось въ зависимости отъ войнъ и выселенiй. Коленати насчитывалъ ихъ 55, а Берже—51. Всѣ эти мелкiя народности имѣютъ свои собственные дiалекты, богатые гортанными звуками. Въ Дагестанѣ самые распространенные языки—аварскiй, даргинскiй и кюринскiй.

Въ Дагестанѣ слишкомъ мало пахотной земли, чтобы все полумиллiонное населенiе могло жить ею. Но лезгины считаются хорошими земледѣльцами. Ихъ сады, окруженные желтыми стѣнами, тщательно орошены и содержатся въ образцовомъ порядкѣ. Но, въ виду необходимости, лезгинамъ часто приходится заниматься грабежомъ. Не менѣе отважные, нежели чеченцы, но еще болѣе неутомимые и выносливые, лезгины часто поступали наемниками къ мелкимъ окрестнымъ князькамъ.

Женщина изъ племени Аваровъ.

Въ битвѣ лезгины не были такъ благородны, какъ черкесы; послѣднiе отпускали захваченныхъ плѣнниковъ безъ всякаго вреда, въ то время какъ лезгины отрубали имъ правую руку въ видѣ трофея.

Дагестанцы исповѣдуютъ исламъ, и образованiе религiозное служитъ у нихъ предметомъ особеннаго тщанiя. Выносливость дагестанскихъ горцевъ не имѣетъ границъ. Для нихъ не составляетъ ничего — идти цѣлые десятки верстъ по горамъ, быть по суткамъ почти безъ пищи и терпѣть при этомъ всевозможныя лишенiя. Суровая, угрюмая природа и суровый образъ жизни выработали у дагестанцевъ мускулистое тѣлосложенiе, выпуклую, широкую грудь, большую ловкость, крѣпкое, желѣзное здоровье и почти безграничное терпѣнiе. Они отличаются крайней религiозностью, смѣлостью и безразсудной храбростью. У нихъ живая, богатая фантазiя и, въ особенности, безграничная любовь къ родинѣ, къ обычаямъ и нравамъ предковъ, къ независимости и къ свободѣ. Но въ то-же время у нихъ много отрицательныхъ качествъ: они хитры, лживы, пронырливы, льстивы, любятъ кляузничать, корыстолюбивы, прибѣгаютъ къ кровавой мести нерѣдко изъ-за угла.

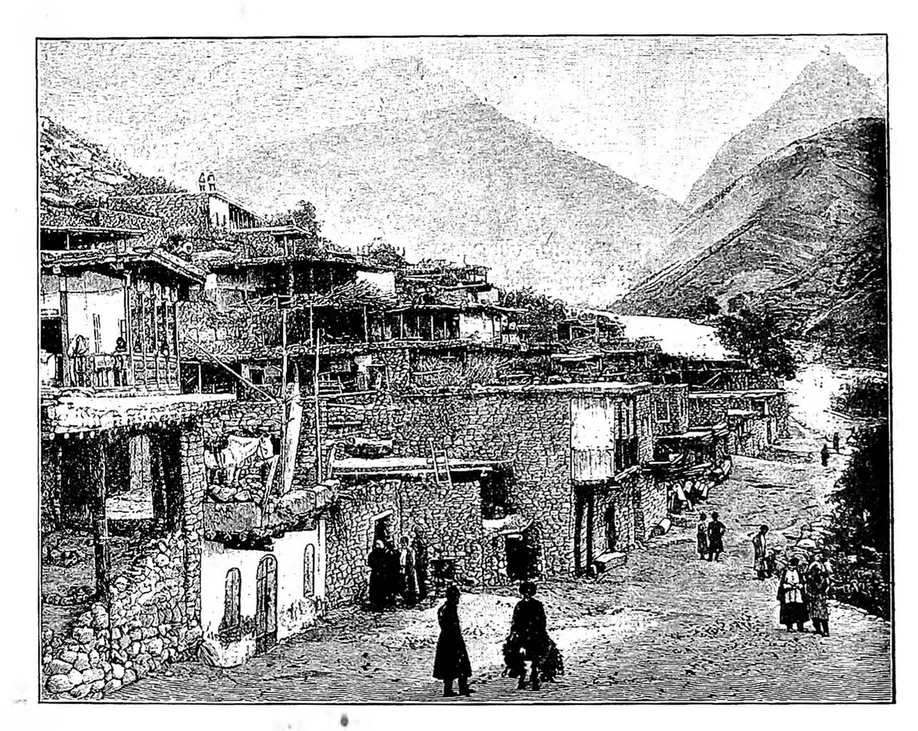
Положенiе женщины-лезгинки въ семьѣ крайне тяжелое: она почти вьючное животное. Женщина смотритъ за скотомъ, птицей, чиститъ коня, выметаетъ соръ, шьетъ сапоги, одежду, тащитъ камни для построекъ, носитъ на своихъ плечахъ тяжелыя вязанки дровъ нерѣдко за десять верстъ. Путешествуя гдѣ-нибудь въ глубинѣ кавказскаго хребта, можно часто встрѣтить этихъ терпѣливыхъ, „вѣковѣчныхъ" труженицъ, одиноко карабкающихся съ своею ношей черезъ перевалы въ нѣсколько тысячъ футовъ, на которыхъ самыя выносливыя горскiя лошади выбиваются изъ силъ. Обыкновенно это—низенькiя коренастыя бабы, неуклюжiя, грязныя, въ 25 лѣтъ уже старухи, съ тупымъ выраженiемъ лица. Отъ тяжелой, непосильной работы многiя въ 40 лѣтъ согнуты пополамъ, и почти всѣ сутуловаты. Но въ нравственномъ отношенiи онѣ не безупречны. Отношенiя сыновей къ старикамъ-родителямъ также нехороши. Стариковъ обыкновенно плохо кормятъ, держатъ въ грязи, въ пренебреженiи.

Перейдемъ къ описанiю домашней жизни горца вообще.

Въ суровыхъ оврагахъ, по крутизнамъ высокихъ скалъ, въ ущельяхъ лѣпятся горскiе аулы, которые издали можно принять за безпорядочную груду камней. Улицы извилисты, узки и кривы. Два человѣка, встрѣтившись на такой улицѣ, должны повернуться бокомъ. Широкой считается улица,

если по ней можетъ проѣхать повозка. Нерѣдко съ края улицы обрывается страшная пропасть.

Сакля аула обыкновенно строится изъ нетесанаго камня-плитняка и близко придвинута или къ отвѣсной скалѣ, или къ стѣнѣ сосѣдней сакли. Крыша плоская, сдѣланная изъ деревянныхъ балокъ и засыпанная землею. Полъ — голая земля, окно — открытая дыра. Посреди сакли лежитъ нѣсколько камней—это очагъ, центръ домашней жизни. Надъ нимъ виситъ чугунный котелъ. Дымъ



Городъ Химри, въ Аварской области.

распространяется по всей саклѣ, покрывая стѣны блестящей копотью, и выходитъ въ отверстіе въ крышѣ. Каждая хозяйка старается всегда сохранить огонь въ своемъ очагѣ, приписывая его неугасимости особенное значеніе. Возлѣ стѣны на камняхъ лежитъ доска, на ней тюфяки и подушки, набитые овечьей шерстью. Это—спальня. Здѣсь горецъ спитъ въ холодныя ночи, лѣтомъ-же проводитъ ночь на плоской крышѣ сакли. Столбы, поддерживающіе потолокъ, увѣшиваются бараньими шубами, папахами, оружіемъ, а на полкахъ вдоль стѣнъ разставлена деревянная и глиняная посуда. Болѣе состоятельные дѣлятъ свою саклю на двѣ половины; одна—для семьи, другая—для гостей, „кунацкая", которую горецъ особенно любитъ. Все, что есть лучшаго и дорогого, горецъ старается помѣстить въ кунацкой; онъ окружаетъ гостя такимъ матеріальнымъ довольствомъ, какое и самъ рѣдко имѣетъ дома; онъ относится къ гостю съ самой утонченной деликатностью и вѣжливостью.

Но по отношенію къ себѣ и къ своей семьѣ горецъ крайне неприхотливъ и воздержанъ. Въ своей семьѣ онъ стыдится ласки, стыдится сказать нѣжное слово женѣ и дѣтямъ. Сердце его такъ-же холодно и жестко, какъ и гранитные утесы, среди которыхъ онъ живетъ.

Желая жениться, горецъ долженъ за дѣвушку дать выкупъ—„калымъ". Если женихъ такъ бѣденъ, что не можетъ заплатить калымъ, то онъ, выбравъ ночь потемнѣе, можетъ украсть себѣ жену въ сосѣднемъ аулѣ. Дѣвушка, проведшая сутки въ его саклѣ, не можетъ, по обычаю, быть у него отнята. Такой подвигъ считается удальствомъ. Но домашняя жизнь горца не особенно завидна. Съ наступленіемъ ночи вся семья собирается

въ саклѣ. На дворѣ дождь и холодъ. Въ котлѣ надъ распространяющимъ дымъ очагомъ варится скудная пища. Тутъ-же столпились грязныя, больныя, едва прикрытыя лохмотьями дѣти. Они съ жадностью смотрятъ на отца, который спичкой вынимаетъ изъ котла куски тѣста и глотаетъ ихъ, предварительно обмакивая въ толченый чеснокъ. Когда онъ насытится, остатки идутъ женѣ и дѣтямъ. Раздѣвшись донага, дѣти улеглись. Мать за работой, а отецъ, покуривая трубку, коротаетъ вечеръ съ пріятелемъ; они вспоминаютъ прошлое и гадаютъ о будущемъ. Часто въ такіе вечера можно услышать тѣ сказки, легенды и преданія, въ которыхъ такъ много простой, безыскусственной поэзіи.

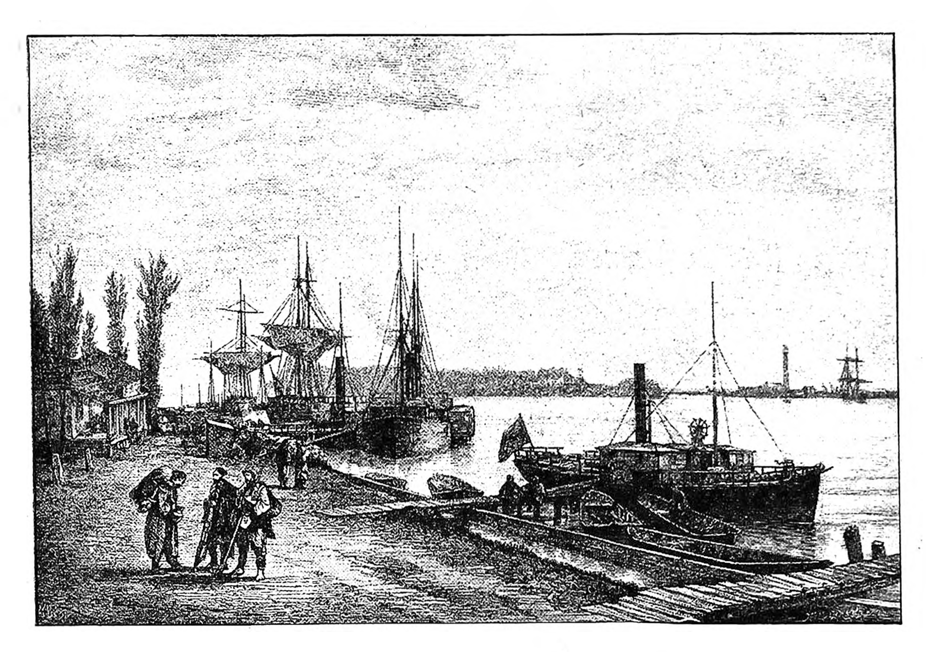
c) Закавказье.

Путешественникъ, вступивъ въ Черноморское побережье Кавказа, орошенное Ріономъ, Ингуромъ и другими рѣками, удивляется теплотѣ и мягкости его воздуха и естественнымъ богатствомъ растительности; въ этомъ отношеніи этотъ мірокъ, ограниченный съ одной стороны моремъ, съ другой—амфитеатромъ высокихъ горъ хребтовъ Кавказскаго и Сурамскаго,—напоминаетъ собою Цейлонъ.

Котловина, извѣстная подъ именемъ Вольной Сванетіи, поднята до высоты 7,000 ф.; со всѣхъ сторонъ обступили ее высокія, угрюмыя горы съ вѣчно-живописными хребтами. Изъ глетчеровъ этихъ горъ родится рѣка Ингуръ, несущаяся къ морю черезъ узкое, извилистое ущелье, стиснутое гранитными скалами; изъ подобной же котловины, такъ характерной для кавказскаго рельефа, вырывается и Ріонъ, и только близъ города Кутаиса освобождается онъ отъ постоянной опеки горъ. По нижнему теченію этихъ двухъ рѣкъ лежитъ плоская низменность, бывшая нѣкогда дномъ морского залива; безчисленныя рѣки уносили съ окрестныхъ горъ песокъ, глину, частицы слюды и засорили ими весь заливъ. Процессъ этотъ продолжается и теперь.

Влажный юго-западный вѣтеръ, проходя надъ поверхностью Чернаго моря, оставляетъ на гребняхъ горъ, окаймляющихъ западное Закавказье, всю свою влагу. Поэтому этотъ уголокъ превращается въ очень жаркую страну, въ естественную теплицу, обильную дождями и накаляемую горячимъ солнцемъ Закавказья. Въ Кутаисѣ, напримѣръ, выпадаетъ дождя въ 5 разъ больше, чѣмъ въ Москвѣ. (Атмосферныхъ осадковъ въ Кутаисѣ 2,400 миллим. въ годъ, въ Москвѣ—550 миллим.).

Съ необыкновенной силой, быстротой и производительностью почва родитъ растенія. Плоскіе берега Ріона и Ингура поросли густыми и тѣнистыми лѣсами, которыхъ солнце не можетъ освѣтить. Въ этихъ лѣсахъ царствуетъ необычайная сырость, духота, жара и лихорадка. Почва такого лѣса — вѣчное стоячее болото, въ которое туземцы бросаютъ сѣмена риса. По холмамъ Черноморскаго побережья Кавказа, на протяженіи нѣсколькихъ сотенъ верстъ, отъ Новороссійска до Батума, почва покрыта роскошнымъ, громаднымъ садомъ. Въ самый знойный день здѣсь подъ шатрами высокихъ ясеней, каштановъ, орѣшниковъ, грабовъ царствуетъ прохлада. Гремучія воды безчисленныхъ рѣчекъ, чистыя и прозрачныя, бѣгутъ здѣсь по разноцвѣтнымъ камнямъ, усыпающимъ ихъ русло, цвѣты и деревья склоняются надъ ними, а склоны горъ сплошь залиты густою, свѣжею зеленью, сквозь которую лишь кое-гдѣ проглядываетъ угрюмая нагота какой-нибудь скалы, ласково прикрытая плющемъ или виноградомъ. Бигноніи и павлоніи достигаютъ въ одно лѣто огромныхъ размѣровъ. Лимонныя и апельсиновыя деревья приносятъ 200 плодовъ съ одного дерева. Здѣсь превосходно цвѣтутъ магноліи (Magnolia grandiflora)



Городъ Поти и устье Ріона.

съ ихъ большими бѣлыми и душистыми цвѣтами. Виноградъ зрѣетъ въ изобиліи, переплетая своими вѣтвями деревья; съ каждой его лозы собираютъ сотни ведеръ вина. Чай родится здѣсь не хуже китайскаго. Кромѣ того, тутъ растутъ лавры, персики, различные плющи, самшитъ или пальмовое дерево (Buxus sempervirens), кипарисы и туйи. Здѣсь во множествѣ цвѣтутъ рододендры, азалеи, розы и дикій жасминъ, очаровывая путешественника своимъ дивнымъ видомъ. Весною весь лѣсъ благоухаетъ цвѣтами; ароматъ ихъ такъ силенъ, что слышенъ на морѣ за версту отъ берега. Ландшафтъ Колхиды—этого благословеннаго уголка земли—носитъ поразительно яркій характеръ, дивно гармонирующій съ мягкими, нѣжными очертаніями окрестныхъ горъ. Съ наступленіемъ вечера тихій сумракъ окутываетъ землю, громче становится вѣчный рокотъ потоковъ, тысячи свѣтляковъ искрами разсыпятся между деревьями,—и повѣетъ прохладой съ горъ; лунные лучи таинственно освѣщаютъ окрестность, придавая какой-то сказочный, дивный характеръ этому чудному, необычайному зрѣлищу.

Эту страну населяютъ грузины, извѣстные подъ именемъ мингрельцевъ, имеретинъ и гурійцевъ. Они стройные, рослые, нерѣдко граціозные, но чрезвычайно бѣдны и апатичны. Борьба ихъ съ окружающей природой носитъ дѣтскій, примитивный характеръ. Здѣсь человѣкъ живетъ въ грязныхъ, темныхъ конурахъ, разбросанныхъ по одиночкѣ, далеко другъ отъ друга. У туземцевъ нѣтъ достаточнаго импульса, который побудилъ бы ихъ къ разумному и полезному труду. Земледѣліе ведется самымъ курьезнымъ образомъ. Приблизительно въ октябрѣ мѣсяцѣ очищаютъ небольшой клочокъ земли отъ сорныхъ травъ, кустарниковъ и древесныхъ пней и все это тутъ же сжигаютъ. Потомъ, не вспахавъ даже земли, бросаютъ сѣмена, а потомъ съ помощью сохи проводятъ нѣсколько бороздъ въ вершокъ глубиной. Въ маѣ пшеница даетъ урожай самъ-тридцать. Но и эту пшеницу, требующую столь малыхъ трудовъ, туземецъ сѣетъ неохотно, потому что

вполнѣ довольствуется родящимся въ изобиліи «гоми», плоды котораго похожи на просо. Садоводство состоитъ въ томъ, что жители собираютъ тѣ роскошные фрукты, которые даромъ разсыпаетъ здѣсь природа, да и то не всѣ, а только нижніе, болѣе доступные. Винодѣліе, пчеловодство также носятъ первобытный, примитивный характеръ.

Причина бѣдности, апатіи къ своему матеріальному положенію заключается главнымъ образомъ въ крѣпостномъ правѣ, гнетъ котораго находился надъ Грузіей до того времени, пока русское правительство не сочло необходимымъ вмѣшаться и положить конецъ этимъ гнуснымъ порядкамъ. Ни въ какой другой странѣ помѣщики не истощали такъ жестоко, такъ необузданно жителей, какъ въ Грузіи. Само дворянство было бѣдно, нуждалось въ средствахъ; по невѣжеству своему оно придерживалось хищнической системы хозяйства, раззоряя крестьянъ и подрывая ихъ производительную энергію. Неудивительно, что народъ, измученный непосильными поборами, беззаконіями, беззащитностью, впалъ въ полнѣйшую апатію, которая надолго положила свою печать. Все, что зарабатывалъ народъ, у него отнимали. Для чего и для кого трудиться? Для чего копить, откладывать? Достаточно, если удовлетворены самыя насущныя потребности. Естественно также, что онъ старался селиться гдѣ-нибудь въ лѣсной глуши, подальше отъ взоровъ господина. Когда же терпѣть не хватало силъ, люди бѣжали въ неприступныя дебри Кавказа, въ горные цирки. Во время Кавказской войны русскія войска съ удивленіемъ встрѣчали въ подобныхъ циркахъ небольшія, почти совсѣмъ одичавшія племена, которыхъ по языку и нѣкоторымъ вѣрованіямъ можно было отнести къ грузинамъ. Таковы, напримѣръ, сванеты въ котловинѣ верхняго Ингура и хевсуры у истоковъ Алазани и Уоры.

Трудно жить имъ посреди голыхъ скалъ, вблизи вѣчныхъ снѣговъ, спускающихся къ самымъ ихъ селеніямъ, трудно бороться съ холодомъ съ голодомъ, съ нуждою во всѣхъ ея видахъ, съ болѣзнями—такъ трудно, что зачастую они убивали новорожденныхъ дѣтей, чтобы избавить ихъ тяжести жизни. Жизнь для нихъ не благо, а мученіе. „Мы народъ дикій, насъ некому было учить"!—говорятъ жители, сознавая свое умственное ничтожество.

Долина рѣки Куры съ сѣвера ограничена крутыми склонами главнаго хребта, а съ юга Гокчайскимъ нагоріемъ. Входъ въ эту долину составляетъ Боржомское ущелье, вблизи котораго есть два цѣлебныхъ минеральныхъ источника. Далѣе слѣдуетъ окаймленная съ востока горами Горійская долина. Эта мѣстность представляетъ собой котловину, когда-то бывшую дномъ озера; много шумныхъ рѣкъ несется съ окрестныхъ горъ, изъ которыхъ мы упомянемъ Арагву, столь памятную намъ, русскимъ, со словъ великаго поэта. Горійская котловина представляетъ прелестнѣйшій уголокъ Закавказья.

Прошедши мимо города Тифлиса, Кура направляется въ пустынную, мертвую, неорошаемую страну скорпіоновъ и фалангъ. Только весною почва покрывается травой, служащей пищей стадамъ мѣстныхъ татаръ. Здѣсь часто встрѣчаются: стада антилопъ, турачъ—оригинальная степная птица, куропатки, перепелки; ночью слышится вой полосатой гіены, карагана (Canis caragan) и волка.

Многіе изъ притоковъ Куры не достигаютъ ея и изсякаютъ, но есть у нея и полноводныя, могучія рѣки. Таковы южные притоки: Храмъ, Акстафа и др.; съ сѣвера же впадаютъ въ Куру, текущія параллельно между собой, Алазань и Уора. Окруженная со всѣхъ сторонъ горами, которыя только въ одномъ мѣстѣ оставляютъ выходъ для Алазани, съ почвой тучной и плодоносной, богато орошенная милліонами ручьевъ, эта котловина, извѣстная подъ именемъ Кахетіи, есть сплошной виноградный садъ, одна изъ богатѣйшихъ странъ Кавказа. Вино-

градъ здѣсь родится въ такомъ изобиліи, что около 20,000 семействъ живутъ доходами исключительно отъ винодѣлія.

Долина нижней Куры преимущественно занята кочевыми и осѣдлыми татарами да еще ссыльными русскими сектантами, какъ-то: молоканами, духоборами и пр.

Русскіе сектанты, поселенные здѣсь въ 1838 году, въ 1840, и въ послѣдующихъ, на южной сторонѣ Кавказскаго хребта, — большею частью молокане и духоборы, пришедшіе сюда съ рѣки Молочной (въ Таврической губерніи). И тѣ, и другіе, благодаря господствующему у нихъ согласію, пользуются гораздо большими удобствами жизни, нежели ихъ сосѣди, татары и грузины; но вмѣстѣ съ тѣмъ это же благосостояніе и нравственная изолированность заставляютъ ихъ держаться разъ установившейся рутины; во многихъ отношеніяхъ они уступаютъ другимъ славянскимъ колоніямъ. Духоборы, лишенные почти вовсе образованія, знаютъ лишь на память нѣсколько религіозныхъ пѣсенъ и уважаются всѣми за чистоту и неиспорченность нравовъ. Молокане болѣе образованы, болѣе утонченны, охотно занимаются торговлею, извозомъ и менѣе любимы. Тутъ крѣпко сохранился русскій духъ, спасающій сектантовъ отъ смѣшенія и исчезновенія въ массѣ чужихъ народностей, окружившихъ со всѣхъ сторонъ эту маленькую русскую семью.

Теченіе Куры отъ Боржома до Алазани—вмѣстѣ съ Кахетіей и Колхидой вся издавна была занята большимъ картвельскимъ племенемъ, извѣстнымъ подъ именемъ грузинъ. Происхожденіе этого народа теряется въ сѣдой древности; языкъ его представляетъ остатокъ какого-то неизвѣстнаго нарѣчія. Прежде они владѣли территоріей болѣе обширной и въ различныя эпохи подвергались нашествіямъ персовъ и мидянъ, армянъ, монголовъ, турокъ и наконецъ, славянъ. Изъ всѣхъ народовъ Кавказа грузины сгруппировались наиболѣе тѣсно и дружественно.

Какъ политическое государство, Грузія имѣла свой періодъ процвѣтанія и военнаго блеска и славы. Особенно въ XII вѣкѣ въ царствованіе Давида «Возстановителя» и Тамары, картавелы пріобрѣли господство надъ всѣми прочими народами Кавказа; имя Тамары осталось популярнымъ отъ Чернаго моря до Каспійскаго и связано съ безчисленными легендами и народными пѣснями. Но этотъ „золотой“ вѣкъ длился не долго. Чингисъ-ханъ и Тамерланъ опустошали Грузію, грабили и безъ пощады вырѣзывали жителей. Надиръ-шахъ и Ага-магометъ не уступали монголамъ и, вдобавокъ, въ самой Грузіи начались кровавыя распри и междоусобія. Наконецъ какъ мы уже знаемъ, страна отдалась Россіи.

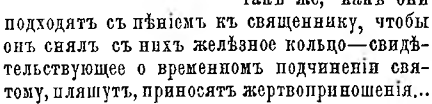
Грузины, живущіе по бассейну Куры, такъ же, какъ ихъ западные сосѣди, имеретины, мингрелы и лазы, вполнѣ заслуженно славятся своей красотой; у нихъ роскошные волосы, большіе глаза, бѣлые зубы и нѣжный, чистый цвѣтъ лица, стройная, гибкая талія, маленькія, но сильныя, мускулистыя руки. Ихъ женщины почти всегда раскрашены, вялы, непривлекательны, взглядъ ихъ и улыбка не озарены мыслью. У большей части грузинъ цвѣтъ лица красный, почти багровый, происходящій, безъ сомнѣнія, отъ неумѣреннаго употребленія вина, которое они пьютъ при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ. Несмотря на обиліе земли и ея плодородіе народъ Грузіи не вышелъ еще изъ состоянія бѣдности и апатіи. Въ этомъ легко убѣждаешься при одномъ взглядѣ на грузинскую деревню. Въ деревнѣ сакли разбросаны безпорядочно по долинамъ, по скатамъ холмовъ раскинулись ихъ деревни, состоящія изъ безпорядочно разбросанныхъ саклей. А сакли все тѣ же, что и у горцевъ Кавказа: плоская крыша, земля вмѣсто пола, очагъ посрединѣ, копоть, дымъ, грязь. Иногда жильемъ служитъ просто нора, вырытая въ горномъ откосѣ. Грузинъ, впрочемъ, мало живетъ въ саклѣ: цѣлый день онъ проводитъ внѣ дома, въ сосѣдней лавкѣ (духанѣ), на базарѣ, вообще въ народѣ. Его живая, общительная натура жаждетъ новостей, веселой компаніи, пирушки на вольномъ воздухѣ. Дома онъ довольствуется сухимъ хлѣбомъ, зеленью и сыромъ, но въ компаніи

готовъ истратить въ одинъ разъ все то, что сбережено за недѣлю. Главное, чтобы было побольше шума, пѣсенъ, звуковъ зурны и вина. „Здѣсь отъ молока матери прямо переходятъ къ вину“ *). Высшимъ наслажденіемъ для грузина считается дремать въ своей саклѣ, лежа на подушкахъ подъ говоръ домашнихъ и убаюкивающее завываніе вѣтра.

Большинство грузинъ неряшливы и безпечны, но за то они веселы, общительны, прямодушны; въ общемъ они считаются менѣе развитыми, нежели другіе народы Кавказа. Воровство почти вовсе неизвѣстно у нихъ, но они часто позволяютъ себѣ незаконную и обманную торговлю. Языкъ у нихъ непріятный, гортанный, неподходящій къ мелодіямъ, но грузинъ по цѣлымъ днямъ способенъ пѣть подъ звуки дайры (бубенъ) или трехструнной балалайки. Всякая работа у нихъ непремѣнно сопровождается пѣніемъ.

Танцующая женщина племени Мингрельцевъ.

Но веселый, безпечный нравъ грузинъ ничуть не мѣшаетъ имъ быть религіозными. Всѣмъ знакома исторія святой Нины, пришедшей изъ Іерусалима проповѣдывать въ Грузіи христіанство. Въ этой странѣ находится безчисленное множество церквей. Въ Сіонскомъ соборѣ (въ Тифлисѣ) свято хранится крестъ изъ виноградныхъ лозъ, впервые занесенный въ Грузію св. Ниной. Безцѣнныя фрески и мозаики сѣдой старины, богато убранныя иконы и рукописныя евангелія первыхъ временъ христіанства—составляютъ настоящія сокровища этихъ старыхъ церквей. Гдѣ-нибудь на живописной скалѣ стоитъ полуразвалившаяся, обвитая зеленью старая, престарая часовня—нѣмая свидѣтельница глубокой, сѣдой старины. Хотя разъ въ годъ къ такой часовнѣ собираются богомольцы; оживаютъ заросшія густой травой тропинки, разбиваются палатки, слышны крики и пѣсни и веселый говоръ. Появляются удалые джигиты, женщины, укрытыя цвѣтными завѣсами, ѣдущія на скрипучей арбѣ. Оживаетъ и старая церковь; зажигаются восковыя свѣчи, и на большомъ, дикомъ, обросшемъ мохомъ камнѣ служится служба... А сейчасъ послѣ службы—пиръ и веселыя пляски, и вино, и удалая джигитовка. Случается нерѣдко, что армяне и татары мусульмане, пришедшіе на праздникъ съ торговыми намѣреніями, заражаются религіознымъ пыломъ грузинъ и такъ же, какъ они



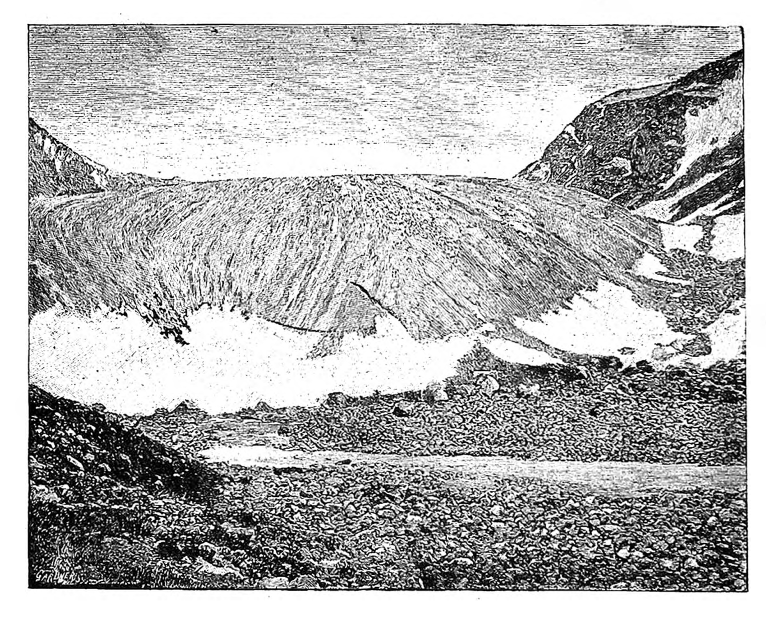
подходятъ съ пѣніемъ къ священнику, чтобы онъ снялъ съ нихъ желѣзное кольцо—свидѣтельствующее о временномъ подчиненіи святому, пляшутъ, приносятъ жертвоприношенія...

Между Курою и Араксомъ поднимается каменистое плато; въ центрѣ его, на высотѣ 6,400 футовъ, лежитъ громадное прѣсноводное озеро Гокчай. Живописныя ущелья соединяютъ сѣверный край этого плато съ долиной рѣки Куры. на берегахъ ручьевъ, гремящихъ по камнямъ, растутъ исполинскіе платаны и орѣхи, а выше—липа, ясень, кленъ и букъ. Если поднимешься на самое плато, то уви-

*) С. Мечъ. „Кавказъ“.

дишь совершенно безжизненную, мертвую страну. Лѣсовъ нѣтъ нигдѣ; одни только обнаженные хребты горъ громоздятся другъ надъ другомъ; нерѣдко попадаются неизмѣримые луга, пригодные для пастьбы огромныхъ стадъ кочевниковъ. Но горы нигдѣ не достигаютъ снѣжной линіи, хотя высшая вершина Гокчайскаго нагорія, Алагезъ, поднимающаяся изолированнымъ конусомъ нѣкогда вулканическаго характера, имѣетъ 13,400 футовъ высоты.

Гокчай обязано своимъ названіемъ прекрасному лазоревому цвѣту воды; у армянъ оно извѣстно подъ именемъ Севанга; оно въ два съ половиной раза больше Женевскаго озера. Треугольной формы, нѣсколько суженное у середины, оно со всѣхъ сторонъ вполнѣ окружено горами, которыя вблизи берега какъ нѣмые величавые стражи, поднимаются прямо изъ воды; южное и восточное побережья довольно отлоги и орошаются небольшими рѣками. Деревни пріютились въ хорошо защищенныхъ уголкахъ у подножія высокихъ уступовъ скалъ; кое-гдѣ видны жалкія, убогія лачужки, наполовину ушедшія въ



Глетчеръ на рѣкѣ Курѣ.

землю. Въ различныхъ мѣстахъ на плоскогорьи раскинуты многочисленныя могильныя насыпи, называемыя гробницами огу или великановъ; онѣ расположены или отдѣльно или рядами на краю террасы и похожи на тѣ, которыя встрѣчаются на Алагезѣ и почти на самой вершинѣ Малаго Арарата *). Почти всѣ поля, раскинутыя на плоской возвышенности, давно уже стоятъ подъ паромъ и страна снова сдѣлалась пустынной.

В продолженіи восьми мѣсяцевъ плоскогоріе покрыто снѣгомъ, а зимою нерѣдко жутся сѣрыми, а затѣмъ мало-по-малу переходятъ въ синеватый фонъ, черезъ который тамъ и сямъ пробиваются бѣлыя полосы снѣга. Общій видъ пейзажа величественный торжественный, но вмѣстѣ съ тѣмъ и печальный. Склоны горъ, состоящіе изъ порфира и лавы, почти совершенно обнажены, далеко на берегу не видно ни куста, ни деревца. Жалобный крикъ чаекъ, гоняющихся за добычей да однообразный прибой волнъ— одни нарушаютъ тишину этого уединенія. На сѣверномъ берегу каменные высокіе утесы,

*) Bergé. Russische Revue. 1874. № 11.

озеро покрывается льдомъ сначала у береговъ, а затѣмъ мало-по-малу и на самой серединѣ. Здѣсь живетъ нѣсколько татарскихъ, армянскихъ и русскихъ (ссыльныхъ раскольничьихъ) семействъ. Русскіе занимаются полевымъ хозяйствомъ и перенесли въ этотъ дальній край обычаи и нравы центральныхъ нашихъ губерній; татары, какъ и армяне, занимаются пастушествомъ, и съ наступленіемъ весны переселяются вмѣстѣ со своими стадами въ окрестныя горы на свои излюбленныя кочевья. Тамъ они устраиваютъ себѣ временныя хижины изъ камня или войлока и живутъ въ нихъ, какъ свободные полудикіе кочевники. Съ наступленіемъ зимы пастухи являются въ свои покинутыя деревни, въ эти жалкія норы... Въ 20-ти градусные морозы топливомъ служитъ лишь кизякъ—смѣсь соломы и навоза, высушенная и разрѣзанная на куски... Жалкая, незавидная жизнь!

Въ сѣверо-западномъ углу Гокчая находится монастырь Севанъ, извѣстный у армянъ еще въ IX вѣкѣ; онъ занимаетъ крохотный островокъ изъ лавы, т. е., собственно вершину конуса, поднятаго со дна озера. Трудно вообразить и выдумать болѣе печальное мѣсто для ссылки, болѣе мучительной, невозможной скуки, какая царитъ на этомъ мертвомъ озерѣ, лишенномъ всякой растительности. Монахи тамъ обречены на молчаніе; только 4 дня въ году они могутъ сообщаться другъ съ другомъ.

Рѣка Араксъ преимущественно армянская. Она съ юга огибаетъ плато Гокчая, несправедливо называемая „Малымъ Кавказомъ", и начинается въ турецкихъ владѣніяхъ, на югъ отъ Эрзерума. Она получаетъ первыя свои воды, первое питаніе съ вулкана Бингелъ-дага, или „Горы тысячи ручьевъ", южный склонъ котораго питаетъ также нѣсколько притоковъ Евфрата и самый Евфратъ. Араксъ былъ отчасти извѣстенъ подъ именемъ „рѣки тысячи озеръ" *). Въ видѣ небольшой рѣченки онъ проникаетъ въ русское Закавказье и затѣмъ увеличивается вдвое, принявъ въ себя Арпачай и Ахуреанъ. Сперва Араксъ течетъ по широкой эриванской долинѣ, потомъ, миновавъ Нахичевань—одинъ изъ древнѣйшихъ доисторическихъ городовъ, — все болѣе и болѣе стѣсняется подступившими къ нему горами. И наконецъ горы образуютъ страшную, мрачную трещину, на днѣ которой не течетъ, а бѣшено несется съ невообразимымъ шумомъ Араксъ. Между черными, угрюмыми скалами рѣка стремится къ низменности Куры, въ которую затѣмъ и впадаетъ.

Хотя климатъ Эривани еще болѣе невыносимъ, чѣмъ климатъ Тифлисскій но Эриванская котловина есть самое населенное и плодородное мѣсто долины Аракса. Находясь на высотѣ 3,000 футовъ надъ уровнемъ моря, отовсюду окруженная горами, эта котловина подвергается самымъ рѣзкимъ колебаніямъ температуры. Зимою термометръ падаетъ до —30°, даже ниже, а средняя температура января мѣсяца равна—15°; лѣтнія жары нерѣдки свыше 40°; достигая иногда даже 45°, они заставляютъ европейцевъ искать въ это время убѣжища въ тѣни, въ горахъ. Лѣтній зной превращаетъ эту котловину въ подобіе раскаленной печи, гдѣ каждый камень пышетъ невозможнымъ жаромъ, гдѣ всякая растительность погибаетъ безъ частой искусственной поливки. Глинистая почва лежитъ сѣрая и горячая, безъ капли влаги, напоминая собою настоящую пустыню. Въ сумерки изъ круглыхъ земляныхъ норъ, оплетенныхъ сверху паутиной, выходитъ на охоту тарантулъ; скорпіоны шмыгаютъ по развалинамъ, а большія, проворныя ящерицы милліонами бѣгаютъ между камнями, пугая нервнаго человѣка. Изнурительныя лихорадки и другія болѣзни очень обыкновенны въ Эривани. «Въ Тифлисѣ, говоритъ армянинъ, не отличить молодого отъ старика, въ Эривани—живые не лучше мертвыхъ». Къ счастью, въ знойную пору по вечерамъ дуетъ сѣверо-сѣверо-западный вѣтеръ, нѣчто въ родѣ мистраля. Въ окрест-

*) C. Koch. Wanderungen im Oriente.

ностяхъ Эривани всѣ тополи, стоящіе у дорогъ и въ садахъ, наклонены на юго-юго-востокъ—результатъ вліянія этого вѣтра *).

Во многихъ мѣстахъ, въ особенности вблизи городовъ, надъ нивами широко раскидываетъ свои вѣтви нальбандъ, видъ вяза (Ulmus campestris suberosa). Это — одно изъ красивѣйшихъ декоративныхъ деревьевъ, какія гдѣ-либо существуютъ; но встрѣчается это дерево только въ русской Арменіи. Абрикосовыя деревья растутъ здѣсь во всѣхъ садахъ. Крестьяне воздѣлываютъ рисъ, кунжутъ и клещевинное деревцо; разводятъ также виноградъ, дающій вино темнаго цвѣта и очень богатое алкоголемъ. Но эти виноградники требуютъ за собой хорошаго ухода, безъ котораго гибнутъ.

Безъ оросительныхъ каналовъ здѣсь все гибнетъ; почва высыхаетъ, трескается и становится похожей на закаленный кирпичъ. Тамъ же, гдѣ есть вода, все цвѣтетъ и зеленѣетъ. Отъ временъ глубокой древности осталась здѣсь цѣлая система оросительныхъ каналовъ, иногда скрытыхъ подъ землей для уменьшенія испаренія. Полагаютъ, что сотни тысячъ эмигрантовъ могли-бы поселиться на этой землѣ, если-бы мѣстность оживить водой. Интересенъ видъ на Эриванскую котловину сверху: она кажется сѣрой, пыльной пустыней, по которой тамъ и сямъ разбросаны черныя пятна—оазисы, обязанные своимъ существованіемъ какому-нибудь источнику влаги. Но пить эту воду нельзя:—она еще опаснѣе убійственнаго климата.

Уединенно, къ югу отъ Эриванской котловины, почти напротивъ Алагеза—возвышается Араратъ, какъ-бы окруженный невидимымъ роемъ древнихъ библейскихъ сказаній, пережившихъ вѣка. Все вокругъ него свято и полно тихой прелести воспоминаній. Земледѣлецъ съ глубокой, трогательной увѣренностью разсказываетъ путешественникамъ, какъ праотецъ Ной «съ своими сыновьями и своей женой и съ женами сыновей своихъ» принесъ благодарственную жертву, какъ онъ молился, и укажетъ мѣсто, гдѣ яко-бы цѣлъ и невредимъ лежитъ подъ глубокимъ снѣгомъ его ковчегъ и ни одинъ смертный никогда не увидитъ его и не вступитъ на вершину Арарата.

Профессоръ Юрьевскаго университета Парротъ первый вошелъ на вершину этой горы; это случилось 27 сентября 1729 г., и стоило ему не малыхъ усилій. Послѣ него восходили на Араратъ Абихъ въ 1845 г. и I. Ходько въ 1850 г. Послѣдній пробылъ на вершинѣ Арарата 6 дней, занимаясь тригонометрической съемкой мѣстности. Съ своего пункта онъ видѣлъ Эльборусъ, отстоящій на 350 верстъ къ сѣверо-западу. Съ неимовѣрнымъ трудомъ донской казакъ внесъ на вершину большой деревянный крестъ, который и былъ тамъ водруженъ. Въ 1882 году при поднятіи на Араратъ едва не погибъ г. Мордовцевъ. Послѣ него восходили на библейскую гору многіе, въ томъ числѣ: гг. Ковалевскій, Е. Марковъ, Ивановскій.

Армяне, живущіе у подошвы Арарата, называютъ эту гору именемъ Масисъ; турки зовутъ ее арабскимъ именемъ Агридагъ, т. е. „крутая гора". Это имя употребительно также у курдовъ и у персовъ. Этотъ исполинскій горный массивъ поднимается на границѣ трехъ большихъ государствъ. Видъ на него съ разныхъ точекъ зрѣнія неодинаковъ. Изъ Нахичевани Араратъ кажется одной конической массой; изъ Баязета-же и изъ Эривани ясно видно, что онъ состоитъ изъ двухъ отдѣльныхъ горъ. Большой Араратъ есть западная изъ вершинъ, Малый Араратъ—восточная. Подошвы ихъ слились вмѣстѣ, а вершины отстоятъ одна отъ другой на разстояніи въ десять съ половиной верстъ. Склоны Большого Арарата имѣютъ

*) G. Radde. Vier Vorträge über den Kaukasus.

Городъ Тифлисъ.

около тридцати верстъ длины отъ подошвы его до вершины и покрыты слоемъ вѣчнаго снѣга въ четыре версты шириною *). Нижній край этого снѣгового покрывала родитъ широкій глетчеръ; онъ сползаетъ въ одно изъ ущелій на сѣверной сторонѣ, расколовшись безчисленными трещинами, до высоты 11,000 футовъ, гдѣ широкимъ, грязнымъ основаніемъ упирается въ выступъ горы. Ниже снѣговой линіи только альпійскія травы покрываютъ вулканическій конусъ. Тѣни и влаги мало на склонахъ Арарата: они сухи и спалены солнцемъ. Изрѣдка забредетъ волкъ или гіена; птицы и тѣ избѣгаютъ этихъ темныхъ скалъ и этой увядшей, чахлой растительности. Снѣжная область горы выдѣляетъ не мало влаги, но вѣроятно, она исчезаетъ въ трещинахъ Арарата, изъ которыхъ она вся состоитъ. Тамъ она собирается, вѣроятно, въ большіе или меньшіе водоёмы и течетъ въ видѣ подземныхъ рѣчекъ. Въ этомъ отношеніи Араратъ почти единственная гора въ мірѣ.

Эта скрытая внутри горы вода нагрѣвается еще не угасшимъ вулканическимъ огнемъ, и это, вѣроятно, и служитъ причиной сильныхъ землетрясеній, наводящихъ страхъ и ужасъ на окрестныхъ жителей.

Одно изъ памятныхъ землетрясеній было въ 1840 году. Послѣ сильныхъ колебаній почвы на сѣверной сторонѣ горы въ нѣсколькихъ верстахъ отъ деревни Аргури образовалась огромная трещина, откуда съ глухимъ ревомъ повалилъ паръ, выкидывающій камни и грязь; потомъ появился потокъ горячей грязи, затопившій всю окрестность. Когда изверженіе кончилось, оказалось, что деревня Аргури и бывшій около нея монастырь св. Якова исчезли съ лица земли. При этомъ погибло около двухъ тысячъ человѣкъ. Въ Эривани, Нахичевани и Баязетѣ также были тысячи жертвъ...

При взглядѣ на чудный ландшафтъ Арменіи, на вѣчно-голубое небо, на прелестныя очертанія горъ путешественникъ забываетъ опасное сосѣдство Арарата. Благодаря непроницаемой тѣни деревьевъ и частой поливкѣ, трава зелена и свѣжа; воздухъ чистъ и отраденъ; полной грудью вдыхаетъ его путешественникъ послѣ мучительно-тяжелаго пути въ пыли, подъ жгучимъ солнцемъ. Въ безоблачномъ, ясномъ небѣ строго и рельефно рисуется снѣжный конусъ Арарата. Періодическій вечерній вѣтерокъ вѣетъ съ Арарата, распространяя прохладу и отрадную свѣжесть. Солнцо спускается ниже, умѣряя яркій блескъ своихъ лучей. Яркій пурпуръ разлился по равнинѣ и освѣтилъ ее всю ве-

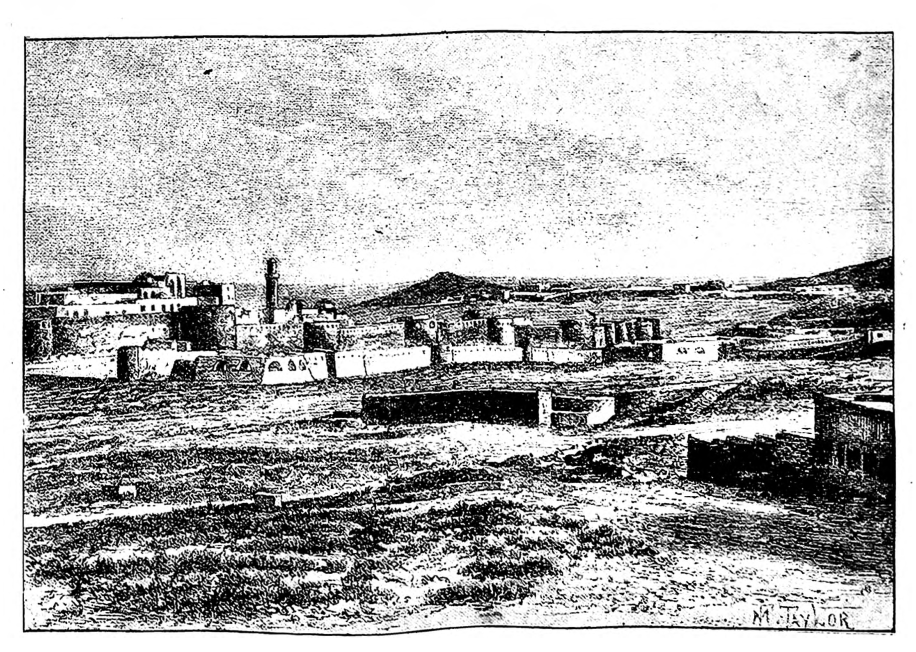
*) Parrot. „Reise zum Ararat“.

селящимъ, бодрымъ свѣтомъ жизни. Но вотъ солнце исчезло, сумракъ легъ на равнину, и среди этихъ сумерекъ одинъ Араратъ, освѣщенный яркимъ отблескомъ заката, вырисовывается въ небѣ. Свѣта все меньше и меньше. Вотъ одна только вершина горы словно короной увѣнчана. Небесный сводъ темнѣетъ — наступаетъ южная, темная ночь съ безпрестаннымъ чирпканьемъ сверчковъ, съ крикомъ совы и воемъ шакала...

Подобно Палестинѣ, каждый камень которой говоритъ о священномъ минувшемъ, Арменія столь же богата изящнѣйшими памятниками прошлаго, столь же лишена естественныхъ границъ, столь же одинока среди могучихъ сосѣдей. Она покинута своимъ кореннымъ населеніемъ, которое разбрелось по лицу земли,— и только небольшіе остатки племени населяютъ долину Аракса.

Слѣдуя политическимъ превратностямъ и выселеніямъ, собственно Арменія, или Гайясданъ, т. е. земля, населенная гайками, измѣняла свои границы съ каждымъ столѣтіемъ; въ настоящее время она занимаетъ почти всю долину Аракса, значительную часть бассейна Куры по обѣ ея стороны, затѣмъ весь верхній бассейнъ Евфрата и нѣсколько кусковъ персидской земли въ бассейнѣ озера Урмія. Во всѣхъ частяхъ свѣта, гдѣ только разсѣяны армяне, вездѣ они смотрятъ на гору Араратъ и на долину Аракса, какъ на свое истинное отечество; тамъ до сихъ поръ находится главное ядро ихъ расы съ наименьшей примѣсью чужого элемента.

Прошло много вѣковъ, какъ армяне, лишившись политическаго единства и національной независимости, разбрелись по всему Востоку; еще Геродотъ — отецъ исторіи — видѣлъ ихъ въ Вавилонѣ. Когда ихъ земля стала добычей побѣдителей, они предпочли „жить иностранцами на чужой землѣ, нежели быть рабами въ своемъ отечествѣ“. Они переселялись толпами; въ XI вѣкѣ ихъ видѣли пробирающимися въ Россію, Польшу, Буковину и въ Галицію. Теперь ихъ можно встрѣтить во всѣхъ большихъ торговыхъ городахъ отъ Лондона до Сингапура и Шанхая; — всюду они соединяются въ кружки значительныхъ негоціантовъ. По своей судьбѣ, по религіозной устойчивости, по духу солидарности они напоминаютъ другой такъ-же лишенный родины народъ, такъ-же скитающійся по свѣту и ищущій счастья, такъ-же



Видъ города Баку.

живущій воспоминаніями о своемъ прекрасномъ отечествѣ — евреевъ.

Очень вѣроятно, что семитическій элементъ игралъ большую роль въ складѣ жизни армянскаго народа, такъ какъ происходили многочисленныя переселенія евреевъ и переходъ ихъ массами изъ Палестины въ Арменію.

Въ заключеніе нашего очерка опишемъ вкратцѣ нѣсколько главныхъ городовъ Кавказа.

1) Тифлисъ—главный городъ на Кавказѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ самый большой (160 тысячъ населенія) не дальше какъ въ XV столѣтіи состоялъ изъ небольшой группы домовъ. Грузинское названіе Тифлиса — Тфилисъ или Тфилисъ-Калаки, что значитъ „Теплый городъ". Во время переписи 1874 года почти половина домовъ была крыта землею, что придавало имъ видъ лачугъ, и рядомъ съ большими каменными зданіями, построенными на европейскій образецъ — производило жалкое впечатлѣніе. На сѣверо-западъ отъ „стараго города" идутъ правильно выровненныя улицы съ высокими домами, церквами, дворцомъ; на широкомъ, хорошемъ бульварѣ послѣ заката солнца толпится публика; встрѣчаются магазины, по роскоши не уступающіе европейскимъ. Городъ все растетъ и, главнымъ образомъ, по направленію къ Мцхету, чтобы въ широкой равнинѣ искать побольше свѣта и воздуха. Пушкинъ, описывая Тифлисъ, говоритъ: „Городъ показался мнѣ многолюденъ. Азіатскія строенія и базаръ напомнили мнѣ Кишиневъ. По узкимъ и кривымъ улицамъ бѣжали ослы съ перекидными корзинами; арбы, запряженныя волами, перегораживали дорогу. Армяне, грузины, черкесы, персіяне тѣснились на неправильной площади". И, дѣйствительно, по разнообразію жителей Тифлисъ — истинная столица Кавказа. Самый большой процентъ населенія составляютъ армяне; въ то время, какъ ни русскіе, ни грузины не составляютъ и $^1/_5$ части, армяне—$^1/_3$ населенія. Центрами сосредоточія общественной жизни являются базаръ и Тифлисскія бани. Въ городѣ нѣтъ замѣчательныхъ памятниковъ, но за то имѣется богатый естественно-историческій музей. Во время лѣтней жары жители толпами отправляются за городъ, къ вилламъ и трактирамъ, расположеннымъ въ горахъ. На югъ отъ города видны расщелины и кратеры.

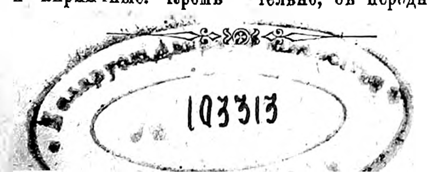
Близъ Тифлиса ежегодно добывается по нѣскольку десятковъ тысячъ пудовъ глауберовой соли и нефти. Заводско-фабричная промышленность Тифлиса, какъ и вообще всей Тифлисской губерніи, занимаетъ одно изъ первыхъ мѣстъ въ краѣ, хотя строго говоря, здѣсь больше всего развита ремесленная промышленность. Въ числѣ фабрикъ и заводовъ преобладаютъ свѣчные, пивоваренные, кожевенные, черепичные и кирпичные. Кромѣ того, здѣсь существуютъ чугуно-литейный и стеклянный заводы.

Эривань (29 тыс. ж.) — столица русской Арменіи и второй по населенію въ бассейнѣ Аракса; онъ населенъ, главнымъ образомъ, армянами. Построенная при входѣ въ горную долину, ведущую черезъ Гокчайское плоскогоріе въ Тифлисъ и бассейнъ Куры, Эривань должна была занимать важное стратегическое и торговое значеніе. Ея крѣпость, возвышающаяся на прочныхъ, массивныхъ базальтовыхъ колоннахъ, говоритъ о военной славѣ. Въ Эривани преобладаетъ персидскій стиль; есть нѣсколько живописныхъ зданій; особенно хороши огороды и фруктовые сады. Климатъ въ Эривани очень нездоровый.

Вообще Эриванская губернія богата шелководственными пунктами. Фабричная и заводская промышленность выражается въ кожевенныхъ, мыловаренныхъ, маслобойныхъ, винокуренныхъ и красильныхъ производствахъ; отчасти разрабатывается и каменная соль.

Баку (112 тыс. ж.)—губернскій городъ восточнаго Закавказья — имѣетъ совершенно азіатскій видъ. Его низенькіе дома съ плоскими крышами, высокіе минареты, дворецъ хановъ, окружающіе городъ желтоватые холмы и голубыя воды залива придаютъ ему типичный видъ восточнаго города. Единственнымъ и интереснымъ памятникомъ и украшеніемъ города—является „Башня молодой дѣвушки"— маякъ. Городъ грязенъ, пыленъ; курьезно то, что до 1878 года Баку—этотъ городъ нефти— не имѣлъ ни одного фонаря. Баку важенъ для торговли, какъ портъ на Каспійскомъ морѣ для всего Закавказья. Собственно промышленность самого города незначительна, а обработка нефти,—дающая многомилліонные доходы,—производится вблизи огненныхъ источниковъ, въ Балаханахъ и Маштаки.

2) Владикавказъ самый значительный городъ въ бассейнѣ Терека. У туземцевъ онъ называется „Капкай"—Горныя ворота. Онъ лежитъ у подошвы Черныхъ горъ у входа въ высокія ущелья черезъ которыя пробѣгаетъ Терекъ. Будучи очень важнымъ стратегическимъ пунктомъ, городъ все растетъ и въ отношеніи торговомъ. Владикавказъ является воротами, черезъ которыя Европейская Россія сообщается съ Закавказьемъ и слѣдовательно, съ передней Азіей. (44 тыс. ж.).



ЛЕДОВИТЫЙ ОКЕАНЪ
АТЛАНТИЧЕСКІЙ ОКЕАНЪ
ИСЛАНДІЯ
ВЕЛИКОБРИТАНІЯ
Сѣверное или Нѣмецкое Море
Норвежское Море
ЛАПЛАНДІЯ
НОРВЕГІЯ
ШВЕЦІЯ
РОССІЯ
ГЕРМАНІЯ
ФРАНЦІЯ
ИСПАНІЯ
ИТАЛІЯ
АВСТРІЯ
ТУРЦІЯ
Зал. Бискайскій
ЛОНДОНЪ
ПАРИЖЪ
АМСТЕРДАМЪ
БЕРЛИНЪ
ВАРШАВА
ВѢНА
МАДРИДЪ
ЛИССАБОНЪ
РИМЪ
ФЛОРЕНЦІЯ
С. ПЕТЕРБУРГЪ
СТОКГОЛЬМЪ
КОПЕНГАГЕНЪ
МОСКВА
КОНСТАНТИНОПОЛЬ
Черное Море
Каспійское Море
БОЛЬШЕЗЕМЕЛЬСКАЯ ТУНДРА
СРЕДИЗЕМНОЕ МОРЕ
АФРИКА
АЗІЯ
ЕВРОПА
Масштабъ
20,000,000.
0 125 250 500 вер.
Къ соч. Фр. Гельвальда „Земля и ея народы"
Картогр. зав. А. Ильина СПБ